

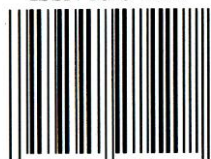
АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

2026

№ 3

- *Малько А.В.* Правовое регулирование инновационного развития российского АПК: препятствия и пути их преодоления
- *Землякова Г.Л.* Проблемы эффективности принципа приоритета сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения
- *Черкашина М.И., Черкашина А.Г.* «Государство всеобщего благосостояния»: сущность теории
- *Ковальчук Н.И.* Организационно-правовые формы фермерских хозяйств в аграрном праве
- *Чеснокова Ю.В.* Виртуальные объекты и цифровые активы как объекты права собственности
- *Ланг П.П.* Маркетинг и формирование клиентской базы в сфере частных расследований: правовые и этические ограничения
- *Корчагин А.А.* Мнения о задачах развития криминалистики на современном этапе
- Другие материалы

ISSN 1815-1329

9 771815 132774

АГРАРНОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО 2026. № 3 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	AGRARIAN AND LAND LAW 2026. № 3 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: <u>А.И. Бобылев</u> Издатель: Издательство «Право и государство пресс» Главный редактор: <i>Н.А. Духно – доктор юридических наук, профессор (Москва)</i> Ответственный редактор: <i>С.В. Зубкова (Москва)</i> Редакционный совет: <i>А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Ростов-на-Дону),</i> <i>Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Нальчик),</i> <i>С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>О.В. Болтинова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.А. Власов – к.ю.н., доцент (Красноярск),</i> <i>Г.А. Волков – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Н.А. Волкова – к.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Б.А. Воронин – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),</i> <i>К.А. Долгополов – д.с.н., доцент (Ставрополь)</i> <i>Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Д.Н. Ермаков – д.п.н., д.э.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),</i> <i>А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.И. Ивакин – к.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>П.А. Калиниченко – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск),</i> <i>А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),</i> <i>Г.А. Мисник – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Д.Х. Сайдумов – д.ю.н., доцент (Москва),</i> <i>Н.А. Соколова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>В.В. Устюкова – д.ю.н., профессор (Москва),</i> <i>Г.Г. Файзуллин – к.ю.н., доцент (Уфа)</i> <i>Е.А. Фролова – д.ю.н., профессор (Москва)</i> <i>О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)</i>	Constitutor: <u>A.I. Bobylev</u> Publisher: Publishing house «Law and state press» Chief editor: <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow)</i> The editor-in-chief: <i>S.V. Zubkova (Moscow)</i> Editorial council: <i>A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Rostov-na-Donu),</i> <i>E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Nalchik),</i> <i>S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>O.V. Boltinova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.A. Vlasov – Candidate of Law Associate Professor (Krasnoyarsk)</i> <i>G.A. Volkov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>N.A. Volkova – Candidate of Law, Professor (Moscow),</i> <i>B.A. Voronin – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),</i> <i>K.A. Dolgoplov – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Stavropol),</i> <i>N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>D.N. Ermakov – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow),</i> <i>N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>N.M. Zolotukhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.I. Ivakin – Candidate of Law Associate Professor (Moscow)</i> <i>P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk),</i> <i>A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),</i> <i>G.A. Misnik – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.A. Prokopovich – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>D.Kh. Saydumov – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i> <i>N.A. Sokolova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>V.V. Ustyukova – Doctor of Law, Professor (Moscow),</i> <i>G.G. Fayzullin – Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)</i> <i>E.A. Frolova – Doctor of Law, Professor (Moscow)</i> <i>O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i>
Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17837 от 22 марта 2004 г. Адрес редакции и издателя: 141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, д. 4, кв. 230 E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospres.ucoz.ru. Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20 Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI). Награждён Знаком отличия «Золотой фонд прессы – 2008» При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2026. Первое полугодие. Наш индекс 11194. За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Издательство «Право и государство пресс», 2026 (16+)	

СОДЕРЖАНИЕ 2026 № 3

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Казамиров А.И., Хазиева Р.Р.
Беженец как субъект общественных отношений.....8

Малько А.В.
Правовое регулирование инновационного развития российского АПК:
препятствия и пути их преодоления.....10

Сирохин А.И.
Категория «служилых сословий» в сословной структуре Российской империи..15

Канафин Н.А., Галузо В.Н.
О режиме «чрезвычайное положение»
в условиях пандемии в Российской Федерации.....18

Хакимов С.Х., Иванцова Г.А.
Историко-правовые аспекты формирования и деятельности службы
нижних чинов полиции в городах Российской империи
во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Уфимской губернии).22

Чимаров Н.С., Чимаров С.Ю.
Роль Д.А. Милютин в организации военно-судебной реформы 1867 г.:
историко-правовые аспекты.....26

Черкашина М.И., Черкашина А.Г.
«Государство всеобщего благосостояния»: сущность теории.....30

Шербакова Н.В.
Когнитивные аспекты трансформации правовой ментальности
на новых территориях Российской Федерации.....32

Дерюгин А.А., Назарова И.С.
Публичная власть и укрепление российской государственности
в условиях новых вызовов и угроз.....37

Крайнова Е.Р.
Ложная юридическая идентификация и юридические идентификаторы.....41

Дунаева А.Д.
Теоретико-познавательные модели правообразования в российской правовой
традиции: отражение, интересубъективность и идеологические деформации.....46

Ахъядов Э.С.-М.
Критика Г.Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев:
идея самоуправления против этатистской утопии.....48

Габдуллина А.Р.
Современные подходы к реализации задач правового обеспечения
отношений собственности: теоретико-правовой аспект.....51

Чернова Э.Р., Баранова Е.С.
Понятие, сущность и социальная ценность
юридической техники в правовом регулировании.....53

Николаева Е.А., Тарасова О.Е., Халимов Д.И.
Сущность юридической ответственности
в контексте естественно-правового подхода.....56

Карев Д.А.
К вопросу о природе и сущности общественных отношений,
регулируемых нормами церковного права.....59

Зяблова Т.Е.
Тюремный туризм за рубежом:
особенности пенитенциарных учреждений как объектов туристского показа....63

Крайнова Е.Р., Гаранина Е.Д.
Трансформация гражданского правосознания в виртуальной среде:
от правового нигилизма к защите цифровой собственности.....66

Ляпанов А.В., Чистяков М.С.
К вопросу об эволюции видов наказания в Российской империи в XIX веке....70

Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Абрамова С.Р.
Правовые аспекты юридической ответственности арбитражного управляющего...74

Чернова Э.Р., Ямщикова С.Л.
Эволюция взглядов на соотношение понятий
формы и источника права в юридической науке.....77

Кузьмин Р.Ю.
Система государственного управления недропользованием
в колониях Британской империи в начале XX в.....80

Гапонов А.А.
Цифровой суверенитет в коммуникационной сфере: теоретико-правовой аспект...87

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Кадыков А.В.
Особенности публично-правового регулирования отношений в сфере безопасного
обращения с пестицидами и агрохимикатами в современных условиях.....90

Шугаева И.В.
Приоритетные направления развития системы надзора (контроля)
в сфере противодействия отмыванию доходов,
полученных преступным путем в деятельности лизинговых компаний.....93

Назарова И.С.
Развитие нормативной детерминации понятия «коррупция»
в российском законодательстве.....101

Степанова А.А.
Основные принципы и нормы иудейского права.....105

Симаčkova Н.Н., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Стахеева Л.М., Петрова Л.Н.
Правовое регулирование охраны земель лесного фонда от пожаров.....107

Шатская И.И., Крестинов М.А.
Правовые аспекты «негативного списка» иностранных инвестиций Китая.....111

Попков Д.В.
Правовые основы реализации конституционных прав
и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.....115

Землякова Г.Л.
Проблемы эффективности принципа приоритета
сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения.....121

Самончик О.А.
Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями
публичных органов в случае изъятия недвижимого имущества:
некоторые проблемы теории и практики.....126

Буй Х.Н.
Модель правового регулирования земельных отношений:
опыт Российской Федерации и Вьетнама.....131

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д., Лисина Л.Г.
Грантовая поддержка сельхозтоваропроизводителей в Российской Федерации:
инструменты, эффективность и роль национальных проектов.....136

Несвета́йлов Д.А.
Правовое регулирование использования наборов данных
при обучении систем искусственного интеллекта в Российской Федерации.....139

Григонис В.П., Тальянин В.В.
Об организации публичной власти в Российской Федерации.....142

Куянова А.В.
Общественное доверие как критерий оценки эффективности
деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.....146

Крючкова В.А.
Характерные черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД.....148

Царькова Е.Г.
Государственно-правовое обеспечение
социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы.....152

Казак Б.Б., Волховский Р.А.
Теоретико-правовые основы деятельности специализированных государственных
органов в сфере ресоциализации осужденных к наказаниям,
не связанным с лишением свободы.....155

Григонис В.П., Тальянина И.А., Тальянин В.В.
Особенности и порядок применения мер административного принуждения
органами надзорной деятельности МЧС России.....159

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного контроля
в странах Латинской Америки (на примере Республики Чили и Республики Перу):
сравнительно-правовой анализ.....164

Юсупова И.В.
Правовое регулирование технологического присоединения к электрическим сетям..169

Билык К.В.
Экологическое воспитание как публично-правовой инструмент
реализации государственной экологической политики.....172

Анисимов А.П.
К вопросу об основах государственной политики
в сфере обеспечения национальной безопасности.....176

Белов С.В.
Устранение правовой эфемерности через детальную регламентацию
родительских обязанностей – способ заботы о детях.....179

Кивленок Т.В.
Перспективы совершенствования
правового регулирования архитектурной деятельности в России.....182

Байрамов Ш.Б., Лебедева М.Ю.
Становление конституционного правосудия в Российской Федерации:
историко-правовой аспект.....185

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В.
Конституционно-правовые основы общественного (народного) контроля
в Латинской Америке на примере Республики Куба и Республики Никарагуа:
сравнительно-правовой анализ.....189

Попков Д.В.
Актуальные проблемы
реализации функции обеспечения основных видов безопасности.....195

Бочарников Д.А. Особенности защиты персональных данных и врачебной тайны в рамках реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.....	199

Дзанагова М.К., Хутинаева З.В. Преемственность в конституции РФ как основа государственности.....	203

Климова Ю.Н., Кольцов А.В. Антикоррупционный комплаенс как условие освобождения организаций от ответственности по статье 19.28 КоАП РФ: теория, практика и перспективы....	206

Григонис В.П., Душкина Е.В. Историко-правовое развитие понятия «статуса личности».....	210

Шарипов С.Н. Роль прокурорского надзора и судебного контроля в обеспечении законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан.....	214

Пьянусов А.В. Проблемы осуществления уголовно-экологической политики России через призму обеспечения экологической безопасности.....	219

Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П., Петрова Л.Н. Применение ИИ-систем в российском животноводстве.....	223

Габоян Г.А. Теоретико-правовые основы экологического управления при формировании комфортной городской среды.....	228

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ковальчук Н.И. Организационно-правовые формы фермерских хозяйств в аграрном праве.....	231

Саятин С.П. Об отдельных вопросах гражданско-правового регулирования доступа лиц к технологиям искусственного интеллекта с использованием цифровых платформ....	234

Стародубова Л.В., Петренко В.В., Соколова А.А. Удостоверение в цифровой среде соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами.....	238

Эшпулатов Т.А. Место института редоминиляции в системе современного российского права.....	243

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Юсипова И.В. Проблемы правового регулирования смены поставщика электрической энергии потребителем.....	247

Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере зависимых территорий (Гваделупы, Мартиники, Пуэрто-Рико, Сен-Бартелеми, Сен-Мартена, Французской Гвианы): сравнительно-правовой анализ.....	249

Ло Имин Проблемы защиты прав субъектов персональных данных в условиях больших данных в Китае.....	254

Смирнов П.С. Проблемы правового регулирования оборота данных.....	258

Одинцов В.И. Международные стандарты и акты «мягкого права» как источник публично-правового регулирования киберфизических систем....	262

Степаненко Д.М. Законодательное регулирование экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в Российской Федерации....	265

Билык К.В. Государственно-политические формы воспитания личности: культурный сегмент....	271

Росенко М.И., Скребец Е.В. Организационно-правовые механизмы влияния региональной политики на политический режим и их роль в сохранении устойчивости государства (на примере Украины).....	277

Дойников П.И. О полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере отношений, связанных с охраной грибов, как части окружающей среды.....	285

Пьянусов А.В. Обеспечение экологической безопасности через противодействие экотерроризму....	289

Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Некоторые вопросы правового и научного обеспечения уголовно- исполнительной системы в условиях реализации положений Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»....	292

Курбатова Г.В. Особенности правового регулирования трудовых отношений при удалённом формате работы.....	295

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Петрова Е.С. Правовая природа судебной неустойки (астрента): материально-правовые и процессуальные элементы комплексного института....	298

Подлесных С.С. Распределение бремени доказывания в делах о защите исключительных прав: актуальные проблемы судебной практики.....	301

Чеснокова Ю.В. Виртуальные объекты и цифровые активы как объекты права собственности.....	303

Ляпанов А.В., Гадалова М.В. Проблемы и перспективы правовой регламентации имущественного страхования в Российской Федерации (на примере учреждений уголовно-исполнительной системы).....	306

Раицупкина Л.В., Солоухина С.В. К вопросу о социальных гарантиях детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	310

Касаткина Е.А., Хорошева Н.А. Исчисление сроков исковой давности по требованиям о взыскании задолженности по договорам займа.....	315

Файрушина Р.Д., Степанова М.Г. Защита прав и ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности онлайн.....	318

Кивленок Т.В. Сделки по перемене лиц в обязательстве: соотношение правомочий.....	321

Крайнова Е.Р., Зайцева В.С. Помощник судьи и его роль в подготовке арбитражных дел к судебному разбирательству.....	324

Ананьев О.Г., Крапчатова К.В. Организация и проведение социальной работы в исправительных учреждениях с осужденными — участниками боевых действий.....	328

Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Правовой статус ручья как водного объекта.....	331

Петрова Е.С. Институт <i>astreinte</i> во французском праве: критерии и особенности назначения....	334

Гагиева А.В., Малиева Н.Х. Исполнение обязательств в российском гражданском праве.....	337

Асратян М.Г., Беляева К.А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики.....	341

Грачева А.А., Беляева К.А. Компетенция мирового судьи в тенденции изменяющегося процессуального законодательства.....	344

Васильев Е.В. О некоторых вопросах недействительности сделок должника в условиях банкротства умершего гражданина.....	347

Кивленок Т.В. Новый этап развития этномедиации в год единства народов России.....	349

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Сицкая А.Р. Проблемы расследования преступлений в сфере незаконной добычи янтаря.....	352

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Рахмилов А.И. Международные товарные соглашения в контексте международного права развития.....	355

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Соловьев Д.Н. Преступления против собственности: отдельные вопросы квалификации.....	358

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Бедроттинг как новое течение в жизни молодого поколения и причины его выбора поколением Z.....	362

Крайнова Е.Р., Борискина П.С. Гражданско-правовая ответственность застройщика за нарушение сроков передачи объекта по договору участия в долевом строительстве в условиях проектного финансирования.....	365

Коленцова В.В. Эволюция российского законодательства об установлении происхождения детей....	368

Адыев Б.С., Болдырев А.Г., Нохаев Э.С., Чимидова А.М., Чумбасова Ю.А. Особенности заключения и расторжения субдоговора.....	373

Румянцева А.С., Беляева К.А. Реализация принципа состязательности и дистанционная форма участия в судебном заседании: технические и правовые пределы обеспечения процессуальных прав....	376

Файрушина Р.Д., Пономарева Е.В. Отдельные аспекты процесса открытия, оформления и приобретения наследства в гражданском праве России.....	380

Ланг П.П. Маркетинг и формирование клиентской базы в сфере частных расследований: правовые и этические ограничения.....	382

<i>Петрова Е.С.</i> Проблемы установления волеизъявления при дистанционном заключении договоров потребительского кредита: подходы судебной практики.....	385
<i>Плотникова Т.В.</i> Актуальные аспекты модернизации системы защиты и обеспечения коммерческой тайны.....	388
<i>Петрова Е.С.</i> Защита доверия к видимости права.....	392
<i>Шаназарова Е.В., Баринов А.В.</i> Особенности реализации и защиты личных неимущественных прав осужденных в условиях изоляции....	395
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Ольдеева Д.А.</i> Особенности квалификации содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ): тенденции законодательства, анализ состава и разграничение со смежными преступлениями.....	399
<i>Казак Б.Б., Гуров Р.А.</i> Реализация охранительной функции уголовного закона при преступлениях, связанных с дистанционным оформлением потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных.....	402
<i>Сагидуллин Р.Х.</i> Специальные медицинские знания как фундаментальная основа судебно-медицинских исследований, используемых в судопроизводстве и их место в системе научных знаний.....	405
<i>Асадов В.В., Гусев А.С.</i> Особенности содержания воспитательной работы с осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией от общества.....	408
<i>Акимова Т.М., Захарова О.В.</i> Особенности режима для лиц, совершивших рецидив, в видении участников VI Международного пенитенциарного конгресса 1900 г.....	412
<i>Апкаева О.Н., Зыков Д.А.</i> История развития криптовалют.....	415
<i>Еськова Л.К.</i> Проблемы квалификации совершения преступления преступным сообществом....	419
<i>Скороходова А.С.</i> Ретроспективный анализ мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним.....	422
<i>Гусев А.С., Казак И.Б.</i> Порядок снятия с осуждённого правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания в исправительном учреждении».....	426
<i>Казак Б.Б., Гуров Р.А.</i> Механизм дистанционного кредитного преступления как ориентир для оперативно-розыскной деятельности для обеспечения расследования преступлений, связанных с дистанционным оформлением кредитов с использованием чужих персональных данных.....	430
<i>Ашин А.А., Михайлов А.Е., Зыков Д.А.</i> К вопросу о причинах колебания динамического ряда преступности в России в 1991-2006 годах.....	433
<i>Гусев А.С., Моисеев Н.Д., Мелькунов И.С.</i> Самосуд как социальное явление.....	437
<i>Курбатова Г.В., Цибульская Г.З.</i> Профилактика социально опасного поведения осужденных.....	441
<i>Савин А.А., Зыков Д.А.</i> Клевета в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы: недостаток правореализации.....	444
<i>Цаплин И.С.</i> Реализация института пробации в зарубежных странах.....	447
<i>Казак И.Б., Гусев А.С.</i> Особенности воспитательно-профилактических мер воздействия на несовершеннолетних условно осужденных.....	449
<i>Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.</i> Вопросы организации деятельности исправительных учреждений по подготовке осужденных к освобождению.....	453
<i>Дворников М.С., Шумов П.В.</i> Признание систем искусственного интеллекта субъектом уголовных правоотношений: проблемы и перспективы.....	456
<i>Бадамишн О.И.</i> Теоретические аспекты допроса с участием защищаемого лица в уголовном процессе.....	460
<i>Серегина Е.В.</i> Проблемы обеспечения эффективной защиты персональных данных личности в условиях глобальной цифровизации.....	463
<i>Казак И.Б., Шерхов Р.Р.</i> Роль и место пенитенциарной системы в общегосударственной системе предупреждения преступлений.....	466
<i>Гайнельзянова В.Р.</i> Организационно-тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений,	

совершенных несовершеннолетними.....	469
<i>Гапонова В.Н., Красных Ю.В.</i> Процессуальные злоупотребления стороной защиты на заключительном этапе предварительного расследования.....	472
<i>Бажанов С.А.</i> Организационно-правовые основы привлечения осужденных колоний-поселений к труду на временных выводных производственных объектах.....	476
<i>Ризаева Д.</i> Правовое регулирование экономической деятельности в условиях цивилизации и инноваций.....	480
<i>Ермолаева Е.Н., Ананьян Е.Н.</i> Страховое мошенничество: криминалистический анализ.....	484
<i>Басанов В.В., Булуктаева К.Ю., Ольдеева Д.А., Салаева С.Б.</i> Криминологическая характеристика современной коррупционной преступности в Российской Федерации и стратегия противодействия.....	487
<i>Гладышев Ю.А.</i> Уголовное наказание по российскому законодательству: некоторые проблемы и перспектива развития.....	492
<i>Корчагин А.А.</i> Мнение о задачах развития криминалистики на современном этапе.....	494
<i>Назаренко И.С., Самойлова Ю.М., Федосеев А.Э.</i> Криминальные схемы на рынках криптоактивов: механизм легализации преступных доходов.....	500
<i>Магомедалиев М.М., Арутюнян В.Н., Хабаров Д.В.</i> Некоторые особенности участия законного представителя и защитника по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами.....	504
<i>Сохибназар Махмуд Сафарали</i> Возмещение вреда как условие прекращения дела в связи с примирением сторон....	507
<i>Ткачук Т.А., Грунин А.В., Грунина В.А., Шоргина Е.В.</i> Особенности правового регулирования участия присяжных заседателей в осуществлении правосудия.....	511
<i>Никеров Д.М.</i> Проблемные аспекты правового статуса изобретений, составляющих государственную тайну, в Российской Федерации.....	515
<i>Прихожая Л.Е.</i> Современные подходы и модели управления в правоохранительных органах Российской Федерации.....	518
<i>Вдовенко Н.А., Ключкова А.Л., Коруненко Е.Ю.</i> К вопросу об установлении конструктивных признаков убийства матерью новорожденного ребенка.....	522
<i>Макарова Е.С., Артемов Д.Ю., Нелипович Е.В.</i> Ретроспективный анализ законодательства, предусматривающего ответственность за взяточничество в России.....	527
<i>Москалева Е.Н., Короленко И.И.</i> Проблемы противодействия семейному насилию.....	531
<i>Кувычков С.И., Царева Ю.В.</i> Допрос как следственное действие: предписания закона, тактические приёмы, возможность дистанционного производства.....	536
<i>Царькова Е.Г.</i> Современная пенитенциарная политика России: гуманизация и безопасность.....	541
<i>Курылев Д.С., Плеваков В.В., Перегудова Н.В.</i> «Эволюция халатности: от Пленума СССР к реальному ущербу в современной судебной практике».....	544
<i>Тарасов А.А., Нелипович Е.В.</i> Принудительное получение образцов для сравнительного исследования в рамках материалов доследственной проверки и в ходе проведения следственных действий обыск (выемка) и осмотр.....	552
<i>Ольдеева Д.А.</i> Квалификация групповых форм получения взятки и проблема провокации: анализ судебных ошибок и перспективы правоприменения.....	556
<i>Лайкова Е.А.</i> Правовое регулирование в области клонирования.....	560
<i>Исмагилова А.Р., Айсанова Н.В.</i> Анализ отдельных правовых аспектов договоров, заключаемых при использовании каршеринговых транспортных средств.....	564
<i>Мотин А.В.</i> Меры уголовно-правового характера за преступления против личности (к вопросу дифференциации ответственности).....	567
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Андрианова В.В., Байбарин А.А., Савоцикова Е.В., Авдалья А.Я.</i> Административно-правовые меры защиты государственного суверенитета Российской Федерации (внешние и внутренние аспекты).....	571
<i>Ефремова Е.А., Цыганова А.С.</i> Правовые аспекты борьбы с киберпреступностью в международном праве.....	575
<i>Николаев В.Б., Гарцева Ю.Ю., Вершинина Е.С., Бокун Д.А., Сидорова С.А.</i> Трансформация международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере: от универсальной модели к многовекторным альянсам.....	578
<i>Андрианова В.В., Байбарин А.А., Савоцикова Е.В., Михина Е.Г.</i> Проблемы признания государств в международном праве. Административные процедуры международного характера.....	582

CONTENTS 2026 № 3

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Kazamirov A.I., Khazieva R.R.</i> Refugee as a subject of public relations.....	8
<i>Malko A.V.</i> Legal regulation of the innovative development of the Russian agro-industrial complex: obstacles and ways to overcome them.....	10
<i>Sirokhin A.I.</i> The category of "service estates" in the estate structure of the Russian Empire.....	15
<i>Kanafin N.A., Galuzo V.N.</i> On the "state of emergency" regime in the context of a pandemic in the Russian Federation.....	18
<i>Khakimov S.H., Ivantsova G.A.</i> Historical and legal aspects of the formation and operation of the service the lower ranks of the police in the cities of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. (based on materials from the Ufa province).....	22
<i>Chimarov N.S., Chimarov S.Y.</i> The role of D.A. Milyutin in the organization of the military judicial reform of 1867: historical and legal aspects.....	26
<i>Cherkashina M.I., Cherkashina A.G.</i> "The Welfare State": the essence of the theory.....	30
<i>Shcherbakova N.V.</i> Cognitive aspects of the transformation of the legal mentality in the new territories of the Russian Federation.....	32
<i>Deryugin A.A., Nazarova I.S.</i> Public power and the strengthening of Russian statehood in the face of new challenges and threats.....	37
<i>Krainova E.R.</i> False legal identification and legal identifiers.....	41
<i>Dunaeva A.D.</i> Theoretical and cognitive models of legal education in the Russian legal tradition: reflection, intersubjectivity and ideological deformations.....	46
<i>Akhyadov E.S.-M.</i> Gurvich's Criticism of the Legal Views of Eurasians: the idea of self-government versus the Statist utopia.....	48
<i>Gabdullina A.R.</i> Modern approaches to the implementation of the tasks of legal support of property relations: theoretical and legal aspect.....	51
<i>Chernova E.R., Baranova E.S.</i> The concept, essence and social value of legal technology in legal regulation.....	53
<i>Nikolaeva E.A., Tarasova O.E., Khalimov D.I.</i> The essence of legal responsibility in the context of the natural law approach.....	56
<i>Karev D.A.</i> On the question of the nature and essence of social relations regulated by the norms of Church law.....	59
<i>Zyablova T.E.</i> Prison tourism abroad: features of penitentiary institutions as objects of tourist display.....	63
<i>Krainova E.R., Garanina E.D.</i> Transformation of civil law awareness in a virtual environment: from legal nihilism to the protection of digital property.....	66
<i>Lyapanov A.V., Chistyakov M.S.</i> On the evolution of types of punishment in the Russian Empire in the 19th century.....	70
<i>Bashirina E.N., Kazamirov A.I., Abramova S.R.</i> Legal aspects of the legal responsibility of the arbitration administrator.....	74
<i>Chernova E.R., Yamshchikova S.L.</i> The evolution of views on the relationship between the concepts of form and source of law in legal science.....	77
<i>Kuzmin R.Yu.</i> The system of state management of subsoil use in the colonies of the British Empire in the early twentieth century.....	80
<i>Gaponov A.A.</i> Digital sovereignty in the communication sphere: theoretical and legal aspect.....	87

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Kadykov A.V.</i> Features of public law regulation of relations in the field of safe handling of pesticides and agrochemicals in modern conditions.....	90
<i>Shugaeva I.V.</i> Priority areas for the development of the supervision (control) system in the field of countering the laundering of proceeds from crime in the activities of leasing companies.....	93

<i>Nazarova I.S.</i> The development of the normative definition of the concept of "corruption" in Russian legislation.....	101
<i>Stepanova A.A.</i> Basic principles and norms of Jewish law.....	105
<i>Simachkova N.N., Chupina I.P., Zarubina E.V., Staheeva L.M., Petrova L.N.</i> Legal regulation of protection of forest lands from fires.....	107
<i>Shatskaya I.I., Krestinov M.A.</i> Legal aspects of China's "negative list" of foreign investments.....	111
<i>Popkov D.V.</i> The legal basis for the implementation of the constitutional rights and freedoms of military personnel (employees) of the National Guard troops.....	115
<i>Zemlyakova G.L.</i> Problems of effectiveness of the principle of priority of conservation of valuable agricultural lands.....	121
<i>Samonchik O.A.</i> Compensation of damage caused by lawful actions of public authorities in case of seizure of immovable property: some problems of theory and practice.....	126
<i>Bui H.N.</i> The model of legal regulation of land relations: the experience of the Russian Federation and Vietnam.....	131
<i>Aisner L.Yu., Naumov O.D., Lisina L.G.</i> Grant support for agricultural producers in the Russian Federation: tools, effectiveness, and the role of national projects.....	136
<i>Nesvetailov D.A.</i> Legal regulation of the use of datasets in the training of artificial intelligence systems in the Russian Federation.....	139
<i>Grigonis V.P., Talyanin V.V.</i> On the organization of public authority in the Russian Federation.....	142
<i>Kuyanov A.V.</i> Public trust as a criterion for evaluating the effectiveness of the internal affairs bodies of the Russian Federation.....	146
<i>Kryuchkova V.A.</i> Characteristic features of disciplinary responsibility of police officers.....	148
<i>Tsarkova E.G.</i> State-legal provision of social guarantees for employees of the penitentiary system.....	152
<i>Kazak B.B., Volkhovskiy R.A.</i> Theoretical and legal foundations of the activities of specialized state bodies in the field of resocialization of persons sentenced to non-custodial sentences.....	155
<i>Grigonis V.P., Talyanina I.A., Talyanin V.V.</i> Features and procedure for the application of administrative coercion measures by the supervisory authorities of the Ministry of Emergency Situations of Russia.....	159
<i>Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.</i> Constitutional and legal foundations of public control in Latin American countries (on the example of the Republic of Chile and the Republic of Peru): comparative legal analysis.....	164
<i>Yusipova I.V.</i> Legal regulation of technological connection to electric networks.....	169
<i>Bilyk K.V.</i> Environmental education as a public legal instrument for the implementation of state environmental policy.....	172
<i>Anisimov A.P.</i> On the question of the fundamentals of public policy in the field of national security.....	176
<i>Belov S.V.</i> Elimination of legal ephemerality through detailed regulation of parental responsibilities – a way of caring for children.....	179
<i>Kivlenok T.V.</i> Prospects for improvement legal regulation of architectural activity in Russia.....	182
<i>Bayramov Sh.B., Lebedeva M.Y.</i> The formation of constitutional justice in the Russian Federation: historical and legal aspect.....	185
<i>Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.</i> Constitutional and legal foundations of public (national) control in Latin America, using the example of the Republic of Cuba and the Republic of Nicaragua: a comparative legal analysis.....	189
<i>Popkov D.V.</i> Actual problems of implementation of the function of ensuring basic types of security.....	195
<i>Bocharnikov D.A.</i> Features of personal data protection and medical secrecy in the framework of implementation of experimental legal regimes in the field of digital innovation.....	199

<i>Dzanagova M.K., Khutinaeva Z.V.</i> Continuity in the Constitution of the Russian Federation as the basis of statehood.....	203
<i>Klimova Yu.N., Koltsov A.V.</i> Anti-corruption compliance as a condition for the release of organizations from liability under Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation: theory, practice and prospects.....	206
<i>Grigonis V.P., Dushkina E.V.</i> Historical and legal development of the concept of "personality status".....	210
<i>Sharipov S.N.</i> The role of prosecutorial supervision and judicial control in ensuring legality in the administrative activities of the police of the Republic of Tajikistan.....	214
<i>Pyanusov A.V.</i> Problems of implementing Russia's criminal environmental policy through the prism of ensuring environmental safety.....	219
<i>Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P., Petrova L.N.</i> Application of AI systems in Russian animal husbandry.....	223
<i>Gaboyan G.A.</i> Theoretical and legal foundations of environmental management when creating a comfortable urban environment.....	228
PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES	
<i>Kovalchuk N.I.</i> Organizational and legal forms of farms in the agrarian law.....	231
<i>Sayapin S.P.</i> On certain issues of civil law regulation of individuals' access to artificial intelligence technologies using digital platforms.....	234
<i>Starodubova L.V., Petrenko V.V., Sokolova A.A.</i> Digital certification of the agreement on the division of jointly acquired property of spouses by two notaries.....	238
<i>Eshpulatov T.A.</i> The place of the institution of redomiciliation in the system of modern Russian law....	243
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES	
<i>Yusipova I.V.</i> Problems of legal regulation of changing the supplier of electric energy by consumer.....	247
<i>Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V.</i> The constitutional and legal foundations of public control in Latin America on the example of the Dependent Territories (Guadeloupe, Martinique, Puerto Rico, Saint Barthélemy, Saint Martin, French Guiana): comparative legal analysis.....	249
<i>Luo Yiming</i> Problems of protecting the rights of personal data subjects in the context of big data in China.....	254
<i>Smirnov P.S.</i> Problems of legal regulation of data turnover.....	258
<i>Odintsovo V.I.</i> International standards and acts of "soft law" as a source of public legal regulation of cyber-physical systems.....	262
<i>Stepanenko D.M.</i> Legislative regulation of the economic mechanism of environmental protection and nature management in the Russian Federation.....	265
<i>Bilyk K.V.</i> State-political forms of personality education: a cultural segment.....	271
<i>Rosenko M.I., Skrebets E.V.</i> Organizational and legal mechanisms of influence of regional policy on the political regime and their role in maintaining the stability of the state (using the example of Ukraine).....	277
<i>Doynikov P.I.</i> On the powers of state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies in the field of relations related to the protection of mushrooms as part of the environment.....	285
<i>Pyanusov A.V.</i> Ensuring environmental safety through countering ecoterrorism.....	289
<i>Smirnova I.N., Bychinskaya I.S.</i> Some issues of legal and scientific support for the penal enforcement system in the context of the implementation of the provisions of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation".....	292
<i>Kurbatova G.V.</i> Features of the legal regulation of labor relations in the remote format of work.....	295
PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES	
<i>Petrova E.S.</i> The legal nature of the judicial penalty (astrent): the substantive and procedural elements of a comprehensive institution.....	298
<i>Podlesnykh S.S.</i> Distribution of the burden of proof in cases of protection of exclusive rights: current problems of judicial practice.....	301
<i>Chesnokova Yu.V.</i> Virtual objects and digital assets as objects of ownership.....	303
<i>Lyapanov A.V., Gadalova M.V.</i> Problems and prospects of legal regulation of property insurance in the Russian Federation (using the example of penal institutions).....	306
<i>Rashchupkina L.V., Soloukhina S.V.</i> On the issue of social guarantees for orphans and children, left without parental care.....	310
<i>Kasatkina E.A., Khorosheva N.A.</i> Calculation of limitation period for claims for debt collection under loan agreements.....	315
<i>Fayrushina R.D., Stepanova M.G.</i> Protection of rights and responsibility in conducting business online.....	318
<i>Kivlenok T.V.</i> Transactions on the change of persons in an obligation: the ratio of powers.....	321
<i>Krainova E.R., Zaitseva V.S.</i> An assistant judge and his role in preparing arbitration cases for trial.....	324
<i>Ananyev O.G., Krapchatova K.V.</i> Organization and conduct of social work in correctional institutions with convicted combatants.....	328
<i>Bredikhin A.L., Parfenov N.P.</i> The legal status of a stream as a water body.....	331
<i>Petrova E.S.</i> The astreinte Institute in French law: criteria and features of appointment.....	334
<i>Gagieva A.V., Malieva N.H.</i> Fulfillment of obligations in Russian civil law.....	337
<i>Asratyan M.G., Belyaeva K.A.</i> Construction contract: issues of theory and practice.....	341
<i>Gracheva A.A., Belyaeva K.A.</i> The competence of justice of the peace in a trend of changing procedural legislation..	344
<i>Vasiliev E.V.</i> On some issues of the invalidity of the debtor's transactions in the bankruptcy of a deceased citizen.....	347
<i>Kivlenok T.V.</i> A new stage in the development of ethnomediation in the year of the Unity of the peoples of Russia.....	349
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Sitskaya A.R.</i> Problems of investigation of crimes in the sphere of illegal amber mining.....	352
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES	
<i>Rakhmilov A.I.</i> International commodity agreements in the context of international development law....	355
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Solovyov D.N.</i> Crimes against property: selected qualification issues.....	358
PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES	
<i>Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G.</i> Bedrotting as a new trend in the life of the younger generation and the reasons for its choice by generation Z.....	362
<i>Krainova E.R., Boriskina P.S.</i> Civil liability of the developer for violation of the terms of transfer of the facility under contract of participation in shared construction in terms of project financing....	365
<i>Kolentsova V.V.</i> The evolution of Russian legislation on the establishment of the origin of children.....	368
<i>Adyaev B.S., Boldyrev A.G., Nokhaev E.S., Chimidova A.M., Chumbasova Yu.A.</i> Features of concluding and terminating a sub-agreement.....	373
<i>Rumyantseva A.S., Belyaeva K.A.</i> The implementation of the adversarial principle and the remote form of participation in the court session: the technical and legal limits of ensuring procedural rights.....	376
<i>Fayrushina R.D., Ponomareva E.V.</i> Some aspects of the process of opening, registration and acquisition of inheritance in Russian civil law.....	380
<i>Lang P.P.</i> Marketing and customer base formation in the field of private investigations: legal and ethical constraints.....	382
<i>Petrova E.S.</i> The problems of establishing the expression of will in the remote conclusion of consumer loan agreements: judicial practice approaches.....	385
<i>Plotnikova T.V.</i> Actual aspects of modernization of the system of protection and maintenance of commercial secrets.....	388

<i>Petrova E.S.</i>	
Protecting trust in the visibility of law.....	392

<i>Shanazarova E.V., Barinov A.V.</i>	
Peculiarities of realization and protection of personal non-property rights of convicts in isolation.....	395

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Oldeeva D.A.</i>	
Features of the qualification of assistance to terrorist activities (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): legislative trends, composition analysis and differentiation with related crimes.....	399

<i>Kazak B.B., Gurov R.A.</i>	
Implementation of the protective function of the criminal law in crimes related to remote registration of consumer loans using other people's personal data.....	402

<i>Sagidullin R.H.</i>	
Specialized medical knowledge as the fundamental basis of forensic medical research used in legal proceedings and their place in the system of scientific knowledge.....	405

<i>Asadov V.V., Gusev A.S.</i>	
The specifics of the content of educational work with those sentenced to punishments not related to isolation from society.....	408

<i>Akimova T.M., Zakharova O.V.</i>	
Features of the regime for people who have committed a relapse in the vision of the participants VI International Penitentiary Congress 1900.....	412

<i>Apkaeva O.N., Zykov D.A.</i>	
The history of cryptocurrency development.....	415

<i>Eskova L.K.</i>	
Problems of qualification of the commission of a crime by a criminal community.....	419

<i>Skorokhodova A.S.</i>	
A retrospective analysis of criminal law measures applied to minors.....	422

<i>Gusev A.S., Kazak I.B.</i>	
The procedure for removing a convicted person from the legal status of a "malicious violator of the established order of serving a sentence in a correctional institution.....	426

<i>Kazak B.B., Gurov R.A.</i>	
The mechanism of remote credit crime as a guideline for operational investigative activities to ensure the investigation of crimes related to remote loan processing using other people's personal data.....	430

<i>Ashin A.A., Mikhailov A.E., Zykov D.A.</i>	
On the question of the causes of fluctuations in the dynamic range of crime in Russia in 1991-2006.....	433

<i>Gusev A.S., Moiseev N.D., Melkunov I.S.</i>	
Lynching as a social phenomenon.....	437

<i>Kurbatova G.V., Cybulska G.Z.</i>	
Prevention of socially dangerous behavior of convicts.....	441

<i>Savin A.A., Zykov D.A.</i>	
Slander against an employee of the penal enforcement system: lack of legal implementation.....	444

<i>Tsaplin I.S.</i>	
Implementation of the probation institute in foreign countries.....	447

<i>Kazak I.B., Gusev A.S.</i>	
Features of educational and preventive measures of influence for minors on probation.....	449

<i>Tishchenko Yu.Y., Samoylova A.A.</i>	
Issues of organizing the activities of correctional institutions to prepare convicts for release.....	453

<i>Dvornikov M.S., Shumov P.V.</i>	
Recognition of artificial intelligence systems as a subject of criminal legal relations: problems and prospects.....	456

<i>Badamshin O.I.</i>	
Theoretical aspects of interrogation involving a protected person in criminal proceedings.....	460

<i>Seregina E.V.</i>	
Problems of ensuring effective protection of personal data in the context of global digitalization.....	463

<i>Kazak I.B., Sherkhov R.R.</i>	
The role and place of penitentiary system in the national crime prevention system.....	466

<i>Gaynelzyanova V.R.</i>	
Organizational and tactical features of conducting an inspection of the scene during the investigation of crimes committed by minors.....	469

<i>Gaponova V.N., Krasnykh Yu.V.</i>	
Procedural abuse by the defense at the final stage of the preliminary investigation.....	472

<i>Bazhanov S.A.</i>	
The organizational and legal basis for attracting convicts from penal colonies to work at temporary decommissioning production facilities.....	476

<i>Rizaeva D.</i>	
Legal regulation of economic activity in the context of civilization and innovation.....	480

<i>Ermolaeva E.N., Ananyan E.N.</i>	
Insurance fraud: a forensic analysis.....	484

<i>Basanov V.V., Buluktaeva K.Yu., Oldeeva D.A., Salaeva S.B.</i>	
Criminological characteristics of modern corruption crime counteraction strategy in the Russian Federation.....	487

<i>Gladyshev Yu.A.</i>	
Criminal punishment under Russian law: some problems and prospects for development.....	492

<i>Korchagin A.A.</i>	
Opinion on the tasks of criminalistics development at the present stage.....	494

<i>Nazarenko I.S., Samoilo Yu.M., Fedoseev A.E.</i>	
Criminal schemes in the crypto asset markets: a mechanism for money laundering.....	500

<i>Magomedaliev M.M., Harutyunyan V.N., Khabarov D.V.</i>	
Some features of the participation of a legal representative and defender in criminal cases of crimes committed by persons suffering from mental disorders.....	504

<i>Sohibnazar Mahmoud Safarali</i>	
Compensation for damage as a condition for the termination of the case in connection with the reconciliation of the parties.....	507

<i>Tkachuk T.A., Grunin A.V., Grunina V.A., Shorgina E.V.</i>	
Features of the legal regulation of the participation of jurors in the administration of justice.....	511

<i>Nikero D.M.</i>	
Problematic aspects of the legal status of inventions constituting a State secret in the Russian Federation.....	515

<i>Prikhozhaya L.E.</i>	
Modern approaches and management models in law enforcement agencies of the Russian Federation.....	518

<i>Vdovenko N.A., Klochkova A.L., Korunen E.Yu.</i>	
On the issue of establishing constructive features murders of a newborn child by a mother.....	522

<i>Makarova E.S., Artyomov D.Yu., Nelipovich E.V.</i>	
Retrospective analysis of legislation providing for responsibility for bribery in Russia....	527

<i>Moskaleva E.N., Korolenko I.I.</i>	
Problems of countering family violence.....	531

<i>Kuvychkov S.I., Tsareva Yu.V.</i>	
Interrogation as an investigative action: the requirements of the law, tactics, the possibility of remote production.....	536

<i>Tsarkova E.G.</i>	
Modern penitentiary policy in Russia: humanization and security.....	541

<i>Kurylev D.S., Pleshakov V.V., Peregodova N.V.</i>	
"The evolution of negligence: from the Plenum of the USSR to real damage in modern judicial practice".....	544

<i>Tarasov A.A., Nelipovich E.V.</i>	
Compulsory receipt of samples for comparative examination as part of the materials of the pre-investigation check and during the conduct of investigative actions, search (seizure) and inspection.....	552

<i>Oldeeva D.A.</i>	
Qualification of group forms of bribery and the problem of provocation: analysis of judicial errors and prospects of law enforcement.....	556

<i>Laikova E.A.</i>	
Legal regulation in the field of cloning.....	560

<i>Ismagilova A.R., Aisanova N.V.</i>	
Analysis of certain legal aspects of contracts, concluded when using carsharing vehicles.....	564

<i>Motin A.V.</i>	
Criminal law measures for crimes against the person (on the issue of differentiation of responsibilities).....	567

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Andrianova V.V., Baibarin A.A., Savoshikova E.V., Avdalyan A.Ya.</i>	
Administrative and legal measures to protect the state sovereignty of the Russian Federation (external and internal aspects).....	571

<i>Yefremova E.A., Tsyganova A.S.</i>	
Legal aspects of combating cybercrime in international law.....	575

<i>Nikolaev V.B., Gartseva Yu.Y., Vershinina E.S., Bokun D.A., Sidorova S.A.</i>	
Transformation of international cooperation in the criminal law field: from a universal model to multi-vector alliances.....	578

<i>Andrianova V.V., Baibarin A.A., Savoshikova E.V., Mikhina E.G.</i>	
Problems of State recognition in international law. Administrative procedures of an international nature.....	582

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_8

УДК 341.43

БЕЖЕНЕЦ КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ REFUGEE AS A SUBJECT OF SOCIAL RELATIONS

КАЗАМИРОВ Анатолий Иванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской Академии государственной службы и управления при главе Республики Башкортостан, доцент.
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40.
E-mail: kazamirov71@mail.ru;

ХАЗИЕВА Регина Рафисовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.
E-mail: semmi-5@yandex.ru;

KAZAMIROV Anatoly Ivanovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
at the Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Associate Professor.
450008, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi St., 40.
E-mail: kazamirov71@mail.ru;

KHAZIEVA Regina Rafisovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova St., 2.
E-mail: semmi-5@yandex.ru

Краткая аннотация. Определяется правовая природа понятия «беженец», через раскрытие различных критериев, включая те из них, которые сосредоточены в современных конституционных и международных элементах юриспруденции. Проводится анализ научных исследований указывающих на необходимость осуществления более детального регламентирования понятия «беженец».

Abstract: The legal nature of the concept of «refugee» is defined by exploring various aspects of the concept, including those embedded in modern constitutional and international jurisprudence. An analysis of scientific research highlights the need for a more detailed regulation of the concept of «refugee».

Ключевые слова: правовой статус беженцев, общественные отношения, международные акты, гражданин, российское законодательство.

Keywords: legal status of refugees, public relations, international acts, citizen, Russian legislation.

Для цитирования: Казамиров А.И., Хазиева Р.Р. Беженец как субъект общественных отношений // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 8-9. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_8.

For citation: Kazamirov A.I., Khazieva R.R. Refugee as a subject of social relations // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 8-9. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_8.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2026

В структуре проблематики исследования вопросов правового статуса беженца, в том числе, в Российской Федерации, имеет важное значение терминологическая составляющая, касающаяся самого понятия «беженец». Следует отметить, что правовая природа обозначенного понятия определяется различными критериями, включая те из них, которые сосредоточены в современных конституционных и международных элементах юриспруденции. Рассматриваемое понятие имеет различное значение, что подтверждается научными (доктринальными) источниками, нормативной правовой системой, а также судебно-практическим применением. Анализ имеющихся норм отечественного и международного законодательства позволяет определить, что законодатель счел необходимым осуществить легальное закрепление обозначенного понятия.

Анализ научных исследований позволяет сделать вывод, что в настоящее время существует дискуссия о необходимости осуществления более детального регламентирования понятия «беженец» [6, 77-80]. Кроме того, имеют место и подходы, в соответствии с которыми следует четко придерживаться того понятия, которое имеет место в основном международном акте, регламентирующем вопросы правового положения беженцев, а именно в Конвенции «О статусе беженцев» [2], которая была принята в 1951 году [5, 43-44]. Вместе с тем, следует согласиться с мнением отдельных исследователей, которые отмечают, что содержащееся в обозначенном международном нормативном правовом акте понятие не перерабатывалось и с течением времени устарело, так как в рассматриваемой сфере произошло значительное количество изменений, в связи с чем, требуется его модернизация, в том числе применительно к тем его составляющим, которые касаются оснований приобретения рассматриваемого статуса.

Выясняя правовую природу рассматриваемого понятия необходимо указать, что оно непосредственным образом коррелирует с проблемой вынужденной миграции, чему способствуют различные факторы. Обозначенное социальное явление принято ассоциировать с видом перемещения людей, в следствии факторов, связанных с угрозами их жизням, преследований по различным основаниям в стране проживания, что формирует вынужденность покинуть страну пребывания и искать убежища на территории зарубежных государств. Обозначенные обстоятельства способствуют

и иным критериальным особенностям, которые должны иметь место в структуре понятия, к числу которых необходимо относить формирование специфического статуса при получении статуса беженца, которые наделяет их специальными правами и возлагает определенные обязанности.

В структуре действующего Федерального закона от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 23.07.2025) «О беженцах» [3] в ст. 1 закрепляется рассматриваемое понятие, которое повторяет формулировку, имеющую место в вышеобозначенной Конвенции. Так, в соответствии с обозначенной статьей под беженцем следует понимать лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

Отдельные исследователи указывают, что беженец представляется субъектом общественных отношений, который прибыл в иностранное государство, не имея его гражданства, в следствии причинного комплекса, связанного с усугубившейся в стране его предыдущего пребывания внутренней ситуации, которые могли спровоцировать реальные угрозы его жизни, преследования по мотивам расовой или иной принадлежности, либо политическим взглядам.

Вместе с тем, действующие международные акты не поддерживают обозначенную позицию и подчеркивают, что на международное сообщество не возлагаются обязанности, связанные с осуществлением защиты лиц, которые вынужденно покинули свое место жительства в силу политического преследования, природных или экологических катастроф, а также военных действий. Однако, как уже было указано, многие исследователи рассматриваемой проблематики настаивают на необходимости обеспечения их возможностью приобретения статуса беженца.

В структуре судебной практики также есть подтверждения указанному. В частности, имеют место быть решения судов об отказе в приобретении рассматриваемого статуса гражданами Сирии, Украины и иных стран, которые в качестве оснований приобретения статуса беженца указывали на различные гуманитарные проблемы, связанные с вооруженными конфликтами, а также экономические проблемы.

Так, суд соглашается с доводами представителя административного ответчика о том, что при вынесении оспариваемых решений ГУ МВД России по Свердловской области учтено, что административный истец не отвечает критериям, определяющим понятие «беженец», а именно в силу экономических проблем в стране постоянного места жительства – Сирийской Арабской Республике, а также отмечает отсутствие обстоятельств, указывающих, что в случае возвращения на родину административный истец может быть подвергнут негуманному обращению [4].

В заключении следует отметить, что термин «беженец» получил легальное закрепление в структуре норм международного права, а также в действующем российском законодательстве. Важным представляется то, что имеющиеся в международном праве и отечественном законодательстве являются идентичными. Вместе с тем, в структуре различных толкований, в том числе, международных организаций предпринимаются попытки расширения трактовки понятия «беженец».

Кроме того, в структуре научного знания также имеют место быть дискуссии относительно рассматриваемого понятия, которые сводятся к двум основным подходам. Так, последователи первого указывают, что необходимо расширения оснований приобретения статуса беженца, с закреплением их в легально закреплённом понятии, а именно в структуре федерального закона «О беженцах».

Второй подход основывается на формировании четко выверенной позиции на основе действующих норм международного права, которые интегрированы в отечественное законодательство. В модернизации понятия беженец, в том числе его дополнения основаниями угроз военного, экономического и иных факторов, нет необходимости, так как в структуре международных механизмов, а также действующего отечественного законодательства предусматривается достаточное количество иных инструментов предоставления таким лицам гарантий и защиты, в том числе, гуманитарного характера.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 03.02.2026).
2. Конвенция о статусе беженцев: заключена в г. Женеве 28.07.1951 г. Россия присоединилась к данному документу с заявлением (Постановление Верховного Совета РФ от 13 ноября 1992 г. № 3876-1) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6 – 28. (дата обращения: 25.02.2026).
3. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. – № 126. – 1997. (дата обращения: 03.02.2026).
4. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 2А-3268/2021 2А-3268/2021-М-2279/2021 М-2279/2021 от 10 июня 2021 г. по делу № 2А-3268/2021 // СПС «Судебные и нормативные акты РФ» [сайт]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Саганав, Д. К. Нормативное определение понятия «беженец» в международном праве // Студенческий вестник. 2021. № 24-2 (169). С. 43-44..
6. Чурина, С. С. Понятие беженца в международном и российском праве // Студенческий вестник. 2021. № 43-3 (188). С. 77-80.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30/12/2008 No. 6-FKZ, of 30/12/2008 No. 7-FKZ, of 05/02/2014 No. 2-FKZ, of 01/07/2020 No. 11-FKZ). – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access 03/02/2026).
2. Convention relating to the Status of Refugees: concluded in Geneva on 28 July 1951. Russia acceded to this document with a declaration (Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 13 November 1992 No. 3876-1) // Bulletin of International Treaties. 1993. No. 9, pp. 6–28. (date of access: 25 February 2026).
3. Federal Law of 19 February 1993 No. 4528-1 "On Refugees" // Rossiyskaya Gazeta. - No. 126. - 1997. (date of access: 03 February 2026).
4. Decision of the Verkh-Isetsy District Court of Yekaterinburg (Sverdlovsk Region) No. 2A-3268/2021 2A-3268/2021-M-2279/2021 M-2279/2021 dated June 10, 2021 in case No. 2A-3268/2021 // SPS "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" [website]. URL: <https://sudact.ru/> (date accessed: 10.02.2026).
5. Saganaev, D.K. Normative definition of the concept of "refugee" in international law // Student Bulletin. 2021. No. 24-2 (169). P. 43-44..
6. Churina, S. S. The concept of a refugee in international and Russian law // Student Bulletin. 2021. No. 43-3 (188). P. 77-80.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО АПК: ПРЕПЯТСТВИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ*

LEGAL REGULATION OF INNOVATIVE WAY TO DEVELOP THE RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: OBSTACLES AND OPTIONS TO OVERCOME THEM

МАЛЬКО Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, д. 181 б.
E-mail: alex25-58@mail.ru;

MALKO Alexander V.,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Chief Researcher of Research Institute of State and Legal Research, Derzhavin Tambov State University.
181 b Sovetskaya str., 392008, Tambov, Russia.
E-mail: alex25-58@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются имеющиеся препятствия, выступающие сдерживающими факторами инновационного развития агропромышленного комплекса в современной России. Анализируются различные неюридические и юридические препятствия в целях их успешного преодоления и тем самым усовершенствования правового регулирования агроинновационной деятельности. Предлагается принятие Федерального закона «О правовом регулировании инновационного развития АПК в РФ», в котором, в частности, необходимо установить юридические механизмы внедрения и использования агроинноваций в сельскохозяйственном производстве, их гарантии, включая меры правового стимулирования и правового ограничения, в том числе и меры юридической ответственности, порядок взаимодействия участников инновационной деятельности в области агропромышленного комплекса, а также на его основе выстраивать полноценную российскую государственно-правовую политику в сфере инновационного развития АПК.

Abstract: This article examines the existing barriers hindering the innovative development of the agro-industrial complex in modern Russia. Various non-legal and legal obstacles are analyzed with the aim of successfully overcoming them and thereby improving the legal regulation of agro-innovation activities. The article proposes the adoption of a Federal Law "On the Legal Regulation of Innovative Development of the Agro-Industrial Complex in the Russian Federation." This law, in particular, should establish legal mechanisms for the implementation and use of agro-innovations in agricultural production, their guarantees, including legal incentives and restrictions, including legal liability measures, and procedures for interaction between participants in innovative activities in the agro-industrial complex. It should also serve as a basis for developing a comprehensive Russian state and legal policy for the innovative development of the agro-industrial complex.

Ключевые слова: инновационное развитие агропромышленного комплекса, препятствия в сфере внедрения агроинноваций, виды препятствий, пути противодействия препятствиям в агроинновационной деятельности, государственно-правовая политика современной России в сфере инновационного развития агропромышленного комплекса.

Keywords: innovative development of the agro-industrial complex, obstacles in the implementation of agricultural innovations, types of obstacles, ways to counteract obstacles in agricultural innovation activities, state and legal policy of modern Russia in the field of innovative development of the agro-industrial complex.

Для цитирования: Малько А.В. Правовое регулирование инновационного развития российского АПК: препятствия и пути их преодоления // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 10-14. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_10.

For citation: Malko A.V. Legal regulation of innovative way to develop the Russian Agro-Industrial Complex: obstacles and options to overcome them // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 10-14. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_10.

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Прогресс в агропромышленном комплексе (далее — АПК) России прочно связывается с инновационными технологиями, ибо современное сельское хозяйство не может без них решать задачи обеспечения продовольственной безопасности и повышения привлекательности сельскохозяйственной продукции на этапе рыночной реализации.

Однако на пути нормального инновационного развития АПК подчас встают факторы, которые сдерживают эту нормальность, которые мешают данному процессу и снижают его эффективность. Поскольку правовое регулирование выступает определенным элементом социального управления, то все мешающее ему можно считать **препятствиями**. О проблемах препятствий в юридической сфере нам приходилось писать ранее, которые были рассмотрены в качестве факторов, снижающих действенность правовых стимулов и правовых ограничений¹.

Термин «**препятствие**» в словарях русского языка толкуется следующим образом: 1) помеха, задерживающая какие-нибудь действия или развитие чего-нибудь, стоящая на пути осуществления чего-нибудь; 2) преграда на пути, задерживающая передвижение; 3) естественная или искусственная преграда на дистанции, предназначенная для преодоления; 4) то, что мешает совершению, осуществлению чего-либо².

В самом общем плане под **препятствиями** в юридической сфере можно понимать такие естественные и искусственные факторы, которые ставят преграду упорядочению социальных связей и действуют в противоречии с правовыми целями, принципами, нормами.

Анализируя литературу по внедрению агроинноваций, авторы, как правило, всегда обращают внимание на имеющиеся и возможные препятствия, стоящие на «пути» данного процесса. Причем здесь могут использоваться разные термины, обозначающие так или иначе эти препятствия: преграды, помехи, препоны, барьеры, сдерживающие факторы, трудности, проблемные места и т.д. Тем не менее, как верно подчерк-

*«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>». The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>

¹ См. об этом: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1995.

² См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 582; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 584.

нута, «отсутствует ясность того, какие препятствия стоят на пути внедрения этих технологий в работу сельскохозяйственных организаций»¹.

В целом согласны с тем, что «появление инновационных технологий в АПК возможно при условии преодоления препятствий, которые сдерживают инновационные процессы. Основные сдерживающие факторы инновационной активности сводятся к следующему:

— несоответствие системы координации и управления АПК в рыночных условиях (оторванность научно-исследовательских учреждений от производства, отсутствие связей научных институтов с аграрными предприятиями);

— несогласованность государственных и других экономических форм и механизмов управления инновационными процессами, в результате чего научные, производственные, финансовые и другие ресурсы используются частично или вообще не используются на развитие инноваций;

— недостаточное количество или отсутствие финансовых институтов инновационного развития АПК (венчурное финансирование, грантовая поддержка);

— отсутствие законодательной базы, регламентирующей инновационную деятельность предприятий АПК;

— устаревшая материально-техническая база научно-исследовательских учреждений аграрной сферы;

— нехватка специалистов в области инновационного менеджмента в аграрной сфере»² и т.д. И, хотя ряд из указанных препятствий сейчас уже успешно преодолевается, проблемы, что называется, еще остаются.

Разумеется, в такой многогранной области препятствий достаточно много, которые можно классифицировать по различным основаниям.

Так, в зависимости от принадлежности к правовой сфере они бывают неюридическими (например, еще слабо развитая инновационная инфраструктура агросектора и неравномерное внедрение новаторских технологий, неподъемные процентные ставки по банковским кредитам и высокая стоимость техники, предоставляемой по агролизингу) и сугубо юридическими (в частности, пробелы и коллизии в праве). Если говорить о первых, то их, в свою очередь, тоже немало. Верно подмечено, что «революционная модернизация предприятий агропромышленного комплекса сдерживается конкретными барьерами, такими как повышенный уровень износа технологической базы и низкая инвестиционная активность, спровоцированная недостаточными показателями платежеспособности предприятий и ограниченными объемами господдержки»³. Вместе с тем, для их преодоления нужны и соответствующие неюридические средства — финансово-экономические, организационно-управленческие и другие.

В зависимости от того, поддаются препятствующие факторы управлению или нет, их можно подразделить на поддающиеся управлению и не поддающиеся. К последним, в частности, относятся стихийные бедствия, природные явления, климатические условия, дальние расстояния и т.п., которые находятся вне возможностей управления, за их пределами. Эти препятствия являются «представителями» внешней среды, создавая зачастую неблагоприятный фон для правового регулирования. К таким помехам можно, в частности, причислить и технический сбой в работе программного обеспечения, который помешал подписать бизнес-контракт⁴.

К первым можно отнести деформированные правовые нормы, недостатки правоприменения в области внедрения и использования агроинноваций в сельскохозяйственное производство и т.д., которые вполне устранимы в процессе управления и поддаются целенаправленной корректировке. «Если старые юридические нормы, — отмечал Г.В. Плеханов, — препятствуют известной части общества достигать своих житейских целей, удовлетворять свои насущные нужды, то эта часть общества непременно и чрезвычайно легко придет к сознанию их стеснительности: для этого нужно немного больше мудрости, чем для сознания того, что неудобно носить слишком узкую обувь или чересчур тяжелое оружие»⁵.

В зависимости от их наличия или отсутствия, препятствия для внедрения и использования агроинноваций могут воплощаться соответственно в «препятствиях-наличия» (правотворческие ошибки, влекущие зачастую правовую неопределенность, излишне абстрактные юридические конструкции) и «препятствиях-отсутствия» (правотворческое бездействие⁶, связанное с запаздыванием нужного правового регулирования от запросов времени). Так, применительно к имеющимся правовым основам инновационной деятельности в литературе обоснованно подчеркивается, что «нет еще сбалансированной системы законодательства в этой области, отсутствует четкость в механизмах реализации и защиты интеллектуальных прав субъектов инновационной деятельности, не отлажена система взаимодействия между структурами федеральной и региональной власти в вопросах обеспечения инновационной активности и пр.»⁷.

Иными словами, препятствием является не только то, что мешает (что присутствует), но и то, что не хватает (что отсутствует).

В зависимости от того, со стороны какого субъекта права они исходят, их можно разделить на препятствия, чинимые отдельными агропроизводителями, общественными организациями в этой сфере (например, ассоциациями и союзами и т.п.), и препятствия, чинимые государственными структурами. Так, если «частное» юридическое лицо в аграрных отношениях не соблюдает условия договора, оно тем самым чинит

¹ Владимиров И.А., Гиззатуллин Р.Х., Исанов Р.А. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве // Информационное общество. 2025. — № 3. — С. 79.

² Загвозкин И.В., Коновалова С.Н. Основные направления формирования системы инновационного развития агропромышленного комплекса // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Сер. : Экономические науки. — 2020. — № 2. — С. 106.

³ Мороз О.Н., Медведский Д.А. Концептуально-методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации агропромышленного комплекса России в условиях технологических и институциональных рисков // Вопросы инновационной экономики. — 2024. — Т. 14. — № 1. С. — 327.

⁴ См.: Бег с препятствиями. Какие барьеры преодолевает бизнес во время развития? // Российская газета. — 2025. — 15 апр.

⁵ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., — 1956. — Т. 2. — С. 257.

⁶ См. об этом: Панченко В.Ю., Сабиров А.М. Бездействие в правотворчестве // Современное право. — 2015. — № 6. — С. 11–14.

⁷ Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. — 2017. — № 3. — С. 8.

препятствия удовлетворению интересов других контрsubjектов. Органы же государственной власти, занимаясь коррупцией и волокитой, тоже нередко чинят препятствия инновационным проектам.

В зависимости от уровня правового регулирования агроинновационной деятельности они классифицируются на:

— препятствия на общефедеральном уровне (отсутствие Федерального закона «О правовом регулировании инновационного развития АПК в РФ»);

— препятствия на региональном уровне (противоречия норм регионального законодательства общефедеральному, существование различных нестыковок, юридических коллизий по вопросам правового регулирования агроинноваций в обозначенной сфере);

— препятствия на муниципальном уровне (где могут случаться различного рода сбои в координации агроинновационных процессов, ведь именно здесь переплетаются и элементы государственного управления, и частно-рыночные влияния; задолженность муниципалитетов перед сельхозбизнесменами по инновационным контрактам).

В зависимости от того, в рамках какого компонента правовой системы они осуществляются, их подразделяют на:

— препятствия в правотворчестве (несовершенство законодательной базы агроинновационной деятельности государственных и общественных структур, что выражается в ее фрагментарности и бессистемности, в дублировании, в недостаточном высоком уровне правового регулирования, ибо вместо закона отдельные аспекты внедрения агроинноваций упорядочены указными актами);

— препятствия в правореализации (бюрократия, отсутствие механизмов для исполнения и контроля соблюдения установленных норм, использование имеющихся административных барьеров в сфере внедрения и применения агроинноваций);

— препятствия в правосознании (с одной стороны, сельхозпроизводители еще немало проявляют правового нигилизма в обозначенной сфере, а с другой — властные структуры недооценивают возможности сотрудничества в этой области, например, ресурсы государственно-частного партнерства. Как верно подчеркивается в литературе, «в российском законодательстве явно недооценен потенциал использования инструмента государственно-частного партнерства в сфере инноваций»¹, ведь государство обязано не только быть организатором инновационной деятельности, но и разделять совместно с инвестором первоначальные риски разработки и создания новых видов наукоемкой продукции²).

В зависимости от сегмента правовой жизни, в котором они проявляются их подразделяют на: реальные (нарушения со стороны контрольно-надзорных органов) и виртуальные (недостаточное с помощью Интернета информационно-юридическое сопровождение инновационного развития агропромышленного комплекса).

Кроме того, нужно учитывать и то, что вместе с усложнением процесса агроинноваций появляются и новые сдерживающие его факторы. В частности, внедрение систем искусственного интеллекта повышает риск утечки данных³ (в том числе и персональных).

Зачастую разнообразные препятствия тесно пересекаются в аграрной правовой жизни и «выстреливают», что называется, «залпом», действуя не по одному, а, естественно, своеобразно сложившейся совокупностью. Так, изучение законодательства, касающегося использования в сельском хозяйстве «беспилотных воздушных судов, и практики его применения показало наличие множества препятствий и проблем. В частности, это связано с путаницей в терминах, используемых в Воздушном кодексе РФ и сопутствующих нормативных актах, а также с несоответствием между правилами, касающимися использования воздушного пространства и проведением авиационных операций. К тому же, существующая нормативно-правовая база создает дополнительные трудности в сфере применения беспилотных воздушных судов: наличие строгих требований без четко прописанных механизмов их реализации (например, в вопросах страхования, регистрации, обучения персонала); большие временные затраты на получение разрешений на выполнение работ; необоснованные ограничения без юридических и логических оснований; неясные правила и процедуры получения необходимых документов. Все это указывает на недостаточную разработанность и качество норм, что может привести к отставанию государства в сфере беспилотной авиации»⁴.

Вместе с тем разнообразным препятствиям необходимо противодействовать для того, чтобы повысить эффективность инновационной деятельности в названной области. Преодоление препятствий в сфере инновационного развития российского агропромышленного комплекса следует начинать с установления и анализа имеющихся факторов, тормозящих данный процесс.

Если же говорить о правотворческих мерах, то вполне можно согласиться с предложениями о принятии в области инновационной деятельности в целом кодифицированного акта, который будет выступать нормативно-правовой основой для дальнейшего более конкретного правового регулирования — уже агроинноваций. Поэтому солидарны с тем, что «именно в этом направлении вполне целесообразно принятие кодифицированного законодательного акта по вопросу государственной поддержки инновационной деятельности...

Данный закон может носить название «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», в котором «четко и недвусмысленно должны раскрываться основные понятия, относящиеся к области инновационных общественных отношений, формулироваться принципы государственной инновационной политики, определяться компетенция правотворческих органов федерального и регионального уровней в области правового регулирования инновационных отношений, вырабатываться правовые меры поддержки инноваций в стране и т. п.»⁵ Следует отме-

¹ Белицкая А.В. Правовые стимулы и антикризисные меры поддержки инновационной модернизации экономики // Юрист. — 2022. — № 5. — С. 20.

² Патоков В.В. Государственно-частное партнерство: перспективы развития и правовые формы реализации // Адвокатская практика. — 2008. — № 2. — С. 45.

³ См. об этом: Самусенко Т. Система взлома. Внедрение систем искусственного интеллекта повышает риск утечки данных // Российская газета. — 2025. — 26 нояб.

⁴ Владимиров И.А., Гиззатуллин Р.Х., Иксанов Р.А. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве // Информационное общество. — 2025. — № 3. — С. 83.

⁵ Грибанов Д.В. Правовая модель инновационного развития общества // Правоведение. — 2011. — № 1. — С. 37–43. См. также об этом: Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права. Автореферат диссертации доктора юридических наук. М., 2014.

титель, что были предприняты попытки разработки проектов подобного законодательного акта. Так, в феврале 2011 г. был обнародован и внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроект «О государственной поддержке инновационной деятельности в РФ». Предметом регулирования данного федерального закона являются отношения по поводу государственной поддержки инновационной деятельности, которые возникают между государством в лице России, субъектами РФ, муниципальными образованиями, иными участниками инновационной деятельности. Данный закон определяется как базовый для принятия целого комплекса новых норм. Поэтому в связи с его принятием объективно потребуются внесение изменений в ряд нормативных правовых актов и наделение органов государственной власти и управления специальной компетенцией в этой сфере¹.

В литературе по этому поводу также подчеркивалось, «что проект Федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в РФ» принят в первом чтении в Государственной Думе РФ еще 16 июня 1999 года. Далее в октябре 2010 года был рассмотрен новый проект данного Федерального закона, который опять был отклонен. Позднее был разработан проект Федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в РФ», который тоже пока не принят. Для совершенствования законодательства в рамках инновационного развития и активизации деятельности по реализации инновационной политики, осуществляемой субъектами исполнительной власти, предлагается доработать проект и принять Федеральный закон «Об инновациях и инновационной деятельности в РФ»².

На наш взгляд, в развитии предлагаемого весьма масштабного кодифицированного законодательного акта нужен детальный и специализированный закон, в котором рассматриваемые отношения можно будет урегулировать более конкретно и адресно. Речь идет о принятии Федерального закона «О правовом регулировании инновационного развития АПК в РФ», в котором необходимо установить юридические механизмы внедрения и использования агроинноваций в сельскохозяйственном производстве, их гарантии, включая меры правового стимулирования и правового ограничения, в том числе и меры юридической ответственности, порядок взаимодействия участников инновационной деятельности в области агропромышленного комплекса, привести в соответствие имеющуюся терминологию в законах и иных подзаконных актах и т. д.

Затем же на его основе необходимо выстраивать полноценную российскую государственно-правовую политику в сфере инновационного развития агропромышленного комплекса, под которой в самом общем плане можно понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государства и институтов гражданского общества по политико-юридическому обеспечению процессов внедрения и использования новаторских технологий в сельское хозяйство.

Только системный подход позволит минимизировать те преграды, которые стоят на пути вышеназванного процесса, и создать баланс между безопасностью и эффективностью правового регулирования.

Следовательно, препятствия весьма многообразны и встречаются в самых различных областях агроинновационной деятельности. Их детальный анализ и классификация имеет не только научное, но и важное практическое значение, ибо позволяет видеть в системе агроинноваций то, что может снижать степень эффективности правового регулирования, а, значит, и утверждать преобладание дефектности и «теневое» управления. Исходя из этих потенциальных и реальных препятствий, законодатель может оптимальнее формулировать алгоритмы управления, упреждая тем самым воздействие вредных факторов на рассматриваемую систему.

Список литературы:

1. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1995.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
4. Владимиров И.А., Гиззатуллин Р.Х., Иксанов Р.А. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве // Информационное общество. – 2025. – № 3. – С. 79.
5. Загвоздкин М.В., Коновалова С.Н. Основные направления формирования системы инновационного развития агропромышленного комплекса // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Сер. : Экономические науки. – 2020. – № 2 (65). – С. 106.
6. Мороз О.Н., Медведский Д.А. Концептуально-методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации агропромышленного комплекса России в условиях технологических и институциональных рисков // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14. – № 1. С. – 327.
7. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., – 1956. – Т. 2. – С. 257.
8. Панченко В.Ю., Сабиров А.М. Бездействие в правотворчестве // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 11–14.
9. Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. – 2017. – № 3. – С. 8.
10. Белицкая А.В. Правовые стимулы и антикризисные меры поддержки инновационной модернизации экономики // Юрист. – 2022. – № 5. – С. 20.
11. Патоков В.В. Государственно-частное партнерство: перспективы развития и правовые формы реализации // Адвокатская практика. – 2008. – № 2. – С. 45.
12. Владимиров И.А., Гиззатуллин Р.Х., Иксанов Р.А. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в сельском хозяйстве // Информационное общество. – 2025. – № 3. – С. 83.
13. Грибанов Д.В. Правовая модель инновационного развития общества // Правоведение. – 2011. – № 1. – С. 37–43.
14. Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2014.
15. Трофимов В. В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. – 2017. – № 3. – С. 13.
16. Власов В.А., Козленко А.Н. Правовое регулирование перехода аграрного сектора экономики России на новый инновационно-ориентированный тип своего развития // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 41.

References:

1. Malko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyy aspekt [Incentives and Constraints in Law: Theoretical and Informational Aspect]. Saratov, 1995.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. Moskva, 1991.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva, 2006.
4. Vladimirov I.A., Gizzatullin R.H., Iksanov R.A. Pravovoe regulirovaniye ispol'zovaniya bespilotnykh vozdushnykh sudov v sel'skom hozyajstve // Informatsionnoe obshchestvo [Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in Agriculture // Information Society]. – 2025. – No. 3. – Pp. 79.

¹ См.: Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. – 2017. – № 3. – С. 13.

² Власов В.А., Козленко А.Н. Правовое регулирование перехода аграрного сектора экономики России на новый инновационно-ориентированный тип своего развития // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 41.

5. Zagvozhkin M.V., Kononova S.N. Osnovnye napravleniya formirovaniya sistemy innovatsionnogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Ser. : Ekonomicheskie nauki [Main Directions for Forming the Innovative Development System of the Agro-Industrial Complex // Journal of the Voronezh State Agrarian University. Series: Economic Sciences]. – 2020. – No. 2 (65). – Pp. 106.
6. Moroz O.N., Medvedskij D.A. Konceptual'no-metodicheskie podhody k ocenke effektivnosti cifrovoj transformatsii agropromyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyah tekhnologicheskikh i institucional'nykh riskov // Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Conceptual and methodological approaches to assessing the effectiveness of digital transformation of the Russian agro-industrial complex in the context of technological and institutional risks // Issues of innovation economics]. – 2024. – Vol. 14. – No. 1. Pp. – 327.
7. Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. Moskva, – 1956. – Vol. 2. – P. 257.
8. Panchenko V.YU., Sabirov A.M. Bezdejstvie v pravotvorchestve // Sovremennoe pravo [Inaction in lawmaking // Modern law]. – 2015. – No. 6. – Pp. 11–14.
9. Trofimov V.V. Problemy organizatsii i provedeniya pravotvorcheskoj politiki v oblasti innovatsionnogo razvitiya Rossii // Gosudarstvo i pravo [Issues of organizing and implementing lawmaking policy in the field of innovative development of Russia // State and Law]. – 2017. – No. 3. – P. 8.
10. Belickaya A.V. Pravovye stimuly i antikrizisnye меры podderzhki innovatsionnoy modernizatsii ekonomiki // YUrist [Legal incentives and anti-crisis measures to support innovative modernization of the economy // Jurist]. – 2022. – No. 5. – P. 20.
11. Patokov V.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: perspektivy razvitiya i pravovye formy realizatsii // Advokatskaya praktika [Public-private partnership: development prospects and legal forms of implementation // Advocate practice]. – 2008. – No. 2. – P. 45.
12. Vladimirov I.A., Gizzatullin R.H., Iksanov R.A. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh vozдушnykh sudov v sel'skom hozyajstve // Informatsionnoe obshchestvo [Legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles in agriculture // Information society]. – 2025. – No. 3. – P. 83.
13. Gribanov D.V. Pravovaya model' innovatsionnogo razvitiya obshchestva // Pravovedenie [Legal model of innovative development of society // Jurisprudence]. – 2011. – No. 1. – Pp. 37–43.
14. Efimceva T.V. Mesto innovatsionnogo prava v sisteme otraslej rossijskogo prava: avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [The Place of Innovation Law in the System of Branches of Russian Law: Abstract to a dissertation for Doctoral degree]. M., 2014.
15. Trofimov V.V. Problemy organizatsii i provedeniya pravotvorcheskoj politiki v oblasti innovatsionnogo razvitiya Rossii // Gosudarstvo i pravo [Issues of Organizing and Implementing Law-Making Policy in the Field of Innovative Development of Russia // State and Law]. – 2017. – No. 3. – P. 13.
16. Vlasov V.A., Kozlenko A.N. Pravovoe regulirovanie perekhoda agrarnogo sektora ekonomiki Rossii na novyj innovatsionno-orientirovannyj tip svoego razvitiya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Legal Regulation of the Transition of the Agricultural Sector of the Russian Economy to a New Innovation-Oriented Type of Development // Law and State: Theory and Practice]. – 2025. – No. 1. – P. 41.

КАТЕГОРИЯ «СЛУЖИЛЫХ СОСЛОВИЙ» В СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ THE CATEGORY OF «SERVICE ESTATES» IN THE ESTATE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE

СИРОХИН Антон Игоревич,

Старший научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

125239, Россия, г. Москва, ул. Коптевская д. 63 «а».

E-mail: anton.irk@mail.ru;

SIROKHIN Anton Igorevich,

Senior Researcher, Department for the Study of Problems of Psychological Support for Operational and Service Activities, Department for the Study of Problems of Industry Management, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125239, Moscow, Koptevskaya str., 63 «a», apt. 1401.

E-mail: anton.irk@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается категория «служилых сословий» в сословной структуре Российской империи. Анализируются состав данной межсословной группы, основы ее формирования и эволюция на протяжении имперского периода. Особое внимание уделяется дворянству, а также месту казачества в системе государственной службы. Исследуется влияние петровских реформ на трансформацию «служилых сословий», изменение принципов комплектования военных и гражданских кадров, а также связь сословного статуса с профессиональной деятельностью.

Abstract: the article examines the category of «service estates» in the social estate structure of the Russian Empire. The composition of this inter-estate group, the foundations of its formation, and its evolution throughout the imperial period are analyzed. Special attention is paid to the nobility, as well as the place of the Cossacks in the system of state service. The influence of Peter the Great's reforms on the transformation of the «service estates», the changing principles of military and civil personnel recruitment, and the connection between estate status and professional activity are investigated.

Ключевые слова: служилые сословия, правовой статус сословий, государственная служба, дворянство, казачество Российская империя.

Keywords: service estates, legal status of estates, state service, nobility, cossacks, Russian Empire.

Для цитирования: Сирохин А.И. Категория «служилых сословий» в сословной структуре Российской империи // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_15.

For citation: Sirokhin A.I. The category of «service estates» in the estate system of the Russian empire // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_15.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Разделение сословий на «служилые» и остальные отражает легко прослеживаемую в ходе анализа сословного строя Российской империи и законодательства о нем тенденцию группировки нескольких сословий в одну какую-либо категорию на основе определенного общего элемента правового статуса, характерного сразу для нескольких сословий. Помимо прочего, это облегчало задачи правового регулирования: в необходимых случаях центральная власть издавала акт, адресованный всей группе сословий, а не каждому в отдельности.

Так, например, важное значение имело разделение сословий на податные и неподатные, впервые осуществленное при Петре I.

Другой пример такой стратификационной группировки – это выделение «городского сословия», в которое на самом деле включалось несколько самостоятельных сословных групп (как податных, так и неподатных, как служилых, так и не служилых), объединенных лишь одним признаком – местом их проживания был город, а не сельская местность.

Что касается выделения из общего ряда сословий категории «служилые сословия», то даже из его этимологии понятно, что речь идет о тех из них, которые имели особое значение для государственной («государевой») службы. Традиционно в системе государственной службы выделяют два основных направления – службу военную и службу государственную, которую в свою очередь можно подразделить на гражданскую (чиновничество) и правоохранительную (полиция, жандармерия, прокуратура). Высшие чины во всех этих видах службы занимали представители дворянского сословия, которое и составило основу страты, или «слоя», служилых людей.

Основные черты, правовые основы формирования и деятельности, структура данной страты, первоначально сложились в период царствования Петра Великого. По сути, формирование служилого сословия в его имперском понимании в своей основе имело родовитое служилое дворянство XVII века, численность которого составляла на тот момент порядка тридцати тысяч человек [См. об этом: 3, 7]. Они образовали состав Правительствующего Сената, заняли ведущие должности во всех коллегиях, в Преображенском приказе и Тайной канцелярии, в Главном магистрате, другие важнейшие позиции в центральном государственном аппарате: обер-фискал, генерал-прокурор, обер-прокурор и др., а также высшие должности в губернских администрациях. Однако Петр I, оправдывая свое реноме реформатора, ввел в практику два существенных новшества, определивших для последующих двух столетий тенденции развития служилого слоя:

а) нарушил априорное право представителей нескольких десятков наиболее родовитых фамилий на занятие высших должностей при дворе и в армии: отныне помимо древней знати право на выдвижение на высшие ступени служебной лестницы имели также его талантливые, отличающиеся соответствующими личностными качествами соратники. А для того, чтобы возникало вопросов, Петр «уравнивал» их фактическое должностное положение с сословным путем пожалования соответствующего дворянского титула [6, с.50]. «Хрестоматийный» пример – ситуация с худородным А.Д. Меншиковым, который, начав с позиции денщика при Петре I, со временем получил от него не только графское состояние, но

и исключительный титул «светлейший князь Ижорский», возвысивший его даже над древнейшими боярскими и княжескими фамилиями;

б) допустил присягу и службу государству российскому не только русских дворян и представителей знати народов, входивших в состав Российской империи, но и дворян зарубежных стран Европы.

В последующие десятилетия дворянство как костяк «служилого сословия» именно вследствие трендов, заданных петровскими реформами, претерпело коренные качественные изменения, связанные с наделением дворянским состоянием служилых людей, не являвшихся дворянами по рождению. Параллельно обозначилась тенденция поступления на военную и иную государственную службу представителей иных сословий, лиц не дворянского и не казачьего происхождения. Можно, вероятно, утверждать, что постепенно в структуре российского общества формировалась относительно самостоятельная, межсословная по происхождению социальная группа – чиновничество, которую сложно характеризовать как чисто профессиональное сообщество, которая приобрела отдельные черты отдельного сословия, в том числе юридический статус. Как представляется, правильно рассматривать группу профессиональных военных и бюрократов в качестве «квазисословий».

В царствование Николая I сложную систему взаимосвязей дворянского сословия с системой государственной службы дополнила дарованная дворянству сословная (корпоративная) [См. об этом: 4] привилегия выборов части государственных служащих, замещающих должности в судебной и правоохранительной, а также некоторых других системах государственного управления. Правда, со временем это исключительное право дворян стало восприниматься скорее как обязанность, оформив фактическую включенность сословных институтов в структуру механизма государства, их постепенное сращивание с бюрократическим аппаратом. В Манифесте, юридически оформившем этот элемент сословного статуса дворян, Император особо подчеркнул их историческую роль в контексте принимаемого решения: «Мы не сомневаемся, что благородное Российское Дворянство, всегда, и на поле чести, и в прочих частях Государственной службы не изменявшее своему высокому званию быть первой подпорой Престола, и ныне в полной мере оправдает Нашу доверенность. ... оно устремится с новым рвением к исполнению одной из важнейших своих обязанностей, избранию Чиновников истинно достойных имени блюстителей общественного порядка и правосудия» [2, с.248].

Следует отметить также еще одну тенденцию, повлиявшую на качественное состояние и структуру служилого сословия, которая в большей мере относилась к военным, к офицерству, а не к гражданскому чиновничеству: не только у потомственных дворян, но и у тех военных, которые были пожалованы дворянством за заслуги в процессе службы, сыновья в большинстве случаев также выбирали военную стезю и, соответственно, не только наследовали сословное (дворянское) состояние своего отца, но и создавали потомственные военные фамилии – элиту, ковавшую славу российского оружия, формировавшие аксиологическую среду русского офицерства, где в качестве абсолютных ценностей рассматривались воинский долг, служение Отечеству, защита Родины, офицерская честь и достоинство.

Отметим также, что представители служилого сословия являли собой наиболее образованную часть российского общества.

Как представляется, морально-нравственные и аксиологические характеристики этой «служилой», офицерской части российского дворянства не могли не отличаться от таких же характеристик тех представителей сословия, которые выбрали в качестве основного рода деятельности предпринимательство в разных его проявлениях, в результате получив отдельные ментальные черты купеческого сословия, или продолжали традиционное хозяйствование и жили на земельные доходы с имений. Так, в негативном аспекте в этом плане обычно характеризуются последние годы правления императора Николая I – когда многие аристократы превратились в инертных в политическом плане получателей помещичьей ренты, а чиновники – в кормленщиков.

Однако, с другой стороны, не правильно было бы утверждать о полной утрате «дворянами-помещиками» и «дворянами-капиталистами» традиционных дворянских ценностей и морально-этических установок. Эти качества формировались у дворян несколько столетий, и ситуативная смена рода деятельности, связанная с наступлением эпохи капиталистического хозяйствования, не была в состоянии «в одночасье» их разрушить. Отличное подтверждение сказанному – поведение носителей дворянского состояния в 1914 году, когда часть «дворян-помещиков» и «дворян-предпринимателей» добровольно участвовали в I Мировой войне. Впрочем, и те, кто не ушел в армию добровольно, был призван властью, что подтверждает тот тезис, что к «служилому сословию» следует относить не только кадрово-военную часть дворянства, но и все это сословие целиком. «Мировая война существенно изменила структуру и состав служилого сословия. Почти все лица, имевшие соответствующее образование и годные к военной службе были призваны в армию и стали офицерами и военными чиновниками, так что большая часть служилого сословия надела погоны», – пишет С.В. Волков [1, с.28]. Затем в 1917 году многие из них поддержали, наряду с кадровым офицерством, Белое движение, имея в виду присягу Императору и защиту Отечества.

Аргументированной представляется точка зрения, согласно которой в межсословную группу «служилые сословия» следует включать не только дворян, но и казаков, которые также выполняли функцию профессиональных военнослужащих.

Как уже указывалось, казаки, являясь земледельцами, в до-имперский период относились к служилым людям «по прибору» (в отличие от дворян и других людей знатного происхождения – служилых «по отечеству»). Казаки несли своего рода пограничную службу в Малороссии и других занимаемых ими территориях. Впоследствии из казаков стали формироваться регулярные воинские части, входящие в состав армии. В конце XVIII в. в Табель о рангах были включены офицерские чины казачьих войск [См.: 5].

Таким образом, дворянство стало «первым» (в смысле – первенствующим) сословием и преобладающей силой в социальном конгломерате, условно характеризуемом как «служилое сословие». В качестве «второго» его элемента следует рассматривать казаков.

Об условности этой характеристики мы говорим в том смысле, что на самом деле «служилое сословие» не являлось сословием в собственном смысле слова, на самом деле это была более обширная и аморфная, чем отдельное конкретное сословие, социальная система, «представлявшая» государству профессиональных военных и государственных служащих. Основу ее составляло дворянство, но в нее входили также и

представители других сословий, несших службу, в первую очередь казачества. В отличие от дворянства, где положение индивида в сословной иерархии («сосостояние») зависело преимущественно от знатности происхождения, у казаков этот критерий не являлся преобладающим, хотя полностью и не исключался. Однако не меньшее значение имели личные заслуги («лихой рубака»), корпоративное признание казацким сообществом. «Знатность» казака определялась не происхождением, а его текущим местом в иерархии военачальников и в органах корпоративного управления (в том числе на выборных позициях). Высший казацкий иерархический титул «гетман» носили старосты или воеводы (в 1764 г. Екатерина Великая своим указом исключила титул «гетман» из официального обихода).

Важным является то обстоятельство, что профессиональный статус лица, находящегося на военной службе, и его отдельные элементы, находились в прямых взаимосвязях с его сословным статусом и его элементами (с его правовым положением, или «сосостоянием»). Стройная, исторически сложившаяся в течение длительного времени социальная стратификация позволяла государству рационально и эффективно построить вооруженные силы и флот, используя сословный принцип в их кадровом обеспечении. А.С. Янчев подчеркивает, что «Сословная стратификация в вооруженных силах использовалась в юридическом направлении государственной политики для определения места и роли подданного в системе политико-правовых связей путем установления прав, обязанностей и привилегий для отдельных категорий военнослужащих. Политико-юридическая связь между обособленными социальными группами военнослужащих и государством заключалась, прежде всего, в определении передаваемого по наследству особого правового статуса военнослужащего и выступала в качестве основного регулятора прохождения военной службы» [8, с.113].

Наряду с признаками сословного правового статуса, кадровых военнослужащих российской армии и военно-морского флота отличал такой «предстатусный» элемент, как особый ценностный ряд, особое отношение к самой службе как профессии. Военная служба в представлении членов служилых сословий была престижна и почетна. По сути дела, военная служба в этой среде сама по себе представляла значительную социально-правовую ценность, реализовать которую позволяло законодательство и установленные в нем элементы правового статуса служилых сословий.

Подводя итог, отметим, что категория «служилых сословий» являлось не столько отдельным сословием в строгом юридическом смысле, сколько сложной межсословной общностью, выполнявшей функцию кадрового обеспечения государственной и военной службы Российской империи. Ядром этой общности выступало дворянство. Однако на разных исторических этапах в нее входили также казачество и выходцы из иных сословий, делавшие карьеру на службе государству.

Принципы формирования служилых сословий, заложенные петровскими реформами, нарушили монополию родовитости на занятие высших должностей и ввели принцип выслуги, закрепленный Табелью о рангах. Это привело к постепенному расширению социальной основы «служилых сословий» и формированию чиновничества как особой квазисословной группы. В последующие десятилетия связь сословного статуса с профессиональной деятельностью только укреплялась, что подтверждает николаевская эпоха, когда дворянство получило корпоративное право выборов части государственных служащих. Важной характеристикой служилых сословий являлась их особая аксиологическая среда, где воинский долг, служение Отечеству, офицерская честь и достоинство выступали в качестве абсолютных ценностей. Эта ценностная основа, формировавшаяся на протяжении столетий, оказалась настолько прочной, что в экстремальных условиях Первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской смуты представители служилых сословий, независимо от рода их деятельности в мирное время, вновь подтвердили свою историческую роль защитников страны.

Таким образом, эволюция служилых сословий неразрывно связана с развитием российской государственности, а их правовой статус и морально-нравственные установки могут рассматриваться как важнейшие элементы, обеспечивавшие функционирование имперской системы управления на протяжении всего ее существования.

Список литературы:

1. Волков С. В. Российское служилое сословие и его конец / С. В. Волков // Русский исторический журнал: журнал Института русской истории РГГУ. – 1998. – Том 1, № 4. – С. 25–41.
2. Манифест «О Порядке Дворянских Собраний, выборов и службы по оным». 06 декабря 1831 г. // Полное собр. законов Российской империи. Собр. второе. Т. VI. 1831. № 4989. – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – С. 247–273.
3. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права / А. В. Романович-Славатинский. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. – 594 с.
4. Сирокхин А. И. Соотношение и взаимосвязь правового и корпоративного нормативного регулирования общественных отношений (на примере сословных отношений в Российской империи) // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 178–190.
5. Табель о рангах. 24 января 1722 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1986.
6. Указ о даровании дворянства всем обер-офицерам не из дворян, а также их потомкам. 16 января 1721 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3 / Центр истории России Нового времени НИУ ВШЭ, Центр ист. исслед. НИУ ВШЭ, Рос. гос. арх. древ. актов; Сост. Н.А. Воскресенский. – М.: Древлехранилище, 2020. – 848 с.
7. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. – СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876. – 680 с.
8. Янчев А. С. Военное сословное законодательство в механизме реализации политического режима второй четверти XIX века / А. С. Янчев // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 27. – 2011. – № 4 (219). – С. 113–116.

References:

1. Volkov S. V. Russian Russian military estate and its end / S. V. Volkov // Russian Historical journal: Journal of the Institute of Russian History of the Russian State University. – 1998. – Vol. 1, No. 4. – pp. 25–41.
2. Manifesto "On the Order of Noble Assemblies, elections and service on them." December 06, 1831 // Complete collection. the laws of the Russian Empire. Collected second edition. Vol. VI. 1831. No. 4989. – St. Petersburg: Type. II Ed. His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832, pp. 247–273.
3. Romanovich-Slavatinsky A.V. The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom / A.V. Romanovich-Slavatinsky. – St. Petersburg: Type. Ministry of Internal Affairs, 1870. – 594 p.
4. Sirokhin A. I. Correlation and interrelation of legal and corporate regulatory regulation of public relations (on the example of social relations in the Russian Empire) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 4(68). – Pp. 178–190.
5. Table of ranks. January 24, 1722 // Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vol. Vol. 4. Legislation of the period of the formation of absolutism. M.: Jurid. lit., 1986.
6. Decree on the granting of nobility to all chief officers not from the nobility, as well as their descendants. January 16, 1721 // Legislative acts of Peter I. Editorials and draft laws, notes, reports, denunciations, petitions and foreign sources. Collection of documents. In 3 volumes, vol. 2-3 / The Center for the History of Russia of Modern Times at the National Research University of Higher School of Economics, Center of History. research. Higher School of Economics, Russian State University of Architecture. acts; Comp. N.A. Voskresensky. – M.: Drevlekhvarishche, 2020. – 848 p.
7. Yablochkov M. T. The history of the nobility in Russia. St. Petersburg: A.M. Kotomina Publishing House, 1876, 680 p.
8. Yanchev A. S. Military estate legislation in the mechanism of implementation of the political regime of the second quarter of the 19th century / A. S. Yanchev // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Right. Issue. 27. – 2011. – № 4 (219). – Pp. 113–116.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_18

О РЕЖИМЕ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ» В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE «STATE OF EMERGENCY» REGIME IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

КАНАФИН Наиль Ахметович,

доцент кафедры экономики культуры и правоведения Московского государственного института культуры.

141446, Россия, Московская область, Химки, Библиотечная улица, 7.

e-mail: 1nailkanafin@gmail.com;

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, д. 10.

e-mail: vgrmn@yandex.ru

KANAFIN N.A.,

associate Professor in the Department of Economics of culture and law at the Moscow state Institute of culture.

7 Library Street, Khimki, Moscow Region, 141446, Russia.

e-mail: 1nailkanafin@gmail.com

GALUZO V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

e-mail vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа литературы и законодательства относительно режима «чрезвычайное положение» в условиях пандемии в Российской Федерации высказано несколько обобщающих суждений: хотя Российская Федерация провозглашена правовым государством, однако допускается применение всяких режимов, в том числе и режима «чрезвычайное положение»; применение режима «чрезвычайное положение» не вступает в противоречие с доктриной паритета в обеспечении интересов государства, общества и личности, что может обосновываться положением части 3 ст. 55 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования режима «чрезвычайное положение» в Российской Федерации, является Федеральный конституционный закон РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года»); до принятия Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») действовали Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 г. и Закон РСФСР «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г., которые по уровню правотворчества превосходили нормативный правовой акт с большей юридической силой; противоречия между Федеральным конституционным законом РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») и нормативными правовыми актами с равной юридической силой разрешаются по правилу коллизии между нормативными правовыми актами с равной юридической силой; противоречия между Федеральным конституционным законом РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») и нормативными правовыми актами с меньшей юридической силой разрешаются по правилу конкуренции между нормативными правовыми актами с равной юридической силой; при пандемиях, в том числе и при коронавирусной инфекции «COVID-19», применение Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») является обоснованным и не вступает в противоречие с доктриной баланса интересов государства, общества и личности, закрепленной в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (статьи 1, 8, 55).

Abstract: based on an analysis of literature and legislation regarding the state of emergency during the pandemic in the Russian Federation, the article makes several generalizations: although the Russian Federation is a constitutional state, it allows the use of various regimes, including the state of emergency; the application of the «state of emergency» regime does not conflict with the doctrine of parity in ensuring the interests of the state, society and the individual, which can be justified by the provision of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993; the Federal Constitutional Law of the Russian Federation is a normative legal act specifically designed to regulate the «state of emergency» regime in the Russian Federation «On the State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001»); prior to the adoption of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001»), the USSR Law «On the Legal Regime of State of Emergency» dated April 3, 1990, and the Russian Federation Law «On State of Emergency» dated May 17, 1991, which were superior in terms of lawmaking to the legal act with greater legal force, were in effect; contradictions between the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001») and regulatory legal acts with higher legal force are resolved according to the rule of competition between regulatory legal acts with different legal force; contradictions between the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001») and legal acts with lower legal force are resolved according to the rule of competition between legal acts with different legal force; in the event of pandemics, including the COVID-19 coronavirus infection, the application of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001») is justified and does not contradict the doctrine of the balance of interests between the state, society, and the individual, as enshrined in the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (Articles 1, 8, and 55).

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, Российская Федерация, режим, «чрезвычайное положение» пандемия, коронавирусная инфекция «COVID-19», законодательство, «узаконение», нормативный правовой акт, «закон», Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 г., Закон РФ «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г., Федеральный конституционный закон РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года»), Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., юридическая сила, комплексное правовое регулирование, конкуренция, коллизия.

Key words: Union of Soviet Socialist Republics, Russian Federation, regime, «state of emergency» pandemic, coronavirus infection «COVID-19», legislation, «legitimization», regulatory legal act, «law», Law of the USSR «On the legal regime of the state of emergency» dated April 3, 1990, Law of

the Russian Federation «On the state of emergency» dated May 17, 1991, the Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the State of Emergency» («Approved by the State Duma on April 26, 2001», «Approved by the Federation Council on May 16, 2001»), the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, legal force, comprehensive legal regulation, competition, conflict.

Для цитирования: Канафин Н.А., Галузо В.Н. О режиме «чрезвычайное положение» в условиях пандемии в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 18-21. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_18.

For citation: Kanafin N.A., Galuzo V.N. On the "state of emergency" regime in the context of the pandemic in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 18-21. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_18.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Предметом данной статьи является режим «чрезвычайное положение» в Российской Федерации при пандемии¹.

Мы сфокусировали внимание лишь на одной из форм пандемии - коронавирусная инфекция «COVID-19»².

Первоначально о состоянии теории относительно избранного нами предмета исследования.

Так, авторы – единомышленники (С.В. Иванеев и С.И. Леншин) утверждают следующее: «Чрезвычайное положение может быть введено на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях (на территории или части территории субъекта Федерации, территориях нескольких субъектов Федерации, территории, входящей в несколько субъектов Российской Федерации)» («Соблюдение норм международного гуманитарного права при проведении боевых действий позволяет военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации правовыми методами и средствами в условиях чрезвычайного положения выполнить боевые задачи»)³.

Эти же авторы обосновали вывод о том, что «что объективная необходимость в принятии чрезвычайных нормативно-правовых актов обусловлена широкой палитрой предпосылок политического, социально-экономического, правового, природного, техногенного и иного характера»⁴.

Еще одна группа авторов – единомышленников (А.П. Адаменко, Н.И. Пискунова и И.Ю. Целовальникова) рассмотрели, «как осуществляется защита прав и обеспечивается баланс интересов субъектов в сфере финансовой аренды (лизинга) в период пандемии» («Подводя итоги, отметим, что Российская Федерация осуществляет конституционное право на предпринимательскую деятельность, не ограничивая ее в условиях режима повышенной готовности и санкций. Совершенствуется законодательство, ориентированное на поддержку малого и среднего бизнеса. Надеемся, что меры поддержки со стороны государства будут предприниматься и в дальнейшем, а вновь принимаемые решения лягут в основу программ по восстановлению малого и среднего бизнеса в России, а также по восстановлению экономики страны в целом»)⁵.

В.В. Алешин обосновал суждение о том, что «режим контртеррористической операции является эффективным средством борьбы с незаконными вооруженными формированиями, различными проявлениями вооруженного мятежа, актами терроризма. Данный режим может существовать самостоятельно, но нельзя исключать и того, что в зависимости от ситуации его применение возможно в районе, где объявлено чрезвычайное положение, например с целью локализации вооруженных отрядов

Неопределенность суждений о режиме «чрезвычайное положение» в условиях пандемии во многом предопределена несовершенством законодательства в Российской Федерации⁶.

Первоначально обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁷, в которой обнаруживаем несколько статей, фактически посвященных режиму «чрезвычайное положение»: «1. В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. 2. Чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом. 3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции Российской Федерации» (ст. 56); «Президент Российской Федерации: ... д¹) назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности;» ст. 83); «Президент Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с

¹ Под пандемией обычно понимается «крупномасштабная эпидемия, которая может охватывать всю страну, несколько соседних стран и даже континенты» (см.: Большая Российская энциклопедия. В 35 томах. Том 25 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 208).

² Отдельные аспекты данной формы пандемии нами уже исследовались (см. об этом, например: Поляно Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 8. С. 8-14; Пермяков Л.Е., Галузо В.Н. О деятельности судов общей юрисдикции города Москвы в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 9 (часть II). С. 7-13; Поляно Н.И., Галузо В.Н. О противодействии коронавирусной инфекции (COVID-19) в похоронном деле Российской Федерации // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 10 (часть II). С. 7-13; они же: О некоторых проблемах похоронного дела в городе Москве в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 11. С. 8-14; Галузо В.Н. О деятельности кредитных организаций Российской Федерации в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 16. С. 30-35; он же: О неопределенности статуса Председателя Правительства Российской Федерации в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Международный научный журнал «Актуальные исследования»*. 2020. № 19. С. 41-47).

³ См.: Иванеев С.В., Леншин С.И. Влияние норм международного права на законодательство Российской Федерации в сфере применения Вооруженных Сил Российской Федерации в период действия режима чрезвычайного положения // *Военно-юридический журнал*. 2006. № 5.

⁴ См.: Леншин С.И., Иванеев С.В. Правовое регулирование деятельности Вооруженных Сил в условиях режима чрезвычайного положения в России и зарубежных странах // *Безопасность бизнеса*. 2005. № 4; 2006. № 1.

⁵ См.: Адаменко А.П., Пискунова Н.И., Целовальникова И.Ю. Обеспечение баланса интересов участников лизинговых отношений в условиях пандемии и в других чрезвычайных обстоятельствах // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022. № 9.

⁶ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Московского университета МВД РФ*. 2010. № 5. С. 119-123).

⁷ См.: РФ. 1993. 25 декабря; ...; 2020. 4 июля.

незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе» (ст. 88); «1. К ведению Совета Федерации относятся: ... в) утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения; ...; к) проведение консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности»; (ст. 102); «5. Государственная Дума не может быть распущена в период действия на всей территории Российской Федерации военного или чрезвычайного положения, а также в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента Российской Федерации» (ст. 109).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

В первую очередь обращаемся к действующему Федеральному конституционному закону РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года»)¹.

До принятия означенного Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» действовали: в СССР - Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 г.² («Чрезвычайное положение является временной мерой, объявляемой в соответствии с Конституцией СССР и настоящим Законом в интересах обеспечения безопасности граждан СССР при стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях, а также при массовых беспорядках» - ст. 1); в РСФСР - Закон РСФСР «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г.³ («Чрезвычайное положение, вводимое в соответствии с Конституцией РСФСР и настоящим Законом на всей либо на части территории РСФСР, означает особый правовой режим деятельности органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций, допускающий установленные настоящим Законом ограничения прав и свобод граждан и прав юридических лиц, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Чрезвычайное положение является временной мерой и может вводиться исключительно в интересах обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя республики»).

По уровню правотворчества нормативные правовые акты о чрезвычайном положении и СССР, и РСФСР превосходили действующий в Российской Федерации Федеральный конституционный закон РФ «О чрезвычайном положении».

Принимаются и подзаконные нормативные акты относительно исследуемого нами общественного отношения: постановление Правительства РФ «О порядке учета лиц, участвовавших в обеспечении режима чрезвычайного положения, на которых распространяются дополнительные гарантии и компенсации» № 601 от 15 августа 2002 г.⁴; письмо Минздрава РФ «Об актуальности Версии 1 временных методических рекомендаций "Ведение пациентов с рассеянным склерозом в условиях пандемии COVID-19» № 17-1/3126610-65394 от 25 декабря 2023 г.⁵.

Достаточно обширное законодательство о чрезвычайном положении в Российской Федерации предполагает использование правил комплексного правового регулирования⁶.

Таким образом, исследования относительно режима «чрезвычайное положение» при пандемии в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, Российская Федерация провозглашена правовым государством, однако допускается применение всяких режимов, в том числе и режима «чрезвычайное положение».

Во-вторых, применение режима «чрезвычайное положение» не вступает в противоречие с доктриной паритета в обеспечении интересов государства, общества и личности, что может обосновываться положением части 3 ст. 55 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

В-третьих, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования режима «чрезвычайное положение» в Российской Федерации, является Федеральный конституционный закон РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года»).

В-четвертых, до принятия Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») действовали Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 г. и Закон РФ «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г., которые по уровню правотворчества превосходили нормативный правовой акт с большей юридической силой.

В-пятых, противоречия между Федеральным конституционным законом РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») и нормативными правовыми актами с большей юридической силой разрешаются по правилу конкуренции между нормативными правовыми актами с разной юридической силой.

В-шестых, противоречия между Федеральным конституционным законом РФ «О чрезвычайном положении» («Одобен Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобен Советом Федерации 16 мая 2001 года») и нормативными правовыми актами с равной юридической силой разрешаются по правилу коллизии между нормативными правовыми актами с равной юридической силой.

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² См.: Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 15. Ст. 250.

³ См.: Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 773.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 34. Ст. 3296.

⁵ В официальных источниках не опубликовано.

⁶ Подробнее о таковых подробнее см.: Якулов Р.Х. Правотворчество в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993; Галузо В.Н. О правовом регулировании как альтернативе правотворчества в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8.

В-седьмых, противоречия между Федеральным конституционным законом РФ «О чрезвычайном положении» («Одобрено Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобрено Советом Федерации 16 мая 2001 года») и нормативными правовыми актами с меньшей юридической силой разрешаются по правилу конкуренции между нормативными правовыми актами с разной юридической силой.

В-восьмых, при пандемиях, в том числе и при коронавирусной инфекции «COVID-19», применение Федерального конституционного закона РФ «О чрезвычайном положении» («Одобрено Государственной Думой 26 апреля 2001 года», «Одобрено Советом Федерации 16 мая 2001 года») является обоснованным и не вступает в противоречие с доктриной баланса интересов государства, общества и личности, закрепленной в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (статьи 1, 8, 55).

Список литературы

- 1) Адаменко А.П., Пискунова Н.И., Целовальникова И.Ю. Обеспечение баланса интересов участников лизинговых отношений в условиях пандемии и в других чрезвычайных обстоятельствах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 9.
- 2) Алешин В.В. Правовые основы применения режима чрезвычайного положения и режима контртеррористической операции // Современное право. 2006. № 4.
- 3) Большая Российская энциклопедия. В 35 томах. Том 25 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 208.
- 4) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 5. С. 119-123.
- 5) Галузо В.Н. О деятельности кредитных организаций Российской Федерации в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 16. С. 30-35.
- 6) Галузо В.Н. О неопределенности статуса Председателя Правительства Российской Федерации в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 19. С. 41-47.
- 7) Галузо В.Н. О правовом регулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8.
- 8) Иванеев С.В., Леншин С.И. Влияние норм международного права на законодательство Российской Федерации в сфере применения Вооруженных Сил Российской Федерации в период действия режима чрезвычайного положения // Военно-юридический журнал. 2006. № 5.
- 9) Леншин С.И., Иванеев С.В. Правовое регулирование деятельности Вооруженных Сил в условиях режима чрезвычайного положения в России и зарубежных странах // Безопасность бизнеса. 2005. № 4; 2006. № 1.
- 10) Пермяков Л.Е., Галузо В.Н. О деятельности судов общей юрисдикции города Москвы в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 9 (часть II). С. 7-13.
- 11) Поляно Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 8. С. 8-14.
- 12) Поляно Н.И., Галузо В.Н. О противодействии коронавирусной инфекции (COVID-19) в похоронном деле Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 10 (часть II). С. 7-13.
- 13) Поляно Н.И., Галузо В.Н. О некоторых проблемах похоронного дела в городе Москве в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 11. С. 8-14.
- 14) Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993.

References

- 1) Adamenko A.P., Piskunova N.I., Tselovalnikova I.Yu. Ensuring the Balance of Interests of Participants in Leasing Relations in the Context of a Pandemic and Other Extraordinary Circumstances // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 9.
- 2) Alechin V.V. Legal Foundations of the Application of the State of Emergency and Counter-Terrorism Operations // Modern Law. 2006. No. 4.
- 3) Great Russian Encyclopedia. In 35 volumes. Volume 25 / Edited by S.L. Kravets. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2014. P. 208.
- 4) Galuzo V.N. Constitutional and Legal Status of Russia: The Problem of Naming the State // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2010. No. 5. Pp. 119-123.
- 5) Galuzo V.N. On the activities of credit institutions of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic // International scientific journal «Actual Research». 2020. No. 16. Pp. 30-35.
- 6) Galuzo V.N. On the uncertainty of the status of the Chairman of the Government of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic // International scientific journal «Actual Research». 2020. No. 19. Pp. 41-47.
- 7) Galuzo V.N. On legal regulation as an alternative to law enforcement in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2022. No. 1. Pp. 5-8.
- 8) Ivaneyev S.V., Lenshin S.I. The Influence of International Law Norms on the Legislation of the Russian Federation in the Field of the Use of the Armed Forces of the Russian Federation during the State of Emergency // Military-Legal Journal. 2006. No. 5.
- 9) Lenshin S.I., Ivaneyev S.V. Legal Regulation of the Activities of the Armed Forces in the State of Emergency in Russia and Foreign Countries // Business Security. 2005. No. 4; 2006. No. 1.
- 10) Permyakov L.E., Galuzo V.N. On the activities of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow in the conditions of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic // International scientific journal «Actual Research». 2020. No. 9 (part II). Pp. 7-13.
- 11) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On the role of law in the prevention of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic in the Russian Federation // International Scientific Journal «Actual Research». 2020. No. 8. Pp. 8-14.
- 12) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On Countering Coronavirus Infection (COVID-19) in the Funeral Industry of the Russian Federation // International Scientific Journal «Actual Research». 2020. No. 10 (Part II). Pp. 7-13.
- 13) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On Some Problems of the Funeral Industry in Moscow in the Context of the Coronavirus Infection (COVID-19) Pandemic // International scientific journal «Actual Research». 2020. No. 11. Pp. 8-14.
- 14) Yakupov R.Kh. Law Enforcement in the Criminal Procedure of Russia (Legal Problems): Abstract of Diss. ... Dr. Law. Sciences. M.: Yul of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_22

УДК 34.01

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ НИЖНИХ ЧИНОВ ПОЛИЦИИ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION AND OPERATION OF THE LOWER RANKS POLICE SERVICE IN THE CITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES (BASED ON MATERIALS FROM UFA PROVINCE)

ХАКИМОВ Салават Хазибович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: k021@mail.ru

ИВАНЦОВА Галина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий. 453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: ivancgalina@gmail.com

KHAKIMOV Salavat Khazibovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2 Muksinova St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russia.
E-mail: k021@mail.ru

IVANTSOVA Galina Anatolievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of state and law at the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology. 49 Lenin ave., Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, 453103, Russia.
E-mail: ivancgalina@gmail.com

Краткая аннотация. В представленной статье на основе анализа нормативно-правовых источников и литературы исследованы становление и эволюция института нижних чинов полиции в городах империи, в том числе и в региональном разрезе. Автором изучены изменения в численном составе городских, их правовое положение. Приведены убедительные примеры проявления личного мужества рядовых служащих в борьбе с уголовной преступностью в конце XIX – начале XX вв.

Abstract. Based on the analysis of regulatory sources and literature, the article examines the formation and evolution of the institution of lower ranks of the police in the cities of the empire, including in the regional context. The author has studied the changes in the number of policemen and their legal status. Convincing examples of the personal courage of ordinary employees in the fight against criminal offenses in the late 19th and early 20th centuries are given.

Ключевые слова: полицейское управление, Уфимская губерния, городские, нижние чины, участковый надзиратель.

Keywords: police department, Ufa province, policemen, lower ranks, district supervisor.

Для цитирования: Хакимов С.Х., Иванцова Г.А. Историко-правовые аспекты формирования и деятельности службы нижних чинов полиции в городах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Уфимской губернии) // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 22-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_22.

For citation: Khakimov S.H., Ivantsova G.A. Historical and legal aspects of the formation and activity of the lower ranks of the police in the cities of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries. (based on materials from the Ufa province) // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 22-25. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_22.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

Вопросы организационного становления службы нижних чинов городской полиции являются важной составляющей в деятельности органов внутренних дел Российской империи. С первых шагов образования регулярных полицейских подразделений обращалось особое внимание на охрану общественного порядка в городах. Согласно нормативному документу от 13 марта 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» отмечалось, что для несения караульной службы и содержания съезжих домов назначать по 1 унтер-офицеру и капралу, да рядовых в губернских городах по 8, а в провинциальных по 6 человек [11, с. 157].

8 сентября 1802 г. император подписал манифест «Об учреждении министерств». В числе восьми новых центральных органов государственного управления создавалось и министерство внутренних дел во главе с В.П. Кочубеем, которое во многом ускорило процесс формирования региональных полицейских подразделений, в том числе в губернских и уездных городах [8].

В 1806 г. штат уфимской полиции включал: городничего, 3 помощника, 8 сотских, 37 десятских. В городе было установлено 15 полицейских будок, при которых дежурило 45 человек. Обычно в состав полиции входили квартальные надзиратели, сотские и десятские (десятники), количество которых зависело от финансовых возможностей населения содержать за свой счет правоохранительные органы. В некоторых городах присутствовала должность частного пристава (Бирск), будочников (Бугульма) и караульных (Стерлитамак) [13, с. 28-29].

Положением Комитета Министров от 23 июня 1853 г. был утвержден штат городских полицейских команд, согласно которым комплектование происходило по запросам местных губернаторов из военного ведомства. Полицейская команда состояла из рядовых отставных воинских

чинов и определялась количеством проживающего населения. В городах с населением менее 2 тыс. человек назначалось 5 рядовых, от 2 до 5 тыс. – 1 младший унтер-офицер и 9 рядовых, от 5 до 10 тыс. – 2 младших унтер-офицера, 18 рядовых, от 10 до 15 тыс. – 1 старший унтер-офицер, 2 младших и 27 рядовых, с населением свыше 25 тыс. человек – 3 старших унтер-офицера, 5 – младших и 52 рядовых [9].

Уфимская губерния была образована в 1865 году на основе разделения Оренбургской губернии на две самостоятельные административные единицы: Оренбургскую и Уфимскую. Первым губернатором последней был назначен Г.С. Аксаков, занимавший должность до 1867 г., а до этого исполнявший обязанности Оренбургского гражданского губернатора [5, с. 129-130].

В 1865 г. нижних полицейских чинов в г. Уфе насчитывалось 33 человека при трех унтер-офицерах, в Мензелинске – 10 человек, Стерлитамаке – 7 человек, Бирске и Белебее – по 4 человека, в Златоусте 10 человек при одном унтер-офицере. В 1880 г.: в Мензелинске – 10 человек, Бирске – 10, Белебее – 5, Стерлитамаке – 9, Златоусте – 17 полицейских чинов. Дополнительно в Уфу и Златоуст были прикомандированы по 10 казаков при одном уряднике из Оренбургского казачьего войска [4, с. 36].

Сверх этих штатов при Уфимском полицейском управлении и в некоторых уездных городах для надзора за политическими осужденными из числа поляков (участников вооруженного восстания в Польше в 1863 г.) состоял особый временный полицейский состав: в Уфе – 20 человек, Стерлитамаке – 4, Бирске – 9, Белебее – 8 человек. Всего 41 человек [4, с. 36].

14 апреля 1887 г. император Александр III подписал «Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для которых не издано особых штатов полиции». В документе отмечалось, что в городских поселениях, число жителей в которых составляло до двух тысяч человек обоего пола, полагалось не более пяти городских, а в городах, имеющих более многочисленное население, число городских определяется по расчету, полагая не более одного городского на каждые пятьсот человек обоего пола, в числе каждых пяти городских полагался один с званием старшего; остальные носят звание младших, содержание городским полагается: а) страшим – не свыше ста восьмидесяти рублей и б) младшим – не свыше ста пятидесяти рублей в год каждому и, сверх того, на обмундирование по двадцати пяти рублей также ежегодно каждому [10, с. 171].

Расходы по содержанию полицейских команд полностью возлагались на средства городов, которые должны были предоставлять городским помещения с отоплением и освещением, снабжение их вооружением (шашками и револьверами) и обеспечение медицинским обслуживанием.

В пункте 6 вышеприведенного закона акцентировалось, что на городских не может быть возлагаемо исполнение обязанностей рассыльных или сторожей при Полицейских Управлениях, а также других службы и поручений, несоответствующих прямому их назначению охранять общественный порядок и безопасность [10, с. 171]. Данный законодательный акт сыграл важную роль в комплектовании нижних чинов полиции при городских полицейских управлениях, в том числе и в Уфимской губернии. В литературе также отмечается, что городской в конце XIX – 1917 г., он же уличный постовой, принимался на службу по вольному найму, выполнял функции по несению постовой службы на улицах. Посты были постоянные и подвижные. Городовому могло быть поручено регулирование движения, дежурства бывали суточные, ночные и дневные. Городовые подчинялись околоточному надзирателю [3, с. 211-212].

С принятием новых штатов произошло количественное и качественное увеличение полиции. В развитии структуры Уфимской городской полиции были введены должности околоточных надзирателей, которые ранее отсутствовали [21, с. 21].

Городовые комплектовались из числа отслуживших в армии рядовых и унтер-офицеров. Среди них было немало тех, кто отдавал свои силы, умения для пресечения и раскрытия преступлений, проявляя мужество и самоотверженность. В передовице официальной газеты «Уфимские губернские ведомости» нередко публиковались приказы губернатора, где объявлялись благодарности за исполнение служебного долга.

Например, 14 октября 1895 г. городскими 2-ой части г. Уфы Калмыковым и Заболуевым был задержан крестьянин д. Николаевка Белебеевского уезда Александр Евграфов с краденой лошастью [15].

С конца 1895 г. в г. Уфе появились в обращении фальшивые 25-копеечные серебряные монеты. Пристав 2-ой части поручил провести дознание по этому вопросу старшим городским Заболуеву и Калмыкову, которые выяснили, что производством фальшивых монет занимался обосновавшийся в г. Уфе крестьянин. В его квартире был произведен обыск, в ходе которого удалось обнаружить две машинки для выделки 25-копеечной монеты [16].

3 января 1897 г. городской 1-ой части г. Уфы Мухаметхафизов и 2-ой части Забальцев установили скрытое наблюдение за подозреваемыми в краже вещей и денег у подполковника Никольского. Следуя по пятам подозреваемого, полицейские пришли к дому на Новолазаретной улице, в котором приставами 1-ой и 2-ой части был произведен обыск. Обыск позволил обнаружить украденные у Никольского вещи. Арестованные Дыков и Мизенин сознались в краже [18].

24 февраля 1897 г. бирский полицейский надзиратель задержал крестьянина д. Князево с фальшивыми монетами 25, 20, 15-копеечного достоинства. При нем была обнаружена гипсовая форма для выделки монет [17].

В Стерлитамаке в июне 1898 г. полицейские получили сведения о производстве фальшивых серебряных монет, которым занимался Василий Григорьев. При обыске в его квартире были найдены глиняная форма серебряного рубля, фальшивый серебряный полтинник [19].

Таким образом, вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что большинство нижних чинов полиции достойно выполняли свой служебный долг.

Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги по территории губернии и ее инфраструктуры потребовали большого количества рабочих рук. Население г. Уфы выросло за короткий период с 25 до 70 тысяч человек. [4, с. 42]. В 1886 г. в Уфе было открыто отделение Самарского жандармского управления железных дорог. Первым начальником был назначен ротмистр П.К. Красильников [7, с. 99]. В зоне ответ-

ственности Уфимского отделения находился участок железной дороги от станции Абдуллино до станции Уфа, протяженностью 235 верст. По штату, кроме начальника и адъютанта, несли службу один вахмистр (старший унтер-офицер) и 21 унтер-офицеров [7, с. 101]. Основными обязанностями сотрудников железнодорожной полиции являлись охрана путей сообщения, обеспечение общественного порядка на станциях, в пассажирских и товарных составах. Нередко нижние чины при обходе железнодорожных путей, рискуя своей жизнью, спасали людей при неосторожном переходе полотна. Так, Приказом по Отдельному Корпусу жандармов от 22 января 1908 г. № 18 унтер – офицер Андриан Хериев за спасение 24 Ноября 1906 г. на станции Шингак–Куль Самаро–Златоустовской железной дороги, «от угрожавшей опасности быть раздавленным железнодорожным поездом», пассажира Уфимской губернии Никиты Ситникова, был награжден серебряной медалью с надписью «За спасение погибавших», для ношения на груди на Владимирской ленте, а также премирован пятью рублями [12].

Одним из старейших сотрудников Уфимской городской полиции был старший городовой И. Фионин, прослуживший около 40 лет. В ведомственном журнале за 1910 г. была опубликована заметка, в которой отмечалось, что служивший в Уфимской полиции с 1872 г. городовой Илья Фионин, ныне вследствие преклонного возраста, заявил желание уйти со службы. Фионин, несмотря на свои годы, всегда был примерным и образцовым служащим.

Полицеймейстер Г.Г. Бухартовский в своей поздравительной речи подчеркнул, что «я, да и все чины полиции, уверен с грустью расстаюсь с дедушкой Уфимской городской полиции» и пожелал ему, чтобы он, «после долгих и тяжелых трудов, пожил в спокойствии». За свои заслуги юбилар был награжден золотой шейной медалью «За усердие», а приказом уфимского губернатора было внесено представление в городскую думу о поощрении его дополнительной пенсией за счет городского бюджета. В заключительной части полицмейстер награждал Фионина комплектом нового обмундирования в память о службе в Уфимской городской полиции, а также предложил, чтобы в отделении пристава 3 участка, где он служил, поместить его портрет в пример всем его молодым сослуживцам [2; 22, с. 42-43].

За безупречную службу по охране общественного порядка решением Уфимской городской думы от 1909 г. ему была назначена дополнительная пенсия в качестве поощрения. В решении отмечалось, что Уфимский губернатор препровождая копию отношения департамента полиции от 2 апреля 1909 г. за № 44881 просит управу внести в Городскую Думу вопрос об обращении части пенсии бывшему городовому Фионину в сумме 105 рублей 98 копеек в год на доходы города Уфы, так как бывшему городовому Уфимской полицейской команды, отставному рядовому Фионину за служение в штате полиции свыше 4 трехлетий, сверх обязательного срока пребывания в войсках причитается на основании Высочайше утвержденный 8 ноября 1865 г. и 21 декабря 1871 г. мнений Государственного совета (примечание к 144 статье о пенсиях устава изданного в 1896 году) пенсия по 137 рублей 14 копеек, в год в том числе 31 рубль 16 копеек из суммы Государственного казначейства и 105 рублей 98 копеек из средства г. Уфы с 1 марта 1909 г., то есть со дня увольнения из службы.

Законом от 31 января 1906 г. «О численном составе и окладах содержания городских полицейских команд» в городских постах более 2 тысяч человек устанавливается новый норматив – один городовой на 400 человек.

Численность старших городовых согласно проекту закона должна была увеличиться на 1591 чел. и составить 4234 человека, а численность младших городовых на 5389 чел. и составить 18584 человека. В Уфимской губернии численность городовых должна была возрасти на 47 чел. [6, л. 30].

На основании закона от 31 января 1906 г. были утверждены новые штаты городовых уездных городов: Стерлитамак – 39, Белебей – 14, Бирск - 21, Мензелинск – 19, Златоуст - 51 человек, с одновременным увеличением окладов старших городовых до 300, а младших до 240 рублей.

Тем не менее, уфимский полицмейстер при поддержке губернатора сумел на свой страх и риск осуществить ряд преобразований, не поддержанных вышестоящей инстанцией. Еще в 1903 г. в городе был организован при полиции адресный стол, который работал достаточно эффективно на принципах самоокупаемости. В 1913 г. он был «легализован» с официальным утверждением МВД «Положения об уфимском адресном столе» [5, с. 165-166].

22 июня 1909 г. для Уфы устанавливаются новые временные штаты полицейского управления [1, с.459]. Город был разделен на 5 полицейских участков, где несли службу 5 приставов, 5 их помощников, 5 письмоводителей, 15 околоточных надзирателей и 160 городовых. Всего численность уфимской полиции, включая состав городского полицейского управления, насчитывала 196 человек [20, с. 10].

В январе 1913 г. численность городовых в г. Уфе составляла 160 чел, Бирске – 21, Белебее –14, Мензелинске – 18, в Златоусте – 51 городовой. На вооружении городской полиции имелось 167 револьверов, из них 34 системы «Наган», образца 1905 г. и 133 системы «Смит-Вессон», «Бульдог» и «Лефоше», а также 157 шашек кавалерийского образца [20, с. 10].

Определенный вклад в развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей служебную деятельность нижних чинов внесли Уфимский полицмейстер, надворный советник С.А. Шамлевича, назначенный на должность 12 сентября 1912 г. и его помощник Н.П. Елсаков, издав сборник «Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных Уфимским полицмейстером за 1911-1915 гг. Уфа, 1916» [14].

Во введении к книге отмечалось, что «при занятии должности Уфимского полицмейстера мною было замечено отсутствие в Городской полиции общей соорганизованности в смысле распределения обязанностей между отдельными должностными лицами городской полиции и отсутствие точного обозначения самих обязанностей (каждый агент полиции нес службу как понимал и как хотел). Между тем не одна служба не нуждается в соорганизованности отдельных агентов так, как полиция». Далее автор отмечает, что «в продолжение трёх лет издаваемыми мною приказами по полиции я стремился дать деятельности полиции необходимое направление.... Предлагая настоящее издание чинам вверенной мне полиции к руководству, объявляю, что с изданием настоящего сборника все приказы руководящего характера, не вошедши в состав его или

не отвечающей редакции, считать отмененными» [20, с. 13].

В публикации акцентировалось внимание на вопросах безупречного исполнения своих служебных обязанностей, всех без исключения сотрудников, в том числе и нижних чинов, будучи в общественных местах, на дежурствах, в нарядах и т.п. они должны быть со всеми вежливы, серьезны и сдержаны. Актуальным является пункт 6. Сборника, где автор обращает внимание, что чины полиции должны заботиться о сохранении за собой и своими сослуживцами доброго имени и чести своего служебного звания. В пункте 10 указанного сочинения полицмейстер подчеркивает, что городовым, находящимся в нарядах, воспрещается сидеть, публично курить, грызть семечки и заниматься праздными разговорами» [20, с. 14].

Важным разделом Сборника приказов Уфимского полицмейстера являлся раздел, в котором приведен подробный перечень обязанностей околоточных надзирателей и городовых. В частности, в документе отмечалось, что «освобождение Околоточных Надзирателей от личного исполнения мелких переписок дать им экономии в труду времени, каковы должны использовать по тем нарушениям, которые будут замечены участковыми городовыми и переданы им все виды доклада».

Каждый район, закрепленный за околоточным надзирателем, разделялся на более мелкие единицы для того, чтобы участковые городовые свободные от постовой службы время могли ежедневно обходить свои районы. В их компетенцию входило охрана порядка в трактирах и прочих питейных заведениях. Они должны были наблюдать, чтобы на улицах и площадях, равно как было сборищ для публичного иных преступных целей, а появляющихся в публичных местах лица в состоянии алкогольного опьянения отправлять в отделение участка. В обязанность нижних чинов входило право задерживать и доставлять в участок нищих и калек, просящих милостыню, как взрослых, так и малолетних, а также сборщиков на церкви, монастыри и т. п. не имеющих на право сбора засвидетельствованных в полиции книжек. Наблюдать, чтобы на улицах места, угрожающие опасностью, как-то: при постройках вырытых, канав, сбрасываний с крыш снега и льда и т. п., были огороживаемы, а с наступлением темноты опасные места, по которым происходит движение, освещались особым фонарем [14, с. 125-127].

Таким образом, в изучаемый период в структуре и деятельности губернских полицейских подразделений сформировалась и служба нижних чинов в лице пеших и конных городовых. Они несли патрульно-постовую службу, обеспечивали охрану общественного порядка, а также вместе с участковыми надзирателями участвовали в задержании уголовных преступников.

Список литературы:

1. Законы Российской Империи о башкирах, мишарях, тептерях и бобылях. Уфа, 1999. 568 с.
2. Вестник полиции. 1912. № 12.
3. Государственность России: словарь-справочник / Всерос. Науч.-исслед. Ин-т документов. И архив. дела. – М.: Наука, Кн. 5. Ч. I. 2005. 501 с.
4. Масалимов А.С. Реформы полиции Российской империи XIX - XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата: монография / А.С. Масалимов. – Уфа: УЮИ МВД России, 2011. 152 с.
5. Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству: монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2017. 283 с.
6. Национальный Архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф. – И-9. Оп. 1. Д. 715.
7. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов по 20 января 1888 года. СПб., 1888. 335 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), Собр. 1. Т. XXIX. № 22592. СПб., 1830. 1372 с.
9. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXVIII. Ч. II. № 27372. СПб., 1854. 517 с.
10. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 7. № 4351. СПб., 1889. 1146 с.
11. Российское законодательство X-XX вв. Т. 5. М., 1987. 527 с.
12. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1908 год. СПб., 1908 год. № 18.
13. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005. 266 с.
14. Служба Уфимской городской полиции в инструкциях, правилах и приказах по полиции, изданных Уфимским Полицеймейстером за 1911-1915 гг. Уфа, 1916. 230 с.
15. Уфимские губернские ведомости. - 1895. - 17 октября.
16. Уфимские губернские ведомости. - 1896. - 6 января.
17. Уфимские губернские ведомости. - 1897. - 26 августа.
18. Уфимские губернские ведомости. - 1897. - 6 января.
19. Уфимские губернские ведомости. - 1898. - 3 июня.
20. Хакимов С.Х., Асеев И.А., Каримов Р.Р. Полиция Уфы во второй половине XIX – начале XX века: уч. пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. 46 с.
21. Хакимов С.Х. Численность и состав Уфимской городской полиции накануне революции 1917 года // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78). С. 19-27.
22. Хакимов С.Х. Ведомственная периодическая печать МВД Российской империи конца XIX в. - начала XX в. как источник по патриотическому и нравственному воспитанию сотрудников ОВД // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 1 (42). С. 42-43.

References:

1. The laws of the Russian Empire on Bashkirs, mishars, tepters and bobyl. Ufa, 1999. 568 p.
2. Bulletin of the Police. 1912. № 12.
3. The statehood of Russia: reference dictionary / Vseros. Scientific research. In-t of documents. And the archive. dela. M.: Nauka, Book 5, P. I. 2005. 501 p.
4. Masalimov A.S. Police reforms of the Russian Empire of the XIX - XX centuries: achievements, miscalculations, impact on the development of the state apparatus: a monograph / A.S. Masalimov. Ufa: Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 152 p.
5. F. Mukhametshin. B. N. A. Sultanov. H. S. Khakimov. H. Bashkiria police. Three centuries in the service of the Fatherland: a monograph. Ufa: Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 283 p.
6. The National Archive of the Republic of Bashkortostan (Dalee=the RB). F.N. -I-9. Op. 1. 715.
7. The general staff of the departments and ranks of the Separate Corps of gendarmes on January 20, 1888. St. Petersburg, 1888. 335 p.
8. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Collection 1. Vol. XXIX. No. 22592. St. Petersburg, 1830. 1372 p.
9. PSZ RI. Collection 2-E. T. XXVIII. Part II. No. 27372. St. Petersburg, 1854. 517 p.
10. PSZ RI. Collection 3-E. T. 7. No. 4351. St. Petersburg, 1889. 1146 p.
11. Russian legislation of the X-XX centuries. Vol. 5. Moscow, 1987. 527 p.
12. Russia. A separate corps of gendarmes. Orders for the corps of gendarmes for 1908. St. Petersburg, 1908. № 18.
13. Sichinsky E.P. The police of the Southern Urals during the crisis of autocracy. Moscow, 2005. 266 p.
14. The Ufa City Police Service in the instructions, rules and orders on police issued by the Ufa Police Chief for 1911-1915. Ufa, 1916. 230 p.
15. Ufa provincial Gazette. - 1895. - October 17th.
16. Ufa provincial Gazette. - 1896. - January 6.
17. Ufa provincial Gazette. - 1897. - August 26.
18. Ufa provincial Gazette. - 1897. - January 6.
19. Ufa provincial Gazette. - 1898. - June 3.
20. Khakimov S.Kh., Aseev I.A., Karimov R.R. Ufa police in the second half of the 19th – early 20th century: a textbook. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 46 p.
21. Khakimov S.H. The number and composition of the Ufa city police on the eve of the 1917 revolution // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (78). pp. 19-27.
22. Khakimov S.H. Departmental periodical of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire of the late 19th century - early 20th century. as a source for patriotic and moral education of police officers // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (42). pp. 42-43.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_26

УДК 340.12

РОЛЬ Д. А. МИЛЮТИНА В ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1867 Г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ THE ROLE OF D. A. MILYUTIN IN ORGANIZING THE MILITARY-JUDICIAL REFORM OF 1867: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

ЧИМАРОВ Николай Сергеевич,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Ленинский пр., д. 101, г. Санкт-Петербург, 198262, Россия

E-mail: kolomyagi4@gmail.com;

ORCID 0000-0002-0661-1035;

ЧИМАРОВ Сергей Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы

Санкт-Петербургского университета МВД России.

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.

E-mail: serg120756@gmail.com;

ORCID 0000-0002-8323-6953;

CHIMAROV Nikolay Sergeevich,

Candidate of Legal Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of State and International Law,

St. Petersburg State Marine Technical University. 101 Leninsky Ave., Saint Petersburg, 198262, Russia.

E-mail: kolomyagi4@gmail.com

ORCID 0000-0002-0661-1035;

CHIMAROV Sergey Yuryevich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

43 4th lin. V.O., Saint Petersburg, 199004, Russia.

E-mail: serg120756@gmail.com;

ORCID 0000-0002-8323-6953

Краткая аннотация: в настоящей работе исследуется деятельность военного и государственного деятеля Д. А. Милютина по проведению военно-судебной реформы 1867 г. На основе конкретных исторических эпизодов авторы исследуют контекстуальные особенности, предвещающие грядущие институциональные и законодательные изменения, непосредственное участие в которых принял Д. А. Милютин. Акцентируется внимание на правовых и организационных проблемах, сложившихся в системах военного и судебного регулирования Российской империи середины XIX столетия и порядка их частичного разрешения. Делаются выводы об итоговом значении реформы 1867 г. в общей модели адаптации государственных институтов к вызовам времени, а также о степени зависимости качества государственных преобразований от личности, стоящей у их истоков.

Abstract: this paper examines the work of military and statesman D. A. Milyutin in implementing the military-judicial reform of 1867. Drawing on specific historical episodes, the authors explore the contextual features that preceded the upcoming institutional and legislative changes in which D. A. Milyutin played a direct role. The paper focuses on the legal and organizational problems that arose in the military and judicial regulatory systems of the Russian Empire in the mid-20th century and the procedures for their partial resolution. Conclusions are drawn regarding the ultimate significance of the 1867 reform in the overall model of adapting state institutions to the challenges of the times, as well as the degree to which the quality of state reforms depends on the individual who initiated them.

Ключевые слова: военная реформа, Военно-судебный устав, крепостное право, Российская Империя, систематизация права, судебная реформа.

Keywords: military reform, Military Judicial Regulations, serfdom, Russian Empire, systematization of law, judicial reform.

Для цитирования: Чимаров Н.С., Чимаров С.Ю. Роль Д.А. Милютина в организации военно-судебной реформы 1867 г.: историко-правовые аспекты // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_26.

For citation: Chimarov N.S., Chimarov S.Y. The role of D.A. Milyutin in the organization of the military judicial reform of 1867: historical and legal aspects // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_26.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026

Временной отрезок XIX – начала XX вв. озаглавлен в истории российской государственности как период кардинального переосмысления природы государственного аппарата. Итоговый результат, охвативший различные сферы публичного регулирования от реорганизации судебной власти, до культурных преобразований, сумел предложить не просто обозначение новых концепций, но создание органично сочетаемых установлений, отвечавших требованиям актуальности и практической значимости. Не стоит также забывать и о том, что в действительности реформы являли собой плоды ожесточенных дискуссий, а их идеологами и участниками выступали государственные деятели с большим жизненным опытом в соответствующей предметной области.

В рамках настоящего исследования небезынтесным начинанием видится обращение к периоду общественных реформ, в научном пространстве известных в качестве «милютинских». Означенные преобразования представляли собой комплекс мер, направленных на оптимизацию военной отрасли с новых условиям ведения боевых действий, проявившимся в период ведения Крымской войны 1853-1856 гг. При этом, преобразования касались вопросов материально-технического обеспечения армии и флота, системы подготовки военных кадров, а также деятельности судебных учреждений специальной (военной) компетенции. Третий из указанных элементов преобразований впоследствии будет

выделен в качестве отдельного объекта обширной дискуссии, развернутой под наименованием «Военно-судебная реформа 1867 г.».

Изменения, как это часто бывает, стали вынужденной мерой в том числе и по причине усложнения для России международной обстановки, при которой ряд недружественных нашей стране государств выбрали политику ее дипломатической изоляции. Потребность в фундаментальном пересмотре государственной деятельности, в части укрепления мощи российских Вооруженных Сил была очевидна, однако по разумению представителей аппарата публичной власти, реформаторские процессы в этом направлении должны быть поступательными и корреспондировать фактору резонансной значимости. В этой связи, представляется необходимым указать на то обстоятельство, что в кругу различных шагов по преодолению в стране политического кризиса, центральное место занимал акт подписания в 1861 г. императором Александром II знаменитого Манифеста об отмене крепостного права. Данный документ, по праву получивший славу памятника российской истории второй половины XIX века, открыл дорогу к дальнейшей реорганизации общественных институтов, что способствовало созданию различных редакционных комиссий, в работе которых одно из центральных мест принадлежало представителям юридического сообщества. В ноябре того же 1861 г. на пост Военного министра Российской Империи был назначен Дмитрий Алексеевич Милютин – прославленный участник боевых действий на Кавказе, генерал-адъютант Его Императорского Величества, профессор Императорской Академии. Следует заметить, что указанную должность Д. А. Милютин занимал по май 1881 г.

Эффективно проявив себя в период боевых действий на Кавказе в 1856-1860 гг. в качестве начальника главного штаба кавказской группировки, Д. А. Милютин вошел в историю совместно с главнокомандующим на Кавказе князем А. И. Барятинским как инициатор перевооружения армии на нарезное оружие [1, с. 54]. Впоследствии это решение станет переломным и изменит ход боевых действий в кавказском регионе в пользу Российской Империи.

Отмечая карьерный взлет Д. А. Милютина, следует обратить внимание на то обстоятельство, что комбинация особенностей его воспитания, военного прошлого и навыков, приобретенных в гражданской жизни, позволяли оптимистично смотреть на перспективы указанного военного деятеля. Дополнительным фактором нового назначения Д. А. Милютина безусловно были существующие разногласия между А. И. Барятинским и действующим к тому времени Военным министром, которым являлся Н. О. Сухозанет. По воспоминаниям Д. А. Милютина, данное разногласие объяснялось не только разными подходами А. И. Барятинского и Н. О. Сухозанета к методам ведения боевых действий на Кавказе, но и неуступчивостью характера первого из указанных военных деятелей [1, с. 100]. Произошедший впоследствии карьерный взлет А. И. Барятинского способствовал предоставлению положительной рекомендации по кандидатуре Д. А. Милютина императору, что вызвало недовольство со стороны Н. О. Сухозанета. Между тем, складывающаяся нездоровая профессиональная обстановка не привела к серьезным последствиям, ввиду перевода Н. О. Сухозанета в статус и.о. наместника Царства Польского [2, с. 19].

Развивая положения предыдущего абзаца, пожалуй, не будет ошибочным суждением, что идеологическая основа личностного образа Д. А. Милютина была сформирована под влиянием его дяди – графа П. Д. Киселева, который в свое время выступал с позиций противника крепостного права. Схожего тезиса придерживается и историк А. А. Кизеветтер в своей публикации, посвященной деятельности одного из отцов реформы 1861 г. – Н. А. Милютина (родного брата Д. А. Милютина) [3, с. 235].

Подчеркивая вклад Д. А. Милютина в последующие государственные преобразования, стоит остановиться на начальном этапе его министерской работы. Наиболее красноречивая характеристика дается самим Д. А. Милютиным, отмечавшим, что ведущей идеей (первого года работы) для него стало создание программы, которая будет служить ориентиром для дальнейшей деятельности [2, с. 22]. Степень ответственности, применительно к той ситуации, в которой оказался Д. А. Милютин, была запредельной. Проведение крестьянской реформы 1861 г. оказало серьезное влияние на социальный уклад Империи по многим параметрам. Без продуманных последующих шагов, изменения могли бы привести к новой волне напряжения. Слова же Военного министра подкреплялись делом и спустя несколько месяцев Александру II на ознакомление был представлен объемный доклад по Военному министерству (15 января 1862 г.), включающему в себя в том числе и раздел IV «Военно-судная часть» [4].

В представленных тезисах доклада критике подвергались такие факторы, как: 1) практически дословное заимствование полевого уголовного уложения 1812 г. из французской законодательной системы; 2) отсутствие должного уровня систематизации уголовного законодательства (в рамках имеющихся актов различные уточнения и узаконения производились ситуативно, без оглядки на их цельность и согласованность); 3) слабость собственно военно-судебного типа производства, ввиду того, что уполномоченные должностные лица как исполнители обладают правом по своему усмотрению увеличивать или отменять меру наказания.

Приведенные выше примеры не являются исчерпывающими, поскольку составляют лишь небольшую часть первого смыслового блока, представленного в IV разделе. Помимо выявления юридико-технических недостатков, Военное министерство выступило со следующими инициативами: 1) подготовка Нового устава о воинских преступлениях и наказаниях; 2) преобразование арестантских рот; 3) оптимизация работы военно-уголовного судоустройства и судопроизводства; 4) улучшение личного состава аудиторских чиновников.

Предложения Военного министерства представляли собой примечательную концепцию, действительно опирающуюся на нужды армии и флота и со временем приобретающую все более осязаемые черты. Безусловно, достойным упоминанием является тот факт, что реформа армии и флота началась несколькими месяцами ранее до того, как на свой пост вступит новый Военный министр. Подтверждением тому является ответное письмо Д. А. Милютина, адресованное главе Морского министерства, великому князю Константину Николаевичу (составлено в 1861 г.). В тот момент времени Д. А. Милютин, будучи в должности товарища (заместителя) Военного министра, положительным образом комментирует составленный проект Устава о Военно-морском суде, попутно отмечая общие недостатки в организационной работе двух ведомств. Также в

письме высказывается надежда на возможное создание единого для империи уголовного и военно-судного законодательства. Наиболее важными шагами, отраженными в отмеченном проекте Устава, Д. А. Милютин считал следующие новации: 1) создание постоянных судебных учреждений в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Николаеве (взамен временный комиссий); 2) допуск адвокатов на заседания; 3) повышение качества кадрового состава судебных чиновников; 4) утверждение роли высшего кассационного суда [5].

Сама же работа над военно-судной частью доклада была открыта несколько позже после его подготовки. В частности, основой дальнейшей деятельности Военного министерства послужил проект устава «О воинских преступлениях и наказаниях» сенатора И. Х. Капгера. Ввиду болезни последнего, проект не получил должного внимания, что привело к множеству трактовок видения будущего акта. Создание в скором времени особого комитета старших генералов, как способа устранить разночтения, к сожалению не привело к серьезным изменениям. Одной из таковых причин возможно считать председательство бывшего военного министра Н. О. Сухозанета. Наиболее яркой темой для дискуссии стал вопрос о перспективах телесных наказаний. Стремление ограничить, а то и вовсе отменить их, разбивались о действительность, в которой активно не было достаточного числа мест заключения [6, с. 482-483].

Так или иначе, но существенным камнем преткновения для воплощения задуманного оставался механизм реализации. В данном случае успешное согласование действий юристов в ходе Судебной реформы 1864 г. позволило довести дело до конца. По воспоминаниям самого Д. А. Милютина, события ноября 1864 г., когда были приняты новые Судебные уставы, общество восприняло со всеобщим ликованием. Однако специалисты прекрасно понимали, что при всех достоинствах новых документов, последним потребуется время чтобы утвердиться в системе государственного регулирования. Тем самым перед членами комиссии по подготовке реформ возникала задача согласовать свои действия с тем, чтобы обеспечить успешную реализацию намеченных идей [7, с. 489-490].

Примечательно, что в конечном счете пути великого князя Константина Николаевича и Д. А. Милютина вновь пересеклись, но с точностью наоборот. Подготовленный проект обновленного Военно-судебного устава был подготовлен, рассмотрен и утвержден в 1867 г. особым комитетом, под председательством первого. Новый документ являл собой результат длительного труда военных специалистов, внесших огромную свой вклад в обновление отечественных армии и флота.

Сопутствующие проводимой реформы перипетии кадровых решений, а также типичные сложности разработки масштабных нормативных установлений, тем не менее не должны способствовать игнорированию ключевых черт, характеризующих реформу 1867 г.

Так, само по себе изменение военно-судной части изначально не было представлено как изолированное изменение организационно-правовой плоскости. Напротив, излишнее фрагментирование и выделение процессуальных основ привело бы в лучшем случае к малоэффективным изменениям в контексте масштабных изменений 1860-1870-х гг. Об этом говорил и сам Д. А. Милютин в содержании подготовленного им доклада (Раздел III), отмечая что единство армии возможно только с учетом всех составляющих ее единиц – не только физических способностей, но и умственных [4, с. 92]. В этом ключе военно-судебная реформа изначально была встроена в систему «Военной реформы», жизнеспособную при параллельном развитии всех ее компонентов.

Кроме того, являясь в свою очередь частью общей имперской судебной реформы 1864 г., а также вбирая в себя либеральный заряд Манифеста 1861 г., программа Д. А. Милютина также проявила себя должным образом, адаптируясь, с одной стороны, к потребностям представителей воинской службы, а с другой к объективным возможностям государственного аппарата. В итоге, затормаживая и разгоняясь на различных этапах реформирования военно-судебного дела, предложенная Д. А. Милютиным концепция реформы позволила достигнуть нужного эффекта.

Любые законодательно- и программно- обоснованные изменения в работе общественных институтов уместно соотносить с представляющими их персоналиями. В этом плане личностные качества Д. А. Милютина, переносимые на Военное министерство, органичным образом соотносились с духом его времени. Множество положений нового Военно-судебного устава (далее – Устава) развивались в сторону либеральных начал. Рассмотрим лишь часть из них для дополнительной аргументации: а) предоставления обвиняемому права на защиту (см. например ст. 104 Устава 1867 г.); б) развитие начал гласности в сфере военного производства (см. например ст. 87 Устава 1867 г.); в) существенное сокращение телесных наказаний (см. например пп. 5, п. 14, Гл. 3 Положения о взыскания дисциплинарных); г) создание основ прокурорского надзора (см. например ст. 6 Устава 1867 г.); д) введение практики обжалования приговоров и частных определений суда (Глава 7 Устава 1867 г.) [8].

Нововведения были крайне вариативны и обширны, подразумевали создание судебных инстанций, реформирование судейского и исполнительского корпусов и т.п. Но главное – полностью соответствовали видению перспективного общественного уклада.

Закономерной также была и критика со стороны консервативных представителей. Крайне удивительным в данном ряду присутствие князя А. И. Барятинского, без которого император Александр II в свое время не получил бы рекомендацию на нового Военного министра. В своих рассуждениях князь высказывает непонимание приоритета административных учреждений над военными, т. е. если последние созданы для войны, то и соотношение институтов должно быть соответствующее [9, с. 17]. Однако, как уже было отмечено ранее, дела говорят больше, чем слова. Судить об успехах комплексной Военной реформы 1867 г. вполне уместно на основе кампаний, проводимых обновленной армией и флотом в 1870-х., по итогам которых были решены многие острые политические вопросы.

На данном этапе реформы, впрочем, не были завершены, поскольку специфика планомерной актуализации отношений во-многом опиралась на региональный фактор. Предварительное разделение министерством территории империи на военные округа, позволило завершить преобразования лишь к 1889 г.

Меняющаяся военно-политическая картина начала XX в. предложила новые вызовы, к которым Российская Империя оказалась, к сожалению, не готова. Сам Д. А. Милютин комментировал данную ситуацию через призму слабой кадровой подготовки нового состава министров и

упущенное время для реформ, а также выражал заинтересованность в свои 94 года создать новую программу преобразований [10].

Подводя итог, следует заключить что проведение реформ не должно восприниматься как окончательное нахождение идеальной модели общественного уклада. Не столь важно, о каком типе публичного аппарата мы говорим, или о какой эпохе его существования. Ему в любом случае надлежит быть обращенному и к своим гражданам, и за пределы своих границ. Только в таком случае получится учитывать динамику происходящих процессов. Реформы же – способ адаптации, который также требует периодического обновления. А такое обновление основывается на достойном кадровом ресурсе. Нахождение на своем месте вовлеченного в свое дело человека, позволяет достичь больших высот, главное не упустить этот момент. О том что Д. А. Милютин был таким человеком, свидетельствует множество материалов означенного времени. В качестве завершающего примера отметим диалог Д. А. Милютина и А. Ф. Кони, состоявшегося на фоне воспрещения празднований 25-летия освобождения крестьян и издания судебных уставов: «Дмитрий Алексеевич... чудная природа, спокойный творческий труд, любимая и любящая семья и светлые воспоминания... ведь на этом можно помириться!». Помолчав немного [Милютин] сказал: «Да, если быть эгоистом!» [11, с. 274-275].

Список литературы:

1. Милютин Д. А. Воспоминания. 1856-1860 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
2. Дневник Д. А. Милютина. В 4-х томах / Ред. и примеч. П. А. Зайончковского. Т. 1. М., 1947. 256 с.
3. Кизеветтер А. А. Освобождение крестьян. Деятели реформы: [сборник статей]. М.: Науч. слово, 1911. 342 с.
4. Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Приложения к Историческому очерку развития военного управления в России. Ч. I / Под ред. Д. А. Скалона. СПб.: Типография П.В. Пантелеева, 1902. 189 с.
5. Арапова Е. Д. Д. А. Милютин о задачах военно-судебной реформы в России. 1860-1867 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 44-45.
6. Милютин Д. А. Воспоминания. 1860-1862 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 559 с.
7. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863-1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 688 с.
8. Военно-судебный устав (полное издание). Высочайше утвержденный 15 мая 1867 г. М.: Издание И. М. Погорелкина, 1868 г. 447 с.
9. Татищев С. С. Император Александр второй. В 3 частях. Ч. 3. М.: Издательство Юрайт, 2019. 484 с.
10. Милютин Д. А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 833-858.
11. Кони А. Ф. На жизненном пути. Т 2: Из воспоминаний. СПб.: Типография СПб. товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1912. 786 с.

References:

1. Milyutin D. A. Memoirs. 1856-1860 / Edited by L.G. Zakharova, Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 560 p.
2. Diary of D. A. Milyutin. In 4 volumes / Ed. and notes by P. A. Zayonchkovsky. Vol. 1. Moscow, 1947. 256 p.
3. Kiesewetter A. A. Liberation of the peasants. Figures of the reform: [collection of articles]. Moscow: Nauch. slovo, 1911. 342 p.
4. The Centenary of the Ministry of War. 1802-1902. Appendices to the Historical sketch of the development of military administration in Russia. Part I / Edited by D. A. Skalon. St. Petersburg: Printing House of P.V. Panteleev, 1902. 189 p.
5. Arapova E. D. D. A. Milyutin on the tasks of military judicial reform in Russia. 1860-1867 // Military historical magazine. 2007. № 4. P. 44-45.
6. Milyutin D. A. Memoirs. 1860-1862 / Edited by L.G. Zakharova, Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1999. 559 p.
7. Milyutin D. A. Memoirs. 1863-1864 / Edited by L.G. Zakharova. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2003. 688 p.
8. Military Judicial Statute (full edition). Most highly approved on May 15, 1867. Moscow: Edition of I. M. Pogorelkin, 1868. 447 p.
9. Tatishchev S. S. The Emperor Alexander the Second. In 3 parts. Part 3. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 484 p.
10. Milyutin D. A. Senile reflections on the current state of military affairs in Russia // Proceedings of the Imperial Nikolaevsky Military Academy. 1912. № 30. P. 833-858.
11. Koni A. F. On the path of life. T 2: From memoirs. St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg Association of printing and publishing «Trud», 1912. 786 p.

«ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ»: СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ WELFARE STATE: THE ESSENCE OF THE THEORY

ЧЕРКАШИНА Мария Ильинична,

заведующий отдела биоклональной и молекулярно-генетической лаборатории центра коллективного пользования
ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнологический университет».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Сергеляхское шоссе 3 км, 3.

E-mail: 703210@mail.ru

ЧЕРКАШИНА Анна Георгиевна,

доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры «Общая зоотехния», факультет агробизнеса
ФГБОУ ВО «Арктический государственный агротехнологический университет».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Сергеляхское шоссе 3 км, 3.

E-mail: 703210@mail.ru

SHERKASHIN Maria Ilyinichna,

Head of the Department of Bioclonal and Molecular Genetics, Shared Use Center Arctic State Agrotechnological University.

677007, Russia, Yakutsk, Sergelyakhskoe Shosse 3 km, 3.

E-mail: 703210@mail.ru

SHERKASHIN Anna Georgievna,

Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Department of General Animal Science, Faculty of Agribusiness
Arctic State Agrotechnological University.

677007, Russia, Yakutsk, Sergelyakhskoe Shosse 3 km, 3.

E-mail: 703210@mail.ru

Краткая аннотация. Сегодня понятие государства всеобщего благосостояния, или как еще недавно говорили - государства всеобщего благоденствия - несколько утратило свою популярность и привлекательность. Расцвет этой концепции приходится на середину XX в. и во многом обусловлен успехами науки, техники и производства в развитых странах Запада.

Abstract. Today, the concept of the welfare state, or as it was recently called, the welfare state, has somewhat lost its popularity and appeal. This concept flourished in the mid-20th century and was largely due to advances in science, technology, and manufacturing in developed Western countries.

Ключевые слова. Государство, благосостояние, концепция, история, социальное рыночное хозяйство.

Keywords. State, welfare, concept, history, social market economy.

Для цитирования: Черкашина М.И., Черкашина А.Г. «государство всеобщего благосостояния»: сущность теории // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 30-31. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_30.

For citation: Cherkashina M.I., Cherkashina A.G. "Welfare state": the essence of the theory // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 30-31. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_30.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2025

В принципе, историю концепции государства всеобщего благосостояния можно начинать с эпохи Возрождения и тем более проследить ее развитие в трудах гуманистов и просветителей. Однако не вызывает сомнения тот факт, что государство всеобщего благосостояния является феноменом, характерным для современных индустриальных стран. До XX в., и уж никак до XIX в., на национальном или местном уровнях не существовало таких механизмов, которые необходимы для поддержания налогообложения и предоставления услуг, характерных для государства всеобщего благосостояния [7, 8 с.218-225, с.286-225].

Значительную роль в теоретическом развитии концепции государства всеобщего благосостояния сыграла теория английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883 - 1946), обосновавшего необходимость активного вмешательства государства в экономическую жизнь общества [1, с.4].

Истоки теоретического обоснования необходимости и значимости государственного регулирования рыночной экономики находят в макроэкономической теории кейнсианства, возникновение которого относится к периоду Великой экономической депрессии 1929-1933 гг. Этот крупнейший кризис мировой капиталистической системы обнаружил неспособность неоклассического направления ответить на вопрос о его причинах и путях стабилизации экономического развития. Теоретические положения кейнсианства изложены в главном научном труде Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег"(1936). Его основу составляет идея о вмешательстве государства в развитие капиталистической экономики с целью устранения кризисных явлений, достижения максимальной занятости, повышения темпов роста общественного производства. Кейнс считал, что высший долг государства заключается в том, чтобы обеспечивать благосостояние общества в настоящем. Реальное воплощение идеи Кейнса получили в модели "государства всеобщего благосостояния" с его непомерно высокими социальными расходами и ориентацией на полную занятость [4, 5 с.142-147].

Концепция государства всеобщего благосостояния постулирует принцип справедливого распределения и обеспечения благосостояния каждого члена общества [6].

Надо отметить, что единого определения понятия государства всеобщего благосостояния не существует. Один из фундаментальных английских толковых словарей "Webster's Desk Dictionary of the English Language"(1990) дает несколько трактовок термина "Welfare"[9]:

- состояние обеспеченного здоровья, питания и удобств;
- организация мер дляподдержания жизненных условий необходимых для жизни людей;
- получение общественной финансовой помощи в условиях лишений и нужды.

Соответственно понятие "Welfare State" трактуется как государство, в котором правительство принимает на себя принципиальную ответственность за обеспечение основных социальных нужд его граждан [10, с.1-16].

"Энциклопедический социологический словарь" (1995) рассматривает государство всеобщего благосостояния, государство благосостояния - как концепцию, утверждающую способность современного западного общества обеспечить относительно высокий уровень жизни для всех своих членов (с учетом уровня развития науки, техники и экономики). Основная идея концепции - в утверждении возможности радикального преобразования общества, прежде всего в вопросах распределения собственности, доходов, организации управления предприятиями, а также функций государства в интересах всех его граждан. Технологический и экономический рост считается при этом решающим средством обеспечения всех членов общества материальными и социальными благами. Изобилие на рынке товаров массового потребления рассматривается как способ разрешения всех социально-экономических и социокультурных конфликтов [11].

Экономическая энциклопедия определяет понятие государства всеобщего благосостояния следующим образом:

1) Концепция, разрабатывавшаяся в рамках институционального направления западной экономической теории представителями социал-демократии. Развитие системы институтов общественного благосостояния рассматривается в ней как универсальный процесс, связанный с долговременными тенденциями в области перераспределения общественного продукта;

2) Неотъемлемый компонент реальных смешанных общественно-экономических систем открытого общества, складывающихся в развитых странах.

Государство всеобщего благосостояния в трактовке авторов экономической энциклопедии означает реализацию социальной эффективности современной рыночной экономики при посредстве государственной политики доходов, занятости и цен, использования прямых и косвенных регуляторов социальных процессов, когда осуществляются программы развития различных отраслей социальной инфраструктуры - в области науки, культуры, образования, здравоохранения [12, с.271-303].

Словарь терминов "Социальное рыночное хозяйство" (1997) еще менее определенно подходит к содержанию данного понятия. Государство всеобщего благосостояния рассматривается как форма хозяйственного порядка, распространенная в промышленно развитых странах Запада и отличающаяся значительным государственным вмешательством в целях перераспределения доходов и имущества. Отмечается, что наибольшее распространение это понятие получило в шведской модели экономики в качестве "народного идеала" (Г. Мюрдаль). Термин "государство всеобщего благосостояния" применяется также в отношении современного немецкого государства, поскольку его целью является "благосостояние для всех" (термин, введенный Л. Эрхардом) [2, с.44].

В этой трактовке данный термин означает экономический строй (хозяйственный порядок), организованный на принципах рыночной экономики, корректируемый направленными на недопущение сбоев или отказов рынка, либо их минимизацию мерами государственной социальной политики. Автор словаря указывает также, что это противоречит ордолиберальной концепции рынка, в которой принцип социальной справедливости предполагает свободную конкуренцию на рынке труда и вознаграждение в соответствии с трудовыми усилиями (вкладом) работника, а не осуществляется на основе простого перераспределения доходов [3, с.44-45].

Список литературы:

1. Ярская В.Н., Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. - С. 4
2. Васина Л.Л., Социальное рыночное хозяйство: Словарь терминов. М., 1997. - С. 44
3. Павроз А. В. Государство всеобщего благосостояния: сущность политики и фундаментальные противоречия // Политика и общество. - 2011. - №. 11. - С. 21-29
4. Сидорина Т. Государство всеобщего благосостояния. - ЛитРес, 2020.
5. Нагимова З. Ф. К вопросу о теоретическом обосновании взаимосвязи концепции социального государства и социально-экономического развития государства // Евразийская адвокатура. - 2025. - №. 2 (73). - С. 142-147
6. Еремин С. и др. Основы социального государства. Учебник и практикум для вузов. - Litres, 2025
7. Джаббаров М. С. Особенности социального государства и международный опыт // Journal of new century innovations. - 2025. - Т. 84. - №. 1. - С. 218-225
8. Portella E. Feminism beyond welfare: care, socialisation and the politics of the state // Feminist theory. - 2025. - Т. 26. - №. 2. - С. 286-308
9. Hutaaruk A. Quo Vadis: The Welfare State in the Era of Dark Indonesia // Enrichment: Journal of Multidisciplinary Research and Development. - 2025. - Т. 2. - №. 12
10. Mzileni P., Noveve Q. Symbolic Violence Under a Liberal Welfare State Crisis? Reviewing the National Student Financial Aid Scheme (NSFAS) // South African Review of Sociology. - 2025. - С. 1-16
11. Cacciani G. et al. A responsible welfare state: individual responsibility as the new rationale of the welfare state. - 2025
12. Jwa S. H. What causes polarized stagnation, corporate economy, or welfare state?: Insights from new development economics // Economics & Politics. - 2025. - Т. 37. - №. 1. - С. 271-303

References:

1. Yarskaya V.N., Social Policy, Welfare State, and Social Management: Problems of Analysis / Journal of Social Policy Studies. 2015. No. 1. - P. 4
2. Vasina L.L., Social Market Economy: Dictionary of Terms. Moscow, 1997. - P. 44
3. Pavroz A.V. Welfare State: The Essence of Policy and Fundamental Contradictions // Politics and Society. - 2011. - No. 11. - P. 21-29
4. Sidorina T. Welfare State. - LitRes, 2020.
5. Nagimova Z.F. On the Theoretical Substantiation of the Relationship between the Concept of the Welfare State and the Socio-Economic Development of the State // Eurasian Advocacy. - 2025. - No. 2 (73). - P. 142-147
6. Eremin S. et al. Fundamentals of the welfare state. Textbook and practical training for universities. - Litres, 2025
7. Dzhabborov M. S. Features of the welfare state and international experience // Journal of new century innovations. - 2025. - Vol. 84. - No. 1. - P. 218-225
8. Portella E. Feminism beyond welfare: care, socialization and the politics of the state // Feminist theory. - 2025. - Vol. 26. - No. 2. - P. 286-308
9. Hutaaruk A. Quo Vadis: The Welfare State in the Era of Dark Indonesia // Enrichment: Journal of Multidisciplinary Research and Development. - 2025. - Vol. 2. - No. 12
10. Mzileni P., Noveve Q. Symbolic Violence Under a Liberal Welfare State Crisis? Reviewing the National Student Financial Aid Scheme (NSFAS) // South African Review of Sociology. - 2025. - P. 1-16
11. Cacciani G. et al. A responsible welfare state: individual responsibility as the new rationale of the welfare state. - 2025
12. Jwa S. H. What causes polarized stagnation, corporate economy, or welfare state?: Insights from new development economics // Economics & Politics. - 2025. - T. 37. - No. 1. - pp. 271-303

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_32

УДК 340.12

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

COGNITIVE ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL MENTALITY IN THE NEW TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЩЕРБАКОВА Нина Владимировна,к.фил.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мелитопольский государственный университет».

пр-т Б. Хмельницкого, 18, Мелитополь, Запорожская область, Россия.

E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru

ORCID: 0000-0003-2632-2641,

SPIN-код 7645-6875,

РИНЦ AuthorID 1224718,

Scopus AuthorID 57217023622,

SHCHERBAKOVA Nina V.,PhD, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Melitopol State University.

B. Khmel'nitsky Ave., 18, Melitopol, Zaporizhian region, Russia.

E-mail: nina.shcherbakova.2505@bk.ru

ORCID: 0000-0003-2632-2641,

SPIN code 7645-6875,

RSCI AuthorID 1224718,

Scopus AuthorID 57217023622,

Краткая аннотация: В статье рассматриваются когнитивные процессы, лежащие в основе трансформации правовой ментальности жителей новых территорий Российской Федерации. Анализируются особенности восприятия, интерпретации и адаптации к новой правовой системе, сложившиеся в контексте предшествующего правового опыта и культурных установок. Особое внимание уделяется влиянию информационного воздействия, образовательных программ и практического применения новых правовых норм на формирование правосознания и правовой культуры населения. Изучаются возможные когнитивные диссонансы и механизмы их преодоления, связанные с изменением правового статуса и переходом к новой системе ценностей. Трансформация правовой ментальности представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий учета множества факторов, как объективных, так и субъективных. В частности, необходимо учитывать особенности предшествующего правового опыта жителей новых территорий, их культурные установки и ценности, которые оказывают непосредственное влияние на восприятие и интерпретацию новых правовых норм. Существенное значение имеет и информационное воздействие, оказываемое на население через различные каналы коммуникации. Формирование позитивного образа новой правовой системы, разъяснение особенностей ее функционирования и практического применения, а также предоставление достоверной информации о правах и обязанностях граждан – важные условия успешной адаптации к новой правовой среде. Образовательные программы, направленные на повышение правовой грамотности населения, играют ключевую роль в процессе трансформации правовой ментальности. Важно не только ознакомить граждан с новыми правовыми нормами, но и сформировать у них понимание сущности права, его роли в обществе и необходимости соблюдения законов. В процессе адаптации к новой правовой системе неизбежно возникают когнитивные диссонансы, связанные с противоречиями между прежними правовыми представлениями и новыми правовыми реалиями. Преодоление этих диссонансов требует активной работы по переосмыслению правовых ценностей и формированию новых когнитивных схем, соответствующих условиям жизни в новом правовом пространстве.

Abstract: The article examines the cognitive processes underlying the transformation of the legal mentality of residents of the new territories of the Russian Federation. The article analyzes the peculiarities of perception, interpretation and adaptation to the new legal system that have developed in the context of previous legal experience and cultural attitudes. Special attention is paid to the influence of information impact, educational programs and practical application of new legal norms on the formation of legal awareness and legal culture of the population. Possible cognitive dissonances and their overcoming mechanisms related to changes in legal status and transition to a new value system are being studied. The transformation of the legal mentality is a complex and multifaceted process that requires consideration of many factors, both objective and subjective. In particular, it is necessary to take into account the peculiarities of the previous legal experience of residents of new territories, their cultural attitudes and values, which have a direct impact on the perception and interpretation of new legal norms. The information impact exerted on the population through various communication channels is also essential. Forming a positive image of the new legal system, explaining the specifics of its functioning and practical application, as well as providing reliable information about the rights and obligations of citizens are important conditions for successful adaptation to the new legal environment. Educational programs aimed at improving the legal literacy of the population play a key role in the process of transforming the legal mentality. It is important not only to familiarize citizens with the new legal norms, but also to form their understanding of the essence of law, its role in society and the need to comply with laws. In the process of adapting to the new legal system, cognitive dissonances inevitably arise due to contradictions between previous legal concepts and new legal realities. Overcoming these dissonances requires active work on rethinking legal values and forming new cognitive schemes that correspond to the conditions of life in the new legal space.

Ключевые слова: правовая ментальность, когнитивные процессы, новые территории, правовая система, правосознание, адаптация, трансформация, правовая культура, когнитивный диссонанс.

Keywords: legal mentality, cognitive processes, new territories, legal system, legal awareness, adaptation, transformation, legal culture, cognitive dissonance.

Для цитирования: Щербакова Н.В. Когнитивные аспекты трансформации правовой ментальности на новых территориях Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 32-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_32.

For citation: Shcherbakova N.V. Cognitive aspects of the transformation of the legal mentality in the new territories of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 32-36. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_32.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Актуальность исследования обусловлена динамичной интеграцией новых территорий в правовое пространство России, где анализ ко-

гнитивных механизмов трансформации правосознания становится ключевым фактором укрепления социального единства. В условиях современных геополитических вызовов понимание особенностей восприятия и адаптации правовых норм населением приобретает особую значимость. Данное исследование вносит вклад как в теоретические области юриспруденции и психологии, так и в практику государственного управления, обеспечивая научное обоснование для интеграционных процессов.

Проблема исследования заключается в системном противоречии между укоренёнными правовыми установками населения, сформированными постсоветскими или постколониальными реалиями, и нормами российского законодательства. Это противоречие порождает когнитивные диссонансы, которые замедляют адаптацию жителей новых территорий и провоцируют конфликты в правоприменительной практике. Устранение данных противоречий требует глубокого научного анализа для минимизации рисков социальной нестабильности.

Цель работы — выявление ключевых когнитивных факторов, влияющих на трансформацию правовой ментальности жителей новых территорий Российской Федерации. На основе анализа эмпирических данных и теоретических моделей предполагается определить механизмы восприятия, интерпретации и адаптации правовых норм. Результатом исследования станет разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации правового просвещения для гармонизации правового сознания.

Задачи исследования включают: во-первых, анализ историко-правового контекста формирования доминирующих ментальных установок на новых территориях до их интеграции; во-вторых, классификацию когнитивных механизмов адаптации в постприсоединенный период; в-третьих, оценку эмпирических проявлений этих механизмов через кейс-стади конкретных регионов с последующим предложением мер по гармонизации правового воспитания. Решение этих задач позволит достичь поставленной цели.

До интеграции в правовое поле Российской Федерации новые территории развивались под влиянием различных правовых систем и политических режимов. Исторический контекст этих регионов характеризовался сменой государственной принадлежности и соответствующих юридических порядков. В частности, длительное пребывание в составе других государств сформировало особые правовые традиции. Это наследие продолжает оказывать воздействие на современную правовую ментальность населения. Доминирующие правовые системы, действовавшие в разные периоды, включали как континентальное право, так и элементы обычного права. Политические режимы варьировались от авторитарных до переходных форм управления. Каждый из этих этапов оставил свой отпечаток на правосознании местных жителей. В результате сформировался уникальный правовой ландшафт, отличный от общероссийских стандартов.

Правовые институты на новых территориях в доинтеграционный период функционировали в специфических условиях. Судебная система и правоохранительные органы часто отражали особенности прежних административных структур. Нормативные практики включали как формальные законодательные акты, так и неформальные механизмы регулирования общественных отношений. Это создавало двойственность в правоприменении. Особенностью являлось сочетание официальных норм с местными правовыми обычаями. Такое сосуществование приводило к формированию гибридных моделей правового поведения. Население адаптировалось к неоднородности регулирования, вырабатывая собственные стратегии взаимодействия с институтами. Данные практики закрепились в коллективном правосознании как устойчивые ментальные установки.

Новые территории Российской Федерации характеризуются значительным разнообразием этнокультурных правовых традиций, сформированных в ходе исторического развития. Данные регионы на протяжении длительного периода находились под влиянием различных правовых систем, что обусловило специфику их правовой ментальности. Особенно заметно влияние украинской правовой традиции, которая впитала элементы как советского, так и западноевропейского права. Уникальные местные правовые практики часто основывались на обычном праве и региональных особенностях. Исторически сложившиеся правовые установки населения новых территорий демонстрируют устойчивость к изменениям. Длительное пребывание в составе другого государства способствовало формированию особого отношения к правовым институтам и нормам. Как отмечает исследователь правовой антропологии, «правовые традиции в этих регионах формировались под влиянием сложного переплетения культурных и исторических факторов». Это создает предпосылки для сравнительного анализа с общероссийской правовой культурой.

Ключевые различия в правосознании проявляются в отношении населения к закону, правоприменительной практике и институтам власти. На новых территориях наблюдается более выраженное недоверие к формальным правовым институтам, что связано с историческим опытом взаимодействия с государственными структурами. В отличие от общероссийской практики, здесь сильнее развиты неформальные механизмы разрешения споров и альтернативные формы правосудия. Подобные установки существенно влияют на восприятие российского законодательства.

Несмотря на существующие различия, выявлены значительные точки соприкосновения с общероссийской правовой культурой. Общее советское прошлое создало основу для сходных представлений о социальной справедливости и роли государства в правовом регулировании. Как подчеркивается в исследованиях, «советское правовое наследие продолжает оказывать существенное влияние на правосознание населения». Эти общие элементы служат фундаментом для интеграционных процессов и формирования единого правового пространства.

Процесс восприятия новых правовых норм на присоединённых территориях часто сопровождается когнитивными искажениями. Эффект привязки проявляется в тенденции оценивать законодательные изменения через призму ранее усвоенных правовых представлений. Это приводит к тому, что знакомство с российским правом происходит избирательно, с акцентом на знакомые или противоречащие устоям элементы. Селективное внимание усиливает данную тенденцию, фокусируя восприятие на аспектах, которые подтверждают существующие убеждения. Указанные искажения затрудняют объективное усвоение правовых инноваций. Население склонно игнорировать нормы, не соответствующие их

ментальным моделям, либо интерпретировать их в искажённом виде. Данный феномен особенно выражен при столкновении с комплексными законодательными актами, требующими пересмотра глубоко укоренившихся правовых установок. В результате формируется фрагментарное понимание новой правовой системы.

Культурные и исторические стереотипы существенно влияют на оценку правовых институтов Российской Федерации. Сложившиеся представления о государстве и праве, обусловленные предшествующим опытом, создают фильтр для восприятия современных российских норм. Как отмечают исследователи, «Правовые нормы, в особенности в условиях инноваций, зачастую с трудом могут быть «легитимизированы» менталитетом значительной части общества [18] [8, с.111]». Данный тезис отражает ключевое препятствие для интеграции. Стереотипы, унаследованные из прежних правовых систем, порождают предубеждения относительно справедливости и эффективности российского законодательства. Эти оценочные суждения часто базируются не на анализе действующих норм, а на обобщённых образах, сформированных историческим контекстом. Преодоление таких стереотипов требует целенаправленной работы по демонстрации практической ценности и легитимности новых правовых институтов.

Основным психологическим барьером при адаптации к российской правовой системе выступает когнитивный диссонанс, возникающий из-за несоответствия между прежними правовыми установками и новыми нормами. Это состояние вызывает психологический дискомфорт у населения новых территорий, затрудняя принятие действующего законодательства. Преодоление данного диссонанса требует пересмотра устоявшихся представлений о праве и их согласования с актуальными правовыми реалиями.

Социально-психологические факторы играют ключевую роль в адаптации правового сознания, где особое значение имеет доверие к государственным институтам. Высокий уровень доверия способствует позитивному восприятию законодательных изменений и готовности следовать новым правовым нормам. Напротив, недоверие к власти усиливает сопротивление трансформации правовой ментальности и замедляет процесс интеграции. Групповые правовые установки также существенно влияют на адаптационные процессы, поскольку индивиды склонны согласовывать свое поведение с коллективными представлениями. Социальное окружение формирует нормативные ожидания, которые могут как способствовать, так и препятствовать усвоению новых правовых принципов. Важным аспектом является степень идентификации с правовым сообществом Российской Федерации.

Индивидуальные различия в преодолении правовых барьеров проявляются через уровень развития критического мышления и способности к рефлексии. Лица с высоким когнитивным ресурсом эффективнее анализируют противоречия между прежними и новыми правовыми нормами, снижая интенсивность диссонанса. Рефлексивная переработка правового опыта позволяет выстраивать последовательную систему правовых убеждений, соответствующую актуальному законодательству.

Когнитивная гибкость представляет собой ключевой нейропсихологический механизм, позволяющий индивидам адаптироваться к изменяющимся правовым реалиям. Данная способность обеспечивает пересмотр устоявшихся правовых концептов и принятие новых нормативных моделей. Исследования показывают, что данный процесс связан с активностью префронтальной коры головного мозга, отвечающей за переключение между когнитивными установками. На новых территориях эта гибкость становится критическим фактором успешной интеграции в правовое поле Российской Федерации. Проявление когнитивной гибкости в поведенческих моделях выражается в способности населения переоценивать прежние правовые нормы и усваивать актуальные законодательные требования. Особую роль играет снижение когнитивного диссонанса при столкновении с противоречиями между старыми и новыми правовыми системами. Индивиды с развитой когнитивной гибкостью демонстрируют более высокую скорость адаптации и меньший уровень правового нигилизма. Данный аспект подтверждается эмпирическими исследованиями, проведенными на присоединенных территориях. Формирование адаптивных поведенческих стратегий напрямую коррелирует с уровнем развития когнитивной гибкости у представителей местного населения. Важным элементом выступает способность к деконструкции устаревших правовых стереотипов и конструированию новых ментальных схем. Данный процесс облегчается через образовательные программы и правовое просвещение, направленные на развитие критического мышления. Таким образом, когнитивная гибкость служит основой для трансформации правовой ментальности в условиях смены юрисдикции.

Установка на правопослушание формируется через глубокую реконструкцию ценностно-нормативных ориентаций личности, что предполагает интериоризацию новых правовых принципов. Данный процесс требует не только усвоения формальных норм, но и их эмоционального принятия как легитимных и справедливых. Ключевую роль играет доверие к правовым институтам Российской Федерации, подкрепляемое их эффективной деятельностью. Как отмечают исследователи, «успешная трансформация правовой ментальности возможна лишь при условии формирования устойчивой установки на соблюдение закона как внутренней потребности».

Эмпирическое исследование трансформации правовой ментальности на новых территориях Российской Федерации основано на сравнительном анализе правовых установок населения до и после интеграции. Основное внимание уделяется когнитивным факторам адаптации, включая восприятие правовых норм и формирование правопослушного поведения. Методология предполагает сопоставление данных, полученных в различные временные периоды, что позволяет выявить динамику изменений. Такой подход обеспечивает объективную оценку преобразований в правосознании под влиянием новых юридических реалий. Важным аспектом методологии является учет специфики когнитивных процессов, определяющих адаптацию к правовой системе РФ. Исследование включает анализ изменений в структуре правовых представлений и ценностных ориентаций жителей новых регионов. Применяются качественные и количественные методы сбора данных, обеспечивающие комплексное понимание трансформационных процессов. Это позволяет установить взаимосвязь между когнитивными механизмами и степенью интеграции в правовое поле России.

Результаты кейс-стади демонстрируют выраженные территориальные различия в трансформации правосознания, обусловленные историко-культурными особенностями регионов. «Во-вторых, исследование, основная цель которого будет заключаться в сравнении уже существующих результатов правовой социализации в том или ином обществе. Его сущностью будет проведение сравнительного анализа различных моделей правовой социализации, который возможно будет проводить по следующим маркерам: политический режим; форма осуществления власти; форма территориального устройства; наличие/отсутствие государственной идеологии; вид государственной идеологии; уровень экономического развития; наличие и деятельность гражданского общества, общественных организаций; уровень влияния религии и религиозных организаций на жизнь общества и принятие государственными органами властных решений [10, с.144]». Данный подход позволил выявить специфические паттерны адаптации в различных регионах. Анализ выявленных паттернов показал, что скорость и глубина трансформации правовой ментальности коррелируют с исторически сложившимися правовыми традициями. В регионах с длительным опытом функционирования в ином правовом поле адаптационные процессы протекают более сложно. Напротив, территории с культурной близостью к российским правовым ценностям демонстрируют ускоренную интеграцию. Эти различия подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к правовому просвещению и гармонизации правосознания.

Эмпирические исследования показали, что формально-информационные подходы к правовому просвещению демонстрируют низкую эффективность на новых территориях. Население воспринимает такие методы как навязанные извне, что вызывает когнитивный диссонанс и отторжение. Культурно-адаптированные коммуникационные модели, напротив, учитывают местные традиции и ментальные установки. Они обеспечивают более глубокое усвоение правовых норм за счет апелляции к знакомым когнитивным схемам. Приоритетность культурно-ориентированных подходов подтверждается данными о снижении уровня правового нигилизма в группах, где применялись этнокультурные аналогии. Например, использование местных правовых обычаев как точки соприкосновения с федеральным законодательством уменьшало когнитивный разрыв. Такой метод позволяет трансформировать правовую ментальность через постепенную интеграцию новых норм в существующую систему ценностей. Эффективность коммуникации повышается при сохранении культурной преемственности.

Стратегии гармонизации требуют разработки дифференцированных программ правовой социализации. Они должны учитывать когнитивные профили целевых групп, выявленные в ходе эмпирических исследований. Ключевыми критериями сегментации выступают возраст, уровень образования, профессиональная принадлежность и степень правовой информированности. Для каждой группы разрабатываются специфические образовательные модули, направленные на преодоление конкретных когнитивных барьеров.

Для оценки эффективности стратегий предложены механизмы мониторинга динамики правовой ментальности. Они включают систему индикаторов когнитивного восприятия правовых норм, таких как уровень доверия к правовым институтам, готовность к правомерному поведению и понимание принципов верховенства права. Регулярный замер этих показателей позволяет корректировать программы просвещения в режиме реального времени. Долгосрочное отслеживание изменений обеспечивает объективную оценку интеграционных процессов.

Проведенный историко-правовой анализ подтвердил, что уникальные традиции и ментальные установки, сложившиеся на новых территориях до их интеграции в Российскую Федерацию, формируют глубокие предпосылки для возникновения когнитивного диссонанса при взаимодействии с общероссийской правовой системой. Эти особенности, укорененные в специфическом историческом развитии регионов, существенно отличаются от федеральных правовых норм. Следовательно, эффективная интеграционная политика должна учитывать данные историко-правовые различия для минимизации социальных конфликтов и обеспечения устойчивости правоприменения.

Исследование когнитивных механизмов адаптации выявило, что восприятие и интерпретация новых правовых норм населением подвержены влиянию стереотипов и когнитивных искажений. Ключевым фактором успешной трансформации правовой ментальности является когнитивная гибкость, позволяющая преодолевать устоявшиеся установки. Формирование установки на правоуповенность выступает решающим условием для гармоничной интеграции в правовое пространство России.

Эмпирические данные, полученные в ходе кейс-стади конкретных территорий, подтвердили наличие специфических паттернов трансформации правового сознания, описанных в теоретической части. На этой основе разработаны практические рекомендации по оптимизации правового просвещения, включающие адресные образовательные программы и информационные стратегии. Эти меры направлены на гармонизацию правовой ментальности через повышение правовой грамотности и снижение когнитивного диссонанса.

Настоящее исследование вносит значительный вклад в теорию правовой ментальности, расширяя понимание когнитивных аспектов адаптации в условиях геополитических изменений. Предложенные инструменты гармонизации правового сознания служат укреплению социального единства на новых территориях. Работа открывает перспективы для дальнейшего изучения долгосрочных эффектов интеграции и кросс-культурных взаимодействий в правовой сфере.

Список литературы

1. Гуменюк А.Ю. Особенности функционирования системы государственного управления в условиях новых регионов // Научный вестник Крыма. — 2025. — №2. — С. 1–5.
2. Ибрагимова З.Н., Борисов А.С. Правовая культура правоприменителя // Век качества. — 2020. — №3. — С. 148–156.
3. Курносенко А.А., Гришай А.В. Правовая социализация как фактор стабильности российского общества: проблемы и перспективы исследования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2024. — №9. — С. 142–147.
4. Леви М.В., Свободный Ф.К. Апробация новой методики изучения правового сознания для сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. — 2022. — №4. — С. 110–124.
5. Лексин В., Порфирьев Б. Территориальная фрагментация единого правового пространства России* // Федерализм. — 2018. — №1. — С. 173–190.

6. Михальченко Н.А. Развитие компетентного подхода как условие формирования системы качества образовательного учреждения // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы VII Всероссийской научно-теоретической конференции. — Сыктывкар, 2008. — С. 34–37.
7. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Правовая ментальность в национально-культурном пространстве: особенности эпохи преобразований (церковный раскол XVII в.) // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. — 2017. — №4. — С. 269–281.
8. Мурин Д.А. Роль государства в формировании правовой культуры общества: современный опыт Российской Федерации // Правовая культура в современном обществе. — 2025. — С. 301–305.
9. Мясникова З.В. Теоретическое осмысление феномена «правовое поведение» в психологии личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2021. — №2. — С. 89–92.
10. Нестеренко Л.С. Социокультурное правовое пространство России // Вестник РУДН, серия Юридические науки. — 2013. — №4. — С. 197–200.
11. Соколова Ю.В. Актуальность междисциплинарных подходов в исследовании сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2023. — №4. — С. 848–857.
12. Чупанова А.Ч., Гаibatова Д.Д. Проблемы формирования правосознания и правовой культуры населения в России // Вопросы российского и международного права. — 2023. — №9. — С. 82–89.

References

1. Gumenyuk A.Y. Features of the functioning of the public administration system in the conditions of new regions // Scientific Bulletin of Crimea. — 2025. — No. 2. — pp. 1–5.
2. Ibragimova Z.N., Borisov A.S. The legal culture of the law enforcer // Century of quality. 2020. No. 3. pp. 148–156.
3. Kurnosenko A.A., Grishai A.V. Legal socialization as a factor of stability of Russian society: problems and prospects of research // Context and reflection: philosophy of the world and man. - 2024. — No. 9. — pp. 142–147.
4. Levi M.V., Svobodny F.K. Approbation of a new methodology for studying legal consciousness for law enforcement officers // Psychology and law. — 2022. — No. 4. — pp. 110–124.
5. Leksin V., Porfiriev B. Territorial fragmentation of the unified legal space of Russia* // Federalism, 2018, No. 1, pp. 173–190.
6. Mikhailchenko N.A. The development of a competence-based approach as a condition for the formation of a quality system of an educational institution // Political, economic and socio-cultural aspects of regional management in the European North: proceedings of the VII All-Russian Scientific and Theoretical Conference. Syktyvkar, 2008. pp. 34–37.
7. Mordovtsev A.Yu., Mamychyev A.Yu. Legal mentality in the national cultural space: features of the era of transformations (Church schism of the 17th century) // Territory of new opportunities. Bulletin of VSUES. - 2017. — No. 4. — pp. 269–281.
8. Murin D.A. The role of the state in the formation of the legal culture of society: the modern experience of the Russian Federation // Legal culture in modern society. 2025. pp. 301–305.
9. Myasnikova Z.V. Theoretical understanding of the phenomenon of "legal behavior" in personality psychology // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. — 2021. — No. 2. — pp. 89–92.
10. Nesterenko L.S. Socio-cultural legal space of Russia // Bulletin of the RUDN University, series Legal Sciences. - 2013. — No. 4. — pp. 197–200.
11. Sokolova Yu.V. The relevance of interdisciplinary approaches in the study of consciousness // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Philosophy. — 2023. — No. 4. — pp. 848–857.
12. Chupanova A.Ch., Gaibatova D.D. Problems of formation of legal awareness and legal culture of the population in Russia // Issues of Russian and international law. - 2023. — No. 9. — pp. 82–89.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ PUBLIC POWER AND THE STRENGTHENING OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE FACE OF NEW CHALLENGES AND THREATS

ДЕРЮГИН Алексей Александрович

начальник кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилутова, 1.
e-mail: deruga79@mail.ru

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилутова, 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

DERYUGIN Alexey Alexandrovich

Head of the Department of State and Legal Disciplines at the Military Order Research Center
Zhukova Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot Street, 1.
e-mail: deruga79@mail.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna

Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Military Order Research Center
Zhukova Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot Street, 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются вопросы соотношения публичной власти и российской государственности в контексте современных геополитических вызовов. Авторами обосновывается тезис о том, что публичная власть, будучи более широкой категорией по сравнению с государственной властью, представляет собой ключевой институт укрепления государственности в условиях системной внешней конфронтации. Рассматриваются внешние и внутренние угрозы, стоящие перед российским государством, включая геополитическую нестабильность, санкционное давление и проявления экстремизма. Особое внимание уделяется роли войск национальной гвардии как института публичной власти, обеспечивающего внутреннюю стабильность.

Abstract: The article explores the relationship between public authority and Russian statehood in the context of current geopolitical challenges. The authors argue that public authority, as a broader concept than state authority, is a key institution for strengthening statehood in the face of systemic external confrontation. The article examines the external and internal threats facing the Russian state, including geopolitical instability, sanctions pressure, and extremist activities. Special attention is given to the role of the National Guard as an institution of public authority that ensures internal stability.

Ключевые слова: публичная власть, государственность, государственная власть, суверенитет, национальная безопасность, специальная военная операция, войска национальной гвардии.

Keywords: public authority, statehood, state power, sovereignty, national security, special military operation, and national guard troops.

Для цитирования: Дерюгин А.А., Назарова И.С. Публичная власть и укрепление российской государственности в условиях новых вызовов и угроз // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 37-40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_37.

For citation: Deryugin A.A., Nazarova I.S. Public power and the strengthening of Russian statehood in the face of new challenges and threats // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 37-40. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_37.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Актуальность изучения соотношения публичной власти и государственности обусловлена беспрецедентным обострением внешнеполитической обстановки и возникновением комплекса новых вызовов и угроз суверенитету Российской Федерации. В условиях специальной военной операции¹, масштабных экономических санкций и информационно-психологической войны вопросы эффективности публичной власти приобретают стратегическое значение для сохранения государственности². Современные угрозы носят гибридный характер, сочетая военные, экономические, информационные и идеологические компоненты, что требует адекватного реагирования со стороны всех институтов публичной власти. Понимание соотношения публичной власти и государственности позволяет выработать научно обоснованные подходы к укреплению вертикали управления и повышению устойчивости государственной системы к внешним и внутренним шокам. Как отмечает Президент РФ, «в условиях внешнего давления особенно важно обеспечить согласованное функционирование всех элементов системы публичной власти»³. Изучение этих вопросов имеет прямое прикладное значение для совершенствования деятельности силовых структур, включая войска национальной гвардии.

Президент Российской Федерации В.В. Путин последовательно подчеркивает приоритет укрепления государственности как основы

¹ Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN; Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR; Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OVKOYM.

² Белов В.А. Национальная безопасность России: теория и практика. М.: Проспект, 2024. -384 с.

³ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024. М.: Официальное издание, 2024. – С. 34.

национальной безопасности. В Послании Федеральному Собранию 2024 года он заявил: «Укрепление государственности — это не абстрактная задача, а конкретная работа по защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя». Особое внимание глава государства уделяет исторической преемственности российской государственности, подчеркивая, что «российская государственность прошла через множество испытаний, но всегда сохраняла свою целостность благодаря единству народа и власти»¹.

Ключевым элементом стратегии укрепления государственности Президент называет защиту конституционных основ. В своей программной статье «О единстве исторической Родины» В.В. Путин подчеркнул, что Конституция Российской Федерации закрепляет неотъемлемые основы нашей государственности: суверенитет, территориальную целостность, историческую преемственность. Конституционные поправки 2020 года стали важнейшим шагом в укреплении государственности, закрепив приоритет Конституции над международным правом и недопустимость отчуждения территорий России. В условиях специальной военной операции Президент неоднократно подчеркивал, что защита государственности — это защита будущего наших детей и внуков, тем самым связывая вопросы государственности с национальными интересами.

В своих публичных выступлениях Президент Российской Федерации последовательно развивает концепцию единой системы публичной власти как основы стабильности государства. На заседании Совета по межнациональным отношениям в 2023 году В.В. Путин заявил: «Публичная власть должна функционировать как единый организм, где все элементы — от федерального центра до муниципалитетов — работают на общие цели»². Эта концепция нашла своё закрепление в конституционной поправке 2020 года, введшей в статью 77.1 положение о единой системе публичной власти.

Президент подчеркивает, что эффективность публичной власти определяется её способностью решать насущные проблемы граждан. В Послании Федеральному Собранию 2024 года он отметил: «Публичная власть существует для людей, а не люди для власти. Каждый чиновник должен понимать свою ответственность перед народом». Особое внимание уделяется повышению качества государственного управления и борьбе с коррупцией как угрозой для легитимности публичной власти. В условиях внешнего давления Президент подчеркивает необходимость консолидации всех элементов публичной власти: «В сложные времена особенно важно единство всех ветвей власти, всех уровней управления и общества».

Публичная власть — это общественное управление, к которому привлекается народ, проживающий на территории государства. Она распространяется на всё государственно-организованное общество в целом, а не на отдельные социальные группы. Публичная власть обеспечивает порядок и стабильность в обществе посредством экономического, идеологического и организационно-правового воздействия.

Современная доктрина конституционного права рассматривает публичную власть как более широкую категорию по сравнению с государственной властью. Если государственная власть осуществляется исключительно государственными органами, то публичная власть включает в себя также органы местного самоуправления, институты гражданского общества и другие субъекты, наделённые властными полномочиями³. Конституция Российской Федерации 1993 года в первоначальной редакции не содержала термина «публичная власть», однако конституционные поправки 2020 года внесли существенные изменения, закрепив в статье 77.1 понятие «единая система публичной власти».

Сущность публичной власти заключается в её легитимности, основанной на волеизъявлении народа. Как отмечает А.В. Малько, «публичная власть легитимна только тогда, когда она выражает интересы большинства граждан и действует в рамках правового поля»⁴. Публичная власть выполняет три ключевые функции: обеспечение общественного порядка, распределение ресурсов и представительство интересов общества. В условиях современных вызовов особое значение приобретает её способность к мобилизации ресурсов для решения стратегических задач — от обеспечения обороноспособности до развития критически важных технологий.

Государственность и государственная власть — взаимосвязанные понятия. Государство — это территориальная и политико-экономическая форма общества, а государственная власть — метод управления. Существует чёткая взаимосвязь между государством и государственной властью, они дополняют друг друга.

Государственность представляет собой более широкую и многогранную категорию по сравнению с государственной властью. Если государственная власть — это инструмент управления, то государственность включает в себя совокупность исторических, культурных, политических и правовых факторов, определяющих специфику существования государства как самостоятельного субъекта мировой политики⁵. Государственность отражает глубинные основы бытия государства: его историческую преемственность, национальную идентичность, духовные ценности и способность к самосохранению в условиях кризисов.

Государственная власть является институциональным выражением государственности. Без эффективной государственной власти государственность теряет свою практическую основу и превращается в абстрактную категорию. В то же время государственная власть, утратившая связь с историческими и культурными основами государственности, теряет свою легитимность и устойчивость. Как подчёркивает В.А. Белов, «государственность — это фундамент, на котором строится здание государственной власти; без прочного фундамента здание обречено на разрушение»⁶. В условиях внешних угроз эта взаимосвязь приобретает особое значение: укрепление государственной власти должно идти параллельно с укреплением духовных и культурных основ государственности.

Государственная власть — разновидность публичной (политической) власти. Она исходит от имени общества и проявляется во власт-

1 Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024. М.: Официальное издание, 2024. – С. 39.

2 Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024. М.: Официальное издание, 2024. – С. 29.

3 Ерохин В.И. Публичная власть в Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации. М.: Норма, 2023. – С. 29.

4 Малько А.В. Теория государства и права. М.: Проспект, 2024. – С. 302-303.

5 Зорин В.А. Международная безопасность в условиях многополярного мира. М.: Международные отношения, 2024. – С. 16-17.

6 Белов В.А. Национальная безопасность России: теория и практика. М.: Проспект, 2024. – С. 240.

ных полномочиях государственных органов на основе верховенства закона. В Российской Федерации государственная власть реализуется на федеральном (общегосударственном) и региональном уровнях.

Государственная власть представляет собой центральный элемент системы публичной власти, обладающий исключительными полномочиями в сфере законодательства, управления и правосудия. В Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции Российской Федерации). Федеральные органы государственной власти действуют на всей территории страны, а органы государственной власти субъектов Российской Федерации — в пределах своих территорий в рамках разграничения предметов ведения и полномочий¹.

Важнейшей особенностью государственной власти в России является её федеративный характер. Статья 5 Конституции РФ закрепляет Российскую Федерацию как федеративное государство, основанное на государственной целостности и единстве системы государственной власти. Конституционные поправки 2020 года усилили вертикаль государственной власти, введя механизм отрешения от должности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации за утрату доверия, а также установив запрет на наличие иностранного гражданства у лиц, занимающих ключевые государственные должности².

В условиях новых вызовов и угроз эффективность работы органов публичной власти становится критически важной для устойчивого развития государства.

Современные вызовы требуют от системы публичной власти высокой степени адаптивности и способности к быстрому реагированию. В условиях санкционного давления органы публичной власти вынуждены решать задачи импортозамещения, создания альтернативных финансовых механизмов и обеспечения технологического суверенитета³. Эффективность публичной власти в этих условиях определяется не только административными ресурсами, но и способностью к мобилизации общества на решение стратегических задач.

Особую роль в условиях кризиса играет координация действий различных элементов публичной власти. Как отмечает М.А. Краснов, «в условиях внешнего давления особенно важна слаженная работа всех уровней власти — от федерального центра до муниципалитетов»⁴. Концепция единой системы публичной власти, закреплённая в Конституции Российской Федерации, призвана обеспечить именно такую координацию, устраняя дублирование функций и повышая ответственность каждого уровня управления.

Войска национальной гвардии Российской Федерации являются важнейшим институтом публичной власти, обеспечивающим внутреннюю безопасность и защиту конституционного строя⁵. В условиях новых вызовов и угроз их роль значительно возросла. Росгвардия выполняет ключевые функции по противодействию внутренней дестабилизации, защите критически важной инфраструктуры и обеспечению общественного порядка⁶.

В условиях специальной военной операции Росгвардия взяла на себя дополнительные обязанности по обеспечению безопасности в приграничных регионах и на освобождённых территориях. Подразделения войск национальной гвардии участвуют в патрулировании освобождённых территорий, обеспечении общественного порядка и защите гражданского населения от диверсионных групп и террористов. В приграничных регионах Росгвардия создала систему многоуровневой охраны, включающую наземные патрули, наблюдательные пункты и взаимодействие со специальными службами.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, публичная власть является более широкой категорией по сравнению с государственной властью, включая в себя не только государственные органы, но и органы местного самоуправления, институты гражданского общества и другие субъекты, наделённые властными полномочиями. Во-вторых, публичная власть и государственность представляют собой различные, но тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия: государственность определяет историко-культурные основы существования государства, а публичная власть — институциональный механизм их реализации. В-третьих, в условиях новых вызовов и угроз эффективность функционирования единой системы публичной власти становится критически важной для сохранения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Изучение соотношения публичной власти и государственности имеет прямое и практическое значение для совершенствования деятельности войск национальной гвардии. Понимание того, что Росгвардия является не просто силовым институтом, а элементом единой системы публичной власти, формирует у личного состава чувство ответственности перед обществом и государством. Знание исторических и культурных основ российской государственности помогает сотрудникам Росгвардии лучше понимать суть современных угроз и эффективнее противодействовать им.

Для военнослужащих и сотрудников Росгвардии, обеспечивающих общественный порядок в условиях гибридной войны, изучение соотношения публичной власти и государственности помогает осознать стратегическое значение их деятельности. Они защищают не просто пра-

¹ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2022. — № 3(56). — С. 39-44. — EDN KEWNXE.

² Даниленко Д.М. Конституционные поправки 2020 года: анализ и последствия. М.: Статут, 2022. — С. 193.

³ Тихомиров Ю.А. Правовые аспекты санкционной политики. М.: Юстицинформ, 2023.- С. 201.

⁴ Краснов М.А. Конституционное право России. М.: Юрист, 2023.- С. 142.-143.

⁵ Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. — 2025. — № 3(332). — С. 111-117. — EDN OASXHY; Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 1. — С. 161-165. — DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. — EDN CWFJXW.

⁶ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. — Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. — 202 с. — ISBN 978-5-6048482-9-6. — EDN CCFOMJ.

вопорядок, а саму возможность существования российской государственности как независимого центра силы в мировой политике¹. Понимание нормативных основ публичной власти формирует у личного состава правовую культуру и уважение к конституционным основам государства.

Таким образом, углублённое изучение соотношения публичной власти и государственности должно стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников войск национальной гвардии, формируя у них целостное понимание миссии российской государственности и их личного вклада в её укрепление и сохранение.

Список литературы

1. Анисимов Е.В. Государственная власть в России: история и современность. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. -416 с.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России. М.: Юрист, 2022. -672 с.
3. Белов В.А. Национальная безопасность России: теория и практика. М.: Проспект, 2024. -384 с.
4. Ведяшкин В.А. История государства и права России. М.: Юрайт, 2023. - 528 с.
5. Ерохин В.И. Публичная власть в Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации. М.: Норма, 2023. -320 с.
6. Гамбаров Ю.С. Курс русского государственного права. В 2 т. М.: Городец, 2021. Т. 1. -576 с.
7. Даниленко Д.М. Конституционные поправки 2020 года: анализ и последствия. М.: Статут, 2022. -288 с.
8. Зорин В.А. Международная безопасность в условиях многополярного мира. М.: Международные отношения, 2024. -352 с.
9. Краснов М.А. Конституционное право России. М.: Юрист, 2023. -448 с.
10. Лапаев В.В. Местное самоуправление и публичная власть в России. М.: Инфра-М, 2023. -296 с.
11. Малько А.В. Теория государства и права. М.: Проспект, 2024. -400 с.
12. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024. М.: Официальное издание, 2024. -48 с.
13. Старовойтов А.А. Государственное управление в условиях кризиса. М.: РАГС, 2023. -312 с.
14. Тихомиров Ю.А. Правовые аспекты санкционной политики. М.: Юстицинформ, 2023. -280 с.
15. Фадеев В.И. Гражданское общество и публичная власть в России. М.: Мысль, 2022. -264 с.
16. Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN.
17. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR.
18. Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.
19. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
21. Шеншин, В. М. О некоторых особенностях обеспечения Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 3(332). – С. 111-117. – EDN OASXHY.
22. Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.

References:

1. Anisimov E.V. State power in Russia: history and modernity. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2023. -416 p.
2. Bakhrakh D.N. Administrative law of Russia. Moscow: Jurist, 2022. -672 p.
3. Belov V.A. National security of Russia: theory and practice. Moscow: Prospekt, 2024. 384 p.
4. Vedyashkin V.A. History of the state and law of Russia. Moscow: Yurayt, 2023. 528 p.
5. Erokhin V.I. Public power in the Russian Federation: theoretical foundations and practice of implementation. Moscow: Norma, 2023. 320 p.
6. Gambaarov Yu.S. Course of Russian state law. In 2 volumes. M.: Gorodets, 2021. Vol. 1. -576 p.
7. Danilenko D.M. Constitutional amendments of 2020: analysis and consequences. Moscow: Statute, 2022. -288 p.
8. Zorin V.A. International security in a multipolar world. Moscow: International Relations, 2024. 352 p.
9. Krasnov M.A. Constitutional law of Russia. Moscow: Jurist, 2023. -448 p.
10. Lapaev V.V. Local self-government and public power in Russia. Moscow: Infra-M, 2023. 296 p.
11. Malko A.V. Theory of the state and law. Moscow: Prospekt, 2024. -400 p.
12. Putin V.V. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 02/29/2024. Moscow: Official Edition, 2024. -48 p.
13. Starovoitov A.A. Public administration in a crisis. Moscow: RAGS, 2023. -312 p.
14. Tikhomirov Yu.A. Legal aspects of sanctions policy. Moscow: Justinform, 2023. 280 p.
15. Fadeev V.I. Civil society and public power in Russia. Moscow: Mysl, 2022. 264 p.
16. Shenshin, V. M. On planned new guarantees for participants in a special military operation / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 10(327). – Pp. 27-31. – EDN MWIQHN.
17. Shenshin, V. M. On some issues of granting benefits, tax deductions for military personnel, mobilized participants in a special military operation, as well as military pensioners and combat veterans / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 9(326). – Pp. 50-53. – EDN UFTKTR.
18. Nazarova, I. S. On an integrated approach to the legal regulation of the provision of state support measures to participants in a special military operation / I. S. Nazarova, K. V. Shevchenko, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 7(223). – Pp. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.
19. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
20. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
21. Shenshin, V. M. On some features of ensuring public safety by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation in certain subjects of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 3(332). – Pp. 111-117. – EDN OASXHY.
22. Shenshin, V. M. On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority - the Federal Service / V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1. – pp. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.

1. Белов В.А. Национальная безопасность России: теория и практика. М.: Проспект, 2024. – С. 132.

ЛОЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИДЕНТИФИКАТОРЫ FALSE LEGAL IDENTIFICATION AND LEGAL IDENTIFIERS

КРАЙНОВА Екатерина Романовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

KRAYNOVA Ekaterina Romanovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law),
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена теоретико-правовым основам исследования ложной юридической идентификации и юридических идентификаторов. Автором сформулированы дефиниции данных понятий и сформулировано предложение о разработке специализированной системы юридических идентификаторов, соответствующей уровню развития современных цифровых технологий.

Abstract: The article is devoted to the theoretical and legal foundations of the study of false legal identification and legal identifiers. The author formulates definitions of these concepts and formulates a proposal for the development of a specialized system of legal identifiers corresponding to the level of development of modern digital technologies.

Ключевые слова: юридическая идентификация, ложная юридическая идентификация, юридический идентификатор, идентификация права, идентификация субъектов правоотношений, идентификация объектов правоотношений.

Keywords: legal identification, false legal identification, legal identifier, identification of law, identification of subjects of legal relations, identification of objects of legal relations.

Для цитирования: Крайнова Е.Р. Ложная юридическая идентификация и юридические идентификаторы // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 41-45. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_41.

For citation: Krainova E.R. False legal identification and legal identifiers // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 41-45. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_41.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Одним из ключевых условий существования как отдельного индивида, так и всего человеческого сообщества является умение человека воспринимать окружающую действительность, осмысливать её и сохранять в своем сознании сформированные представления о внешней среде. Эти внутренние мысленные конструкции отображают объекты и субъекты реального мира вместе с их специфическими особенностями. Когда человек вступает в социальные контакты или взаимодействует с предметами внешнего мира, он сверяет сохраненные в памяти образные картины с реальностью, на основании чего формирует своё дальнейшее поведение. Именно этот когнитивный механизм называется процессом идентификации.

Термин "идентификация" заимствован из латыни (*identificatio* – отождествляю) и традиционно употребляется в двух основных значениях. Во-первых, идентификация означает акт признания сходства или тождественности, отождествление объектов и явлений путём сравнения их свойств и характеристик. Во-вторых, этот термин применяется для обозначения установления тождества какого-либо объекта или личности посредством набора уникальных признаков, отличительных черт или иных критериев (такое понятие активно используется в криминалистике и судебной практике).

С точки зрения семантики, идентифицировать – установить совпадение, идентичность. (сущ. идентификация) [1]. Синонимами этого термина «идентификация» являются: подтверждение, узнавание, распознавание, отождествление, сверка и др. [2]

Различные формы идентификации применяются в философии, математике, логике, лингвистике, психологии и многих других науках, что подтверждает универсальное значение термина «идентификация», который адаптируется каждой научной дисциплиной исходя из особенностей её предмета исследования и методологических подходов.

Сравнительно недавно в юридической науке появился новый термин – юридическая идентификация [3, С. 83-88]. Процесс юридической идентификации играет важную роль в правовом регулировании, поскольку именно способность человека осознавать и различать реалии окружающего мира, включая нормы права, позволяет ему становиться участником правовых отношений. Чтобы обеспечить правильное участие личности в правоотношениях, государство вводит специальные юридические признаки и критерии, которые служат инструментом распознавания правовых явлений и ситуаций.

Основными направлениями юридической идентификации являются идентификация права, идентификация субъектов правоотношений и идентификация объектов правоотношений.

Идентификация права представляет собой важнейший этап юридического анализа, подразумевающий распознавание содержания и смысла правовых норм, выяснение сферы их действия и установление соответствия реальных обстоятельств установленным юридическим критериям [4, С. С. 115-119].

Суть его состоит в том, что для успешной трансформации правовых норм в реальные поступки участников правоотношений необходимо, чтобы сами граждане и организации ясно осознавали предъявляемые к ним требования. Только осознание действующих правовых регулято-

ров позволяет сформировать внутреннюю готовность исполнять соответствующие установки, создавая неосознанную составляющую правосознания – правовую психологию.

Этот процесс включает в себя несколько ключевых аспектов: определение источника права, анализ норм, применение к фактическим обстоятельствам, интерпретация, учет судебной практики.

Идентификация права – это процесс выяснения структуры и сути правовых предписаний путем сравнения с существующими моделями и пониманием правовых актов, а также включенными в них нормативных предписаний участниками правовых отношений.

Идентификация субъектов правоотношений – установленный правовыми нормами алгоритм последовательности действий, позволяющий определить ключевые свойства субъектов правоотношений и установить их соответствие обязательным критериям.

Традиционно, юридическая идентификация физических лиц как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан осуществляется с помощью документов (паспорта, удостоверения личности, свидетельства о рождении, и т.д.). Вместе с тем, применение современных технологий в виде нейросетей, искусственного интеллекта, цифровизации ведет к появлению новых форм правоотношений и как следствие, требуются новые подходы к идентификации физических субъектов (лиц) правоотношений [5, С. 41-43].

Таковыми инновационными формами идентификации физических субъектов (лиц) являются продукты, появляющиеся в результате научно-технического процесса такие как: идентификация лица по голосу, по походке, по почерку печатания на клавиатуре компьютера, и другие формы [6, С. 133]. Иными словами, юридическая идентификация человека, лица личности, продолжает экспоненциально развиваться, отражаясь от процессов динамики современных технологий, которые направлены на всемерное улучшение обеспечения жизнедеятельности общества и человека.

Любое правоотношение возникает по поводу конкретного материального или нематериального блага. Однако само по себе это благо, пока оно не определено и не отграничено от других подобных, не может быть объектом субъективных прав и юридических обязанностей. Таким образом, идентификация объекта правоотношения — это первооснова, которая превращает абстрактную правовую связь в конкретное, жизне-способное и защищаемое государством отношение.

Объекты правоотношений являются центральным элементом правовой системы, так как именно они определяют содержание юридических связей между субъектами правоотношений. Все объекты правоотношений можно отнести к одной из следующих категорий: материальные блага, нематериальные блага, результаты интеллектуальной деятельности, результаты действий. При этом изменение экономических и политических связей порождает появление новых видов объектов правоотношений, что в свою очередь обнажает необходимость идентификации таких объектов, требуя от законодателя и правоприменительной практики постоянного развития и совершенствования механизмов идентификации объектов правоотношений. Сама по себе идентификация объектов правоотношений представляет совокупность юридических и фактических действий, направленных на выделение конкретного объекта из массы однородных, придание ему индивидуально-определенных характеристик, позволяющих разграничить его от всех других объектов. Способы идентификации объектов могут изменяться в зависимости от природы самого объекта, так для материальных объектов характерны такие способы идентификации, как уникальный номер, подробное описание с указанием метрик и возможных дефектов, родовые признаки. Для идентификации нематериальных благ используют детальное описание, содержание, точное наименование. Для имущественных прав более характерным идентификатором будут являться основания их возникновения и их содержание. Значение идентификации объектов правоотношений трудно переоценить, так именно идентификация определяет содержание прав и обязанностей сторон, выводя объект правоотношений из абстрактного понимания и определяя границы объекта, она позволяет эффективно владеть, пользоваться и распоряжаться объектом. Именно идентификация объектов правоотношений является необходимым условием совершения юридически значимых действий, будь то заключение сделки, разрешение спора или принудительное исполнение обязательств, а также государственная регистрация.

Таким образом идентификация объектов правоотношений должна трансформироваться из простой технико-юридической процедуры в фундаментальный правовой процесс, переводя абстрактные блага в плоскость конкретного правового регулирования.

Идентификация объектов правоотношений являя собой практический юридический инструмент являет собой основу для любого юридически значимого действия. Без четкой идентификации объектов правоотношения становятся беспредметными.

Однако, на практике нередко происходит так, что процесс определения и установления сущностных свойств права, субъектов и объектов правоотношений осуществляется неверно, либо умышленно искажается. В таком случае можно говорить о ложной юридической идентификации.

Процесс юридической идентификации направлен на точное отражение сущностных качеств правовых явлений, включая содержание норм права, особенности субъектов правоотношений и характеристики объектов права. Эта задача решается посредством применения специально разработанных критериев и процедур, которые помогают выявлять признаки, характерные для того или иного элемента правовой системы.

Однако, при ложной юридической идентификации возникают значительные отклонения от общепринятых стандартов и законных рамок.

В этой связи возможны два сценария проявления ложной идентификации:

1) Ошибка: неправильная идентификация может возникать непреднамеренно, в результате недостатка квалификации специалиста, поверхностного подхода к делу или технической ошибки. Например, лицо может ошибочно признать какой-то объект имуществом, хотя по закону он не подлежит оценке как собственность, или неправильно квалифицировать действие лица как правонарушение.

2) Намеренное искажение: ложная идентификация иногда бывает сознательной и целенаправленной манипуляцией, осуществляемой для достижения неправомерных выгод или уклонения от ответственности. Так, субъект может намеренно скрывать свои личные качества или пытаться изменить категорию объекта, чтобы избежать нежелательных последствий (налоговых обязательств, административной ответственности и др.).

Примеры ложной идентификации права встречаются довольно часто и могут проявляться в различных формах. Рассмотрим несколько

примеров, иллюстрирующих данную проблему:

1. Ошибка в применении норм международного права. Например, органы исполнительной власти допускают ошибку при рассмотрении дела гражданина иностранного государства, полагая, что международные договоры, подписанные страной, автоматически применяются на территории данного государства. Между тем существует различие между нормами международного права, подлежащими имплементации (включению в национальное право специальным актом парламента) и теми, которые действуют прямо и немедленно. Из-за неправильного понимания иерархии международно-правовых норм суд или должностное лицо принимают незаконное решение, нарушающее права гражданина.

2. Незаконное ограничение предпринимательской деятельности. Предположим, что административный орган запрещает какому-либо предпринимателю заниматься определенным видом бизнеса, ссылаясь на санитарные требования, обязательные лишь для предприятий общественного питания, тогда как предприниматель фактически осуществляет торговлю промышленными товарами. Орган управления необоснованно распространил требования одной отрасли права на совершенно иную сферу предпринимательства, нарушив конституционные гарантии права на свободу экономической деятельности.

3. Искажённое толкование трудового законодательства. Работодатель увольняет сотрудника, руководствуясь внутренним локальным актом предприятия, содержащим норму о запрете курения в рабочее время. Факт курения сотрудником подтвержден, однако в данной ситуации локальный нормативный акт противоречит положениям Трудового кодекса Российской Федерации. Законодательство ограничивает курение исключительно территориально (в специально отведённых местах), но не устанавливает запрета на курение в течение рабочего времени как такового. Увольнение работника было произведено с нарушением норм трудового права ввиду неверной трактовки работодателем правовых норм.

4. Ошибочное привлечение к уголовной ответственности. Суд выносит обвинительный приговор в отношении подозреваемого в совершении преступления, используя доказательства, добытые незаконным способом (например, получены в результате обыска, проведенного без санкции суда). Судья не учитывает установленное Конституцией РФ требование недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона, и привлекает невиновного человека к уголовной ответственности.

Очевидно, что недооценивать правильную и своевременную квалификацию фактов нельзя. Даже незначительная ошибка или намеренное искажение может серьезно повлиять на судьбы людей, нанести ущерб бизнесу или государству и поставить под сомнение верховенство права в обществе.

Примеры ложной идентификации субъектов правоотношений встречаются в различных сферах общественной жизни и могут приводить к серьезным последствиям. Вот несколько наглядных ситуаций, демонстрирующих такую проблему:

1. Неверная идентификация физических лиц. Гражданин А., зарегистрированный индивидуальным предпринимателем, обращается в государственные органы за льготами, предназначенными исключительно для некоммерческих организаций. При этом он заявляет, что действует от имени благотворительного фонда, хотя фактически фонд зарегистрирован на другое лицо и гражданин А. не уполномочен представлять указанный фонд. Ошибка произошла ввиду неполного контроля со стороны органа, проверяющего заявителей на льготы, что привело к присвоению бюджетных средств лицом, формально не имеющим на это права.

Или, например, отец несовершеннолетнего ребенка пытается оспорить отцовство, утверждая, что ребёнок родился вне брака и потому не может считаться наследником его имущества. Несмотря на официальное подтверждение отцовства в органах ЗАГС и судебную практику, отец продолжает настаивать на отсутствии родственных связей, мотивируя это отсутствием личного желания поддерживать ребёнка материально. Неверная идентификация отца как субъекта семейного права нарушает интересы ребенка и препятствует надлежащему исполнению алиментных обязательств.

2. Отсутствие полномочий лица в коммерческих отношениях. Коммерческое предприятие заключило договор поставки товара с контрагентом, не проверив должным образом полномочия представителя контрагента. Впоследствии оказалось, что сделка была совершена физическим лицом, незаконно выдававшим себя за официального представителя компании-покупателя. Поставщик передал товар, не получив оплату, так как подлинный покупатель отказался оплачивать поставку, заявив, что сделку заключил неизвестный посторонний человек. Несоблюдение проверки полномочий стало причиной финансовых потерь поставщика.

3. Ошибка в судебном производстве. Адвокат обвиняемого представил суду поддельные документы, подтверждающие состояние здоровья доверителя, якобы препятствующее проведению следственных мероприятий. Вследствие доверительности суда к документам подсудимый временно освобождается от задержания. Позже оказывается, что адвокат предоставил недостоверные сведения о здоровье клиента, а сам клиент является вполне трудоспособным и мог присутствовать на допросах. Нарушение принципа добросовестности адвоката привело к временному ослаблению мер пресечения и потенциальному риску бегства обвиняемого.

Ложная идентификация объектов правоотношений может вызывать значительные финансовые потери, административные штрафы, судебные разбирательства и иные неблагоприятные последствия для субъектов права. Поэтому крайне важно ответственно подходить к процедуре идентификации объектов и обеспечивать полную проверку документации и характеристик объектов перед заключением сделок или началом производства любых операций.

Как видно, последствия ложной юридической идентификации могут быть весьма серьезными. В зависимости от контекста, подобные ошибки способны вызвать нарушение прав и законных интересов граждан, организаций и государства, спровоцировать судебные споры, создать препятствия для нормального функционирования экономики и социального порядка. Например, неправильное определение статуса физического лица может привести к ущемлению его гражданских прав, а ошибка в признании имущества объектом налогообложения способна породить не

справедливые налоговые обязательства.

Для предупреждения ложной юридической идентификации необходимы меры профилактики, такие как повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей, улучшение качества законодательных актов и контроль над соблюдением правовых норм всеми участниками гражданского оборота. Важнейшую роль в процессе юридической идентификации играют оригинальные, эксклюзивные данные, позволяющие с максимальной точностью установить соответствие заданных характеристик норм права, субъектов и объектов правовых отношений реальным характеристикам данных элементов, то есть юридические идентификаторы.

Термин «юридический идентификатор» обозначает уникальный набор индивидуальных признаков и данных, которые позволяют с максимальной степенью точности удостоверяться в правильности соотношения предусмотренных законодательством характеристик норм права, субъектов и объектов правовых отношений с их действительными характеристиками в реальной действительности.

Юридический идентификатор отличается особой уникальностью и неповторимостью, обеспечивая надежную и точную идентификацию как абстрактных правовых категорий, так и конкретных субъектов и объектов.

Например, для нормы права идентификатором могут выступать реквизиты документа, статья, пункт, подпункт и даже словоупотребление, исключающее двусмысленность и разночтения.

Что касается субъектов права, такими идентификаторами могут служить паспортные данные, ИНН, адрес проживания или юридический адрес организации.

Объектами права могут быть наделены соответствующими признаками, такими как кадастровый номер недвижимости, серийный номер автомобиля или уникальные характеристики интеллектуальной собственности.

Основная цель использования юридических идентификаторов заключается в обеспечении однозначного соответствия между законодательно установленными параметрами и реальными качествами объектов и субъектов права. Наличие четко прописанного идентификатора снижает вероятность путаницы, ошибок и злоупотреблений в процессе правоприменения, позволяя точно зафиксировать объект правоотношений, исключить сомнения в компетенции субъектов и гарантировать правильность установления прав и обязанностей.

Кроме того, грамотно установленные юридические идентификаторы создают надежные основания для принятия юридически значимых решений, заключения договоров, выдачи разрешений и лицензий, а также подтверждения полномочий лиц и принадлежности объектов различным категориям правового регулирования.

Рассмотрим несколько распространенных примеров таких идентификаторов:

1. Юридические идентификаторы норм права: Реквизиты нормативно-правового акта: название документа, номер, дата издания, редакция, источник опубликования. Структурные единицы текста: глава, статья, пункт, абзац, предложение. Специальные атрибуты: код, шифр, индекс документа, регистрационный номер в реестре законов.

2. Юридические идентификаторы субъектов права: Физическое лицо: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства, гражданство, паспортные данные, индивидуальный налоговый номер (ИНН), СНИЛС. Юридическое лицо: полное фирменное наименование, организационно-правовая форма, местонахождение, основной государственный регистрационный номер (ОГРН), идентификационный номер налогоплательщика (ИНН). Орган государственной власти: полное наименование учреждения, ведомственное подчинение, территориальная юрисдикция, контактные данные.

Пример: Иванов Иван Иванович, паспорт серии XXXX № XXXXXX, выдан отделом полиции города N.OOO «Ромашка», ОГРН XXXXXXXXXXXX, ИНН XXXXXXXXXXXX, зарегистрировано по адресу город Владимир, улица Мира, д. X.

3. Юридические идентификаторы объектов права:

Недвижимость: кадастровый номер, местоположение, площадь, назначение объекта, категория земель, собственник, обременения.

Транспортные средства: марка, модель, вин-код (VIN), государственный регистрационный знак, цвет кузова, мощность двигателя, владелец.

Интеллектуальная собственность: патентный номер, автор произведения, срок охраны авторских прав, вид охраняемого объекта (изобретение, полезная модель, товарный знак).

Примеры: Земельный участок, расположенный по адресу: Московская обл., район X, кадастровый номер YYY-ZZZ-WWW-VVV, площадью XX га, принадлежит Иванову Петру Сергеевичу. Автомобиль марки Toyota Camry, VIN-код AAAAAABBBBBBCCCCC, госномер XXXXAA777RUS, двигатель мощностью YY л.с., принадлежит Петрову Сергею Владимировичу. Патент на изобретение № ZZ-ZZZZZZ, выдан ООО «Техносервис», срок действия патента истекает в 2030 году.

Эти идентификаторы делают возможным точное установление статуса и принадлежности объектов и субъектов права, обеспечивают прозрачность и легитимность юридических процедур и снижают вероятность появления спорных ситуаций и нарушений законодательства.

Широкая интеграция технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в повседневную жизнь современного общества создаёт потребность в разработке специализированной системы юридических идентификаторов, соответствующей уровню развития современных цифровых технологий. Данная система должна предусматривать применение новейших достижений в области искусственного интеллекта для точной идентификации объектов, создаваемых с использованием ИИ-технологий, и обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов граждан при взаимодействии с устройствами и системами, оснащёнными технологиями искусственного интеллекта.

Ключевыми функциями такой системы являются:

Во-первых, распознавание и категоризация объектов, созданных с применением искусственного интеллекта. Сегодня с помощью ИИ разрабатываются инновационные продукты в различных сферах, от беспилотного транспорта, до бытовых приборов. Соответственно, для регулирования правоотношений, связанных с такими объектами необходима выработка специальных юридических идентификаторов.

Во-вторых, необходимым является установление обязательных требований к указанию на то, что устройство или продукт, создан с помощью ИИ. В таком случае человек будет иметь возможность самостоятельно принимать решение об их использовании и взаимодействии с ними и будет предупрежден о возможных негативных последствиях такого взаимодействия.

В-третьих, крайне важно, чтобы каналы коммуникации человека и ИИ были надежно защищены. Это важно как для повышения доверия людей к передовым разработкам, так и для соблюдения морально-этических норм, соблюдения тайны личной жизни.

Разработка специализированной системы юридических идентификаторов надежную базу для устойчивого развития технологий искусственного интеллекта в России. При постоянном контроле и регулярном обновлении, юридическая база в сфере новых технологий будет постоянно обновляться, а значит, сможет оперативно реагировать на изменяющиеся реалии, поскольку человек сможет оперативно отслеживать возникающие угрозы и минимизировать риски.

Таким образом, ложная идентификация – это ошибочный или намеренно искаженный процесс определения сущностных свойств права, субъектов и объектов правоотношений, приводящий к несоответствию установленных законом требований и реальных характеристик указанных элементов.

Юридический идентификатор – это оригинальные, эксклюзивные данные, позволяющие с максимальной точностью установить соответствие заданных характеристик норм права, субъектов и объектов правовых отношений реальным характеристикам данных элементов.

Разработка специальной системы юридических идентификаторов, основанной на применении ИИ-технологий должна служить для распознавания объектов, созданных с использованием искусственного интеллекта, и устанавливать требования к обязательной самодемонстрации устройств и решений на базе искусственного интеллекта при взаимодействии с человеком и гражданами по вопросам, связанным с защитой их прав, свобод и законных интересов.

Список литературы:

1. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой URL: <https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5df898dfb3951> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org/https://sinonim.org/s/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения 10.02.2026).
3. Головкин Р. Б. Юридическая идентификация // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 2(71). – С. 83–88.
4. Головкин Р. Б., Енгибарян М. А. Проблемы и перспективы идентификации права // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 1(70). – С. 115–119.
5. Крайнова Е. Р., Черемушкин С. М. Идентификация человека, личности, физического лица, гражданина: соотношение понятий // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 41–43.
6. Наумов В.Б. Перспективные направления развития института идентификации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9. – С. 133.

References:

1. Explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova URL: <https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5df898dfb3951> (date of reference: 02/10/2026).
2. Dictionary of synonyms of the Russian language. URL: <https://sinonim.org/https://sinonim.org/s/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (accessed 10.02.2026).
3. Golovkin R. B. Legal identification // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2024. – № 2(71). – Pp. 83-88.
4. Golovkin R. B., Engibaryan M. A. Problems and prospects of legal identification // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2024. – № 1(70). – Pp. 115-119.
5. Krainova E. R., Cheremushkin S. M. Identification of a person, personality, individual, citizen: the relationship of concepts // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2025. – № 2(75). – Pp. 41-43.
6. Naumov V.B. Promising areas of development of the Institute of identification // Law and the state: theory and practice. - 2020. – No. 9. – p. 133.

ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ: ОТРАЖЕНИЕ, ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ THEORETICAL AND COGNITIVE MODELS OF LEGAL EDUCATION IN THE RUSSIAN LEGAL TRADITION: REFLECTION, INTERSUBJECTIVITY AND IDEOLOGICAL DEFORMATIONS

ДУНАЕВА Ангелина Дмитриевна

аспирант кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета
Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)
E-mail: anidad@mail.ru

DUNAeva Angelina Dmitrievna

Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty
of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU)
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia
E-mail: anidad@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются философско-методологические основания, определявшие трактовку правообразования в отечественной правовой мысли. Показано, что правообразование является более широкой категорией, нежели правотворчество, и включает в себя идеологические, доктринальные и ценностные предпосылки. Критическому анализу подвергнута доминировавшая в советской науке теория отражения, которая, задавая нормативные ориентиры для правовых теорий, вела к фактическому отождествлению правообразования с правотворчеством и порождала замкнутый эпистемологический круг. Обосновывается необходимость перехода от «субъектоцентризма» к интерсубъективности для преодоления дихотомии субъективного и объективного. На историческом материале рассматривается влияние либеральных западных концепций, юридического позитивизма и марксистской доктрины на российское правосознание. Выявляется устойчивое присутствие мифологического эсхатологизма как общей причины деформаций правообразования — от советского периода до современности. Одновременно отмечаются позитивные стороны теоретического монизма советской юриспруденции, выразившиеся в строгости её категориально-понятийного аппарата. Делается вывод, что современное состояние правообразования характеризуется уникальным синтезом формальной рациональности и ценностно-ориентированной риторики, требующим обновлённых теоретико-познавательных схем.

Abstract: The article examines the philosophical and methodological foundations that shaped the interpretation of law formation in Russian legal thought. It demonstrates that law formation is a broader category than law-making, encompassing ideological, doctrinal, and value prerequisites. The theory of reflection, which dominated Soviet scholarship and provided normative guidelines for legal theories, is critically analyzed: it led to the virtual identification of law formation with law-making and created a closed epistemological circle. The necessity of shifting from "subject-centrism" to intersubjectivity in order to overcome the dichotomy between the subjective and the objective is substantiated. Drawing on historical material, the article explores the influence of liberal Westernizing conceptions, legal positivism, and Marxist doctrine on Russian legal consciousness. The persistent presence of mythological eschatologism is revealed as a common cause of deformations in law formation, from the Soviet period to the present day. At the same time, the positive aspects of the theoretical monism of Soviet jurisprudence — expressed in the rigor of its categorial and conceptual apparatus — are noted. The article concludes that the contemporary state of law formation is characterized by a unique synthesis of formal rationality and value-oriented rhetoric, calling for renewed epistemological frameworks.

Ключевые слова: правообразование, правотворчество, теория отражения, интерсубъективность, классическая рациональность, правосознание, мифологический эсхатологизм, юридический позитивизм, марксистская доктрина, российская правовая традиция.

Keywords: law formation, law-making, theory of reflection, intersubjectivity, classical rationality, legal consciousness, mythological eschatologism, legal positivism, Marxist doctrine, Russian legal tradition.

Для цитирования: Дунаева А.Д. Теоретико-познавательные модели правообразования в российской правовой традиции: отражение, интерсубъективность и идеологические деформации // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 46-47. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_46.

For citation: Dunaeva A.D. Theoretical and cognitive models of legal education in the Russian legal tradition: reflection, intersubjectivity and ideological deformations // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 46-47. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_46.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026

Проблема соотношения правообразования и правотворчества принадлежит к числу фундаментальных вопросов юридической науки, от решения которого зависит понимание самой природы права. Если правотворчество традиционно связывается с целенаправленной деятельностью государства, то правообразование представляет собой более сложный генетический пласт правовой жизни, включающий идеологические, доктринальные и ценностные предпосылки, в которых эта деятельность укоренена. Каким образом правосознание «схватывает» эти предпосылки и транслирует их в юридические конструкции — этот вопрос выводит исследователя в область эпистемологии права.

Отечественная правовая мысль на протяжении длительного времени развивалась под определяющим влиянием диалектико-материалистической теории познания, центральным звеном которой выступала теория отражения. Именно эта теоретико-познавательная конструкция, задававшая нормативные ориентиры для специально-научных теорий, во многом обусловила фактическое отождествление правообразования с правотворчеством и сформировала устойчивую тенденцию искать критерии правового во внешнем по отношению к субъекту мире. Вместе с тем, как показывает историческая ретроспектива, российское правосознание никогда не было изолировано от более широких идеологических течений — либерального западничества, юридического позитивизма, марксизма, — которые, преломляясь сквозь призму национальной культурной традиции, приобретали специфические черты, включая мифологический эсхатологизм.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать теоретико-познавательные модели, лежавшие в основании представлений о правообразовании в российской правовой традиции, выявить присущие им эпистемологические разрывы и предложить направление их преодоления через категорию интерсубъективности. Правообразование следует рассматривать как более широкую категорию по отношению к правотворчеству, включающую в себя идеологические, доктринальные и ценностные предпосылки формирования права.

Именно вследствие укоренённости правоправедения в принципах диалектико-материалистической теории познания — таких как принцип

отражения, принцип единства диалектики, принцип сопряжения познания с практической деятельностью [1; с. 297]; в юридической науке обнаруживается тенденция к фактическому отождествлению категорий «правообразование» и «правотворчество».

Помимо того обстоятельства, что субъект правотворчества выполняет значимую роль в созидании права, надлежит также подчеркнуть его включённость в общий процесс правообразования. Так, «субъектоцентризм» трансформируется в интерсубъективность. Данный тезис становится основанием для преодоления дихотомии субъективного и объективного при интерпретации как самого права, так и процесса его формирования, а также для отыскания общего знаменателя, позволяющего интегрировать естественное и искусственное начала в правообразовании. Ориентация российского правоведения на преобразовательную деятельность сообщает теории отражения высокую степень востребованности. Правосознание выступает посредником между правовой идеологией и процессом правообразования, обеспечивая трансляцию идеологических установок в конкретные правотворческие решения. Например, в советское время «ленинская теория отражения» становится основной идеологической доктриной.

Что касается либеральных концепций политико-идеологического спектра, бытовавших в России, то в их основании неизменно покоится западническая ориентация. Так, либерализм, укоренившийся в отечественной правовой мысли в эпоху реформ середины XIX столетия, полагал своей генеральной целью преобразование общественного, политического и государственного уклада России сообразно образцам европейского цивилизационного пути. В данном случае стоит обратиться к вопросу рассмотрения позитивизма. Так, ключевой чертой позитивизма является опора на формальную определённость. Позитивизм сознательно дистанцируется от идеи абсолютной правды, а посему оказывается не столь созвучен русскому человеку, как, к примеру, идея «Града Китежа», Богочеловечества или даже коммунизма. Именно в силу означенных обстоятельств западнический позитивизм не мог быть положен в основание российской доктрины конца XIX — начала XX веков [см.: 2].

Историческая ретроспектива показывает, что российское правообразование всегда находилось под воздействием заимствованных или автотонных идейных конструкций. В этом смысле современный этап характеризуется уникальным синтезом: формальная рациональность континентальной правовой системы сочетается с возрождением ценностно-ориентированной (неопочвеннической) риторики в программных документах и правовых позициях высших судов. Анализ конкретных механизмов этого влияния требует перехода от истории идей к анализу правовой политики.

Однако не только экономический монизм выступал негативным фактором воздействия марксизма на научный уровень правосознания. Подобно тому как христианские идеи, преломившись сквозь призму языческих верований, деформировали отечественное правосознание, так и марксистская доктрина подвергалась искажению под влиянием мифологических и религиозных наслоений, что сказывалось на ценностном мировосприятии.

Например, признание объективной неизбежности наступления коммунистической формации требовало поступательного движения советского социума в направлении коммунизма. Ввиду отсутствия реальных предпосылок для такового перехода советское государство прибегает к массовой пропаганде. В правовой сфере означенная концепция находит отражение в Конституции 1936 года, которая провозглашает равенство всех граждан в избирательных правах и объявляет о преодолении классовых антагонизмов внутри советского общества. Так, нежелание замечать реальные проблемы социума и нерелевантная оценка возможностей государства становятся явными маркерами русского романтического консерватизма. Таким образом, общей причиной дефектов как советского, так и современного правообразования выступает мифологический эсхатологизм.

Разумеется, можно высказать суждение, что отсутствие научного плюрализма в советской правовой школе являлось негативным обстоятельством. Вместе с тем представляется, что плюрализм должен распространяться на новые правовые теории либо на дискуссионные понятия, но не на базовые категории, используемые во всех теоретических направлениях.

Проведённый анализ показывает, что доминирование классического типа рациональности и теории отражения неизбежно помещало отечественную юриспруденцию в замкнутый эпистемологический круг. Поиск критериев права во внешнем мире, с тем чтобы затем оценить эти критерии исходя из тех же оснований, не позволял корректно разграничить правообразование и правотворчество и вёл к редукции первого ко второму. Выход из этого круга требует смены самих познавательных схем — перехода от «субъектоцентризма», при котором субъект правотворчества как бы противостоит объективной реальности, к интерсубъективности, в рамках которой он осмысливается как участник общего правообразовательного процесса, вынужденный соотносить свои инициативы с действиями иных акторов правовой жизни. Именно такой подход закладывает основу для интеграции естественного и искусственного начал в праве и преодоления дихотомии субъективного и объективного.

Историческая ретроспектива недвусмысленно свидетельствует, что как либеральные, так и социалистические правовые проекты в России подвергались деформации под влиянием мифологического эсхатологизма, порождавшего нерелевантную оценку социальной реальности и завышенные ожидания от преобразовательной деятельности государства. В то же время теоретический монизм советского периода, ограничивая методологический плюрализм, обеспечил высокую степень внутренней согласованности и строгости категориально-понятийного аппарата общей теории права, что остаётся значимым уроком для современной юриспруденции.

Современный этап правообразования в России характеризуется уникальным синтезом: формальная рациональность континентальной правовой системы сочетается с возрождением ценностно-ориентированной риторики в правовых позициях высших судов и программных документах. Эта двойственность ставит перед теорией правообразования задачу выработки новых, неклассических эпистемологических оснований, которые позволили бы, с одной стороны, сохранить понятийную строгость, а с другой — адекватно учитывать аксиологическое измерение права, не скатываясь при этом ни в мифологию, ни в отвлечённый формализм.

Список литературы:

1. Лекторский В.Л. Субъект, объект, познание. - М.: Издательство «Наука», 1980 – 357 с.
2. Усанов В.Е. История становления и развития парламентаризма в России. - М.: Элит, 2008 – 895 с.

References:

1. Lektorsky V.L. Subject, Object, Cognition. - Moscow: Nauka Publishing House, 1980 – 357 p.
2. Usanov V.E. History of the Formation and Development of Parliamentarism in Russia. - Moscow: Elite, 2008 – 895 p.

КРИТИКА Г.Д. ГУРВИЧЕМ ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ЕВРАЗИЙЦЕВ: ИДЕЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВ ЭТАТИСТСКОЙ УТОПИИ G.D. GURVITCH'S CRITIQUE OF THE LEGAL VIEWS OF THE EURASIANS: THE IDEA OF SELF-GOVERNMENT VERSUS THE ETATIST UTOPIA

АХЪЯДОВ Эльдар Саид-Мохмадович

ассистент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
364034, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32.
E-mail: eldar-akhayadov@mail.ru

AKHYADOV E. S.-M.

Assistant of the Department of Theory and History of State and Law Kadyrov Chechen State University.
32 A. Sheripova str., Grozny, Russia, 364034, Chechen Republic.
E-mail: eldar-akhayadov@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу критики, которую выдающийся русско-французский социолог и философ права Г.Д. Гурвич направил против правовой доктрины евразийцев. Рассматриваются основные пункты расхождений: понимание государства, трактовка народного суверенитета, отношение к идее «идеократии» и концепция права. Показано, что критика Гурвича основана на его теории «социального права» и «интегрального плюрализма», противопоставленных этатистским и тоталитаристским тенденциям в евразийской идеологии. Выявляется актуальность этой полемики для современных дискуссий о соотношении права, государства и гражданского общества в России.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the critique that the outstanding Russian-French sociologist and philosopher of law G.D. Gurvitch directed against the legal doctrine of the Eurasians. The main points of disagreement are considered: the understanding of the state, the interpretation of popular sovereignty, the attitude towards the idea of "ideocracy", and the concept of law. It is shown that Gurvitch's critique is based on his theory of "social law" and "integral pluralism", opposed to the etatist and totalitarian tendencies in Eurasian ideology. The relevance of this polemic for modern discussions about the relationship between law, state, and civil society in Russia is revealed.

Ключевые слова: евразийство, правовая доктрина, критика, социальное право, идеократия, государство-правопорядок, народный суверенитет.

Keywords: eurasianism, legal doctrine, critique, social law, ideocracy, state-law order, popular sovereignty, N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky.

Для цитирования: Ахъядов Э.С.-М. Критика Г.Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев: идея самоуправления против этатистской утопии // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 48-50. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_48.

For citation: Akhyadov E.S.-M. Gurvich's criticism of the Legal Views of the Eurasians: the idea of self-government versus the statist utopia // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 48-50. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_48.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2025

Полемика в правовой науке всегда выполняла функцию не только уточнения понятийного аппарата, но и конструирования интеллектуальных традиций. Она позволяет выявить неочевидные расхождения между различными школами и одновременно формирует основания для будущих теоретических синтезов. В этом смысле дискуссия вокруг «социального права» Г. Д. Гурвича и концепции евразийцев представляет собой не просто исторический эпизод, но и показательную модель столкновения двух стратегий осмысления целостности общества.

Гурвич в своих работах конца 1920-х годов выступал против попытки евразийцев утвердить идею геополитического «Целого», связывая её скорее с идеологической конструкцией, нежели с реальной правовой практикой. Его «теория социального права» исходила из признания коллективного правового опыта как фундаментального источника, отличного от абстрактного государства или цивилизационной миссии. Такой подход делал акцент на социологической природе права, подчеркивая, что именно коллективные образования, а не метафизические единства, формируют юридическую действительность.

В то же время евразийцы, включая Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого, рассматривали «многонародную личность» Евразии как особый субъект истории и права. В отличие от Гурвича, для них вопрос о правопорядке был тесно связан с судьбой цивилизации и культурным синтезом Востока и Запада. При этом в рамках самого евразийства возникали напряжённости: наряду с холистскими построениями звучали и индивидуалистические акценты, например, у Н. Н. Алексеева и П. Н. Савицкого. Эти различия показывают, что евразийская мысль не обладала единством, в отличие от более стройной концепции Гурвича.

Анализ полемики между Гурвичем и евразийцами позволяет глубже понять специфику развития русской правовой философии в эмиграции. Она демонстрирует, как в условиях кризиса национальной идентичности и поиска новых оснований для права возникала конкуренция за определение «социального целого». Для Гурвича оно имело социологическую природу, опирающуюся на коллективный опыт, тогда как для его оппонентов — преимущественно геополитическую и цивилизационную. Эта дискуссия до сих пор актуальна, поскольку отражает вечный вопрос: где искать источники права — в культуре и пространстве или в социальной практике и коллективном взаимодействии?

«Как отмечает Б.В. Назмутдинов, методологический разрыв между подходами был особенно очевиден в критике Гурвичем конкретных правовых конструкций евразийцев» [1, с. 207]. Анализируя статью М.В. Шахматова «Государство правды», Гурвич обвинял евразийцев в подмене юридического анализа метафизическими пророчествами, указывая на отсутствие у них четкого механизма реализации провозглашаемых идеалов. Эта критика отражала фундаментальное отличие его социологического подхода от евразийской «философии целого», которая, по мнению

Гурвича, оставалась умозрительной конструкцией, не связанной с эмпирической реальностью правовых отношений.

«Особую остроту полемике придавало то, что, как подчеркивает Назмутдинов, за внешним противостоянием скрывались неожиданные точки соприкосновения» [1, с. 211-212]. Несмотря на резкую критику, Гурвич и евразийцы оперировали сходным категориальным аппаратом, восходящим к русской религиозной философии. Концепция «соборно-общей» собственности Гурвича, при всей ее полемической направленности против евразийской модели «государственно-частного» хозяйства, парадоксальным образом смыкалась с поисками евразийцев в области преодоления индивидуалистического понимания собственности через идею ее социальной функции.

Назмутдинов акцентирует внимание на том, что интеллектуальный диалог между Гурвичем и евразийцами не сводился к простому отрицанию [1, с. 213]. Их полемика стала формой взаимного уточнения концепций в общем смысловом поле русской философско-правовой традиции. Даже в самых резких своих выпадах Гурвич не мог полностью отмежеваться от тех интуиций «всеединства» и «соборности», которые разделял с евразийцами, что придавало их спору характер внутреннего семейного диспута, а не столкновения чуждых друг другу парадигм.

Значительный вклад в изучение методологических оснований полемики внёс М.В. Антонов, подчеркивавший, что критика Гурвичем евразийцев была обусловлена его приверженностью *диалектическому гиперэмпиризму* как альтернативе умозрительным философским конструкциям [2, с. 33]. По мнению исследователя, Гурвич рассматривал евразийскую теорию как пример «метафизического редукционизма», который подменяет анализ конкретных правовых явлений спекуляциями о «цивилизационной миссии» Евразии. Именно это, по мнению Антонова, объясняло жёсткость формулировок Гурвича, видевшего в евразийстве угрозу социологическому подходу к праву.

«Важную интерпретацию интеллектуального контекста полемики предлагает А. Валицкий, указывающий на связь дискуссии с более широким конфликтом между *психологической школой права* Л.И. Петражицкого и неокантианской традицией П.И. Новгородцева» [3, с. 341–343]. Как отмечает исследователь, первоначально негативное отношение Н.Н. Алексеева к психологической теории в дальнейшем сменилось её творческой рецепцией через призму феноменологии, что сближало его с Гурвичем в понимании императивно-атрибутивной природы права. Этот анализ позволяет увидеть за внешней конфронтацией общее поле проблем, связанных с поиском синтеза между психологизмом и нормативизмом.

Таким образом, современные исследователи раскрывают полемику Гурвича с евразийцами как многомерный интеллектуальный процесс, где конфликт методологий сочетался с поиском синтеза в рамках общей философско-правовой традиции. Эта дискуссия не только отразила ключевые противоречия русской мысли в изгнании, но и предвосхитила современные дебаты о соотношении культурной идентичности и универсальных оснований права в условиях глобализирующегося мира.

Ключевой особенностью евразийского подхода, как показывает в своем исследовании Б.В. Назмутдинов, стало стремление преодолеть узконормативное понимание государства, характерное для западной юридической традиции. Евразийцы настаивали на том, что государство не сводится к «относительно централизованному правопорядку», как у Г. Кельзена, а представляет собой сложный духовно-нравственный и геополитический феномен, укорененный в конкретном «месторазвитии». Это позволяло им рассматривать государство как форму жизни народа, а не как абстрактную правовую конструкцию. Однако, как отмечает Назмутдинов, внутри самого евразийства не было единства в определении сущности государства: если Н.С. Трубецкой видел в нём выражение коллективной воли народа, а Л.П. Карсавин — форму соборной личности, то Н.Н. Алексеев подчеркивал функциональный характер власти как отношения между неравными субъектами [4, с. 165–168].

Эта внутренняя противоречивость евразийской теории государства особенно ярко проявлялась в их полемике с представителями западного правового нормативизма. Евразийцы критиковали «юридизацию» государства, утверждая, что его деятельность не может быть полностью описана через правовые нормы, поскольку власть основана прежде всего на нравственных обязательствах, а не на формальных предписаниях. Как подчёркивает Назмутдинов, для евразийцев «государственная стихия полностью не охватывается стихией права; государство есть также этическое и «техническое» явление» [4, с. 163]. Такой подход позволял им обосновать идею идеократии — власти «знающих», опирающейся не на закон, а на высшие ценности и духовные идеалы.

Тем не менее, как справедливо отмечает исследователь, евразийцам не удалось разработать последовательной этической теории государства, что привело к противоречиям в их концепции идеократии. С одной стороны, государство должно воплощать «внутреннюю правду», с другой — ограничиваться охраной «правды внешней». Этот разрыв между метафизическими основаниями и практической реализацией стал одной из причин, по которым евразийская государственная модель осталась скорее философским проектом, чем работающей политико-правовой доктриной.

В этой связи особого внимания заслуживает разработанная евразийцами модель «идеократического государства», призванная преодолеть ограниченность как аристократического, так и демократического типов отбора правящего слоя [5]. В основе этой модели лежал принцип служения общей «идее-правительнице», которая должна была консолидировать народы России-Евразии вокруг единой цивилизационной цели. Такой подход предполагал не только отказ от заимствования западных политических институтов, но и создание собственной, органичной формы государственности, основанной на «месторазвитии» и культурно-исторической общности. При этом евразийцы настаивали на «государственном максимализме» — активном участии власти во всех сферах жизни, включая экономику и культуру, что должно было обеспечить автаркию и защитить страну от внешнего вмешательства.

Важным элементом евразийской теории стало также понятие «общеевразийского национализма», который трактовался не как этнический, а как наднациональный принцип, объединяющий народы Евразии вокруг общей исторической судьбы и государствообразующей миссии. Такой подход позволял евразийцам избежать узкоэтнического понимания нации и предложить модель государства, основанного на культурном

многообразии и единстве цели. Однако на практике концепция идеократии оставалась во многом умозрительной, поскольку не предлагала четких механизмов реализации «идеи-правительницы» и предотвращения её вырождения в идеологическую догму.

Экономическая программа евразийства, сочетающая элементы планового и рыночного хозяйства, также отражала стремление найти «третий путь» между либеральным капитализмом и социализмом. Активная роль государства в экономике, контроль над ключевыми отраслями и поддержка частной инициативы в рамках общегосударственных задач — все это должно было обеспечить независимость и устойчивое развитие «автаркического мира». При этом евразийцы подчеркивали, что хозяйственная деятельность должна подчиняться не только экономической целесообразности, но и этическим принципам служения общему благу.

В заключение можно сказать, что полемика между евразийцами и их критиками, в частности Г.Д. Гурвичем, выявила не только методологические расхождения, но и общую проблему поиска оснований права и государственности в условиях цивилизационного кризиса. Если Гурвич акцентировал внимание на социально-правовом опыте коллективов, то евразийцы стремились укоренить право и государство в метафизической и геополитической реальности «Евразии как целого». Несмотря на внутреннюю противоречивость и незавершенность многих евразийских построений, их концепция государства продолжает оставаться актуальной в контексте современных дискуссий о суверенитете, культурной идентичности и роли государства в условиях глобализации. Евразийский проект напоминает о том, что любая государственная модель должна учитывать не только правовые и институциональные аспекты, но и духовные, исторические и географические основания общественной жизни.

Список литературы:

1. Назмутдинов Булат Венерович Критика Г. Д. Гурвичем правовых воззрений евразийцев // Правоведение. 2014. №1 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-g-d-gurvichem-pravovyh-vozzreniy-evraziytsev> (дата обращения: 23.09.2025).
2. Антонов М. В. Правовое учение Г. Д. Гурвича: Дис. ... к. ю. н. СПб., 2006. С. 18.
3. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 341-343.
4. Назмутдинов Б. В. Понятие государства в трудах классиков евразийства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstva-v-trudah-klassikov-evraziystva> (дата обращения: 23.09.2025).
5. Лебедев Сергей Николаевич, Замараева Елена Ивановна Проблемы государства в учении евразийцев // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-gosudarstva-v-uchenii-evraziytsev> (дата обращения: 23.09.2025).

References:

1. Nazmutdinov Bulat Venerovich G. D. Gurvich's criticism of the legal views of the Eurasians // Jurisprudence. 2014. №1 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-g-d-gurvichem-pravovyh-vozzreniy-evraziytsev> (date of reference: 09/23/2025).
2. Antonov M. V. The legal doctrine of G. D. Gurvich: Dissertation of the Candidate of Law of St. Petersburg, 2006. p. 18.
3. Valitsky A. Philosophy of law of Russian liberalism. Moscow, 2012. pp. 341-343.
4. Nazmutdinov B. V. The concept of the state in the works of the classics of Eurasianism // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2012. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstva-v-trudah-klassikov-evraziystva> (date of reference: 09/23/2025).
5. Lebedev Sergey Nikolaevich, Zamaraeva Elena Ivanovna Problems of the state in the teaching of Eurasians // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2016. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-gosudarstva-v-uchenii-evraziytsev> (date of request: 09/23/2025).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ MODERN APPROACHES TO IMPLEMENTING LEGAL SUPPORT FOR PROPERTY RELATIONS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

ГАБДУЛЛИНА Алия Расилевна,

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.
450091, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Муксина, 2.

E-mail: gabdullina_aliya@list.ru

GABDULLINA Aliya Rasilevna,

Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: gabdullina_aliya@list.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к реализации задач правового обеспечения отношений собственности. Анализируются конституционные основы права собственности, механизмы правового регулирования имущественных прав. Определяются тенденции цифровизации имущественных отношений и появление новых объектов прав, требующих адаптации традиционных правовых конструкций.

Abstract. The article examines modern approaches to the implementation of legal support for property relations. It analyzes the constitutional foundations of property rights and the mechanisms of legal regulation of property rights. The article also examines the trends of digitalization of property relations and the emergence of new objects of rights that require adaptation of traditional legal structures.

Ключевые слова: право собственности, правовое обеспечение, государственное регулирование, цифровые права, корпоративная собственность.

Keywords: ownership, legal support, government regulation, digital rights, and corporate ownership.

Для цитирования: Габдуллина А.Р. Современные подходы к реализации задач правового обеспечения отношений собственности: теоретико-правовой аспект // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 51-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_51.

For citation: Gabdullina A.R. Modern approaches to the implementation of the tasks of legal support of property relations: theoretical and legal aspect // *Agriarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 51-52. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_51.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026

Право собственности традиционно относится к числу фундаментальных прав человека и выступает экономической основой функционирования рыночной системы. Имущественные отношения в современных условиях характеризуются высокой динамикой, что обуславливает трансформацию их правового регулирования и последовательное обновление нормативной базы. Реализация задач правового обеспечения собственности осуществляется в контексте интенсивных экономических, технологических и социальных изменений, требующих адаптации законодательства и совершенствования институциональных механизмов охраны имущественных прав.

В юридической науке институт собственности рассматривается как системообразующий элемент частного права, обеспечивающий стабильность гражданского оборота и автономию участников имущественных отношений. Вместе с тем процессы цифровизации экономики, глобализации хозяйственных связей и усиления публично-правового регулирования предопределяют переосмысление содержания правомочий собственника, структуры вещных прав и способов их защиты. Эволюция экономической модели Российской Федерации сопровождалась существенными издержками в сфере перераспределения имущества, что актуализировало проблему формирования эффективного государственно-правового механизма обеспечения и охраны собственности как условия устойчивости социально-экономической системы.

Исторический переход от доминирования государственной и коллективной форм собственности к признанию и развитию частной собственности сопровождался масштабными процедурами приватизации и разгосударствления. В действующей конституционно-правовой модели закреплён принцип равной защиты всех форм собственности и гарантии неприкосновенности имущества, что формирует основу отраслевого регулирования и правоприменительной практики. При этом государство одновременно выступает гарантом прав собственников и субъектом публичного регулирования, реализуя контрольные и управленческие функции в целях защиты общественных интересов, включая экологические, социальные и экономические аспекты использования имущества.

Современное правовое регулирование строится на необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов. Данный баланс достигается посредством установления ограничений права собственности, применения механизмов изъятия имущества для государственных нужд, налогового регулирования и иных форм публичного воздействия. В научной доктрине обоснованно подчеркивается, что правовое обеспечение собственности не сводится к закреплению триады правомочий владения, пользования и распоряжения, а включает систему гарантий стабильности имущественного оборота, предотвращения злоупотреблений и защиты добросовестных участников гражданских отношений. Существенное значение в этом контексте имеет институт государственной регистрации прав на недвижимость, обеспечивающий публичную достоверность сведений об объектах и снижение правовых рисков.

Развитие судебных и альтернативных способов защиты вещных прав также относится к ключевым направлениям совершенствования рассматриваемого института. Признание права собственности, оспаривание сделок, применение гражданско-правовой ответственности за нарушение имущественных интересов, формирование единообразной судебной практики – все это способствует укреплению правовой определенности. Судебная система в данном аспекте выполняет функцию основного гаранта реальной защиты прав собственников. Наряду с этим возрастает значение регулирования корпоративной собственности и защиты прав участников юридических лиц.

Цифровизация экономики обусловила появление новых объектов гражданских прав, включая цифровые права, результаты интеллектуальной деятельности, криптоактивы и иные нематериальные активы, что требует адаптации традиционных конструкций вещного и обязательственного права [1, с. 349].

Споры о том, является ли цифровое право самостоятельной отраслью права в настоящее время выступают одним из актуальных как для представителей научных кругов, так и для практиков. Цифровое право – это феномен правовой сферы, с которым столкнулось человечество в результате технологического и информационного развития. В настоящее время большинством ученых цифровое право не выделяется в самостоятельную отрасль права, т.к. не имеет необходимого специализированного и самостоятельного предмета и метода правового регулирования. Цифровое право выступает наиболее динамичным и быстро изменяемым правом, что предопределяется скоростью цифрового прогресса (созданием и использованием новых цифровых технологий). Данное право выступает не фундаментальным (теоретическим), а больше прикладным (практическим), т.к. его конструкция и архитектура определяется не теоретическими трудами и правовыми традициями, которые пережили не одно десятилетие, а может быть и сотни лет, а практической необходимостью и современными изменениями общественных отношений.

Цифровые права – это права, которые существуют исключительно в электронной форме и могут быть использованы для владения, управления и распоряжения цифровыми активами. Они охватывают как имущественные, так и личные неимущественные права. Основное отличие цифровых прав от традиционных имущественных прав — это их привязка к цифровой записи, что делает возможным их реализацию исключительно через цифровые системы. Цифровые права как объекты прав занимают важное место в гражданском обороте, поскольку они могут использоваться для заключения сделок, наследования, дарения и других операций. Что касается понятия «цифровой субъект», то под ним подразумевается лицо, проявляющее активность в виртуальном пространстве, будь то физическое или юридическое лицо [7, с. 20]. При этом цифровые субъекты обладают особыми характеристиками, отличающимися от традиционной гражданской правоспособности. В частности, особенностью цифрового субъекта является отсутствие непосредственной физической привязки к географическому положению, что осложняет юрисдикционные вопросы и идентификацию местоположения субъектов [6, с. 59].

Законодательное закрепление цифровых прав и развитие правового режима электронных сделок свидетельствуют о развитии института собственности в условиях цифровой трансформации.

Современная модель правового обеспечения собственности должна базироваться на принципах правовой определенности, предсказуемости правоприменения, эффективности судебной защиты и справедливого соотношения интересов участников имущественных отношений. Существенную роль играет последовательная правовая политика, направленная на устранение пробелов и коллизий законодательства, а также повышение качества нормотворчества.

Институт защиты права собственности является необходимым элементом правового государства, в котором права и свободы человека признаются высшей ценностью. Под защитой права собственности понимается совокупность предусмотренных законом средств предупреждения, пресечения правонарушений и восстановления нарушенных имущественных прав [3, с. 211]. Эффективность этих средств во многом определяет уровень доверия к правовой системе и стабильность гражданского оборота.

Таким образом, правовое обеспечение отношений собственности представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую конституционные гарантии, нормы гражданского, административного и земельного законодательства, судебные механизмы защиты и учет международных стандартов. Современные тенденции развития данного института связаны с интеграцией частноправовых и публично-правовых инструментов, цифровой трансформацией имущественных отношений, усилением роли судебной практики и необходимостью поддержания баланса интересов государства, общества и частных собственников. Дальнейшее совершенствование регулирования отношений собственности, включая развитие механизмов государственно-частного партнерства в условиях инновационной экономики, остается одной из приоритетных задач правовой политики Российской Федерации [2, с. 143].

Список литературы:

1. Аламова С.М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 348-351.
2. Абазова, Л. Х. Современное состояние системы отношений собственности в РФ: содержание и основные направления преобразований / Л. Х. Абазова // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 55-1. – С. 142-147.
3. Ивлиев П. В., Тренина С. А. Собственность и право собственности. Современные проблемы защиты права собственности // Аграрное и земельное право. 2022. №7 (211-213).
4. Крассов О.И. Земельное право России. М., 2018.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2016.
6. Римский А. В. Правовые основания и механизмы цифровой идентификации субъектов: государственно-правовая сфера // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 57–62.
7. Сорокопуд М. С. Цифровая трансформация отечественного государственного управления: основания и перспективы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 1. С. 18–24.
8. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010.

References:

1. Alamova S.M. Legal mechanisms for intellectual property protection in the context of digitalization // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 9(237). pp. 348-351.
2. Abazova, L. H. The current state of the property relations system in the Russian Federation: content and main directions of transformations / L. H. Abazova // Actual issues of Economic Sciences, 2016– No. 55-1, pp. 142-147.
3. Ivliev P. V., Trenina S. A. Property and property law. Modern problems of property rights protection // Agrarian and land law. 2022. №7 (211-213).
4. Krassov O.I. The land law of Russia. Moscow, 2018.
5. Marchenko M.N. Theory of state and law. Moscow, 2016.
6. Rimsky A.V. Legal bases and mechanisms of digital identification of subjects: the state-legal sphere // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. No. 4(105). pp. 57-62.
7. Sorokopud M. S. Digital transformation of national public administration: foundations and prospects // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putin. 2024. No. 1. pp. 18-24.
8. Tikhomirov Yu.A. Legal regulation: theory and practice. Moscow, 2010.

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ THE CONCEPT, ESSENCE AND SOCIAL VALUE OF LEGAL TECHNOLOGY IN LEGAL REGULATION

ЧЕРНОВА Эльвира Рамилевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2,
E-mail: erchernova@mail.ru

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Институт права Уфимского университета науки и технологий.
450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
E-mail: Ekaterina.sergeevna76@mail.ru;

CHERNOVA Elvira Ramilevna,

Candidate of Law, associate Professor, Department of State and Legal Disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2, Muksinova st., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103.
E-mail: erchernova@mail.ru;

BARANOVA Ekaterina Sergeevna,

Candidate of Law, associate professor of the Department of Theory of State and Law
Law Institute of the Ufa University of Science and Technology.
st. Dostoevskogo, 131, 450005, Ufa, Russian Federation.
E-mail: Ekaterina.sergeevna76@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется юридическая техника как фундаментальная категория правове­дения. Анализируются основные доктринальные подходы к определению понятия юридической техники – инструментальный и деятельностный. Раскрывается сущность юридической техники через ее структуру, включающую средства, приемы, правила и методы юридической работы. Особое внимание уделяется социальной ценности юридической техники, проявляющейся в обеспечении эффективности правового регулирования, качества законодательства, доступности права и укреплении законности. Авторы приходят к выводу о том, что юридическая техника выступает необходимым условием существования развитой правовой системы и важнейшим фактором совершенствования правотворческой и правоприменительной практики.

Abstract. The article examines legal technique as a fundamental category of jurisprudence. The main doctrinal approaches to the definition of the concept of legal technique – instrumental and activity-based - are analyzed. The essence of legal technique is revealed through its structure, which includes the means, techniques, rules and methods of legal work. Special attention is paid to the social value of legal technology, which is manifested in ensuring the effectiveness of legal regulation, the quality of legislation, the accessibility of law and the strengthening of legality. The authors conclude that legal technology is a necessary condition for the existence of a developed legal system and an important factor in improving law-making and law enforcement practice.

Ключевые слова: юридическая техника, правовое регулирование, средства юридической техники, правила юридической техники, социальная ценность, правотворчество.

Keywords: legal technique, legal regulation, means of legal technique, rules of legal technique, social value, law-making.

Для цитирования: Чернова Э.Р., Баранова Е.С. Понятие, сущность и социальная ценность юридической техники в правовом регулировании // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_53.

For citation: Chernova E.R., Baranova E.S. The concept, essence and social value of legal technology in legal regulation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_53.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

В современной юридической науке и практике проблема юридической техники занимает одно из центральных мест. Качество законодательства, эффективность правоприменения, доступность и понятность права для граждан напрямую зависят от того, насколько профессионально используются средства, приемы и правила юридической техники. Как справедливо отмечается в литературе, многие недостатки законодательства, включая его противоречивость и низкую общественную значимость, могли бы быть устранены путем систематизации подходов к подготовке нормативных актов [8, с.25].

Несмотря на длительную историю исследования, вопросы понятия, сущности и социальной ценности юридической техники сохраняют свою актуальность. Взгляды на юридическую технику эволюционировали вместе с развитием представлений о государстве и праве, что свидетельствует об историко-правовой опосредованности данного феномена [5, с.9].

Анализ научной литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию юридической техники, которые сформировались в отечественной юридической науке: инструментальный и деятельностный.

Инструментальный подход является наиболее традиционным и распространенным. Его сторонники раскрывают содержание юридической техники через совокупность используемых инструментов. Классическое определение предложено С.С. Алексеевым, который рассматривал юридическую технику как «совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства» [1, с.267]. В рамках этого подхода авторы оперируют такими категориями,

как «методы, правила, приемы», «средства, приемы, способы и методы», «приемы и средства». Инструментальный подход акцентирует внимание на статическом аспекте юридической техники как наборе определенных ресурсов.

Деятельностный подход получил активное развитие в последние десятилетия. Его сторонники исходят из того, что юридическая техника – это не просто совокупность элементов, но и сама деятельность по их применению. В.М. Баранов определяет юридическую технику как «совокупность принципов, приемов, процедур формирования и реализации всех видов юридической практики», отмечая при этом, что правильнее было бы использовать термин «юридическая технология», акцентирующий деятельностный характер [2, с.10]. Деятельностная составляющая ориентирует на достижение определенного результата, направляет необходимый инструментарий и отражает динамику права.

Представляется, что наиболее продуктивным является интегративный подход, объединяющий оба названных направления. Как обобщают исследователи, под юридической техникой следует понимать систему ресурсов и технологий их применения, направленных на подготовку правовых актов и осуществление иных видов юридической деятельности, обеспечивающую совершенство формы и содержания права.

В научной литературе выделяют следующие цели юридической техники: качественная унификация права и практичность и рациональность права [3, с.69].

Иной подход связывает цели юридической техники с юридической деятельностью: достижение ясности, результативности, рациональности в юридической деятельности.

По нашему мнению, значение юридической техники действительно выражается в нескольких аспектах:

- является средством построения стабильной и ясной системы права и системы законодательства государства;
- развивает правосознание как подструктуру правовой культуры с помощью технико-правового мышления;
- совершенствует правовую науку, являясь областью профессиональных знаний;
- повышает эффективность права.

Сущность юридической техники раскрывается через ее внутреннюю структуру и функциональное назначение. Традиционно в структуре юридической техники выделяют три основных элемента: технические средства, технические приемы и технические правила.

Технические средства представляют собой инструментарий юридической деятельности, которые условно можно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют вербальные средства – юридические термины, выступающие в качестве первичных элементов, фиксирующих ключевые понятия в тексте нормативного акта.

Вторую группу составляют юридические конструкции – особые модели построения нормативного материала, возникающие на основе комбинации правомочий, запретов, обременений или привилегий.

К третьей группе относятся специфические логико-правовые феномены: презумпции (предположения о существовании факта), фикции (заведомо условные положения), аксиомы (очевидные истины, не требующие доказательств) и правовые символы.

Под техническими приемами понимается совокупность способов фиксации и изложения правовой информации. К ним относят способы оформления официальных реквизитов (наименование акта, дата и место принятия, подписи), структурную организацию правового акта (деление на преамбулу, общую и особенную части, разделы, главы, статьи), а также способы изложения норм права (прямой, отсылочный, бланкетный).

Технические правила представляют собой требования, предъявляемые к процессу создания и применения правовых актов. Среди них выделяют:

- ясность, четкость, простота и недвусмысленность формулировок;
- сочетание лаконичности, краткости с содержательной полнотой;
- логическая стройность и последовательность в изложении юридической информации;
- взаимосвязь, согласованность и внутреннее единство правового материала.

Важной характеристикой сущности юридической техники является ее проникновение во все виды юридической практики. Традиционно юридическую технику подразделяют на правотворческую (законодательную), правоприменительную и интерпретационную. Правотворческая техника обеспечивает создание качественных нормативных актов, правоприменительная – правильное оформление актов применения права, интерпретационная – адекватное уяснение и разъяснение содержания правовых норм.

Как отмечает И.Н. Сенин, юридическая техника и механизм правового регулирования соотносятся как часть и целое: юридическая техника обслуживает все стадии правового регулирования – от правотворчества до реализации права, предоставляя необходимый инструментарий для достижения целей правового воздействия [7, с.18].

Социальная ценность юридической техники проявляется в ряде аспектов, имеющих важное значение для функционирования правовой системы и общества в целом.

Во-первых, юридическая техника выступает гарантом качества и эффективности законодательства. Уровень развития юридической техники является одним из показателей уровня правовой культуры общества. Профессиональное использование правил юридической техники позволяет создавать эффективно действующее законодательство, свободное от пробелов и противоречий. Как подчеркивается в литературе, надлежащее качество и эффективность законодательства могут быть обеспечены лишь при условии учета законодателем всей совокупности социальных факторов, подлежащих регламентации [6, с.8].

Во-вторых, юридическая техника обеспечивает доступность и понятность права для граждан. Использование правил юридической техники необходимо для адекватного выражения воли субъекта правотворчества, что позволяет единообразно понимать и реализовывать нормы права. Ясность и четкость правовых предписаний создает условия для реализации гражданами своих прав и законных интересов, укрепляет доверие к праву и государственным институтам.

В-третьих, юридическая техника выполняет важную коммуникативную функцию, устанавливая прямую и обратную связь между гражданами, гражданским обществом и государством. При помощи юридической техники социальные потребности и интересы переводятся на язык права, а результаты правового регулирования получают адекватное выражение в правовых актах. Как отмечал еще Рудольф фон Иеринг, юридическая техника непосредственно связана с потребностями общества, являясь средством перевода социальных потребностей на язык права [8, с.26].

В-четвертых, юридическая техника служит средством повышения эффективности правового регулирования общественных отношений [4, с.39]. Правильное использование средств и приемов юридической техники позволяет оптимизировать процесс правового упорядочения общественных отношений, рационализировать юридическую деятельность, экономить интеллектуальные и временные ресурсы субъектов правотворчества и правоприменения.

В-пятых, юридическая техника выступает фактором укрепления законности и правопорядка. Четкость и непротиворечивость правовых предписаний, достигнутая благодаря соблюдению правил юридической техники, создает основу для единообразного применения права, исключает возможность произвольного толкования и злоупотреблений. Как справедливо отмечает В.М. Баранов, «ныне сложился своеобразный технико-юридический разум, который находит проявление в самых разных формах» [2, с.10].

Особого внимания заслуживает социальная ценность юридической техники как инструмента разрешения правовых коллизий и преодоления пробельности. Система средств и приемов юридической техники позволяет законодателю своевременно выявлять и устранять недостатки правового регулирования, а правоприменителю – находить обоснованные решения в ситуациях неполноты или противоречивости нормативного материала.

Таким образом, юридическая техника представляет собой сложное, многогранное явление, понятие которого раскрывается через единство инструментального и деятельностного подходов. Наиболее адекватным является понимание юридической техники как системы ресурсов и технологий их применения, направленных на подготовку правовых актов и осуществление иных видов юридической деятельности, обеспечивающей совершенство формы и содержания права.

Сущность юридической техники раскрывается через ее структуру, включающую технические средства, технические приемы и технические правила, а также через ее присутствие во всех видах юридической практики – правотворческой, правоприменительной и интерпретационной.

Социальная ценность юридической техники в правовом регулировании проявляется в ее способности обеспечивать качество и эффективность законодательства, доступность права для граждан, выполнять коммуникативную функцию между обществом и государством, повышать эффективность правового регулирования и укреплять законность. В этом смысле юридическая техника выступает не просто вспомогательным инструментом юридической деятельности, а необходимым условием существования и развития правовой системы современного общества, важнейшим фактором реализации прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. 360 с.
2. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники: сб. ст./ под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 10-12.
3. Болдырев С.Н. Юридическая техника как особая отрасль правового знания: сущность и социальное назначение // Аграрное и земельное право. 2020. № 8 (188). С. 68-71.
4. Бялт В.С., Трипутин С.Н. Юридическая техника как средство повышения эффективности правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №1. С. 38-42.
5. Костенко М.А., Яровая В.В. Современное состояние дефиниции «юридическая техника» // Современное право. 2016. № 11. С. 9-12.
6. Поленина С.В. Юридическая техника как социальный феномен в условиях модернизации // Государство и право. 2011. № 9. С. 5-14.
7. Сенин И.Н. О соотношении категорий «механизм правового регулирования» и «юридическая техника» // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 17-21.
8. Сазанов С.В. Юридическая техника: общая характеристика и особенности применения в Российской Федерации // Вестник Национального института бизнеса. 2024. №1. С. 25-30.

References:

1. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 volumes, Moscow, 1982. Vol. 2. 360 p.
2. Baranov V.M. Preface // Problems of legal technology: collection of articles / edited by V.M. Baranov. N. Novgorod, 2000. pp. 10-12.
3. Boldyrev S.N. Legal technology as a special branch of legal knowledge: the essence and social purpose // Agrarian and land law. 2020. No. 8 (188). pp. 68-71.
4. Byalt V.S., Triputin S.N. Legal technology as a means of increasing the effectiveness of legal regulation of public relations // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. pp. 38-42.
5. Kostenko M.A., Yarovaya V.V. The current state of the definition of "legal technology" // Modern law. 2016. No. 11. pp. 9-12.
6. Polenina S.V. Legal technology as a social phenomenon in the context of modernization // State and Law. 2011. No. 9. pp. 5-14.
7. Senin I.N. On the correlation of the categories "mechanism of legal regulation" and "legal technique" // Siberian Law Review. 2020. Vol. 17. No. 1. pp. 17-21.
8. Sazanov S.V. Legal technology: general characteristics and application features in the Russian Federation // Bulletin of the National Institute of Business. 2024. No. 1. pp. 25-30.

СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА THE ESSENCE OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE NATURAL LAW APPROACH

НИКОЛАЕВА Екатерина Александровна,

доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУВО «Хакасский государственный университет им Н.Ф. Катанова»,
кандидат юридических наук, доцент
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90
katrimm@yandex.ru

ТАРАСОВА Ольга Евгеньевна,

доцент кафедры теории и истории права и государства
КФУ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
кандидат философских наук, доцент
420088, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская 7А,
oet72@mail.ru

ХАЛИМОВ Данил Ильич,

студент факультета подготовки специалистов для судебной системы
КФУ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
420088, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская 7А,
danilt07@mail.ru

NIKOLAEVA Ekaterina Alexandrovna,

Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines
N.F. Katanov Khakass State University,
Candidate of Law, Associate Professor
655017, Russia, Republic of Khakassia, Abakan, Lenina Street, 90
katrimm@yandex.ru

TARASOVA Olga Evgenievna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State
KFU FGBOU VO «V.M. Lebedev Russian State University of Justice»
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
420088, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 2nd Azinskaya Street 7A,
oet72@mail.ru

KHALIMOV Danil Ilyich,

student of the Faculty of Training specialists for the judicial system
KFU FGBOU VO «V.M. Lebedev Russian State University of Justice»
420088, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 2nd Azinskaya Street 7A,
danilt07@mail.ru

Краткая аннотация: В работе проводится анализ подходов, сформировавшихся в российской юридической науке по вопросу о понимании сущности юридической ответственности. В статье предпринимается попытка рассмотрения сущности юридической ответственности в контексте понимания морально-философских категорий естественно-правового подхода.

Abstract: The paper analyzes the approaches that have been developed in Russian legal science to understanding the essence of legal responsibility. The article attempts to examine the essence of legal responsibility in the context of understanding the moral and philosophical categories of the natural law approach.

Ключевые слова: юридическая ответственность, ретроспективная юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, естественно-правовая теория права.

Keywords: legal responsibility, retrospective legal responsibility, positive legal responsibility, natural law theory of law.

Для цитирования: Николаева Е.А., Тарасова О.Е., Халимов Д.И. Сущность юридической ответственности в контексте естественно-правового подхода // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_56.

For citation: Nikolaeva E.A., Tarasova O.E., Khalimov D.I. The essence of legal responsibility in the context of the natural law approach // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_56.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

Введение. Юридическая ответственность выступает основополагающим институтом как общей теории права, так и значительного числа отраслей права. Значимость понимания ее сущности чрезвычайно важна, особенно в условиях формирования российской государственности. Проблеме понимания ответственности как явления и правового института уделяли значительное внимание такие советские и российские ученые как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, С.А. Голунский, О.Э. Лейст, М.И. Байтин, Н.А. Власенко, Б.Т. Базылев, Н.Л. Гранат, А.В. Малько и многие другие. По данному вопросу написано множество статей, издано изрядное количество монографий. Несмотря на обширное количество исследований по данному вопросу, ряд положений, определяющих сущностные характеристики юридической ответственности, продолжают сохранять свою дискуссионность.

Следует констатировать, что в российском законодательстве отсутствует легальное понятие юридической ответственности. При фор-

мулировании норм отраслевого регулирования, законодатель исходит из понимания дефиниции юридической ответственности, разработанной теоретиками общей теории права.

Другой значимой проблемой является создание универсального понятия и концепции юридической ответственности в российском праве, которое подходило бы ко всем отраслям права и направлениям нормативного регулирования. Исследователи также не смогли предложить общее, универсальное, однозначное понятие, поэтому на сегодняшний день в теории права сформулировано несколько вариантов определения.

Спорным остаётся и вопрос о возможности выделения позитивной юридической ответственности. Если негативная юридическая ответственность — это собственно юридическая ответственность в классическом понимании юридической науки, то существование «позитивной юридической ответственности» подвергается сомнению рядом ученых-правоведов. Негативная ответственность как результат совершенного правонарушения, признается всеми учеными. Ценность негативной юридической ответственности состоит в том, что она нацелена на оценку поведения субъекта с позиции государства, как верховного носителя власти. В вопросе же возможности существования позитивной юридической ответственности единства мнений у исследователей права не сложилось. Позитивную юридическую ответственность выделяли в своих трудах такие учёные, как Б.Т. Базылев, Н.В. Витрук, В.Н. Кудрявцев, Д.А. Липинский, П.Е. Недбайло, Т.Н. Радько и многие другие. Так, Е.Л. Поцелуев характеризует позитивную юридическую ответственность как позитивно-активную, поощрительную, отождествляет ее с чувством долга [6, с. 19].

Основная часть. Наиболее широкое распространение в науке получила точка зрения С.С. Алексеева о том, что юридическая ответственность есть форма государственного принуждения. В своей работе исследователь права пишет следующее: «...ответственность — государственное принуждение, выраженное в праве, выступает как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли» [1, с. 54].

Иная позиция представлена в работах Н.В. Витрука. Он рассматривает юридическую ответственность как меру государственного принуждения: «юридическая ответственность как мера государственного принуждения осуществляется на основе и в рамках закона, т. е. она является правовой формой государственного принуждения» [3, с. 86].

Ещё один подход предлагает изучать юридическую ответственность через понятие правоотношения. Так, Б.Т. Базылев полагал, что юридическая ответственность есть правовое отношение охранительного типа, возникшее на основании правонарушения. Подобный подход не всегда объективен, поскольку в рамках привлечения к юридической ответственности возникает не одно правовое отношение, а их совокупность, при этом они могут быть представлены целой цепью материальных и процессуальных правоотношений, составляющих суть общего правоотношения, связанного с привлечением к юридической ответственности.

Из всех подходов особенной оригинальностью отличается точка зрения В.К. Бабаева, который указывает, что санкция — понятие собирательное и включает в себя несколько структурных единиц, а именно: меры ретроспективной ответственности, меры предупредительного воздействия, меры защиты, а также неблагоприятные последствия, возникающие в результате действий самого субъекта [2, с. 34].

Рассмотренные сугубо юридические подходы к понятию юридической ответственности позволяют констатировать следующее. Юридическая ответственность, по мнению большинства ученых, это санкция, влекущая изменение общественных отношений, которые обязательно имеют характер негативного воздействия на субъекта ответственности, а иногда и на объективную и субъективную сторону правонарушения.

Понять сущность рассматриваемого явления необходимо не только с доктринальной юридической позиции, не только с формально-правовой точки зрения. При выявлении истинной сущности какого-либо явления возникает надобность в междотраслевом подходе к изучению сущности явления. Зачастую именно применение комплексных методов познания позволяет выявить истину или хотя бы приблизиться к ней. В этом случае, юридическую ответственность можно и нужно рассматривать через призму философско-моральной категории надлежащего исполнения своих обязанностей (служебных, семейных, моральных и т.д.). Данный подход обрисовал две очень важные парадигмы в понимании изучаемого предмета: ответственность может существовать и без наказания. Наказание пропадает, когда каждый элемент социума (каждый человек) начинает осознавать практическую и духовную значимость надлежащего поведения, что влечёт отпадение надобности в жестокое пресечение, человек самостоятельно оценивает своё поведение и гарантирует жёсткую внутреннюю моральную ответственность за результат своего выбора.

Известный советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор В.М. Чхиквадзе, справедливо полагал, что социальная ответственность (а именно политическая, правовая, моральная) неразрывно и конституционально связана со свободой, ответственность суть мера соответствия свободной деятельности в определённых сложившихся социальных условиях, в которых данная свобода и существует. Единство свободы и ответственности выражается в одинаковом выражении осознанного действия в интересах отдельного человека (в том числе субъекта) и социума в целом [3, с. 120]. Аналогичная точка зрения представлена в трудах Ю.В. Романец, Б.А. Осипян которые рассматривают юридическую ответственность как вид духовной ответственности [5, с. 42; 7, с. 317]. Приведённая выше позиция заслуживает отдельного внимания, т.к. она представляет собой философский взгляд на понятие ответственности, причём с позиции естественно-правовой школы права. Ответственность — действительно, в определённой степени, есть мерило естественного поведения человека. Для свободы любого характера есть свои ограничения, выходящие за рамки или остающиеся в рамках закона. Важен сам факт диапазона действий, который ограничен, так и с другой стороны, диапазон (т.е. ответственность) делает свободу — свободой (упорядоченным движением, а не хаосом).

Вывод. Философский взгляд на понятие ответственности является крайне важным для формирования целостной картины данной категории как юридической. Связано это, безусловно, с характером права как «зеркала социальных мыслей», отражающего (а на самом деле вклю-

чающего в себя) социальную реальность, которая состоит из экономической, политической, моральной, биологической, культурной и других реалий жизни общества.

В современный период формирования российского государства рассмотрение сущности юридической ответственности с позиции естественно-правового подхода, имеет немаловажное значение. Конституция РФ, закрепляет систему прав человека именно через призму данного подхода. Указанный подход будет оправдан в контексте понимания необходимости формирования правовой активности граждан, стремящихся к развитию гражданского общества.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. 221 с.
2. Бабаев В.К., Байтин М.И. Нормы советского права: проблемы теории. Саратов., 1987. 248 с.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2009. 431 с.
4. Николаева, Е. А. Проблема классификации юридической ответственности / Е. А. Николаева, И. А. Ардамин // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2023. № 1(43). С. 117-121.
5. Осипян Б.А. Дух правометрии или основание межеврологии права. М.: Юрлитинформ, 2009. 656 с.
6. Поцелуев, Е. Л. О дефиниции «юридическая ответственность» / Е. Л. Поцелуев, А. Е. Горбунов // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 16-22.
7. Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения: монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2015. 400 с.

References

1. Alekseev, S.S. The Social Value of Law in Soviet Society. Moscow, 1971. 221 p.
2. Babaev V.K., Baitin M.I. Norms of Soviet Law: Problems of Theory. Saratov, 1987. 248 p.
3. Vitruk, N.V. General Theory of Legal Responsibility: Monograph. Moscow, 2009. 431 p.
4. Nikolaeva, E. A. The Problem of Legal Responsibility Classification / E. A. Nikolaeva, I. A. Ardamin // Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanov. 2023. No. 1(43). Pp. 117-121.
5. Osipyanyan, B.A. The Spirit of Legal Measurement or the Foundation of Legal Measurement. Moscow: Yurilitinform, 2009. 656 p.
6. Potseluev, E. L. On the Definition of «Legal Responsibility» / E. L. Potseluev, A. E. Gorbunov // Legal Bulletin of Samara University. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 16-22.
7. Romanets, Yu.V. Ethical Foundations of Law and Law Enforcement: A Monograph. Moscow: Zertsalo-M Publishing House, 2015. 400 p.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, РЕГУЛИРУЕМЫХ НОРМАМИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА ON THE NATURE AND ESSENCE OF SOCIAL RELATIONS, REGULATED BY THE NORMS OF CHURCH LAW

КАРЕВ Дмитрий Александрович

Самарский государственный экономический университет,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: kdmity07@mail.ru

KAREV D. A.

Samara state University of Economics, Senior lecturer of the Department of theory of law and philosophy.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: kdmity07@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье рассматривается природа и сущность общественных отношений в сфере церковного права. В соответствии с дуалистической природой церковного права, регулируемые общественные отношения можно подразделить на внутренние, охватывающие внутреннюю структуру Церкви и внешние - взаимодействие с органами государственной власти. Согласно российскому законодательству, Церковь, как юридическое лицо, обладает определенным правовым статусом, т.е. имеет определенные права и обязанности. Также в статье рассмотрен Церковный суд как специфический субъект церковных правоотношений, представляющий из себя внутренний судебный орган Русской Православной Церкви.

Abstract. This article examines the nature and essence of public relations in the field of church law. According to the dualistic nature of church law, regulated public relations can be divided into internal relations, which cover the internal structure of the Church, and external relations, which involve interaction with government authorities. According to Russian legislation, the Church, as a legal entity, has a specific legal status, which means that it has certain rights and obligations. The article also discusses the Church Court as a specific subject of church legal relations, which is an internal judicial body of the Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: общественные отношения, церковное право, Церковь, государство, церковный суд, Конституция Российской Федерации, федеральные законы.

Keywords: public relations, church law, the Church, the state, the church court, the Constitution of the Russian Federation, and federal laws.

Для цитирования: Карев Д.А. К вопросу о природе и сущности общественных отношений, регулируемых нормами церковного права // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 59-62. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_59.

For citation: Karev D.A. On the question of the nature and essence of social relations regulated by the norms of Church law // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 59-62. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_59.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

На современном этапе развития российского общества деятельность Русской Православной Церкви имеет огромное значение в сохранении и укреплении традиционных, российских и духовно-нравственных ценностей. В связи с чем, невозможно недооценить значение церковного права при регулировании общественных отношений.

В системе права отдельное место приходится на церковное право¹. Объектом церковного права являются общественные отношения, которые связаны с функционированием Церкви как общественного института. Для того, чтобы лучше понимать, что представляют из себя церковные правоотношения, нужно в первую очередь дать определение общественным отношениям.

Рыбаков О.Ю. пишет, что общественные отношения двух систем предполагают не только наличие комплекса прав, свобод и ответственности, как институтов, но и определенные ценности между ними².

Другой автор Ромашов Р.А. в своей книге подчеркивает, что в общественных отношениях с помощью правовых норм на законодательном уровне внедряются и закрепляются общезначимые правила должного поведения и общеобязательные запреты³.

Можно сказать, что общественные отношения представляют собой сложную систему взаимодействий между индивидами, социальными группами, организациями и институтами, функционирующими в рамках единого общества. Данные отношения строятся на основе общих норм, ценностей и правил, которые определяют характер и рамки взаимодействия. Формирование общественных отношений происходит за счет многообразных социальных процессов: совместной деятельности, обмена знаниями, решения актуальных для общества проблем.

Можно выделить несколько видов общественных отношений по следующим критериям:

1. По критерию социального уровня;
2. По уровню формализации;
3. По предмету отношений⁴.

В Российской Федерации религиозные организации имеют правовой статус юридического лица. Это закреплено в законодательстве, регулирующем деятельность религиозных объединений.

¹ Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского. Москва: наука, 1984. 456 стр.

² Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004, 470 стр.

³ Ромашов Р.А. Право: нормальность и девиантность. СПб.: Издательство «Алетейя», 2018, 330 стр.

⁴ Аникина Г.П. Источники церковного права // Гуманитарный вестник. №1. 2020. С. 145-148.

Статус юридического лица предоставляет религиозной организации возможность осуществления прав, установленных законодательством. Религиозные организации осуществляют свою деятельность на основе собственных уставных положений, при условии их соответствия нормам российского права. Они наделены правоспособностью, определенной в уставах, что предоставляет им возможность проводить издание богослужебной литературы, осуществлять производство предметов религиозного назначения и учреждать организации профессионального религиозного обучения.

Законодательное регулирование происходит с помощью:

1. Конституции Российской Федерации (статья 14)¹;
2. Федерального закона от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»²;
3. Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ).³

Особенность церковного права – дуалистическая природа: с одной стороны, оно регулирует отношения внутри религиозной общины на основе духовных законов, с другой – соответствует требованиям государственного законодательства, в частности, касающейся правового статуса религиозных организаций.⁴

Помимо прав, у Церкви есть и обязанности перед государством. Согласно действующему законодательству, религиозные организации обязаны ежегодно уведомлять Министерство юстиции РФ о продолжении своей деятельности в течение трех дней с момента внесения изменений в сведения, указанные в пункте 1 статьи 5 Федерального закона от 8 августа 2001 года №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», религиозная организация должна предоставить соответствующую информацию в Министерство юстиции РФ. Религиозные организации обязаны предоставлять уполномоченным органам отчетную документацию, освещающую все аспекты их деятельности. В эту документацию входят сведения о составе руководящих органов, а также информация о порядке расходования финансовых средств и использования иного имущества.

Учредителями может быть принято решение о ликвидации религиозной организации. Вдобавок за несоблюдение норм Конституции РФ и за грубейшие нарушения суд имеет право ликвидировать религиозную организацию. За не предоставленную обновленную информацию Министерство юстиции может обратиться в суд с требованием исключить религиозную организацию из единого государственного реестра юридических лиц.

Нормами церковного права регулируются общественные отношения, охватывающие как внутреннюю структуру Церкви, так и её взаимодействие с другими социальными институтами. Данные отношения строятся на основе норм и правил, образующих систему церковного права.

Внешнее церковное право не подлежит церковному контролю и формируется государством. В современной действительности оно преимущественно представлено нормами гражданского законодательства. Внутреннее церковное право имеет исключительно церковное происхождение⁵.

Рассмотрим виды общественных отношений, регулируемые нормами церковного права. Во-первых, это отношения, возникающие внутри Церкви между членами данной организации. Во-вторых, отношения, представляющие собой сложную систему взаимодействия Церкви с другими общественными организациями. Поместная Церковь, будучи частью общества, может испытывать влияние государственной власти, однако её внутреннее законодательство сохраняет свою самобытность и суверенитет. В-третьих, связь между государством и Церковью, где должно быть предусмотрено права граждан на свободу совести и веры.⁶

Общественные отношения в области церковного права регулируются через взаимодействие двух систем: светского законодательства и канонического права. Рассмотрим данный процесс регулирования общественных отношений на примере российского законодательства.

Согласно статье 14 Конституции Российской Федерации Церковь отделена от государства, так как государство является светским. И навязать религию никто не вправе.⁷

Принципы, указанные в Федеральном законе от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» раскрывают сущность взаимодействия государства и Церкви. Рассмотрим некоторые из них: принцип отделения Церкви от государства; запрет на вмешательство государства в деятельность Церкви, если она не противоречит законодательству; право государства оказывать финансовую и материальную поддержку Церкви в ходе реставрации объектов историко-культурного наследия⁸.

Церковь, как юридическое лицо имеет общий и специальный правовой статус. Общий статус определяется нормами ГК РФ, регулирующими деятельность некоммерческих организаций. Специальный статус установлен рядом нормативных актов, а также «Основами социальной концепции Русской Православной Церкви» (утверждены в 2000 году)⁹.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяет правовые рамки взаимодействия государства и

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗ, от 14.03.2020 № 1-ФЗ].

² Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» с изменениями и дополнениями // СПС КонсультантПлюс ©

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

⁴ Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д. Особенности содержания и структуры церковного права // Юридические науки, № 11, 2014. С 31-35

⁵ Павлюк И.В. Православное церковное право в правовой системе России: историко-правовой аспект. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки», № 5. 2021. С. 358 – 364А

⁶ Малиновская В.М. Каноническое право: понятие и особенности // Право. 2025. С. 55-60

⁷ Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно церковных отношений в России // Юридическая наука, № 201, 2021. С.25-29

⁸ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 30.12.2008 № 7-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 21.07.2014 № 11-ФЗ, от 14.03.2020 № 1-ФЗ].

⁹ Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно церковных отношений в России // Юридическая наука, № 201, 2021. С.25-29

религиозных организаций. В частности, данный федеральный закон подразумевает возможность оказания государством финансовой поддержки на сохранение культурно-исторического наследия, а также на содержание образовательных программ, открытых при храмах, в соответствии с законодательством страны¹.

Статья 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляет право собственности (движимое и недвижимое имущество), приобретенное в результате финансовой деятельности религиозных организаций, добровольных пожертвований от физических и юридических лиц, передачи от государства имущества и иных способов закрепленных законодательством РФ. Согласно законодательству Российской Федерации, имущество, в котором проводятся Литургические Богослужения, не подлежит взысканию в пользу кредиторов. Перечень видов такого имущества формируется Правительством Российской Федерации по согласованию с Церковью.

В соответствии с данным Федеральным законом, религиозным организациям предоставлено право на установление и поддержание международного сотрудничества. Данное право охватывает возможность в организации паломничеств, участия в собраниях и иных мероприятиях религиозного характера, а также получение религиозного образования. Также разрешается приглашать иностранных граждан, привлечение которых осуществляется на основе заключенных трудовых или гражданско-правовых договоров между иностранными гражданами и указанными религиозными организациями. Церковь обязана соблюдать государственные законы тогда, когда они касаются внешних аспектов её организации и управления, при условии, что эти законы не противоречат основным целям Церкви и её внутренним, исходящим от Бога канонам.

Возвращаясь к вопросу о природе и сущности общественных отношений, регулируемых нормами церковного права, стоит обратить внимание на субъекты. К ним можно отнести саму Церковь и ее членов, обладающих определенными правами и обязанностями как в отношении друг к другу, так и к Церкви в целом, общественные и иные религиозные организации, а также государство и система органов публичной власти.

Отдельное внимание необходимо уделить специфическому субъекту церковных правоотношений - церковный суд. Церковный суд представляет собой совокупность органов, подчинённых РПЦ и наделённых полномочиями осуществлять правосудие в соответствии с церковными канонами. Цель церковных судов – восстановление нарушенного церковного порядка и применение мер дисциплинарного характера².

Церковный суд является внутренним судебным органом РПЦ, уполномоченным разрешать социальные конфликты, связанные с нарушением канонических правил. Решения церковного суда не обладают юридической силой для государства³.

В Русской Православной Церкви существует трёхступенчатая судебная система: Епархиальные суды, общецерковный суд, суд Архиерейского Собора.

Деятельность церковных судебных органов в различных религиозных конфессиях определяется специфическими нормативными документами. В Русской Православной Церкви порядок функционирования церковных судов регламентируется Уставом РПЦ 2000 года⁴ и Положением о церковном суде 2008 года⁵. Положение о церковном суде содержит нормы процессуального характера и представляет собой свод правил для их деятельности.

Подводя итог, рассмотрим основные предпосылки, по которым общественные отношения становятся объектом церковного права:

1. Взаимоотношения членов Церкви. Отношение между церковными деятелями регулируются не только нравственными заповедями, но и обязательными нормами поведения, зафиксированными в церковном праве.
2. Духовное единство. В Церкви люди образуют одно духовное целое, и это единство проявляется и укрепляется в таинстве Причастия.
3. Регулирование отношений Церкви с другими общественными организациями и союзами. Нормы церковного права регулируют отношения Церкви с другими общественными образованиями, религиозного или политического характера.
4. Защита прав верующих. Церковное право, по своей сути, защищает права каждого члена Церкви.
5. Реализация миссии Церкви. Церковь должна нести в мир Евангелие. Для эффективности выполнения данной миссии нужны четкие правила регулирования отношений внутри самой Церкви.

Нормы церковного права взаимодействуют с нормами государственного права. Содержание таких правоотношений складывается из субъективных прав и юридических обязанностей участников: членов Церкви и органов государственной власти. Государство обеспечивает правовой статус религиозных организаций и регулирует их внешнюю деятельность, а церковное право регулирует отношения внутри Церкви. Все эти аспекты взаимоотношений закреплены в Конституции РФ и федеральных законах.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ].
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025)

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025)

² Ведаев А. В. Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 305–320.

³ Ведаев А. В. Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 305–320.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Устав РПЦ (2017) – О внесении изменений и дополнений в Устав Русской Православной Церкви и другие документы Русской Православной Церкви: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 30 ноября 2017 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074390.html> (дата обращения: 17.12.2025).

⁵ О церковном суде: Определение (2008) – О церковном суде: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 26 июня 2008 г. // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/archive/2008/06/41613/> (дата обращения: 17.12.2025).

4. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» с изменениями и дополнениями // СПС КонсультантПлюс ©
5. О внесении изменений и дополнений в Устав РПЦ (2017) – О внесении изменений и дополнений в Устав Русской Православной Церкви и другие документы Русской Православной Церкви: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 30 ноября 2017 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074390.html> (дата обращения: 17.12.2025).
6. О церковном суде: Определение (2008) – О церковном суде: Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 26 июня 2008 г. // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/archive/2008/06/41613/> (дата обращения: 17.12.2025).
7. Аникина Г.П. Источники церковного права // Гуманитарный вестник. №1. 2020. С. 145-148.
8. Ведяев А. В. Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 305–320.
9. Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. Москва: Наука, 1984. 456 стр.
10. Малиновская В.М. Каноническое право: понятие и особенности // Право. 2025. С. 55-60
11. Михайлова Н.В. Правовое регулирование государственно церковных отношений в России // Юридическая наука, № 201, 2021. С.25-29
12. Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д. Особенности содержания и структуры церковного права // Юридические науки, № 11, 2014. С 31-35
13. Павлюк И.В. Православное церковное право в правовой системе России: историко-правовой аспект. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки», № 5. 2021. С. 358 – 364.
14. Ромашов Р.А. Право: нормальность и девиантность. СПб.: Издательство «Алетейя», 2018, 330 стр.
15. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004, 470 стр.

References:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: [prinjata vsenarodnim golosovaniem 12.12.1993]: [s uchetom popravok, vnesennikh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 N 1-FKZ]. (In Russian)
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ // Sobranie zakonodatelstva RF, 05.12.1994. N 32, st. 3301. (In Russian)
3. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnikh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 28.11.2025) (In Russian)
4. Federalnii zakon ot 26 sentyabrya 1997 goda № 125-FZ «O svobode sovesti i religioznikh obedineniyakh» s izmeneniyami i dopolneniyami // SPS KonsultantPlyus © (In Russian)
5. O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ustav RPTs (2017) – O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Ustav Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i drugie dokumenti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Opredelenie Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi ot 30 noyabrya 2017 g. // Ofitsialnii sait Moskovskogo Patriarkhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074390.html> (data obrashcheniya: 17.12.2025) (In Russian)
6. O tserkovnom sude: Opredelenie (2008) – O tserkovnom sude: Opredelenie Arkhiereiskogo Sobora Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi ot 26 iyunya 2008 g. // Russkaya Pravoslavnaya Tserkov. Otdel vneshnikh tserkovnikh svyazei. URL: <https://mospat.ru/archive/2008/06/41613/> (data obrashcheniya: 17.12.2025) (In Russian)
7. Anikina G.P. (2020) Istochniki tserkovnogo prava // Gumanitarnii vestnik. №1. P. 145-148. (In Russian)
8. Vedyayev A. V. (2021) Normativnoe regulirovanie deyatel'nosti tserkovnogo suda v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: istoriya, sovremennoe sostoyanie, problemi i perspektivi // Khristianskoe chtenie. № 3. P. 305–320. (In Russian)
9. Digesti Yustiniana: izbrannye fragmenti v perevode i s primechaniyami I. S. Pereterskogo. (1984) Moskva: Nauka. 456 p. (In Russian)
10. Malinovskaya V.M. (2025) Kanonicheskoe pravo: ponyatie i osobennosti // Pravo. P. 55-60 (In Russian)
11. Mihailova N.V. (2021) Pravovoe regylyrovanie gosudarstvenno cherkovnykh otnoshenii v Rossii // Yuridicheskie nauki, № 201. P.25-29 (In Russian)
12. Osavelyuk A.M., Eriashvili N.D. (2014) Osobennosti sodержaniya i strukturi tserkovnogo prava // Yuridicheskie nauki, № 11. P 31-35 (In Russian)
13. Pavlyuk I.V. (2021) Pravoslavnoe tserkovnoe pravo v pravovoi sisteme Rossii: istoriko-pravovoi aspekt. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnie i obshchestvennye nauki», № 5. P. 358 – 364 (In Russian)
14. Romashov R.A. (2018) Pravo: normalnost i deviantnost. SPb.: Izdatelstvo «Aleteiya», 330 p. (In Russian)
15. Ribakov O.Yu. (2004) Rossiiskaya pravovaya politika v sfere zashchiti prav i svobod lichnosti. SPb.: «Yuridicheskii tsentr Press», 470 p. (In Russian)

ТЮРЕМНЫЙ ТУРИЗМ ЗА РУБЕЖОМ: ОСОБЕННОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОГО ПОКАЗА PRISON TOURISM ABROAD: FEATURES OF PENITENTIARY INSTITUTIONS AS TOURIST SITES

ЗЯБЛОВА Татьяна Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: tizet69@mail.ru;

ZYABLOVA Tatiana E.,

Associate Professor of the department of state and legal disciplines of the faculty of law,
Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Candidate of law, Associate Professor.
Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: tizet69@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена проблеме использования пенитенциарных учреждений в рамках относительно нового для России феномена – тюремного (пенитенциарного) туризма. На основе анализа зарубежного опыта выделяются особенности тюремного туризма, осуществляется его классификация по критериям характера и целей использования пенитенциарных объектов, видов и форм организации туристского показа. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью дальнейшего научного исследования информационного, познавательного, воспитательного и аксиологического потенциала тюремного (пенитенциарного) туризма в целях выработки применимых на практике адекватных методов и форм организации туристского показа пенитенциарных объектов, выбора адекватных методов и параметров воздействия на посетителей и формулирования стратегии действий соответствующих организаций.

Abstract: The article is devoted to the problem of using penitentiary institutions within the framework of a relatively new phenomenon for Russia – prison (penitentiary) tourism. Based on the analysis of foreign experience, the features of prison tourism are highlighted, its classification is carried out according to the criteria of the nature of penitentiary facilities and the impact on visitors. The relevance of the article's topic is due to the need for further scientific research on the informational, educational, and axiological potential of prison (penitentiary) tourism in order to develop practical methods and forms of organizing tourist visits to penitentiary facilities, choose reasonable methods and parameters for influencing visitors, and formulate strategies for the relevant organizations.

Ключевые слова: туризм, тюремный (пенитенциарный) туризм, памятники истории, музеи, туристский показ, функции тюремного туризма.

Keywords: tourism, prison (penitentiary) tourism, historical monuments, museums, tourist display, functions of prison tourism.

Для цитирования: Зяблова Т.Е. Тюремный туризм за рубежом: особенности пенитенциарных учреждений как объектов туристского показа // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 63-65. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_63.

For citation: Zyablova T.E. Prison tourism abroad: features of penitentiary institutions as objects of tourist display // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 63-65. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_63.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

В последние годы в России большое внимание уделяется развитию туризма. Президентом РФ В.В. Путиным определена цель превратить его в одну из эффективно функционирующих отраслей экономики. Отмечено, что уже достигнутые результаты, а именно: появление новых маршрутов, интересных людям всех возрастов, развитие научно-популярного, событийного, промышленного и других видов туризма не отменяет, а наоборот, делает еще более актуальным количественное увеличение числа ежегодных путешествий и расширение спектра предложений туристических услуг «на любой вкус» [9]. Выполнение данной задачи подразумевает не только развитие соответствующих секторов экономики, совершенствование системы социально-культурного обслуживания населения, но и продолжение научного исследования содержательной стороны туризма в целом и его отдельных видов, перечень которых постоянно увеличивается.

К числу относительно новых видов туризма относится и тюремный (пенитенциарный) туризм, под которым согласно классификации Ф. Стоуна, понимают одну из семи категорий так называемого темного туризма (dark tourism), определяемого как посещение кладбищ и захоронений, поездки в места экологических или техногенных катастроф, стихийных бедствий и массовых захоронений людей [10, 181].

Собственно тюремный (пенитенциарный) туризм – представляет собой посещение туристических мест – бывших и действующих тюрем и других пенитенциарных учреждений.

Интерес к тюремному туризму в России значителен. В частности, об этом свидетельствует широко разрекламированное в СМИ начало работы в марте 2026 г. еще одного объекта туристского показа – бывшего СИЗО «Кресты» в Санкт-Петербурге, на территории которого планируется разместить мультимедийный музей, два гостиничных комплекса, гастрономическую улицу и пешеходный променад с арт-объектами [1].

Несмотря на это, в России тема пенитенциарного туризма все еще может характеризоваться как малоизученная, в то время как за рубежом уже осуществлен целый ряд исследований, анализирующих различные стороны деятельности тюрем-музеев и других туристических объектов, связанных с исполнением наказания.

По подсчетам Дж. Я. Росса, полученным в результате анализа веб-сайтов государственных пенитенциарных учреждений и других источников, в первое десятилетие XXI в. по всему миру насчитывалось около 100 тюремных музеев. Есть основания полагать, что данная цифра, как и некоторые иные приведенные автором статистические данные, весьма приблизительны. С другой стороны, они все же дают общее представление о развитии тюремного туризма, его особенностях и основных перспективах развития [11].

Дж. Я. Росс также пришел к выводу о том, что большинство тюрем-музеев находится в семнадцати странах, являющихся развитыми индустриальными государствами (Канада, Германия, Япония, Великобритания). Пятьдесят семь из них – в США и Великобритании, где всегда

было большее число лиц, лишенных свободы [11].

В действительности же, география пенитенциарного туризма гораздо шире: объекты туризма пенитенциарного назначения есть в Южной Африке, Южной Корее, Китае, Австралии, Аргентине, Таиланде, Кении, Нидерландах, Финляндии, Дании и др.

В связи с этим, можно утверждать, что привлечение зарубежного опыта может оказать, существенную помощь в получении новых знаний, необходимых для практической реализации разработок в области тюремного туризма, тем более, что сам феномен тюремного туризма возник за рубежом, а экскурсии по российским тюрьмам-музеям являются аналогами западных проектов.

При изучении тюремного (пенитенциарного) туризма следует иметь в виду особое, несколько парадоксальное положение системы органов исполнения наказания в истории общества, что предопределяет работу на стыке различных дисциплин: истории, философии, психологии, права, социологии, экономики, туризмоведения, музееведения и др. Объекты тюремного туризма представляют собой не только места проведения досуга, они действуют от имени государства как социальные, воспитательные и образовательные учреждения, активно способствующие определению и пониманию государственного строительства и гражданства. Они призваны формировать не адаптированные шаблонные и «историзированные», а максимально приближенные к реальным представления о местах заключения и образе жизни осужденных, хотя и не всегда достигают этой цели.

Исследование тюремного туризма, помимо других аспектов подразумевает составление перечня объектов и форм туристского показа, их классификацию, а также выявление особенностей этого вида туризма, что может существенно влиять на определение цели, направлений и конкретных способов его организации. Прежде всего, следует констатировать, что зарубежная практика демонстрирует чрезвычайно широкий круг пенитенциарных объектов туристского показа. Их можно подразделить на располагающиеся в действующих и уже не действующих учреждениях или вблизи них; учреждения, размещающиеся в зданиях, являющихся памятниками истории и архитектуры и специально построенных, не имеющих исторической и архитектурной ценности; пенитенциарные учреждения, включаемые в природные и исторические комплексы и являющиеся их составными частями; комплексы, значительные по размерам, и небольшие музеи и выставочные зоны и др. Пенитенциарные объекты различаются по характеру и целям использования и по впечатлениям посетителей.

В США, как и в других странах, в дополнение к оригинальным, отреставрированным или построенным заново помещениям в музеях обычно выставляются тюремные памятные вещи, архивные фотографии заключенных и тюремной жизни, тюремное оборудование, конфискованные предметы, инструменты и механизмы, иногда – образцы декоративно-прикладного искусства заключенных. В некоторых музеях есть сувенирные магазины, где продаются книги, видеоматериалы, футболки, брелоки, головные уборы, нашивки, пряжки, рюмки, кофейные кружки и другие виды брендированной продукции вплоть до полосатой туалетной бумаги. Для удобства потенциальных посетителей музеи создают специальные брошюры и веб-сайты [11].

Некоторые тюрьмы-музеи привлекают туристов благодаря их истории и упоминанию в литературных произведениях и кинофильмах, что обуславливает их популярность и, соответственно, высокую посещаемость. В данном случае хрестоматийным примером является замок Иф, описанный в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Это пример коммерческого использования объекта, где реальные условия содержания узников сочетаются с легендами [2].

Другим примером может служить бывшая американская федеральная тюрьма строгого режима «Алькатрас», закрытая в 1963 г. В настоящее время – это одна из главных достопримечательностей Сан-Франциско, известная не только благодаря экскурсиям, но и как киноплощадка, место, где были сняты одноименный сериал и около десяти художественных фильмов. В настоящее время эту часть национальной зоны отдыха «Золотые ворота» каждый год посещают миллионы туристов со всего мира [7].

Ряд музеефицированных тюрем расположены в строениях, которые сами являются историческими памятниками. Так, несколько тюрем, в том числе знаменитая – Свинцовая, располагаются в памятнике архитектуры, – Венецианском дворце Дожей – символе Венеции, отражении ее величия, мощи и политического могущества [4]. К этой же группе объектов тюремного туризма можно отнести и французскую тюрьму Консьержи – бывший королевский дворец, и Тауэр в Лондоне, внесенный в реестр объектов всемирного наследия ЮНЕСКО [12].

Посещение данной категории объектов, представляющих собой часть национального наследия, бесспорно, относится также и к культурному туризму, что требует особенно тщательного соблюдения требований к их посещению.

Весьма разнообразны формы привлечения посетителей музеефицированных пенитенциарных объектов и воздействия на них в ходе туристского показа. В некоторых учреждениях есть возможность в значительной степени погрузиться в изучение экспонатов, в других – посетитель может просто прогуляться по сайту. В одних музеях могут осмотреть объект самостоятельно, в других – воспользоваться сопровождением экскурсовода. Основной формой показа является экскурсии, проводимые специально подготовленными гидами, бывшими сотрудниками учреждений или бывшими заключенными.

Кроме того, знакомство с музеями и выставками проходит в форме интервью, бесед, демонстрации фильмов и др. Кроме ставших традиционными форм, большей части туристов представляются привлекательными размещение в камерах, ношение спецодежды заключенных, дегустация блюд тюремной кухни и т.д.

Нестандартный подход разработан маркетологами Вьетнама. В стремлении максимально приблизить предлагаемый экстремальный отдых к условиям реальности в рамках тура всех желающих снабдят холодным оружием, боевыми патронами, нелегальным пистолетом и сдадут в полицию, где туристы должны будут доказать отсутствие преступных намерений [3, 169].

Неординарным можно признать и такое «мероприятие» как «Родео тюрьмы Ангола», в котором с риском для жизни участвуют заключенные. С 1969 г. это, прежде недоступное для публики зрелище, посещает до 10000 зрителей [8]. Справедливости ради следует отметить, что американская тюрь-

ма Ангола, находящейся в штате Луизиана, известна не только родео. Там действует музей и культурный центр, миссия которого увлечь посетителей культурным опытом, включающим в себя диалог о сложных и захватывающих историях исправительных учреждений и правосудия в Луизиане.

Сотрудники центра ставят своей целью не только рассказывать об истории исправительных учреждений и правосудия в Луизиане, но и стимулировать посетителей к гуманизации истории людей, находившихся в них, а также извлекать уроки из прошлого, демонстрировать значение местной культуры для развития мест лишения свободы [8].

В качестве примера чрезвычайно серьезного подхода к организации деятельности тюрем-музеев, предполагающие значительные финансовые затраты и техническое оснащение самого высокого современного уровня, можно назвать претендующую на звание самой большой тюрьмы-музея в Европе датскую тюрьму Хорсенс, открывшуюся в 2015 г.

О целях ее деятельности красноречиво говорит тот факт, что она была признана «самым инновационным аттракционом для посетителей». Над проектом превращения тюрьмы в музей работали профессионалы в области ауди-визуальных технологий и дизайна музейного пространства. На реализацию проекта интерактивной экспозиции было затрачено около 2,9 млн евро.

Посетители могут осмотреть 37 интерактивных инсталляций с помощью беспроводной карточки RFID, которая позволяет им выбрать в качестве виртуального экскурсовода заключенного или охранника, по желанию активировать медиаконтент: звук, свет или видео. Восстановлены оригинальные надписи на стенах, отчетливо различимы запахи, воссоздающие тюремную жизнь [6]. Тема тюремного (пенитенциарного) туризма обширна и не может быть охвачена в рамках формата статьи. Тем не менее, можно сделать некоторые выводы.

Будучи определяемы как элемент темного туризма, пенитенциарный туризм обладает целым рядом присущих только ему особенностей, которые не позволяют относиться к нему как к развлечению и сводить его значение преимущественно к коммерческому. Прежде всего, следует иметь в виду, что данный вид туризма отличен в этико-психологическом аспекте. Он вызывает сильные эмоциональные переживания, часто – отрицательные, возникновение которых обусловлено демонстрацией в тюрьмах-музейных комплексах мест и орудий пыток и казней. Пенитенциарный туризм содержит и идеологические элементы, поскольку одной из его популярных тем и задач, особенно в бывших социалистических государствах, является демонстрация проявлений тоталитаризма.

Тюремный туризм близок к военному туризму. Большая часть бывших тюрем за рубежом так или иначе связана с войнами, в том числе и со Второй мировой войной. В этом случае, их посещение имеет и большое воспитательно-патриотическое значение. Так, напоминающие о событиях данного периода исторический парк «Камера тюрьмы Моабит» в Берлине, Варшавская Следственная тюрьма, известная как «Павияк», Пражская тюрьма «Панкрац» и др. – символы не только трагического прошлого, но и героизма борцов за свободу и независимость.

Таким образом тюремный (пенитенциарный) туризм выполняет познавательную, образовательную, воспитательную и аксиологическую и др. функции и это свойство многофункциональности обуславливает необходимость продуманного, осторожного подхода к выбору «миссии» музеефицированного объекта. В связи с этим следует продолжать комплексные научные исследования в этой области, в том числе используя зарубежный опыт не только для «продвижения территорий», а, прежде всего, для выработки применимых на практике адекватных методов и форм организации туристского показа пенитенциарных объектов, выбора разумных методов и параметров воздействия на посетителей, предупреждения получения ими негативных впечатлений.

Список литературы:

1. Бурков Ю. От сумы до тюрьмы: как проходят экскурсии по петербургским «Крестам» // URL: <https://gorbilet.com/blog/news/ekskursii-po-krestam> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Земцов В.Н. «Узник» замка ИФ // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2010. №12. С. 179-201.
3. Зиннуров В.А. Анализ российского и зарубежного опыта продвижения территории посредством пенитенциарного туризма // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 22-23 апреля 2019 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019 – Т.2. – С. 168-171.
4. Как тюрьма стала самой богатой сокровищницей искусства, и какие страшные тайны Средневековья хранит дворец Дожей // URL: <https://kulturologia.ru/blogs/211124/62217/> (дата обращения: 25.03.2026).
5. World Heritage List // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 25.03.2026).
6. Музей тюрьмы Хорсенс – Дания // URL: <https://intmedia.ru/mirovoj-opyt/1187-muzej-tyurmy-horsens-daniya> (дата обращения 25.03.2026).
7. Неприступный «Алькатрас»: история самой страшной тюрьмы XX века // URL: <https://ria.ru/20180321/1516862073.html> (дата обращения: 25.03.2026).
8. Prison rodeo // URL: <https://www.angolamuseum.org/rodeo> (дата обращения: 25.03.2026)
9. Путин указал на наличие всех условий для развития внутреннего туризма в России // URL: <https://tass.ru/ekonomika/18143329> (дата обращения 25.03.2026).
10. Рыбакова Е.В. Тюремный туризм в России: современное состояние, проблемы изучения // Теория и практика сервиса: экономика. Социальная сфера, технология. – 2013. – № 3. – С. 180-187.
11. Ross J. I. Touring imprisonment: A descriptive statistical analysis of prison museums // Tourism Management Perspectives. 2012. № 4. P. 113–118 // https://www.researchgate.net/publication/237080106_Touring_Imprisonment_A_Descriptive_Statistical_Analysis_of_Prison_Museums (дата обращения 25.03.2026)
12. World Heritage List // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 25.03.2026).

References:

1. Burkov Yu. From Sumy to prison: how are the tours of the St. Petersburg "Crosses" // URL: <https://gorbilet.com/blog/news/ekskursii-po-krestam> (accessed: 03/25, 2026).
2. Zemstov V.N. "Prisoner" of the castle of IF // West, East and Russia: Questions of universal history. 2010. No. 12. pp. 179-201.
3. Zinnurov V.A. Analysis of Russian and foreign experience in promoting the territory through penitentiary tourism // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials V International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 22-23, 2019: in 2 volumes – Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2019 - Vol. 2. – pp. 168-171.
4. How the prison became the richest treasury of art, and what terrible secrets of the Middle Ages are kept by the Doge's Palace // URL: <https://kulturologia.ru/blogs/211124/62217/> (accessed: 03/25/2026).
5. World Heritage List // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (accessed: 03.25.2026).
6. Horsens Prison Museum – Denmark // URL: <https://intmedia.ru/mirovoj-opyt/1187-muzej-tyurmy-horsens-daniya> (accessed 03/25/2026).
7. The impregnable Alcatraz: the story of the most terrible prison of the twentieth century // URL: <https://ria.ru/20180321/1516862073.html> (accessed: 03/25/2026).
8. Prison rodeo // URL: <https://www.angolamuseum.org/rodeo> (accessed: 03.25.2026)
9. Putin pointed to the availability of all conditions for the development of domestic tourism in Russia // URL: <https://tass.ru/ekonomika/18143329> (accessed: 03.25.2026).
10. Rybakova E.V. Prison tourism in Russia: current state, problems of studying // Theory and practice of the service: Economy. Social sphere, technology. - 2013. – No. 3. – pp. 180-187.
11. Ross J. I. Touring imprisonment: A descriptive statistical analysis of prison museums // Tourism Management Perspectives. 2012. № 4. P. 113–118 // https://www.researchgate.net/publication/237080106_Touring_Imprisonment_A_Descriptive_Statistical_Analysis_of_Prison_Museums (accessed: 03.25.2026).
12. World Heritage List // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (accessed: 03.25.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_66

УДК 340.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ОТ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА К ЗАЩИТЕ ЦИФРОВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW AWARENESS IN A VIRTUAL ENVIRONMENT: FROM LEGAL NIHILISM TO THE PROTECTION OF DIGITAL PROPERTY

КРАЙНОВА Екатерина Романовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

ГАРАНИНА Екатерина Дмитриевна,

студент Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: ekaterina.garanina05@mail.ru

KRAYNOVA Ekaterina Romanovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law),
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

GARANINA Ekaterina Dmitrievna,

student, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: ekaterina.garanina05@mail.ru

Краткая аннотация: В данной работе исследуется феномен трансформации гражданского правосознания в условиях глобальной цифровизации. Авторы анализируют причины деформации правового сознания, такие как дематериализация объектов, анонимность среды и дистанцированность от правообладателя. Особое внимание уделяется проблеме «цифрового нигилизма» и когнитивного диссонанса между законодательным признанием цифровых активов имуществом и их восприятием общественностью. В работе обосновывается необходимость социальной легитимации цифровой собственности и перехода от «вещного» мышления к ценностному восприятию результатов интеллектуального труда для обеспечения стабильности гражданского оборота.

Abstract: This paper explores the phenomenon of the transformation of civil legal consciousness in the context of global digitalization. The authors analyze the causes of the deformation of legal consciousness, such as the dematerialization of objects, the anonymity of the environment, and the distance from the copyright holder. Special attention is paid to the problem of "digital nihilism" and the cognitive dissonance between the legal recognition of digital assets as property and their perception by the public. The paper argues for the need for social legitimization of digital property and the transition from "material" thinking to a value-based perception of the results of intellectual labor in order to ensure the stability of civil circulation.

Ключевые слова: правосознание, виртуальная среда, гражданский оборот, цифровая собственность, правовой нигилизм.

Keywords: legal awareness, virtual environment, civil circulation, digital property, legal nihilism.

Для цитирования: Крайнова Е.Р., Гаранина Е.Д. Трансформация гражданского правосознания в виртуальной среде: от правового нигилизма к защите цифровой собственности // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 66-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_66.

For citation: Krainova E.R., Garanina E.D. Transformation of civil law awareness in a virtual environment: from legal nihilism to the protection of digital property // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 66-69. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_66.

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

Глобальная цифровизация общественных отношений и большинства социальных институтов создала условия для формирования уникального социально-правового парадокса, который ставит под угрозу стабильность гражданского оборота в условиях современности. Виртуализация среды наиболее распространенного взаимодействия субъектов права привела к существенному разрыву между содержанием правовых предписаний отдельных институтов частного права и его восприятием в правовом сознании общественности. В качестве основной проблемы, на раскрытие которой направлено наше исследование, определяется деформация правосознания граждан в отношении правовой охраны и регламентации оборота цифровых активов и объектов интеллектуальной собственности.

Традиционные институты гражданского права не испытали на себе влияния обозначенной проблематики (например, право собственности на материальные объекты в рамках вещного права), однако виртуальные блага зачастую выпадают из правового поля, а самое главное не обременяются требованиями моральной ответственности индивида [1, С. 23]. Широкое распространение в наши дни получил феномен, при котором субъект права постоянно и вполне естественно демонстрирует законопослушное поведение в повседневной жизни, в общении с коллегами, на работе, в магазине, на отдыхе, однако сознательно и умышленно нарушает исключительные права в авторов цифровой среде. Например, в случае несанкционированного копирования программного обеспечения или при использовании нелицензированного контента. Это свидетельствует о развитии глубокого кризиса правового сознания человека, характерном, пожалуй, для большинства членов общества.

Проблематика трансформации правосознания занимает важное место в отечественной и зарубежной доктрине на протяжении многих лет. Фундаментальные исследования в этой области принадлежат авторству И.А. Ильина, рассматривавшему правовое сознание в качестве духовной основы правопорядка [1, С. 13]. Классификация проявлений правового нигилизма находит отражение в работах Н.И. Матузова [2, С.

2080] и В.А. Туманова [3, С. 20]. Проблемы трансформации правосознания в условиях цифрового общества также исследуются Н.Н. Поповой [4, С. 36], а общая природа деформаций – в работах В.И. Колтуновой [5, С. 32]. Гражданско-правовой аспект и вопросы оборота в условиях цифровизации детально раскрыты в монографии И.З. Аюшеевой [6, С. 256]. Общетеоретические аспекты обязательственных отношений и концепции владения, ставшие базой для анализа виртуальной собственности, изложены в трудах М.И. Брагинского и В.В. Витрянского [7, С. 47]. Современные вызовы защите авторских прав и специфику цифрового общества анализируют И.А. Близнец [8, С. 43].

Также в отечественной доктрине существуют исследования, которые можно сгруппировать следующим образом. Характеристика цифровых прав и виртуального имущества как объектов гражданских прав раскрываются в трудах М.А. Рожковой, указывающих на отсутствие осязаемой формы объекта как препятствие на пути восприятия таких объектов в качестве полноценного блага, требующего правовой защиты [9, С. 10]. Проблемы анонимности в сети как фактора развития «цифрового нигилизма» и противоправного поведения рассматриваются в работах А.А. Федорченко [10, С. 122] и И.М. Рассолова [11, С. 47]. Исследователи отмечают, что современному виртуальному пространству формируется специфическая «субкультура цифрового коммунизма», отвергающая исключительный характер прав интеллектуальной собственности. Ряд работ также посвящен механизмам преодоления и превенции «цифрового нигилизма» с последующим противоправным поведением при использовании контента в сети [12, С. 59]. Однако казуальный характер большинства исследований раскрываемой тематики указывает на отсутствие единого комплексного подхода к определению и решению обозначенной проблематики. Отдельные исследования обращены либо к технической стороне вопроса, либо определяются в контексте общей теории права, тогда как гражданско-правовой аспект требует качественного концептуального анализа.

В основе традиционного гражданского правосознания лежит римская правовая доктрина, где владение (*possessio*) неразрывно связано с физическим удержанием вещи (*corpus possidendi*). Вещный характер правоотношений исторически формировал у субъекта четкое понимание границ: «мое» – это то, что я держу в руках, на что я наложил замок, что занимает место в пространстве.

В виртуальной среде происходит дематериализация объекта – цифровой контент (программа, фильм, игровой предмет) лишен физического «тела», что порождает ряд деформаций в восприятии субъекта [4, С. 34]. Отсутствие осязаемого контакта с объектом на подсознательном уровне стирает ощущение его ценности, и если в реальном мире изъятие вещи сопровождается ее физическим исчезновением у владельца, то в цифровом мире акт «кражи» (копирования) не лишает правообладателя самого цифрового объекта, что создает ложное убеждение, что вред не нанесен, а действия не являются противоправными.

Также, стоит отметить, что после покупки цифрового контента, пользователь зачастую приобретает лишь ограниченное право доступа (лицензию), а не право собственности в классическом понимании, что создает размывание границ между титульным владением и доступом. Правосознание потребителя не готово к такой абстракции. Возникает когнитивный диссонанс: человек заплатил деньги, но «вещь» ему не принадлежит, что приводит к снижению уровня уважения к исключительным правам и провоцирует переход к нелегальным способам получения контента, где «владение» ощущается более полным.

Более того, в классическом гражданском обороте акт купли-продажи – это юридически значимый ритуал (передача денег, получение товара), в сети же этот процесс автоматизирован и мгновенен. Отсутствие «веса» покупки в руках пользователя психологически превращает ценный объект гражданских прав в общедоступный информационный шум.

Трансформация правосознания в данном аспекте требует отхода от «вещного» мышления. Необходимо внедрение в правовую культуру понимания того, что ценность объекта определяется его уникальностью и затраченным интеллектуальным трудом, а не физическим объемом.

Не менее важной проблемой является анонимность и отсутствие границ в виртуальной среде. Сформировалась специфическая культура, в которой соблюдение авторских прав не воспринимается в качестве нормативного установления для поведения участников гражданского оборота [11, С. 47]. Если в магазине за потенциальным нарушителем наблюдают камеры, сотрудники, другие посетители, то в виртуальном пространстве ничего этого нет, а человек скрыт интерфейсом пользовательских платформ, и это как минимум. Такие условия дистанцируют нарушителя от жертвы, превращая противоправное поведение в обыденное, бытовое, лишённое чувства вины.

В гражданском праве нарушение всегда направлено против субъекта, однако в сети правообладатель (автор, издательство, студия) скрыт за абстрактным интерфейсом платформы. Для правосознания рядового пользователя «компания» не является живым субъектом, которому можно причинить боль или материальный ущерб, что создает деперсонализацию потерпевшего [8, С. 43]. Это снимает моральный запрет на присвоение чужого: «от них не убудет» – классическая установка деформированного сознания.

Важно отметить, что правовая культура в интернете сформировала специфическую «серую зону». Это значит, что человек, укравший кошелек, становится социальным изгоем, то пользователь, скачивающий файлы через Торрент, в большинстве случаев воспринимается как «рациональный» или даже «продвинутый». Отсутствие коллективного осуждения превращает гражданское правонарушение в бытовую привычку. Это обуславливается спецификой сети как пространства свободного обмена информацией [10, С. 125], порождающего ложное убеждение о том, что любой доступный контент является общественным достоянием. В результате чего в правосознании происходит подмена категорий «доступности» и «дозволенности». Чувство вины правонарушителя нивелируется значительным временным разрывом между совершением правонарушения и проявлением его вреда в виде убытков и др.

Важно также обратить внимание правоприменителя на объективную недостаточность исключительно законодательного закрепления цифровых прав в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для реализации правовой охраны требуется психологическое восприятие ценности цифровых объектов в правовом сознании граждан. Несмотря на юридическое оформление владения виртуальным активом

субъект не чувствует себя собственником, что ведет к обесцениванию исключительных прав и, как следствие, инфантильного отношения к их нарушению. В этой связи, необходимым условием правовой защиты цифровой собственности выступает социальная легитимация. В правосознании граждан, например, кража цифрового ключа и кража материального ключа (от сейфа) должны восприниматься как эквивалентные деяния.

Таким образом, эффективная защита новых объектов гражданских прав возможна при преодолении обозначенного противоречия. В гражданском законодательстве необходимо отразить не только определение и описание цифровых объектов, но и механизмы обеспечения их восприятия правосознанием граждан.

Важно подчеркнуть, что деформация правосознания не просто теоретическая проблема, а реальный фактор экономических рисков государства и бизнеса. Правосознание потребителей ориентировано на нигилизм («зачем платить, если можно скачать бесплатно») [6, С. 31]. По данным Российского центра оборота прав на результаты творческой деятельности (РЦИС), в первой половине 2025-го в стране значительно вырос рынок пиратского киноконента. Ущерб российской киноиндустрии от пиратства составил около 1,6–1,7 млрд рублей [13]. В связи с этим, разработчики программного обеспечения, авторы и продюсеры теряют стимулы к созданию нового продукта на территории РФ, что ведет к «утечке мозгов» и технологическому отставанию, а формирование правового государства невозможно в условиях, когда целые пласты экономических отношений (оборот цифровых активов) находятся в «серой зоне» из-за нежелания субъектов соблюдать закон. Более того, низкий уровень доверия к институту цифровой собственности препятствует развитию токенизации реальных активов, что сдерживает внедрение более эффективных моделей гражданского оборота, а потому разработка проблематики трансформации гражданского правосознания в контексте признания «цифровой собственности» видится необходимым условием обеспечения частных интересов в информационном обществе.

На основе проведенного анализа деформаций правосознания в виртуальной среде авторами предлагаются следующие меры:

1. Развитие концепции «Юридического дизайна».

Главной проблемой нигилизма в сети является отсутствие визуального и психологического ощущения «чужого». В магазине барьером служит прилавок или касса, но в интернете этот барьер размыт, поэтому видится необходимым закрепить в рекомендациях Роскомнадзора и Минцифры стандарты юридического дизайна для платформ, распространяющих цифровой контент. В сети такую функцию могут выполнять обязательные интерактивные уведомления, которые визуализируют переход права собственности или пользования перед непосредственно процедурой скачивания либо доступом к информации. Такие меры обеспечат психологический эффект обладания конкретным лицом. Например, перед нажатием на кнопку «скачать» или «смотреть», фон сайта затемняется, а в центре появляется «карточка объекта» – визуализация контента (книги, фильма) вместе с прямым и понятным для любого пользователя текстом: «Данный файл – результат труда [Имя автора/Студии]. Нажимая «далее», вы принимаете на себя обязательство по уважению границ интеллектуальной собственности в цифровой среде».

2. Институционализация «Цифровой собственности».

В рамках современного гражданского законодательства цифровые права отнесены к «иному имуществу», что в свою очередь формирует в сознании граждан представление о второстепенной роли таких объектов. Следует определить перспективы обособления «цифровой собственности» в качестве самостоятельного института права. Необходимо предусмотреть механизм защиты виртуальных объектов наравне с материальными (виндикация). Это даст правосознанию четкий сигнал: цифровая вещь защищена так же жестко, как и материальная.

3. Внедрение самоисполняемых сделок для микроплатежей.

Правовой нигилизм часто подпитывается сложностью легального пути. Если купить софт сложнее, чем скачать торрент, правосознание выбирает путь меньшего сопротивления, что обуславливает необходимость расширения сферы применения ст. 1286.1 ГК РФ (Открытая лицензия) для упрощения микроплатежей и автоматизированного распределения авторского вознаграждения через смарт-контракты. Когда плата за контент становится автоматической, незаметной и справедливой, само понятие «неправомерного доступа» исчезает из поведенческой модели, так как техническая архитектура среды делает соблюдение права единственно возможным сценарием.

4. Персонафикация интеллектуального труда.

Для борьбы с «деперсонализацией потерпевшего» необходимо разрушить миф об «анонимных компаниях» и запустить государственные и частные образовательные инициативы, направленные на демонстрацию «человеческого лица» цифрового продукта, в совокупности с обязательным включением в образовательные программы по «Цифровой гигиене» кейсов, показывающих прямой ущерб конкретным создателям (программистов, дизайнеров, музыкантов) от пиратства. Цель – трансформировать восприятие интернет-контента из «бесплатного ресурса» в «результат чужого оплаченного времени».

В заключение, видится возможным установить, что классическая римская доктрина владения (физическое удержание вещи) не релевантна для цифровой среды, что порождает ложное убеждение в безвредности копирования контента. Анонимность в сети и абстрактный характер правообладателей (платформ) снимают моральные барьеры на присвоение чужих благ, превращая правонарушения в бытовую привычку («серую зону»). Существующая коллизия в ст. 128 ГК РФ, признающей цифровые права имуществом, и психологическим неприятием их ценности гражданами требует не только законодательных, но и культурно-образовательных мер. Реальная защита новых видов активов возможна только через этап социальной легитимации. Перспективным направлением решения обозначенной проблематики видится совершенствование механизмов «ощутимости» прав через систему четких процедур перехода цифровых прав.

Список литературы:

1. Ильин И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Москва: ТОО "Рарог". – 1993. – 235 с.
2. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. – 2012. – № 12 (156). – С. 2080–2089.

3. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. – Москва: Наука, 1989. – № 10. – С. 20–27.
4. Попова Н. Н. Правосознание в условиях формирования цифрового общества // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 2 (46). – С. 34–39.
5. Колтунова В. И. Правосознание и его деформации // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9 (225). – С. 31–33.
6. Аюшеева И. З. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития: монография / И. З. Аюшеева Л. Ю. Василевская. – Москва: Проспект – 2025. – 312 с.
7. Брагинский М. И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 4-е изд. – Москва: Статут – 2020. – 847 с.
8. Близнац И. А. Новые взгляды на право интеллектуальной собственности, предложенные в Общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 48, № 1. – С. 43–61.
9. Рожкова М. А. Категории "цифровое право", "цифровые права" и "цифровая валюта" в российском праве // Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология. – Москва: СТАТУТ. – 2021. – С. 10–68.
10. Федорченко А. А. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы: монография / А. А. Федорченко Е. В. Федорченко. – Москва: Издательство Юрайт. – 2026. – 200 с.
11. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. – 2026. – 427 с.
12. Ворожевич А. С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: монография / А. С. Ворожевич. – Москва: Статут. 2022. – 596 с.
13. Рынок нелегальной онлайн-кинопродукции в РФ значительно вырос за первое полугодие 2025 года URL: <https://iz.ru/1927756/anton-belyi/kachat-bez-prava-piraty-obokrali-rossijskoe-kino> (дата обращения: 26.03.2026).

References:

1. Ilyin I. A. On the Essence of Legal Consciousness. Moscow: Rarog Ltd. 1993, 235 p.
2. Matuzov N. I. Legal Nihilism as a Way of Life. Law and Politics, 2012, no. 12 (156), pp. 2080–89.
3. Tumanov V. A. On Legal Nihilism. Soviet State and Law. Moscow: Nauka, 1989, no. 10, pp. 20–27.
4. Popova N. N. Legal Consciousness in the Context of the Formation of a Digital Society. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. 2022, no. 2 (46), pp. 34–39.
5. Koltunova V. I. Legal consciousness and its deformations // Law and state: theory and practice. - 2023. - No. 9 (225). - P. 31–33.
6. Ayusheeva I. Z. Civil circulation in the context of digitalization: problems and development prospects: monograph / I. Z. Ayusheeva L. Yu. Vasilevskaya. - Moscow: Prospect - 2025. - 312 p.
7. Braginsky M. I. Contract law: general provisions / M. I. Braginsky, V. V. Vitryansky. - 4th ed. - Moscow: Statut - 2020. - 847 p.
8. Bliznets I. A. New views on intellectual property law proposed in the General theory of authorship // Works on intellectual property. – 2024. – Vol. 48, No. 1. – P. 43–61.
9. Rozhkova M. A. Categories of "digital law", "digital rights" and "digital currency" in Russian law // Law of the digital economy – 2021 (17): Yearbook-anthology. – Moscow: STATUT. – 2021. – P. 10–68.
10. Fedorchenko A. A. Legal Space: Conceptual Theoretical Foundations: Monograph / A. A. Fedorchenko E. V. Fedorchenko. - Moscow: Yurait Publishing House. - 2026. - 200 p.
11. Rassolov I. M. Information Law: Textbook and Workshop for Universities / I. M. Rassolov. - 7th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House. - 2026. - 427 p.
12. Vorozhevich A. S. Boundaries of Exclusive Rights, Limits of Their Exercise and Protection: Monograph / A. S. Vorozhevich. - Moscow: Statut. 2022. - 596 p.
13. The market for illegal online film products in the Russian Federation grew significantly in the first half of 2025 URL: <https://iz.ru/1927756/anton-belyi/kachat-bez-prava-piraty-obokrali-rossijskoe-kino> (accessed: 26.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_70

УДК 343.8

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВИДОВ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ ON THE EVOLUTION OF PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России,
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

ЧИСТЯКОВ Максим Сергеевич

младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры современного образования
Владимирского филиала автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования
Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Воровского, 16
E-mail: shreyamax@mail.ru

LYAPANOV Artem V.,

Head of the Department of Private Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Russian History
at Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

CHISTYAKOV Maxim S.,

Junior Researcher, Senior Lecturer, Department of Modern Education of the Vladimir branch of the Autonomous
non-profit educational organization of Higher Education Centrosoyuz of the Russian Federation "Russian University of Cooperation"
Russia, 600000, Vladimir, Vorovskiy str., 16
E-mail: shreyamax@mail.ru

Краткая аннотация: В контексте развития пенитенциарной системы Российской империи исследуется эволюция видов наказаний в XIX столетии. Анализируются влияние социально-экономических и идеологических факторов на развитие института наказания, предпосылки трансформации карательной политики государства. Выявляется роль социальных и политических реформ, рассматриваются тенденции развития тюремной системы, предпосылки к созданию Главного тюремного управления. В заключении авторы приходят к выводу о постепенном переходе от карательно-репрессивной модели к системе наказания с исправительными и гуманистическими элементами.

Abstract: In the context of the development of the penitentiary system of the Russian Empire, the evolution of types of punishment in the 19th century is studied. The influence of socio-economic and ideological factors on the development of the institution of punishment and the prerequisites for the transformation of the state's punitive policy are analyzed. The role of social and political reforms is revealed, and the trends in the development of the prison system and the prerequisites for the creation of the Main Prison Administration are examined. In conclusion, the authors conclude that there was a gradual transition from a punitive and repressive model to a system of punishment with corrective and humanistic elements.

Ключевые слова: наказание, пенитенциарная система, ссылка, тюрьма, исправление осужденных, Российская империя, XIX век.

Keywords: punishment, penitentiary system, exile, prison, correction of convicts, Russian Empire, 19th century.

Для цитирования: Ляпанов А.В., Чистяков М.С. К вопросу об эволюции видов наказания в Российской империи в XIX веке // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 70-73. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_70.

For citation: Lyapanov A.V., Chistyakov M.S. On the evolution of types of punishment in the Russian Empire in the 19th century // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 70-73. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_70.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Совершенствование уголовно-исполнительной системы, происходящее в настоящий момент в России, связано с реализацией целей, закрепленных в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года», среди которых особое значение имеют гуманизация условий содержания осужденных, их исправление, социализация и обеспечение прав лиц, отбывающих наказание [6]. При реформировании закономерно возрастает интерес к историческому опыту развития пенитенциарной системы России, в том числе к периоду XIX века, когда происходили важные изменения в понимании сущности наказания. Особый интерес среди исследователей вызывает период реформ Александра II, который характеризовался попытками устранения системных проблем тюремного хозяйства, что напрямую влияло на эффективность исполнения наказаний. Изучение исторических аспектов позволяет избежать повторения прежних ошибок и способствует более эффективному реформированию современной уголовно-исполнительной политики.

Традиционно выделяется три периода в изучении данной проблематики: дореволюционный, советский и постсоветский. Дореволюционный этап представлен трудами И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцева, С. В. Познышева, В. Н. Никитина и других ученых. Значительный вклад внес И. Я. Фойницкий, который в работе «Учение о наказании в связи с тюремоведением» рассматривал наказание как средство обеспечения общественной безопасности, устрашения и исправления [22]. Он критиковал ссылку как неэффективную меру, подчеркивая ее негативное влияние как на самих ссыльных, так и на регионы их размещения.

Советский период характеризуется более системным изучением проблемы. Важное значение имеют работы М. Н. Гернета, который подробно исследовал историю царской тюрьмы [2], а также труды М. М. Исаева, посвященные пенитенциарной политике [5]. Исследователи данного периода, как правило, акцентировали внимание на репрессивном характере дореволюционной системы.

В постсоветский период наблюдается рост интереса к теме. Работы А. П. Печникова [14], Ю. А. Реента [15], А. В. Ляпанова [7-10] и других авторов направлены на комплексное изучение пенитенциарной системы с учетом новых архивных данных. Современные исследования с одной стороны, подчеркивают противоречивость развития системы наказаний, с другой, отмечают наличие предпосылок гуманизации уже в XIX веке.

Начало XIX века ознаменовалось попытками реформирования государственной системы, включая сферу исполнения наказаний. С вступлением на престол Александра I были предприняты первые шаги по гуманизации уголовной политики. Так, Манифест от 2 апреля 1801 г. предусматривал смягчение наказаний, включая замену смертной казни ссылкой [11].

Ссылка занимала особое место в системе наказания. Она использовалась не только как средство изоляции преступников, но и как инструмент колонизации отдаленных территорий. Однако, как отмечал И. Я. Фойницкий, ссылка не достигала целей исправления осужденных и зачастую приводила к ухудшению социально-нравственной обстановки в местах поселения [22, с. 261].

Важным этапом стало издание указа от 27 сентября 1801 г. «Об уничтожении пыток», который запрещал применение истязаний при расследовании преступлений [18]. Данный акт имел принципиальное значение для развития правовой системы, закрепляя отказ от средневековых методов следствия.

В 1802 г. в результате министерской реформы было создано Министерство внутренних дел, в компетенцию которого входило управление тюрьмами [12]. 12 Июля 1810 года вышел подготовленный М. М. Сперанским манифест «О разделении государственных дел на особые управления», что способствовало централизации управления пенитенциарной системой.

Существенным шагом стало создание в 1819 г. Общества попечительного о тюрьмах, основной задачей которого являлось нравственное исправление заключенных. Общество осуществляло контроль за условиями содержания, организацией труда и духовным воспитанием арестантов [20].

Если говорить о системе наказаний в Российской империи, то к началу XIX века она представляла собой сложный и во многом несистематизированный комплекс мер государственного принуждения. Существенное влияние на нее оказывало Соборное уложение 1649 года, в котором отсутствовала четкая классификация правонарушений и наказаний. Наказания включали широкий спектр мер: смертную казнь; телесные наказания; ссылку; лишение свободы; штрафы и конфискации.

В XIX веке наблюдается тенденция к постепенному ограничению телесных наказаний. Так, в 1812 г. было установлено ограничение числа ударов кнутом, а в 1817 г. отменено вырывание ноздрей [3]. При этом сословный принцип оставался характерной особенностью системы наказаний: виды и меры наказаний зависели от социального статуса лица.

Важным моментом реформирования стало проведение кодификации законодательства под руководством М. М. Сперанского. Был создан Свод законов Российской империи 1832 года, в котором впервые системно закреплялись виды наказаний. Согласно данному документу, существовали следующие основные виды наказаний: смертная казнь; политическая смерть; лишение прав состояния; телесные наказания; ссылка; принудительные работы; тюремное заключение; денежные взыскания; церковные наказания. При этом телесные наказания сохраняли широкое распространение, особенно в отношении низших сословий.

В первой половине XIX века формируется нормативная база пенитенциарной системы: Устав о ссыльных 1822 г.; Положение об арестантских ротах 1826 г.; Инструкция смотрителю тюремного замка 1831 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение 1845 г. стало первым систематизированным уголовным кодексом, закрепившим виды наказаний, включая лишение свободы, ссылку и телесные наказания [19].

Впервые была предпринята попытка четко разграничить преступления и проступки. Наказания подразделялись на: уголовные (смертная казнь, каторга, ссылка); исправительные (арест, штраф, телесные наказания, заключение).

Важным нововведением стало деление наказаний по степени тяжести, что ограничивало произвол судебных органов.

Анализ статистических данных по Владимирской губернии позволяет выявить особенности применения наказаний на практике. Среди наиболее распространенных правонарушений выделялись: личные обиды; имущественные споры; нарушения общественного порядка; пьянство и драки. Основными видами наказаний были: телесные наказания (наиболее распространенные); арест; денежные штрафы; общественные работы.

Статистика показывает, что телесные наказания применялись значительно чаще других мер, что свидетельствует о сохранении архаичных элементов системы.

Уголовные преступления (убийства, подделка денег и др.) составляли относительно небольшую долю правонарушений. Например, в 1840 году один преступник приходился примерно на 2000 человек.

Основными уголовными наказаниями являлись: каторжные работы; ссылка на поселение; лишение всех прав состояния. Тюремное заключение применялось реже из-за нехватки мест содержания [9].

Особое место в системе наказаний занимала отдача в рекруты. Данная мера использовалась как альтернатива другим видам наказания и позволяла государству решать одновременно карательные и военные задачи. Согласно законодательству, преступники могли направляться на военную службу вместо ссылки. Однако на практике доля таких случаев была невелика – менее 1% от общего числа рекрутов. Данная мера носила вынужденный характер и применялась преимущественно в условиях военной необходимости [10].

Анализ законодательства и практики позволяет выделить следующие тенденции:

- Сохранение сословного характера права – различия в наказаниях в зависимости от социального положения.
- Систематизация законодательства – создание более четкой структуры наказаний.
- Дифференциация ответственности – разделение преступлений и проступков.
- Постепенное смягчение наказаний – сокращение применения смертной казни и телесных наказаний.
- Рост роли лишения свободы – несмотря на ограниченные возможности его применения.

Несмотря на законодательные преобразования, на практике пенитенциарная система характеризовалась слабой организацией, недостаточным финансированием и низким уровнем материально-бытового обеспечения. Но и при наличии серьезных недостатков, реформы данного периода заложили основу для дальнейших преобразований второй половины XIX века, включая и судебную реформу 1864 года.

Середина XIX века стала важным этапом в развитии системы наказаний Российской империи. Период характеризуется масштабными реформами, связанными с правлением Александра II. Поражение в Крымской войне и социально-экономический кризис обусловили необходимость модернизации государства [17].

Пенитенциарная система в этот период находилась в тяжелом состоянии: недостаток тюремных учреждений; переполненность; антисанитария; кадровый дефицит; отсутствие единой системы управления.

В 1857 г. был переиздан Свод законов Российской империи, включавший нормы о содержании под стражей и ссыльных [16]. Важное значение имел указ от 17 апреля 1863 г., отменивший телесные наказания и способствовавший росту числа заключенных [4].

Реформы 1860-х гг. включали: введение новых мест заключения (арестные избы); создание исправительных приютов для несовершеннолетних (1866 г.); развитие системы надзора и учета заключенных [13, 14].

Сравним виды наказаний до и после реформ 60-х гг. XIX в. (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Сравнительная характеристика видов наказания до и после реформ 60-х гг. XIX столетия

Виды наказаний	Характеристика до реформ	Характеристика после реформ
Телесные наказания	Розги, палочные наказания	Отменены (1863 г.)
Заключение	Тюремное, смирительные дома	Разделение по полу, возрасту, сословию; новые арестные избы
Трудовое наказание	Принудительный труд без оплаты	Организация ремесленных мастерских, зарплата 14 коп./день
Исправительные учреждения для несовершеннолетних	Отсутствовали	Ремесленные приюты, земледельческие колонии

Арестанты привлекались к производственным работам 6 дней в неделю. Работы включали пиление досок, изготовление красок, корзин, ремонт одежды, стирку белья, сапожное ремесло (см. таблицу 2) [1].

Таблица 2.
Привлечение арестантов к труду

Вид деятельности арестантов	Место исполнения	Вознаграждение
Пиление досок, рубка дров	Тюремный замок	14 коп. в день
Ремесленные работы	Мастерские	14 коп. в день
Выпечка хлеба, стирка	Тюремный замок	14 коп. в день

Значительную роль в улучшении условий содержания продолжало играть Общество попечительное о тюрьмах, которое обеспечивало продовольствие, одежду, организовывало обучение и труд арестантов (см. таблицу 3) [21].

Таблица 3.
Функционал Общества попечительного о тюрьмах

Функции Общества	Описание
Внутреннее устройство мест заключения	Организация камер, санитария, режим содержания
Продовольственное обеспечение	Обеспечение достаточного рациона, увеличение порций по циркулярам
Воспитательная деятельность	Открытие школ, ремесленных мастерских, духовное воспитание
Материально-бытовое обеспечение	Обеспечение одеждой, бельем, обувью, поддержка зданий

Ключевым этапом стала тюремная реформа 1879 г., в результате которой было создано Главное тюремное управление (ГТУ). Это обеспечило централизацию управления и стало основой для дальнейшего развития пенитенциарной системы [14].

К сожалению, условия содержания в тюрьмах оставались крайне тяжелыми. Перенаселенность, антисанитария, недостаток питания и медицинской помощи способствовали распространению заболеваний и высокой смертности среди заключенных. Кроме того, отмечались корруп-

ция и жестокость со стороны тюремного персонала.

Реформы осуществлялись крайне медленно и сталкивались с рядом проблем: недостаточное финансирование, отсутствие единой системы управления, слабая нормативно-правовая база. В результате пенитенциарная система оставалась фрагментарной и малоэффективной.

Таким образом, система наказания в Российской империи в середине XIX века характеризуется переходным характером. С одной стороны, сохранялись традиционные карательные-репрессивные меры, такие как ссылка и телесные наказания. С другой – начали формироваться элементы гуманистического подхода, ориентированного на исправление осужденных.

Реформы Александра II, деятельность Общества попечительного о тюрьмах, внедрение новых видов наказаний и трудовой деятельности способствовали гуманизации уголовно-исполнительной системы. Создание ГТУ заложило основу для дальнейшей централизации и стандартизации тюремной системы, а опыт социальной и трудовой реабилитации осужденных повлиял на современные подходы к ресоциализации.

Несмотря на наличие серьезных проблем, именно в этот период были заложены основы дальнейшего развития пенитенциарной системы России. Исторический опыт показывает, что эффективность уголовной политики во многом зависит от баланса между карательными и исправительными функциями наказания.

Список литературы

1. Белова Н. А. Виды арестантского труда в тюремных учреждениях России в XIX – начале XX века. // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2. С. 28-39.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. – М., 1961. – 303 с.
3. Давыдкина, Ю. В. Телесные наказания в уголовном праве России XIX века / Ю. В. Давыдкина // Актуальные проблемы права, экономики и управления : сборник материалов студенческой научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, учёного-правоведа, доктора юридических наук, профессора М.Н. Марченко., Москва, 24 марта 2022 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 124-128.
4. Именной указ о некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1863. Т. 38. № 39505.
5. Исаев М. М. Основы пенитенциарной науки. – М., 1927. – 344 с.
6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2026)
7. Ляпанов А.В., Ибрагимова Э.Ф. Развитие пенитенциарной системы Российской империи 1801-1845 гг. (на материалах Владимирской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 3. С. 18-29
8. Ляпанов А.В., Ибрагимова Э.Ф. К вопросу о реформировании пенитенциарной системы России во второй половине XIX века (на примере Владимирской губернии) // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 36-38.
9. Ляпанов А.В., Ибрагимова Э.Ф., Гаврилов Д.Б. К вопросу о системе наказаний в Российской империи (сер. XIX в.) // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 82–85.
10. Ляпанов А.В., Чичерина Г.М. Отдача в рекруты как вид уголовного наказания в Российской империи // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 20–22.
11. Манифест «Об облегчении участи преступников» от 2 апреля 1801 г. URL: <https://base.garant.ru/58101032/> (дата обращения: 22.03.2026)
12. Манифест «Об учреждении министерств» от 1802 г. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 27. № 20406.
13. Памятники русского права [Текст] : учебно-научное пособие : в 35 т. / [Бобровский О. В. и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. - М. : Юрлитинформ, 2013-2017. Т. 15. Реформа тюремной системы второй половины XIX века. Н.И. Биюшкина, С.В. Жильцов, Н.И. Петренко и др. 2015, 269 с.
14. Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649-1917 гг.): историческая хроника / А. П. Печников. – М.: Щит-М, 2004. – 324 с.
15. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. – М., 2024. – 428 с.
16. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный [Текст] : издание 1857 года. - Санктпетербург : Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857-1876.
17. Титов А. А. Реформы Александра Второго и их судьба (В общедоступ. излож.) / А.А. Титов; Ист. комис. Учеб. отд. О.Р.Т.З. – Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. – 200 с.
18. Указ «Об уничтожении пыток» от 27 сентября 1801 г. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 26. № 20022.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург: тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. - III, 592, XIV, 37 с.
20. Устав Общества попечительного о тюрьмах, 1819 г. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 36. № 27895.
21. Устав Общества попечительного о тюрьмах: [утв. 7 нояб. 1851 г. : с прил. – СПб.], 1869. – 37 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542352/
22. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – СПб., 1889. – 504 с.

References:

1. Belova N.A. Types of Prison Labor in Russian Prison Institutions in the 19th and Early 20th Centuries. // Vedomosti of the Penitentiary System. 2022. No. Pp. 28-39.
2. Gernet M. N. History of the Tsarist Prison. Vol. 2. Moscow, 1961. 303 p.
3. Davydkina, Yu. V. Corporal Punishments in the Criminal Law of 19th- Century Russia / Yu. V. Davydkina // Actual Problems of Law, Economics, and Management : Collection of Materials from the Student Scientific Conference Dedicated to the Memory of Mikhail Nikolaevich Marchenko, Honored Scientist of the Russian Federation, Legal Scholar, Doctor of Law, Professor. Moscow, March 24, 2022. – Saratov: Saratov Source Publishing House, 2022. – Pp. 124-128.
4. Personal Decree on Certain Changes in the Existing System of Criminal and Correctional Punishments. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. St. Petersburg, 1863. Vol. 38. No. 39505.
5. Isaev, M. M. Fundamentals of Penitentiary Science. Moscow, 1927. 344 p.
6. The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of request: 03/22/2026)
7. Lyapanov A.V., Ibragimova E.F. The development of the penitentiary system of the Russian Empire in 1801-1845. (based on the materials of the Vladimir province) // Genesis: historical research. 2025. No. 3. pp. 18-29
8. Lyapanov A.V., Ibragimova E.F. On the issue of reforming the penitentiary system of Russia in the second half of the 19th century (on the example of the Vladimir province) // Agrarian and Land Law. 2024. No. 10 (238). Pp. 36-38.
9. Lyapanov A.V., Ibragimova E.F., Gavrilov D.B. On the issue of the system of punishments in the Russian Empire (mid-19th century) // Agrarian and Land Law. 2025. No. 2. Pp. 82–85.
10. Lyapanov A.V., Chicherina G.M. Recruitment as a form of criminal punishment in the Russian Empire // Agrarian and Land Law. 2025. No. 3. Pp. 20–22.
11. Manifesto "On the Easiness of the Fate of Criminals" dated April 2, 1801. URL: <https://base.garant.ru/58101032/> (accessed on 22.03.2026)
12. Manifesto "On the Establishment of Ministries" dated 1802. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg, 1830. Vol. 27. No. 20406.
13. Monuments of Russian law [Text] : an educational and scientific manual : in 35 volumes / [Bobrovsky O. V. et al.] ; under the general editorship of R. L. Khachaturov. - M. : Yurilitinform, 2013-2017. Vol. 15. Reform of the prison system the second half of the 19th century. N.I. Biyushkina, S.V. Zhiltsov, N.I. Petrenko et al. 2015, 269 p.
14. Pechnikov A. P. Prison institutions of the Russian state (1649-1917): a historical chronicle / A. P. Pechnikov. – M.: Shield-M., 2004. – 324 p.
15. Reent, Yu. A. History of the Russian Penitentiary System and Justice Bodies. Moscow, 2024. 428 p.
16. The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas the First [Text] : edition of 1857. - St. Petersburg : Type. E.I.V. Chancery, 1857-1876.
17. Titov A. A. Reforms of Alexander the Second and their fate (In general. presented) / A.A. Titov; Historical Commission. Ucheb. otd. O.R.T.Z. – Moscow : tip. t-va I.D. Sytina, 1910. – 200 p.
18. Decree "On the Abolition of Torture" dated September 27, 1801. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg, 1830. Vol. 26. No. 20022.
19. Code of Criminal and Correctional Punishments. – St. Petersburg: type. of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845. - III, 592, XIV, 37 p.
20. Charter of the Society for the Care of Prisons, 1819. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg, 1830. Vol. 36. No. 27895.
21. Charter of the Society for the Care of Prisons: [approved on November 7, 1851: with an appendix. St. Petersburg], 1869. 37 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542352/
22. Foinitsky, I. Ya. The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies. St. Petersburg, 1889. 504 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_74

УДК 347.191.4

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

LEGAL ASPECTS OF THE LEGAL LIABILITY OF THE INSOLVENCY ADMINISTRATOR

БАШИРИНА Евгения Николаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности
Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Заки Валиди, 32.
evgeniya-gk2009@mail.ru

КАЗАМИРОВ Анатолий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан.
450057, Республика Башкортостан, Уфа, улица Цюрупы, 6.
kazamirov71@mail.ru

АБРАМОВА Светлана Радиковна

кандидат исторических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности
Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Заки Валиди, 32.
abramovacsv@mail.ru

BASHIRINA Evgeniya Nikolaevna

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security
of the Institute of History and Public Administration Ufa University of Science and Technology.
32 Zaki Validi Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.
evgeniya-gk2009@mail.ru

KAZAMIROV Anatoly Ivanovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan.
6 Tsyurupy Street, Ufa, 450057, Republic of Bashkortostan.
kazamirov71@mail.ru

ABRAMOVA Svetlana Radikovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security
of the Institute of History and Public Administration Ufa University of Science and Technology.
32 Zaki Validi Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.
abramovacsv@mail.ru

Краткая аннотация. На сегодняшний день юридическая ответственность арбитражного управляющего недостаточно регламентирована законодательством. Подразумевая ответственность арбитражного управляющего, следует руководствоваться общими нормами, регламентирующими корпоративную ответственность. При этом ответственность, для конкурсного управляющего и внешнего управляющего может быть как корпоративная, так и вне корпоративная. Подробный анализ видов юридической ответственности, с учетом примеров судебной практики, представлен в данной статье.

Abstract. Currently, the legal liability of an insolvency administrator is insufficiently regulated by law. When considering the liability of an insolvency administrator, one should be guided by general rules governing corporate liability. Furthermore, liability for a bankruptcy administrator and external manager can be both corporate and non-corporate. A detailed analysis of the types of legal liability, taking into account examples of judicial practice, is presented in this article.

Ключевые слова: гражданское законодательство, гражданское право, корпоративная организация, органы управления, корпоративные права, банкротство, арбитражный управляющий, юридическая ответственность.

Keywords: civil legislation, civil law, corporate organization, governing bodies, corporate rights, bankruptcy, insolvency practitioner, legal liability.

Для цитирования: Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Абрамова С.Р. Правовые аспекты юридической ответственности арбитражного управляющего // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 74-76. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_74.

For citation: Bashirina E.N., Kazamirov A.I., Abramova S.R. Legal aspects of the arbitration administrator's legal responsibility // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 74-76. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_74.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

На практике ответственность арбитражного управляющего является не только общегражданской, но также имеет и административную, и уголовную природу. Так, например, административный характер носят следующие публично-правовые санкции: отстранение арбитражным судом управляющего от исполнения обязанностей, исключение из саморегулируемой организации арбитражных управляющих [1, С. 96].

Арбитражный управляющий является ответственным лицом за получение корпоративной организацией публично-правовых санкций, например, за неисполнение законодательства о налогах и сборах. Кроме того, деятельности арбитражного управляющего сопутствует экономическая несостоятельность организации, которую он, как антикризисный менеджер, должен преодолеть.

В этой связи представляется вполне разумным требование законодательства, что деятельность арбитражного управляющего должна быть застрахована, что не является обязательным для обычных руководителей корпоративных организаций.

Говоря об ответственности арбитражных управляющих, следует указать, что к нему также применимы общие положения по корпора-

тивной ответственности (ст. 15 ГК РФ, 53.1 ГК РФ)[2].

Согласно правовой позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации, указанной в определении от 28 февраля 2020 г. № 308-ЭС16-10285(4,5,6) по делу № А63-13115/2014, на управляющего возложена самостоятельная обязанность действовать в интересах должника и кредиторов добросовестно и разумно[3; 4, С. 83-84].

Это означает, что в ситуации, когда в ходе конкурсного производства возникает объективная необходимость передачи имущества должника в аренду, именно конкурсный управляющий как антикризисный менеджер в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию наиболее эффективного подыскания потенциальных арендаторов, оценив востребованность имущества на рынке, круг лиц, которых это имущество может заинтересовать, их финансовое состояние и их возможность обеспечить сохранную эксплуатацию.

Арбитражный управляющий не вправе рассчитывать на то, что данные действия за него будут выполнены кредиторами, в том числе залоговыми (что не исключает возможность взаимодействия управляющего с данными кредиторами, например путем проведения консультаций)[3].

Мы полагаем, что из вышеуказанной правовой позиции следует, что ответственность арбитражного управляющего является повышенной, что по существу сказывается и на объективном представлении о разумном поведении такого субъекта[5, С. 74].

При этом ответственность, для конкурсного управляющего и внешнего управляющего может быть как корпоративная, так и вне корпоративная (обычная ответственность по правилам гл. 59, ст. 15 ГК РФ, ст. 61.20 Закона о банкротстве[6]), например, перед собственником имущества должника – унитарного предприятия, то есть к ним применяются все виды ответственности[7, С. 77].

Отдельно следует обратить внимание на специальные права арбитражного управляющего, такие как оспаривание сделок и привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд от имени должника по своей инициативе либо по решению собрания кредиторов.

На первый взгляд из указанного следует, что такое заявление может быть подано, а может быть и не подано, то есть, на усмотрение арбитражного управляющего. Вместе с тем, возникает правовая неопределенность в части вопроса, а действительно ли это право арбитражного управляющего, или всё-таки это обязанность.

В силу ч. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника и его конкурсных кредиторов.

Таким образом в части вопросов оспаривания сделок, арбитражный управляющий обязан оспаривать сделки, если есть для этого основания. Ранее судебная практика исходила из того, что арбитражный управляющий не может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности за бездействие по оспариванию сделок должника, поскольку:

- 1) оспаривание сделок - это право арбитражного управляющего, а не обязанность, установленная законом;
- 2) конкурсные кредиторы, чьи права и законные интересы затрагиваются, имеют право на самостоятельное оспаривание сделок должника по специальным и общегражданским основаниям;
- 3) имеется неустранимая правовая неопределенность о фактической (реальной) возможности пополнения конкурсной массы должника.

Все вышеуказанные аргументы могут быть парированы нижеследующим. Арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно и в силу правовой позиции Девятого арбитражного апелляционного суда, указанной в постановлении от 25 февраля 2020 г. № 09АП-81440/2019 по делу № А40-105463/2017: «Указание конкурсного управляющего на наличие у кредитора права на самостоятельное оспаривание сделок должника до 26.03.2019 - до момента включения в реестр требований кредиторов должника мажоритарного кредитора – не имеет никакого правового значения для определения неправомерности бездействия конкурсного управляющего»[8].

Таким образом правоприменительная практика исходит из того, что наличия права арбитражного управляющего на оспаривание сделок должника корреспондирует с его обязанностью действовать добросовестно и разумно в интересах должника и его конкурсных кредиторов. Такой подход правоприменителя является наиболее верным с точки зрения достижения целей, возлагаемых законом на арбитражного управляющего.

В дополнение к ранее изложенной позиции, обращаем внимание на следующее. Согласно правовой позиции Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда, указанной в постановлении от 28 августа 2017 г. № 18АП-8555/2017 по делу № А76-21382/2013: тот факт, что решения собрания кредиторов не оспорены подателем жалобы не имеет правового значения, поскольку в данном случае имело место совпадение дебитора и мажоритарного кредитора в одном лице, а значит, интересы остальных кредиторов, направленные на максимальное удовлетворение их требований, должны быть защищены добросовестным исполнением обязанностей конкурсного управляющего как лица, специально уполномоченного на проведение процедур банкротства и обязанного высказать профессиональное суждение по вопросу принятия мер для исполнения дебиторской задолженности[9].

Из указанного следует, что ответственность арбитражного управляющего не зависит от согласования действий (бездействий) собрания кредиторов. В настоящее время, вопрос о правах и обязанностях арбитражного управляющего по оспариванию сделок должника практически исчерпан, правоприменительная практика однозначно отвечает, что арбитражный управляющий обязан оспаривать, то с вопросом ответственности по подаче заявления о привлечении контролирующих к субсидиарной ответственности до сих пор не решён [10, С. 62].

Анализ судебной практики указывает, что подача заявления о привлечении к субсидиарной ответственности не является ответственным бездействием арбитражного управляющего, ссылаясь на те же аргументы, что по ответственности за бездействие по оспариванию сделок Судом не применяется такой же подход парирования аргументов с точки зрения добросовестности и разумности с чем мы категорически не согласны.

Таким образом, ответственность арбитражного управляющего как органа управления юридического лица является аналогичной, а в некоторых ситуациях и повышенной (например, если речь идет о конкурсном управляющем), со всеми органами управления юридического лица. Конкурсный управляющий уполномочен и права собрания акционеров (участников), так и права исполнительного органа и в отличие от внешнего управляющего заменяет все органы управления корпоративной организации. Финансовый и временный управляющий не могут быть отнесены к органам управления корпоративной организации.

Список литературы:

1. Свириденко О.М. Правовое регулирование ответственности арбитражного управляющего // Lexrussica, 2018. № 8. С. 96.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2020 г. № 308-ЭС16-10285(4,5,6) по делу № А63-13115/2014 // Официальный сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://supcourt.ru/documents/> (дата обращения: 11.02.2026).
4. Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Фирсова Н.В. Некоторые правовые проблемы применения общих и специальных отраслевых норм гражданского законодательства // Аграрное и земельное право. – 2024. - № 7(235). – С.83-85.
5. Баширина Е.Н. Субъекты гражданского права. Учебное пособие. Уфа, 2024. - 100 с.
6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебно-практическое пособие. М.: 2007. С. 77.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 февраля 2020 г. № 09АП-81440/2019 по делу № А40-105463/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2026).
9. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2017 г. № 18АП-8555/2017 по делу № А76-21382/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.02.2026).
10. Баширина Е.Н., Казамиров А.И., Фирсова Н.В. Правовые аспекты защиты информационных прав акционеров // Аграрное и земельное право. – 2024. - № 11(239). – С.61-63.

References:

1. Sviridenko, O.M. "Legal Regulation of the Liability of an Insolvency Practitioner." Lexrussica, 2018, no. 8, p. 96.
2. Part One of the Civil Code of the Russian Federation, No. 51-FZ, dated November 30, 1994. Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed on February 11, 2026).
3. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, dated February 28, 2020, no. 308-ES16-10285 (4.5.6), in case no. A63-13115/2014. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://supcourt.ru/documents/> (date of access: 11.02.2026).
4. Bashirina E.N., Kazamirov A.I., Firsova N.V. Some legal problems of application of general and special sectoral norms of civil legislation // Agrarian and land law. - 2024. - No. 7 (235). - P. 83-85.
5. Bashirina E.N. Subjects of civil law. Textbook. Ufa, 2024. - 100 p.
6. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (accessed on 11 February 2026).
7. Karelina, S.A. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): A Textbook and Practical Guide. Moscow: 2007. Page 77.
8. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 25 February 2020 No. 09AP-81440/2019 in Case No. A40-105463/2017 [Electronic resource]. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system (accessed on 11 February 2026).
9. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated August 28, 2017, No. 18AP-8555/2017 in case No. A76-21382/2013 [Electronic resource]. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. (Accessed: February 11, 2026).
10. Bashirina, E.N., Kazamirov, A.I., Firsova, N.V. Legal aspects of protecting shareholders' information rights // Agrarian and land law. - 2024. - No. 11 (239). - P. 61-63.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ФОРМЫ И ИСТОЧНИКА ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ EVOLUTION OF VIEWS ON THE RELATIONSHIP BETWEEN FORM AND SOURCE OF LAW IN LEGAL SCIENCE

ЧЕРНОВА Эльвира Рамилевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: erchernova@mail.ru

ЯМЩИКОВА Светлана Леонидовна,

старший преподаватель кафедры публичного и частного права
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: s.l.yamshikova@struust.ru

CHERNOVA Elvira Ramilevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2 Muksinova St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russia.
E-mail: erchernova@mail.ru

YAMSHCHIKOVA Svetlana Leonidovna,

Senior Lecturer of the Department of Public and Private Law, Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
49 Lenin ave., Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, 453103, Russia.
E-mail: s.l.yamshikova@struust.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ одной из дискуссионных проблем общей теории права – соотношения категорий «форма права» и «источник права». Рассматривается эволюция научных взглядов на данные понятия, анализируются основные подходы, распространенные в отечественной и зарубежной доктрине. Делается вывод о целесообразности их четкого разграничения, где «форма права» характеризует внутреннюю организацию и внешнее выражение правовых норм, а «источник права» – факторы и причины, порождающие право, и способы его официального признания.

Abstract. This article analyzes a controversial issue in general legal theory: the relationship between the categories of "form of law" and "source of law." The evolution of scholarly views on these concepts is examined, and the main approaches prevalent in domestic and international doctrine are analyzed. A conclusion is reached regarding the advisability of a clear distinction between them, where "form of law" characterizes the internal organization and external expression of legal norms, while "source of law" refers to the factors and causes that give rise to law and the methods of its official recognition.

Ключевые слова: форма права, источник права, нормативный правовой акт, правовой обычай, юридический прецедент, доктринальные подходы, теория государства и права.

Keywords: form of law, source of law, normative legal act, legal custom, legal precedent, doctrinal approaches, theory of state and law.

Для цитирования: Чернова Э.Р., Ямщикова С.Л. Эволюция взглядов на соотношение понятий формы и источника права в юридической науке // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 77-79. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_77.

For citation: Chernova E.R., Yamshikova S.L. The evolution of views on the relationship between the concepts of form and source of law in legal science // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 77-79. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_77.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

Право как важнейший социальный регулятор способно эффективно выполнять свои функции по обеспечению стабильности, правопорядка, защите прав и свобод граждан лишь при условии четкости и определенности своих предписаний. Эти предписания должны быть объективированы, формально закреплены и доведены до всеобщего сведения. Категория «форма права» как раз и призвана дать ответ на вопросы о том, как и где существуют, выражаются и доводятся до адресатов нормы права.

Однако в юридической науке неизменно возникает вопрос о соотношении этой категории со смежным понятием «источник права». Данная проблема является одной из фундаментальных и наиболее дискуссионных в общей теории права. На протяжении столетий развитие юридической мысли сопровождалось поиском ответа на вопрос о том, где «содержится» право и как оно выражается вовне. Терминологическая неопределенность, возникшая еще в римском праве, где термин *fontes juris* использовался для обозначения и способов образования правовых норм, и их внешнего выражения, перешла в современную юриспруденцию, породив многолетнюю научную полемику. Одни исследователи склонны отождествлять эти понятия, другие настаивают на их принципиальном разграничении, полагая, что каждое из них обладает собственным лексическим значением и логическим объемом.

В самом широком смысле источник права характеризует происхождение правовых норм, причины и условия их возникновения. Это понятие существенно шире, чем «форма права». Оно охватывает не только способ внешнего выражения нормы, но и те силы, факторы и начала, которые порождают право как социальное явление.

Слово «источник» в русском языке многозначно: это и начало, исток чего-либо; причина появления; место, откуда что-либо исходит; а также документ, содержащий информацию. Эта многозначность проецируется и на юридическую науку, где исторически сложилось несколько основных аспектов понимания источника права:

1. Материальный (социально-экономический) источник. Право является продуктом общественного развития. Его глубинной основой выступают материальные условия жизни общества, способ производства, система экономических отношений, социальная структура, баланс интересов различных групп. Именно изменения в этих сферах (политические, экономические, технологические) являются первопричиной, побуждающей к созданию, изменению или отмене правовых норм.

2. Идеологический (теоретический) источник. На процесс правообразования и содержание норм оказывают влияние господствующая в обществе идеология, система ценностей, правосознание, юридические доктрины и правовые учения. Эти факторы формируют «интеллектуальную матрицу», в рамках которой создается право.

3. Формально-юридический (формальный) источник. В этом, наиболее узком и часто используемом в практической юриспруденции смысле, источник права – это официально признанная форма выражения и закрепления правовых норм, придания им общеобязательной силы. Здесь понятие «источник права» максимально сближается или совпадает с понятием «форма права».

4. Исторический источник. Под источником права могут пониматься также конкретные памятники права (Законы Хаммурапи, Законы XII таблиц, Русская Правда), которые являются документальной основой для познания права прошлых эпох.

Таким образом, источники права в широком смысле – это совокупность факторов и обстоятельств, объективно вызывающих к жизни право как социальный институт и определяющих его содержание.

Если источник права отвечает на вопрос: почему и откуда возникает право, то форма права – это ответ на вопрос каким образом и в каком виде оно существует и доводится до сведения общества.

Форма права – это официально установленный или санкционированный государством способ внешнего выражения и закрепления правовых норм, придания им качества общеобязательности. Иными словами, это та специфическая «оболочка», в которой норма права живет и действует в социальном пространстве.

Основными, наиболее распространенными формами (видами) права в современных правовых системах являются: нормативный правовой акт; правовой обычай; правовой прецедент; договоры нормативного содержания; правовая доктрина; религиозные тексты. Каждая из этих форм имеет свои достоинства и недостатки, свою историю и сферу наиболее эффективного применения.

Проблема соотношения формы и источника права имеет глубокие исторические корни. Сам термин «источник права» (*fons juris*) возник в Древнем Риме, где, как отмечал Тит Ливий, Законы XII таблиц рассматривались как источник (начало, фундамент) всего римского права. В дореволюционной российской науке (Н.М. Коркунов, Е.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов) источник права чаще всего понимался именно как форма выражения норм (закон, обычай). При этом Г.Ф. Шершеневич уже тогда критиковал термин «источник права» за многозначность и предлагал использовать более точный – «форма права».

В отечественной юридической науке советского периода сформировалось направление, которое последовательно разграничивало рассматриваемые понятия. Его представители (С.С. Алексеев, С.Ф. Кечекьян, А.Ф. Шебанов и др.) утверждали, что смешение этих категорий методологически неверно. Они предлагали под формой права понимать объективированное закрепление и внешнее выражение содержания правовых норм, придание им свойства формальной определенности. Источником права в широком смысле предлагалось считать те материальные, социальные, идеологические и иные факторы, которые порождают (детерминируют) право [3, с. 43].

Однако на практике, особенно в учебной литературе, получил широкое распространение иной подход – отождествляющий (синонимический), где термины «форма права» и «источник права» используются как взаимозаменяемые для обозначения того, как, в каком виде норма права существует во вне. В этом случае говорят о таких источниках (формах) права, как закон, правовой обычай, прецедент и т.д.

В современной постсоветской науке сформировалось несколько подходов:

1. Многие ученые (С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров) используют понятия «форма права» и «источник права» как синонимы, акцентируя внимание на внешнем, документальном выражении норм. Они считают, что для юриста-практика важно именно это – официальный документ, содержащий общеобязательное правило.

2. Другие исследователи (М.Н. Марченко, Р.А. Ромашов) настаивают на четком разграничении. Они предлагают понимать под источником права в широком смысле весь комплекс материальных, идеологических и иных факторов правообразования, а под формой права – лишь формально-юридический результат этого процесса, т.е. конкретный способ закрепления норм. В этом ключе все формы права являются формально-юридическими источниками, но не все источники права сводятся к его формам.

3. Некоторые ученые в силу своей профессиональной отраслевой направленности выступают против такой дифференциации формы и источника права полагая, что целостное понимание источника права возможно только при учете всех его аспектов (материального, идеологического, формального) в единстве. По мнению ведущих ученых-конституционалистов М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе, источник права, рассматриваемый как форма правовых актов представляется в смысле юридического термина. Поэтому происходит отграничения от понятия «источник права в материальном смысле», который представляет собой форму и условия жизни людей и общества. Указанная категория была разработана учеными марксистской теории исторического материализма, для того, что указать на неидеалистическую сущность права [2, с.45].

Л.В. Яковлева, специалист в области науки уголовного процесса, выступает против разграничения источников права на материальный, формальный и идеальный. Она считает, что исключительно в совокупности, неразрывности имеющихся представлений возможно добиться точного и глубокого понятия. Поэтому классификация источника права в зависимости от различных смыслов не имеет под собой достаточных научных оснований [4, с.12].

Следует отметить, что в современной российской теории права преобладает разграничивающий подход, но с важными уточнениями, что привело к формированию интегративной (синтетической) позиции.

Проведенный анализ эволюции взглядов на соотношение формы и источника права позволяет сделать вывод, что понятия «форма права» и «источник права» тесно взаимосвязаны, но полностью не совпадают.

Источник права – более широкая, многогранная категория, объясняющая генезис и содержание права. Он отвечает на вопрос об истоках, причинах и силах, порождающих правовые нормы. Форма права – более конкретная, формально-определенная категория, описывающая инструментарий права. Она отвечает на вопрос о способах внешнего оформления и объективации норм, придания им государственной защищенности и общеобязательности. Их разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, позволяя более глубоко понимать природу правовых явлений, видеть связь права с другими социальными процессами и точно определять юридическую силу того или иного нормативного положения.

В рамках юридического позитивизма доминирует тенденция к отождествлению формы и источника права. Социологическая юриспруденция и естественно-правовые концепции, напротив, настаивают на их разграничении, понимая под источником права социальные, материальные или идеальные факторы (правосознание, общественные отношения), а под формой лишь официальное закрепление результата их действия.

В современной юридической науке наметилась тенденция к компромиссному подходу, признающему многозначность термина «источник права». Представляется обоснованным рассматривать форму права и источник права как взаимосвязанные, но не совпадающие категории, где источник отвечает на вопрос о происхождении и истоках правовых норм, а форма – о способе их объективации и существования. Дальнейшая эволюция этих взглядов будет, вероятно, связана с расширением перечня источников, признаваемых государством, и поиском новых форм выражения права в условиях цифровизации общественных отношений.

Список литературы:

1. Бойко Н.Н., Бондаренко Ю.В. Развитие системы источников права Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 13-15.
2. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе М.: ИНФРА-М, 1996. 512 с.
3. Шебанов А.Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. 216 с.
4. Яковлева Л.В. Источники российского уголовно-процессуального права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 1999. 29 с.

References:

1. Boyko N.N., Bondarenko Yu.V. Development of the system of sources of law of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries // Agrarian and land law. 2024. No. 11 (239). pp. 13-15.
2. Constitutional law of the Russian Federation: textbook / M.V. Baglay, B.N. Gabrichidze M.: INFRA-M, 1996. 512 p.
3. Shebanov A.F. The form of Soviet law. Moscow: Jurid. lit., 1968. 216 p.
4. Yakovleva L.V. Sources of Russian criminal procedure law: abstract of dissertation of the cand. jurid. nauk. SPb. 1999. 29 p.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕМ В КОЛОНИЯХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В. THE SYSTEM OF STATE MANAGEMENT OF SUBSURFACE USE IN THE COLONIES OF THE BRITISH EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

КУЗЬМИН Роман Юрьевич,

аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: Kuzmin.lp151@gmail.com

KUZMIN Roman Yu.,

PhD student at the Department of History of State and Law Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: Kuzmin.lp151@gmail.com

Краткая аннотация. В статье на основе британского колониального горного законодательства в африканских колониях и подмандатных территориях выделены четыре типологические модели управления недропользованием в Империи начала XX в.: лицензионный режим при формальном признании туземных прав, концессионная система, система публичных полей (open-field system) и режим полного закрепления минеральных прав за Короной. Каждая модель рассмотрена в единстве ее нормативной структуры и институциональных субъектов, осуществлявших управление. Дополнительно проанализирован имперский контекст: явление горизонтального заимствования норм между колониями.

Abstract. Based on British colonial mining legislation in African colonies and mandated territories, the article identifies four typological models of subsurface use management in the Empire of the early 20th century: a licensing regime with formal recognition of native rights, a concession system, an open-field system, and a regime for the full assignment of mineral rights to the Crown. Each model is considered in the unity of its normative structure and institutional subjects who carried out management. Additionally, the imperial context is analyzed: the phenomenon of horizontal borrowing of norms between colonies.

Ключевые слова: горное право, колониальное право, Британская империя, недропользование, концессия.

Keywords: mining law, colonial law, British Empire, subsoil use, concession.

Для цитирования: Кузьмин Р.Ю. Система государственного управления недропользованием в колониях Британской империи в начале XX в. // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 80-86. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_80.

For citation: Kuzmin R.Yu. The system of state management of subsoil use in the colonies of the British Empire in the early twentieth century // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 80-86. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_80.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Введение

Актуальность исследования. В Британской империи не существовало единой системы колониального горного права. Оно отличалось нормативной разнородностью, широко применялся механизм горизонтального заимствования: дефекты регулирования, возникшие в одной колонии, переходили в другую вместе с воспроизведенным нормативным текстом. Помимо указанного, значительная степень усмотрения со стороны должностных лиц также не способствовала формированию единой системы. Следует отметить, что российская юридическая мысль начала XX в. (например, работа С. С. Абамелек-Лазарева 1902 г.¹) обращалась к опыту крупнейших горнодобывающих стран Европы и Северной Америки, оставляя колониальный опыт за пределами исследования. Современная российская литература также не исследовала тему британского колониального горного права как самостоятельный предмет, хотя отдельные понятия (концессионная система, лицензионный режим) вошли в общий понятийный аппарат отрасли.

Представляется, что причина этого состояла именно в том, что массив разнородных актов не поддавался системному анализу.

Однако, в этом многообразии выделяются определенные устойчивые типологические группы. Предлагается выделить четыре типологические модели управления недропользованием, различающиеся по двум ключевым параметрам: основанию права на минералы (Корона, туземные правообладатели или собственник поверхности) и механизму доступа частного капитала к недрам. Каждая модель неразрывно связана с определенным набором институциональных субъектов, осуществлявших управление. Выявление и описание этих моделей составляет основную исследовательскую задачу.

Объектом исследования выступает система государственного управления недропользованием в колониях Британской империи в начале XX в., рассматриваемая как совокупность институтов и нормативных актов, регулировавших разведку и добычу полезных ископаемых.

Предмет исследования – типологические модели управления недропользованием: лицензионный режим при формальном признании туземных прав (Северные территории Золотого Берега), концессионная система (Золотой Берег, Ашанти, Сьерра-Леоне), система публичных полей (Трансвааль) и режим полного закрепления минеральных прав за Короной (Нигерия).

Хронологические рамки исследования затрагивают временной период с 1902 года (депеша Дж. Чемберлена о закреплении минеральных прав Короны в Северных территориях Золотого Берега) до 1925 г. (принятие Закона об Имперском институте, которым Имперское бюро минеральных ресурсов было присоединено к Имперскому институту).

¹ Абамелек-Лазарев С. С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. – СПб.: Тип. С.-Петербургского АО печ. и писчебум. дела «Слово», 1902. – 324 с.

Основная часть

Лицензионный режим при формальном признании туземных прав: Северные территории Золотого Берега (1902–1904)

До принятия первых законов о минеральных правах на Северных территориях Золотой Берег уже пережил золотую лихорадку 1875–1900 гг. В этот период европейские компании активно заключали концессии с туземными вождями, и колониальная администрация впервые столкнулась с необходимостью регулировать оборот прав на недра в условиях, когда земля принадлежала местному населению¹. Опыт этого периода подтолкнул Министерство колоний к выработке отдельной правовой конструкции для северной части протектората, где сложившаяся южная модель работала недостаточно эффективно.

В феврале 1902 г. государственный секретарь по делам колоний Дж. Чемберлен направил Губернатору Золотого Берега конфиденциальную депешу «Об Ордонансе о минеральных правах Северных территорий», задавшую политическую линию на закрепление минеральных прав в Северных территориях за британской Короной². Принятые вскоре Ордонанс о реках Северных территорий 1903 г. (*Northern Territories Rivers Ordinance*) и Ордонанс о минеральных правах 1904 г. (*Mineral Rights Ordinance*) оформили правовой режим, который был охарактеризован Г. Стоуном как модифицированная претензионная система. Концессионное начало в ней отсутствовало, а доступ к недрам осуществлялся через систему лицензий и опционов, выдаваемых от имени Короны³.

Пятиступенчатая конструкция включала в себя: разведочную лицензию, разведочный опцион, горный опцион, горная лицензия и дражная лицензия (последняя – применительно к рекам, перечисленным в приложении к Ордонансу о реках (*Rivers Ordinance*)). Каждый следующий документ мог быть получен лишь тем, кто уже обладал предыдущим. Размеры сборов варьировались от 5 шиллингов за квадратную милю по разведочной лицензии до 50 фунтов ежегодно за квадратную милю по горной лицензии при затрагивании интересов местного населения. Горный опцион, что важно для понимания режима, не давал права добывать, но позволял проводить подготовительные работы, включая установку оборудования⁴. Правовая конструкция «опцион без добычи» создавала переходную зону, в которой держатель опциона уже нес расходы на оборудование, но юридически и фактически еще не вел добычу. Этот разрыв формально защищал интересы Короны, а фактически перекладывал коммерческий риск на держателя опциона.

Признание туземных прав на землю и недра носило преимущественно декларативный характер. Институциональным центром режима выступал Губернатор Золотого Берега. В депеше Чемберлена 1902 г. был задан механизм: Губернатор получил право предоставлять концессии непосредственно, с ограничением роли туземных вождей, которые до этого выступали самостоятельными субъектами предоставления прав на добычу⁵. По Ордонансу о минеральных правах 1904 г. все пять разновидностей лицензий выдавались Короной в лице Губернатора, и от его усмотрения зависели применимые условия и ставки сборов, особенно те, что касались защиты туземных интересов. Специализированных горных судов не существовало: споры разрешались исполнительной властью и лишь в определенных случаях передавались в арбитраж или Верховный суд⁶. На уровне делопроизводства функционировал реестр выданных лицензий и опционов, который велся секретариатом Губернатора и обеспечивал минимальную правовую определенность для держателей прав в условиях, когда судебной практики еще фактически не сформировалось.

Лицензионный режим при формальном сохранении права собственности на землю местного населения применялся и в колониях Восточной Африки. В Уганде разведочные лицензии на земли Короны выдавались с 1902 г., тогда как местное общинное землевладение формально не затрагивалось. В Восточной Африке (Кения) Ордонанс о коронных землях 1902 г. (*Crown Lands Ordinance 1902*) передал нераспределенные и незанятые земли в распоряжение Короны, создав правовую инфраструктуру для горного лицензирования при формальном сохранении земельных прав местного населения.

Концессионная система: Золотой Берег, Ашанти и Сьерра-Леоне (1905–1909)

Непосредственно в Золотом Берегу (кроме Лагоса, где с 1861 г. действовал особый режим), в Ашанти и Сьерра-Леоне права недропользования оставались за местным населением. Доступ к ним обеспечивался через двойной механизм: концессию от местного владельца и лицензию от колониальной администрации⁷. Правовой каркас этой системы образовали Ордонанс о регулировании горных прав 1905 г. (*Mining Rights Regulation Ordinance*) и Ордонанс о концессиях 1909 г. (*Concessions Ordinance*).

Принятию Ордонанса о концессиях 1909 г. предшествовала так называемая «борьба за концессии» (*Concessions Scramble*) 1885–1915 гг., в ходе которой европейские горнопромышленные компании скупали у вождей правовые титулы на огромные площади, нередко превышающие ту площадь земель, которой они реально располагали. Ч. Илгбуне, в результате анализа материалов доклада Г. Х. Бельфилда 1912 г. (*Belfield's Report*) и проекта доклада Западноафриканского земельного комитета 1916 г. (*West African Lands Committee Draft Report*) определил, что только малая часть формально закрепленных за вождями территорий могла быть подтверждена в порядке свидетельства о действительности концессии (*Certificate of Validity*)⁸. Концессионный режим при формальном признании туземной собственности на недра на практике вынуждал колониальную администрацию в экстренном порядке ликвидировать последствия злоупотреблений, вызванных самим этим признанием. С принятием акта 1909 г. указанный стихийный процесс должен был стать контролируемым.

¹Dumett R. E. *El Dorado in West Africa: The Gold-Mining Frontier, African Labor, and Colonial Capitalism in the Gold Coast, 1875–1900*. Athens, OH: Ohio University Press; Oxford: James Currey, 1998.

²Ntewusu S. A. Colonialism, Neocolonialism and Gold Mining in Ghana. URL: https://www.pass.va/en/publications/studia-selecta/studia_selecta_10_pass/ntewusu.html

³Stone G. *The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates*. P. 260, 265.

⁴Там же. P. 265–266.

⁵Ntewusu S. A. Colonialism, Neocolonialism and Gold Mining in Ghana.

⁶Stone G. *The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates*. P. 262.

⁷Там же. P. 259–260.

⁸Ilegbune C. U. *Concessions Scramble and Land Alienation in British Southern Ghana, 1885–1915* // *African Studies Review*. 1976. Vol. 19. № 3. P. 17–32.

Процедура начиналась с выдачи Губернатором разведочной лицензии, которая носила неисключительный характер, действовала в течение одного года, была непередаваемой, и облагалась гербовым сбором в размере 5 фунтов. Поскольку собственность на землю и минералы принадлежала местному населению, лицо, ведущее разведку, должно было достичь соглашения с собственниками (в противном случае оно несло ответственность за нарушение владения), а Губернатор оказывал содействие в достижении таких соглашений через своих чиновников. Для собственно добычи требовались горная концессия от туземных правообладателей и горная лицензия от Губернатора. Площадь концессии не превышала пяти квадратных миль; один концессионер мог держать концессий на площадь не более двадцати квадратных миль. В Ашанти и Сьерра-Леоне горная концессия могла быть получена только действующим держателем разведочной лицензии¹.

В институциональном отношении концессионная система была схожа с режимом Северных территорий Золотого Берега в том, что ведущая роль в лицензировании, посредничестве между местными собственниками и европейскими компаниями, а также в разрешении споров закреплялась за губернатором. Формально он не обладал правом собственности на минералы, но фактически определял условия горнодобывающей деятельности. Главное отличие от Северных территорий заключалось в том, что здесь горная концессия от местного правообладателя выступала необходимым условием для получения разрешения на добычу². Параллельно действовала система регистрации концессий, упорядочивающая отношения между разведчиками и туземными правообладателями: каждая горная концессия после ее получения подлежала регистрации в порядке, предусмотренном Ордонансом о концессиях 1909 г., что позволяло отслеживать предельные площади и выявлять случаи концентрации прав сверх установленных норм. Сьерра-Леоне в этой схеме выглядела периферией концессионной модели до 1930 г., когда открытие алмазных месторождений потребовало особого правового режима с монополией компании «Сьерра-Леоне Селекшн Траст» (Sierra Leone Selection Trust), оформленного Ордонансом о минералах 1927 г. (*Mineral Ordinance*) и последующими актами. Л. Д'Анджело проанализировал этот переход и показал, что упомянутая компания в течение десятилетий совмещала функции добывающего предприятия и квазиполицейского аппарата, контролирующего территорию своей монополии³. Такое совмещение функций означает, что концессионная модель в Сьерра-Леоне переросла исходную правовую конструкцию и приблизилась к модели, в которой государство фактически делегировало частной компании полномочия публично-правового характера.

Аналогичный двойной механизм – концессионное соглашение с последующим получением лицензии – действовал и в других западно-африканских колониях. В Гамбии, обладавшей значительно меньшими ресурсами, регулирование строилось на той же правовой конструкции: право собственности на минералы сохранялось за местными правообладателями, а доступ иностранного капитала обеспечивался через обязательную систему двойного разрешения. На части территорий Южной Нигерии в период до принятия серии актов 1900–1916 гг. концессионные соглашения с вождями также служили необходимым условием для осуществления добычи.

Система публичных полей: Трансвааль (1908–1918)

Модель управления недропользованием, применявшаяся в Южной Африке в начале XX в, можно охарактеризовать как наиболее развитую в британских колониях конструкцию горного права. Она была основана на романо-голландском праве, включая принцип «dominium» (лат. – полное право собственности). Названный принцип предполагал, что собственник поверхности остается также и собственником недр⁴. Ряд законов Трансвааля (первый принят еще в 1866 г., ключевые акты датируются 1908 и 1918 гг.) существенно трансформировал принцип «dominium», сформировав сложную процедуру участия государства в распоряжении минеральными ресурсами⁵. Интересно то, что законодатель не отменил действие «dominium», а дополнил его системой публичных полей. В результате собственник поверхности формально сохранял минеральные права, но воспользоваться ими мог только через предусмотренные законом процедуры, инициируемые Губернатором.

Акт о драгоценных и прочих металлах 1908 г. (*Precious and Base Metals Act, «Gold Law»*) вместе с Ордонансом о драгоценных камнях 1903 г. (*Precious Stones Ordinance*) сформировали так называемую систему публичных полей (*public diggings*). Данная система представляла собой правовой режим, при котором участок объявлялся открытым для добычи всеми держателями горной лицензии, без предоставления кому-либо из них исключительных прав на конкретный участок. Акт о драгоценных и неблагородных металлах 1908 г. определил следующую типовую последовательность. Частное лицо, получив разведочное разрешение или лицензию, проводило разведку; при обнаружении месторождения подавалось письменное уведомление с декларацией обстоятельств открытия, устанавливались маяки (межевые знаки). Если имелись разумные основания считать, что драгоценные металлы залегают в коммерчески значимых объемах, держатель минеральных прав выбирал «майнпахт» (южноафр.-голл. «mynpacht») – участок для исключительной разработки, закреплявшийся специальным актом («mynpacht-brief»). После этого Губернатор объявлял район публичным полем и по своему усмотрению мог открыть его для свободной подачи заявок, передать часть в исключительную горную аренду либо учредить государственный рудник. Заключительной стадией становилось выставление отобранных Государственным горным департаментом участков на торги с принятием предложения, дающего наилучшую отдачу казне и наилучшие перспективы разработки⁶. Эта процедура преследовала последовательное сокращение прав частного лица: открыв месторождение и получив майнпахт (голл. - mynpacht-brief – документ, удостоверяющий исключительную горную аренду), держатель прав на недра не закреплял за собой всю прилегающую территорию, а лишь делал ее объектом для государственного распоряжения. Алмазное законодательство (Акт о драгоценных камнях 1903 г.) следовало той же логике с отличиями: майнпахты не предусматривались, а лицо, обнаружившее месторождение, получало право на одну деся-

¹Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates. P. 263–264.

²Там же. P. 262.

³D'Angelo L. The Art of Governing Contingency: Rethinking the Colonial History of Diamond Mining in Sierra Leone // Historical Research. 2016. Vol. 89. № 243. P. 136–157.

⁴Hahlo H. R., Kahn E. The South African Legal System and Its Background. Cape Town: Juta, 1968. P. 226–231, 244–282.

⁵Stone G. Notes on the Law of Mines in South Africa. P. 213–215.

⁶Там же. P. 216–217.

тую долю при прокламации¹. Сопутствующее регулирование включало Акт о шахтах и горных работах 1911 г. (*Mines and Works Act*) в области техники безопасности, Акт о налогообложении горного промысла 1910 г. (*Mining Taxation Act*), а также Акт о трансваальских горных арендах и поправках к горному законодательству 1918 г. (*Transvaal Mining Lease and Mineral Law Amendment Act*)².

В отличие от Западной Африки, здесь сложилась более разветвленная система управления. Наряду с Губернатором (его прокламация оставалась ключевым актом) существовала должность Регистратора горных прав, оформлявшего все документы на передачу прав, майнпахтов и аренд. Государственный горный департамент отбирал участки для выставления на торги по системе государственных аренд; разметка заявок посредством установки маяков контролировалась специальными инспекторами, и неверно установленный маяк мог повлечь утрату прав на участок³. Первоначальная система государственных аренд оказалась неэффективной: крупные арендаторы ограничивали конкуренцию на торгах. Стремление государства получить максимальный доход от торгов вступало в противоречие с реальной структурой рынка, на котором доминировали несколько крупных компаний. Акт 1918 г. (*Transvaal Mining Lease and Mineral Law Amendment Act, 1918*) перестроил систему, сделав ее более гибкой, но и более зависимой от усмотрения горного департамента при выборе территорий для выставления на торги⁴. Акт о шахтах и работах 1911 г. (*Mines and Works Act, 1911*) создал отдельный институциональный контур в области техники безопасности, фактически ограничивавший работу многих предприятий.

Система публичных полей использовалась и в других колониях. Наталь (ЮАР) применил аналогичный механизм через Акт о регулировании золотых приисков 1888 г. (*Gold Fields Regulation Act 1888*): Губернатор прокламировал поля открытыми, лицензионный доступ предоставлялся всем держателям, а принцип «dominium» подчинялся той же процедурной логике, что и в Трансваале. Южная Родезия под управлением Британской Южно-Африканской Компании выработала горное право на основе Ордонанса о шахтах и полезных ископаемых 1898 г. (*Mines and Minerals Ordinance 1898*): держателю прав предоставлялось исключительное право на поверхность в пределах участка при сохранении механизма прокламации приисков Компанией. Так, регулирование в Южной Родезии являлось функциональным аналогом системы публичных полей Трансвааля.

Отдельного внимания заслуживает система разрешения горных споров. В австралийских колониях Британской империи, начиная с 1870-х гг., эту функцию выполнял специализированный Суд горного комиссара (*Warden's Court*) – квазисудебный орган, зародившийся в средневековой Англии, председатель которого совмещал полномочия мирового судьи и горного инспектора и рассматривал споры о границах участков, правах на воду и нарушениях условий лицензий. Ни одна из четырех африканских моделей не восприняла этот институт в готовом виде. В Трансваале его функциональным аналогом выступал горный комиссар (*Mining Commissioner*, нидерл. *Mijncommissaris*), полномочия которого сочетали административные и квазисудебные функции: он разрешал первичные споры о лицензиях непосредственно, без передачи в суд. В западноафриканских колониях (Золотой Берег, Нигерия, Сьерра-Леоне) никакого эквивалентного органа создано не было: споры разрешались в Верховном суде или Полным составом суда (*Full Court*) в порядке общей юрисдикции либо в административном порядке губернатором. Этот институциональный разрыв объясняет, почему дискреционные полномочия губернатора в западноафриканских моделях приобретали несопоставимо большее значение: в отсутствие специализированного суда именно исполнительная власть выступала конечной инстанцией горных правоотношений.

Полное закрепление прав на полезные ископаемые за Короной: Нигерия (1916–1918)

Нигерийская модель представляла собой полную противоположность концессионной системе. Ордонанс о минералах 1916 г. (*Minerals Ordinance*) устанавливал, что вся собственность и весь контроль над минералами и нефтью на территории Нигерии принадлежат Короне⁵. Формально поверхность земли оставалась за местным населением. Однако Ордонанс о земле и туземных правах 1916 г. (*Land and Native Rights Ordinance*) дал Губернатору широкие полномочия по контролю над ней, а уже к 1918 г. был закреплен механизм принудительного отчуждения земли для горных нужд (добыча ископаемых была объявлена публичной целью).

Эта правовая конструкция получила теоретическое обоснование в работе Ф. Лугарда. Он сформулировал базовую для нигерийской модели формулу: туземное население сохраняет за собой право пользования землей (при условии традиционного общинного землевладения), а все минеральные ресурсы принадлежат Короне как верховному собственнику, действующему в интересах всей Империи⁶. Однако, в данной конструкции есть внутреннее противоречие: «исторически устойчивое общинное пользование» определялось и проверялось самой колониальной администрацией. В результате формальное признание прав становилось предметом административного усмотрения, а не объективного исторического установления. На уровне реальной экономической практики основным объектом регулирования стало плато Джос с его оловянными месторождениями. Б. Фройнд отмечал, что нигерийская оловодобыча развивалась под влиянием двух разнонаправленных факторов: формально либеральная лицензионная система открывала доступ широкому кругу инвесторов, тогда как неформальная концентрация капитала и инфраструктуры удерживала эту систему в руках немногих крупных игроков⁷. Это расхождение между нормой и практикой – характерная черта колониального горного права: закон обслуживал реальный экономический процесс ровно настолько, насколько это не мешало сложившейся структуре капитала.

Режим доступа был лицензионным. Право на разработку давала только лицензия Губернатора, подлежащая регистрации как по Ордонансу о регистрации земель 1915 г. (*Land Registration Ordinance*), так и в реестре Правительственного инспектора шахт (*Government Inspector of Mines*). Дополнительные ограничения устанавливались Ордонансом о праве преимущественного приобретения нефти 1907 г. (*Mineral Oil Pre-*

¹Там же. Р. 217.

²Там же. Р. 215, 218.

³Там же. Р. 216–218.

⁴Там же. Р. 218.

⁵Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates. P. 260.

⁶Lugard F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1922.

⁷Freund B. Capital and Labour in the Nigerian Tin Mines. Harlow: Longman, 1981.

emption Ordinance), дававшим Короне преимущественное право выкупа всей добытой нефти, а также Ордонансом о промышленности цветных металлов 1919 г. (*Non-ferrous Metal Industry Ordinance*). Закрепление прав на полезные ископаемые в колониях за Короной учитывало исторически сложившиеся частные привилегии. Никто, кроме лиц, законно ведущих разведку или добычу, не имел права владеть минералами; никто не мог их покупать без лицензии, а сама лицензия не подлежала передаче без согласия Губернатора¹.

Нигерийская система управления была проще по устройству, но полномочий в институтах было сосредоточено не меньше, чем в других колониях. Указанный закон наделял Губернатора правом предоставлять право горной аренды, исключительные разведочные лицензии и горные права; все они подлежали обязательной регистрации в реестре Государственного горного инспектора. Специализированного судебного механизма также не существовало: споры разрешались исполнительной властью, в отдельных случаях передавались в арбитраж или Верховный суд². Взаимодействие Губернатора и Горного инспектора строилось по следующей схеме: Губернатор принимал решение о выдаче, а Инспектор обеспечивал техническую регистрацию и последующий учет прав, а также контроль соблюдения условий лицензии в части горнодобывающих операций.

Характерная черта нигерийской системы заключалась в том, что почти все решения по заявкам, правам на разведку и правам на участки оставались на усмотрение Губернатора. Закон предоставлял ему право действовать определенным образом. На практике это означало, что правовой режим одного и того же участка мог меняться в зависимости от личности и опыта конкретного Губернатора, срок пребывания в должности которого составлял обычно от трех до пяти лет. Формальное закрепление прав на полезные ископаемые за Короной фактически означало их закрепление за персональным усмотрением Губернатора. Это обеспечивало системе как максимальную гибкость, так и максимальную непредсказуемость³.

Нигерийская модель послужила правовым образцом для других британских территорий в Тропической Африке. Танганьика воспроизвела ключевые положения Ордонанса о полезных ископаемых 1916 г. практически без изменений: все полезные ископаемые на территории закреплялись за Короной при лицензионном доступе частных компаний. Северная Родезия после 1924 г. также восприняла принцип полного закрепления минеральных прав за Короной.

Имперский контекст: горизонтальное заимствование и пределы координации

Описанные четыре модели не существовали изолированно. На имперском уровне начала XX в. на их эволюцию влияли два обстоятельства. Во-первых, горизонтальное заимствование норм между колониями: закон одной территории становился образцом для соседних. Во-вторых, попытки центральной координации со стороны Имперского бюро минеральных ресурсов, которые оказались в значительной мере безрезультатными.

Наиболее показательный случай, связанный с проблемой усмотрения в колониальном горном праве, относится не к прямым злоупотреблениям, а к механизму горизонтального заимствования норм между колониями. Как отмечал К. Бродиган в 1930 г., губернатор, столкнувшись с открытием месторождения, без адаптации использовал законы соседних территорий. Так дефекты переходили от Малайи к Нигерии, а от Нигерии – к Танганьике⁴. К. Бродиган отмечал, что в Министерстве колоний систематический обзор горного права не осуществлялся. Решения, принимаемые каждым Губернатором, фиксировались в законодательстве и продолжали действовать и после окончания срока полномочий конкретного должностного лица.

В.А. Томсинов, исследуя источники британского колониального права в Тропической Африке в целом, установил, что местное колониальное законодательство – ордонансы, прокламации, указы – выступало его ведущим инструментом, призванным расширить юридические пределы, устанавливавшиеся правом метрополии; горное право составляло при этом лишь одну из областей такого регулирования⁵.

Сопоставление Северной Родезии и Танганьики делает этот механизм особенно наглядным. Благодаря относительно либеральному горному праву, поощрявшему квалифицированную разведку, Северная Родезия стала местом открытия крупнейших медных месторождений. В этой территории минеральные права значительной части земель сохранялись не за Короной, а за Британской Южно-Африканской Компанией, что создавало особый правовой режим, отличный от классических колониальных моделей⁶. Танганьика почти дословно воспроизвела нигерийское законодательство. Как отмечал У. Каллен, законы для Кении и Танганьики, исходившие из Министерства колоний, систематически отклонялись от принципов, установленных центральными ведомствами метрополии и Имперского бюро минеральных ресурсов⁷.

Разработка Ордонанса о горном деле Северной Родезии 1958 г. (*Mining Ordinance of Northern Rhodesia*) заняла более тридцати лет, поскольку согласование позиций Министерства колоний, доминионных структур и горнопромышленных корпораций превращало внесение каждого изменения в многолетний процесс⁸. К. Бродиган писал, что колониальное горное законодательство страдало одновременно и от копирования актов соседних территорий, и крайне продолжительного согласования собственных. Сочетание этих двух недостатков приводило к тому, что законодательство постоянно отставало от быстро менявшейся горнодобывающей практики: реальные отношения все чаще регулировались в обход устаревших норм.

¹Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates. P. 262.

²Там же. P. 262.

³Stone G. Observations on the Mining Laws of the British Empire. P. 361.

⁴Там же. P. 361.

⁵Томсинов В.А. Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX – середина XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: Ун-т дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1981. – 190 с. С. 119–128.

⁶Mines in British Colonies, 15 May 1945.

⁷Stone G. Observations on the Mining Laws of the British Empire. P. 361–362.

⁸Slinn P. The Mining Ordinance of Northern Rhodesia: A Legislative History 1924–1958 // Journal of African Law. 1979. Vol. 23. № 1. P. 84–106.

В отношении попыток центральной координации необходимо отметить, что Имперское бюро минеральных ресурсов, созданное в 1919 г. для сбора информации о минеральном хозяйстве Империи, не было эффективным инструментом унификации, поскольку, как отмечают исследователи, его работа дублировалась Имперским институтом (Imperial Institute), а разработка горных законов для колоний осуществлялась без привлечения его экспертного потенциала. На основании Закона об Имперском институте 1925 г. (Imperial Institute Act), Имперское бюро минеральных ресурсов было присоединено к Имперскому институту под управлением Министерства внешней торговли. В этом составе орган функционировал до 1949 г.¹.

Заключение

В результате проведенного исследования выделены четыре типологические модели управления недропользованием в колониях Британской империи начала XX в.

Модель 1. Лицензионный режим при формальном признании туземных прав (Северные территории Золотого Берега).

К основным характеристикам данной модели может быть отнесено отсутствие концессионных соглашений. Доступ к недрам в рамках данной модели управления осуществлялся через пятиступенчатую систему лицензий и опционов, выдаваемых от имени Короны. Формальное признание прав местного населения носило декларативный характер. Институциональным центром выступал губернатор, который непосредственно предоставлял все виды разрешений и контролировал соблюдение условий.

Модель 2. Концессионная система (Золотой Берег, Ашанти, Сьерра-Леоне).

Особенность данной модели состоит в том, что минеральные права сохранялись за местным населением, а доступ к полезным ископаемым обеспечивался через двойной механизм: концессию от местного владельца и лицензию от колониальной администрации. Площадь концессий была ограничена. В институциональном отношении ведущая роль в лицензировании, посредничестве и разрешении споров принадлежала губернатору, однако обязательным условием для получения разрешения на добычу выступала горная концессия от местного правообладателя. Действовала система регистрации концессий для контроля предельных площадей и выявления концентрации прав.

Модель 3. Система публичных полей (Трансвааль).

Ключевые характеристики данной модели связаны с римско-голландским принципом «dominium» (собственник поверхности – собственник недр), который был модифицирован сложной процедурой участия государства в распоряжении минеральными ресурсами. После объявления губернатором района публичным полем участки выставлялись на торги, а предпочтение отдавалось предложению, обеспечивающему максимальный доход казне и наилучшие перспективы разработки. Модель отличалась наиболее разветвленной институциональной структурой: наряду с губернатором действовали регистратор горных прав, государственный горный департамент, инспекторы по разметке заявок и технике безопасности. В отличие от западноафриканских колоний, в Трансваале существовал функциональный аналог австралийского Суда горного комиссара (Warden's Court) – должность горного комиссара (Mining Commissioner), сочетавший административные и квазисудебные полномочия.

Модель 4. Режим полного закрепления минеральных прав за Корона (Нигерия).

В рамках данной модели все минералы и нефть на территории колонии объявлялись собственностью Короны. Поверхность земли формально оставалась за местным населением, однако механизм принудительного отчуждения земель для горных нужд закреплялся отдельными законодательными актами. Доступ к недрам осуществлялся на основе лицензий, выдаваемых губернатором, при этом закон оставлял почти все решения на его усмотрение. Институциональная структура была минимальной: Губернатор и Государственный горный инспектор.

Однако на практике ни одна из рассмотренных моделей не реализовывалась в чистом виде. Их эволюция определялась двумя имперскими факторами: горизонтальным заимствованием норм между колониями (дефекты регулирования переходили с одной территории на другую) и недостаточной эффективностью центральной координации (Имперское бюро минеральных ресурсов не стало действенным инструментом унификации). При этом во всех моделях ведущая роль сохранялась за губернатором, а фактическое правоприменение в значительной степени зависело от его усмотрения, что создавало разрыв между нормами регулирования и реальной практикой недропользования.

Список литературы:

1. Абамелек-Лазарев С. С. Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. – СПб.: Тип. С.-Петербургского АО печ. и писчебум. дела «Слово», 1902. – 324 с.
2. Томсинов В.А. Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX – середина XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М.: Ун-т дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1981. – 190 с.
3. Перчик А. И. Горное право: Учебник для вузов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 525 с.
4. D'Angelo L. The Art of Governing Contingency: Rethinking the Colonial History of Diamond Mining in Sierra Leone // Historical Research. – 2016. – Vol. 89, № 243. – P. 136–157.
5. Dumett R. E. El Dorado in West Africa: The Gold-Mining Frontier, African Labor, and Colonial Capitalism in the Gold Coast, 1875–1900. – Athens, OH: Ohio University Press; Oxford: James Currey, 1998. – 396 p.
6. Freund B. Capital and Labour in the Nigerian Tin Mines. – Harlow: Longman, 1981. – 266 p.
7. Hahlo H. R., Kahn E. The South African Legal System and Its Background. – Cape Town: Juta, 1968. – 603 p.
8. Holland T. H. Mineral, Not Mining, Laws in the British Empire // Journal of Comparative Legislation and International Law. – 1938. – Vol. 20, № 1. – P. 24–28.
9. Ilegbune C. U. Concessions Scramble and Land Alienation in British Southern Ghana, 1885–1915 // African Studies Review. – 1976. – Vol. 19, № 3. – P. 17–32.
10. Lugard F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. – Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1922. – 643 p.
11. Mines in British Colonies [Parliamentary Debates, House of Lords, 15 May 1945] [Электронный ресурс] // Historic Hansard. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1945/may/15/mines-in-british-colonies>.
12. Ntewusu S. A. Colonialism, Neocolonialism and Gold Mining in Ghana: A Social Justice and Common Good Perspective [Электронный ресурс] // Pontifical Academy of Social Sciences. Studia Selecta 10. URL: https://www.pass.va/en/publications/studia-selecta/studia_selecta_10_pass/ntewusu.html.

¹ Annual Report of the Imperial Mineral Resources Bureau. British Geological Survey // [Электронный ресурс]: - URL: <https://webapps.bgs.ac.uk/data/publications/series.html?code=BN>

13. Slinn P. The Mining Ordinance of Northern Rhodesia: A Legislative History 1924–1958 // *Journal of African Law*. – 1979. – Vol. 23, № 1. – P. 84–106.
14. Stone G. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries. – London: H.M.S.O., 1920.
15. Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. – 1920. – Vol. 2, № 3. – P. 259–266.
16. Stone G. Notes on the Law of Mines in South Africa (With Special Reference to the Transvaal) // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. – 1921. – Vol. 3, № 4. – P. 213–219.
17. Stone G. Observations on the Mining Laws of the British Empire // *Journal of the Royal Society of Arts*. – 1930. – Vol. 78, № 4029. – P. 349–363.
18. Annual Report of the Imperial Mineral Resources Bureau. British Geological Survey // [Электронный ресурс]: - URL: <https://webapps.bgs.ac.uk/data/publications/series.html?code=BN>.

References:

1. Abamelek-Lazarev S. S. The issue of mineral resources and the development of the mining industry in the 19th century. – St. Petersburg: Type. of St. Petersburg JSC pech. and pische-boom. Slovo Affairs, 1902, 324 p.
2. Tomsinov V.A. Sources of British "colonial law" in Tropical Africa (early 19th – mid 20th centuries): dissertation of the cand. jurid. sciences: 12.00.01. Moscow: Patrice Lumumba Peoples' Friendship University, 1981. 190 p.
3. Perchik A. I. Mining law: Textbook for universities. – 2nd ed., revised and add. – M.: Publishing House "PHILOLOGIYA THREE", 2002. – 525 p.
4. D'Angelo L. The Art of Governing Contingency: Rethinking the Colonial History of Diamond Mining in Sierra Leone // *Historical Research*. – 2016. – Vol. 89, № 243. – P. 136–157.
5. Dumett R. E. El Dorado in West Africa: The Gold-Mining Frontier, African Labor, and Colonial Capitalism in the Gold Coast, 1875–1900. – Athens, OH: Ohio University Press; Oxford: James Currey, 1998. – 396 p.
6. Freund B. Capital and Labour in the Nigerian Tin Mines. – Harlow: Longman, 1981. – 266 p.
7. Hahlo H. R., Kahn E. The South African Legal System and Its Background. – Cape Town: Juta, 1968. – 603 p.
8. Holland T. H. Mineral, Not Mining, Laws in the British Empire // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. – 1938. – Vol. 20, № 1. – P. 24–28.
9. Ilegbune C. U. Concessions Scramble and Land Alienation in British Southern Ghana, 1885–1915 // *African Studies Review*. – 1976. – Vol. 19, № 3. – P. 17–32.
10. Lugard F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. – Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1922. – 643 p.
11. Mines in British Colonies [Parliamentary Debates, House of Lords, May 15, 1945] [Electronic resource] // *Historic Hansard*. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1945/may/15/mines-in-british-colonies>.
12. Ntewusu S. A. Colonialism, Neocolonialism and Gold Mining in Ghana: A Social Justice and Common Good Perspective [Electronic resource] // *Pontifical Academy of Social Sciences. Studia Selecta* 10. URL: https://www.pass.va/en/publications/studia-selecta/studia_selecta_10_pass/ntewusu.html.
13. Slinn P. The Mining Ordinance of Northern Rhodesia: A Legislative History 1924–1958 // *Journal of African Law*. – 1979. – Vol. 23, № 1. – P. 84–106.
14. Stone G. The Mining Laws of the British Empire and of Foreign Countries. – London: H.M.S.O., 1920.
15. Stone G. The Mining Laws of the West African Colonies and Protectorates // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. – 1920. – Vol. 2, № 3. – P. 259–266.
16. Stone G. Notes on the Law of Mines in South Africa (With Special Reference to the Transvaal) // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. – 1921. – Vol. 3, № 4. – P. 213–219.
17. Stone G. Observations on the Mining Laws of the British Empire // *Journal of the Royal Society of Arts*. – 1930. – Vol. 78, № 4029. – P. 349–363.
18. Annual Report of the Imperial Mineral Resources Bureau. British Geological Survey // [Electronic resource]: - URL: <https://webapps.bgs.ac.uk/data/publications/series.html?code=BN>.

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ DIGITAL SOVEREIGNTY IN THE COMMUNICATIONS SPHERE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

ГАПОНОВ Александр Андреевич,

ассистент кафедры «Финансовое право и таможенная деятельность»

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
60005 Россия, Владимирская область, город Владимир, улица Студенческая дом 8.

E-mail: gaponov.2013@bk.ru

GAPONOV Alexander Andreevich,

Assistant Professor of the Department of Financial Law and Customs

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov.

8 Studencheskaya str., Vladimir, Vladimir region, 60005 Russia.

E-mail: gaponov.2013@bk.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена теоретико-правовому анализу цифрового суверенитета Российской Федерации и механизмов его обеспечения в коммуникационной сфере. Выявлены ключевые технологические вызовы: трансграничность интернета, экстерриториальность данных, разрыв между подконтрольным аппаратным и программным компонентами цифровых технологий. На примере отечественного мессенджера MAX показано, что национальный коммуникационный сервис выступает инструментом защиты от санкционных рисков, однако его монополизация создает угрозу технологической стагнации. Предложена модель укрепления цифрового суверенитета, основанная на балансе внешней защищенности, внутренней автономии разработчика и сохранения конкурентной среды. Сделан вывод о необходимости правового механизма, исключающего как технологическую зависимость от иностранных юрисдикций, так и монопольную деградацию национальных сервисов. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также метод правового моделирования.

Abstract: This article provides a theoretical and legal analysis of the boundaries of the Russian Federation's sovereignty and how to ensure it in the communications sector. Key technological challenges are identified: the transborder nature of the internet, the extraterritoriality of data, and the gap between the controlled hardware and software components of digital technologies. In the context of the domestic messenger, Max demonstrates that a national communications service plays a role in protecting against sanctions risks, but its monopolization leads to technological stagnation. A model for expanding the boundaries of sovereignty is proposed, based on a balance between external security, internal developer autonomy, and maintaining a competitive environment. A conclusion is drawn regarding the need for a legal mechanism that defines technological dependence on foreign jurisdictions and the monopolistic degradation of national services. The methodological framework of the study includes formal legal, comparative legal, and systemic methods, as well as a legal survey.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровой суверенитет, информационное пространство, трансграничность данных, коммуникационные сервисы, национальный мессенджер, технологическая автаркия, конкурентная среда, санкционные риски, правовое регулирование.

Keywords: state sovereignty, digital sovereignty, information space, cross-border data, communication services, national messenger, technological autarky, competitive environment, sanctions risks, legal regulation.

Для цитирования: Гапонов А.А. Цифровой суверенитет в коммуникационной сфере: теоретико-правовой аспект // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 87-89. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_87.

For citation: Gaponov A.A. Digital sovereignty in the communications sphere: theoretical and legal aspects // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 87-89. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_87.

Статья поступила в редакцию: 03.06.2026

Суверенитет государства пронизывает множество сфер – от экономики до публичного управления. Неудивительно, что его смысловое наполнение оказывается в фокусе самых разных общественных наук. Юриспруденция, политология, социология, экономика – каждая наука по-своему интерпретирует это понятие.

Изначально он существовал лишь как политическое явление. Впоследствии эволюционировал, сместившись в политико-правовую плоскость и получив, наконец, конституционно-правовое закрепление. Этим и объясняется, что сегодня суверенитет как правовая категория рассматривается преимущественно через призму двух отраслей права: международного и конституционного.

Государственный суверенитет – понятие в праве устоявшееся. Однако его признаки со временем подвергаются корректировке, особенно в связи с глобализацией. Наиболее ярким примером этого является Европейский союз, страны-участницы которого отказались от национальной валюты в пользу евро, национальные границы гражданами союза пересекаются без пограничного контроля, таким образом европейские страны добровольно отказались от ряда суверенных прав в пользу более тесной интеграции. Как отмечает Г. И. Мусихин государственный суверенитет переносится на надгосударственный уровень ради сохранения демократии [1, С.73].

В рамках настоящей статьи под термином государственный суверенитет следует понимать принцип, согласно которому Российская Федерация является независимым государством, обладающим полнотой власти и контролем над своей территорией, населением, законами и внешней политикой, эта трактовка в полной мере согласуется с положениями Конституции РФ. Суверенитет в российской конституции подразумевает верховенство и независимость государства [2].

Современные научные исследования трансформируют классическое понимание суверенитета, выделяя различные виды суверенитета, рассматриваемые сквозь призму национальных интересов России. Например, экономический суверенитет, определяемый как способность

самостоятельно формулировать и реализовывать национальные интересы в сфере экономики при сохранении участия в международных экономических отношениях [3], технологический суверенитет, определяемый как наличие критически важных сквозных технологий, обеспечивающих устойчивость государства в реализации национальных интересов в средне- и долгосрочной перспективе [4, С.588]. И наконец, цифровой, или информационный, суверенитет – именно он остается в фокусе настоящего исследования.

Технологический базис современной цифровой среды – это не просто фон, а часто активная и агрессивная среда, подтачивающая привычные механизмы государственного контроля. Архитектура сети Интернет проектировалась как децентрализованная, наднациональная система, функционирующая вне зависимости от границ государств, трафик данных проходит наименьший путь от субъекта к субъекту. Но, на практике и в научной литературе выстраивается подход в противовес первоначальной задумке сети Интернет, суверенитет государства выходит за пределы физической территории и охватывает внегосударственные пространства, включая цифровое [5].

В российской правовой доктрине общепризнанное определение цифрового (информационного) суверенитета пока находится на этапе становления. Это не готовая формула, не застывшая дефиниция. С. В. Нарутто, С. Ю. Колмаков и И. М. Япрыцев отмечают: юридическая доктрина так и не выработала единого комплексного подхода [6]. Подхода, который охватывал бы всю специфику субъектов и особенности правоотношений в информационно-коммуникационной сфере.

Также стоит отметить и иную концепцию, выработанную А.А. Ефремовым. В его работе суверенитет рассматривается как юридическое свойство (признак государства), проявляющееся через статус особого субъекта информационно-правовых отношений. Субъекта, который осуществляет правовое регулирование и в пределах своей территории – во внутригосударственном информационном пространстве, – и в экстерриториальных режимах, и наконец, участвуя в международно-правовом регулировании глобального и региональных информационных пространств [7].

В наиболее общем виде цифровой суверенитет понимается как способность государства контролировать свои цифровые данные и информацию, обеспечивать безопасность и защиту цифровых технологий и инфраструктуры, а также самостоятельно определять правовой режим функционирования национального сегмента сети Интернет [8].

Современные цифровые технологии – это синтез вычислительных приборов и программного обеспечения. Без надлежащих программ самые передовые процессоры остаются лишь дорогостоящим «железом». Аппаратная часть может быть физически локализована на территории государства, программный же слой трансграничен по своей природе. В этом разрыве между контролируемым «железом» и трудноуловимой программной средой коренится один из главных технологических вызовов цифровому суверенитету [9]. Поэтому государство должно приложить максимальные усилия к сокращению этого разрыва с другими странами, в доступности у государства должны быть технологические решения в сфере производства, коммуникаций, информационных портал и во многих других сферах.

Может показаться, что логика укрепления цифрового суверенитета неизбежно ведет к технологической автаркии. Однако и противоположный тезис – о принципиальной недостижимости суверенитета в технологической сфере, также требует критической оценки. Данный тезис в наиболее завершеном виде представлен В. В. Мамоновым. Технологический суверенитет, по его мнению, не только, вероятно, недостижим, но и уязвим как правовое понятие. Государственный суверенитет предполагает независимость страны, но в сфере технологий этого состояния можно достигнуть только через взаимодействие с передовыми государствами, через создание выгодных условий сотрудничества с зарубежными компаниями, обладающими современными научными разработками [10].

В этой связи подход, предложенный В. В. Мамоновым, видится несколько некорректным. Уязвимым в нем является не сам тезис о значимости международного сотрудничества – с этим трудно спорить, – а имплицитное отождествление суверенитета с технологической самодостаточностью, которой автор отказывает в достижимости и на этом основании ставит под вопрос саму категорию. Представляется, что суверенитет в цифровой сфере не следует понимать ни как полную автономию от внешнего мира, ни как отказ от самостоятельности в пользу интеграции. Речь идет о способности государства при необходимости обеспечить функционирование критически значимых сервисов вне зависимости от внешней среды.

Данное уточнение имеет не отвлеченно-теоретический, а сугубо практический характер. Международные мессенджеры, доминирующие на рынке коммуникационных сервисов, находятся под юрисдикцией конкретных государств. Их серверная инфраструктура, механизмы модерации, политика обработки данных подчинены национальному законодательству страны происхождения. В случае введения санкций, блокировок или иных ограничительных мер со стороны этих государств пользователи из других стран рискуют одновременно лишиться доступа к привычным каналам связи. В такой ситуации отсутствие национального аналога означает не что иное, как коммуникационную уязвимость – причем уязвимость не гипотетическую, а вполне реальную. Государство, не обладающее собственным мессенджером, работающим в национальном правовом и технологическом контуре, оказывается в зависимости от политических решений и обсуждений, разрабатываемых за пределами его юрисдикции.

Таким образом, цифровой суверенитет в коммуникационной сфере не равнозначен автаркии и не предполагает отказа от международной интеграции. Отечественный мессенджер MAX в этой логике представляет собой не инструмент изоляции, а инструмент страховки – механизм, позволяющий государству сохранить контроль над критически важным каналом информационного обмена при любом развитии внешнеполитической ситуации. Стремление к такой способности – не прихоть и не курс на обособление, а рациональная и юридически обоснованная мера обеспечения государственного суверенитета в цифровой среде.

Вместе с тем создание национального мессенджера как гарантированной альтернативы иностранным сервисам ставит перед государ-

ством вопрос не менее сложный, чем обеспечение внешней устойчивости. Вопрос о внутренней архитектуре рынка коммуникационных сервисов. Закрепление за единственным отечественным продуктом статуса фактически безальтернативного средства коммуникации способно породить последствия, противоположные заявленной цели укрепления суверенитета.

Монопольное положение на рынке, лишенное конкурентного давления, закономерно ведет к стагнации. Отсутствие стимулов к совершенствованию интерфейса, обновлению функционала, повышению уровня безопасности – все это риски, хорошо изученные экономической наукой применительно к любым рынкам, и рынок цифровых сервисов исключением не является. Инструмент, созданный как опора суверенитета, в условиях монополии рискует деградировать технологически. А технологическая деградация, в свою очередь, подрывает доверие пользователей. И тогда суверенный мессенджер, формально оставаясь подконтрольным государству, фактически перестает быть реальной альтернативой – пользователи будут искать обходные пути, возвращаться к иностранным сервисам, нивелируя тем самым весь замысел.

Следовательно, отечественный мессенджер должен обладать определенной степенью автономии. Автономии не от государственного правового регулирования как такового – это регулирование в любом случае остается необходимым в части требований к безопасности, защите персональных данных, соблюдению национального законодательства. Речь об автономии иного рода – операционной, технологической, управленческой. О способности разработчика самостоятельно определять вектор развития продукта, реагировать на запросы пользователей, внедрять инновации без избыточного административного согласования. Без такой автономии продукт неизбежно будет проигрывать в гибкости зарубежным конкурентам.

Не менее значимым фактором является сохранение конкурентной среды внутри национального сегмента. Государству целесообразно стимулировать развитие не одного, а нескольких отечественных коммуникационных платформ. Либо, как минимум, обеспечивать условия, при которых национальный мессенджер вынужден конкурировать за пользователя – если не с зарубежными аналогами, доступ которых может быть ограничен по соображениям безопасности, то с другими российскими разработками. Конкуренция выступает здесь не самоцелью, а механизмом, предохраняющим от деградации. Она вынуждает разработчика совершенствовать шифрование, улучшать пользовательский опыт, расширять функционал. Только в такой среде суверенный мессенджер способен оставаться не номинальным, а реально востребованным инструментом коммуникации.

Таким образом, рациональная модель укрепления цифрового суверенитета в коммуникационной сфере предполагает баланс трех элементов: внешней защищенности от санкционных рисков (что достигается самим фактом наличия национального продукта), внутренней автономии разработчика (что обеспечивает технологическую гибкость) и сохранения элементов конкурентной среды (что предохраняет от стагнации). Выпадение любого из этих элементов смещает конструкцию в сторону либо технологической зависимости от иностранных юрисдикций, либо бюрократического окостенения, либо монопольной деградации. Ни один из этих сценариев не отвечает задаче сохранения государственного суверенитета в цифровой среде.

Список литературы:

1. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 64–78.
2. Орфаниди Н. И. История государственного суверенитета и его основные теории // *История государства и права*. 2024. №5. С.30–35.
3. Костюков А.Н., Маслов К. В. Экономический суверенитет как основание государственного суверенитета Российской Федерации // *Журнал Конституционного правосудия*. 2026. №1. С. 5–11.
4. Пономаренко Е. В. Технологический суверенитет России: вопросы теории и практики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024. №4. С. 580–590.
5. Конохов М.В. О некоторых проблемах обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве на современном этапе развития международных отношений / М.В. Конохов // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 3. С. 249–254.
6. Нарутто С.В. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства / С.В. Нарутто, С.Ю. Колмаков, И.М. Япрынцева // *Образование и право*. 2022. № 10. С. 14–22.
7. Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. д-р. юр. наук / Ефремов Алексей Александрович. Москва, 2021. 37 с.
8. Гапонов А.А. Становление цифрового суверенитета России и проблема идентификации в информационном пространстве / А.А. Гапонов, И.М. Кузьмин // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2026. №5 (167). URL: <https://research-journal.org/archive/5-167-2026-may/10.60797/IRJ.2026.167.92> (дата обращения: 03.06.2026). - DOI: 10.60797/IRJ.2026.167.92. - EDN: HZVDJR
9. Карев Д. А., Чертыковцев Ю. В. Цифровой суверенитет // *Право и государство: теория и практика*. 2025. №4. С.80-84.
10. Мамонов В.В. «Суверенитет»: трансформация понятия в условиях поиска национальной идентичности // *Ленинградский юридический журнал*. 2025. №2 (80). С.143-157.

References:

1. Musikhin G.I. Classification of Sovereignty Theories as an Attempt to Overcome "Conceptual Egoism" // *Social Sciences and Modernity*. 2010. No. 1. pp. 64–78.
2. Orfanidi N.I. History of State Sovereignty and Its Main Theories // *History of the State and Law*. 2024. No. 5. pp. 30–35.
3. Kostyukov A.N., Maslov K.V. Economic Sovereignty as the Basis of State Sovereignty of the Russian Federation // *Journal of Constitutional Justice*. 2026. No. 1. pp. 5–11.
4. Ponomarenko E.V. Technological Sovereignty of Russia: Theoretical and Practical Issues // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024. No. 4. pp. 580–590.
5. Konokhov M.V. On Some Problems of Ensuring the State Sovereignty of the Russian Federation in the Information Space at the Current Stage of Development of International Relations / M.V. Konokhov // *Agrarian and Land Law*. 2024. No. 3. pp. 249–254.
6. Naruto S.V. Information Sovereignty: Constitutional and Legal Foundations in the Context of the Development of the Digital State / S.V. Naruto, S.Yu. Kolmakov, I.M. Yaprntsev // *Education and Law*. 2022. No. 10. pp. 14–22.
7. Efremov A.A. Information and Legal Mechanism for Ensuring the State Sovereignty of the Russian Federation: Abstract of a Doctor of Law Dissertation / Efremov Aleksey Aleksandrovich. Moscow, 2021. 37 p.
8. Gaponov A.A. Formation of Russia's Digital Sovereignty and the Problem of Identification in the Information Space / A.A. Gaponov, I.M. Kuzmin // *International Research Journal*. 2026. No. 5 (167). URL: <https://research-journal.org/archive/5-167-2026-may/10.60797/IRJ.2026.167.92> (accessed: 03.06.2026). - DOI: 10.60797/IRJ.2026.167.92. - EDN: HZVDJR
9. Karev D. A., Chertykovtsev Yu. V. Digital Sovereignty // *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 4. pp. 80-84.
10. Mamonov V.V. "Sovereignty": transformation of the concept in the context of the search for national identity // *Leningrad Law Journal*. 2025. No. 2 (80). P. 143-157.

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ПЕСТИЦИДАМИ И АГРОХИМИКАТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. FEATURES OF PUBLIC LAW REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF SAFE HANDLING OF PESTICIDES AND AGROCHEMICALS IN MODERN CONDITIONS.

КАДЫКОВ Александр Вячеславович,

аспирант кафедры государственного аудита,
Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова.
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: gukav98@mail.ru

KADYKOV Alexander Vyacheslavovich,

Postgraduate Student of the Department of Public Audit, Higher School of Public Audit (Faculty)
Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

E-mail: gukav98@mail.ru

Краткая аннотация - целью статьи является выявление правовых проблем в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами. Прежде всего, анализируется Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами». Впервые ставится вопрос о необходимости создания информационно-правовой системы взаимодействия производителей пестицидов и агрохимикатов и потребителей, которая должна быть реализована в рамках текущего общественного контроля. Кроме того, предпринята попытка сформулировать определение механизма публично правового регулирования в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами. В статье также уделяется внимание и вопросу необходимости создания собственного производства действующих веществ на территории Российской Федерации посредством законодательного закрепления правовой категории «системно значимые действующие вещества», утверждения перечня таких веществ и разработки государственной программы поддержки их производства. Предпринята попытка дать конкретные предложения по решению поставленных проблем.

Abstract - the purpose of the article is to identify legal problems in the field of safe handling of pesticides and agrochemicals. First of all, Federal Law No. 109-FZ of July 19, 1997 "On the Safe Handling of Pesticides and Agrochemicals" is analyzed. For the first time, the question is raised about the need to create an information and legal system of interaction between producers of pesticides and agrochemicals and consumers, which should be implemented within the framework of ongoing public control. In addition, an attempt has been made to formulate a definition of the mechanism of public legal regulation in the field of safe handling of pesticides and agrochemicals. The article also focuses on the need to create its own production of active substances on the territory of the Russian Federation by legislating the legal category of "systemically important active substances", approving the list of such substances and developing a state program to support their production. An attempt has been made to provide specific proposals for solving the problems posed.

Ключевые слова: пестициды и агрохимикаты, безопасное обращение с пестицидами и агрохимикатами, публично-правовое регулирование отношений, производство веществ.

Keywords: pesticides and agrochemicals, safe handling of pesticides and agrochemicals, public law regulation of relations, production of substances.

Для цитирования: Кадыков А.В. Особенности публично-правового регулирования отношений в сфере безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами в современных условиях // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 90-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_90.

For citation: Kadykov A.V. Features of public law regulation of relations in the field of safe handling of pesticides and agrochemicals in modern conditions // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 90-92. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_90.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Среди важнейших факторов при производстве сельскохозяйственной продукции можно выделить борьбу с вредителями и сорняками. Хотя мировое сообщество стремится отказаться от химических средств защиты растений, в сельском хозяйстве пока нет возможности полностью исключить их применение в промышленных масштабах. Именно поэтому на первый план выходят вопросы правового регулирования пестицидов и агрохимикатов на всех стадиях безопасного обращения.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим безопасное обращение с пестицидами и агрохимикатами является Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами», данный закон закрепляет основные понятия и правила для участников безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами.

Анализ актов контролирующих органов, а также решения судов демонстрируют целый пласт нарушений при обращении пестицидов и агрохимикатов. Практика показывает, что увеличение контрольных механизмов не всегда положительно влияет на динамику правонарушений. Поэтому необходим общественный контроль и налаживание диалога между производителями пестицидов и агрохимикатов и аграриями. Взаимодействие по вопросам консультирования может происходить в том числе посредством создания колл - центров.

Вопросы общественного контроля поднимаются в Конвенции 184: «Конвенция о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве», в которой предлагается наделить общественные учреждения дополнительными инспекционными функциями. Кроме того, Конвенция предлагает создать национальную систему для обеспечения безопасного использования химических веществ в сельском хозяйстве. Эта система должна устанавливать критерии по импорту, классификации, упаковке, маркировке, а также ограничению или полному запрещению таких веществ¹.

¹ Конвенция о безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве от 21 июня 2001 №184 официальный сайт Международной организации труда www.ilo.org

В правовой доктрине представлено определение «информационному механизму цифровизации государственного экологического управления». Под ним понимается система взятых в единстве правовых средств, опосредующих процессы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения экологической информации [4].

Нам представляется, что для совершенствования организационно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами, необходимо создать информационно-правовую систему взаимодействия производителей пестицидов и агрохимикатов и потребителей, в качестве инструмента текущего общественного контроля за обеспечением соответствующих прав граждан.

Предложенная информационно-правовая система должна как содержать исчерпывающие данные по всем образцам пестицидов и агрохимикатов, так и содержать интерактивную часть, которая бы позволяла в условиях цифровизации общественно-правовых процессов оперативно принимать информацию о возможных нарушениях прав граждан в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами, в том числе в части распространения фальсифицированной и контрафактной продукции, а также консультировать потребителей в режиме реального времени по любым вопросам, связанным с безопасным обращением пестицидов и агрохимикатов, прогнозировать последствия принимаемых решений, рисков с использованием технологии искусственного интеллекта и выбирать оптимальные правовых режимы, обеспечивающие безопасное обращение с пестицидами и агрохимикатами.

Такая информационно-правовая система может быть ведущим инструментом обеспечения общественного контроля и открытости информации. Современные информационно-коммуникационные механизмы позволят обеспечить высокую скорость обмена информацией для неограниченного круга лиц.

В юридической науке не сформировано определение механизма публично правового регулирования в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами. Нам представляется, что под ним следует понимать совокупность специальных юридических средств и регламентированной публично-правовыми нормами деятельности уполномоченных государственных органов, реализующих свои компетенции по формированию публичного правопорядка в соответствующей сфере, направленные на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами и их рекламы, установление причин и условий совершённых правонарушений, оценку правоприменительной практики и устранение последствий выявленных правонарушений.

По своему содержанию Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ не содержит прямой обязанности регистрации участников безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами в Федеральной государственной информационной системе прослеживаемости пестицидов и агрохимикатов (в настоящее время такая обязанность отсутствует). Введение обязательной регистрации участников безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами в информационной системе позволит привлекать к административной ответственности недобросовестных участников.

Производство пестицидов устроено таким образом, что в их основе лежат действующие вещества. Производство действующих веществ в Российской Федерации отсутствует, основными поставщиками в Российской Федерации являются: Китайская Народная Республика, Индия. Поставки из этих стран составляют более 60% от импорта действующих веществ. Российский рынок пестицидов является зависимым от импорта фактически на 100%.

Такое положение отечественных производителей ставит государство в постоянную зависимость в действующих веществах от иностранных поставщиков, что ставит под угрозу продовольственный суверенитет Российской Федерации.

Считаем необходимым предложить организационно-правовой механизм реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в части обеспечения безопасного обращения с пестицидами, основанный на анализе долгосрочных потребностей сельского хозяйства в пестицидах и необходимости обеспечения сельскохозяйственного производства отечественными действующими веществами с учётом интересов государства и реального сектора экономики. В целях введения и реализации данного механизма предлагается: законодательно закрепить правовую категорию «системно значимые действующие вещества», утвердить перечень таких веществ и разработать государственную программу поддержки их производства.

Под «системно значимыми действующими веществами» следует понимать действующие вещества пестицидов, совокупный объём и номенклатура которых не имеют замены среди производимых в Российской Федерации. Следовательно, такие вещества являются критическими для обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, на основании вышесказанного предлагаем дополнить Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» положениями следующего содержания:

1) в статье 1 уточнить основные понятия, в том числе закрепить авторское определение термина «механизм публично правового регулирования в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами» в качестве легального определения;

2) статью 15 дополнить следующим положением: «Предметом федерального государственного контроля (надзора) в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами является соблюдение обязательных требований к их ввозу на территорию Российской Федерации (в том числе с территорий государств — членов Евразийского экономического союза), а именно: наличие государственной регистрации таких средств в Реестре пестицидов и агрохимикатов и соответствие ввозимой продукции содержащимся в нем сведениям» [5].

3) статью 15.2 дополнить следующим положением: «В целях обеспечения учёта обращения пестицидов и агрохимикатов все юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие обращение с пестицидами и агрохимикатами, обязаны зарегистрироваться в

Федеральной государственной информационной системе прослеживаемости пестицидов и агрохимикатов без взимания платы. Они должны предоставлять в Федеральную государственную информационную систему прослеживаемости пестицидов и агрохимикатов достоверную и полную информацию,

Осуществление обращения с пестицидами и (или) агрохимикатами без регистрации в Федеральной государственной информационной системе прослеживаемости пестицидов и агрохимикатов запрещено.

4) в статье 24 установить обязанность лиц, применяющих пестициды и агрохимикаты, по передаче использованной тары из-под указанных средств специализированным организациям, имеющим лицензию на осуществление деятельности по переработке соответствующих отходов.

Список литературы:

1. Бринчук М.М. Экологическое право / М.М. Бринчук. – 4 изд. – М. : Эксмо, 2010. – 668 с.
2. Бринчук М.М. Химизация сельского хозяйства и правовые проблемы охраны окружающей среды / М.М. Бринчук // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 91–97.
3. Устюкова В.В., Биткова Л.А. Риски и угрозы продовольственной безопасности и правовые средства их преодоления / Аграрное и земельное право. - 2018. - №54(161). - С. 94-102.
4. Заславская Н.М. Концепция правового регулирования цифровизации государственного экологического управления / Н.М. Заславская : дис. д-р. право наук: 5.1.2. - М., 2024. - 578 с.
5. Кадыков А.В. Особенности административно-правового регулирования государственного контроля и надзора в сфере применения пестицидов и агрохимикатов / А.В. Кадыков // Вестник Московского Университета. серия 26. Государственный аудит. – 2022 – №2. – С. 109-118.

References:

1. Brinchuk M.M. Environmental law / M.M. Brinchuk. – 4th ed. – Moscow : Eksmo, 2010. - 668 p
2. Brinchuk M.M. Chemicalization of agriculture and legal problems of environmental protection / M.M. Brinchuk // The Soviet State and law. 1986. No. 1. pp. 91-97.
3. Ustyukova V.V., Bitkova L.A. Risks and threats to food security and legal means of overcoming them / Agrarian and Land law. - 2018. - №54(161). - Pp. 94-102.
4. Zaslavskaya N.M. The concept of legal regulation of digitalization of state environmental management / N.M. Zaslavskaya : dis. doctor of Law: 5.1.2. - M., 2024. - 578 p
5. Kadykov A.V. Features of administrative and legal regulation of state control and supervision in the field of application of pesticides and agrochemicals / A.V. Kadykov // Bulletin of the Moscow University. Series 26. State audit. – 2022 – No. 2. – pp. 109-118.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НАДЗОРА (КОНТРОЛЯ) В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЗИНГОВЫХ КОМПАНИЙ PRIORITY AREAS FOR THE DEVELOPMENT OF AN AML/CFT OVERSIGHT (CONTROL) SYSTEM FOR LEASING COMPANIES

ШУГАЕВА Ирина Владимировна

канд. социол. наук, доцент Высшей экономической школы,
Тихоокеанский государственный университет.

680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.

E-mail: irina.shugaeva.74@mail.ru

SHUGAEVA Irina Vladimirovna

PhD in Sociology, Associate Professor at the Higher School of Economics, Pacific National University.

136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680035, Russia).

E-mail: irina.shugaeva.74@mail.ru

Краткая аннотация. С развитием рыночных отношений все больше распространяются преступления экономической направленности, совершаемые с использованием финансово-хозяйственных механизмов, которые представляют собой серьезную угрозу экономической безопасности. На основании этого, возрастает значимость эффективного государственного надзора в сфере противодействия отмывания доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма (далее-ПОД/ФТ), который представляет собой проверку соблюдения поднадзорными субъектами антиотмывочного законодательства. С учетом специфики современных вызовов и регуляторных требований возникла необходимость модифицировать систему государственного финансового надзора (контроля) в сфере ПОД/ФТ. Актуальность темы обусловлена быстрой интеграцией лизинговых компаний в финансово-экономическую систему, которая формирует потенциальную угрозу использования различных мошеннических схем легализации преступных доходов через сложные цепочки сделок. В связи с этим, возникает необходимость совершенствования организации и развития надзорного контроля в сфере ПОД/ФТ за лизинговыми компаниями со стороны уполномоченных органов. Материалы и методы. В данном исследовании использовался метод системного и статистического анализа, общенаучные методы исследования, структурно-функциональный анализ. Объектом исследования выступают система надзорной деятельности в сфере ПОД/ФТ лизингового сектора. Предметом исследования совокупность приоритетных направлений государственного надзора (контроля) в сфере ПОД/ФТ с целью минимизации рисков в лизинговой деятельности. Целью данного исследования является раскрытие приоритетных направлений развития системы надзора (контроля) в сфере ПОД/ФТ за лизинговыми компаниями, направленную на повышение их результативности и проактивности. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу методов контроля в сфере ПОД/ФТ как системы взаимосвязанных процессов интеллектуализации и цифровизации, которые позволяют повысить качество надзора (контроля) за лизинговыми компаниями.

Abstract: With the development of market relations, economic crimes committed through financial and economic mechanisms are becoming increasingly common, posing a serious threat to economic security. This increases the importance of effective government oversight in the area of combating money laundering and terrorist financing (hereinafter referred to as AML/CFT), which involves verifying compliance by supervised entities with anti-money laundering legislation. Given the specific nature of modern challenges and regulatory requirements, it has become necessary to modify the system of government financial oversight (control) in the area of AML/CFT. The relevance of this topic is determined by the rapid integration of leasing companies into the financial and economic system, which creates the potential threat of various fraudulent money laundering schemes through complex transaction chains. Therefore, it is necessary to improve the organization and develop supervisory control over leasing companies in the area of AML/CFT by authorized bodies. Materials and Methods This study utilized systems and statistical analysis, general scientific research methods, and structural and functional analysis. The object of this study is the AML/CFT supervisory system in the leasing sector. The subject of this study is a set of priority areas of state AML/CFT supervision (control) aimed at minimizing risks in leasing activities. The purpose of this study is to identify priority areas for developing an AML/CFT supervision (control) system for leasing companies, aimed at improving their effectiveness and proactivity. The scientific novelty of this study lies in the development of a comprehensive approach to analyzing POD/FT control methods as a system of interconnected intellectualization and digitalization processes that improve the quality of supervision (control) of leasing companies.

Ключевые слова: лизинговые компании, риск-ориентированный подход, экономическая безопасность, лицензирование, государственный контроль (надзор), законопослушность, подконтрольные субъекты.

Key words: leasing companies, risk-oriented approach, economic security, licensing, state control (supervision), law-abidingness, controlled entities.

Для цитирования: Шугаева И.В. Приоритетные направления развития системы надзора (контроля) в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем в деятельности лизинговых компаний // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 93-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_93.

For citation: Shugaeva I.V. Priority areas for the development of the supervision (control) system in the field of countering the laundering of proceeds from crime in the activities of leasing companies // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 93-100. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_93.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2026

Введение. Постановка проблемы.

Стремительное развитие информационных технологий, расширение экономической интеграции, эффективное использование денежного потока в современных условиях повышают уязвимость финансового блока (системы) формируя и увеличивая риски вовлечения в преступные схемы (отмывание доходов) и финансирование терроризма¹. Объектом пристального внимания мировой общественности в настоящее время и по сей день является детальное изучение проникновения незаконных доходов в национальные финансовые системы.

Полномочия по государственному контролю (надзору) за соблюдением законодательства в области противодействия легализации

¹ Обзор результатов обобщения и анализа правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности федеральной службы по финансовому мониторингу за 2018 год [Электронный ресурс] : Росфинмониторинг. – Режим доступа : <http://www.fedsm.ru> (дата обращения 25.01.2026).

(отмыванию) доходов, полученным преступным путем и финансирования терроризма на региональном уровне проводится территориальным подразделением Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг)¹.

На особом контроле надзорного органа в центре внимания находятся субъекты, которые осуществляют деятельность в лизинговом секторе, операторы по приему платежей, факторинговые и риэлторские компании [Боброва, 2006]. На развитие лизингового рынка влияют множество различных сдерживающих факторов таких как, отсутствие регламентированных требований к системе риск-менеджмента, неполнота информации, которая отражается в отчетности по российским стандартам бухгалтерского учета, сомнительная достоверность данных, предоставляемых компаниями и т.д. [Кулажников, 2016]

По оценкам Минфина и Банка России² рост лизингового сектора указывает на формирования потенциального системного риска, который связан с кредитными потерями и риском ликвидности. Ключевым шагом для управления рисками послужит принятие профилактических мер с целью транспарентности лизинговой деятельности, которая способствует контролю рыночного сегмента и оперативного реагирования в случае угрозы банкротства крупных игроков на рынке [Лукашов, 2023].

С целью уменьшения экономических рисков Глобальный совет по финансовой стабильности, координирующий политику по обеспечению финансовой стабильности стран G20, предлагает усилить контроль над лизинговым сектором как части элемента «теневое» банковского сектора, который создает угрозу экономической безопасности³. В рамках совершенствования российской системы ПОД/ФТ особое внимание необходимо посвятить исследованию и сравнительному анализу современных методов надзорной деятельности, применяемых на практике различными странами [Старовойтов, 2019].

Лизинговая деятельность регулируется положениями ст. 665-670 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴, а также Федеральным законом от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)⁵». Основопологающим документом, который содержит требования к организации системы внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ/ПРОМУ в организациях финансового сектора является Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (далее — 115-ФЗ)⁶. В нем закреплены основные определения и требования.

Теоретические аспекты и методы решения

Основопологающим инструментом оценки эффективности системы ПОД/ФТ выступает надзорная деятельность уполномоченного органа. На основе применения комплексного подхода по надзору за деятельностью лизинговой компании помогает соединить обязательный финансовый мониторинг, а также установить контроль за сомнительными операциями их клиентов [Молчанова, 2022]. Главной целью надзорной деятельностью является оценка работы и соблюдение лизинговыми компаниями требований ПОД/ФТ и принятие корректирующих мер для минимизации сопутствующих рисков по отмыванию доходов и финансированию терроризма (далее- ОД/ФТ) в данном секторе [Курьянов, 2024]. Таким образом, результатом надзорной (контрольной) деятельности является увеличение уровня законопослушности подзаконных субъектов, соблюдающих требования ПОД/ФТ.

Координационная деятельность лизинговых компаний сопряжена с физическими и юридическими лицами, так как в предмете договора нет ограничений по предпринимательской деятельности, поэтому существуют большие риски и угрозы со стороны лиц причастных к совершению мошенничества.

Надзорная деятельность в сфере ПОД/ФТ является мерой контроля оценки качества по выявлению и пресечению ОД/ФТ с учетом всех ее рисков. Объектам надзорной деятельности выступают камеральные и выездные проверки и дополнительные мероприятия [Чувилкин, 2020].

В таблице 1 представлено количество организаций и индивидуальных предпринимателей, состоящих на учете в МРУ Росфинмониторинга по ДФО за период с 2019 по 2023 год.

Таблица 1

Количество поднадзорных субъектов, состоящих на учете в МРУ Росфинмониторинге по ДФО за 2019 – 2023 гг.

Сектор	Год					Изменение	
	2019	2020	2021	2022	2023	Отн. %	Абс.
Лизинговые компании	64	56	58	74	47	73,43	-17,00
Риэлторы	550	570	534	524	510	92,72	-40,00
Операторы по приему платежей	150	134	125	118	110	73,3	-40,00
Факторинговые организации	1	2	2	2	2	200,00	1,00
Всего на учете:	765	764	719	718	669	87,45	-96,00

Источник: составлено по материалам Межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу по Дальневосточному Федеральному округу. URL: <https://www.fedsfm.ru/dfo>

¹ Федеральная служба по финансовому мониторингу <https://fedsfm.ru/special/activity/supervisory-results/7834>

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» <https://sozd.duma.gov.ru/bill/586986-7>

³ АО «Эксперт РА» <https://raexpert.ru/researches/leasing/2024/>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

⁵ Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" от 29.10.1998 N 164-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/

⁶ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115 "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/

Сфера надзора Росфинмониторинга охватывает практически все действующие лизинговые компании. По состоянию на 2023 год на учете в Росфинмониторинге состоит подавляющее большинство лизинговых компаний. Доля организаций, не внесенных в реестр за 2023 год, сократилась и составила примерно 1,2% по сравнению с 2018 годом, когда данный показатель составлял около 3,6%, и это обусловлено формальным наличием лизинговой деятельности в уставах компаний, фактически ее не ведущих. За последние годы для физических лиц, розничный сегмент активно развивает новое направление - операционный лизинг (автолизинг) [Багуй, Шайхутдинова, 2023].

Как показывает мировая практика, более 1/3 всех новых автомобилей доступно для покупки физическим лицам и приходится на лизинговые сделки. Согласно оценке рейтингового агентства, «Эксперт РА» доля операционного лизинга в РФ относительно невелика и составляет около 5%, тогда как доля лизинга для физических лиц в общем портфеле компаний не превышает 1%¹.

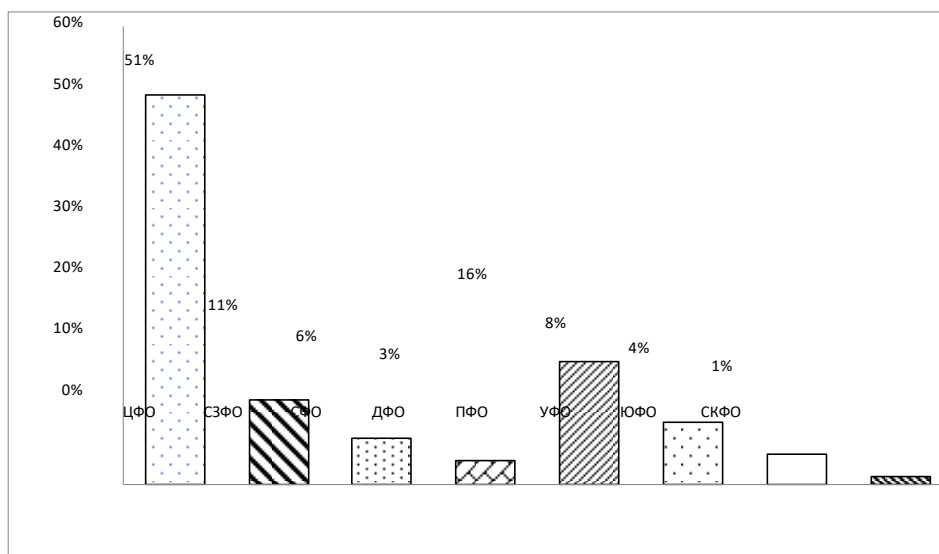

Рис 1. Распределение субъектов лизингового сектора по федеральным округам

Как видно из диаграммы лидирующую позицию в данном рейтинге занимают четыре федеральных округа. Центральный федеральный округ – 51%, Приволжский федеральный округ – 16%, Северо-Западный федеральный округ – 11%, Уральский федеральный округ – 8%². Такое расположение свидетельствует о консолидации данных секторов в центральной части России. Дальневосточный федеральный округ удерживается на седьмой позиции. Низкая доля организаций, зарегистрированных в ДФО, может свидетельствовать либо о непопулярности лизинга в этом регионе, либо о том, что население пользуется услугами филиалов компаний из других федеральных округов. Лизинговый сектор неоднороден по специфике операционной деятельности, по отраслевой направленности и объему сделок. Лизинговые компании по типу владения можно распределить на 5 групп (рис. 2)

Рисунок 2 - Сегменты лизингового сектора (по типу владения) за 2023 г.

¹ АО «Эксперт РА» <https://raexpert.ru/researches/leasing/2024/>

² Отчет о секторальной оценке рисков легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма с использованием сектора лизинговых компаний [Электронный ресурс] : Росфинмониторинг. – Режим доступа : <http://www.fedsfm.ru> (дата обращения 25.01.2026).

Проведя анализ сегментирования, видим, что наибольшую долю на рынке лизинга занимают независимые компании, не аффилированные с банковскими группами или государством. По своему размеру они в основном относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства, включая микропредприятия - 64,4%. Автолизинг, а также лизинг различного оборудования являются основными отраслями, где могут работать независимые компании. Принимая во внимание многочисленность, низкие барьеры входа, отсутствие строгих регламентов (стандартов) независимые компании предстают наиболее чувствительными с позиции рисков несоблюдения требований законодательства о ПОД/ФТ и втягивание в схемы ОД.

Компании с государственным участием занимают около 14% рынка, отрасли данного сегмента представлены авиационным транспортом, железнодорожной и сельскохозяйственной техникой. Высокие параметры корпоративного управления и надзор, осуществляемый при участии государственных органов, а также строгий финансовый контроль за целевым расходованием полученных бюджетных субсидий способствует низкой степени уязвимости данного сегмента к ОД/ФТ.

Привлечение финансирования со стороны материнских банков является отличительной чертой компании, входящих в состав банковской группы - 10,4%. Отличительные черты универсальности заключаются в структуре предмета лизинга, такие как недвижимость, строительная и железнодорожная техника, авиа и автотранспорт (грузовой, легковой). Высокая диверсификация кредитных обязательств и капитала характеризует «Кэптивные компании», которая составляет около 5,9% рынка и может предоставлять в лизинг разнообразные категории начиная с медицинского и промышленного оборудования, до различных видов транспорта. В РФ согласно ФЗ от 4 мая 2011г. № 00-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ данный вид деятельности не подлежит лицензированию. Это связано с тем, что надзор за данным видом деятельности осуществлялся Росфинмониторингом по рекомендациям ФАТФ.

Эффективность надзорной деятельности Росфинмониторинга по ДФО состоит в комплексном анализе основных направлений [Тилькова Д.Н., 2016]. Важным элементом надзорной деятельности является учет организаций. Принимаемые меры в отношении данных организаций позволяют усилить контроль недопущения вторжения на лизинговый рынок нечистоплотных компаний. Таким образом, лизинговый сектор характеризуется умеренной уязвимостью, но при этом имеет существенный потенциал для задействования в схемах ОД/ФТ. Классификация основных рисков формирует три направления, представленные в таблице 2.

Таблица 2
Ключевые риски лизингового сектора

Виды рисков	Описание рисков
Внутренние мошенничества	хищение активов или их умышленная утрата сотрудниками/владельцами лизинговой компании
Классическое отмывание	инвестирование преступных доходов через лизинговые операции
Мошенничество против клиентов	хищение средств лизингополучателей, в том числе с использованием сложных схем на основе возвратного лизинга

Источник: составлено автором на основе анализа источника [3]

Анализируя меры борьбы с экономическими преступлениями, автор статьи предлагает рассмотреть схему возвратного лизинга, как одно из направлений развития системы надзора в сфере ПОД/ФТ. Мы можем говорить о том, что данный вид относится к типу мошенничество, поскольку он отрицательно влияет на экономическую безопасность и воздействует на социально-экономическое развитие в целом. Задействованная схема возвратного лизинга применяется как скрытая форма микрокредитования населения и является незаконным, в связи с отсутствием у компании банковской лицензии. Нивелирование угроз возвратного лизинга можно рассмотреть с точки зрения законодательного регулирования. В таблице 3 представлено нормативное регулирование лизинговой деятельности.

Таблица 3
Основные положения лизинговых отношений в РФ

Действующее законодательство	Виды лизинга	Специальные формы для регистрации лизинга	Отчетность/нормативные документы
Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" от 29.10.1998 N 164-ФЗ ²	Оперативный лизинг	Никакой специальной формы нет. Лизинговая компания может быть как ИП, так и ООО	Лизинговые компании должны быть зарегистрированы в ФРН и Росфинмониторинге, а также выполнять все требования законодательства в сфере ПОД/ФТ
	Финансовый лизинг		
	Возвратный лизинг		

Источник: составлено автором по материалам Федерального закона от 29.10.1998 №164-ФЗ (ред. от 28.04.2023)

В рамках действующего положения одной из форм законодательных инициатив могло быть предложение по передачи надзорных пол-

¹ Федеральный закон "О лицензировании отдельных видов деятельности" от 04.05.2011 N 99-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/

² Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023) О финансовой аренде (лизинге) //Консультант плюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780/8764f1ea3b4838d75bea542a4b17522b6649f35d/

номочий за деятельностью лизинговых компаний под контроль ЦБ. Данный механизм контроля поспособствует в эффективной борьбе с незаконным кредитованием, так как является частью преступной схемы. Поскольку ЦБ контролирует учет ведения реестра всех участников микрофинансового рынка, то это позволяет обеспечить полноценный надзор за деятельностью компаний.

Для эффективного контроля за операциями возвратного лизинга целесообразно ввести специализированное лицензирование, так как данный вид деятельности приравнивается к формату микрокредитования.

Предлагается внедрить точечный подход, который позволит установить адресный надзор за наиболее рискованным сегментом рынка, что окажет прямое воздействие на правоприменительную практику в сфере противодействия незаконных операций.

Проведем прогноз влияния данного предложения по введению лицензирования возвратного лизинга на уровень экономической преступности по ст. 172 УК РФ, которая связана с незаконным кредитованием и предоставлением займа. Для прогнозирования рассмотрим трендовые модели по экономическим преступлениям, которые отражены в таблице 4.

Таблица 4
Уравнение трендовых моделей

Модель	Формула	Коэффициент детерминации
Линейная	$y = 109,5x + 542$	$R^2 = 0,9999$
Степенная	$y = 647,4x^{0,259}$	$R^2 = 0,9865$
Экспоненциальная	$y = 565,7e^{0,1448x}$	$R^2 = 0,9989$
Логарифмическая	$y = 194,65\ln(x) + 644,74$	$R^2 = 0,9753$
Полиномиальная	$y = 1,5x^2 + 103,5x + 547$	$R^2 = 1$

Источник: составлено автором на основе анализа источника [7]

С точки зрения прогнозирования, полиномиальная модель является наилучшей, поскольку коэффициент детерминации равен 1, поэтому сделаем прогноз развития в случае непринятия мер по лицензированию возвратного лизинга (рис. 3). Для анализа прогнозирования воспользуемся статистической информацией по экономическим преступлениям, совершенным по ст. 172 УК РФ, предоставляемым Росфинмониторингом по ДФО. По анализу данных без введения лицензирования прослеживается тенденция роста экономических преступлений к 2026 г. на 87,4% по сравнению с 2021 г.

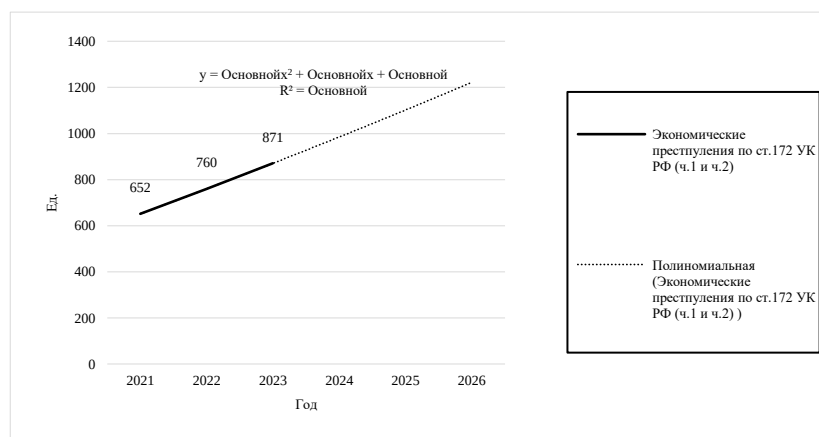

Рисунок 3. Полиномиальная модель прогнозирования экономических преступлений по ст. 172 УК РФ на 2021-2026 гг.

При введении лицензирования рассмотрим два сценария развития (абсолютный и относительный) при которых лизинговые компании оформляют полное 100% лицензирование и включаются в реестр ЦБ, чтобы вести свою деятельность законно в рамках правового поля. Экономический эффект достигается за счет снижения нарушений по ст.172 УК РФ в сегменте возвратного лизинга, что говорит и минимизации теневых схем, рост налогов и сохранение объема операций на рынке. Если придерживаться относительного сценария развития, то здесь предполагается 50% лицензирования компаний, остальные либо прекратят работу, либо выберут теневой формат (квазифинансовых схем). Эффективность такого сценария характеризуется тем, что рынок будет контролироваться частично, что позволит вывить добросовестных игроков, но при этом останется проблемный сегмент, за деятельностью которого необходимо следить и применять эффективно ст.172 УК РФ. Для точного прогноза составим новые уравнения трендовых моделей для двух сценариев после введения лицензирования (таб.5)

Таблица 5
Уравнение трендовых моделей после введения лицензирования возвратного лизинга

Модель	Формула	Коэффициент детерминации
Ситуация 1		
Линейная	$y = 78,852x + 593,08$	$R^2 = 0,9085$
Степенная	$y = 653,92x^{0,2292}$	$R^2 = 0,9688$
Экспоненциальная	$y = 606,66e^{0,1029x}$	$R^2 = 0,8995$
Логарифмическая	$y = 174,6\ln(x) + 651,49$	$R^2 = 0,9658$
Полиномиальная	$y = -25,29x^2 + 205,3x + 466,63$	$R^2 = 0,9832$
Ситуация 2		
Линейная	$y = 94,926x + 566,29$	$R^2 = 0,9845$
Степенная	$y = 646,85x^{0,2616}$	$R^2 = 0,9845$
Экспоненциальная	$y = 588,95e^{0,1206x}$	$R^2 = 0,9733$
Логарифмическая	$y = 203,84\ln(x) + 641,65$	$R^2 = 0,9844$
Полиномиальная	$y = -11,895x^2 + 154,4x + 506,82$	$R^2 = 0,9969$

Источник: рассчитано автором

В данной таблице показано, что в обоих случаях полиномиальная модель является наиболее удачной в прогнозировании ситуации, поэтому используя показатели спрогнозируем значения на 2025-2026 год, представленные на рис 4.

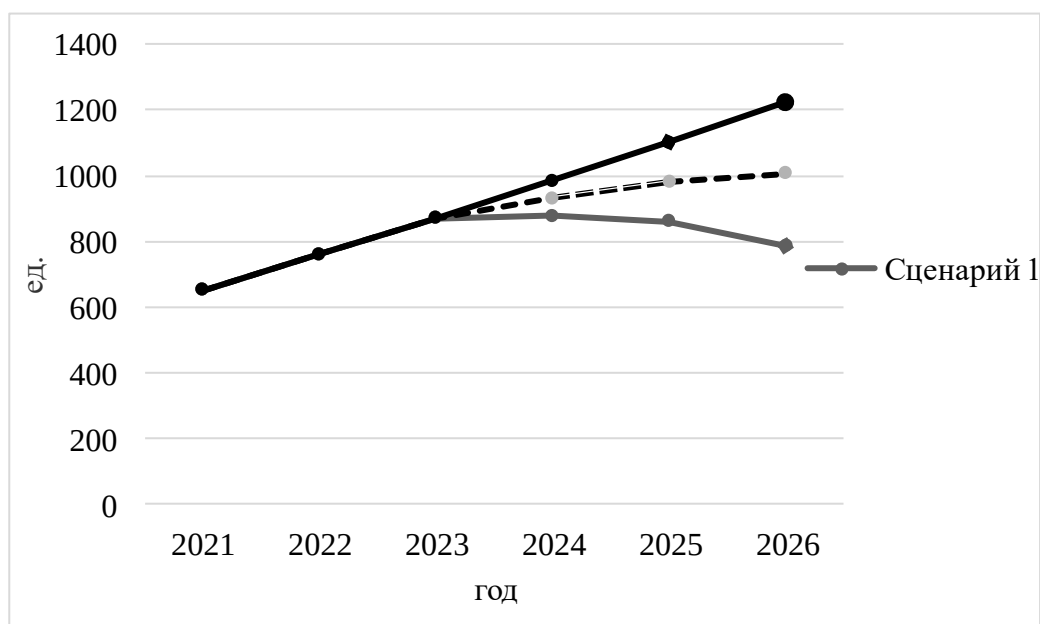

Рисунок 4. Прогнозные значения экономической преступности по ст. 172 УК РФ до и после введения лицензирования возвратного лизинга на 2025-2026 год

Применение ситуативных сценариев в обоих случаях показывает, что введение лицензирования возвратного лизинга несет положительный эффект и является оперативным мероприятием по снижению уровня экономической преступности, предусмотренной ст. 172 УК РФ. При любом развитии сценариев (№1 или №2), прогнозируется снижение общего количества правонарушений данного сектора. Данные механизмы государственного контроля будут способствовать полному обеспечению экономической безопасности РФ путем полного прерывания теневого обороту капитала.

Также лизинговые компании могут применять подход «знай своего клиента» с целью предотвращения угроз мошенничества в сфере ПОД/ФТ¹. Автоматизированная система дистанционного мониторинга является дополнительным инструментом контроля, целью которой является ранжирования компаний на основе критериев по специализированным показателям.

На портале Росфинмониторинга для взаимодействия с компаниями в качестве основного интерфейса применяют личные кабинеты (рис.5)

¹ Отчет о проведении НОР ОД 2023 года Федеральной службы по финансовому мониторингу [Электронный ресурс] Росфинмониторинг. – Режим доступа : (<http://www.fedsm.ru/preparation-fatf-fourth-round/national-risk-assessment>).

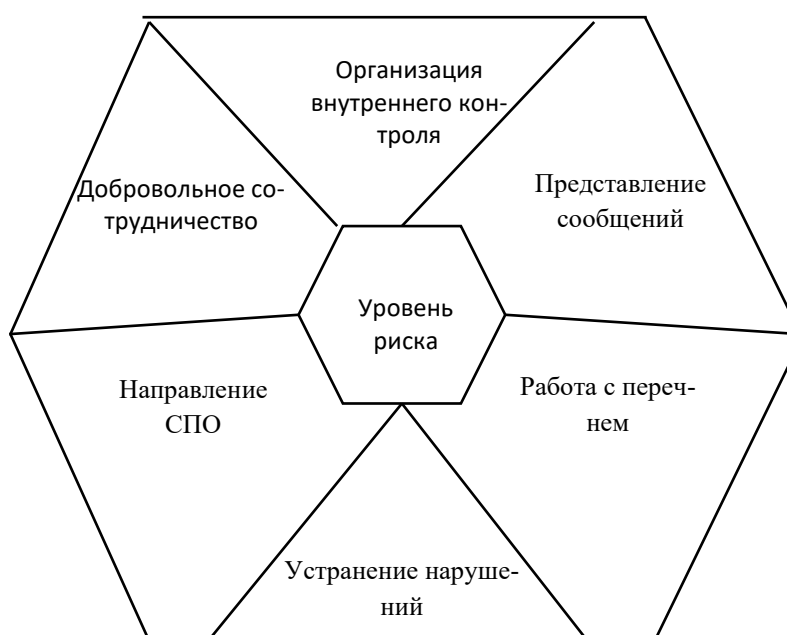

Рис. 5 - Стартовая страница Личного кабинета Росфинмониторинга

Дистанционный мониторинг позволяет контролировать исполнения надзорными субъектами соблюдения обязательных требований закона. Использование Росфинмониторингом «Личный кабинет» позволяет анализировать не только информационные риски, но и применяет с целью реализации профилактических и корректирующих мероприятий., так как данный формат является элементом цифровизации [Курьянов, 2023] в надзорной деятельности. Внедрение и расширение новых технических возможностей формирует удобство данного интерфейса. Дистанционная форма обучения является как одно из приоритетных направлений в данной сфере.

Заключение

Направления развития системы надзора в сфере ПОД/ФТ в лизинговом секторе рассматривается с помощью комплексного подхода. Создание единого методологического и информационного пространства позволит конструктивно взаимодействовать надзорным органам для обеспечения согласованного риска-ориентированного ранжирования, а также повысить уровень контрольных мероприятий.

Введение лицензирования возвратного лизинга, внедрение цифровых инструментов дистанционного мониторинга, применение интерфейса, образуют взаимосвязанную систему контроля, повышая уровень законопослушности в данном секторе и тем самым способствует переходу к превентивному управлению рисками. Разработанный единый комплекс показателей позволит контролировать надзор в сфере ПОД/ФТ, полностью координировать и усиливать надзорную деятельность.

Список литературы:

1. Кулажников В.В. Актуальные особенности участия правоохранительных органов в Российской системе государственного финансового контроля / В. В. Кулажников // Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования». - 2016. - Т. 1, вып. 3. - С. 225 - 232.
3. Лукашов А. И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 20–38. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-20-38.
4. Курьянов А.М. Надзорная деятельность в сфере ПОД/ФТ: учеб.пособие / А.М. Курьянов; Международный учебно- методический центр финансового мониторинга. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. -319
5. Чувилкин Н.А. К вопросу о понятии экономической безопасности с учетом требований ПОД/ФТ / Н.А. Чувилкин // Systems and Management. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 80–97. — EDN RUDUKY
6. Багуй М.А. Росфинмониторинг в национальной системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма / М.А. Багуй, А.Р. Шайхутдинова // Сборник статей (дата обращения 11.01.2025)
7. Молчанова Т.В. Преступление в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: монография /Т.В. Молчанова; под ред. Н.Д. Эриашвили.-М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2022. -191с.
8. Курьянов А.М. Цифровизация надзорной деятельности в сфере под/ФТ / А.М. Курьянов — DOI 10.52210/2224669X_2023_4_37. // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2023. — № 4. — С. 37–49. — EDN FUOXLX.
9. Старовойтов В.Г. Система управления рисками и мониторинг экономической безопасности Российской Федерации: федеральный уровень, первый опыт / В.Г. Старовойтов, Н.В. Старовойтов // Развитие и безопасность. — 2019 [Электронный ресурс] — Режим доступа <https://ds.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/nomera/2019/04/026.pdf> (дата обращения 15.01.2026)
10. Тилькова Д.Н. Финансовый мониторинг, как вид государственного финансового контроля / Д.Н. Тилькова // Молодой ученый 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/132/37024/>(дата обращения 10.01.2026)
11. Боброва А. А. Создание системы финансового мониторинга / А.А. Боброва // Проблемы теории и практики управления. - 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lib.unidubna.ru/biblweb/search/bibl.asp?doc_id=97712&full=yes (дата обращения 10.01.2026)

References:

1. Kulazhnikov V.V. Current Features of the Participation of Law Enforcement Agencies in the Russian System of State Financial Control / V.V. Kulazhnikov // International Scientific Publication "Modern Fundamental and Applied Research". - 2016. - Vol. 1, issue 3. - Pp. 225-232.
3. Lukashov A.I. State Financial Control: Modern Challenges and Areas of Improvement // Issues of Public and Municipal Administration. 2023. No. 1. Pp. 20–38. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-20-38.
4. Kuryanov A.M. Supervisory Activities in the Sphere of AML/CFT: Textbook / A.M. Kuryanov; International Training and Methodological Center for Financial Monitoring. - M.: UNITY-DANA, 2024.-319
5. Chuvilkin N.A. On the Concept of Economic Security Taking into Account AML/CFT Requirements / N.A. Chuvilkin // Systems and Management. - 2020. - Vol. 2, No. 1. - Pp. 80-97. - EDN RUDUKY
6. Baguy M.A. Rosfinmonitoring in the National System of Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism / M.A. Baguy, A.R. Shaikhutdinova // Collection of Articles (date of access 11.01.2025)
7. Molchanova T.V. Crime in the Sphere of Economic Activity. Statistical Assessment and Forecasting Possibilities: Monograph / T.V. Molchanova; edited by N.D. Er-iashvili.-M.: UNITY-DANA. 2022. -191 p.
8. Kuryanov A.M. Digitalization of supervisory activities in the field of countering terrorism / A.M. Kuryanov — DOI 10.52210/2224669X_2023_4_37. // Bulletin of the Moscow Finance and Law University MFUA. — 2023. — No. 4. — P. 37–49. — EDN FUOXLX.
9. Starovoytov V.G. Risk management system and monitoring of economic security of the Russian Federation: federal level, first experience / V.G. Starovoytov, N.V. Starovoytov // Development and security. – 2019 [Electronic resource] – Access mode <https://ds.ntnu.ru/frontend/web/ngtu/files/nomera/2019/04/026.pdf> (date of access 01/15/2026)
10. Tilkova, D.N. Financial Monitoring as a Type of State Financial Control / D.N. Tilkova // Young Scientist, 2016 [Electronic resource]. Access mode: <https://moluch.ru/archive/132/37024> (accessed on January 10, 2026)
11. Bobrova, A.A. Creating a Financial Monitoring System / A.A. Bobrova // Problems of Management Theory and Practice. - 2006. [Electronic resource]. Access mode: https://lib.unidubna.ru/biblweb/search/bibl.asp?doc_id=97712&full=yes (accessed on January 10, 2026)

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ DEVELOPMENT OF THE NORMATIVE DETERMINATION OF THE CONCEPT OF "CORRUPTION" IN RUSSIAN LEGISLATION

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center

Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation,

Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

Краткая аннотация. Материалы статьи посвящаются исследованию исторических аспектов правовой и научной трактовки понятия «коррупция», по итогам которого обосновывается вывод о том, что коррупцию необходимо рассматривать не только как некую количественную совокупность деяний, которые в действующем законодательстве определяются в качестве преступлений коррупционной направленности, следует принимать во внимание существующие сложные причинно-следственные связи, которые порождают коррупцию как социальное явление.

Abstract. The article is devoted to the study of the historical aspects of the legal and scientific interpretation of the concept of «corruption». The article concludes that corruption should be viewed not only as a quantitative aggregate of acts that are defined as corruption-related crimes in current legislation, but also as a complex set of causes and effects that give rise to corruption as a social phenomenon.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, коррупционные правонарушения, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, нормативная регламентация.

Keywords: corruption, anti-corruption, corruption-related offenses, anti-corruption policy, regulatory framework.

Для цитирования: Назарова И.С. Развитие нормативной детерминации понятия «коррупция» в российском законодательстве // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_101.

For citation: Nazarova I.S. The development of the normative definition of the concept of "corruption" in Russian legislation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_101.

Статья поступила в редакцию: 09.03.2026

Коррупция является одной из опаснейших системных угроз, стоящих перед любым современным государством. Системность данной угрозы заключается в том, что коррупция поражает все без исключения сферы общественной жизни, приводит к разочарованию граждан в государственном аппарате, росту правового нигилизма и, как следствие, дестабилизации общества в целом¹.

Борьба с коррупцией – одно из важнейших направлений внутренней государственной политики, оформившееся еще в Древнерусском государстве. Зачастую историческая связь коррупции с развитием нашей страны даже объясняется особенностями русского менталитет², образом жизни русского народа [4, с. 4].

В России граница между взяткой и оплатой труда всегда была довольно размытой. Так, до появления первых норм, криминализировавших взяточничество, в нашем государстве существовала система «кормлений», то есть подношений чиновникам от тех, чьими проблемами они занимались. При этом существовало три разновидности материального вознаграждения должностных лиц: почести (предварительные подарки должностному лицу за «решение вопроса»), поминки (благодарность «по итогам») и посулы (плата за «решение вопроса» путем нарушения закона). Если почести и поминки были законодательно разрешены, то за посулы предусматривалось телесное наказание [8, с. 86-87].

Наиболее древним историческим памятником антикоррупционного законодательства, знающим «посул», является Двинская уставная грамота 1397(1398) гг. При этом понятие «посул» в значении взятки впервые было закреплено в Псковской Судной Грамоте 1397 г. [10, с. 195-196]. Окончательная криминализация взяточничества началась в XV веке и связана с принятием Судебника 1497 года [4, с. 17].

Впоследствии неоднократно предпринимались и попытки систематизировать меры по противодействию коррупции [2, с. 144]. Так, первую систематизацию антикоррупционных норм связывают с формулированием в Своде Законов Российской Империи родового состава лихоимства, включавшего незаконные поборы, вымогательство, взятку. Блок коррупционных преступлений и служебных проступков «О мздоимстве и лихоимстве» был также включен в пятый раздел Уложения 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных» [5, с. 12-13]. Таким образом, в первой половине XIX века в Российской империи была сформирована систематизированная законодательная база, служившая сравнительно устойчивым правовым фундаментом для полноценной реализации антикоррупционной государственной политики.

¹ Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // *Военное право*. – 2022. – № 5(75). – С. 174-185. – EDN HAXZAM.

² Хачикян П.П. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации: монография / Хачикян П. П. - Москва: Перо, 2017. - 320 с. С. 52.

Совершенствование законодательной базы привело к решению многих спорных вопросов в Уголовном Уложении 1903 года, закрепившем легальное определение взятки. Однако революция 1917 года свела к нулю все достижения в этой сфере [4, с. 19].

На современном этапе связывать формирование полноценного направления внутренней государственной политики по противодействию коррупции как общественно опасному мультiaспектному явлению можно лишь с ратификацией Россией ряда международно-правовых актов и началом формирования национальной системы антикоррупционного законодательства¹.

С момента распада СССР и до 2007 года в нашей стране было принято девять антикоррупционных правовых актов федерального уровня [3, с. 37]. Тем не менее, стоит согласиться с тем, что именно Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» впервые закрепил официальное определение коррупции, основные принципы противодействия коррупции и меры ее профилактики, комплекс запретов и ограничений, налагаемых на государственных служащих в связи с замещением должностей всех видов государственной службы, заложив тем самым надежный фундамент для дальнейшего формирования антикоррупционного законодательства [1, с. 13].

Принятие рамочного закона о противодействии коррупции послужило мощным толчком для развития национального антикоррупционного законодательства. С 2008 года по настоящее время принято более 100 нормативных актов, львиную долю которых составляют законы, а другую – подзаконные нормативно-правовые акты, формирующие правовой механизм противодействия коррупции².

Первые теоретические исследования природы взяточничества, правовых и иных мероприятий борьбы с этим явлением появились в XIX веке. Наличие дискуссий в научной среде по данному аспекту, по справедливому замечанию С.Б. Бычковой, свидетельствует о выходе теории уголовной науки о должностных преступлениях на новый уровень своего развития, а также о наличии массы пробелов и недоработок как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях [1, с. 14].

Как уже отмечалось, системообразующим нормативным документом федерального уровня, закрепляющим основы нормативно-правового регулирования антикоррупционной деятельности в нашей стране, является Федеральный закон «О противодействии коррупции»³. Частично положения этого документа были имплементированы в тексты специальных законов, регулирующих различные сферы социальной жизни: государственную службу, здравоохранение, образование и другие. В свою очередь, специальные законы нередко содержат оговорку о непосредственном действии положений названного Федерального закона в регулируемой сфере⁴.

Так, в соответствии со статьей 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о противодействии коррупции и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁵, за исключением ограничений, запретов и обязанностей⁶, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации.

Отмечая в качестве негативных качеств чрезвычайную «многоуровневость» и разрозненность антикоррупционных норм, большинство современных исследователей сходятся во мнении о назревшей необходимости систематизации законодательства о противодействии коррупции.

Следует признать, что, определяя специфику антикоррупционной деятельности в федеральных органах исполнительной власти, ведомственные нормативно-правовые акты, в том числе акты Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, зачастую дублируют положения норм федерального законодательства, создавая и без того сложный механизм реализации антикоррупционных мер [5, с. 47]. В этом плане наиболее целесообразным выглядит анализ положений именно федерального законодательства с целью его унификации, обеспечения единства принципов правового регулирования антикоррупционной деятельности, устранения смысловых и терминологических неточностей, призванных способствовать решению стратегической задачи по систематизации законодательства о противодействии коррупции [2, с. 143].

Обозначая векторы для дальнейшего нормативного правового регулирования антикоррупционной деятельности в нашей стране, Федеральный закон «О противодействии коррупции» дефинирует ключевое понятие «коррупция». Предваряя анализ наиболее важного для целей настоящего исследования легального понятия, отметим, что законодатель, давая определение коррупции, использует формально-логический прием формулирования определения явления через исчерпывающее перечисление его существенных признаков. Анализ результатов большого числа современных исследований в области противодействия коррупции позволяет констатировать тот факт, что использование подобного юридико-технического приема в данном случае нельзя считать удачным. Коррупция представляет собой мультiaспектное социальное явление, которое, по справедливому замечанию Е.Г. Капустиной, может проявляться во всех сферах общественной жизни. Опосредованная

¹ Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2020. - № 1(270). - С. 32-40. - EDN LYDNCR; Денонсация международных договоров, заключенных между Российской Федерацией и Советом Европы / И. С. Назарова, Е. А. Севастьянова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Закон и право. - 2023. - № 7. - С. 81-84. - DOI 10.56539/20733313_2023_7_81. - EDN YKHVVO.

² Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 424 с. - ISBN 978-5-91837-939-4. - EDN MVBVJC.

³ Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 2(51). - С. 27-33. - EDN HWFNAZ.

⁴ Арутюнян Т.И., Назарова И.С. Некоторые вопросы легальной детерминации понятия «коррупция» // Евразийский юридический журнал. -2020. -№ 5 (144). -С. 144.

⁵ Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. - 2021. - № 3(67). - С. 140-146. - EDN ZXHGZQ.

⁶ Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2021. - № 9(290). - С. 2-11. - EDN UYRRRN.

динамичным развитием общественных отношений, коррупция находится в постоянном поиске новых форм своего проявления и существования [6, с. 159]. Стало быть, коррупция способна демонстрировать новые признаки и проявляться в новых формах, что делает ее легальное определение, содержащее, на первый взгляд, исчерпывающий набор ее признаков, неполным.

Переходя к непосредственному анализу предлагаемого законодателем определения, обратимся к легальной дефиниции коррупции, под которой статья 1 Федерального закон «О противодействии коррупции» закрепляет:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Исследование и обобщение имеющихся научных точек зрения на нынешнее легальное определение коррупции позволяют нам выделить ряд существенных неточностей в формулировке дефиниции коррупции российским законодателем.

Во-первых, очевидно, что российский законодатель дает определение коррупции через перечисление составов преступлений, закрепленных статьями 285 и 286 (злоупотребление служебным положением), 291 (получение взятки) и 290 (дача взятки), 201 (злоупотребление полномочиями), 204 (коммерческий подкуп) Уголовного кодекса Российской Федерации. Подобная трактовка коррупции как перечня наиболее общественно опасных деяний не может признаваться исчерпывающей, а сам термин «коррупция» не является уголовно-правовым понятием. Даже такой казуистический подход к формулированию легального определения коррупции не учитывает составов таких коррупционных преступлений, как превышение должностных полномочий, нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Коррупцию необходимо исследовать не только как некую количественную совокупность деяний, которые в действующем законодательстве определяются в качестве преступлений коррупционной направленности. Необходимо также принимать во внимание существующие сложные причинно-следственные связи, которые порождают коррупцию как социальное явление [2, с. 143].

Правовое регулирование борьбы с коррупцией в СССР включало принятие ряда законодательных актов, направленных на криминализацию коррупционных деяний.

Декрет о взяточничестве 1918 года определял взяточничество как преступление, связанное с получением или предложением взятки для получения незаконных преимуществ, устанавливал уголовную ответственность для лиц, совершавших взяточничество, и предусматривал наказания, включая лишение свободы и штрафы.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года содержал нормы, касающиеся преступлений, включая взяточничество, и определял уголовную ответственность и наказания за их совершение.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» в качестве наказания за подобные действия устанавливал лишение свободы на срок до 10 лет с конфискацией имущества.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 года «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» определял, что для государственных служащих за данные правонарушения было установлено возмещение имущественного ущерба.

Постановление Верховного Совета СССР от 2 июля 1991 года №2282-1 «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик» отменил смертную казнь за получение взятки даже при отягчающих обстоятельствах.

Кроме того, система противодействия коррупции включала контроль и надзор со стороны специальных органов, таких как Государственная прокуратура и Комитет государственной безопасности, кадровую политику, направленную на предотвращение возможности коррупции, и антикоррупционную пропаганду [9, с. 203-204].

Таким образом, термин «коррупция» не употреблялся в российском законодательстве и не был введен в научный оборот вплоть до начала XX века, однако и до этого периода существовали корыстные злоупотребления должностных лиц, трактуемые современным правом как коррупция.

Список литературы:

1. Арутюнян Т.И. Некоторые особенности организации работы по противодействию коррупции в войсках национальной гвардии России // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. - 2019. - № 8 (265). - С. 12-16.
2. Арутюнян Т.И., Назарова И.С. Некоторые вопросы легальной детерминации понятия «коррупция» // Евразийский юридический журнал. -2020. -№ 5 (144). - С. 143-145.
3. Богданов А.В., Хазов Е.Н., Мохова Т.С. Причины и условия, способствующие появлению коррупции в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник Московского университета МВД России. - 2018. -№ 5. -С. 35-41.
4. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX вв.): дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015.-230 с.
5. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: научно-практическое пособие / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.М. Цирин. – М.: Инфотропик Медиа, 2020. -242 с.
6. Капустина Е.Г. Профилактика нарушений законности и противодействие коррупции в органах государственной власти // Закон и право. - 2018. - № 11. -С. 157-162.
7. Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа - <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 01.11.2025).
8. Филипповская К.О., Вольфсон Э.Н. Коррупция: ее природа, меры профилактики // *Juvenis scientia*. - 2015. -№ 1. -С. 86-87.
9. Хачикян П.П. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации: монография / Хачикян П. П. - Москва: Перо, 2017. - 320 с.
10. Шишкарёв С.Н. Основные этапы развития российского законодательства в сфере противодействия коррупции // Вестник Московского университета МВД России. -2009. -№ 6. -С. 193-198.

11. Назарова, И. С. Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Военное право. – 2022. – № 5(75). – С. 174-185. – EDN HAXZAM.
12. Шеншин, В. М. Коррупция как угроза национальной безопасности / В. М. Шеншин, У. Н. Гордиенко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 27-33. – EDN HWFNAZ.
13. Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 32-40. – EDN LYDNCR.
14. Шеншин, В. М. Виды государственной службы в войсках национальной гвардии / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
15. Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 9(290). – С. 2-11. – EDN UYRRRN.
16. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
17. Денонсация международных договоров, заключенных между Российской Федерацией и Советом Европы / И. С. Назарова, Е. А. Севастьянова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 7. – С. 81-84. – DOI 10.56539/20733313_2023_7_81. – EDN YKHYVO.
18. Назарова, И. С. Конституционные основы укрепления Российской государственности / И. С. Назарова. – Белгород : ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ "ЭПИЦЕНТР", 2026. – 208 с. – ISBN 978-5-605-57023-3. – EDN KDXNEC.

References:

1. Harutyunyan T.I. Some features of the organization of work on combating corruption in the troops of the National Guard of Russia // Law in the Armed Forces – Military-legal review. - 2019. -№ 8 (265). - Pp. 12-16.
2. Harutyunyan T.I., Nazarova I.S. Some issues of the legal definition of the concept of "corruption" // Eurasian Law Journal. -2020. -№ 5 (144). - Pp. 143-145.
3. Bogdanov A.V., Khazov E.N., Mokhova T.S. Causes and conditions contributing to the emergence of corruption in the activities of public authorities and local self-government // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. -No. 5. -pp. 35-41.
4. Bychkova S.B. State-legal measures to combat bribery in Russia (XV – early XX centuries): diss. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2015.-230 p.
5. Legislation in the field of anti-corruption: conceptual foundations and place in the system of Russian legislation: a scientific and practical guide / D.A. Pashentsev, M.V. Zoloto, A.M. Tsirin. – M.: Infotropik Media, 2020. -242 p.
6. Kapustina E.G. Prevention of violations of the rule of law and combating corruption in public authorities // Law and Pravo. - 2018. - No. 11. -pp. 157-162.
7. Dmitriev's explanatory dictionary [Electronic resource] // Academician. Dictionaries and encyclopedias in Russian. Access mode - <https://dic.academic.ru> (date of request: 11/01/2025).
8. Filippovskaya K.O., Wolfson E.N. Corruption: its nature, preventive measures // Juvenis scientia. - 2015. -No. 1. -pp. 86-87.
9. Khachikyan P.P. Countering corruption in the Armed Forces of the Russian Federation: a monograph / Khachikyan P. P. - Moscow: Pero, 2017. - 320 C.
10. Shishkarev S.N. The main stages of the development of Russian legislation in the field of anti-corruption // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. -2009. -No. 6. -pp. 193-198.
11. Nazarova, I. S. The organizational basis for the prevention of corruption offenses in the troops of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Military law. – 2022. – № 5(75). – Pp. 174-185. – EDN HAXZAM.
12. Shenshin, V. M. Corruption as a threat to national security / V. M. Shenshin, U. N. Gordienko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 27-33. – EDN HWFNAZ.
13. Harutyunyan, T. I. The official websites of the FSB of Russia and Rosgvardiya as a tool of public anti-corruption control (comparative legal analysis) / T. I. Harutyunyan, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 1(270). – Pp. 32-40. – EDN LYDNCR.
14. Shenshin, V. M. Types of public service in the National Guard troops / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Military law. – 2021. – № 3(67). – Pp. 140-146. – EDN ZXHGZQ.
15. Faiskhanov, R. R. Prohibitions, restrictions and duties imposed on military personnel, employees of the National Guard troops of the Russian Federation in connection with military service and service in the National Guard troops / R. R. Faiskhanov, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2021. – № 9(290). – Pp. 2-11. – EDN UYRRRN.
16. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
17. Denunciation of international treaties concluded between the Russian Federation and the Council of Europe / I. S. Nazarova, E. A. Sevastyanova, K. V. Shevchenko, V. M. Shenshin // Law and Law. – 2023. – No. 7. – pp. 81-84. – DOI 10.56539/20733313_2023_7_81. – EDN YKHYVO.
18. Nazarova, I. S. The constitutional foundations of strengthening Russian statehood / I. S. Nazarova. – Belgorod : EPICENTER LIMITED LIABILITY COMPANY, 2026. 208 p. ISBN 978-5-605-57023-3. EDN KDXNEC.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ ИУДЕЙСКОГО ПРАВА BASIC PRINCIPLES AND NORMS OF JEWISH LAW

СТЕПАНОВА Айгуль Ахметзямилевна

заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

E-mail: Eigul80@mail.ru

STEPANOVA Aigul Akhmetzyamilevna

Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.

E-mail: Eigul80@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу иудейского (еврейского) права – уникальной правовой системы, неразрывно связанной с религией и национальной идентичностью еврейского народа. В статье раскрываются ключевые особенности, основополагающие принципы и нормативные установки этой системы, сформировавшейся на протяжении тысячелетий.

Abstract: The article is devoted to the analysis of Jewish law, a unique legal system inextricably linked to the religion and national identity of the Jewish people. The article reveals the key features, fundamental principles and regulatory guidelines of this system, which has been formed over the millennia.

Ключевые слова: иудейское право, нации, брачно-семейное право, правосудие, правовая система, принципное право, иудаизм.

Keywords: Jewish law, nations, marriage and family law, justice, legal system, principle law, Judaism.

Для цитирования: Степанова А.А. Основные принципы и нормы иудейского права // далее выходные данные присваивает редакция // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 105-106. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_105.

For citation: Stepanova A.A. Basic principles and norms of Jewish law // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 105-106. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_105.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2026

Иудейское право многофункционально и действует не только в стратегическом режиме, направленном на обеспечение единства иудеев, но и в повседневном режиме. По М. Элону, «еврейское право регулирует жизнь каждого еврея с того момента, как он просыпается утром, в течение всего дня и всей жизни. Им руководствуются на работе и во время отдыха, в будни и праздники, при радостных событиях и во время скорби. Еврейское законодательство формировало всю жизнь нации, регулировало взаимоотношения внутри общин и отношения евреев с другими народами»[1].

В структурном отношении иудейское право самобытно в том плане, что оно организовано так, что сильно отличается от структуры правовых систем (систем права), относящихся как к романо-германской, так и англосаксонской правовым семьям. Отличается оно и от структуры мусульманского права, а также от других достаточно крупных правовых систем.

Однако ни в одно историческое время иудейское право не развивалось в абсолютной изоляции. Так, иудеи в разное время находились под властью ассирийцев, вавилонян, персов, эллинов, римлян, византийцев, арабов, крестоносцев, мамлюков, турок-османов и британцев. В силу этого иудейское право в той или иной степени испытывало воздействие права этих народов и их государств. В этой связи в структуре иудейского права можно обнаружить компоненты, характерные не только для строения собственно иудейского права, но и структурно-функциональные элементы, свойственные другим правовым системам.

Достаточно уверенно можно говорить о развитии в структуре иудейского права следующих структурно-функциональных компонентов: права собственности, обязательственного права, наследственного права, договорного права, торгового права, административного (штрафного) права, налогового права, уголовного права и др.

В составе иудейского права особенно сильно развито брачно-семейное право. Также здесь получило развитие судебное право. Прежде всего, идея суда, правосудия, права и справедливости пронизывает всю Тору, являясь частью иудейской веры. Иудеи убеждены в том, что свет стоит на трех основаниях: правосудии, справедливости и мире.

Как ни странно, развитию собственного суда иудеев и еврейской судебной автономии способствовало то, что иудеи, оказавшись рассеянными по свету, жили общинами, которые представляли собой «государство в государстве». Дело в том, что иудеям, проживающим в тех или иных государствах, запрещалось обращаться за разрешением споров в суды иноверцев. Сложности возникали еще и в связи с тем, что во многих странах господствовал правовой плюрализм и, соответственно, множественность юрисдикций. В этих условиях иудеям не оставалось ничего другого, кроме как развивать свою судебную систему, иначе иудейская община не смогла бы сохраниться и развиваться как социальная единица, имеющая свою экономическую и правовую основу. Развитию собственного суда иудеев способствовало и то, что до рассеивания, тогда, когда у них были свои суверенные государственные образования, иудеи обладали достаточно богатым практическим опытом организации судостроительства и осуществления судопроизводства.

Иудейское право можно обозначить как принципное право в том смысле, что в основе его лежат идеи и положения, которые, сочетая в себе религиозно-духовные, этические и юридические начала, пронизывают всю систему этого права, предопределяя его сущность, содержание, характер и формы. Несмотря на то, что эти идеи и положения, обозначаемые как принципы, ни в одном источнике не сведены в одно, то есть нигде в систематизированном виде не представлены, они все же распознаваемы. Вместе с тем эти принципы противоречивы и ограничены в том смысле, что они распространяются только на иудеев, обособляя еврейскую общину и отдаляя ее от других. Приведем наиболее характерные принципы иудейского права.

Прежде всего, в качестве принципа иудейского права можно представить то, что иудейское право тесно связано с культурной состав-

ляющей еврейской общины, а в целом – с религиозным началом – иудаизмом. В отличие от христианства или ислама, иудаизм направлен не столько на созерцание, сколько на действие. В этой связи в иудейском праве собственно правовое (юридическое) начало представлено выразительнее, чем религиозное начало. Причем на всех этапах развития иудейского права эти два начала (религиозное и правовое) временами оказываются рассогласованными, что затрудняет выбор правильного варианта поведения заинтересованным лицом.

Иудейское право придерживается принципа единого Бога Яхве. Оно требует от иудеев верности ему, следования «истинной вере» – иудаизму.

Во Второзаконии говорится: «Все заповеди, которые я заповедую вам сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были живы и размножились, и пошли и завладели [доброю] землею, которую с клятвой обещал Господь Бог отцам вашим» (Втор. 8:1). Отсюда исходит еще один принцип иудейского права – строгое и последовательное следование нормам иудейского права, сложившимся обычаям и традициям.

В нормативной основе иудейского права преобладают предписания и запреты, которые, формируя определенный образ жизни, регулируют различные стороны деятельности иудеев как субъектов иудейского права. В содержательном отношении они многообразны, детальны до мелочности. Именно они, регулируя различные стороны деятельности иудеев как субъектов права, формируют тот образ жизни (итетл), который сплачивает евреев и вместе с тем вызывает неприязнь и ненависть к ним со стороны определенной части неевреев[2].

Важно иметь в виду следующее: хотя в иудейском праве множество принципов и норм, оно, исходя из того, что иудей, как и всякий другой человек, наделен сознанием и волей, предоставляет ему свободу выбора, позволяет действовать по усмотрению, исходя из особенностей ситуации, места и времени. Иудейское право не столь сильно догматизировано, как некоторые думают. Гибко отражая изменения, происходящие в развивающемся мире, оно учит иудеев выживать в самых невероятных условиях.

Особое внимание в иудейском праве уделяется календарю и праздникам [3].

Старинная поговорка гласит: «Вся еврейская вера заключается в еврейском календаре». Действительно, лишь по календарю, которым пользуются иудеи, можно составить представление об их истории и обо всех основополагающих положениях еврейской веры, лежащих в основе иудейского права. Иудеи ведут летоисчисление не от рождения Христа, а от сотворения мира. Если следовать иудейской традиции, разница между этими событиями составляет 3760 лет. Отсюда следует, что 1919 г. будет 5679 г. по еврейскому календарю, 2016 г. – 5776 г. и т. д.

Отметим, что еврейский календарь – лунный, поэтому год в нем длится 354 дня, однако он тесно связан и с солнечным календарем, в котором год равен 365 дням. Календарь имеет девятнадцатилетний цикл: к 7 годам из 19 прибавляется еще один месяц, чтобы праздники совпали с соответствующим сезоном. Так, Тора говорит, что Песах – это праздник весны. Если лунный календарь оставить без изменений, то Песах будет ежегодно смещаться на 11 дней назад, в итоге через 5 лет праздник выпадет на зиму, а еще через несколько лет – на осень.

Обычный еврейский год имеет 12 месяцев. В месяце 29 или 30 дней. Названия месяцев не ивритского, а вавилонского происхождения, это обусловлено тем, что в то время, когда окончательно сложилась система еврейского летоисчисления, основная часть еврейской общины проживала в Вавилоне.

Во всех месяцах, кроме хешвана, имеются особые праздники и памятные даты. Некоторые из них связаны с природными и сельскохозяйственными циклами (например, с жатвой или севом), но еще в большей степени они связаны с историей народа, его верой, национальным сознанием и иудейским правосознанием. Заботой о здоровье и ведении здорового образа жизни обусловлены предписания иудейского права, относящиеся к питанию и кухне. Пища делится на кошерную (дозволенную) и трефную (запретную). Иудею запрещено есть креветок, кальмаров, устриц, мидий, свинину, конину, крольчатину, а также любое мясо с кровью. Кроме того, нельзя есть одновременно молочную и мясную пищу.

Иудейское право предъявляет определенные требования к внешнему виду иудея и к его гардеробу. Так, иудею обязан носить бороду и длинные бакенбарды, а его голова должна быть всегда покрыта.

«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье» (Втор. 22:5). Мужская одежда должна быть длинной, сделанной из однородной ткани, иметь карманы ниже пояса. Во время молитвы иудей должен надевать поверх одежды особое ритуальное покрывало – талес.

Действенность иудейского права обеспечена позитивными (поощрительными) и негативными (принудительными) санкциями.

Иудейское право сурово, но вместе с тем оно милостиво в отношении тех, кто, оступившись, стремится остаться в лоне действия иудейского права. В целом иудейское право придерживается божественной заповеди «Люби ближнего своего, как самого себя» (Палестинский Талмуд, Недарим 9:4). В Агаде – сборнике сказаний, притч и изречений – содержится любопытный фрагмент: «Сотворен был только один человек. Это должно служить указанием, что: тот, кто губит хотя бы одну человеческую душу, разрушает целый мир, и кто спасет одну душу, спасет целый мир; не может один человек возгордиться перед другим человеком, говоря: мой род знатнее твоего рода; каждому человеку следует помнить, что для него и под его ответственность сотворен мир» (Сангедрин, 37).

Список литературы:

1. Элон М. Еврейское право. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, 2002. С. 32.
2. Соловьёв В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение. Талмуд. Алма-Ата : Караван : Анупис, 1991. С. 95.
3. Бенифанд А.В. Праздник: сущность, история, современность. Красноярск : Красноярский университет, 1986, Гуров Ю.С. Новые советские традиции, праздники и обряды. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1990 и др.

References:

1. Elon M. Jewish Law. Saint Petersburg, Law Center Press, 2002. p. 32.
2. Solovyov V.S. Mohammed, his life and religious teaching. The Talmud. Alma Ata : Kazakhstan : Karavan : Anubis, 1991. p. 95.
3. Benifand A.V. Holiday: essence, history, modernity. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk University, 1986, Gurov Yu.S. New Soviet traditions, holidays and rituals. Chuvashy : Chuvash Book Publishing House, 1990, etc.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ ЛЕСНОГО ФОНДА ОТ ПОЖАРОВ LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF FOREST LANDS FROM FIRES

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: stahееva53@mail.ru;

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,

старший преподаватель, кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23,
E-mail: lyubow.petrova@mail.ru

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ZARUBINA Elena Vasilyevna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: ethos08@mail.ru

STACHEEVA Lyubov Mikhailovna,

PhD in Economics, Associate Professor of Accounting and Auditing Department, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St., 23
E-mail: stahееva53@mail.ru;

PETROVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer, Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University",
23, Turgeneva str.
E-mail: lyubow.petrova@mail.ru

Краткая аннотация. Правовое регулирование охраны земель лесного фонда от пожаров является ключевым аспектом в устойчивом управлении лесными ресурсами и защите биоразнообразия. В данной области основное внимание уделяется разработке и реализации законодательных и нормативных актов, направленных на предотвращение пожаров, а также на эффективное реагирование в случае их возникновения. Регулирование охватывает широкий спектр мер, включая мониторинг состояния лесных угодий, обучение и повышение квалификации лесопожарных служб, применение современных технологий и оборудования для раннего обнаружения и тушения пожаров. Важной составляющей правового регулирования является разграничение полномочий и ответственности между федеральными, региональными и муниципальными уровнями власти. Это позволяет организовывать лесопожарную защиту более эффективно и оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации. Кроме того, в рамках законодательства предусмотрены меры административной и уголовной ответственности за нарушения правил пожарной безопасности в лесах, что является сдерживающим фактором для потенциальных правонарушителей. В данной статье рассматриваются основные аспекты правового регулирования защиты земель лесного фонда. Анализируется действующее законодательство, роль государственных органов в процессе контроля и управления лесными ресурсами, а также предлагаются пути улучшения правовых механизмов в данной области. Будут рассмотрены вопросы ответственности за возникновение пожаров на лесных участках, механизмы контроля за соблюдением правил пожарной безопасности, а также предложены рекомендации по улучшению законодательства в этой области.

Abstract. The legal regulation of the protection of forest lands from fires is a key aspect in the sustainable management of forest resources and the protection of biodiversity. In this area, the main focus is on the development and implementation of legislation and regulations aimed at preventing fires, as well as effective response in the event of their occurrence. Regulation covers a wide range of measures, including monitoring the condition of forest lands, training and advanced training of forest fire services, the use of modern technologies and equipment for early detection and extinguishing fires. An important component of legal regulation is the division of powers and responsibilities between federal, regional and municipal levels of government. This allows you to organize forest fire protection more effectively and quickly respond to emergencies. In addition, the legislation provides for measures of administrative and criminal liability for violations of fire safety rules in forests, which is a deterrent for potential offenders. This article discusses the main aspects of the legal regulation of the protection of forest lands. The article analyzes the current legislation, the role of state bodies in the process of control and management of forest resources, and suggests ways to improve legal mechanisms in this area. Issues of responsibility for the occurrence of fires in

forest areas, control mechanisms for compliance with fire safety rules, and recommendations for improving legislation in this area will be considered.

Ключевые слова: земли лесного фонда, охрана земель, противопожарный режим, планы тушения пожаров, мониторинг лесов, лесные пожары.

Keywords: forest fund lands, land protection, fire protection regime, fire extinguishing plans, forest monitoring, forest fires.

Для цитирования: Симачкова Н. Н., Чупина И. П., Зарубина Е. В., Стахеева Л. М., Петрова Л. Н., Правовое регулирование охраны земель лесного фонда от пожаров // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 107-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_107.

For citation: Simachkova N. N., Chupina I. P., Zarubina E. V., Staheeva L. M., Petrova L. N., Legal regulation of protection of forest lands from fires // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 107-110. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_107.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Законодательное обеспечение защиты земель лесного массива от возгораний играет важную роль в поддержании экологической гармонии и стабильности лесных сообществ. В последние годы участились возгорания в лесах, вызывают беспокойство у властей и общества, акцентируя внимание на важности действенных правовых мер, предназначенных для предотвращения и снижения ущерба от подобных разрушительных происшествий.

В Российской Федерации главными нормативными документами, регулирующими вопросы лесного хозяйства и защиты лесных массивов, выступают Лесной кодекс РФ и Земельный кодекс РФ [1, 2]. В данных документах прописаны нормы, связанные с предупреждением и ликвидацией возгораний в лесных массивах, а также с ответственностью за вред, нанесённый лесным массивам из-за пожаров.

Для урегулирования аспектов, касающихся обеспечения пожарной защиты лесных массивов, были внесены корректировки в Лесной кодекс, добавлены новеллы, в частности, ст. 53.1—53.8, где тщательно проанализированы следующие вопросы: защита зеленых насаждений от возгораний, разделение лесных территорий по уровню пожарного риска, обеспечение безопасности от огня в лесных массивах, предотвращение возгораний в лесах, контроль и оценка угрозы пожаров в лесных угодьях, разработка стратегий по ликвидации лесных пожаров, осуществление мероприятий по тушению огня в лесах, введение ограничений для посетителей лесных зон с целью поддержания пожарной безопасности, проведение действий по устранению чрезвычайных ситуаций, вызванных лесными пожарами, мероприятия по восстановлению после последствий таких ЧС, выполнение работ по защите лесных массивов от огненной опасности [1, 6].

Вся хозяйственная деятельность на землях лесного фонда основывается на планировании (ст. 85 ЛК РФ). Планирование распространяется и на тушение лесов от пожаров: в ЛК РФ появилась ст. 53.3 «Планы тушения лесных пожаров». В соответствии с данной статьей закона органы государственной власти обязаны разрабатывать планы тушения лесных пожаров, устанавливающие: перечень и состав лесопожарных формирований, пожарной техники и оборудования, противопожарного снаряжения и инвентаря, иных средств предупреждения и тушения лесных пожаров на соответствующей территории, порядок привлечения и использования таких средств в соответствии с уровнем пожарной опасности в лесах; перечень сил и средств подразделений пожарной охраны и аварийно-спасательных формирований, которые могут быть привлечены в установленном порядке к тушению лесных пожаров, и порядок привлечения таких сил и средств, в соответствии с уровнем пожарной опасности в лесах; мероприятия по координации работ, связанных с тушением лесных пожаров; меры по созданию резерва пожарной техники и оборудования, противопожарного снаряжения и инвентаря, транспортных средств и горюче-смазочных материалов [1].

Охрана лесов, произрастающих на территориях лесного фонда, участках, предназначенных для обороны и безопасности, а также на территориях с особыми природоохранными режимами, осуществляется согласно положениям Лесного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ [7], Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ [8] и Постановления Правительства Российской Федерации №1479 от 16 сентября 2020 года «О принятии норм пожарной безопасности на территории Российской Федерации» [9]. Ликвидация возгораний в лесных массивах, находящихся на других территориях, проводится в соответствии с двумя вышеупомянутыми федеральными нормативными актами. Применение Лесного кодекса РФ к этим территориям не распространяется, что, по нашему мнению, представляет собой недостаток.

Учреждения государственной власти и органы муниципального управления в соответствии с положениями статьи. Статьи 81—84 Лесного кодекса Российской Федерации вправе при необходимости установить ограничения на нахождение людей в лесных массивах, запретить въезд автотранспорта и проведение некоторых видов деятельности в лесах для обеспечения противопожарной и санитарной защиты. К примеру, 11 апреля 2024 года администрацией Свердловского региона было издано распоряжение. Документ №244-ПП «Об установлении особого противопожарного режима на территории Свердловской области», в котором определены все необходимые мероприятия для формирования противопожарного контура на территории Свердловской области [13].

Действия по предотвращению возгораний в лесных массивах выполняются согласно региональному лесному плану, правилам лесного хозяйства лесничества и лесопарка, а также проектной документации по освоению лесных ресурсов [4, 5].

Действия по предотвращению возгораний в лесных массивах в соответствии со ст. 53 ЛК РФ включают в себя: меры по предотвращению возгораний в лесных массивах. Отслеживание рисков возгораний в лесных массивах и лесных пожаров. Создание и согласование стратегий ликвидации лесных возгораний. Альтернативные способы обеспечения противопожарной защиты в лесных массивах.

Меры по предотвращению возгораний в лесах предполагают организацию противопожарной защиты лесных массивов и оснащение необходимыми инструментами для обнаружения и ликвидации огня (ч. 1 ст. 53.1 ЛК РФ) [1].

Действия по обеспечению пожарной безопасности лесных массивов охватывают следующие элементы: возведение, восстановление и

использование лесных путей, предназначенных для защиты лесных массивов от возгораний. Возведение, обновление и обслуживание взлетно-посадочных зон для воздушных судов и вертолетов, применяемых при выполнении авиационных мероприятий по охране и защите лесных массивов. Создание просек, противопожарных барьеров, обустройство минерализованных полос. Возведение, обновление и использование пожарных дозорных постов, башен, шпилей, павильонов и иных смотровых объектов, а также мест хранения противопожарного оборудования и прочих сооружений.

В случае передачи участка земли в аренду либо в бессрочное и постоянное владение, указанные действия выполняются субъектами, эксплуатирующими лесные ресурсы в соответствии с планом освоения лесов. Безопасные зоны от возгорания, в рамках которых выполняется удаление древесной растительности, кустарниковых зарослей, лиан, а также уборка мусора, определяются согласно Федеральному закону "Технический регламент о требованиях пожарной безопасности" от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ и Лесному кодексу Российской Федерации [10].

Некоторые действия, направленные на предотвращение лесных возгораний (к примеру, создание резервуаров для пожарной воды, возведение вышек для наблюдения за огнём), фактически являются подготовительными мероприятиями для их ликвидации, реализация которых в перспективе поможет сократить площадь поражённых территорий (ч. 2 ст. 53.1 ЛК РФ) [1].

Ключевое значение в предотвращении возгораний имеет наблюдение за степенью пожарного риска в лесных массивах и загораниях, что охватывает: Мониторинг и управление рисками возгораний в лесных массивах и лесными возгораниями. Создание механизма выявления и регистрации возгораний в лесах, а также системы мониторинга их прогресса с применением наземных, воздушных или спутниковых технологий. Организацию мониторинга лесных массивов; Прием и регистрация сообщений о возгораниях в лесных массивах, а также информирование жителей и противопожарных подразделений о риске возникновения пожаров в лесах осуществляются специализированными диспетчерскими центрами (ч. 1 ст. 53.2 ЛК РФ) [1,3].

На основании оценки угрозы возгораний в лесных массивах и случаев лесных пожаров уполномоченный федеральный орган исполнительной власти принимает меры по перемещению лесопожарных подразделений, специализированной техники и оснащения в соответствии с межрегиональной схемой перемещения сил и средств пожаротушения.

Требования к средствам противопожарной защиты в лесных массивах напрямую обусловлены их функциональным использованием, степенью природной возгораемой угрозы и уровнем пожарного риска с учётом метеоусловий. Данные параметры закреплены Распоряжением Федерального управления лесного хозяйства от 5 июля 2011 года. Постановление № 287 «Об утверждении классификации природной пожарной опасности лесов и классификации пожарной опасности в лесах в зависимости от условий погоды» [11]. Риск возгорания, обусловленный как природными факторами, так и климатическими условиями, может варьироваться от первого уровня (чрезвычайно высокий) до четвертого уровня (крайне низкий), а при пятом уровне риск возникновения пожара отсутствует полностью. Определение степени риска возгорания в лесных массивах на основе метеоусловий производится с помощью уникального уравнения, учитывающего разнообразные параметры (температура воздуха, число суток без осадков и прочие).

Тушение природного возгорания в лесу предполагает проведение разведки очага возгорания, транспортировку персонала и оборудования для борьбы с огнем к месту происшествия и обратно, ограничение распространения пожара, его полное устранение, выполнение взрывных мероприятий для сдерживания и ликвидации огня, проведение мероприятий по искусственному инициированию осадков с целью подавления пламени, контроль за локализованным очагом и его окончательное тушение, а также предотвращение повторного возгорания (ч. 1 ст. 53.4 ЛК РФ) [1].

Лица, эксплуатирующие лесные массивы, при обнаружении возгорания в данном лесном районе обязаны без промедления уведомить профильную оперативную службу и предпринять все доступные действия для предотвращения распространения огня в лесу. Регламенты ликвидации лесных возгораний обязаны быть определены Федеральным агентством лесного хозяйства.

В случае масштабных возгораний в лесных массивах требуется объявлять чрезвычайное положение в лесных территориях.

Изменением Федерального закона от 29 декабря 2010 года. Федеральный закон № 442-ФЗ закрепил в Лесном кодексе Российской Федерации обязанность осуществлять действия по устранению чрезвычайных ситуаций, появившихся в результате лесных возгораний (ст. 53.6 ЛК РФ) [6].

К ним относятся экстренные спасательные операции и иные срочные мероприятия, осуществляемые при появлении подобной чрезвычайной обстановки.

Постановление Правительства РФ от 17 мая 2011 г. N 376 "О чрезвычайных ситуациях в лесах, возникших вследствие лесных пожаров" определил нормы объявления аварийных ситуаций в лесах, возникших из-за пожаров, а также регламент сотрудничества между государственными учреждениями и органами местного самоуправления в подобных чрезвычайных обстоятельствах [12].

Можно заключить, что законодательная основа обеспечивает успешное проведение мер пожарной безопасности, однако ограниченное финансирование системы защиты от пожаров и некачественная координация действий по предупреждению и ликвидации возгораний зачастую становятся главными факторами снижения эффективности работы. Согласно информации Рослесхоза, в 2024 году площадь возгораний в лесах составила 4,3 миллиона гектаров, что примерно на 33% превышает показатели предыдущего года, когда огонь уничтожил 3,3 миллиона гектаров. Максимальное количество возгораний регистрировалось в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Магаданской области, а также в Амурской и Свердловской областях — на эти регионы приходилось примерно 80% общей территории лесных пожаров. Например, в Якутии пылало около 1,5 миллиона гектаров леса, в то время как в Хабаровском крае — около 0,9 миллиона гектаров. В 2024-м году площадь, охваченная пожа-

ром, оказалась в 1,8 раза меньше среднестатистических значений. Согласно информации Рослесхоза, за последние пять лет средняя территория, затронутая огнём в лесах России, составляла 7,8 миллиона гектаров [14].

Актуальные проблемы, включая учащающиеся лесные возгорания и климатические преобразования, обуславливают необходимость корректировки нормативных актов, управляющих защитой территорий лесного фонда. Возможные пути совершенствования правовых норм в данной области предполагают усиление наказаний за несоблюдение правил пожарной охраны в лесных массивах, установление более жёстких требований к ведению хозяйственной деятельности в лесах, а также создание инновационных методов и технических средств, для контроля, за состоянием лесных территорий.

Основополагающим аспектом является повышение значимости региональных административных структур в предупреждении лесных возгораний. Это способно охватывать создание и внедрение локальных инициатив, ориентированных на специфику отдельных районов, включая подготовку жителей к способам предотвращения возгораний и оперативному реагированию на очаги огня.

Далее возможна интеграция передовых цифровых решений и инструментов удалённого наблюдения за лесными массивами, что обеспечит своевременное обнаружение и реагирование на появление новых пожаров. Одним из многообещающих векторов является установление глобального взаимодействия для передачи знаний и инноваций в области предотвращения и ликвидации лесных возгораний, включая координированные тренировки и подготовку аварийных команд.

Список литературы

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024)
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024)
3. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция)
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. No 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»
5. Положение о федеральном государственном лесном контроле (надзоре), утвержденным постановлением Правительства от 30 июня 2021 г. No 1098 «О федеральном государственном лесном контроле (надзоре)».
6. Федеральный закон № 442 от 29 декабря 2010 г. «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации»
7. Федеральный закон "О пожарной безопасности" от 21.12.1994 N 69-ФЗ (последняя редакция)
8. Федеральный закон "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" от 21.12.1994 N 68-ФЗ (последняя редакция)
9. Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. N 1479 "Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации"
10. Федеральный закон "Технический регламент о требованиях пожарной безопасности" от 22.07.2008 N 123-ФЗ (последняя редакция)
11. Приказ Федерального агентства лесного хозяйства от 5 июля 2011 г. N 287 "Об утверждении классификации природной пожарной опасности лесов и классификации пожарной опасности в лесах в зависимости от условий погоды"
12. Постановление Правительства РФ от 17 мая 2011 г. N 376 "О чрезвычайных ситуациях в лесах, возникших вследствие лесных пожаров"
13. Постановление правительства Свердловской области от 11.04.2024 г. №244-ПП «Об установлении особого противопожарного режима на территории Свердловской области»
14. Доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации https://www.mnr.gov.ru/press/news/rosleskhaz_obem_nezakonnoy_rubki_derevov_v_rossii_za_6_mesyatsev_2023_goda_snizilsya_na_36/

References

1. The Forest Code of the Russian Federation dated 04.12.2006 N 200-FZ (as amended on 08/04/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2024)
2. The Land Code of the Russian Federation" dated 10/25/2001 No. 136-FZ (as amended on 12/25/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 05.01.2024)
3. Federal Law "On Environmental Protection" dated 10.01.2002 No. 7-FZ (latest edition)
4. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation"
5. The Regulation on Federal State Forest Control (Supervision), approved by Government Decree No. 1098 dated June 30, 2021 "On Federal State Forest Control (Supervision)".
6. Federal Law No. 442 of December 29, 2010 "On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation"
7. Federal Law "On Fire Safety" dated 12/21/1994 No. 69-FZ (latest edition)
8. Federal Law "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies" dated 12/21/1994 No. 68-FZ (latest edition)
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 16, 2020 No. 1479 "On approval of the Rules of fire protection in the Russian Federation"
10. Federal Law "Technical Regulations on Fire Safety Requirements" dated 07/22/2008 No. 123-FZ (latest edition)
11. Order of the Federal Forestry Agency No. 287 dated July 5, 2011 "On approval of the classification of natural fire danger of forests and classification of fire danger in forests depending on weather conditions"
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 376 dated May 17, 2011 "On emergency situations in forests caused by forest fires"
13. Resolution of the Government of the Sverdlovsk region dated 04/11/2024 No. 244-PP "On the establishment of a special fire protection regime in the territory of the Sverdlovsk region"
14. Report of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation https://www.mnr.gov.ru/press/news/rosleskhaz_obem_nezakonnoy_rubki_derevov_v_rossii_za_6_mesyatsev_2023_goda_snizilsya_na_36/

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ «НЕГАТИВНОГО СПИСКА» ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КИТАЯ LEGAL ASPECTS OF CHINA'S FOREIGN INVESTMENT NEGATIVE LIST

ШАТСКАЯ Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

КРЕСТИНОВ Мария Александровна,

магистрант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ),
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9
E-mail: krestinova@bk.ru

SHATSKAYA Irina Ivanovna,

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Legal Support of Public Administration and Economics», Russian University of transport,
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia
E-mail: irina_shatskaya@mail.ru

KRESTINOV Maria Alexandrovna,

master's student at the Law Institute Russian University of transport,
127994, Moscow, Obrastsova str., 9, bld. 9, Russia,
E-mail: krestinova@bk.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется «Отрицательный список» как ключевой инструмент регулирования иностранных инвестиций в экономику Китая. Анализ показывает, что, несмотря на сокращение числа запрещенных и ограниченных отраслей, жесткий контроль сохраняется в стратегически важных сферах. Это формирует модель «избирательной открытости», где либерализация в производственных и высокотехнологичных секторах сочетается с усилением защитных механизмов. Эффективность использования «Отрицательного списка» зависит от его согласованности с другими законами, включая Закон «Об иностранных инвестициях» и акты о кибербезопасности. Содержание списка определяется балансом между привлечением иностранных технологий и капитала и защитой национальных интересов. «Отрицательный список» превращается из простого перечня ограничений в сложный инструмент управления инвестициями, отражающий переход от отраслевого к функциональному регулированию.

Abstract. This article analyzes the Negative List as a key instrument for regulating foreign investment in China's economy. The analysis shows that, despite a reduction in the number of prohibited and restricted industries, strict controls remain in strategically important areas. This creates a model of "selective opening," where liberalization in the manufacturing and high-tech sectors is combined with strengthened protective mechanisms. The effectiveness of the Negative List depends on its consistency with other laws, including the Foreign Investment Law and cybersecurity regulations. The list's content is determined by the balance between attracting foreign technology and capital and protecting national interests. The Negative List is evolving from a simple list of restrictions into a complex investment management tool, reflecting the shift from sectoral to functional regulation.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; Китайская Народная Республика; «Негативный список»; правовое регулирование; стратегия «двойной циркуляции»; доступ на рынок; национальная безопасность.

Keywords: Foreign investment; People's Republic of China; Negative List; Legal regulation; Dual Circulation Strategy; Market Access; National Security.

Для цитирования: Шатская И.И., Крестинов М.А. Правовые аспекты «негативного списка» иностранных инвестиций Китая // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 111-114. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_111.

For citation: Shatskaya I.I., Krestinov M.A. Legal aspects of China's "negative list" of foreign investments // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 111-114. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_111.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Введение. По оценкам экспертов, Китай сохраняет статус одного из наиболее привлекательных направлений для иностранных инвестиций, занимая второе место в мире по объему привлекаемого прямого иностранного капитала [5]. Эффективное регулирование доступа иностранного капитала требует сбалансированного подхода, сочетающего либерализацию инвестиционного климата с защитой национальных экономических интересов [3]. Механизм «Негативного списка» стал ключевым инструментом реализации этой политики, определяющим стратегические приоритеты китайской экономики через регламентацию отраслевых ограничений [8].

Актуальность исследования подтверждается динамичным развитием нормативной базы – ежегодные обновления Списка отражают эволюцию подходов «Негативного списка» Китайской Народной Республики (КНР) к регулированию иностранных инвестиций в условиях реализации стратегии «двойной циркуляции» [11]. Согласно статистике Министерства коммерции КНР, за период 2020-2024 гг. произошло сокращение количества ограниченных отраслей с 33 до 31, что свидетельствует о поступательной либерализации [9].

Основными проблемами практического применения «Негативного списка» являются, во-первых, обеспечение прозрачности и предсказуемости регулирования для иностранных инвесторов, и, во-вторых, достижение баланса между открытостью экономики и защитой стратегических отраслей [6]. Несмотря на предпринимаемые китайскими властями усилия по унификации правил доступа, сохраняется необходимость системного анализа взаимодействия «Негативного списка» с другими элементами инвестиционного законодательства, включая Закон о иностранных инвестициях и нормативные акты в области национальной безопасности [2].

В этой связи возникает вопрос о разработке комплексного подхода к анализу «Негативного списка» как инструмента стратегического

управления инвестициями, учитывающего как формальные изменения перечня ограничений, так и их практическую реализацию через сопутствующие нормативные акты. Предлагаемое исследование направлено на выявление системных тенденций регулирования, что обуславливает его научную и практическую значимость для понимания современной инвестиционной политики КНР.

Содержание и структура «Негативного списка». «Негативный список» представляет собой систематизированный перечень отраслей и видов деятельности, доступ иностранных инвестиций в которые либо полностью запрещен, либо ограничен определенными условиями. Его сущность заключается в переходе от системы «разрешено только то, что разрешено» к принципу «разрешено всё, что не запрещено», что теоретически существенно расширяет поле для иностранного капитала [2]. Правовую основу Списка составляет Постановление Госсовета КНР № 723, которое закрепило его в качестве центрального инструмента политики «селективной либерализации» в рамках общей стратегии «двойной циркуляции» [11].

Согласно статье 4 Закона КНР «Об иностранных инвестициях», государство реализует систему управления на основе «Негативного списка», который подлежит регулярному пересмотру и публикации. Это законодательное закрепление превратило Список из административного инструмента в полноценный правовой институт, что, как отмечает агентство Wang Jing, повысило стабильность и предсказуемость регуляторной среды для иностранных инвесторов [10].

Анализ динамики изменений Списка за период 2020–2024 г.г. демонстрирует последовательное сокращение количества позиций на два пункта. Однако, как справедливо отмечает Ли Сяохуа, формальное сокращение числа ограничений не всегда означает реальное расширение доступа для иностранного капитала [3]. За кажущейся либерализацией скрывается качественное ужесточение контроля. Например, снятие ограничений в автомобилестроении для электромобилей сопровождалось введением новых, более строгих требований к локализации производства и передачи технологий [5]. Более того, как подчеркивает Zhao Min, параллельно с сокращением общего числа запретов происходит расширение и детализация ограничительных условий (так называемых «специальных мер административного доступа») по оставшимся позициям, что на практике может создавать даже более высокие барьеры, чем прямой запрет [6].

Структурно список делится на две основные части: запрещенные и ограниченные отрасли. В запрещенных сферах (например, генетические исследования, эксплуатация воздушных трасс) иностранные инвестиции не допускаются в принципе. В ограниченных отраслях доступ возможен, но при выполнении ряда условий: установление доли иностранного участия (как правило, не более 50%), требование о создании совместного предприятия, наличие специальной лицензии или разрешения от отраслевого регулятора. Как показывает анализ Zhang Hong, наибольшее число ограничений и наиболее жесткие условия сохраняются в секторах, связанных с национальной безопасностью, идеологией, средствами массовой информации и образованием [11].

Особенности регулирования по отраслям. Дифференцированный подход к регулированию иностранных инвестиций по отраслям является ключевой характеристикой «Негативного списка», отражающей стратегические приоритеты и «координационные» цели государства в различных секторах экономики [6]. Степень открытости или закрытости конкретной отрасли определяется не только экономической целесообразностью, но и необходимостью согласования публичных интересов безопасности, идеологии и технологического суверенитета с частными интересами иностранных инвесторов.

В наиболее стратегических сферах, таких как телекоммуникации, образование и средства массовой информации, сохраняются наиболее жесткие ограничения, имеющие ярко выраженный публично-правовой характер.

Телекоммуникации. Ограничение доли иностранного участия в основных услугах до 49% установлено Положениями Управления по регулированию телекоммуникаций КНР (утверждены Приказом Министерства промышленности и информатизации № 156 от 3 сентября 2020 года). Это является классическим инструментом «координационной юридической тактики», позволяющим привлекать иностранные технологии и капитал, сохраняя при этом контроль над критической информационной инфраструктурой [5]. Статья 10 Закона КНР «О телекоммуникациях» дополнительно закрепляет приоритет национальной безопасности при осуществлении деятельности в данной сфере.

Образование. Требование о контролирующей доле (majority control) китайской стороны в совместных учебных заведениях закреплено в Положениях Государственного совета КНР «О китайско-иностранном совместном управлении в сфере образования» (утверждены Постановлением Госсовета № 411 от 20 мая 2021 года). Как отмечает Ван Ливэнь, данная норма служит фундаментальной цели сохранения идеологического и культурного суверенитета [1] и является примером правового обеспечения «социально-значимых целей».

В отраслях, являющихся приоритетными для технологической модернизации в рамках «двойной циркуляции» (например, производство новых энергетических транспортных средств, биотехнологии, искусственный интеллект), наблюдается иная логика. Либерализация здесь осуществляется в соответствии с «Каталогом поощряемых отраслей для иностранных инвестиций», который взаимодействует с «Отрицательным списком».

Условия передачи технологий (Technology Transfer). Требования к локализации НИОКР и передаче технологий часто вытекают не из прямых законодательных норм, а из условий, устанавливаемых на стадии согласования проекта с Национальной комиссией по развитию и реформам (NDRC) и Министерством коммерции КНР (MOFCOM) в рамках их полномочий по реализации промышленной политики.

Требования к локализации цепочки создания стоимости: например, либерализация в автомобилестроении для электромобилей, отмеченная Карповым Е.А. [2], была детализирована в «Плане развития автомобильной промышленности на новую эпоху», где акцент делается на создании полных локальных производственных цепочек.

Либерализация финансового сектора проводится в строгом соответствии с «Мерами по дальнейшему открытию финансового сектора», утвержденными Финансовой комиссией при Государственном совете КН. Снятие лимитов на доли иностранного участия сопровождается

жесткими требованиями Комиссии по регулированию банковской и страховой деятельности КНР (CBIRC) и Комиссии по регулированию ценных бумаг КНР (CSRC) к достаточности капитала и корпоративному управлению, что служит обеспечению финансовой стабильности.

Взаимодействие с другими нормативными актами. Важной особенностью современного регулирования является тесная взаимосвязь «Негативного списка» с законодательством о национальной безопасности и технологическом суверенитете, что формирует комплексную систему фильтрации иностранных инвестиций. Статья 30 Закона КНР «О национальной безопасности» (2015г.) устанавливает общий принцип, согласно которому любые инвестиции, затрагивающие «интересы национальной безопасности», могут быть подвергнуты специальному рассмотрению, что создает правовую основу для проверок, выходящих за формальные рамки Списка. Этот механизм, как отмечает Zhang Hong, служит «страховочной сеткой», позволяя блокировать сделки, которые, несмотря на формальное соответствие Списку, признаны потенциально угрожающими [11].

Особого внимания заслуживает взаимодействие Списка с новым Законом КНР «Об иностранных инвестициях» (2020 г.). Его Статья 28 закрепляет принцип верховенства «Негативного списка» (Negative List), устанавливая, что ограничения, не включенные в него, не могут применяться к иностранным инвесторам. Данная норма, по мнению Wang Jing, является ключевой для формирования предсказуемой регуляторной среды, так как ограничивает произвол местных властей в создании дополнительных барьеров [10]. Однако, как справедливо указывает Li Jian, на практике этот принцип сталкивается с более широкими полномочиями, предоставленными отраслевым регуляторам в рамках специального законодательства [9].

Наиболее сложным является взаимодействие Списка с законодательством о безопасности данных и кибербезопасности. Закон КНР «О безопасности данных» (2021 г.) и «Меры по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры» (2021 г.) вводят понятие «критической информационной инфраструктуры» (КИИ) и устанавливают для ее операторов ряд требований, включая хранение данных на территории КНР и прохождение проверок безопасности. В частности, статья 16 «Мер по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры» содержит прямое запрещение на иностранное участие в управлении системами и сетями, относящимися к категории КИИ. Это создает параллельный, а зачастую и более суровый, режим регулирования для иностранных инвестиций в ИТ-сектор, что может фактически ограничить доступ к формально открытым сегментам цифровой экономики, указанным в Списке [7].

Практика применения и правоприменительные тенденции. Анализ практики рассмотрения заявок иностранных инвесторов показывает, что даже в отраслях, формально открытых для инвестиций, сохраняются значительные административные барьеры. Правила рассмотрения и утверждения иностранных инвестиций, утвержденные Министерством коммерции КНР, предусматривают сложную многоступенчатую процедуру согласования.

Меры по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры, принятые в 2021 году, дополнительно ограничивают возможности иностранных инвесторов в ключевых секторах цифровой экономики. Статья 16 «Мер по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры» запрещает иностранное участие в управлении критической информационной инфраструктурой.

Анализ административной практики выявляет, что формальные рамки «Негативного списка» наполняются конкретным содержанием через сложные многоступенчатые процедуры, регламентированные подзаконными актами. Ключевым документом выступают «Правила рассмотрения и утверждения иностранных инвестиций» (утверждены Приказом Министерства коммерции КНР № 89 от 12 марта 2021 года), предусматривают не только проверку соответствия Списку, но и согласование с отраслевыми регуляторами (NDRC, MIIT, SAC и др.), оценку последствий для конкуренции и промышленной политики. Этот процесс, как показывает Huang Li, часто превращается в неформальные переговоры, где инвестор может быть вынужден принять дополнительные условия (локализация НИОКР, создание совместных предприятий) для получения одобрения [8].

Правоприменительная тенденция последних лет заключается в приоритете «содержательного контроля» над «формальным соответствием». Регуляторы всё чаще оценивают не просто долю иностранного капитала, а возможность реального контроля над управлением, технологиями и данными китайской компании через сложные схемы акционерных соглашений, лицензирования или облачных платформ. Эта практика основана на положениях «Закона КНР об экспортном контроле» (2020) и «Методических указаний по проведению проверки безопасности иностранных инвестиций» (изданы Министерством коммерции в 2021 г.), которые дают органам широкие полномочия по оценке сделок с точки зрения рисков для национальной безопасности инвестиции в компанию, разрабатывающую алгоритмы ИИ для распознавания лиц, могут быть заблокированы на основании «Положений об управлении алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных сервисах» (введены SAC в 2022 г.), даже если доля прямого иностранного участия минимальна, если будет установлена возможность косвенного контроля над алгоритмом или данными, используемыми для его обучения [7].

Перспективы развития регулирования. В контексте стратегии «двойной циркуляции» ожидается дальнейшая дифференциация подходов к регулированию иностранных инвестиций. Положения о пилотных зонах свободной торговли предусматривают возможность установления специальных, более либеральных «Негативных списков» для таких регионов, как Хайнань и Шанхай.

План реализации политики «двойной циркуляции», утвержденный Государственным советом КНР в 2022 году, прямо указывает на необходимость «селективной либерализации» иностранных инвестиций в высокотехнологичных отраслях при сохранении защиты стратегических секторов экономики.

Заключение. В современных условиях достижение целей привлечения иностранных инвестиций в экономику КНР невозможно без сохранения системы селективного регулирования доступа иностранного капитала. Механизм «Негативного списка», будучи ключевым инструментом инвестиционной политики государства, демонстрирует сложную диалектику либерализации и протекционизма, отражающую стратегические приоритеты развития китайской экономики.

Практическое применение «Негативного списка» демонстрирует, что он является не конечным, а лишь отправным пунктом в сложной

системе многоуровневого координационного регулирования, где итоговое решение определяется балансом экономической целесообразности, требований технологического суверенитета и соображений национальной безопасности.

Эффективность реализации «Негативного списка» как регуляторного инструмента основана на его системном взаимодействии с другими элементами правовой системы КНР. Анализ показал, что положения Закона КНР «Об иностранных инвестициях», Закона «О национальной безопасности» и отраслевых нормативных актов создают комплексную систему контроля за иностранными инвестициями, обеспечивающую баланс между привлечением передовых технологий и защитой национальных экономических интересов.

Список литературы:

1. Ван Ливэнь. Правовое регулирование иностранных инвестиций в образовательный сектор Китая // Журнал зарубежного права. – 2023. – № 4. – С.25–32.
2. Карпов Е.А. Эволюция инвестиционного законодательства КНР: от ограничений к селективной либерализации // Вестник международного права. – 2024. – № 1. – С.45–51.
3. Ли Сяохуа. Тенденции развития инвестиционного законодательства Китая в условиях новой экономической политики // Право и экономика. – 2023. – № 3. – С.67–74.
4. Лю Минь. Перспективы реформирования системы Негативного списка в Китае // Хозяйство и право. – 2024. – № 2. – С.89–96.
5. Семенов А.В. Правовые механизмы регулирования иностранных инвестиций в КНР: монография. – М.: Юрист, 2023. – 256 с.
6. Чжан Вэй. Правовые аспекты применения Негативного списка в практике иностранного инвестирования // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 5. – С.112–125.
7. Chen Wei. The Negative List System and Its Impact on Foreign Investment in China // Chinese Journal of International Law. – 2023. – Vol. 22. – No. 1. – С.78–95.
8. Huang Li. Dual Circulation Strategy and Its Legal Implications for Foreign Investors // Asian Journal of Comparative Law. – 2024. – Vol. 19. – No. 1. – С.45–63.
9. Li Jian. Legal Reform of China's Foreign Investment Management System // China Legal Science. – 2023. – No. 4. – С.23–41.
10. Wang Jing. Analysis of China's Foreign Investment Law and Negative List System // Journal of Chinese Law. – 2023. – Vol. 36. – No. 2. – С.156–172.
11. Zhang Hong. The Evolution of China's Foreign Investment Negative List // Peking University Law Journal. – 2024. – Vol. 12. – No. 1. – С.89–107.

References:

1. Wang Liwen. Legal regulation of foreign investments in the educational sector of China // Journal of Foreign Law. – 2023. – No. 4. – pp.25-32.
2. Karpov E.A. The evolution of investment legislation of the PRC: from restrictions to selective liberalization // Bulletin of International Law. – 2024. – No. 1. – pp.45-51.
3. Li Xiaohua. Trends in the development of China's investment legislation in the context of the new economic policy // Law and economics. – 2023. – No. 3. – pp.67-74.
4. Liu Min. Prospects for reforming the Negative list system in China // Economy and law. – 2024. – No. 2. – pp.89-96.
5. Semenov A.V. Legal mechanisms for regulating foreign investment in China: a monograph. – M.: Lawyer, 2023. – 256 p.
6. Zhang Wei. Legal aspects of the application of the Negative List in the practice of foreign investment // Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. – 2023. – No. 5. – pp.112-125.
7. Chen Wei. The Negative List System and Its Impact on Foreign Investment in China // Chinese Journal of International Law. – 2023. – Vol. 22. – No. 1. – pp.78-95.
8. Huang Li. Dual Circulation Strategy and Its Legal Implications for Foreign Investors // Asian Journal of Comparative Law. – 2024. – Vol. 19. – No. 1. – pp.45-63.
9. Li Jian. Legal Reform of China's Foreign Investment Management System // China Legal Science. – 2023. – No. 4. – pp.23-41.
10. Wang Jing. Analysis of China's Foreign Investment Law and Negative List System // Journal of Chinese Law. – 2023. – Vol. 36. – No. 2. – pp.156-172.
11. Zhang Hong. The Evolution of China's Foreign Investment Negative List // Peking University Law Journal. – 2024. – Vol. 12. – No. 1. – pp.89-107.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ THE LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES) NATIONAL GUARD TROOPS

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилытова, д. 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

POPKOV Dmitry V.

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящее время военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии пользуются правами и свободами человека и гражданина в соответствии с нормами, установленными Конституцией Российской Федерации. При этом ограничение прав и свобод военнослужащих (сотрудников) возможно лишь в случаях, установленных соответствующими законами, имеет временный характер и компенсируется государством в виде социальных гарантий и компенсации, установленных государством для данной категории граждан. Под конституционно-правовым статусом военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии автор предлагает понимать его правовое положение в структуре государственного аппарата, урегулированное Конституцией Российской Федерации и нормами права в сфере охраны и обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов человека.

Abstract: Currently, military personnel (employees) of the National Guard troops enjoy human and civil rights and freedoms in accordance with the norms established by the Constitution of the Russian Federation. At the same time, the restriction of the rights and freedoms of military personnel (employees) is possible only in cases established by relevant laws, is temporary and is compensated by the State in the form of social guarantees and compensation established by the state for this category of citizens. The author suggests understanding the constitutional and legal status of a serviceman (employee) of the National Guard troops as his legal position in the structure of the state apparatus, regulated by the Constitution of the Russian Federation and the norms of law in the field of protection and enforcement of human rights, freedoms and legitimate interests.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, права и свободы, правовой статус, военнослужащий (сотрудник).

Keywords: national Guard troops, rights and freedoms, legal status, soldier (employee).

Для цитирования: Попков Д.В. Правовые основы реализации конституционных прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 115-120. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_115.

For citation: Popkov D.V. The legal basis for the implementation of the constitutional rights and freedoms of military personnel (employees) of the National Guard troops. // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 115-120. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_115.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Действующая в настоящее время в Российской Федерации система правового регулирования гарантирует охрану и защиту как конституционно закрепленных прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, так и прав, и свобод, предусмотренных законами для указанных граждан в связи с их специальным правовым статусом.

Под гарантиями конституционных прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии понимается совокупность условий, средств, меры, направленных на обеспечение их осуществления, на их охрану и защиту¹.

Принцип гарантированности является одним из принципов правового статуса не только человека и гражданина, но и военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Конституцией Российской Федерации и федеральными законами закрепляются как общие гарантии реализации всех прав и свобод человека и гражданина, так и конкретные гарантии отдельных прав и свобод. В соответствии со статьями 2, 17, 19 Конституции государство не только признает, но и гарантирует права и свободы человека и гражданина. Данное положение в полной мере распространяется на военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Гарантии прав и свобод человека и гражданина подразделяются на правовые (юридические) гарантии (правовые средства осуществления и защиты прав и свобод человека и гражданина), политические гарантии (соответствующая политика государства и деятельность государственных органов) и социально-экономические гарантии.

Конституционные гарантии прав и свобод человека можно подразделять на общие гарантии (статьи 45, 46, 48 часть 2, 52-55), конституционные гарантии правосудия (статьи 47-51, 54 часть 2) и специальные гарантии.

Рассмотрим конституционные гарантии прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Государственная защита прав и свобод. В соответствии со статьей 45 Конституции Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

Права и свободы человека и гражданина определяют содержание всех органов государственной власти и местного самоуправления.

¹ Назарова, И. С. К вопросу о статусе добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации // И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_64. – EDN CRAUDD.

Президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению прав и свобод граждан, прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, Уполномоченный по правам человека рассматривает жалобы граждан Российской Федерации и других заявителей на решения и действия государственных органов и органов местного самоуправления и принимает меры по восстановлению нарушенных прав¹.

Право на самозащиту. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45 Конституции Российской Федерации).

Право на самозащиту раскрывается, в частности, в гражданском законодательстве (статья 14 ГК РФ, в уголовном законодательстве (статья 37 УК РФ «Необходимая оборона», статья 39 УК РФ «Крайняя необходимость»). При этом способы самозащиты прав должны быть соразмерны нарушению.

Судебная защита прав и свобод. В соответствии со статьей 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита их прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Порядок обращения в суд, судебной защиты прав, судебного обжалования, судопроизводства устанавливается ГПК РФ, УПК РФ и другими федеральными законами².

Квалифицированная юридическая помощь. Статьей 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Право на защиту является разновидностью права на квалифицированную юридическую помощь.

Право на возмещение вреда. В соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Статья 1069 ГК РФ устанавливает ответственность государства за вред, причиненный государственными органами, а также органами местного самоуправления) и их должностными лицами, статья 1070 ГК РФ – ответственность государства за вред, причиненный органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, а также порядок возмещения такого вреда.

Недопустимость произвольных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Согласно статье 55 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина³. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁴.

В системе гарантий прав и свобод человека и гражданина особо выделяются конституционные гарантии судопроизводства, то есть правовые гарантии прав и свобод человека при осуществлении судопроизводства, уголовного, и иных видов процесса (иначе говоря, гарантии процессуального характера). Конституция предусматривает особые правовые гарантии для участников уголовного процесса, в первую очередь для обвиняемых в совершении преступления. К таким гарантиям относятся⁵:

гарантии подсудности (статья 47). Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В случаях, предусмотренных федеральным законом, обвиняемый в совершении преступления, имеет право на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей.

право на защиту (статья 48). Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. В некоторых случаях участие защитника обязательно.

презумпция невиновности (статья 49). Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустраняемые сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

недопустимость повторного осуждения (статья 50). Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.

недействительность незаконно полученных доказательств (статья 50). При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

право на пересмотр приговора, на прошение о помиловании (статья 50). Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания.

освобождение от обязанности давать свидетельские показания (статья 51). Никто не обязан свидетельствовать против себя самого,

¹ Маркина Е.А., Смоленский М. Б., Ключкина Л.Ю. Конституционное право России. – М.: КноРус, 2020. С. 131-132.

² Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Данышина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.

³ Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

⁴ Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS; Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.

⁵ Черепанов В.А. Конституционное право России. Учебник. – М.: Норма, Инфра-М, 2016. С. 167.

своего супруга и близких родственников, круг которых определен федеральным законом.

Статья 5 УПК РФ определяет круг близких родственников, к ним относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (адвокатская тайна, тайна исповеди и т.п.).

принцип обратной силы закона и ответственности за правонарушения (статья 54). Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не считалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

Характер гарантий прав и свобод человека и гражданина имеют также недопустимость осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц (статья 17 часть 3), обязанность органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (статья 24 часть 2), запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34 часть 2), запрет произвольного лишения имущества (статья 35 часть 4), запрет должностным лицам скрывать факты и обстоятельства, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (статья 41 часть 3)¹, право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением (статья 42)², общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях³, на предприятиях (статья 43 часть 2), запрет устанавливать обратную силу законов, вводящих новые налоги и ухудшающие положение налогоплательщиков (статья 57), а также некоторые другие конституционные нормы⁴.

Гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей также закреплены в ст. 3 федерального закона «О статусе военнослужащих». В частности, для военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии данным федеральным законом устанавливается единая система правовой и социальной защиты, а также материального и иных видов обеспечения с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе и в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы⁵.

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих» закреплено, что правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации⁶.

Социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает:

реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления и органами местного самоуправления;

совершенствование механизмов и институтов социальной защиты указанных лиц;

охрану их жизни и здоровья, а также иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе.

Важно отметить, что законодательством Российской Федерации реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возлагается на органы государственной власти, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления, федеральные суды общей юрисдикции, правоохранительные органы в пределах их полномочий, а также является обязанностью командиров (начальников)⁷.

Реализации прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации могут также содействовать общественные объединения.

Никто не вправе ограничивать военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в правах и свободах, гарантированных Конституцией Российской Федерации и федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Должностные лица органов государственной власти, федеральных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, а также командиры, виновные в неисполнении обязанностей по реализации прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и

¹ Проблемы правового регулирования гарантий и компенсаций, предоставляемых пожарным и спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктической зоне Российской Федерации / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова, Т. Г. Сулима [и др.] // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 35-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_35. – EDN QAUUAY.

² Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений : / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

³ Назарова, И. С. Проблемы правового регулирования вопросов приема в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации детей спасателей и пожарных / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.

⁴ Аникин С.Б., Агафонова Н.Ю., Воробьева Д.С. Вопросы правового регулирования деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 122-128.

⁵ Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.

⁶ Назарова, И. С. Особенности реализации права на налоговый вычет по земельному налогу, предоставляемого некоторым категориям работников и сотрудникам МЧС России / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 127-129. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_127. – EDN BRPHTC.

⁷ Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 9(290). – С. 2-11. – EDN UYRRRN.

членов их семей, несут ответственность в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Например, приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28 сентября 2018 г. № 428 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹ определен Порядок предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации

Таким образом, важнейшие правовые гарантии конституционных прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии закреплены в Конституции Российской Федерации, а также в федеральных законах, определяющих специальный правовой статус указанных граждан.

В статье 3 федерального закона «О статусе военнослужащих» закреплено, что правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации.

Социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства.

Военная служба связана с некоторыми прямыми запретами и ограничениями конституционных прав и свобод военнослужащих.

Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации гласит о том, что свободы и права гражданина и человека могут ограничиваться федеральным законодательством в той мере, в которой это нужно для защиты законных интересов и прав, здоровья, нравственности и конституционного строя, обеспечение государственной безопасности и обороны государства.

По мнению А.А. Подмарева подобные ограничения могут вводиться не только в отношении населения государства, но и в отношении отдельных категорий граждан, к примеру, военнослужащих².

К. И. Слесарский пишет, что ограничения отдельных конституционных свобод и прав военнослужащих обусловлены возложением на организации и органы основного объема мероприятий по осуществлению конституционной обязанности по подготовке военнослужащих, что обуславливает специфику исполнения военной службы³.

Военнослужащие исполняют службу в интересах общества, в частности, для защиты основ конституционного строя, законных интересов и прав иных лиц, безопасности и обороны государства. При этом ограничения конституционных свобод и прав военнослужащих устанавливаются Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и иными российскими законодательными актами.

Проблема ограничения конституционных свобод и прав военнослужащих состоит в установлении на законодательном уровне пределов и границ действия их свобод и прав. Многие исследователи полагают, что применяемые и вводимые государственными органами власти ограничения свобод и прав обязаны соответствовать концептуальным установкам и принципам Конституции Российской Федерации и международной практики⁴.

Исследование основных положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ позволяет резюмировать, что они соответствуют правовым международным нормам о допустимых и необходимых ограничениях в демократическом обществе.

В Международных пактах о правах человека и ст. 29 Всеобщей декларации прав человека указаны следующие условия и основания вероятных ограничений: – они вводятся для удовлетворения требований морали, охраны и обеспечения государственной безопасности, а также общественного благосостояния; – они используются исключительно для уважения и соблюдения свобод и прав других и постольку, поскольку это совместимо с их природой; – они могут быть введены лишь на основе закона, в Российской Федерации на основе федерального закона – Конституции Российской Федерации. В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации такие ограничения вводятся для обеспечения государственной безопасности, обороны государства, здоровья, нравственности и конституционного строя.

Следовательно, особенности военной службы обуславливают ограничения некоторых свобод и прав военнослужащих, которые гарантированы гражданам Конституцией Российской Федерации.

Подобные ограничения распространяются на всех военнослужащих вне зависимости от служебного положения и вводятся на законодательном уровне.

Рассмотрим ограничения и запреты конституционных свобод и прав военнослужащих и их направления.

1. Ограничения свободы и печати слова.

В соответствии с п. 1 статьи 7 Федерального Закона «О статусе военнослужащих» ограничивается свобода слова военнослужащих в качестве запрета обсуждения и критики приказов начальников и командиров.

В п. 2 ст. 8 указаны ограничения в отказе от исполнения служебных обязанностей по мотивам отношения к религии либо использовать

1 Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28 сентября 2018 г. № 428 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 30.04.2023).

2 Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 9–17.

3 Слесарский К.И. Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 30–39.

4 Ягофарова И.Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 1 (50). С. 64–72.

собственные служебные полномочия для пропаганды определенного отношения к религии.

В п. 3 ст. 7 Федерального Закона «О статусе военнослужащего» указаны некоторые запреты, связанные с характером военной службы, к примеру, запрет на принятие участие в забастовках.

Запрет на принятие участия в забастовках исходят из сущности военной службы как государственной федеральной службы особого вида.

Следовательно, на законодательном уровне подчеркнута неразрывность состояния на военной службе в пределах установленных законодательством сроков, а также неприемлемость использования при исполнении военной службы этой формы защиты собственных прав. Указанный запрет соответствует практике ограничения прав военнослужащих на участие в забастовках не противоречит нормам международного права.

Запрет на иностранные награды предусмотрен положениями абз. 7 п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В соответствии с положениями указанной статьи военнослужащим запрещено принимать ордена, звания и иные знаки отличия иностранного государства без разрешения Президента Российской Федерации.

В свою очередь, запрет включает в себя специальные, почетные звания и награды иностранных и международных организаций. Это обусловлено тем, что признание определенных заслуг военнослужащего иностранным государством ставило бы его в двусмысленное положение, поскольку федеральное законодательство регулирует условия принятия званий и наград иностранных государств.

2. Ограничения и запреты в экономической сфере. Российским законодательством регламентировано ограничение в экономических правах для военнослужащих. В указанной сфере ограничение имеет двоякий характер. С одной стороны, оно ограничивает их в возможности использования некоторых имущественных благ в результате исполнения военной службы. С другой стороны, направлено на ограничение в занятии определенной деятельностью для военнослужащих.

В статье 10 Федерального Закона «О статусе военнослужащих» установлен запрет заниматься военнослужащему другой оплачиваемой деятельностью, т. е. военная служба не может быть совмещена с работой в организациях, учреждениях и на предприятиях. Этот запрет считается юридическим выражением требования о том, что военнослужащий должен военной службе посвятить все свое время.

В свою очередь, нормы указанного нормативного источника разрешают военнослужащим заниматься творческой, преподавательской и научной деятельностью, что вытекает из части 1 статьи 44 Конституции Российской Федерации.

3. Ограничения и запреты в политической сфере. Военнослужащий в соответствии со статьей 9 Федерального Закона «О статусе военнослужащих» может быть избранным и избирать в органы местного самоуправления и органы государственной власти.

Для соблюдения политической нейтральности в статье 24 Федерального закона «Об обороне» установлен запрет на ведение политической агитации на территориях воинских частей.

В частности, определено, что:

деятельность политических партий, а также других общественных объединений, преследующих политические цели, а также образование их структур в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах не допускаются.

в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах запрещается ведение любой политической пропаганды и агитации, в том числе предвыборной.

запрещается использование штатных должностей и финансовых средств Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов для создания структур, и осуществления деятельности политических партий, а также других общественных объединений, преследующих политические цели.

В.С. Никитина пишет, что в России военнослужащие не ограничены в пассивном и активном избирательном праве. Но запрет на занятие другой оплачиваемой деятельностью означает и запрет быть депутатом органов местного самоуправления, органов субъектов Российской Федерации, органа Российской Федерации¹.

Военнослужащим, которые избраны депутатами и осуществляют полномочия на постоянной основе, а также военнослужащим, которые осуществляют полномочия членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, приостанавливается служба в занимаемой должности на срок полномочий в данных органах с прекращением действия контракта о прохождении службы. Об этом гласят положения статьи 45 Федерального Закона «О воинской обязанности и военной службе».

Следовательно, на законодательном уровне определена невозможность совмещения функций военнослужащего и народного представителя в одном лице. Это соответствует принципу разделения властей, закрепленному в статье 10 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, в Российской Федерации военнослужащие не могут состоять в общественных объединениях, которые преследуют политические цели, и в политических партиях. При этом на законодательном уровне отсутствует упоминание о возможности участия в деятельности таких организаций.

Помимо перечисленных прямых запретов конституционных свобод и прав военнослужащих, в российском законодательстве также предусмотрены ограничения в некоторых свободах и правах личности:

Для военнослужащих, которые проходят военную службу по призыву, запрещено обучение в образовательных учреждениях профессионального образования. Для других военнослужащих получение такого образования возможно по заочной и очно-заочной форме обучения.

При служебной необходимости отдельные мероприятия военной службы проводятся без ограничения общей продолжительности слу-

1 Никитина В.С. Ограничение реализации активного избирательного права военнослужащих в Российской Федерации на местных выборах // Молодой ученый. — 2018. — № 16. — С. 230–231.

жебного еженедельного времени. Выезд военнослужащих за пределы гарнизонов, на территории которых они служат, осуществляется в определенном общевоинскими уставами ВС РФ порядке, а выезд за пределы РФ – в установленном законодательством порядке.

Таким образом, проведенный анализ конституционных оснований для ограничения основных прав и свобод военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации свидетельствует о том, что ограничение некоторых конституционных прав, а также свобод в занятии определенной деятельностью влечет за собой существенное нарушение частных интересов любого лица, что оправдывается лишь наличием в публичной сфере более важного интереса, который выше частного интереса.

Государственные интересы по обеспечению обороны и безопасности являются такими интересами, их реализация возложена на военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации, поэтому запреты и ограничения в различных сферах для военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации вытекают из сущности военной службы (службы) в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Список литературы

1. Назарова, И. С. К вопросу о статусе добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_64. – EDN CRAUDD.
2. Маркина Е.А., Смоленский М. Б., Ключкина Л.Ю. Конституционное право России. – М.: КноРус, 2020. С. 131-132.
3. Арбитражный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. И. Кайнов, Н. Д. Эриашвили, А. Е. Даншина [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
4. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
5. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.
6. Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
7. Черепанов В.А. Конституционное право России. Учебник. – М.: Норма, Инфра-М, 2016. С. 167.
8. Проблемы правового регулирования гарантий и компенсаций, предоставляемых пожарным и спасателям, работающим (проходящим службу) в Арктической зоне Российской Федерации / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова, Т. Г. Сулима [и др.] // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 35-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_35. – EDN QAUUVAY.
9. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
10. Назарова, И. С. Проблемы правового регулирования вопросов приема в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации детей спасателей и пожарных / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.
11. Аникин С.Б., Агафонова Н.Ю., Воробьева Д.С. Вопросы правового регулирования деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 122-128.
12. Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.
13. Назарова И.С. Особенности реализации права на налоговый вычет по земельному налогу, предоставляемого некоторым категориям работников и сотрудникам МЧС России / И.С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 127-129. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_127. – EDN BRPHTC.
14. Фаисханов, Р. Р. Запреты, ограничения и обязанности, налагаемые на военнослужащих, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в связи с прохождением военной службы и службы в войсках национальной гвардии / Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 9(290). – С. 2-11. – EDN UYRRRN.
15. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 9-17.
16. Слесарский К.И. Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 30-39.
17. Ягофарова И.Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 1 (50). С. 64-72.
18. Никитина В.С. Ограничение реализации активного избирательного права военнослужащих в Российской Федерации на местных выборах // Молодой ученый. — 2018. — № 16. — С. 230-231.

References

1. Nazarova, I. S. On the issue of the status of volunteer formations contributing to the fulfillment of tasks assigned to the troops of the National Guard of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 1(229). – Pp. 64-66. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_64. – EDN CRAUDD.
2. Markina E.A., Smolensky M. B., Klyushkina L.Y. Constitutional law of Russia. Moscow: KnoRus, 2020. pp. 131-132.
3. Arbitration process: a textbook for university students studying in the field of Law / V. I. Kainov, N. D. Eriashvili, A. E. Danshina [et al.]. – Moscow : UNITY-DANA PUBLISHING HOUSE, 2024. – 376 p. – ISBN 978-5-238-03839-1. – EDN DOKCAF.
4. Kainov V.I. Constitutional law: Textbook / V.I. Kainov, I.S. Nazarova, V.M. Shenshin. Belgorod: Epicenter LLC, 2026. 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
5. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Yekushova, E. S. Kuznetsova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDN MEPIFS.
6. Shenshin, V. M. On the new powers of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of restrictions on human and civil rights and freedoms during the introduction of martial law / V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
7. Cherepanov V.A. Constitutional law of Russia. Textbook. Moscow: Norma, Infra-M, 2016. p. 167.
8. Problems of legal regulation of guarantees and compensations provided to firefighters and rescuers working (serving) in the Arctic zone of the Russian Federation / S. B. Nemchenko, A. A. Smirnova, T. G. Sulima [et al.] // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 5(233). – Pp. 35-38. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_35. – EDN QAUUVAY.
9. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
10. Nazarova, I. S. Problems of legal regulation of admission to general education and preschool educational organizations for children of rescuers and firefighters / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 1(229). – Pp. 69-71. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_69. – EDN PCENBF.
11. Anikin S.B., Agafonova N.Yu., Vorobyeva D.S. Issues of legal regulation of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 6 (119). pp. 122-128.
12. Shenshin, V. M. Legal guarantees of legality in the activities of the Russian Guard / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 10(238). – Pp. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.
13. Nazarova, I. S. Features of the implementation of the right to a land tax deduction granted to certain categories of workers and employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – Pp. 127-129. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_127. – EDN BRPHTC.
14. Faishkhanov, R. R. Prohibitions, restrictions and duties imposed on military personnel, employees of the National Guard troops of the Russian Federation in connection with military service and service in the National Guard troops / R. R. Faishkhanov, V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2021. – № 9(290). – Pp. 2-11. – EDN UYRRRN.
15. Podmarev A.A. Restriction of human and civil rights and freedoms: definition of the constitutional concept // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal sciences. 2014. No. 2. pp. 9-17.
16. Slesarsky K.I. Restriction of constitutional rights and freedoms of the individual in the performance of military duty in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2018. No. 6 (258). pp. 30-39.
17. Yagofarova I.D. The imperative nature of the provisions of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation in establishing restrictions on human and civil rights and freedoms in the Russian Federation // Bulletin of OmsU. Series. Right. 2017. No. 1 (50). pp. 64-72.
18. Nikitina V.S. Restriction of the exercise of the active electoral right of military personnel in the Russian Federation in local elections // Young Scientist. - 2018. — No. 16. — pp. 230-231.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИПА ПРИОРИТЕТА СОХРАНЕНИЯ ЦЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ¹ PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF THE PRINCIPLE OF PRIORITY FOR THE PRESERVATION OF VALUABLE AGRICULTURAL LANDS

ЗЕМЛЯКОВА Галина Леонидовна,

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: ecolaw@igpran.ru;

ZEMLYAKOVA Galina L.,

leading researcher at the Institute of state and law
of the Russian academy of sciences, associate professor, doctor of law.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: ecolaw@igpran.ru

Краткая аннотация: на основе логико-методологического и терминологического анализа принципа земельного законодательства, предусматривающего приоритет сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения, сделан вывод о его низкой эффективности. Предусмотренная данным принципом возможность установления законодательных ограничений изменения целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения, в действительности не обеспечивает каких-либо преимуществ для этих земель. А в связи с нечеткостью содержащихся в нем формулировок и использованием терминологии, отсутствующей в иных нормах земельного законодательства, предусмотренная им возможность установления запрета изменения целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения игнорируется законодательством о переводе земель из одной категории в другую.

Abstract: based on the logical-methodological and terminological analysis of the principle of land legislation, which provides for the priority of preserving valuable agricultural land, it is concluded that its low efficiency. The possibility of establishing legislative restrictions on changing the designated use of valuable agricultural land, as provided by this principle, does not actually provide any benefits for these lands. Furthermore, due to the vagueness of its wording and the use of terminology absent from other provisions of land legislation, the possibility of prohibiting changes to the designated use of valuable agricultural land is ignored by legislation on the transfer of land from one category to another.

Ключевые слова: принципы земельного законодательства, ценные земли сельскохозяйственного назначения, особо продуктивные сельскохозяйственные угодья, перевод земель из одной категории в другую, целевое назначение земель, приоритет сохранения особо ценных земель.

Keywords: principles of land legislation, valuable agricultural lands, particularly productive agricultural lands, transfer of lands from one category to another, intended use of lands, priority of preserving particularly valuable lands.

Для цитирования: Землякова Г.Л. Проблемы эффективности принципа приоритета сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 121-125. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_121.

For citation: Zemlyakova G.L. Problems of the effectiveness of the principle of priority for the preservation of valuable agricultural lands // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 121-125. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_121.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Одним из принципов земельного законодательства является приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, согласно которому изменение целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель, занятых защитными лесами, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами. Установление данного принципа не должно толковаться как отрицание или умаление значения земель других категорий (пп. 6 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ).

Данный принцип А.К. Голиченков относит к принципам, определяющим экологические основы регулирования земельных отношений, мотивируя это тем, что он призван заложить начала такого регулирования земельных отношений, которое обеспечило бы охрану земель как природного объекта. В данном случае – особо ценных земель².

С ним согласен Г.А. Волков, указывающий на то, что в этом принципе проявляется, прежде всего, экологический аспект правового регулирования земельных отношений, т.е. принцип является межотраслевым, закрепляя определенный баланс экономических и экологических интересов общества³. Тем не менее, далее автор показывает на примере отведения с конца XVIII века под пахотные угодья и распашку земель степных и лесостепных территорий как процесс освоения целинных земель для ведения сельского хозяйства привел к обострению экологических проблем – уничтожению степной флоры и фауны, деградации степных ландшафтов, увеличению углекислого газа в атмосфере⁴. Как известно, именно сельское хозяйство является одним из мощных загрязнителей окружающей среды, а интенсивная эксплуатация сельскохозяйственных угодий, в частности распашка, приводит к истощению почв⁵.

Следовательно, приведенные выше высказывания ученых справедливы лишь в отношении земель особо охраняемых территорий и

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Волков Г.А., Голиченков А.К., Козырь О.М. Постатейный научно-практический комментарий Земельного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2002.

³ Волков Г.А. Принципы земельного права России. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. С. 172 – 173.

⁴ Там же. С. 173 – 174.

⁵ Минина Е.Л. Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 162 – 177.

объектов. Применительно же к «ценным землям сельскохозяйственного назначения» данный принцип не столько является экологически ориентированным, сколько принципом экономическим. При этом можно согласиться с тем, что рассматривать сельскохозяйственное землепользование и производство необходимо в контексте социального, климатического, экологического, экономического, демографического и культурно-исторического развития¹.

Единого определения особо ценных земель законодательство не содержит. Такие земли определяются применительно к отдельным категориям². Среди земель особо охраняемых территорий ЗК РФ выделяет в отдельную подкатегорию (субкатегорию, вид, элемент) особо ценные земли (ст. 100). В числе сельскохозяйственных угодий п. 4 ст. 79 ЗК РФ указывает на особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, которые могут быть в соответствии с законодательством субъектов РФ включены в перечень земель, использование которых для других целей не допускается.

В связи с этим нельзя не согласиться с В.В. Устюковой в том, что коль скоро законодатель счел нужным закрепить в ЗК РФ принцип сохранения особо ценных земель, следовало бы более четко определить данное правовое понятие и состав таких земель, подлежащих особой охране. Для этого необходимо уточнить содержание пп. 6 п. 1 ст. 1, ст. 79 и ст. 100 ЗК РФ, привести эти нормы в соответствие друг с другом³.

Дело в том, что в рассматриваемой норме-принципе говорится о приоритете сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий как широких понятиях. А далее, по всей видимости, следует расшифровка и уточнение этого принципа, где речь идет о ценных землях сельскохозяйственного назначения. Однако не поясняется, являются ли ценные земли сельскохозяйственного назначения особо ценными землями или землями особо охраняемых территорий. Очевидно, что они не могут относиться к последним, т.к. земли сельскохозяйственного назначения и земли особо охраняемых территорий это две разные категории земель. Но и к первым они также не могут относиться, т.к. в соответствии с п. 2 ст. 94 ЗК РФ особо ценные земли являются разновидностью (подкатегорией) земель особо охраняемых территорий. Также нет ответа на вопрос, какие земли ЗК РФ признает ценными землями сельскохозяйственного назначения. Кроме того, в ЗК РФ отсутствуют какие-либо нормы, определяющие соотношение этого термина с понятием «особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья» (ст. 79), являются ли эти понятия равнозначными или ценные земли сельскохозяйственного назначения включают в себя такую разновидность угодий, как особо ценные продуктивные наряду с другими угодьями. И если согласно п. 1 ст. 79 ЗК РФ сельскохозяйственные угодья имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране, то составляют ли они те самые ценные земли сельскохозяйственного назначения? К тому же в ст. 79 ЗК РФ, которая определяет особенности использования сельскохозяйственных угодий, отсутствует определение и критерии отнесения этих угодий к ценным землям⁴. По всей видимости, ценные земли сельскохозяйственного назначения это и есть угодья, среди которых могут выделяться особо ценные продуктивные⁵.

По мнению С.А. Боголюбова нормы-принципы являются законодательными предписаниями, это основополагающие начала, основные положения, подходы к решению вопроса, к содержанию, концепции, целям и задачам его. Будучи закреплены законом, они становятся законными, законодательными, обязательными, имеют официальное, принципиальное значение⁶. В связи с этим, думается, что принципы, закрепленные в законе, содержащие общие подходы к решению соответствующих вопросов, все же не должны оперировать абстрактными понятиями, которые прямо не восприняты более конкретными нормами самого закона.

Интересно, что из земельного законодательства советского периода, в котором отсутствовали прямо закрепленные принципы, однозначно следовал приоритет использования земель для производства сельскохозяйственной продукции. А в современном ЗК РФ, содержащем специальную статью с нормами-принципами земельного законодательства, установлен приоритет сохранения неопределенных ценных земель сельскохозяйственного назначения.

Представляется, исходя из логики и задач обеспечения продовольственной безопасности страны, преимущественное внимание в законодательстве должно уделяться мерам по сохранению особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий.

Относительно понятия «приоритет», используемого в рассматриваемом принципе земельного законодательства следует отметить следующее. В содержании понятия «приоритет» важную роль играет выбор какого-либо подхода (решения) в качестве первоочередного по сравнению с иным решением в зависимости от соответствующего критерия⁷. Нормы-приоритеты устанавливают приоритеты в охране одних объектов по сравнению с другими, приоритет в использовании для определенных целей тех или иных природных ресурсов⁸. Соответственно, термин «приоритет» имеет значение «первенство, преимущественное право на что-либо».

Антонимы понятия «приоритет» являются слова второстепенность, маловажность, незначительность. Это свидетельствует о наличии противоречия в норме пп. 6 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, т.к. если одним землям отдается приоритет с точки зрения их сохранения, то всем другим отводится второстепенная роль и их сохранение менее важно для государства. Следовательно, наличие второго предложения в рассматриваемой

¹ Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109 – 118.

² Волков Г.А., Голиченков А.К., Козырь О.М. Указ. соч.

³ Устюкова В.В. Особо ценные земли: понятие, виды и проблемы сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 20 – 23.

⁴ Крассов О.И. Правовое обеспечение сохранения экологических систем на землях сельскохозяйственного назначения // Экологическое право. 2005. № 1. С. 35 – 40.

⁵ Схожую позицию высказывал О.И. Крассов, говоря о том, что особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья научно-исследовательских организаций (в частности, сельскохозяйственного профиля) (п. 4 ст. 79 ЗК РФ) имеют одновременно правовой режим: земель сельскохозяйственного назначения, особо ценных земель в их составе и особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий. (Крассов О.И. Указ. соч.).

⁶ Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. С.А. Боголюбова. М.: Проспект, 2001. С. 5, 6. (Цит. по: Волков Г.А. Принципы земельного права как важнейший элемент эколого-правового механизма (в развитие идей В.В. Петрова) // Экологическое право. 2009. № 2/3 (специальный выпуск). С. 60 – 68).

⁷ Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. С. 85.

⁸ Волков Г.А. Принципы земельного права России. С 173.

норме-принципе обесценивает смысл, заложенный в ее первом предложении.

Что бы ни подразумевал законодатель в анализируемой норме-принципе под ценными землями сельскохозяйственного назначения, очевидно, что это всего лишь часть земель составляющих категорию земель сельскохозяйственного назначения. Соответственно, у этой части земель целевое назначение такое же, как и у всех иных земель, отнесенных к категории сельскохозяйственного назначения – для нужд сельского хозяйства, т.к. в соответствии со ст. 7 ЗК РФ земли в России подразделяются на категории именно исходя из их целевого назначения.

Соответственно изменение целевого назначения земель (или земельного участка) равнозначно изменению их категории, а точнее, их переводу в другую категорию, и наоборот. В связи с этим обращает на себя внимание не вполне обоснованное использование тавтологии в рассматриваемой норме-принципе земельного законодательства, когда провозглашается ограничение или запрет «изменения целевого назначения ценных земель... для иных целей».

Следует отметить, что не все ученые разделяют указанную позицию. Так, О.И. Крассов указывал, что разграничение земель по категориям вовсе не означает, что все земельные участки, включенные в состав соответствующей категории земель, должны использоваться строго в соответствии с их целевым назначением. В некоторых случаях законодательство допускает возможность использовать земельные участки для целей, которые не соответствуют целевому назначению категории земель, в составе которой они находятся¹. Примером может служить предусмотренная ЗК РФ возможность использовать земли сельскохозяйственного назначения для садоводства. Тем не менее, ученый имел в виду более дробное деление земель в категории по видам разрешенного использования, понятие которого на момент написания его трудов было слабо разработано в законодательстве.

Некоторые суды высказывают и более категоричную позицию, говоря о том, что в составе земель сельскохозяйственного назначения могут находиться земельные участки с целевым назначением иных категорий земель², что представляется неверным, т.к. противоречит действующему законодательству.

Недостаточно логичным является использование в рассматриваемой норме-принципе термина «ограничение». Из ст. 8 ЗК РФ и в том числе из ее пунктов 1 и 3 следует, что изменение целевого назначения, то есть перевод земель из одной категории в другую осуществляется в особом порядке, предусмотренном федеральным законом. При этом Федеральным законом от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее – Закон о переводе земель) устанавливается не только общий порядок перевода земель и земельных участков из одной категории в другую, но и особенности перевода применительно к каждой из семи категорий земель.

Иными словами целевое назначение земель и земельных участков не может изменяться их правообладателями самостоятельно по собственной воле без каких-либо ограничений. Следовательно, провозглашение в норме-принципе приоритета сохранения особо ценных земель, который обеспечивается установлением законодательных ограничений изменения их целевого назначения, в действительности каких-либо преимуществ для этих земель не обеспечивает.

Соответственно, гарантировать сохранение ценных земель может лишь установленный законом запрет на изменение их целевого назначения.

Надо отметить, что запрет на перевод земель в другую категорию установлен в настоящее время не только применительно к особо ценным землям. Так, например, согласно ч. 3 ст. 11 Закона о переводе земель запрещается перевод земельных участков из состава земель лесного фонда, предоставленных в пользование для осуществления рекреационной деятельности в соответствии с Лесным кодексом РФ, в земли других категорий. А в соответствии с ч. 4 данной статьи закона запрещается перевод в земли особо охраняемых территорий и объектов земельных участков из состава земель лесного фонда, предоставленных в пользование для строительства, реконструкции и эксплуатации гидротехнических сооружений, в том числе образующих водохранилища и иные искусственные водные объекты, размещения водохранилищ и иных искусственных водных объектов, создания и расширения территорий морских и речных портов.

То есть установление законодательного запрета на изменение целевого назначения земель не является исключительной мерой для сохранения только ценных земель. Однако, если приоритет сохранения именно ценных земель сельскохозяйственного назначения закреплён в качестве принципа, значит, в законодательстве должны содержаться достаточно четкие меры по его реализации.

Следует признать правильным утверждение о том, что наличие и легальное закрепление рассматриваемого принципа должно влиять на содержание норм, устанавливающих правовой режим соответствующих земель (земельных участков); при этом нормы земельного законодательства, определяющие, в частности, правовой режим особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, должны конкретизировать и раскрывать правовое содержание данной установки, равно как и любого другого принципа земельного законодательства РФ³.

Между тем Закон о переводе земель предусматривает достаточно широкий перечень случаев, когда допускается перевод сельскохозяйственных угодий в другие категории земель. А согласно ч. 2 ст. 7 Закона особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья могут переводиться в земли населенных пунктов, а также в иные категории земель, в том числе в земли промышленности для осуществления недропользования, в связи со строительством линейных объектов, обеспечением обороны страны и безопасности государства, с выполнением между-

¹ Крассов О.И. Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. 2012. № 2. С. 16 – 21.

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.11.2019 № Ф03-5113/2019 по делу № А04-1479/2019; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2020 № 06АП-908/2020 по делу № А04-7961/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Умеренко Ю.А. Проблемы обеспечения правового режима земель историко-культурного назначения // Современное право. 2016. № 1. С. 72 – 81.

народных обязательств России. Установленная законом возможность перевода сельскохозяйственных угодий для целей недропользования¹, а также для выполнения международных обязательств государства² критикуется многими учеными.

С 1 марта 2026 года запрещен перевод любых сельскохозяйственных угодий в другие категории земель в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых (кроме случаев, если это необходимо для реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры, указанных в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 4 Федерального закона от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В соответствии с новой редакцией ст. 7 Закона о переводе земель, вступающей в силу с 1 января 2027 года, перевод особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий в другие категории земель будет запрещен (ч. 2 ст. 7 Закона о переводе земель (в ред. Федерального закона от 01.04.2025 № 52-ФЗ)).

Соответственно, сельхозтоваропроизводители, которым удастся включить принадлежащие им земельные участки в перечни особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, утверждаемых субъектами РФ в соответствии с п. 4 ст. 79 ЗК РФ, приобретут большую уверенность в том, что эти участки не будут изъяты у них для государственных нужд в связи с их предоставлением для осуществления деятельности, не связанной с ведением сельского хозяйства, и переводом в другие категории земель.

Надо отметить, что рассматриваемый принцип земельного законодательства гласит об ограничении или запрете изменения целевого назначения особо ценных земель, но не о запрете их *использования* для иных целей. Тогда как в п. 4 ст. 79 ЗК установлен запрет именно использования особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий для других целей. Возможность установления ограничений и запретов использования земель сельскохозяйственного назначения для других целей также предусмотрена в п. 2 ст. 260 ГК РФ.

Таким образом, сам рассматриваемый принцип не вводит каких-либо строгих ограничений в использовании ценных земель и, кроме того, до 1 января 2027 года продолжает «благополучно» нарушаться даже в отношении особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, благодаря ч. 2 ст. 7 Закона о переводе земель. В частности, запрет использования для целей строительства линий электропередачи особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий посредством включения таких угодий в перечень земель, использование которых для других целей не допускается, на уровне законодательства субъектов РФ преодолевается установленной в Законе о переводе земель возможностью перевести такие сельскохозяйственные угодья в другую категорию³.

Иными словами, норма п. 4 ст. 79 ЗК РФ предусматривает более жесткие ограничения, направленные на сохранение особо ценных земель, чем норма-принцип.

Проведенный анализ пп. 6 п. 1 ст. 1 ЗК РФ в отношении ценных земель сельскохозяйственного назначения, показал неэффективность данной нормы-принципа. Будучи закрепленной в законе как основополагающее начало целой отрасли законодательства, но содержа в себе нечеткие формулировки и неопределенные термины, рассматриваемая норма долгие годы не является препятствием для установления в Законе о переводе земель возможностей перевода в другие категории земель сельскохозяйственных угодий, в том числе особо ценных продуктивных угодий, а, следовательно, не выполняет свою функцию должным образом применительно к землям сельскохозяйственного назначения.

Список литературы:

1. Волков Г.А. Принципы земельного права как важнейший элемент эколого-правового механизма (в развитие идей В.В. Петрова) // Экологическое право. 2009. № 2/3 (специальный выпуск). С. 60 – 68.
2. Волков Г.А. Принципы земельного права России. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. – 336 с.
3. Волков Г.А., Голиченков А.К., Козырь О.М. Постатейный научно-практический комментарий Земельного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2002.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Жуйков В.И., Суворова С.П., Титков А.А. Особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья: проблемы и аспекты управления в системе ценностно-смыслового управления (региональный аспект) // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 9 (115). С. 109 – 118.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. Игнатьева И.А. Объекты экологического права под особой охраной: актуальность систематизации // Экологическое право. 2019. № 6. С. 12 – 17.
8. Игнатьева И.А. Объекты электроэнергетики на землях сельскохозяйственного назначения: правовые проблемы и судебная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 8. С. 75 – 87.
9. Крассов О.И. Правовое обеспечение сохранения экологических систем на землях сельскохозяйственного назначения // Экологическое право. 2005. № 1. С. 35 – 40.
10. Крассов О.И. Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. 2012. № 2. С. 16 – 21.
11. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
12. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с.
13. Минина Е.Л. Нормативное закрепление принципов природоресурсного законодательства // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 162 – 177.
14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.11.2019 № Ф03-5113/2019 по делу № А04-1479/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2020 № 06АП-908/2020 по делу № А04-7961/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Сырых Е.В. Публичные интересы в отношении земель сельскохозяйственных угодий // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 1. С. 17 – 19.
17. Умеренко Ю.А. Проблемы обеспечения правового режима земель историко-культурного назначения // Современное право. 2016. № 1. С. 72 – 81.
18. Устюкова В.В. Особо ценные земли: понятие, виды и проблемы сохранения ценных земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 20 – 23.

¹ См., напр.: Устюкова В.В. Перевод земель сельскохозяйственного назначения в земли иных категорий: некоторые вопросы теории и практики правоприменения // Право и политика. 2023. № 8. С. 1-12; Игнатьева И.А. Объекты экологического права под особой охраной: актуальность систематизации // Экологическое право. 2019. № 6. С. 12 – 17.

² Сырых Е.В. Публичные интересы в отношении земель сельскохозяйственных угодий // Правовые вопросы недвижимости. 2024. № 1. С. 17 – 19.

³ Игнатьева И.А. Объекты электроэнергетики на землях сельскохозяйственного назначения: правовые проблемы и судебная практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 8. С. 75 – 87.

19. Устюкова В.В. Перевод земель сельскохозяйственного назначения в земли иных категорий: некоторые вопросы теории и практики правоприменения // Право и политика. 2023. № 8. С. 1-12.
20. Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5013.
21. Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1585.
22. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5276.

References:

1. Volkov, G.A. "Principles of Land Law as a Key Element of the Environmental-Legal Mechanism (Building on V.V. Petrov's Ideas)" // Environmental Law. 2009. No. 2/3 (special issue). pp. 60–68.
2. Volkov, G.A. "Principles of Land Law in Russia". Moscow: Gorodets Publishing House, 2005. 336 p.
3. Volkov, G.A., Golichenkov, A.K., Kozyr, O.M. "Article-by-Article Scientific and Practical Commentary on the Land Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus Scientific and Practical System. 2002.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. Zhuykov V.I., Suvorova S.P., Titkov A.A. Particularly valuable productive agricultural lands: problems and aspects of management in the system of value-based management (regional aspect) // Economy, labor, management in agriculture. 2024. No. 9 (115). Pp. 109–118.
6. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.
7. Ignatyeva I.A. Objects of environmental law under special protection: the relevance of systematization // Environmental law. 2019. No. 6. Pp. 12–17.
8. Ignatyeva I.A. Electric Power Facilities on Agricultural Lands: Legal Issues and Case Law // Property Relations in the Russian Federation. 2018. No. 8. Pp. 75–87.
9. Krassov O.I. Legal Support for the Preservation of Ecological Systems on Agricultural Lands // Environmental Law. 2005. No. 1. Pp. 35–40.
10. Krassov O.I. Permitted Use and Specific Purpose of a Land Plot // Environmental Law. 2012. No. 2. Pp. 16–21.
11. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 No. 200-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 50. Art. 5278.
12. Melnikov N.N. Objects of Land Legal Relations: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2024. 302 p.
13. Minina E.L. Normative Consolidation of the Principles of Natural Resource Legislation // Journal of Russian Law. 2021. No. 6. pp. 162–177.
14. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated November 22, 2019 No. F03-5113/2019 in Case No. A04-1479/2019 // SPS "ConsultantPlus".
15. Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated 02.06.2020 No. 06AP-908/2020 in case No. A04-7961/2019 // SPS "ConsultantPlus".
16. Syrykh E.V. Public Interests in Relation to Agricultural Lands // Legal Issues of Real Estate. 2024. No. 1. pp. 17–19.
17. Umerenko Yu.A. Problems of Ensuring the Legal Regime of Lands of Historical and Cultural Designation // Modern Law. 2016. No. 1. pp. 72–81.
18. Ustyukova V.V. Particularly Valuable Lands: Concept, Types, and Problems of Preserving Valuable Agricultural Lands // Agrarian and Land Law. 2019. No. 9 (177). Pp. 20–23.
19. Ustyukova V.V. Transfer of Agricultural Land to Land of Other Categories: Some Issues of Theory and Practice of Law Enforcement // Law and Politics. 2023. No. 8. Pp. 1–12.
20. Federal Law of July 31, 2020 No. 254-FZ "On the Specifics of Regulating Certain Relations for the Purpose of Implementing Priority Projects for the Modernization and Expansion of Infrastructure and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5013.
21. Federal Law of April 1, 2025 No. 52-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 14. Art. 1585.
22. Federal Law of 21.12.2004 No. 172-FZ "On the Transfer of Lands or Land Plots from One Category to Another" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 52 (Part 1). Art. 5276.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_126

УДК 349.41

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ В СЛУЧАЕ ИЗЪЯТИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ¹

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY LAWFUL ACTIONS OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CASE OF REAL ESTATE SEIZURE: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

САМОНЧИК Ольга Анатольевна,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: raps-07@mail.ru;

SAMONCHIK Olga Anatolyevna,

PhD in law, senior research associate of the ecological, land and agrarian law department
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: raps-07@mail.ru

Статья подготовлена с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Краткая аннотация: в статье рассматриваются используемые в законодательстве понятия «возмещение убытков» и «компенсация ущерба» применительно к изъятию объектов недвижимости, показано, что в научной литературе и на практике они нередко применяются как взаимозаменяемые. Анализируются некоторые проблемы в регулировании возмещения убытков при изъятии земельных участков для публичных нужд, в том числе в свете новаций ЗК РФ. Исследование судебной практики позволило автору выявить определенные проблемы в случае изъятия участков из земель сельхозназначения, сделать ряд предложений по совершенствованию законодательства в этой области.

Abstract: The article examines the concepts of "compensation for losses" and "compensation for damage" used in legislation in relation to the seizure of real estate, and shows that they are often used interchangeably in scientific literature and practice. The article analyzes some issues in the regulation of compensation for losses in the case of seizure of land plots for public needs, including in light of the amendments to the Land Code of the Russian Federation. The study of judicial practice allowed the author to identify certain problems in the case of seizure of land plots from agricultural lands, and to make a number of suggestions for improving legislation in this area.

Ключевые слова: правомерные действия публичных органов, изъятие объектов недвижимости, публичные нужды, компенсация ущерба, возмещение убытков, предварительное и равноценное возмещение.

Key words: legal actions by public authorities, seizure of real estate, public needs, compensation for damage, reimbursement of losses, preliminary and equivalent compensation.

Для цитирования: Самончик О.А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями публичных органов в случае изъятия недвижимого имущества: некоторые проблемы теории и практики // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 126-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_126.

For citation: Samonchik O.A. Compensation for damage caused by lawful actions of public authorities in the case of real estate seizure: some theoretical and practical issues // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 126-130. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_126.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

Конституция РФ в ч. 3 ст. 35 устанавливает, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

В контексте темы исследования термин «возмещение» применяется в законодательстве в различных вариантах: возмещение вреда, возмещение убытков, возмещение ущерба, иногда вместо возмещения применяется термин «компенсация». При этом какого-то четкого смыслового различия между ними не прослеживается. То же самое имеет место и в правоприменительной практике. Из этого можно сделать вывод, что понятия «возмещение убытков (вреда, ущерба)» и «компенсация ущерба (вреда, убытков)» в связи с изъятием недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд используются, по сути, как взаимозаменяемые.

Это подтверждается и при обращении к словарям. Так, в Словаре бизнес-терминов указано, что возмещение вреда - это компенсация имущественного ущерба, возникшего в результате причинения вреда [1]. В Энциклопедии права поясняется, что возмещение вреда — (англ. indemnification) это компенсация имущественного ущерба, а также морального (неимущественного) вреда, возникшего в результате его причинения [2]. В словарях русского языка слова «возмещение» и «компенсация» указываются, как правило, в качестве синонимов [3].

Общее понятие убытков содержится в п. 1 ст. 15 ГК РФ, под которыми понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено

¹ Начало. Продолжение в одном из следующих номеров.

(упущенная выгода). Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков.

Аналогично в Земельном кодексе РФ (ст. 62) предусмотрено общее требование о возмещении в полном объеме (включая упущенную выгоду) убытков, причиненных виновным нарушением прав собственников и других пользователей земельных участков.

В случае причинения убытков неправомерными действиями (бездействием) публичных органов применяются нормы общей ст. 15 ГК РФ и специальных статей 16 и 1069 ГК РФ. Статья 15 закрепляет универсальный способ защиты гражданских прав. Предусмотренное в ней требование о возмещении убытков рассматривается как форма гражданско-правовой ответственности за неправомерные действия [4]. Статьи ст. 16 «Возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления» и ст. 1069 «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» предусматривают возмещение убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) публичных органов и их должностных лиц, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта публичного органа.

Земельным кодексом РФ также предусмотрено возмещение убытков, причиненных в результате не соответствующих закону или иным нормативным правовым актам неправомерных действий публичных органов, в том числе принятия не соответствующих закону и иным указанным актам решений. Согласно п. 1.1 ст. 57 ЗК возмещение таких убытков осуществляется в соответствии со ст. 61 ЗК РФ, в п. 2 которой, в свою очередь, дается отсылка к гражданскому законодательству, то есть фактически к упомянутым ст. 15, 16 и 1069 ГК РФ.

Поскольку ГК РФ в первоначальной редакции не содержал норм, устанавливающих механизм определения размера возмещения в случаях, когда имущественные потери причинены правомерными действиями [5], в том числе в результате принятия публичными органами решений об изъятии объектов недвижимости для публичных нужд, то при подготовке проекта Федерального закона «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] ставилась задача предусмотреть такой механизм в новой статье.

Однако этого не было сделано, и в итоге в ст. 16.1 ГК РФ прописано только общее правило, согласно которому в случаях и в порядке, предусмотренных законом, подлежит компенсации ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия (выделено мною – О.С.). Таким образом, ст. 16.1 закрепила в отношении действий публичных органов уже существующее в п. 3 ст. 1064 ГК РФ положение о праве на возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. При этом указывается, что случаи и порядок компенсации ущерба определяются законом.

По мнению Пленума Верховного Суда РФ, установленная ст. 16.1 ГК РФ возможность компенсации при изъятии объектов недвижимости для публичных нужд предусмотрена п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ [7]. По поводу относимости этих статей к ст. 16.1 ГК РФ в юридической литературе было высказано сомнение. Так, авторами одной из монографий указывается, что «в ст. 279 «Изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд» о компенсации ущерба речь не идет. Наименование ст. 281 «Возмещение за изымаемый земельный участок» ГК РФ и ее требование о непереносимом равноценном возмещении причиненного ущерба прямо опровергает предположение, что в этом случае может быть применена компенсация» [8]. Такая позиция представляется небесспорной.

Действительно, в этих двух статьях говорится о возмещении, а не о компенсации. Однако, как отмечалось выше, эти два термина, как правило, используются в законодательстве как взаимозаменяемые. Не совсем понятен тезис авторов о том, что требование о непереносимом равноценном возмещении причиненного ущерба прямо опровергает предположение, что в этом случае может быть применена компенсация. Вероятно, авторы видят между возмещением ущерба и компенсацией ущерба существенное правовое различие, но, к сожалению, не поясняют, в чем оно состоит.

В рамках рассматриваемой темы небезынтересно вспомнить, что в ст. 279, 281 ГК РФ (в ред. до 01.04.2015 г.) было предусмотрено, что принудительное изъятие земельного участка у собственника для государственных или муниципальных нужд осуществляется путем выкупа, и за изъятие предусматривалась плата за земельный участок (выкупная цена). Аналогичные положения были предусмотрены и в ст. 55 ЗК РФ (утр. силу с 01.04.2015 г.).

Необходимо отметить, что при определении выкупной цены в нее включалась не только рыночная стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, но и все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду (п. 2 ст. 281 ГК РФ в ред. до 01.04.2015 г.). Таким образом, ГК РФ хотя и оперировал термином «выкупная цена земельного участка», но по сути оно означало «равноценное возмещение». Это подтверждалось и судебной практикой [9].

Внесенные Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ [10] в ГК РФ и ЗК РФ изменения предусматривают для всех правообладателей изъятие земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости для государственных или муниципальных нужд путем прекращения права с обязательным возмещением (в том числе для собственников вместо выкупа), размер которого определяется соглашением об изъятии, а в случае принудительного изъятия – судом (п. 6 ст. 279 ГК РФ, ст. 56.8, 56.9, 56.11 ЗК РФ).

Гражданский и Земельный кодекс РФ фактически устанавливают две формы возмещения: денежную и натуральную (ст. 281 ГК РФ, ст. 56.8, 56.11 ЗК РФ). В ст. 56.8 ЗК определяются состав возмещения за земельные участки, изымаемые для публичных нужд, особенности определения размера возмещения, а также рыночной стоимости земельных участков, передаваемых взамен изымаемых, или прав, на которых предоставляются земельные участки взамен изымаемых.

Итак, требование ст. 16.1 ГК РФ за ущерб, причиненный, в частности, имуществу граждан и юридических лиц правомерными действи-

ями органов государственной власти и местного самоуправления, имеет общий характер и предусматривает выплату компенсации (возмещения). Это касается, в том числе, ущерба от изъятия земельных участков и других объектов недвижимости. Это может быть также ущерб, причиненный установлением ограничений прав собственников и других правообладателей земельных участков, например, при установлении или изменении зон с особыми условиями использования территории (ст. 57, 57.1 ЗК РФ).

Возвращаясь к вопросу об определении размера возмещения, напомним, что оно должно осуществляться в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [11]. Проведение оценки организует уполномоченный орган, принявший решение об изъятии, или организация, которая ходатайствовала об изъятии (пп. 5 п. 1 ст. 56.7 ЗК РФ). Согласно ст. 8 Закона № 135-ФЗ проведение оценки при изъятии имущества для государственных или муниципальных нужд является обязательным. Это требование касается как принудительного изъятия по решению суда, так и изъятия по соглашению.

Правообладатель изымаемого недвижимого имущества может оспорить указанный отчет в суде как недостоверный. При возникновении разногласий по вопросу определения стоимости выкупаемого имущества правообладатель может ходатайствовать перед судом о назначении судебной экспертизы. На практике известен случай, когда правообладатель по собственной инициативе подготовил отчет об оценке рыночной стоимости принадлежащего ему объекта недвижимости в связи с неисполнением уполномоченным органом требования ст. 56.7 ЗК РФ об организации проведения оценки. И суд принял его, однако из-за возникшего спора по установленному в отчете размеру возмещения была назначена судебная экспертиза для определения суммы возмещения [12].

Вернемся к конституционному требованию о предварительном и равноценном возмещении в случае принудительного отчуждения имущества для публичных нужд. Гражданский кодекс РФ закрепил его в п. 4 ст. 281 применительно к изъятию земельных участков, что касается ЗК РФ, то прямого требования о предварительном возмещении, то есть возмещении до изъятия земельного участка, в нем не предусмотрено [13]. Надо, однако, сказать, что это требование все-таки присутствует в ЗК, хотя и в весьма своеобразном изложении.

Так, в п. 2 ст. 56.11 указывается, что если в соглашении об изъятии земельного участка и объектов недвижимого имущества либо во вступившем в законную силу решении суда о принудительном изъятии этих объектов предусмотрено полное или частичное возмещение в денежной форме, то только после предоставления этого возмещения наступают последствия, предусмотренные п. 1 ст. 56.11 ЗК. О каких последствиях идет речь?

В п. 1 ст. 56.11 ЗК установлено, что соглашение об изъятии недвижимости-либо вступившее в законную силу решение суда являются основанием для перехода права собственности на земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости, находящиеся в частной собственности; для прекращения других прав на такие объекты; для государственной регистрации возникновения, прекращения или перехода прав на изъятые земельный участок и иные объекты недвижимого имущества; и т.д.

Предоставление возмещения в денежной форме подтверждается платежным поручением о внесении средств на расчетный счет правообладателя изымаемой недвижимости или о внесении средств в депозит нотариуса, иными подтверждающими выплату таких денежных средств документами (п. 2 ст. 56.11 ЗК).

Представляется, что за приведенными казуистическими формулировками просматривается требование о предварительном возмещении убытков.

Приведу небезыңтересные, на мой взгляд, разъяснения, содержащиеся в письме Росфинмониторинга от 28.03.2025 № 01-01-33/8549 «О рассмотрении обращения» [14], согласно которым изъятие земельного участка в принудительном порядке по решению суда на основании ст. 282 ГК РФ и п. 10 ст. 56.10 ЗК РФ не является сделкой. Следовательно, в этом случае операция по переводу денежных средств не подлежит обязательному контролю в соответствии с п. 1.1 ст. 6 Федерального закона от 07 августа 2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [15].

А вот с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд, осуществляемым на основании соглашения об изъятии, все ровно наоборот. Такое изъятие рассматривается Росфинмониторингом в качестве сделки, поэтому операция по переводу денежных средств в качестве возмещения на сумму равную или превышающую 5 млн. руб. либо эквивалент в иностранной валюте подлежит обязательному контролю в соответствии с п. 1.1 ст. 6 указанного Закона № 115-ФЗ.

При рассмотрении вопроса о возмещении убытков, причиненных изъятием земельных участков для публичных нужд, нельзя не сказать об особой важности четкого и полного правового регулирования этих отношений для изъятия земель сельскохозяйственного назначения, поскольку эти земли являются наиболее ценной категорией земель и главным средством производства в сельском хозяйстве и подлежат особой охране и защите от выбытия из аграрной сферы.

Необходимо отметить, что на практике возмещение за изымаемую недвижимость, особенно при наличии спора по его размеру, нередко затягивается на длительный срок после фактического изъятия участка. В результате правообладатель недвижимости может испытывать негативные последствия. Особенно болезненно это может отразиться на сельскохозяйственных товаропроизводителях, поскольку их деятельность носит сезонный характер и предполагает предварительное вложение значительных средств, чтобы получить прибыль в достаточно отдаленном будущем. Отсутствие же необходимых денежных средств в определенный период может привести в дальнейшем к значительным потерям или даже к полному разорению сельхозтоваропроизводителя, особенно это касается малых и средних форм хозяйствования.

Однако действующее законодательство не предусматривает каких-либо специальных требований, направленных на предотвращение подобных ситуаций в случае изъятия земель сельскохозяйственного назначения. Одним из наиболее важных направлений совершенствования

законодательства в этой области может стать установление четких правил по соблюдению конституционной нормы о предварительном и равноценном возмещении за изымаемые земельные участки и расположенные на них объекты недвижимости.

В отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения такие правила можно было бы предусмотреть в специальном Федеральном законе от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [16], к сфере действия которого относится определение условий изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в государственную или муниципальную собственность (п. 1 ст. 1). Однако никаких специальных условий для изъятия таких земельных участков в Законе до настоящего времени не установлено. А в ст. 6.1 «Принудительное изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд» только указано, что такое изъятие осуществляется в соответствии с земельным и гражданским законодательством.

О нечеткости правового регулирования рассматриваемых отношений свидетельствуют достаточно частые судебные споры об изъятии земельных участков, в том числе участков сельхозназначения. Особенно наглядно это видно на примере рассмотрения Конституционным судом РФ (5 февраля 2026 г.) жалобы ИП А.Д. Краснощекова о проверке конституционности положений п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 Гражданского кодекса РФ, п. 2 ст. 56.11 Земельного кодекса РФ [17].

История этого дела состоит в следующем. Заявитель жалобы, ИП А.Д. Краснощеков (далее - ИП), владел земельным участком (площадью 4,3 га) сельхозназначения в Тверской области. В апреле 2024 г. Государственная компания «Российские автомобильные дороги» обратилась в Арбитражный суд Тверской области с иском об изъятии у А.Д. Краснощекова этого участка для нужд Российской Федерации в целях строительства скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург с установлением возмещения в размере 899 550 руб.

Из-за возникшего спора относительно суммы возмещения суд выделил рассмотрение требования об установлении размера компенсации в отдельное производство.

20 августа 2024 г. суд удовлетворил иск об изъятии земельного участка. Решение было обращено к немедленному исполнению для ввода в эксплуатацию участка дороги, который имеет особое государственное значение. Только через семь месяцев, в марте 2025 г. суд назначил заявителю компенсацию в размере 1,9 млн руб. До этого ИП безрезультатно обжаловал решение об изъятии собственности без выплаты компенсации.

В жалобе в Конституционный Суд РФ заявитель указывает, что по смыслу, придаваемому обжалуемым нормам п. 6 ст. 279, п. 4 ст. 281 ГК РФ, п. 2 ст. 56.11 ЗК РФ правоприменительной практикой, они допускают изъятие недвижимости для государства без предоставления правообладателю предварительного возмещения. Представители же органов власти утверждают, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции, что при этом не препятствует их дополнительному конституционно-правовому истолкованию с целью обоснованного и оптимального достижения баланса частного и публичных интересов [17].

Так как решение по данной жалобе на момент написания статьи Конституционным судом РФ еще не вынесено, то более подробный разбор этого дела будет дан в одном из следующих номеров журнала.

Обратим внимание, что с 01 марта 2026 г. вступили в силу изменения, внесенные в ЗК РФ и некоторые другие законы Федеральным законом от 01 апреля 2025 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18]. В ст. 56.3 ЗК введен новый пункт 9, которым установлен запрет на изъятие для государственных или муниципальных нужд земельных участков, занятых сельскохозяйственными угодьями, в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых.

Однако из этого правила предусмотрено исключение. Согласно п. 2 ст. 4 Закона № 52-ФЗ по 31 декабря 2033 г. допускается изъятие для публичных нужд таких земельных участков в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых, если это необходимо для реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры, указанных в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ.

Список литературы:

1. Словарь бизнес-терминов. Составители: Грэхэм Бетс, Барри Брайндли, С. Уильямс и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М., 1998 год. // <https://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/index.htm>.
2. Энциклопедия права. 2015 // <https://encyclopedia.prava.academic.ru/>
3. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992.
4. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (разд. 1.4) // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 3. С. 2 - 13.
5. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (разд. 1.4) // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 3. С. 2 - 13.
6. СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
7. Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август. 2015.
8. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗИСП, НОРМА, ИНФРА-М. 2017. 432 с.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Вестник ВАС РФ. 2005. № 5.
10. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 52.
11. СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
12. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2023 по делу № А06-7754/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Ранее это требование было закреплено в п. 2 ст. 55 ЗК РФ, однако статья утратила силу в связи с принятием Федерального закона № 499-ФЗ.
14. Вестник Ассоциации российских банков. № 7-8 (апрель). 2025.
15. СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
16. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
17. Арстанова А. КС проверяет конституционность норм о процедуре изъятия недвижимости для государственных нужд // Адвокатская газета. № 5 (454) 16-31 марта 2026 г. // <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/>
18. СЗ РФ. 2025. № 14. Ст. 1585.

References:

1. Dictionary of business terms. Compiled by Graham Betts, Barry Brindley, S. Williams, and others. General edition: Doctor of Economics, Osadchaya I. M., 1998. // <https://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/index.htm>
2. Encyclopedia of Law. 2015 // https://encyclopedia_prava.academic.ru/
3. Ozhegov's explanatory dictionary. S. I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949-1992.
4. The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation (section 1.4) // Bulletin of Notary Practice. 2009. No. 3. pp. 2-13.
5. The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation (section 1.4) // Bulletin of Notary Practice. 2009. No. 3. pp. 2-13.
6. SZ RF. 2012. No. 53 (Part 1). V. 7627.
7. Paragraph 16 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by the court of certain provisions of Section and Part one of the Civil Code of the Russian Federation" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 8, August 2015.
8. Judicial practice in the modern legal system of Russia: a monograph / T. Ya. Khabrieva, V. V. Lazarev, A.V. Gabov et al. edited by T. E. Khabrieva, V. V. Lazareva. Moscow: IZISP, NORM, INFRA-M. 2017. 432 p
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 24, 2005 No. 11 "On some issues related to the application of land legislation" //Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2005. No. 5.
10. Federal Law No. 499-FZ of December 31, 2014 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" //Federal Law of the Russian Federation. 2015. No. 1 (part I). V. 52.
11. Law of the Russian Federation. 1998. No. 31.Art. 3813.
12. Decision of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 31.01.2023 in case No. A06-7754/2021 //SPS ConsultantPlus.
13. Previously, this requirement was fixed in paragraph 2 of V. 55 of the CC RF, however, the article became invalid due to the adoption of Federal Law No. 499-FZ.
14. Bulletin of the Association of Russian Banks. No. 7-8 (April). 2025.
15. Law of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). V. 3418.
16. LAW of the Russian Federation. 2002. No. 30.Art. 3018.
17. Arstanova A. The Constitutional Court verifies the constitutionality of the norms on the procedure for the seizure of real estate for state needs //Advocate newspaper. No. 5 (454) March 16-31, 2026 r. // <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-proveryaet-konstitutsionnost-norm-o-protsedure-izyatiya-nedvizhimosti-dlya-gosudarstvennykh-nuzhd/>
18. Federal Law of the Russian Federation. 2025. No. 14.Art. 1585.

МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЬЕТНАМА THE MODEL OF LEGAL REGULATION OF LAND RELATIONS: THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND VIETNAM

Буй Хонг Ньунг,

аспирант кафедры экологического и природоресурсного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9 стр. 1.
E-mail: bnhhung92@mail.ru;

BUI Hong Nhung,

PhD Student at the Department of Environmental and Natural Resource Law
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA).
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1.
E-mail: bnhhung92@mail.ru

Краткая аннотация: Для любой страны государственный суверенитет всегда является самым важным. Это создало потребность в том, чтобы правовая модель регулирования земельных отношений соответствовала геополитическим условиям, экологической обстановке, историческим традициям. Это также важная основа для экономического, социального и социального развития страны. Между Российской Федерацией и Вьетнамом существует много общего с точки зрения земельно-правовых институтов в контексте социально-экономического развития. Поэтому в статье автор будет опираться на эти факторы при проведении компаративного анализа в целях выявления особенностей правового регулирования земельных отношений. В статье сформированы понятие и особенности модели правового регулирования земельных отношений во Вьетнаме, а также направления ее совершенствования с учетом правового опыта в Российской Федерации.

Abstract: For any country, state sovereignty is always paramount. This has created a need for the legal model regulating land relations to be consistent with geopolitical conditions, the environmental situation, and historical traditions. This is also an important foundation for the country's economic, social, and economic development. The Russian Federation and Vietnam share many similarities in terms of land-related legal institutions within the context of socioeconomic development. Therefore, in this article, the author will rely on these factors in conducting a comparative analysis to identify the specific features of the legal regulation of land relations. The article develops the concept and features of the legal model regulating land relations in Vietnam, as well as areas for its improvement, taking into account legal experience in the Russian Federation.

Ключевые слова: земельные отношения, модель правового регулирования, Россия, Вьетнам.

Keywords: land relations, legal regulation model, Russia, Vietnam.

Для цитирования: Буй Х.Н. Модель правового регулирования земельных отношений: опыт Российской Федерации и Вьетнама // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 131-135. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_131.

For citation: Bui H.N. The model of legal regulation of land relations: the experience of the Russian Federation and Vietnam // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 131-135. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_131.

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

Чтобы преодолеть последствия гражданской войны и выйти на качественно новый этап социально-экономического развития в Советском Союзе началась индустриализация, экономика страны развивалась по пятилетнему плану. Решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКБ (б) в 1927 году. Идея коллективизации реализована в Советском Союзе в 1928-1937 годах.

Основной этап пришелся на 1929-1930 гг.¹ В земельном секторе основанной вектор – коллективизация, сутью которой стало объединение мелких крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства (далее – колхозы). Эта модель организации сельскохозяйственного землепользования способствовала появлению крупных форм осуществления сельскохозяйственной деятельности, а механизация помогла упростить процесс преобразования рабочей силы и распределения продукции из сельскохозяйственного сектора в промышленный сектор.

Вьетнам – маленькая страна, но ей пришлось пройти через тысячи лет сопротивления захватчикам, чтобы сохранить страну. Мир официально установлен на территории Вьетнама с 1975 г. Поэтому для скорейшего восстановления страны, а также развития экономики вьетнамским руководителям и народу необходимо было найти для себя правильный и подходящий путь. И Хо Ши Мин (1890 – 1969) – великий лидер вьетнамского народа, который побывал в деловых поездках во многие страны (с 1911 года), исследовал и изучал процесс развития этих стран, чтобы выбрать подходящую модель социально-экономического развития для Вьетнама. Он решил выбрать социалистическую модель в качестве цели развития.

Путь к формированию идеологии социализма Хо Ши Мина во Вьетнаме лежал в процессе восприятия и трансформации идеологии от патриотизма к марксизму-ленинизму.

Благодаря своему положению в социалистическом блоке и достижениям, которых ранее достиг Советский Союз, Вьетнам также реализовал модель коллективизации, известную как «период субсидий». Это был период, происходивший в 1964-1975 годах на севере Вьетнама и период 1976-1986 годов по всей стране².

¹ «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии»: Доклад И. В. Сталина активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. Режим доступа: URL: www.marxists.org (дата обращения 29 октября 2025 г.)

² Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Вьетнама. URL: <https://tapchicongthuong.vn> (дата обращения: 29 октября 2025 г.).

Почти вся экономическая и социальная деятельность осуществляется в соответствии с централизованно планируемой экономической моделью, которой управляет государство.

Важнейшими факторами, определявшими развитие земельного права в Российской Федерации и Вьетнаме в тот период, были изменения в правовом регулировании земельных отношений. Это подтверждается следующими моментами:

Во-первых, отмена частной собственности на землю.

В Декрете о земле 1917 г. закреплялось, что «1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частнолпщеская, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней. За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования»¹.

В статье 1 Декрета СНК «О социализации земли от 27 января 1918 г. устанавливает, что «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда»².

Во Вьетнаме в статье 1 Закона о земельной реформе 1953 г. тоже признавалось, что «целью и смыслом земельной реформы являются: отмена права собственности землей французских колонизаторов и других вторгшихся империалистов во Вьетнаме, феодального режима собственности землей класса помещиков и признания права собственности трудящихся крестьян».

Во-вторых, право землепользования принадлежит только крестьянам.

Статья 3 Декрет СНК «О социализации земли» предусматривал, что «право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, кроме случаев, особо предусмотренных настоящим законом».

В статье 25 Закона о земельной реформе 1953 Вьетнама: земли предоставляются только следующим субъектам:

1) крестьянам, не имеющим земли или которым не хватает землей. Это бедные крестьяне и безземельные крестьяне среднего класса. Богатые крестьяне - земледельцы, были разделены;

2) бедные сельские жители (кустари, мельники, торговцы корзинами, продавцы бамбука, рыбаки и т. д.), если им не хватает на жизнь и есть силы пахать, им дадут часть, чтобы восполнить их жизненные потребности и т.п.».

В-третьих, не допускались гражданско-правовые сделки с земельными участками

В Законе о земельной реформе 1953 года, а также в Закон о земле 1987 г. Вьетнама не содержатся каких-либо положений, разрешающих сделки с землей. Это установление зафиксировано в статье 5 Закона о земле 1987 г.: «запрещаться покупать, продавать, посягать на землю, занимать землю, сдавать землю в любую форму пользования, получать выделенную землю без ее использования, использовать ее для иных целей, а также незаконно использовать земли сельскохозяйственного назначения, лесные массивы, уничтожать земли».

Однако, с развитием экономических отношений этот запрет привел к тому, что появились чересполосица, дальнотельность и т.п. Это повлияло на процесс сельскохозяйственного производства. Поэтому нормативные правовые акты обеих стран стали содержать положения об обмене землями, чтобы избежать дублирования, толкания и т. д.

В статье 36 Декрета СНК «О социализации земли» устанавливалось, что «в целях борьбы с чересполосицей, тормозящей развитие сельского хозяйства, земли как коллективного, так и единоличного пользования должны отдаваться по возможности к одному месту».

В статье 16 Закона о земле Вьетнама 1987 г. с содержанием «передача права землепользования осуществляется только в следующих случаях:

1. когда крестьяне хозяйства вступают в сельскохозяйственные и лесохозяйственные производственные кооперативы и корпорации или выходят из них;

2. когда кооперативы, сельскохозяйственные производственные корпорации и частные лица договариваются об обмене землей друг с другом для реорганизации производства».

Таким образом, генезис правового регулирования земельных отношений в РФ и Вьетнаме имеет определенное сходство, в настоящее время в связи с процессом социально-экономического и государственного развития, модели правового регулирования земельных отношений прав в Российской Федерации и во Вьетнаме отличаются.

Во-первых, по формам собственности на землю.

В Российской Федерации признается множество форм права собственности на землю, в том числе частная собственность (физических или юридических лиц), государственная собственность (федеральная собственность, собственность субъектов РФ), муниципальная собственность. Эти положения содержатся в Конституции РФ³, Земельном кодексе РФ⁴, Гражданском кодексе РФ⁵.

Что касается Вьетнама, то законодательство признает только одну форму собственности на землю. Конституция Вьетнама 2013 г.⁶

¹ См.: Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957 г. С. 17-20.

² СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

³ Российская газета. 2020. 4 июля.

⁴ Российская газета. 2001. 30 октября.

⁵ Российская газета. 1994. 8 декабря.

⁶ Режим доступа: https://constitutionnet.org/sites/default/files/tranlation_of_vietnams_new_constitution_enuk_2.pdf (дата обращения: 10.11.2025 г.).

устанавливает, что «земля, водные ресурсы, минеральные ресурсы, ресурсы морей и воздушного пространства, другие природные ресурсы и активы, инвестированные и управляемые государством, являются общественными активами, принадлежащими всему народу и государством, представляющим собственника и объединяющим управление».

В Законе «О земле» 2024 г. в статье 12 закрепляет, что существует такая форма права собственности, как государственная, субъектом которой является весь народ. Как отмечается в литературе, «форма собственности на землю - это собственность всего народа. Однако это не режим собственности всего населения - это уровень собственности, базирующийся на землепользовании»¹. Это землепользование предоставляет государство в соответствии с законодательством.

Эта форма собственности на землю во Вьетнаме действительно очень абстрактна. Это может вызвать путаницу у субъектов, участвующих в земельных правоотношениях. Кто в данном случае субъект права собственности и что понимать под таким субъектом, как «весь народ»? Государство является представителем собственности. Означает ли это, что земля, принадлежащая всему народу, и земля, принадлежащая государству, охвачена одним и тем же режимом?

Между тем, действующий земельный закон Вьетнама не содержит конкретного объяснения понятия «земля, принадлежащая всему народу». На наш взгляд, это правовой пробел, требующий восполнения.

Во-вторых, есть отличия в субъектах, участвующих в земельных правоотношениях.

В статье 5 ЗК РФ предусматривается, что участниками земельных отношений являются граждане, юридические лица, РФ, субъекты РФ, муниципальные образования и также иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица. Кроме того, в зависимости от объема прав, участники разделяются на собственников, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков, обладателей сервитута и публичного сервитута.

Во вьетнамском земельном законодательстве классифицируются участвующие субъекты в земельных правоотношениях на основе характера их землепользования. Соответственно, вьетнамское законодательство использует термин «землепользователи» для перечисления участвующих субъектов, в том числе: вьетнамские организации (государственные органы, органы Коммунистической партии Вьетнама, вооруженные формирования, общественно-политические организации...); хозяйственные организации в соответствии с положениями законодательства об инвестициях; религиозные организации; физические лица с гражданством Вьетнама; населённый пункт; иностранные организации с дипломатическим статусом; лица вьетнамского происхождения, проживающие за границей, и экономические организации с иностранным инвестиционным капиталом.

В-третьих, есть отличия в объектах земельных отношений.

Земельное законодательство РФ предусматривает такие объекты земельных отношений, как земля, земельные участки или их части.

Земельный участок является объектом права собственности и иных имущественных прав.

Изначально земельный участок как объект земельных отношений определялся как часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке. Учитывая положения ст. 72 Конституции РФ, согласно которой земельное законодательство – это предмет совместного ведения РФ и субъектов РФ, поэтому субъекты РФ могут принимать свои нормативные правовые акты, регулирующие земельные отношения, в том числе и определять правовой режим отдельных категорий и видов разрешенного использования.

Однако, согласно ст. 8 Конституции РФ «гарантируются единство экономического пространства», а земля – это основа экономики любой страны, поэтому базовые правовые начала должны общими и определяться исключительно на федеральном уровне. Это повлекло изменения в ЗК РФ в части уточнения понятия «земельный участок».

Федеральный закон от 22.07.2008 № 141-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений»² дополнил ЗК РФ главой 1.1, в ст. 11.1 которой земельный участок был определен как часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами. В последствие Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ понятие земельного участка опять стало предусматриваться ст.6 ЗК РФ. Так, сегодня «земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. В случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, могут создаваться искусственные земельные участки». Это правовой подход к определению земельного участка.

Кроме того, ГК РФ был дополнен ст. 141.2, в которой земельным участком признается часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом.

Земельный участок – это очень специфический объект, который можно определить по определенным критериям, таким как: площадь, местоположение, границы, кадастровый номер, правовой режим и другие характеристики, отражаемые в ЕГРН.

В связи с особым режимом собственности земли вьетнамское земельное законодательство признает, что объектом земельных правоотношений является «правом землепользования» по положению статьи 54 Конституции Вьетнама 2013 г. и статьи 16 Закона о земле Вьетнама

¹ См.: Богданов В. Л., Туен Д. Земельные реформы в Республике Вьетнам // Вестник факультета землеустройства Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2020. № 6. С. 22.

² Российская газета. 2008. 25 июля.

³ Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 24.06.2014 г.

1987 г. Конкретно, п. 2 ст. 54 предусматривает, что «организациям и личностями предоставляются земли, сдаются в аренду земли, а также имеют права землепользования, признаваемые государством. Землепользователи имеют право передавать права землепользования и осуществлять права и обязанности в соответствии с положениями закона. Права землепользования охраняются законом». Помимо положений ст. 16 Закона о земле Вьетнама 1987 г., есть и другие статьи, фиксирующие права землепользования, такие как: 9, 17, 21, 22.

Государство предоставляет землепользователям право землепользования в определенной форме в зависимости от цели использования земель. По положению вьетнамского гражданского законодательства в п. 1 ст. 105 ГК РФ Вьетнама 2015 г. устанавливается, что «активы – это предметы, деньги, ценные бумаги и имущественные права», права землепользования теоретически в данном случае считаются видом права собственности. Все гражданско-правовые сделки, которые землепользователи могут совершать, являются оформлением права собственности на землю, например: передача права землепользования; аренда права землепользования...

На самом деле во Вьетнаме было много коллизий между правовыми нормами, а также отсутствие единообразного понимания «права землепользования». Потому что даже в земельном законодательстве нет конкретного понятия права землепользования. Идентификация и описание «прав землепользования» осуществляется через другой объект – «земельный участок»¹.

В-четвертых, различия в основаниях и порядке прекращения права собственности на земельный участок.

Прекращение права собственности на земельный участок обычно понимается как передача земельного участка и переход соответствующих правомочий другому лицу. ЗК РФ предусматривает, что право собственности на земельный участок может прекращаться либо добровольно, либо принудительно, в том числе: изъятие для государственных или муниципальных нужд²; конфискация земельных участков в связи с ненадлежащим использованием, неисполнением залоговых обязательств³; реквизиция земельных участков при возникновении чрезвычайных ситуаций⁴. Основания, условия и порядок прекращения права собственности на земельный участок подробно, по сравнению с Вьетнамом, зафиксированы как в гражданском, так и земельном законодательстве.

По законодательству Вьетнама форма права собственности на землю существует только одна, а право собственности на землю принадлежит всему народу. Поэтому в данном случае во вьетнамском законодательстве используется термин «прекращение прав землепользования».

К случаям прекращения прав землепользования относятся: при изъятии земельного участка (в целях национальной обороны и государственной безопасности⁵; для социально-экономического развития в целях государственных и общественных благ⁶; при нарушении земельного законодательства⁷; некоторые другие объективные случаи⁸, например: истечение срока землепользования, добровольный возврат земли государству или обстоятельства, при которых дальнейшее землепользование угрожает жизни людей и т.д.); реквизиция права землепользования в неотложных случаях, такие как наводнения, стихийные бедствия, экологические катастрофы и пожары и т.п.⁹.

Таким образом, в действующем земельном законодательстве Вьетнама не предусматривается термин «конфискация» как принудительное основание прекращения права землепользования, однако, закрепляется случай изъятия, который имеет тождество по содержанию (при нарушении закона в целом, а не только при совершении преступления).

Правовой анализ земельного законодательства Вьетнама позволяет сделать вывод о том, что земельные законы Вьетнама все еще находятся под влиянием законов бывшего СССР. Полагаю, Вьетнаму необходимо модернизировать модель правового регулирования земельных отношений. Применяя по аналогии доктринальное определение модели правового регулирования, предложенной Н.П. Ворониной, можно сформулировать теоретико-правовое понятие «модель правового регулирования земельных отношений»¹⁰ как совокупности существенных признаков и характеристик внешнего и внутреннего правового воздействия на земельные отношения, направленных на эффективное решение социально-экономических и экологических задач.

В качестве направлений совершенствования модели правового регулирования земельных отношений во Вьетнаме можно предложить следующее.

Во-первых, необходимо пересмотреть режим собственности на землю. Положения Конституции, а также Закона о земле признают, что земля во Вьетнаме принадлежит всему народу, при этом государство представляет собственника и едино в управлении. Однако положение «земля принадлежит всему народу», а также «кто понимается под всем народом» не разъяснено ни в каких правовых актах Вьетнама.

Вместе с тем необходимо четко разграничивать в этом режиме собственности два субъекта — «весь народ» и «государство», а также их конкретные права и обязанности. Многие учёные считают, что право собственности на землю очень абстрактно и сложно для визуализации, поэтому необходимо иметь четкое правовое объяснение.

¹ Пункт 42 статьи 3 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г. «земельный участок – часть земельного площади, ограниченный границами, описанными в кадастровых записях или определенными на местности» (Официальный сайт правительства Социалистической Республики Вьетнам // URL: <https://chinhphu.vn/> (дата обращения: 03 ноября 2025 г.).

² Статья 49 ЗК РФ.

³ Статья 50 ЗК РФ.

⁴ Статья 51 ЗК РФ.

⁵ Статья 78 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г. (Официальный сайт правительства Социалистической Республики Вьетнам // URL: <https://chinhphu.vn/> (дата обращения: 03 ноября 2025 г.).

⁶ Статья 79 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г.

⁷ Статья 81 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г.

⁸ Статья 82 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г.

⁹ Статья 90 Закона о земле Вьетнама от 18.01.2024 г.

¹⁰ Воронина Н. П. К вопросу о понятии и содержании модели правового регулирования создания и деятельности сельскохозяйственных кооперативов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 27.

Во-вторых, необходимо рассмотреть вопрос о том, что является объектом земельных отношений: «земельный участок» или «право землепользования». Это поможет конкретизировать, уточнить и в то же время показать истинную правовую и социально-экономическую природу данного объекта. Необходимо провести четкое разграничение прав субъектов, особенно между «правами на поверхность земли» и «правами на недропользование», потому что это касается строительства и использования подземных сооружений.

В-третьих, с точки зрения юридической терминологии в случаях тогда, когда землепользователь нарушает уголовное законодательство, следует использовать термин «конфискация» или «принудительное прекращение», а не «изъятие» в целях чёткого отличия от изъятия для нужд государства. Это крайне важно, особенно при разрешении вопроса компенсации.

Полагаю, что изучение правового опыта регулирования земельных отношений в РФ и его возможное заимствование при определении современной модели правового регулирования земельных отношений во Вьетнаме поможет эффективному управлению земельными ресурсами во Вьетнаме. Тем более, что «в условиях промышленной революции 4.0 эффективное управление земельными ресурсами требует сочетания цифровых технологий, институциональных реформ и инвестиций в человеческий капитал»¹.

Список литературы:

1. Богданов, В. Л. Земельные реформы в Республике Вьетнам / В. Л. Богданов, Д. Туен // Вестник факультета землеустройства Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2020. – № 6. – С. 20-23.
2. Воронина, Н. П. К вопросу о понятии и содержании модели правового регулирования создания и деятельности сельскохозяйственных кооперативов / Н. П. Воронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 6. – С. 25-28.
3. Ле Минь Лонг Совершенствование организации управления земельными ресурсами в Социалистической Республике Вьетнам: специальность 1.6.15. - Землеустройство, кадастр и мониторинг земель (географические науки): дисс. канд. географ. наук. Москва, 2025. 196 с.
4. Сталин И. В. Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1926 г. «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии». URL: www.marxists.org. (дата обращения: 03 ноября 2025 г.).

References:

1. Bogdanov, V. L. Land reforms in the Republic of Vietnam / V. L. Bogdanov, D. Tuen // Bulletin of the Faculty of Land Management of St. Petersburg State Agrarian University. 2020. No. 6. pp. 20-23.
2. Voronina, N. P. On the issue of the concept and content of the model of legal regulation of the creation and operation of agricultural cooperatives / N. P. Voronina // Gaps in Russian legislation. - 2015. - No. 6. - pp. 25-28.
3. Le Minh Long Improving the organization of land management in the Socialist Republic of Vietnam: specialty 1.6.15. - Land management, cadastre and land monitoring (geographical sciences): Dissertation of the Candidate of Geographical Sciences. Moscow, 2025. 196 p.
4. Stalin I. V. Report to the activists of the Leningrad organization on the work of the plenum of the Central Committee of the CPSU(b) dated April 13, 1926 "On the economic situation of the Soviet Union and the policy of the Party." URL: www.marxists.org. (date of access: November 03, 2025).

¹ Ле Минь Лонг Совершенствование организации управления земельными ресурсами в Социалистической Республике Вьетнам: специальность 1.6.15. - Землеустройство, кадастр и мониторинг земель (географические науки): дисс. канд. географ. наук. Москва, 2025. С. 36.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_136

УДК 338.2

ГРАНТОВАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬХОЗТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТРУМЕНТЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

GRANT SUPPORT FOR AGRICULTURAL PRODUCERS IN THE RUSSIAN FEDERATION: TOOLS, EFFECTIVENESS AND ROLE OF NATIONAL PROJECTS

АЙСНЕР Лариса Юрьевна,

кандидат культурологии, доцент, доцент Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

НАУМОВ Олег Дмитриевич,

кандидат философских наук, руководитель Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

ЛИСИНА Лариса Георгиевна,

Кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, экономики и права
ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.
e-mail: lisina@kspu.ru

АИСНЕР Larissa Yurievna,

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Unified Project Office
Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

NAUMOV Oleg Dmitrievich,

Candidate of Philosophy, Head of the Unified Project Office Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
e-mail: stud.ui@kgau.ru

LISINA Larissa Georgievna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Economics and Law
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.
660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89.
e-mail: lisina@kspu.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается система грантовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в России в контексте реализации государственной аграрной политики и национальных проектов. Особое внимание уделяется интеграции грантовых программ в рамки национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (в части фермерства и кооперации) и национального проекта «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ). Делается вывод о ключевой роли грантов как катализатора вхождения новых участников в АПК и диверсификации сельской экономики, а также обозначаются системные проблемы, требующие решения для повышения эффективности расходования средств.

Abstract: The article examines the system of grant support for agricultural producers in Russia in the context of the implementation of state agricultural policy and national projects. Special attention is paid to the integration of grant programs into the framework of the national project "Small and Medium-Sized Businesses and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives" (in terms of farming and cooperation) and the national project "Integrated Development of Rural Territories" (IDRT). The article concludes that grants play a crucial role as a catalyst for new participants to enter the agricultural sector and diversify the rural economy, and identifies systemic issues that need to be addressed to improve the efficiency of funding.

Ключевые слова: грантовая поддержка, сельхозтоваропроизводители, малые формы хозяйствования, начинающие фермеры, сельскохозяйственная кооперация, государственная аграрная политика, национальные проекты, АПК России.

Keywords: grant support, agricultural producers, small farms, novice farmers, agricultural cooperation, state agricultural policy, national projects, and the Russian agricultural sector.

Для цитирования: Айснер Л.Ю., Наумов О.Д., Лисина Л.Г. Грантовая поддержка сельхозтоваропроизводителей в Российской Федерации: инструменты, эффективность и роль национальных проектов // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 136-138. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_136.

For citation: Aisner L.Yu., Naumov O.D., Lisina L.G. Grant support for agricultural producers in the Russian Federation: tools, effectiveness and role of national projects // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 136-138. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_136.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

Развитие сельского хозяйства и сельских территорий является стратегическим приоритетом Российской Федерации, что закреплено в Доктрине продовольственной безопасности и ряде стратегических программных документов. В условиях необходимости импортозамещения, повышения конкурентоспособности и решения социально-экономических проблем села особую актуальность приобретает поддержка малых форм хозяйствования (МФХ) – крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) и сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК). Одним из наиболее действенных инструментов такой поддержки выступает система грантов.

Рисунок 1 – Нормативно-правовая база и основные механизмы грантовой поддержки.

Ключевыми являются два типа грантов для МФХ:

- грант «Агростартап»: Предоставляется начинающим фермерам на конкурсной основе на создание или развитие КФХ. Максимальный размер гранта – до 5 млн рублей на создание хозяйства (включая бытовые условия) и до 3 млн рублей на развитие семейной животноводческой фермы (СЖФ). Получатель обязан софинансировать проект минимум на 10% собственных средств. Средства можно направить на приобретение земельных участков, техники, скота, оборудования, ремонт и строительство объектов [2,3,4];
- грант на развитие материально-технической базы СПОК: Направлен на укрепление сельскохозяйственной кооперации. Размер гранта – до 70% от затрат по смете, но не более 7 млн рублей на один кооператив. Цели – закупка техники, оборудования, транспорта, строительство и реконструкция объектов переработки и хранения [2,3,4].

Распределение средств происходит через региональные конкурсные комиссии, что позволяет учитывать специализацию территорий. Софинансирование из федерального бюджета составляет, как правило, не менее 70% от общего объема средств на эти цели [3].

Согласно данным Минсельхоза России, программа грантовой поддержки демонстрирует устойчивые количественные показатели: за период 2019–2023 гг.

- гранты «Агростартап» получили более 20 тысяч начинающих фермеров, а на поддержку кооперации было выделено свыше 6 млрд рублей [5];

- в рамках нацпроекта «МСП» на поддержку фермерства и кооперации в 2021–2024 гг. было направлено более 60 млрд рублей [6].

По оценкам Росстата, доля продукции, произведенной МФХ (включая личные подсобные хозяйства населения), стабильно составляет около 40% от общего объема сельхозпродукции в стране [7].

Один из социально-экономических эффектов грантовой поддержки сельхозтоваропроизводителей заключается в создании и модернизации рабочих мест на селе, что является также одной из целей нацпроекта «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ) [8].

В рамках КРСТ грантовая поддержка фермеров является одним из инструментов повышения доходности и, как следствие, улучшения качества жизни в сельской местности.

Грантовые программы не существуют изолированно, они встроены в логику национальных проектов, что усиливает их результативность:

- Нацпроект «Малое и среднее предпринимательство», гранты «Агростартап» и гранты на развитие кооперации являются основным «входным билетом» в агробизнес для новых предпринимателей. Они снижают порог вхождения в отрасль, способствуют легализации и росту самозанятости в сельской местности [5, 6].

- Нацпроект «Комплексное развитие сельских территорий» (КРСТ) способствует тому, что успешный фермер или кооператив, созданный с помощью гранта, становится точкой роста для села. Он создает рабочие места, повышает налогооблагаемую базу, стимулирует развитие социальной и инженерной инфраструктуры, которая также модернизируется по программам КРСТ (например, строительство жилья, ФАПов, дорог). Таким образом, возникает мультипликативный эффект [9].

Анализ отчетов контрольно-надзорных органов и научных исследований выявляет ряд системных сложностей [10,11]:

- неравномерность распределения: Более активными получателями грантов становятся регионы с изначально более развитым малым агробизнесом и подготовленными кадрами, что может усиливать межрегиональную диспропорцию;

- кадровый дефицит – нехватка квалифицированных специалистов, способных подготовить жизнеспособный бизнес-план и грамотно

вести бухгалтерский и управленческий учет после получения гранта, отмечается многими экспертами;

- риски нецелевого использования – отмечаются случаи завышения стоимости приобретаемого имущества или недостаточного контроля за достижением заявленных результатов после выдачи гранта;

- «одноразовость» поддержки – часть получателей грантов сталкивается с трудностями при переходе от стартовой фазы к устойчивому развитию, требуя дальнейшего доступа к кредитным или сбытовым инструментам поддержки, что указывает на необходимость формирования «цепочки» мер поддержки.

Грантовая поддержка сельхозтоваропроизводителей в России доказала свою эффективность как ключевой инструмент привлечения человеческого капитала в АПК и развития сельской предпринимательской инициативы. Интеграция этих программ в структуру национальных проектов создает синергетический эффект, связывая задачи экономического роста сельского хозяйства с комплексным социальным развитием территорий [12]. Для дальнейшего повышения отдачи от вложенных бюджетных средств необходима системная работа по совершенствованию методик конкурсного отбора, усилению консультационного и образовательного сопровождения грантополучателей на всех этапах, а также более тесной увязке грантовой поддержки с мерами по обеспечению сбыта продукции и доступа к долгосрочным кредитным ресурсам. Устранение выявленных проблем позволит грантовой системе стать еще более действенным механизмом обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельских территорий России.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. N 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/72260516/?ysclid=mlkemmmhesy822546450> (дата обращения 22.01.2026)
2. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (в действ. ред.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70210644/?ysclid=mlkdd6x35hx282671534> (дата обращения 31.01.2026)
3. Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку начинающих фермеров и развитие семейных животноводческих ферм, утвержденные постановлением Правительства РФ от 23.02.2021 № 268. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/133080/> (дата обращения 30.01.2026)
4. Постановление Правительства РФ от 28.02.2012 N 166 (ред. от 25.05.2016) «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку начинающих фермеров» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126768/b94982e1ea4cbf7d47c59c78255c9de6a642a970/?ysclid=mlkddqlysh861837304 (дата обращения 31.01.2026)
5. Министерство сельского хозяйства РФ. (2024). Итоги реализации мер поддержки малых форм хозяйствования за 2023 год. Официальный сайт Минсельхоза России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).
7. Сельское хозяйство в России. 2023: Стат. сб./Росстат – М., 2023. – 104 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2023.pdf (дата обращения: 24.01.2026).
8. Паспорт комплексной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (утв. решением Правительства РФ от 24.12.2021 № ММ-П11-19234) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408451/?ysclid=mlkddqv8q9835668225 (дата обращения: 27.01.2026).
9. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-п) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения: 27.01.2026).
10. Счетная палата Российской Федерации. (2023). Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2023 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ach.gov.ru/reports/report_2023?ysclid=mlkedpoccc4365285705 (дата обращения: 30.01.2026).
11. Заключение Счетной палаты РФ на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (раздел «Сельское хозяйство и рыболовство»). – 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/iblock/34f/4ofrijyloxr6ngna0g6az1h53oqtrvu/GRBS_Kaznacheystvo.pdf?ysclid=mlkej6iz92517126034 (дата обращения: 30.01.2026).
12. Ушаев, И.Г. Основные направления комплексного развития сельских территорий России / И.Г. Ушаев, Л.В. Бондаренко, В.С. Чекалин // Вестник РАН, 2021, Т.91, №4, С. 316-325. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=vestnik&y=2021&v=91&n=4&a=Vestnik2104011Ushachev&ysclid=mlkdvnmnda2524986909> (дата обращения: 30.01.2026).

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 31, 2019, No. 696 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Integrated Development of Rural Territories' and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" (as amended and supplemented) [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/72260516/?ysclid=mlkemmmhesy822546450> (accessed on 22.01.2026)
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 717 dated 14.07.2012 "On the State Program for the Development of Agriculture and the Regulation of Agricultural Products, Raw Materials, and Food Markets" (as amended) [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/70210644/?ysclid=mlkdd6x35hx282671534> (accessed on 31.01.2026)
3. Rules for providing and distributing subsidies from the federal budget to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for supporting novice farmers and developing family livestock farms, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated February 23, 2021, No. 268. [Electronic resource]. Access mode: <http://government.ru/docs/all/133080/> (accessed on 30.01.2026)
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 166 dated February 28, 2012 (as amended on May 25, 2016), "On Approval of the Rules for Providing and Distributing Subsidies from the Federal Budget to the Budgets of the Subjects of the Russian Federation for Supporting Beginning Farmers" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126768/b94982e1ea4cbf7d47c59c78255c9de6a642a970/?ysclid=mlkddqlysh861837304 (accessed on 31.01.2026)
5. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. (2024). Results of the implementation of support measures for small forms of farming in 2023. Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: <https://mcx.gov.ru/> (accessed on 20.01.2026).
6. Passport of the National Project "Small and Medium-Sized Businesses and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 16 dated 24.12.2018). [Electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAvcs8A5t.pdf> (accessed on 22.01.2026).
7. Agriculture in Russia. 2023: Statistical Bulletin/Rosstat – M., 2023. – 104 p. [Electronic resource]. Access mode: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2023.pdf (accessed on 24.01.2026).
8. Passport of the Comprehensive Program of the Russian Federation "Comprehensive Development of Rural Areas" (approved by the decision of the Government of the Russian Federation dated 24.12.2021 No. ММ-П11-19234) [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408451/?ysclid=mlkddqv8q9835668225 (accessed on 27.01.2026).
9. Sustainable Development Strategy for Rural Areas of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 151-p dated February 2, 2015) [Electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (accessed on 27.01.2026).
10. Accounts Chamber of the Russian Federation. (2023). Report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://ach.gov.ru/reports/report_2023?ysclid=mlkedpoccc4365285705 (accessed on 30.01.2026).
11. Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the draft federal law "On the Federal Budget for 2024 and the planning period of 2025 and 2026" (section "Agriculture and Fisheries"). – 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://ach.gov.ru/upload/iblock/34f/4ofrijyloxr6ngna0g6az1h53oqtrvu/GRBS_Kaznacheystvo.pdf?ysclid=mlkej6iz92517126034 (accessed on 30.01.2026).
12. Ushachev, I.G. The main directions of integrated development of rural areas of Russia / I.G. Ushachev, L.V. Bondarenko, V.S. Chekalin // Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 2021, vol. 91, No. 4, pp. 316-325. [Electronic resource]. Access mode: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=vestnik&y=2021&v=91&n=4&a=Vestnik2104011Ushachev&ysclid=mlkdvnmnda2524986909> (accessed on 30.01.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАБОРОВ ДАННЫХ ПРИ ОБУЧЕНИИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ LEGAL REGULATION OF THE USE OF DATASETS FOR TRAINING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

НЕСВЕТАЙЛОВ Данил Александрович,

студент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
ул. Садово-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Российская Федерация.

E-mail: danil.nesvetailov0@yandex.ru;

NESVETAYLOV Danil Aleksandrovich,

student of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation,

E-mail: danil.nesvetailov0@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются особенности правового регулирования использования наборов данных при обучении систем искусственного интеллекта в Российской Федерации. Обосновывается, что действующее законодательство ориентировано преимущественно на сбор и хранение персональных данных и не учитывает функциональные особенности их обработки в целях машинного обучения. Выявлены ключевые правовые проблемы, связанные с применением принципа целевого ограничения, использованием обезличенных данных и отсутствием требований к документированию происхождения датасетов. Обоснован вывод о целесообразности адаптации существующих правовых режимов без формирования самостоятельного федерального закона о наборах данных.

Abstract: The article analyzes the features of the legal regulation of the use of datasets in the training of artificial intelligence systems in the Russian Federation. It is proved that the current legislation is mainly focused on the collection and storage of personal data and does not take into account the functional features of their processing for machine learning purposes. The key legal problems related to the application of the principle of targeted limitation, the use of depersonalized data and the lack of requirements for documenting the origin of datasets have been identified. The conclusion about the expediency of adapting existing legal regimes without forming an independent federal law on personal data is substantiated.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, наборы данных, датасеты, персональные данные, обезличивание, правовое регулирование.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, datasets, personal data, anonymization, legal regulation.

Для цитирования: Несветаилов Д.А. Правовое регулирование использования наборов данных при обучении систем искусственного интеллекта в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 139-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_139.

For citation: Nesvetaylov D.A. Legal regulation of the use of datasets in training artificial intelligence systems in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 139-141. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_139.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние годы сопровождается активным использованием больших массивов данных, применяемых для обучения, тестирования и валидации алгоритмов машинного обучения. Наборы данных (датасеты) становятся ключевым инфраструктурным элементом ИИ-систем, определяющим их качество, точность и воспроизводимость результатов.

Вместе с тем использование датасетов в контексте обучения ИИ ставит перед правом принципиально новые вопросы, связанные с допустимостью вторичной обработки информации, правовым режимом обезличенных данных, распределением ответственности между участниками оборота данных и рисками реперсонализации. Эти вопросы приобретают особую значимость в условиях реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹, утверждённой Указом Президента Российской Федерации, которая ставит задачу формирования этических и правовых норм в сфере ИИ.

В российском законодательстве отсутствует специальное нормативное правовое регулирование, посвящённое наборам данных как самостоятельному объекту. Вместе с тем датасеты опосредованно подпадают под действие различных правовых режимов: как информация (Федеральный закон № 149-ФЗ), как персональные данные (Федеральный закон № 152-ФЗ), как базы данных — объекты интеллектуальных прав (Гражданский кодекс Российской Федерации), а также как обезличенные персональные данные в рамках публично-правового механизма государственного агрегирования (Федеральный закон № 233-ФЗ).

Такое многообразие правовых режимов формирует иллюзию достаточности регулирования. Подобная ситуация ранее отмечалась в научной литературе, где подчеркивается, что формальное распространение традиционных режимов правового регулирования информации и персональных данных на массивы данных не устраняет системных рисков, связанных с их оборотом. В результате возникает противоречие между формально применимыми правовыми конструкциями и фактической логикой функционирования ИИ-систем, что требует научного осмысления и правовой корректировки.

Подобное противоречие укладывается в более широкий контекст цифровизации права. Так, А.В. Корнев указывает, что развитие цифровых технологий приводит к неизбежной трансформации правовой системы, при которой традиционные юридические категории и формы право-

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 30.01.2026)

вого регулирования утрачивают адекватность по отношению к новым социально-технологическим практикам. По его мнению, в условиях цифровой среды право нередко отстаёт от темпов технологических изменений, что проявляется в формальном применении устоявшихся правовых конструкций к принципиально иным по своей природе отношениям [1]. Данный тезис в полной мере применим к регулированию использования наборов данных при обучении систем искусственного интеллекта.

В научной литературе также обосновывается необходимость перехода от формально-нормативного регулирования цифровых технологий к учёту прогнозируемых социальных и правовых последствий их внедрения. В частности, И.И. Черных указывает, что использование цифровых технологий в правоприменительной деятельности требует правового прогнозирования и оценки потенциальных рисков ещё на этапе нормативного конструирования [2]. Применительно к обучению систем ИИ это означает необходимость учитывать не только формальную правовую квалификацию датасетов, но и реальные последствия их использования, включая риски реперсонализации и вторичного оборота данных.

Использование наборов данных при обучении систем ИИ осуществляется в условиях наложения нескольких правовых режимов, каждый из которых формировался для решения самостоятельных задач и не учитывал специфику машинного обучения. В результате правовое положение датасетов определяется не их функциональным назначением, а формальной квалификацией содержащейся в них информации.

В соответствии со статьёй 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В этом смысле наборы данных могут рассматриваться как совокупность информации, зафиксированной в электронной форме и предназначенной для последующей обработки. Указанный закон устанавливает общий режим доступа к информации, однако не регулирует цели и последствия её вторичного использования, в том числе при обучении алгоритмов машинного обучения. Закон № 149-ФЗ носит общий, рамочный характер и ориентирован на регулирование доступа к информации и обеспечение её защиты, не устанавливая специальных критериев допустимости использования данных в сложных технологических процессах, включая машинное обучение.

Одновременно датасеты могут подпадать под режим базы данных как объекта интеллектуальных прав в соответствии с главой 70 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом авторское право охраняет структуру и способ систематизации данных, а смежное право — инвестиционные и организационные усилия по их сбору. В доктрине обоснованно указывается, что сведение регулирования оборота больших данных исключительно к институту персональных данных не отражает многообразие целей и способов их использования, в том числе в экономике и технологиях ИИ [3]. В контексте машинного обучения ключевое значение имеет не структура базы данных, а статистические закономерности, извлекаемые из массива данных, что выводит такие отношения за пределы традиционного регулирования интеллектуальной собственности.

На практике наибольшее значение приобретает режим персональных данных, установленный Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Большинство датасетов, используемых при обучении ИИ, либо непосредственно содержат персональные данные, либо формируются в результате их обезличивания. Соответственно, их обработка подчиняется требованиям законности, целевого ограничения и минимизации обработки. Вместе с тем цель «обучение алгоритмов ИИ» прямо не поименована в законе и не соотносится с классическими целями обработки, такими как оказание услуг, исполнение договора или выполнение публичных функций.

Принятие Федерального закона от 08.08.2024 № 233-ФЗ, закрепившего механизм государственного агрегирования обезличенных персональных данных, не устранило указанную неопределённость. Данный закон формирует публично-правовой режим использования данных в рамках государственных информационных систем и под жёстким контролем уполномоченных органов. При этом он не распространяется на частных разработчиков ИИ и коммерческий оборот датасетов вне государственной инфраструктуры.

Таким образом, действующее законодательство формирует ситуацию нормативного наложения, при которой один и тот же датасет одновременно подпадает под несколько правовых режимов, ни один из которых не предназначен для регулирования обучения систем ИИ. Это создаёт правовую неопределённость как для разработчиков ИИ, так и для субъектов данных, чьи сведения могут использоваться в процессе машинного обучения.

Одним из фундаментальных принципов законодательства о персональных данных является принцип целевого ограничения обработки. Согласно статье 5 Федерального закона № 152-ФЗ обработка персональных данных должна осуществляться для заранее определённых и законных целей, а дальнейшая обработка, несовместимая с первоначальными целями сбора, не допускается.

Обучение систем ИИ по своей природе предполагает вторичное использование данных, нередко собранных для иных целей, таких как оказание услуг, ведение хозяйственной деятельности или выполнение публичных функций. При этом результатом такой обработки является не получение информации о конкретном субъекте данных, а формирование статистической модели. Законодательство о персональных данных не содержит критериев, позволяющих однозначно квалифицировать обучение систем ИИ как совместимую цель обработки, что порождает риск признания такой обработки несоответствующей требованиям статьи 5 Федерального закона № 152-ФЗ.

Распространённой практикой является использование обезличенных данных для обучения алгоритмов машинного обучения. Формально обезличивание выводит данные из режима персональных данных. Однако современные методы анализа и сопоставления массивов информации позволяют восстанавливать связь между обезличенными данными и конкретными лицами, особенно при использовании больших и разнородных наборов данных.

В научных исследованиях, посвящённых обороту данных в сфере государственного управления, подчёркивается ограниченность формального подхода к регулированию больших массивов информации и указывается на сохранение рисков идентификации субъектов при их использовании, что обуславливает необходимость комплексного реформирования законодательства. В условиях машинного обучения обезличенные данные сохраняют высокую информативность, что ставит под сомнение достаточность формального подхода к обезличиванию, закреп-

лённого в действующем законодательстве.

Отдельного внимания заслуживает проблема легальности происхождения данных, используемых для формирования датасетов. В российском праве отсутствуют требования к документированию источников данных, методов их сбора и правовых оснований для последующего использования при обучении ИИ. Это особенно актуально в случаях использования открытых данных, веб-скрейпинга и агрегирования информации из различных источников.

Отсутствие прозрачности происхождения датасетов затрудняет распределение ответственности между участниками оборота данных и снижает уровень доверия к результатам функционирования ИИ-систем. Выявленные проблемы свидетельствуют о том, что ключевая задача правового регулирования заключается не в создании самостоятельного закона о датасетах, а в адаптации существующих правовых режимов к специфике машинного обучения.

Проведённое исследование показало, что использование наборов данных при обучении систем ИИ в Российской Федерации регулируется фрагментарно и опосредованно — посредством наложения норм законодательства об информации, персональных данных и интеллектуальной собственности. При этом действующие правовые режимы сформированы без учёта специфики машинного обучения, что обуславливает их ограниченную применимость к обороту датасетов, используемых для обучения, тестирования и дообучения ИИ-систем.

Ключевые правовые проблемы связаны, во-первых, с отсутствием нормативного закрепления обучения систем ИИ в качестве самостоятельной цели обработки персональных данных, что создаёт риск признания такой обработки несоответствующей принципу целевого ограничения, закреплённому в Федеральном законе № 152-ФЗ. Во-вторых, формальный подход к обезличиванию данных не учитывает современные возможности аналитической обработки больших массивов информации и не обеспечивает достаточной защиты от реперсонализации при использовании датасетов в машинном обучении. В-третьих, отсутствие требований к документированию происхождения данных, включаемых в датасеты, затрудняет распределение ответственности между участниками оборота данных и снижает уровень правовой определённости [4-6].

В ходе исследования обоснован вывод о том, что принятие самостоятельного федерального закона о датасетах не является необходимым. Более эффективным представляется точечное совершенствование действующих нормативных правовых актов с учётом специфики обучения систем ИИ. В частности, целесообразным является: нормативное закрепление обучения и тестирования ИИ в качестве самостоятельной цели обработки персональных данных в Федеральном законе № 152-ФЗ; переход к риск-ориентированному подходу к оценке обезличивания данных, основанному на вероятности реперсонализации с учётом используемых технологий; а также введение обязанности документирования происхождения датасетов, включая источники данных и правовые основания их использования.

Реализация указанных мер позволит устранить выявленные противоречия между действующим законодательством и практикой обучения систем ИИ, обеспечив баланс между развитием технологий и защитой прав субъектов данных без формирования избыточного самостоятельного правового режима наборов данных.

Список литературы:

1. Корнев А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 11–18.
2. Черных И.И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 58-72.
3. Рожкова М. А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чём состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 22 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/cto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_ch (дата обращения: 30.01.2026).
4. Минбалева А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71-79.
5. Минбалева А.В. Проблемы использования искусственного интеллекта в противодействии киберпреступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 4. С. 116-120.
6. Право искусственного интеллекта: учебник / под ред. А.В. Минбалева. М., 2025.

References:

1. Kornev A.V. Digitalization of law: problems and prospects // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6. pp. 11-18. (In Russ.).
2. Chernykh I.I. Legal forecasting in the field of civil proceedings in the context of information technology development // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6 (103). pp. 58-72. (In Russ.).
3. Rozhkova M. A. What is big data, how it differs from ordinary data and what is the problem of legal regulation of big data [Electronic resource] // <url>. 2019. April 22. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/cto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_ch (date of access: 30.01.2026). (In Russ.).
4. Minbaleeva A.V., Storozhakova E.E. Problems of legal protection of personal data in the process of using neural networks // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGU). 2023. No. 2 (102). Pp. 71-79. (In Russ.).
5. Minbaleeva A.V. Problems of using artificial intelligence in countering cybercrime // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2020. Vol. 20. No. 4. pp. 116-120. (In Russ.).
6. The law of artificial intelligence: textbook / edited by A.V. Minbaleeva, Moscow, 2025.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_142

УДК 34

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE ORGANIZATION OF PUBLIC AUTHORITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ГРИГОНИС Валериус Пранович

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
кандидат юридических наук, доцент.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

ТАЛЯНИН Валерий Викторович

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилютова, 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

GRIGORIS Valerijus Pranovich

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University
The State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev
Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

TALYANIN Valery Viktorovich

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Street, 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

Краткая аннотация: Общероссийское голосование по внесению изменений в Конституцию Российской Федерации, проведенное в 2020 году, позволило законодателю принять ряд нормативных правовых актов, регулирующих вопросы публичной власти в Российской Федерации. Авторы проводят анализ законодательства на предмет правового регулирования особенностей осуществления публичной власти в России.

Abstract: The all-Russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation, held in 2020, allowed the legislator to adopt a number of regulatory legal acts regulating issues of public authority in the Russian Federation. The authors analyze the legislation for the legal regulation of the specifics of the exercise of public power in Russia.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, правовое регулирование.
Key words: The Constitution of the Russian Federation, public authority, legal regulation.

Для цитирования: Григонис В.П., Тальянин В.В. Об организации публичной власти в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_142.

For citation: Grigonis V.P., Talyanin V.V. About the organization of public power in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 142-145. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_142.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026

Характерной особенностью современности можно назвать успешное функционирование института «публичная власть»¹. Конституционные предписания говорят о том, что положения о публичной власти закреплены на разных уровнях — федеральном, субъектом и муниципальном. Эти положения касаются организации публичной власти, взаимодействия органов власти и местного самоуправления², а также гарантий местного самоуправления³.

После внесения поправок в 2020 года, положения статьи 71 Конституции Российской Федерации показывают, что в ведении Российской Федерации находится организация публичной власти, установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности.

В Конституции провозглашено, что органы государственной власти и местного самоуправления обязаны взаимодействовать для наиболее эффективного решения задач в интересах населения⁴.

Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» в ст.2⁵ раскрывается единая система публичной власти под которой понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъек-

¹ Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 8(224). — С. 21-24. — DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. — EDN YHWGFA.

² Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. — Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. — 160 с. — EDN FMOGLI.

³ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2022. — № 3(56). — С. 39-44. — EDN KEWNXE.

⁴ Шеншин, В. М. Установление органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления дополнительных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5(298). — С. 45-53. — EDN TYJRVV.

⁵ Российская газета. 2020. 11 декабря

тов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти¹, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

В Федеральном законе от 21.12.2021 №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»² (далее ФЗ №414) закреплено, что органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы и органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте РФ, включают, например, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти (ст. 2. ФЗ №414).

В развитие ФЗ №414 был принят и Федеральный закон от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³, полное вступление в юридическую силу которого запланировано с 01 января 2027 года. (на данный момент действуют два закона ФЗ №414-ФЗ и ФЗ №131 от 28.10.2003 года)

Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Территории муниципальных образований определяются с учётом исторических и иных местных традиций.

Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения.

Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций, а также запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией РФ и федеральными законами⁴.

Обратимся к нормативно-правовому регулированию вопросов организации и осуществления публичной власти в России.

Так ФЗ №414 закрепляет единую структуру субъективных органов власти в Российской Федерации, принципы их работы и механизм взаимодействия, а также определяет особенности осуществления законодательного процесса и конкретизирует порядок внесения субъектами законопроектов в Государственную Думу Российской Федерации.

Систему органов власти субъекта РФ, согласно ст.4 ФЗ №414 составляют: законодательный орган субъекта Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта и высший исполнительный орган субъекта России, а также иные органы государственной власти субъекта России, которые могут создаваться в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

В ст. 20 ФЗ №414 устанавливается, в частности, что наименованием должности высшего должностного лица в субъекте Российской Федерации является «Глава» или «Губернатор» с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации, срок его полномочий составляет 5 лет. Документом также снято ограничение сроков избрания главы субъекта на должность.

Предусмотрено, что Президент Российской Федерации вправе вынести предупреждение, объявить выговор высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей. В случае неустранения причин, послуживших основанием для вынесения предупреждения и объявления выговора, глава субъекта может быть отрешен от должности.

В связи с принятием Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в ФЗ №414 внесены поправки усиливающие вертикаль исполнительной власти в субъектах.

Так на сегодняшний день высшие должностные лица субъектов РФ наделены полномочием отправлять глав муниципалитетов в отставку за неисполнение в течение месяца после выговора, замечания или предупреждения обязанностей по переданным государственным полномочиям.

В связи с передачей содержания плотин муниципалитетам урегулированы вопросы обследования гидротехнических сооружений, органами исполнительной власти субъектов РФ.

Правительство Российской Федерации наделено полномочием по передаче муниципалитетам полномочия по надзору в сферах недропользования, пожарной безопасности, защиты прав потребителей, а также по лицензированию сбора и транспортировки отходов I-IV классов опасности.

¹ Винокуров, В. А. История законодательного закрепления прав и свобод человека и гражданина в конституциях России: сравнительно-правовое исследование / В. А. Винокуров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 7-13. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-7-13. – EDN CAWNDE.

² Российская газета. 2021. 27 декабря

³ Российская газета. 2025. 26 марта

⁴ Григонис, В. П. Местное самоуправление в России: развитие законодательства и вопросы соотношения полномочий с государственными органами публичной власти / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова, Е. Ю. Одиноква // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 1. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1247-2024-1-27-31. – EDN UHVIMH.

Изменениями внесёнными в ФЗ №414, Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. N 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указано, что достигший предельного возраста пребывания на государственной службе гражданин может поступить на должность, на которую назначает Президент Российской Федерации (ст. 3 ФЗ № 150-ФЗ)¹

Федеральный закон от 30.09.2024 № 334-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»² урегулировал вопросы в соответствии с которыми за прокуратурой Российской Федерации закреплены полномочия по осуществлению надзора за деятельностью органов публичной власти федеральных территорий. Законом прокуратура Российской Федерации наделяется полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти федеральных территорий.

Генеральный прокурор России, его заместители и по их поручению другие прокуроры, а также прокурор субъекта Российской Федерации, города, района и приравненные к ним прокуроры, их заместители и по их поручению другие прокуроры наделены правом присутствовать на заседаниях органов публичной власти федеральных территорий.

Установлено, что прокурор в ходе осуществления своих полномочий проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов публичной власти федеральных территорий. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта, направленное в представительный орган федеральной территории, подлежит обязательному рассмотрению на его ближайшем заседании.

22 декабря 2020 года, был принят Федеральный закон №437-ФЗ, «О федеральной территории Сириус»³, так статья 8 данного закона гласит могут заключить соглашение, предусматривающее осуществление указанных полномочий органами публичной власти федеральной территории "Сириус" до наступления указанного срока. С 1 января 2022 года до окончания переходного периода органы публичной власти федеральной территории "Сириус" вправе принять решение о передаче указанных полномочий органам государственной власти Краснодарского края. В этом случае не позднее трех месяцев со дня принятия такого решения органы государственной власти Краснодарского края и органы публичной власти федеральной территории "Сириус.

Определенный интерес представляет-Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 29 ноября 2024 г. № 1-43/286 «О передаче органам государственной власти Краснодарского края отдельных полномочий органов публичной власти федеральной территории «Сириус».

Так, в частности, Совет федеральной территории «Сириус» решил: передать с 1 января 2025 года органам государственной власти Краснодарского края следующие полномочия органов публичной власти территории «Сириус: а) обеспечение детей-сирот и детей оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей и детей оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями; б) организация оказания населению федеральной территории «Сириус» первичной медико-санитарной помощи, специализированной в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной медицинской помощи, паллиативной медицинской помощи, проведение медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований в медицинских организациях, подведомственных исполнительным органам Российской Федерации; и другие вопросы⁴

Законом Удмуртской Республики от 10.11.2022 N 49-РЗ «О внесении поправок к главам 1 и 10 Конституции Удмуртской Республики в связи с принятием ФЗ №414 установлено, что Удмуртская Республика самостоятельно устанавливает не только систему органов государственной власти Удмуртской Республики, но и иных государственных органов Удмуртской Республики. Внесены изменения в порядок принятия поправок к Конституции Удмуртской Республики. Прокурору Удмуртской Республики, представительным органам местного самоуправления предоставлено право на внесения предложений о поправках в законодательство Удмуртской республики.

Законом Архангельской области от 21.12.2020 № 352-22-ОЗ «О поправках к Уставу Архангельской области» установлено, особенности осуществления публичной власти на территории административного центра (столицы) Архангельской области и на других территориях Архангельской области могут устанавливаться Федеральным законом. Органы государственной власти Архангельской области и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Таким образом, действующая система органов публичной власти постоянно совершенствуется, вносимые в нее изменения направлены на усиление вертикали власти, прежде всего исполнительной ветви власти, что в целом будет отвечать национальным интересам российского государства и защите прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Винокуров, В. А. История законодательного закрепления прав и свобод человека и гражданина в конституциях России: сравнительно-правовое исследование / В. А. Винокуров // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 7-13. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-7-13. – EDN CAWNDE.
2. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Григонис, В. П. Местное самоуправление в России: развитие законодательства и вопросы соотношения полномочий с государственными органами публичной власти / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова, Е. Ю. Одиноква // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 1. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1247-2024-1-27-31. – EDN UHVIMH.

¹ Российская газета 3 мая 2023 г.

² Российская газета 2 октября 2024 г.

³ Российская газета. 2020. 25 декабря

⁴ Sirius-ft.ru .Федеральная территория «Сириус» (дата обращения: 15.02.2026)

4. Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
5. Российская газета. 2021 г. 27 декабря
6. Российская газета. 2025 г. 26 марта
7. Российская газета. 2023 г. 3 мая
8. Российская газета. 2024 г. 2 октября
9. Российская газета. 2020 г. 25 декабря
10. Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.
11. Шеншин, В. М. Установление органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления дополнительных социальных гарантий и компенсаций военнослужащим, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей / В. М. Шеншин, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 5(298). – С. 45-53. – EDN TYJRVVW.
12. Sirius-ft.ru .Федеральная территория «Сириус» (дата обращения: 15.02.2026)

References

1. Vinokurov, V. A. The history of legislative consolidation of human and civil rights and freedoms in the constitutions of Russia: comparative legal research / V. A. Vinokurov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 2(63). – Pp. 7-13. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-7-13. – EDN CAWNDE.
2. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Grigonis, V. P. Local self-government in Russia: the development of legislation and issues of the relationship of powers with state bodies of public authority / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova, E. Y. Odinkova // State power and local self-government. – 2024. – No. 1. – pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1247-2024-1-27-31. – EDN UHVIMH.
4. Nazarova, I. S. Actual aspects of the essence of the definition of constitutional law / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
5. Rossiyskaya gazeta. December 27, 2021
6. Rossiyskaya gazeta. March 26, 2025
7. Rossiyskaya Gazeta. May 3, 2023
8. Rossiyskaya Gazeta, October 2, 2024
9. Rossiyskaya Gazeta, December 25, 2020
10. Strokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation : A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Strokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – Saint Petersburg - Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2018. 160 p. – EDN FMOGLI.
11. Shenshin, V. M. Establishment by state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies of additional social guarantees and compensations to military personnel, citizens of the Russian Federation discharged from military service, and their family members / V. M. Shenshin, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 5(298). – Pp. 45-53. – EDN TYJRVVW.
12. Sirius-ft.ru .The federal territory of Sirius (date of reference: 02/15/2026)

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_146

УДК 342.9

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PUBLIC TRUST AS A CRITERION FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

КУЯНОВА Арина Викторовна.

Начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской ордена Почета академии МВД России. Кандидат юридических наук, доцент.
Россия, 644092, Омск, ул. Комарова.
E-mail: a_kuyanova@mail.ru

KUYANOVA Arina Viktorovna.

Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Agencies at the Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Candidate of Law, Associate Professor.
Russia, 644092, Omsk, Komarova str., 7.
E-mail: a_kuyanova@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрен актуальный на сегодняшний день вопрос о сущности общественного мнения о правоохранительной деятельности. Причины такого мнения проанализированы с точки зрения субъективных и объективных факторов. Показано, что общественное мнение выступает важнейшим индикатором эффективности правоохранительной деятельности, свидетельством успешного взаимодействия органов внутренних дел с обществом. В целях недопущения повторения подобных ситуаций в будущем целесообразно усилить мониторинг общественного мнения и продолжить работу по укреплению и поддержанию доверия граждан к полиции.

Abstract: This article examines the current issue of public opinion regarding law enforcement. The causes of this opinion are analyzed from the perspective of subjective and objective factors. It is shown that public opinion is a crucial indicator of the effectiveness of law enforcement, demonstrating successful interaction between law enforcement agencies and the public. To prevent similar situations from recurring, it is advisable to strengthen public opinion monitoring and continue efforts to strengthen and maintain public trust in the police.

Ключевые слова: доверие, общественное мнение, органы внутренних дел, полиция, средства массовой информации, эффективность деятельности органов внутренних дел.

Key words: trust, public opinion, internal affairs agencies, police, mass media, effectiveness of internal affairs agencies.

Для цитирования: Куянова А.В. Общественное доверие как критерий оценки эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 146-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_146.

For citation: Kuyanov A.V. Public trust as a criterion for evaluating the effectiveness of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 146-147. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_146.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2026

В 2026 году руководство МВД России официально заявило о сохранении обратной связи с населением и доверия граждан к органам внутренних дел. По оценкам ведомства, эти выводы основываются на результатах проведенных опросов общественного мнения, которые продолжают использоваться как ключевой показатель эффективности работы полиции[1].

Феномен общественного доверия к правоохранительным институтам представляет собой сложный социально-психологический конструкт, выступающий индикатором легитимности государственной власти в сфере обеспечения правопорядка. В российском социокультурном контексте исторически сложился амбивалентный стереотип восприятия полиции, балансирующий между образами «защитника» и «репрессора». Преодоление данного дуализма и формирование устойчивого позитивного имиджа органов внутренних дел (ОВД) является одной из ключевых задач в рамках построения современного правового государства и гражданского общества.

Эффективность деятельности полиции традиционно оценивалась через количественные показатели (раскрываемость преступлений, статистика правонарушений). Однако в парадигме нового государственного управления и концепции «community policing» (полиции, ориентированной на общество) на первый план выходит качественный критерий – уровень общественного доверия. Доверие выступает как ресурс, снижающий трансакционные издержки взаимодействия, повышающий готовность граждан к кооперации и, как следствие, увеличивающий реальную результативность правоохранительной деятельности. Оно формируется под влиянием комплекса факторов: персональный опыт взаимодействия граждан с сотрудниками; воспринимаемая справедливость и беспристрастность; эффективность в обеспечении безопасности; транспарентность деятельности и подотчетность институтов; характер медиарепрезентации.

Принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» стало концептуальным поворотом, закрепившим служебную функцию полиции как института, действующего в интересах общества [2]. В статье 9 указанного закона общественное мнение законодательно утверждено в качестве одного из ключевых критериев официальной оценки деятельности полиции, что коррелирует с мировой практикой. Этот принцип был детализирован в ряде подзаконных актов, таких как приказы МВД России от 30 августа 2011 г. № 975[3], от 26 декабря 2023 г. № 1011[4], регламентирующие обязательную публичную отчетность территориальных органов. Таким образом, произошла институционализация механизмов подотчетности, направленных на легитимацию деятельности ОВД через диалог с гражданским обществом.

В современных условиях образ государственного института конструируется в значительной степени в медийном пространстве. МВД России реализует комплексную коммуникативную стратегию, направленную на формирование объективного и позитивного информационного поля. Помимо традиционного сотрудничества с ведущими федеральными СМИ, активно развивается цифровая экосистема министерства. Нали-

чие официальных ресурсов в социальных сетях («ВКонтакте»[5], «Одноклассники»), в мессенджере «Телеграм», на видеохостингах Rutube и YouTube, ТГ-канал официального представителя МВД России И. В. Волк позволяет осуществлять прямой, непосредственный диалог с различными, прежде всего молодыми, аудиториями[6]. Контент-анализ публикаций показывает смещение акцента с сухой отчетности на человекоориентированные нарративы: истории о героизме сотрудников, разъяснительная работа («Понятный отдел полиции»), освещение социальных акций («Полицейский Дед Мороз», «Студенческий десант»). Эти проекты выполняют не только имиджевую, но и важную социализирующую функцию, сокращая дистанцию между полицией и обществом.

Особую роль в построении доверия играют формализованные каналы взаимодействия с гражданским обществом. Общественный совет при Министерстве внутренних дел Российской Федерации эволюционировал: из совещательно-консультационной структуры он трансформировался в платформу для всестороннего и содержательного анализа значимых направлений деятельности ведомства – среди них профессионально-этические нормы, кадровая стратегия и соблюдение прав граждан. Такие инструменты общественного контроля, как «Гражданский мониторинг», предоставляющий доступ граждан в территориальные органы полиции, способствуют росту прозрачности работы МВД. Параллельно независимые гражданские инициативы, включая портал «Открытая полиция», запущенный Комитетом гражданских инициатив, отражают запрос социума на максимальную открытость и выступают дополнительным катализатором для выстраивания диалога между МВД России и обществом.

Сведения, получаемые в рамках регулярных замеров общественного мнения ВЦИОМ, представляют собой важный эмпирический материал [7]. Позитивная траектория индекса результативности полицейской деятельности в период с 2021 по 2025 год фиксирует определённые достижения в реализации государственной линии. Вместе с тем структурный анализ этих данных обнажает значимые расхождения: степень доверия к полиции распределяется неравномерно и существенно варьируется в разрезе конкретных подразделений. Так, максимальным доверием пользуется транспортная полиция, тогда как ряд иных служб сталкивается с более низким уровнем общественной поддержки. При этом в массовом сознании сложился в целом позитивный образ полицейского, ассоциируемый с аккуратностью, физической подготовкой, корректностью и готовностью прийти на помощь, что образует весомый символический ресурс для ведомства.

Однако, несмотря на очевидную значимость, общественное доверие как индикатор эффективности обладает серьёзными ограничениями. Соответствующие показатели отличаются высокой чувствительностью к конъюнктурным событиям, особенно к тем, что получают активное медийное освещение. Кроме того, существует опасность, что ориентация на рост доверия спровоцирует подмену реальных системных преобразований имитационными реформами в формате PR-акций. Дополнительной проблемой выступает обеспечение объективности измерений: в случаях, когда оценку проводят сами заинтересованные стороны, возможны искажения данных. В связи с этим научное сообщество настаивает на привлечении независимых социологических структур и неукоснительном следовании методологическим стандартам. Истинное доверие должно быть естественным следствием фундаментальных преобразований: искоренения коррупции, повышения профессионализма и внедрения принципов справедливого правосудия в повседневную практику.

Сегодня в России общественное доверие к органам внутренних дел приобретает всё большее значение, становясь не просто второстепенным показателем, а центральным критерием их эффективности и легитимности. Этот процесс институционально оформлен, подкреплён активной коммуникационной работой и отражается в умеренно позитивной динамике социологических данных. Однако для достижения устойчивого позитивного тренда необходимо выполнение трёх условий: продолжение курса на нормативную и фактическую открытость, углубление содержательного взаимодействия с экспертным и гражданским сообществом, а также сосредоточение на глубинных системных реформах, направленных на повышение качества правоохранительных услуг. Только при таком комплексном подходе доверие трансформируется из чисто управленческого показателя в реальное отражение социального партнёрства между обществом и институтом, призванным его защищать.

Список литературы:

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс] URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokolitseva-na-rasshirenno-m-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (дата обращения 05.03.2026).
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ МВД России от 30 августа 2011 г. № 975 «Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Показатели общественного доверия полиции достигли рекордных значений [Электронный ресурс] URL: [https://m.vk.com/wall-26323016_49551#:~:text=\(дата обращения 01.12.2025\).](https://m.vk.com/wall-26323016_49551#:~:text=(дата обращения 01.12.2025).)
6. МВД России в социальных сетях [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/contacts/presscenter/sotsialnye_seti (дата обращения 01.12.2025).
7. Общественное мнение [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 01.12.2025).

References:

1. Speech by Vladimir Kolokol'tsev at the Expanded Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource] URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokolitseva-na-rasshirenno-m-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (accessed March 5, 2026).
2. Federal Law of February 7, 2011, No. 3-FZ "On the Police." Accessed from the ConsultantPlus SPS.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 30, 2011, No. 975 "On the Organization and Conduct of Reports by Officials of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia." Accessed from the ConsultantPlus SPS.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 26, 2023, No. 1011 "On Approval of the Instructions for Organizing and Conducting Reports of Officials of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia." Accessed from the ConsultantPlus SPS.
5. Public Trust in the Police Reaches Record Highs [Electronic resource] URL: [https://m.vk.com/wall-26323016_49551#:~:text=\(accessed on December 1, 2025\).](https://m.vk.com/wall-26323016_49551#:~:text=(accessed on December 1, 2025).)
6. The Ministry of Internal Affairs of Russia on Social Media [Electronic resource] URL: https://мвд.рф/contacts/presscenter/sotsialnye_seti (accessed on December 1, 2025).
7. Public Opinion [Electronic resource] URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (accessed on December 1, 2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_148

УДК 355.357

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД CHARACTERISTIC FEATURES DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF POLICE OFFICERS

КРЮЧКОВА Влада Александровна,
аспирант, Таганрогский институт управления и экономики
347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45.
vlada.romanova.2020@inbox.ru
KRYUCHKOVA Vlada Alexandrovna,
graduate student, Taganrog Institute Management and Economics
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.
vlada.romanova.2020@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые основы, специфика дисциплинарных проступков и виды дисциплинарных взысканий. Особое внимание уделяется отличиям дисциплинарной ответственности для сотрудников ОВД от аналогичной ответственности в гражданском секторе. Выявляются проблемы правоприменительной практики и предлагаются пути совершенствования механизма привлечения к дисциплинарной ответственности. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, учебном процессе юридических вузов и практической работе кадровых подразделений ОВД.

Abstract: The article examines the features of disciplinary liability for employees of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation. It analyzes the legal framework, the specifics of disciplinary offenses, and the types of disciplinary penalties. Special attention is paid to the differences between disciplinary liability for Internal Affairs bodies employees and similar liability in the civilian sector. The article identifies problems in law enforcement practice and suggests ways to improve the mechanism of disciplinary liability. The results of the study can be used in law-making activities, the educational process of law universities, and the practical work of Internal Affairs bodies personnel departments.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, сотрудники, органы внутренних дел, дисциплинарный проступок, взыскание, служебная дисциплина, нормативно-правовое регулирование, кодекс служебной этики.

Key words: disciplinary responsibility, employees, internal affairs bodies, disciplinary offense, penalty, official discipline, legal regulation, code of official ethics.

Для цитирования: Крючкова В.А. Характерные черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_148.

For citation: Kryuchkova V.A. Characteristic features of disciplinary responsibility of police officers // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_148.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел представляет собой особый институт административного права, обладающий существенной спецификой по сравнению с дисциплинарной ответственностью работников гражданского сектора.

Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел является одним из ключевых элементов системы правоохранительной деятельности, направленной на обеспечение законности, порядка и безопасности в обществе.

Актуальность данной темы исследования обусловлена особой ролью ОВД в обеспечении правопорядка и безопасности, что требует повышенной дисциплины и ответственности от их сотрудников.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать характерные черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД.

Система видов и порядка применения дисциплинарных взысканий к сотрудникам ОВД является достаточно строгой и регламентированной. Ее цель – обеспечение высокого уровня профессионализма, дисциплины и законности в деятельности правоохранительных органов, что, в свою очередь, является залогом доверия общества к полиции.

Установленная законодателем дисциплинарная ответственность сотрудников ОВД обладает рядом характерных черт, обусловленных спецификой их службы [2]:

- особым нормативно-правовым регулированием;
- повышенными требованиями к поведению сотрудников;
- расширенным перечнем дисциплинарных взысканий;
- более строгими процедурами привлечения к ответственности;
- связью дисциплинарных проступков с профессиональной этикой и честью сотрудника.

Учитывая специфику службы, связанную с применением мер государственного принуждения, особыми полномочиями и высоким уровнем доверия со стороны граждан, к сотрудникам ОВД предъявляются повышенные требования в части соблюдения профессиональной этики, служебной дисциплины и законности.

Игнорирование или нарушение этих требований влечет за собой применение мер дисциплинарного воздействия, которые и состав-

ляют суть дисциплинарной ответственности.

Правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД осуществляется комплексом нормативных актов:

- Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 342-ФЗ) [3];
- Дисциплинарный устав органов внутренних дел РФ (утв. Указом Президента РФ от 14.10.2012 № 1377) [1];
- Приказы МВД России, регламентирующие вопросы служебной дисциплины [5; 6].

Ключевое отличие от Трудового кодекса РФ заключается в том, что дисциплинарная ответственность сотрудников ОВД регулируется специальным законодательством, учитывающим специфику их службы.

Далее, приведем основные характерные аспекты и черты дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД. Данные аспекты многогранны и обусловлены как общими принципами дисциплинарной ответственности, применимыми к государственным служащим, так и спецификой правоохранительной деятельности. Рассмотрим основные из них [7, с. 65-66]:

1. Особый субъектный состав. Дисциплинарной ответственности подлежат исключительно сотрудники органов внутренних дел, состоящие на службе в ОВД и имеющие соответствующий специальный статус. Это означает, что к гражданским лицам, даже работающим в системе МВД, данные положения не применяются. Важно отметить, что субъектный состав расширяется и на лиц, проходящих службу в резерве ОВД, а также на курсантов образовательных организаций МВД России.

2. Широкий спектр нарушений. Дисциплинарные проступки сотрудников ОВД охватывают широкий круг деяний. Они могут быть связаны с нарушением: служебной дисциплины (неисполнение или ненадлежащее исполнение прямых обязанностей, нарушение распорядка дня, правил ношения форменной одежды, уклонение от несения службы, самоустранение от выполнения поставленных задач; присяги и служебного долга (несоблюдение требований присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, пренебрежение служебным долгом, действия, дискредитирующие звание сотрудника ОВД); законодательства и нормативных актов (любое нарушение законов, подзаконных актов, ведомственных приказов и инструкций, в том числе относящихся к сфере применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия); этических норм и правил поведения (грубость, неуважение к гражданам и коллегам, разглашение служебной информации, вмешательство в деятельность других государственных органов, использование служебного положения в личных целях) [15].

3. Строгость и неотвратимость. Учитывая общественную значимость деятельности ОВД, к дисциплинарной ответственности сотрудников применяются достаточно строгие меры. Это обусловлено необходимостью поддержания высокого уровня доверия к правоохранительным органам и недопущения злоупотреблений со стороны их представителей. При этом, принцип неотвратимости наказания за совершенное правонарушение является основополагающим. Любое нарушение, независимо от его тяжести, должно быть зафиксировано и получить соответствующую оценку.

Важной чертой дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД является ее тесная связь с профилактической работой. Цель дисциплинарного взыскания не только в наказании за совершенное правонарушение, но и в предупреждении новых нарушений как со стороны провинившегося сотрудника, так и со стороны других сотрудников. Профилактическая работа включает в себя [4]:

- Постоянное разъяснение требований законодательства и нормативных актов: проведение занятий, инструктажей, бесед о недопустимости нарушений.
- Формирование высокой правовой и служебной культуры: воспитание у сотрудников чувства ответственности, чести и достоинства.
- Контроль за соблюдением служебной дисциплины: регулярные проверки, анализ причин и условий, способствующих совершению дисциплинарных проступков.
- Работа с личным составом: выявление причин и условий, способствующих совершению нарушений, индивидуальная работа с сотрудниками, имеющими низкий уровень дисциплины.

Далее, выделим основные виды дисциплинарных взысканий, расположенные в порядке возрастания степени их строгости [7; 8]:

1. Замечание. Наиболее мягкая мера дисциплинарного воздействия. Применяется, как правило, за незначительные нарушения, которые не повлекли за собой тяжких последствий и не носят систематического характера. Например, опоздание на службу без уважительной причины, небрежное отношение к форменной одежде.

2. Выговорю. Более строгое взыскание, применяемое за нарушения, которые имеют более существенный характер, чем те, за которые объявляется замечание. Это может быть ненадлежащее исполнение определенных служебных обязанностей, нарушение правил делопроизводства, проявление грубости в отношении граждан [7].

3. Предупреждение о неполном служебном соответствии. Эта мера является более серьезной и применяется в двух основных случаях:

- При систематическом совершении дисциплинарных проступков. Если сотрудник неоднократно привлекался к дисциплинарной ответственности и не сделал должных выводов.
- При однократном грубом нарушении служебной дисциплины. Характер нарушения настолько серьезен, что ставит под сомнение пригодность сотрудника к дальнейшему прохождению службы. Примерами могут служить получение взятки, грубое нарушение правил применения физической силы или специальных средств, повлекшее тяжкие последствия, разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны [14].

– Последствия. Данное взыскание имеет серьезные последствия для дальнейшей службы, так как может повлечь за собой ограничение в продвижении по службе, снижении премиальных выплат, а в случае отсутствия положительной динамики – привести к увольнению.

4. Увольнение из органов внутренних дел. Самая строгая мера дисциплинарной ответственности. Применяется в случаях, когда другие виды взысканий не достигли своей цели, или за совершение особо грубых нарушений, несовместимых с продолжением службы. К таким нарушениям относятся [8]:

– Систематическое (два и более раза в течение одного года) неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником служебных обязанностей без уважительных причин, если он имеет неснятое или непогашенное дисциплинарное взыскание.

– Однократное грубое нарушение служебных обязанностей, которое может быть выражено в: достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе в ОВД; прекращении гражданства Российской Федерации, приобретении гражданства другого государства (других государств) или получения права на постоянное проживание на территории иностранного государства; признании сотрудника недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда, вступившим в законную силу; утрате сотрудником доверия со стороны общества или руководства, выраженной в совершении им действий, дающих основание соответствующему руководителю принять решение о его увольнении, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [8].

– Иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В законодательных актах приводится процедура привлечения к дисциплинарной ответственности включает следующие этапы [11]:

1. Выявление факта проступка и проведение служебной проверки (ст. 52 ФЗ № 342-ФЗ).
2. Получение объяснений от сотрудника (обязательный этап).
3. Принятие решения о наложении взыскания с учётом тяжести проступка, обстоятельств его совершения и предшествующего поведения сотрудника.
4. Оформление приказа о наложении дисциплинарного взыскания.
5. Ознакомление сотрудника с приказом под подпись.

Также, законодатель указывает сроки давности привлечения к ответственности составляют 6 месяцев со дня совершения проступка (ст. 51 ФЗ № 342-ФЗ), что короче, чем общий срок по ТК РФ (1 месяц) [9].

Анализ современного правоприменения в Российской Федерации, выявляет следующие проблемы применения дисциплинарной ответственности к сотрудникам ОВД [10]:

- субъективность при оценке «порочащих честь» поступков;
- недостаточная чёткость формулировок в нормативных актах;
- сложности с доказыванием проступков, совершённых вне служебного времени;
- неравномерность применения взысканий в разных подразделениях;
- отсутствие чётких критериев для выбора конкретного вида взыскания.

Как указывает в своем исследовании И.В. Гончаров, устранение проблем в сфере дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания со стороны руководства МВД России, руководителей всех уровней, а также самого личного состава [12].

А.Н. Корниенко отмечает, что только комплексный подход, основанный на принципах законности, справедливости, объективности и ориентации на профилактику, позволит повысить эффективность дисциплинарной ответственности и укрепить служебную дисциплину в органах внутренних дел [13].

Для повышения эффективности дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД целесообразно применить следующие меры:

1. Разработать методические рекомендации по квалификации проступков, порочащих честь сотрудника ОВД.
2. Внедрить единую базу дисциплинарных взысканий для обеспечения прозрачности и преемственности практики.
3. Уточнить в законодательстве критерии выбора вида дисциплинарного взыскания.
4. Усилить роль психологической диагностики при принятии решений о взысканиях.
5. Проводить регулярное обучение руководителей подразделений по вопросам дисциплинарной практики.

В заключение отметим также, что дисциплинарная ответственность сотрудников ОВД – это комплексный правовой институт, имеющий ряд специфических черт, обусловленных особым характером службы. Строгое соблюдение установленных правил, норм и процедур, а также неукоснительное применение мер дисциплинарного воздействия при наличии оснований, являются залогом эффективности деятельности органов внутренних дел, поддержания правопорядка и обеспечения безопасности граждан. Анализ и совершенствование данного института являются постоянной задачей как законодателей, так и самих правоохранительных органов. Совершенствование механизма дисциплинарной ответственности должно идти по пути повышения прозрачности, объективности и единообразия правоприменительной практики. Это позволит укрепить

Текст: электронный: общества к правоохранительным органам.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 (ред. от 22.12.2021) «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 22.10.2012, № 43, ст. 5808. – Текст: электронный: «Гарант.ру Информационный правовой портал» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142006/> (Дата обращения 18.02.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921. – Текст: электронный: «Гарант.ру Информационный правовой портал» <https://base.garant.ru/12125178/> (Дата обращения 18.02.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – Текст: электронный: «КонсультантПлюс. Информационно-правовой портал». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения 19.02.2026).
4. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Текст: электронный: «Консультант Плюс: Информационно-правовой портал» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Дата обращения 18.02.2026).
5. Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 (ред. от 22.09.2015) «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Текст: электронный: СПС КонсультантПлюс. <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=312826&demo=1> (Дата обращения 19.02.2026).
6. Приказ МВД России от 06.05.2013 № 241 (ред. от 02.07.2014) «О некоторых вопросах применения мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Информационно-правовой портал. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW34661/ (Дата обращения 19.02.2026).
7. Беляева Е.Г. Правовой статус участников дисциплинарного производства органов внутренних дел. – Текст: непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – №2(44). – С.63-67.
8. Беляева Е.Г. Предмет и пределы доказывания в производстве по делам о дисциплинарных проступках сотрудников органов внутренних дел – Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2016. – №3. – С.13-17.
9. Беляева Е.Г. Эволюция института дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел. Рассмотрение некоторых этапов ее развития и становления – Текст: непосредственный // Межотраслевые исследования как основа междисциплинарности науки: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Уфа: Агентство международных исследований, 2019. – С. 261-265.
10. Беляева Е.Г. О некоторых проблемных аспектах, связанных с применением к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы полицейского права: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». – Омск, 2021. – С. 176-178
11. Беляева Е.Г. Развитие института дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел в советское время (по материалам архивов Белгородской области) – Текст: непосредственный // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30 ноября 2022 г.). Выпуск 3. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2023. – С.70-73
12. Гончаров И.В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации – Текст: непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 14-19.
13. Корниенко А.Н. Понятие дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел – Текст: непосредственный / А.Н. Корниенко // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1 (1). – С. 214-223.
14. Мalykhina T.A. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации / Т.А. Мalykhina. – Москва, 2017. – 236 с. – Текст: непосредственный.
15. Майоров Н.П., Бялт В.С. Дисциплинарный устав органов внутренних дел: теория и практика – Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 44-49.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 14.10.2012 No. 1377 (as amended on 22.12.2021) "On the Disciplinary Statute of the internal Affairs bodies of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 22.10.2012, No. 43, art. 5808. – Text: electronic: "Garant.<url> Legal Information Portal" <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142006/> (Accessed 02/18/2026).
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 18.03.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, No. 52 (Part I), art. 4921. – Text: electronic: "Garant.<url> Legal Information Portal" <https://base.garant.ru/12125178/> (Date of application 02/18/2026).
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ. – Text: electronic: "Consultant-Plus. Information and legal portal". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed 02/19/2026).
4. Federal Law No. 342 FZ of 11/30/2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". – Text: electronic: "Consultant Plus: Information and Legal Portal" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Accessed 02/18/2026).
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 26.03.2013 No. 161 (as amended on 22.09.2015) "On Approval of the Procedure for Conducting an Internal Audit in the bodies, Organizations and Divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". – Text: electronic: SPS ConsultantPlus. <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=312826&demo=1> (Accessed 02/19/2026).
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 05/06/2013 No. 241 (as amended on 07/02/2014) "On some issues of the application of incentive measures and the imposition of disciplinary penalties in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. Information and legal portal". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW34661/ (Date of application 02/19/2026).
7. Belyaeva E.G. The legal status of participants in disciplinary proceedings of the internal affairs bodies. – Text: direct // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – №2(44). – Pp.63-67.
8. Belyaeva E.G. The subject and limits of evidence in proceedings on cases of disciplinary misconduct of employees of internal affairs bodies – Text: direct // Bulletin of Economic Security. – 2016. – No. 3. – pp.13-17.
9. Belyaeva E.G. Evolution of the institute of disciplinary responsibility of law enforcement officers. Consideration of some aspects of its development and formation – Text: direct // Intersectoral research as the basis of the interdisciplinarity of science: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. Ufa: Agency for International Studies, 2019, pp. 261-265.
10. Belyaeva E.G. On some problematic aspects related to the application of disciplinary penalties to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. – Text: direct // Actual problems of police law: a collection of materials from the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the entry into force of Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On Police". Omsk, 2021. pp. 176-178
11. Belyaeva E.G. The development of the institute of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies in Soviet times (based on the materials of the archives of the Belgorod region) - Text: direct // Problems of jurisprudence and pedagogy of higher education in the works of young scientists: a collection of materials of the All-Russian scientific and Practical conference (November 30, 2022). Issue 3. – Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2023, pp.70-73
12. Goncharov I.V. Legal responsibility of employees of internal affairs bodies in the Russian Federation – Text: direct // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. pp. 14-19.
13. Kornienko A.N. The concept of disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies – Text: direct / A.N. Kornienko // Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. – 2016. – № 1 (1). – Pp. 214-223.
14. Malykhina T.A. Disciplinary proceedings in the internal affairs bodies of the Russian Federation / T.A. Malykhina. – Moscow, 2017. – 236 p. – Text: direct.
15. Mayurov N.P., Byalt V.S. Disciplinary regulations of internal affairs bodies: theory and practice – Text: direct // Gaps in Russian legislation. - 2014. – No. 1. – pp. 44-49.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_152

УДК 342.7:343.8

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ STATE-LEGAL PROVISION OF SOCIAL GUARANTEES FOR EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,

кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения
и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Research Fellow, Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities
of the Penal Enforcement System, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia)
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: в статье проводится комплексный анализ государственно-правового обеспечения социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации как инструмента государственной кадровой политики. Исследуются конституционная база гарантий, нормативно-правовое регулирование их реализации, включая ключевые федеральные законы: № 197-ФЗ от 2018 года, № 283-ФЗ от 2012 года и Закон РФ № 4468-1. Рассматриваются основные формы социальной защиты: денежное содержание, жилищное обеспечение, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение. Определяются функции социальных гарантий в системе управления кадровыми ресурсами уголовно-исполнительной системы. Сделан вывод о том, что система социальных гарантий является неотъемлемым элементом специального правового статуса сотрудников УИС и обеспечивает их социальную защищенность при выполнении задач повышенной ответственности и опасности.

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the state-legal provision of social guarantees for employees of the penal enforcement system of the Russian Federation as an instrument of state personnel policy. The constitutional basis of guarantees and the legal regulation of their implementation are examined, including key federal laws: Federal Law No. 197-ФЗ of 2018, Federal Law No. 283-ФЗ of 2012, and the Law of the Russian Federation No. 4468-1. The main forms of social protection are considered: monetary allowance, housing provision, medical care, and pension provision. The functions of social guarantees in the system of human resource management in the penal enforcement system are identified. The conclusion is drawn that the system of social guarantees is an integral element of the special legal status of penal system employees and ensures their social protection when performing tasks of increased responsibility and danger.

Ключевые слова: социальные гарантии, уголовно-исполнительная система, государственная служба, правовой статус, социальная защита, денежное содержание, жилищное обеспечение, пенсионное обеспечение.

Keywords: social guarantees, penal enforcement system, state service, legal status, social protection, monetary allowance, housing provision, medical care, pension provision.

Для цитирования: Царькова Е.Г. Государственно-правовое обеспечение социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_152.

For citation: Tsarkova E.G. State-legal provision of social guarantees for employees of the penitentiary system // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_152.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Российская Федерация в соответствии с Конституцией провозглашает себя социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7 Конституции Российской Федерации). Государство обязуется охранять труд и здоровье людей, устанавливать гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивать государственную поддержку различных категорий граждан, а также развивать систему социальных служб. Все это предполагает наличие действенного механизма реализации социальных гарантий [4, с. 70].

Сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации представляют собой особую категорию государственных служащих. Их деятельность связана с исполнением уголовных наказаний, обеспечением режима содержания осужденных и, как следствие, сопряжена с повышенной ответственностью, психологическими и физическими нагрузками, а нередко и опасностью для жизни и здоровья. В этой связи государство обязано обеспечить эффективную систему социальных гарантий, которая бы защищала права и законные интересы этой категории работников, стимулировала их профессиональную деятельность и способствовала развитию уголовно-исполнительной системы в целом. Как справедливо отмечают исследователи, организация социальных гарантий является необходимой составляющей для обеспечения стабильности и профессионализма в работе уголовно-исполнительной системы [5, с. 50].

Понятие социальных гарантий в российском правоведении не имеет единого законодательного определения, однако доктрина выработала достаточно четкое представление об их сущности. Под социальными гарантиями понимаются совокупность материальных и юридических средств, способов и условий, которые реализуют и защищают социальные, экономические и социально-политические права и свободы человека и гражданина, обеспечивают их достойный уровень жизни [2, с. 122]. Применительно к государственным служащим, в том числе сотрудникам уголовно-исполнительной системы (УИС), социальные гарантии выступают элементом их специального правового статуса, предопределяемого спецификой выполняемых функций. Конституция закрепляет право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалид-

ности, потери кормильца, а также право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, и право на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (статьи 37, 39 Конституции Российской Федерации).

Государственные гарантии для сотрудников УИС имеют двойственную природу. С одной стороны, они вытекают из общего конституционного принципа социального государства. С другой стороны, они являются специальными гарантиями, обусловленными особенностью служебной деятельности в системе исполнения наказаний. Взаимосвязь ограничений, обязанностей и запретов, с которыми сопряжена служба в УИС, закономерно предполагает наличие соответствующих социальных гарантий как инструмента компенсации за принятие указанных ограничений и риски при исполнении служебных обязанностей.

Правовую базу обеспечения социальными гарантиями сотрудников уголовно-исполнительной системы составляет иерархическая система нормативных правовых актов, в которой ключевую роль играют федеральные законы.

Основным законом, непосредственно регулирующим статус сотрудников УИС, является Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (Далее – Федеральный закон № 197-ФЗ). Этот закон впервые создал комплексное правовое регулирование служебных отношений в УИС на основе контрактной системы. Закон устанавливает принципы прохождения службы, правовой статус сотрудников и их социальные гарантии. Согласно ст. 69 Федерального закона № 197-ФЗ, социальные гарантии сотрудникам и членам их семей включают обеспечение жилыми помещениями, медицинское и санаторно-курортное обеспечение, а также другие гарантии, предусмотренные специальным законодательством. Конкретизация этих гарантий осуществляется Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Далее – Федеральный закон № 283-ФЗ). Этот закон регулирует денежное довольствие сотрудников, жилищное обеспечение, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение как самих сотрудников, так и членов их семей. В литературе справедливо подчеркивается, что законодательная база социальных гарантий сотрудников в уголовно-исполнительной системе представляет собой комплекс нормативных актов, регулирующих правовое положение и социальное обеспечение персонала органов УИС [5, с. 53].

Особое значение имеет Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» (Далее – Закона РФ № 4468-1). Данный закон распространяет на сотрудников УИС пенсионное обеспечение, аналогичное предусмотренному для других категорий силовых структур.

Трудовой кодекс Российской Федерации также применяется к служебным отношениям в УИС в части, не противоречащей специальному законодательству о службе в УИС. Таким образом, достигается баланс между общими трудовыми гарантиями и специальными гарантиями, обусловленными характером деятельности в пенитенциарной системе.

Основные формы и содержание социальных гарантий:

Денежное содержание. Денежное довольствие является основной формой материального обеспечения сотрудников УИС и состоит из должностного оклада, оклада по специальному званию, а также ежемесячных и иных дополнительных выплат, надбавок и компенсаций. Размер денежного содержания устанавливается в соответствии с Федеральным законом № 283-ФЗ и определяется квалификацией, занимаемой должностью и результатами служебной деятельности. Принцип соотносительности гарантирует, что условия оплаты труда в УИС приводятся в соответствие с аналогичными условиями в государственной гражданской службе и при прохождении военной службы.

Жилищное обеспечение. Один из наиболее значимых видов гарантий связан с обеспечением жильем. В соответствии с Федеральным законом № 283-ФЗ сотрудники, имеющие стаж службы не менее десяти лет, имеют право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения. Размер этой выплаты устанавливается с учетом совместно проживающих членов семьи сотрудника. Кроме того, сотрудники и уволенные граждане, принятые на учет в установленном порядке, получают жилые помещения жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма. Это обстоятельство особенно важно для сотрудников, работающих в регионах, где стоимость жилья существенно выше среднего уровня по стране.

Медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение. Федеральный закон № 283-ФЗ предусматривает право сотрудников и членов их семей на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение. Медицинское обслуживание может осуществляться как в государственных медицинских учреждениях системы УИС и Министерства здравоохранения, так и в частных медицинских организациях в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации. В литературе справедливо подчеркивается, что законодательная база социальных гарантий сотрудников в уголовно-исполнительной системе представляет собой комплекс нормативных актов, регулирующих правовое положение и социальное обеспечение персонала органов УИС [5, с. 56]. Особое внимание уделяется профилактическим медицинским осмотрам, проведению скрининговых программ, оказанию квалифицированной медицинской помощи при возникновении заболеваний или получении травм, связанных со служебной деятельностью.

Пенсионное обеспечение. Пенсионная система для сотрудников УИС строится на основе Закона РФ № 4468-1. Сотрудники, проработавшие необходимый срок выслуги, получают право на пенсию за выслугу лет. Размер пенсии устанавливается в процентах от денежного довольствия в зависимости от длительности службы: при выслуге двадцать лет она составляет пятьдесят процентов, а за каждый дополнительный

год добавляется три процента, но не превышая восьмидесяти пяти процентов. Пенсии выплачиваются после увольнения со службы. Члены семьи сотрудника, погибшего или умершего в связи с выполнением служебных обязанностей либо от заболевания, полученного в период службы, имеют право на пенсию по случаю потери кормильца независимо от продолжительности его службы.

Дополнительные гарантии. К дополнительным формам социальной защиты относятся страховые гарантии, компенсирующие вред, причиненный в связи с выполнением служебных обязанностей. Как правильно указывается в научной литературе, вопросы обеспечения безопасности сотрудников и применения мер защиты требуют постоянного совершенствования нормативно-правового регулирования [1, с. 17]. Также гарантии включают материальную помощь, вещевое обеспечение, ежегодную оплату проезда к месту отпуска, медицинское освидетельствование и другие льготы.

Система социальных гарантий в УИС выполняет несколько важных функций в рамках государственной кадровой политики. Во-первых, она служит инструментом привлечения и закрепления кадров в системе исполнения наказаний. Сложность, опасность и психологическая нагрузка работы в УИС требуют наличия достаточных стимулов для того, чтобы достойные граждане согласились работать в этой сфере. Социальные гарантии выступают компенсацией за принятие на себя ограничений и рисков, связанных с прохождением службы. Во-вторых, система гарантий способствует повышению профессионализма и укреплению служебной дисциплины. Когда сотрудники уверены в том, что государство заботится об их благополучии и благополучии их семей, они более мотивированы к добросовестному исполнению служебных обязанностей и менее подвержены коррупционным искушениям. Исследования показывают, что личностные особенности сотрудников с высоким уровнем правосознания определяют направления психологической работы с кадровым потенциалом уголовно-исполнительной системы России [3, с. 97]. В-третьих, адекватное обеспечение социальными гарантиями способствует укреплению стабильности в самой уголовно-исполнительной системе. Защищенные социально сотрудники функционируют эффективнее, создают лучший морально-психологический климат в коллективах и обеспечивают более качественное исполнение функций по надзору и охране. В-четвертых, социальные гарантии отражают принцип справедливости в государственной службе. Сотрудники УИС, как и другие представители силовых структур, берут на себя повышенные риски для блага общества, поэтому справедливо, что государство предоставляет им соответствующие компенсации и гарантии.

Государственно-правовое обеспечение социальных гарантий сотрудников уголовно-исполнительной системы представляет собой комплексную систему, основанную на Конституции Российской Федерации и реализуемую посредством федерального законодательства. Эта система включает денежное содержание, жилищное обеспечение, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и ряд других гарантий, обеспечивающих социальную защищенность работников при исполнении ими задач повышенной ответственности и опасности.

Система социальных гарантий выступает неотъемлемым элементом специального правового статуса сотрудников УИС и служит важным инструментом государственной кадровой политики. Адекватное правовое регулирование и эффективная реализация этих гарантий, а также создание и функционирование механизмов обеспечивающих их реализацию на практике [6], способствуют привлечению в систему высокопрофессиональных кадров, повышению уровня служебной дисциплины, укреплению стабильности в уголовно-исполнительной системе и более качественному исполнению ею своих функций по исполнению наказаний и исправлению осужденных.

Дальнейшее развитие системы социальных гарантий должно происходить в направлении дифференциации гарантий в зависимости от уровня риска, связанного с конкретными видами служебной деятельности, а также совершенствования механизмов их реализации на практике. Целесообразно периодически пересматривать размеры гарантий с целью обеспечения их соответствия уровню развития страны, инфляционным процессам и изменяющимся условиям на рынке жилья и социальных услуг. Именно такой комплексный подход позволит государству эффективно использовать систему социальных гарантий как инструмент укрепления уголовно-исполнительной системы и обеспечения защиты интересов как самих сотрудников, так и общества в целом.

Список литературы:

1. Белова Е.Ю., Брылякова Е.С. Применение мер безопасности сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: некоторые вопросы правового регулирования // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2023. – № 2 (16). – С. 17–24.
2. Малахов А.А. Социальные гарантии государственных служащих: проблемы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 118–130.
3. Самойлик, Н. А. Личностные особенности сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным уровнем правосознания // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 2 (22). – С. 97–103.
4. Юнусов А.А., Юнусов Э.А., Кученев А.В., Жезлов Н.В. Реализация функций социального государства в отношении персонала уголовно-исполнительной системы // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 68–72.
5. Зарипов Р.Р., Василишин Д.О. Отдельные вопросы обеспечения социальными гарантиями сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории. – 2024. – № 34. – С. 50–60.
6. Оленев М.Г. Взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с уголовно-исполнительной системой в сфере обеспечения прав человека // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 73-75. – EDN NSALRF.

References:

1. Belova, E. Yu., Brylyakova, E. S. Application of security measures by employees of the penal enforcement system of the Russian Federation: certain issues of legal regulation // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii [Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia]. – 2023. – No. 2 (16). – P. 17–24.
2. Malakhov, A. A. Social guarantees for civil servants: problems of legal regulation // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. – 2021. – No. 3. – P. 118–130.
3. Samoylik, N. A. Personal characteristics of employees of the penal enforcement system with different levels of legal consciousness // Teoriya i praktika sotsiougumitarnykh nauk [Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences]. – 2023. – No. 2 (22). – P. 97–103.
4. Yunusov, A. A., Yunusov, E. A., Kuchenev, A. V., Zhezlov, N. V. Implementation of the functions of a social state in relation to the personnel of the penal enforcement system // Sovremennoe pravo [Modern Law]. – 2018. – No. 6. – P. 68–72.
5. Zaripov, R. R., Vasilishin, D. O. Certain issues of providing social guarantees to employees of the penal enforcement system // Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii [Bulletin of the Public Research Laboratory]. – 2024. – No. 34. – P. 50–60.
6. Oleney M.G. Interaction of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation with the Penitentiary System in the Field of Human Rights // Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 11 (179). Pp. 73-75. – EDN NSALRF.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF SPECIALIZED STATE BODIES IN THE FIELD OF RE-SOCIALIZATION OF THOSE SENTENCED TO SENTENCES NOT RELATED TO IMPRISONMENT

КАЗАК Бронислав Брониславович,

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры организации режима и надзора в УИС, Академия ФСИН России.
Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kafoppd@rambler.ru.

ВОЛХОВСКИЙ Роман Алексеевич,

соискатель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет,
Россия, г. Псков, ул. Ленина, д.2.
E-mail: pskov1822@mail.ru

KAZAK Bronislav Bronislavovich,

Doctor of Law, Professor, Professor departments of regime organization and supervision in the penal system,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, Russia
E-mail: kafoppd@rambler.ru.

VOLKHOVSKY Roman Alekseevich,

Applicant of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov State University,
Russia, Pskov, st. Lenin, 2.
E-mail: pskov1822@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере ресоциализации осужденных к наказаниям без лишения свободы. Раскрываются теоретические аспекты организации деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по ресоциализации осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы. Осуществлен анализ содержания данной деятельности, а также определены ее принципы и формы осуществления. организационных, правовых, теоретических и иные вопросы, связанных с ресоциализацией осужденных.

Abstract. The article examines the theoretical and legal foundations of the activities of criminal executive inspections in the field of resocialization of those sentenced to punishment without imprisonment. The theoretical aspects of organizing the activities of employees of criminal executive inspections for the resocialization of those sentenced to alternative sentences to imprisonment are disclosed. Analysis of the content of this activity was carried out, as well as its principles and forms of implementation were determined. organizational, legal, theoretical and other issues related to the resocialization of convicts.

Ключевые слова: деятельность государственных органов, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, социальная адаптация, исполнение альтернативных наказаний.

Keywords: activities of state bodies, penal system, resocialization, social adaptation, execution of alternative punishments.

Для цитирования: Казак Б.Б. Волховский Р.А. Теоретико-правовые основы деятельности специализированных государственных органов в сфере ресоциализации осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_155.

For citation: Kazak B.B. Volkhovsky R.A. Theoretical and legal foundations of the activities of specialized state bodies in the field of resocialization of those sentenced to sentences not related to imprisonment // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_155.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Изучение теоретических аспектов организации деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по ресоциализации осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы, состоит в последовательном рассмотрении содержания правового регулирования данной деятельности, а также определении ее принципов и форм осуществления. Однако, прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению обозначенной проблематики, необходимо сначала проанализировать теоретико- правовую сущность таких понятий, как социальная адаптация и ресоциализация. Помимо этого, в целях формирования более целостного восприятия данного исследования в будущем, стоит сразу же оговорить характер использования категорий альтернативные наказания, наказания без лишения свободы, подучетный УИИ контингент. Первые две категории предлагается использовать в качестве синонимичных обозначений такому официально используемому в действующем отечественном законодательстве и широко устоявшемуся в научной литературе понятию, как наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, а третьей категорией предлагается собирательным образом обозначать лиц, такие наказания отбывающих. Тем самым, употребление отмеченных выше трех категорий будет использоваться в представленной работе, применительно к обозначению наказаний, исполнение которых осуществляется специализированными государственными органами- уголовно-исполнительными инспекциями. и предусмотрено (Раздл 2 УИК РФ), а также применительно к обозначению лиц, которым они были назначены. Заявленные допущения не противоречат существующей сегодня в научном сообществе позиции, согласно которой допускается возможность использования понятий альтернативные наказания, подучетный

контингент в отношении всего комплекса уголовных наказаний, не предусматривающих лишения свободы, и лиц их отбывающих [1, с.54; 2, с. 41-65; 3, с.46; 4, с. 47; 5, с.188-189; 6, с. 278].

Понятие ресоциализация в рамках действующего законодательства, может рассматриваться в качестве одного из базовых элементов деятельности учреждений УИС, осуществляемой в целях противодействия возникновению и росту повторной преступности среди лиц, отбывших и/или отбывающих уголовные наказания. Однако несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, простую дефиницию, ресоциализация осужденных является достаточно сложной теоретико-правовой категорией. Особенно дискуссионным является вопрос, касающийся использования данного понятия применительно к такой категории осужденных, как лица, отбывающие альтернативные наказания. В научной литературе организационные, правовые, теоретические и иные вопросы, связанные с ресоциализацией рассматриваются исследователями, в основном применительно к лицам, находящимся в исправительных учреждениях, или освободившимся из них, и только в контексте их последующей реинтеграции в обычную общественную жизнь на свободе.

Так или иначе, ресоциализация, как юридическая категория, фиксирующая содержание процесса персональной интеграции каждого осужденного в, функционирующие на основе общепринятых правовых норм, общественные отношения, в целях недопущения фактов, условий, ситуаций их повторного криминального рецидива, должна занять более определенное место, как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном (пенитенциарном) законодательстве России, что может быть достигнуто за счет выработки новых законодательных положений, а также, гармонизации отдельных действующих норм отечественного законодательства в сфере профилактики правонарушений и международных пенитенциарных нормативных актов, с нормами обозначенных выше отраслей отечественного права [7, с. 100].

В настоящее время применение термина ресоциализация в отношении осужденных, к альтернативным наказаниям, возможно в случае переосмысления понимания ресоциализации, только лишь как процесса фактического возвращения осужденного к жизни на свободе после длительного срока пребывания в изоляции, и как следствие некоторого отхода от концепции определения данного понятия сугубо в категориях дихотомии свободы и несвободы осужденных. Для реализации, отмеченной выше цели, требуется как можно более явно и содержательно показать профилактический и правоохранительный аспекты деятельности по ресоциализации, а также подчеркнуть значимость ресоциализации осужденных в контексте организации и осуществления учреждениями УИС правоохранительной деятельности. В существующей теоретико-правовой доктрине альтернативные наказания, в силу своего относительно мягкого характера по сравнению с лишением свободы, сами по себе рассматриваются как способ ресоциализации злоумышленника, однако сущность ресоциализации, как профилактической формы деятельности сотрудников УИИ, намного глубже.

Если принять за основу общую положительно-императивную направленность норм и правил, существующих для регулирования общественных отношений в социуме, то умышленное нарушение тем или иным членом общества официально установленных правовых норм может говорить о его выпадении, в негативном смысле, из общеустановленного процесса общественной жизни, а если то или иное лицо, помимо всего прочего, склонно еще и к совершению повторных, рецидивных правонарушений, то тогда становится очевидным факт стойкой социальной деинтеграции такого лица, что в дальнейшем может иметь крайне неблагоприятные последствия как для него самого, так и для всего общества в целом. Более того, у таких лиц, очень часто присутствуют негативные смещения в ценностной сфере их личности, а также слабая моральная рефлексия по поводу совершенного, что свидетельствует об определенной степени безразличия к общепринятым общественным нормам. Тем самым лицо, осужденное за совершение умышленного противоправного деяния, к альтернативному наказанию, с большой долей вероятности уже может иметь деформированный взгляд на существующую правовую и социальную реальность, а значит в отношении такого лица может быть поставлен вопрос о его ресоциализации и полноценном восстановлении в обществе, с чем согласны отдельные исследователи, изучавшие данную проблематику.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно резюмировать, что ресоциализация, это не просто реинтеграция в общество, после некоторого времени пребывания в изоляции, это процесс повторной интеграции человека в нормальные общепринятые общественные отношения, как таковые, посредством повторного усвоения нормативно установленных правил и установок участия в общественных отношениях. Личность любого человека в процессе социализации проходит этапы усвоения норм поведения в обществе. Однако в силу устойчивого и продолжительного криминогенного поведения, либо длительного пребывания в соответствующей неблагоприятной социальной среде, полученный человеком в ходе социализации положительный опыт социальных отношений деформируется и разрушается [8, с.280-281; 9, с. 89-90; 10, с.95]. В связи с этим страдает мотивация и самоконтроль таких людей, поскольку они уже не видят разницы между разрешенным и запрещенным законом поведением, и не могут осознанно выбрать иную, не направленную на нарушение закона, модель поведения [11, с. 94; 12, с. 67; 13, с. 80-82]. Поэтому таким людям уже сложно обойтись без планомерной и комплексной ресоциализации. Безусловно для лиц, освободившихся из исправительных учреждений, ресоциализация на начальном этапе будет выражаться в переадаптации к условиям свободы, однако через, так называемую, реинтеграцию в общество, они по сути заново включаются в общеустановленные общественные отношения. Что же касается осужденных, к альтернативным наказаниям, то из-за отсутствия у них, дезадаптирующего опыта продолжительной социальной изоляции, реадаптация к условиям свободы им не требуется, поэтому в отношении них ресоциализацию можно проводить сразу во время отбывания альтернативного наказания, и точно так же реинтегрировать их в нормальные законопослушные общественные отношения, то есть ресоциализировать их. Применение ресоциализации к осужденным, отбывающим альтернативные наказания, может иметь куда большее положительное влияние, так как ресоциализироваться они будут во время отбывания наказания, а это значит, что ресоциализирующие мероприятия в данном случае могут быть не так сложны, более эффективны, и менее затратны. Многие сотрудники уголовно-исполнительных инспекций солидарны с обозначенной выше пози-

цией, и считают, что ресоциализироваться осужденные, к альтернативным наказаниям, должны как непосредственно в период отбывания наказания, так в течение некоторого времени после этого. Такой точки зрения придерживаются 75 % опрошенных служащих инспекций, из которых 15 % – начальники, 6 % – зам. начальники, 24 % – старшие инспекторы, 30 % – инспекторы; с служебным стажем менее года – 6 %, от одного до пяти лет – 23 %, от пяти до десяти лет – 13 %, от десяти до двадцати лет – 31 %, более двадцати лет – 2 %. При этом только 16 % сотрудников уголовно-исполнительных инспекций полагают, что ресоциализация подучетного контингента должна проходить после отбывания наказания, а всего 9 % говорят, что осужденные, без лишения свободы, не нуждаются в ресоциализирующем воздействии ни на какой из стадий.

Стоит отметить, что на сегодняшний день понятия *социальная адаптация* и *ресоциализация* являются не только предметом специальных научных исследований в области юриспруденции, социологии, психологии и педагогики, но и официально имплементированы в действующее законодательство, которое регламентирует структуру существующей в России системы профилактики правонарушений. Уже лишь наличие этого факта, дает возможность более смело говорить о ресоциализации осужденных, как об одной из форм реализации профилактической функции правоохранительной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Дополнительно можно отметить, что сегодня в научном сообществе понимается важность и значимость развития практических и правовых основ ресоциализации, как особого государственно-правового института.

Для того чтобы понять в чем кроются сходства и различия юридического содержания понятий социадaptации и ресоциализации, требуется проанализировать правовые нормы, закрепленные в ст.ст. 24, 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» определяют меры социальной адаптации и ресоциализации. Ст. 24 касается помощи лицам, нуждающимся в социальной адаптации (при освобождении, потере связей), а ст. 25 регламентирует ресоциализацию лиц, отбывших наказание.

В целом законодатель определяет социадaptацию, и ресоциализацию как набор мероприятий комплексного характера, направленных на обеспечение профилактического воздействия на осужденных, что диктуется задачей противодействия повторной преступности. Различие данных понятий состоит в том, что социадaptация, как бы это просто не звучало, преследует чисто адаптивные цели, а именно помочь нуждающимся лицам, к которым относятся осужденные к альтернативным наказаниям, в непосредственном осуществлении своих неотъемлемых прав, гарантируемых конституционными нормами, а также помочь этим лицам наладить свое бытовое и экономическое положение, посредством обеспечения жильем и трудоустройством. Цель же ресоциализации – реинтегрировать и вернуть в общество лицо, осужденное к лишению свободы. Аналогичным образом проводит разграничение рассматриваемых понятий Багреева Е.Г., Добрецов Г.Б., Невирко А.Д. и другие авторы [14, с. 15-23].

Таким образом, с точки зрения официального законодательства, социадaptация и ресоциализация представляются как два самостоятельных и независимых по отношению друг к другу понятия, направления реализации которых, несколько отличаются друг от друга. Некоторые авторы предлагают считать социадaptацию и ресоциализацию синонимичными понятиями по отношению к такой категории пенитенциарной теории, как исправление осужденных, что не совсем верно, и в этом плане можно только поддержать позицию, высказанную в отношении этого Селиверстовым В.И. Поскольку ресоциализирующее и социально-адаптационное воздействие, относятся к формам профилактики преступности, а процесс исправления осужденных, тесно связан с самим процессом отбывания наказания.

Возможность применения мероприятий по социадaptации к осужденным, без лишения свободы, основывается на представлении о данной категории лиц, как о пребывающих в трудной бытовой и жизненной ситуации, и это несомненно так, однако, почему-то вне поля зрения законодателя при этом оказываются осужденные, к лишению свободы, что не совсем понятно так как, жизненная ситуация лиц, освободившихся из исправительных учреждений, в постпенитенциарный период является не менее трудной. С точки зрения законодателя социадaptация трактуется как облегченный, по сравнению с ресоциализацией, вариант поддержки осужденных к альтернативным наказаниям, который предоставляется им только во время отбывания альтернативного наказания, то есть, другими словами, только в период их нахождения в сложной жизненной ситуации. Не вызывает критики позиция законодателя, согласно которой он определяет повседневные условия жизни лиц, отбывающих наказания без лишения свободы, как трудные. Действительно, продолжая жить в социуме, данная категория осужденных вынуждена нести дополнительные издержки, связанные со строго регламентированными условиями и ограничениями отбывания, возложенного на них наказания, сталкиваясь при этом с трудностями бытового, материального и личного характера, такими как, например: склонность к разного рода зависимостям, оказывающим деструктивное влияние на личность осужденных, проблемы с трудоустройством и законным заработком, а также жилищным и бытовым обеспечением и т.д. Однако законодателем не берется в расчет то обстоятельство, что осужденные, к альтернативным наказаниям, нуждаются в социадaptации не только вовремя, но и некоторое время после истечения срока отбывания наказания, аналогичным образом это касается и осужденных, освободившихся из исправительных учреждений. Социадaptация помогает адресно решить ту или иную проблему отдельного осужденного, однако она не может предоставлять эту помощь постоянно и систематично, а значит не может обеспечить полноценную реинтеграцию лица в нормальные общественные отношения. Пределы социадaptации зачастую бывают очень сильно ограничены, вследствие достаточно скромных организационных, правовых, практических, кадровых, финансовых, материально-технических возможностей УИИ, органов региональной и местной власти, соцзащиты и иных задействованных в этом процессе компетентных органов.

Таким образом, если же попытаться принять, как данность, адресный и, своего рода, лимитированный характер социальной поддержки, получаемой осужденными в ходе мероприятий по социадaptации, а также принять во внимание тот факт, что само по себе оказание социальной помощи осужденным в рамках социадaptации не является ее самоцелью, а служит лишь инструментом, посредством которого осуществляется профилактика правонарушений, тогда становится очевидным, что социадaptация по своему профилактическому потенциалу существенно усту-

пает ресоциализации.

Список литературы:

1. Борсученко С.А. Альтернативы лишению свободы и наказание без изоляции от общества: понятие и содержание // Вест. Рос. прав. акад. 2016. № 4. С. 54;2.
2. Хромых Е.В. Альтернативные лишению свободы уголовные наказания: теория и практика назначения и исполнения: дис. к.ю.н.: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2005. С. 41-65.
3. Идрисов И.Т. Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных: дис. к.ю.н.: 12.00.08. Самара, 2015. С. 46.
4. Лядов Э.В. Исполнение и отбывание уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8-5. С. 47.
5. Лазуткин А.В. Перспективы развития наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в России // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире». 2019. С. 188-189.
6. Рахматов Э.С. Отдельные проблемные вопросы применения мер, альтернативных лишению свободы // Сб. материалов IV междунар. пенитенц. форума «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2019. С. 278.
7. Барсегян С.В. Рецепция или имплементация понятия «ресоциализация лица, подвергнутого наказанию» // Сб. материалов IX междунар. науч.-практ. конф. «Пробл. соврем. законод.-ва России и зару- беж-х стран». Иркутск, 2020. С. 100.
8. Лядов Э.В. К вопросу о факторах, влияющих на практику применения наказаний, альтернативных лишению свободы // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 2(47). С. 280-281.
9. Каткова В.В. О роли социума в ресоциализации осужденных: о диалектике вопроса // Сб. материалов III всерос. науч.-практ. конф. «Назнач. и исполн. наказ., не связ-х с лиш-м своб., и иных мер уголов.-прав. хар-ра». 2015. С. 89-90.
10. Донцов Д.А., Поляков Е.А. Социализация личности в качестве психосоциального явления и процесса – методологический психологический анализ // Актуал. пробл. гуманит-х и естеств-х наук. 2017. № 1-4. С. 95.
11. Васильева Я.С. Социальные и психологические факторы ресоциализации условно осужденных // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 94.
12. Габараев А.Ш., Бурмакин Г.А., Бабаян С.Л. Ресоциализация осужденных к наказаниям альтернативным лишению свободы в контексте задач пенитенциарной политики России на современном этапе // Новая наука: Теорет. и практич. взгляд. 2016. № 6-3 (87). С. 67.
13. Ласточкин А.Л. Содержательный аспект воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание без изоляции от общества // Сб. «Актуал. вопр. деят-ти УИС на соврем-м этапе: пробл. и перспективы». Вологда, 2019. С. 80-82.
14. Добрецов Г. Б., Невирко А. Д. К вопросу о ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 5. С. 15–23. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-240-5-15-23>.

References:

1. Borsuchenko S.A. Alternatives to imprisonment and punishment without isolation from society: concept and content//West. Grew. right. acad. 2016. № 4. P. 54; 2.
2. Khromykh E.V. Alternative to imprisonment criminal penalties: theory and practice of appointment and execution: dis. Ph.D.: 12.00.08. Rostov-on-Don, 2005. S. 41-65.
3. Idrisov I.T. Alternative punishments related to labor impact on convicts: dis. Ph.D.: 12.00.08. Samara, 2015. S. 46.
4. Lyadov E.V. Execution and serving of criminal sentences alternative to imprisonment//Modern trends in the development of science and technology. 2016. № 8-5. S. 47.
5. Lazutkin A.V. Prospects for the development of punishments not related to isolation from society in Russia//Sat. materials international. scientific-practical conf. "Constitutional and legal mechanisms for the protection of human and civil rights in Russia and the world." 2019. S. 188-189.
6. Rakhmatov E.S. Certain problematic issues of the application of measures alternative to imprisonment//Sat. materials IV international. penitents. forum "Crime, Punishment, Correction." Ryzan, 2019. S. 278.
7. Barsseghyan C.B. Reception or implementation of the concept of "resocialization of a person subjected to punishment" //Sat. materials IX international. scientific-practical conf. "Probl. lie, laws of Russia and foreign countries." Irkutsk, 2020. S. 100.
8. Lyadov E.V. On the issue of factors affecting the practice of applying punishments alternative to imprisonment//Business. Education. Right. 2019. № 2(47). PP. 280-281.
9. Katkova V.V. On the role of society in the resocialization of convicts: on the dialectic of the question//Sat materials III all-Russian. scientific-practical. conf. "Assigned. and executive. order., Not connected with lish-m free., And other measures of criminal law. har-ra." 2015. S. 89-90.
10. Dontsov D.A., Polyakov E.A. Socialization of personality as a psychosocial phenomenon and process - methodological psychological analysis//Actual. probl. humanities and natural sciences. 2017. № 1-4. S. 95.
11. Vasilieva Y.S. Social and psychological factors of resocialization of convicts//Applied legal psychology. 2011. № 1. S. 94.
12. Gabaraev A.Sh., Burmakina G.A., Babayan S.L. Resocialization of those sentenced to alternative sentences in the context of the tasks of the penitentiary policy of Russia at the present stage//New Science: Theoret. and practical. look. 2016. № 6-3 (87). S. 67.
13. Lastochkin A.L. The meaningful aspect of educational work with convicts serving sentences without isolation from society//Sat. "Relevant. voпр. of the UIS at the present stage: probl. and prospects." Vologda, 2019. S. 80-82.
14. Dobretsov G. B., Nevirko A. D. On the issue of resocialization of persons released from places of deprivation of liberty//Vedomosti of the penal system. 2022. № 5. S. 15-23. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2022-240-5-15-23>.

ОСОБЕННОСТИ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЧС РОССИИ FEATURES AND PROCEDURE FOR THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES BY THE SUPERVISORY AUTHORITIES OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

ГРИГОНИС Валериус Пранович

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

ТАЛЯНИНА Ирина Алексеевна

доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат юридических наук, доцент. 3-я Красноармейская улица, 3/6, Санкт-Петербург, 190005, Россия.
e-mail: colonel_t2002@mail.ru

ТАЛЯНИН Валерий Викторович

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент. 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилютова, 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

GRIGORIS Valerijus Pranovich

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev, Candidate of Law, Associate Professor. 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

TALYANINA Irina Alekseevna

Associate Professor of the Department of Law at St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Candidate of Law, Associate Professor. 3/6 3rd Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: colonel_t2002@mail.ru

TALYANIN Valery Viktorovich

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor. 198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Street, 1.
e-mail: teana2009@mail.ru

Краткая аннотация: Реализация мер принуждения должностными лицами МЧС России является важной задачей, поскольку они направлены на обеспечение соблюдения требований пожарной безопасности, лицензионного контроля, безопасности людей на водных объектах, требований в области гражданской обороны, а также в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Abstract: The implementation of coercive measures by officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia is an important task, since they are aimed at ensuring compliance with fire safety requirements, licensing control, safety of people on water bodies, requirements in the field of civil defense, as well as in the field of protecting the population and territories from emergency situations.

Ключевые слова: МЧС России, меры принуждения, должностные лица.

Key words: Ministry of Emergency Situations of Russia, enforcement measures, officials.

Для цитирования: Григонис В.П., Тальянина И.А., Тальянин В.В. Особенности и порядок применения мер административного принуждения органами надзорной деятельности МЧС России // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 159-163. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_159.

For citation: Grigonis V.P., Talyanina I.A., Talyanin V.V. Features and procedure for the application of administrative coercion measures by the supervisory authorities of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 159-163. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_159.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026

Под должностным лицом МЧС России следует понимать лицо, которое в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя властей в сфере своей компетенции, наделено в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него¹.

Применения и мер принуждения должностными лицами МЧС России к лицам виновным в совершении административных правонарушений осуществления в рамках контрольно-надзорной деятельности¹.

¹ Кайнов, В. И. Административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA; Шевченко, К. В. О квалифицирующих признаках состава превышения должностных полномочий / К. В. Шевченко // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 10. – С. 567-572. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_10_567. – EDN RSDQTJ.

По мнению А.П. Гуляева, контрольная деятельность имеет непосредственную и конечную цель. Непосредственной целью является предупреждение и пресечение нарушений установленных правил деятельности или поведения субъектов общественных отношений. Конечная цель совпадает с теми целями, которые преследует само правовое регулирование деятельности, поведения и стандартов – оградить граждан, организации, общество и государство от всевозможных негативных последствий той или иной деятельности, обеспечить их безопасность и законные интересы, права и свободы субъектов общественных отношений².

Например, применительно к области пожарной безопасности непосредственной целью надзора будет являться предупреждение и пресечение нарушений требований пожарной безопасности субъектами общественных отношений. Конечная цель заключается в защите жизни и здоровья граждан, имущества граждан, юридических лиц, государства и общества от пожаров и в ограничение их последствий³.

Одной из важнейших задач в сфере деятельности должностных лиц МЧС является осуществления в пределах своих полномочий борьбы с правонарушениями. При совершении административного правонарушения, составляется протокол, за исключением некоторых случаев, предусмотренных КоАП РФ⁴. Из этого следует, что применение мер принуждения к лицам виновным в совершении административных правонарушений подразумевает составление должностным лицом данного процессуального документа.

Обращаясь к положениям ст. 28.3. КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях⁵ уполномочены составлять следующие должностные лица, относящиеся к структуре МЧС Российской Федерации:

1. Должностные лица органов, специально уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны⁶, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций⁷ природного и техногенного характера⁸;
2. Должностные лица органов, осуществляющих федеральный государственный пожарный надзор;
3. Должностные лица органов государственной инспекции по маломерным судам⁹;
4. Должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и др.

Статья 28.3 КоАП РФ подразделяет должностных лиц МЧС РФ, прежде всего по поднадзорным им сферам деятельности.

В части распределения прав и обязанностей должностных лиц контрольно-надзорных органов принято перечислять предоставленные законодательными и иными нормативными правовыми актами права требовать предоставления сведений, входить на территории и в помещения, принадлежащие юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, и т. д. Как правило, большинство ученых считают, что в статусе должностных лиц контрольно-надзорных органов присутствуют административно-юрисдикционные, а иногда и разрешительных полномочия¹⁰. Такими полномочиями обладают и должностные лица МЧС России¹¹.

Должностные лица органов пожарного надзора помимо предоставленных им прав имеют и обязанности такие, как: проводить мероприятия по контролю на основании и в строгом соответствии с распоряжениями органов государственного пожарного надзора о проведении мероприятий по контролю и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации; не препятствовать представителям организаций присутствовать при проведении мероприятий по контролю; давать разъяснения по вопросам, относящимся к предметам их проверок; предоставлять руководителям юридических лиц и индивидуальным предпринимателям либо их представителям, присутствующим при проведении мероприятий по контролю, необходимую информацию и т.д.

Современная контрольно-надзорная деятельность органов МЧС России представляет собой особую, логически выстроенную последовательность юридически значимых действий (административных процедур) уполномоченными должностными лицами при исполнении государ-

² Кайнов, В. И. Актуальные вопросы оптимизации административно-правового статуса должностного лица / В. И. Кайнов, Д. В. Попков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 4(69). – С. 60-65. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65. – EDN VSCNOW.

³ Гуляев П.А. Контролирующие органы и организации России: Компетенция и полномочия –М.: МАЭП. ИИК «Калита». 2000. С. 7.

⁴ Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313. 2023. 2. 69. – EDN ATGUDD.

⁵ Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778. 2021. 5. 155. – EDN VVDMND.

⁶ Шеншин, В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения / В. М. Шеншин // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 22-24. – EDN IYOKHQ; Назарова, И. С. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 38-41. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. – EDN VINNHR.

⁷ Жаркой, М. Э. К вопросу проблемы формирования подразделений добровольной пожарной охраны СССР во второй половине 1930-х гг / М. Э. Жаркой, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 21-26. – EDN QULKXN; Зокоев, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YNHNWL; Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.

⁸ Одинокова, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одинокова, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN WMEETD; Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUUPWV.

⁹ Бабушкин, М. Ю. К вопросу о наделении МЧС России дополнительными полномочиями по осуществлению административно-юрисдикционной деятельности / М. Ю. Бабушкин, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 69-78. – EDN KBKKUY.

¹⁰ Назарова, И. С. О некоторых вопросах применения законодательства в области государственного надзора во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации за маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях, и базами (сооружениями) для их стоянок / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9(225). – С. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337. 2023. 9. 131. – EDN LSEYKA; Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337. 2024. 1. 85. – EDN JDQCRO.

¹¹ Зырянов С.М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 100 - 110.

¹² Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337. 2023. 10. 192. – EDN OBTAXC.

ственной функции, предоставлении государственных услуг, а также принятию по результатам мероприятий по контролю мер административного принуждения, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации и оказании консультационного содействия хозяйствующим субъектам.

В соответствии с требованием ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Под применением меры административного принуждения понимается порядок реализации предусмотренного законом способа принудительного воздействия, который может быть закреплен либо санкцией, либо диспозицией правовой нормы, устанавливающей конкретную меру принуждения. Соответственно порядок применения меры административного принуждения может быть либо процессуальным (реализация санкций), либо процедурным (реализация диспозиций).

Процессуальной формой назначения административного наказания является производство по делу об административном правонарушении¹. Производством по делу об административном правонарушении является поэтапное, своевременное выполнение процессуальных действий, направленных на установление событий административного правонарушения: сбор доказательств по делу, рассмотрение дела, принятие правового решения и исполнение постановления по делу; наличие события административного правонарушения, сообщения и заявления физических и юридических лиц, а также сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения².

Дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом МЧС России, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, только при наличии хотя бы одного из поводов, и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, за некоторым исключением. Однако в рамках данной стадии составления протокола не всегда является обязательным элементом. Так, например, методическими рекомендациями по организации производства по делам об административных правонарушениях ГИМС МЧС России предусмотрено, что в случае, если при совершении судоводителем административного правонарушения назначается административное наказание в виде предупреждения или административного штрафа, протокол об административном правонарушении не составляется, а уполномоченным на то должностным лицом на месте совершения административного правонарушения выносится постановление по делу об административном правонарушении, о назначении административного наказания в виде предупреждения или административного штрафа.

На стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, административным органом, рассматривающим дело, при наличии состава административного правонарушения составляется постановление по делу об административном правонарушении и назначается административное наказание, при отсутствии состава или события административного правонарушения — производство по делу прекращается, о чем выносятся соответствующие постановления. Рассмотрение дела об административном правонарушении проводится в соответствии с главой 29 КоАП РФ и подразделяется на несколько этапов, а именно: подготовка дела к рассмотрению, анализ и оценка обстоятельств дела, принятие постановления, объявление постановления.

На третьей стадии может производиться обжалование и пересмотр вынесенных по делу об административных правонарушениях постановлений, если лицо, в отношении которого вынесено данное постановление не согласно с решением контрольно-надзорного органа, должностного лица МЧС России. Так, например, существует досудебное (внесудебное) обжалование принятых и осуществляемых в ходе исполнения государственной функции решений и (или) действий (бездействия) должностных лиц органов ГПН. Органы ГПН и должностные лица органов ГПН должны обеспечить объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение жалобы, в случае необходимости - с участием заинтересованного лица, направившего жалобу, или его законного представителя.

Четвертая стадия выражается в приведении в исполнение постановления уполномоченными на то контрольно-надзорным органом, должностным лицом в порядке, установленном КоАП РФ, а также другими нормативно-правовыми актами, регулирующими сферу деятельности контрольно-надзорных органов МЧС России. Традиционно в отечественных доктринальных источниках по административному праву исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях признается обязательной и заключительной стадией единого производства по делам об административных правонарушениях, которое может осуществляться как добровольно, так и принудительно в целях реализации общеправового принципа неотвратимости ответственности за нарушение закона³.

Так, одной из часто применяемых мер принуждения, должностными лицами МЧС России, к лицам виновных в совершении административного правонарушения является административный штраф. Это может породить проблему «добровольности исполнения постановления», в частности данная проблема возникает по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности. В соответствии с ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ следует, что лицо, привлеченное к административной ответственности, обязано в добровольном порядке уплатить административный штраф не позднее шестидесяти дней со дня вступления в силу постановления о наложении административного штрафа, если лицо

¹Каплунов А.И., Лебедева О.О. Применение мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов // Всероссийский научно-практический семинар. 2016. С. 14.

²Новичкова Е.Е. Отдельные аспекты стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2(60) С. 26.

³Смоленский М. Б. Дригола Э. В. Административное право: Учебник. М. 2010. С.177.

по истечению данного срока не оплачивает административный штраф, оно привлекается за правонарушение по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

По существующим на сегодняшний день правилам, должностное лицо ГПН МЧС России, должно самостоятельно следить используя все доступные способы, чтобы лицо привлеченное, к административной ответственности своевременно уплатило административный штраф. В связи с этим должностные лица используют Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП), однако информация по запросу имеет смысл только тогда, когда административный штраф уплачен и есть возможность доступа к данной системе.

Таким образом, получить необходимую и достоверную информацию должностным лицам органа ГПН МЧС России является не простой задачей, главным образом потому что, лица виновные в совершение административных правонарушений избегают или крайне неохотно идут на контакт с должностными лицами контрольно-надзорного органа и не всегда проявляют заинтересованности в исполнении постановления¹.

Осуществление деятельности должностных лиц органов государственного пожарного надзора МЧС России осложняется при исполнении постановлений по делам об административном правонарушении и составлении административного протокола по признакам правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, отнимая при этом необоснованное количество временных и организационных ресурсов.

В процессе производства по делам об административных правонарушениях должностные лица МЧС России не редко вынуждены применять меры обеспечения в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления. Порядок применения данных мер принуждения должностными лицами МЧС регламентирован.

Так, например, одной из мер обеспечения в соответствии со статьей 27.1. КоАП РФ является освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. В случае управления маломерным судном лицом, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения (наличие у лица одного или нескольких признаков: запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица, поведение, не соответствующее обстановке) лицо отстраняется от управления маломерным судном. Об отстранении лица от управления маломерным судном составляется протокол копия, который вручается лицу, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении. После отстранения лица от управления маломерным судном, такое лицо освидетельствуется на состояние алкогольного опьянения.

Таким образом особенностями применения мер административного принуждения органами надзорной деятельности МЧС России в отличие от некоторых других государственных надзорных органов является оперативность, которая необходима для реализации главной задачи государственной власти – сохранение жизни и здоровья человека и гражданина, которые возглавляют систему прав и свобод.

Список литературы:

1. Кайнов, В. И. Административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
2. Шевченко, К. В. О квалифицирующих признаках состава превышения должностных полномочий / К. В. Шевченко // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 10. – С. 567-572. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_10_567. – EDN RSDQJ.
3. Кайнов, В. И. Актуальные вопросы оптимизации административно-правового статуса должностного лица / В. И. Кайнов, Д. В. Попков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 4(69). – С. 60-65. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65. – EDN VSCNOW.
4. Гуляев П.А. Контролирующие органы и организации России: Компетенция и полномочия –М.: МАЭП. ИИК «Калита». 2000. С. 7.
5. Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
6. Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.
7. Шеншин, В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения / В. М. Шеншин // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 22-24. – EDN IYOKHQ.
8. Назарова, И. С. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 38-41. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. – EDN VINNHR.
9. Жаркой, М. Э. К вопросу проблемы формирования подразделений добровольной пожарной охраны СССР во второй половине 1930-х гг / М. Э. Жаркой, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 21-26. – EDN QULKXN.
10. Зокоев, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YNHNWL.
11. Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кыш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.
12. Одиноква, Е. Ю. Правовой статус Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России / Е. Ю. Одиноква, Н. И. Глинская // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2016. – № 2(31). – С. 47-52. – EDN WMEETD.
13. Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUFWV.
14. Бабушкин, М. Ю. К вопросу о наделении МЧС России дополнительными полномочиями по осуществлению административно-юрисдикционной деятельности / М. Ю. Бабушкин, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 69-78. – EDN KBKUY.
15. Назарова, И. С. О некоторых вопросах применения законодательства в области государственного надзора во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации за маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях, и базами (сооружениями) для их стоянок / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9(225). – С. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_131. – EDN LSEYKA.
16. Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
17. Зырянов С.М. Административно-правовой статус сотрудника контрольно-надзорного органа // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 100 - 110.

¹Антипов Е. Г. О некоторых вопросах исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности с назначением наказания в виде штрафа: проблемы и пути их решения // Вестник ВГУ. Серия: Право. № 1. 2019. С. 210 - 211.

18. Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.

19. Антипов Е. Г. О некоторых вопросах исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности с назначением наказания в виде штрафа: проблемы и пути их решения // Вестник ВГУ. Серия: Право. № 1. 2019. С. 210 - 211.

References:

1. Kainov, V. I. Administrative and legal status of an official / V. I. Kainov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 3(68). – Pp. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
2. Shevchenko, K. V. On the qualifying signs of abuse of office / K. V. Shevchenko // Agrarian and land law. – 2025. – No. 10. – pp. 567-572. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_10_567. – EDN RSDQTJ.
3. Kainov, V. I. Actual issues of optimizing the administrative and legal status of an official / V. I. Kainov, D. V. Popkov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 4(69). – Pp. 60-65. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-4-60-65. – EDN VSCNOW.
4. Gulyaev P.A. Regulatory authorities and organizations of Russia: Competence and authority – Moscow: MAEP. IIC "Kalita". 2000. p. 7.
5. Kainov, V. I. The concept and classification of administrative coercion measures / V. I. Kainov, L. G. Krivulya, V. M. Shenshin // Law and Law. – 2023. – No. 2. – pp. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
6. Shenshin, V. M. Subordinate regulation of state coercion measures applied by Rosgvardiya officials in the framework of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2021. - No. 5. – pp. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.
7. Shenshin, V. M. Registration of the protocol on an administrative offense by officials of the National Guard troops in the exercise of their administrative and jurisdictional activities: issues of application / V. M. Shenshin // Russian Justice. – 2020. – No. 2. – pp. 22-24. – EDN IYOKHQ.
8. Nazarova, I. S. On the issue of securing by order of the head of the federal executive authority the form of the protocol on administrative offense / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Administrative law and Process. - 2022. – No. 1. – pp. 38-41. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. – EDN VINNHR.
9. Zharkoy, M. E. On the problem of the formation of units of the voluntary fire protection of the USSR in the second half of the 1930s / M. E. Zharkoy, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 21-26. – EDN QULKXN.
10. Zokoev, V. A. Legislative provision of civil defense / V. A. Zokoev // Law. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 4(21). – Pp. 36-41. – EDN YHXHWL.
11. Nemchenko, S. B. Problems of legal regulation of the maintenance and operation of civil defense protective structures (review of law enforcement practice) / S. B. Nemchenko, V. S. Makhanov, Yu. V. Knysh // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 37-43. – EDN IORORX.
12. Odinkova, E. Y. The legal status of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters in modern Russia / E. Y. Odinkova, N. I. Glinskaya // Right. Safety. Emergency situations. – 2016. – № 2(31). – Pp. 47-52. – EDN WMEETD.
13. Girko, S. I. The state of emergency situations and fire safety: a look through the prism of the National Security Strategy of the Russian Federation / S. I. Girko // Right. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 4(61). – Pp. 6-13. – EDN QBUPWW.
14. Babushkin, M. Y. On the issue of granting the EMERCOM of Russia additional powers to carry out administrative and jurisdictional activities / M. Y. Babushkin, S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 69-78. – EDN KBKKUY.
15. Nazarova, I. S. On some issues of the application of legislation in the field of state supervision in the internal waters and in the territorial sea of the Russian Federation for small vessels used for non-commercial purposes and bases (structures) for their parking / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 9(225). – Pp. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_131. – EDN LSEIKA.
16. Nazarova, I. S. On the normative legal regulation of the activities of the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia in modern conditions / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 1(229). – Pp. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
17. Zyryanov S.M. The administrative and legal status of an employee of a control and supervisory authority // Journal of Russian Law. 2019. No. 9. pp. 100-110.
18. Nazarova, I. S. On some features of the organization of proceedings on administrative offences in the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 10(226). – Pp. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.
19. Antipov E. G. On some issues of enforcement of decisions in cases of administrative offenses in the field of fire safety with the imposition of penalties in the form of fines: problems and solutions // Bulletin of the VSU. Series: Law. No. 1. 2019. pp. 210-211.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_164

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ЧИЛИ И РЕСПУБЛИКИ ПЕРУ): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICAN COUNTRIES (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CHILE AND THE REPUBLIC OF PERU): COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления
Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А.
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch
Federal State Budgetary Scientific Institution
V. M. Gorbatov Federal Scientific Center for Food Technologies of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznyaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management
Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of the Orenburg State University.
Mira, 15A, Orenburg Region, 462419, Russia.
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу. Актуальность исследования обусловлена разнонаправленными трансформационными процессами в обеих странах: Чили переживает последствия социального взрыва 2019 года и конституционной реформы, Перу находится в состоянии системного политического кризиса и институциональной нестабильности. В работе рассматриваются генезис и этапы развития конституционно-правовых механизмов общественного контроля, анализируется современное состояние гражданского общества, исследуется нормативно-правовая база, включая законодательство о прозрачности и доступе к информации. Особое внимание уделяется субъектам общественного контроля, роли профсоюзного движения в системе контроля за органами публичной власти. На основе сравнительного анализа формализованы основные проблемы организации общественного контроля, включая ослабление независимости судебной системы, ограничения доступа к информации и угрозы безопасности правозащитников. В заключительной части статьи формулируются пути совершенствования правового регулирования и практической реализации общественного контроля в обеих странах.

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of the constitutional and legal foundations of public control in the Republic of Chile and the Republic of Peru. The relevance of the study is due to the multidirectional transformational processes in both countries: Chile is experiencing the consequences of the social explosion of 2019 and the constitutional reform, Peru is in a state of systemic political crisis and institutional instability. The

paper examines the genesis and stages of the development of constitutional and legal mechanisms of public control, analyzes the current state of civil society, examines the regulatory framework, including legislation on transparency and access to information. Special attention is paid to subjects of public control, the role of the trade union movement in the system of control over public authorities. Based on a comparative analysis, the main problems of the organization of public control are formalized, including the weakening of the independence of the judicial system, restrictions on access to information and threats to the safety of human rights defenders. The final part of the article formulates ways to improve legal regulation and practical implementation of public control in both countries.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы; общественный контроль; Латинская Америка; Республика Чили; Республика Перу; сравнительно-правовой анализ; правовые гарантии; принципы; объекты; субъекты.

Keywords: constitutional and legal foundations; public control; Latin America; Republic of Chile; Republic of Peru; comparative legal analysis; legal guarantees; principles; objects; subjects.

Для цитирования: Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в странах Латинской Америки (на примере Республики Чили и Республики Перу): сравнительно-правовой анализ // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 164-168. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_164.

For citation: Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin American countries (on the example of the Republic of Chile and the Republic of Peru): comparative legal analysis // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 164-168. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_164.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

Введение.

Актуальность исследования. Сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу представляет значительный научный интерес в силу разнонаправленных трансформационных процессов, происходящих в этих двух странах. Чили, традиционно считавшаяся «латиноамериканским исключением» с устойчивыми демократическими институтами и стабильной экономикой, пережила глубокий социальный кризис 2019 года, который привел к масштабному пересмотру конституционных основ и поставил под сомнение эффективность существовавших механизмов гражданского участия. Перу, напротив, столкнулась с системным кризисом государственности, выразившимся в чехарде президентов, коррупционных скандалах и ослаблении судебной системы, что создало уникальные условия для функционирования гражданского общества в условиях институциональной неопределенности. Особую значимость исследованию придает то обстоятельство, что обе страны, несмотря на различия в политических траекториях, являются региональными лидерами в сфере законодательного регулирования прозрачности и доступа к информации. Чилийский Закон о прозрачности 2008 года и перуанский Закон о прозрачности 2002 года создали институциональные механизмы, которые изучаются и тиражируются в других государствах региона. Однако практическая реализация этих законодательных актов сталкивается с серьезными препятствиями, обусловленными институциональной слабостью, политической поляризацией и ростом угроз для правозащитников. Актуальность исследования усиливается в контексте общерегиональных тенденций, характеризующихся ростом недоверия к демократическим институтам и поиском новых форм гражданского участия. Согласно данным *Latinobarómetro* за 2023 год, уровень доверия к Конгрессу в Чили составляет 14%, а в Перу - 11%; доверие к судебной системе не превышает 18% в обеих странах. [1] В этих условиях институты общественного контроля приобретают особое значение как альтернативные механизмы обеспечения подотчетности власти.

Целью настоящего исследования является комплексный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу, выявление общих закономерностей и национальных особенностей развития данного института, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и практической реализации общественного контроля в исследуемых государствах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: а) провести анализ генезиса и этапов развития конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу; б) изучить современный уровень развития гражданского общества в обеих странах; в) исследовать нормативно-правовую базу общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу; г) изучить состав субъектов общественного контроля в обеих странах; д) проанализировать уровень развития профсоюзного движения в обеих странах и степень его участия в системе контроля гражданского общества за органами публичной власти; е) формализовать и исследовать основные проблемы, связанные с организацией и развитием института общественного контроля в Чили и Перу; ж) сформулировать и обосновать пути разрешения указанных проблем.

Методологическую основу исследования составляет система философских, общенаучных и частнонаучных методов познания. Философской основой выступает диалектический метод, позволяющий рассматривать явления в их развитии, взаимосвязи и противоречивости.

Основная гипотеза исследования заключается в следующем: несмотря на значительные различия в политических траекториях и институциональных традициях Чили и Перу, обе страны сталкиваются со сходными вызовами в сфере реализации общественного контроля, включая ослабление независимости судебной системы, недостаточную эффективность механизмов доступа к информации и отсутствие надежной защиты правозащитников. При этом чилийская модель, основанная на специализированном органе контроля (Совет по прозрачности), демонстрирует более высокую эффективность, чем перуанская модель, где функции контроля распределены между несколькими органами с нечетко разграниченной компетенцией. Успешное развитие институтов общественного контроля в обеих странах требует не столько совершенствования законодательства, сколько укрепления институциональной независимости контрольных органов и создания эффективных механизмов защиты гражданских активистов.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется наличием значительного массива работ, посвященных различным аспектам общественного контроля в странах Латинской Америки. Вместе с тем, комплексные сравнительно-правовые исследования, охватывающие Чили и Перу, представлены ограниченно. В российской научной литературе проблематика общественного контроля в Латинской

Америке разрабатывается преимущественно в рамках исследований, посвященных политическим процессам региона. Значительный вклад внесли работы А. А. Куренкова, рассматривающего конституционные реформы в Чили в контексте трансформации институтов гражданского общества, [2, с. 45-62] а также исследования В. М. Давыдова, посвященные анализу роли неправительственных организаций в политических процессах Латинской Америки. [3, с. 27-41] Важное значение имеют работы И. К. Шереметьева, анализирующего профсоюзное движение в странах Андского региона, [4, с. 112-128] и публикации Е.А. Ларина, [5, с. 78-92] исследующего исторические аспекты становления демократических институтов в Чили. Однако данные исследования, как правило, носят политологический или исторический характер и не акцентируют внимание на конституционно-правовых аспектах общественного контроля.

На иностранных языках научная литература представлена значительно шире. Ключевые работы можно разделить на несколько групп. Первая группа посвящена институциональным механизмам прозрачности органов публичной власти и доступа институтов гражданского общества к информации об их организации и деятельности. В этой связи фундаментальное значение имеют работы Г. Сехудо и А. Риоса, [6, с. 335-381] анализирующие политики прозрачности в центральноамериканских и южноамериканских странах. Исследования М. Санди и К. Руис [7, с. 45-72] фокусируются на сравнительном анализе работы советов по прозрачности в Чили и других странах региона. Вторая группа исследований посвящена роли неправительственных организаций в системе общественного контроля. Работы Л. Авила и М. Кампоса [8, с. 89-114] анализируют эволюцию гражданского общества в Чили после социального взрыва 2019 года. Исследования А. Вергары и Х. Диеса [9, с. 67-93] фокусируются на перуанском опыте гражданского участия в условиях политического кризиса. Третья группа охватывает исследования профсоюзного движения. Классические работы Ф. Сапаты по профсоюзам в Перу дополнены современными исследованиями К. Эрнандес и Л. Борда [10, с. 123-148], анализирующими роль профсоюзов в контроле за соблюдением трудовых прав в горнодобывающих регионах. Чилийский опыт профсоюзного движения освещается в работах П. Сильвы и Ф. Дуран. [11, с. 33-58] Четвертая группа исследований посвящена проблемам защиты правозащитников и активистов. Работы правозащитных организаций (например, Human Rights Watch, Amnesty International) дополняются академическими исследованиями Р. Уртадо и М. Гарсии [12, с. 87-112], анализирующими риски, с которыми сталкиваются экологические активисты в Перу, и М. Арайя [13, с. 45-68], исследующей давление на правозащитников в Чили. Пятая группа представлена работами международных организаций. Отчеты OECD по открытому правительству, [14] доклады «Transparency International» по индексу восприятия коррупции [15] и исследования «Inter-American Development Bank» [16] по вопросам прозрачности государственных закупок создают эмпирическую базу для сравнительного анализа. Несмотря на обширную научную литературу, комплексные сравнительно-правовые исследования, объединяющие анализ конституционно-правовых основ, институциональных механизмов и практик реализации общественного контроля в Чили и Перу с использованием единой методологии, представлены ограниченно. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Основной текст.

Чилийский опыт конституционного развития представляет собой уникальный случай. Действующая Конституция 1980 года, принятая в период военной диктатуры Аугусто Пиночета, длительное время оставалась «закрепощенным» наследием авторитарного режима. Важной вехой стала конституционная реформа 2005 года, которая устранила так называемые «замки» авторитарного режима - институт назначенных сенаторов и пожизненных командующих. Современный этап (с 2019 года) связан с «социальным взрывом» и последующими попытками принятия новой Конституции. Хотя два конституционных проекта (2022 и 2023 годов) не были приняты на референдумах, сам процесс стимулировал развитие механизмов гражданского участия. Ключевым достижением стало создание институциональных механизмов для включения гражданского общества в процессы принятия решений на местном уровне.

Перуанское конституционное развитие демонстрирует иную траекторию. Конституция 1993 года, принятая в период правления Альберто Фухимори, создала основы для экономической либерализации, но оставила слабые механизмы контроля за исполнительной властью. Политическая нестабильность (с 2016 по 2025 год в Перу сменилось шесть президентов) привела к ослаблению институтов судебной власти и прокуратуры, которые традиционно играли ключевую роль в системе общественного контроля. Важным этапом стало принятие Закона о прозрачности и доступе к публичной информации в 2002 году, который стал одним из первых в регионе и создал правовую основу для деятельности гражданского общества. [14]

Гражданское общество Чили характеризуется высокой степенью организации и политической зрелости. Социальный взрыв 2019 года продемонстрировал способность гражданских ассоциаций, студенческих движений и профсоюзов к массовой мобилизации. В настоящее время в Чили действуют тысячи неправительственных организаций, специализирующихся на защите прав человека, экологическом мониторинге и антикоррупционной деятельности. Однако эксперты отмечают снижение уровня доверия к традиционным институтам. Согласно данным *Latinobarómetro*, уровень доверия к Конгрессу и судебной системе в Чили находится на исторических минимумах, [15] что парадоксальным образом сочетается с высоким уровнем участия в гражданских инициативах. Это создает феномен «активного недоверия», когда граждане предпочитают прямое действие институциональным каналам контроля.

Перуанское гражданское общество функционирует в условиях системного политического кризиса. Институциональная нестабильность, коррупционные скандалы (включая дело Odebrecht) [16] и ротация высших должностных лиц создают высокую степень неопределенности. Несмотря на это, перуанские организации гражданского общества демонстрируют высокую степень резистентности. Коалиции гражданских организаций, такие как *Transparencia Perú*, [17] играют ключевую роль в мониторинге выборов и контроле за государственными закупками. Важной особенностью Перу является активное участие коренных общин в системе общественного контроля, особенно в сферах добычи полезных ископаемых и защиты экологических прав.

Обе страны являются лидерами региона в сфере регулирования прозрачности. В Чили Закон о прозрачности (*Ley de Transparencia*,

Ley № 20.285) 2008 года создал Совет по прозрачности (Consejo para la Transparencia) -независимый орган, обеспечивающий реализацию права на доступ к информации. Закон устанавливает презумпцию публичности: вся информация, находящаяся в распоряжении государственных органов, является открытой, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

В Перу Закон о прозрачности и доступе к публичной информации (Ley № 27806) 2002 года и его последующие модификации создали правовую основу для работы гражданского общества. Важной особенностью перуанского законодательства является наличие специализированного органа - Управления омбудсмана (Defensoría del Pueblo), который наделен полномочиями по рассмотрению жалоб на действия государственных органов.

Конституция Чили (после реформ) закрепляет право граждан на участие в управлении государственными делами (статья 1). Конституция Перу (статья 31) признает право граждан на участие в политической жизни, а статья 41 устанавливает принцип прозрачности государственного управления. Институциональные механизмы Чили: а) Совет по прозрачности (Consejo para la Transparencia); б) Национальный институт прав человека (INDH); в) Контролерная республика (Contraloría General de la República).

Институциональные механизмы Перу: а) Управление омбудсмана (Defensoría del Pueblo); б) Национальный судебный совет; в) Контролерная республика

В обеих странах важную роль играют специализированные контрольные органы. В Чили Совет по прозрачности рассматривает жалобы на отказ в предоставлении информации и уполномочен налагать санкции на государственных служащих. В Перу Управление омбудсмана наделено мандатом по защите конституционных прав граждан и может инициировать конституционные процессы (habeas corpus, amparo) в защиту нарушенных прав.

В Чили ключевыми субъектами общественного контроля являются организации, работающие в сфере защиты прав человека (INDH, Human Rights Watch Chile), экологические объединения (Modatima - защита водных ресурсов) и антикоррупционные коалиции (Chile Transparente - местное отделение Transparency International).

В Перу центральное место занимает Transparencia Perú, которая осуществляет мониторинг выборов и контроль за государственными закупками. Важную роль играют также организации коренных народов, особенно в регионах добывающей промышленности (Анкаш, Арекипа, Куско).

Чилийские профсоюзы имеют длительную историю и традиционно играют важную роль в политической жизни страны. Центральное объединение трудящихся Чили (CUT) является одним из самых влиятельных профсоюзных центров в регионе. В последние годы профсоюзы активно участвуют в контроле за соблюдением трудовых прав, особенно в контексте реформы пенсионной системы и борьбы за сокращение рабочего времени. [22] Профсоюзы также являются ключевыми участниками процесса принятия решений в сфере социальной политики. Они имеют представительство в Национальном совете по социальной защите и участвуют в разработке законопроектов, регулирующих трудовые отношения.

Перуанское профсоюзное движение переживает сложный период. Объединенная центральная профсоюзная федерация Перу (CGTP) сохраняет значительное влияние в государственном секторе и горнодобывающей промышленности. Однако уровень охвата профсоюзным членством остается низким (менее 10% от экономически активного населения). [23] Важной особенностью Перу является активное участие профсоюзов в контроле за соблюдением прав человека в контексте трудовых конфликтов, особенно в добывающих отраслях. Профсоюзы часто выступают в коалиции с экологическими и правозащитными организациями, создавая широкие гражданские фронты.

В обеих странах серьезной проблемой является ослабление независимости судебной системы. В Перу коррупционные скандалы в судебной системе (так называемые «судьи с деньгами») привели к кризису доверия и попыткам реформирования. [18] В Чили, несмотря на формальную независимость, судебная система сталкивается с критикой за медлительность и недостаточную прозрачность. [19]

Несмотря на наличие прогрессивного законодательства, его реализация на практике сталкивается с серьезными препятствиями. Государственные органы часто затягивают предоставление информации, ссылаясь на исключения, предусмотренные законом. В Перу случаи отказа в предоставлении информации приобрели системный характер, что привело к многочисленным жалобам в Управление омбудсмана. [20]

В обеих странах правозащитники и экологические активисты сталкиваются с угрозами и запугиванием. В Перу это особенно актуально в регионах, где действуют незаконные горнодобывающие предприятия (minería ilegal) и наркоторговля. В Чили активисты, выступающие против проектов в области добычи полезных ископаемых и гидроэнергетики, также подвергаются давлению. [21]

Политическая поляризация в обеих странах затрудняет конструктивный диалог между государством и гражданским обществом. В Перу конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти привел к параличу институтов. В Чили процессы принятия новой Конституции, хотя и не увенчались успехом, обнажили глубокие социальные разрывы.

Перспективным направлением является реформа судебной системы, направленная на обеспечение ее независимости и прозрачности. В Перу необходим пересмотр процедур назначения судей и прокуроров для исключения политического влияния. В Чили важно завершить реформу судебной системы, начатую в 2000-х годах, и обеспечить более широкий доступ к правосудию.

Необходимо усиление институциональных механизмов, обеспечивающих реализацию права на доступ к информации. В Чили Совет по прозрачности нуждается в расширении полномочий для наложения более существенных санкций на государственные органы, нарушающие законодательство. В Перу требуется создание специализированного органа по прозрачности, аналогичного чилийскому Совету.

Создание эффективных механизмов защиты правозащитников и экологических активистов является критически важным. В Перу необходимо усилить роль Управления омбудсмана в мониторинге угроз в адрес активистов. В Чили требуется принятие специального законодательства о защите лиц, сообщающих о коррупции (whistleblower protection).

Важным направлением является создание постоянных механизмов диалога, позволяющих учитывать мнение гражданского общества при разработке законопроектов и принятии решений. Опыт Чили по созданию консультативных советов при министерствах может быть полезен для Перу.

Обе страны могли бы обмениваться опытом в сфере развития институтов общественного контроля. Чилийский опыт работы Совета по прозрачности представляет интерес для Перу, в то время как перуанский опыт взаимодействия с коренными народами может быть полезен для Чили.

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Чили и Республике Перу позволяет сделать вывод о сходных вызовах и различных институциональных ответах. Чили, обладая более устойчивыми демократическими традициями и развитой институциональной системой (Совет по прозрачности, Национальный институт прав человека), демонстрирует высокий уровень гражданского участия, однако сталкивается с вызовами, связанными с социальной поляризацией и снижением доверия к институтам.

Перу, напротив, переживает системный кризис институтов, усугубляемый политической нестабильностью и коррупционными скандалами. Несмотря на наличие прогрессивного законодательства в сфере прозрачности, его реализация на практике сталкивается с серьезными препятствиями. Вместе с тем перуанское гражданское общество демонстрирует высокую степень резистентности, а опыт участия коренных общин в системе общественного контроля представляет интерес для всего региона.

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего укрепление независимости судебной системы, совершенствование механизмов доступа к информации, создание эффективных систем защиты правозащитников и институционализацию диалога между государством и гражданским обществом. Перспективы развития общественного контроля в исследуемых странах во многом зависят от способности их политических систем обеспечить баланс между эффективностью государственного управления и сохранением пространства для гражданского участия.

Список литературы

1. Latinobarómetro 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.latinobarometro.org/latinobarometro-2023> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Куренков А.А. Конституционный процесс в Чили: от социального взрыва к новому социальному договору // Латинская Америка. 2023. № 4. С. 45-62.
3. Давыдов В.М. Гражданское общество в Латинской Америке: институциональные аспекты // Иberoамериканские тетради. 2021. № 3. С. 27-41.
4. Шереметев И.К. Профсоюзы и трудовые отношения в Перу: история и современность // Труд за рубежом. 2022. № 2. С. 112-128.
5. Ларин Е.А. Политическая история Чили: от диктатуры к демократии // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 78-94.
6. Cejudo G., Ríos A. Acceso a la información gubernamental: análisis empírico de políticas de transparencia en cuatro países centroamericanos // Revista de Gestión Pública. 2021. Vol. 2. № 2. P. 335-381.
7. Sandi M., Ruiz C. Consejos para la Transparencia en América Latina: un estudio comparado // Política y Gobierno. 2022. Vol. 29. № 1. P. 45-72.
8. Ávila L., Campos M. Sociedad civil y estallido social en Chile: nuevas formas de participación // Revista de Sociología. 2023. № 38. P. 89-114.
9. Vergara A., Díez J. Participación ciudadana en contextos de crisis política: el caso peruano // Colombia Internacional. 2022. № 110. P. 67-93.
10. Hernández, C., Borda, L. Sindicatos y control ciudadano en la minería peruana: una mirada desde la antropología // Antropológica. 2023. Vol. 41. № 51. P. 123-148.
11. Silva P., Durán F. El movimiento sindical chileno después del 18-O: entre la reactivación y la fragmentación // Revista Chilena de Derecho del Trabajo. 2024. Vol. 12. № 2. P. 33-58.
12. Hurtado R., García M. Defensores ambientales en Perú: riesgos, respuestas y desafíos // Derecho y Sociedad. 2024. № 62. P. 87-112.
13. Araya, M. Protección de defensores de derechos humanos en Chile: avances y asignaturas pendientes // Anuario de Derechos Humanos. 2023. Vol. 19. P. 45-68.
14. OECD. Open Government in Chile: Progress and Challenges. Paris: OECD Publishing, 2024.
15. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. Berlin: TI, 2024.
16. IDB. Transparency in Public Procurement in Latin America. Washington: IDB, 2023.
17. Consejo para la Transparencia. Ley de Transparencia y Acceso a la Información Pública. Santiago: CT, 2008.
18. Defensoría del Pueblo del Perú. Informe de Adjuntía sobre el Acceso a la Información Pública. Lima: Defensoría, 2024.
19. Corporación Latinobarómetro. Informe Latinobarómetro 2023: La democracia en América Latina. Santiago: Latinobarómetro, 2024.
20. Transparencia Perú. Índice de Capacidad Anticorrupción: Perú 2024. Lima: Transparencia, 2025.
21. Human Rights Watch. World Report 2025: Chile and Peru. New York: HRW, 2026.
22. UNDP Chile. Estado de la Transparencia en Chile. Santiago: PNUD, 2024.
23. Universidad del Pacífico. Análisis de la Gobernanza en el Perú. Lima: UP, 2025.
24. OECD. Open Government in Chile: Progress and Challenges. Paris: OECD Publishing, 2024.
25. CUT Chile. Memoria Anual 2024. Santiago: Central Unitaria de Trabajadores, 2025.
26. CGTP Perú. Informe sobre la Situación Sindical en el Perú. Lima: Confederación General de Trabajadores del Perú, 2025.

References

1. Latinobarómetro 2023. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.latinobarometro.org/latinobarometro-2023> (date of reference: 03/01/2026).
2. Kurenkov A.A. The constitutional process in Chile: from a social explosion to a new social contract // Latin America. 2023. No. 4. pp. 45-62.
3. Davydov V.M. Civil society in Latin America: institutional aspects // Iberoamerican notebooks. 2021. No. 3. pp. 27-41.
4. Sheremetyev I.K. Trade unions and labor relations in Peru: history and modernity // Labor abroad. 2022. No. 2. pp. 112-128.
5. Larin E.A. The political history of Chile: from dictatorship to democracy // New and modern history. 2020. No. 5. pp. 78-94.
6. Cejudo G., Ríos A. Acceso a la información gubernamental: análisis empírico de políticas de transparencia en cuatro países centroamericanos // Revista de Gestión Pública. 2021. Vol. 2. № 2. P. 335-381.
7. Sandi M., Ruiz C. Consejos para la Transparencia en América Latina: un estudio comparado // Política y Gobierno. 2022. Vol. 29. № 1. P. 45-72.
8. Ávila L., Campos M. Sociedad civil y estallido social en Chile: nuevas formas de participación // Revista de Sociología. 2023. № 38. P. 89-114.
9. Vergara A., Díez J. Participación ciudadana en contextos de crisis política: el caso peruano // Colombia Internacional. 2022. № 110. P. 67-93.
10. Hernández, C., Borda, L. Sindicatos y control ciudadano en la minería peruana: una mirada desde la antropología // Antropológica. 2023. Vol. 41. № 51. P. 123-148.
11. Silva P., Durán F. El movimiento sindical chileno después del 18-O: entre la reactivación y la fragmentación // Revista Chilena de Derecho del Trabajo. 2024. Vol. 12. № 2. P. 33-58.
12. Hurtado R., García M. Defensores ambientales en Perú: riesgos, respuestas y desafíos // Derecho y Sociedad. 2024. № 62. P. 87-112.
13. Araya, M. Protección de defensores de derechos humanos en Chile: avances y asignaturas pendientes // Anuario de Derechos Humanos. 2023. Vol. 19. P. 45-68.
14. OECD. Open Government in Chile: Progress and Challenges. Paris: OECD Publishing, 2024.
15. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. Berlin: TI, 2024.
16. IDB. Transparency in Public Procurement in Latin America. Washington: IDB, 2023.
17. Consejo para la Transparencia. Ley de Transparencia y Acceso a la Información Pública. Santiago: CT, 2008.
18. Defensoría del Pueblo del Perú. Informe de Adjuntía sobre el Acceso a la Información Pública. Lima: Defensoría, 2024.
19. Corporación Latinobarómetro. Informe Latinobarómetro 2023: La democracia en América Latina. Santiago: Latinobarómetro, 2024.
20. Transparencia Perú. Índice de Capacidad Anticorrupción: Perú 2024. Lima: Transparencia, 2025.
21. Human Rights Watch. World Report 2025: Chile and Peru. New York: HRW, 2026.
22. UNDP Chile. Estado de la Transparencia en Chile. Santiago: PNUD, 2024.
23. Universidad del Pacífico. Análisis de la Gobernanza en el Perú. Lima: UP, 2025.
24. OECD. Open Government in Chile: Progress and Challenges. Paris: OECD Publishing, 2024.
25. CUT Chile. Memoria Anual 2024. Santiago: Central Unitaria de Trabajadores, 2025.
26. CGTP Perú. Informe sobre la Situación Sindical en el Perú. Lima: Confederación General de Trabajadores del Perú, 2025.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRIC GRIDS

ЮСИПОВА Ирина Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: irenaus@mail.ru

YUSIPOVA Irina Viktorovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: irenaus@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей к электрическим сетям. Анализируются последствия отсутствия у потребителя документов о технологическом присоединении для гарантирующего поставщика и сетевой организации. Рассматриваются проблемы определения величины аварийной брони и невозможности введения ограничения режима потребления в отношении отдельных категорий потребителей. На основе анализа законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Abstract: The article is devoted to the study of problems of legal regulation of technological connection of consumers' power receiving devices to electric grids. The consequences of the consumer's lack of documents on technological connection for the guaranteeing supplier and the grid organization are analyzed. Problems of determining the value of emergency reserve and the impossibility of introducing restrictions on the consumption regime in relation to certain categories of consumers are considered. Based on the analysis of legislation and judicial practice, proposals are formulated to improve legal regulation in this area.

Ключевые слова: технологическое присоединение, договор энергоснабжения, гарантирующий поставщик, сетевая организация, аварийная броня, ограничение режима потребления.

Keywords: technological connection, energy supply contract, guaranteeing supplier, grid organization, emergency reserve, restriction of consumption regime.

Для цитирования: Юсипова И.В. Правовое регулирование технологического присоединения к электрическим сетям // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_169.

For citation: Yusipova I.V. Legal regulation of technological connection to electric grids // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 169-171. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_169.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Технологическое присоединение к электрическим сетям является необходимым условием для возникновения отношений по энергоснабжению между потребителем и гарантирующим поставщиком. В соответствии со статьей 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» технологическое присоединение представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых в целях подключения энергопринимающих устройств потребителей к объектам электросетевого хозяйства [3]. Правовое регулирование данной сферы осуществляется как на уровне федерального законодательства, так и подзаконных нормативных актов, однако правоприменительная практика выявляет ряд проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Действующее законодательство устанавливает обязанность потребителя при заключении договора энергоснабжения представить гарантирующему поставщику документы, подтверждающие технологическое присоединение его энергопринимающих устройств к электрическим сетям. Пункт 34 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, содержит перечень документов, необходимых для заключения договора, среди которых особое место занимают акты разграничения балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности сторон [2].

Однако на практике указанная норма фактически не обеспечена механизмами принуждения потребителя к предоставлению соответствующих документов. Гарантирующий поставщик, руководствуясь принципом публичности договора, не вправе отказать потребителю в заключении договора даже при отсутствии документов о технологическом присоединении. Обязанность заключить договор с любым обратившимся лицом, закрепленная в статье 426 Гражданского кодекса РФ, вступает в противоречие с требованием о наличии документов, подтверждающих технологическое присоединение [1].

Особую сложность представляют случаи, когда энергопринимающие устройства потребителя подключены не к сетям сетевой организации, а к объектам электросетевого хозяйства, принадлежащим иным лицам, не оказывающим услуги по передаче электроэнергии. В такой ситуации требование о наличии документов, подтверждающих технологическое присоединение, становится труднореализуемым, поскольку законодательство не устанавливает обязанности указанных лиц по оформлению и выдаче соответствующих документов.

Отсутствие у потребителя документов о технологическом присоединении влечет серьезные последствия для гарантирующего поставщика, лишая его ряда прав, предоставленных действующим законодательством. Наиболее значимым является право на инициирование процедуры введения ограничения режима потребления электроэнергии в случае возникновения у потребителя задолженности.

Согласно пункту 2 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, при наличии у потребителя задолженности перед гарантирующим поставщиком в размере, равном сумме обязательств за один расчетный период (для юридических лиц) или за два расчетных периода (для граждан-потребителей), гарантирующий поставщик вправе инициировать введение ограничения режима потребления [4]. Для реализации этого права гарантирующий поставщик направляет соответствующее уведомление в адрес сетевой организации.

Однако процедура ограничения существенно осложняется, если потребитель относится к категории лиц, в отношении которых запрещено введение полного ограничения режима потребления. К таким категориям относятся, в частности, организации, осуществляющие эксплуатацию объектов централизованного водоснабжения и канализации, теплоснабжающие организации, объекты, обеспечивающие безопасность государства, и иные социально значимые объекты.

Для указанных категорий потребителей ограничение режима потребления допускается только до уровня аварийной брони. Аварийная броня представляет собой минимальный уровень потребления электроэнергии, обеспечивающий безопасное функционирование оборудования и предотвращение аварийных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью людей, а также экологической безопасности. Величина аварийной брони согласовывается потребителем с сетевой организацией и фиксируется в соответствующем акте.

При отсутствии у потребителя документов о технологическом присоединении и акта аварийной брони определение величины, до которой возможно снижение потребления, становится невозможным. Сетевая организация не имеет законных оснований для самостоятельного определения уровня аварийной брони, а гарантирующий поставщик лишается возможности реализовать свое право на ограничение поставки электроэнергии должнику.

Судебная практика подтверждает невозможность введения ограничения в отношении категорийных потребителей при отсутствии согласованной величины аварийной брони. В ряде случаев суды признают незаконными действия гарантирующих поставщиков и сетевых организаций по ограничению режима потребления, если не был соблюден порядок определения минимально необходимого уровня поставки электроэнергии [5, с. 50].

Таким образом, отсутствие у потребителя документов о технологическом присоединении и акта аварийной брони создает ситуацию, при которой гарантирующий поставщик фактически лишен возможности воздействия на потребителя-должника, относящегося к категории социально значимых объектов. При этом гарантирующий поставщик обязан ежемесячно и в полном объеме оплачивать стоимость электроэнергии на оптовом рынке, включая объемы, поставленные такому потребителю. Просрочки платежей на оптовом рынке не допускаются и влекут риск утраты статуса гарантирующего поставщика.

С целью сохранения статуса гарантирующие поставщики, не получая оплаты от потребителей, вынуждены привлекать кредитные средства и нести дополнительные расходы на их обслуживание. В конечном итоге, финансовое бремя перекладывается на добросовестных потребителей через механизм тарифного регулирования, что противоречит принципу справедливости и баланса экономических интересов участников рынка.

Еще одной проблемой является отсутствие законодательно установленных последствий для потребителя за непредставление документов о технологическом присоединении. Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих потребителя оформлять акт аварийной брони, равно как и мер ответственности за уклонение от его оформления. Потребитель, относящийся к категории, ограничение которой ниже уровня аварийной брони не допускается, может не предпринимать действий по согласованию соответствующей величины, осознавая, что в отсутствие такого согласования ограничение его потребления невозможно в принципе.

В целях решения указанных проблем представляется необходимым внесение изменений в действующее законодательство. Во-первых, целесообразно нормативно закрепить обязанность потребителей, относящихся к категориям, в отношении которых введение полного ограничения режима потребления не допускается, согласовывать с сетевой организацией величину аварийной брони и представлять соответствующий акт гарантирующему поставщику при заключении договора энергоснабжения.

Во-вторых, необходимо установить правовые последствия неисполнения указанной обязанности. В качестве такой меры может выступать право гарантирующего поставщика на введение ограничения режима потребления до минимального технологически обусловленного уровня, определяемого сетевой организацией исходя из параметров присоединения и характеристик энергопринимающих устройств потребителя [6, с. 267].

В-третьих, требуется законодательное закрепление порядка определения величины аварийной брони для случаев, когда потребитель уклоняется от ее согласования. Представляется возможным наделить сетевую организацию правом самостоятельно определять указанную величину на основе проектной документации и фактических параметров энергопотребления с последующим уведомлением потребителя.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о включении в пакет документов, представляемых при заключении договора энергоснабжения, копии акта аварийной и технологической брони для соответствующих категорий потребителей. Отсутствие подобного документа могло бы служить основанием для отказа в заключении договора до момента его предоставления. Полагаем, данная мера будет стимулировать потребителей к надлежащему оформлению документов.

Необходимо заметить, что внедряемые изменения не ущемляют права потребителей, а, напротив, направлены на формирование прозрачного механизма взаимодействия всех субъектов розничного рынка электроэнергии. Утвержденная согласованная аварийная броня позволит гарантирующему поставщику реализовать право на ограничение потребления в случае задолженности, но, одновременно, при этом за потребителем

сохранится право на минимальный необходимый уровень энергоснабжения, обеспечивающий безопасное функционирование его объектов.

Подводя итог, следует заметить, что обозначенные проблемы правового регулирования технологического присоединения, отсутствие у потребителей документов, подтверждающих его осуществление и величины аварийной брони, создают серьезные препятствия для реализации прав у гарантирующих поставщиков, представленных им законодательством. Полагаем, совершенствование нормативно-правовой базы в данной сфере является важным условием для обеспечения баланса интересов поставщиков и потребителей электроэнергии, а также стимулом повышения платежной дисциплины на розничном рынке.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.
3. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
4. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 27.12.2024) «Правила полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кандрушина В.А., Юсипова И.В. Невозможность одностороннего отказа от договора поставки электроэнергии с потребителем // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 4-3. С. 47-50.
6. Юсипова И.В. Проблема бездоговорного потребления электрической энергии // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 265-267.
7. Хамидуллин М.Т. Правовое регулирование сетевой мощности в обязательствах по энергоснабжению // Юрист. 2021. № 2. С. 47-52.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. St. 3301.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/04/2012 No. 442 "On the functioning of retail electric Energy markets, complete and (or) partial restriction of electric energy consumption" (together with the "Basic Provisions for the functioning of retail Electric Energy markets", "Rules for complete and (or) partial restriction of electric energy consumption") // Collection legislation of the Russian Federation. 2012. No. 23. Art. 3008.
3. Federal Law No. 35-FZ dated 26.03.2003 "On Electric Power Industry" (as amended on 25.10.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 13. Art. 1177.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/04/2012 No. 442 (as amended on 12/27/2024) "Rules for full and (or) partial restriction of electric energy consumption" // SPS ConsultantPlus.
5. Kandrushina V.A., Yusipova I.V. The impossibility of unilateral cancellation of an electricity supply contract with a consumer // Science of Krasnoyarsk. 2023. Vol. 12. No. 4-3. pp. 47-50.
6. Yusipova I.V. The problem of non-contractual consumption of electric energy // Agrarian and land law. 2025. No. 4. pp. 265-267.
7. Khamidullin M.T. Legal regulation of grid capacity in energy supply obligations // Lawyer. 2021. № 2. pp. 47-52.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_172

УДК 342.7

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ENVIRONMENTAL EDUCATION AS A PUBLIC LEGAL INSTRUMENT FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE ENVIRONMENTAL POLICY

БИЛЫК Кирилл Владимирович

аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: 1890686@bsuedu.ru

BILYK Kirill Vladimirovich

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
e-mail: 1890686@bsuedu.ru

Краткая аннотация. Актуальность темы обусловлена конституционным закреплением воспитания как обеспечительного механизма реализации государственной политики, включая экологическую сферу. Цель статьи состоит в выявлении правовой природы экологического воспитания как элемента государственной экологической политики; анализе его структуры и взаимосвязи с правовой и эколого-правовой культурой, а также в предложении направлений унификации воспитательного воздействия. Результаты исследования показали, что экологическое воспитание интегрировано в государственную политику как обязательный компонент, направленный на формирование бережного отношения к природе и экологически ответственного поведения. Установлено, что наиболее эффективными инструментами выступают социальная реклама, включение экологических требований в образовательные стандарты и государственные программы. Обоснована необходимость законодательной унификации понятий «экологическое воспитание», «экологическая культура» и «эколого-правовая культура» для повышения результативности государственной политики.

Abstract The relevance of the topic is due to the constitutional consolidation of education as an enabling mechanism for the implementation of state policy, including the environmental sphere. The purpose of the article is to identify the legal nature of environmental education as an element of the state environmental policy; to analyze its structure and relationship with legal and ecological-legal culture, as well as to propose ways to unify educational impact. The results of the study showed that environmental education is integrated into public policy as a mandatory component aimed at fostering respect for nature and environmentally responsible behavior. It has been established that the most effective tools are social advertising, the inclusion of environmental requirements in educational standards and government programs. The necessity of legislative unification of the concepts of «ecological education», «ecological culture» and «ecological and legal culture» in order to increase the effectiveness of public policy is substantiated.

Ключевые слова: воспитание, экологическая политика, экологическое воспитание, экологическая культура, правовая культура, эколого-правовая культура, государственная программа, социальная реклама, публично-правовое регулирование.

Key words education, environmental policy, environmental education, environmental culture, legal culture, environmental and legal culture, government program, social advertising, public law regulation.

Для цитирования: Билык К.В. Экологическое воспитание как публично-правовой инструмент реализации государственной экологической политики // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_172.

For citation: Bilyk K.V. Environmental education as a public legal instrument for the implementation of state environmental policy // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 172-175. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_172.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

В современной российской правовой системе воспитание все чаще выступает не как частный или педагогический феномен, а как публично-правовой институт, встроенный в реализацию стратегических направлений государственной политики. Особое место в этом контексте занимает экологическое воспитание, закрепленное на законодательном уровне в качестве одного из принципов охраны окружающей среды и целевой установки экологического просвещения. Несмотря на декларативное признание его значимости, экологическое воспитание до сих пор не обрело системной, унифицированной правовой формы, что снижает эффективность реализации государственной экологической политики. В условиях нарастания экологических вызовов и усиления акцента на устойчивом развитии, особую актуальность приобретает вопрос о том, каким образом правовые механизмы могут обеспечить формирование у граждан экологически ответственного поведения, начиная личностного уровня. Цель данной статьи состоит в анализе правовой природы экологического воспитания и обосновании необходимости его нормативной унификации в рамках государственной политики.

Обратимся к рассмотрению экологической политики государства, включенность в содержание которой воспитательного аспекта видится масштабной. Концептуальной нормативной правовой основой данного направления государственной политики остается Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [1], который к числу принципов охраны окружающей среды в том числе относит организацию и развитие системы экологического воспитания (ст. 3), а к целевым установкам экологического просвещения – воспитание бережного отношения к природе (ст. 74). Формализация экологической государственной политики традиционно обеспечена документом стратегического планирования, контекстно-предметным – Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [2]. Однако воспитательного контента данный акт не включал. Соответственно, приоритетными и в части предмета политико-правовой регламентации, и планового периода реализации выступают Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ еще в 2012 г. [3]. Здесь экологическому воспитанию уже уделяется больше внимания. Так, в разд. III к числу задач рассмат-

риваемого направления отнесено развитие экологического воспитания (в паритете с аналогичным образованием, а также во взаимосвязи с формированием экологической культуры); в разд. IV представлен достаточно развернутый п. 20, указывающий на механизмы решения предметной задачи, причем в воспитательном контексте выделены такие из них, как: «г) обеспечение направленности процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях на формирование экологически ответственного поведения, в том числе посредством включения в федеральные государственные образовательные стандарты соответствующих требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся; ... ж) включение вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и воспитания в государственные, федеральные и региональные программы» [3]. Изложенное демонстрирует, что задача по экологическому воспитанию толкуется разработчиками документа несколько ограничительно, на что указывает приоритетное ассоциирование со сферой образования и обозначение в качестве субъекта-адресата образовательной организации. Между тем, второй из указанных механизмов все же позволяет применить и метод расширительного толкования, но с учетом обличия еще не закрепленных юридически инициатив, средств и методов воспитательного воздействия в форму государственной программы соответствующего уровня. Данный подход, изложенный в Основах, видится весьма удачным и перспективным.

В научной литературе вопросам экологического воспитания, наряду с экологическим обучением, образованием и просвещением, также уделяется значительное внимание. Обращает на себя внимание тот факт, что экологическая культура, как ключевая предметная составляющая экологической политики государства и закономерно производная составляющая явление культуры вообще, значительным числом авторов рассматривается в неразрывной связи с правовой культурой личности, ее уровнем в обществе и государстве в целом. Такую связь демонстрирует и схожая структурная композиция правовой культуры и экологической (эколого-правовой) ее разновидности, в состав которой обязательно включается воспитание (экологическое, правовое и т.п.) [4, с. 24-32; 5, ст. 11; 8, с. 128-133]. Причем данная позиция весьма устойчива в юридической доктрине и не утрачивает актуальности на современном этапе [6, с. 100-104]. Контекстно такая взаимосвязь также указывает на комплексный характер формализации и реализации различных, но суть аксиологически и телеологически единых направлений государственной политики нашего государства.

К примеру, Е.Г. Негодаева отмечает: «Поскольку культура неразрывно связана с развитием общества... Возникает ряд аспектов, по которым может вестись и ведется философский анализ культуры: культура и цивилизация, экологическая культура, экологическое сознание, экологическое правовое сознание, право и экологическая культура общества. Проблемы экологической культуры, экологического сознания и мировоззрения, экологической компоненты образовательно-воспитательного процесса исследуются сегодня представителями гуманитарных, естественных и технических наук» [8, с. 128-133]. В свою очередь уточняется, что на современном этапе российское государство в лице уполномоченных субъектов акцентирует внимание именно на правовом аспекте формирования экологической культуры. В этой связи, в частности, еще в 2014 г. утверждена (и до сих пор реализуется) государственная программа «Охрана окружающей среды», в рамках которой ставятся цели глобального характера, что закономерно «требует специфического правового регулирования» [8, с. 128-133]. При этом автор особо подчеркивает, опираясь на результаты социологических исследований, что, несмотря на масштабность проблемы охраны окружающей среды (или даже, напротив, в этой связи), «начинать решать ее необходимо на уровне каждого человека» [8, с. 128-133]. Представляется, на роль инструмента реализации этой задачи лучше всего подходит именно воспитание (как предметное, так и комплексное), которое адресовано каждой личности в обществе и государстве. При этом перспективными средствами адресного формирования экологической культуры Е.Г. Негодаева в том числе называет пропаганду, социальную рекламу, обеспеченные информационной поддержкой средств массовой информации. Резюмируя, автор подчеркивает: «Новое экологическое сознание должно быть направлено на гармоничное сосуществование человека и природы, но без комплексного подхода к этой проблеме решение вряд ли будет найдено. ... комплексный подход подразумевает под собой не только построение максимально эффективного механизма правового регулирования отношений в сфере экологии, но и формирование у населения экологической культуры через воспитание, средства массовой информации, интеграцию экологических организаций в сферу образования и популяризацию идеи защиты окружающей среды в совокупности с проведением мероприятий, реализующих ее на практике» [8, с. 128-133]. Поддерживая изложенную позицию, отметим, что исследование экологической культуры и через призму философии позволяет говорить одновременно о самоценности воспитания как неотъемлемой составляющей культуры, ее отдельного вида, так и о выраженном обеспечительном характере инструментов воспитательного воздействия именно в комплексе мер (методов, способов, средств и пр.) по реализации соответствующего направления государственной политики и достижению ключевой ее цели – формированию должного уровня культуры.

Отмеченная тенденция прослеживается подтверждается специальными научными работами [7, с. 39-42]. В последних, в частности, уже отмечаются нравственно-духовные ориентиры в контексте воспитания (формирования) экологической культуры: «...экологическая культура не возникает и не может существовать вне общества, формируется с помощью таких обязательных инструментов, как экологическое образование и экологическое воспитание, просвещение в области охраны окружающей среды... Вместе с тем, формированию экологической культуры содействует уровень общей правовой культуры населения. Правовая культура, так же, как и экологическая культура, предполагает, что каждый член общества обладает достаточно высоким уровнем духовно-нравственного развития, которое формирует в нем уважительное отношение к праву, необходимым объемом правовых знаний, а также способностью и готовностью реализовывать эти знания на практике... Особое значение при изучении феномена экологической культуры занимает правовой аспект, поскольку все элементы экологической культуры должны подчиняться правовым идеям и ориентироваться исключительно на обязательность силы закона, в силу чего важность приобретает содержание понятия «эколого-правовой культуры» [6, с. 100-104]. Подчеркивается авторами и комплексный характер экологической культуры, включая ее эколого-правовую конструкцию. Причем уточняется, что «эколого-правовая культура является одновременно следствием и условием формирования

экологической культуры» [6, с. 100-104].

В свою очередь С.И. Коданева прямо выделяет такие элементы экологической культуры, как «духовно-нравственные ценности, высокий уровень знаний права и экологических проблем и готовность реализовать свои знания на практике» [4, с. 24-32]. При этом автор также проводит корреляцию между уровнем сформированности экологической культуры и правосознания: «Правовая культура – это эмоциональное восприятие права, готовность сознательно действовать в соответствии с правовыми предписаниями, участвовать в правовой жизни, повышать собственное правосознание... показателем правовой культуры выступает уровень правосознания, который, в свою очередь, напрямую влияет на формирование экологической культуры. Развитие правосознания, с одной стороны, обеспечивает большее доверие общества к проектам и программам, реализуемым органами власти, к правоприменительной практике должностных лиц. С другой стороны, граждане более ответственно относятся к окружающей среде, с большей готовностью соблюдают природоохранное законодательство и проявляют активность в защите окружающей среды» [4, с. 24-32]. Интересна и созвучна нашим рассуждениям также позиция С.И. Коданевой о том, что формирование экологической культуры нельзя ассоциировать исключительно со сферой образования. «Требуется выработка правовых механизмов формирования второй составляющей экологической культуры – функциональной. Для этого можно использовать различные инструменты: социальную рекламу, «зелёный маркетинг», стимулирование компаний всех секторов экономики к внедрению организационной культуры устойчивого развития, вовлечение граждан в принятие решений и их реализацию в области локальных экологических проблем» [4, с. 24-32]. Отдельное внимание в рамках данного тезиса привлекает предлагаемый прикладной инструментарий, в котором видится и существенный потенциал для воспитательного воздействия. Контекстно-фрагментарная повторяемость отдельных из приведенных инструментов, в том числе социальной рекламы, в свою очередь указывает на их устойчиво-позитивную оценку со стороны исследователей в разные периоды, и, соответственно, перспективность использования такого инструментария как универсального (для достижения воспитательных целей и задач в комплексах мер по реализации различных направлений государственной политики). Контекстно подтверждает данный вывод и резюльтивный тезис рассматриваемого исследования: «... инструменты развития правосознания и правовой культуры хорошо изучены в научной литературе, и эти богатые теоретические и практические наработки могут быть использованы для решения задачи формирования экологической культуры россиян» [4, с. 24-32].

Схожие взгляды, хотя и с несколько иной точки зрения можно проследить и в политологических исследованиях, что свидетельствует о комплексном подходе к рассмотрению проблематики экологической политики со стороны современных исследователей. Так, А.П. Рудницкая, как представитель указанной отрасли науки, в своей работе последовательно обосновывает не типичный для юридических исследований вывод: «... свойственные некоторым экспертам деструктивные мысли о поиске механизмов снижения или замедления темпов данного роста, к сожалению, не приведут к положительному решению комплекса экологических проблем. Скорее, важно подчеркнуть значение поиска и формирования методов воспитания экологического сознания как необходимого условия проведения экологической политики и изменений в развитии общества, которые позволят снять определенные риски и кардинально трансформировать сам подход в осознании роли каждого члена общества, каждого человека и его соиздании сохранению всего живого на Земле» [9, с. 16-20]. Аргументация автора выглядит достаточно убедительной, а отдельные аспекты вполне коррелируют с юридическими изысканиями относительно двойственной составляющей экологической культуры [4, с. 24-32]. Особый интерес здесь вызывает постановка задачи по поиску оптимальных методов воспитания экологического сознания и, как следствие, экологической культуры в целом. При этом, напомним, последняя тесно взаимосвязана с культурой правовой, а их условно симбиотическая форма эколого-правовой культуры получила значительное освещение в правовой доктрине. Акцентирует внимание А.П. Рудницкая и на приоритетной персонификации в вопросе формирования экологического сознания, проводя в том числе анализ результатов предметной правотворческой и право-реализационной деятельности государственных и международных органов и организаций: «... они ничего не смогут изменить, пока каждый из нас не осознает целостность данной проблемы и не изменит личностный подход к организации жизнедеятельности» [9, с. 16-20]. Соотносимой точки зрения придерживаются и отдельные ученые-юристы [7, с. 39-42; 8, с. 128-133]. Представляется, для решения данной задачи именно воспитательный инструментарий обладает наибольшим потенциалом, поскольку по своей сути предполагает в авангарде конкретного субъекта-адресата – человека, гражданина, личность. Следовательно, выработка и/или отбор оптимальных методов воспитания экологического сознания могут выступить опорной базой для последующей разработки и внедрения уже унифицированных методов – в системе инструментов воспитательного воздействия.

Между тем, можно согласиться, что в контексте достаточно широкого доктринального освещения проблем экологической культуры в науке до сих пор отсутствует единый подход к интерпретации и соотношению ключевых (системообразующих) понятий, таких, как «экологическая культура», «экологическое образование», «экологическое просвещение», «экологическое воспитание», что указывает на необходимость их унификации приоритетно на законодательном уровне [7, с. 39-42].

В качестве заключения аспекта рассмотрения экологической политики российского государства нами отмечена тесная взаимосвязь экологической и правовой культуры, в том числе устойчивость в доктрине и практике такой категории, как «эколого-правовая культура», а также наличие общей проблемы – отсутствие единообразного дефинирования, соотношения по объему и содержанию основополагающих понятий, включая неопределенность функционального статуса и роли воспитания в соответствующих комплексах мер по реализации указанных направлений государственной политики. Констатировано наращивание темпов и объема ассоциирования указанных видов культуры с духовно-нравственными ценностями. Отмечена перспективность реализации воспитательного потенциала такого, достаточно часто упоминаемого в научной литературе, прикладного инструмента (воспитательного воздействия), как социальная реклама; уточнено, что данный воспитательный инструмент может претендовать на статус универсального и системно использоваться в комплексах мер по реализации различных направлений

государственной политики. Однако именно анализ направления экологической политики государства позволил акцентировать внимание на необходимости разработки наиболее эффективных (в перспективе – универсальных) методов воспитательного воздействия, задействовав в качестве первоосновы научные изыскания в области методов воспитания экологического сознания и, как следствие, формирования эколого-правовой культуры.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.12.2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8507.
2. Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012 г.) // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025 г.).
4. Коданева С.И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 24-32.
5. Кургузиков М.С., Войта У.А. К вопросу об экологической культуре и защите права на благоприятную окружающую среду // Аграрное образование и наука. 2021. № 2. Ст. 11.
6. Курилович М.П., Михайлова А.И., Кудряшова Е.Н. Экологическая культура: теоретико-правовые аспекты формирования // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2025. № 2(71). С. 100-104.
7. Лисина Н.Л. Роль экологического образования в повышении эффективности государственной экологической политики в Российской Федерации: правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2019. № 6 (174). С. 39-42.
8. Негодаева Е.Г. Философско-правовые аспекты формирования экологической культуры // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 128-133.
9. Рудницкая А.П. Экология в массовом сознании и самоорганизация человека в глобализирующемся мире // Русская политология – Russian Political Science. 2017. № 3. С. 16-20.

References:

1. Federal Law dated 10.01.2002 № 7-FZ «On Environmental Protection» (as amended on 12.26.2024) // SZ RF. 2002. № 2. Art. 133; 2024. № 53 (Part I). Art. 8507.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 04.19.2017. № 176 «On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025» // Federal Law of the Russian Federation. 2017. № 17. Art. 2546.
3. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on 30.04.2012) // <https://www.consultant.ru> (accessed 08.11.2025).
4. Kodanewa S.I. The role of environmental awareness in the formation of the ecological culture of the Russian population // Moscow Law Journal. 2023. № 3. Pp. 24-32.
5. Kurguzikov M.S., Voita U.A. On the issue of ecological culture and protection of the right to a favorable environment // Agrarian education and science. 2021. № 2. Art. 11.
6. Kurilovich M.P., Mikhailova A.I., Kudryashova E.N. Ecological culture: theoretical and legal aspects of formation // Bulletin of Polotsk State University. Series D. 2025. № 2 (71). Pp. 100-104.
7. Lisina N.L. The role of environmental education in improving the effectiveness of state environmental policy in the Russian Federation: a legal aspect // Agrarian and Land law. 2019. № 6 (174). Pp. 39-42.
8. Negodaeva E.G. Philosophical and legal aspects of the formation of ecological culture // Philosophy of Law. 2022. № 4 (103). Pp. 128-133.
9. Rudnitskaya A.P. Ecology in the mass consciousness and human self-organization in a globalizing world // Russian Political Science. 2017. № 3. Pp. 16-20.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_176

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ON THE FOUNDATIONS OF STATE POLICY IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

АНИСИМОВ Алексей Петрович,

кандидат технических наук, заместитель начальника центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, e-mail: 9100090712@bk.ru,

ANISIMOV Alexey Petrovich,

Candidate of Technical Sciences, Deputy Head of the Center for Command and Staff Training at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 125171, Russian Federation, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, e-mail: 9100090712@bk.ru,

Краткая аннотация: в статье рассмотрена содержательная часть основ государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, проведено сравнительное соотнесение изданных в Российской Федерации основ государственной политики с требованиями, предъявляемыми к ним, и на этой основе выработано новое понятие «основы государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности», а также определены дополнительные требования к содержательной части таких основ.

Abstract: The article examines the substantive part of the foundations of state policy in the field of national security, compares the foundations of state policy issued in the Russian Federation with the requirements imposed on them, and on this basis develops a new concept of «foundations of state policy in the field of national security» as well as defines additional requirements for the substantive part of such foundations.

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегическое планирование, документы стратегического планирования, основы государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Keywords: national security, strategic planning, strategic planning documents, and the foundations of state policy in the field of national security.

Для цитирования: Анисимов А.П. К вопросу об основах государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 176-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_176.

For citation: Anisimov A.P. On the issue of the fundamentals of State policy in the field of national security // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 176-178. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_176.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2026

Основным нормативным правовым актом, определяющим правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики, полномочия органов государственной власти, является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ).

Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований¹.

Одним из полномочий органов государственной власти Российской Федерации в сфере стратегического планирования является обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне, включая согласованность утверждаемых ими целей и задач деятельности органов государственной власти, показателей достижения этих целей и решения этих задач².

Разработка документов стратегического планирования осуществляется на 3 уровнях (федеральном, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований)³ с разделением на несколько направлений (в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования).

Одним из документов стратегического планирования федерального уровня, разрабатываемым в рамках целеполагания, являются основы государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности (далее – ОГП) [2], обычно связанные с какой-либо областью государственной деятельности.

Данное понятие в Федеральном законе № 172-ФЗ и других нормативных правовых актах не определено.

В то же время некоторые особенности ОГП обозначены в Положении о порядке разработки, экспертизы и корректировки документов стратегического планирования в сфере обеспечения нацбезопасности (далее – СОНБ), мониторинга и контроля их реализации, утвержденном Президентом Российской Федерации 15 июня 2015 г. № Пр-1180 [3] (далее – Положение Пр-1180).

Согласно Положению Пр-1180¹, под ОГП следует понимать документ стратегического планирования, в котором определяется система целей, задач, основных направлений и механизмов обеспечения национальной безопасности (далее – нацбезопасность) в соответствующей области государственной деятельности.

¹ Часть 2 статьи 1 Федерального закона № 172-ФЗ.

² Пункт 7 статьи 4 Федерального закона № 172-ФЗ.

³ Часть 1 статьи 11 Федерального закона № 172-ФЗ.

ОГП содержат²:

оценку текущего состояния аспектов нацбезопасности в определенной области (качественная или количественная);

основные проблемы определенных ситуаций (отвечают на вопрос «на чем акцентировать внимание?»);

основные тенденции определенных ситуаций («выделение и изучение отдельных частей»);

возможные варианты развития определенных ситуаций (отвечают на вопрос «в какую сторону?»);

цели реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области (отвечают на вопрос «для чего?»);

задачи реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области (отвечают на вопрос «что делать?»);

основные направления реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области (отвечают на вопрос «в какую сторону?») [4];

инструменты реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области (включая мониторинг и оценку текущего состояния нацбезопасности, способы оперативного реагирования на угрозы нацбезопасности в целях преодоления кризисных ситуаций) (отвечают на вопрос «с помощью чего?»);

показатели состояния нацбезопасности (в том числе показатели эффективности мер по реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области) (отвечают на вопрос «каким образом?»);

порядок взаимодействия органов государственной власти (отвечает на вопрос «как?»);

источники ресурсного обеспечения мероприятий по реализации ОГП (отвечают на вопрос «откуда?»);

механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по реализации ОГП (отвечают на вопрос «каким образом?»);

иные положения.

С 2000 года по настоящее время в Российской Федерации было издано более 30 ОГП, из них после принятия Положения Пр-1180 – 19.

В этой связи следует отметить, что содержательная часть принятых после 2015 года ОГП не совсем соответствует требованиям, установленным Положением Пр-1180.

Анализ данных документов³ позволил выявить их следующие основные закономерности.

Так, ОГП направлены на различные области государственной деятельности (в отличие от других концепций и стратегий, направленных на какие-либо направления обеспечения национальной безопасности).

Помимо этого, во всех ОГП нашли свое отражение возможные варианты развития определенных ситуаций, цели реализации, задачи и основные направления реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области, а также порядок взаимодействия органов государственной власти.

В то же время оценка текущего состояния аспектов нацбезопасности в определенной области дана только в 11 (из 19) ОГП; основные проблемы определенных ситуаций отражены в 6; основные тенденции определенных ситуаций – в 8; инструменты реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области (включая мониторинг и оценку текущего состояния нацбезопасности, способы оперативного реагирования на угрозы нацбезопасности в целях преодоления кризисных ситуаций) – в 7; показатели состояния нацбезопасности (в том числе показатели эффективности мер по реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области) – в 13; источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по реализации ОГП – в 7 [5].

Кроме того, выявлено содержание в ОГП несвойственных им принципов осуществления государственной деятельности в рамках соответствующей области – в 5 (из 9); задач органов государственной власти по реализации основных положений ОГП – в 4; этапов реализации ОГП – в 5; ожидаемых результатов реализации ОГП – в 6; приоритетов ОГП в рамках соответствующей области государственной деятельности – 7.

С учетом результатов представленного анализа можно сделать вывод о несоответствии значительной части ОГП, изданных после 2015 года, требованиям, закрепленным в Положении Пр-1180.

В этой связи видится необходимость определения данного понятия и его нормативного закрепления.

Учитывая проведенный анализ, с нашей точки зрения, представляется целесообразным определить указанную терминологию следующим образом:

«Основы государственной политики в СОНБ – документ стратегического планирования, включающий в себя оценку текущего состояния аспектов нацбезопасности, показатели состояния нацбезопасности, основные проблемы, тенденции, и возможные варианты развития различных ситуаций и определяющий систему целей, задач, основных направлений, инструментов реализации государственной политики в СОНБ, источников и механизмов ресурсного обеспечения мероприятий, принципов и приоритетов осуществления государственной деятельности, задач органов государственной власти и порядок их взаимодействия, этапов и ожидаемых результатов реализации документа в соответствующей области государственной деятельности».

Содержательную часть ОГП, по нашему мнению, необходимо дополнить задачами органов государственной власти по реализации основных положений ОГП, принципами осуществления государственной деятельности в рамках соответствующей области, приоритетами в рамках

¹ Пункт 21 Положения Пр-1180.

² Пункт 22 Положения Пр-1180.

³ Изданных после принятия Положения Пр-1180.

соответствующего направления обеспечения нацбезопасности, этапами и ожидаемыми результатами реализации ОГП.

В таком случае ОГП будут включать в себя следующие элементы:

оценку текущего состояния аспектов нацбезопасности в соответствующей области государственной деятельности;

показатели состояния нацбезопасности в соответствующей области государственной деятельности (в том числе показатели эффективности мер по реализации государственной политики в СОНБ);

основные проблемы, тенденции, возможные варианты развития различных ситуаций в соответствующей области государственной деятельности;

цели, задачи, основные направления реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области государственной деятельности;

инструменты реализации государственной политики в СОНБ в соответствующей области государственной деятельности (включая мониторинг и оценку текущего состояния нацбезопасности, способы оперативного реагирования на угрозы нацбезопасности в целях преодоления кризисных ситуаций);

задачи органов государственной власти и порядок их взаимодействия по реализации основных положений ОГП;

источники и механизмы ресурсного обеспечения мероприятий по реализации ОГП;

принципы и приоритеты осуществления государственной деятельности в рамках соответствующей области;

этапы и ожидаемые результаты реализации ОГП;

иные положения.

Список литературы:

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : текст на 9 февраля 2026 года : [принят Государственной Думой 20 июня 2014 года : одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 года]. - Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». - Текст : электронный.
2. Ульянов, А. Ю. Правовое обеспечение стратегического планирования / А. Ю. Ульянов. – Москва : ООО «Издательский Центр РИОР», 2024. – 141 с. – ISBN 978-5-369-02156-9. – DOI 10.29039/02156-9.
3. Положение о порядке разработки, экспертизы и корректировки документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, мониторинга и контроля их реализации: утверждено Президентом Российской Федерации 15 июня 2015 г. № Пр-1180.
4. Заключение // Основы стратегического планирования в области гражданской обороны и защиты населения : научно-методический труд / Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2016. – С. 263-268.
5. Глава 1. Сущность и содержание стратегического планирования // Основы стратегического планирования в области гражданской обороны и защиты населения : научно-методический труд / Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2016. – С. 10-34.

References:

1. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ : tekst na 9 fevralya 2026 goda : [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 20 iyunya 2014 goda : odobren Sovetom Federacii 25 iyunya 2014 goda]. - Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus». - Tekst : e'lektronnyj.
2. Ul'yanov, A. Yu. Pravovoe obespechenie strategicheskogo planirovaniya / A. Yu. Ul'yanov. – Moskva : OOO «Izdatel'skij Centr RIOR», 2024. – 141 s. – ISBN 978-5-369-02156-9. – DOI 10.29039/02156-9.
3. Polozhenie o poryadke razrabotki, e'kspertizy i korrekcirovki dokumentov strategicheskogo planirovaniya v sfere obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, monitoringa i kontrolya ix realizacii: utverzheno Prezidentom Rossijskoj Federacii 15 iyunya 2015 g. № Pr-1180.
4. Zaklyuchenie // Osnovy strategicheskogo planirovaniya v oblasti grazhdanskoj oborony i zashhity naseleniya : nauchno-metodicheskij trud / Ministerstvo Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony, chrezvychajny'm situacijam i likvidacii posledstvij stixijny'x bedstvij. – Moskva : Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut po problemam grazhdanskoj oborony i chrezvychajny'x situacij MChS Rossii, 2016. – S. 263-268.
5. Glava 1. Sushhnost' i soderzhanie strategicheskogo planirovaniya // Osnovy strategicheskogo planirovaniya v oblasti grazhdanskoj oborony i zashhity naseleniya : nauchno-metodicheskij trud / Ministerstvo Rossijskoj Federacii po delam grazhdanskoj oborony, chrezvychajny'm situacijam i likvidacii posledstvij stixijny'x bedstvij. – Moskva : Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut po problemam grazhdanskoj oborony i chrezvychajny'x situacij MChS Rossii, 2016. – S. 10-34.

УСТРАНЕНИЕ ПРАВОВОЙ ЭФЕМЕРНОСТИ ЧЕРЕЗ ДЕТАЛЬНУЮ РЕГЛАМЕНТАЦИЮ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ – СПОСОБ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ ELIMINATING LEGAL EPHEMERALITY THROUGH DETAILED REGULATION OF PARENTAL RESPONSIBILITIES – A WAY TO CARE FOR CHILDREN

БЕЛОВ Станислав Владимирович

заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Россия, 644092, Омск, Комарова, 7.

E-mail: StasBe73@mail.ru

BELOV Stanislav Vladimirovich

Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Agencies

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Russia, 644092, Omsk, Komarova St., 7.

E-mail: StasBe73@mail.ru

Краткая аннотация: Обязанность родителей воспитывать детей и заботиться о их всестороннем развитии закреплена законодательством Российской Федерации. Однако формулировки предписывающих правовых норм являются чрезмерно общими и не раскрывают их содержания. На законодательном уровне не установлено, что именно следует понимать под родительской заботой и какие действия, или бездействие следует определять как исполнение, ненадлежащее исполнение или не исполнение обязанности заботиться о детях.

Abstract: Parents' responsibilities to raise their children and ensure their comprehensive development are enshrined in Russian legislation. However, the wording of prescriptive legal norms is overly general and does not clarify their content. The law does not establish what exactly constitutes parental care and what actions or inactions constitute fulfillment, improper fulfillment, or failure to fulfill the obligation to care for children.

Ключевые слова: обязанности родителей, отсутствие конкретики, конкретизация обязанностей, конституционные права несовершеннолетних, воспитание, признаки объективной стороны, квалификация правонарушения, неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, установление конкретных обязанностей и критериев.

Key words: Parental responsibilities, lack of specificity, specification of responsibilities, constitutional rights of minors, upbringing, characteristics of the objective side, classification of the offense, failure to fulfill responsibilities for the maintenance and upbringing of minors, establishment of specific responsibilities and criteria.

Для цитирования: Белов С.В. Устранение правовой эфемерности через детальную регламентацию родительских обязанностей – способ заботы о детях // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_179.

For citation: Belov S.V. Elimination of legal ephemerality through detailed regulation of parental responsibilities – a way of caring for children // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 179-181. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_179.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026

Бесспорным является факт того, что в нашей стране дети – будущие взрослые граждане являются приоритетным направлением государственной политики. Наше государство стремится к созданию условий, способствующих всестороннему развитию каждого ребенка [1]. Реализация этой функции находится в корреляционной связи с четко выстроенной правовой и социальной базой являющейся, своего рода фундаментом молодежной политики. На правительственном уровне предпринимаются максимально возможные меры, направленные на эффективное нормативное правовое регулирование общественных отношений в сфере обеспечения безопасного детства. Несмотря на предпринимаемые усилия стабильно высокое количество детей, совершающих антиобщественные и противоправные поступки, свидетельствует о сохраняющейся угрозе формированию полноценной личности ребенка. Несовершеннолетние, поведение которых отклоняется от общепризнанных норм, включаются в сферу деятельности государственной системы профилактики, субъекты которой, оказывая помощь ребенку окружают его всесторонним вниманием, отсутствие которого со стороны лиц, ответственных за воспитание и послужило первопричиной деструктивного поведения. Именно воспитательный процесс выступает первичным и обязательным условием, без которого невозможно эффективное обучение и дальнейшая социализация ребенка. Лишь через воспитание возможно формирование того внутреннего базиса, на котором в дальнейшем строится качественное обучение и, как следствие качественный характер взрослого человека. Данное умозаключение является далеко не новым, оно лишь интерпретируется в зависимости от социальной ситуации в обществе, складывающейся на определенном этапе. Еще в начале прошлого столетия русский философ с мировым именем И.А. Ильин в своей работе «О воспитании в грядущей России» утверждал: «Грядущая Россия будет нуждаться в новом, предметном воспитании русского духовного характера... Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его... Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь» [2].

Одной из основных причин педагогической запущенности – первопричины девиантного поведения детей является ненадлежащий уровень заботы со стороны взрослых и недобросовестное исполнение ими своих обязанностей, возложенных на них не только совестью, но и государством. Продолжающееся невмешательство в судьбу ребенка, вставшего на стезю поведения, отклоняющегося от общепринятых, социально одобряемых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в обществе на начальных этапах его деструктивного проявления, становится следствием асоциального и противоправного поведения будущего взрослого. Отсутствие психолого-педагогического внимания со стороны лиц, обязанных его проявлять и безнаказанность формируют у ребенка, даже единожды совершившего антиобщественный поступок, ложное убежде-

ние о приемлемости и допустимости такого поведения, возможности отрицания общепринятых норм и правил развивают в нем правовой нигилизм. Отдельные родители намеренно исключают ребенка из сферы своего воспитательного воздействия ошибочно считая, что это является прерогативой государственных органов. Такие индивиды, считая своей основной функцией обеспечение материального благополучия своего ребенка, перекладывают обязанность его воспитания на педагогических работников образовательных организаций различного уровня. В детском саду это воспитатель, в школе – учитель, в спортивной секции – тренер, но только не родитель. Крайним проявлением пренебрежения интересами несовершеннолетних является не исполнение в отношении ребенка никаких полезных действий, направленных на его физическое и нравственное развитие или создание необходимых для этого материальных условий вовсе.

Догма, закрепляющая обязанность воспитывать детей и заботиться о их всестороннем развитии, содержится в статье 63 Семейного кодекса Российской Федерации [3]. Однако формулировка такой предписывающей нормы остается чрезмерно общей, она не раскрывает что именно следует понимать под родительской заботой. Установив наличие у родителей обязанности заботиться о своих детях закон не определяет, что именно следует понимать под ее исполнением, ненадлежащим исполнением или не исполнением. Такая правовая эфемерность, отсутствие четкого перечня необходимых действий, а в ряде случаев и полезного бездействия влечет за собой неверную имплементацию своих обязанностей со стороны отдельных родителей.

Ответственность за несоблюдение требований закона надлежащим образом заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей и обеспечить получение ими общего образования установлена статьей 5.35 КоАП РФ [4]. Но, и в данной норме также не конкретизировано, что является надлежащей заботой о детях, а что не исполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению ребенка. Таким образом, отсутствие конкретики в норме, определяющей наличие обязанности и в норме, устанавливающей ответственность за ее неисполнение, противоречит принципу правовой определенности.

Ряд исследователей в области защиты прав ребенка, в том числе мерами административной ответственности, также считают, что признаки объективной стороны данного состава правонарушения являются оценочными, что приводит к отсутствию единообразия в трактовке самих понятий «неисполнение» или «ненадлежащее исполнение». Это в свою очередь вызывает трудности у правоприменителя при квалификации правонарушения. Отдельные авторы предлагают исключить из диспозиции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ формулировку «ненадлежащее исполнение обязанностей», дополнив статью более подробным изложением самого понятия «неисполнение родителями и лицами, их заменяющими, обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» [5]. Другие считают, что «неисполнение обязанностей должно быть выражено в практически полном бездействии родителей» [6]. Диаметрально противоположным является мнение исследователей, высказывающих мнение о том, что невозможно конкретизировать понятие «неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или законными представителями обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению», ибо каждый случай индивидуален [7].

Проанализировав изыскания в сфере применения мер административной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию детей и проблемы правоприменительной практики считаем, что следует согласиться с тем, что законодателю необходимо конкретизировать признаки неисполнения или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей [8].

В целях более эффективной защиты прав ребенка и предупреждения неисполнения (ненадлежащего исполнения) своих обязанностей по воспитанию детей лицами, на которых они возложены законом, требуется конкретизация его отдельных положений. По нашему мнению, необходимо на законодательном уровне уточнить перечень конкретных обязанностей родителей, а также определить критерии, при наличии которых конкретные действия или бездействие необходимо определять как неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Одним из ключевых направлений совершенствования административно-деликтного права России является сравнительно-правовой анализ правовых норм дружественных государств, с целью совершенствования национального законодательства. Безусловно, использование положительного опыта конструирования и применения отдельных нормативных правовых актов может позволить проработать вопрос о взаимной интеграции наиболее адекватных и соответствующих потребностям общества норм. Мониторинг принятых в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан мерах, направленных на защиту прав детей показал, что все страны постсоветского пространства, получившие в наследие его законодательство, неустанно его совершенствовали с учетом национальных особенностей.

Однако, на настоящий день положения СК РФ, устанавливающие обязанности родителей, лишь в малой, достаточно незначительной части отличаются от положений Кодекса о браке и семье РСФСР принятого в 1969 году [9]. Статья 53 вышеназванного кодекса содержала постулат о том, что «...родители обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества».

В процессе компаративистского изучения зарубежного законодательства, в области ответственности родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и обучению детей, были выявлены релевантные нормативно - правовые акты. Так, в Республике Таджикистан действует Закон от 20 июня 2024 г. № 2049 «Об ответственности за обучение и воспитание ребёнка» [10], в котором содержится обширный перечень обязанностей не только родителей, но иных лиц, участвующих в воспитании ребенка, носящих преимущественно предписывающий характер. Так, данным законом установлено 15 основных обязанностей родителей в обучении ребенка и 32 обязанности в его воспитании. За неисполнение указанных обязанностей Кодексом Республики Таджикистан об административных правонарушениях установлена ответственность в виде предупреждения или наложения штрафа в размере от трёх до семи показателей для расчетов [11]. Один показатель для расчетов в Рес-

публике Таджикистан в 2026 году составляет 78 сомони [12]. Примечательным является факт того, что на 13 марта 2026 года один таджикский сомони эквивалентен 8. 27 руб [13]. Соответственно максимальная сумма штрафа за неисполнение одной из 47 обязанностей по воспитанию ребенка в Таджикистане составляет 546 сомони (645 рублей 06 копеек) и исходя из того, что минимальная заработная плата в республике составляет 1 тыс. сомони [14] данное наказание достаточно сурово.

Представляется, что степень негативных материальных последствий позволяет стимулировать родителя (иного законного представителя ребенка) к исполнению конкретных и четко сформулированных законом обязанностей. Максимальный штраф за неисполнение, четко не определенных СК РФ, обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних в Российской Федерации значительно ниже от уровня минимального размера заработной платы и составляет 2 тысячи рублей (с 1 января 2026 года МРОТ в РФ – 27093 руб.) [15]. По данным Федеральной службы государственной статистики среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в октябре 2025 года составляла 99707 руб. [16] Поиск ответа на вопрос: «Позволяет ли данное наказание достигнуть его целей?» является темой отдельного исследования.

Гармонизация национального законодательства предполагает заимствование результативных правовых механизмов, успешно применяемых в иных юрисдикциях, в данном случае в Республике Таджикистан. Исходя из этого перспективным видится разработка и принятие в России на федеральном уровне нормативного правового акта, который бы четко определял круг обязанностей родителей и иных лиц, несущих ответственность за воспитание и обучение детей. Установление конкретных обязанностей и критериев, позволяющих определить степень их исполнения, станет значимым шагом к повышению правовой дисциплины лиц, обязанных принимать участие в воспитании детей, формировании их полноценной, здоровой не только физически, но и духовно личности, обеспечит гарантированную реализацию конституционных прав несовершеннолетних на воспитание, содержание и обучение.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).
2. URL: <https://azbyka.ru/fiction/o-vospitanii-v-gryadushhej-rossii/> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ. Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).
5. Долгова С.И. Административная ответственность родителей и лиц, их заменяющих, за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних в Российской Федерации: автореферат дис... канд. юрид. наук / С.И. Долгова.-М., 2014.-28 с.
6. Ветошкин Д.С. Правовые проблемы привлечения родителей несовершеннолетних к административной ответственности / Д.С. Ветошкин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». -212. -№20 (279). -С. 78-80
7. Танаев З.Р. Административно- правовой статус родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в административно-деликтных отношениях//Вестник ЮУрГУ. Серия «Право».- 2018. Т. 18, № 2. С. 105-111
8. Занина Т.М. Регулирование ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение своих обязанностей по российскому административному законодательству / Т.М. Занина, С.С. Нехорошева // Общество и право. -2015. -№ 3(53). -С.249-253.
9. Кодекс о браке и семье РСФСР. Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2026).
10. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38227822#pos=0;0 (дата обращения: 10.03.2026).
11. URL: http://portal-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=10710#A68S0TF7TI (дата обращения: 10.03.2026).
13. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20251121/tajikistan-pokazatel-raschety-1073141623.html> (дата обращения: 10.03.2026).
14. URL: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-TJS-RUB/> (дата обращения: 10.03.2026).
15. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/tajikistan/minimum-wages> (дата обращения: 10.03.2026).
16. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_10-2025.xlsx (дата обращения: 10.03.2026).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral values". Access: SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/10/2026).
2. URL: <https://azbyka.ru/fiction/o-vospitanii-v-gryadushhej-rossii/> (date of reference: 03/10/2026).
3. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995. Access: SPS ConsultantPlus (accessed: 03/10/2026).
4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001. Access: SPS "ConsultantPlus" (date of publication: 03/10/2026).
5. Dolgova S.I. Administrative responsibility of parents and persons replacing them for failure to fulfill responsibilities for the maintenance and upbringing of minors in the Russian Federation: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences / S.I. Dolgova.-M., 2014.-28 p.
6. Vetoshkin D.S. Legal problems of involving parents of minors in the administration / D.S. Vetoshkin // Bulletin of the South Ural State University. The Pravo series. - 212. -№20 (279). - Pp. 78-80
7. Tanaev Z.R. Administrative-legal status of parents or other legal representatives of minors in administrative-tort relations//Bulletin of SUSU. The Pravo series.- 2018. Vol. 18, No. 2. pp. 105-111
8. Zanina T.M. Regulation of the responsibility of parents or other legal representatives of minors for non-fulfillment of their duties under Russian administrative legislation / T.M. Zanina, S.S. Nekhorosheva // Society and Law. -2015. -№ 3(53). - Pp.249-253.
9. The Marriage and Family Code of the RSFSR. Access: SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/10/2026).
10. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38227822#pos=0;0 (accessed: 03/10/2026).
11. URL: http://portal-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=10710#A68S0TF7TI (date of access: 03/10/2026).
13. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20251121/tajikistan-pokazatel-raschety-1073141623.html> (date of access: 03/10/2026).
14. URL: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-TJS-RUB/> (accessed: 03/10/2026).
15. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/tajikistan/minimum-wages> (date of access: 03/10/2026).
16. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_10-2025.xlsx (accessed: 03/10/2026).

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ PROSPECTS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION OF ARCHITECTURAL ACTIVITIES IN RUSSIA

КИВЛЕНКО Татьяна Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: ta-bagi@mail.ru

KIVLENOK Tatyana Valentinovna

Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: ta-bagi@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу проблемы совершенствования правового регулирования архитектурной деятельности в России. Исследуются некоторые особенности приобретения и защиты статуса архитектора в Российской Федерации. Рассматривается практика защиты прав интеллектуальной собственности субъектов архитектурной деятельности в Российской Федерации. На основании проведенного исследования автором предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования архитектурной деятельности Российской Федерации.

Abstract: This article analyzes the problem of improving the legal regulation of architectural activity in Russia. It examines some aspects of acquiring and protecting the status of architect in the Russian Federation. It also examines the practice of protecting the intellectual property rights of architectural practitioners in the Russian Federation. Based on this research, the author offers recommendations for improving the legal regulation of architectural activity in the Russian Federation.

Ключевые слова: архитектурная деятельность, защита интеллектуальной собственности субъектов архитектурной деятельности.

Keywords: architectural activity, protection of intellectual property of subjects of architectural activity.

Для цитирования: Кивленок Т.В. Перспективы совершенствования правового регулирования архитектурной деятельности в России // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 182-184. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_182.

For citation: Kivlenok T.V. Prospects for improvement legal regulation of architectural activity in Russia // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 182-184. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_182.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Такое понятие как «архитектурная деятельность» нельзя относить к категории мономерных, так как оно имеет гетерогенную структуру и включает в себя разные виды человеческой деятельности, что означает единство материальной и духовной составляющих человеческой деятельности. С учетом этого архитектуру следует рассматривать, как единство духовной и материальной культуры. В некоторых научных трудах архитектура обозначается как самостоятельный культурно-художественный слой [3].

Архитектурная деятельность тесно связана с научным и инженерным поиском, а также с различными видами художественного творчества, такими как орнамент, скульптура, живопись, декоративное и прикладное искусство и прочее.

Искусство архитектуры имеет свой особый образный язык и специфическую систему выражения. Архитектурное искусство отличается выразительностью и только в чертежах имеет изобразительную природу. Этот выразительно-образный язык позволяет в архитектуре сооружения выразить особыми средствами такие эмоциональные состояния, как величие, патриотизм, мужество и т.п. Именно в этом заключается исключительно большое воспитательное и идеологическое значение архитектурного искусства, результаты которого окружают гражданина в любой жизненной ситуации.

Для регламентации правового статуса архитектора в российском законодательстве необходимо учесть как общие, так и специальные условия [6].

К общим условиям приобретения статуса архитектора на территории Российской Федерации следует отнести такие нормы, которые определяют правовое положение архитектора, вопросы профессионального статуса и защиты, положения, касающиеся профессионального образования, опыта работы, требования к квалификационным экзаменам по профессии и условий обязательного страхования. К специальным условиям отнесены наличие другого, не архитектурного, высшего профессионального образования, которое было получено не только в российских, но и зарубежных вузах.

Архитектурное произведение реализуется в двух формах: проект и комплекс чертежей (прочих строительных документов). Каждая из них находится под защитой нормативных актов об авторских правах, но более внимательно нужно относиться к архитектурному объекту, поскольку в большинстве случаев именно он становится причиной раздора [5].

Договор между сторонами не дает полного права собственности на произведения архитектуры ни одному из заинтересованных лиц. Стороны могут состоять, как в трудовых отношениях, так и заключить подрядное соглашение или заключить единократный авторский контракт. Каждое правовое решение защищает нематериальные права архитектора. Однако детальное изучение и указание всех условий соглашения по

реализации проекта не гарантирует со стопроцентной вероятностью, что разногласия удастся избежать. Тогда при самом благоприятном раскладе проектировщику может быть выплачена в качестве компенсации определенная сумма. В большинстве случаев построенный со значительными изменениями объект не восстанавливается в прежней форме. То есть идеи проектировщика могут быть искажены, а права нарушены.

Для легитимного решения указанных проблем необходимо:

- законодательное определение основ разработки и реализации государственной политики в сфере архитектуры;
- замена устаревшей советской системы законодательной базы на актуальную, определяющую правовой статус архитектора, его роль и место в процессе развития
- формирование качественной и эстетически привлекательной среды жизнедеятельности граждан России;
- внесение изменений и дополнений в систему государственных и муниципальных закупок в сфере строительства и архитектуры;
- организация общественных мест городских территорий с применением современных технологий и материалов;
- законодательное закрепление оснований, порядка проведения, финансирования и правовых последствий архитектурных конкурсов;
- преобразование статуса и обязанностей главного архитектора города, четкое правовое регулирование его деятельности.

В законодательстве об архитектурной деятельности [2] необходимо установить правовые основы, необходимые при разработке и реализации государственной политики в области архитектуры и градостроительства, определить цели, задачи, формы осуществления и управленческо-правовые средства реализации [1].

В рамках реформирования законодательства в сфере архитектурной деятельности предусматривается принятие федерального закона «Об архитектуре». Новый закон предусматривает пересмотр требований для повышения качества архитектуры зданий и строений, которые являются неотъемлемой частью среды жизнедеятельности современного человека. Закон также предусматривает повышение профессионального статуса специалистов, занятых архитектурной деятельностью путем расширения их функций на этапе разработки и реализации инвестиционных проектов в области строительства.

Закон «Об архитектуре» определяет принципы политики государства в области архитектурной деятельности, а также институционализацию архитектуры, поскольку ее предметы являются основным средством для формирования среды, в условиях которой осуществляет свою деятельность современный человек [5]. Законом определяется значение архитектуры с позиции культурного, экономического и социального развития общества. Кроме того, планируется изменить сам подход к профессии архитектора, повысив уровень регулятивной нагрузки: уже сейчас существует общественный запрос на высокое качество зданий, которые гармоничным образом включались в окружение городских и природных ландшафтов. Архитектурный продукт имеет повышенную ценность, поскольку участие архитектора в создании среды жизнедеятельности возрастает. С новым законом появляются стадии создания объектов, участие архитекторов предусматривается в планировании городских территорий и градостроительстве. [4]

Принятие закона предусматривает закрепление принципов саморегулирования профессиональной деятельности архитекторов, а также предоставление ими профессиональных услуг на основе включения в саморегулируемые системы в области архитектурской деятельности.

По представленному законопроекту заказчики инвестиционных проектов в области архитектуры будут обязаны привлекать архитекторов для предоставления им архитектурных услуг. Также за архитекторами будут закреплены функции архитектурного надзора на этапе строительства и проведения постфактумной оценки.

Новый закон устанавливает статус консультативных Советов при органах власти, которые будут заниматься вопросами архитектуры, экологии и городского планирования. Компетенция Советов заключается в консультативном содействии в рамках разработки и воплощения политики, направленной на повышение качества городской среды.

С учетом критических проблем в части обеспечения архитектурного качества зданий и объектов жизнедеятельности встает вопрос о необходимости проведения реинжиниринга системы государственных и муниципальных закупок, которые прямо связаны со сферой строительства. Требуется внедрить модель так называемого публичного клиента, который адресует свои полномочия в части реализации проектов профессионалу в области строительства. Такая модель будет в наибольшей степени соответствовать общественным интересам, позволит правильно определить соотношение потребностей государства и общества, а также значимые цели закупки.

Архитектурный аудит должен стать обязательным для застроенных территорий и проводиться регулярно. Обязательность аудита позволила бы привлекать к процессам реновации городской среды местные архитектурные сообщества.

Национальное строительство набирает обороты, что неизменно порождает спрос на архитектурное проектирование. В наибольшей степени в среде потребителя пользуются интересом уникальные архитектурные проекты, созданные с помощью современных технологических средств.

Таким образом, вместе с реформированием законодательства повышается значимость архитектурной деятельности, так как продукт, который создается специалистами, является основным объектом жизнедеятельности людей и окружающего их городского пространства [7].

Именно поэтому российское законодательство в сфере архитектурной деятельности начало активно видоизменяться. Возникают все новые общественные запросы в доработке старых и разработке новых нормативных актов с целью систематизации федеральной архитектурной политики страны [8]. В подобных условиях от органов законодательной власти требуется проведение тщательного анализа международно-правовых и российских норм права в целях приведения их к единообразной системе в отношении деятельности проектировщиков и иных сторон участников архитектурной деятельности.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1, ст. 16.
2. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 47, ст. 4473.
3. Аракелян Н.В. Общая классификация объектов градостроительной деятельности // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 34.
4. Болтанова Е. С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 81.
5. Борисов С.В. Творческие концепции архитектурной деятельности // Architecture and Modern Information Technologies. – 2024. - №3(68). - С. 161-182
6. Петрова, А. Правовой взгляд на объекты архитектуры: теория и практика // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 10. – С. 16.
7. О проблемах архитектурной деятельности в Российской Федерации: законодательный аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/55253/> (дата обращения: 24.03.2026).
8. Концепция проекта федерального закона «Об архитектуре» (Об архитектурной деятельности) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sro-sep.ru/img/proekti/ppFZOArhitektura.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

References:

1. Urban Development Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2004, No. 190-FZ // Coll. Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1, Art. 16.
2. On Architectural Activity in the Russian Federation: Federal Law of November 17, 1995, No. 169-FZ // Coll. Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 47, Art. 4473.
3. Arakeljan, N.V. General Classification of Urban Development Objects // Society and Law. – 2010. – No. 1. – P. 34.
4. Boltanova, E.S. Types and Composition of Urban Development Legal Relations // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 10. – P. 81.
5. Borisov S.V. Creative concepts of architectural activity // Architecture and Modern Information Technologies. – 2024. - No. 3 (68). - P. 161-182
6. Petrova, A. Legal view of architectural objects: theory and practice // Intellectual property. Copyright and related rights. – 2014. – No. 10. – P. 16.
7. On the problems of architectural activity in the Russian Federation: legislative aspect [Electronic resource]. – Access mode: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/55253/> (date of access: 03/24/2026).
8. Concept of the draft federal law "On architecture" (On architectural activity") [Electronic resource]. – Access mode: <http://sro-sep.ru/img/proekti/ppFZOArhitektura.pdf> (accessed: 25.03.2026).

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

БАЙРАМОВ Шакир Байрамович

кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: bshb@list.ru

ЛЕБЕДЕВА Марина Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38.
E-mail: mu.lebed@yandex.ru

BAYRAMOV Shakir Bayramovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A.Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: bshb@list.ru

LEBEDEVA Marina Yurievna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Transport Law
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.
38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
E-mail: mu.lebed@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется эволюция становления конституционного правосудия в современной России. Данный процесс рассматривается в контексте реализации конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Abstract. The article examines the evolution of the formation of constitutional justice in modern Russia. This process is considered in the context of the implementation of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; правосудие; Конституционный суд Российской Федерации; Российская Федерация; конституционное судопроизводство.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; justice; Constitutional Court of the Russian Federation; Russian Federation; constitutional court proceedings.

Для цитирования: Байрамов Ш.Б., Лебедева М.Ю. Становление конституционного правосудия в Российской Федерации: историко-правовой аспект // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 185-188. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_185.

For citation: Bayramov Sh.B., Lebedeva M.Yu. The formation of constitutional justice in the Russian Federation: historical and legal aspect // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 185-188. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_185.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

В контексте рассматриваемых вопросов весьма актуально раскрыть историко-правовые аспекты становления и развития в Российской Федерации института конституционного правосудия. Начало истории конституционного правосудия в России связано с образованием в 1990 г. и деятельностью Комитета конституционного надзора СССР, первого специального органа, предназначенного для осуществления конституционного контроля¹. До создания этого органа функция конституционного контроля принадлежала, в соответствии с Конституцией СССР 1977 г., Президиуму Верховного Совета СССР. Мнения правоведов в тот период сводились к тому, что следует повышать эффективность парламентского контроля за соблюдением конституции в правоприменительной практике и, в дополнение к этому – расширить компетенцию Верховного суда СССР, наделив его правом принимать решения о конституционности нормативных актов. Так, В.А. Туманов, впоследствии ставший Председателем Конституционного суда, считал, что осуществление конституционного контроля требует «активизации уже существующих форм парламентского и прокурорского контроля» и «наделения Верховного суда СССР правом устанавливать несоответствие подзаконных нормативных актов закону»².

Идея создания Комитета конституционного надзора СССР – специального органа, контролирующего соблюдение Конституции, была выдвинута М.С.Горбачевым на XIX Всесоюзной конференции КПСС в июне 1988 года. В последующем, 1 декабря 1988 года в Конституцию СССР

¹ Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

² Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Советское государство и право – 1988 – №3, 17-20 с.; Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020; Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE; Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.; Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228;Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16

были внесены изменения и дополнения, предусматривающие создание Комитета конституционного надзора СССР. В 1989 г. был принят Закон «О конституционном надзоре в СССР», в соответствии с которым Комитет конституционного надзора СССР должен был избираться «из числа специалистов в области политики и права в составе Председателя, заместителя Председателя и 25 членов Комитета, в том числе по одному из каждой союзной республики» (ст. 5)¹.

Статьей 10 Закона («Акты, поднадзорные Комитету конституционного надзора СССР») устанавливалось следующее: «Комитет конституционного надзора СССР рассматривает вопросы о соответствии Конституции СССР:

- проектов законов СССР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР;
- законов СССР и иных актов, принятых Съездом народных депутатов СССР;
- конституций союзных республик.

Комитет конституционного надзора СССР осуществляет надзор за соответствием Конституции СССР и законам СССР, принятым Съездом народных депутатов СССР законов СССР и иных актов, принятых Верховным Советом СССР, постановлений Совета Союза и Совета Национальностей, а также проектов актов, внесенных на рассмотрение этих органов. На него также возлагались задачи по осуществлению надзора за соответствием Конституции СССР и законам СССР, принятым Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР:

- указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР;
- распоряжений Председателя Верховного Совета СССР;
- законов союзных республик;
- постановлений и распоряжений Совета Министров СССР;
- международных договорных и иных обязательств СССР и союзных республик, представленных на ратификацию или утверждение;
- руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР;
- актов Генерального прокурора СССР и Главного государственного арбитра СССР, имеющих нормативный характер, а также нормативных правовых актов других государственных органов и общественных организаций, в отношении которых в соответствии с Конституцией СССР не осуществляется прокурорский надзор.

Надзорные функции Комитета конституционного надзора СССР не распространяются на приговоры и иные решения судов, решения органов расследования, прокуратуры, государственного арбитража по гражданским, уголовным, административным, арбитражным делам»².

Субъектами, имевшими право выступать с инициативой рассмотрения вопросов в Комитете конституционного надзора СССР были Съезд, Верховный Совет или 1/5 народных депутатов СССР³.

При отклонении заключения Комитета Верховным Советом вопрос должен был выноситься на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР, решение которого являлось окончательным. Согласно статье 12 Закона Комитет конституционного надзора СССР вправе также по собственной инициативе рассматривать вопросы о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов высших органов государственной власти и управления СССР, других органов, образуемых или избираемых Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР.

Комитет конституционного надзора в своей деятельности использовал элементы судебного процесса (публичное заседание, особые мнения членов Комитета, принятие решения в совещательной комнате и др.)⁴. За время своей деятельности Комитет конституционного надзора СССР принял более 40 актов⁵.

В декабре 1991 года, после подписания руководителями России, Украины и Белоруссии Беловежских соглашений о создании СНГ, Комитет конституционного надзора выступил с заявлением, в котором говорилось, что органы СССР могут прекратить свое существование только «после решения в конституционном порядке вопроса о судьбе СССР». В том же месяце данный орган прекратил своё существование.

Незадолго до распада СССР было принято решение о создании Конституционного Суда РСФСР. Статья 1 Закона («Конституционный Суд РСФСР - орган судебной власти») имела такое содержание⁶:

«1. Конституционный Суд РСФСР является высшим судебным органом защиты конституционного строя РСФСР, осуществляющим судебную власть в форме конституционного судопроизводства.

2. Конституционный Суд РСФСР осуществляет судебную власть путем:

- 1) рассмотрения в заседаниях дел о конституционности международных договоров и нормативных актов;

¹ Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA; Шеншин, В. М. Об отдельных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, оказывающих воздействие на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии при обеспечении ею государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 11(280). – С. 79-87. – EDN XOFDVS.

² Закон «О конституционном надзоре в СССР» от 23 декабря 1989 г. – <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16;frame=200>

³ Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.

⁴ Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87;Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5;Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228; Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48;Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158

⁵ Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYQHQD.

⁶ Закон «О Конституционном суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. – http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18705.htm

- 2) рассмотрения в заседаниях дел о конституционности правоприменительной практики;
- 3) дачи заключений в установленных настоящим Законом случаях.
3. Конституционный Суд РСФСР не рассматривает политические вопросы.
4. Конституционный Суд РСФСР разрешает дела и дает заключения, руководствуясь Конституцией РСФСР и правосознанием, воздерживаясь от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов».

Статья 3 данного Закона следующим образом определяла порядок избрания Конституционного суда РСФСР:

«1. Конституционный Суд РСФСР избирается в составе 15 судей Съездом народных депутатов РСФСР по представлению Председателя Верховного Совета РСФСР.

2. Кандидатуры на должности судей Конституционного Суда РСФСР должны предварительно обсуждаться на заседаниях соответствующих постоянных комиссий палат и комитетов Верховного Совета РСФСР, а затем на заседании Верховного Совета РСФСР.

3. Каждый судья Конституционного Суда РСФСР избирается в индивидуальном порядке. Избранным считается лицо, получившее большинство голосов от общего числа народных депутатов РСФСР.

4. Конституционный Суд РСФСР вправе приступить к своей деятельности при условии избрания не менее двух третей его состава.

5. На первом заседании Конституционного Суда РСФСР судьи тайным голосованием и в индивидуальном порядке избирают из своего состава Председателя Конституционного Суда РСФСР и его заместителя»¹.

В августе 1991 г. были избраны 13 из 15 судей, двое оставшихся так и не были в силу разногласий на Съезде народных депутатов. Эти 13 судей избрали своим председателем В.Д.Зорькина.

Наиболее важным делом Суда был процесс, связанный с оценкой значения КПСС и правомерности её роспуска. Суд признал, что партия, которая более 70 лет находилась у власти в стране, утратила свой общественный характер и превратилась в авторитарный орган государственной власти.

Суд, однако, признал несоответствующим Конституции положение Указа Президента от 6 ноября 1991 года о роспуске организационных структур КПСС и коммунистической партии РСФСР применительно к первичным организациям коммунистической партии РСФСР, образованным по территориальному принципу, поскольку эти организации сохраняли свой общественный характер и не подменяли государственные структуры².

В январе 1992 г. Суд провозгласил неконституционным Указ Президента Б.Н.Ельцина об объединении министерств безопасности и внутренних дел, так как исполнительная власть (тогда президент был главой исполнительной власти – авт.) не имеет права создавать министерства или реорганизовывать исполнительные структуры государства. По мнению судей Конституционного суда Российской Федерации, это противоречит принципу разделения властей.

Идея о том, что игнорирование законодательной и исполнительной властями данного принципа – это причина их противостояния легла в качестве основы в Послание Конституционного Суда Верховному Совету Российской Федерации от 5 марта 1993 г. В декабре началась работа над проектом нового Закона о Конституционном Суде. 21 июля 1994 г. этот проект после одобрения Федеральным Собранием и подписания Президентом Российской Федерации стал Федеральным конституционным законом № 1.

В 2001 года срок полномочий судей, назначенных на должность Советом Федерации, был продлен с двенадцати до пятнадцати лет. В 2005 г. в Федеральный Конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены поправки, в соответствии с которыми полномочия судьи Конституционного Суда перестали быть ограничены определенным сроком и могут исполнять свои полномочия до достижения ими семидесятилетнего возраста.

В завершении рассмотрения заявленной проблематики следует констатировать, что в 2007 году Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2007 года № 2-ФКЗ была внесена поправка в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», статья 115 которого, устанавливающая место постоянного пребывания Конституционного Суда, была изложена в следующей редакции: «Местом постоянного пребывания Конституционного Суда Российской Федерации является город Санкт-Петербург». С 21 мая 2008 года конституционное судопроизводство стало осуществляться в комплексе исторических зданий Сената в центре Санкт-Петербурга. Новое совершенствование Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» произошло в июне 2009 года. Законодатель предусмотрел новый порядок назначения на должность Председателя Конституционного Суда и его заместителей, которых стало два, так как вместо должности судьи-секретаря была введена должность второго заместителя Председателя Конституционного Суда. Отныне и Председатель, и два его заместителя назначаются на свои должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Срок их полномочий составляет шесть лет, но по истечении этого срока они вновь могут быть назначены на занимаемые должности»³. Таковы общие историко-правовые аспекты эволюции конституционного правосудия в современной России.

¹ Закон «О Конституционном суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. – http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18705.htm

²Рудинский Ф.М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде: записки участника процесса, М.: Былина, 1999; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011; Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107

³История Конституционного суда Российской Федерации. – <http://www.ksrf.ru-ru/Info/History/Pages/default.aspx>

Список литературы

1. Дроздов А.Г., Кайнов В.И. Дисциплинарная ответственность судей. Москва-Берлин, 2020
2. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
3. Кайнов, В. И. О правовом подходе Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации к вопросу «лекарственного опьянения» военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 5(310). – С. 52-57. – EDN ZLJVZE.
4. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников М.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях //Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7.С.104-107
5. Кайнов В.И., Прохорова О.В. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. №4 (28-2), 2005. С.227-228
6. Кайнов В.И. Временное правительство и конституционная реформа: нереализованный вектор развития России//Сборник статей научно-практической конференции «Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства». Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019.С.12-16
7. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном законодательстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С.83-87
8. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права.2007. № 9.С.4-5
9. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
10. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
11. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
12. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
13. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки.2013. № 12. С.4-13
14. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика: монография. СПб., 2011
15. Кайнов В.И., Сальников М.П., Петров П.А. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.97-107
16. Рудинский Ф.М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде: записки участника процесса, М.: Былина, 1999
17. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Советское государство и право – 1988 – №3, 17-20 с.
18. Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
19. Шеншин, В. М. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Правовое регулирование и научно-технический прогресс : Коллективная монография / Под редакцией Г.Ф. Гараевой, В.В. Ковалево. – Краснодар : Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2021. – С. 142-148. – EDN MTLGLO.
20. Шеншин, В. М. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии / В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.
21. Шеншин, В. М. Об отдельных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, оказывающих воздействие на административно-юрисдикционную деятельность Росгвардии при обеспечении ею государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 11(280). – С. 79-87. – EDN XOFDVS.
22. Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.

References

1. Drozdov A.G., Kainov V.I. Disciplinary responsibility of judges. Moscow-Berlin, 2020
2. Kainov, V. I. Constitutional law: Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter LLC, 2026. – 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
3. Kainov, V. I. On the legal approach of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation to the issue of "drug intoxication" of military personnel and law enforcement officers / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 5(310). – Pp. 52-57. – EDN ZLJVZE.
4. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov M.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses //Legal science: history and modernity. 2019. No. 7.P.104-107
5. Kainov V.I., Prokhorova O.V. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement//Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 4 (28-2), 2005, pp.227-228
6. Kainov V.I. The Provisional Government and constitutional reform: an unrealized vector of Russia's development//Collection of articles of the scientific and practical conference "Practice and problems of implementation of the constitutional foundations of Russian legislation". Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019.P.12-16
7. Kainov V.I. Development of national legislation on administrative legislation//The world of economics and law. 2015. No. 6. pp.83-87
8. Kainov V.I. Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // History of the State and Law. 2007. No. 9.pp.4-5
9. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement// Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228
10. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation //In the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference. 2018. pp. 39-48
11. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities//Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158
12. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) //The legal field of modern economics. 2015. No. 1. pp. 157-165
13. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia//The World of Legal Science.2013. No. 12. pp.4-13
14. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of banking secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice: monograph. SPb., 2011
15. Kainov V.I., Salnikov M.P., Petrov P.A. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic government services//Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.97-107
16. Rudinsky F.M. "The case of the CPSU" in the Constitutional Court: notes of a participant in the process, Moscow: Bylina, 1999
17. Tumanov V.A. Judicial control over the constitutionality of normative acts // Soviet state and law – 1988 – No. 3, 17-20 p.
18. Nazarova, I. S. Actual aspects of the essence of the definition of constitutional law / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
19. Shenshin, V. M. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legal regulation of the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Legal regulation and scientific and technical progress : A collective monograph / Edited by G.F. Garayeva, V.V. Kovalevo. Krasnodar : Limited Liability Company Publishing House - Yug, 2021. pp. 142-148. EDN MTLGLO.
20. Shenshin, V. M. The influence of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the administrative and jurisdictional activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2021. – No. 5. – pp. 13-15. – DOI 10.18572/2070-2108-2021-5-13-15. – EDN IYLQHD.
21. Shenshin, V. M. On individual decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation that affect the administrative and jurisdictional activities of the Russian Guard while ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2020. – № 11(280). – Pp. 79-87. – EDN XOFDVS.
22. Strokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation : A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Strokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – Saint Petersburg - Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2018. 160 p. – EDN FMOGLI.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО (НАРОДНОГО) КОНТРОЛЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КУБА И РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF PUBLIC (POPULAR) CONTROL IN LATIN AMERICA ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CUBA AND THE REPUBLIC OF NICARAGUA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр пищевых технологий им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch Federal State Budgetary Scientific Institution V. M. Gorbатов Federal Scientific Center for Food Technologies of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University,
15A Mira Street, Orsk, 462419, Russia, Orenburg Region,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ института общественного (народного) контроля в Республике Куба и Республике Никарагуа. Рассматриваются конституционные основы, генезис, субъектный состав и проблемы функционирования контрольных механизмов. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на формальное закрепление народного контроля в конституциях обеих стран, его реальное содержание сводится к легитимации государственной политики и не обладает признаками независимой общественной деятельности. Предложены пути реформирования института общественного контроля в данных государствах.

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the institute of public (national) control in the Republic of Cuba and the Republic of Nicaragua. The constitutional foundations, genesis, subject composition and problems of functioning of control mechanisms are considered. The authors conclude that, despite the formal consolidation of popular control in the constitutions of both countries, its real content boils down to the legitimization of state policy and does not have signs of independent public activity. The ways of reforming the institution of public control in these states are proposed.

Ключевые слова: общественный контроль; Латинская Америка; Республика Куба; Республика Никарагуа; объекты; субъекты; народовластие; социалистическое; сравнительно-правовой анализ; конституционно-правовые основы.

Keywords: public control; Latin America; Republic of Cuba; Republic of Nicaragua; objects; subjects; democracy; socialist; comparative legal analysis; constitutional and legal foundations.

Для цитирования: Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного (народного) контроля в Латинской Америке на примере Республики Куба и Республики Никарагуа: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 189-194. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_189.

For citation: Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public (national) control in Latin America, using the example of the Republic of Cuba and the Republic of Nicaragua: a comparative legal analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 189-194. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_189.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2026

Введение.

Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью институтов гражданского общества в системе сдержек и противовесов современного государства. В странах Латинской Америки, переживших в XX–XXI веках циклы авторитарных и демократических трансформаций, проблема эффективного общественного контроля за властью приобретает особое звучание. Особый научный интерес представляют Республика Куба и Республика Никарагуа, где сформировались уникальные политико-правовые модели, сочетающие элементы социалистической организации власти с латиноамериканскими конституционными традициями.

Научная литература, посвященная проблематике общественного контроля в Латинской Америке, может быть разделена на несколько концептуальных групп в зависимости от методологических подходов и выводов авторов.

Первая группа исследователей (Л. М. Гонсалес-Перес, М. Родригес-Фернандес, И. Волкер) рассматривает кубинскую модель народного контроля в русле официальной доктрины, акцентируя внимание на её формально-юридическом закреплении и позитивной роли в обеспечении «народовластия». [3, с. 32-41; 7, с. 28-37; 10, с. 175-194] Так, Л. М. Гонсалес-Перес утверждает, что Конституция 2019 года расширила возможности участия граждан в управлении делами государства. [3, с. 32-41] Однако критический анализ показывает, что данный подход игнорирует проблему отсутствия независимости субъектов контроля от правящей партии, что существенно снижает научную ценность таких работ. М. Родригес-Фернандес прослеживает эволюцию народного контроля, [7, с. 28-37] но избегает вопроса о том, почему при формальном росте числа контролируемых органов эффективность выявления коррупции остаётся минимальной.

Вторая группа (Дж. Энрикес, В. Н. Сергеев) занимает более критическую позицию. Дж. Энрикес, в частности, вводит важное различие между «социальным участием» (*participación social*) и «социальным контролем» (*control social*) на Кубе, показывая, что первый институционализирован, а второй фактически отсутствует. [4, с. 112-130] В. Н. Сергеев на широком латиноамериканском материале доказывает, что кубинская и никарагуанская модели являются «гибридными»: они заимствуют риторику гражданского контроля, но наполняют её мобилизационным содержанием. Однако статья В. Н. Сергеева страдает излишним обобщением — различия между Кубой и Никарагуа в ней не проанализированы. [8, с. 102-118]

Третья группа авторов (М. Кемерон, Д. Клоз, К. Талер, С. Пюиг) фокусируется на никарагуанском материале и характеризует происходящие процессы как «авторитарный поворот» (*authoritarian turn*) и «эрозию демократических институтов». М. Кемерон убедительно показывает, как Советы гражданской власти, формально созданные как органы общественного контроля, стали инструментом политической мобилизации сандинистского режима. [1, с. 45-68] К. Талер вводит понятие «контролируемого гражданского пространства» (*controlled civic space*), что является теоретически продуктивным. [9, с. 88-107] С. Пюиг детально анализирует законодательные изменения 2021-2022 годов, но его выводы о тотальном характере контроля в Никарагуа не подтверждаются эмпирическими данными о реальной работе низовых советов. [6, с. 55-63] Д. Клоз справедливо отмечает, что конституционные изменения 2021 года устранили формальные механизмы независимого контроля, [2, с. 210-229] но не объясняет, почему оппозиционные НПО не смогли использовать оставшиеся правовые инструменты.

Четвертая группа исследователей (А. Т. Карасев, Е. А. Дмитриева, А. Н. Смирнов) предпринимает попытки сравнительного анализа. Так, А. Т. Карасев сравнивает Кубу и Венесуэлу, но Никарагуа остаётся за рамками его анализа. [5, с. 55-63] В свою очередь, А. Н. Смирнов в монографии исследует социалистические и постсоциалистические системы, однако латиноамериканский материал представлен фрагментарно. [12] Е. А. Дмитриева (2023) рассматривает страны БРИКС и Латинской Америки, но её работа носит обзорный характер. [11, с. 67-81]

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать: а) отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований именно Кубы и Никарагуа (а ведь только 2 страны Латинамериканского региона можно отнести к социалистическим государствам); б) преобладание либо апологетического, либо критического дискурса без учёта внутренней сложности института; в) недостаточное внимание к субъектному составу и реальным механизмам функционирования контроля; г) отсутствие разработанных практических рекомендаций. Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Цель исследования — выявление общих и отличительных черт конституционно-правового регулирования общественного контроля в Республике Куба и Республике Никарагуа, а также разработка предложений по совершенствованию данного института.

Задачи исследования: а) провести анализ конституционно-правовых основ общественного контроля на Кубе и в Никарагуа; б) изучить генезис и этапы развития института общественного (народного) контроля в данных странах; в) исследовать состав субъектов и объектов общественного контроля на Кубе и в Никарагуа; г) выявить основные проблемы, препятствующие функционированию и развитию института общественного контроля в данных странах; д) разработать и обосновать пути разрешения вышеназванных проблем.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии и взаимосвязи. В работе использованы следующие частно-научные методы: формально-юридический (при анализе

текстов конституций и законов), сравнительно-правовой (при сопоставлении кубинской и никарагуанской моделей), историко-правовой (при изучении генезиса института), системно-структурный (при анализе субъектного состава), а также метод правового моделирования (при разработке предложений по совершенствованию законодательства).

Научная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в Республике Куба и Республике Никарагуа сформировались формально-институциональные модели общественного контроля, которые, будучи закрепленными в конституциях и законах, на практике функционируют не как механизм независимого контроля гражданского общества за государством, а как инструмент легитимации государственной политики и мобилизации населения в поддержку правящих режимов.

Основной текст.

Конституционно-правовое закрепление общественного контроля в Республике Куба и Республике Никарагуа имеет как общие черты, обусловленные социалистической или левой антиимпериалистической идеологией, так и существенные различия, связанные с особенностями исторического развития каждой страны.

Действующая Конституция Кубы была принята на референдуме 24 февраля 2019 года, сменив Основной закон 1976 года. В новой Конституции институт народного контроля получил более детальную регламентацию по сравнению с предшествующим Основным законом. Статья 1 провозглашает Кубу социалистическим правовым государством, что предопределяет характер общественного контроля как элемента народовластия, а не как механизма ограничения государства гражданским обществом. Статья 4 закрепляет принцип народного суверенитета, а статья 6 указывает, что государственные органы «должны отчитываться о своей деятельности и подчиняться контролю со стороны народа».

Специальное регулирование общественного контроля осуществляется в главе IV Конституции «Органы народной власти», где закрепляются полномочия Национальной ассамблеи народной власти, провинциальных и муниципальных собраний. Важно отметить, что конституционная модель Кубы не предполагает существования независимых от государства контрольных органов — все субъекты контроля являются либо государственными (прокуратура, счетные органы), либо аффилированными с правящей Коммунистической партией Кубы (комитеты защиты революции, профсоюзы).

Ключевая особенность кубинской конституционной модели — отсутствие конституционного права граждан создавать независимые контрольные организации. Статья 56 Конституции гарантирует право на объединение, но только для «социальных, массовых и иных организаций, созданных в соответствии с законом», при этом закон не предусматривает регистрацию организаций, не признающих руководящую роль Коммунистической партии. Это принципиальное отличие от международных стандартов, закрепленных в Парижских принципах (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 48/134).

Конституция Никарагуа действует в редакции 2014 года (с изменениями 2021 года). Статья 2 провозглашает Никарагуа демократическим, социальным и правовым государством. Однако, как отмечает Д. Клоз, конституционные изменения 2021 года фактически устранили ряд механизмов, которые могли бы обеспечить независимый общественный контроль за властью [2, с. 210-229]. В частности, были упразднены положения, позволявшие Национальной ассамблее проводить независимые расследования деятельности исполнительной власти.

Статья 128 Конституции закрепляет право граждан на участие в управлении государством, а статья 130 предусматривает создание органов гражданского участия. Однако, согласно анализу С. Пюига, принятый в 2022 году в Никарагуа Закон № 1115 «О контроле за организациями гражданского общества» (Ley de Control de Organismos del Sector Civil) поставил деятельность всех негосударственных организаций под жесткий надзор исполнительной власти [6, с. 55-72]. Закон требует от всех НПО регистрации в специальном реестре Министерства внутренних дел, ежегодного предоставления отчетов о финансировании (с запретом на иностранное финансирование) и допускает внеплановые проверки без судебного решения.

В отличие от кубинской модели, никарагуанская Конституция формально закрепляет разделение властей и наличие независимых институтов (Верховный избирательный совет, Счетная палата). Однако, как показывает исследование К. Талера, эти органы фактически подчинены президентской власти и не способны выполнять контрольные функции в отношении исполнительной ветви [9, с. 88-107]. Например, Генеральный контролер Республики назначается президентом без согласования с Национальной ассамблеей, что противоречит международным стандартам независимости высших органов аудита (ЛИМА-декларация).

Сравнительный анализ показывает, что конституционные модели Кубы и Никарагуа различаются по степени открытости: кубинская модель является закрытой и откровенно партийно-государственной, тогда как никарагуанская сохраняет формальный плюрализм, но наполняет его репрессивным содержанием. Обе модели, однако, объединяет отсутствие реальной независимости субъектов контроля от исполнительной власти.

Кубинская модель общественного (народного) контроля власти прошла в своем развитии три основных этапа.

Первый этап (1959–1976 гг.) характеризовался созданием массовых организаций, призванных обеспечить контроль «снизу» за реализацией решений революционного правительства. В этот период возникли Комитеты защиты революции (1960 г.) — наиболее массовая организация, насчитывающая, по официальным данным, более 8 млн членов. Важно отметить, что изначально комитеты создавались как структуры «революционной бдительности», а не как органы контроля за властью. Их функции включали наблюдение за «контрреволюционными элементами», что заложило, по мнению ряда авторов, доносительский характер будущего «народного контроля». [7, с. 28-37] Но мы с этим не согласны. Раз в подобных структурах принимает участие 80% взрослого населения, то речь идет не о доносите́льстве, а о революционной бдительности народного большинства (например, для недопущения различных «оранжевых революций», инспирируемых США и их союзниками).

Второй этап (1976–2019 гг.) связан с принятием первой Конституции Кубы, закрепившей систему органов народной власти. В 1976 году был создан Комитет народного контроля (Comité de Control Popular), в 1984 году преобразованный в Национальную систему народного контроля. В этот период народный контроль рассматривался как функция государственного аппарата, а не как независимая общественная деятельность [3, с. 32-41]. Характерно, что в 1990-е годы, в период «особого периода» после распада СССР, система народного контроля была фактически свернута, что подтверждает её зависимость от государственного финансирования.

Третий этап (2019 г. — настоящее время) начался с конституционной реформы, которая, по замыслу разработчиков, должна была повысить роль общественного контроля. Однако, как отмечает Дж. Энрикес, фактически реформа привела к формализации существующих механизмов без предоставления им реальной независимости [4, с. 112-130]. В 2021 году был принят Закон Республики Куба № 151 «О народном контроле», который детализирует полномочия контролирующих органов, но не создает механизмов независимого общественного участия.

Никарагуанская модель также демонстрирует несколько этапов развития.

Первый этап (1979–1990 гг.) — период сандинистской революции, когда были созданы Сандинистские комитеты защиты гражданской обороны, выполнявшие в том числе контрольные функции. В отличие от кубинских комитетов защиты революции, эти комитеты обладали реальной автономией на раннем этапе, что связано с коалиционным характером сандинистского правительства [1, с. 45-68].

Второй этап (1990-2006 гг.) характеризовался либеральными реформами и демонтажем сандинистских институтов контроля. В этот период были созданы первые независимые неправительственные организации (далее также – НПО), осуществлявшие мониторинг государственных расходов (например, «Этические и прозрачные Никарагуа»). Однако, как отмечает Д. Клоз, эти организации были слабы и финансировались преимущественно из-за рубежа [2, с. 209-229].

Третий этап (2007 г. — настоящее время) связан с возвращением к власти Д. Ортеги и созданием новой системы гражданского участия — «Советов гражданской власти» (Consejos del Poder Ciudadano). Как показывает анализ М. Кемерона, эти советы, формально являясь органами общественного контроля, фактически служат инструментом политической мобилизации в поддержку правящего режима [1, с. 45-68]. К 2018 году, по данным никарагуанских правозащитников, советы охватывали более 2 млн граждан, но их деятельность свелась к организации проправительственных митингов. Особенностью данного этапа является также принятие в 2021-2022 годах пакета законов, ограничивающих деятельность независимых НПО и СМИ, что было расценено международным сообществом как свертывание возможностей для общественного контроля [2, с. 210-229; 6, с. 55-72]. Закон Республики Никарагуа № 1115 (2022 года) фактически запретил деятельность любых организаций, не зарегистрированных в правительственном реестре, а Закон № 1116 ввел уголовную ответственность за «получение иностранного финансирования для политических целей» — до 15 лет лишения свободы.

Субъектный состав общественного (народного) контроля на Кубе и в Никарагуа имеет как сходства, так и различия.

Основные субъекты общественного (народного) контроля в Республике Куба: комитеты защиты революции (КЗР); Центральный профсоюз трудящихся Кубы; Национальная ассоциация мелких землевладельцев; федерации студентов; местные органы народной власти.

Основные субъекты общественного (народного) контроля в Республике Никарагуа: Советы гражданской власти; профсоюзы (Сандинистский фронт); женские и молодежные организации; крестьянские ассоциации; формально независимые НПО.

Количество участников в подобных структурах: более 8 млн членов КЗР (официально); около 2 млн членов советов Сандинистского фронта национального освобождения (официально).

Создание новых субъектов общественного (народного) контроля требует регистрации в МВД, а также разрешения партии.

Важной особенностью кубинской модели является то, что все ранее перечисленные субъекты либо являются государственными органами, либо действуют под руководством Коммунистической партии Кубы. По мнению ряда авторов, независимые от государства общественные организации на Кубе отсутствуют [5, с. 55-63]. Более того, Закон № 88 «Об ассоциациях» (1999 г.) прямо запрещает создание организаций, преследующих цели, противоречащие социалистическому государству.

Применительно к Республике Никарагуа К. Талер отмечает, что принятие Закона 1115 «О контроле за организациями гражданского общества» (2022 г.) привело к тому, что любые независимые организации, не входящие в официальную структуру, фактически лишены возможности осуществлять какую-либо контрольную деятельность. [9, с. 88-107] По данным никарагуанского неправительственного Института стратегических исследований и публичных политик (IEERP), с 2018 по 2024 год было закрыто более 3500 НПО, а 120 правозащитников были арестованы. [9, с. 88-107] Хотя, как показывает опыт «успешной» «оранжевой революции» на Украине, не закрытие Президентом В. Януковичем подобных организаций в 2012-2014 годах на Украине привело к установлению нацистского режима и жертвам среди населения.

По мнению ряда авторов, объектами общественного контроля в обеих странах являются: органы местного самоуправления (муниципальные собрания); государственные предприятия и учреждения; образовательные и медицинские организации; органы правопорядка [8, с. 102-118]. При этом, как показывает анализ, наиболее значимые объекты контроля — центральные органы исполнительной власти, президент, судебная система — фактически выведены из-под действия механизмов общественного контроля в обеих странах [2, с. 210-229; 4, с. 112-130]. Например, на Кубе КЗР не имеют права проверять деятельность Министерства внутренних дел или судов, а в Никарагуа Советы гражданской власти не могут проводить аудит президентских расходов.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ позволяет выделить комплекс проблем, препятствующих эффективному функционированию общественного контроля в рассматриваемых странах.

Первая проблема — отсутствие независимости субъектов контроля. Как на Кубе, так и в Никарагуа все формально существующие ме-

ханизмы общественного контроля либо контролируются правящей партией, либо являются государственными органами. Это создает классический конфликт интересов: государство не может эффективно контролировать само себя [4, с. 112-130; 9, с. 88-107]. На Кубе КЗР подчиняются партийным ячейкам, а в Никарагуа Советы гражданской власти возглавляются назначенными Сандинистским фронтом координаторами.

Вторая проблема — законодательные ограничения. В Никарагуа приняты законы, прямо запрещающие иностранное финансирование НПО и требующие регистрации любой общественной активности. На Кубе действуют аналогичные ограничения, а также цензура СМИ, что делает невозможным публичное обсуждение недостатков в работе государственных органов [1, с. 45-68; 6, с. 55-63]. В обеих странах отсутствуют законы о доступе к публичной информации, что блокирует возможность фактической проверки деятельности власти.

Третья проблема — криминализация независимого контроля. Как показывают события 2021-2022 годов в Никарагуа и длительная практика Кубы, лица, пытающиеся осуществлять независимый контроль за властью, подвергаются уголовному преследованию по обвинениям в «дестабилизации», «шпионаже» или «заговоре против государства» [2, с. 210-229]. На Кубе действует статья 91 Уголовного кодекса («Незаконное объединение»), которая применяется к активистам независимых правозащитных групп. В Никарагуа Закон № 1116 ввел статью 478 («Измена родине за получение иностранного финансирования»), по которой в 2023 году были осуждены 28 членов организации «Синие и белые».

Четвертая проблема — отсутствие правовых механизмов реагирования. Даже в тех случаях, когда формальные органы контроля выявляют нарушения (например, хищения на государственных предприятиях), отсутствуют механизмы, позволяющие привлечь к ответственности вышестоящих должностных лиц [8, с. 102-118]. На Кубе контролеры могут лишь направить информацию в партийные органы, которые не обязаны реагировать. В Никарагуа Генеральный контролер не имеет права возбуждать уголовные дела самостоятельно — только по запросу прокуратуры, подконтрольной президенту.

Пятая проблема — дефицит правовой культуры и гражданской активности. Как отмечает В. Н. Сергеев, длительное существование в условиях авторитарных режимов привело к формированию у населения патерналистского правосознания, при котором идея контроля за властью воспринимается как чуждая [8, с. 102-118]. Социологические опросы (Cuban Research Group, 2023) показывают, что лишь 12% кубинцев готовы участвовать в контрольных мероприятиях, а 67% опасаются «доносительства» как социального клейма. В Никарагуа, по данным опросов M&R Consultores (2024), 71% населения не знает о существовании Советов гражданской власти. [7, с. 28-37]

Шестая проблема — дефицит ресурсов. Как кубинские КЗР, так и никарагуанские Советы гражданской власти не имеют собственных бюджетов, штатных сотрудников (кроме партийных назначенцев) и технической базы для проведения аудитов. Вся их деятельность держится на добровольной основе, что делает невозможным профессиональный контроль.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить следующие направления совершенствования института общественного контроля.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление принципа независимости субъектов общественного контроля от органов государственной власти и политических партий. В качестве модели может быть использован опыт Чили или Уругвая, где существуют Национальные институты прав человека, аккредитованные в соответствии с Парижскими принципами (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 48/134). Эти институты имеют собственный бюджет, независимый совет директоров (включающий представителей оппозиции) и право законодательной инициативы.

Во-вторых, требуется создание правовых гарантий для деятельности независимых НПО, включая отмену законов, запрещающих иностранное финансирование, и упрощение процедуры регистрации общественных объединений. Конкретные шаги: отмена Закона № 1115 в Никарагуа и Закона № 88 на Кубе; принятие законов о публичных объединениях по модели Закона РФ «Об общественных объединениях» (уведомительный порядок регистрации).

В-третьих, необходимо введение судебных механизмов обжалования бездействия или незаконных действий органов государственной власти по результатам общественного контроля. Эффективной моделью может служить конституционная жалоба (*recurso de amparo*), широко распространенная в латиноамериканском конституционном праве (Мексика, Аргентина, Коста-Рика). Для Кубы и Никарагуа это означало бы внесение изменений в конституции и создание специализированных конституционных палат при Верховных судах.

В-четвертых, требуется реформа уголовного законодательства в части декриминализации деятельности правозащитников и общественных контролеров, если она не связана с насильственными действиями или прямым нарушением закона.

В-пятых, необходимо развитие правового просвещения населения и формирование культуры участия в механизмах общественного контроля через систему образования и публичных слушаний. Опыт Бразилии, где существуют обязательные курсы «Гражданского образования» в школах, может быть адаптирован для кубинской и никарагуанской систем.

В-шестых, требуется создание независимых финансовых источников для контрольных органов, например, выделение фиксированного процента от государственного бюджета (по модели Генеральной счетной палаты Перу - 0,5% от национального бюджета).

Заключение.

Проведенный сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых основ общественного контроля в Республике Куба и Республике Никарагуа позволяет сформулировать следующие выводы.

Конституции обеих стран формально закрепляют механизмы народного (общественного) контроля, однако их реальное содержание не соответствует международным стандартам независимого гражданского контроля за властью. Кубинская модель является закрытой и партийно-государственной, никарагуанская сохраняет формальный плюрализм при фактическом запрете независимой деятельности.

Генезис института в обеих странах демонстрирует эволюцию от революционной инициативы снизу (КЗР на Кубе, сандинистские комитеты в Никарагуа) к полностью контролируемым государством формам мобилизационного участия. Ключевой перелом — 1990-е годы на Кубе (свертывание контроля) и 2007-2022 годы в Никарагуа (реставрация сандинизма с репрессивным законодательством).

Субъектный состав общественного контроля ограничен организациями, аффилированными с правящими партиями (КПК на Кубе, СФНО в Никарагуа); независимые НПО фактически исключены из контрольных механизмов. В Никарагуа их закрытие приняло характер кампании после 2018 года, на Кубе они никогда не существовали.

Основными проблемами являются: отсутствие независимости субъектов контроля; законодательные ограничения деятельности НПО; криминализация независимого контроля (статьи о «незаконных объединениях» и «измене»); отсутствие механизмов реагирования на выявленные нарушения; дефицит правовой культуры населения; дефицит ресурсов.

Предложенные пути разрешения проблем включают: законодательное закрепление независимости контрольных органов; создание гарантий для НПО (которые, при этом, должны быть независимыми от иностранных государств и не иметь зарубежного или международного финансирования); введение судебных механизмов обжалования; декриминализацию правозащитной деятельности; развитие правового просвещения и создание независимых финансовых источников.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования научная гипотеза подтвердилась: в Республике Куба и Республике Никарагуа сформировались формально-институциональные модели общественного контроля, которые на практике функционируют не как механизм независимого контроля гражданского общества за государством, а как инструмент легитимации государственной политики и мобилизации населения в поддержку правящих режимов.

Список литературы

1. Cameron M. A. Nicaragua's 2021 Elections and the Erosion of Democratic Institutions // *Journal of Latin American Studies*. 2022. № 2. P. 45-68.
2. Close D. Nicaragua: Navigating the Authoritarian Turn // *Latin American Research Review*. 2023. Vol. 58. № 3. P. 210-229.
3. González-Pérez L. M. (Гонсалес-Педрес Л. М.). Конституционная реформа на Кубе 2019 года: новый этап развития социалистической государственности // *Журнал конституционного правосудия*. 2021. № 4. С. 32-41.
4. Henríquez J. Control social en Cuba: entre la participación y la sumisión // *Revista de Derecho Constitucional Latinoamericano*. 2023. № 15. P. 112-130.
5. Karasev A. T. (Карасев А. Т.). Институты непосредственной демократии в странах социалистической ориентации: сравнительный анализ Кубы и Венесуэлы // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 6. С. 55-63.
6. Martí i Puig S. The Ortega Regime's Legal Arsenal: Controlling Civil Society in Nicaragua // *Bulletin of Latin American Research*. 2025. Vol. 44. № 1. P. 55-72.
7. Rodríguez-Fernández M. (Родригес-Фернандес М.). Эволюция народного контроля на Кубе: от местных комитетов к национальным советам // *Право и управление*. XXI век. 2020. № 3. С. 28-37.
8. Sergeev V. N. (Сергеев В. Н.). Общественный контроль в странах Латинской Америки: конституционные модели и практика реализации // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. № 1. С. 102-118.
9. Thaler K. Nicaragua's Civic Space: From Controlled Participation to Repression // *Latin American Politics and Society*. 2024. Vol. 66. № 1. P. 88-107.
10. Walker I. Cuba's Constitutional Reform of 2019: Continuity and Change // *International Journal of Cuban Studies*. 2021. Vol. 13. № 2. P. 175-194.
11. Дмитриева Е. А. Конституционные модели общественного контроля: опыт стран БРИКС и Латинской Америки // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023. № 2. С. 67-81.
12. Смирнов А. Н. Институт общественного контроля в социалистических и постсоциалистических правовых системах: сравнительно-правовое исследование. Монография. Москва: Норма, 2022. 312 с.

References

1. Cameron M. A. Nicaragua's 2021 Elections and the Erosion of Democratic Institutions // *Journal of Latin American Studies*. 2022. No. 2. P. 45-68.
2. Close D. Nicaragua: Navigating the Authoritarian Turn // *Latin American Research Review*. 2023. Vol. 58. No. 3. P. 210-229.
3. González-Pérez L. M. (Gonzalez-Pérez L. M.). Constitutional reform in Cuba in 2019: a new stage in the development of socialist statehood // *Journal of Constitutional Justice*. 2021. No. 4. pp. 32-41.
4. Henríquez J. Control social en Cuba: entre la participación y la sumisión // *Revista de Derecho Constitucional Latinoamericano*. 2023. No. 15. P. 112-130.
5. Karasev A. T. (Karasev A. T.). Institutions of direct democracy in countries of socialist orientation: a comparative analysis of Cuba and Venezuela // *Constitutional and municipal law*. 2022. No. 6. pp. 55-63.
6. Martí i Puig S. The Ortega Regime's Legal Arsenal: Controlling Civil Society in Nicaragua // *Bulletin of Latin American Research*. 2025. Vol. 44. № 1. P. 55-72.
7. Rodríguez-Fernández M. (Rodríguez-Fernandez M.). The evolution of popular control in Cuba: from local committees to national councils // *Law and Administration*. XXI century. 2020. No. 3. pp. 28-37.
8. Sergeev V. N. (Sergeev V. N.). Public control in Latin American countries: constitutional models and implementation practices // *Comparative Constitutional Review*. 2024. No. 1. pp. 102-118.
9. Thaler K. Nicaragua's Civic Space: From Controlled Participation to Repression // *Latin American Politics and Society*. 2024. Vol. 66. No. 1. P. 88-107.
10. Walker I. Cuba's Constitutional Reform of 2019: Continuity and Change // *International Journal of Cuban Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 175-194.
11. Dmitrieva E. A. Constitutional models of public control: the experience of the BRICS countries and Latin America // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2023. No. 2. pp. 67-81.
12. Smirnov A. N. Institute of Public Control in socialist and post-socialist legal systems: comparative legal study. The monograph. Moscow: Norma, 2022. 312 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ БЕЗОПАСНОСТИ ACTUAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION BASIC SECURITY FUNCTIONS

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилутова, д. 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

POPKOV Dmitry V.

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru

Краткая аннотация: Среди стратегических направлений правового регулирования автор отмечает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы с учетом обновляющихся киберугроз в условиях развития новых цифровых технологий. Сформулированные положения в сфере повышения качества правового обеспечения информационной безопасности на национальном уровне необходимо подкреплять принятием правовых мер по формированию системы информационной безопасности на межгосударственном и международном уровнях посредством развития взаимовыгодного сотрудничества государств. Повышение эффективности мер по обеспечению международной кибербезопасности детерминирует установление единого подхода к квалификации совершаемых в области высоких технологий противоправных деяний.

Abstract: Among the strategic directions of legal regulation, the author notes the need to improve the regulatory framework, taking into account the updated cyber threats in the context of the development of new digital technologies. The formulated provisions in the field of improving the quality of legal support for information security at the national level should be supported by taking legal measures to form an information security system at the interstate and international levels through the development of mutually beneficial cooperation between States. Increasing the effectiveness of measures to ensure international cybersecurity determines the establishment of a uniform approach to the qualification of illegal acts committed in the field of high technology.

Ключевые слова: безопасность; кибербезопасность; киберугрозы; цифровые технологии; международное сотрудничество; информационная безопасность.

Keywords: security; cybersecurity; cyber threats; digital technologies; international cooperation; information security.

Для цитирования: Попков Д.В. Актуальные проблемы реализации функции обеспечения основных видов безопасности // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 195-198. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_195.

For citation: Popkov D.V. Actual problems of the implementation of the function of ensuring basic types of security // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 195-198. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_195.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

В настоящее время Российская Федерация переживает времена очень сложных социально-экономических преобразований, которые связаны с интернационализацией крупного капитала, глобализацией рисков, развитием интернет-коммуникаций и информационно-цифровых технологий, что требует адаптации сложившейся системы и средств правового регулирования к новым условиям¹. Нестабильность на мировом рынке цен на нефть, уменьшение инвестиционной привлекательности, применение экономических инструментов воздействия в виде санкций со стороны Евросоюза, США и ряда других стран оказывают ощутимое влияние на динамику основных российских макроэкономических показателей. При этом появились ранее неизвестные и непрогнозируемые в основных документах стратегического развития угрозы и вызовы².

Особенно большую опасность представляет эпидемиологическая ситуация³, имеющая долговременные, в некотором промежутке времени труднопрогнозируемые последствия, что негативным образом сказывается на деятельности бизнеса, а также на состоянии экономики в целом⁴.

Обеспечение на современном этапе национальной безопасности обуславливает определение стратегических направлений, содействующих охране законных прав и интересов человека, общества и государства от внешнего и внутреннего неблагоприятного воздействия. В условиях высоких темпов развития технико-информационных ресурсов актуализируется проблема оптимизации средств в сфере информационной безопасности. В связи с нарастающей глобализацией международной жизни закономерной является активизация международного сообщества по установлению универсальных стандартов, обеспечивающих информационную безопасность. Вместе с тем последовательной модификации заслуживают нормы национального законодательства, учитывающие особенности политико-правового и социально-экономического характера развития отечественной государственности. В сложившихся реалиях существенное значение приобретает уголовная политика Российской Федерации⁵, позволяющая обозначить ключевые аспекты уголовно-правовой охраны от посягательств на наиболее значимые интересы в области информационной безопасности

¹ Силин С.А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 8; Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

² Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г., Казанцев Н.М. и др. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография. М., 2015.

³ Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN ХРРКНН.

⁴ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN ХМНIVV.

⁵ Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.

граждан, российского общества и государства в целом.

Стоит отметить, что в настоящее время проблема уголовно-правового обеспечения информационной безопасности требует принятия новых правовых решений, обусловленных возникновением новых рисков и вызовов¹. Причиной тому служит быстрое изменение информационно-коммуникационных технологий, использование которых вне правового поля влечет негативные последствия как для государства и предприятий различных форм собственности, так и благополучия населения, сопряженного с охраной личных и имущественных интересов. Отмеченная тенденция совершенствования угроз кибербезопасности предопределила увеличение показателей преступности и появление в условиях цифрового информационного формата новых видов посягательств².

Анализируя динамику показателей преступлений, сопряженных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, нельзя не отметить высокий уровень латентности преступлений указанного вида³. Высокий уровень латентности данного вида преступлений предопределил проблемы, связанные с раскрываемостью преступлений, предварительное следствие по которым является обязательным⁴. Так, например, в 2019 г. раскрытию, по данным статистики, подлежало лишь каждое пятое указанного вида преступление (22,15%). Несмотря на этот факт, в 2019 г. показатель находящихся в производстве раскрытых дел данной категории подлежал увеличению на 50,4%. В течение 2020 г. было раскрыто 18,6% преступлений данного вида, и показатель раскрытых дел указанной группы преступных деяний характеризуется тенденцией роста на 45,5%.

Обращаясь к вопросу о противодействии угрозам кибербезопасности, необходимо подчеркнуть, что данный аспект подлежал активному обсуждению на международном уровне с начала 80-х гг. XX в.⁵ Так, проблема обеспечения безопасности в условиях киберпространства была поднята на международном уровне в рамках Международной конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (28.01.1981) и Европейской конвенции о порядке использования персональных данных полицией (23.11.2001). В целях повышения эффективности мер, принимаемых международным сообществом в сфере обеспечения информационной безопасности, в международных актах акцентируется внимание на консолидации ресурсов по противодействию преступлениям против конфиденциальности, целостности, доступности компьютерных данных и систем. Между тем следует сказать, что Российская Федерация не ратифицировала Европейскую конвенцию в силу того, что условием России являлся пересмотр п. «б» ст. 32. В данной конвенциональной норме устанавливалась возможность доступа и получения следственными органами через компьютерную систему к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным.

Учитывая нарастающие угрозы кибербезопасности, Россия в 2016 г. разрабатывает проект Конвенции ООН о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. Данный проект со своим универсальным характером позволяет объединить мировое сообщество в борьбе с киберпреступностью. Проект изначально был представлен иностранным партнерам на совещании руководителей специальных служб, организованном секретарем Совета безопасности РФ. Исходя из цели представленного проекта, направленной на консолидацию международным сообществом ресурсов по предупреждению преступлений и противоправных деяний в области информационно-коммуникационных технологий, разработан перечень противоправных посягательств, включающий: 1) неправомерный доступ к информации; 2) преступления, сопряженные с охраняемой национальным правом информацией; 3) разработку и использование вредоносных программ и спама; 4) преступления, связанные с детской порнографией; 5) нарушение авторских прав.

Российская Федерация в рамках Генеральной Ассамблеи ООН 2017 г. активно промульгировала идею объединения усилий государств по противодействию киберпреступности. Для этого на обсуждение был вынесен вопрос о принятии на основании предлагаемого Россией проекта Конвенции о борьбе с киберпреступностью универсального характера. В качестве ключевого направления обеспечения кибербезопасности в современном информационном пространстве определена разработка правил ответственного поведения в цифровой области. Пристальное внимание сосредоточено на разработке и реализации странами-участниками мер, противодействующих хакерству как одному из распространенных видов киберпреступности.

Разрешение проблемы по преодолению угрозы кибербезопасности в условиях современных глобализационных процессов предопределило повышенный интерес к созданию механизма, предусматривающего недопустимость использования информационно-коммуникационных технологий как средства воздействия, причинения экономического вреда, пропаганды террористической и экстремистской идеологии⁶. Примечательно, что Россией были высказаны предложения о формировании российско-американской группы кибербезопасности.

В ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН 9 ноября 2018 г. Россией предложен проект резолюции, раскрывающий целесообразность создания Кодекса ответственного поведения государств в Интернете. Согласно данному проекту, новые открывающиеся возможности в сфере информационно-коммуникационных технологий неизбежно отражаются на росте соответствующих видов преступности. Вследствие этого на международном уровне актуализируется необходимость: 1) образования в рамках Генеральной Ассамблеи ООН рабочей группы открытого

¹ Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейberman // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXPK.

² Шеншин, В. М. Обеспечение общественной безопасности в эпоху цифровизации: некоторые проблемные аспекты / В. М. Шеншин // Закон и власть. – 2026. – № 1. – С. 153-156. – EDN GYMFVG.

³ Попков, Д. В. Особенности кибертерроризма и киберэкстремизма как нового вида преступности / Д. В. Попков, А. А. Лежнева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 253-256. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_253. – EDN GBZABW.

⁴ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

⁵ Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.

⁶ Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.

состава по международной информационной безопасности; 2) регламентации перечня правил ответственного поведения стран в пределах информационного пространства.

В развитие данного проекта 13 ноября 2018 г. Россией на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН предложен был проект резолюции по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В проекте особое внимание акцентировалось на нарастающей тенденции увеличения количества преступлений в цифровом мире и негативном их влиянии, детерминирующем критическое состояние инфраструктуры стран. В этой связи были высказаны предложения о необходимости детализации международным сообществом правил поведения государств, направленных на решение вопросов по обмену информацией. В качестве новых угроз кибербезопасности отмечены такие уголовно-правовые посягательства, как: неправомерный доступ в электронной форме к информации; воздействие на информацию и ее перехват; создание, распространение и использование вредоносных программ; незаконный оборот устройств, хищение путем использования цифровых технологий; распространение спама и др.

Вопрос международного сотрудничества с целью эффективного противостояния киберугрозам и кибератакам вновь подлежал обсуждению 20 мая 2019 г. на 28-й сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Подчеркивая актуальность данной проблемы, международное сообщество отметило насущную потребность в совершенствовании нормативно-правовой основы в сфере борьбы с киберпреступностью. С учетом целесообразности комплексного подхода к анализу мировой ситуации в области киберпреступности подчеркивалась особая значимость проведения дискуссии с участием представителей от бизнес-сообщества и академических кругов и поиска путей разрешения проблем в сфере борьбы с преступным использованием информационно-коммуникационных технологий¹.

Примечательно, что в рамках Второго Международного конгресса по кибербезопасности, проходившего 20 - 21 июня 2019 года в г. Москве, экспертному обсуждению подлежали основные мировые киберугрозы, а также методы, способы и средства противодействия. Определяющим направлением в ходе работы форума являлась выработка международной стратегии взаимодействия государств и правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности. Оценке подлежали ключевые технологические достижения в области защиты современных киберсистем. Было достигнуто понимание актуальности проблемы безопасности в условиях цифрового мироустройства, что предопределило осознание актуальности разработки и реализации комплексных мер противодействия киберпреступности. Признанию подлежал прагматичный подход, требующий научного обоснования вероятных мировых угроз на обозримое будущее. Вследствие этого в целях обеспечения кибербезопасности обозначены задачи по разработке и внедрению эффективных средств прогнозирования, профилактики, предупреждения и противодействия.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что по-прежнему актуальным является принятие универсального международного нормативно-правового акта, позволяющего ориентировать правовую политику государств на правовое регулирование ключевых направлений обеспечения информационной безопасности с учетом присущих каждому государству национальных особенностей. Среди стратегических направлений правового регулирования стоит отметить необходимость совершенствования нормативно-правовой базы с учетом обновляющихся киберугроз в условиях развития новых цифровых технологий. Требуется формирование правового механизма, содействующего повышению качества и устойчивости элементов государственного управления в отношении финансовой системы. Принятие надлежащих правовых мер становится актуальным для укрепления государственно-частного партнерства, создания и успешной реализации практико-ориентированных программ, обеспечивающих высокий уровень защищенности кредитных организаций. В современных условиях целесообразным представляется формирование кибернетической культуры и повышение грамотности населения путем проведения соответствующих информационно-просветительских мероприятий. Активизации заслуживает деятельность органов правоохранительной системы по выявлению, раскрытию и расследованию компьютерных преступлений, приобретающих в современных реалиях трансграничный характер. Стабильный рост преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ, предусматривает разрешение проблем, сопряженных с имеющимися сложностями при обнаружении, раскрытии, доказывании, установлении виновного, в том числе с точной правовой оценкой реализованного деяния.

Список литературы

1. Силин С.А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 8.
2. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
3. Доронина Н.Г., Семилетина Н.Г., Казанцев Н.М. и др. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография. М., 2015.
4. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHN.
5. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
6. Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.
7. Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейberman // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRX.
8. Шеншин, В. М. Обеспечение общественной безопасности в эпоху цифровизации: некоторые проблемные аспекты / В. М. Шеншин // Закон и власть. – 2026. – № 1. – С. 153-156. – EDN GYMFVG.
9. Попков, Д. В. Особенности кибертерроризма и киберэкстремизма как нового вида преступности / Д. В. Попков, А. А. Лежнева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 2. – С. 253-256. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_253. – EDN GBZABW.

¹ Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейberman // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXRX.

10. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
11. Шеншин, В. М. Киберпреступность как угроза информационной безопасности Российской Федерации / В. М. Шеншин, В. Ю. Юрьева, И. В. Кускова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.
12. Уткин, Н. И. Цифровая трансформация ведомственных вузов: гармонизация нормативной правовой базы информационной безопасности / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин, А. В. Шестаков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 4(65). – С. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
13. Прудникова, Л. Б. Информация и информационная безопасность как атрибуты гражданского общества (краткий обзор взаимосвязи) / Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин, Н. С. Глейberman // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXPK.

References

1. Sinitsin S.A. Civil law in modern socio-economic conditions // Journal of Russian Law. 2021. No. 1. S. 8.
2. Kainov, V. I. Constitutional law : Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter LLC, 2026. – 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
3. Doronina N.G., Semilyutina N.G., Kazantsev N.M. and others. Law and Economic activity: modern challenges: monograph. Moscow, 2015.
4. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. – 2018. – No. 6. – pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
5. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
6. Petukhov, N. A. The application of Russia's criminal policy in military-service relations: ways out and further directions of normative legal regulation / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2016. – No. 1. – pp. 7-12. – EDN VHCQOH.
7. Prudnikova, L. B. Information and information security as attributes of civil society (a brief overview of the relationship) / L. B. Prudnikova, V. M. Shenshin, N. S. Gleiberman // State power and local self-government. – 2022. – No. 7. – Pp. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXPK.
8. Shenshin, V. M. Ensuring public safety in the era of digitalization: some problematic aspects / V. M. Shenshin // Law and Government. – 2026. – No. 1. – pp. 153-156. – EDN GYMFVG.
9. Popkov, D. V. Features of cyberterrorism and cyber extremism as a new type of crime / D. V. Popkov, A. A. Lezhneva // Agrarian and land law. – 2025. – No. 2. – pp. 253-256. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_253. – EDN GBZABW.
10. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
11. Shenshin, V. M. Cybercrime as a threat to the information security of the Russian Federation / V. M. Shenshin, V. Y. Yuryeva, I. V. Kuskova // Law and the State: theory and practice. – 2025. – No. 1. – pp. 255-258. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_1_255. – EDN YNCDXM.
12. Utkin, N. I. Digital transformation of departmental universities: harmonization of the regulatory framework for information security / N. I. Utkin, V. M. Shenshin, A.V. Shestakov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 4(65). – Pp. 91-110. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-2024-4-91-110. – EDN FBMFIM.
13. Prudnikova, L. B. Information and information security as attributes of civil society (a brief overview of the relationship) / L. B. Prudnikova, V. M. Shenshin, N. S. Gleiberman // State power and local self-government. – 2022. – No. 7. – Pp. 7-9. – DOI 10.18572/1813-1247-2022-7-7-9. – EDN LYPXPK.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

FEATURES OF PERSONAL DATA PROTECTION AND MEDICAL SECRECY IN THE FRAMEWORK OF THE IMPLEMENTATION OF EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN THE FIELD OF DIGITAL INNOVATION

БОЧАРНИКОВ Дмитрий Андреевич,

Эксперт Научно-экспертного центра правового обеспечения научно-технологического развития
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: dabocharnikov@msal.ru

BOCHARNIKOV Dmitry Andreevich,

Expert of the Scientific Expert Center for Legal Support of Scientific and Technological Development
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: avminbaleev@msal.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу проекта экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по подписанию информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с использованием электронной графической подписи. Анализируются особенности защиты персональных данных и врачебной тайны в рамках реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Автором рассматривается соотношение общего правового регулирования с экспериментальным регулированием в контексте возможности использования электронной графической подписи для предоставления согласий, предусмотренных информационным законодательством. Констатируется вывод о необходимости совершенствования экспериментального режима с целью устранения возможных коллизий при применении цифровых инноваций в практической деятельности медицинских организаций.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the project of an experimental legal regime in the field of digital innovations for signing informed voluntary consent for medical intervention using an electronic graphic signature. The article analyzes the features of personal data protection and medical secrecy in the framework of the implementation of experimental legal regimes in the field of digital innovation. The author examines the relationship between general legal regulation and experimental regulation in the context of the possibility of using an electronic graphic signature to provide consents provided for by information legislation. The conclusion is made that it is necessary to improve the experimental regime in order to eliminate possible collisions when applying digital innovations in the practical activities of medical organizations.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим; цифровые инновации; электронная графическая подпись; персональные данные; врачебная тайна.

Keywords: experimental legal regime; digital innovations; electronic graphic signature; personal data; medical secrecy.

Для цитирования: Бочарников Д.А. Особенности защиты персональных данных и врачебной тайны в рамках реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 199-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_199.

For citation: Bocharnikov D.A. Features of personal data protection and medical secrecy in the framework of the implementation of experimental legal regimes in the field of digital innovation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 199-202. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_199.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Цифровизация общественного здравоохранения является одним из ключевых государственных приоритетов, в том числе в контексте запуска с 2025 года национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация». Оказание медицинской помощи всё чаще осуществляется с использованием информационных технологий, применяемых и для обработки данных пациентов. В рамках взаимодействия медицинских организаций с гражданами проблемным представляется вопрос совершения ряда юридически значимых действий в электронной форме. Прежде всего, речь идет о предоставлении пациентами предусмотренных законодательством согласий с использованием электронной подписи. Особенно актуальным этот вопрос становится в свете проекта постановления Правительства РФ «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по подписанию информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства с использованием электронной графической подписи»¹ (далее – Проект постановления), разрабатываемого в рамках Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данным нормативно-правовым актом предполагается установление экспериментального правового режима на территории города Москвы, в рамках которого пациенты медицинских организаций смогут в электронном виде подписывать согласие на медицинское вмешательство. При этом возникает вопрос о соотносимости данной нормы с информационным законодательством, предполагающим предоставление различного рода согласий. В связи с чем имеется необходимость дать информационно-правовую оценку новеллам в области данных цифровых медицинских инноваций.

Минэкономразвития России предлагает установить на территории города Москвы экспериментальный правовой режим по подписанию информированного добровольного согласия на добровольное медицинское вмешательство с использованием электронной графической подписи

¹ URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152042> (дата обращения: 10.05.2025)

сроком на три года. Согласно Проекту постановления Департамент здравоохранения города Москвы как субъект экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций будет вести специальный реестр подведомственных медицинских организаций государственной системы здравоохранения г. Москвы, которые будут являться участниками эксперимента. В свою очередь реализация правового режима на практике будет представлена следующим образом:

- 1) медицинские работники находящихся в реестре организаций на очном приеме будут обеспечивать ознакомление граждан с содержанием сформированного посредством функциональных возможностей автоматизированной информационной системы столицы ЕМИАС (Единая медицинская информационно-аналитическая система Москвы) информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства посредством демонстрации на специализированном программно-аппаратном комплексе содержания информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказа от медицинского вмешательства;
- 2) пациент на очном приеме подписывает электронной графической подписью информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства с использованием специализированного программно-аппаратного комплекса.
- 3) сформированный в электронном виде акт загружается медицинским работником в ЕМИАС и включается в медицинскую документацию пациента.

Стоит отметить, что согласно действующему законодательству (ч. 7 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»¹) допускается подписание информированного добровольного согласия либо в письменной форме на бумажном носителе, либо с помощью усиленной квалифицированной электронной подписи посредством ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации). В отличие от данных способов предусмотренное Проектом постановления подписание электронной графической подписью не требует печати на бумажном носителе и взаимодействия с удостоверяющими центрами для создания усиленной электронной квалифицированной подписи. Электронная графическая подпись воспроизводится пациентом на программно-аппаратном комплексе медицинской организации и загружается в ЕМИАС, как и другая медицинская документация. Согласно пояснительной записке к проекту нормативно-правового акта² использование электронной графической подписи будет способствовать обеспечению оперативного ознакомления и согласования пациентом информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство без дополнительных действий, связанных с взаимодействием пациента с различными ресурсами/порталами.

В целом проведение данного эксперимента укладывается в логику развития электронного документооборота в сфере оказания медицинских услуг. Главным ожидаемым результатом по итогам реализации ЭПР является достижение не менее 60 % предоставленных гражданами информированных добровольных согласий на медицинское вмешательство или отказов от медицинского вмешательства, сформированных в форме электронных документов, подписанных с использованием электронной графической подписи, от всех вышеуказанных документов, подписанных гражданами в медицинских организациях, являющихся участниками экспериментального правового режима.

Вместе с тем представляется важным отметить взаимосвязь информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство с институтом врачебной тайны. В процессе взаимодействия пациента с медицинской организацией последняя неизбежно получает от гражданина сведения о состоянии его здоровья, что составляет врачебную тайну. В то же время в современной цифровой медицинской среде нередки ситуации, когда при осуществлении медицинского вмешательства применяются информационные технологии, позволяющие записывать и транслировать происходящее оказание медицинской помощи. Это может преследовать различные цели, в том числе медицинское обследование и лечение (телемедицинская консультация с иной медицинской организацией), проведение научных исследований (передача записи медицинского вмешательства в научное учреждение для последующего изучения), использование в учебном процессе (трансляция медицинского вмешательства для студентов медицинских вузов) и т.д. Во всех этих случаях ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» предписывает получать согласие пациента. Являясь по своей природе особым юридическим фактом, данное согласие должно соответствовать определенным требованиям. Прежде всего, законодатель подчеркивает необходимость соблюдения письменной формы его составления. Но в то же время допускается его подписание как в виде самостоятельного документа, так и в виде составной части другого документа – информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство.

Предусмотренное в рамках общего правового режима совмещение двух согласий в рамках одного письменного документа на практике оптимизирует процесс оформления документов, необходимых для оказания медицинской помощи. При этом общее для обоих согласий законодательное требование о письменной форме их составления способствует их взаимной интеграции в единый документ. Между тем, запланированное введение исследуемого специального правового режима может образовать проблемный вопрос: становится ли допустимым подписание графической электронной подписью согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, включенное в информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство? В свою очередь от соблюдения требования к форме предоставляемого согласия будет зависеть действительность последнего. А значит, поставленный вопрос носит не только теоретический характер, так как он связан с проблематикой ответственности за несоблюдение режима врачебной тайны.

Отсутствие в Проекте постановления указания на включение согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в текст информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство отнюдь не означает невозможность такого действия, так как экспериментальный правовой режим не предполагает неприменение соответствующей нормы ч. 3 ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В то же время этот тезис полностью применим и к положению данной нормы о письменной форме согласия на разглашение сведе-

¹ Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

² URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152042> (дата обращения: 10.04.2025).

ний, составляющих врачебную тайну. Причем обратим внимание на то, что норма ч. 7 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая регламентирует требования к информированному добровольному согласию, содержит положение о невозможности неприменения содержащихся требований к форме этого согласия в отношении участников экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹. Тогда как в отношении согласия на разглашение врачебной тайны закон подобных уточнений не содержит.

Не менее интересным представляется и вопрос о потенциальной возможности пациента в порядке эксперимента предоставлять с использованием электронной графической подписи не только информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, но и иные виды согласий, предусмотренных информационным законодательством. В более широком контексте этот вопрос затрагивает проблематику квалификации данных пациента, предоставляемых им в медицинскую организацию. В рамках обращения гражданина за медицинской помощью он предоставляет некоторые сведения, позволяющие его идентифицировать, т.е. персональные данные, причем нескольких категорий. Помимо общих персональных данных (ФИО, данные страхового полиса и тд) медицинские организации обрабатывают сведения, касающиеся состояния его здоровья. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»² (далее – Закон о персональных данных) в ст. 10 определяет информацию о состоянии здоровья в качестве специальной категории персональных данных, что обуславливает необходимость медицинской организации получать согласие на обработку таких данных. Обращает на себя внимание специальное требование закона к форме согласия на обработку персональных данных о состоянии здоровья (по общему правилу форма согласия законом не регламентирована), что обусловлено повышенной важностью таких сведений. В то же время на практике давно сложилась ситуация допустимости включения согласия на обработку персональных данных в текст другого документа (например, согласие может являться приложением к договору об оказании медицинских услуг). Так как закон не содержит требования о составлении такого согласия в форме самостоятельного документа, то не исключено, что оно может быть составной частью другого документа – информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Это в свою очередь означает, что исследуемый проект экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по подписанию данного согласия с использованием электронной графической подписи теоретически может предусматривать и техническую возможность подписания согласия на обработку персональных данных. Хотя с точки зрения норм Закона о персональных данных использование электронной графической подписи не предусмотрено, что на практике может создать правовые споры пациентов и медицинских организаций по этому вопросу.

Помимо рассмотренных категорий данных, обычно предоставляемых пациентом при взаимодействии с медицинской организацией, все чаще бывают ситуации, когда речь идет об обработке биометрических персональных данных гражданина. Так, например, в ходе проведения телемедицинской консультации осуществляется аудио- и видеотрансляция, а также аудио- и видеозапись. Стоит отметить, что на записи медицинского вмешательства можно обособить оцифрованное изображение лица гражданина, а это дает основания полагать, что в рамках видеозаписи медицинского вмешательства осуществляется сбор и дальнейшее распространение биометрических данных пациента. Ведь личность гражданина может быть идентифицирована на основании биометрических сведений в любой момент времени даже независимо от отсутствия цели такого установления на момент осуществления медицинской консультации. Что касается распространения изображения гражданина в рамках трансляции записи медицинского вмешательства, то такое действие медицинской организации квалифицируется в качестве раскрытия биометрических данных пациента. В связи с этим представляется, что медицинской организации необходимо получать от пациента отдельно выраженное письменное согласие пациента, предусмотренное ст. 13 Закона о персональных данных. В таком согласии должно содержаться описание способов, форм, а также целей трансляции информации, содержащей биометрические данные пациента. По аналогии с согласием на обработку общей и специальной категорий персональных данных видится столь же вероятным возможность включения согласия на обработку биометрических данных в состав иного документа – информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство. В таком случае так же встает вопрос о применимости норм экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по подписанию электронной графической подписью информированного добровольного согласия, составной частью которого является согласие на обработку биометрии.

В исследуемом контексте стоит затронуть проблематику применения искусственного интеллекта в целях обработки данных пациента. Так, например, в последние годы в медицинских организациях государственной системы здравоохранения г. Москвы по заказу Департамента здравоохранения г. Москвы внедрена система поддержки принятия решений (СППР) на базе искусственного интеллекта «ТОП-3 – цифровой помощник врача» (подрядчик – ООО «СберМедИИ»). Диагностический ассистент работает следующим образом: врач определяет предварительный диагноз, СППР параллельно анализирует данные пациента и также формирует диагноз. Если он совпадает с мнением врача, сервис информирует, что поддерживает медицинского работника в его решении. Если диагноз отличается от того, который поставил врач, система сигнализирует об этом и предлагает свой вариант. В 2024 году разработанный «Сбером» и Правительством Москвы цифровой помощник помог терапевтам столичных поликлиник поставить 14 млн диагнозов³.

При этом эффективность искусственного интеллекта во многом зависит от объема предоставляемых пациентами персональных данных, многие из которых, как уже отмечалось, являются специальными категориями персональных данных, биометрическими данными [1]. Это позволяет сформировать персонализированный подход к лечению того или иного пациента, но и создает ряд рисков и угроз. В связи с использованием искусственного интеллекта эти вызовы увеличиваются, так как технологии нацелены на обработку большого объема данных и способны

¹ Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5017

² Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.

³ URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/05/22/23068225.shtml?ysclid=m8g5ak7d6m988719115> (дата обращения: 10.04.2025).

связывать их между собой. В связи с чем иногда даже обезличенные персональные данные при грамотной их обработке и недобросовестности операторов могут стать основой для идентификации того или иного субъекта персональных данных. Например, снимки внутренних органов пациента хоть и предполагают в обезличенном виде определение их только по некоторым реквизитам, но сами по себе фактически являются носителями персональных данных, по которым в определенных случаях можно идентифицировать гражданина, о чем уже не раз подчеркивалось в доктрине информационного права [2].

В то же время при применении искусственного интеллекта не всегда заранее можно однозначно определить эффективность использования конкретных персональных данных для того или иного решения. В свою очередь это создает проблему установления всего перечня целей, ради которых осуществляется сбор и обработка данных о пациенте с применением искусственного интеллекта [3]. В этой связи видится необходимость законодательного закрепления требования об обязательном получении согласия пациента, данные которого будут обрабатываться с использованием искусственного интеллекта, на такую обработку с указанием применяемой технологии, целей обработки и возможных ограничений. Применительно к таким ситуациям целесообразно допустить максимально возможные цели обработки на основе технических возможностей искусственного интеллекта, допустить возможность обработки персональных данных пациентов с использованием искусственного интеллекта для отдельных целей в будущем [4]. В то же время таковое согласие пациента, как отмечалось ранее, может быть выражено в составе иного документа, в том числе информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство согласно ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В свою очередь это в известной степени создает вопрос о применении к подписанию согласия на обработку персональных данных с использованием искусственного интеллекта норм исследуемого экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по подписанию информированного добровольного согласия на добровольное медицинское вмешательство с использованием электронной графической подписи.

Таким образом, проектируемый экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по подписанию информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с использованием электронной графической подписи будет способствовать обеспечению оперативного ознакомления и согласования пациентом информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство без дополнительных действий, связанных с взаимодействием пациента или его законного представителя с различными ресурсами/порталами. Кроме того, данная цифровая инновация в целом интенсифицирует развитие электронного документооборота в сфере общественного здравоохранения.

В то же время предпринятый анализ информационного законодательства продемонстрировал некоторые проблемные моменты исследуемого экспериментального правового режима, связанные с оформлением предусмотренных нормами права согласиями пациента. Так установлено, что при взаимодействии с медицинской организацией для передачи ей определенных данных пациент должен предоставить следующие виды согласий:

- согласие на обработку персональных данных (как общей, так и специальной категорий), предусмотренное ст. 9 Закона о персональных данных;
- согласие на обработку биометрических персональных данных (в случае использования изображения гражданина, включающего биометрию, в рамках информационной системы), предусмотренное ст. 11 Закона о персональных данных;
- согласие на распространение персональных данных (в случае предполагаемой передачи сведений для целей, не связанных непосредственно с медицинским вмешательством), предусмотренное ст. 10.1 Закона о персональных данных;
- согласие на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (в случае предполагаемого использования сведений для целей, не связанных непосредственно с оказанием медицинской помощи), предусмотренное ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

Помимо этого, представляется разумным дополнить законодательство требованием о включении в текст согласия на обработку персональных данных пациента уточнения об использовании искусственного интеллекта с обязательным указанием технологий, целей обработки и возможных ограничений.

Установлено, что все описанные виды согласий так или иначе с точки зрения действующего законодательства могут включаться медицинской организацией в текст информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Данное обстоятельство потенциально создает коллизию общего правового регулирования и положений исследуемого экспериментального правового режима, так как в Проекте постановления отсутствует прямое указание на возможность подписания таковых согласий электронной графической подписью. На практике это может служить основанием для возникновения правовых споров при применении запланированной цифровой инновации. В связи с чем представляется необходимым дополнить экспериментальный правовой режим положениями о распространении возможности подписания электронной графической подписью согласий, предусмотренных информационным законодательством Российской Федерации.

Список литературы:

1. Минбалеев А.В., Титова Е.В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21, № S2. С. 154–160.
2. Минбалеев А.В. Особенности правовой природы агентского искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. № 8. С. 75–78.
3. Минбалеев А.В., Титова Е.В. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в спортивной медицине // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № S1. С. 108–114.
4. Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 110–116.

References:

1. Minbaleev A.V., Titova E.V. Digital profile of an athlete: problems of legal regulation and protection. Sport. Medicine. 2021. Vol. 21, No. S2. pp. 154-160. (In Russ.).
2. Minbaleev A.V. Features of the legal nature of agency artificial intelligence // Agrarian and land law. 2025. No. 8. pp. 75-78. (In Russ.).
3. Minbaleev A.V., Titova E.V. Problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in sports medicine // Human. Sport. Medicine. 2024. Vol. 24, No. S1. pp. 108-114. (In Russ.).
4. Minbaleev A.V. The concept and legal nature of a digital human profile // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22. No. 1. p. 110-116. (In Russ.).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ CONTINUITY IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE BASIS OF STATEHOOD

ДЗАНАГОВА Маргарита Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»
362040, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

ХУТИНАЕВА Залина Валерьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного и гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»
362040, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

DZANAGOVA Margarita Konsantinovna,

candidate of legal sciences, associate professor of the Department of constitutional and administrative law,
FGBOU VO «Gorsky State Agrarian University»
37 Kirova str., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia —Alania, 362040.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

KHUTINAEVA Zalina Valeryevna,

senior lecturer at the department of criminal and civil law and procedure, Gorsky State Agrarian University
37 Kirova str., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia —Alania, 362040.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена анализу диалектики преемственности и новаторства в конституционном развитии Российской Федерации на примере Конституции 1993 года. Конституционное развитие рассматривается как непрерывный процесс сохранения накопленного опыта и базовых положений, характерный для всех этапов принятия конституционных актов в России с момента официального введения термина «конституция» в 1918 году. Особое внимание уделяется сравнению ключевых учредительных документов XX века — Конституции РСФСР 1918 года и Конституции РФ 1993 года — как поворотным моментам в политико-правовом развитии государства. В работе подчеркивается, что Конституция РФ 1993 года, вобрав в себя исторический опыт, одновременно внесла существенные новации. К ним относятся: отказ от термина «основной закон», введение института федеральных конституционных законов как «гибкой части» Конституции, разделение процедур внесения изменений, закрепление статуса Конституционного Суда РФ как официального толкователя, а также включение принципов либерально-индивидуалистической концепции, заимствованных из англосаксонской правовой традиции, что создало определенную напряженность с традиционным для России общинным укладом. Несмотря на эти изменения, преемственность проявляется в сохранении конституционно закрепленной единой системы публичной власти.

Abstract. This article is dedicated to analyzing the dialectics of continuity and innovation in the constitutional development of the Russian Federation, using the Constitution of 1993 as a case study. Constitutional development is viewed as a continuous process of preserving accumulated experience and fundamental provisions characteristic of all stages of adopting constitutional acts in Russia since the official introduction of the term "constitution" in 1918. Special attention is paid to comparing the key foundational documents of the 20th century—the Constitution of the RSFSR of 1918 and the Constitution of the RF of 1993—as pivotal moments in the state's political and legal evolution. The paper emphasizes that the Constitution of the RF of 1993, while incorporating historical experience, simultaneously introduced significant innovations. These include: the exclusion of the term "Fundamental Law" (now used in academic literature based on tradition), the introduction of the institution of federal constitutional laws as the "flexible part" of the Constitution, the division of procedures for constitutional amendment, the assignment of the status of official interpreter of the Constitution to the Constitutional Court of the RF, and the incorporation of principles from the liberal-individualistic concept of individual rights, borrowed from the Anglo-Saxon legal tradition. This incorporation has created a certain tension with the traditionally communal structure of Russian society. Nevertheless, continuity is manifested in the preservation of the constitutionally established unified system of public authority.

Ключевые слова: Конституция РФ 1993 года, конституционное развитие, преемственность, учредительный акт, Конституция РСФСР 1918 года, Основной закон, федеральный конституционный закон, толкование Конституции, правовая система России.

Keywords: Constitution of the RF 1993, constitutional development, continuity, foundational act, Constitution of the RSFSR 1918, Fundamental Law, federal constitutional law, constitutional interpretation, legal system of Russia.

Для цитирования: Дзанагова М.К., Хутинаева З.В. Преемственность в конституции РФ как основа государственности // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_203.

For citation: Dzanagova M.K., Khutinaeva Z.V. Continuity in the Constitution of the Russian Federation as the basis of statehood // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 203-205. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_203.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Одной из характеристик/свойств Конституции РФ 1993 года является преемственность. Конституционное развитие предполагает сохранение накопленного опыта и базовых конституционных положений.

Термин «конституция» официально стал использоваться в российском законодательстве с 1918 года. На протяжении XX века в российском государстве принимались конституции как государственного уровня, так и регионального значения. Каждая конституция российского государства была новым этапом развития государства, имела свои особенности, при этом сохранялась преемственность¹. Из всех конституций, принятых в XX веке, особое значение имели Конституция РСФСР 1918 года и Конституция РФ 1993 года, поскольку эти документы носили ярко

¹ Багян Г. А., Черпаков В. В. Преемственность в развитии Конституции Российской Федерации // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). С. 184-186.

выраженный учредительный характер.

Принятие конституции в 1918 и 1993 годах имело большое политико-правовое значение. В 1918 году было закреплено изменение формы правления государства, принципы социалистического государства, статус органов управления, избирательные права граждан.

В 1993 году был задан новый вектор для развития государства, закреплены основополагающие принципы, была закреплена иная экономическая и политико-социальная направленность государства.

Принцип преемственности сохранялся при разработке и принятии каждой конституции (государственного и регионального уровня). В текст конституций включались основополагающие положения из предыдущих документов, при этом в каждом документе совершенствовалась юридическая техника и изменялись подходы к содержанию конституции. Кроме того, каждая конституция в той или иной мере отражает «дух времени» и историческую ситуацию, в которой разрабатывался и принимался документ.

В качестве критериев конституционного развития можно выделить следующие: наименование документа, форма конституции, круг регулируемых вопросов, отражение исторической ситуации на момент принятия конституции¹.

До 1993 года в законодательстве использовались две сходных категории «конституция» и «основной закон». Изначально данные термины не рассматривались в качестве синонимов [3, с. 30]. В вводной части Конституции РСФСР 1918 года было сказано, что «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа вместе с Конституцией Советской Республики составляют единый основной закон РСФСР». Таким образом, основной закон государства включал два документа: Конституцию РСФСР 1918 года и Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа 1918 года (далее декларация). Фактически декларация была включена в текст конституции в качестве первого раздела. В конституциях СССР 1924 года, 1936 года, 1977 года понятие «конституция» и понятие «основной закон» используются как синонимы. В названии документа использовались оба названия: «Конституция (основной закон) СССР». С 1993 года термин «основной закон» официально не употребляется в нормативно-правовых актах и используется в научной или учебной литературе для характеристики конституции.

Включение в конституцию ранее принятых (либо подписанных) документов применялось не только в 1918 году, но и в Конституции (основном законе) СССР 1924 года. Конституция СССР 1924 года состояла из двух разделов: декларации об образовании СССР и договора об образовании СССР. Эти документы были включены в текст конституции в изменённом виде. В отличие от Конституции РСФСР 1918 года, права человека не были отражены в тексте Конституции СССР 1924 года. Конституции союзных республик преимущественно регулировали вопросы организации управления и полномочия органов власти. Так, в Конституции (основном законе) РСФСР 1925 года из 89 статей 65 статей было посвящено организации власти, государственной символике и бюджетным отношениям. Отдельные права и обязанности личности были включены в главу «Общие положения» (право на проведение митингов, бесплатное образование, обязанность трудиться...) и главу «О выборах советов» (активное и пассивное избирательное право, ограничения избирательных прав для отдельных категорий). Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа 1918 года исключили из текста союзной конституции и конституций советских республик².

Конституции 1936 года, 1977 года, 1993 года были написаны как самостоятельные нормативно-правовые акты, без включения ранее принятых документов. Для этих конституций характерен системный подход (нет дублирования положений), иная техника и стиль изложения, а также расширение круга вопросов правового регулирования. Начиная с 1936 года в конституциях усиливается правовая составляющая.

К 1936 году сложилась государственная концепция управления государством. В первую очередь это выражалось в закреплении системы управления, которая характеризовалась иерархичностью, комплексным подходом к политико-правовому устройству государства. Единая вертикаль власти просуществовала до середины 80-х годов, некоторые элементы созданной в 1936 году системы управления используются и в настоящее время.

В 1934 году на XVII съезде ВКП(б) было заявлено о победе социализма и завершении переходного периода. Это кардинально повлияло на содержание Конституции (основного закона) СССР 1936 года и на последующие конституции советского государства. В текст Конституции СССР 1936 вошли некоторые положения из предыдущих конституций, при этом Конституция 1936 года имеет много отличий. Конституция из документа политического, наполненного лозунгами, призывами и критикой капиталистических стран, стала нормативно-правовым актом с правовыми положениями. В конституции сохранилась прежняя экономическая и политико-социальная направленность. Впервые в конституции государства появилась специальная глава, посвящённая правовому статусу личности «Основные права и обязанности граждан».

Глава включала принципы, права, обязанности. Права личности были значительно расширены. Изменились подходы к избирательному праву (были исключены ограничения по происхождению и роду деятельности). Были значительно расширены социальные права³. Например, в 1918 году появилось пенсионное обеспечение за особые заслуги, которое охватывало незначительное количество населения, с 1937 года пенсии стали выплачивать всем городским рабочим и служащим, сельское население стало получать пенсии только с 1956 года.

Кроме того, начиная с 1936 года произошла унификация союзной конституции и конституций союзных республик. Конституции советских республик дублировали основные положения из конституции государства, единообразие охватывало все сферы правового регулирования союзных республик⁴.

В Конституции (основном законе) СССР 1977 года впервые было юридически закреплено место конституции в системе нормативно-

¹ Рыбаков В. А. Переходный период в развитии права России: преемственность конституции // Современное право. 2007. № 12. С. 26-28.

² Наумкина В. В. Преемственность в конституции российской Федерации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2023. – № 3(45). – С. 127-131.

³ Дулич Л. М., Вахмистров В. П. Этапы развития Российской Конституции: от Конституции тоталитарного государства к Конституции государства правового // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 5-12.

⁴ Наумкина В. В. Конституционное право России. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2022. С. 56.

правовых актов страны. Согласно статье 173, «Конституция СССР обладает высшей юридической силой. Все законы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией СССР».

Впервые в истории конституционного развития государства появилась правовая связь конституции и остального законодательства. Количество декларативных положений значительно уменьшилось.

Конституция стала рассматриваться как нормативно-правовой акт, а не политический документ. В конституции появился раздел «государство и личность», который наряду с правами и обязанностями регулировал взаимоотношения человека и государства. В основном законе государства был закреплён принцип «осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей». Появились новые конституционные права.

В тексте Конституции РФ 1993 года был учтён весь исторический опыт конституционного развития, кроме того, большое влияние оказали либеральные идеи зарубежных стран¹.

Нововведения в тексте Конституции РФ можно рассматривать с разных сторон. Во-первых, как конституционное развитие государства и изменение роли конституции. Во-вторых, как заимствование чуждых элементов в период идеологического кризиса и развала советского государства, которые не способствовали развитию и укреплению государства.

Если рассматривать появление федеральных конституционных законов с позиции их правовой сущности и содержания, то очевидно, что произошла трансформация сущности конституции. Кроме того, появление федеральных конституционных законов есть ни что иное, как следствие политического кризиса начала 90-х годов. Наличие «гибкой части» конституции позволило в сложный переходный период «доработать» модель государства и реформировать систему управления без изменения конституции. Наличие официального независимого толкования Конституции РФ способствовало укреплению правовой сущности конституции и преодолению политической составляющей.

Заимствованные положения из англосаксонского права сложно органично включить в российскую правовую систему, поскольку исторически для российской правовой системы было характерно наличие характеристик континентальной правовой системы и скандинавского права. Например, норму о самостоятельности местного самоуправления сложно реализовать в условиях российской концепции управления. Поэтому конституционное закрепление единой системы публичной власти и включение в неё в том числе органов местного самоуправления позволило на конституционном уровне закрепить существующую систему управления. Либеральноиндивидуалистический подход привёл к развитию негативного отношения личности к интересам общества и государства. Традиционно для российского общества был характерен общинный уклад, в рамках которого коллективные интересы являются приоритетными. При этом Конституция РФ 1993 года является отражением исторического развития конституционного законодательства. В тексте сохранились положения предыдущих конституций.

Таким образом, несмотря на сохранение преемственности, в качестве отличительных особенностей Конституции РФ 1993 года можно назвать следующие. Во-первых, исключение термина «основной закон» (в настоящее время используется в научной литературе исходя из сложившейся традиции). Во-вторых, исключение из текста положений о государственных символах (содержится отсылка на федеральный конституционный закон).

В-третьих, в действующей конституции была закреплена новая для России разновидность нормативно-правовых актов - федеральный конституционный закон. Данный нормативно-правовой акт имеет свои особенности, которые позволяют отнести его к гибкой части конституции. Федеральные конституционные законы регулируют вопросы, которые традиционно относились к сфере конституции. В-четвёртых, разделение изменения конституции на две процедуры. Впервые в текст конституции государства были включены процессуальные нормы. Кроме того, к нововведениям относится наделение Конституционного Суда РФ статусом официального толкователя Конституции РФ. Официальное толкование и регламентация порядка изменения конституции должны обеспечить устойчивость конституции. В-пятых, закрепление элементов либеральноиндивидуалистической концепции прав личности и включение в текст конституции положений из англосаксонского права.

Список литературы:

1. Баган Г. А., Черпаков В. В. Преемственность в развитии Конституции Российской Федерации // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). С. 184-186.
2. Рыбаков В. А. Переходный период в развитии права России: преемственность конституции // Современное право. 2007. № 12. С. 26-28.
3. Наумкина В. В. Преемственность в конституции Российской Федерации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2023. – № 3(45). – С. 127-131.
4. Дулич Л. М., Вахмистров В. П. Этапы развития Российской Конституции: от Конституции тоталитарного государства к Конституции государства правового // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 5-12.
5. Наумкина В. В. Конституционное право России. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Юнити-Дана», 2022.
6. Трашкова С. М. Эффективность в конституционном праве // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы III Международной (заочной) научно-практической конференции. Красноярск. 25-26 марта 2010 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2010. С. 256-259.

References

1. Bagyan G. A., Cherpakov V. V. Continuity in the development of the Constitution of the Russian Federation // Economics and society. 2018. No. 12 (55). pp. 184-186.
2. Rybakov V. A. The transitional period in the development of Russian law: the continuity of the Constitution // Modern Law. 2007. No. 12. pp. 26-28.
3. Naumkina V. V. Continuity in the Constitution of the Russian Federation // Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University. – 2023. – № 3(45). – Pp. 127-131.
4. Dulich L. M., Vakhmistrov V. P. Stages of the development of the Russian Constitution: from the Constitution of a totalitarian state to the Constitution of a legal state // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2020. No. 3 (48). pp. 5-12.
5. Naumkina V. V. Constitutional law of Russia. Moscow: Limited Liability Company Publishing House Unity-Dana, 2022.
6. Trashkova S. M. Efficiency in constitutional law // Innovative trends in the development of Russian science: Proceedings of the III International (correspondence) scientific and practical Conference. Krasnoyarsk. March 25-26, 2010. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2010. pp. 256-259.

¹ Трашкова С. М. Эффективность в конституционном праве // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы III Международной (заочной) научно-практической конференции. Красноярск. 25-26 марта 2010 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2010. С. 256-259.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_206

УДК 340.13:343.92

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОМПЛАЕНС КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 19.28 КОАП РФ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE AS A CONDITION FOR THE RELEASE OF ORGANIZATIONS FROM LIABILITY UNDER ARTICLE 19.28 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY, PRACTICE AND PROSPECTS

КЛИМОВА Юлия Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
e-mail: yu.n2011@yandex.ru

КОЛЬЦОВ Александр Вадимович,

магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
e-mail: kav.murom@mail.ru

KLIMOVA Julia Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
Candidate of Law, Associate Professor
e-mail: yu.n2011@yandex.ru

KOLTISOV Alexander Vadimovich,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: kav.murom@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу статьи 19.28 КоАП, устанавливающей ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение от их имени. Особое внимание уделяется роли антикоррупционного комплаенса, его формальным и содержательным аспектам, а также критериям достаточности мер, принимаемых организациями для предотвращения коррупционных правонарушений. На основе анализа судебной практики и научных исследований выделяются качественные и количественные показатели эффективности антикоррупционных программ, а также отмечается необходимость совершенствования законодательного регулирования и внедрения детализированных стандартов комплаенса.

Abstract: The article analyzes Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which establishes liability of legal entities for illegal remuneration on their behalf. It examines the evolution of law enforcement practice, including amendments introduced by Federal Law No. 298-FZ, which for the first time provided for the possibility of exemption from administrative liability under certain conditions. Special attention is given to the role of anti-corruption compliance, its formal and substantive aspects, as well as criteria for the sufficiency of measures taken by organizations to prevent corruption offenses. Based on the analysis of judicial practice and academic research, qualitative and quantitative indicators of the effectiveness of anti-corruption programs are identified, and the need for improving legislative regulation and implementing detailed compliance standards is emphasized.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическое лицо, коррупционные правонарушения, статья 19.28 КоАП РФ, антикоррупционный комплаенс, освобождение от ответственности, судебная практика, внутренний контроль, мониторинг, антикоррупционные меры, рекомендации Минтруда России, Генеральная прокуратура РФ, критерии достаточности мер.

Keywords: administrative liability, legal entity, corruption offenses, Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, anti-corruption compliance, exemption from liability, judicial practice, internal control, monitoring, anti-corruption measures, recommendations of the Ministry of Labor of Russia, Prosecutor General's Office of the Russian Federation, criteria for sufficiency of measures.

Для цитирования: Климова Ю.Н., Кольцов А.В. Антикоррупционный комплаенс как условие освобождения организаций от ответственности по статье 19.28 КоАП РФ: теория, практика и перспективы // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 206-209. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_206.

For citation: Klimova Yu.N., Koltsov A.V. Anti-corruption compliance as a condition for the release of organizations from liability under Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation: theory, practice and prospects // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 206-209. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_206.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Статья 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающая ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, длительное время остается основным правовым инструментом, позволяющим привлекать организации к административной ответственности за коррупционные правонарушения, совершённые в их интересах или от их имени.

Вопросам применения статьи 19.28 КоАП, в том числе, пятого примечания, закрепляющего возможность освобождения юридического лица от ответственности, посвящены исследования, Ю. Б. Аникеев, Н. В. Новоселовой, Е. А. Дмитриковой, К. Ю. Сасыкина, Ф. Н. Багаутдинова, Л. Н. Сморгчовой, М.В. Маматова, Э. Р. Исламовой и др. [2, 3, 6, 8, 10, 12], а отдельным правовым аспектам, связанным с формированием антикоррупционного комплаенса в организации, - Ю. П. Гармаева, Э. А. Иванова, С. А. Маркунцова, В. Н. Агаларян, В. С. Манохина, А. В. Кольцова, Г.А. Есакова [1, 4, 5, 7, 9, 11]. Авторы исследуют проблемы квалификации, основания освобождения от административной ответственности и

вопросы достаточности предпринятых организациями антикоррупционных мер.

Авторы отмечают, у юридических лиц длительное время фактически не существовало механизмов освобождения от административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, что делало возбуждение прокурором административного дела практически равносильным неизбежному привлечению к ответственности. Вплоть до 2018 года вина юридического лица за совершение коррупционного правонарушения в его интересах или от его имени считалась predetermined, без учёта обстоятельств совершения деяния. В результате у организации фактически не было возможности освободиться от административной ответственности. С принятием Федерального закона от 3 августа 2018 года № 298-ФЗ, внесшего изменения в статью 19.28 КоАП, в законодательстве появилось примечание 5, предусматривающее условия и возможность освобождения юридического лица от административной ответственности. По своей сути формулировки в указанном примечании повторяют соответствующее примечание к статье, закрепляющей состав взяточничества в УК РФ, сводя основания для освобождения к случаям вымогательства либо активного содействия выявлению и расследованию правонарушения. Таким образом, законодатель не учитывает тот факт, что на юридическом лице лежат обязанности, связанные с реализацией антикоррупционных мер внутри самой организации, и последняя может предпринять исчерпывающие меры в соответствии с требованиями законодательства. Как видим, норма КоАП нуждается в совершенствовании. Кроме того, исследователи Е. А. Дмитрикова, К. Ю. Сасыкин указывают, что «реабилитирующая категория «юридическое лицо способствовало» применительно к выявлению данного правонарушения, проведению административного расследования и (или) выявлению, раскрытию и расследованию преступления, связанного с данным правонарушением, также изложена некорректно, носит крайне субъективный оценочный характер» [6, 35].

На настоящий момент суды руководствуются позицией Конституционного Суда, отраженной в определении Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2360-О: установление вины юридического лица в совершении административного правонарушения, в том числе определение того, имелась ли у него возможность не допустить факт получения должностным лицом незаконного вознаграждения от его имени, осуществляется в производстве по делу об административном правонарушении (п. 3 ст. 26.1 КоАП РФ). Однако на законодательном уровне четкого, исчерпывающего перечня «достаточных» антикоррупционных мер, при осуществлении которых каждая организация считалась бы выполнившей антикоррупционные требования, не содержится.

Критериями достаточности мер могут на настоящий момент выступать признаки антикоррупционного комплаенса, закрепленные в Методических рекомендациях Минтруда по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, в частности 1) наличие в организации механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности; 2) наличие комплекса антикоррупционных мер защиты организации, в том числе, требований, налагаемым на нее законодательством, иными обязательными для исполнения регулирующими документами. Однако данные рекомендации, как и Рекомендации Генпрокуратуры по исполнению антикоррупционной обязанности, содержащиеся в памятке «Противодействие коррупции», опубликованной на сайте ведомства в сентябре 2022 года, не являются частью федерального законодательства, хотя и разъясняют порядок законной реализации антикоррупционных требований. Исходя из содержания указанных документов, осуществляется квалификация действий юрисдикционными органами.

Имеющееся положение дел юристы Е. А. Дмитрикова, К. Ю. Сасыкин характеризуют как использование «нормы в качестве метода «круговой поруки»» [6, 35]. Примечательно, что фактически на сегодняшний день в практике действует презумпция вины юридического лица по ст. 19.28 КоАП РФ.

Тем не менее, складывающаяся судебная практика свидетельствует о возможности признания достаточности антикоррупционного комплаенса основанием для освобождения от ответственности. Так, в 2014 году Сыктывкарский городской суд Республики Коми вынес решение, согласившись с выводом нижестоящего суда об отсутствии в действиях организации состава правонарушения по ст. 19.28 КоАП РФ. Сделан вывод о том, что организация предприняла все зависящие от нее меры для предотвращения административного правонарушения. В организации закреплены соответствующие запреты, а также сформировано негативное отношение к коррупционным проявлениям и предприняты все возможные меры для предотвращения противоправных действий со стороны работников; при этом не все действия сотрудников могут быть подконтрольны юридическому лицу, и совершение правонарушения работником не должно автоматически влечь ответственность организации.

Проведенный нами контент-анализ решений судов по ст. 19.28 КоАП свидетельствует, что для снижения или неприменения ответственности суды признают достаточным комплекс мер, который отвечает таким, в частности, критериям: 1) принятие организацией всех зависящих от неё возможностей по соблюдению антикоррупционного законодательства; 2) принятие компанией исчерпывающих антикоррупционных мер; 3) исполнение компанией рекомендаций Генпрокуратуры по исполнению антикоррупционной обязанности; 4) наличие системы контроля механизма оперативной реализации антикоррупционных процедур.

Практика также показывает, что наличие антикоррупционных стандартов и соответствующих организационно-структурных единиц, формально закрепленных в локальных актах недостаточно для применения судом нормы об освобождении от ответственности. Это отчасти нивелирует значение антикоррупционного комплаенса, внедряемого в организациях, поскольку его наличие не признаётся самостоятельным основанием для освобождения от ответственности. Иными словами, несмотря на декларируемую государством поддержку развития комплаенс-практик, они пока не получили должного признания ни в материальном, ни в процессуальном праве. [7, 76]

Согласимся с мнением Т. А. Тухватуллина, А. Е. Русецкого «большой ценностью в этой связи для организаций, внедряющих систему управления противодействием коррупцией, могли бы стать разработанные Минтрудом России и опубликованные на сайте ведомства шаблоны типовых локальных нормативных актов.» [13, 46] Существует, таким образом, потребность в разработке подробных руководств и регламентов, определяющих антикоррупционные стандарты организации.

В настоящее время компетентные органы при решении вопроса о том, предприняты ли организацией достаточные антикоррупционные меры проверяется наличие реальной системы их внедрения, контроля и принятия корректирующих действий. В противном случае деятельность организации может быть признана несоответствующей требованиям, о чём свидетельствуют примеры, приведённые в памятке Генеральной прокуратуры.

Так, в одном из федеральных государственных унитарных предприятий был принят «Кодекс этики и служебного поведения работников», предусматривавший обязанность сотрудников информировать работодателя о попытках склонения их к коррупционным правонарушениям. Однако соответствующий порядок уведомления на предприятии не был разработан. Кроме того, Кодекс возлагал на работников, обладающих организационно-распорядительными полномочиями, обязанность предотвращать и урегулировать конфликты интересов, но механизмы реализации этих требований также отсутствовали.

Другой пример касается организации, где были разработаны типовые ситуации конфликта интересов, однако их содержание не соответствовало законодательному определению данного понятия, устанавливало завышенные требования к сотрудникам и гражданам, а также предусматривало ответственность, незакреплённую в законе.

Организациям рекомендуется учитывать позицию прокуратуры, поскольку судебные органы признают достаточными для снижения или неприменения ответственности те антикоррупционные меры, которые отражены в рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ.

Пока на законодательном уровне отсутствует соответствующее четкое регулирование, есть место усмотрению. При этом требования государственных органов становятся источниковой базой для принятия решения, хотя по факту имеют рекомендательный характер. Как верно подметили исследователи Ю. В. Трунцевский, А. К. Есаян «идея «добровольности» программ комплаенса должна квалифицироваться на основании... того, что такие программы часто принимаются в свете принудительных действий и служат частично для смягчения мер принуждения».

При осуществлении внутреннего мониторинга антикоррупционного комплаенса необходимо оценивать не только наличие соответствующих процедур, но и их качество, а также эффективность практического применения.

К качественным критериям оценки эффективности предпринятых организациями мер можно отнести не только наличие и соблюдение антикоррупционных процедур и правил; но и порядка регулярного мониторинга и контроля за выполнением этих процедур; обучения и повышения квалификации персонала в области антикоррупции; меры ответственности и поощрения должностных лиц и работников за антикоррупционное поведение. К количественным показателям можно отнести число охваченных сотрудников в информационных и образовательных мероприятиях, число обращений, проверок, расследований, подтвержденных случаев коррупционного поведения, число привлеченных к дисциплинарной ответственности, число заседаний коллегиальных органов, число принятых мер и т.п.

Организации в юрисдикционных органах могут доказывать, что компания исчерпала все зависящие от неё возможности по соблюдению антикоррупционного законодательства, ссылаясь на следующие аргументы и доказательства: 1) юридическим лицом предприняты все меры, перечисленные в ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции»; 2) соблюдены рекомендации Минтруда и Генеральной прокуратуры РФ [14, 15, 16]; 3) в организации есть система внутреннего контроля, позволяющая своевременно выявлять и предотвращать коррупционные риски; 4) регламентированы вопросы сотрудничества организации с правоохранительными органами и другими организациями в области противодействия коррупции, есть конкретные формы взаимодействия; 5) имеются положительные результаты, например, снижение количества коррупционных правонарушений или улучшение репутации компании на рынке.

Эти аргументы и доказательства помогут организации доказать, что компания действительно исчерпала все зависящие от неё возможности по соблюдению антикоррупционного законодательства.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что, несмотря на законодательно закреплённую возможность освобождения юридических лиц от административной ответственности, существуют реальные проблемы ее применения. Формальное наличие антикоррупционного комплаенса не гарантирует освобождения от ответственности, необходимо наличие реального организационно-управленческого механизма его внедрения и функционирования. Необходимо дальнейшее совершенствование нормы об освобождении от административной ответственности юридических лиц, а также закрепление детализированного перечня мер, которые обязана предпринимать организация, антикоррупционных стандартов и типовых локальных актов.

Список литературы

1. Агаларян В. Н. Правовые основы осуществления антикоррупционного комплаенса в российских организациях // Вестник науки. 2024. №6 (75). С. 486 – 490.
 2. Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №4 (43). С. 213 - 217.
 3. Багаутдинов Ф. Н. Предложение или обещание незаконного вознаграждения в интересах юридического лица (статья 19.28 КоАП РФ) // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 91-101.
 4. Гармаев Ю. П. Антикоррупционный комплаенс: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты // Евразийская адвокатура. 2020. №6 (49). С. 86 – 92.
 5. Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 250 – 276.
 6. Дмитрикова Е. А., Сасыкин К. Ю. «Круговая порука», или проблематика применения статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Наука. Общество. Государство. 2022. №3 (39). С. 33 – 40.
 7. Есаков Г. А. Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности / Г. А. Есаков // Закон. 2021. № 5. С. 76.
 8. Исламова Э. Р. Актуальные вопросы привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ // Криминалист. 2014. № 2 (15). С. 72-77.
 9. Кольцов А. В. Антикоррупционный комплаенс как возможность освобождения от административной ответственности // Диалог. 2025. №1 (31). С. 50 – 52.
- Есаков Г. А. Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности / Г. А. Есаков // Закон. 2021. № 5. С. 74 – 81.

10. Маматов М. В. Актуальные вопросы практики осуществления прокурорами административного преследования по ст. 19.28 КоАП РФ // Таврический научный обозреватель. 2017. № 5 (22). С. 118-125.
11. Манохин В. С. Некоторые аспекты реализации юридического комплаенса на примере антикоррупционной деятельности // Вестник Академии права и управления. 2024. №2 (77). С. 47 – 50.
12. Сморчкова Л. Н. Административно-правовая ответственность организаций как средство противодействия коррупции // Современная наука. 2021. №6. 39 – 42.
13. Тухватуллин Т. А. Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний / Т. А. Тухватуллин, А. Е. Русецкий // Актуальные проблемы российского права. 2023. №5 (150). С. 46.
14. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, утвержденными Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 08.11.2013 / <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0>.
15. Приказ Минтруда России от 28.12.2021 №926 «Об утверждении Рекомендаций по выбору методов оценки уровней профессиональных рисков и по снижению уровней таких рисков» / <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-28122021-n-926-ob-utverzhenii/>.
16. Памятка «Закрепление обязанностей работников организации, связанных с предупреждением коррупции, ответственность и стимулирование» <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817742.8173.pdf>

References

1. Aghalaryan V. N. Legal Foundations of Anti-Corruption Compliance in Russian Organizations. Bulletin of Science. 2024. No. 6 (75). Pp. 486–490.
2. Anikeenko Yu. B., Novoselova N. V. Administrative Liability for Corruption Offenses. Vestnik VSU. Series: Law. 2020. No. 4 (43). Pp. 213–217.
3. Bagautdinov F. N. Proposal or Promise of Illegal Remuneration in the Interest of a Legal Entity (Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). Journal of Russian Law. 2017. No. 12 (252). Pp. 91–101.
4. Garmayev Yu. P. Anti-Corruption Compliance: Forensic and Operational-Search Aspects. Eurasian Advocacy. 2020. No. 6 (49). Pp. 86–92.
5. Garmayev Yu. P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. Interdisciplinary Approach to Building an Anti-Corruption Compliance System in the Russian Federation. Vestnik VSU. Series: Law. 2020. No. 3 (42). Pp. 250–276.
6. Dmitrikova E. A., Sasykin K. Yu. "Mutual Responsibility" or Issues in the Application of Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Science. Society. State. 2022. No. 3 (39). Pp. 33–40.
7. Esakov G.A. Compliance and Prevention of Criminal and Administrative Liability Risks. Zakon. 2021. No. 5. Pp. 74–81.
8. Islamova E.R. Topical Issues of Bringing Legal Entities to Administrative Liability under Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Kriminalist. 2014. No. 2 (15). Pp. 72–77.
9. Koltsov A.V. Anti-Corruption Compliance as a Basis for Exemption from Administrative Liability. Dialogue. 2025. No. 1 (31). Pp. 50–52.
10. Mamatov M.V. Topical Issues of Prosecutors' Administrative Prosecution under Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 5 (22). Pp. 118–125.
11. Manokhin V.S. Some Aspects of Implementing Legal Compliance on the Example of Anti-Corruption Activities. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. No. 2 (77). Pp. 47–50.
12. Smorchkova L.N. Administrative and Legal Liability of Organizations as a Means of Combating Corruption. Modern Science. 2021. No. 6. Pp. 39–42.
13. Tuxvatullin T.A., Rusetsky A.E. Combating Corruption in Organizations: Legal Uncertainty Regarding the Necessary and Sufficient Set of Preventive Measures and Best Anti-Corruption Practices of Russian Companies. Current Problems of Russian Law. 2023. No. 5 (150). Pp. 46.
14. Methodological recommendations on the development and adoption by organizations of measures to prevent and combat corruption, approved by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on 11/08/2013 / <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/anticorruption/015/0>.
15. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 12/28/2021 No. 926 "On Approval of Recommendations on the choice of methods for assessing occupational risk levels and for reducing the levels of such risks" / <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-28122021-n-926-ob-utverzhenii/>.
16. Memo "Consolidation of the duties of the organization's employees related to the prevention of corruption, responsibility and incentives" <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817742.8173.pdf>

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_210

УДК 342

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «СТАТУСА ЛИЧНОСТИ» HISTORICAL AND LEGAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF "PERSONALITY STATUS"

ГРИГОНИС Валериус Пранович

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
кандидат юридических наук, доцент.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

ДУШКИНА Екатерина Владимировна

доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук, доцент.
3-я Красноармейская улица, 3/6, Санкт-Петербург, 190005, Россия.
e-mail: dushkina_2024@inbox.ru

GRIGORIS Valerijus Pranovich

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University
The State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev,
Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: valgrigonis@mail.ru

DUSHKINA Ekaterina Vladimirovna

Associate Professor of the Department of Law at St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
Candidate of Law, Associate Professor.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: dushkina_2024@inbox.ru

Краткая аннотация: В настоящем исследовании рассматривается историко-правовое развитие понятие «статус личности», начиная от первых советских конституций, где правовой статус сначала был дифференцирован по классовому признаку, в последующих советских конституциях распространялся на граждан СССР с определенными оговорками, и лишь в действующей Конституции РФ права и свободы являются высшей ценностью и распространяются на каждого человека. Отмечается, что после внесенных поправок в Конституцию РФ национальное законодательство, в том числе и в области прав и свобод человека и гражданина, верховенствует над международным законодательством в случае противоречия с Российским законодательством

Abstract: This study examines the historical and legal development of the concept of "personal status," starting with the first Soviet constitutions, where the legal status was initially differentiated by class, and extending to citizens of the USSR in subsequent Soviet constitutions. However, in the current Constitution of the Russian Federation, rights and freedoms are considered the highest value and apply to every individual. It is noted that after the amendments to the Constitution of the Russian Federation, national legislation, including in the field of human and civil rights and freedoms, takes precedence over international legislation in cases of conflict with Russian legislation.

Ключевые слова: личность, конституционно-правовой статус, принципы, идеология, международное право, национальное законодательство, права и свободы

Keywords: personality, constitutional and legal status, principles, ideology, international law, national legislation, rights and freedoms

Для цитирования: Григонис В.П., Душкина Е.В. Историко-правовое развитие понятия «статуса личности» // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 210-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_210.

For citation: Grigonis V.P., Dushkina E.V. Historical and legal development of the concept of "personality status" // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 210-213. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_210.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Закрепление основ правового статуса личности в Конституции РФ базируется на принципиально новой концепции прав человека, по сравнению с той, которая получала отражение в предшествующих союзных и российских Конституциях советского периода.

Отказ от постулатов, воплощаемых в прежних Конституциях, переход на новые принципы первоначально был ознаменован принятием Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. «Декларации прав и свобод человека», а затем Верховным Советом Российской Федерации в 1991 г. «Декларации прав и свобод человека и гражданина»¹. Это повлекло за собой полное обновление редакции раздела Конституции РСФСР 1978 г. «Государство и личность» и положило начало приведению конституционного законодательства России в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, отказу в этой сфере от принципов, присущих тоталитарному государству. Конституция РФ 1993 г. закрепляет новые исходные начала утверждающейся в России концепции прав человека и гражданина. Изменения коснулись всех основных ее аспектов.

Декларация прав и свобод человека и гражданина, последующее конституционное законодательство России и новая Конституция РФ ознаменовали отказ от классового подхода в закреплении правового статуса личности. Этот принцип был важнейшим в реализации социалисти-

¹ Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 26 декабря 1991 г., № 52, ст. 1865.

ческой доктрины в советском государстве. Особенно яркое отражение он получил в Конституции (Основном законе) РСФСР 1918 г.¹. Так все провозглашаемые в ней права и свободы закреплялись только за трудящимися, т.е. за рабочими и крестьянами. В отношении остальных слоев общества, причисляемых к эксплуататорским классам, декларировалась лишение их прав, которыми они пользуются и беспощадное подавление. Так, например статья 65 данной Конституции, перечисляла лиц которые не избирают и не могут быть избранными: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов и др. категории граждан².

В последующих Конституциях РСФСР, кроме Конституции РСФСР 1925 года (в которой отсутствовал раздел о правах и свободах) права уже не были дифференцированы по классовому принципу. В этих конституциях уже не предусматривалось лишение прав каких-либо слоев общества по социально-классовым признакам. Вместе с тем, использование прав и свобод в политической области допускалось только «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», затем, «в соответствии с целями коммунистического строительства».

По Конституции РСФСР 1978 г. в начальной редакции даже свобода научного, технического и художественного творчества гарантировалась гражданам в соответствии с «целями коммунистического строительства» (ст. 45). Эти положения Конституции свидетельствовали о том, что за гражданами признавалась возможность реализовать свои права и свободы только в рамках социалистической идеологии. Критика существующего строя являлась преступлением перед государством.

Классово-идеологический подход к правам человека приводил к подавлению личности, нарушению ее свободы, означал принудительное навязывание человеку социалистических ценностей, не признавал элементарного права человека на свободу мысли. На практике это привело к физическому уничтожению огромного числа граждан, объявленных «врагами народа». Классово-идеологический критерий не применим в демократическом, правовом государстве. В действующей Конституции РФ в качестве одной из основ конституционного строя признано идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной. Признается и политическое многообразие. В соответствии с этим Конституция РФ не увязывает права и свободы человека и гражданина с его социальным статусом, приверженностью к тем или иным идеологическим ценностям и политическим взглядам. Конституция признает и защищает право каждого человека не только иметь такие взгляды, но и пропагандировать их, беспрепятственно действовать в соответствии со своими убеждениями, подобные нормы нашли отражение и действующих Конституциях бывших союзных республик, так, например в Конституции республики Беларусь в статье 4, указано, что идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан³.

В основу новой концепции прав человека положен иной подход к субъекту правового статуса личности. Это получило свое выражение, прежде всего, в том, что впервые, на конституционном уровне, признана категория «права человека»⁴.

В социалистической доктрине человек, его права не признавались в правовом, политическом аспектах как значимые категории. Понятие «человек» не выходило за рамки его биологического содержания, заменялось социально-классовыми понятиями «трудящиеся», «эксплуататоры», затем «граждане». Первый шаг к выходу за рамки этих понятий сделала Конституция СССР 1977 г. и соответственно Конституция РСФСР 1978 г., озаглавившие вторые разделы понятием «Государство и личность». Однако в них по-прежнему фиксировались права и свободы граждан.

После принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина Россией понятие «права человека» получило и конституционное признание. Понятие «права человека» и «права гражданина» - близки, но не совпадают по своему содержанию. Они отражают различные аспекты статуса личности. Поэтому Конституция РФ, характеризуя этот статус, применяет оба понятия, фиксируя права и свободы человека и гражданина.

Первое из них подчеркивает неотъемлемость прав человеческой личности как таковой, вытекающих, как отмечается во Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.⁵, из присущих всем членам человеческой семьи достоинства и свободы.

Второе - исходит из незыблемых прав личности как гражданина государства, определяет его права и свободы в качестве такового. В конкретном перечне прав и свобод эти понятия в значительной части совпадают и не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Вместе с тем, они не сливаются, отражая особенности сущностной природы прав и свобод. Эти различия проводятся и в Конституции РФ. Субъекты прав и свобод в различных статьях определяются по-разному. В большинстве статей права и свободы адресуются «каждому», а в некоторых - «гражданину». Последнее относится к тем правам, которые вытекают из принадлежности лица к гражданству данного государства.

Важной чертой современной конституционно закрепленной концепции статуса личности является признание субъектом прав и свобод индивидуально каждого конкретного человека. В социалистической концепции центр тяжести переносился на коллективный субъект. В этом усматривалось преимущество социалистического строя, основанного на принципах коллективизма, перед буржуазным строем. Характерно, что в отличие от предшествующих революций, в ходе которых провозглашались Декларации прав человека и гражданина, становление «социалистического» государства в России ознаменовалось Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

¹<http://www.constitution.garant.ru>. [электронный ресурс] (дата обращения 24.03.2026 г.)

²Там же

³<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. [электронный ресурс] (дата обращения 24.03.2026 г.)

⁴ Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // «Российская газета» от 10 декабря 1998 г.

Справедливо отметить, что принцип коллективности, коллективизма может и должен выступать положительным фактором развития гражданского общества только в том случае, если он не основан на игнорировании индивидуальных прав и свобод каждого человека¹.

По новой концепции прав человека коллективность не трактуется уже как основанная на единомыслии², приверженности одной господствующей идеологии, под ней уже не подразумевается необходимость полного морально-политического единства всех граждан, фактически не достижимого ни в одном демократическом государстве. Люди всегда были, есть и будут разными, а в обществе всегда имеются противоречия³.

Основой коллективности в современных условиях должно явиться объединение усилий всех слоев общества по достижению цели создания в России правового, экономически процветающего государства путем формирования легитимного механизма, способного обеспечить условия для согласования интересов различных социальных групп, устранение противоречий, дестабилизирующих общество.

Еще одной чертой, качественно отличающей новую концепцию прав человека, является отказ от характерного для социалистической теории принципа приоритета государственных интересов над интересами личности. Этот постулат непосредственно вытекал из отмеченных выше исходных позиций, присущих социалистической концепции. Обоснованием такого подхода являлись положения о том, что государство само всеобъемлюще выражает общественные и личные интересы. Вследствие этого, считалось, что у личности, как и общества в целом, не могут быть политические интересы, противоречащие государственным, олицетворяемым в политике КПСС, поскольку «воля партии – это воля народа». Если же такие интересы формировались, то в зависимости от формы их выражения, они либо игнорировались, либо вызвали соответствующую реакцию вплоть до принятия репрессивных мер со стороны государства⁴.

Одним из условий обеспечения приоритета государственных интересов являлось глобальное огосударствление общества, всех общественных формирований⁵, которыми было поголовно охвачено советское общество, никогда не имевшее качества гражданского общества.

Исходными началами действующего конституционного и текущего законодательства является признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. Государство уже не рассматривается как ассоциация, охватывающая все общество, как «самая массовая организация трудящихся». Оно уже несет перед гражданами, отдельным человеком определенные обязанности и ответственность. В Конституции РФ записано, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Признание взаимных прав, обязанностей и ответственности получило законодательное закрепление в законодательстве о гражданстве.

Современное конституционное законодательство стоит на позициях признания основных прав и свобод человека не отчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). В советском государстве теория о прирожденных правах человека отрицалась как буржуазная, основанная на идеалистических, а не материалистических представлениях. Вместе с тем, позиция школы естественного права является общепризнанной. Она отражена во всех международных документах о правах человека. Советская теория исходила из постулата о том, что права граждан предоставляются им социалистическим государством.

В Конституции РФ получил принцип закрепления принцип примата норм международного права, в частности, в области прав человека. В ней закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Устанавливается, что если международным договором России установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В 2020 году после внесения в Конституцию РФ поправок приоритет международного права над национальным законодательством не стал таким безусловным, в результате чего были внесены изменения в пять кодексов, а также в 115 законов. Инициированные Президентом изменения привели действующее законодательство в соответствие с нормами Конституции о недопустимости применения правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Основному закону⁶.

Согласно ст. 17 Конституции в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией.

Действующая Конституция РФ признает, что каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46).

Рассмотренные выше основные черты советской и современной концепции прав человека отражались в конституционном оформлении норм, относящихся к статусу личности. В каждой из конституций оно имело своеобразный характер.

Таким образом, исходными началами действующего конституционного и текущего законодательства является признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. В основу новой концепции прав человека положен иной подход к субъекту правового статуса личности. Это получило свое выражение, прежде всего, в том, что юридически признана категория «права человека». Важной чертой современной конституции-

¹Глуценко П.П. Конституционные права и свободы граждан России: современные проблемы социально-правовой защиты. СПб. 2010. С. 109.

²Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.

³Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.

⁴Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М. 2006. С. 229-230.

⁵Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN; Шеншин, В. М. О взаимодействии государства и гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 72-79. – EDN YWSDQZ.

⁶<http://duma.gov.ru>.. [электронный ресурс] (дата обращения 24.03.2026 г.)

онно закрепленной концепции статуса личности является признание субъектом прав и свобод индивидуально каждого конкретного человека.

Так же с 2020 года после внесения поправок в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина, установленные национальным законодательством, имеют приоритет перед международным законодательством, спустя 27 лет после принятия Конституции РФ.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М. 2006. С. 229-230.
2. Глушченко П.П. Конституционные права и свободы граждан России: современные проблемы социально-правовой защиты. СПб. 2010. С. 109.
3. Кайнов, В. И. Конституционное право : Учебник / В. И. Кайнов, И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : ООО "Эпицентр", 2026. – 284 с. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
4. Назарова, И. С. Актуальные аспекты сущности дефиниции конституционного права / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
5. Строков, С. А. Конституционное право Российской Федерации : Учебное пособие для военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии / С. А. Строков, И. С. Назарова, В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Санкт-Петербург - Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – 160 с. – EDN FMOGLI.
6. Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
7. Шеншин, В. М. О взаимодействии государства и гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 72-79. – EDN YWSDQZ.

References

1. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. M. 2006. pp. 229-230.
2. Glushchenko P.P. Constitutional rights and freedoms of Russian citizens: modern problems of social and legal protection. St. Petersburg. 2010. p. 109.
3. Kainov, V. I. Constitutional law : Textbook / V. I. Kainov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter LLC, 2026. – 284 p. – ISBN 978-5-605-57024-0. – EDN JAWRNO.
4. Nazarova, I. S. Actual aspects of the essence of the definition of constitutional law / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 21-24. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_21. – EDN YHWGFA.
5. Strokov, S. A. Constitutional law of the Russian Federation : A textbook for military personnel and employees of the National Guard troops / S. A. Strokov, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – Saint Petersburg - Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2018. 160 p. – EDN FMOGLI.
6. Shenshin, V. M. Improving the mechanisms of interaction between the state and civil society in ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 6. – pp. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
7. Shenshin, V. M. On the interaction of the state and civil society in the field of public safety / V. M. Shenshin // Bulletin of the Volga Institute of Management. – 2025. – Vol. 25, No. 4. – pp. 72-79. – EDN YWSDQZ.

РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

THE ROLE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AND JUDICIAL CONTROL IN ENSURING LEGALITY IN THE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE POLICE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

ШАРИПОВ Сайфуддин Нуриддинович,
адъюнкт адъюнктуры Омская академия МВД России.

644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, 7.

E-mail: sharif 050502@ mail.ru

SHARIPOV S. N.,

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

7 Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russia.

E-mail: sharif 050502@ mail.ru

Краткая аннотация: административная деятельность милиции (органов внутренних дел) в каждом государстве является ключевым элементом в системе обеспечения общественного порядка и защиты прав граждан. Милиция наделена широким кругом полномочий: от предупреждения правонарушений до непосредственного применения мер принуждения и привлечения граждан к административной ответственности. В этой связи надзор за соблюдением законности становится крайне важным, так как превышение полномочий или незаконные действия сотрудников милиции могут подорвать доверие общества к органам внутренних дел и в целом к государственным институтам. Современное развитие правового государства и укрепление принципа верховенства закона в Республике Таджикистан предполагают создание эффективных механизмов контроля за деятельностью органов публичной власти, в том числе милиции как ключевого субъекта обеспечения общественного порядка и безопасности. Административная деятельность милиции непосредственно затрагивает права, свободы и законные интересы граждан, что обуславливает особую значимость вопросов законности, обоснованности и прозрачности принимаемых ею решений и совершаемых действий. В этих условиях важнейшую роль играют такие институты, как прокурорский надзор и судебный контроль, которые выступают системообразующими гарантиями недопущения произвола, предупреждения нарушений закона и восстановления нарушенных прав. Прокурорский надзор обеспечивает единообразие применения законодательства, выявление и пресечение незаконных актов и действий должностных лиц милиции, тогда как судебный контроль формирует независимый и объективный механизм оценки правомерности административных решений, создавая реальную возможность защиты прав граждан в правовом порядке.

Abstract: The administrative activities of the militia (internal affairs bodies) in every state are a key element in the system of maintaining public order and protecting citizens' rights. The militia is endowed with a wide range of powers, from preventing offenses to directly applying coercive measures and bringing citizens to administrative responsibility. In this context, oversight of legality becomes extremely important, as the abuse of power or illegal actions by militia personnel can undermine public trust in internal affairs agencies and, in general, in state institutions. The modern development of the rule of law and the strengthening of the principle of the supremacy of law in the Republic of Tajikistan imply the creation of effective mechanisms for controlling the activities of public authorities, including the militia as a key entity in ensuring public order and safety. The administrative actions of the militia directly affect the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens, which underscores the particular importance of issues related to the legality, justification, and transparency of the decisions made and actions taken by the militia. In these conditions, institutions such as prosecutorial oversight and judicial control play a pivotal role, serving as structural guarantees against arbitrariness, preventing legal violations, and restoring violated rights. Prosecutorial oversight ensures uniformity in the application of legislation, identifying and halting illegal acts and actions by militia officials, while judicial control establishes an independent and objective mechanism for evaluating the legality of administrative decisions, creating a real opportunity for citizens to protect their rights through legal means.

Ключевые слова: прокурорский надзор, судебный контроль, законность, административная деятельность, милиция Республики Таджикистан, административно-правовые отношения.

Keywords: prosecutorial supervision, judicial control, legality, administrative activities, police of the Republic of Tajikistan, administrative-legal relations.

Для цитирования: Шарипов С.Н. Роль прокурорского надзора и судебного контроля в обеспечении законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 214-218. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_214.

For citation: Sharipov S.N. The role of prosecutorial supervision and judicial control in ensuring legality in the administrative activities of the police of the Republic of Tajikistan // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 214-218. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_214.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Значимость исследования определяется дихотомией правовой природы надзорной и контрольной деятельности в структуре обеспечения законности административной деятельности милиции, что объективно требует концептуального переосмысления методологических основ разграничения полномочий между прокуратурой и судом в процессе обеспечения законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан. Институционально-правовая модернизация правоохранительной системы Республики Таджикистан соответствует общим тенденциям развития административного права на постсоветском пространстве, но имеет свои национальные особенности, что требует научного анализа существующих аспектов конфликта административной деятельности милиции и совершенствования нормативно-правового регулирования механизмов обеспечения ее законности. Теоретико-методологические основы прокурорского надзора и судебного контроля в системе обеспечения законности в рамках административной деятельности милиции Республики Таджикистан предполагают аксиологический и нормативный анализ этого явления. В доктринальном понимании законность - это режим функционирования общественных отношений, при котором деятельность субъектов права соответствует требованиям нормативных правовых актов. В парадигме административно-правовых отношений законность определяет императивную обязанность милиции осуществлять свои полномочия только в рамках правового поля, установленного Конституцией Республики Таджикистан¹, законами и подзаконными актами. Прокурорский надзор согласно Конституционному закону «О прокуратуре Респуб-

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (в ред. от 14.09.2020) // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: <http://www.adlia.tj> > show_doc (дата обращения: 09.02.2026).

ки Таджикистан» является особой формой государственной деятельности, осуществляемой от имени государства специально уполномоченными органами и направленной на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности. Конституция Республики Таджикистан устанавливает, что прокуратура составляет единую централизованную систему, в которой нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим и Генеральному прокурору. Прокуратура осуществляет свои полномочия независимо от других государственных органов, должностных лиц и подотчетна только закону. Конституционный закон Республики Таджикистан «О прокуратуре Республики Таджикистан»¹ конкретизирует конституционные положения о статусе прокуратуры, определяет правовые основы организации и деятельности органов прокуратуры. Согласно статье 1 данного Закона, прокуратура Республики Таджикистан является единым централизованным органом, осуществляющим от имени государства надзор за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, является одним из основных направлений деятельности прокуратуры, закрепленным в статье 5 Конституционного закона «О прокуратуре Республики Таджикистан». Это направление прокурорского надзора непосредственно связано с обеспечением законности.

Конституционный закон «О прокуратуре Республики Таджикистан» в главе 3, статье 24 определяет полномочия прокурора по надзору за исполнением законов, которые полностью распространяются на надзор за законностью в административной деятельности милиции. Специфика прокурорского надзора за административной деятельностью милиции обусловлена особенностями этого вида деятельности, связанными с возможностью ограничения прав и свобод граждан, применением мер административного принуждения. В связи с этим, прокурорский надзор за законностью в административной деятельности милиции приобретает особое значение как гарантия соблюдения конституционных прав и свобод граждан. Закон Республики Таджикистан «О милиции»², в статье 35 устанавливает, что надзор за точным и единообразным исполнением законов в деятельности милиции осуществляется Генеральным прокурором Республики Таджикистан и подчиненными ему прокурорами. Эта норма соответствует положениям Закона Республики Таджикистан «О прокуратуре», закрепляющего обязательный характер исполнения требований прокурора, вытекающих из его полномочий. Прокурорский надзор за законностью в административной деятельности милиции Республики Таджикистан осуществляется территориальными и специализированными прокуратурами. На уровне Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан функционирует управление надзора за исполнением законов в деятельности правоохранительных органов, осуществляющее организационно-методическое руководство деятельностью нижестоящих прокуратур по надзору за законностью в административной деятельности милиции.

М.П. Поляков., А.В. Федулов отметили что прокурорский надзор как отрасль права представляет собой совокупность юридических норм, регулирующих деятельность прокурора по обеспечению верховенства Конституции, соблюдению и исполнению законов, защите прав и свобод граждан, законных интересов личности, общества и государства [1, с. 17].

Анализ практики осуществления прокурорского надзора за законностью в административной деятельности милиции Республики Таджикистан позволяет выявить ряд проблем, снижающих эффективность надзорной деятельности прокуратуры в этой сфере.

С.А. Раджабов подчеркивает конституционно-правовой статус прокуратуры Республики Таджикистан и ее роль в системе обеспечения законности в деятельности правоохранительных органов, в том числе милиции при реализации административных функций [2, с. 8-13]. Прокурор своим постановлением может признать административное задержание незаконным и освободить задержанное лицо; принести протест, если принятое решение не соответствует закону, обратиться в суд с ходатайством о признании такого принятого решения недействительным и в связи с этим внести представления об устранении нарушения закона. Организационно прокурорский надзор за законностью в административной деятельности милиции Республики Таджикистан осуществляется прокуратурами. На уровне Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан действует управление надзора за исполнением законов в деятельности правоохранительных органов, осуществляющее организационно-методическое руководство деятельностью нижестоящих прокуратур по надзору за законностью в административной деятельности милиции.

А.Ю. Винокуров считает, что прокуратура осуществляет надзор за милицией в отношении соблюдения законодательства об ответственности за административные правонарушения и обеспечивает законность и привлечение виновных лиц к административной ответственности. Помимо надзора за административной деятельностью милиции, прокурор также осуществляет надзор за исполнением требований законов в сфере оперативно-розыскной деятельности, дознания, применения мер административного наказания и специальных мер принуждения, которые назначаются местами содержания задержанных и арестованных лиц [3, с. 207]. Он отмечает, что соблюдение прав и свобод человека и гражданина предусмотрено в его законодательстве (в частности, в статье 29 Закона о прокуратуре) в контексте предмета надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной и процессуальной деятельности. Несмотря на наличие конституционных и законодательных основ прокурорского надзора, существует ряд пробелов и противоречий в правовом регулировании надзорной деятельности. В частности, отсутствует четкое определение границ прокурорского надзора за административной деятельностью милиции, не конкретизированы полномочия прокурора при осуществлении надзора за отдельными направлениями административной деятельности милиции (лицензионно-разрешительная система, паспортно-регистрационная система и т.д.). Недостаточное количество штатных единиц работников прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью в деятельности правоохранительных органов; высокая загруженность работников прокуратуры, что препятствует глубокому и всестороннему изучению состояния законности в административной деятельности милиции; недостаточный уровень взаимодействия между различными подразделениями прокуратуры, осуществляющими надзор за различными аспектами деятельности милиции; недостаточное методическое обеспечение надзорной деятельности. Отсутствие

¹ Конституционный Закон Республики Таджикистан «О прокуратуре Республики Таджикистан» № 107 от 25.07.2005 г. URL: http://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 09.02.2026).

² Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции». URL: <https://vkdtj> (дата обращения: 04.02.2026).

единой информационной системы учета нарушений законности в деятельности милиции, ограниченные возможности прокуратуры по доступу к ведомственным информационным ресурсам Министерства внутренних дел Республики Таджикистан затрудняет своевременное выявление нарушений законности и принятие мер прокурорского реагирования. Несмотря на то, что закон предоставляет прокурору широкий круг полномочий для реагирования на выявленные нарушения законности, на практике часто имеют место случаи формального подхода к рассмотрению актов прокурорского реагирования со стороны должностных лиц органов внутренних дел, неполного устранения выявленных нарушений, не привлечения к ответственности виновных лиц. Недостаточна профессиональная подготовка работников прокуратуры по вопросам административного законодательства и административной деятельности милиции. Отсутствие специализации работников прокуратуры по надзору за отдельными направлениями административной деятельности милиции снижает эффективность надзорной деятельности. По данным Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, за период 2021-2024 годов¹, в сфере надзора за законностью административной деятельности милиции внесено более 1200 протестов, из которых 93% удовлетворены, направлено 980 представлений об устранении нарушений закона, по результатам рассмотрения которых более 750 должностных лиц органов внутренних дел привлечены к дисциплинарной ответственности. Анализ прокурорского надзора показывает, что наибольшую долю нарушений составляют нарушения при производстве по делам об административных правонарушениях (28%), что свидетельствует о системных проблемах в порядке составления и ведения дел; также имеют место нарушения при административном задержании (20%), что вместе с лидирующей категорией составляет почти половину всех нарушений; также значительную долю составляют нарушения при осуществлении административного надзора (13%) и при применении мер административного принуждения (12%); менее распространены, но заслуживают внимания, нарушения при осуществлении лицензионно-разрешительной системы (9%), при рассмотрении административных жалоб граждан (8%), при проведении проверочных мероприятий (6%) и при ведении административной статистики и учета (4%).

Из этого следует, что прежде всего необходимо усилить надзор за порядком составления протоколов об административных правонарушениях и проведения административного задержания, а также разработать комплексные меры для повышения правовой грамотности сотрудников милиции, чтобы в дальнейшем не нарушались права и обязанности граждан.

Н.А. Абдуллоев подчеркивает, что прокурорский надзор имеет фундаментальное значение для защиты прав и свобод граждан: прокурорский надзор выступает как важнейшая гарантия соблюдения конституционных прав граждан в административной деятельности милиции; органы прокуратуры являются эффективным инструментом выявления и устранения нарушений прав граждан со стороны сотрудников милиции при осуществлении ими административных полномочий; прокурорский надзор обеспечивает своевременное реагирование на незаконные действия и решения органов милиции, затрагивающие права и законные интересы граждан [4, с. 126-134]. С моей точки зрения, прокурорский надзор следует рассматривать не просто как формальный контрольный механизм, а как эффективный инструмент защиты прав граждан, имеющий превентивное значение. Такой подход соответствует современному пониманию роли прокуратуры в правовом государстве и отражает тенденции развития законодательства Республики Таджикистан. На практике оказывается, что прокурорский надзор является более эффективным механизмом предупреждения нарушений, тогда как судебный контроль - более эффективным механизмом восстановления прав и свобод граждан, так как обладает особой силой судебных актов [5, с. 141-155]. Для административной деятельности милиции важны обе формы контроля, и на практике они взаимосвязаны. Например, результаты прокурорских проверок могут перерасти в доказательства, рассматриваемые в суде, и наоборот, судебные решения могут стать основой для соответствующего представления со стороны прокурора с целью устранения системных недостатков.

Судебный контроль за законностью в административной деятельности милиции является важнейшей гарантией прав и свобод граждан, обеспечения верховенства закона в деятельности органов внутренних дел. Конституционно-правовые основы судебного контроля в Республике Таджикистан устанавливаются положениями Конституции и конституционных законов, определяющих статус судебной власти и порядок ее осуществления. Конституция Республики Таджикистан в статье 19 устанавливает, что каждому гарантируется судебная защита. Каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом. Никто не может быть подвергнут задержанию или аресту без законных оснований. Лицо с момента задержания может пользоваться услугами адвоката. Эти положения являются фундаментальной конституционной основой судебного контроля за законностью деятельности органов государственной власти, в том числе милиции. Статья 84 Конституции Республики Таджикистан закрепляет, что судебная власть независима и осуществляется от имени государства судьями. Судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость. Это положение определяет сущность и предназначение судебной власти, в том числе при осуществлении контроля за законностью в административной деятельности милиции. Конституционный закон Республики Таджикистан «О судах Республики Таджикистан» конкретизирует конституционные положения о статусе судебной власти, определяет систему судов, порядок их организации и деятельности. Согласно статье 3 этого закона, суд в Республике Таджикистан призван защищать права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость, провозглашенные Конституцией Республики Таджикистан и другими законами Республики Таджикистан, а также признанными Республикой Таджикистан международными правовыми актами. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия.

Х.М. Гафуров считает, что формирование единообразной судебной практики имеет важное значение, поскольку обеспечивает правовую определенность, предсказуемость судебных решений и равенство граждан перед законом. В этих целях разрабатываются рекомендации по совершенствованию судебной практики контроля за административной деятельностью милиции в Республике Таджикистан [6, с. 25- 30].

¹ Пресс-конференция Генерального прокурора Республики Таджикистан представителями СМИ: Электронный ресурс: <https://www.prokuratura.tj/ru/news/2599-ofitsiaayavstreha-geeralnogo-prokurora-respubliki-tadjikistan-rakhmon-yu-a-s-generalnym-prokurorom-respubliki-armeniya-gospozhoj-wardapetyan-a-k.html>

Я также хочу подчеркнуть, что единообразие судебной практики действительно является краеугольным камнем справедливого правосудия. Предложенный ею подход к анализу судебного контроля за деятельностью милиции представляется методологически верным, поскольку позволяет не только выявить системные недостатки в данной сфере, но и предложить конкретные меры по их устранению.

Ф.Т. Тохиров систематизировал процессуальные формы судебного контроля за административной деятельностью правоохранительных органов, что способствует совершенствованию механизма судебного надзора за милицией, напрямую коррелирует с общими тенденциями демократизации государственного управления в Таджикистан [7, с.45-53]. Данная взаимосвязь проявляется в постепенном расширении предмета судебного контроля, упрощении процедуры обращения граждан за судебной защитой, усилении процессуальных гарантий для заявителей и повышении эффективности исполнения судебных решений по делам об оспаривании действий и решений сотрудников милиции

Судебный контроль за законностью в административной деятельности милиции осуществляется в различных формах, основными из которых являются: рассмотрение жалоб граждан на действия (бездействие) и решения должностных лиц милиции в порядке административного судопроизводства; рассмотрение дел об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции судов; рассмотрение жалоб на решения по делам об административных правонарушениях, вынесенные должностными лицами милиции. Согласно КоАП РТ¹, «решение по делу об административном правонарушении может быть обжаловано лицами, указанными в настоящем Кодексе, в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в суд по месту рассмотрения дела». При рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении суд проверяет законность и обоснованность вынесенного постановления, правильность квалификации деяния, соблюдение процессуальных требований при производстве по делу, соответствие назначенного административного наказания тяжести совершенного правонарушения и личности правонарушителя. По результатам рассмотрения жалобы суд может принять одно из следующих решений: оставить постановление без изменения, а жалобу без удовлетворения; изменить постановление, если при этом не усиливается административное наказание и не ухудшается положение лица, привлеченного к административной ответственности; отменить постановление и прекратить производство по делу; отменить постановление и направить дело на новое рассмотрение. Важной формой судебного контроля за законностью в административной деятельности милиции является рассмотрение жалоб граждан на применение мер административного принуждения (административное задержание, личный досмотр, изъятие вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством и т.д.). Граждане вправе обжаловать в суд применение к ним мер административного принуждения, если считают, что эти меры применены незаконно или с нарушением установленного порядка. При рассмотрении таких жалоб суд проверяет: наличие законных оснований для применения мер административного принуждения; соблюдение должностными лицами милиции установленного порядка их применения; соразмерность примененных мер характеру и степени общественной опасности правонарушения; соблюдение прав граждан при применении мер административного принуждения. Судебный контроль в свою очередь является формой реализации судебной власти, направленной на проверку законности и обоснованности актов и действий органов публичной власти с целью защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Судебный контроль за административной деятельностью милиции Таджикистана является конституционно определенной формой осуществления судебной власти, направленной на обеспечение законности в деятельности милиции и защиту прав и свобод граждан. Каждый вправе требовать, чтобы его дело было рассмотрено компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом. В рамках административной деятельности милиции судебный контроль осуществляется в двух основных формах: контроль законности нормативных правовых актов, регулирующих административную деятельность милиции; контроль законности действий и решений должностных лиц милиции при осуществлении административной деятельности. Процессуальное регулирование судебного контроля определяется Законом Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30.05.2017 № 1414, который предусматривает возможность оспаривания в судебном порядке нормативных правовых актов, противоречащих нормативным правовым актам, имеющим более высокую юридическую силу.

Для совершенствования прокурорского надзора необходимы: разработка специальных инструкций и стандартов для прокуроров по надзору за административной деятельностью милиции; повышение уровня квалификации работников прокуратуры в области административного законодательства; совершенствование системы взаимодействия между прокуратурой и другими надзорными органами, включая общественные объединения; активизация работы прокуроров по предупреждению административных нарушений со стороны милиции. Для совершенствования судебного контроля необходимо: создание специализированных административных судов; специализация судей по делам об административных правонарушениях; разработка детальных стандартов судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях; упрощение процессуального порядка рассмотрения жалоб на действия милиции; обеспечение прозрачности судебных процессов по административным делам; повышение уровня исполнения судебных решений по административным делам.

Сравнительно-правовой анализ институтов обеспечения законности в административной деятельности милиции (полиции) в странах СНГ выявил: в Российской Федерации с принятием Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и Кодекса административного судопроизводства сформированы полномочия прокурорского надзора и судебного контроля; в Республике Казахстан реформа административной юстиции привела к принятию Административного процедурно-процессуального кодекса, который ввел институт административной юстиции, создал специализированные административные суды, уполномоченные рассматривать публично-правовые споры; в Республике Беларусь сохранен общенадзорный характер деятельности прокуратуры, а судебный контроль за административной деятельностью милиции осуществляется в рамках гражданского судопроизводства; в Республике Узбекистан создан институт административных судов, уполномоченных рассматривать споры, вытекающие из публично-правовых отношений, при сохранении надзорных полномочий прокуратуры. Анализ зарубежного опыта свидетельствует

¹ Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455. URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 20.02.2026).

о целесообразности имплементации в правовую систему Республики Таджикистан элементов модели, предусматривающей четкое разграничение полномочий прокуратуры и суда с установлением приоритета судебного контроля в вопросах защиты прав граждан и юридических лиц от незаконных действий и решений должностных лиц милиции. Сравнительный анализ законодательства стран СНГ позволяет утверждать, что прокурорский надзор за административной деятельностью милиции сохранил общенадзорный характер, что существенно расширяет возможности прокурорского реагирования на нарушения законности в административной деятельности милиции. Анализ практики осуществления судебного контроля за законностью в административной деятельности милиции Республики Таджикистан позволяет выявить ряд проблем, снижающих эффективность данного института. Первая группа проблем связана с несовершенством нормативно-правового регулирования судебного контроля, к таким проблемам относятся: отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе Республики Таджикистан специальной главы, регулирующей особенности производства по административным делам; неурегулированность ряда процессуальных вопросов, связанных с рассмотрением жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц милиции (сроки рассмотрения жалоб, особенности доказывания, исполнение решений суда); отсутствие четкого разграничения компетенции между судами и вышестоящими административными органами при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц милиции. Вторая группа проблем носит организационный характер: недостаточная специализация судей по рассмотрению административных дел; высокая нагрузка на судей, что препятствует глубокому и всестороннему рассмотрению дел, связанных с оспариванием действий (бездействия) и решений должностных лиц милиции; недостаточное материально-техническое и информационное обеспечение судов; отсутствие эффективной системы исполнения судебных решений по делам, связанным с оспариванием действий (бездействия) и решений должностных лиц милиции.

Исследование методологически обоснованно рассматривает анализ механизмов взаимодополняющего обеспечения законности – прокурорского надзора и судебного контроля и изучает их как ключевые элементы системы сдержек и противовесов в сфере правоохранительной деятельности Таджикистана. Научная ценность работы определяется комплексным исследованием теоретико-правовых основ законности в сфере административной деятельности милиции, выявлением особенностей деятельности прокурорского надзора и судебного контроля в условиях правовой системы Республики Таджикистан. Заслуживает внимания проведенный статистический анализ, который выявил результаты прокурорского надзора и судебного контроля за 2019-2024 годы и позволил определить важные тенденции: рост числа прокурорских проверок до 2023 года с последующим снижением в 2024 году; увеличение процента удовлетворения жалоб судами на действия милиции с 32% в 2019 году до 45% в 2024 году. Эти показатели свидетельствуют о динамичном развитии надзорных и контрольных институтов, повышении их эффективности в защите прав граждан. Особый научный интерес представляет сравнительно-правовой анализ моделей прокурорского надзора и судебного контроля в странах СНГ, что позволило выделить особенности таджикской национальной модели в контексте постсоветского правового пространства. Исследование показало, что правильно определены концептуальные проблемы разграничения полномочий прокурорского надзора и судебного контроля, включая нормативную неопределенность критериев разграничения надзорных и контрольных функций, проблемы конкуренции юрисдикций, отсутствие установленного порядка взаимодействия прокуратуры и суда. Обоснованным представляется вывод, что прокурорский надзор является более эффективным механизмом предупреждения правонарушений, в то время как судебный контроль обладает большим потенциалом в восстановлении нарушенных прав граждан. Важно подчеркнуть, что исследование показало глубокую проработку вопросов различия процессуального порядка осуществления прокурорского надзора и судебного контроля. Если прокурорский надзор носит инициативный и оперативный характер, то судебный контроль характеризуется строгой процессуальной формой и гласностью, что обеспечивает объективное и всестороннее рассмотрение дел. В ходе исследования выяснилось, что существует необходимость совершенствования правового регулирования в сфере разграничения полномочий прокуратуры и суда, что будет способствовать повышению эффективности контрольно-надзорной деятельности и, как следствие, укреплению законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан. Следует подчеркнуть, что выявленные в исследовании проблемы свидетельствуют о необходимости разработки концепции единого контрольно-надзорного механизма, в котором прокурорский надзор и судебный контроль будут взаимодополняющими элементами, обеспечивающими комплексную защиту прав граждан и общества в целом. Исследование опирается на современную нормативную базу, включая Конституцию Республики Таджикистан, Конституционный закон «О прокуратуре Республики Таджикистан», Закон «О милиции», Кодекс об административных правонарушениях. Структура исследования логична и последовательна, что позволяет автору всесторонне раскрыть избранную тему, двигаясь от общетеоретических положений к конкретным практическим аспектам функционирования механизмов обеспечения законности. Следует отметить, что исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан.

Список литературы:

1. М. П. Поляков, А. В. Федулов. Прокурорский надзор: краткий курс лекций – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012- 172с.
2. С.А. Раджабов Становление и развитие органов прокуратуры и их роль в обеспечении законности в Республике Таджикистан. Монография. Душанбе- 2015. 264. С.
3. А.Ю. Винокуров Прокурорский надзор за исполнением законов полицией: предмет и пределы осуществления / А.Ю. Винокуров // Полицейская деятельность. – 2013. - № 3.
4. Абдуллоев Н.А. Конституционно-правовые основы прокурорского надзора в Республике Таджикистан // Правовая жизнь. - Душанбе, 2019. - №2.
5. Рахимов, Р. Х. Прокурорский надзор и оперативно-розыскная политика в Республике Таджикистан / Р. Х. Рахимов // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1.
6. Гафуров Х.М. Судебная система Республики Таджикистан: современное состояние и перспективы развития. Монография. Душанбе: Ирфон, 2018. –245
7. Тохилов Ф.Т. Становление и развитие института судебного контроля Республики Таджикистан // Правовая жизнь. – Душанбе, 2019. - №1.

References:

1. M.P. Polyakov, A.V. Fedulov. Prosecutorial supervision: a short course of lectures. 5th ed., revised And add. M.: Yurayty Publishing House; Yurayt Publishing House, 2012- 172s.
2. S.A. Radzhabov The formation and development of the Prosecutor's office and their role in ensuring the rule of law in the Republic of Tajikistan. The monograph. Dushanbe- 2015. 264. C
3. Vinokurov A.Y. Prosecutorial supervision of the enforcement of laws by the police: the subject and limits of implementation / Vinokurov A.Y. // Police activity. – 2013. N 3.
4. Abdulloev N.A. Constitutional and legal bases of prosecutorial supervision in the Republic of Tajikistan // Legal life. - Dushanbe, 2019. - No. 2.
5. Rakhimov R.K. Prosecutorial Supervision and Operational-Investigative Policy in the Republic of Tajikistan / R.K. Rakhimov // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 1.
6. Gafurov H.M. The judicial system of the Republic of Tajikistan: current state and development prospects. The monograph. Dushanbe: Irfon, 2018. -245 P.
7. Tohirov F.T. Formation and development of the Institute of judicial control of the Republic of Tajikistan // Legal life. – Dushanbe, 2019. - No. 1.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING RUSSIA'S CRIMINAL ENVIRONMENTAL POLICY THROUGH THE PRISM OF ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович

Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
кандидат военных наук, доцент.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.

E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich

Head of the Department of Ecology and Life Safety

St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Military Sciences, Associate Professor.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

Краткая аннотация: Автор отмечает, что рассматриваемый институт представляет собой одно из наиболее важных для российского государства направлений развития, что подтверждают самые различные факторы (начиная от нарастающих угроз экологической безопасности, до реального положения уровня нормативного регулирования данной сферы). Анализ норм, содержащихся в главе 26 УК РФ показал наличие широкого перечня статей, регулирующих вопросы экологических преступлений и ответственности за них, но, необходимо отметить, что такое нормативное многообразие вовсе не говорит о высокой степени эффективности практического применения и функционирования уголовно-правовой охраны данного направления.

Abstract: The author notes that the institution in question is one of the most important areas of development for the Russian state, which is confirmed by a variety of factors (ranging from increasing threats to environmental safety to the actual state of the level of regulatory regulation in this area). An analysis of the norms contained in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown the existence of a wide list of articles regulating environmental crimes and responsibility for them, but it should be noted that such a regulatory diversity does not at all indicate a high degree of effectiveness in the practical application and functioning of criminal law protection in this area.

Ключевые слова: экологическая безопасность; охрана окружающей среды; уголовно-экологическая политика; уголовный закон.

Keywords: environmentalsafety; environmentalprotection; criminalenvironmentalpolicy; criminallaw.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Проблемы осуществления уголовно-экологической политики России через призму обеспечения экологической безопасности // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_219.

For citation: Pyanusev A.V. Problems of implementing Russia's criminal environmental policy through the prism of ensuring environmental safety // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_219.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Анализ института уголовно-экологической политики России показывает наличие ряда проблемных аспектов. Автору видится целесообразным выделить следующие проблемные сферы функционирования и обеспечения уголовно-экологической политики на современном этапе существования.

Первое, на что необходимо обратить внимание – это непосредственно сама экологическая ситуация в России (и мире). Проблемы экологии приняли глобальные масштабы, что заставляет государства улучшать свою экологию-правовую политику, а также объединиться мировое сообщество XXI века, с целью недопущения экологической катастрофы¹.

Экологический кризис, затронувший большую часть планеты, затронул и Россию, а это ставит под угрозу возможность устойчивого развития страны, тем более что существует ряд факторов, негативно влияющих на качественные характеристики окружающей среды, необходимые для полноценной и здоровой жизни всех существ на Земле.

Помимо планетарных факторов, проявляющихся в подавляющем большинстве стран, таких, как: изменение климата и связанное с этим увеличение числа стихийных бедствий, уменьшение природных ресурсов с одновременной тенденцией к увеличению их потребления и др.², на состояние окружающей среды в России серьезно влияют и внутренние факторы:

- традиционная для России ориентация национальной экономики на ресурсо-добывающие отрасли;
- недостаточная эффективность организационно-управленческих (в том числе контрольно-надзорных) функций государства в области охраны окружающей среды и, в целом, неразвитость правовых механизмов использования природных ресурсы и охрана природы (несмотря на существование ЛК РФ, ВК РФ и других кодексов, направленных на регулирование отношений в области взаимодействия с окружающей средой);
- следует добавить и низкий уровень экологической культуры населения, воспитанного в духе антропоцентрической концепции «человек – царь природы» и др.

В настоящее время совокупное действие вышеперечисленных факторов привело к тому, что значительная часть промышленно разви-

¹ Углич М.С. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №9 (49). С.261.

² Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.

той и густонаселенной территории Российской Федерации признана в официальных источниках экологически неблагоприятной. Данные всероссийского экологического мониторинга показывают, что почти 20% городского населения страны живет в условиях высокого и очень высокого загрязнения воздуха¹. В некоторых промышленных зонах концентрация вредных веществ в атмосфере в несколько раз превышает предельно допустимые нормы².

Следует отметить, что уже к 2017 году накопилось более 30 миллиардов тонн промышленных и бытовых отходов, многие из которых не вовлечены во вторичный хозяйственный оборот (т.е. не переработаны). Каждый год к ним добавляется в среднем 4 миллиарда тонн отходов. Существующие реалии привели к тому, что под территориями захоронения (свалками) находится 4 миллиона гектаров земли, причем земли, которые можно было бы использовать для сельскохозяйственного использования³.

Добавим к этому, что площадь таких территорий постоянно увеличивается, что не может не вызывать большого беспокойства, особенно с учетом тенденции в Российской Федерации к повсеместному ухудшению состояния почвенного покрова (в России более половины общей площади сельскохозяйственных угодий подвержено ветровой и водной эрозии, заболачиванию, засолению и т.д.).

Таким образом, общее состояние окружающей среды в Российской Федерации требует от государства и общества принятия решительных мер, направленных на восстановление естественного баланса природных ресурсов, что является условием устойчивого развития нашей страны в ближайшей и долгосрочной перспективе. Это актуализирует необходимость обеспечения экологической безопасности, текущее состояние которой представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации и является препятствием для реализации ее национальных интересов.

Второе направление, отражающее проблематику уголовно-экологической политики связано с теоретико-правовым аспектом данного института. Следует указать на недостаточный уровень теоретико-правового регулирования как института уголовной политики вообще (и экологической политики и безопасности), так и уголовно-экологической политики, в частности.

Обращаясь к научным воззрениям, многие авторы указывают на важность и необходимость регулирования данной проблемной сферы. Так, например С. Ф. Милоков и Н. И. Кузнецова пишут, что «развитие уголовной политики в целом и уголовно-экологической в частности демонстрирует отсутствие четкой научной концепции и системы ее воплощения, что значительно затрудняет ее реализацию»⁴.

Недостаточность правовой регламентации терминологического аппарата значительно затрудняет реализацию и эффективное функционирование уголовно-экологической политики, поскольку рассматриваемый институт должен базироваться на фундаментально эффективном теоретико-правовом и концептуально-стратегическом аппарате, что невозможно без четкого обозначения и регламентации базовых понятий, принципов и других важнейших аспектов. Об этом в науке некоторое время назад вел речь В.М. Шеншин⁵.

Так, помимо ранее обозначенных нами правовых пробелов в регламентации понятий «экологическая безопасность», «уголовная политика», «уголовно-правовая политика» и др., в качестве проблемного аспекта стоит выделить и отсутствие в УК РФ понятия «экологическое преступление», что затрудняет отнесение совершенных деяний в области природопользования к данной категории преступлений.

Основываясь на разработанных терминах, в особой степени на понятии «экологическая безопасность» (под которой предлагается понимать состояние защищенности природных ресурсов, природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий, обеспечиваемое системой технологических, экономических, правовых, политических и иных мер на территории Российской Федерации), можно предложить следующее определение термина «экологическое преступление» – это общественно опасное, виновное, противоправное, уголовно наказуемое деяние, которое направлено на дестабилизацию экологической безопасности личности, общества и государства⁶.

Третья сфера проблематики отражена в наличии превалирующего пласта «спящих», неприменяемых норм главы 26 УК РФ⁷. Такая ситуация безусловно говорит об острой необходимости модификации уголовно-правового регулирования сферы экологических преступлений и современных модернизационных решениях для совершенствования УК РФ.

Четвертое направление – недостаточный уровень значимости общественной опасности деяний и назначения соответствующего наказания за них. Так, из содержащихся в УК РФ 47 составов экологических преступлений, из которых подавляющее большинство относится к категории небольшой тяжести (24 состава), 15 составов отнесены к преступлениям средней тяжести, 8 – к разряду тяжких⁸. Следовательно, большая часть экологических преступлений относится к категории небольшой тяжести⁹, что вряд ли можно признать оправданным ввиду очевидно высокой степени приносимого вреда от такого рода деяний¹⁰.

¹ Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPRKHN; Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.

² В России поставлен рекорд по загрязнению воздуха за 16 лет. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/17/11/2020/5fb26d119a7947780c13f546> (дата обращения: 24.11.2022 г.).

³ Хлопов, О.А. Глобальные проблемы экологической безопасности и изменения климата в контексте международного сотрудничества // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 53-2. С. 69.

⁴ Милоков С. Ф., Кузнецова Н. И. Современные тенденции развития уголовно-экологической политики // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 44.

⁵ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

⁶ Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.

⁷ Шеншин В.М. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по экологическим преступлениям / В.М. Шеншин // Администратор суда. 2017. № 4. С. 41-45. – EDN ZTHMNT.

⁸ Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL; Шеншин, В. М. К понятию экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.

⁹ Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUECT.

¹⁰ Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYN; Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.

Экологические преступления наносят вред как окружающей среде, здоровью человека, так и национальным интересам страны. При этом, вред, нанесенный экологическими преступлениями в принципе, может нанести непоправимый урон безопасности на всех уровнях, что, в первую очередь, говорит о необходимости особого отношения со стороны законодателя к данному виду противоправных деяний.

Сказанное позволяет высказать позицию о том, что уголовно-экологической политике ввиду высокой степени опасности экологических преступлений было бы целесообразным выявить тенденцию к увеличению штрафов, сделав упор на экономической составляющей (поскольку экологические преступления наносят сильный экономический урон государству).

Пятое направление связано с проблемой нарушения системности построения Особенной части УК РФ. Сегодня негативная тенденция при криминализации экологических преступлений проявляется в том, что законодатель в процессе разработки и принятия изменений и дополнений в УК РФ допускает нарушение системности построения Особенной части.

В частности, в 2014 г. уголовное законодательство дополнено ст. 191.1 «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины». Несмотря на то, что это деяние является предикатным по отношению к преступному деянию, предусмотренному ст. 260 УК «Незаконная рубка лесных насаждений», и причиняет вред прежде всего экологическим отношениям, оно помещено в гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности». Считаем, что уголовная ответственность за незаконное обращение древесины должна предусматриваться в главе 26 УК РФ аналогично ответственности за незаконный оборот особо ценных животных и биологических ресурсов, предусмотренной в ст. 258.1 УК РФ.

Аналогичное нарушение системности Особенной части УК РФ было допущено при включении такого весьма специфического предмета, как «особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их части и производные», в и без того чрезмерно широкий перечень предметов преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК, устанавливающего ответственность за контрабанду. В этом случае также необходима отдельная уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за контрабанду природных ресурсов, помещенная в главу об экологических преступлениях.

Полагаем, что выделение преступлений экологической направленности в самостоятельную главу призвано обеспечить правильное понимание сути подобных деяний, стабилизировать правоприменительную практику по их фактическому «обособлению» от других деликтов, поэтому рассмотренные преступления должны быть размещены в обозначенной главе по видовому признаку.

Последнее направление связано с международным сотрудничеством Российской Федерации с мировым сообществом. Речь идет о внешнем характере эколого-правовой и, в том числе уголовно правовой, политики российского государства. Российская Федерация активно принимает участие в сотрудничестве с другими государствами и международными организациями в сфере обеспечения экологической безопасности, что свидетельствует о высоком культурном и социальном статусе нашего государства. Несмотря на ежегодно растущее количество разработанных международных нормативных документов и конвенций, договорное регулирование отстает от необходимого уровня управляемости. Основополагающая часть заключенных договоров, имеют общий характер, а конвенции, предусматривают принятие мер в области обеспечения экологической безопасности в упрощенном порядке в форме дополнительных протоколов и резолюций. Отметим, что некоторые международные нормативные акты и вовсе не обладают обязательной юридической силой. К тому же отсутствие единого акта создает существенные проблемы в практике и препятствует развитию природоохранных норм всеобъемлющего характера.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, мировому сообществу стоит рассмотреть возможность создания и закрепления универсального международного нормативно-правового акта, например, Всеобщей Декларации по обеспечению экологической безопасности. Предложенное решение, даст возможность в современном мире осуществлять контроль за действиями отдельных государств в борьбе с угрозой экологической безопасности, применять меры воздействия на нарушителей установленных правил, а также исключит разобщенность принципов в данной области.

Анализ уголовно-правовой регламентации исследуемого института показывает низкий уровень содержательности и эффективности норм, необходимых для стабильного функционирования и развития уголовно-экологической политики государства¹. Существует необходимость кардинальной модернизации УК РФ, в части, регулирующей вопросы экологических преступлений, поскольку нормы, содержащиеся в гл. 26 УК РФ в большинстве не актуализированы к применению и требуют реабилитации или устранения.

Имеется потребность пересмотра концепции как вопросов уголовной ответственности за экологические преступления, так и самого их понимания на законодательном уровне. Речь идет о важности движения тенденции увеличения уровня общественной опасности экологических преступлений (с точки зрения законодательной позиции), которая должна проявиться в ужесточении штрафных мер наказания за ряд экологических преступлений, а также в систематизации Особенной части УК РФ в области экологических преступлений и приведение их в соответствие с установленными принципами соответствия меры наказания и уровня общественной опасности совершенного деяния.

¹ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV; Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.

Список литературы

1. Угнич М.С. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №9 (49). С. 261.
2. Хлопов, О.А. Глобальные проблемы экологической безопасности и изменения климата в контексте международного сотрудничества // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 53-2. С. 69.
3. Милиуков С. Ф., Кузнецова Н. И. Современные тенденции развития уголовно-экологической политики // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 44.
4. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
5. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
6. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
7. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUECT.
8. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
9. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.
10. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
11. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.
12. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.
13. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.
14. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.
15. Шеншин, В. М. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по экологическим преступлениям / В. М. Шеншин // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 41-45. – EDN ZTHMHT.
16. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

References:

1. Ugnich M.S. International cooperation in the field of environmental protection // Skif. Questions of student science. 2020. No. 9 (49). p. 261.
2. Khlopov, O.A. Global problems of environmental safety and climate change in the context of international cooperation // Trends in the development of science and education. 2019. No. 53-2. P. 69.
3. Milyukov S. F., Kuznetsova N. I. Modern trends in the development of criminal environmental policy // Science. Society. State. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 44.
4. Shenshin, V. M. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenshin, S. Y. Koryago // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 33-37. – EDN OWQZGY.
5. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. – 2018. – No. 6. – pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
6. Shenshin, V. M. On the regional factor of the implementation of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Legal education and science. – 2018. – No. 6. – pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
7. Shenshin, V. M. Features of the establishment of a fine for environmental crimes / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(77). – Pp. 120-122. – EDN YUUECT.
8. Shenshin, V. M. Social demand of society as a neologism of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). – Pp. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
9. Shenshin, V. M. Towards the concept of criminal environmental policy in Russia / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2018. – No. 3. – pp. 157-164. – EDN XSMIJF.
10. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
11. Shenshin, V. M. Reflection of environmental crime in statistics / V. M. Shenshin // Questions of statistics. – 2017. – No. 11. – pp. 81-87. – EDN YMOYDN.
12. Shenshin, V. M. Features of prevention and suppression of environmental crimes / V. M. Shenshin // Environmental law. – 2017. – No. 4. – pp. 33-37. – EDN ZFANYH.
13. Shenshin, V. M. Criminal environmental policy of Russia: problem statement / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(74). – Pp. 123-127. – EDN ZFLWXX.
14. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(75). – Pp. 98-101. – EDN ZTEKUB.
15. Shenshin, V. M. Participation of the defender in criminal proceedings on environmental crimes / V. M. Shenshin // Court administrator. - 2017. – No. 4. – pp. 41-45. – EDN ZTHMHT.
16. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.

ПРИМЕНЕНИЕ ИИ-СИСТЕМ В РОССИЙСКОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ APPLICATION OF AI SYSTEMS IN RUSSIAN ANIMAL HUSBANDRY

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,

кандидат философских наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: stacheeva53@mail.ru;

ЧУПИНА Ирина Павловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,

старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории ФГБОУ «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 23
E-mail: petrova_in@urgau.ru

ZARUBINA Elena Vasilyevna,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: ethos08@mail.ru

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management
and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

STACHEEVA Lyubov Mikhailovna,

PhD in Economics, Associate Professor of Accounting and Auditing Department, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St., 23
E-mail: stacheeva53@mail.ru;

CHUPINA Irina Pavlovna,

Doctor of Economics, Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

PETROVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University,
23 Turgenev Street, Yekaterinburg
E-mail: petrova_in@urgau.ru

Краткая аннотация. В статье представлен анализ основных направлений применения технологий с искусственным интеллектом в современном российском животноводстве. Авторы использовали такие методы исследования, как анализ литературы и нормативных актов, статистический анализ, экономический анализ, а также экспертный опрос специалистов по животноводству.

Авторы последовательно рассматривают такие основные направления использования ИИ-систем в отечественном растениеводстве, как:

- Применение робототехники и машинного зрения в уходе за сельскохозяйственными животными.
- Мониторинг здоровья и благополучия животных.
- Персонализированное кормление и прогнозирование продуктивности крупного рогатого скота.
- Reproductive management of farm animals.
- Reproductive management of farm animals.

Особое внимание обращается на проблемы и точки роста в каждом направлении внедрения ИИ-систем.

Проведенный авторами анализ позволяет сделать вывод о том, что робототехника и машинное зрение уже доказали экономическую эффективность в российских условиях, однако для перехода от пилотных проектов к отраслевому стандарту необходимы государственная поддержка импортозамещения, стандартизация данных и подготовка специалистов нового профиля. Интеграция технологий ИИ в единую цифровую платформу фермы станет следующим этапом трансформации отечественного животноводства.

Abstract. The article presents an analysis of the main areas of application of artificial intelligence technologies in modern Russian animal husbandry. The authors used research methods such as literature and regulatory analysis, statistical analysis, economic analysis, and expert survey of animal husbandry specialists.

The authors consistently consider such main areas of use of AI systems in domestic crop production as:

- Application of robotics and machine vision in the care of agricultural animals.
- Monitoring of animal health and welfare.
- Personalized feeding and prediction of cattle productivity.
- Reproductive management of farm animals.

- Application of AI systems in genetics and breeding of farm animals.

Special attention is paid to the problems and growth points in each area of AI system implementation.

The analysis conducted by the authors allows us to conclude that robotics and machine vision have already proven to be economically effective in Russian conditions, but in order to move from pilot projects to an industry standard, it is necessary to provide state support for import substitution, standardize data, and train new specialists. The integration of AI technologies into a single digital farm platform will be the next step in the transformation of domestic livestock farming.

Ключевые слова: сельское хозяйство, животноводство, искусственный интеллект (ИИ), ИИ-система, машинное зрение, робототехника, персонализированное кормление, репродуктивное управление, генетика и селекция, цифровая платформа.

Keywords: agriculture, animal husbandry, artificial intelligence (AI), AI system, machine vision, robotics, personalized feeding, reproductive management, genetics and breeding, digital platform.

Для цитирования: Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Стахеева Л. М., Чупина И. П., Петрова Л. Н. Применение ИИ-систем в российском животноводстве // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 223-227. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_223.

For citation: Zarubina E. V., Simachkova N. N., Stakheeva L. M., Chupina I. P., Petrova L. N. Application of AI systems in Russian animal husbandry // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 223-227. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_223.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Современное животноводство Российской Федерации, как и другие отрасли российского сельского хозяйства, сегодня переживает этап цифровой трансформации [8]. Робототехника и системы машинного зрения становятся ключевыми инструментами повышения продуктивности, здоровья, благополучия и качества жизни сельскохозяйственных животных. Все более широкое использование ИИ-технологий формирует основу новой концепции точного животноводства, которая строится на индивидуальном подходе к каждому животному на базе непрерывного мониторинга его физиологических параметров, здоровья и репродуктивных качеств [7].

Дадим анализ основных направлений внедрения ИИ-решений в современное животноводство:

1. Применение робототехники и машинного зрения в уходе за сельскохозяйственными животными.

Центральное место в российских молочных хозяйствах занимают автоматические доильные системы (АДС). Наиболее распространены роботизированные установки европейских производителей — Lely Astronaut, DeLaval VMS и BouMatic MR-S1, которые обеспечивают не только автономное доение, но и интегрированный контроль качества молока в реальном времени [11].

Такие доильные роботы эксплуатируются, например, в крупных молочных комплексах «ЭкоНивы» (Калужская, Воронежская области) и «Мираторга». Однако процесс импортозамещения набирает обороты: в 2024 году российские производители увеличили выпуск доильных установок на 3,6% (до 2 831 шт.), хотя полностью автономные доильные роботы отечественной разработки пока находятся на стадии прототипирования [11]. Компания R-SEPT (резидент «Сколково») разработала многофункционального робота-кормораздатчика на электротяге, способного автономно перемещаться по ферме по заранее заданному маршруту, готовить ТМР-смеси и раздавать корм с точностью дозирования $\pm 2\%$. Аналогичные решения внедряются на пилотных площадках в Татарстане и Краснодарском крае.

Сегодня крупнейшие российские аграрные холдинги, такие как «Русагро», «ЭкоНива», «Мираторг» и ряд других активно внедряют подобные решения, однако зависимость от импортного оборудования остаётся значительным барьером для массового распространения технологии.

2. Мониторинг здоровья и благополучия животных. В этой области внедрение ИИ-систем идет по следующим направлениям:

- Машинное зрение все чаще используется на предприятиях АПК для оценки физиологических параметров сельскохозяйственных животных. Так, АПХ «Зелёная Долина» в Белгородской области реализует пилотный проект по автоматизированной оценке упитанности коров с использованием компьютерного зрения. Система, разработанная совместно с учёными Белгородского государственного университета, анализирует изображения животных, проходящих через доильный зал, и рассчитывает индекс упитанности (BCS) с точностью до 0,25 балла по 5-балльной шкале. Технология заменяет субъективную визуальную оценку зоотехника, снижая трудозатраты на 70% и позволяя ежедневно мониторить состояние всего стада [3, с. 21]. Данные интегрируются с системой «Му-Монитор», отслеживающей активность и температуру животных через датчики на ошейниках.

В РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева разработана энергоэффективная нейросеть для бесконтактного взвешивания КРС. Система обрабатывает видеопоток с камер, установленных в проходах фермы, и рассчитывает массу тела животного с погрешностью не более 3% без использования платформенных весов. Параллельно в академии тестируется алгоритм ранней диагностики хромоты: нейросеть анализирует походку коровы в реальном времени, выявляя патологические паттерны на стадии 1–2 по шкале 1–5, что позволяет начать лечение до появления клинических симптомов и снизить потери молочной продуктивности на 15–20% [5].

- Машинное зрение демонстрирует все более высокую эффективность в диагностике заболеваний сельскохозяйственных животных на ранних стадиях. Так, нейросетевые алгоритмы распознавания походки позволяют выявлять хромоту у крупного рогатого скота на стадии I–II, когда визуальная диагностика специалистом затруднена, что, по мнению специалистов, повышает шансы на успешное лечение до 90 %.

Подчеркнем, что в этой области ведутся активные научные разработки. Например, студенты Иркутского национального исследовательского технического университета (Байкальский институт БРИКС) создают систему MooCare AI для раннего выявления субклинического мастита. Решение комбинирует анализ данных с термокамер (выявление локальных температурных аномалий вымени) и спектральных характеристик молока в реальном времени [9, с. 111]. В 2025 году стартовало тестирование прототипа в хозяйствах Иркутской области. Отдельное направление — мониторинг поведенческих отклонений: алгоритмы машинного зрения фиксируют снижение активности, аномалии в кормлении или питьевом поведении, что служит ранним индикатором заболеваний ЖКТ или респираторных инфекций [9].

Отметим, что в настоящее время российские исследователи разрабатывают системы компьютерного зрения для прогнозирования физиологического состояния молочного стада на основе анализа внешних признаков и поведенческих паттернов [4, с. 37]. Термография в сочетании с ИИ начинает применяться для раннего выявления мастита у коров путём анализа температурных аномалий вымени.

Подчеркнем, что в свиноводстве машинное зрение сегодня применяется для контроля биобезопасности: системы распознавания персонала и транспорта на входе в свинарники минимизируют риски заноса инфекций. Перспективным направлением является мониторинг поведения поросят для своевременного выявления стресса или заболеваний.

3. Персонализированное кормление и прогнозирование продуктивности крупного рогатого скота с применением ИИ-систем.

Персонализированное кормление представляет собой парадигму точного животноводства, при которой рацион каждого животного формируется на основе индивидуальных физиологических параметров, продуктивных показателей и генетических особенностей. Ключевую роль в реализации данной концепции играют элементы искусственного интеллекта: компьютерное зрение для бесконтактной оценки морфометрических признаков, алгоритмы временных рядов для анализа динамики потребления корма, методы оптимизации на основе градиентного спуска для расчёта рационов и ансамблевые модели для прогнозирования продуктивности.

При этом центральным элементом персонализированного кормления является распознавание индивидуальных животных [12]. Так, на молочных комплексах «ЭкоНива» внедрены системы на базе YOLOv5 и свёрточных нейросетей ResNet, позволяющие идентифицировать коров по уникальным узорам на шкуре при проходе через кормушку. Точность идентификации достигает 98,7%, что обеспечивает привязку данных о потреблении корма к конкретной особи. Параллельно применяется оценка упитанности (BCS): алгоритмы на основе архитектуры U-Net анализируют боковые проекции животного и рассчитывают индекс с погрешностью $\pm 0,25$ балла [12]. В АПХ «Зелёная Долина» (Белгородская область) данная система снижает трудозатраты зоотехника на 70% и позволяет корректировать рацион ежедневно, а не раз в 2–4 недели, как при визуальной оценке.

Для мониторинга потребления корма животными используются мультимодальные датчики: тензометрические весы в кормушках фиксируют массу съеденного корма с точностью 50 г, инфракрасные сенсоры отслеживают время пребывания у кормушки, а камеры фиксируют поведенческие паттерны (например, отказ от корма как признак заболевания). Данные поступают в потоковую аналитическую платформу, где алгоритмы изолирующих лесов выявляют аномалии в потреблении в реальном времени [12]. При отклонении от индивидуальной нормы более чем на 15% система генерирует алерт для ветеринара.

Формирование адаптивного рациона сельскохозяйственных животных осуществляется с помощью гибридных моделей. Например, российская платформа «АгроИИ» (разработка Сколково и МСХА) комбинирует линейное программирование и нейросетевые регрессоры для прогноза продуктивности при варьировании состава корма. Модель обучена на датасете из 120 тыс. записей по молочным коровам породы голштинская и чёрно-пёстрая, включающем данные по составу ТМР, лактационной кривой и содержанию компонентов молока [7]. При увеличении доли протеина на 0,5% модель прогнозирует рост удоя на 1,2–1,8 кг/сутки с вероятностью 89%, что позволяет автоматически корректировать дозировку комбикорма через роботизированные кормораздатчики [7].

В свиноводстве, по свидетельству экспертов, также все шире применяются системы динамического кормления. Так, на комплексах «Мираторг» в Белгородской области установлены кормушки SmartFeed с интегрированными камерами и весовыми датчиками. Свёрточная нейросеть распознаёт каждого поросёнка по метке на ухе и рассчитывает оптимальную дозу корма на основе текущей массы (измеряемой через нагрузку на решётку пола) и норм прироста для данной генотипической группы.

Прогнозирование продуктивности крупного рогатого скота реализуется через анализ временных рядов. Для молочного скота используются рекуррентные нейросети (LSTM) и трансформеры, обучающиеся на данных за 300 дней лактации. Важно подчеркнуть, что модель учитывает не только состав рациона, но и микроклимат в помещении, фазу лактации и генетический индекс продуктивности. На пилотной площадке ВИЖ им. Л.К. Эрнста (Московская область) точность прогноза суточного удоя на 7 суток вперёд составляет 94,5% (MAPE = 3,2%) [3, с. 19]. Это позволяет заранее корректировать рацион в преддверии пика лактации или периода сухостоя.

Однако, внедрение ИИ-систем на животноводческих комплексах сталкивается с рядом проблем и ограничений. Ключевыми ограничениями в настоящее время, по мнению экспертов, являются фрагментарность данных в российских хозяйствах и недостаток размеченных датасетов для обучения моделей на отечественных породах. Тем не менее, интеграция ИИ-элементов в системы кормления уже демонстрирует экономический эффект: снижение кормозатрат на 5–12%, рост продуктивности на 7–15% и сокращение выбраковки по причине нарушений обмена веществ на 20–30% [6, с. 76].

4. Использование ИИ в репродуктивном управлении сельскохозяйственными животными.

Репродуктивная эффективность является ключевым экономическим показателем животноводства: снижение сервис-периода на 10 дней повышает годовой удой коровы на 250–300 кг. Искусственный интеллект трансформирует репродуктивный менеджмент, переходя от субъективной визуальной оценки к объективному прогнозированию на основе мультимодальных данных.

Так, на комплексах «ЭкоНива» и «Русагро» применяются системы на базе акселерометров (ошейники или браслеты на путовый сустав), фиксирующие активность животного с частотой 1 Гц. Российский стартап «АгроСенс» (резидент «Сколково») разработал решение на базе компьютерного зрения: камеры, установленные в местах кормления и поения, отслеживают поведенческие маркеры — «прыжок на спину», снижение аппетита, изменение походки [9, с. 113].

Прогнозирование отёла решает проблему перинатальной смертности. В ВИЖ им. Л.К. Эрнста тестируется система на основе датчиков

давления в подстилке и термокамер. Нейросеть LSTM анализирует снижение активности за 24 часа до отёла, изменение позы лёжа (животное чаще принимает позу «на груди») и локальное повышение температуры в области вымени. Прототип предсказывает отёл в окне ± 2 часа с точностью 86%, что позволяет своевременно вызвать ветеринара и снизить потери приплода на 30–40% [5]. Аналогичные разработки ведутся в Казанском аграрном университете для свиноводства: анализ аудиосигналов (визг при приближении опороса) в сочетании с данными о температуре тела позволяет прогнозировать начало родов за 6–12 часов.

Анализ репродуктивного материала выходит на новый уровень благодаря ИИ. Например, в Национальном центре генетических ресурсов животных (п. Дубровицы) внедряется система компьютерного зрения для оценки качества эмбрионов КРС после ЭКО. Алгоритм на базе U-Net сегментирует эмбрион на изображении, выделяя зоны дегенерации и рассчитывая морфологический индекс с точностью, сопоставимой с экспертной оценкой эмбриолога [10, с. 1022].

Подчеркнем, что перспективы использования ИИ для репродуктивного управления сельскохозяйственными животными связаны с гибридными решениями: например, проект «Репродуктивный ИИ» объединяет данные с датчиков, метеостанций и геномных чипов для расчёта индивидуального «репродуктивного окна» с учётом породы, возраста и климатических условий региона. Масштабирование таких решений требует создания отраслевых стандартов данных и программ переподготовки специалистов. Тем не менее, даже точечное внедрение ИИ в репродуктивный менеджмент уже демонстрирует снижение сервис-периода на 12–18 дней и рост выхода приплода на 5–7%, что делает направление стратегически значимым для импортозамещения в животноводстве [10, с. 1015].

5. Применение ИИ-систем в генетике и селекции сельскохозяйственных животных.

Геномная селекция, усиленная методами искусственного интеллекта, трансформирует традиционные подходы к племенной работе, сокращая интергенерационный интервал и повышая точность предсказания генетической ценности животных. Современные ИИ-системы интегрируют геномные, фенотипические и метаболомные данные, формируя мультимодные предиктивные модели [1, с. 37].

Ключевым инструментом остаётся геномная селекция (GS) на основе алгоритмов машинного обучения. В отличие от классической линейной смешанной модели (GBLUP), ансамблевые методы (Random Forest, XGBoost) и глубокие нейросети (1D-CNN) эффективно выявляют эпистатические взаимодействия между локусами, что критично для сложных признаков — например, устойчивости к маститу или метановой продуктивности. В рамках международного проекта 1000 Bull Genomes Project нейросетевые модели повысили точность предсказания генетической ценности по удою на 8–12% по сравнению с традиционными методами [1, с. 45]. Российский Национальный центр генетических ресурсов животных (п. Дубровицы) адаптирует эти подходы для отечественных пород: на датасете из 15 тыс. особей чёрно-пёстрой и симментальской пород обучена модель, предсказывающая индекс молочной продуктивности с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,78$.

Интеграция мультимодных данных открывает путь к предиктивной селекции по сложным признакам. Так, в Казанском аграрном университете реализуется проект по прогнозированию метановых выбросов у КРС: гибридная модель (графовая нейросеть + LSTM) выявила 17 генетических локусов, ассоциированных с низкой метаногенной активностью, что создаёт основу для селекции «низкоуглеродного» скота — актуального направления в контексте климатических особенностей РФ [6, с. 67].

Подчеркнем, что барьеры внедрения ИИ-систем в генетике и селекции сельскохозяйственных животных в российских условиях сложны и многообразны. К таким барьерам относятся, во-первых, дефицит размеченных геномных данных: для западных пород доступны датасеты на сотни тысяч особей (например, 250 тыс. быков в базе CRV, Нидерланды), тогда как для российских пород (красная степная, ярославская) референтные популяции не превышают 2–3 тыс. голов, что не является достаточным для устойчивого обучения глубоких ИИ-моделей. Во-вторых, высокая стоимость генотипирования: анализ 50 тыс. маркеров обходится в 2,5–3 тыс. руб. на голову, что экономически нецелесообразно для большинства хозяйств. В-третьих, существуют юридические ограничения: применение редактирования генома в селекции животных в РФ юридически не урегулировано, что блокирует внедрение передовых решений в этой области.

Перспективы в этой области связаны с созданием национальной геномной платформы животноводства — инициатива, обсуждаемая в рамках программы «Цифровое АПК» Минсельхоза РФ. Консолидация данных по 100 тыс. особей ключевых пород, стандартизация фенотипирования и развитие отечественных алгоритмов интерпретируемого ИИ (например, методов SHAP для объяснения решений модели) позволят сократить зависимость от зарубежных решений. Уже сегодня интеграция ИИ в селекционный процесс демонстрирует рост генетического прогресса на 25–40% по сравнению с традиционными методами, что делает данное направление стратегически значимым для обеспечения продовольственной безопасности и экспортного потенциала российского животноводства.

Несмотря на прогресс, масштабное внедрение ИИ-систем в животноводство нашей страны сдерживается рядом факторов: высокая стоимость оборудования с элементами ИИ и робототехники, зависимость от импортных компонентов (камеры, процессоры), недостаток стандартизированных датасетов для обучения нейросетей на российских породах КРС [2], а также дефицит кадров, способных обслуживать сложные системы. Ключевую роль в преодолении этих барьеров играет инновационный центр «Сколково», поддерживающий агротех-стартапы в рамках программы «GreenTech»: резиденты разрабатывают решения для управления стадом (сервис «Агроинтеллект»), цифровой бонитировки и геномной селекции. Параллельно ФГБНУ «ВИЖ им. Л.К. Эрнста» (Россельхозакадемия) ведёт фундаментальные исследования по интеграции цифровых технологий в зоотехнические процессы [10, с. 1017].

Проведенный авторами анализ позволяет сделать вывод о том, что робототехника и машинное зрение уже доказали экономическую эффективность в российских условиях, однако для перехода от пилотных проектов к отраслевому стандарту необходимы государственная поддержка импортозамещения, стандартизация данных и подготовка специалистов нового профиля. Интеграция этих технологий в единую цифро-

вую платформу фермы станет следующим этапом трансформации отечественного животноводства.

Таким образом, российский АПК демонстрирует переход от точечного внедрения импортных решений к формированию собственной системы агротехнологий с применением ИИ-систем. Успех отечественных разработок для животноводства будет зависеть от межведомственной координации (наука — бизнес — государство), создания открытых данных для обучения ИИ-систем, а также от адаптации решений к реалиям предприятий АПК.

Список литературы:

1. Аспекты внедрения цифровых технологий в сфере аграрного производства: материалы Международной научно-практической конференции ФГБНУ ФНЦ ЛК, г. Тверь, 03 февраля 2022 г. Тверь: ФГБНУ ФНЦ ЛК. 2022. 63 с.
2. Зинчук Г. М., Ефимова М. В. Проблемы внедрения искусственного интеллекта в агропромышленной сфере регионов России. [Электронный ресурс]: <https://1economy.ru/lib/119930>
3. Кирсанов В.В. Направления развития искусственного интеллекта в биомашинных системах для животноводства // *Агроинженерия*. 2025. №27(3). С. 15–22.
4. Кирсанов В.В., Кирсанов С.В. Структура и функционал искусственного интеллекта для управления биомашинной животноводческой фермы // «Техника и технологии в животноводстве». 2023. №2(50). С. 32–39.
5. Козицкий Д. Автоматизация животноводства с помощью ИИ. [Электронный ресурс]: <https://www.agroinvestor.ru/column/denis-kozitskiy/45004-avtomatizatsiya-zhivotnovodstva-s-pomoshchyu-ii/>
6. Коновалов А.С., Кублин И.М. Роботизация агропромышленного комплекса: актуальность, перспективы и проблемы развития // *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского*. 2020. № 2 (76). С. 75–86.
7. Костюк Р., Ковалев Ю., Лобанов Е., Вильматов А. Железный нянь. Как ИИ помогает животноводам [Электронный ресурс]: <https://sber.pro/publication/zheleznyi-nyan-kak-ii-pomogaet-zhivotnovodam/>
8. Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2023 № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463484/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/
9. Семин А.Н., Скворцов Е.А., Шеина Е.Г. Анализ исследований в области применения систем искусственного интеллекта в животноводстве // *Экономика сельского хозяйства России*. 2024. №6. С. 109–115.
10. Скворцов Е.А., Скворцова Е.Г., Санду И.С., Иовлев Г.А. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 1014–1028.
11. Умные системы в животноводстве: применение сенсоров, мониторинга и аналитики для оптимизации условий содержания и ухода за животными. [Электронный ресурс]: <https://e.wcoeu.org/2025/02/umnye-sistemy-v-zhivotnovodstve.html>
12. «Умные» фермы: как искусственный интеллект меняет сельское хозяйство. [Электронный ресурс]: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2023/64802aae9a7947c6121756b7

References:

1. Aspects of the introduction of digital technologies in the field of agricultural production: materials of the International Scientific and Practical Conference of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Research Center for Land Use Planning and Agroecology, Tver, February 3, 2022. Tver: Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Research Center for Land Use Planning and Agroecology. 2022. 63 p.
2. Zinchuk G. M., Efimova M. V. Problems of the introduction of artificial intelligence in the agro-industrial sector of the Russian regions. [Electronic resource]: <https://1economy.ru/lib/119930>
3. Kirsanov V.V. Directions of development of artificial intelligence in biomachine systems for animal husbandry // *Agroengineering*. 2025. № 27(3). Pp. 15–22.
4. Kirsanov V.V., Kirsanov S.V. Structure and functionality of artificial intelligence for control of the biomachine system of a livestock farm // "Equipment and Technologies in Animal Husbandry". 2023. № 2(50). Pp. 32–39.
5. Kozitskiy D. Automation of Animal Husbandry with the Help of AI. [Electronic resource]: <https://www.agroinvestor.ru/column/denis-kozitskiy/45004-avtomatizatsiya-zhivotnovodstva-s-pomoshchyu-ii/>
6. Kononov A.S., Kublin I.M. Robotization of the Agro-Industrial Complex: Relevance, Prospects, and Development Issues // *Issues of Modern Science and Practice. Vernadsky University*. 2020. № 2 (76). Pp. 75–86.
7. Kostyuk R., Kovalev Yu., Lobanov E., Vilmatov A. The Iron Nanny. How AI Helps Livestock Farmers [Electronic resource]: <https://sber.pro/publication/zheleznyi-nyan-kak-ii-pomogaet-zhivotnovodam/>
8. Order of the Government of the Russian Federation No. 3309-r dated November 23, 2023, "On Approval of the Strategic Direction for the Digital Transformation of the Agro-Industrial and Fisheries Complexes of the Russian Federation for the Period up to 2030". [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463484/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/
9. Semin A.N., Skvortsov E.A., Sheina E.G. Analysis of Research in the Field of Application of Artificial Intelligence Systems in Animal Husbandry // *Economy of Agriculture of Russia*. 2024. № 6. Pp. 109–115.
10. Skvortsov E.A., Skvortsova E.G., Sandu I.S., Iovlev G.A. The transition of agriculture to digital, intelligent and robotic technologies // *Economy of the region*. 2018. Vol. 14. Issue 3. Pp. 1014–1028.
11. Smart systems in animal husbandry: application of sensors, monitoring and analytics for optimization of conditions of keeping and care of animals. [Electronic resource]: <https://e.wcoeu.org/2025/02/umnye-sistemy-v-zhivotnovodstve.html>
12. "Smart" farms: how artificial intelligence is changing agriculture. [Electronic resource]: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2023/64802aae9a7947c6121756b7

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

ГАБОЯН Геворк Арменович,

аспирант, преподаватель кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии.

410056, Россия, г. Саратов, улица имени Н.Г. Чернышевского, 104.

e-mail: gevorg.gaboyan@yandex.ru

GABOYAN Gevorg Armenovich

postgraduate student, lecturer, the Department of Land and Environmental Law of Saratov State Law Academy.

104 N.G. Chernyshevsky Street, Saratov, 410056, Russia.

e-mail: gevorg.gaboyan@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правовая природа экологического управления при формировании комфортной городской среды, которая раскрывается через сформированные признаки и также через реализацию практических направлений деятельности органов публичной власти в целях формирования комфортной городской среды. Делается вывод, что экологическое управление при формировании комфортной городской среды предстает не как обособленная «экологическая» функция, а как интегрирующий механизм, без которого комфортность городской среды недостижима.

Abstract: The article examines the legal nature of environmental management in the formation of a comfortable urban environment, which is revealed through the established features and the implementation of practical activities by public authorities in order to create a comfortable urban environment. It is concluded that environmental management in the formation of a comfortable urban environment is not a separate "environmental" function, but an integrating mechanism without which the comfort of the urban environment is unattainable.

Ключевые слова: комфортная городская среда, публичное управление, экологизация, экологический контроль.

Keywords: comfortable urban environment, public administration, environmentalization, environmental control.

Для цитирования: Габоян Г.А. Теоретико-правовые основы экологического управления при формировании комфортной городской среды // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 228-230. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_228.

For citation: Gaboyan G.A. Theoretical and legal foundations of environmental management when creating a comfortable urban environment // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 228-230. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_228.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026

Формирование комфортной городской среды выступает комплексной задачей, выходящей далеко за рамки благоустройства. Её основой является экологическое управление, понимаемое как система скоординированных действий органов государства и общества, направленных на достижение экологического баланса, устойчивости и здоровья городских экосистем. Для его концептуального понимания необходимо проанализировать две взаимосвязанные категории: индивидуальные признаки и признаки-следствия.

Индивидуальные признаки рассматриваются как фундаментальные характеристики самого процесса экологического управления. Они описывают его внутреннюю природу и основные принципы функционирования. Признаки-следствия, в свою очередь, выступают как внешние результаты и проявления, порождаемые действием индивидуальных признаков. Они материализуются в правовых отношениях, формируя непосредственно комфортность среды.

К индивидуальным признакам экологического управления необходимо отнести следующие:

1. Комплексность и системность (город является сложной социо-эколого-экономической системой, в которой осуществляется учет взаимосвязей между атмосферным воздухом, водными ресурсами, почвами, зелеными насаждениями, застройкой, транспортными и энергетическими потоками).
2. Нормативно-целевая ориентация (деятельность основывается на экологических нормативах качества воздуха и водных ресурсов, уровень шума, обеспеченность зелеными пространствами, нормативы образования отходов).
3. Приоритет предосторожности и минимизации экологического риска (управленческие решения должны выбираться с учетом предотвращения потенциально необратимого ущерба для здоровья и экосистем).
4. Ресурсная эффективность (переход к экономике замкнутого цикла в границах города: минимизация потребления ресурсов, повторное использование, переработка, утилизация отходов как вторичных ресурсов).

Признаки-следствия формируют физические и социальные качества городской среды. К ним необходимо отнести следующие:

1. Качество и безопасность компонентов окружающей среды (снижение выбросов от транспорта и промышленности, качественная питьевая вода и восстановленные городские водоемы, рекультивированные почвы, допустимый уровень шума и электромагнитного излучения).
2. Устойчивость территории (развитая, сбалансированная и связанная система озелененных территорий общего пользования, обеспечивающая биологическое разнообразие, температурное регулирование инфильтрацию поверхностных стоков и рекреационный потенциал).
3. Минимальная нагрузка от инфраструктурных систем (внедрение энергоэффективных технологий в ЖКХ, развитие возобновляемых источников энергии, современная и безотходная система водоподготовки и водоотведения, логистика, основанная на приоритете общественного электротранспорта, пешеходной и вело-мобильности).
4. Экологическая культура (формирование ответственного сообщества, участвующего в субботниках, общественном мониторинге, охране зеленых насаждений, принятии решений о благоустройстве).

Теоретическая база начинается с корректного описания самого города как объекта правового регулирования. И.В. Филин, Ю.В. Ганченко и М.И. Тарзанова считают, что «урбанизация выступает устойчивой тенденцией развития, а город как феномен социального устройства требует самостоятельной юридической оптики» [1, с. 23], [2, с. 84]. При этом авторы фиксируют существенный дефект нормативной определённости. В их аргументации подчёркивается отсутствие легального определения понятия города и связанный с этим вывод о том, что город при действующем подходе не становится самостоятельным объектом правового регулирования в прямом смысле. Важно, что в их подходе присутствует не только формальная критика терминологии, но и объяснение причин разрыва между публичными декларациями о качестве среды и юридически проверяемыми обязанностями.

Параллельно в научной литературе присутствует позиция, которая указывает на смысловую неоднозначность самой категории «комфортная городская среда». А.А. Фомин специально отмечает новизну термина и указывает, что понятие комфортной городской среды является относительно новым для публичного управления [3, с. 18]. Этот тезис имеет прямое значение для юридического исследования, поскольку новизна термина обычно сопровождается подменой правового содержания управленческими индикаторами. Возникает ситуация, при которой оценка городской среды начинает строиться преимущественно на показателях, закреплённых методическими документами, тогда как юридическая оценка требует опоры на обязательные требования и на процессуально оформленные процедуры принятия решений. Поэтому теоретические основания экологического управления должны исходить из простого критерия. Любой экологически значимый параметр городской среды приобретает юридическое значение только тогда, когда он выражен в форме обязательного требования либо в форме юридически значимой процедуры, через которую публичная власть должна выявить ограничения, оценить воздействие и обеспечить соблюдение установленного режима.

Следующий теоретический аспект проблемы раскрывается через вопрос участия населения, поскольку городская среда формируется в пространстве публичных интересов и частных потребностей, которые невозможно корректно учесть исключительно в административном порядке. Н.А. Белешев в исследовании взаимодействия населения с органами государственной власти и местного самоуправления показывает, что внимание следует уделять именно формам взаимодействия и их эффективности, а также ставит вопрос о совершенствовании правовой базы для повышения результативности такого взаимодействия [4, с. 65]. В его подходе важно то, что взаимодействие населения с публичной властью рассматривается как практический механизм определения приоритетов и принятия решений. Для исследования экологического управления это означает, что участие населения должно быть описано как юридически значимая часть процедуры формирования решений, затрагивающих среду проживания.

Формирование эффективной публичной власти должно строиться на теоретических и методологических подходах, которые позволяют создать рабочую нормативно-правовую основу. Следует исходить из того, что конституционный строй составляет диалектическое единство общественного и государственного строя, обеспечивающее соблюдение интересов населения, так как органы публичной власти должны их обеспечивать, проявляя заботу о личности, а также обеспечивать соборность интересов общества, используя свой управленческий ресурс. Но для этого необходимо, чтобы конституционная модель, решая вопрос о соотношении интересов гражданского общества, интересов личности и интересов государства, рассматривала их в триединстве с учетом того, что полного совпадения быть не может, есть только совместный потенциал [5, с. 56].

Отдельного внимания заслуживает критика формального, особенно цифрового участия, поскольку она напрямую влияет на качество экологического управления. В работе Л.А. Петелина подчёркивается, что «участие граждан на платформе можно рассматривать как условное, а голосование по благоустройству описывается как выбор среди предложенных вариантов, который не равен выбору действительно необходимых объектов [6, с. 35]. Если участие ограничено выбором из заранее заданного набора, то оно не обеспечивает ни корректной постановки экологически значимых задач, ни общественной верификации результата.

Теоретическое содержание участия населения усиливается через концепцию «права на город». В анализе его правового содержания указывается, что повышение качества городской среды названо в части 1 статьи 64 Градостроительного кодекса Российской Федерации одним из направлений обеспечения сбалансированного и устойчивого развития соответствующих муниципальных образований, при этом содержание понятий «городская среда» и «комфортная городская среда» законодатель не раскрывает, при этом конечной целью комплексного развития территории называет создание благоприятных условий проживания граждан.

А.И. Кожевников и О.Д. Мочалов характеризуют «право на город» как «призыв к формированию социального контракта и связывают его реализацию с активным участием в создании и управлении городскими ресурсами» [7, с. 3]. В рамках такого подхода комфортная городская среда перестаёт быть управленческой целью сама по себе и рассматривается как результат распределения обязанностей и ответственности. Публичная власть принимает на себя обязанность обеспечивать условия благоприятной среды через регулирование, организацию услуг, планирование и контроль. Граждане получают не только право требовать, но и процессуально закреплённую возможность участвовать в формировании решений и контроле их исполнения. В контуре экологического управления этот подход помогает связать участие населения с обязанностью публичной власти обеспечивать предсказуемость и прозрачность экологически значимых решений.

Контроль и надзор составляют самостоятельную функцию экологического управления, поскольку именно они придают обязательным требованиям реальную исполнимость. С.В. Нарутто и М.П. Ряшин подчёркивают, что «муниципальный контроль занимает особое место и охватывает сферы, которые население воспринимает как жизненно важные, включая безопасность, здоровье, благоприятную окружающую среду, благоустройство и качество жизни» [8, с. 123]. Их позиция выводит контроль из представления о нём как о вторичном инструменте.

Как правило, государственный экологический контроль (надзор), осуществляемый в городах, не адаптирован к экологическому состоянию территории и уровню антропогенной нагрузки на окружающую среду, совокупному уровню загрязнений как следствию деятельности всех субъектов хозяйственной и иной деятельности на определенной территории, санитарно-эпидемиологическому состоянию территории, в том числе уровню и характеру заболеваемости населения на определенной территории, и прочим подобным факторам. Деятельность субъектов ма-

лого бизнеса, да и вообще субъектов, оказывающих незначительное воздействие на окружающую среду, не является объектом проверок. При таком подходе законодателя не учтены совокупное негативное воздействие загрязняющих веществ, приоритетные экологические проблемы города, состояния здоровья населения, концентрация на определенной территории города транспортных средств, производственных и иных объектов различных категорий негативного воздействия на окружающую среду, в том числе объектов, оказывающих незначительное воздействие на нее для удовлетворения потребностей населения в продукции, работах и услугах [9, с. 234].

Экологическая политика мегаполисов показывает, что участие и контроль работают результативно только при отказе от имитационных практик. К.В. Ермолаева, М.С. Башева и Е.С. Корунова, анализируя гражданское участие в экологической политике российских мегаполисов, указывают на многообразие форм вовлечения и фиксируют тенденцию симуляции вовлечения заинтересованных групп [10, с. 304]. Правовые и организационные механизмы должны быть выстроены таким образом, чтобы участие имело юридически значимое продолжение; оно должно приводить к корректировке решений, к принятию мер, к усилению контроля и к изменению приоритетов, а не ограничиваться публичной процедурой без правовых последствий.

Связь теоретических положений с фактическими экологическими рисками показывает, что правовая состоятельность решений зависит от способности управления опираться на проверяемые данные о состоянии среды. Так, исследование загрязнения атмосферного воздуха продуктами сгорания топлива на примере квартальных котельных в г. Улан-Удэ демонстрирует значимость локальных источников загрязнения и структурный вклад теплоэнергетики, который оценивается авторами на уровне около 45% по загрязнению от стационарных источников [11, с. 186]. Если городская политика ориентируется на комфорт, то она должна учитывать реальные источники негативного воздействия и обеспечивать механизм принуждения к соблюдению обязательных требований, иначе фактическое состояние среды расходится с управленческими отчётами. Дополнительно методологический тезис о выборе стратегического направления формирования комфортной городской среды, который включает экологические параметры как часть устойчивого развития, позволяет связать экологическое управление с долгосрочными документами и решениями, а не только с единичными мероприятиями.

В результате обобщения рассмотренных научных подходов можно выработать некоторые критерии экологического управления при формировании комфортной городской среды, которые, с одной стороны, остаются в рамках теоретического анализа, а с другой – пригодны для дальнейших практико-ориентированных этапов исследования. Первый критерий связан с правовой определённой, которую затрудняет отсутствие легального понятия «город» и размытость производных категорий, поэтому фактические параметры комфорта должны раскрываться через обязательные требования и процедуры. Второй критерий связан с участием населения, которое в научных работах по преимуществу рассматривается как механизм взаимодействия и определения приоритетов, подверженный риску формализации, если не обеспечивается связь между голосованием и управленческим решением. Третий критерий связан с оценкой контроля как обеспечительного механизма качества среды и качества жизни, а экологическая повестка мегаполисов показывает в разрезе уязвимость участия и контроля при симуляции вовлечения.

Таким образом, экологическое управление при формировании комфортной городской среды предстает не как обособленная «экологическая» функция, а как интегрирующий механизм, без которого комфортность городской среды недостижима. В городском пространстве экологические требования проявляются не как отдельное направление природоохранной политики, а как часть повседневной организации среды проживания, где качество воздуха, шума, зелёных территорий, санитарного состояния, обращения с отходами и технической безопасности объектов прямо влияет на реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду и на допустимость управленческих решений.

Список литературы

1. Филин А.Ю. Город как объект юридической науки: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 22-29.
2. Ганченко Д.Н., Тарзанова Ю.А. Комфортная городская среда: инновация или трансформация термина // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. 2019. № 8. С. 81-85.
3. Фомин А.Н. О проблемах вовлечения населения в решение вопросов развития городской среды // Местное право. 2024. № 6. С. 15-28.
4. Белешев Н.А. Взаимодействие населения с органами государственной власти и местного самоуправления в сфере развития комфортной городской среды // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 64-66.
5. Козлова Н.В. Единая система публичной власти как конституционный механизм эффективного решения задач в интересах населения муниципального образования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Новосибирск, 2023. 263 с.
6. Петелин А.Л. Особенности участия граждан в формировании муниципального заказа // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 31-34.
7. Кожевников О.А., Мочалов А.Н. Право на город и его юридическое содержание // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 4. С. 2-6.
8. Нарутто С.В., Ряшин М.П. Роль муниципального контроля в развитии комфортной городской среды: монография / отв. ред. С.В. Нарутто. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 204 с.
9. Лисина Н.Л. Проблемы правовой охраны окружающей среды в городах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 497.
10. Ермолаева П.О., Башева О.А., Корунова В.О. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 2. С. 301-311.
11. Чудинова О.Н., Чередова Т.В., Бутакова А.А., Беспрозванных А.П. Оценка загрязнения атмосферного воздуха продуктами сгорания угля и мазута на примере квартальных котельных г. Улан-Удэ // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2024. № 2. С. 184-197.

References

1. Filin A.Y. The city as an object of legal science: problems and prospects of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2024. No. 7. pp. 22-29.
2. Ganchenko D.N., Tarzanova Yu.A. Comfortable urban environment: innovation or transformation of the term // Development of theory and practice of management of social and economic systems. 2019. No. 8. pp. 81-85.
3. Fomin A.N. On the problems of involving the population in solving issues of urban environment development // Local law. 2024. No. 6. pp. 15-28.
4. Beleshev N.A. Interaction of the population with state authorities and local self-government in the development of a comfortable urban environment // Constitutional and municipal law. 2021. No. 8. pp. 64-66.
5. Kozlova N.V. The unified system of public authority as a constitutional mechanism for effectively solving problems in the interests of the population of municipal education. Dissertation for the degree of Candidate of Law. Novosibirsk, 2023. 263 p.
6. Petelin A.L. Features of citizens' participation in the formation of a municipal order // State power and local self-government. 2022. No. 8. pp. 31-34.
7. Kozhevnikov O.A., Mochalov A.N. The right to the city and its legal content // Municipal service: legal issues. 2024. No. 4. pp. 2-6.
8. Naruto S.V., Ryashin M.P. The role of municipal control in the development of a comfortable urban environment: a monograph / ed. by S.V. Naruto. M.: NORMA, INFRA-M, 2024. 204 p.
9. Lisina N.L. Problems of legal environmental protection in cities: dis. ...Dr. Jurid. nauk. Moscow, 2022. p. 497.
10. Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Korunova V.O. Environmental policy and civic participation in Russian megacities: achievements and challenges from the perspective of urban stakeholders // Journal of Social Policy Research. 2021. No. 2. pp. 301-311.
11. Chudinova O.N., Cheredova T.V., Butakova A.A., Besprozvanikh A.P. Assessment of atmospheric air pollution by combustion products of coal and fuel oil on the example of quarterly boiler houses in Ulan-Ude // Bulletin of the RUDN University. Series: Ecology and life safety. 2024. No. 2. pp. 184-197.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В АГРАРНОМ ПРАВЕ ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF FARMS IN AGRARIAN LAW

КОВАЛЬЧУК Наталья Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ФГАОУ ВО).
644099, Россия, г. Омск, ул. Фрунзе, 6.
E-mail: kovalchukn_2010@mail.ru;
SPIN-code: 4032-8406

KOVALCHUK Natalia Ivanovna,

Ass. Professor, PhD in Law. Ass/ Professor of I Dostoevsky Omsk State University.
6, Frunze, st., Omsk, 644099, Russia.
E-mail: kovalchuk_2010@mail.ru;
SPIN-code: 4032-8406

Краткая аннотация: Аграрное право базируется на комплексном аграрном законодательстве, куда входит исследуемый Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее Закон). В его новой редакции впервые объединено правовое регулирование фермерского хозяйства, созданного без образования юридического лица, и КФХ – юридического лица. Это требует теоретического осмысления с целью единообразного научного толкования и правоприменения. Две организационно-правовые формы (ст. 1.1 Закона) имеют в правовом положении общее и особенное. Конструкция Закона предполагает по умолчанию их общее регулирование, если специально не установлено, что норма относится только к одной из форм.

Abstract: Agrarian law is based on the complex agrarian legislation, which includes the Federal Law of 11.06.2003 No 74-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Peasant (Farm) Enterprise" (hereinafter referred to as the Law). In its new edition, for the first time, the legal regulation of a farm established without the formation of a legal entity and a peasant farm is a legal entity. Two organizational and legal forms (Article 1.1 of the Law) have a common and a special legal status in their legal status. The construction of the Law provides for their general regulation by default, unless it is specifically established that the norm applies only to one of the forms.

Ключевые слова: новая редакция закона, фермерское хозяйство без образования юридического лица, КФХ - юридическое лицо, организационно-правовые формы, общее и особенное.

Key words: new version of the law, farm without formation of a legal entity, peasant farm - legal entity, organizational and legal forms, general and special.

Для цитирования: Ковальчук Н.И. Организационно-правовые формы фермерских хозяйств в аграрном праве // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 231-233. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_231.

For citation: Kovalchuk N.I. Organizational and legal forms of farms in agrarian law // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 231-233. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_231.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026

1. Введение. В системе российского права аграрное право относится к комплексным отраслям права и базируется, как писал М.И. Козырь, на сложившейся комплексной отрасли законодательства [1]. В аграрное законодательство входит Федеральный закон от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее Закон). Существенное отличие новой редакции Закона в том, что он комплексно «определяет правовые, экономические и социальные основы создания и деятельности» не только фермерского хозяйства без образования юридического лица (ст. 23 ГК), но и КФХ - юридического лица (ст. 86.1 ГК).

Актуальность темы заключается в исследовании общего и особенного в правовом положении обеих организационно-правовых форм (далее форм) фермерских хозяйств. **Целесообразность разработки темы** обусловлена участием фермерских хозяйств в решении проблем занятости населения, развития сельского хозяйства, сельских территорий, поэтому **целью** работы является толкование норм Закона для решения **задачи** определения основы и общего в правовом регулировании фермерских хозяйств без образования юридического лица и КФХ - юридического лица. **Теоретическая и практическая значимость** работы состоит в разъяснении содержания Закона, что необходимо для адекватности в понимании правового регулирования каждой из форм фермерских хозяйств и единообразия в правоприменении. **Научная новизна** выражается в характеристике адаптации Закона под правовое регулирование двух форм фермерских хозяйств. **Методология.** При работе использовались методы формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, диалектический метод познания, методы анализа, синтеза.

Изученность проблемы. В теоретическом плане единообразно не решен вопрос о необходимости существования нескольких форм КФХ. Отсутствие единой доктринальной позиции, как считает Д.Х. Бит-Мурат, восполняется идеологемой, идеей, связанной с задачей обеспечить крестьянам «свободное хозяйствование на земле» [2, с. 1].

Правовое положение фермерских хозяйств исследуется специалистами разных отраслей права и консолидируется в аграрном праве. Эта отрасль права своим предметом имеет регулирование тесно взаимосвязанного комплекса отношений в сфере сельскохозяйственного производства, включая имущественные, природоресурсные, трудовые, организационные [3, с. 32].

В.В. Устюкова предложила радикальное решение этого вопроса: отказаться в будущем от создания фермерских хозяйств без образования юридического лица в связи с долговременной неопределенностью их правового статуса. Создавать КФХ-юридические лица в соответствии со ст. 86.1 ГК РФ напрямую, минуя стадию создания фермерского хозяйства без образования юридического лица [4, с. 43-44]. Подтверждают воз-

возможность такого регулирования экономисты, доказывая, что среди факторов, сдерживающих развитие малых форм в сельском хозяйстве, особое место занимает многоаспектность правового статуса фермерских хозяйств [5, с. 82].

Выбор в пользу КФХ-юридического лица приведет к тому, что фермерское хозяйство волеется в череду хозяйственных товариществ и обществ, а став одним из них, утратит свои оригинальные признаки и потеряет сущность малого семейного предпринимательства.

Цивилисты пишут, что правовое регулирование КФХ-юридического лица подпадает под общие положения о юридических лицах и деятельности корпоративных организаций, следующие из ГК РФ [6, с. 70]. Ими исследуются отдельные стороны правосубъектности фермерского хозяйства, созданного без образования юридического лица [7, с. 75], определяются субъект и пределы имущественной ответственности по обязательствам КФХ [8, с. 24].

2. Результаты исследования новой редакции Закона. Основополагающая идея аграрного права состоит в адаптации Закона под комплексное регулирование двух организационно-правовых форм фермерских хозяйств. Поэтому его первая глава – это их общая часть, устанавливающая единые правовые начала для КФХ как без образования юридического лица, так и в форме юридического лица (ст.1.1. Закона).

Без изменений первоначальных формулировок осталось немного статей Закона и они относятся к обеим формам фермерских хозяйств, потому что или являются бланкетными, как ст. 2 о государственной поддержке фермерских хозяйств, или отсылочными, как ст.10 о наследовании имущества по ГК РФ. Эти общие положения дифференцировано развиваются для каждой формы КФХ в разных отраслях права.

Но в большинстве статей менялась не их суть, а лишь указывалось к какой форме КФХ относится правило. Иногда это даже избыточное уточнение. Так название ст. 4 Закона говорит, что Соглашение заключается при создании фермерского хозяйства без образования юридического лица, но далее в каждом из семи пунктов и множестве подпунктов статьи еще раз излишне пишется, что это относится только к фермерскому хозяйству без образования юридического лица.

Содержательное изменение Закона проводилось с целью придания общего в правовом регулировании фермерского хозяйства без образования юридического лица и в форме юридического лица. Так общей стала ст. 1 Закона, дающая понятие крестьянского (фермерского) хозяйства, после того как из нее убрали признак, присущий только КФХ без образования юридического лица, об общей собственности его членов. Все остальные признаки являются общими для обеих форм фермерских хозяйств.

Однако, в п.3 ст.1.1 Закона дается еще одно понятие фермерского хозяйства-юридического лица, где содержатся те же признаки КФХ, что и в предыдущей статье, но без указания на то, что объединяются граждане, связанные родством, свойством и добавляется информация об объединении имущественных вкладов.

КФХ-юридическое лицо имеет достаточно много особенностей в правовом положении, которые специально отражены в главе 8.1 Закона. Но в определение КФХ-юридического лица включена только одна из них - об обладании юридическим лицом правом собственности на имущество, переданное в форме вкладов и других взносов его членами, что уже особо закреплено ст. 22.2 Закона.

Такая непоследовательная редакция Закона создает напряжение в понимании относится ли статья к общему или особенному правовому регулированию. Конструкцию Закона следует расценивать так, что если специально не сказано о принадлежности нормы только к одной форме КФХ, то по умолчанию она регулирует обе формы фермерских хозяйств. В связи с этим определение КФХ-юридического лица в ст.1.1 Закона следует исключить как повторное и создающее коллизию с общим понятием фермерского хозяйства в ст.1 Закона.

Пункт 2 ст. 3 Закона, перечисляющий субъектов, которые создают фермерское хозяйство и становятся его членами, остался без изменений и является общим для двух форм КФХ, поскольку ст. 22.3 Закона о членах КФХ – юридического лица отсылает к нему. Да и ранее это следовало из ст.86.1 ГК РФ, т.к. создать КФХ - юридическое лицо могут только граждане, уже организовавшие фермерское хозяйство без образования юридического лица на родственной семейной основе. На то, что для двух форм КФХ общим является семейная основа обращала внимание В.В. Устюкова [9, с.11].

Именно родство и свойство, близкие отношения членов фермерского хозяйства образуют существенный признак, отличающий обе формы КФХ от всех других форм предпринимательства. Немало авторов обращает внимание именно на родственную, семейную основу КФХ [10, с.149]. Чупина И.П. и др., называют уникальными признаками фермерского хозяйства не только родственные связи его членов, свойство, но и наличие главы [11, с. 221]. Эти основополагающие признаки у обеих форм фермерского хозяйства позволяют иметь в определенных пределах общее в их правовом регулировании.

При отсутствии существенных оригинальных признаков фермерского хозяйства (родственно-семейная основа), нет соответствия его понятию, содержащемуся в п.1 ст.1 Закона, а значит это объединение уже не может называться фермерским хозяйством. Комплексное толкование статей 1, 2, 22.3 Закона должно стать ограничительным в отношении пяти граждан, не состоящих в родстве, свойстве с главой (пп.2 п.2 ст.3 Закона). Правоприменительная практика может постепенно перейти к признанию из них членами КФХ граждан, фактически являющихся членами семьи или иначе прочно связанных с ней.

Ведение фермерского хозяйства следует рассматривать не только как форму семейного предпринимательства, но через социально-экономические отношения, влияющие на правовое регулирование статуса каждой из форм фермерского хозяйства. КФХ без образования юридического лица – это малый бизнес, корни которого лежат в ведении домашнего хозяйства семьей, личного подсобного хозяйства при локальном и неформальном регулировании внутренних отношений.

КФХ-юридическое лицо требует более объемного законодательного регулирования, потому что это коммерческая корпоративная организация, занимающая промежуточное положение между хозяйственными товариществами и хозяйственными обществами, но признанная от-

дельной организационно-правовой формой [12, с.79]. И такое фермерское хозяйство нацеливается на бизнес выше среднего. Разные экономические задачи и перспективы порождают выбор гражданами организационно-правовой формы фермерского хозяйства.

Другим отличительным признаком КФХ от иных организаций является наличие главы фермерского хозяйства. В фермерском хозяйстве без образования юридического лица главой избирается (ст.16 Закона) или по формулировке другой статьи признается (пп.2. п.3 ст.4 Закона) один из его членов в порядке, установленном Соглашением, заключенным между членами КФХ. Для исключения дискуссии можно использовать один термин – избрание главы членами КФХ. Глава организует деятельность КФХ, действует от его имени в его интересах, наделен полномочиями по управлению, но при этом он не имеет статуса исполнительного органа, как это установлено для КФХ - юридического лица.

На некоторые вопросы о том, кто может быть главой КФХ- юридического лица в Законе дан ответ. Им не может быть коллективный орган, т.к. по ст. 22.5 Закона глава является единоличным исполнительным органом фермерского хозяйства.

3. Заключение. Существенные изменения внесены в Закон с целью комплексного регулирования в нем правового положения фермерского хозяйства без образования юридического лица и КФХ - юридического лица. Единую уникальную основу для возникновения и деятельности обеих форм фермерских хозяйств составляет совокупность признаков: 1) объединение граждан, связанных родством или свойством (семейная основа); 2) особый управляющий – глава КФХ.

Эта основа позволила в Законе установить нормы общего правового регулирования разных форм фермерского хозяйства (например, главы 1, 4 Закона). Особенности, влияющие на различия правового регулирования порождены признаками юридического лица у КФХ - юридического лица.

Из текста Закона можно сделать вывод, что по умолчанию он регулирует обе организационно-правовые формы фермерских хозяйств и специально указывает в статье на адресность КФХ-юридическому лицу или фермерскому хозяйству без образования юридического лица. Отсутствие четкости в этом делении иногда приводит к заблуждению или создает коллизию норм, требующую устранения.

Список литературы:

1. Козырь М.И. Аграрное право России. 2-е издание. – М.: из-во «Норма, Инфра». – 2009. – 336 с.
2. Бит-Мурат Д.Х. Цивилистическая оценка природы крестьянского (фермерского) хозяйства // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №8 (158). – С. 1- 4.
3. Аграрное право: учебник для вузов /А.П. Анисимов и др. – М.: Из-во Юрайт. – 2021. – 523 с.
4. Устюкова В.В. О нецелесообразности сохранения в Гражданском кодексе РФ двух форм крестьянского (фермерского) хозяйства // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 55–74. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-ustukova.
5. Малышев Н. Н. Взаимосвязь экономического развития крестьянско -фермерских хозяйств с их организационно-правовой формой //Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №. 12 (150). – С. 82.
6. Астраханкин А. А. Крестьянское (фермерское) хозяйство как корпоративное юридическое лицо //Вестник экономики и права. – 2025. – №. 100. – С. 69-74.
7. Шапсугова М. Д. Крестьянское (фермерское) хозяйство как форма ведения индивидуальной предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства //Аграрное и земельное право. – 2019. – №. 5 (173). – С. 74-77.
8. Пыжикова Н.И., Лебедева Т.С. Правовой статус крестьянских (фермерских) хозяйств: вопросы имущественной ответственности //Аграрное и земельное право. – 2019. – № 4 (172). – С. 24-28.
9. Устюкова В. В. Крестьянское (фермерское) хозяйство-юридическое лицо как семейно-трудовое объединение //Аграрное и земельное право. – 2020. – № 5 (185). – С. 9-12.
10. Шишмарева Т. П. Правовой статус крестьянского (фермерского) хозяйства как семейного предприятия // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2022. – № 12 (100). – С. 147-155.
11. Чупина И. П., Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Журавлева Л. А., Фатеева Н. Б. К проблеме правового регулирования крестьянского (фермерского) хозяйства, как организационно-правовой формы //International agricultural journal . – 2023. – № 1. – 215-223.
12. Габов А. В. Реорганизация крестьянского (фермерского) хозяйства – юридического лица // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 5.– С. 79 – 95. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.079-095.

References:

1. Kozyr M.I. Agrarian Law of Russia. 2nd edition. Moscow: Norma, Infra Publishing House. – 2009. – 336 p.
2. Bit-Murat D.Kh. Civil assessment of the nature of the Peasant (Farmer) Economy // International Research Journal. – 2025. – №8 (158). – P. 1-4.
3. Agrarian Law: A Textbook for Higher Educational Institutions / A.P. Anisimov et al. – Moscow: Yurayt Publishing House. – 2021. – 523 p.
4. Ustukova, V.V. (2022) On the Unadvisability of Preserving Two Forms of Peasant (Farm) Economy in the Civil Code of the Russian Federation. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 17(2), pp. 55–74. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-ustukova.
5. Malyshev N. N. Vzaïmosvyaz ekonomicheskogo razvitiya krestyansko-fermerskikh hozyajstva s ikh organizatsionno-pravovoy forme [Relationship between the economic development of peasant farms and their organizational and legal form]. – 2024. – № 12 (150). – P. 82.
6. Astrakhankin A. A. Peasant (farmer) economy as a corporate legal entity //Journal of Economics and Law– 2025. – № 100. – P. 69-74.
7. Shapsugova M. D. Peasant (farmer) economy as a form of conducting individual entrepreneurial activity in the field of agriculture //Agrarian and land law – 2019. – №. 5 (173). – P. 74-77.
8. Pyzhikova N. I., Lebedeva T. S. Legal status of peasant (individual) farms: issues of liability. Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law. 2019;4(172):24–28. (In Russ.)
9. Ustyukova V. V. Peasant (farmer) economy-legal entity as a family-labor association. Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law. 2020; 5(185):9–12. (In Russ.)
10. Shishmareva T. P. Legal status of the peasant (farmer) economy as a family enterprise // Bulletin of the Kutafin University.– 2022. – №. 12 (100). – P. 147-155.
11. Chupina I. P., Zarubina E. V., Simachkova N. N., Zhuravleva L. A., Fateeva N. B. On the Problem of Legal Regulation of Peasant (Farm) Economy as an Organizational and Legal Form // International Agricultural Journal. 2023. №1. 215-223.
12. Gabov AV. Reorganizatsiya krestyanskogo (fermerskogo) khozyaystva — yuridicheskogo litsa [Reorganization of a Peasant (Farm) Entity Functioning as a Legal Entity]. Aktualnye problemy rossiyskogo prava. 2020;15(5):79–95. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.079-095. (In Russ., abstract in Eng.).

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА ЛИЦ К ТЕХНОЛОГИЯМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

ON CERTAIN ISSUES OF CIVIL LAW REGULATION OF ACCESS OF INDIVIDUALS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES THROUGH DIGITAL PLATFORMS

САЯПИН Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: ssayapin@yandex.ru;

SAYAPIN Sergey Petrovich,

PhD in law, Research Associate at the Department of Civil and Business Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (RAS).

10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.

E-mail: ssayapin@yandex.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных вопросов гражданско-правового регулирования доступа к технологиям искусственного интеллекта (ИИ) посредством цифровых платформ. Актуальность темы исследования обусловлена усиливающейся конвергенцией технологий ИИ и платформенных решений, что требует частноправового доктринального анализа их правовой природы. Автор обосновывает необходимость правовой квалификации технологий ИИ как объектов гражданских прав ввиду их отсутствия в ст. 128 ГК РФ. В работе анализируются новеллы законодательства относительно правового регулирования цифровых платформ и множественности субъектного состава, участвующего в платформенных отношениях по доступу к технологиям ИИ (разработчик, оператор платформы, пользователь). Автор рассматривает правовую природу технологий ИИ и цифровых платформ как объектов интеллектуальной деятельности, в связи с чем основывает свои доводы на конструкции лицензионного договора. В заключение сделан вывод о необходимости адаптации классических институтов российского гражданского права к специфике платформенной экономики ввиду пробельности современного специального правового регулирования цифровых платформ и технологий ИИ.

Abstract. The article examines selected issues of civil law regulation governing access to artificial intelligence (AI) technologies via digital platforms. The relevance of the research topic is driven by the increasing convergence of AI technologies and platform-based solutions, which necessitates a private law doctrinal analysis of their legal nature. The author substantiates the need to legally classify AI technologies as objects of civil rights, given their absence from Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. The study analyzes recent legislative innovations concerning the legal regulation of digital platforms and the multiplicity of parties involved in platform-based relations regarding access to AI technologies (namely, the AI technology developer, the digital platform operator providing access to AI technologies, and the end user of such technologies). The author examines the legal nature of AI technologies and digital platforms as results of intellectual activity and, accordingly, grounds the argumentation on the legal framework of a license agreement. In conclusion, the article asserts that classical institutions of Russian civil law must be adapted to the specifics of the platform economy, given the current gaps in specialized legal regulation governing digital platforms and AI technologies.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, ИИ, цифровые платформы, платформенная экономика, законодательство, гражданское право, результаты интеллектуальной деятельности, лицензионный договор.

Keywords: artificial intelligence technologies, AI, digital platforms, platform economy, legislation, civil law, results of intellectual activity, license agreement.

Для цитирования: Саяпин С.П. Об отдельных вопросах гражданско-правового регулирования доступа лиц к технологиям искусственного интеллекта с использованием цифровых платформ // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 234-237. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_234.

For citation: Sayapin S.P. On certain issues of civil law regulation of access of individuals to artificial intelligence technologies through digital platforms // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 234-237. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_234.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2026

Современный этап развития мировой экономики главным образом характеризуется конвергенцией двух ключевых технологических явлений: технологий искусственного интеллекта (в большей степени генеративного искусственного интеллекта, далее – ИИ, технологии ИИ) и цифровых платформ как особой формы (или, как принято говорить, сравнительно новой модели) организации экономической деятельности. Проникновение ИИ в механизмы функционирования платформ, а также превращение самих технологий ИИ в товар (услугу), реализуемый посредством так называемых «платформенных решений», ставит перед отечественной цивилистической доктриной и правоприменительной практикой целый ряд вопросов, требующих системного анализа.

Разрешение многих актуальных вопросов гражданско-правового регулирования доступа лиц к технологиям ИИ с использованием цифровых платформ невозможно без предварительного уяснения места технологий ИИ в системе гражданского права.

Ввиду того что искусственный интеллект в России находится в стадии становления [1], приходится констатировать, что технологии ИИ пока еще не нашли своего места в закрытом перечне объектов гражданских прав, предусмотренных ст. 128 ГК РФ. Это обуславливает явную необходимость либо правовой разработки и включения в указанный перечень нового гражданско-правового объекта, либо квалификации технологий ИИ через уже имеющиеся объекты в зависимости от того, в какой форме они вовлекаются в гражданский оборот и, в частности, в каком виде предоставляются пользователям через цифровые платформы. В цивилистической доктрине нередко можно встретить подход, согласно которому ИИ рассматривается не как единый объект гражданских прав, а как сложное правовое явление, включающее в себя сразу несколько объектов гражданских прав [2].

Легальное определение некоторых (довольно узкого круга) понятий, используемых в области искусственного интеллекта, закреплено в

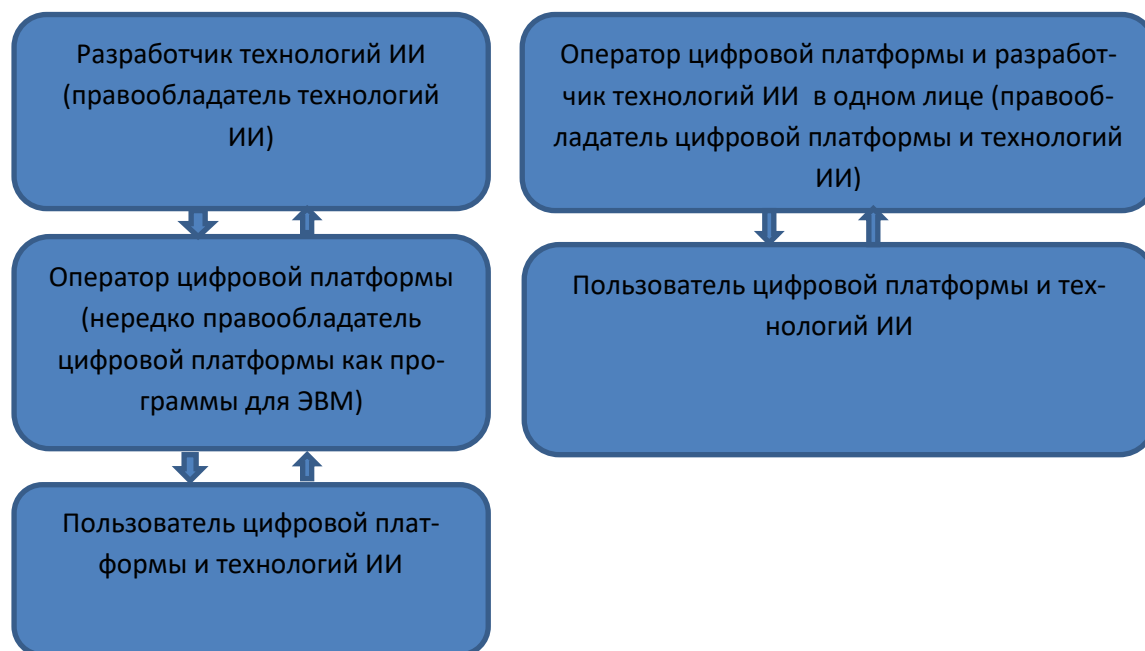
Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [3]. Согласно данному документу, искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Указанное определение, носящее преимущественно технологический характер, не вносит ясности в юридическую квалификацию объекта с точки зрения частного права, хотя и задает определенный (крайне ограниченный) вектор для отраслевого нормотворчества.

Особое внимание привлекает и тот факт, что доступ к технологиям ИИ в современных условиях все чаще опосредуется цифровыми платформами, правовой режим которых постоянно изменяется и дополняется новыми отраслевыми нормативными правовыми актами (достаточно вспомнить хотя бы отечественный Федеральный закон о цифровых инвестиционных платформах 2019 г.), в число которых входит и недавно принятый, но еще не вступивший в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – Закон о платформенной экономике) [4]. Указанный нормативный правовой акт впервые на законодательном уровне закрепил понятие посреднической цифровой платформы. Примечательно, что, кроме понятия посреднической цифровой платформы, указанный документ оперирует и таким понятием, как «цифровая платформа» (ст. 2), и дает данному термину специфическое определение [5], разделяя тем самым два понятия: цифровая платформа и посредническая цифровая платформа как общее и частное.

Применительно к рассматриваемой теме исследования цифровая платформа может выступать (и уже практически всегда выступает) как средство доступа к технологиям ИИ. Таким образом, правовое регулирование доступа к технологиям ИИ с использованием цифровых платформ обладает комплексным характером, затрагивающим как минимум право интеллектуальной собственности и обязательственное право (но этим не исчерпывается). Исследование данного вопроса, несомненно, потребует в будущем последовательного, глубокого анализа правового статуса участников, договорных конструкций, а также проблем распределения рисков и юридической ответственности.

В первом приближении уже можно смело говорить о том, что правоотношения, складывающиеся по поводу доступа лиц к технологиям ИИ посредством цифровых платформ, характеризуются многосубъектностью состава и определенной спецификой правового положения каждого из участников. Например, Закон о платформенной экономике, говоря о посреднических цифровых платформах, вводит следующих ключевых участников: владелец цифровой платформы, оператор посреднической цифровой платформы, партнер посреднической цифровой платформы, пользователь посреднической цифровой платформы, владелец пункта приема и выдачи заказов. Однако специфика использования технологий ИИ и вообще сфера искусственного интеллекта вносят свои коррективы. Поэтому в правоотношениях по поводу ИИ могут участвовать и иные лица. В частности, разработчик искусственного интеллекта (далее – разработчик ИИ). Указанная категория лиц фигурирует, например, в нормах Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Это, конечно, призывает к дискуссии по вопросу о распределении бремени ответственности не только между оператором цифровой платформы и пользователями технологий ИИ, но и разработчиком технологий ИИ (или разработчиками технологий ИИ).

Отсюда порядок доступа к технологиям ИИ с использованием цифровых платформ может характеризоваться сложностью, многозвенностью, зависящей от той или иной применимой модели. Выбор конкретной модели зависит от того, каким образом структурированы отношения между оператором цифровой платформы, разработчиком технологий ИИ и пользователем (рис. 1).

(рис. 1)

Как видно из представленного рисунка, автор исходит из того, что цифровая платформа и технологии ИИ понимаются как результаты интеллектуальной деятельности. Отсюда любой пользователь (лицо) для использования технологий ИИ и цифровой платформы обязан заключить один или более лицензионных договоров, где в качестве предмета будет выступать право пользования соответствующим результатом интеллектуальной деятельности в установленных договором пределах. В контексте платформенных отношений лицензионный договор, как правило, заключается дистанционным способом, путем акцепта пользователем оферты, размещенной на цифровой платформе.

Оператор цифровой платформы нередко может выступать исключительно в роли лица, предоставляющего доступ к технологиям ИИ через цифровую платформу (в этом случае еще говорят о так называемой посреднической роли оператора платформы). В этом случае лицензионный договор будет заключаться не только между пользователем и разработчиком ИИ, но и между пользователем и оператором цифровой платформы (лицензионный договор об использовании цифровой платформы как программы для ЭВМ). Оператор, как правило, не будет нести ответственности за недостатки технологий ИИ, а разработчик ИИ не будет нести ответственности за действия оператора цифровой платформы, если иное не предусмотрено законом или договором между указанными лицами.

Следует отметить, что квалификация договорных моделей в каждом конкретном случае имеет очень важное, даже ключевое значение для определения применимых норм права, распределения рисков и юридической ответственности. Поэтому игнорирование указанного аспекта может привести к правовой неопределенности участников гражданского оборота.

Думается, что определение порядка доступа к технологиям ИИ через цифровые платформы является одной из наиболее актуальных и сложных задач, стоящих перед отечественным законодателем и правоприменителем в ближайшее десятилетие. Сейчас абсолютно ясно, что в силу недоработки специального регулирования стороны должны руководствоваться общими положениями ГК РФ о соответствующих правоотношениях.

Для лицензионного договора существенным является условие о предмете (указание конкретного результата интеллектуальной деятельности — программы для ЭВМ, базы данных и др.) и о способах использования (способы, которыми лицензиат вправе использовать результат интеллектуальной деятельности). Согласно п. 3 ст. 1235 ГК РФ, лицензионный договор должен предусматривать территорию, на которой допускается использование, а если территория не указана, то использование допускается на всей территории Российской Федерации. Но здесь возникают проблемы регулирования порядка доступа к цифровой платформе и использования технологий ИИ лицами иностранных государств и лицами без гражданства. Российская цивилистическая доктрина не раз поднимала вопросы, касающиеся трансграничной деятельности цифровых платформ.

Еще одним существенным условием лицензионного договора является его цена и порядок расчетов. В сфере доступа к технологиям ИИ широко распространены модели так называемой «подписки» (то есть осуществление периодических платежей) либо оплата за фактическое использование (потребительский тариф, зависящий от объема вычислений, количества запросов). Лицензионный договор об использовании технологий ИИ через цифровую платформу должен ясно определять, что входит в базовую стоимость, а что является дополнительной услугой и оплачивается пользователем отдельно.

Немаловажным вопросом является определение судьбы результатов, созданных с использованием технологий ИИ (в виде полученных пользователем сгенерированных материалов). Лицензионный договор должен содержать положения о переходе прав на такие результаты интеллектуальной деятельности либо о допустимости их использования сторонами. Как отмечается в юридической литературе, в отсутствие специального указания в договоре могут возникать споры о том, кому принадлежат права на результаты деятельности генеративного ИИ.

Специфика современной платформенной экономики и дистанционной (электронной, с использованием сети «Интернет») формы взаимодействия предопределяет особый порядок заключения договоров — посредством акцепта лицом публичной оферты. Оператор цифровой платформы размещает в открытом доступе условия договора, а пользователь, начиная использовать платформу, считается принявшим эти условия (совершившим акцепт).

С точки зрения гражданского права указанная модель полностью соответствует требованиям ст. 435–438 ГК РФ[6]. Документ, размещенный на цифровой платформе, признается офертой, если он содержит все существенные условия договора и из него усматривается воля лица заключить договор на указанных условиях с любым, кто отзовется. Акцептом считается совершение пользователем конклюдентных действий — начало пользования цифровой платформой.

Однако массовый характер таких сделок и невозможность для пользователя влиять на содержание условий (договор по модели присоединения) порождают риск включения в текст оферты условий, ущемляющих права пользователя[7]. В соответствии со ст. 428 ГК РФ присоединившаяся сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если он хотя и не противоречит закону, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

В сфере доступа к технологиям ИИ такими обременительными условиями могут быть: одностороннее право оператора платформы изменять тарифы или функционал платформы без уведомления пользователя; полное освобождение оператора платформы от ответственности за любые убытки, включая упущенную выгоду, и др.

Таким образом, договорное регулирование доступа лиц к технологиям ИИ с использованием цифровых платформ несомненно базируется на классических институтах гражданского права, однако требует их скорейшей адаптации с учетом специфики предмета регулирования.

Список литературы:

1. Беликова К.М. На пути к разработке «сильного» искусственного интеллекта в России и за рубежом: некоторые элементы стратегий и нормативно-правовое регулирование / К.М. Беликова. – Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 5. – С. 58–66. – DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-5-58-66.
2. Балашова А.И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов / А.И. Балашова. – Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – Вып. 3 (41). – С. 190–206. – DOI: 10.58741/23134852_2023_3_20.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 : ред. от 15.02.2024. – Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
4. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4643.
5. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования / А.В. Габов, С.П. Саяпин. – Lex russica (Русский закон). – 2025. – № 11. – С. 9–33. – DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033.
6. Баттахов П. П. Признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. – 2012. – № 11(297). – С. 73-77.
7. Баттахов П. П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4(220). – С. 234-237.

References:

1. Belikova K.M. Na puti k razrabotke «sil'nogo» iskusstvennogo intellekta v Rossii i za rubezhom: nekotorye elementy strategii i normativno-pravovoe regulirovanie [On the Path to the Development of "Strong" Artificial Intelligence in Russia and Abroad: Some Elements of Strategies and Legal Regulation]. Probely v rossiyskom zakonodatelstve [Gaps in Russian Legislation]. 2025;18(5):58–66. DOI: 10.33693/2072-3164-2025-18-5-58-66. (in Russian)
2. Balashova A.I. Pravovoy rezhim rezul'tatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: edinstvo i differentsiatsiya podkhodov [Legal Regime of the Results of Artificial Intelligence Activity: Unity and Differentiation of Approaches]. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Court for Intellectual Property Rights]. 2023;3(41):190–206. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_20. (in Russian)
3. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 [O razviti iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490] (as amended on February 15, 2024). Sbranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019;(41):Art. 5700. (in Russian)
4. On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law No. 289-FZ dated July 31, 2025 [Ob otde'nykh voprosakh regulirovaniya platformennoy ekonomiki v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31.07.2025 № 289-FZ]. Sbranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2025;(31):Art. 4643. (in Russian)
5. Gabov A.V., Sayapin S.P. Platformennye otnosheniya kak predmet pravovogo regulirovaniya [Platform Relations as a Subject of Legal Regulation]. Lex Russica [Russian Law Journal]. 2025;(11):9–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033. (in Russian)
6. Battakhov P.P. Signs of entrepreneurial activity//Law and Economics. – 2012. – № 11(297). - S. 73-77.
7. Battakhov P.P. State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage//Law and state: theory and practice. – 2023. – № 4(220). - S. 234-237.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_238

УДК 347.447.72

УДОСТОВЕРЕНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ДВУМЯ НОТАРИУСАМИ CERTIFICATE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF THE AGREEMENT ON THE DIVI- SION OF MARRIED PARENTS' COMMON PROPERTY BY TWO NOTARIUSES

СТАРОДУБОВА Людмила Валериевна,

старший преподаватель департамента частного права

«Тольяттинский государственный университет».

445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.

E-mail: starodubova72@bk.ru;

ПЕТРЕНКО Виктория Вячеславовна,

студент ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».

445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.

E-mail: bookfoxostin765@gmail.com;

СОКОЛОВА Анастасия Александровна,

к.э.н., доцент департамента частного права

ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».

445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.

E-mail: envymesaa@mail.ru;

STARODUBOVA Lyudmila Valerievna,

Senior Lecturer of the Department of Private Law Togliatti State University.

445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: starodubova72@bk.ru;

PETRENKO Victoria Vyacheslavovna,

Student of Togliatti State University.

445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: bookfoxostin765@gmail.com

SOKOLOVA Anastasia Alexandrovna,

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Private Law

Tolyatti State University.

14 Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russia.

E-mail: envymesaa@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена вопросу удостоверения в цифровой среде соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что данная процедура новая и ее освоение и применение нотариусами находятся практически на начальном этапе, а ее изучение представляется необходимым не только в профессиональной среде юристов, но и среди обычных граждан. Несмотря на то, что она была введена законодателем в 2019 году, а в 2020 г. внесены уточнения, все еще имеются недостатки, а именно пробелы в правовом регулировании данной процедуры, в том числе: возникает терминологическая путаница понятий проект и паспорт сделки, проблемы определения подсудности, в случае признания соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов недействительным по вине обоих нотариусов и так далее. Цель исследования состоит во внесении предложений по дополнению законодательства РФ о нотариате в части порядка удостоверения в цифровой среде соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами, в том числе данного порядка в целом. Задачами исследования являются: проведение комплексного анализа процедуры удостоверения в цифровой среде удостоверяемых двумя и более нотариусами, в контексте соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов, а также выявление пробелов в праве и внесение практически применимых предложений по их устранению. В ходе исследования была проанализирована процедура удостоверения в цифровой среде сделок двумя и более нотариусами в контексте соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов. Путем анализа норм отечественного права мы пришли к выводу, о необходимости дополнения статей 17, 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате, а также Порядка взаимодействия нотариусов с ЕИС при удостоверении сделки двумя и более нотариусами.

Abstract. This article examines the digital certification of a marital property division agreement by two notaries. The relevance of this study lies in the fact that this procedure is new, and its adoption and application by notaries is still in its infancy. Therefore, its study is essential not only for professional lawyers but also for ordinary citizens. Despite the fact that the procedure was introduced by the legislator in 2019 and clarifications were made in 2020, there are still shortcomings, namely gaps in the legal regulation of this procedure, including terminological confusion between the terms draft and transaction passport, problems in determining jurisdiction if the marital property division agreement is invalidated due to the fault of both notaries, and so on. The purpose of this study is to propose amendments to Russian notary legislation regarding the procedure for digital certification of marital property division agreements by two notaries, including this procedure in general. The objectives of the study are to conduct a comprehensive analysis of the digital certification procedure for transactions certified by two or more notaries in the context of a marital property division agreement, as well as to identify legal gaps and make practical proposals for addressing them. The study analyzed the procedure for digital certification of transactions by two or more notaries in the context of a marital property division agreement. By analyzing domestic law, we concluded that amendments are needed to Articles 17 and 53.1 of the Fundamentals of Russian Federation Legislation on Notaries, as well as the Procedure for Interaction between Notaries and the Unified Information System (UIS) when Certifying Transactions by Two or More Notaries.

Ключевые слова: нотариус, цифровая среда, соглашение о разделе совместно нажитого имущества супругов, дистанционное нотариальное удостоверение сделок, единая информационная система нотариата, нотариат, паспорт сделки, электронная подпись.

Keywords: notary, digital environment, agreement on the division of jointly acquired property of spouses, remote notarization of transactions, unified information system of notaries, notary, transaction passport, electronic signature.

Для цитирования: Стародубова Л.В., Петренко В.В., Соколова А.А. Удостоверение в цифровой среде соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 238-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_238.

For citation: Starodubova L.V., Petrenko V.V., Sokolova A.A. Certificate in the digital environment of the agreement on the division of married parents' common property by two notariuses // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 238-242. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_238.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2026

Как известно, на сегодняшний день во многие сферы жизни общества внедряются цифровые технологии, которые значительно облегчают выполнение людьми как привычных ежедневных, так и более серьезных юридически значимых действий, совершаемых обычно в традиционной форме, то есть путем личного присутствия. Например, это совершение сделок по купле-продаже имущества через маркетплейсы, или направление запросов на получение документов или запись в государственные органы посредством использования Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». В том числе цифровые технологии внедряются и в нотариат, что также облегчает работу нотариусов и обеспечивает более свободный доступ к получению нотариальных услуг для граждан.

Так, с введением в действие в 2019 году Федерального закона от 27.12.2019 №480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статьи 53.1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» в нотариальном производстве появилась новая процедура удостоверения сделок, предусматривающая участие в ней двух и более нотариусов. А в 2020 году для большей регламентации данной процедуры был принят Приказ Минюста РФ от 30.09.2020 №222 «Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами». При этом, в ходе исследования выявлен перечень проблем, связанных с наличием пробелов в праве, например, это: во-первых, отсутствие легального определения понятия «паспорт сделки»; во-вторых, отсутствие четкой регламентации процесса взаимодействия нотариусов в рамках удостоверения соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами; в-третьих, фактические проблемы взаимодействия нотариусов из-за разных часовых поясов; в-четвертых, проблемы определения подсудности, в случае признания соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов недействительным по вине обоих нотариусов.

Таким образом, актуальность исследования заключается в том, что процедура новая и ее освоение и применение нотариусами находятся практически на начальном этапе, а изучение этой процедуры представляется необходимым не только в профессиональной среде юристов, но и среди обычных граждан.

Методологию исследования составляют общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, а также частные методы, а именно: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Цель исследования состоит во внесении предложений по дополнению законодательства РФ о нотариате в части порядка удостоверения в цифровой среде соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов двумя нотариусами, в том числе данного порядка в целом. Задачами исследования являются: проведение комплексного анализа процедуры удостоверения в цифровой среде удостоверяемых двумя и более нотариусами, в контексте соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов, а также выявление пробелов в праве и внесение практически применимых предложений по их устранению.

Чувства не вечны, и поэтому по их окончании возникают товарно-денежные отношения. При этом за время бракоразводного процесса бывшие супруги в большинстве случаев испытывают негативные эмоции при необходимости личного совместного присутствия. Однако, если данные лица желают отойти от равенства долей при разделе имущества, не проходить через судебный порядок и не встречаться лично, находясь при этом за десятки, а то и тысячи километров друг от друга, обращение к нотариусу для удостоверения соглашения о разделе совместно нажитого имущества будет лучшим вариантом.

Разделу совместно нажитого имущества супругов посвящена седьмая глава Семейного Кодекса Российской Федерации. Легального определения соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов в законодательстве не содержится. Так, в статье 38 СК РФ указано только: «Общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению. Соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака, должно быть нотариально удостоверено» [6]. То есть законодатель определил требования к данному документу: во-первых, принцип добровольности, во-вторых, письменная нотариальная форма документа. При этом в научной среде сложилось следующее определение данного понятия: соглашение о разделе совместно нажитого имущества супругов – это гражданско-правовая сделка, правовым последствием совершения которой является переход совместно нажитого имущества в собственность каждого из супругов на условиях, установленных ими в соглашении.

Таким образом, исходя из того, что соглашение о разделе совместно нажитого имущества супругов по своей правовой природе, как мы указали выше, является сделкой, и наличия требования о нотариальном удостоверении, можно сделать логичный вывод о возможности удостоверения данного документа двумя нотариусами дистанционно. На это же указывает и И.Р. Альбинов: «Дистанционно может удостоверяться любой договор как между гражданами, так и между юрлицами, если его стороны не имеют возможности или желания собираться в одном месте» [1, с. 38].

В соответствии со ст. 53.1 Основ: «Сделка может быть удостоверена двумя и более нотариусами, если в совершении такой сделки участвуют два и более лица без их совместного присутствия» [3]. Исходя из смысла норм, как указывает Я.А. Павлова: «таким нотариальным действием может быть сделка, в которой участвуют как минимум два человека и не имеют возможности находиться в момент совершения (удостоверения) сделки у одного и того же нотариуса и подписать сделку в присутствии одного нотариуса» [4, с. 112].

Согласно ФЗ от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статье 53.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате совершение данного нотариального действия в контексте удостоверения соглашения о разделе совместно нажитого имущества возможно при соблюдении ряда следующих условий:

1. наличие минимум двух участников-сторон;

2. недопустимость совместного присутствия всех лиц совершаемой сделки в одной нотариальной конторе;

3. выбор непосредственно участниками сделки нотариусов, которые будут участвовать в удостоверении соглашения (при этом, сделка по отчуждению недвижимого имущества должна производиться нотариусом, находящимся в пределах субъекта, на котором находится такое имущество).

4. Также как указывает Н.В. Сучкова: «наличие у каждого участника сделки простой электронной подписи, отвечающей требованиям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, регулирующим отношения в области использования электронных подписей, и сформированной в порядке, установленном Федеральной нотариальной палатой» [8, с. 13].

В статье 53.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате кратко указаны важные аспекты процедуры удостоверения таких сделок: «проект сделки создается нотариусами в электронной форме посредством единой информационной системы нотариата в соответствии с условиями, согласованными участниками сделки; каждый участник сделки в присутствии нотариуса подписывает экземпляр сделки в электронной форме простой электронной подписью, требования к которой установлены статьей 44.2 настоящих Основ, и экземпляр сделки на бумажном носителе, который остается в делах нотариальной конторы; неизменность текста сделки в электронной форме обеспечивается средствами единой информационной системы нотариата; экземпляр сделки в электронной форме с совершенной удостоверительной надписью подписывается удостоверившими ее нотариусами их квалифицированными электронными подписями и хранится в единой информационной системе нотариата; удостоверенная сделка регистрируется в реестре нотариальных действий, совершенных удаленно, и сделок, удостоверенных двумя и более нотариусами, единой информационной системы нотариата» [3].

Считаем, что в рамках исследования следует проанализировать порядок удостоверения соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов во взаимосвязи общих и специальных требований Основ законодательства РФ о нотариате.

Во-первых, как разъясняет Нотариус нотариального округа Санкт-Петербурга Козлов К.В.: «при составлении соглашения обязательно должны быть указаны данные о каждом из подписантов, индивидуальные характеристики каждого предмета имущества как движимого, так и недвижимого» [7]. Для заключения данного соглашения бывшим супругам потребуется принести нотариусу следующие документы:

1. удостоверение личности каждого из супругов, это может быть паспорт, военный билет и др.;
2. правоустанавливающие документы на имущество, которое стороны нажили в период брака и хотят разделить;
3. свидетельство о заключении брака;
4. свидетельство о расторжении брака, если брак уже расторгнут;
5. доверенность представителя, если кто-либо из супругов нанял юриста.

Отметим, что федеральный тариф составляет для данного нотариального действия «0,5 % от суммы договора, но не менее 300 руб. и не более 20000 руб.» [7]. Региональный тариф в Санкт-Петербурге - 18526 руб.

После предоставления необходимых документов нотариус выполняет общие нотариальные действия: проводит идентификацию личностей сторон, проверяет их право- и дееспособность, даёт правовую оценку предоставленных документов, проверяет право собственности на имущество бывших супругов, при необходимости направляет запросы в государственные органы.

Далее, следующим шагом выступает составление проекта сделки в электронной форме через единую информационную систему нотариата. Однако, здесь возникает первый недочет. В российском законодательстве не содержится легального определения паспорта сделки, что впоследствии может привести к разночтениям в его толковании. В Основях законодательства РФ о нотариате данный термин упоминается также в статье 54, которая закрепляет обязанность нотариуса «разъяснить сторонам смысл и значение представленного ими проекта сделки и проверить, соответствует ли его содержание действительным намерениям сторон и не противоречит ли требованиям закона» [3]. Однако ни в указанной норме, ни в ГК РФ, ни в иных законодательных актах РФ никаким образом не разъяснено, что следует понимать под проектом сделки. Логичным было бы считать, что проект сделки – это документ, закрепляющий права и обязанности сторон будущей сделки. При том, в п.3 Приказа Минюста России от 30.09.2020 № 222 «Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами» содержится указание лишь на содержание паспорта сделки: «Сервис ЕИС позволяет сформировать паспорт сделки, содержащий сведения о нотариусах, участвующих в удостоверении сделки, информацию о лице (лицах), обратившемся (обратившихся) за совершением нотариального действия, и лице (лицах), принимавшем (принимавших) участие в совершении нотариального действия (далее - участники сделки), уникальный идентификатор сделки, вид и текст сделки с удостоверительной надписью, дату и время удостоверения сделки, а также электронные документы, необходимые для удостоверения сделки» [5].

Таким образом, видим, возможную терминологическую путаницу данных понятий. Считаем необходимым в статье 53.1 Основ закрепить легальные определения проекта сделки или паспорта сделки, чтобы, либо разграничить их, либо, наоборот, указать на то, что они являются синонимами. На данный момент следует понимать данные понятия как синонимичные.

При этом, проект сделки, в нашем случае, соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов, может быть, во-первых, предоставлен каждой из сторон сделки. Тогда он проверяется нотариусами и впоследствии один из них должен составить единый проект соглашения. Во-вторых, проект сделки может быть составлен непосредственно нотариусами с учетом мнения супругов. При этом в любом случае обсуждение и согласование соглашения сторонами сделки и нотариусами могут осуществляться посредством использования видеоконференц-связи.

Отметим также, что при подготовке сделки нотариусы взаимодействуют друг с другом любым доступным способом. При том,

статья 53.1 Основ закрепляет обязанность нотариусов при совершении данного нотариального действия по общению путем использования средств ЕИС. Однако остается неясным вопрос как выбранные сторонами соглашения нотариусы узнают друг о друге. Порядок взаимодействия нотариусов с ЕИС при удостоверении сделки двумя и более нотариусами, утвержденный приказом Минюста России от 30.09.2020 № 222 хоть определяет процедуру взаимодействия нотариусов с ЕИС при создании проекта сделки в электронной форме, особенностей предоставления документов, подписания экземпляров сделки, регистрации ее в ЕИС, но недостаточно. Тем не менее, в пунктах 2 – 4 данного порядка упоминается про предоставление нотариусам доступа к единому электронному сервису подготовки паспорта сделки, где указываются данные из этого паспорта нотариусами, которые участвуют в удостоверении этой сделки. Соответственно, можно сделать вывод, что первичное взаимодействие всех нотариусов, участвующих в удостоверении сделки, может осуществляться через паспорт сделки ЕИС, в котором, вероятно, имеется функция поиска участников сделки.

Таким образом, порядок взаимодействия нотариусов может складываться следующим образом. В первом варианте, если паспорта сделки не существует, нотариус, при обращении к нему одного из бывших супругов, уточняет информацию о соглашении о разделе совместно нажитого имущества, например, ФИО и иные данные второго супруга. Далее, он проводит соответствующий поиск в системе, и, когда подтверждается, что данных по сделке нет, создает паспорт сделки. Во втором варианте, если паспорт сделки есть, то после нахождения данного паспорта, он вносит в него необходимые сведения: о себе, о супруге, который к нему обратился и др.

Далее, когда будет подготовлено соглашение о разделе совместно нажитого имущества супругов, в согласованное время стороны, находясь каждая у своего нотариуса, выйдут на связь – дистанционно, по защищенным каналам связи. Во время звонка нотариусы проведут стандартные процедуры: зачитают текст соглашения, разъяснят его детали и правовые последствия, тем самым проверив, что супруги действуют добровольно и понимают, что подписывают.

Вслед за этим, супруги подписывают экземпляр соглашения простой электронной подписью (ПЭП) с помощью специальных планшетов для рукописного ввода текста. Решением Правления ФНП от 24.12.2018 установлен порядок формирования простой электронной подписи, которая, по сути, приравнивается по значению к электронной графической подписи (цифровая версия рукописной подписи), указанной в ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», где сказано, что простая электронная подпись может быть создана «посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом» [9]. В нашем случае – при помощи графического планшета. Технические характеристики к таким графическим планшетам установлены в Рекомендациях ФНП по оборудованию и ПО для нотариальной конторы, утвержденных 23.03.2020г.

Кроме подписи на электронном экземпляре, хранящегося в системе ЕИС, бывшие супруги должны подписать бумажный экземпляр соглашения, который останется в деле у каждого из нотариусов. Считаем, что такое требование призвано обеспечить подтверждение факта подписания сделки в случае судебного разбирательства, а также для наличия образца подписей сторон. Кроме того, отметим, что стороны обязаны подписать сначала бумажный экземпляр соглашения, и только затем электронный.

В п. 10 Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами, утвержденного Приказом Минюста России от 30.09.2020 № 222 указано, что электронный экземпляр соглашения также «подписывается усиленной квалифицированной подписью каждого из нотариусов, удостоверяющих сделку» [5]. Считаем, что наличие УКЭП каждого из нотариусов обеспечивает факт соответствия проведения процедуры сделки и ее содержания требованиям закона.

Кроме того, оно регистрируется в реестре нотариальных действий, совершенных удаленно, и сделок, удостоверенных двумя и более нотариусами. При этом, Приказом Минюста России от 30.09.2020 № 222 установлено, что время регистрации записи – московское. Это является вполне логичным, так как большинство юридически значимых действий на расстоянии совершаются по московскому времени. Однако, не совсем понятно, как будут действовать нотариусы с большой разницей часовых поясов, например, если муж находится в Магадане, а жена в Москве, ведь в данном случае, разница во времени составит 8 часов. Вероятно, такой вопрос будет регулироваться графиком работы нотариусов, в том числе по их соглашению. При этом, в Порядке взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами установлено, что «запись считается зарегистрированной в момент подписания соответствующего действия (записи) последним нотариусом» [5]. Однако и здесь могут возникнуть проблемы, в случае технического сбоя у одного из нотариусов.

Кроме того, считаем, что при реализации положений ч. 5 ст. 17 Основ законодательства РФ о нотариате также могут возникнуть коллизии. Игуменова Я.Д. замечает: «по общему правилу ответственность возлагается солидарно на совместно удостоверивших сделку нотариусов, однако вышеприведенной нормой предусмотрено и исключение: в случае, если недействительность удостоверенной сделки обусловлена несоблюдением одним из нотариусов требований ст. 42 (установление личности гражданина-заявителя) и ст. 43 (проверка дееспособности и правоспособности заявителей, наличия их волеизъявления и полномочий представителей) – к ответственности привлекается именно тот нотариус, которым были допущены соответствующие нарушения. Вполне очевидно, что при совершении указанных нарушений всеми нотариусами, участвующими в удостоверении сделки, вновь применяется правило солидарной ответственности» [2, с. 70]. В случае удостоверения соглашения дистанционно при наличии оснований для признания его недействительным, на каждой из сторон может образоваться процессуальное соучастие. И, следовательно, возникает вопрос о подсудности данного дела, ведь, как мы видим, местоположение и Истцов, и Ответчиков не совпадает. Например, если вина лежит на обоих нотариусах, а стороны, соответственно, находятся, как и они в разных городах, и при этом, следует иметь в виду, что в контексте соглашения о разделе имущества это бывшие супруги, которые могут не пойти на контакт друг с другом, и направить иски в разные суды.

Таким образом, считаем необходимым урегулировать данный вопрос, четко определив подсудность данного дела в указанном случае, и тем самым исключив возможные проблемы. Думаем, будет целесообразным определить подсудность по месту нахождения нотариуса, последним внесшим запись в реестр.

Подводя итог, отметим, что при наличии преимуществ новеллы законодательства о нотариате по удостоверению сделки двумя и более нотариусами, имеется и недостатки, состоящие в основном в наличии пробелов в праве, которые могут привести к негативным последствиям, в том числе увеличению судебных споров. Таким образом, считаем необходимым внести следующие дополнения в законодательство о нотариате.

Во-первых, дополнить ст. 53.1 Основ законодательства РФ о нотариате следующим пунктом: «проект (паспорт) сделки – это электронный документ, в котором отражены правовые аспекты сделки, зафиксированы права и обязанности сторон и содержатся сведения о нотариусах, участниках сделки, уникальный идентификатор сделки, вид и текст сделки с удостоверительной надписью, дата и время удостоверения сделки, а также электронные документы, необходимые для удостоверения сделки».

Во-вторых, дополнить Порядок взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами следующим пунктом: «Если паспорта сделки не существует, нотариус, при обращении к нему одной из сторон сделки, обязан уточнить информацию о ней, например, ФИО и иные данные второго супруга. Далее, он проводит соответствующий поиск в ЕИС, и, когда подтверждается, что данных по сделке нет, создает паспорт сделки. Если паспорт сделки есть, то после нахождения данного паспорта, он вносит в него необходимые сведения: о себе, о стороне, которая к нему обратилась и др.

В-третьих, внести дополнения в ч. 5 ст. 17 Основ законодательства РФ о нотариате: «В случае, если обоими нотариусами был причинен вред одновременно двум сторонам сделки, место нахождение которых не совпадает, то иск должен быть подан по месту нахождения нотариуса, который последним внес запись в РУДС».

Список литературы:

1. Альбикив, И. Р. Новейшие юридические технологии в деятельности нотариусов / И. Р. Альбикив // Правовая реформа. – 2022. – № 3. – С. 37-39.
2. Игуменова, Я. Д. Проблематика удостоверения сделки двумя и более нотариусами / Я. Д. Игуменова // Вестник науки. – 2022. – Т. 2, № 4(49). – С. 68-73.
3. Основы законодательства Российской Федерации от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. ст. 357
4. Павлова, Я. А. Удостоверение сделок двумя и более нотариусами / Я. А. Павлова // Символ науки: международный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 112-114.
5. Порядок взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами, утвержденный приказом Минюста России от 30.09.2020 № 222 // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8037/> (дата обращения: 02.02.2026).
6. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4894
7. Соглашение о разделе общего имущества супругов // URL: <https://notarykozlov.ru/actions/dogovor-razdela-imuschestva/> (дата обращения: 02.02.2026).
8. Сучкова, Н. В. Удостоверение сделок двумя и более нотариусами: некоторые вопросы практического применения / Н. В. Сучкова // Нотариальный вестник. – 2022. – № 1. – С. 12-19.
9. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036

References:

1. Albikov, I. R. The latest legal technologies in the activities of notaries / I. R. Albikov // Legal reform. - 2022. - No. 3. - Pp. 37-39.
2. Igumenova, Ya. D. The problem of certifying a transaction by two or more notaries / Ya. D. Igumenova // Herald of science. - 2022. - Vol. 2, No. 4 (49). - Pp. 68-73.
3. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation of 11.02.1993 No. 4462-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. No. 10. Art. 357
4. Pavlova, Ya. A. Certification of Transactions by Two or More Notaries / Ya. A. Pavlova // Symbol of Science: International Scientific Journal. – 2021. – No. 1. – Pp. 112-114.
5. The Procedure for Interaction between Notaries and the Unified Notary Information System When Certifying a Transaction by Two or More Notaries, Approved by Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 222 // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8037/> (date accessed: February 2, 2026).
6. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 N 223-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. Art. 4894
7. Agreement on the Division of Joint Property of Spouses // URL: <https://notarykozlov.ru/actions/dogovor-razdela-imuschestva/> (date of access: 02.02.2026).
8. Suchkova, N. V. Certification of Transactions by Two or More Notaries: Some Issues of Practical Application / N. V. Suchkova // Notarial Bulletin. - 2022. - No. 1. - Pp. 12-19.
9. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036

МЕСТО ИНСТИТУТА РЕДОМИЦИЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА THE PLACE OF THE INSTITUTION OF REDOMICILIATION IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN LAW

ЭШПУЛАТОВ Тимур Авазович,
аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.
E-mail: eshpulatov99@mail.ru;

ESHPULATOV Timur Avazovich,
postgraduate student at the Kutafin University (MSAL).
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, 123242, Russia.
E-mail: eshpulatov99@mail.ru

Краткая аннотация: В работе исследуются актуальные проблемы определения правовой природы редомициляции в условиях отсутствия единого научного подхода. Автор анализирует процесс перехода российской доктрины от строгой теории инкорпорации к современной концепции мобильности компаний. В статье ставится вопрос о причинах системных ошибок в судебной практике при толковании этого молодого института. Исследование выявляет недопустимость отождествления редомициляции с реорганизацией, ликвидацией, исключением из реестра юридических лиц и необоснованность выводов некоторых судов о возникновении правопреемства. Особое внимание уделяется сложности исключения организаций из иностранных реестров в недружественных юрисдикциях. Автор рассматривает редомициляцию как комплексный институт предпринимательского права через призму сочетания частных и публичных интересов. В статье анализируется влияние автономии воли участников (акционеров) на стабильность трансграничного бизнеса при смене личного закона. Предложенный подход позволяет обеспечить экономическую целостность компаний в рамках специальных административных районов.

Abstract: The paper explores topical issues in defining the legal nature of redomiciliation amidst the absence of a unified scholarly approach. The author examines the evolution of Russian legal doctrine from the rigid theory of incorporation toward the modern concept of corporate mobility. The article addresses the root causes of systemic errors in judicial practice concerning the interpretation of this nascent legal institution. The research highlights the impermissibility of equating redomiciliation with reorganization, liquidation, or removal from the register of legal entities, while demonstrating the unfounded nature of certain judicial conclusions regarding legal succession. Special emphasis is placed on the complexities of deregistering organizations from foreign registries within unfriendly jurisdictions. The author conceptualizes redomiciliation as a multifaceted institution of entrepreneurial law through the lens of balancing private and public interests. Furthermore, the paper analyzes how the autonomy of will exercised by participants (shareholders) influences the stability of cross-border business during a change of the governing law (*lex societatis*). The proposed approach facilitates the economic integrity of companies within the framework of Special Administrative Regions.

Ключевые слова: редомициляция, предпринимательское право, международная компания, инкорпорация, личный закон, трансграничная мобильность, правосубъектность.

Keywords: redomiciliation, entrepreneurial law, international company, incorporation, governing law (*lex societatis*), cross-border mobility, legal personality.

Для цитирования: Эшпулатов Т.А. Место института редомициляции в системе современного российского права // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_243.

For citation: Eshpulatov T.A. The place of the institution of redomiciliation in the system of modern Russian law // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 243-246. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_243.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

В юридической науке нет единой точки зрения среди ученых относительно правовой природы и места редомициляции в современной России. Связано это с тем, что редомициляция как правовой институт появилась только в 2018 году и является относительно молодым. Российская корпоративная доктрина исторически придерживалась строгого варианта теории инкорпорации, согласно которой личный закон юридического лица неразрывно связан с правопорядком государства его учреждения. И трансграничное перемещение компании с сохранением ее юридической личности концептуально не допускалось. Введение института редомициляции, по сути, означает отказ от этой традиционной установки и заимствование концепции «мобильности» [15] юридических лиц [4], ранее свойственной преимущественно англо-американской системе права.

Западная юридическая наука накопила солидный опыт в исследовании вопросов трансграничного перемещения компаний. Благодаря работам таких известных авторов как Клаус Хопт [6] и Райнир Краакман [7], а также трудам Теодороса Пападопулоса [15] и Уильяма Браттона [5] в доктрине сформировалась устойчивая теоретическая база для анализа этих процессов.

Однако отечественная юридическая наука на сегодняшний день не выработала целостного доктринального подхода к изучению института редомициляции, несмотря на его высокую прикладную ценность. В настоящий момент научные изыскания в этой области ограничиваются лишь рассмотрением частных сторон проблемы в работах таких авторов как А.В. Габов [8] и Е.А. Дубовицкая [12]. Соответственно, в доктрине касательно места института редомициляции в России как одной из формы трансграничной корпоративной мобильности нет единой точки зрения.

Например, И.Д. Ищенко рассматривает редомициляцию как комплексный институт [14], объединяющий нормы нескольких отраслей права. Иную точку зрения высказывают Р.В. Андреев [1] и Ю.В. Блинова [2], которые относят данные правоотношения к сфере международного частного права. Если рассмотреть место редомициляции в международном частном праве, то следует отметить, что традиционная доктрина международного частного права на протяжении долгого времени рассматривала ее как одну из форм трансграничной корпоративной мобильности организации и отмечалось, что компания не может изменить свой личный закон и перерегистрироваться в другой юрисдикции по своему выбору [3]. Однако столь жесткое регулирование со временем начало меняться и «стало переходить в сферу, где начал действовать принцип автономии воли сторон» [17], то есть учредители компании могли осуществлять по своей воле трансграничное перемещение компании и всего

капитала в иную юрисдикцию с сохранением всех прав и обязанностей без дорогостоящих процедур типа ликвидации или создания нового юридического лица в другом государстве.

Для определения места редомициляции можно сравнить ее с существующими правовыми инструментами изменения организационно-правовой формы или в целом жизнедеятельности юридического лица. Так, можно сравнить редомициляцию с формами реорганизации и задать вопрос – можно ли отнести редомициляцию к одной из форм реорганизации? Если детально сравнить со всеми пятью формами реорганизации, к которым относятся слияние, присоединение, преобразование, присоединения, выделение, разделение, то мы приходим к следующему выводу. Во всех приведенных формах при реорганизации происходит, как правило, универсальное правопреемство, а при выделении – сингулярное. В свою очередь, при редомициляции нет никакого правопреемства, на что указывает ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 03 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»¹ (далее – Закон об МК), где прямо закрепляется: «В связи с государственной регистрацией международной компании в порядке редомициляции не возникает отношений правопреемства между иностранным юридическим лицом и международной компанией». Да и среди законодательно предусмотренных форм в п. 1 ст. 57 ГК РФ² мы не видим отдельного правового положения, которое бы позволяло субсидиарно применить нормы о реорганизации к отношениям при редомициляции. В дополнение так же отметим и то, что реорганизация может быть как внутри государства, так и вовне, в то время как редомициляция всегда носит трансграничный характер и направлена на выход из юрисдикции государства, где компания была изначально учреждена.

Можно сравнить редомициляцию с институтом ликвидации (даже в случае ликвидации компании в иностранной юрисдикции и ее последующего учреждения в новой) и отметить, что данные конструкции прямо противоположны друг другу, несмотря на отсутствие при обоих способах правопреемства. При ликвидации компания полностью прекращает свою деятельность, исключается из реестра юридических лиц, удовлетворив все требования кредиторов. При редомициляции же компания сохраняет свою правосубъектность, что означает полное сохранение всех обязательств перед контрагентами, существующих активов, корпоративных отношений между участниками, а также в рамках установленных правил – сохранение применимого иностранного права (ч. 1.2 ст. 4 Закона об МК). Также ликвидация происходит всегда внутри одного правового порядка, в то время как редомициляция всегда носит трансграничный характер, как это было отмечено ранее. Более того, оба института разграничивают основания инициирования той или иной процедуры. Так, за перемещение компании в порядке редомициляции решение всегда принимается по воле самих участников (акционеров) компании (даже в вынужденном порядке, как это бывает с российскими резидентами за рубежом в связи с санкционным давлением), в то время как ликвидация возможна по инициативе суда или иного на то уполномоченного органа (ст. 61 ГК РФ).

Отчасти можно сравнить редомициляцию и исключение из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица, которое в течение 12 месяцев не представляло налоговую отчетность о своей деятельности в соответствии со ст. 64.2 ГК РФ и ст. 21.1 Федерального закона от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³. Частичная схожесть двух институтов заключается в исключении из реестра юридических лиц. И при современных сложностях в недружественных юрисдикциях⁴ исключение из иностранного реестра российских резидентов после успешной редомициляции в Россию представляется довольно сложным, местами – практически невозможным. Например, ранее срок для такого исключения равнялся шести месяцам, в то время как сейчас он равняется двум годам и может быть продлен по решению Правительственной комиссии РФ (ч. 14-14.3 ст. 5 Закона об МК). Соответственно, при редомициляции в российскую юрисдикцию, неоднократном и добросовестном выполнении возложенной на себя обязанности по исключению из иностранного реестра и в конечном счете невозможности осуществить исключение международная компания занимает позицию выжидания для автоматического аннулирования записи данных иностранной организации уполномоченным государственным органом. Такое явление «пассивного» исключения из реестра получило название *strike off*⁵. Но снова же отличие исключения из реестра за рубежом и в отечественном реестре заключается в наличии (при исключении из иностранного реестра) или отсутствии (при исключении из российского ЕГРЮЛ) трансграничного элемента. При редомициляции компания исключается, чтобы переехать в другую юрисдикцию и продолжить всю свою деятельность также, как и до исключения.

В российской судебной практике в настоящий момент нет разъяснений от высших судебных инстанций относительно места в системе российского права или понятия института редомициляции. Встречаются лишь судебные акты, вынесенные на уровне судов субъектов РФ или кассационных арбитражных судов, которые по-разному и довольно часто ошибочно определяют место редомициляции в системе современного российского права. Полагаем, связано с тем, что редомициляция является относительно новым правовым инструментом и важные корпоративные споры, как правило, рассматриваются третейскими судами в закрытом формате. Например, Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 09.12.2025 г. № Ф07-11427/2025 по делу А21-1175/2025 рассматривает редомициляцию (как способ перемещения компании из одной страны в другую) в качестве реорганизации, так как стадии редомициляции предшествует совершение сделок или иные последовательных действий органами управления организации⁶. Суд в данном случае прав в части трансграничного перемещения компании, однако в части отнесения редомициляции к реорганизации – нет, о чем мы подробно писали ранее.

¹ Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» // СЗ РФ. 2018. № 32. (ч. I). Ст. 5083.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. // Российская газета. № 238-239. 12.1994

³ Федеральный закон от 8 августа 2001 г. N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" // СЗ РФ. 2001. N 33 (ч. 1). Ст. 3431.

⁴ Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства РФ [от 05.03.2022 № 430-р] // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

⁵ *Strike off* – это административная процедура, при которой происходит исключение иностранной компании из государственного реестра как по инициативе самих участников, так и в случае невыполнения возложенных обязанностей на компанию по сдаче налоговой или аудиторской отчетности. См. например: «Striking Off and Dissolution of BVI Companies: Amended Act Brings New Efficiencies» Ben Mellell. URL: <https://www.conyers.com/wp-content/uploads/2022/10/2022-10-BVI-Alert-Striking-Off-and-Dissolution-of-Companies.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09 декабря 2025 г. № Ф07-11427/2025 по делу № А21-1175/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Есть практика, где суд ошибочно определяет редомициляцию как ту процедуру, при которой происходит передача прав и обязанностей от иностранной компании к зарегистрированной в качестве международной компании в российской юрисдикции. Так, Арбитражный суд Московского округа пишет: «права и обязательства иностранной компании «Истерн Карриас Трейдинг Лимитед» перешли к международной компании обществу с ограниченной ответственностью «Истерн Карриас Трейдинг Лимитед» в порядке редомициляции»¹. Данный вывод суда прямо противоречит как ч. 5 ст. 4 Закона об МК, так и в целом правовой природе редомициляции, при которой происходит строгое сохранение правосубъектности компании, а, значит, правопреемство не может существовать ввиду отсутствия прекращения деятельности компании или ее организационно-правовой формы. Примерно такие же выводы сделал Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в Постановлении от 06.06.2023 № Ф02-2780/2023, Ф02-2812/2023, Ф02-2958 по делу № А19-24607/2022².

Однако встречаются и те судебные акты, где суды правильно трактуют процедуру и верно определяют ее место в системе российского права. Например, Арбитражный суд Запорожской области определяет редомициляцию как юридический факт, который является основанием для исключения иностранной компании из реестра юридических лиц одной юрисдикции и регистрацией такой компании в новой с полным и безусловным сохранением всех прав и обязанностей при таком трансграничном перемещении³. Или так же верно рассматривают суды редомициляцию как процедуру, при которой происходит смена юрисдикции компании, ее личного закона и юридического адреса⁴.

Кратко проанализировав доктрину и судебную практику относительно места редомициляции в российском праве, мы полагаем необходимым отнести ее к отрасли предпринимательского права в виду следующего. Ведь именно предпринимательское право, как самостоятельная отрасль права, сочетает в себе гармонично частное и публичное начало, что присуще редомициляции. Рассмотрим подробно группу общественных отношений, которые входят в предмет предпринимательского права и то, как данные отношения коррелируют с отношениями в процессе редомициляции.

Для рассмотрения групп таких общественных отношений, входящих в предмет предпринимательского права, необходимо определиться с самим понятием предпринимательского права. В доктрине нет единого мнения по вопросу самостоятельности отрасли предпринимательского права, но нам наиболее близким видится определение, данное И.В. Ершовой. Так, проф. Ершова определяет предпринимательское право как «совокупность правовых норм, регулирующих предпринимательские отношения, тесно с ними связанные иные, в том числе некоммерческие, отношения, отношения по регулированию предпринимательской деятельности, а также внутрихозяйственные отношения» [13]. И не вдаваясь в детали различных теорий относительно места отрасли предпринимательского права (монистической, дуалистической и комплексной), отметим, что нам импонирует позиция ученых, занимающих комплексную теорию. К ним относятся Е.П. Губин П.Г. Лахно [11], В.С. Бельх [10], В.В. Гуцин и В.А. Гуреев [9].

Действительно, предмет предпринимательского права объединяет несколько групп общественных отношений, требующих всестороннего правового воздействия. Первую группу составляют отношения, возникающие непосредственно в ходе ведения бизнеса при реализации товаров или оказании услуг ради получения прибыли. Данные отношения определяются как «горизонтальные», так как они складываются между равноправными субъектами. Институт редомициляции коммерческих организаций относится именно к этой категории, поскольку процедуру проходят хозяйствующие субъекты, основной целью которых является извлечение прибыли.

Вторая категория правоотношений в рамках предпринимательского права охватывает организационные аспекты некоммерческого типа, что также включает в себя специфику редомициляции. Подобные взаимодействия возникают в процессе учреждения, преобразования или прекращения деятельности организаций любой правовой формы. В данном контексте редомициляцию можно охарактеризовать как способ формирования юридического лица, обладающий особым нормативным регулированием и специальным правовым статусом.

Третья категория правоотношений в системе предпринимательского права охватывает вопросы регулирования хозяйственной деятельности. В юридической науке данная группа традиционно разделяется на государственное воздействие и механизмы саморегулирования. Государственный блок характеризуется вертикальным и строго обязательным характером, когда нормы поведения участников рынка четко определены на уровне закона. В контексте редомициляции это проявляется в императивных требованиях для получения специальных преференций. Так, налоговые и валютные льготы предоставляются международным компаниям исключительно при условии их регистрации в специальных административных районах в соответствии с Федеральным законом от 03 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»⁵ и добросовестного выполнения принятых обязательств. К таким условиям относятся осуществление инвестиций в размере не менее пятидесяти миллионов рублей и своевременная оплата государственной пошлины за ежегодное подтверждение корпоративного статуса. В свою очередь, процессы саморегулирования при смене юрисдикции базируются на принципе частной автономии, который позволяет акционерам (участникам) самостоятельно устанавливать правила внутреннего взаимодействия, отступая от стандартных норм национального права. Международная компания вправе самостоятельно выбирать иностранное право в качестве применимого к их корпоративным отношениям. Кроме того, участники (акционеры) могут включать в соглашения арбитражные оговорки для разрешения будущих споров, а также по своему усмотрению определять порядок формирования органов управления и разграничение их компетенций.

Четвертую категорию составляют внутрихозяйственные отношения, которые в процессе редомициляции приобретают важное значение. Если в обычных условиях такие взаимодействия между участниками носят управленческий характер, то при смене юрисдикции они стано-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 апреля 2023 г. № Ф05-5582/2023 по делу А40-113129/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06 июня 2023 № Ф02-2780/2023, Ф02-2812/2023, Ф02-2958 по делу № А19-24607/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Решение Арбитражного суда Запорожской области от 26 февраля 2025 г. по делу № А86-491/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-1732/2025 по делу А86-235/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // СЗ РФ. 2018. № 32 (Часть I). Ст. 5084.

влятся инструментом самоорганизации. Принятие соответствующего решения общим собранием участников подтверждает наличие автономной воли корпорации на изменение правового режима ее деятельности. В период смены юрисдикции внутренние корпоративные связи проходят этап необходимой адаптации. При этом состав участников остается неизменными, что положительно отражается на устойчивости бизнеса. Существенным изменением является переход прав и обязанностей из-под действия иностранного законодательства в российское правовое поле. Подобный механизм позволяет обеспечить экономическую целостность организации и привести ее внутреннюю структуру в полное соответствие с нормами отечественного законодательства о международных компаниях и специальных административных районах.

Проведенное исследование подтверждает, что институт редомициляции стал важным этапом перехода российской правовой системы к признанию трансграничной мобильности компаний. Мы установили, что эту процедуру нельзя отождествлять с реорганизацией или ликвидацией по причине сохранения правосубъектности и отсутствия отношений правопреемства. Существующая судебная практика пока не выработала единого подхода и часто ошибочно трактует процесс как создание нового юридического лица. На самом деле правовая природа редомициляции заключается в смене личного закона при полном сохранении всех активов и обязательств организации. По нашему убеждению, данный институт следует относить к сфере предпринимательского права, так как оно гармонично сочетает в себе частные и публичные правоотношения. Процесс позволяет участникам (акционерам) использовать автономию воли для настройки корпоративного управления при обязательном соблюдении требований государства. В конечном итоге такая трансформация обеспечивает экономическую целостность бизнеса в рамках российских специальных административных районов.

Список литературы:

1. Андреев Р.В. Деофшоризация: частноправовые и публично-правовые аспекты. С. 3 (подготовлено для СПС "КонсультантПлюс" в 2016 г.).
2. Блинова Ю.В. Адаптация юридического лица в странах ЕС // Международное публичное и частное право. 2018. № 3. С. 9.
3. Блинова Ю. В. Понятийная дистрибуция юридического лица в международном частном праве // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. С. 12.
4. Biernmeyer Th., Meyer M. Cross-border Corporate Mobility in the EU: Empirical Findings 2020 (Edition 1) (August 15, 2020) // Empirical Findings 2020. 1st ed.
5. Bratton, William Wilson and McCahery, Joseph A. and Vermeulen, Erik P.M., How Does Corporate Mobility Affect Lawmaking? A Comparative Analysis (January 2008). ECGI - Law Working Paper No. 91/2008, Georgetown Law and Economics Research Paper No. 1086667, Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper No. 2008-01, URL: <https://ssrn.com/abstract=1086667>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1086667> (дата обращения: 21.03.2025).
6. Davies, Paul L. and Emmenegger, Susan and Ferran, Elis and Ferrarini, Guido and Hopt, Klaus J. and Moloney, Niamh and Opalski, Adam and Pietrancosta, Alain and Roth, Markus and Skog, Rolf R. and Winner, Martin and Winter, Jaap W. and Winter, Jaap W. and Wymeersch, Eddy O., The Commission's 2018 Proposal on Cross-Border Mobility – An Assessment (September 27, 2018). European Company and Financial Law Review Forthcoming, Oxford Legal Studies Research Paper No. 25/2018, URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3257846> (дата обращения: 21.03.2025).
7. Kraakman, R., Armour, J., Davies, P., Enriques, L., Hansmann, H., Hertig, G., Hopt, K., Kanda, H., Pargendler, M., Ringe, W.-G., & Rock, E. (2017). The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. (3. ed.) Oxford University Press.
8. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект): учеб. пособие. М., 2014. С. 204.
9. Гущин В.В., Гуреев В.А. Предпринимательское право России: Учебник. 2-е изд. М., 2008. С. 49.
10. Предпринимательское право России: Учебник / Под ред. В.С. Бельх. М., 2008. С. 26.; Бельх В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М., 2005. С. 32.
11. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. 2-е изд. М., 2010. С. 73.
12. Дубовицкая Е. А. Европейское корпоративное право. М., 2008. С. 157–163.
13. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / И. В. Ершова, Р. Н. Аганина, В. К. Андреев [и др.]; отв. ред. И. В. Ершова. - Москва: Проспект, 2017. С. 36.
14. Ищенко И.Д. Сравнительно-правовой анализ редомициляции в России и за рубежом: насколько эффективна российская модель? // Вестник экономической юстиции Российской Федерации. 2021. № 9. С. 7.
15. Papadopoulos, Thomas. (2019). Cross-Border Mergers: EU Perspectives and National Experiences. DOI: 10.1007/978-3-030-22753-1.
16. Фонотова О. В., Тихоненкова Я. В. Трансграничная реорганизация корпораций в Европейском Союзе и защита заинтересованных сторон // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 105–119.
17. Шварц К.А. Соотношение понятий релокация и редомициляция и различных критериев определения личного закона юридического лица // Юридический вестник. 2024. №2. С. 54.

References:

1. Andreev, R. V. (2016). Deoffshorizatsiya: chastnopravovye i publichnopravovye aspekty [Deoffshorization: Private law and public law aspects]. P. 3. Prepared for the ConsultantPlus Legal Reference System.
2. Blinova, Yu. V. (2018). Adaptatsiya yuridicheskogo litsa v stranakh ES [Adaptation of a legal entity in the EU countries]. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International Public and Private Law]. No. 3. P. 9.
3. Blinova, Yu. V. (2021). Ponyatiynaya distributsiya yuridicheskogo litsa v mezhdunarodnom chastnom prave [Conceptual distribution of a legal entity in private international law]. Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. P. 12.
4. Biernmeyer Th., Meyer M. Cross-border Corporate Mobility in the EU: Empirical Findings 2020 (Edition 1) (August 15, 2020) // Empirical Findings 2020. 1st ed.
5. Bratton, William Wilson and McCahery, Joseph A. and Vermeulen, Erik P.M., How Does Corporate Mobility Affect Lawmaking? A Comparative Analysis (January 2008). ECGI - Law Working Paper No. 91/2008, Georgetown Law and Economics Research Paper No. 1086667, Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper No. 2008-01, URL: <https://ssrn.com/abstract=1086667>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1086667> (дата обращения: 21.03.2025).
6. Davies, Paul L. and Emmenegger, Susan and Ferran, Elis and Ferrarini, Guido and Hopt, Klaus J. and Moloney, Niamh and Opalski, Adam and Pietrancosta, Alain and Roth, Markus and Skog, Rolf R. and Winner, Martin and Winter, Jaap W. and Winter, Jaap W. and Wymeersch, Eddy O., The Commission's 2018 Proposal on Cross-Border Mobility – An Assessment (September 27, 2018). European Company and Financial Law Review Forthcoming, Oxford Legal Studies Research Paper No. 25/2018, URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3257846> (дата обращения: 21.03.2025).
7. Kraakman, R., Armour, J., Davies, P., Enriques, L., Hansmann, H., Hertig, G., Hopt, K., Kanda, H., Pargendler, M., Ringe, W.-G., & Rock, E. (2017). The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. (3. ed.) Oxford University Press.
8. Gabov A.V. (2014). Teoriya i praktika reorganizatsii (pravovoy aspekt): uchebnoe posobie [Theory and practice of reorganization (legal aspect): A textbook]. M. P. 204.
9. Gushchin V.V., & Gureev V.A. (2008). Predprinimatelskoe pravo Rossii: Uchebnik. 2-e izd. [Entrepreneurial Law of Russia: A Textbook. 2nd ed.]. M. P. 49.
10. Belykh, V. S. (Ed.). (2008). Predprinimatelskoe pravo Rossii: Uchebnik [Entrepreneurial Law of Russia: A Textbook]. Moscow. P. 26.; Belykh, V. S. (2005). Pravovoe regulirovaniye predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossii: Monografiya [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia: A Monograph]. Moscow. P. 32.
11. Gubin, E. P., & Lakhno, P. G. (Eds.). (2010). Predprinimatelskoe pravo Rossiyskoy Federatsii: Uchebnik. 2-e izd. [Entrepreneurial Law of the Russian Federation: A Textbook. 2nd ed.]. Moscow. P. 73.
12. Dubovitskaya, E. A. (2008). Evropeyskoe korporativnoe pravo [European Corporate Law]. Moscow. Pp. 157–163.
13. Ershova, I. V., Aganina, R. N., Andreev, V. K., et al. (2017). Predprinimatelskoe pravo: Pravovoe soprovozhdeniye biznesa: uchebnik dlya magistrrov [Entrepreneurial Law: Legal Support of Business: A textbook for masters]. Ershova, I. V. (Ed.). Moscow: Prospekt. P. 36.
14. Ishchenko, I. D. (2021). Sravnitel'no-pravovoy analiz redomitsilyatsii v Rossii i za rubezhom: naskolko effektivna rossiyskaya model'? [Comparative legal analysis of redomiciliation in Russia and abroad: how effective is the Russian model?]. Vestnik ekonomicheskoy yustitsii Rossiyskoy Federatsii [Herald of Economic Justice of the Russian Federation]. No. 9. P. 7.
15. Papadopoulos, T. (2019). Cross-Border Mergers: EU Perspectives and National Experiences. Springer Nature.
16. Fonotova, O. V., & Tikhonenkova, Ya. V. (2021). Transgranichnaya reorganizatsiya korporatsiy v Evropeyskom Soyuze i zashchita zainteresovannykh storon [Cross-border corporate reorganization in the European Union and the protection of stakeholders]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]. Vol. 17, No. 6, pp. 105–119.
17. Shvarts K.A. (2024). Sootnosheniye ponyatiy relokatsiya i redomitsilyatsiya i razlichnykh kriteriev opredeleniya lichnogo zakona yuridicheskogo litsa [Correlation of the concepts of relocation and redomiciliation and various criteria for determining the governing law (lex societatis) of a legal entity]. Yuridicheskii vestnik [Legal Bulletin]. No. 2. P. 54.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМЕНЫ ПОСТАВЩИКА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ПОТРЕБИТЕЛЕМ PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CHANGE OF ELECTRICITY SUPPLIER BY THE CONSUMER

ЮСИПОВА Ирина Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: irenaus@mail.ru

YUSIPOVA Irina Viktorovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: irenaus@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию проблем реализации потребителем права на свободу выбора поставщика электрической энергии на розничном рынке. Анализируются законодательные ограничения, препятствующие одностороннему отказу потребителя от договора с гарантирующим поставщиком. Рассматривается обязанность потребителя по компенсации сбытовой надбавки, которая фактически удерживает его на обслуживании у текущего поставщика. На основе анализа нормативных правовых актов формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Abstract: The article is devoted to the study of the problems of the consumer's exercise of the right to freely choose the supplier of electric energy in the retail market. The legislative restrictions preventing the consumer from unilaterally refusing the contract with the guaranteeing supplier are analyzed. The obligation of the consumer to compensate the sales premium, which actually keeps him on service with the current supplier, is considered. Based on the analysis of regulatory legal acts, proposals are formulated to improve legal regulation in this area.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, гарантирующий поставщик, потребитель, смена поставщика, односторонний отказ, свобода договора, сбытовая надбавка.

Keywords: energy supply contract, guaranteeing supplier, consumer, change of supplier, unilateral refusal, freedom of contract, sales premium.

Для цитирования: Юсипова И.В. Проблемы правового регулирования смены поставщика электрической энергии потребителем // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 247-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_247.

For citation: Yusipova I.V. Problems of legal regulation of changing the supplier of electric energy by the consumer // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 247-248. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_247.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2026

Принцип свободы договора является одним из основополагающих начал гражданского законодательства Российской Федерации. Статья 421 Гражданского кодекса РФ провозглашает свободу граждан и юридических лиц в заключении договора, а также предоставляет сторонам право выбора контрагента [1]. Однако в сфере энергоснабжения реализация данного принципа сталкивается с существенными ограничениями, обусловленными особой социальной значимостью электроэнергетики и необходимостью обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей.

Действующее законодательство предоставляет потребителю право выбора поставщика электрической энергии и право на односторонний отказ от договорных отношений с текущим поставщиком. Так, пунктами 49, 50, 51 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, установлен порядок реализации указанного права [2]. Потребитель обязан направить гарантирующему поставщику письменное уведомление о расторжении или изменении договора за 20 рабочих дней до заявляемой даты.

Однако дальнейший анализ положений данного нормативного правового акта позволяет выявить существенное ограничение, фактически нивелирующее предоставленное потребителю право. В соответствии с пунктом 85 Основных положений, после получения от потребителя уведомления об одностороннем отказе или изменении договора гарантирующий поставщик направляет потребителю счет [2]. На дату расторжения или изменения договора потребитель обязан передать гарантирующему поставщику показания приборов учета, на основании которых производятся окончательные расчеты.

Ключевой проблемой является то, что в указанный счет включается не только стоимость фактически потребленной электроэнергии, но и компенсация сбытовой надбавки. Сбытовая надбавка представляет собой плату за услуги гарантирующего поставщика, которая формируется с учетом необходимой валовой выручки и закладывается в тариф на очередной период регулирования. В случае досрочного расторжения договора гарантирующий поставщик недополучает запланированный объем сбытовой надбавки, что влияет на его финансовые показатели и возможность выполнения обязательств перед иными субъектами рынка.

В случае, если потребитель не оплатил счет, выставленный гарантирующим поставщиком с учетом компенсации сбытовой надбавки, договорные отношения между сторонами сохраняются в неизменном виде вплоть до момента исполнения указанных требований [5, с. 48]. Таким образом, потребитель фактически лишается возможности реализовать свое право на смену поставщика до тех пор, пока не выплатит текущему поставщику определенную денежную сумму.

Возникает парадоксальная ситуация: право на односторонний отказ от договора, предусмотренное законом, поставлено в зависимость от

исполнения дополнительного финансового обязательства, которое по своей природе не связано с оплатой фактически потребленного ресурса. Потребитель вынужден оплачивать услуги, которые еще не оказаны и, возможно, уже не будут оказаны ему в связи с переходом к иному поставщику.

Следует отметить, что обязанность компенсировать бытовую надбавку возлагается на потребителя даже в том случае, если его действия по смене поставщика являются полностью правомерными и добросовестными. Потребитель не нарушает условий договора, не допускает просрочек оплаты, своевременно уведомляет поставщика о своем намерении, однако все равно обязан нести дополнительные расходы.

Такое правовое регулирование вступает в противоречие с основными началами гражданского права, закрепленными в статье 1 Гражданского кодекса РФ, согласно которым гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела [1]. Возложение ответственности за правомерные действия потребителя не соответствует принципу справедливости и баланса интересов сторон.

Анализ правоприменительной практики показывает, что указанные правовые меры, а также ряд иных организационных мероприятий, предусмотренных законодательством, приводят к фактической монополизации розничного рынка гарантирующим поставщиком. Потребитель оказывается «привязанным» к текущему поставщику и лишается реальной возможности реализовать предоставленное законом право выбора.

Особую остроту данная проблема приобретает в условиях, когда качество услуг текущего поставщика не устраивает потребителя, либо, когда иной поставщик предлагает более выгодные условия поставки электроэнергии. Возможность выбора контрагента и условий договора является важнейшим стимулом для повышения качества товаров, работ и услуг в условиях рыночной экономики. Ограничение этой возможности негативно сказывается на развитии конкуренции и, в конечном счете, на положении потребителей.

В целях устранения выявленного противоречия представляется необходимым исключить обязанность потребителя компенсировать гарантирующему поставщику величину бытовой надбавки, которую он недополучил в связи с досрочным расторжением договора. Правомерные действия потребителя, направленные на реализацию предоставленного законом права, не должны влечь для него негативных финансовых последствий [3, с. 114]. При этом необходимо учитывать, что в течение периода тарифного регулирования гарантирующий поставщик осуществляет свою деятельность на основании утвержденных тарифов, включающих плановые показатели необходимой валовой выручки. Досрочное расторжение договоров с потребителями может привести к недополучению запланированных доходов и, как следствие, к убыткам.

Представляется целесообразным предусмотреть механизм компенсации недополученной суммы бытовой надбавки за счет включения ее в следующий период тарифного регулирования в случае, если недополученная величина будет иметь отрицательное значение. Предложенный подход позволит соблюсти некий баланс интересов обеих сторон: у потребителя появится реальная возможность в выборе поставщика, а гарантирующий поставщик сможет компенсировать экономически обоснованные потери в рамках тарифного регулирования [4, с. 267].

В дополнении, требуется уточнение положения пункта 85 Основных положений в части исключения требования об оплате бытовой надбавки как условия для расторжения договора. Считаем целесообразным внести данное изменение в Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442.

Необходимо отметить, что данные изменения не затрагивают обязанность потребителя по оплате фактически потребленной электроэнергии. Эта обязанность сохраняется в полном объеме и подлежит исполнению в установленном порядке.

На основе вышеизложенного можно сделать следующий вывод: настоящее правовое регулирование смены поставщика электрической энергии содержит существенные ограничения, препятствующие реализации потребителем права на свободу выбора. Обязанность компенсации бытовой надбавки, по факту удерживает потребителя на обслуживании у текущего поставщика и ограничивает развитие здоровых конкурентных отношений на розничном рынке электроэнергии.

Таким образом, предлагаемые изменения законодательства направлены на реализацию одного из ключевых принципов государственной политики в сфере электроэнергетики – соблюдение экономически выгодного баланса интересов поставщиков и потребителей электроэнергии. Их осуществление обеспечит защиту законных прав потребителей и будет способствовать развитию здоровой конкуренции на розничном рынке электрической энергии.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.
3. Свирков С.А. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 112-119.
4. Юсипова И.В. Проблема бездоговорного потребления электрической энергии // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 265-267.
5. Кандрушина В.А., Юсипова И.В. Невозможность одностороннего отказа от договора поставки электроэнергии с потребителем // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 4-3. С. 47-50.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/04/2012 No. 442 "On the functioning of retail markets of electric energy, full and (or) partial restriction mode of electric energy consumption" (together with the "Basic provisions for the functioning of retail electric energy markets", "Rules for the complete and (or) partial restriction of electric energy consumption") // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 23. St. 3008.
3. Svirkov S.A. Energy supply contract in the system of contractual relations in the electric energy market // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 3. pp. 112-119.
4. Yusipova I.V. The problem of non-contractual consumption of electric energy // Agrarian and land law. 2025. No. 4. pp. 265-267.
5. Kandrushina V.A., Yusipova I.V. The impossibility of unilateral cancellation of the contract for the supply of electricity with the consumer // Science of Krasnoyarsk. 2023. Vol. 12. No. 4-3. pp. 47-50.

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА ПРИМЕРЕ ЗАВИСИМЫХ ТЕРРИТОРИЙ
(ГВАДЕЛУПЫ, МАРТИНИКИ, ПУЭРТО-РИКО, СЕН-БАРТЕЛЕМИ, СЕН-МАРТЕНА,
ФРАНЦУЗСКОЙ ГВИАНЫ): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF PUBLIC CONTROL IN LATIN AMERICA,
USING THE EXAMPLE OF DEPENDENT TERRITORIES
(GUADELOUPE, MARTINIQUE, PUERTO RICO, SAINT BARTHÉLEMY,
SAINT MARTIN, FRENCH GUIANA): COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Кубанского филиала
Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр пищевых технологий
им. В. М. Горбатова» Российской академии наук.
350000, Россия, Краснодарский край, ул. Колхозная, 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, ул. Ставропольская, 149,
e-mail: niipg2020@mail.ru

ПЕТРЕНКО Елена Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, ул. Калинина, 13,
e-mail: niipg2010@mail.ru

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления
Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
462419, Россия, Оренбургская область, г. Орск, Мира, 15А
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Kuban Branch
Federal State Budgetary Scientific Institution "V. M. Gorbатов Federal Scientific Center for Food Technologies"
of the Russian Academy of Sciences.
350,000, Russia, Krasnodar Territory, Kolkhoznyaya str., 3,
ORCID: 0000-0003-3029-4727,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University".
149 Stavropol Street, Krasnodar Territory, 350040, Russia,
e-mail: niipg2020@mail.ru

PETRENKO Elena Gennadievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and International Law
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University".
Kalinina str., 13, Krasnodar Territory, 350044, Russia,
e-mail: niipg2010@mail.ru

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Management
Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch) of the Orenburg State University
Mira 15A, Orenburg Region, 462419, Russia,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу институтов общественного контроля в зависимых территориях Латинской Америки, обладающих особым конституционно-правовым статусом: Гваделупа, Мартиника, Пуэрто-Рико, Сен-Бартелеми, Сен-Мартен, Французская Гвиана. Авторы исследуют влияние колониального наследия и современных метрополий (Франции и США) на формирование механизмов гражданского участия. В работе выявлено, что в французских заморских территориях общественный контроль институционализирован через механизмы административного права с ограниченной автономией, в то время как в Пуэрто-Рико (неинкорпорированная территория США) наблюдается глубокая коллизия между федеральным контролем и местными инициативами. На основе анализа законодательства и политической практики сделан вывод о формировании гибридных моделей общественного контроля, сочетающих элементы метрополитных стандартов и локального правотворчества, что позволяет рассматривать эти территории как уникальные «правовые лаборатории» для изучения демократических институтов в несuverенных полутиях.

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of institutions of public control in dependent territories of Latin America with a special constitutional and legal status: Guadeloupe, Martinique, Puerto Rico, Saint Barthélemy, Saint Martin, French Guiana. The authors explore the influence of the colonial legacy and modern metropolises (France and the USA) on the formation of mechanisms of civic participation. The paper reveals that in

the French overseas Territories, public control is institutionalized through administrative law mechanisms with limited autonomy, while in Puerto Rico (an unincorporated territory of the United States) there is a deep conflict between federal control and local initiatives. Based on the analysis of legislation and political practice, it is concluded that hybrid models of public control are being formed, combining elements of metropolitan standards and local law-making, which makes it possible to consider these territories as unique "legal laboratories" for studying democratic institutions in unconverted policies.

Ключевые слова: общественный контроль; Латинская Америка; Гваделупа; Мартиника; Пуэрто-Рико; Сен-Бартелеми; Сен-Мартен; Французская Гвиана; сравнительно-правовой анализ; конституционно-правовые основы.

Keywords: public control; Latin America; Guadeloupe; Martinique; Puerto Rico; Saint Barthélemy; Saint Martin; French Guiana; comparative legal analysis; constitutional and legal framework.

Для цитирования: Гончаров В.В., Малиновский О.Н., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Латинской Америке на примере зависимых территорий (Гваделупы, Мартиники, Пуэрто-Рико, Сен-Бартелеми, Сен-Мартена, Французской Гвианы): сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 249-253. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_249.

For citation: Goncharov V.V., Malinovsky O.N., Petrenko E.G., Cheshin A.V. Constitutional and legal foundations of public control in Latin America on the example of dependent territories (Guadeloupe, Martinique, Puerto Rico, Saint Barthélemy, Saint Martin, French Guiana): comparative legal analysis// Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 249-253. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_249.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Введение.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом сравнительного конституционного права к несuverенным территориям, которые, оставаясь вне общепринятых моделей государственности, вырабатывают уникальные механизмы взаимодействия граждан и власти. Традиционно Латинская Америка рассматривается через призму суверенных республик, однако значительная часть региона представлена зависимыми территориями — наследием колониальной эпохи, сохраняющими особые связи с Францией и США. Гваделупа, Мартиника, Французская Гвиана, Сен-Бартелеми, Сен-Мартен и Пуэрто-Рико являются яркими примерами таких политико-правовых образований, где вопрос об общественном контроле приобретает особое звучание в контексте ограниченного суверенитета.

Цель исследования — выявить конституционно-правовые модели общественного контроля во французских заморских территориях и в Пуэрто-Рико, определить их общие черты и различия, а также оценить степень эффективности механизмов гражданского участия в условиях зависимого статуса.

Задачи исследования: а) систематизировать конституционно-правовые основы статуса исследуемых территорий (Гваделупа, Мартиника, Французская Гвиана, Сен-Бартелеми, Сен-Мартен, Пуэрто-Рико); б) проанализировать институциональные формы общественного контроля, закрепленные в законодательстве Франции и США применительно к зависимым территориям; в) выявить особенности реализации общественного контроля в контексте автономии территорий и надзорных полномочий метрополий; г) провести сравнительный анализ моделей общественного контроля во французских заморских территориях и в Пуэрто-Рико.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что конституционно-правовая конструкция общественного контроля в зависимых территориях Латинской Америки представляет собой гибридную модель, в которой формальное распространение метропольных стандартов демократии сочетается с ограничением реального влияния граждан на ключевые вопросы управления (финансы, оборона, внешние сношения), что порождает специфические конфликты между институтами представительной демократии и механизмами прямого участия.

Методологическая база исследования включает формально-юридический метод, позволивший проанализировать тексты конституций (Франции, США) и специальных законов о статусе территорий; сравнительно-правовой метод, используемый для сопоставления моделей общественного контроля в различных юрисдикциях; историко-правовой метод, необходимый для понимания эволюции статуса территорий; а также метод «case study», примененный для анализа конкретных ситуаций (например, деятельность Совета по фискальному надзору в Пуэрто-Рико).

Анализ научной литературы. Исследование опирается на значительный массив зарубежной научной литературы. Фундаментальной работой по конституционному праву региона является «The Oxford Handbook of Constitutional Law in Latin America» под редакцией С. Хюбнера Мендеса, Р. Гаргарельи и С. Гвиди, [1; 5] в которой представлен комплексный анализ конституционных систем 17 латиноамериканских юрисдикций, включая вопросы институционального дизайна и защиты прав. Особый интерес представляет коллективная монография «The Insular Cases and the Expansion of American Empire», [10] детально рассматривающая правовое наследие «островных дел» Верховного суда США, определивших статус Пуэрто-Рико как «неинкорпорированной территории». В области французского права ключевое значение имеет труд «Droit des Outre-mer» (Дж. Фаберона), [11] в котором анализируется применение Конституции Франции в заморских территориях, включая механизмы адаптации законодательства. Вопросы общественного участия в Гваделупе и Мартинике исследуются в работе «La démocratie participative dans les Outre-mer» (Ф. Ферала), где автор отмечает парадоксальную ситуацию: при формальном распространении французских законов о публичных дебатах реальное участие граждан сдерживается централизацией принятия решений. [12, с. 345-360] Проблематике общественного контроля в Пуэрто-Рико посвящены статьи в журнале «Georgetown Journal of International Affairs», в частности интервью с бывшим губернатором Анибалом Асеведо Вилой, раскрывающее механизмы давления Совета по фискальному надзору (PROMESA) на местные органы власти. [6] Анализ современной ситуации в Пуэрто-Рико представлен в публикации Американской ассоциации юристов (ABA, 2025), где акцентируется неспособность территории самостоятельно отстаивать свои интересы в условиях федерального контроля. [3] Статус Сен-Бартелеми и Сен-Мартена после отделения от Гваделупы в 2007 году освещен в материалах на сайте «Globalsecurity.org», где подробно описываются полномочия территориальных советов и их взаимодействие с государством. [4] Эволюция статуса Гваделупы и результаты референдума 2003 года анализируются в ресурсах «Direct Demoscrasy», демонстрируя нежелание населения расширять автономию. [10] Нормативную базу исследования составляют, в частности, французский «Code des relations entre le public et l'administration» (Livre V, 2024), устанавливающий особенности применения административного права в заморских территориях, [2] а также решения Верховного суда США по «островным делам», включая «United States v. Vaello Madero» (2022),

подтвердившие дискриминационный характер распространения социальных программ.

Основной текст.

Конституционно-правовой статус исследуемых французских территорий неоднороден. Гваделупа, Мартиника и Французская Гвиана (Гвиана) имеют статус заморских департаментов (*départements d'outre-mer, DOM*), что в соответствии со статьей 73 Конституции Франции означает принцип «законодательной идентичности»: законы и регламенты применяются там автоматически, за исключением адаптаций, продиктованных местными особенностями. [2] Этот статус, приобретенный в 1946 году, символизировал интеграцию колоний в состав Франции, однако на практике породил противоречие между формальным равенством и реальным неравенством в уровне экономического развития и доступе к публичным услугам.

Сен-Бартелеми и Сен-Мартен, напротив, относятся к категории заморских общин (*collectivités d'outre-mer, COM*) в соответствии со статьей 74 Конституции. Их особый статус был утвержден по результатам референдума 7 декабря 2003 года, на котором население этих островов высказалось за выход из состава департамента Гваделупа. [10] В Сен-Мартене за отделение проголосовало 95,5% участников, в Сен-Бартелеми — 76,2%, что свидетельствовало о выраженном стремлении к большей автономии. [10] Органический закон от 21 февраля 2007 года официально закрепил их переход в статус COM. [4]

Ключевое различие между DOM и COM состоит в объеме компетенции. Для COM принцип «законодательной идентичности» не действует: местные органы власти могут принимать нормативные акты в ряде сфер (налоги, градостроительство, дорожное движение, туризм, окружающая среда), в то время как государство сохраняет полномочия в вопросах обороны, правосудия, публичной свободы и внешних сношений. [4] В Сен-Бартелеми и Сен-Мартене действуют территориальные советы (*conseil territoriaux*), избираемые на пять лет, которые формируют исполнительный совет (*conseil exécutif*) во главе с президентом общины. Кроме того, создаются экономические, социальные и культурные советы (CESC), выполняющие консультативные функции. [4]

Конституционно-правовой статус Пуэрто-Рико определяется территориальной клаузулой (Article IV, Section 3) Конституции США и решениями Верховного суда в рамках «островных дел» (*Insular Cases, 1901-1922*), установивших доктрину «неинкорпорированной территории» (*unincorporated territory*). Согласно этой доктрине, Конгресс США обладает практически неограниченной властью (*plenary power*) в отношении таких территорий, а Конституция США применяется лишь в той мере, в какой это признается Конгрессом. [3] Решение *United States v. Vaello Madero* (2022) подтвердило, что Конгресс может исключать жителей Пуэрто-Рико из программ социального обеспечения (*Supplemental Security Income*) даже при условии, что они платят федеральные налоги. [3]

В 1952 году Конгресс США одобрил Конституцию Пуэрто-Рико, установившую статус «Содружества» (*Commonwealth*). Однако, как отмечает бывший губернатор Анибал Асеведо Вила, этот статус не изменил фундаментальной зависимости: «Конгресс по-прежнему обладает пленарными полномочиями в отношении Пуэрто-Рико». [7] Жители территории не имеют голосующих представителей в Конгрессе (лишь одного «резидент-комиссара» с правом голоса в комитетах, но не в палате в целом) и не участвуют в выборах президента США. [3]

Особенностью современного этапа является создание Совета по фискальному надзору и управлению (*Financial Oversight and Management Board, FOMB*) в соответствии с законом PROMESA (2016). Этот орган, назначенный президентом США, обладает полномочиями утверждать бюджеты и реструктурировать долг Пуэрто-Рико, фактически ограничивая суверенитет выборных органов власти. [3; 7] В августе 2025 года администрация президента Трампа уволила пять из семи членов Совета, что было расценено как прямое вмешательство в процесс реструктуризации долга государственной энергетической компании PREPA. [3]

Во французских заморских территориях общественный контроль регулируется общими положениями *Code des relations entre le public et l'administration* (Кодекса отношений между публикой и администрацией) с учетом специальных адаптаций, предусмотренных в *Livre V* («Положения об заморских территориях»). [2] Кодекс закрепляет принципы публичности административных актов, права граждан на доступ к документам (*loi CADA*), а также механизмы консультаций (*concertation*) и публичных дебатов (*débat public*).

Однако на практике применение этих механизмов в заморских территориях сталкивается с трудностями. Во-первых, как отмечается в литературе, адаптация законодательства (*adaptation législative*) часто используется для ограничения, а не расширения прав граждан. Статья 73 Конституции позволяет вносить изменения в законы с учетом «особенностей, обусловленных местными условиями», что создает правовую неопределенность. [2] Во-вторых, ключевые решения в области экономики, инфраструктуры и экологии часто принимаются в Париже без реального учета мнения местных сообществ. Примером может служить ситуация с управлением водными ресурсами и борьбой с переносчиками заболеваний (*dengue, chikungunya*), где централизованное регулирование вступает в конфликт с местными инициативами. [6]

Важным инструментом общественного контроля в COM являются экономические, социальные и культурные советы (CESC). В Сен-Бартелеми и Сен-Мартене эти консультативные органы, назначаемые на пять лет, обязаны давать заключения по проектам бюджета, планам развития и распределению государственных инвестиций. [4] Однако их полномочия носят исключительно консультативный характер, и территориальный совет не обязан следовать их рекомендациям.

В Пуэрто-Рико институты общественного контроля существуют в условиях глубокой коллизии между формальной автономией и реальным федеральным вмешательством. С одной стороны, Конституция Пуэрто-Рико (1952) закрепляет республиканскую форму правления, разделение властей и бикамеральную законодательную ассамблею. С другой стороны, закон PROMESA (2016) создал Совет по фискальному надзору, который обладает властью, превышающей полномочия выборного правительства. [7]

Как отмечает бывший губернатор Асеведо Вила, «Совет может отменять решения губернатора или законодательной ассамблеи во

многих экономических областях». [7] Это создает уникальную ситуацию, при которой механизмы общественного контроля (выборы, публичные слушания, право петиций) существуют параллельно с механизмами внешнего управления, не подконтрольными населению. Совет не избирается, его члены назначаются Президентом США, а их деятельность финансируется из бюджета Пуэрто-Рико.[3]

Проблема усугубляется ограниченностью политического представительства. Резидент-комиссар в Палате представителей США не имеет права голоса по окончательным версиям законопроектов, что, по словам Асеведо Вилы, делает местные референдумы по статусу «бессмысленными без одобрения Конгресса». [7] За период с 1967 по 2024 год в Пуэрто-Рико прошло шесть плебисцитов о статусе, ни один из которых не привел к изменению конституционных отношений с США.

Сравнение моделей общественного контроля в исследуемых территориях позволяет выделить три ключевых параметра: источник правового регулирования; степень автономии местных институтов; эффективность гражданского участия.

Французские заморские департаменты (Гваделупа, Мартиника, Гвиана) демонстрируют модель «интегрированного контроля». Правовое регулирование осуществляется на основе метропольного законодательства с ограниченными адаптациями. Общественный контроль формально соответствует французским стандартам (публичность, доступ к документам, консультации), однако реальное участие граждан ограничено централизацией принятия решений. Референдум 2003 года в Гваделупе, где 73% избирателей отвергли расширение автономии, свидетельствует о парадоксальном предпочтении интеграции самоуправлению. [10]

Французские заморские общины (Сен-Бартелеми, Сен-Мартен) представляют модель «расширенного самоуправления». Они обладают большей нормативной компетенцией, чем DOM, и имеют консультативные органы (CESC), формально институционализирующие общественное участие. Однако их малые размеры (население Сен-Бартелеми — около 10 000 человек) и зависимость от государственных трансфертов создают специфическую динамику, где личные связи между элитами часто замещают формальные механизмы контроля.

Пуэрто-Рико представляет уникальную модель «конфликтного участия». При наличии развитых демократических институтов (выборный губернатор, двухпалатный парламент, верховный суд) реальная власть в ключевых экономических вопросах принадлежит невыборному Совету по фискальному надзору, назначаемому из Вашингтона. Это создает ситуацию, которую Асеведо Вила характеризует как «отсутствие достоинства»: «Конгресс должен иметь полномочия, согласованные коллективно, а не неограниченные, как сейчас». [7]

Заключение.

Проведенное исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о гибридном характере моделей общественного контроля в зависимых территориях Латинской Америки. Во французских заморских территориях наблюдается формальное распространение метропольных стандартов демократии, которое на практике сталкивается с ограничением реального участия граждан из-за централизации и механизмов «адаптации» законодательства. В Пуэрто-Рико коллизия между демократическими институтами и федеральным контролем достигла высочайшей степени, превратив общественный контроль в арену борьбы за базовые принципы самоуправления.

Сравнительный анализ показывает, что эффективность общественного контроля в зависимых территориях обратно пропорциональна степени вмешательства метрополии в вопросы, не связанные с обороной и внешними сношениями. Французские COM (Сен-Бартелеми, Сен-Мартен) демонстрируют более высокий уровень автономии и, соответственно, большую восприимчивость к местным инициативам, чем DOM, сохраняющие жесткую привязку к Парижу. Пуэрто-Рико, напротив, показывает, что формальное наличие развитых демократических институтов может быть сведено к минимуму федеральным вмешательством через финансовые механизмы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния международного права (в частности, деколонизационных резолюций ООН) на эволюцию статуса этих территорий, а также с изучением практики общественного контроля в других зависимых территориях региона (например, на Виргинских островах США или Кюрасао).

Список литературы

1. Hübner Mendes C., Gargarella R., & Guidi S. (Eds.). The Oxford Handbook of Constitutional Law in Latin America. Oxford University Press, 2022. 943 p.
2. Code des relations entre le public et l'administration. Version consolidée au 24 juin 2024. Livre V: Dispositions relatives à l'outre-mer (Articles L500-1 à R584-3). Légifrance.
3. American Bar Association. Can Puerto Rico Truly Advocate for Itself to Fill a Federal Void in 2025 and Beyond? // Human Rights Magazine. 2 (50).
4. Globalsecurity.org. Saint Barthelemy - Government. 2017.
5. Fontenille D., Lagneau C., Lecollinet S., Lefait Robin R., Setbon M., Tirel B., & Yébakima A. How is governance organized? // IRD Éditions. 2013. Pp. 324-341. DOI: 10.4000/books.irdeditions.1267.
6. Acevedo Vilá, A. Rethinking Policy and Political Identity in Puerto Rico: Perspectives from Former Governor Aníbal Acevedo Vilá. Georgetown Journal of International Affairs, February 10, 2025.
7. Gibbs, D. Daniel Gibbs French Saint Martin And St Barts Elections June 10th And 17th 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sxmgovernment.com> (дата обращения: 01.04.2026).
8. Hernández, P. J. Resident Commissioner Highlights Historic Openness from the Department of the Interior to Improve Territorial Status. Press release, house.gov, June 12, 2025.
9. Direct Democracy. Guadeloupe (France), 7 December 2003: Inner Autonomy. 2013.
10. Burnett, C. D., & Marshall, B. (Eds.). The Insular Cases and the Expansion of American Empire. University Press of Kansas, 2020. 312 p.
11. Faberon, J. Y. Droit des Outre-mer. 2e éd. LGDJ, 2021. 480 p.
12. Feral, F. La démocratie participative dans les Outre-mer: entre mimétisme et innovation // Revue française d'administration publique. 2020. № 174. Pp. 345-360.
13. United States Supreme Court. United States v. Vaello Madero, 596 U.S. 159 (2022).
14. Lawson G., & Seidman G. The Constitution of Empire: Territorial Expansion and American Legal History. Yale University Press, 2004. 280 p.
15. Duhamel O. Droit constitutionnel et institutions politiques. 5e éd. Seuil, 2023. 850 p.
16. Cabannes, X. Les collectivités d'outre-mer à statut particulier // Revue juridique et politique des départements et territoires d'outre-mer. 2022. № 1. Pp. 23-41.
17. Colón-Ríos J. I. The Constitutional Law of Puerto Rico. Carolina Academic Press, 2018. 350 p.
18. Venator-Santiago C. R. Puerto Rico and the Origins of U.S. Global Empire. Routledge, 2019. 210 p.
19. Conseil d'État (France). L'application du droit de l'Union européenne dans les collectivités françaises d'outre-mer. Étude annuelle, 2021. 280 p.
20. García Muñoz M. La democracia participativa en el ordenamiento jurídico francés y su aplicación en los territorios de ultramar // Revista de Derecho Constitucional Europeo. 2023. № 39. Pp. 145-170.

References

1. Hübner Mendes C., Gargarella R., & Guidi S. (Eds.). The Oxford Handbook of Constitutional Law in Latin America. Oxford University Press, 2022. 943 p.
2. Code des relations entre le public et l'administration. Version consolidée au 24 juin 2024. Livre V: Dispositions relatives à l'outre-mer (Articles L500-1 à R584-3). Légifrance.
3. American Bar Association. Can Puerto Rico Truly Advocate for Itself to Fill a Federal Void in 2025 and Beyond? // Human Rights Magazine. 2 (50).
4. Globalsecurity.org. Saint Barthelemy - Government. 2017.
5. Fontenille D., Lagneau C., Lecollinet S., Lefait Robin R., Setbon M., Tirel B., & Yébakima A. How is governance organized? // IRD Éditions. 2013. Pp. 324-341. DOI: 10.4000/books.irdeditions.1267.
6. Acevedo Vilá, A. Rethinking Policy and Political Identity in Puerto Rico: Perspectives from Former Governor Anibal Acevedo Vilá. Georgetown Journal of International Affairs, February 10, 2025.
7. Gibbs, D. Daniel Gibbs French Saint Martin And St Barts Elections June 10th And 17th 2017. [electronic resource]. Access mode: <https://www.sxmgovernment.com> (date of request: 04/01/2026).
8. Hernández, P. J. Resident Commissioner Highlights Historic Openness from the Department of the Interior to Improve Territorial Status. Press release, house.gov, June 12, 2025.
9. Direct Democracy. Guadeloupe (France), 7 December 2003: Inner Autonomy. 2013.
10. Burnett, C. D., & Marshall, B. (Eds.). The Insular Cases and the Expansion of American Empire. University Press of Kansas, 2020. 312 p.
11. Faberon, J. Y. Droit des Outre-mer. 2e éd. LGDJ, 2021. 480 p.
12. Feral, F. La démocratie participative dans les Outre-mer: entre mimétisme et innovation // Revue française d'administration publique. 2020. № 174. Pp. 345-360.
13. United States Supreme Court. United States v. Vaello Madero, 596 U.S. 159 (2022).
14. Lawson G., & Seidman G. The Constitution of Empire: Territorial Expansion and American Legal History. Yale University Press, 2004. 280 p.
15. Duhamel O. Droit constitutionnel et institutions politiques. 5e éd. Seuil, 2023. 850 p.
16. Cabannes, X. Les collectivités d'outre-mer à statut particulier // Revue juridique et politique des départements et territoires d'outre-mer. 2022. № 1. Pp. 23-41.
17. Colón-Ríos J. I. The Constitutional Law of Puerto Rico. Carolina Academic Press, 2018. 350 p.
18. Venator-Santiago C. R. Puerto Rico and the Origins of U.S. Global Empire. Routledge, 2019. 210 p.
19. Conseil d'État (France). L'application du droit de l'Union européenne dans les collectivités françaises d'outre-mer. Étude annuelle, 2021. 280 p.
20. García Muñoz M. La democracia participativa en el ordenamiento jurídico francés y su aplicación en los territorios de ultramar // Revista de Derecho Constitucional Europeo. 2023. № 39. Pp. 145-170.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_254

УДК 34.09

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В КИТАЕ PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF PERSONAL DATA SUBJECTS IN THE CONTEXT OF BIG DATA IN CHINA

ЛО Имин,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: lym001008@gmail.com

LUO Yimin,

PhD student at the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: lym001008@gmail.com

Краткая аннотация. В статье делается анализ и обобщение процесса развития правовой защиты прав субъектов персональных данных в Китае в контексте использования больших данных. В законодательстве Китая термин «большие данные» впервые появился в Отчете о работе правительства за 2014 год, и с тех пор все больше ученых-юристов стали уделять внимание вопросам правового регулирования применения технологии больших данных, особенно вопросам защиты персональной информации применительно к большим данным. Анализируются основные проблемы, которые возникают в Китае в связи с обработкой персональных данных с использованием технологий больших данных.

Abstract: The article analyzes and summarizes the development of legal protection of the rights of personal data subjects in China in the context of the use of big data. In Chinese law, the term "big data" first appeared in the 2014 Government Work Report, and since then, more and more legal scholars have begun to pay attention to the legal regulation of the use of big data technology, especially the protection of personal information in relation to big data. The main problems that arise in China in connection with the processing of personal data using big data technologies are analyzed.

Ключевые слова: большие данные, защита прав, информационная безопасность, Китайская Народная Республика, персональные данные, права на персональные данные, правовое регулирование.

Keywords: big data, protection of rights, information security, People's Republic of China, personal data, rights to personal data, legal regulation.

Для цитирования: Ло Имин. Проблемы защиты прав субъектов персональных данных в условиях больших данных в Китае // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 254-257. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_254.

For citation: Luo Yimin. Problems of protecting the rights of personal data subjects in the context of big data in China // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 254-257. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_254.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

В современном информационном обществе благодаря высокому уровню развития информационных технологий постоянно создаются, собираются, хранятся, систематизируются и используются огромные объемы разнообразной информации в виде данных. С быстрым совершенствованием вычислительных мощностей компьютеров человечество вступило в эпоху больших данных. Это сделало особенно актуальным вопрос о неприкосновенности частной жизни, права на личную тайну. В информационную эпоху понятие «частная жизнь» неразрывно связано с обработкой персональных данных, и люди все больше осознают важность их защиты. С наступлением эры больших данных не только возрастает потенциальная ценность таких данных, но и появляются новые риски и угрозы безопасности персональных данных. При использовании технологии больших данных нарушения конфиденциальности персональной информации становятся более частыми и трудноопределимыми.

Значение и характеристики больших данных

Большие данные – это относительно абстрактное понятие, впервые официально представленное в 2011 году всемирно известной консалтинговой компанией McKinsey & Company. Для китайского правительства термин «большие данные» впервые был упомянут в «Отчете о работе правительства за 2014 год» («在新一代移动通信、集成电路、大数据、先进制造、新能源、新材料等方面赶超先进»), где, наряду с передовыми достижениями в области мобильной связи нового поколения, интегральных схем, передового производства, новой энергии, новых материалов, в качестве приоритетов развития названы технологии «больших данных»¹. В данном документе они были упомянуты только направление развития, а определения понятия в документе не содержалось.

Только 29 декабря 2017 года бывшее Главное управление по надзору за качеством, инспекции и карантину и Национальное управление по стандартизации выпустили национальный стандарт «Терминология больших данных в области информационных технологий»² (GB/T 35295-2017), в котором дается точное определение "больших данных". В стандарте указано, что большие данные – это «данные, содержащие большое количество наборов данных с такими характеристиками, как большой объем, разнообразные источники, чрезвычайно быстрая генерация, изменчивость, и трудно поддающиеся эффективной обработке традиционной архитектурой данных».

¹ 政府工作报告 (全文) (Отчет о работе правительства за 2014 год). URL : https://www.gov.cn/guowuyuan/2014-03/14/content_2638989.htm (дата обращения: 10.02.2026).

² Национальное бюро статистики (НБС) 《政府统计中如何使用大数据》. URL : http://www.stats.gov.cn/zs/tjws/tjzn/202301/t20230101_1903936.html (дата обращения: 10.02.2026).

В указанных документах закреплено, что главная ценность «больших данных» заключается в возможности прогнозировании развития различных процессов, благодаря которому можно получить необходимую информацию для оптимизации принятия решений и повышения экономического эффекта.

Пересмотр понятия персональных данных в контексте «больших данных»

Персональные данные – это особое юридическое понятие, аналогичное понятиям «персональная информация» и «частная жизнь»¹. Персональными данными принято считать данные, относящиеся к отдельному лицу, которые прямо или косвенно идентифицируют его. В законодательстве ЕС наиболее важным критерием для персональных данных является возможность идентификации. Однако с появлением уникальных и мощных прогностических возможностей больших данных понятие персональных данных нуждается в пересмотре.

Во-первых, расширяется сфера применения понятия «персональные данные». «Идентифицируемость – важный атрибут персональных данных, но инструментом для определения степени идентифицируемости является технология»². Эффективно комбинируя и объединяя информацию о действиях пользователей Интернета, информацию о сборе ими информации на веб-страницах, персональные данные в социальных сетях, информацию о местоположении смартфонов и информацию об использовании «умных» устройств, коммерческие организации могут быстро получить данные о конкретном физическом лице, относящиеся к личной информации.

Возьмем в качестве примера использование интеллектуальных счетчиков: когда человек использует электроэнергию в повседневной жизни, характеристики нагрузки каждого типа электроприборов отличаются в рабочих и напряженных ситуациях, и интеллектуальные счетчики могут непрерывно регистрировать эти характеристики, собирать и хранить их. Анализ этих данных об электричестве позволяет узнать, какие электроприборы и какие действия совершает человек в определенное время, а затем накопленные со временем данные можно использовать для предположений о его привычках и распорядке жизни, например, о времени работы и отдыха, присутствии в определенном помещении, что, очевидно, можно отнести к категории личных данных, характеризующих его частную жизнь. Нетрудно предсказать, что развитие больших данных и применение соответствующих технологий приведет к тому, что некоторые традиционно не идентифицирующие лицо данные станут персональными данными.

Во-вторых, категоризация персональных данных постепенно размывается. В доктрине и законодательстве КНР персональные данные делятся на чувствительные и нечувствительные в зависимости от того, касаются они частной жизни или нет. Чувствительные персональные данные – это данные, которые влияют на частную жизнь, а нечувствительные персональные данные – это данные, которые на нее не влияют.³ Проводя различие между чувствительными и нечувствительными персональными данными, закон намерен дифференцировать степень и тип защиты. Сбор и обработка чувствительных персональных данных требует особой защиты в соответствии с законом, и природа особой защиты заключается в укреплении права субъекта данных знать и контролировать их. Благодаря применению новых технологий, достаточно большому объему данных и эффективному сочетанию данных из разных источников, перекрестное сравнение и сравнительный анализ данных значительно расширяются, создавая связь между нечувствительными и чувствительными персональными данными и постепенно стирая границы между ними. Это указывает на то, что некоторые традиционно нечувствительные данные также подлежат особой защите.

Проблема «Big data kills»

Big data kills (данные убивают) – явление, когда старые клиенты видят те же самые товары или услуги по гораздо более дорогой цене, чем новые.⁴ Эта проблема существовала в Китае уже давно, с тех пор как технологии «больших данных» начали использоваться в коммерческих целях. Она беспокоила широкий круг потребителей и была постепенно решена только с принятием Закона о защите персональной информации⁵ и Закона о безопасности данных⁶.

Цифровая экономика Китая начала развиваться с 2018 г., когда появилось большое количество мобильных программ для обслуживания потребителей. Например, в сфере путешествий появилось большое количество мобильных программ для бронирования отелей и покупки авиабилетов. Вам нужно только ввести пункт назначения, и приложение автоматически поможет вам собрать информацию об отелях, авиабилетах, железнодорожных билетах и т. д., которые соответствуют вашим требованиям, и вы сможете завершить бронирование и покупку одним щелчком мыши. Все больше и больше потребителей также влюбляются в этот удобный и быстрый способ потребления.

Но при этом приложение незаметно для пользователя записывает данные о потреблении, поисковых предпочтениях, привычках путешественников, условиях проживания и другие. Разработчики приложений используют эти данные, чтобы составить профиль пользователя, оценить его зависимость от конкретного отеля или способа передвижения и незаметно поднять цены, т. е. проводят процесс профилирования.

С появлением технологии больших данных утечка персональной информации и необоснованное использование личных данных поль-

¹ 黄道丽 张敏 «大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析» (Хуан Даоли Чжан Минь «Анализ китайской модели правовой защиты персональных данных в контексте больших данных»). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (дата обращения: 10.02.2026).

² 程潇 论大数据时代的个人数据权利 (中国社会科学2018年03期) Чэн Сяо О правах на индивидуальные данные в эпоху больших данных (China Social Science 03, 2018)

³ 黄道丽 张敏 «大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析» (Хуан Даоли Чжан Минь «Анализ китайской модели правовой защиты персональных данных в контексте больших данных»). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (дата обращения: 10.02.2026).

⁴ 金歆 «加强平台监管·防止“大数据杀熟” (人民时评)» Цзинь Синь «Усиление регулирования платформ, чтобы не дать “большим данным убить зрелость” (People's Daily)». URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2024/0229/c1003-40185476.html> (дата обращения: 10.02.2026).

⁵ 中华人民共和国个人信息保护法 (2021年8月20日第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十次会议通过) Китайской Народной Республики Закон о защите персональной информации (принят на тридцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 20 августа 2021 года).

⁶ 中华人民共和国数据安全法 (2021年6月10日第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过) Китайской Народной Республики Закон о безопасности данных (принят на двадцать девятом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 10 июня 2021 года).

Повсеместное подслушивание и рекомендательные технологии

Развитие правовой защиты персональной информации в условиях больших данных в современном КИТАЕ

Среди прочего, предусмотрены положения о технологиях автоматизированного принятия решений в отношении больших данных.

Во-первых, уточняется, что автоматизированное принятие решений не может использоваться для недобросовестной торговли.²

Во-вторых, предоставляя возможность отказаться в определенных случаях от автоматизированного принятия решения. Если ре

Автоматизированные методы принятия решений и коммерческого маркетинга должны сопровождаться увеличением количества тех вариантов обработки, которые не направлены на их личные характеристики, а также технологии должны предоставлять людям возможность легко отказаться от автоматизированного принятия решений. Физические лица имеют право запросить разъяснения у обработчика персональной информации при принятии решений, которые существенно затрагивают их права и интересы, а также право отказаться от решений, принятых обработчиком персональной информации исключительно с помощью автоматизированного принятия решений³.

3. 中华人民共和国个人信息保护法 (2021年8月20日第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十次会议通过) Закон о защите персональной информации Китайской Народной Республики (принят на тридцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 20 августа 2021 года) 第二十四条. ст. 24.

Кроме того, закон требует от обработчиков персональной информации проводить и документировать предварительную оценку при использовании персональной информации для автоматизированного принятия решений.

Закон о безопасности данных дополняет положения Закона о персональной информации нормами о защите персональных данных от незаконного сбора или кражи¹. Особое внимание уделено безопасности информации о гражданах в государственных базах данных.

В октябре 2023 года было создано Национальное бюро данных, призванное служить использованию и защите национальных информационных ресурсов и содействовать развитию архитектуры системы инфраструктуры данных, в рамках которой нашли место и технологии больших данных.

Таким образом, в эпоху больших данных масштабы обмена данными и их сбора резко возросли, а сами данные стали источником экономического роста и создания социальных ценностей. Быстро развивающиеся технологии добычи и использования данных постепенно превратили человека из «анонимного» в «прозрачного» в киберпространстве. Защита персональной информации в Китае столкнулась с серьезными проблемами в результате развития технологии больших данных. С развитием технологий неизбежно появятся новые вызовы и проблемы. Поэтому все еще существует необходимость дальнейшего совершенствования законодательства. Технологии больших данных создают проблемы, которые ставят под угрозу безопасность персональной информации.

Список литературы:

1. 黄道丽 张敏 «大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析» (Хуан Даоли Чжан Минь «Анализ китайской модели правовой защиты персональных данных в контексте больших данных»). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (дата обращения: 10.02.2026).
2. 程潇 论大数据时代的个人数据权利 (中国社会科学2018年03期) Чэн Сяо О правах на индивидуальные данные в эпоху больших данных (China Social Science 03, 2018)
3. 黄道丽 张敏 «大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析» (Хуан Даоли Чжан Минь «Анализ китайской модели правовой защиты персональных данных в контексте больших данных») . URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (дата обращения: 10.02.2026).
4. 金 歆 «加强平台监管·防止“大数据杀熟” (人民时评) » Цзинь Синь "Усиление регулирования платформ, чтобы не дать "большим данным убить зрелость" (People's Daily)". URL : <http://opinion.people.com.cn/n1/2024/0229/c1003-40185476.html> (дата обращения: 10.02.2026).

References:

1. 黄道丽 张敏 "大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析" (Juan Daoli Zhang Ming "Analysis of the Chinese model of legal protection of personal data in the context of big data"). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (date accessed: 10.02.2026).
2. 程潇 论大数据时代的个人数据权利 (中国社会科学2018年03期) Cheng Xiao On the rights of the individual data in the era of big data (China Social Science 03, 2018)
3. 黄道丽 张敏 "大数据背景下我国个人数据法律保护模式分析" (Juan Daoli Zhang Ming "Analysis of the Chinese model of legal protection of personal-tion data in the context of big data") . URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0710/c387081-27283556.html> (date accessed: 10.02.2026).
4. 金 歆 "加强平台监管·防止“大数据杀熟” (人民时评) " Jin Xin "more regulation of the platforms to prevent the "big data maturity to kill" (People's Daily)". URL : <http://opinion.people.com.cn/n1/2024/0229/c1003-40185476.html> (date accessed: 10.02.2026).

¹ 中华人民共和国数据安全法 (2021年6月10日第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过) Китайской Народной Республики Закон о безопасности данных (принят на двадцать девятом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 10 июня 2021 года) 第三十二条, ст. 32.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_258

УДК 34.09

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ДАННЫХ PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DATA TURNOVER

СМИРНОВ Павел Сергеевич,

соискатель кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: smirnovps.legal@gmail.com

SMIRNOV Pavel Sergeevich,

candidate of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: smirnovps.legal@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования оборота данных в России и в мире. На сегодняшний день перед юридическим сообществом стоит серьезный вызов: как соблюсти баланс между правом пользователей на защиту и нераспространение своих персональных данных и прав авторов на защиту своих авторских прав, с одной стороны, и потребностью в таких данных у крупного бизнеса, а также технологических компаний, разрабатывающих искусственный интеллект с другой стороны. Частично такую проблему можно решить путем создания бирж данных – площадок, которые позволяют компаниям на абсолютно законных основаниях обмениваться данными. Такие биржи активно используются в Китае и начинают внедряться в США и других передовых технологических государствах. Анализируется возможность создания таких бирж в России.

Abstract: The article examines the problems of legal regulation of data turnover in Russia and in the world. Today, the legal community faces a serious challenge: how to balance the right of users to protect and non-disclose their personal data and the rights of authors to protect their copyrights, on the one hand, and the need for such data from large businesses and technology companies developing artificial intelligence, on the other hand. This problem can be partially solved by creating data exchanges, platforms that allow companies to legally exchange data. Such exchanges are actively used in China and are beginning to be introduced in the United States and other advanced technological countries. The possibility of creating such exchanges in Russia is being analyzed.

Ключевые слова: биржа данных, данные, защита прав, информационная безопасность, оборот данных, персональные данные, права на персональные данные, правовое регулирование.

Keywords: data exchange, data, protection of rights, information security, data turnover, personal data, rights to personal data, legal regulation.

Для цитирования: Смирнов П.С. Проблемы правового регулирования оборота данных // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 258-261. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_258.

For citation: Smirnov P.S. Problems of legal regulation of data turnover // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 258-261. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_258.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

На сегодняшний день данные нередко называют новой нефтью. Такое сравнение не только наглядно иллюстрирует важность данных для развития современных технологий и экономики, но также показывает, что данные становятся ресурсом и товаром, который можно продать или купить, и использование которого позволяет извлечь выгоду. Каждый день человечество в процессе своей деятельности генерирует около 400 миллионов терабайт данных. Значительная часть таких пользовательских данных собирается крупными компаниями: банками, телеком-операторами, маркет-плейсами, ретейлерами, страховыми компаниями и другими организациями. Государственные органы в пределах своей компетенции также участвуют в сборе пользовательских данных.

Ценность данных для бизнеса сложно переоценить. Данные о вашей интернет активности и предпочтениях при заказе товаров в сети могут использоваться для таргетной рекламы с целью предложить вам товары, которые вам с большей вероятностью понравятся и как следствие увеличить вероятность продажи. Или же данные о состоянии вашего здоровья и режиме тренировок, которые собирает ваш фитнес браслет или мобильное приложение, могут использоваться для диагностики и профилактики различных заболеваний. К примеру, Яндекс Маркет за 15 лет своей деятельности собрал гигантский массив данных о истории покупок и предпочтений клиентов. Анализ таких данных будет коммерчески полезным практически для любой организации в любой сфере деятельности. Но даже крупный бизнес способен собирать данные лишь в ограниченных масштабах, вынужден соблюдать законодательство о защите персональных данных пользователей, а доступ к данным других компаний сильно затруднен.

Другой важный способ применения данных – использование их для обучения искусственного интеллекта, который сейчас активно внедряется в коммерческую деятельность всех крупных компаний.

Несмотря на то, что внедрение искусственного интеллекта началось относительно недавно, уже сейчас наблюдается дефицит данных, на основе которых можно обучать искусственный интеллект. Многие крупные компании открыто запрещают использование результатов своей деятельности для обучения искусственного интеллекта, что также затрудняет процесс его развития.

Ярким примером из области юриспруденции является ROSS Intelligence — американский стартап в области искусственного интеллекта для юридических исследований, основанный в 2014 году. Компания разработала инструмент для повышения эффективности юридических исследований с помощью искусственного интеллекта, который мог эффективно интерпретировать и отвечать на правовые запросы.

В 2020 году компания Thomson Reuters подала иск против ROSS Intelligence, обвинив стартап в незаконном использовании материалов своей платной юридической платформы Westlaw. ROSS Intelligence косвенным путем получила около 25 000 юридических обзоров из базы

данных Westlaw и преобразовала их в обучающие данные для своей системы искусственного интеллекта. В результате чего в 2021 году компания прекратила свою деятельность, не сумев привлечь достаточное финансирование для продолжения работы в условиях финансово затратного судебного спора. В феврале 2025 года Окружной суд США в штате Делавэр постановил, что использование защищенного авторским правом контента для обучения искусственного интеллекта не подпадает автоматически под доктрину добросовестного использования.

Два фактора особенно повлияли на решение по делу Ross Intelligence: коммерческий характер его использования и отсутствие «преобразующей» ценности. Компания просто преобразовывала юридические сводки в числовые данные о взаимосвязях между словами для обучения своего искусственного интеллекта, но по сути создавала продукт, конкурирующий с системой Thomson Reuters.

Влияние на рынок оказалось ключевым фактором при вынесении решения. Суд рассмотрел как существующий рынок юридических исследований, так и потенциальный рынок данных для обучения искусственного интеллекта, которому угрожали действия Ross Intelligence. В решении на Ross Intelligence было возложено бремя доказывания того, что такие рынки не пострадают, — деталь, которая может повлиять на будущие дела, особенно с учетом того, что некоторые крупные лаборатории искусственного интеллекта уже покупают данные для обучения, фактически признавая их коммерческую ценность, выходящую за рамки добросовестного использования.

Одним из примеров такого использования является компания Microsoft, которая применяет новый подход к использованию защищенных авторским правом книг для обучения искусственного интеллекта, предлагая авторам издательского дома HarperCollins оплату в размере 5000 долларов США за книгу. Данный подход показывает на сколько такой технологический гигант как Microsoft ценит творческую работу авторов людей в эпоху искусственного интеллекта¹.

Таким образом, используя подобные практики крупный бизнес уже давно вовлекается в торговлю данными для обучения искусственного интеллекта и увеличения своих продаж, однако масштабы такой торговли весьма ограничены по сравнению с потенциалом такого рынка. Многие эксперты отмечают, что назрела необходимость в создании механизмов, обеспечивающих масштабный товарооборот данных через профессиональных посредников, специализирующихся на торговле данными в качестве своей основной деятельности, которые могли бы работать по принципу биржи.

На сегодняшний день перед юридическим сообществом стоит серьезный вызов: как соблюсти баланс между правом пользователей на защиту и нераспространение своих персональных данных и прав авторов на защиту своих авторских прав, с одной стороны, и потребностью в таких данных у крупного бизнеса, а также технологических компаний, разрабатывающих искусственный интеллект с другой стороны.

Частично такую проблему можно решить путем создания бирж данных – площадок, которые позволяют компаниям на абсолютно законных основаниях обмениваться данными. Такие биржи активно используются в Китае и начинают внедряться в США и других передовых технологических государствах.

Данные, которые участвуют в обороте на таких площадках являются обезличенными, то есть, персональные данные конкретных пользователей скрыты. Однако такие данные могут быть полезны в проведении маркетинговых исследований, для увеличения эффективности рекламных компаний, а также применены для обучения ИИ-агентов².

В экспертных кругах активно обсуждается возможность создания подобной площадки и в России. Однако для реализации данной инициативы требуются серьезные изменения в действующем законодательстве, а возможно и полный пересмотр подхода к защите персональных данных.

В настоящее время во многих государствах действуют законы, направленные на защиту пользовательских данных, которые препятствуют их обороту и как следствие, тормозят развитие искусственного интеллекта и экономический рост.

В России также действует ряд законов, регулирующих обработку персональных данных, в том числе Федеральный закон «О персональных данных». Этот закон требует от компаний получения согласия от физических лиц до сбора их персональных данных. Также компании должны принимать соответствующие меры безопасности для защиты данных. Кроме того, закон требует, чтобы персональные данные хранились на территории России, а любая передача данных в другие страны должна быть одобрена российскими властями. Закон требует, чтобы персональные данные обрабатывались законно и справедливо с согласия лица, чьи данные обрабатываются [1]. Следует отметить, что, согласно Федеральному закону, категория персональных данных в качестве конфиденциальной информации не имеет четко установленных пределов [2]. Однако в российском законодательстве о защите персональных данных есть ограничения [3]. Критики утверждают, что в законе отсутствуют четкие определения и процедуры, а органы, ответственные за соблюдение закона, практически не контролируются. Кроме того, закон подвергся критике за требование о том, что персональные данные должны храниться в России, что, по мнению некоторых, создает ненужные барьеры для международной передачи данных.

Важно также отметить, что российское законодательство не предусматривает возможности законного коммерческого оборота данных в какой-либо форме.

Кроме того, поскольку формулировки действующего законодательства России в области защиты персональных данных являются достаточно широкими, под запрет попадает практически любой оборот такими данными, а их использование, сбор и хранение подпадают под строгие требования и стандарты, соблюдение которых затрудняет реализацию инициативы по созданию биржи данных в России.

¹ Microsoft предлагает авторам 5000 долларов за обучение AI на их книгах. URL: <https://habr.com/ru/companies/bothub/news/880758/> (дата обращения: 20.01.2026).

² Как работает "биржа данных" и зачем она нужна в России. URL: https://rg.ru/2025/09/18/kak-rabotaet-birzha-dannyh-i-zachem-ona-nuzhna-v-rossii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.bing.com%2F (дата обращения: 20.01.2026).

Обращаясь к законодательной базе европейских стран, можно заметить множество законов по защите персональных данных. Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) является основным законом о защите персональных данных в европейских странах. GDPR был введен в 2018 г. и распространяется на все государства-члены Европейского союза. GDPR требует, чтобы персональные данные обрабатывались законно, справедливо и прозрачно с согласия пользователя. Кроме того, GDPR предоставляет физическим лицам ряд прав, включая право на доступ к своим данным, право на удаление и право на переносимость данных.

GDPR считается одним из наиболее полных и эффективных законодательных актов о защите персональных данных. Он основан на наборе четких и обязательных принципов и обеспечивает людям высокий уровень защиты и контроля над их личными данными [4]. GDPR также получил высокую оценку за активный подход к защите данных, требующий от организаций принятия мер по защите персональных данных и сообщения властям об утечках данных в течение 72 часов.

Однако, как и в случае России, европейское законодательство в первую очередь ориентируется на идею защиты обладателей персональных данных от их несанкционированного распространения и использования и не предусматривает механизмы, которые позволили бы на базе действующего законодательства организовать масштабную систему товарооборота данных на основе функционирования бирж данных или иных подобных инструментов.

Важно отметить, что в настоящее время чиновники Евросоюза рассматривают возможность упростить GDPR для ускорения развития искусственного интеллекта. Об этом сообщило европейское издание Politico со ссылкой на законопроект.

Рассматривается возможность послабления для компаний, работающих в сфере искусственного интеллекта. Эти послабления позволяют им законно обрабатывать специальные категории данных, такие как религиозные и политические убеждения человека, его этническую принадлежность или данные о состоянии здоровья. Эти изменения позволяют компаниям более эффективно обучать искусственный интеллект.

Помимо этого, Еврокомиссия планирует пересмотреть определение таких специальных категорий данных, которые подлежат дополнительной защите в соответствии с правилами конфиденциальности. Она также планирует внести изменения, которые касаются понятия «персональные данные», так как псевдонимизированные данные (способ защиты персональных данных, когда реальные идентификаторы заменяются искусственными) не всегда подпадают под защиту GDPR. Отмечается, что правила использования cookie-файлов могут быть упрощены, что позволит сайтам собирать больше информации о пользователях¹.

В США существует сложная нормативно-правовая база, регулирующая обработку персональных данных. В этой стране нет единого закона о защите персональных данных. Вместо этого существует несколько федеральных законов и законов штатов, которые регулируют различные аспекты обработки персональных данных [5]. Например, Закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования (HIPAA) регулирует обработку личных данных о здоровье, а Закон штата Калифорния о конфиденциальности потребителей (CCPA) обеспечивает защиту личных данных жителей Калифорнии. Другие федеральные законы, такие как Закон о достоверной кредитной отчетности (FCRA), регулируют использование персональных данных в кредитной отчетности.

Исследователи утверждают, что лоскутное одеяло законов в Соединенных Штатах не обеспечивает людям последовательный и всеобъемлющий уровень защиты. Кроме того, законы в Соединенных Штатах, как правило, считаются менее активными, чем GDPR, с меньшими требованиями к организациям по реализации мер по защите персональных данных [6].

Трудно определить, какое законодательство – России, стран Европы или США – является наиболее целостным в отношении защиты персональных данных, так как каждый регион имеет свой уникальный подход к обработке персональных данных и защите конфиденциальности [7].

В заключении хотелось бы рассмотреть опыт Китая. Ни для кого не секрет, что в некоторых областях, в том числе в области развития интернета и цифровых технологий, Россия применяет опыт Китая и переносит его в российские реалии.

Закон о защите данных в КНР распространяется на сбор информации внутри и вне страны. Во втором случае это касается информации, которая способна «нанести ущерб национальной безопасности или общественным интересам КНР или законным правам китайских граждан или организаций». Под данными подразумевается любая информация, записанная в электронном или любом другом виде.

«Действия с данными» включают в себя сбор, хранение, использование, обработку, передачу, предоставление и раскрытие данных. В частности, закон впервые регулирует коммерческую «транзакцию» данных. За рамками закона остаются два типа информации: государственная тайна, для которой существует закон об охране государственных тайн, а также информация, которая входит в зону ответственности Центральной военной комиссии.

Информация по закону регулируется согласно специальной классификации — ее значимость и чувствительность определяется в зависимости от важности для экономического развития государства, национальной безопасности, общественных интересов, а также законных прав и интересов физических и юридических лиц. Затем госорганы разных уровней определяют, какие именно данные «важные», и впоследствии усиливают их защиту. Это означает, что, помимо «основных государственных данных», местные власти и отрасли могут сами решать, какую информацию называть «важной», что придает гибкость данной системе.

На международном уровне самой важной частью закона можно назвать правила о трансграничных данных. Их регулирование частично попадало под закон о кибербезопасности 2017 года. Уже он запрещал компаниям, предоставляющим услуги онлайн, собирать и продавать пер-

¹ Politico: ЕС намерен ослабить регламент защиты данных для развития ИИ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25577407> (дата обращения: 20.01.2026).

сональные данные пользователей. Тогда международные компании призвали регулятора отсрочить применение закона, так как он нанес бы серьезный ущерб их работе¹.

Парадоксально, но многие издания окрестили вышеуказанный закон КНР самым строгим в мире законом в области защиты персональных данных, поскольку в данном законе просматривается характерный для Китая подход, направленный на защиту внутреннего рынка.

Фактически компании, которые работают внутри Китая и уже локализовали сбор данных внутри страны, не должны быть сильно затронуты этими законами. Это повлияет на бизнес, оперирующий большим количеством персональных данных и задействованный в отраслях «критически важной инфраструктуры». К ним относятся технологические гиганты вроде Alibaba, Tencent, JD.com, Huawei и другие компании. Согласно закону о персональных данных, его юридическая сила будет расцениваться выше международных законов на территории Китая.

Таким образом, для создания в России конкурентоспособной биржи данных, которая смогла бы удовлетворить потребности бизнеса и технологических компаний, необходимым условием является переработка и смягчение действующего законодательства, при условии сохранения безопасности для пользователей.

Очень важно учитывать опыт других государств в этой области, поскольку рынок оборота данных находится на стадии формирования и развивается крайне динамично, для получения конкурентного преимущества достаточно не повторять ошибок конкурентов. В случае если России удастся быстро создать гибкое и эффективное законодательство в области оборота и защиты данных, которое позволит рынку оборота данных сформироваться в нашей стране в сжатые сроки, это позволит занять лидирующие позиции на мировом рынке оборота данных, а также создаст необходимую базу для развития отечественных технологий искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Ибрагимова А. Н. Понятие персональных данных; информационная безопасность права на неприкосновенность частной жизни согласно анализу статьи 8 Европейской конвенции по правам человека // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 92–103.
2. Овчинникова Е. А. Сравнительный анализ законодательства в области защиты персональных данных в Российской Федерации и Евросоюзе // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. № 2. С. 113–117.
3. Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.
4. Чурилов А. Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 1. С. 29–35.
5. Писарев В. В. Реализации концепции комплексного регулирования оборота персональных данных в США на федеральном уровне / Владимир Владимирович Писарев // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 14–17.
6. Соколова М. Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2. С. 56–66.
7. Гиш А., Ржевская Н. В., Медведева А. С. Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных // Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4 (40).

References:

1. Ibragimova A. N. The concept of personal data; information security of the right to privacy according to the analysis of article 8 of the European Convention on Human Rights // North Caucasian Law Bulletin. 2021. No. 4. pp. 92–103. (In Russ.).
2. Ovchinnikova E. A. Comparative analysis of legislation in the field of personal data protection in the Russian Federation and the European Union // Interexpo Geo-Siberia. 2022. No. 2. pp. 113–117. (In Russ.).
3. Talapina E. V. Personal data protection in the digital age: Russian law in the European context // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Vol. 13. No. 5. pp. 117–150. (In Russ.).
4. Churilov A. Y. Principles of the General Regulation of the European Union on Personal Data Protection (GDPR): problems and prospects of implementation // Siberian Legal Review. 2019. No. 1. pp. 29–35. (In Russ.).
5. Pisarev V. V. Implementation of the concept of comprehensive regulation of personal data turnover in the USA at the federal level / Vladimir Vladimirovich Pisarev // Legal science. 2022. No. 9. pp. 14–17. (In Russ.).
6. Sokolova M. E. The first successes of the new European General Regulation on personal data protection // Modern Europe. 2020. No. 2. pp. 56–66. (In Russ.).
7. Gish A., Rzhetskaya N. V., Medvedeva A. S. Analysis of legislation of different countries on personal data protection // Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2023. № 4 (40). (In Russ.).

¹ Как закон о защите данных в Китае сработал против технологических компаний. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/439513-kak-zakon-o-zasite-dannyh-v-kitae-srabortal-protiv-tehnologicheskikh-kompanij> (дата обращения: 20.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_262

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И АКТЫ «МЯГКОГО ПРАВА» КАК ИСТОЧНИК ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INTERNATIONAL STANDARDS AND SOFT LAW ACTS AS A SOURCE OF PUBLIC LEGAL REGULATION OF CYBER-PHYSICAL SYSTEMS

ОДИНЦОВ Владислав Ильич,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.
E-mail: vladislavodintsov.9@gmail.com

ODINTSOV Vladislav Ilyich,

postgraduate Student of the Department of Information Law and Digital Technologies
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: vladislavodintsov.9@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу международных стандартов и актов «мягкого права» как источников публично-правового регулирования киберфизических систем (КФС). Дано определение актам мягкого права в сфере публично-правового регулирования и случаи, когда акты становятся источниками публично-правового регулирования. Инновационность и комплексный характер таких систем приводят к разобщённому регулированию их отдельных компонентов и создают правовую неопределённость для субъектов отношений. В таком случае мягкое право может восполнить пробелы в правовом регулировании, обеспечивать единообразие требований к возникающим правоотношениям и формировать проверяемые критерии надлежащего уровня безопасности и качества в соответствующей области. Анализируется нормативно-правовая основа использования стандартов и актов «мягкого права» в российской правовой системе. Делается вывод о том, при каких условиях международные стандарты и акты «мягкого права» могут рассматриваться в качестве источника публично-правового регулирования КФС.

Abstract. The article examines international standards and soft law acts as sources of public legal regulation of cyber-physical systems (CPS). The absence of CPS as an independent legal category in Russian legislation, combined with their complex nature, results in fragmented regulation of their individual components and creates legal uncertainty for market participants. Against this background, international and national standards, as well as non-binding acts issued by international organizations, are considered as instruments through which consistent requirements for CPS safety, cybersecurity and interoperability may be established. The article analyzes the constitutional and legislative basis for the use of standards and soft law acts within the Russian legal system. The article concludes by identifying the conditions under which international standards and soft law acts may serve as an auxiliary source of public legal regulation of CPS.

Ключевые слова: киберфизические системы; мягкое право; международные стандарты; публично-правовое регулирование; стандартизация; техническое регулирование.

Keywords: cyber-physical systems; soft law; international standards; public legal regulation; standardization; technical regulation.

Для цитирования: Одинцов В.И. Международные стандарты и акты «мягкого права» как источник публично-правового регулирования киберфизических систем // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_262.

For citation: Odintsov V.I. International standards and soft law acts as a source of public legal regulation of cyber-physical systems // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_262.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Киберфизические системы (КФС) всё чаще рассматриваются не как абстрактные модели, а как реализуемые проекты, внедряемые в такие критически важные сферы, как энергетика, здравоохранение и иные области общественной жизни; это обуславливает необходимость уделять внимание возникающим при этом правовым рискам — информационной и кибербезопасности, защите конфиденциальности, осуществлению надзора и контролю. Государственное правовое регулирование часто не успевает за динамикой технологического развития, вследствие чего формальные законодательные нормы оказываются недостаточными для охвата всех нюансов функционирования КФС. В этих условиях международные стандарты и акты «мягкого права» (soft law) представляют собой технологически грамотную и согласованную основу, способную восполнить пробелы, образующиеся в нормативном поле. Отсюда представляется целесообразным рассматривать данные стандарты и акты как потенциальные источники публично-правового регулирования КФС.

В настоящем исследовании под международными стандартами и мягким правом в сфере публично-правового регулирования понимаются изначально необязательные акты (рекомендации, стандарты и иные документы) [2; 5], принимаемые международными или иными авторитетными организациями и применяемые в соответствующей сфере, которые приобретают значение источника публично-правового регулирования в тех случаях, когда закон прямо предусматривает необходимость соблюдения содержащихся в них требований либо отсылает к ним при установлении прав и обязанностей участников.

Мягкое право — это спорная категория, место которой активно обсуждается в научной среде и которая обычно противопоставляется «твердому праву», то есть юридически обязательным нормам и законам [1; 6], однако настоящее исследование не связано задачей оценки категории твердого права и не претендует на её разработку. Весь фокус сосредоточен на мягком праве, как источнике публично-правового регулирования.

Применение мягкого права в качестве источника публично-правового регулирования может способствовать восполнению правового пробела в регулировании отношений, связанных с киберфизическими системами, сформировать правовые ожидания участников и задать ориентиры для государственной политики с учётом тенденций развивающегося рынка. [5; 6]

Цель исследования состоит в выявлении условий и механизмов, при которых международные стандарты и акты мягкого права приобретают значение источника публично-правового регулирования киберфизических систем.

Объектом исследования общественные отношения, возникающие в связи с созданием, внедрением и эксплуатацией КФС. В этом контексте они представляют собой сложный технический комплекс, вокруг которого формируется особая группа публично значимых отношений, затрагивающих безопасность, устойчивость функционирования и распределение ответственности между участниками.

Предмет исследования являются международные стандарты и акты мягкого права, применяемые в регулировании отношений, связанных с киберфизическими системами, а также правовые механизмы их включения в систему публично-правового регулирования.

Мягкое право, как источник публично-правового регулирования в России

Акты мягкого права, такие как международные стандарты, национальные стандарты и информационно-технические справочники по своей природе не обладают юридической силой. В соответствии с частью 3 статьи 5 Федерального закона от 29 июня 2015 г. N 162-ФЗ "О стандартизации в Российской Федерации" (далее - Закон о стандартизации) разрешено применение международных стандартов при правовом регулировании стандартизации, а также международные стандарты являются основной при разработке национальных стандартов согласно части 3 статьи 15 этого закона.

Акты мягкого права становятся обязательными в случаях, перечисленных статьями 26, 27 Закона о стандартизации:

- 1) изготовитель или исполнитель публично заявляет о соответствии своей продукции, работ или услуг требованиям национального стандарта;
- 2) нормативный правовой акт содержит ссылку на национальные стандарты и информационно-технические справочники в целях обеспечения выполнения технических и функциональных требований нормативного правового акта.

Таким образом положения этих документов становятся источником публично-правового регулирования и создают юридические последствия за нарушение их требований.

Публично-правовое регулирование КФС

КФС — это взаимодействующие цифровые, аналоговые, физические и человеческие компоненты, разработанные для функционирования на основе интегрированной физики и логики.

В российской правовой системе регулирование отношений, связанных с киберфизическими системами, осуществляется через совокупность норм различных отраслей, каждая из которых охватывает лишь отдельные аспекты их функционирования. Специального правового режима, направленного на регулирование данных отношений в целом, законодательство пока не предусматривает.

В зависимости от характера выполняемых функций отдельные компоненты КФС регулируются:

- нормативными правовыми актами (например, в сфере защиты информации, охраны труда, технической безопасности);
- обязательными требованиями стандартов в силу правил аттестации, сертификации или допуска к эксплуатации;
- и исполнение субъектом добровольно взятой на себя обязанности по соблюдению положений актов мягкого права.

В условиях отсутствия установленных нормативными правовыми актами требований к КФС как целостной системе повышается значимость роли, как источника публично-правового регулирования, актов мягкого права, направленных на выработку единообразных подходов к проектированию, производству и эксплуатации таких систем, а также на обеспечение требуемого уровня безопасности и надёжности их функционирования. Положения соответствующих стандартов и рекомендаций могут использоваться государственными органами и участниками отношений в правоприменительной практике [7], а при закреплении на них отсылки в нормативных правовых актах — приобретать характер обязательных требований.

Предметом регулирования актов мягкого права могут выступать в том числе:

- 1) безопасность КФС в целом и отдельных компонентов в частности;
- 2) унификация и стандартизация производства;
- 3) условия использования;

Введение ГОСТ Р 71531-2024 и ГОСТ Р 71576-2024 свидетельствует о постепенном внедрении КФС в нормативную техническую документацию. Примерами актов мягкого права, как возможного источника публично-правового регулирования отношений, связанных с киберфизическими системами, являются документы национальной и международной стандартизации, устанавливающие требования к безопасному функционированию и взаимодействию технических и программных компонентов таких систем.

Существуют международные стандарты серий IEC 62443 и IEC 61508, направленные на обеспечение кибербезопасности и функциональной безопасности систем управления, а также иные документы, используемые в процедурах оценки соответствия и допуска к эксплуатации программно-управляемого оборудования. Такие стандарты прошли национальную стандартизацию и имеют национальный стандарт идентичный по содержанию. Применение таких стандартов в рамках правоприменительной деятельности позволяет рассматривать их как источник публично-правового регулирования.

Различие между актом мягкого права и актом государственного органа

Вопрос о том, следует ли относить рекомендательные акты органов публичной власти к мягкому праву, в доктрине решается неоднозначно. Ряд исследователей предлагает расширительное понимание soft law и прямо включает в его состав акты толкования и рекомендательные акты государственных органов [3], исходя из того, что они, несмотря на отсутствие формальной обязательной силы, способны опосредованно

но порождать правовые последствия и влиять на правоприменительную практику [4].

В настоящем исследовании такая позиция не разделяется. Представляется более обоснованным исходить из того, что акты мягкого права и рекомендательные акты государства принадлежат к разным типам регулятивных инструментов. Акты мягкого права формируются, как правило, международными организациями, профессиональными и техническими ассоциациями, иными авторитетными, но не наделёнными публичными властными полномочиями субъектами. Они предназначены для стандартизации, унификации и выработки устойчивых практик в той или иной сфере и изначально не создают юридически обязательных требований; обязательность возникает лишь в результате специального механизма включения — через отсылку в законе, в договоре, в процедурах оценки соответствия и допуска к эксплуатации [2; 3].

Рекомендательные же акты государственных органов представляют собой форму внутреннего административного регулирования и по своей природе связаны с толкованием и применением уже действующего законодательства. Ситуации, когда таким актам фактически придаётся императивный характер без должного нормативного оформления, следует оценивать не как проявление мягкого права, а как дефект правовой техники и отклонение от установленной законом процедуры установления обязательных требований. Создание реальных правовых последствий исключительно на основе рекомендательного акта публичной власти вступает в противоречие с принципом правовой определённости и размывает границы между «твёрдым» и «мягким» правом [1; 9].

В то же время выбранный здесь более узкий подход к понятию мягкого права не является изолированным. В российской и зарубежной литературе обосновывается понимание soft law как совокупности норм и стандартов, исходящих преимущественно от международных и неправительственных структур [2; 8], не создающих изначально юридически обязательных требований, но способных выполнять координирующую и направляющую функцию и, при определённых условиях, трансформироваться в элементы обязательного регулирования. Тем самым можно говорить о существовании в доктрине двух конкурирующих линий [3; 8; 9]: одна стремится «присвоить» рекомендательные акты государства мягкому праву, другая — на которой базируется настоящая работа — настаивает на сохранении границы между внутренними административными рекомендациями и актами мягкого права как внешнего по отношению к публичной власти регулятора.

Заключение

Киберфизические системы представляют собой технически сложный объект, в отношении которого уже складываются общественные отношения, требующие публично-правового регулирования. Отдельных компонентов таких систем регулируются соответствующим законодательством, а в отношении КФС в целом или тех компонентов, что не урегулированы на настоящий момент может применяться мягкое право, как источник публично-правового регулирования.

Совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу проектирования, производства, допуска к обращению, эксплуатации и модернизации таких систем, может рассматриваться как самостоятельный объект публично-правового регулирования.

С учётом изложенного международные стандарты и акты мягкого права могут и должны рассматриваться в качестве источника публично-правового регулирования КФС, обеспечивающего адаптивность правового режима и предсказуемость требований к инновационным технологиям при сохранении приоритета национального законодательства.

Список литературы:

1. Bluthman L. In the trap of a legal metaphor: international soft law // *International and Comparative Law Quarterly*. 2010. Vol. 59, № 3. P. 605–624.
2. Кашлач О. В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // *Журнал международного права и международных отношений*. 2006. № 2. С. 26–32.
3. Усенков И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 1. С. 28–58.
4. Goldmann M. Inside Relative Normativity: From Sources to Standard Instruments for the Exercise of International Public Authority // *German Law Journal*. 2008. Vol. 9. P. 1865–1908.
5. Shaffer G., Pollack M. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements, and Antagonists in International Governance // *Minnesota Law Review*. 2011. Vol. 95. No. 4. P. 1028–1089.
6. Weeks G. Soft Law and Public Liability: Beyond the Separation of Powers? // *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. No. 2. P. 303–330.
7. Марочкин, С. Ю. Международное "мягкое" право в правовой системе Российской Федерации / С. Ю. Марочкин, П. М. Халафян. - (Международное право). - Текст : непосредственный // *Журнал российского права*. - 2013. - № 6. - С. 56–65. - Библиогр.: с. 65. - ISSN 1605-6590.
8. Фогельсон, Юрий Борисович. Мягкое право в современном правовом дискурсе / Ю. Б. Фогельсон. - (Теоретические проблемы российского права и государственности). - Текст : непосредственный // *Журнал российского права*. - 2013. - № 9. - С. 43–51. - Библиогр.: с. 50–51. - Продолж. Начало: № 5. - ISSN 1605-6590.
9. Фогельсон, Юрий Борисович. Мягкое право и верховенство права / Ю. Б. Фогельсон. - (Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории). - Текст : непосредственный // *Журнал российского права*. - 2014. - № 11. - С. 22–33. - Библиогр.: с. 33. - ISSN 1605-6590.

References:

1. Bluthman L. In the trap of a legal metaphor: international soft law // *International and Comparative Law Quarterly*. 2010. Vol. 59, № 3. P. 605–624.
2. Kashlach, O. V. "Normy 'myagkogo' prava: ponyatie i priznaki [Soft Law Norms: Concept and Characteristics]". *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], 2006, no. 2, pp. 26–32.
3. Usenkov, Ivan. "National Soft Law as a Legal Phenomenon and a Tool for Increasing Stability of Legislation". *Law. Journal of the Higher School of Economics* 15, no. 1 (March 21, 2022): 28–58.
4. Goldmann M. Inside Relative Normativity: From Sources to Standard Instruments for the Exercise of International Public Authority // *German Law Journal*. 2008. Vol. 9. P. 1865–1908.
5. Shaffer G., Pollack M. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements, and Antagonists in International Governance // *Minnesota Law Review*. 2011. Vol. 95. No. 4. P. 1028–1089.
6. Weeks G. Soft Law and Public Liability: Beyond the Separation of Powers? // *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. No. 2. P. 303–330.
7. Marochkin, S. Yu., Khalafyan, R. M. "Mezhdunarodnoe 'myagkoe' pravo v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii [International 'soft' law in the legal system of the Russian Federation]". *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 6 (198), pp. 56–65.
8. Fogelson, Yu. B. "Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse [Soft Law in Modern Legal Discourse]". *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 9, pp. 43–51.
9. Fogelson, Yu. B. "Myagkoe pravo i verkhovenstvo prava [Soft Law and the Rule of Law]". *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 11, pp. 22–33.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE ECONOMIC MECHANISM OF THE ENVIRONMENTAL PROTECTION AND THE NATURE MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

СТЕПАНЕНКО Дмитрий Михайлович,

кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга и менеджмента, Белорусско-Российский университет.
Республика Беларусь, 212000, г. Могилев, проспект Мира, 43.
E-mail: erstesieger@mail.ru;

STEPANENKO Dmitriy Mikhailovich,

Candidate of Economics, Candidate of Laws, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Marketing and Management, Belarusian-Russian University.
43 Mira prospect, Mogilev, 212000, Republic of Belarus.
E-mail: erstesieger@mail.ru

Краткая аннотация. Исследуются роль и место экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в системе законодательного регулирования экологических правоотношений в Российской Федерации. Доказана необходимость текстуального определения термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» в нормативно-правовой базе Российского государства. Предложена и обоснована авторская дефиниция термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» для целей законодательного регулирования в Российской Федерации. Обоснован авторский подход к выделению структурных элементов экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования.

Abstract. The role and place of the economic mechanism of the environmental protection and the nature management in the system of the legislative regulation of ecological legal relations in the Russian Federation are researched. The need for a textual definition of the term «economic mechanism of the environmental protection and the nature management» in the regulatory and legal framework of the Russian state is proved. The author's definition of the term «economic mechanism of the environmental protection and the nature management» for the purposes of the legislative regulation in the Russian Federation is proposed and substantiated. The author's approach to identifying the structural elements of the economic mechanism of the environmental protection and the nature management is substantiated.

Ключевые слова: экономический механизм, охрана окружающей среды, природопользование, термин, регулирование, закон, нормативно-правовая база государства, научно-технический прогресс, элемент.

Keywords: economic mechanism, environmental protection, nature management, term, regulation, law, regulatory and legal framework of the state, scientific and technical progress, element.

Для цитирования: Степаненко Д.М. Законодательное регулирование экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 265-270. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_265.

For citation: Stepanenko D.M. Legislative regulation of the economic mechanism of environmental protection and nature management in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 265-270. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_265.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026

Экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования, будучи комплексным понятием, содержит в себе экологическую и экономическую составляющие. Экологическая составляющая указанного механизма предполагает его ориентацию на минимизацию негативного антропогенного воздействия на окружающую природную среду, улучшение ее качества, рационализацию использования имеющегося в распоряжении общества природно-ресурсного потенциала. В свою очередь, экономическая составляющая данного механизма ориентирована на достижение максимума полезного для отечественной экономики результата при минимуме понесенных затрат.

В то же время следует учитывать, что важнейшим фактором результативной работы экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования является эффективное правовое регулирование его функционирования. Именно соответствующее законодательное регулирование, устанавливая ориентиры экологической политики государства и предопределяя деятельность государственных органов, ее реализующих, способно обеспечить оптимальный для общества баланс между экологической и экономической составляющими экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования.

Эффективное правовое регулирование экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования объективным образом предполагает необходимость:

- 1) нормативного закрепления в законодательной базе государства понятия «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования»;
- 2) максимально полной законодательной регламентации элементов экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования;
- 3) системного подхода законодателя к регулированию экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования, учитывающего взаимосвязи между его отдельными элементами и нацеленного на обеспечение синергетического эффекта от их комплексной реализации на практике.

Федеральный Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» устанавливает, что экономическое регулирование в области охраны окружающей среды включает в себя такие элементы, как [1]:

- 1) плата за негативное воздействие на окружающую среду (с регламентацией лиц, обязанных вносить указанную плату, порядка определения платежной базы для ее исчисления, непосредственно порядка исчисления и контроля за правильностью исчисления данной платы, порядка, сроков внесения и направлений ее использования);
- 2) государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды;
- 3) экологическое страхование;
- 4) экономическое стимулирование прекращения производства и использования озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции.

Таким образом, российский законодатель, устанавливая отдельные направления соответствующего экономического регулирования, не оперирует термином «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования», что позволяет утверждать об отсутствии системности в рамках государственно-правового воздействия на данный вид общественных отношений. При этом текстуальное определение понятия «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» в нормативно-правовой базе Российской Федерации представляется объективно необходимым, поскольку именно оно является первичной основой для выделения и законодательной фиксации элементов, образующих в своей совокупности обозначенный механизм.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в действующем Федеральном Законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» ведется речь об экономическом регулировании исключительно в области охраны окружающей среды. В то же время следует учитывать, что в рамках реализации экологической политики государства охрана окружающей среды неразрывно связана с обеспечением рационального и эффективного использования природных ресурсов. Во многом именно рациональность и эффективность использования имеющегося природно-ресурсного потенциала являются ключом к сохранению природных богатств, обеспечению надлежащего качества окружающей среды. Исходя из данных соображений, на законодательном уровне более корректным представляется вести речь о комплексном экономическом регулировании в области охраны окружающей среды и природопользования.

Формулирование дефиниции термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования», предназначенной для целей нормативной фиксации в тексте Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» и призванной максимально охватить собой содержание данного термина, объективным образом предполагает необходимость выделения основополагающих сущностных характеристик, присущих указанному механизму.

В основе экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования лежит комплекс средств, методов и инструментов, ориентированных на обеспечение соответствующего целенаправленного воздействия на функционирование субъектов хозяйствования. При этом, как справедливо отмечает С. А. Боголюбов, экономические средства и методы призваны побуждать субъектов надлежащим образом относиться к вопросам охраны природы, что по замыслу законодателя должно принести им определенные экономические выгоды в процессе хозяйственной деятельности [2].

Вместе с тем, С. А. Боголюбов, обозначая экологическое страхование, экологический аудит, лицензирование и нормирование природопользования в качестве важнейших публично-правовых средств охраны окружающей среды, обращает внимание на то, что меры, направленные на обеспечение экологических прав, на сохранение и восстановление природной среды, носят прежде всего экономический характер, однако многое из экономического механизма охраны окружающей среды получает отражение в праве, в законодательстве [3].

Как следствие отмеченного выше, можно утверждать о неразрывном единстве собственно экономического и правового аспектов в процессе реализации на практике экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования. Применение со стороны государства необходимых экономических методов, средств и инструментов объективно невозможно без принятия на государственном уровне управленческих решений, которые должны быть воплощены в правовую форму посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов.

Н. В. Кичигин указывает в данном отношении на то, что правовые средства, используемые государством в ходе реализации на практике экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования, выступают в качестве важных элементов указанного экономического механизма. С помощью такого рода средств у субъектов хозяйственной деятельности стимулируется экономическая заинтересованность в проведении экологических мероприятий, принятии мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду и обеспечении рационального природопользования [4].

Т. В. Петрова, анализируя экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования как правовую категорию, полагает целесообразным рассмотрение обозначенного механизма в двух разноуровневых плоскостях [5]:

- 1) как механизма реализации эколого-правовых норм и всего экологического права в целом;
- 2) как опосредованного правового механизма регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и природопользования, предполагающего использование таких экономических инструментов, как платежи, налоги, льготы, цены и субсидии.

С. А. Балашенко и М. М. Бринчук отмечают, что экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования призван обеспечивать при помощи экономических инструментов эколого-экономическую согласованность между общественными и частными интересами, а также стимулировать лиц, ведущих хозяйственную деятельность, на осуществление природоохранных мероприятий. В данном случае подчеркивается необходимость системного воздействия указанного механизма на общественные отношения, ориентированного на достижение соответ-

ствующих целевых ориентиров [6; 7].

Обозначенная выше эколого-экономическая согласованность подразумевает нахождение оптимального баланса между собственно экономическими (максимизация прибыли и расширение рынков сбыта субъектов хозяйствования на микроуровне, интенсификация и достижение высоких темпов экономического роста на макроуровне) и экологическими (обеспечение надлежащей реализации экологических прав граждан, минимум негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, максимальная рациональность и эффективность в использовании имеющегося в стране природно-ресурсного потенциала) общественными интересами.

С точки зрения А. Г. Ахатова, в рамках реализации на практике экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования государство должно при помощи соответствующих финансовых, правовых и иных средств обеспечивать поддержку экологически ориентированной деятельности во всем многообразии ее форм, иерархии уровней, объектов и субъектов [8].

По мнению О. В. Вагиной, главенствующую роль в механизме государственного регулирования в экологической сфере призваны играть стимулирующие и поощрительные нормы, которые должны побуждать субъектов к активным действиям по охране окружающей среды как напрямую, так и опосредованно, причем не под страхом понести наказание, а мотивацией получить экономический эффект [9].

А. В. Егоров обращает внимание на важность использования в ходе реализации экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования не только экономических и правовых, но и организационных и институциональных методов, средств и инструментов воздействия на деятельность субъектов хозяйствования. Указанный механизм рассматривается в данном случае как своего рода организационная и институциональная инфраструктура, функционирование которой должно быть ориентировано на достижение разумного баланса экологических и экономических интересов общества [10].

В наиболее общем виде по результатам проведенного логического анализа могут быть выделены следующие основополагающие характеристики экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования:

- 1) экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования охватывает собой совокупность экономических, правовых, организационных, институциональных и иных средств, методов и инструментов;
- 2) все образующие экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования средства, методы и инструменты находятся в тесной взаимосвязи между собой;
- 3) экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования направлен на стимулирование и поощрение лиц, ведущих хозяйственную деятельность, к осуществлению экологических мероприятий посредством формирования экономической заинтересованности в проведении таких мероприятий;
- 4) экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования призван обеспечивать оптимальный баланс между экономическими и экологическими интересами общества и отдельных лиц.

В то же время при формулировании в Российской Федерации на законодательном уровне дефиниции термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» необходимо принимать во внимание, что в современных условиях ключевым инструментом решения как экономических, так и экологических проблем общества все в большей мере становится научно-технический прогресс. Возникающие вследствие его объективного воздействия новые технологии производства товаров и оказания услуг, новые технические, организационные, управленческие решения, иные инновации предоставляют социуму возможности для снижения нагрузки на окружающую природную среду, качественного совершенствования внешних условий обитания человека, существенного повышения полезной отдачи от использования имеющегося в распоряжении общества природно-ресурсного потенциала.

Таким образом, реализация на практике перспективных достижений научно-технического прогресса, всеобъемлющая поддержка со стороны государства процессов создания и внедрения инноваций выступают в качестве важнейших факторов обеспечения оптимального баланса между экономическими и экологическими интересами общества и отдельных лиц.

На необходимость увязки экономического механизма рационального природопользования и охраны окружающей среды с реализацией инновационной политики государства справедливо указывает А. А. Коробов, подчеркивая, что указанный механизм должен быть в первую очередь направлен на экономию ресурсов за счет создания малоотходных и безотходных технологических процессов, повышения степени использования всех ресурсов и отходов. Такого рода направленность экономического механизма рационального природопользования и охраны окружающей среды в конечном итоге призвана будет способствовать расширению сырьевой базы и охране окружающей среды [11].

В данном контексте представляется целесообразным обратить внимание на высказываемый А. Г. Ахатовым тезис о том, что в основе законодательного регулирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования должен лежать императив совместимости и необходимости увязывания экономической политики государства с его экологической политикой [12].

Развивая обозначенный тезис в контексте все более возрастающей с течением времени роли научно-технического прогресса и инновационной деятельности в деле решения как экономических, так и экологических задач развития общества, при формулировании в России на законодательном уровне дефиниции термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» представляется целесообразным вести речь не о двуедином, а о триедином императиве. Соответствующий триединый императив должен предполагать совместимость и необходимость тесной увязки между собой экологической, экономической и инновационной политики Российского государства.

По результатам выделения основополагающих характеристик, присущих экономическому механизму охраны окружающей среды и природопользования, а также с учетом ключевой роли научно-технического прогресса и инновационной деятельности в деле решения экономи-

ческих и экологических проблем общества, для целей нормативного закрепления и использования в тексте Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» может быть предложена следующая дефиниция термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования»: экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования – совокупность взаимосвязанных между собой экономических, правовых, организационных, институциональных и иных средств, методов и инструментов, направленных на стимулирование и поощрение лиц, ведущих хозяйственную деятельность, к осуществлению экологических мероприятий посредством формирования экономической заинтересованности в проведении таких мероприятий, обеспечение оптимального баланса между экономическими и экологическими интересами общества и отдельных лиц посредством реализации перспективных достижений научно-технического прогресса, поддержки создания и внедрения инноваций.

Использование в Федеральном Законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» вышеприведенной дефиниции понятия «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования» способно выступить важной юридической предпосылкой развития и совершенствования отечественной законодательной базы, регулирующей реализацию на практике каждого из элементов указанного механизма. Более того, предлагаемая дефиниция обозначенного понятия способна выступить предпосылкой качественного совершенствования экологического законодательства России в целом, системно содействуя включению в него нормативных положений, стимулирующих активизацию научно-технического прогресса и инновационной деятельности в экологических целях.

В соответствии с пунктом 2 статьи 17 Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности в целях охраны окружающей среды может осуществляться по следующим направлениям [1]:

- 1) содействие в осуществлении инвестиционной деятельности, направленной на внедрение наилучших доступных технологий и реализацию иных мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- 2) содействие в осуществлении образовательной деятельности в области охраны окружающей среды и оказании информационной поддержки мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- 3) содействие в осуществлении использования возобновляемых источников энергии, вторичных ресурсов, разработке новых методов контроля за загрязнением окружающей среды и реализацией иных эффективных мер по охране окружающей среды.

В рамках логического анализа и критического осмысления вышеуказанных норм российского законодательства необходимо обратить внимание на следующие проблемные вопросы:

- 1) способствовать снижению негативного воздействия на окружающую среду, улучшению ее качества, повышению эффективности охраны окружающей среды и природопользования могут не только наилучшие доступные технологии, но и весь комплекс новых решений организационного, технического, управленческого, экономического и иного характера, то есть все то, что по своему смысловому содержанию может быть охарактеризовано термином «экологические инновации»;
- 2) не менее важной, чем поддержка со стороны государства собственно внедренческой деятельности, является государственная поддержка деятельности, ориентированной на создание наилучших доступных технологий и иных экологических инноваций, что естественным образом предполагает поддержку соответствующих научных исследований и опытно-конструкторских разработок;
- 3) конечный результат государственной поддержки хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, должен охватывать собой не только снижение негативного воздействия на окружающую среду, но и улучшение ее качества. Законодателю в данном случае необходимо акцентировать внимание на роли научно-технического прогресса и инновационной деятельности как факторов, позволяющих не просто снижать негативное антропогенное воздействие на окружающую среду, но и улучшать качество среды обитания человека, решать те экологические проблемы, которые возникли в результате деятельности человека в прошлом.

Исходя из результатов проведенного логического анализа, представляется целесообразным сформулировать абзацы второй и третий пункта второго статьи 17 Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» в следующей редакции:

абзац второй: содействие в осуществлении инвестиционной деятельности, направленной на создание и (или) внедрение наилучших доступных технологий и (или) иных экологических инноваций, ориентированных на снижение негативного воздействия на окружающую среду и (или) улучшение ее качества;

абзац третий: содействие в осуществлении образовательной деятельности в области охраны окружающей среды и оказании информационной поддержки мероприятий, ориентированных на снижение негативного воздействия на окружающую среду и (или) улучшение ее качества.

Эффективность функционирования экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования во многом зависит от полноты и содержательности отражения в нормативно-правовой базе государства структурных составляющих указанного механизма. При этом структура соответствующего механизма, безусловно, не исчерпывается такими его составляющими, как плата за негативное воздействие на окружающую среду, государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, экологическое страхование и экономическое стимулирование прекращения производства и использования озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции.

В частности, важными структурными элементами экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования являются государственное прогнозирование и планирование в экологической сфере жизнедеятельности общества, экономическая оценка экосистемных услуг, установление платежей за пользование находящимися в государственной собственности природными ресурсами, финансирование

мероприятий, направленных на охрану окружающей среды, рационализацию и повышение эффективности использования природных ресурсов, возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства.

Помимо вышеперечисленного, С. А. Боголюбов относит к числу элементов экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования экологический аудит, лицензирование природопользования и его нормирование, В. В. Петров и А. К. Голиченков – учет природных ресурсов, их социально-экономическую оценку, экологические фонды, экологические льготы и развитие рынка экологической техники и экологических услуг, Л. Г. Сокушева и Е. С. Шукина – создание рынков природных ресурсов и прав на загрязнение, систему «залог – возврат» и экологический мониторинг, О. В. Вагина – техническое регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования [3; 9; 13; 14; 15].

Р. А. Дурнев, А. И. Пономарев и С. П. Чумак, особо отмечая важную роль экономического механизма управления охраной окружающей среды в деле предупреждения чрезвычайных ситуаций экологического характера, полагают, что формирование обозначенного механизма должно осуществляться по следующим направлениям [16]:

- 1) разработка и установление экологических ограничений по территориальному и эколого-системному признакам;
- 2) экономическая ответственность природопользователей за нарушение экологических норм (экологических ограничений);
- 3) создание системы платежей за природопользование;
- 4) упорядочение источников финансирования мероприятий по охране, воспроизводству и сбережению природных ресурсов;
- 5) введение лимитирующих норм выбросов, сбросов вредных веществ и допустимого уровня волнового (физического) загрязнения;
- 6) введение лимитирующих норм использования природных ресурсов по природным объектам, экосистемам и территориям.

В свою очередь, В. В. Гассий выделяет три группы мер государственно-правового воздействия на деятельность субъектов хозяйствования, образующих в своей совокупности организационно-экономический механизм охраны окружающей среды [17]:

- 1) меры, направленные на принуждение хозяйствующих субъектов к охране окружающей среды путем нормативного регулирования и штрафных санкций (плата за природные ресурсы, загрязнение, штрафы и экономические санкции за сверхлимитное потребление);
- 2) меры экономического стимулирования природоохранной деятельности (режим ускоренной амортизации экотехники, льготное налогообложение, кредитование, страхование);
- 3) меры, стимулирующие экологически ориентированное научно-технологическое развитие производства.

По результатам проведенного логического анализа может быть сделан вывод о целесообразности нормативного закрепления в тексте Федерального Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» в качестве элементов экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования таких его структурных составляющих, как:

- 1) плата за негативное воздействие на окружающую среду;
- 2) государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды;
- 3) государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, направленной на рационализацию и повышение эффективности использования природных ресурсов;
- 4) государственное прогнозирование и планирование в области охраны окружающей среды и рационального и эффективного использования природных ресурсов;
- 5) финансирование мероприятий, направленных на охрану окружающей среды, рационализацию и повышение эффективности использования природных ресурсов;
- 6) учет природных ресурсов;
- 7) социально-экономическая оценка природных ресурсов;
- 8) лицензирование природопользования;
- 9) нормирование природопользования;
- 10) экономическая оценка экосистемных услуг;
- 11) возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства;
- 12) развитие рынка экологической техники и экологических услуг;
- 13) экологическое страхование;
- 14) экологический аудит;
- 15) экологический мониторинг;
- 16) экономическое стимулирование прекращения производства и использования озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции;
- 17) техническое регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования.

В целом, есть все основания утверждать, что нормативное закрепление в законодательной базе Российской Федерации дефиниции термина «экономический механизм охраны окружающей среды и природопользования», а также развернутой структуры обозначенного механизма позволит качественно усовершенствовать отечественное экологическое законодательство и существенно повысить эффективность экологической политики Российского государства.

Список литературы:

1. Об охране окружающей среды: Федеральный Закон Российской Федерации, 10.01.2002 г., № 7-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Москва, 2026. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. – Дата доступа: 09.02.2026.
2. Боголюбов, С. А. Экологическое право: учебник для вузов / С. А. Боголюбов. – М.: Высшее образование, 2008. – 485 с.
3. Боголюбов, С. А. Соотношение публично-правовых и частно-правовых средств в обеспечении экологических прав граждан / С. А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 12 – 13.
4. Кичигин, Н. В. Законодательное обеспечение экономического механизма охраны окружающей среды / Н. В. Кичигин // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 45 – 51.
5. Петрова, Т. В. Правовые проблемы экономического механизма охраны окружающей среды / Т. В. Петрова. – М.: Зерцало, 2000. – 185 с.
6. Экологическое право: учебник / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2013. – 501 с.
7. Бринчук, М. М. Экологическое право: учебник / М. М. Бринчук. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 624 с.
8. Ахатов, А. Г. Альтернатива экологическому шоку / А. Г. Ахатов // ЭКО. – 1990. – № 1. – С. 167 – 171.
9. Вагина, О. В. Инструменты экономического механизма, способствующие стимулированию хозяйствующих субъектов к рациональному природопользованию / О. В. Вагина // Бизнес, менеджмент и право. – 2018. – № 4. – С. 62 – 64.
10. Егоров, А. В. Структура экономического механизма охраны окружающей природной среды / А. В. Егоров // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета имени В. Д. Калмыкова. – 2004. – № 4. – С. 114 – 118.
11. Коробов, А. А. Совершенствование экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды в нефтедобывающей промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Коробов Алексей Анатольевич. – Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2001. – 20 с. – Библиогр.: с. 20.
12. Ахатов, А. Г. Экологическое страхование как базовый элемент экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в контексте обеспечения экологической безопасности: проблемы правового регулирования / А. Г. Ахатов // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 10. – С. 103 – 109.
13. Петров, В. В. Экологическое право России: учебник для вузов / В. В. Петров. – М.: БЕК, 1995. – 557 с.
14. Голиченков, А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования / А. К. Голиченков. – М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1992. – 160 с.
15. Сокушева, Л. Г. Экономический механизм природопользования / Л. Г. Сокушева, Е. С. Щукина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 141 – 146.
16. Дурнев, Р. А. Экономический механизм управления охраной окружающей среды как один из методов регулирования охраны природы / Р. А. Дурнев, А. И. Пономарев, С. П. Чумак // Технологии гражданской безопасности. – 2009. – Т. 7. – № 3 – 4. – С. 72 – 81.
17. Гассий, В. В. Организационно-экономический механизм привлечения инвестиций в охрану окружающей среды на основе партнерства государства и бизнеса / В. В. Гассий // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». – 2011. – № 6. – С. 90 – 94.

References:

1. On Environmental Protection: Federal Law of the Russian Federation, January 10, 2002, No. 7-FZ. Legal Reference System «Consultant Plus» [Electronic Resource]. Moscow, 2026.
2. Bogolyubov, S. A. Ecological Law. Moscow, 2008, 485 p.
3. Bogolyubov, S. A. The Ratio between Public and Private Legal Means in Ensuring the Ecological Rights of Citizens. Journal of Russian Law, 2005, No. 7, pp. 12 – 13.
4. Kichigin, N. V. The Legislative Support of the Economic Mechanism of the Environmental Protection. Journal of Russian Law, 2008, No. 10, pp. 45 – 51.
5. Petrova, T. V. Legal Problems of the Economic Mechanism of the Environmental Protection. Moscow, 2000, 185 p.
6. Balashenko, S. A. [et al.]. Ecological Law. Minsk, 2013, 501 p.
7. Brinchuk, M. M. Ecological Law. Moscow, Voronezh, 2011, 624 p.
8. Akhatov, A. G. An Alternative to the Ecological Shock. ECO, 1990, No. 1, pp. 167 – 171.
9. Vagina, O. V. Tools of the Economic Mechanism Contributing to the Stimulation of Economic Entities to the Rational Nature Management. Business, Management and Law, 2018, No. 4, pp. 62 – 64.
10. Egorov, A. V. The Structure of the Economic Mechanism of the Environmental Protection. News of the Taganrog State Radio Engineering University named after V. D. Kalmykov, 2004, No. 4, pp. 114 – 118.
11. Korobov, A. A. Improving the Economic Mechanism of the Nature Management and the Environmental Protection in the Oil Industry. Moscow, 2001, 20 p.
12. Akhatov, A. G. The Environmental Insurance as a Basic Element of the Economic Mechanism of the Environmental Protection and the Nature Management in the Context of Ensuring the Ecological Safety: Problems of the Legal Regulation. Eurasian Law Journal, 2009, No. 10, pp. 103 – 109.
13. Petrov, V. V. Ecological Law of Russia. Moscow, 1995, 557 p.
14. Golichenkov, A. K. The Ecological Control: Theory, Practice of the Legal Regulation. Moscow, 1992, 160 p.
15. Sokusheva, L. G., Shchukina E. S. The Economic Mechanism of the Nature Management. Vestnik of the Orenburg State University, 2006, No. 8, pp. 141 – 146.
16. Durnev, R. A., Ponomarev, A. I., Chumak, S. P. The Economic Mechanism of the Environmental Protection Management as One of the Methods of the Nature Protection Regulation. Civil Security Technologies, 2009, Vol. 7, No. 3 – 4, pp. 72 – 81.
17. Gassiy, V. V. The Organizational and Economic Mechanism for Attracting Investments in the Environmental Protection on the Basis of the Partnership between the State and Business. News from Higher Education Institutions. North Caucasus Region. Series «Social Sciences», 2011, No. 6, pp. 90 – 94.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЙ СЕГМЕНТ STATE-POLITICAL FORMS OF PERSONALITY EDUCATION: CULTURAL SEGMENT

БИЛЫК Кирилл Владимирович

аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
e-mail: 1890686@bsuedu.ru

BILYK Kirill Vladimirovich

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
e-mail: 1890686@bsuedu.ru

Краткая аннотация. Актуальность темы обусловлена конституционным закреплением воспитания не только как права и обязанности, но и как инструмента реализации государственной политики в различных сферах. Цель данной статьи состоит в выявлении роли культурного сегмента как одной из системообразующих основ государственно-политических форм опосредования воспитания; анализе ее структуры и порядка реализации на примере национальной и языковой разновидностей политик. Результаты исследования показали, что воспитание интегрировано в государственную культурную политику в качестве инструмента, направленного на формирование у граждан уважительного отношения к традиционным российским ценностям. Культурный сегмент выступает базой, от которой производны национальная и языковая политики. В рамках языковой политики обоснован приоритет воспитания уважения к русскому языку как государственному, в том числе в отношении мигрантов, что требует разработки специальных воспитательных программ с механизмами государственного контроля.

Abstract. The relevance of the topic is due to the constitutional consolidation of education not only as a right and duty, but also as a tool for implementing state policy in various fields. The purpose of this article is to identify the role of the cultural segment as one of the system-forming foundations of state-political forms of education mediation; to analyze its structure and implementation using the example of national and linguistic varieties of politics. The results of the study showed that education is integrated into the state cultural policy as a tool aimed at forming a respectful attitude towards traditional Russian values among citizens. The cultural segment acts as the base from which national and linguistic policies are derived. Within the framework of language policy, the priority of fostering respect for the Russian language as a state language is justified, including in relation to migrants, which requires the development of special educational programs with mechanisms of state control.

Ключевые слова: воспитание, государственная политика, конституционное право, культурная политика, традиционные ценности, русский язык.

Key words: education, public policy, constitutional law, cultural policy, traditional values, Russian language.

Для цитирования: Билык К.В. Государственно-политические формы воспитания личности: культурный сегмент // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 271-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_271.

For citation: Bilyk K.V. State-political forms of personality education: cultural segment // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 271-276. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_271.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

В рамках конституционно-детерминированных форм воспитания личности в России, нами обособлена государственно-политическая форма, основанная, в первую очередь, на предметных положениях действующей российской Конституции, согласно результатам формально-юридического анализа которых категория «воспитание» постулируется не только как равновесный (институциональный) инструмент формирования личности или реализации ее прав (ст.ст. 26, 38, 39), но и одновременно обеспечительная форма воплощения иных конституционно-детерминированных ценностей, целей, задач и приоритетов (ст.ст. 67.1., 71, 72, 114) [1]. Второй аспект конституирования воспитания позволяет говорить о его тесной взаимосвязи с рядом системных явлений и процессов (одновременно и сфер отношений, и институтов, и пр.). К примеру, таких, как государственность, экономика, экология, наука, культура и, собственно, право в целом. Как видится, на практике эта взаимосвязь наиболее активно проявляется в процессе правового обеспечения и фактической реализации различных предметно-соотносимых направлений государственной политики, основы публично-правовой регламентации которых, как правило, включают воспитательный компонент.

В свою очередь анализ указанных выше и логически связанных с ними конституционных установлений позволяет предположить, что ключевым системным явлением, на обеспечение которого ориентировано воспитание в контексте рассматриваемых форм, выступает культура в целом, а производно, через призму предметных конституционных норм – различные ее разновидности. Соответственно, воспитание здесь видится как неотъемлемый инструмент формирования и развития «культурного сегмента» в сознании личности, в структуре общества и государства, включая их относительно самостоятельные комплексные институты. При этом формально-юридически это закрепляется в основах государственной политики культурной направленности.

Таким образом, воспитательное воздействие осуществляется не как условно самостоятельный и целенаправленный процесс, а как встроенный в комплекс правоотношений инструмент, наряду с иными методами, способами, средствами, формами воздействия и пр., призванный обеспечить системное формирование и реализацию того или иного направления государственной политики. Такая встроенность в институционализированные комплексы мер по реализации политики государства оказывает существенное влияние на оценку результативности воспитательного воздействия, его ценностную и целевую определенность. При этом упрочение и (или) корректировка воспитательной составляющей

здесь не может носить автономного характера, а должна обязательно учитывать системные связи как внутри отдельных государственно-политических направлений, так и в рамках политики государства в целом.

Учитывая, что выделение и реализация отдельных направлений государственной политики весьма динамичный и непрерывный процесс (к примеру, сохранение и укрепление традиционных российских ценностей в их духовно-нравственном акценте было формализовано как такое направление сравнительно недавно [6] и даже не претерпело пока юридической корректировки в части своих основ), для решения поставленных в данном исследовании задач остановимся на рассмотрении лишь нескольких государственно-политических комплексов с общей и видовой предметно-культурной составляющей. При этом следует уточнить, что выбор последних обусловлен тремя ключевыми факторами: 1) контекстным упоминанием их основного предмета на конституционном уровне; 2) относительной стабильностью и длительностью реализации; 3) достаточной (для системного анализа) проработкой в юридической науке и практике.

В подтверждение заявленной позиции в авангарде следует привести ст. 5 разд. II Основ государственной культурной политики, в которой фактически раскрывается структурно-содержательная характеристика данной системообразующей конструкции: «Государственная культурная политика охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, социальные и гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное культурно-гуманитарное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» [5]. В указанном разделе даются определения и иных официальных понятий, однако исследовательский интерес представляют лишь некоторые. В частности, не совсем логичным видится закрепленный перечень субъектов государственной культурной политики, среди которых не названа личность (или хотя бы гражданин), несмотря на отнесение к данному направлению государственной политики, к примеру, самовоспитания граждан. При буквальном толковании указанных положений сложно сказать однозначно, является ли это упущением (или в установленном субъектном составе заложен определенный смысл), но, как представляется, это опосредует дополнительное внимание нормотворца. Между тем, в приведенном определении просматривается установка, которую можно учесть как аргумент по обоснованию выделения рассматриваемых комплексных форм: сфера воспитания здесь контекстно упоминается как равновесная (по значению) таким областям человеческой жизнедеятельности, как искусство, образование, наука, просвещение и др. Относительно базового понятия более содержательно развитым видится определение объектов государственной культурной политики: «материальное и нематериальное культурное наследие, все виды и результаты творческой деятельности, система образования, наука, русский язык и языки народов Российской Федерации, семья, системы межличностной и общественной коммуникации, медийное и информационное пространство, международные культурные и гуманитарные связи» [5]. Здесь достаточно наглядно представлены те отношения и институты, которые уже формализованы как направления государственной политики, причем актуальные, приоритетно и (или) системно развиваемые на современном этапе. Примечательно, что и конструкция воспитания претерпевает при закреплении понятийно-категориального аппарата культурной политики некоторое содержательное развитие: к примеру, в определениях культурной деятельности и культурного наследия уже появляется понятие «эстетическое воспитание» (правда, без уточнения его характеристики) [5]. Не оспаривая указанного уточнения, следует отметить в негативном ключе отсутствие конструкции «воспитание» в перечне объектов указанной политики: видится алогичным, что в официальных определениях двух из трех базовых категорий воспитание заявлено, но уровня «объекта политики» так и не получило; либо, что более вероятно, разработчики документа все же изначально рассматривали воспитание именно в обеспечительном аспекте и контекстно адресовали его как составляющую всем видам официально закрепленных объектов. Эти предположения, как представляется, в сумме укладываются в заявленный выше подход к обоснованию выделения государственно-политических форм воспитания.

Вывод в целом подтверждают и иные положения Основ государственной культурной политики. Причем воспитательный сегмент здесь уже сопрягается с традиционными ценностями как квинтэссенцией ценностной основы перспективной системы воспитания. Так, среди целей данной политики прямо заявлены: «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения...» [5] и др. (разд. IV). Целеполаганию вторят и принципы, в том числе содержащие такие постулаты: «... создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей...; защита традиционных семейных ценностей ...; сохранение ... этнокультурного и языкового многообразия; приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и защиту исторической правды...» [5] и пр. (разд. V). В свою очередь вышеприведенное определение субъектного состава государственной культурной политики позволило непосредственно сгруппировать ее задачи, сначала выделив общие из них – для всех сфер культурной деятельности. И здесь обращает на себя внимание, что воспитательный элемент присутствует в первой и во второй категории задач, что говорит не только о его функционально-статусной вариативности, но и однозначной неотъемлемости, обеспечительной значимости для области культуры в целом, вне зависимости от ее видового многообразия. Между тем, с точки зрения юридической техники, в том числе формально-логического и системного методов, можно констатировать некоторую рассогласованность в указанных задачах: в частности, при формулировке общих задач сфера воспитания рассматривается как равновесная области семейных отношений, а уже в предметно-специальной группе (именно в области воспитания) последовательно фиксируются задачи для сферы семейного воспитания, причем в достаточно широком понимании, включая межпоколенческие отношения и связи и др. В свою очередь задачи, относимые к «области формирования информационной среды, благоприятной для становления личности», основываются на подходе о равнозначности, в том числе просвещения и

воспитания: «... путем популяризации информационных ресурсов, с использованием которых распространяется достоверная информация и которые способствуют культурно-историческому просвещению и воспитанию на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5]. Следовательно, возникает вопрос о дуализме в понимании правового положения и функционального назначения воспитания, ответ на который в проанализированном документе, к сожалению, не просматривается.

Предположим, что вариативность содержания государственной культурной политики, в том числе в аспекте ее воспитательной составляющей, производна от специфики закрепления и интерпретации основных и производных культурных прав личности. Здесь можно согласиться с Д.С. Ивакиной, которая выделяет ряд специфических черт, присущих субъективным культурным правам личности именно в рамках своей системы. К таковым автор относит следующие:

«... 1. В рамках данной системы можно выделить права, которые определенно относятся к группе культурных прав..., а есть права, которые носят комплексный характер и охватывают несколько сфер жизни, выполняют многие функции, например, право на образование, право на объединение в культурных целях.

2. Не существует окончательного перечня культурных прав, так как он постоянно расширяется благодаря творческим способностям человека. ...

3. Внутри единой системы все права выполняют явные и скрытые (латентные) функции, осуществление которых может приводить на практике как к положительным, так и к негативным результатам ...

4. Все права взаимосвязаны и дополняют друг друга. Так, право пользования родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества напрямую связано и с правом на свободу творчества, и с правом на образование, и с другими культурными правами в целом.

5. Недопустимо разделение прав по степени важности. Все права имеют равное значение и ценность. Каждое право необходимо для полноты существования человека и развития его как полноценной личности, без умаления значимости одних правомочий по сравнению с другими» [13, с. 35-38].

Из данной позиции также явственно следует, что культурные права выполняют своеобразную связующую функцию с последующей трансляцией на сферу культуры в целом и, логично, не могут не отразиться на предметной государственной политике. При этом уже на конституционном уровне просматриваются те приоритетные области отношений, которые закономерно выступили как предмет соответствующего, производного от общекультурного направления политики государства (например, образовательной, языковой и др.).

Обобщая рассуждения по итогам рассмотрения предметных нормативных правовых основ, а также отдельных доктринальных изысканий, представляется допустимым сделать промежуточный вывод, что государственную культурную политику можно рассматривать как базовую комплексную форму воспитания, так как именно от нее фактически производны, хотя далее и реализуются относительно самостоятельно иные направления государственной политики, в том числе национальная, языковая, информационная и др. Данный тезис находит свое подтверждение и в научной литературе, в результатах последующего анализа которой как раз просматриваются отсылки и соотношения именно с культурной сферой развития российского общества и государства.

Между тем, в рамках поставленных исследовательских задач более перспективным с точки зрения выявления особенностей и проблемных аспектов воспитания в рамках государственно-политической формы его осуществления видится рассмотрение специально-видовых, производных от общекультурного, направлений государственной политики.

Так, одним из направлений государственной политики, в части своей результативности, получившим общественный резонанс на современном этапе, выступает национальная политика России. Нормативным правовым документом, закрепляющим ее основы, является ныне утративший юридическую актуальность, но не политическое значение Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4], в котором традиционно для подобного рода политико-правовых документов постулировались все еще актуальные цели, задачи, принципы государственной национальной политики. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию, признать цели указанной Стратегии достигнутыми не представляется возможным, что выражается в том числе в проведении работы по подготовке проекта нового стратегического документа в данной области с ориентировочно десятилетним сроком реализации [15]. Поддерживая заявленный ранее тезис, акцентируем внимание на анализе доктринальных разработок в данной области.

К примеру, еще на заре реализации указанной Стратегии Л.Н. Васильева справедливо отмечала: «... такие задачи развития институтов государства и гражданского общества, как формирование патриотизма (а не национализма), толерантности, психоэмоциональной связи каждого представителя этносов, населяющих Россию, с ее многонациональным народом, адаптация мигрантов в иной социокультурной среде, противодействие религиозному экстремизму и терроризму, закладывают тенденции для дальнейшего развития отечественного законодательства в целях превенции негативных последствий межэтнических разногласий и гармоничного развития национальных отношений» [12, с. 18-26]. Представляется, данная рекомендация, как и ее обоснование, не утратили актуальности и в настоящее время.

В свою очередь автор подчеркивает, что «... в отечественной правовой системе краеугольным камнем развития конституционно-правового регулирования в сфере межэтнических отношений является сохранение и развитие национальной самобытности порядка 160 народов России» [12, с. 18-26], что проявилось в приоритетной законодательной регламентации на федеральном уровне ее ключевых элементов – культуры и языка [2, 3]. «Названные нормативные правовые акты, положения которых развиваются на региональном уровне правотворчества, касаются вопросов защиты и развития национальных языков, сохранения и поддержки национальных культур, доступности реализации конституци-

онного права каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, обучения, воспитания и творчества» [12, с. 18-26]. Последовательность в принятии даже указанных правовых актов, а также частота упоминания конструкта «язык» и его производных в самой Конституции России (ст.ст. 19, 26, 29, 68, 69), причем нередко – во взаимосвязи с конструктом «национальный», как и в рассуждениях ученых [12, с. 18-26], позволяют судить о закономерности выделения из национальной государственной политики относительно самостоятельного ее направления – политики языковой.

Подтверждается данный тезис рядом доктринальных источников, где языковая политика государства выделяется в том числе как самостоятельный предмет исследования [14, с. 7-12], специальными организационно- и политико-правовыми документами [7, 8, 10], принятыми сравнительно недавно. Учитывая масштабное внимание исследователей именно к языковым аспектам изначально в рамках национальной политики (а впоследствии в ее взаимосвязи с языковой), а также прямой конституционно-детерминированной связи языка и воспитания (ч. 2 ст. 26), видится обоснованным внимание к предметной направленности воспитания в комплексе языковой политики нашего государства. В дополнение можно уточнить, что в недавно утвержденных Основах государственной языковой политики Российской Федерации [8], помимо традиционного указания на основные субъективные права личности, связанные с языком и воспитанием, в положениях документа нашли отражение и аксиологически приоритетные для данного исследования традиционные российские ценности в части признания особой значимости русского языка и духовно-нравственного аспекта (разд. V).

В этой связи представляют определенный интерес и заслуживают поддержки выводы и предложения К.Д. Корякина: «... в Российской Федерации понятия "государственный язык" и "официальный язык" не равноправны, так как "государственный язык" имеет более высокий статус, чем "официальный язык". ... в отличие от государственного языка официальный язык не указывает на государствообразующую роль определенного этноса, выполнившего интеграционную функцию по объединению разных народов в единое суверенное государство, в силу чего не может стать и символом этого государства» [14, с. 7-12]. Интересны и изыскания автора в аспекте реализации языковой политики в субъектах России, особенно, в республиках в ее составе. В частности, приводятся материалы и позиции, подтверждавшие наличие проблем в интерпретации и соотношении русского языка как государственного и языков народов, в том числе преимущественно составляющих население той или иной республики. К примеру, подвергается критическому анализу все еще актуальная Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации [9], в том числе в таких проявлениях результатов ее реализации, как чрезмерное внимание (государства) к изучению иностранных языков с одновременным упущением проблем изучения русского языка, а также некоторая «увлеченность» указанных выше субъектов Федерации обеспечением организации преподавания национальных языков республики и населяющих их народов в ущерб русскому языку [14, с. 7-12]. При этом в научной литературе имеет место позиция, которая содержит весьма позитивную оценку сложившейся «языковой ситуации» в стране, в том числе на региональном уровне, а также обозначена необходимость дальнейшего развития сложившихся правовых механизмов в данной области [11, с. 35-38]. Между тем, как показывает анализ актуальной (по периоду публикации) научной литературы, указанные выше проблемы не решены в полной мере, и к ним добавились новые [12, с. 18-26]. Последнее подтверждается и включением отдельного п. 16 в раздел. II Основ государственной языковой политики Российской Федерации [8]. Поддерживая в целом выводы и предложения К.Д. Корякина, считаем, что авангардная роль и приоритетный статус русского языка как государственного в принципе не могут ставиться под сомнение и, тем более, ограничиваться в правовом поле. Ни о какой равностатусности иных официальных языков России с русским языком не может идти речи. На это указывают и последние конституционные изменения, на высшем уровне закрепившие особое положение русского языка как государственного, а также фактически субсидиарный характер государственных языков республик в составе России, выражаемый в обороте «наряду с ...» (ст. 68). Данная позиция имеет принципиально-ориентирующее значение в силу гарантированности предметного основного субъективного права личности (ч. 2 ст. 26), а также прямого запрета «языкового превосходства» в ч. 2 ст. 29 Конституции России. Соответственно, периодически возникающие вопросы относительно расширительного толкования последних двух конституционных положений со стороны иностранных граждан в принципе следует признавать несостоятельными. На особый статус русского языка указывают и положения п. 8 разд. II Основ государственной языковой политики Российской Федерации: «Россия – страна более чем с тысячелетним опытом самостоятельной государственности, объединенная русским народом, русским языком и русской культурой. При всем уникальном этнокультурном многообразии Российской Федерации именно русский язык в значительной мере определяет общероссийскую гражданскую идентичность, является залогом единства культурно-гуманитарного пространства России» [8]. В данной связи видится приоритетным воспитание уважительного отношения к русскому языку как основному государственному и со стороны российских граждан с различной национальной принадлежностью, и, особенно, со стороны иностранных граждан, законно находящихся на территории Российской Федерации, включая мигрантов.

Интересной в данной связи представляется также работа Л.Н. Васильевой, посвященная языковой политике государства в контексте поддержания культурной и национальной идентичности российских граждан, опубликованная в 2024 г. Ключевыми выводами автора здесь выступают следующие:

- «проведение языковой политики предполагает учет множественности идентичности, в том числе культурной и языковой идентичности, которые могут рассматриваться при определенных условиях не самостоятельно, а в качестве элементов гражданской идентичности» [12, с. 18-26];
- реализация языковой политики в субъектах России до сих пор характеризуется неоднородностью предметного законодательства;
- «языковая политика в интересах поддержания культурной и национальной идентичности российских граждан требует учета как минимум двух факторов при ее формировании: 1) необходимости сохранения и защиты национальных культуры и языка как основы формирования

национальной идентичности; 2) укрепления общероссийской гражданской идентичности, позволяющей гражданину России осознать себя россиянином» [12, с. 18-26];

– к принципам последней следует отнести «... защиту прав граждан России в области культуры и языка, содействие развитию и сохранению национальных языков и культур каждого народа России, адаптацию мигрантов к языку и культуре принимающего сообщества, защиту языковых прав соотечественников за рубежом, защиту государственного языка как основного элемента общероссийской гражданской идентичности» [12, с. 18-26].

Данные выводы преимущественно коррелируют с утвержденными в июле 2025 г. Основами государственной языковой политики Российской Федерации, особенно, с ее целевыми установками. К примеру, в подп. «б» и «в» п. 18 указанного документа закреплены такие цели, как: «обеспечение национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации в языковой сфере» и, в продолжение, «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и общероссийской гражданской идентичности» [8].

Поддерживая в целом весьма актуальную позицию Л.Н. Васильевой и соотнося ее предметные аспекты непосредственно с вопросами воспитания в контексте его перспективной системы, представляется возможным выделить проблемный аспект в языковой (как и в целом – национальной) политике нашего государства, уже более десяти лет настойчиво упоминаемый данным автором – адаптация мигрантов к языку и культуре Российской Федерации. Не погружаясь в дискуссию о гарантированном социальном обеспечении данной категории граждан, включая, к примеру, сферу образования (с неотъемлемой воспитательной составляющей), в том числе его безвозмездном характере, считаем допустимым выделить здесь публично-правовой аспект воспитания в понимании. В этой связи видятся перспективными разработка дополнительных образовательных программ (альтернативно – системно-структурных воспитательных мероприятий) и установление для мигрантов дополнительной обязанности по их освоению с целью формирования не только знаниевого компонента в области русского языка и культуры, но и уважительного к ним отношения. Представляется, что освоение таких программ, участие в мероприятиях будет возмездным для адресата, а результативность образовательно-воспитательного воздействия будет подлежать государственному контролю. Оптимальным оценочно-проверочным инструментом здесь предполагается комплексное психолого-педагогическое тестирование, которое позволит не только проверить и оценить сформированность уровня профильных знаний, но и выявить степень конструктивности (или деструктивности) отношения к русскому языку и культуре, традиционным российским ценностям, наличия / отсутствия уважительного к ним отношения.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод, что в современной российской правовой системе воспитание в рамках культурного сегмента приобретает статус публично-правового института, встроенного в реализацию непосредственное государственной культурной политики и ее национальной языковой разновидности.

Ключевым системным явлением, на обеспечение которого ориентировано воспитание в данном сегменте, выступает культура как целостный феномен, а через призму конституционных норм – её разновидности: национальная самобытность, языковое многообразие, традиционные духовно-нравственные ценности.

В контексте национальной политики воспитание играет ключевую роль в гармонизации межэтнических отношений. При этом важно, чтобы воспитательные практики не ограничивались декларативными установками, а были подкреплены конкретными механизмами (например, адаптационные программы для мигрантов).

Особое значение приобретает языковая политика, в рамках которой воспитание направлено на укрепление статуса русского языка как государственного – основы общероссийской гражданской идентичности. В условиях этнокультурного многообразия страны воспитание должно способствовать не только сохранению языков народов России, но и формированию уважительного отношения к русскому языку как интеграционному стержню государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 2020, 4 июля.
2. Федеральный закон от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 01.04.2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965; 2022. № 14. Ст. 2202.
3. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740; СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4442.
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 15.01.2024 г.) // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
5. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (ред. от 17.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7753; 2025. № 29. Ст. 4282.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СР РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
7. Указ Президента РФ от 22.08.2024 г. № 716 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации» (ред. от 31.01.2025 г.) // СЗ РФ. 2024. № 35. Ст. 5325.
8. Указ Президента РФ от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.
9. Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2016 г. № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2424.
10. Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3537.
11. Булатова З.А. Конституционные гарантии языковых отношений // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 35-38.
12. Васильева Л.Н. Гармонизация сферы межэтнических отношений: концептуальные подходы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 2. С. 18-26.
13. Ивакина Д.С. Понятие и система культурных прав и свобод человека и гражданина в России // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 35-38.
14. Корякин К.Д. Языковая политика в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование и практика // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 7-12.

15. Проект Указа Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (по состоянию на 11.06.2025 г.) (подготовлен ФАДН России) // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025 г.).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 07.01.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020, July 4th.
2. Federal Law dated 17.06.1996 № 74-FZ «On National and Cultural Autonomy» (as amended on 04.01.2022) // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2965; 2022. № 14. Art. 2202.
3. Law of the Russian Federation dated 10.25.1991 № 1807-1 «On the Languages of the peoples of the Russian Federation Of the Russian Federation» (as amended on 06.13.2023) // Vedomosti SND and VS RSFSR. 1991. № 50. Art. 1740; NW RF. 2023. № 25. Art. 4442.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 12.19.2012 № 1666 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» (as amended on 01.15.2024) // SZ RF. 2012. № 52. Art. 7477.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated December 24.12.2014 № 808 «On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy» (as amended on 07.17.2025) // SZ RF. 2014. № 52 (Part I). Art. 7753; 2025. № 29. Art. 4282.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 11.09.2022 № 809 «On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // CP RF. 2022. № 46. Art. 7977.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 08.22.2024 № 716 «On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State policy in the field of support for the Russian Language and the languages of the Peoples of the Russian Federation» (as amended on 01.31.2025) // SZ RF. 2024. № 35. Art. 5325.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.11.2025 № 474 «On the approval of the Foundations of the State language policy of the Russian Federation» // SZ RF. 2025. № 28. Art. 3958.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.09.2016 № 637-р «On approval of the Concept of teaching Russian language and Literature in the Russian Federation» // SZ RF. 2016. № 17. Art. 2424.
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.12.2024 № 1481-р «On approval of the Concept of the State Language Policy of the Russian Federation» // SZ RF. 2024. № 25. Art. 3537.
11. Bulatova Z.A. Constitutional guarantees of linguistic relations // Law and statehood. 2024. № 3 (4). Pp. 35-38.
12. Vasilyeva L.N. Harmonization of the sphere of interethnic relations: conceptual approaches // State power and local self-government. 2014. № 2. Pp. 18-26.
13. Ivakina D.S. The concept and system of cultural rights and freedoms of man and citizen in Russia // Constitutional and municipal law. 2018. № 9. Pp. 35-38.
14. Koryakin K.D. Language policy in the Russian Federation: constitutional and legal regulation and practice // Constitutional and Municipal law. 2019. № 3. Pp. 7-12.
15. Draft Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036» (as of 06.11.2025) (prepared by the Federal Tax Service of Russia) // <https://www.consultant.ru/> (accessed 08.11.2025).

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ) ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF REGIONAL INFLUENCE POLITICIANS ON THE POLITICAL REGIME AND THEIR ROLE IN MAINTAINING THE STABILITY OF THE STATE (USING THE EXAMPLE OF UKRAINE)

РОСЕНКО Мария Ивановна

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры «Конституционное и административное право»,
Юридический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.
E-mail: Mariyair@mail.ru

СКРЕБЕЦ Елена Владимировна

доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»,
Юридический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.
E-mail: I_skrebec@mail.ru

ROSENKO Maria Ivanovna

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Law Institute, Sevastopol State University.
Sevastopol, 299053, Russia, Universitetskaya str., 33.
E-mail: Mariyair@mail.ru

SKREBETS Elena Vladimirovna

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process,
Law Institute, Sevastopol State University.
Sevastopol, 299053, Russia, Universitetskaya str., 33.
E-mail: I_skrebec@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проведено исследование трансформационных процессов, определены факторы и вызовы различных траекторий транзитного периода в Украине на региональном уровне, выявлены закономерности трансформации политического режима в Украине на региональном и субрегиональном уровне как совокупности переходов, осуществляемых путем выбора определенной конфигурации политических актеров, институтов и стратегий их взаимодействия в процессе распределения ресурсов, а также определения взаимосвязи общегосударственного, регионального и субрегионального уровня трансформации политического режима в Украине. Систематизация и обобщение основных институциональных изменений в процессе трансформации политического режима в Украине на (суб)региональном уровне позволили выделить их главные этапы. Сделан вывод, что культивируя различия между различными социальными, региональными группами, украинскими властями были существенно усложнены процессы консолидации демократии, поскольку был нивелирован ее основной принцип - поиск консенсуса на основе демократических принципов и процедур, который должен противостоять практике взаимных обвинений с целью дискредитации. Сделать предположение о демократическом транзите в Украине как о переходе с "открытым финалом" (в отличие от линейного процесса трансформации политического режима как перехода от недемократического к демократическому).

Abstract. The article examines transformation processes, identifies factors and challenges of different trajectories of the transit period in Ukraine at the regional level, identifies patterns of transformation of the political regime in Ukraine at the regional and sub-regional levels as a set of transitions carried out by choosing a certain configuration of political actors, institutions and strategies for their interaction in the process of resource allocation, and there are also definitions of the interrelationship of the national, regional and sub-regional levels of transformation of the political regime in Ukraine. Systematization and generalization of the main institutional changes in the process of transformation of the political regime in Ukraine at the (sub)regional level allowed us to identify their main stages. It is concluded that by cultivating differences between various social and regional groups, the Ukrainian authorities have significantly complicated the processes of consolidating democracy, since its basic principle was eliminated - the search for consensus based on democratic principles and procedures, which should counter the practice of mutual accusations in order to discredit. To make an assumption about the democratic transit in Ukraine as a transition with an "open ending" (in contrast to the linear process of transformation of the political regime as a transition from undemocratic to democratic).

Ключевые слова: демократический транзит, политический режим, политический конфликт, государственная политика, региональный уровень.

Keywords: democratic transit, political regime, political conflict, state policy, regional level.

Для цитирования: Росенко М.И., Скребец Е.В. Организационно-правовые механизмы влияния региональной политики на политический режим и их роль в сохранении устойчивости государства (на примере Украины) // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 277-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_277.

For citation: Rosenko M.I., Skrebets E.V. Organizational and legal mechanisms of influence of regional policy on the political regime and their role in maintaining the stability of the state (using the example of Ukraine) // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 277-284. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_277.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Актуальность исследования заключается также в необходимости изучения мозаичности предметного поля украинской политической регионалистики путем переосмысления и определения парадигмы трансформации политического режима при исследовании трансформационных процессов в Украине на региональном и субрегиональном уровне. Речь идет также о целесообразности определения взаимосвязи общегосударственного, регионального и субрегионального уровня политики в переходном обществе. Исследования регионального и субрегионального уровня

украинской политики часто сводятся к отражению политики общегосударственного уровня. На наш взгляд, такая парадигма исследования не учитывает потенциал региональной и субрегиональной политики, которая может быть движущей силой демократических преобразований или силой, аккумулирующей протестный потенциал.

Цель статьи заключается в выделении институциональных основ трансформации политического режима, а также определении факторов и вызовов отличных траекторий транзитного периода в Украине на региональном уровне.

Методы исследования. В статье используются такие логические приемы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия; общенаучные методы: структурно-функциональный метод позволил изучить структуру политического режима и его отдельные элементы; с помощью синергетического метода обоснована необходимость отказа от классического представления о линейном характере причинно-следственных связей транзитного периода; метод классификации был применен при уточнении классификации сценариев выхода из ситуации неопределенности; с помощью исторического метода осмыслена динамика трансформации политического режима в Украине на региональном и субрегиональном уровне; выделены особенности взаимосвязи трансформации политического режима в Украине на общегосударственном, региональном и субрегиональном уровне.

Применение метода периодизации позволило выделить главные этапы институциональных изменений трансформации политического режима в Украине на региональном и субрегиональном уровне. Сравнительный метод позволил выделить факторы и вызовы, которые несут выбранные сценарии выхода из ситуации неопределенности в разных регионах и субрегионах Украины, а также определить особенности взаимосвязи трансформации политического режима в Украине на общегосударственном, региональном и субрегиональном уровне.

Конфликтное поле в Украине в настоящее время является предметом обсуждения мировой политики. Конфликт, который сейчас играет такую важную геополитическую роль, был прогнозируем. Ученые и политики, которые занимались исследованием политических процессов в Украине, общественно-политической обстановки в государстве, анализом последствий, принятых политических государственных решений, тенденций по изменению вектора геополитического развития, методов взаимодействия власти и оппозиции, в своих трудах указывали на повышенную конфликтность, на опасное приближение к точке «невозврата».

Основные виды политических конфликтов в Украине, которые имели явный характер, затрагивали почти весь спектр таких конфликтов: между ветвями власти, в т.ч. в процессе становления института президентства; внутрипарламентский; между политическими лидерами; между партиями; внутри государственно-административного аппарата. Ситуация осложнялась тем, что все эти политические конфликты накладывались друг на друга. Об этом свидетельствуют взаимоотношения между Президентом и Верховной Радой (2004, 2006, 2007), между Президентом и Премьер-министром от оппозиционной партии. Между Президентом и Премьер-министром, которые являлись представителями партий, которые позиционировались политическими соратниками и коалиционерами. Ограничение полномочий Президента по конституционной реформе 2004 года привело к тому, что глава государства утратил возможность реального гаранта Конституции, который бы уравнивал бы ветви власти, являлся бы ключевым звеном в сложной системе властных иерархий. Актуальной причиной конфликта внутри государственно-административного аппарата в Украине стал управленческий кризис как следствие разрушение управленческой вертикали 2005-го года. Замена управленцев среднего звена представителями новой политической команды привела к неуправляемости на местах и во многих центральных органах власти. Конкуренция между Президентом и Кабинетом Министров в назначениях на должности еще больше усложнила ситуацию.

Ситуация в стране показывала и как подтвердили последние события, используя недостатки конституционной реформы, Основной Закон стали пытаться переделать под самую влиятельную в текущий момент времени элиту. Так был решен вопрос о политической реформе 2004 года, ее ревизии в 2009-2010 году, после смены власти неконституционным путем в 2014 году и летиимизации ее путем выборов. Вместе с тем, следует понимать, что можно осуществить любые преобразования, в том числе, как показала практика, и неконституционным путем, но восстановить моносубъектность верховной власти в стране невозможно. Из субъектов политики, которые в настоящее время влияют на политические процессы и государственное устройство Украины, исключены региональные элиты. Вместе с тем после 2014 году к ним были причислены общественные формирования ультра-правого крыла политического спектра, которые не несут политической ответственности за свои действия, но имеют сильное влияние на общественных и политических деятелей, которые должны нести такую ответственность перед народом и последующими поколениями¹.

Исследование не будет полным без анализа трансформации политического режима в Украине на региональном и субрегиональном уровне.

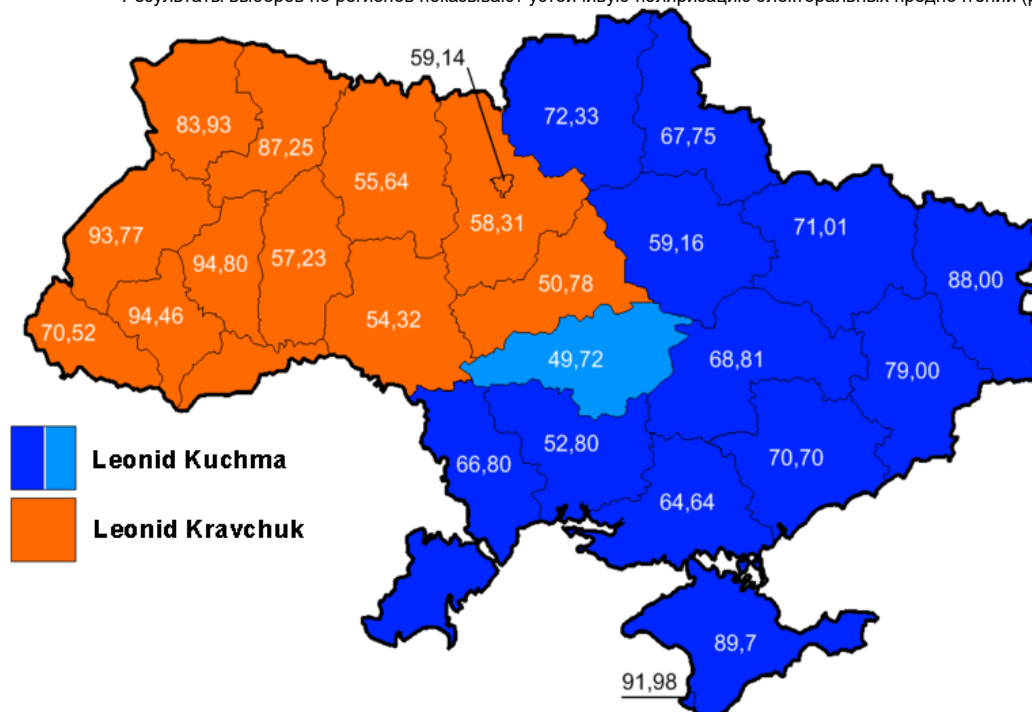
Рассмотрим структурирование партийно-политической системы посредством избирательных систем показано в таблице².

¹ Росенко М.И. Особенности политического кризиса в Украине на современном этапе: предпосылки и последствия. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32349971>

² Росенко М.И., Скребец Е.В., Становление политико-правового статуса города Севастополя и Крыма как неотъемлемой части России. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89071385>. DOI: 10.65551/978-5-6055294-8-4.2025

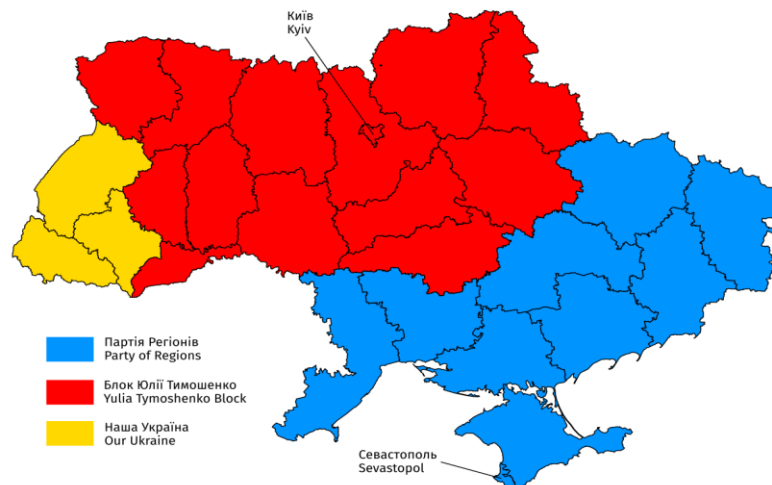
	Тип системы	Избират. порог	Кол. Зарегистр. партий	Кол. партий (блоков), принявших участие в выборах	Кол. партий (блоков) принявших участие в распределении мандатов	Эффективное кол. избирательных партий	Эффективное кол. Парламентских партий	Две партии (блоки), получили наибольшее кол. Мандатов в пропорц. части	По классификации Маера % в пропорц. части
1994	Мажорит.		32					КПУ-90*, НРУ-20*	
1998	Мажорит. пропорц.	4	62	21(9)	7(1)	10,7	5,1	КПУ-84, НРУ-32	51,55
2002	Мажорит. пропорц.	6	123	21(12)	3(3)	7,9	4,7	Изб. блок "Наша Украина" 70, КПУ-59	57,33
2006	Пропорц.	3	128	29(16)	3(2)	6,7	3,4	ПР-186, БЮТ-129	70,00
2007	Пропорц.	3	141	10(10)	2(3)	9,9	3,7	ПР-175, БЮТ-156	73,55
2012	Мажорит. пропорц.	5	202	21(5)	5(0)	7,8	3,4	ПР-72 Батьківщина 62	59,5
2014	Мажорит. пропорц.	5	254	24(5)	1(4)	8,3	3,4	Народный фронт - 64 Блок Петра Порошенко -63	56,4

Результаты выборов по регионам показывают устойчивую поляризацию электоральных предпочтений (рис).

Источник: Украина. Президентские выборы 1994 | Электоральная география 2.0.
<https://web.archive.org/web/20201121104202/https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-presidential-election-1994.html>

Місцеві вибори 2006, лідери по областях
2006 Ukrainian local elections, leaders by regions

Источник: File:UA 2006 local elections, leaders by regions.svg - Wikimedia Commons

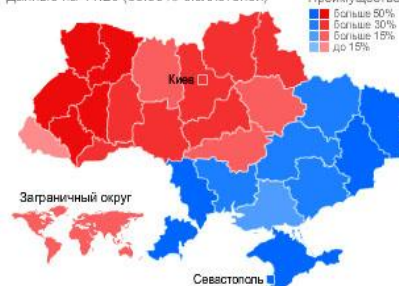
Выборы президента Украины 7 февраля 2010 года

Результаты голосования
Обработано 99,95% бюллетеней

Голосование в регионах
Данные на 11:20 (99,95% бюллетеней)

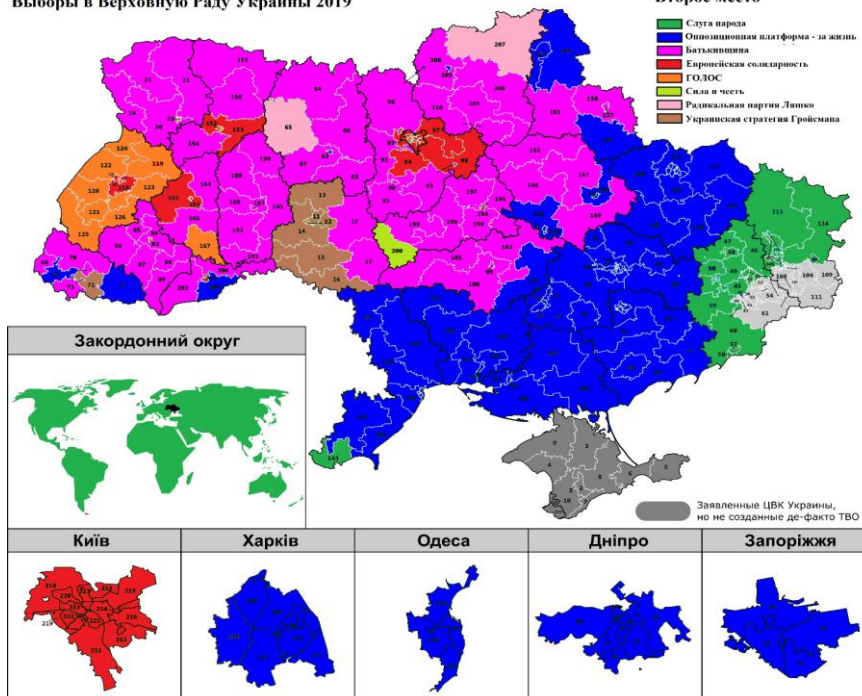
Явка избирателей - 69,15%

Источник: Статистика результатов парламентских выборов в Украине по областям: <https://kvdm.livejournal.com/614789.html>

Выборы в Верховную Раду Украины 2019

Второе место

Источник: Центральна виборча комісія - Вибори народних депутатів України
<https://web.archive.org/web/20190901213033/https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp001.html>

Україні 2019.

Как видно из диаграмм, электоральные пристрастия в государстве были поделены практически поровну, что требовал определенных шагов властвующим элит, применения различного рода технологий работы с регионами, которые не поддержали кандидатуру или партию, ставшую в итоге победителем. Устойчивую тенденцию по различиях в поддержке политических партий различного спектра показывали также результаты голосования западных и юго-восточных регионах. Как показали события конца 2013 – начала 2014 года в Украине, действующая власть не смогла поддерживать политическую стабильность, что привело к росту протестных настроений и впоследствии в полной смене власти и правящей партии неконституционным путем.

Степень различий наглядно продемонстрирована в Крыму и Севастополе, когда в 2014 году, после незаконной, недемократической смены государственной власти в Украине, жители Крыма и Севастополя провели референдум. У жителей этих регионов была возможность выразить, хотят ли они воссоединиться с Россией или сохранить свой статус в составе Украины. Бюллетень был напечатан на трех языках – языках крупнейших этнических групп, проживающих в Крыму: русском, украинском и крымско-татарском.

Более 95% жителей, принявших участие в голосовании (при явке более 85%), поддержали воссоединение с Россией, дал утвердительный ответ на один из двух предложенных вопросов (первый): «Поддерживаете ли вы воссоединение Крыма с Россией как субъекта Российской Федерации?»¹

После антидемократической смены власти в Украине региональная политика в Луганской и Донецкой областях также была неконструктивной. Эти южные регионы также не восприняли государственный переворот как законный и отказались признавать результаты Евромайдана. Одним из требований протестующих было требование проведения конституционной реформы, предусматривающей федерализацию страны. Протесты были подавлены, а 11 мая 2014 г. в Донецкой и Луганской областях были проведены референдумы о самоопределении, результатом которых стала «государственная зависимость» ДНР и ЛНР.

Дальнейшие мероприятия по нормализации ситуации и выходу из этой ситуации, среди которых "Протокол по результатам консультаций Трехсторонней контактной группы о совместных шагах, направленных на реализацию мирного плана" (Минский протокол), подписанный 5 сентября 2014 г. в Минске², Меморандум, предусматривавший выполнение пункта 1 Минского протокола³ - не принесли результатов⁴. Протокол, среди других мер, был направлен на укрепление договоренности о двухстороннем прекращении применения оружия содержит: отвод тяжелого вооружения (калибром свыше 100 мм) на 15 км от линии соприкосновения сторон на дату подписания меморандума и формирование зоны безопасности, запрет на полеты боевых самолетов и беспилотные летательные аппараты и установка минно-взрывных заграждений в этой зоне безопасности. Второе Минское соглашение⁵, одобренное специальной резолюцией Совета Безопасности ООН - также не решило вопрос. Вооруженный внутрисостоятельный конфликт, при котором силы народного ополчения ЛНР и ДНР противостояли как частным военным формированиям, так и регулярным войскам Украины, не способствовали налаживанию мирного конструктивного диалога (по данным Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, «по состоянию на 31 декабря 2021 года в ходе конфликта в Украине было убито от 14200 до 14400 человек (включая 3404 гражданских лиц, около 4400 украинских солдат и примерно 6500 повстанцев)»)⁶.

С 1 декабря 2014 г. украинские власти ввели в действие жесткие меры по «стабилизации социально-экономической ситуации в регионе», направленные против неподконтрольных территорий ДНР и ЛНР, что фактически означало установление финансово-экономической блокады⁷.

Эти действия сделали административно невозможными для жителей этих районов беспрепятственные контакты с территорией, контролируемой правительством, а также привели к отсутствию точек соприкосновения в гуманитарной и информационной областях с обеих сторон конфликта. Отказ стороны украинской стороны вести дальнейшие переговоры в соответствии с конституционными принципами и ценностями серьезно поставил под угрозу законность утверждения этой стороной своих прав и, возможно, переговорный процесс в целом. Неподсудность политических вопросов, лишенных правового компонента, не лишает окружающих конституционных рамок их обязательного статуса и не означает, что конституционные обязательства могут быть нарушены без серьезных правовых последствий. События на этих территориях, получившие новый вектор развития после 24 февраля 2022 г., во многом обусловлены продолжающимся давлением на республики ДНР и ЛНР, вовлечением иностранных граждан в вооруженный конфликт со стороны властей, которые жители указанных регионов не признали в 2014 году.

Культивируя различия между различными социальными, региональными группами, украинскими властями были существенно усложнены процессы консолидации демократии, поскольку был нивелирован ее основной принцип - поиск консенсуса на основе демократических принципов и процедур, который должен противостоять практике взаимных обвинений с целью дискредитации.

Что касается взаимосвязанных концепций «консолидации демократии» и завершённого демократического транзита, то степень про-

¹ Росенко М.И., Скребец Е.В., Становление политико-правового статуса города Севастополя и Крыма как неотъемлемой части России. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89071385>. DOI: 10.65551/978-5-6055294-8-4.2025

² Протокол о результатах консультаций трехсторонней контактной группы, Минск, 5 сентября 2014г. Издатель Organization for Security and Cooperation in Europe Дата 5 сентября 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123807>

³ Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатива Президента России В. Путина. Издатель Organization for Security and Co-operation in Europe Дата 19 сентября 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123807> (дата обращения : 26.12.2022).

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 февраля 2015 года № S/RES/2202 (2015) «Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 13 апреля 2014 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2014/264): <https://documents-dds-pu.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/043/74/PDF/N1504374.pdf?> (дата обращения: 14.01.2023).

⁵ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений / ОБСЕ. 12.02.2015. URL: <http://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 26.12.2022).

⁶ HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS. UNITED NATIONS HUMAN RIGHTS MONITORING MISSION IN UKRAINE. UKRAINE HRMMU@ohchr.org. 27 января 2022 года https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Началась блокада Новороссии. <https://actualcomment.ru/nachalas-blokada-novorossii.html> (дата обращения: 25.12.2022).

движения и характер изменений в стране, которая переходит к демократии, могут быть оценены с помощью таких характеристик - демократический переход завершился в двух случаях: когда достигнуто определенное согласие по вопросам политических процедур смены правительства; когда его приход к власти является результатом свободного голосования народа¹. В то же время, процесс консолидации часто бывает остановленным и не до конца завершенным в связи с тем, что иногда может быть подмененным «демократическим авторитаризмом» или «авторитарной демократией». Это связано с социокультурной средой в рамках которого осуществляется политический переход, с «реакцией отторжения» демократических ценностей и норм политической культуры.

Ситуация в Украине на настоящем этапе является последствиями неудавшегося демократического транзита, т.е. демократический транзит не привел к демократии.

Об этом предупреждал А. Пшеворский, характеризуя переход к демократии, «... демократия - не единственный возможный итог процесса перехода»² : когда приходит конец диктатуре, допустимые различные стратегии развития. Разрушение авторитарного режима может быть повернуто назад или привести к диктатуре нового образца.

Степень продвижения и характер изменений в стране, которая переходит к демократии можно определить по характеру взаимосвязанных концепций «консолидации демократии» и завершеного транзита - демократический переход завершился если достигнуто определенное согласие по вопросам политических процедур смены правительства и если его приход к власти является результатом свободного голосования народа. Следствием неэффективных реформ может стать коллапс демократических институтов. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нельзя рассматривать без консолидации демократических процедур и элементов.

Их индикаторами служат "минималистские параметры консолидированной демократии", сформулированные Б. Макаренко по теории С. Хантингтона:

1. В стране должна сложиться и регулярно действовать система выборов всех уровней власти (включая высший), которая, в достаточной мере, приближается к общепринятым стандартам свободного и честного волеизъявления.

2. В стране должны быть прецеденты изменения высшей власти через выборы, которые бы не вызвали радикальных изменений в характере общественного строя, а политическая сила, проигравшая на выборах, должна сохранять шансы на возвращение во власть.

3. Основные правила, определяющие порядок избрания власти и полномочия высших общенациональных властных институтов, не должны подвергаться существенной коррекции в течение длительного времени.

4. Не должно быть проблем связанных с территориальной целостностью государства.

Ученый отмечает, что если часть территории де-факто выходит из состава государства и не участвует в политической жизни - это очень сильный удар по консолидации демократии³.

Неустойчивость и неравномерность продвижения к демократии в транзитных странах связывают с отсутствием либерального опыта.

Пример Украины показывает, что введение демократии в «расколотых» обществах, которые не имели опыта конституционного либерализма, на самом деле приводит к росту национализма, этнических конфликтов и даже возникновения войны.

Рассматривая сущность трансформации политического режима в потере равновесия его элементов (по В. Гельману), можно сделать вывод, что именно институты нормы и правила политической деятельности определяют этапы и траектории перехода⁴.

Систематизация и обобщение основных институциональных изменений в процессе трансформации политического режима в Украине на (суб)региональном уровне позволяет выделить следующие их главные этапы:

- 1) вхождение в институциональную неопределенность (1985-1995 гг.);
- 2) попытку институциональной стабилизации (1996-2002 гг.);
- 3) Поиск институционального консенсуса (2002-2008);
- 4) Процессы дестабилизации и возникновения внутрисударственных конфликтов (2009-2014).;
- 5) возобновления внутрисударственных конфликтов в открытой фазе (2014-2022).

Важным механизмом организационно-правовой модели сохранения государственности является выбор государственной стратегии преодоления неопределенности транзита.

На первом этапе основных институциональных изменений в процессе трансформации политического режима в Украине на (суб)региональном уровне изменения баланса сил в среде (суб)региональных политических актеров вследствие ряда реформ управления на этапе вхождения в институциональную неопределенность определили доминирование центробежных и согласующих стратегий взаимодействия с общегосударственными политическими актерами.

Выбор конституционной модели по институциональной стабилизации и выходу из ситуации неопределенности по сценарию "картель элит" продолжился попыток "экспорта" сценариев выхода из ситуации неопределенности, доказавших эффективность на региональном уровне.

¹ Линц-Хуан: Проблемы демократического перехода и консолидации. Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа / Линц-Хуан и Степан, Альфред — Балтимор и Лондон Издательство Университета Джона Хопкинса, 1996. —стр. 49 Материалы из путеводителя Lobby Planet: [Электронные ресурсы]. — Режим доступа: www.corporateeurope.org.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке // А. Пшеворский [под ред. В. А. Бажанова; пер. с англ.]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. - С. 26, 31.

³ Макаренко Б. Консолидированная демократия или «Детская болезнь» постсоветских государств [Электронный ресурс] / В. Макаренко — Режим доступа : <http://www.centrasia.ru/newsA.php?>

⁴ Гельман В.Я. Трансформации и режимы. Неопределенность и её последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир; Berliner Wissenschaftsverlag, 2000. С. 43-55.

Сравнительный анализ эмпирических данных, сопоставление результатов исследований, а также обзор теоретико-методологической литературы по трансформации политического режима в Украине на (суб)региональном уровне позволяет дополнить и систематизировать основные факторы выбора и вызовы устойчивости сценариев выхода из ситуации неопределенности¹.

Региональная идентичность служит фактором консолидации среды (суб)региональных политических деятелей. Рост региональной идентичности общественности способствует ее субъективизации, что создает проблемы полицентричности. Концентрации властных полномочий исполнительных и самоуправленческих структур способствуют не только неформальные, но и формальные институты. Взаимодействие с общегосударственными политическими актерами может стать фактором сегментации консолидированной среды политических актеров (суб)регионального уровня. Управленческие ротации в (суб)регионах могли бы способствовать как полицентричности, так и моноцентричности и легитимизации использования силовых стратегий. Преимуществу компромиссных стратегий в сравнительно сегментированной среде политических актеров способствует политическая традиция баланса сил.

К факторам выбора сценариев выхода из ситуации неопределенности, ключевым фактором выбора сценария "борьба по правилам" является расширение круга политических актеров, приобщенных к процессу формирования повестки дня и принятия решений на уровне (суб)регионов. Фактором выбора смешанного сценария перехода становится повторяющаяся ситуация неопределенности вследствие неустойчивости предварительно выбранного сценария прежде всего из-за превосходства неформальных институтов в условиях моноцентричности.

Дополнительным фактором смешанного сценария является убеждение (в частности, подтвержденное управленческим опытом) доминирующего политического актора в необходимости выбора компромиссных, а не силовых стратегий для достижения большинства своих целей. Основной проблемой моноцентричности является вопрос преемственности, возникающий перед доминирующим политическим деятелем. Кроме него, вызовом для компромиссных стратегий сценария "сообщества элит" является электоральная мобилизация. Основной проблемой для предпочтения формальных институтов является институциональная дестабилизация и ротация политических актеров инициаторов выбора соответствующих сценариев перехода. Указанные вызовы повлекли не только вхождение в новую ситуацию неопределенности, но и в постепенный "дрейф" к другому (силовому) сценарию.

Классификация сценариев выхода из ситуации неопределенности, определяющих траектории трансформации политического режима, предложенная учеными-регионалистами В. Гельманом, С. Рыженовым, М. Бри² может быть дополнена смешанным сценарием выхода из ситуации неопределенности, что имеет следствием моноцентричность и взаимодействие политических актеров в рамках преимущественно компромиссных стратегий и преимущественно формальных институтов.

Сопоставление опыта переходов на (суб)региональном уровне в Украине на протяжении всех этапов институциональных изменений свидетельствует о сравнительно большей устойчивости сценариев "победитель получает все" и "сообщество элит", чем "борьба по правилам" и смешанного сценария.

Вхождение политического режима в Украине в институциональную неопределенность сопровождалось подъемом субъектности (суб)региональных политических актеров, что позволило им влиять на выбор сценария выхода из неопределенности на общегосударственном уровне ("сообщество элит"). Хрупкий баланс сил в среде общегосударственных и (суб)региональных политических актеров во время попытки институциональной стабилизации стал помехой консолидации "картеля элит" на общегосударственном уровне. Следствием пролонгации этапа поиска институционального консенсуса на общегосударственном уровне стала дестабилизация политического режима в Украине на (суб)региональном уровне.

Итак, исследование позволило выявить основные закономерности трансформации политического режима в Украине на региональном и субрегиональном уровне, что отвечает на запрос усовершенствования теоретических подходов и систематизации эмпирической базы политической регионалистики и транзитологии в Украине.

События, после Оранжевой революции, а также после 2014 года показали, и новейшие подтвердили, что в Украине действительно существуют потенциальные возможности спровоцировать тенденции возвращения к авторитаризму, а не к консолидации демократии. Поэтому на современном этапе является крайне важным формирование консенсуса элит на основе формальных правил конкуренции и процедур, которые будут опираться на публичные каналы и механизмы влияния, а не на административное давление и манипулирования, что позволит решать ситуации возникновения конфликта между ключевыми политическими актерами только с соблюдением демократических процедур, установленных институциональными рамками.

На этапе демократического транзита спрос на гибкость власти заменяется спросом на ее стабильность и способность налаживания взаимной коммуникации между различными субъектами политической жизни, достигать компромиссов с оппозицией, вовлекая ее в процесс принятия государственно-властных решений, и, тем самым, лишая возможности выступать с безответственными призывами.

Результаты исследования трансформации политического режима позволяют сделать предположение о демократическом транзите как о переходе с "открытым финалом" (в отличие от линейного процесса трансформации политического режима как перехода от недемократического к демократическому).

¹ Росенко М.И. Парламентаризм в Украине в период 1990-2014 гг.: путь от министерского к "имитационному" или всегда ли демократический транзит приводит к консолидации демократии? <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36259939>

² Орех Е.А. Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. Ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М. : весь мир, 2000. - 376 с // ЖССА. 2002. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-regionov-transformatsiya-politicheskikh-rezhimov-obshch-red-v-gelman-s-ryzhenkov-m-bri-m-ves-mir-2000-376-s> (дата обращения: 13.03.2026).

Список литературы

1. Баранов А. В. Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-politicheskie-rezhimy-rossii-v-sisteme-vlastnyh-otnosheniy-problemy-tipologii> (дата обращения: 13.03.2026).
2. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений / ОБСЕ. 12.02.2015. URL: <http://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 26.12.2022).
3. Макаренко Б. Консолидированная демократия или «Детская болезнь» постсоветских государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?> – Загл. с экрана.
4. Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатива Президента России В. Путина. Издатель Organization for Security and Co-operation in Europe Дата 19 сентября 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123807> (дата обращения : 26.12.2022).
5. Протокол о результатах консультаций трехсторонней контактной группы, Минск, 5 сентября 2014г. Издатель Organization for Security and Cooperation in Europe Дата 5 сентября 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123258>
6. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке // А. Пшеворский [под ред. В. А. Бажанова; пер. с англ.]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. - С. 26, 31.
7. Резолюция Совета Безопасности ООН от 17 февраля 2015 года № S/RES/2202 (2015) «Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 13 апреля 2014 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2014/264): <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/043/74/PDF/N1504374.pdf?> (дата обращения: 14.01.2023).
8. Росенко М.И. Особенности политического кризиса в Украине на современном этапе: предпосылки и последствия. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32349971>
9. Росенко М.И., Скребец Е.В., Становление политико-правового статуса города Севастополя и Крыма как неотъемлемой части России. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89071385>. DOI: 10.65551/978-5-6055294-8-4.2025
10. Статистика результатов парламентских выборов в Украине по областям: <https://kvdm.livejournal.com/614789.html>
11. Украина. Президентские выборы 1994 | Электоральная география 2.0. <https://web.archive.org/web/20201121104202/https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-presidential-election-1994.html>
12. Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm>. – Загл. с экрана.
13. Центральна виборча комісія - Вибори народних депутатів України 2019. <https://web.archive.org/web/201909012113033/https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp001.html>
14. Местные выборы в Украине, 2006, лидеры в областях. File:UA 2006 local elections, leaders by regions.svg - Wikimedia Commons
15. HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS. UNITED NATIONS HUMAN RIGHTS MONITORING MISSION IN UKRAINE. UKRAINE HRMMU@ohchr.org, 27 января 2022 года https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage (дата обращения: 25.12.2022).
16. Linz Juan Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / Linz Juan and Stepan, Alfred – Baltimore and London The Johns Hopkins University Press 1996. – 264 p. Materials from the Lobby Planet Guide: [Electronic resource]. – Access mode: www.corporateeurope.org.

References

1. Baranov A.V. Regional political regimes of Russia in the system of power relations: problems of typology // South Russian Journal of Social Sciences. 2012. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-politicheskie-rezhimy-rossii-v-sisteme-vlastnyh-otnosheniy-problemy-tipologii> (date of application: 03/13/2026).
2. Package of measures for the implementation of the Minsk Agreements / OSCE. 12.02.2015. URL: <http://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (date of request: 12/26/2022).
3. Makarenko B. Consolidated democracy or the "Childhood disease" of post-Soviet states [Electronic resource]. – Access mode: // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?> – caption from the screen.
4. Memorandum on the implementation of the provisions of the Protocol following consultations of the Trilateral Contact Group on steps aimed at the implementation of the Peace Plan of the President of Ukraine P. Poroshenko and the initiative of the President of Russia V. Putin. Publisher Organization for Security and Co-operation in Europe Date September 19, 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123807> (date of request : 12/26/2022).
5. Protocol on the results of consultations of the trilateral contact group, Minsk, September 5, 2014. Publisher Organization for Security and Cooperation in Europe Date September 5, 2014 <http://www.osce.org/ru/home/123258>
6. Pshevorskiy A. Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America // A. Pshevorsky [edited by V. A. Bazhanov; translated from English]. Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1999. pp. 26, 31.
7. UN Security Council Resolution No. S/RES/2202 (2015) dated February 17, 2015 "Letter dated April 13, 2014 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the President of the Security Council (S/2014/264): [https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/043/74/PDF/N1504374.pdf ?](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/043/74/PDF/N1504374.pdf?) (date of request: 14.01.2023).
8. Rosenko M.I. Features of the political crisis in Ukraine at the present stage: prerequisites and consequences. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32349971>
9. Rosenko M.I., Skrebets E.V., The formation of the political and legal status of the city of Sevastopol and Crimea as an integral part of Russia. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89071385>. DOI: 10.65551/978-5-6055294-8-4.2025
10. Statistics on the results of the parliamentary elections in Ukraine by region: <https://kvdm.livejournal.com/614789.html>
11. Ukraine. Presidential elections of 1994 | Electoral Geography 2.0. <https://web.archive.org/web/20201121104202/https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-presidential-election-1994.html>
12. Schmitter F. K. Threats and dilemmas of democracy [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm> . – Cover from the screen.
13. Central Vibration Commission - Vibration of the People's Deputies of Ukraine 2019. <https://web.archive.org/web/201909012113033/https://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2019/wp001.html>
14. Local elections in Ukraine, 2006, regional leaders. File:UA 2006 local elections, leaders by regions.svg - Wikimedia Commons
15. HAUT-COMMISSARIAT AUX DROITS DE L'HOMME • OFFICE OF THE HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS. UNITED NATIONS HUMAN RIGHTS MONITORING MISSION IN UKRAINE. UKRAINE HRMMU@ohchr.org , January 27, 2022 https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage (accessed: 12/25/2022).
16. Linz Juan Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / Linz Juan and Stepan, Alfred – Baltimore and London The Johns Hopkins University Press 1996. – 264 p. Materials from the Lobby Planet Guide: [Electronic resource]. – Access mode: www.corporateeurope.org.

**О ПОЛНОМОЧИЯХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ОХРАНОЙ ГРИБОВ, КАК ЧАСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
ON THE POWERS OF STATE AUTHORITIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES
IN THE FIELD OF RELATIONS RELATED TO THE PROTECTION
OF MUSHROOMS AS PART OF THE ENVIRONMENT**

ДОЙНИКОВ Павел Игоревич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры Экологического и природоресурсного права

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская улица, 9 стр. 2.

e-mail: pidoinikov@msal.ru.

DOYNIKOV P.I.,

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law O.E. Kutafin University (MSAL).

123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, 9 p. 2.

e-mail: pidoinikov@msal.ru .

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Краткая аннотация: Право грибопользования или микологическое право, как вид природопользования, является новейшим, прогрессивным, инновационным институтом экологического права и представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в области охраны и использования грибов. Право грибопользования, как объект права природопользования производно от права собственности на природные ресурсы и может рассматриваться в объективном и субъективном смысле. В объективном смысле право грибопользования представляет собой самостоятельный институт экологического права, включающий систему правовых норм, устанавливающих порядок, условия пользования грибами, как природными объектами и ресурсами, а также совокупность прав и обязанностей грибопользователей. В субъективном смысле право грибопользования представляет собой систему прав и обязанностей конкретного грибопользователя, с учетом специфики пользования различными видами грибов: съедобными, условно съедобными, ядовитыми и т.д. Субъектами права грибопользования являются: лица, собирающие, либо выращивающие грибы (юридические и физические лица); лица, предоставляющие доступ к соответствующим природным участкам, где произрастают, а равно выращиваются грибы, прежде всего собственники природных участков, а так же уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, представляющие собственников, принимающие решения и заключающие договоры по поводу сбора, либо выращивания грибов, на предоставленных для этих целей природных участках.

Abstract: The right to use mushrooms or mycological law, as a type of nature management, is the newest, progressive, innovative institution of environmental law and is a set of legal norms regulating public relations in the field of protection and use of mushrooms. The right to use mushrooms, as an object of the right to use nature, is derived from the right of ownership of natural resources and can be considered in an objective and subjective sense. In an objective sense, the right to use mushrooms is an independent institution of environmental law, including a system of legal norms establishing the procedure, conditions for the use of mushrooms as natural objects and resources, as well as a set of rights and obligations of mushroom users. In a subjective sense, the right to use mushrooms is a system of rights and obligations of a specific mushroom user, taking into account the specifics of using different types of mushrooms: edible, conditionally edible, poisonous, etc. The subjects of the right to use mushrooms are: persons collecting or growing mushrooms (legal entities and individuals); persons providing access to the relevant natural areas where mushrooms grow or are grown, primarily the owners of natural areas, as well as authorized state authorities and local government bodies representing the owners, making decisions and concluding contracts regarding the collection or cultivation of mushrooms on natural areas provided for these purposes.

Ключевые слова: право природопользования; право пользования животным миром (фаунистическое право); право пользования растительным миром (флористическое право); право водопользования; право пользования особо охраняемыми природными территориями; право пользования ионизирующим излучением; право пользования космическим пространством; право землепользования; право недропользования; право пользования грибами (микологическое право).

Keywords: right to use natural resources; right to use the animal world (faunistic law); right to use the plant world (floristic law); right to use water; right to use specially protected natural areas; right to use ionizing radiation; right to use outer space; right to use land; right to use subsoil; right to use mushrooms (mycological law).

Для цитирования: Дойников П.И. О полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере отношений, связанных с охраной грибов, как части окружающей среды // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 285-288. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_285.

For citation: Doynikov P.I. On the powers of state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies in the field of relations related to the protection of mushrooms as part of the environment // *Agrian and land law*. 2026. No. 3. pp. 285-288. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_285.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2026

Грибы – являются частью окружающей природной среды, ее компонентом. В зависимости от вида отношений, направленных на грибы, они будут природным объектом, при охране грибов, либо ресурсом, при использовании грибов.

В соответствии со статьей 5.1. ФЗ «Об охране окружающей среды», полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере отношений, связанных с охраной грибов, как компонента окружающей среды, могут передаваться для осуществления исполнительным органам субъектов Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2021 года N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹.

В соответствии со статьей 6 ФЗ «Об охране окружающей среды» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной грибов, как части окружающей среды, относятся: участие в определении основных направлений охраны грибов, как компонента окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации²; участие в реализации федеральной политики в области экологического развития Российской Федерации на территории субъекта Российской Федерации; принятие законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в области охраны грибов, как элемента окружающей среды в соответствии с федеральным законодательством, а также осуществление контроля за их исполнением³; право принятия и реализации региональных программ в области охраны грибов, как части окружающей среды⁴; участие в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации, в осуществлении государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга грибов, как части окружающей среды) с правом формирования и обеспечения функционирования территориальных систем наблюдения за состоянием грибов, как компонента окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации, являющихся частью единой системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга грибов, как части окружающей среды)⁵; осуществление регионального государственного экологического контроля (надзора) при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю (надзору)⁶; утверждение перечня должностных лиц органов государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих региональный государственный экологический контроль (надзор) (государственных инспекторов в области охраны грибов, как части окружающей среды субъекта Российской Федерации)⁷; установление нормативов качества грибов, как компонента окружающей среды, содержащих соответствующие требования и нормы не ниже требований и норм, установленных на федеральном уровне⁸; право организации и развития системы экологического образования и формирования экологической культуры на территории субъекта Российской Федерации⁹; обращение в суд с требованием об ограничении, о приостановлении и (или) запрещении в установленном порядке хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны грибов, как части окружающей среды¹⁰; предъявление исков о возмещении вреда, причиненного грибам, как компоненту окружающей среды вследствие нарушений обязательных требований¹¹; ведение государственного учета объектов, оказывающих негативное воздействие на грибы, как части окружающей среды и подлежащих региональному государственному экологическому контролю (надзору)¹²; ведение Красной книги субъекта Российской Федерации¹³; право образования особо охраняемых природных территорий регионального значения, управление и контроль в области охраны и использования таких территорий¹⁴; участие в обеспечении населения информацией о состоянии грибов, как части окружающей среды на территории субъекта Российской Федерации¹⁵; право организации проведения экономической оценки воздействия на грибы, как части окружающей среды хозяйственной и иной деятельности, осуществления экологической паспортизации территории¹⁶; выявление объектов накопленного вреда грибам, как компонента окружающей среды; организация ликвидации накопленного вреда грибам, как части окружающей среды¹⁷.

В соответствии со статьей 7 ФЗ «Об охране окружающей среды» к вопросам местного значения муниципального района относится организация мероприятий межпоселенческого характера по охране грибов, как компонента окружающей среды. К вопросам местного значения городского округа относится организация мероприятий по охране грибов, как части окружающей среды в границах городского округа.

В субъектах Российской Федерации, городах федерального значения полномочия органов местного самоуправления, предусмотренные Федеральным законом «Об охране окружающей среды», исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства могут быть возложены законами соответствующих субъектов Российской Федерации на органы государственной власти городов федерального значения.

¹ СЗ РФ, 27.12.2021, N 52 (часть I), ст. 8973.

² Решение Московского городского суда от 19.12.2023 по делу N 3а-5494/2023 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений приложения 1 к постановлению Правительства Москвы от 10.09.2002 N 743-ПП» // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Правительства Москвы от 28.09.2021 N 1492-ПП

⁴ Об утверждении Положения о региональном государственном экологическом контроле (надзоре) в городе Москве // Вестник Москвы, N 22, 19.10.2021.

⁵ Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 193-196.

⁶ Постановление Правительства РФ от 14.03.2024 N 300

⁷ Об утверждении Положения о государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды) // СЗ РФ, 18.03.2024, N 12, ст. 1629.

⁸ Письмо Минприроды России от 23.03.2015 N 05-12-44/6477 «О разъяснении полномочий по администрированию платы» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Дойников П.И. О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 126-128.

¹⁰ Экологическое право: учебник / отв. ред. В. Б. Агафонов, Н. П. Воронина. — М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. Стр. 124-139.

¹¹ Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах природопользования // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234). – С. 131-134.

¹² Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева, Н. Г. Жаворонкова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. С.55-70.

¹³ Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. С.226-242.

¹⁴ Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. С.77-143.

¹⁵ Дойников П.И. О праве собственности на природные объекты и ресурсы // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 166-168.

¹⁶ Постановление Правительства Москвы от 27.12.2024 N 3160-ПП («О преобразовании особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы в особо охраняемые зеленые территории города Москвы» (вместе с «Перечнем особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы, преобразуемых в особо охраняемые зеленые территории города Москвы»)) // Вестник Москвы, N 72, том 4, 28.12.2024.

¹⁷ Доклад «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2022 году» /

Под ред. А. О. Кульбачевского. – Москва, 2023.

¹⁸ Дойников П.И. Правовое регулирование природопользования. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «КноРус», 2023. С. 22-29.

¹⁹ Дойников П.И. О грибах, как объекте права природопользования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 252-254.

В субъектах Российской Федерации, городах федерального значения полномочия органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в области охраны грибов, как части окружающей среды определяются законами субъектов Российской Федерации, городов федерального значения.

К вопросам местного значения относятся выявление объектов накопленного вреда грибам, как объектам окружающей среды и организация ликвидации накопленного вреда грибам, как части окружающей среды применительно к территории, расположенной в границах земельных участков, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования¹.

В соответствии со статьей 4 Закона города Москвы от 13.11.2024 N 27 «Об охране и использовании зеленого фонда в городе Москве»², полномочиями Правительства Москвы и иных исполнительных органов города Москвы в области охраны и использования грибов, как неотъемлемого элемента зеленого фонда являются: принятие мер по охране, сохранению и развитию грибов, как части зеленого фонда; разработка, утверждение и реализация государственных программ (подпрограмм государственных программ) города Москвы, направленных на охрану и использование грибов, как части зеленого фонда; определение форм экономического стимулирования в области охраны и использования грибов, как элемента зеленого фонда; утверждение порядка определения видов экосистемных функций грибов, как части зеленых насаждений, определения порядка и методики их оценки; утверждение порядка определения показателей озелененности города Москвы и определение показателей озелененности с учетом уровня озеленения и экосистемных функций грибов, как элемента территорий зеленого фонда; утверждение состава территорий зеленого каркаса и описания их границ; определение порядка учета грибов, как части зеленых насаждений, территорий зеленого фонда, порядка предоставления сведений для учета грибов, как элемента зеленых насаждений, территорий зеленого фонда и ведения реестра зеленых насаждений; определение порядка содержания и использования территорий зеленого фонда, в том числе правил создания и содержания грибов, как части зеленых насаждений; установление порядка утверждения регламентов (стандартов) озеленения, регламентов (стандартов) содержания грибов, как элемента зеленых насаждений; регулирование организации озеленения территорий зеленого фонда при осуществлении благоустройства; определение порядка согласования проектной документации при осуществлении работ по созданию, восстановлению грибов, как части зеленых насаждений; установление порядка определения перечня рекомендуемых к использованию при осуществлении работ по созданию, восстановлению грибов, как составляющей зеленых насаждений видов и сортов растений; определение порядка удаления, пересадки грибов, как части зеленых насаждений, в том числе порядка и случаев выдачи порубочного билета, разрешения на пересадку зеленых насаждений, иного специального разрешения³; определение случаев, порядка и форм осуществления компенсационных мероприятий, методики расчета объема компенсационных мероприятий, методики определения размера вреда, причиненного повреждением или уничтожением грибов, как части зеленых насаждений; определение порядка направления в уполномоченный орган уведомлений о проведенных удалении, пересадке грибов, как элемента зеленых насаждений, об утилизации порубочных остатков, о выполнении компенсационных мероприятий; установление состава и порядка осуществления мер по регулированию распространения и численности инвазивных грибов, растений на территории города Москвы⁴; определение порядка создания, изменения категории, преобразования и упразднения особо охраняемых природных территорий города Москвы⁵; определение порядка создания, преобразования и упразднения особо охраняемых зеленых территорий, природных и озелененных территорий, как мест произрастания грибов⁶; определение порядка охраны грибов, как неотъемлемого элемента особо охраняемых природных территорий, особо охраняемых зеленых территорий в соответствии с федеральным законодательством⁷; утверждение положений об особо охраняемых природных территориях, как мест произрастания грибов, города Москвы⁸; утверждение границ охранных зон особо охраняемых природных территорий города Москвы и режимов ограничения хозяйственной и градостроительной деятельности в указанных зонах, как местах произрастания грибов; установление порядка оформления охранных обязательств в случае образования особо охраняемой природной террито-

¹ Экология и право в XXI веке: теория и практика / Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов, О. А. Артюхин [и др.]. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2023. С.152-170.

² Вестник Москвы, N 66, том 4, 26.11.2024.

³ Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова [и др.]. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2024. С.39-57.

⁴ Дойников П.И. О правовой природе и содержании понятия зоологические коллекции // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. – С. 183-185.

⁵ Дойников П.И. О правовой природе и содержании понятия зоологические коллекции // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. – С. 183-185.

⁶ Постановление Правительства Москвы от 27.12.2024 N 3160-ПП

«О преобразовании особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы в особо охраняемые зеленые территории города Москвы» (вместе с «Перечнем особо охраняемых природных территорий регионального значения города Москвы, преобразуемых в особо охраняемые зеленые территории города Москвы») // Вестник Москвы, N 72, том 4, 28.12.2024.

⁷ Дойников П.И. О правовом режиме земель особо охраняемых природных территорий, местах обитания объектов животного мира // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4(232). – С. 174-177.

⁸ Постановление Правительства Москвы от 01.10.2020 N 1642-ПП «Об образовании особо охраняемых природных территорий регионального значения - памятников природы в городе Москве» (вместе с «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Андреевский овраг в Нескучном саду», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Андреевский овраг в Нескучном саду», «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Дуб на Тверском бульваре напротив вл. 16 (Пушкинский дуб)», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Дуб на Тверском бульваре напротив вл. 16 (Пушкинский дуб)», «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Коломенские дубы», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Коломенские дубы», «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Четыре родника в Голосовом овраге в Коломенском», «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Ясеневая роща в Коломенском», «Положением об особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Обнажения контакта московской морены и меловых отложений в Коломенском», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Обнажения контакта московской морены и меловых отложений в Коломенском», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Старые липы в усадьбе «Богородское», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Дубняк в Воронцовском парке», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Дубняк в Воронцовском парке», «Положением об охранный зоне особо охраняемой природной территории регионального значения «Памятник природы «Старые липы в усадьбе «Богородское» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, спецвыпуск N 45, том 1, 03.11.2020.

рии, как места произрастания грибов¹; установление порядка выдачи разрешений на передвижение транспортных средств на особо охраняемых природных территориях, как объекта где произрастают грибы; установление порядка осуществления мониторинга состояния грибов, как части зеленого фонда; иные полномочия, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и нормативными правовыми актами города Москвы².

Список литературы:

1. Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова, О. А. Зиновьева [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020.
2. Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева, Н. Г. Жаворонкова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023.
3. Дойников П.И. Правовое регулирование природопользования. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2023.
4. Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024.
5. Дойников П.И. О правовом режиме земель особо охраняемых природных территорий, местах обитания объектов животного мира // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4(232).
6. Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах природопользования // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 6(234).
7. Дойников П.И. О правовой природе, содержании и видах права грибопользования (микологического права) // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2.
8. Дойников П.И. О праве собственности на природные объекты и ресурсы // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3.
9. Дойников П.И. О государственном управлении в сфере охраны и использования грибов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7.
10. Дойников П.И. О грибах, как объекте права природопользования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7.
11. Дойников П.И. О правовой природе и содержании понятия зоологические коллекции // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9.
12. Доклад «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2022 году» / Под ред. А. О. Кульбачевского. – Москва, 2023.
13. Правовые основы бизнеса в сфере природопользования : Учебное пособие для бакалавров / Н. Г. Жаворонкова, С. А. Боголюбов, Г. В. Выпханова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2017.
14. Правовое сопровождение природопользования / В. Б. Агафонов, С. А. Амашукели, Я. А. Блажеев [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025.
15. Современные проблемы теории земельного права России / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова [и др.]. – Москва : Юридический Дом «Юстицинформ», 2024.
16. Экологическое право: учебник / отв. ред. В. Б. Агафонов, Н. П. Воронина. — М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. Стр. 124-139.
17. Экология и право в XXI веке: теория и практика / Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов, О. А. Артюхин [и др.]. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2023.

References:

1. Current Issues in Land, Urban Development, and Natural Resource Law / N. G. Zhavoronkova, G. V. Vypkhanova, O. A. Zinovieva [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2020.
2. Current Issues in Land, Urban Development, and Natural Resource Law / O. A. Zinovieva, N. O. Vedyшева, N. G. Zhavoronkova [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2023.
3. Doynikov, P. I. Legal Regulation of Nature Management. Moscow: Knorus Publishing House, 2023.
4. Doynikov, P. I. Legal Support for Public Administration in the Sphere of Wildlife Protection and Use. Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2024.
5. Doynikov, P. I. On the Legal Regime of Lands in Specially Protected Natural Areas and Wildlife Habitats // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 4 (232).
6. Doynikov, P.I. On the Legal Nature, Content, and Types of Nature Management // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 6 (234).
7. Doynikov, P.I. On the Legal Nature, Content, and Types of the Right to Use Mushrooms (Mycological Law) // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 2.
8. Doynikov, P.I. On the Right of Ownership of Natural Objects and Resources // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 3.
9. Doynikov, P.I. On Public Administration in the Sphere of Mushroom Protection and Use // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 7.
10. Doynikov P.I. On Mushrooms as an Object of Nature Management Law // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 7.
11. Doynikov P.I. On the Legal Nature and Content of the Concept of Zoological Collections // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 9.
12. Report "On the State of the Environment in Moscow in 2022" / Ed. by A.O. Kulbachevsky. – Moscow, 2023.
13. Legal Foundations of Business in Nature Management: A Textbook for Bachelors / N.G. Zhavoronkova, S.A. Bogolyubov, G.V. Vypkhanova [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2017.
14. Legal Support for Nature Management / V. B. Agafonov, S. A. Amashukeli, Ya. A. Blazheev [et al.]. – Moscow: Prospect Limited Liability Company, 2025.
15. Modern Problems of the Theory of Land Law in Russia / E. N. Abanina, A. P. Anisimov, E. S. Boltanova [et al.]. – Moscow: Yustitsinform Legal House, 2024.
16. Environmental Law: Textbook / Ed. V. B. Agafonov, N. P. Voronina. – Moscow: Kutafin Moscow State Law University Publishing Center, 2023. pp. 124-139.
17. Ecology and law in the XXI century: theory and practice / N. N. Averyanova, A. P. Anisimov, O. A. Artyukhin [and others]. – Moscow: Yurлитinform Publishing House, 2023.

¹ Правовые основы бизнеса в сфере природопользования : Учебное пособие для бакалавров / Н. Г. Жаворонкова, С. А. Боголюбов, Г. В. Выпханова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2017. С. 45-50.

² Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова, О. А. Зиновьева [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. С.45-60.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКОТЕРРОРИЗМУ ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY THROUGH COUNTERING ECO-TERRORISM

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович

Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат военных наук, доцент,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.

e-mail: pyanusev.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich

Head of the Department of Ecology and Life Safety

Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Military Sciences, Associate

Professor, 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, 196105, Russia.

e-mail: pyanusev.av@yandex.ru

Краткая аннотация: Многополярный мир в различных его проявлениях создает потенциальную угрозу охране окружающей среды, экологической безопасности, рациональному природопользованию. Одной из таких проблем является экологический терроризм, выступающий неологизмом, к пониманию которого общество еще не пришло и в должной мере не осознало.

Abstract: The multipolar world, in its various manifestations, poses a potential threat to environmental protection, ecological security, and sustainable natural resource management. One of these challenges is environmental terrorism, a neologism that society has yet to fully understand and appreciate.

Ключевые слова: экологическая безопасность; неологизм; вызовы и угрозы; охрана окружающей среды; рациональное природопользование.

Keywords: environmental safety; neologism; challenges and threats; environmental protection; rational nature management.

Для цитирования: Пьянусов А.В. Обеспечение экологической безопасности через противодействие экотерроризму // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 289-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_289.

For citation: Pyanusev A.V. Ensuring environmental safety through countering ecoterrorism // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 289-291. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_289.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

В последние двадцать лет террористическая угроза приобрела качественно новое содержание, которое позволило многим аналитикам и исследователям проблемы заявить о появлении «терроризма новой волны». Его вертикальная и горизонтальная эскалация, смена мотиваций, расширение диапазона методов, приемов и применяемых средств позволяют прийти к неутешительному выводу¹. Терроризм, выведя уникальную восходящую траекторию, за ничтожный по продолжительности исторический период времени из маргинальной практики превратился в политическую стратегию, став глобальной транснациональной угрозой.

В начале XXI века в структуре политических и экологических рисков – с учетом общемировых тенденций – особого, самого пристального внимания требует такой специфический феномен, как экологический терроризм, отличающийся громадным разнообразием как форм, средств и методов совершения, так и субъектами и объектами².

Осуществляемая на государственном уровне политика по предупреждению общественно опасных деяний в сфере охраны окружающей среды, рациональному природопользованию и поддержанию экологической безопасности показывает, что присущая стабильность в этой сфере только кажется стабильной³. Если обратить взор на хакерскую атаку с использованием вируса «Ретуа»⁴ не сложно заметить, что одним из объектов атаки являлись атомные электростанции, находящиеся под охраной государства. Выход из строя одной такой станции грозит масштабными последствиями не только для отдельно взятого государства, но и для мирового сообщества.

Анализ изменений УК РФ показывает тенденцию, в соответствии с которой происходят общественно-опасные деяния, которые в последующем приобретают характер уголовно-правовых. Наша точка зрения заключается во внесении в УК РФ уже сейчас изменения в части дополнения уголовного закона отдельной статьей, имеющей название «Экологический террористический акт», поскольку экологический террористический акт, сопряженный с посягательством на экологически опасные объекты или с использованием экологически опасных средств обладает чрезвычайной вредностью.

Несмотря на высокую степень общественной опасности экологического терроризма⁵, на сегодняшний день его понятие и содержательные признаки на законодательном уровне не отражены, а экологические теракты не имеют в отечественном уголовном законе самостоя-

¹ Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.

² Смышляев В.А. Экологическая безопасность России: теоретико-методологические основы политологического анализа (Монография). М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 68.

³ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

⁴ <https://news.mail.ru/incident/30411136/>

⁵ Тисленко Д.И. Общественная опасность экологического терроризма // *Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки*. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. Вып. 6 (98). С. 241-246; Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // *Юридическое образование и наука*. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.

тельного уголовно-правового запрета¹. В связи с чем, актуальным становится необходимость комплексного исследования рассматриваемого явления, выявление его сущностных элементов, предложение специальных уголовно-правовых мер, направленных на предупреждение такого явления².

С точки зрения потенциальной опасности для людей, «экологический терроризм» опаснее других его разновидностей, поскольку насильственные действия применяются в отношении окружающей среды, где в дальнейшем существование человека будет затруднено или невозможно совсем.

Считаем, что окружающая среда, как объект уголовно-правовой охраны, утратила свойство благоприятности вследствие появления экологического терроризма, поскольку она не соответствует фактическому содержанию блага. Исходя из чего, необходимо вести речь об изменении нормативной дефиниции «устойчивость» на «безопасность». Обеспечение экологической безопасности предполагает создание состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от потенциальных или реальных угроз, создаваемых последствиями террористических актов в сфере окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования.

Говоря об экологической безопасности необходимо акцентировать внимание на критериях оценки уровня состояния защищенности личности, общества и государства³. В современных условиях оценить уровень состояния защищенности личности, общества и государства от экологических преступлений не представляется возможным. Изучение законодательства показывает, что такие критерии, ни наукой, ни практикой не выработаны⁴.

Поскольку экологический терроризм является типом терроризма, уместно говорить об опосредованном характере воздействия такого явления⁵. Уникальность экотерроризма выражается в критерии: объекта уголовно-правовой охраны; объективной стороны, сопряженной с насильем, и выступающей в форме опасного для социума деяния; субъективной стороны, где наличествует связка элементов устрашения и специальной цели, выражающейся в осознания террористом экологической опасности совершаемого насилия и аксиологической значимости подвергаемых воздействию экологических благ⁶.

История развития криминализации форм терроризма в УК РФ свидетельствует об определенном прогрессе в части повышения внимания отечественного законодателя к опасным для окружающей среды терактам. Результат такого прогресса сегодня – дифференциация уголовной ответственности за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК).

Экологические теракты следует классифицировать по основаниям в зависимости от подвергающейся террористическому воздействию составляющей окружающей среды: теракты, посягающие на виды окружающей среды и не затрагивающие среду обитания человека; теракты, происходящие непосредственно в среде обитания человека.

Детерминантами экологического терроризма выступают: повышенное внимание к экологическим интересам; большое распространение экологически опасных объектов и веществ; доступность к потенциально опасным объектам; рост межцивилизационных противоречий; продовольственная зависимость; миграция людских потоков; загрязнение окружающей среды; истощение водных ресурсов.

Изменение формы государства накладывает отпечаток на проявления экологического терроризма, который преобразовываясь, использует современные передовые начинания.

Экологический терроризм XXI века – это, прежде всего вызов национальной и международной стабильности⁷. А значит, усилия на межнациональном уровне по противодействию экологическому терроризму должны возрасти, необходима четкая координация усилий силовых структур на межгосударственном уровне.

Таким образом, современное общество постоянно трансформируется, в связи с чем наблюдаются изменения как позитивного, так и деструктивного характера (политическая сингулярность), изменяется масштаб и сила воздействия человека на окружающую среду, социально-экономическую, политическую и духовную сферу бытия. И нельзя не согласиться с тем, что «человечество сумело вырастить репрессивное сознание, своего рода ген насилия, накладывающий отпечаток на поведение и мышление»⁸.

Необходимо разработать концептуально обоснованную многоуровневую систему мер предупреждения экологического терроризма в Российской Федерации. В ее разработке должны участвовать не только сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, но и соответству-

¹ Тисленко Д.И. Анализ и значение признаков терроризма // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар, науки. Тамбов: Изд. дом. ТГУ им. Г.П. Державина, 2010. Вып. 10 (90). С. 248-254; Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPKHR.

² Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.

³ Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUECS.

⁴ Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV; Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.

⁵ Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMJUF; Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

⁶ Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX; Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.

⁷ Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.

⁸ Муравых А.И. Экологическое управление. М., 2004. С. 104.

ющие специалисты государственной и муниципальной власти, ученые, руководители предприятий разных форм собственности, работники здравоохранения и образования, общественные движения и партии, духовенство и др. В основе концептуально обоснованной системы мер по предупреждению экологического терроризма должна лежать продуманная, политически выверенная, последовательная уголовно-экологическая политика органов государственной власти, имеющая целью оптимизацию экологических отношений в стране, федеральном округе, области (крае), городе, районе, предупреждающая возникновение острых антагонистических противоречий между населением и органами власти, между группами граждан разной национальности и вероисповедания, между различными политическими движениями. Система мер выявления и устранения причин, порождающих экологический терроризм, должна удовлетворять требованию универсальности с точки зрения способности адекватно реагировать на возникновение террористических угроз различной природы, масштаба и динамики.

Список литературы

1. Муравых А.И. Экологическое управление. М., 2004. С. 104.
2. Смышляев В.А. Экологическая безопасность России: теоретико-методологические основы политологического анализа (Монография). М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 68.
3. Тисленко Д.И. Анализ и значение признаков терроризма // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. Вып. 10 (90). С. 248-254.
4. Тисленко Д.И. Общественная опасность экологического терроризма // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. Вып. 6 (98). С. 241-246.
5. Шеншин, В. М. Обеспечение экологической безопасности Российской Федерации как элемент национальной безопасности / В. М. Шеншин, С. Ю. Коряго // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 33-37. – EDN OWQZGY.
6. Шеншин, В. М. Экологическая безопасность как объект уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 68-71. – EDN XPPKHR.
7. Шеншин, В. М. О региональном факторе реализации уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 6. – С. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
8. Шеншин, В. М. Особенности установления штрафа за экологические преступления / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 120-122. – EDN YUUETC.
9. Шеншин, В. М. Социальный запрос общества как неологизм уголовно-экологической политики / В. М. Шеншин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10(95). – С. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
10. Шеншин, В. М. К понятию уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 157-164. – EDN XSMIJF.
11. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.
12. Шеншин, В. М. Отражение экологической преступности в статистике / В. М. Шеншин // Вопросы статистики. – 2017. – № 11. – С. 81-87. – EDN YMOYDN.
13. Шеншин, В. М. Особенности предупреждения и пресечения экологических преступлений / В. М. Шеншин // Экологическое право. – 2017. – № 4. – С. 33-37. – EDN ZFANYH.
14. Шеншин, В. М. Уголовно-экологическая политика России: постановка проблемы / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2(74). – С. 123-127. – EDN ZFLWXX.
15. Шеншин, В. М. Криминализация и пенализация экологических преступлений как методы реализации уголовно-экологической политики России / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 98-101. – EDN ZTEKUB.
16. Шеншин, В. М. Участие защитника в уголовном судопроизводстве по экологическим преступлениям / В. М. Шеншин // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 41-45. – EDN ZTHMHT.
17. Шеншин, В. М. Теоретические подходы и проблемы разграничения экологических правонарушений: / В. М. Шеншин ; Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – 156 с. – ISBN 978-5-9500376-9-6. – EDN XMNIVV.

References

1. Muravykh A.I. Environmental management. Moscow, 2004, p. 104.
2. Smyshlyayev V.A. Environmental safety of Russia: theoretical and methodological foundations of political analysis (Monograph). Moscow: INION RAS, 2005, p. 68.
3. Tislenko D.I. Analysis and significance of signs of terrorism // Vestn. There. Uni. Ser.: Humanities, Sciences. Tambov: Publishing House. G.R. Derzhavin TSU, 2010. Issue 10 (90). pp. 248-254.
4. Tislenko D.I. Public danger of environmental terrorism // Vestn. There. Uni. Ser.: Humanities, Sciences. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2011. Issue 6 (98). pp. 241-246.
5. Shenshin, V. M. Ensuring the environmental safety of the Russian Federation as an element of national security / V. M. Shenshin, S. Y. Koryago // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 2(51). – Pp. 33-37. – EDN OWQZGY.
6. Shenshin, V. M. Environmental safety as an object of Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Russian Investigator. – 2018. – No. 6. – pp. 68-71. – EDN XPPKHR.
7. Shenshin, V. M. On the regional factor of the implementation of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Legal education and science. – 2018. – No. 6. – pp. 27-31. – DOI 10.18572/1813-1190-2018-6-27-31. – EDN XRORGX.
8. Shenshin, V. M. Features of the establishment of a fine for environmental crimes / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1(77). – Pp. 120-122. – EDN YUUETC.
9. Shenshin, V. M. Social demand of society as a neologism of criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 10(95). – Pp. 236-244. – DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.236-244. – EDN YOICCL.
10. Shenshin, V. M. Towards the concept of criminal environmental policy in Russia / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2018. – No. 3. – pp. 157-164. – EDN XSMIJF.
11. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.
12. Shenshin, V. M. Reflection of environmental crime in statistics / V. M. Shenshin // Issues of statistics. – 2017. – No. 11. – pp. 81-87. – EDN YMOYDN.
13. Shenshin, V. M. Features of prevention and suppression of environmental crimes / V. M. Shenshin // Environmental law. – 2017. – No. 4. – pp. 33-37. – EDN ZFANYH.
14. Shenshin, V. M. Criminal environmental policy of Russia: problem statement / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2(74). – Pp. 123-127. – EDN ZFLWXX.
15. Shenshin, V. M. Criminalization and penalization of environmental crimes as methods of implementing Russia's criminal environmental policy / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3(75). – Pp. 98-101. – EDN ZTEKUB.
16. Shenshin, V. M. Participation of a defender in criminal proceedings on environmental crimes / V. M. Shenshin // Court administrator. - 2017. – No. 4. – pp. 41-45. – EDN ZTHMHT.
17. Shenshin, V. M. Theoretical approaches and problems of delineation of environmental offenses: / V. M. Shenshin ; St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2017. 156 p. ISBN 978-5-9500376-9-6. EDN XMNIVV.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО И НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 2023 ГОДА № 10-ФЗ
«О ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
SOME ISSUES OF LEGAL AND SCIENTIFIC SUPPORT OF THE PENAL SYSTEM
IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW NO. 10-FZ
OF FEBRUARY 6, 2023 "ON PROBATION IN THE RUSSIAN FEDERATION"**

СМИРНОВА Ирина Николаевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса, Псковский государственный университет.

Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

E-mail: irina_smi69@mail.ru;

БЫЧИНСКАЯ Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, Университет ФСИН России.

Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А

E-mail: firefirst@mail.ru

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University. Russia, Pskov, Lenin Square, 2

E-mail: irina_smi69@mail.ru;

BYCHINSKAYA Irina Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law, University of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A

E-mail: firefirst@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования в сфере функционирования уголовно-исполнительной системы в рамках решения задач probation. Отражается важность дополнительной проработки правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций в целях предупреждения преступлений лиц, в отношении которых осуществляется probation. Обосновывается значение научного обеспечения для эффективного решения задач probation, формулируются предложения по оптимизации связи образовательных организаций и территориальных органов уголовно-исполнительной системы для достижения высокой практической направленности научных исследований.

Abstract. The article discusses current issues of legal regulation in the field of the functioning of the penal system as part of the solution of probation tasks. It reflects the importance of additional development of legal support for the activities of penal inspections in order to prevent crimes committed by individuals under probation. The article substantiates the importance of scientific support for the effective solution of probation tasks and formulates proposals for optimizing the relationship between educational institutions and territorial bodies of the penal system in order to achieve a high level of practical relevance of scientific research.

Ключевые слова: probation, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная инспекция, предупреждение преступлений, правовое регулирование, центр probation, единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation, научное обеспечение уголовно-исполнительной системы.

Keywords: probation, penal system, penal inspection, crime prevention, legal regulation, probation center, unified register of persons subject to probation, scientific support of the penal system.

Для цитирования: Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Некоторые вопросы правового и научного обеспечения уголовно-исполнительной системы в условиях реализации положений Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 292–294. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_292.

For citation: Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. Some Issues of Legal and Scientific Support of the Penal System in the Context of the Implementation of the Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 292–294. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_292.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Актуальность темы настоящей публикации обусловливается значением правового и научного обеспечения функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) в целях эффективного решения задач probation, которые закреплены в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации». Так, в их числе предупреждение преступлений со стороны лиц, в отношении которых она применяется. Как свидетельствует анализ практики и специальной литературы, проблема предупреждения преступлений осужденных всегда находится в центре внимания как Федеральной службы исполнения наказаний [1; 2], так и ученых и практиков [3, с. 19–25; 4, с. 24–34; 5, с. 184–188; 6, с. 67–69; 7, с. 60–68; 8, с. 161–164]. При этом разными авторами указывалось на необходимость и важность дополнительной проработки вопросов правового обеспечения деятельности УИС.

Отметим, что нами на протяжении длительного периода времени разрабатывались вопросы правового регулирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), которые являются подсистемой УИС и на которые возложено решение задач probation. По результатам проводимых исследований выявлялись проблемные аспекты при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества (в настоящее время их доля порядка 70 %) и обосновывались меры по повышению эффективности организационно-правового обеспечения функционирования УИИ [9, с. 295–297; 10, с. 263–265].

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют, что в современных условиях, когда реализуются положения Феде-

рального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», актуальность проработки вопросов правового обеспечения УИС в сфере исполнения альтернативных наказаний не теряет своей актуальности. В соответствии с официальными данными Федеральной службы исполнения наказаний только в 2024 году в рассматриваемой сфере издано 65 нормативных правовых актов. В целом в 2024–2025 гг. можно особенно выделить [11, с. 6–12]: Федеральный закон от 25 октября 2024 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 398 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 25 октября 2024 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в статью 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 508-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 71-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Таким образом, с учетом официальных данных Федеральной службы исполнения наказаний можно констатировать, что утвержден перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, перечня органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, видов такой информации и Правил ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация. Закрепляется, что учреждения и органы УИС включены в перечень органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация [12].

О результатах пробации можно судить по следующим сведениям: «Федеральный закон о пробации в Российской Федерации начал действовать с 1 января 2024 года... За это время удалось достичь значимых результатов. В рамках пенитенциарной пробации помощь оказана уже более 35 тысячам гражданам в рамках их подготовки к освобождению. Более 21 тысячи человек обратились с заявлением об оказании содействия в рамках пробации. Было принято решение о целесообразности пробации и разработаны индивидуальные программы в отношении более 19 тысяч человек» [13].

Кроме того, определены организационные основы деятельности центров пробации, которые оказывают помощь гражданину в соответствии с мероприятиями, включенными в его индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Они взаимодействуют с субъектами пробации, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественными наблюдательными комиссиями, а также гражданами. Предусмотрено, что некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями могут создаваться центры пробации в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания [14].

Вместе с тем, как свидетельствуют итоги проведенного нами исследования, в дальнейшем в рамках реализации задач пробации будут объективно возникать проблемные вопросы, которые обусловят необходимость дополнительной проработки вопросов правового обеспечения функционирования УИС. Не вызывает сомнений, что это повысит значимость научного обеспечения Федеральной службы исполнения наказаний. В частности, нами ранее обращалось внимание на важность активного взаимодействия территориальных органов УИС для повышения практической направленности образовательного процесса, а также нацеленность научных исследований в образовательных организациях на потребности практики (раскрыт положительный опыт функционировавшей на базе Псковского юридического института ФСИН России общественной научно-практической лаборатории, а также базовой УИИ; такая связь теории и практики, как нами было установлено, положительно сказывалась на качестве подготовки сотрудников УИС и эффективности научной деятельности образовательной организации) [15, с. 279–283].

Нами ранее предлагалось выработать требования к преподавательскому составу образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний, который осуществляет подготовку кадров для УИС и должен активно заниматься научными разработками с учетом нужд УИС. Осуществленный анализ литературы также показывает, что выявленная нами ранее проблема не потеряла важности. Так, С.Б. Пономарёв обосновывает, что «...как и во всякой другой области научного знания, в пенитенциарной науке имеются проблемы, которые требуют своего решения...К таким проблемам, как правило, можно отнести: 1) вопросы, связанные с непосредственным получением нового знания; 2) вопросы, связанные с внедрением результатов, полученных в ходе научной деятельности, в практику» [16, с. 39].

А.Н. Антипов, в свою очередь, констатировал проблему снижения востребованности результатов научных исследований, при этом обозначил его причины объективного и субъективного характера [17, с. 257–261].

В заключение отметим, что решение вопросов научного обеспечения деятельности УИС в рамках пробации положительно скажется на предупреждении преступлений лиц, в отношении которых применяется пробация, что отразится на безопасности УИС в целом.

Список литературы

1. Мицкевич О. Глава ФСИН заявил о снижении числа рецидивов у прошедших ресоциализацию осужденных. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/12/glava-fsin-zayavil-o-snizhenii-chisla-retsdivov-u-proshedshih-resotsializatsiyu-osuzhdennyh/> (дата обращения: 26.10.2025).
2. ФСИН: Результат пробации - низкий уровень рецидива у бывших осужденных. URL: <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (дата обращения: 24.10.2025).

3. Гирько С.И. Криминальная ситуация в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и профилактические меры, предпринимаемые органами и учреждениями системы по ее изменению // Научный портал МВД России. 2021. № 2(54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-situatsiya-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii-i-profilakticheskie-mery-predprinimaemye-organami-i> (дата обращения: 26.10.2025).
4. Гирько С.И. Правовая регламентация профилактической деятельности в уголовно-исполнительной системе и ее актуальность в формате Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" // НГПЖ «Диалог». 2018. № 3(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-profilakticheskoy-deyatelnosti-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-i-ee-aktualnost-v-formate-federalnogo-zakona> (дата обращения: 26.10.2025).
5. Емельянова Е.В., Емельянов Н.С. К вопросу о профилактике пенитенциарных конфликтов оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilaktike-penitentsiarnyh-konfliktov-operativnymi-sotrudnikami-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 26.10.2025).
6. Майстренко Г.А. Предупреждение преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы в контексте деятельности ФСИН России и других правоохранительных органов // Образование и право. 2019. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupleniy-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-kontekste-deyatelnosti-fsin-rossii-i-drugih> (дата обращения: 24.10.2025).
7. Казак Б.Б. Проблемные аспекты правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы в механизме предупредительного воздействия на лиц, отбывающих наказание без лишения свободы / Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. № 1(25). С. 60–68. DOI 10.46741/2713-2811.2024.25.1.007. EDN UBMLPD.
8. Смирнова И.Н. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия при организации правоохранительной деятельности по предупреждению преступлений осужденных без лишения свободы / И.Н. Смирнова, У.Ю. Громова, Н.И. Петренко // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4(46). С. 161–164. EDN BVQXCW.
9. Смирнова И.Н. Организационно-правовые аспекты реализации probation в деятельности уголовно-исполнительной системы / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 295–297. DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_295. EDN HIMBNO.
10. Смирнова И.Н. Организационно-правовые аспекты правоохранительной деятельности уголовно-исполнительной системы (на примере уголовно-исполнительных инспекций) / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская, И.Б. Казак // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 263–265. DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_263. EDN WJZELL.
11. Коробкова Е.А. Актуальные вопросы в деятельности подразделений исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Ведомости УИС. 2025. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-v-deyatelnosti-podrazdeleniy-ispolneniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-osuzhdennyh-ot-obshchestva> (дата обращения: 26.10.2025).
12. Об утверждении перечня органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется probation, перечня органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation, видов такой информации и Правил ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется probation: Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2024 г. № 1858. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412240041> (дата обращения: 26.10.2025).
13. В России начался второй этап внедрения probation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50503/> (дата обращения: 26.10.2025).
14. Об утверждении Правил организации деятельности центров probation: приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. № 278. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409180006> (дата обращения: 26.10.2025).
15. Смирнова И.Н. К вопросу об актуальности организационно-правового регулирования правоохранительной деятельности государственных специализированных органов в сфере ресоциализации осужденных / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // Инновации в науке и практике: Сборник научных статей по материалам XV Международной научно-практической конференции, Уфа, 11 июня 2024 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2024. С. 279–283. EDN KMYHEY.
16. Пономарёв С.Б. К проблеме организации научного обеспечения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости УИС. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-organizatsii-nauchnogo-obespecheniya-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 26.10.2025).
17. Антипов А.Н. Почему научные труды остаются невостребованными... / А. Н. Антипов // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. Москва: Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний", 2022. С. 257–261. EDN RFSUMP.

References

1. Mitskevich O. The head of the Federal Penitentiary Service announced a decrease in the number of recidivists who have undergone resocialization. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/12/glava-fsin-zayavil-o-snizhenii-chisla-retsivirov-u-proshedshe-reshsializatsiyu-osuzhdennyh/> (accessed on 26.10.2025).
2. Federal Penitent Service: The result of probation is a low level of recidivism among former convicts. URL: <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (accessed: 24.10.2025).
3. Girkko S.I. The Criminal Situation in the Penal System of the Russian Federation and the Preventive Measures Taken by the System's Bodies and Institutions to Change It // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. No. 2(54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-situatsiya-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii-i-profilakticheskie-mery-predprinimae> (дата обращения: 26.10.2025).
4. Girkko S.I. Legal Regulation of Preventive Activities in the Penitentiary System and Its Relevance in the Format of Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On the Fundamentals of the System of Crime Prevention in the Russian Federation" // Dialogue. 2018. No. 3(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-profilakticheskoy-deyatelnosti-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-i-ee-aktualnost-v-formate-federalnogo-zakona> (date of application: 10/26/2025).
5. Yemelyanova E.V., Yemelyanov N.S. On the issue of prevention of penitentiary conflicts by operational staff of the penal enforcement system // Penal Enforcement Law. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilaktike-penitentsiarnyh-konfliktov-operativnymi-sotrudnikami-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (accessed: 26.10.2025).
6. Maistrenko G.A. Prevention of Crimes in Institutions of the Penitentiary System in the Context of the Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia and Other Law Enforcement Agencies // Education and Law. 2019. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupleniy-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-kontekste-deyatelnosti-fsin-rossii-i-drugih> (date of application: 10/24/2025).
7. Kazak B.B. Problematic aspects of law enforcement activities of the penal enforcement system in the mechanism of preventive action on persons serving sentences without imprisonment / B.B. Kazak, I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. No. 1(25). pp. 60–68. DOI 10.46741/2713-2811.2024.25.1.007. EDN UBMLPD.
8. Smirnova I.N. Actual Issues of Interdepartmental Cooperation in Organizing Law Enforcement Activities to Prevent Crimes Committed by Convicts without Imprisonment / I.N. Smirnova, U.Yu. Gromova, N.I. Petrenko // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2021. No. 4(46). Pp. 161–164. EDN BVQXCW.
9. Smirnova I.N. Organizational and Legal Aspects of the Implementation of Probation in the Activities of the Penitentiary System / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 5. Pp. 295–297. DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_295. EDN HIMBNO.
10. Smirnova I.N. Organizational and Legal Aspects of Law Enforcement Activities of the Penitentiary System (on the Example of Penitentiary Inspectorates) / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya, and I.B. Kazak // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 11(227). Pp. 263–265. DOI 10.47643/1815-1329_2023_11_263. EDN WJZELL.
11. Korobkova E.A. Current Issues in the Activities of Penal Enforcement Units that Do Not Involve the Isolation of Convicts from Society // Vedomosti UIS. 2025. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-v-deyatelnosti-podrazdeleniy-ispolneniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-osuzhdennyh-ot-obshchestva> (date of application: 10/26/2025).
12. On approval of the list of bodies and organizations having access to the unified register of persons subject to probation, the list of bodies and organizations authorized to enter information to be included in the unified register of persons in respect of probation is applied, the types of such information and the Rules for Maintaining and Using the unified register of persons subject to probation: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 21, 2024 No. 1858. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412240041> (date of request: 26.10.2025).
13. The second stage of probation implementation has begun in Russia. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50503/> (date of application: 10/26/2025).
14. On approval of the Rules for organizing the activities of Probation centers: Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 16, 2024 No. 278. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409180006> (date of application: 10/26/2025).
15. Smirnova I.N. On the issue of the relevance of organizational and legal regulation of law enforcement activities of state specialized bodies in the field of resocialization of convicts / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // Innovations in Science and Practice: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XV International Scientific and Practical Conference, Ufa, June 11, 2024. Ufa: Scientific and Publishing Center "Vestnik Nauki" LLC. 2024. pp. 279–283. EDN KMYHEY.
16. Ponomarev S.B. On the Problem of Organizing Scientific Support in the Penitentiary System of the Russian Federation // Vedomosti UIS. 2025. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-organizatsii-nauchnogo-obespecheniya-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii> (date of reference: 10/26/2025).
17. Antipov A.N. Why scientific papers remain unclaimed ... / A. N. Antipov // Scientific Papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and Practical quarterly publication. Volume Issue 1. Moscow: Federal State Institution Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service, 2022, pp. 257–261. EDN RFSUMP.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ УДАЛЁННОМ ФОРМАТЕ РАБОТЫ FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS IN REMOTE WORK

КУРБАТОВА Галина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

KURBATOVA Galina Vasilievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: Предметом исследования в статье являются трудовые отношения между работниками и работодателями при удалённом (дистанционном) формате труда, раскрываются особенности подобного вида трудовых отношений, анализируется правовая основа удалённой работы, раскрываются права и обязанности работника и работодателя, рассматриваются проблемы удалённой работы и формулируются перспективные направления совершенствования правового регулирования удалённой работы.

Abstract: The subject of the research in the article is labor relations between employees and employers in a remote (distance) format of work, the features of this type of labor relations are revealed, the legal basis of remote work is analyzed, the rights and obligations of the employee and employer are revealed, the problems of remote work are considered and promising directions for improving the legal regulation of remote work are formulated.

Ключевые слова: удалённая работа, трудовые отношения, трудовые права и обязанности, работник, работодатель, трудовое законодательство.

Key words: remote work, labor relations, labor rights and responsibilities, employee, employer, labor legislation.

Для цитирования: Курбатова Г.В. Особенности правового регулирования трудовых отношений при удалённом формате работы // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 295-297. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_295.

For citation: Kurbatova G.V. Features of legal regulation of labor relations in remote work format // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 295-297. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_295.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

Введение. Современные социально-экономические преобразования, а также стремительное развитие информационных технологий оказали существенное влияние на организацию трудового процесса во всем мире. Одной из наиболее актуальных тенденций последних лет стало массовое распространение удалённой (дистанционной) работы — формы занятости, при которой выполнение трудовых функций возможно вне стационарного рабочего места, с использованием телекоммуникационных и цифровых средств связи. Распространение дистанционной занятости обуславливается различными факторами, основными среди которых являются постоянное совершенствование информационных технологий, стремительная цифровизация экономики, внедрение достижений научно-технического прогресса в различные сферы общественных отношений. Значимую роль в увеличении числа удалённых работников сыграла пандемия COVID-19, привнесшая в 2020 году в жизнь большинства граждан многочисленные ограничительные меры, включая периодические введения режима самоизоляции [3, с. 2].

Переход к удалённым форматам ведёт к возникновению ряда юридических вопросов, связанных с оформлением трудовых договоров, установлением режима рабочего времени, ответственностью сторон, вопросами охраны труда и защиты персональных данных сотрудников. Введённые в Трудовой кодекс Российской Федерации изменения заложили основы нормативного регулирования дистанционной занятости, однако практика правоприменения выявляет определённые пробелы и недостаточность закреплённых норм. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления действующего механизма регулирования трудовых отношений при удалённой работе, анализа имеющихся проблем, а также выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства с целью обеспечения баланса интересов работников и работодателей.

Цель исследования. Проанализировать особенности правового регулирования трудовых отношений при удалённой работе в России, выявить существующие сложности и обозначить перспективные направления развития правового регулирования в данной сфере.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный метод и метод анализа. Посредством метода анализа изучались правовая природа удалённой работы, порядок заключения трудового договора и особенности взаимоотношений сторон. А посредством описательного метода были изучены основные проблемы и перспективы развития правового регулирования удалённого формата работы.

Правовая природа удалённой работы рассматривается в качестве одной из современных форм трудовых отношений, в основе которой лежит выполнение работником своих обязанностей вне стационарного рабочего места работодателя, преимущественно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет). Подобный формат работы представляет собой самостоятельный юридический институт, закреплённый в трудовом законодательстве, который отличается от иных схожих форм занятости. Законодательное регулирование удалённой работы в Российской Федерации достаточно молодо, однако динамично развивается с учётом растущей востребованности данной формы занятости. Ключевым нормативно-правовым актом здесь выступает Трудовой кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ), который с 2013 года выделяет удалённую (дистанционную) работу в качестве самостоятельного вида трудовых отношений (глава 49.1 ТК РФ).

Существенные изменения были внесены в 2020 году федеральным законом № 407-ФЗ от 8 декабря 2020 года, в результате чего уда-

лѐнная работа получила более чѐткое определение и развёрнутое нормативное регулирование. В частности, были введено понятие временной, постоянной и комбинированной удалѐнной работы, установлены особенности заключения, изменения и расторжения трудового договора с удалѐнными работниками, в том числе с использованием электронных документов и средств связи, определены права и гарантии удалѐнных работников, обязанности работодателя по обеспечению необходимых условий удалѐнной работы, закреплены особенности режима рабочего времени, предоставления отпуска, введены нормы о компенсации расходов, связанных с использованием удалѐнным работником личного оборудования, средств связи и прочих инструментов.

Важным аспектом выступает установленная законом возможность применения смешанного режима работы, когда часть трудовых функций работник выполняет дистанционно, а часть — на территории работодателя. Подобный формат работы является комбинированным режимом труда, который в трудовых правоотношениях неофициально именуется гибридом. Это обеспечивает гибкий подход к организации трудового процесса и позволяет учитывать индивидуальные особенности конкретной трудовой деятельности [2, с. 56].

Установление трудовых отношений с дистанционным работником предполагает соблюдение определённой правовой процедуры, направленной на обеспечение законности, равенства сторон и защиту интересов как работника, так и работодателя. Порядок оформления трудового договора при удалѐнной работе регулируется положениями главы 49.1 ТК РФ, а также общими нормами трудового законодательства. В соответствии со статьёй 312.2 ТК РФ трудовой договор с дистанционным работником заключается, как правило, в письменной форме. Современное законодательство допускает возможность проведения дистанционной процедуры оформления: подписание и обмен всеми необходимыми документами могут осуществляться посредством электронного документооборота с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Такой подход обеспечивает оперативность, исключает необходимость личного визита в офис и сокращает временные издержки.

Содержание трудового договора с дистанционным работником должно соответствовать требованиям статей 57 и 312.2 ТК РФ и обязательно включать: указание на характер выполняемой работы (удалѐнный форма), место её выполнения; условия о порядке взаимодействия сторон; режим рабочего времени (фиксированный, гибкий, индивидуальный); особенности предоставления оборудования, программного обеспечения, необходимости компенсации расходов; порядок и сроки обмена документами, сроки предоставления результатов работы. Заключение трудового договора может происходить либо до дня фактического начала работы, либо в первый день исполнения трудовых обязанностей, если стороны используют современные средства связи и допускают электронное взаимодействие. Рекомендуется включать в трудовой договор положения о неразглашении, об ответственности за утрату или компрометацию информации, о порядке доступа к корпоративным ресурсам. Дистанционные работники обладают теми же трудовыми гарантиями и компенсациями, что и офисные сотрудники. Им обеспечивается право на отпуск, оплату больничных листов, страхование от несчастных случаев. Особое внимание уделяется вопросам выплаты заработной платы, компенсации за задержки и спорам о переработках, поскольку при дистанционной работе сложнее контролировать фактически выполненный объѐм работ.

Распространение удалѐнной работы, с одной стороны, расширяет возможности организации трудовых отношений, способствует повышению гибкости и мобильности найма, а с другой — порождает ряд комплексных проблем правового, организационного и практического характера. Некоторые из них уже нашли частичное отражение в законодательстве и судебной практике, однако значительная часть остаѐтся нерешѐнной. Дистанционный формат работы зачастую усложняет объективный контроль за соблюдением режима труда и отдыха работника. Отсутствие стандартного рабочего места и прямого надзора приводит к трудностям в ведении учёта рабочего времени, определении переработок, сверхурочной занятости и ночной работы. Разные методики учёта (электронные системы, доверительные отчёты, самостоятельное фиксирование) не всегда гарантируют прозрачность и объективность. Удалѐнные работники могут сталкиваться с задержками выплат, необоснованным отказом в компенсации расходов на интернет, связь, оборудование, что становится причиной трудовых споров. Чѐткие и детализированные правила компенсаций отсутствуют на практике во многих компаниях, а возможность взыскания расходов требует доказывания их связи с трудовой функцией [1, с. 135].

Работодатель в силу дистанционного характера труда не имеет реальных механизмов контроля за соблюдением работником правил техники безопасности и санитарных норм, не может провести полноценную оценку рабочего места. Это порождает вопросы о границах ответственности работодателя за несчастные случаи и профессиональные заболевания при удалѐнной работе. Трудовые отношения на удалѐнке подразумевают интенсивный обмен конфиденциальной информацией через электронные каналы связи. Рост цифровых рисков, возможность утечки корпоративных данных, атаки на устройства работников требуют дополнительных правовых и технических гарантий, а также чѐткого разграничения ответственности за нарушение информационной безопасности. В случае спора работнику может быть труднее доказать выполнение трудовой функции, наличие переработки или отказ в предоставлении определённых гарантий, особенно если работа велась без формализованных электронных отчётов. Стороны нередко используют различные мессенджеры и неформальные средства связи, которые не всегда могут быть признаны допустимыми доказательствами в суде.

Перспективы развития правового регулирования удалѐнной работы в России связаны с решением ряда концептуальных и практических задач. Актуальной задачей становится доработка норм ТК РФ с учётом нарабатанного опыта, появившихся правоприменительных коллизий и новых организационных моделей занятости. Требуется чѐткое разграничение понятий дистанционной, временной, комбинированной удалѐнной работы, а также более подробная регламентация особенностей правового статуса работников, совмещающих различные форматы занятости. Перспективно введение типового перечня расходов, подлежащих обязательной компенсации удалѐнным работникам (интернет, связь, оборудование), с унификацией соответствующих норм как на федеральном уровне, так и в рамках коллективных договоров. Возможно развитие дополнительных гарантий: медицинское страхование, корпоративные льготы для удалѐнных работников, поддержка профессионального развития.

Очевидна необходимость разработки специальных норм по обеспечению охраны труда удалённых работников, внедрения дистанционных инструктажей и проверки условий труда. Законодатель может предусмотреть создание стандартов по оборудованию домашних рабочих мест, особенностям расследования несчастных случаев и системы электронного страхования удалённых работников. Для разрешения разногласий и мониторинга исполнения трудовых обязанностей перспективна интеграция автоматизированных систем сбора и анализа данных, а также упрощение процедуры обращения работников и работодателей в надзорные органы и суды через электронные сервисы. Важной задачей является признание и поддержка нестандартных форм сотрудничества – разовых заказов, проектной занятости, комбинированных рабочих графиков. Законодательство должно обеспечивать баланс гибкости и правовых гарантий, облегчая легализацию новых форм трудовой деятельности.

Заключение. Таким образом, на современном этапе происходит масштабное распространение удаленной формы трудовой активности населения, которому способствует большое количество разноплановых факторов. Более десятилетия в Российской Федерации осуществляется процесс юридической регламентации данной сферы общественных отношений, непрерывно прорабатываются вопросы организации дистанционного труда и обеспечения правовой защищенности удаленных работников. Вместе с тем, определенной доле субъектов соответствующих правоотношений приходится сталкиваться с различными нарушениями в части дистанционного выполнения трудовой функции. Минимизация количества нарушений трудовых прав в исследуемой области становится перспективой развития отечественной практики правотворчества и правоприменения. Помимо необходимости постоянного совершенствования профильных нормативных правовых актов, важную роль начинает играть общая информационная работа, повышение правовой культуры работников, развитие коммуникации между работодателем и удалённым работником. В целом, перспективы развития правового регулирования удалённой работы связаны с необходимостью комплексного подхода, учитывающего интересы всех участников рынка труда, специфику отдельных отраслей хозяйства, а также соответствие российской правовой системы международным тенденциям. Эффективное решение обозначенных задач будет способствовать дальнейшей интеграции инновационных технологий в сферу трудовых отношений и повышению конкурентоспособности отечественной экономики.

Список литературы:

1. Носова Ю.Б. Дистанционный труд: достижения и несовершенство современного трудового законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 3. С. 133-142.
2. Осипова С.В. Отдельные аспекты правового регулирования дистанционной работы // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 54-60.
3. Смирнова М.С., Листратов И.В. Анализ нарушений трудовых прав граждан при дистанционном формате работы // Право и политика. 2023. № 3. С. 1-12.

References:

1. Nosova Yu.B. Remote Work: Achievements and Imperfections of Modern Labor Legislation // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2022. No. 3. Pp. 133-142.
2. Osipova S.V. Certain Aspects of Legal Regulation of Remote Work // Law Bulletin of Samara University. 2022. Vol. 8, No. 3. Pp. 54-60.
3. Smirnova M.S., Listratov I.V. Analysis of Violations of Citizens' Labor Rights in the Remote Work Format // Law and Politics. 2023. No. 3. Pp. 1-12.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКИ (АСТРЕНТА):
МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
КОМПЛЕКСНОГО ИНСТИТУТА
THE LEGAL NATURE OF THE JUDICIAL PENALTY (ASTREINTE): SUBSTANTIVE
AND PROCEDURAL ELEMENTS OF A COMPLEX LEGAL INSTITUTION**

ПЕТРОВА Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

PETROVA Ekaterina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена определению правовой природы судебной неустойки (астрента) и ее месту в системе правовых средств. В статье анализируются основные подходы к квалификации астрента: материально-правовой, процессуально-правовой и смешанный. На основе системного толкования действующей модели и правоприменительных ориентиров обосновывается вывод о межотраслевом характере судебной неустойки: материально-правовая форма денежного взыскания в пользу кредитора сочетается с процессуальным механизмом ее присуждения и реализации.

Abstract. The article is devoted to determining the legal nature of the judicial penalty (astreinte) and its place within the system of legal remedies. The paper analyzes the main approaches to the qualification of astreinte: the substantive law approach, the procedural law approach, and the mixed approach. On the basis of a systematic interpretation of the current regulatory model and law enforcement guidelines, the author substantiates the conclusion that the judicial penalty has an inter-branch character: the substantive law form of monetary recovery in favor of the creditor is combined with a procedural mechanism for its award and enforcement.

Ключевые слова: астрент; судебная неустойка; исполнение судебного акта; гражданско-правовая ответственность.

Keywords: astreinte; judicial penalty; enforcement of a judicial act; civil liability.

Для цитирования: Петрова Е.С. Правовая природа судебной неустойки (астрента): материально-правовые и процессуальные элементы комплексного института // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 298-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_298.

For citation: Petrova E.S. The legal nature of the judicial penalty (astreinte): the substantive and procedural elements of a comprehensive institution // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 298-300. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_298.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Вопрос о правовой природе астрента относится к числу дискуссионных в доктрине гражданского и процессуального права. Его разрешение предполагает определение отраслевой принадлежности и институционального статуса судебной неустойки в системе правовых средств.

В научной литературе данная проблематика раскрывается через соотнесение астрента с традиционными конструкциями ответственности и судебного принуждения. Обсуждается возможность его квалификации в качестве меры гражданско-правовой ответственности, процессуальной санкции либо самостоятельного правового института, сочетающего признаки различных отраслевых механизмов регулирования.

Разрешение вопроса о правовой природе астрента имеет значение для определения его функционального и системного положения в механизме правового регулирования и, как следствие, для решения вопросов о характере его соотношения с мерами гражданско-правовой ответственности, допустимости параллельного применения с ними, а также об основаниях и пределах судебного усмотрения при его установлении.

Системный анализ доктринальных позиций и действующей нормативной модели позволяет выделить три основных подхода к определению правовой природы астрента: материально-правовой, процессуально-правовой и смешанный (комплексный).

Материально-правовая трактовка (астрент как разновидность гражданско-правовой ответственности).

Материально-правовой подход к определению правовой природы астрента был одним из первых в доктрине и ориентирован на включение судебной неустойки в традиционную систему мер гражданско-правовой ответственности. В рамках данной концепции астрент рассматривается как особая форма имущественного воздействия на нарушителя, обусловленная неисполнением судебного акта.

Аргументация сторонников подхода обычно основывается на следующем. Во-первых, астрент закреплен в гражданском законодательстве и системно расположен в регулировании обязательственных отношений. Во-вторых, его применение выражается во взыскании денежной суммы с должника в пользу кредитора. Совокупность указанных признаков внешне сближает судебную неустойку с договорной или законной неустойкой, а также с механизмом возмещения убытков.

Так, И. А. Котов указывает, что астрент является «самостоятельной мерой ответственности за неисполнение судебного акта» [3, С. 21], подчеркивая его компенсационно-стимулирующий характер и функциональную направленность на понуждение должника к фактическому исполнению возложенной судом обязанности. Тем самым акцент смещается именно на частноправовую природу данного института и его самостоятельное место в системе мер гражданско-правовой ответственности.

Вместе с тем указанная квалификация не является бесспорной. В доктрине подчеркивается, что астрент нельзя механически помещать в один ряд с классической неустойкой, поскольку речь идет об институте, имеющем иную целевую направленность и требующем самостоятельной оценки [1, С. 147].

Системное толкование пункта 2 статьи 308.3 ГК РФ ставит под сомнение возможность квалификации судебной неустойки в качестве меры гражданско-правовой ответственности в классическом смысле. Законодатель прямо закрепил, что защита кредитором своих прав путем присуждения денежной суммы на случай неисполнения судебного акта не освобождает должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Следовательно, астрент не заменяет собой ни убытки, ни договорную или законную неустойку; соответствующие меры могут применяться параллельно при наличии оснований [5].

Данное положение позволяет заключить, что судебная неустойка не выполняет компенсационную функцию, присущую гражданско-правовой ответственности в ее классическом понимании. Она не направлена на восстановление имущественной сферы кредитора и не связана с необходимостью доказывания конкретного размера убытков в целях определения самой суммы астрента. Ее функционально-целевое назначение состоит в стимулировании исполнения судебного акта и в обеспечении реальности присужденного способа защиты.

Процессуально-правовая трактовка (астрент как мера судебного принуждения).

Другая группа исследователей исходит из того, что по механизму применения астрент ближе к процессуальным санкциям и мерам судебного принуждения.

Аргументация данной позиции строится на следующих положениях. Во-первых, присуждение астрента возможно исключительно в рамках судебного разбирательства и в связи с судебным актом. Во-вторых, положения об астренте находят отражение в резолютивной части решения наряду с основным требованием либо устанавливаются отдельным судебным актом (в предусмотренных случаях) после вынесения решения. В-третьих, его целевая направленность формулируется как обеспечение исполнимости судебного акта, а не восстановление имущественной сферы кредитора. Указанные характеристики позволяют сопоставлять астрент с иными инструментами, направленными на дисциплинирование исполнения судебных предписаний.

Р.С. Зардов в своей работе обосновывает публично-правовую природу астрента. По мнению автора, «астрент преследует в первую очередь публично-правовую функцию, состоящую в переложении на истца бремени контроля за исполнением судебного решения и создании для него соответствующего материального стимула с целью разгрузить государственную систему органов принудительного исполнения судебных актов» [2, С. 62].

В рамках данной концепции в центре внимания оказывается не частноправовой интерес кредитора как таковой, а институциональная задача повышения эффективности исполнения судебных актов и оптимизации нагрузки на систему принудительного исполнения. В таком прочтении астрент воспринимается как средство косвенного понуждения к исполнению судебного решения, способствующее укреплению авторитета судебной власти и повышению дисциплины исполнения судебных актов.

Вместе с тем аргументация в пользу квалификации судебной неустойки как исключительно процессуальной меры также не является бесспорной.

Во-первых, следует подчеркнуть частноправовой характер взыскания: присужденная сумма поступает не в бюджет, а непосредственно кредитору. Во-вторых, хотя процедура присуждения осуществляется судом, она инициируется исключительно заинтересованной стороной (кредитором/истцом) в рамках конкретного спора; суд не наделен полномочием применять астрент по собственной инициативе вне волеизъявления управомоченного лица. В-третьих, судебная неустойка закреплена не только в процессуальных нормах, но и в материальном законе, что затрудняет ее квалификацию как исключительно процессуального инструмента.

Совокупность указанных признаков свидетельствует о том, что судебная неустойка не может быть однозначно отнесена к публично-правовым или исключительно процессуальным мерам. Даже признавая ее институциональное значение для системы исполнения судебных актов, нельзя игнорировать ее частноправовую конструкцию, диспозитивный механизм «запуска» и ориентацию на интерес конкретного кредитора.

Смешанный подход (комплексная природа астрента).

Анализ представленных в доктрине позиций позволяет констатировать, что ни материальная, ни процессуальная трактовка судебной неустойки в полной мере не объясняет ее нормативную конструкцию.

Материально-правовой подход обоснован тем, что астрент закреплен в статье 308.3 ГК РФ, корреспондирует обязательственному правоотношению и взыскивается в пользу кредитора. Однако его сведение к разновидности гражданско-правовой ответственности вызывает сомнения, поскольку он не выполняет классической компенсационной функции и прямо не «поглощает» иные меры ответственности.

Процессуальный подход, напротив, акцентирует внимание на том, что судебная неустойка применяется только при наличии судебного акта и выступает средством побуждения к его исполнению. Однако и эта концепция имеет ограничения: астрент закреплен также в материальном законе, а его присуждение осуществляется по инициативе стороны, а не суда, что не позволяет отнести его к классическим мерам процессуального принуждения, действующим по логике охраны порядка судопроизводства.

В этой связи более обоснованным представляется смешанный подход, исходящий из комплексной и межотраслевой природы судебной неустойки.

С одной стороны, астрент встроен в материально-правовой механизм защиты субъективного права: он связан с обязанностью долж-

ника и взыскивается в пользу кредитора, что подчеркивает его частноправовой элемент.

С другой стороны, применение астрента возможно только в процессуальном контексте: он функционирует как инструмент обеспечения исполнимости судебного решения, то есть как средство «доставления» судебной защиты на стадии исполнения судебного акта.

Комплексный характер института подтверждается конституционно-правовой интерпретацией действующих положений: судебная неустойка рассматривается как применимая (при наличии необходимых условий) к случаям неисполнения работодателем судебного акта, обязывающего его совершить определенные действия в пользу работника, не связанные с передачей денежных сумм [4]. Тем самым подчеркивается потенциал применения механизма судебной неустойки за пределами классического гражданско-правового обязательства в узком смысле, при сохранении его ключевых признаков как инструмента, направленного на обеспечение исполнимости судебного решения.

Двойственный характер института проявляется и в функциональном аспекте: присуждение суммы в пользу кредитора обслуживает частный интерес управомоченного лица, однако одновременно способствует реализации публичной задачи обеспечения исполнимости судебных актов и эффективности правосудия.

Следовательно, судебная неустойка представляет собой комплексный межотраслевой институт, в котором материально-правовая форма сочетается с процессуальным механизмом реализации, а частноправовая направленность — с публичной функцией обеспечения эффективности судебной защиты.

Список литературы:

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. С.147.
2. Зардов Р.С. К вопросу о соотношении астрента и неустойки // Право и экономика. 2018. № 3. С. 61 - 69.
3. Котов И. А. О проникновении гражданско-правового метода регулирования в процессуальные правоотношения на примере судебной неустойки. Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 9. С. 21.
4. Постановление КС РФ от 14 ноября 2024 г. N 52-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.С. Шапки" // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
6. Шевченко И.М. О правовой природе судебной неустойки (астрента)// Российский судья. 2021. № 8. С. 3 - 8.

References:

1. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. Moscow: Statute, 2018. p.147.
2. Zardov R.S. On the issue of the ratio of rent and penalties // Law and economics. 2018. No. 3. pp. 61-69. 3
3. Kotov I. A. On the penetration of the civil law method of regulation into procedural legal relations using the example of a court penalty. Arbitration and Civil procedure. 2025. No. 9. p. 21.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 52-P dated November 14, 2024 "On the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation, Part Three of Article 206 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 419 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.S. Shapka" // SPS ConsultantPlus.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/24/2016 No. 7 "On the application by courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 5.
6. Shevchenko I.M. On the legal nature of the judicial penalty (astrent)// Russian judge. 2021. No. 8. pp. 3-8.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN CASES ON THE PROTECTION OF EXCLUSIVE RIGHTS: CURRENT PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE

ПОДЛЕСНЫХ Сергей Сергеевич,

аспирант АННПО «МИИГУ им. П.А. Столыпина».

105077, Россия, г. Москва, Измайловский бульвар, 46.

E-mail: sergey.podlesnykh01@mail.ru

PODLESNYKH Sergey Sergeevich,

PhD Candidate at ANPRO " MIIGU of P. A. Stolypin".

46 Izmailovsky Boulevard, Moscow, 105077, Russia.

E-mail: sergey.podlesnykh01@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются ключевые проблемы распределения бремени доказывания в частноправовых спорах, связанных с защитой интеллектуальной собственности. Анализируются специфика доказывания факта принадлежности исключительного права, факта его нарушения, а также вопросы применения презумпции авторства и презумпции вины нарушителя. Особое внимание уделяется процессуальным сложностям, с которыми сталкиваются практикующие юристы в арбитражном процессе при доказывании размера убытков и взыскании компенсации. Предлагаются возможные направления совершенствования судебной практики с целью обеспечения справедливого баланса интересов правообладателей и иных участников гражданского оборота.

Abstract: the article examines the key problems of the distribution of the burden of proof in private law disputes related to the protection of intellectual property. It analyzes the specifics of proving the fact of ownership of an exclusive right, the fact of its infringement, as well as the application of the presumption of authorship and the presumption of the infringer's guilt. Special attention is paid to the procedural difficulties faced by practicing lawyers in the arbitration process when proving the amount of damages and recovering compensation. Possible directions for improving judicial practice are proposed with the aim of ensuring a fair balance of interests of right holders and other participants in civil circulation.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, бремя доказывания, арбитражный процесс, защита прав, презумпция авторства, презумпция вины, компенсация за нарушение, судебная практика.

Keywords: intellectual property, exclusive right, burden of proof, arbitration process, protection of rights, presumption of authorship, presumption of guilt, compensation for infringement, judicial practice.

Для цитирования: Подлесных С.С. Распределение бремени доказывания в делах о защите исключительных прав: актуальные проблемы судебной практики // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 301-302. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_301.

For citation: Podlesnykh S.S. Distribution of the burden of proof in cases of protection of exclusive rights: current problems of judicial practice // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 301-302. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_301.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

Введение

В современных экономических условиях, характеризующихся стремительным развитием цифровых технологий, объекты интеллектуальной собственности становятся ключевым активом бизнеса. Это закономерно влечет за собой рост числа судебных споров о защите исключительных прав. Специфика нематериальных объектов объективно усложняет процесс судебного познания. Ключевой проблемой в таких делах становится справедливое и обоснованное распределение бремени доказывания (onus probandi) между сторонами спора. Общее процессуальное правило о том, что каждое лицо должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается, в сфере интеллектуальных прав подвергается существенной корректировке за счет материально-правовых презумпций.¹ Целью данной статьи является выявление актуальных проблем судебной практики, связанных с распределением доказательственной нагрузки в делах о защите исключительных прав.²

Специфика доказывания факта принадлежности исключительного права. Первоочередной задачей истца в делах о защите интеллектуальной собственности является подтверждение своей активной легитимации – наличия у него исключительного права на спорный объект. В судебной практике здесь можно выделить следующие проблемные аспекты:

1. **Применение презумпции авторства:** в отношении объектов авторского права действует презумпция, согласно которой автором признается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения, пока не доказано иное. Однако на практике суды часто требуют от истцов предоставления дополнительных доказательств (исходных файлов, договоров авторского заказа, служебных заданий), фактически перекладывая на них бремя доказывания того обстоятельства, которое презюмируется законом.³

2. **Доказывание цепочки перехода прав:** если иск подается не первоначальным автором, а правообладателем, на него возлагается бремя доказывания непрерывной цепочки перехода исключительного права (договоры об отчуждении, лицензионные соглашения, факты правопреемства при реорганизации юридических лиц). Любой порок в одном из договоров цепочки может стать основанием для отказа в иске.

3. **Сложности с регистрационными системами:** для объектов промышленной собственности (патенты, товарные знаки) факт принадлежности права доказывается правоустанавливающими документами (свидетельствами, патентами). Проблема возникает на стыке институтов, когда ответчик инициирует встречный процесс по оспариванию самого факта регистрации в Роспатенте.⁴

Доказывание факта использования (нарушения) объекта интеллектуальной собственности. Бремя доказывания факта использования спорного объекта ответчиком всегда лежит на истце. Это вызывает наибольшие трудности на практике, особенно если речь идет о сложных ИТ-продуктах или использовании объектов в закрытой инфраструктуре:

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. - 29.07.2002. - № 30. - ст. 3012.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. - 25.12.2006. - № 52 (1 ч.). - ст. 5496.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 7.

⁴ Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: Власть и бизнес. - М.: Экономика, 2005. - 714 с.

1. Проблема фиксации нарушений в сети Интернет: практикующим юристам регулярно приходится сталкиваться с тем, что незаконный контент оперативно удаляется ответчиком сразу после получения претензии. Нотариальные протоколы осмотра сайта остаются наиболее надежным, но дорогостоящим средством доказывания.¹

2. Информационная асимметрия: в случаях незаконного использования исходного кода программ для ЭВМ или промышленных секретов (ноу-хау) истец часто лишен прямого доступа к доказательствам, которые находятся под контролем ответчика. Судебная практика пока неохотно применяет концепцию «переноса бремени доказывания» при уклонении стороны от предоставления доказательств, что нарушает баланс процессуальных прав.²

Презумпция вины и безвиновная ответственность нарушителя. Согласно разъяснениям высших судебных инстанций, лицо, к которому предъявлены требования о защите интеллектуальных прав, должно доказать выполнение им требований закона при использовании объекта.³

1. Опровержение презумпции вины: бремя доказывания отсутствия вины возлагается на нарушителя. Ответчик должен доказать, что он принял все зависящие от него меры для соблюдения прав третьих лиц.

2. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности: важнейшим аспектом арбитражной практики является то, что субъекты предпринимательской деятельности несут ответственность за нарушение исключительных прав независимо от вины (за исключением случаев непреодолимой силы). В таких спорах доказывание ответчиком своей добросовестности (например, факта покупки контрафактного товара у официального дилера) не освобождает его от ответственности, но может учитываться судом лишь при снижении размера компенсации.⁴

Проблемы доказывания размера убытков и компенсации. Взыскание убытков в сфере интеллектуальной собственности сопряжено с колоссальными трудностями доказывания причинно-следственной связи и точного размера упущенной выгоды. В связи с этим правообладатели преимущественно выбирают взыскание компенсации.

1. Бремя обоснования размера компенсации: хотя истец освобожден от доказывания точного размера причиненных убытков, он обязан обосновать размер требуемой компенсации (особенно если она заявляется в твердой сумме от 10 тысяч до 5 миллионов рублей).⁵

2. Снижение компенсации ниже низшего предела: в последние годы судебная практика, опираясь на позиции Конституционного Суда РФ, активно применяет механизм снижения компенсации ниже установленного законом минимального предела. При этом бремя доказывания несоразмерности заявленной суммы, тяжелого материального положения и отсутствия существенного вреда жестко возлагается на ответчика.⁶

В заключении хотелось бы отметить, что распределение бремени доказывания в делах о защите исключительных прав не является механическим процессом применения процессуальных норм. Оно требует от правоприменителя глубокого понимания материально-правовой природы интеллектуальной собственности. Существующие административные и процессуальные барьеры, связанные со сложностью доказывания факта нарушения в цифровой среде и расчета справедливого размера компенсации, создают высокие риски для участников гражданского оборота. Для обеспечения подлинной защиты прав необходима дальнейшая кристаллизация судебной практики, в частности — выработка четких стандартов доказывания по делам, где прямые доказательства нарушения объективно недоступны истцу из-за информационной закрытости нарушителя.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. - 25.12.2006. - № 52 (1 ч.). - ст. 5496.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. - 29.07.2002. - № 30. - ст. 3012.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 7.
4. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. - 512 с.
5. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. - М.: Юрайт, 2021. - 290 с.
6. Гаврилов Э.П. Судебная практика по спорам о защите интеллектуальных прав // Хозяйство и право. - 2020. - № 2. - С. 3-18.
7. Шамхалов Ф. И. Государство и экономика: Власть и бизнес. - М.: Экономика, 2005. - 714 с.
8. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/> (дата обращения: 19.04.2025).
9. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 N 1083-р).
10. Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended on January 30, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 52 (Part 1). - Art. 5496.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on April 6, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3012.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of April 23, 2019 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2019. - No. 7.
4. Intellectual Property Law. Vol. 1. General Provisions / Ed. by L.A. Novoselova. - M.: Statut, 2017. - 512 p.
5. Ruzakova O.A. Intellectual Property Law: Textbook. - M.: Yurayt, 2021. - 290 p.
6. Gavrilov E.P. Judicial Practice on Disputes Concerning the Protection of Intellectual Rights // Economy and Law. - 2020. - No. 2. - P. 3-18.
7. Shamkhalov F. I. The State and the Economy: Power and Business. - M.: Ekonomika, 2005. - 714 p.
8. Official Website of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/> (accessed: April 19, 2025).
9. Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation for the Period up to 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1083-r of June 2, 2016).
10. Kurennoy A., Kostyan I., Khnykin G. Digital Economy of Russia. Electronic Record Keeping of Labor Relations // EZh-Yurist. 2017. No. 37. P. 10.

¹ Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanbiz.ru/> (дата обращения: 19.04.2025).

² Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.

³ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 02.06.2016 N 1083-р).

⁴ Гаврилов Э.П. Судебная практика по спорам о защите интеллектуальных прав // Хозяйство и право. - 2020. - № 2. - С. 3-18.

⁵ Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. - М.: Юрайт, 2021. - 290 с.

⁶ Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. - М.: Статут, 2017. - 512 с.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ И ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ON THE ISSUE OF LIMITATION OF PARENTAL RIGHTS

ЧЕШОКОВА Юлия Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденция»
Пензенского филиала ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте»
440011, г. Пенза, ул. Вяземского, д.25 «Б»
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета»
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40
E-mail: juliachesn@yandex.ru

CHESNOKOVA Yulia V.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Penza branch of the Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University named after S.Yu. Witte"
440011, Penza, Vyazemsky Street, 25 "B"
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Penza State University "Penza State University"
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40
E-mail: juliachesn@yandex.ru

Краткая аннотация. В рамках данного исследования проводится анализ понятия и сущности виртуальных объектов и цифровых активов как объектов права собственности. В статье автор поднимает вопрос о несоответствии традиционной модели объектов вещного права современным виртуальным объектам и цифровым активам, указывает о необходимости признания цифровых активов в качестве самостоятельной категории имущества, что требует разработки новых правовых норм и подходов, учитывающих специфику цифрового мира. На основе проведенного исследования автором сделан вывод, что включение виртуальных объектов и цифровых активов в систему объектов права собственности требует переосмысления самого понятия объекта вещного права. Для защиты нарушенных прав необходимо разработать специальные способы защиты, которые могли бы сочетать в себе элементы вещно-правовых и обязательно-правовых механизмов.

Abstract: This study analyzes the concept and essence of virtual objects and digital assets as objects of property rights. In the article, the author raises the issue of the incompatibility of the traditional model of property rights objects with modern virtual objects and digital assets, and argues for the need to recognize digital assets as an independent category of property, which requires the development of new legal norms and approaches that take into account the specifics of the digital world. Based on the conducted research, the author concludes that the inclusion of virtual objects and digital assets in the system of property rights objects requires a rethinking of the very concept of a property rights object. To protect violated rights, it is necessary to develop special methods of protection that could combine elements of property law and contract law mechanisms.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, виртуальные объекты, цифровые активы, цифровая среда, гражданско-правовые способы защиты.

Key words: objects of civil rights, virtual objects, digital assets, digital environment, and civil law methods of protection.

Для цитирования: Чешкова Ю.В. Виртуальные объекты и цифровые активы как объекты права собственности // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 303-305. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_303.

For citation: Chesnokova Yu.V. Virtual objects and digital assets as objects of ownership // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 303-305. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_303.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2026

Развитие цифровой экономики обусловило появление новых экономически значимых благ, существующих исключительно в электронной форме и обладающих самостоятельной оборотоспособностью. К их числу относятся виртуальные объекты, возникающие в рамках онлайн-платформ, игровых экосистем и цифровых сервисов, а также цифровые активы, представляющие собой имущественные права, закреплённые с использованием информационных технологий, в том числе распределённых реестров. Их широкое распространение поставило перед правовой наукой и правоприменительной практикой вопрос о возможности включения таких объектов в сферу вещно-правового регулирования и о применимости к ним конструкции права собственности.

В настоящее время проблема заключается в том, что традиционная модель объекта вещного права формировалась применительно к материальным вещам, обладающим физическими характеристиками, индивидуальной определённой и способностью находиться в фактическом обладании субъекта. Виртуальные объекты и цифровые активы лишены этих признаков, однако при этом обладают стоимостью, участвуют в обороте, могут отчуждаться, и служат средством накопления и инвестирования, что позволяет рассматривать их как самостоятельные имущественные ценности.

В гражданском законодательстве отсутствует единый подход к понятию и сущности виртуальных объектов. Применительно к объектам виртуальность означает, что «объект изначально был создан в электронно-вычислительной среде и у него нет «копий» в материальном мире» [1, с. 69]. Примером может служить цифровая валюта.

Виртуальные объекты представляют собой элементы цифровой среды, существующие в рамках конкретной информационной системы и обладающие экономической значимостью для пользователей.

Ряд авторов считают, что «в виртуальное имущество следует включать имущество в социальных сетях (валюта), криптовалюта и аккаунты, посредством которых проводятся операции» [2, с. 40].

К виртуальному имуществу следует также отнести внутриигровые предметы, цифровые персонажи, виртуальные земельные участки, элементы интерфейса, цифровые коллекционные предметы и иные объекты, которые приобретаются за реальные денежные средства или создаются в результате деятельности пользователя. Их экономическая ценность обусловлена ограниченностью доступа, затратами времени и ресурсов на их получение, а также возможностью их обмена на иные цифровые или реальные блага. Несмотря на это, юридическая природа таких объектов остаётся дискуссионной, поскольку в большинстве случаев пользователь не приобретает вещного права на соответствующий элемент цифровой среды, а получает лишь право его использования в пределах, установленных лицензионным соглашением с оператором платформы. Это означает, что экономическое присвоение виртуального объекта не сопровождается возникновением права собственности в традиционном смысле, а правовой режим такого объекта определяется обязательно-правовыми конструкциями.

«Цифровая среда - это абсолютно новый этап в развитии отечественного правового регулирования, и стоит отметить, что неизбежны коллизии и противоречия» [3, с. 176].

Как отмечал П. Хлебников, «цифровые права складываются в области применения или с помощью применения цифровых технологий, в том числе посредством специального программного обеспечения» [4 с. 101].

В своей диссертации К. А. Мефодьева замечает, что использование прилагательного «цифровой» в понятии «цифровые данные» позволяет сделать акцент на том, что в него включаются только те данные, которые могут быть обработаны компьютером [5, с. 36].

Рассматривая цифровые активы как объекты права собственности, отметим, что они имеют более сложную правовую природу, поскольку могут существовать как в централизованных, так и в децентрализованных информационных системах. В первом случае речь идёт о записях на счетах в информационных системах операторов, которые удостоверяют имущественные права их обладателей. Во втором случае цифровой актив существует в виде записи в распределённом реестре, доступ к которой обеспечивается посредством криптографического ключа. В обоих случаях объект не обладает вещественной природой, однако он выполняет функции средства накопления, обмена и инвестирования. Это позволяет рассматривать цифровые активы как особую разновидность имущественных прав, обладающих высокой степенью оборотоспособности и самостоятельной экономической ценностью.

Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновна отмечают, что «в широком смысле к цифровым активам могут быть отнесены любые объекты имущественного оборота, существующие в цифровой (электронной) форме, например отдельные виды контента, такие как тексты, видео- и аудиофайлы, графические изображения и т.д.» [6, с. 36]. Представленные объекты уже обладают особым правовым режимом как результаты интеллектуальной деятельности и не требуют выработки отдельного правового режима.

Также упомянутые авторы в узком смысле под «цифровыми активами» предлагают понимать «новые экономические объекты, созданные с использованием цифровых технологий: большие данные, доменные имена и аккаунты, виртуальное игровое имущество и криптоактивы» [6, с. 36].

Профессор Л. Г. Ефимова предлагает признать особой категорией объектов гражданских прав цифровые активы. Это нематериальное имущество, т.е. любой объект гражданского права, который не является вещью, но обладает стоимостью и становится достаточно частным объектом современного экономического оборота» [7, с. 30].

Таким образом, полагаем, что включение виртуальных объектов и цифровых активов в систему объектов права собственности требует переосмысления самого понятия объекта вещного права.

Следует отметить, что в классической доктрине объектом собственности выступает вещь как материальный предмет внешнего мира. Однако развитие гражданского оборота привело к признанию объектами имущественных прав, безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и иных нематериальных благ, что свидетельствует о постепенном отходе от исключительно вещественной природы объекта. Считаем, что в этом контексте виртуальные объекты и цифровые активы могут рассматриваться как дальнейший этап эволюции имущественных ценностей, при котором объектом присвоения становится не материальная вещь, а цифровой ресурс, существующий в информационной системе.

Особенностью виртуальных объектов является их неразрывная связь с цифровой платформой, в рамках которой они существуют. Пользователь не обладает возможностью извлечь такой объект из системы и использовать его независимо от инфраструктуры, обеспечивающей его функционирование. Это означает, что его правомочия в отношении виртуального объекта носят производный характер и зависят от воли оператора платформы. Последний сохраняет возможность изменять свойства объекта, ограничивать доступ к нему или полностью прекратить его существование. В результате возникает ситуация, при которой экономическая ценность объекта принадлежит пользователю, а юридический контроль над ним — платформе. Такое соотношение правомочий ставит под сомнение возможность применения к виртуальным объектам классической модели права собственности и требует разработки специальных правовых режимов, учитывающих их инфраструктурную природу.

В отличие от виртуальных объектов, цифровые активы, существующие в распределённых реестрах, обладают большей степенью автономии от конкретного оператора. Контроль над ними осуществляется посредством обладания уникальным криптографическим ключом, который обеспечивает возможность распоряжения соответствующей записью в реестре. Отчуждение такого актива осуществляется путём совершения транзакции, которая подтверждается сетью участников и становится необратимой после внесения в реестр. Это создаёт модель, близкую по своим характеристикам к классическому вещному праву, поскольку исключение третьих лиц обеспечивается самой архитектурой системы, а возможность распоряжения не зависит от воли конкретного посредника. В этой связи цифровые активы нередко рассматриваются как новая форма имущества, в отношении которой возможно формирование полноценного права собственности.

Важным аспектом является вопрос о способах защиты прав на виртуальные объекты и цифровые активы. В отношении материальных

вещей вещно-правовые способы защиты направлены на восстановление нарушенного владения и устранение препятствий в пользовании.

Как отмечает А. А. Романов, «перспективным направлением будет являться создание гибридных систем защиты, включающих в себя средства договорной защиты (например, такие как смарт-контракты) в сочетании с традиционными правовыми способами» [8, с. 6].

В цифровой среде нарушение прав чаще всего выражается в неправомерном доступе к аккаунту, списании цифровых активов или блокировке учётной записи. Для защиты нарушенных прав необходимо разработать специальные способы защиты, которые могли бы сочетать в себе элементы вещно-правовых и обязательственно-правовых механизмов.

В связи с этим заслуживает внимание предложение отнести к специальным способам защиты «цифровую виндикацию» — требование о возврате доступа к цифровому имуществу посредством предоставления логина и пароля или же его сброса. А также «цифровой негативный иск» - иск пользователя или социальной сети к третьим лицам об устранении препятствий пользованию, владению, распоряжению аккаунтом (перебои в работе сетей связи, блокировка страниц поисковиком и иные) [9, с. 95-96].

Следует согласиться с данным предложением, поскольку применение таких способов защиты приведет к восстановлению контроля над виртуальным активом, а не его физического возврата, что свидетельствует о трансформации содержания вещно-правовой защиты.

Применение иска о признании права собственности будет включать в себя требования о подтверждении самого факта принадлежности виртуального актива конкретному лицу, признании факта перехода прав при утрате технического доступа и оспаривании ошибочных транзакций. По умолчанию целесообразным будет признать презумпцию собственности за владельцем виртуального актива (держателем электронного ключа, пароля и т.д.) [8, с. 7].

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что виртуальные объекты и цифровые активы представляют собой новые разновидности имущественных благ, существующих в цифровой среде и обладающих самостоятельной экономической ценностью. Их правовая природа характеризуется сочетанием вещных, обязательственных и корпоративных элементов, а возможность применения к ним конструкции права собственности зависит от степени их автономии от инфраструктуры, в рамках которой они существуют.

Список литературы:

1. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 67–72.
2. Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.
3. Кокоева Л. Т., Колиева А. Э. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Право и государство: теория и практика. – № 3 (219). – С. 175–178.
4. Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. – 2017. – № 9. – С. 93-101.
5. Бурханова Ю. И., Новокшонов Н. А. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 35-40
6. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.
7. Ефимова Л. Г. Категория "цифровое имущество" в контексте доктринальных споров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 9. – С. 25-39.
8. Романов А.А. Гражданско-правовые способы защиты прав на виртуальные активы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 12. – С. 3-8.
9. Тясто Ю. А. Правовая защита цифровых активов: страница социальной сети // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 3 (33). – С. 84 - 101.

References:

1. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Civil Law Aspects of Digital Property // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 4. – Pp. 67–72.
2. Levinzon V. S., Mitin R. K. Legal Regulation of Virtual Property // Law and Law. – 2020. – No. 5. – Pp. 39–42.
3. Kokoyeva L. T., Koliyeva A. E. Digital Rights in the System of Civil Rights Objects // Law and State: Theory and Practice. – No. 3 (219). – Pp. 175–178.
4. Khlebnikov, P. Digitalization of Law as a Consequence of Digitalization of Life // Housing Law. – 2017. – No. 9. – Pp. 93-101.
5. Burkhanova, Yu. I., and Novokshonova, N. A. Digital Rights as Objects of Civil Rights // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. – 2022. – Vol. 7. – No. 3. – Pp. 35-40
6. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph. Moscow: 4 Print, 2020. – 304 p.
7. Efimova L. G. The Category of "Digital Property" in the Context of Doctrinal Disputes // Bulletin of the Kutafin University. – 2024. – No. 9. – Pp. 25-39.
8. Romanov A.A. Civil Law Methods of Protecting Rights to Virtual Assets // Arbitration and Civil Procedure. – 2025. – No. 12. – Pp. 3-8.
9. Tyasto Yu. A. Legal Protection of Digital Assets: A Social Media Page // Journal of the Court for Intellectual Rights. – 2021. – No. 3 (33). – Pp. 84 - 101.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_306

УДК 368.1

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)
PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION
OF PROPERTY INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM INSTITUTIONS)**

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

ГАДАЛОВА Мария Витальевна,

магистрант Владимирского юридического института ФСИН России
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: mariagadalova@gmail.com

LYAPANOV Artem V.,

Head of the Department of Private Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Russian History
at Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: Lyapanov@mail.ru

GADALOVA Maria V.,

Graduate student of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: mariagadalova@gmail.com

Краткая аннотация: В представленной статье исследуются актуальные вопросы совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей сферу имущественного страхования в России. Анализируются современные векторы развития страхового законодательства, включая расширение перечня объектов страховой защиты и модернизацию компенсационных механизмов. Особое внимание уделяется специфике страхования государственного имущества, закрепленного за учреждениями уголовно-исполнительной системы на праве оперативного управления. Выявляются системные пробелы правового регулирования и формулируются конкретные предложения по его оптимизации.

Abstract: This article explores the current issues of improving the regulatory framework governing property insurance in Russia. It analyzes the current trends in the development of insurance legislation, including the expansion of the list of insured objects and the modernization of compensation mechanisms. Special attention is given to the specifics of insurance of state property assigned to institutions of the penal system on the basis of operational management. The article identifies systemic gaps in legal regulation and formulates specific proposals for its optimization.

Ключевые слова: имущественное страхование, нормативно-правовое регулирование, уголовно-исполнительная система, государственная собственность, оперативное управление, страховые риски, законодательские инициативы.

Keywords: property insurance, legal regulation, the penal system, state property, operational management, insurance risks, and legislative initiatives.

Для цитирования: Ляпанов А.В., Гадалова М.В. Проблемы и перспективы правовой регламентации имущественного страхования в Российской Федерации (на примере учреждений уголовно-исполнительной системы) // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 306-309. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_306.

For citation: Lyapanov A.V., Gadalova M.V. Problems and prospects of legal regulation of property insurance in the Russian Federation (using the example of penal institutions) // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 306-309. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_306.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026

Необходимость совершенствования правовых основ имущественного страхования в Российской Федерации продиктована комплексом взаимосвязанных факторов. Прежде всего, страховой рынок демонстрирует активную динамику развития: возникают новые объекты страхования и соответствующие страховые продукты, которые требуют адекватного нормативного закрепления. Параллельно с этим правоприменительная практика обнажает существующие пробелы и коллизии в законодательстве, наиболее остро проявляющиеся при страховании имущества, находящегося в государственной собственности.

Данная проблематика находится в центре внимания юридического и ученого сообщества. Многие авторы уделяют внимание изучению актуальных проблем развития института имущественного страхования в Российской Федерации. Среди последних можно отметить работы Андреева Ю. Н. [1], Железняк Н. С. и Леонтьевой Ю. В. [4], Кузнецовой Е. К. [6], Моргоевой А. Х. [7], Тишутин О. И. и Дендиберя М. Ю. [9], Трухина В. Г. [10].

Особый научно-практический интерес представляет реализация института имущественного страхования в деятельности уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Учреждения и органы УИС выступают в качестве специфических субъектов страховых правоотношений,

совмещающая сразу несколько правовых статусов: государственного учреждения, законного владельца имущества на праве оперативного управления и потенциального источника повышенной опасности. Комплексный анализ проблем, возникающих при страховании объектов УИС, позволяет не только диагностировать общие недостатки правового регулирования, но и выработать универсальные подходы к их устранению.

Фундамент правового регулирования имущественного страхования в нашей стране образуют положения главы 48 Гражданского кодекса РФ [3], а также нормы Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [5]. Помимо этого, значительный массив регулирования составляют многочисленные подзаконные акты и ведомственные инструкции, конкретизирующие порядок осуществления страховой деятельности в различных сферах.

Изучение последних законодательных инициатив позволяет выявить несколько перспективных векторов развития нормативной базы. В качестве показательного примера можно привести Федеральный закон, подписанный Президентом РФ в июле 2025 года, который ввел страхование средств на индивидуальных инвестиционных счетах третьего типа (ИИС-III) в размере до 1,4 миллиона рублей [2]. Указанный закон предусматривает формирование специализированного компенсационного фонда для осуществления выплат физическим лицам в случае банкротства брокера или управляющей компании. Важно отметить, что участие профессиональных участников рынка в данной системе является добровольным, что отражает тенденцию к сочетанию обязательных и добровольных начал в страховом регулировании.

Данные изменения отчетливо демонстрируют общую направленность законодательной политики: происходит последовательное расширение круга объектов страховой защиты и совершенствование гарантий для страхователей. Однако анализ показывает, что вектор законодательской активности преимущественно ориентирован на защиту прав граждан-инвесторов и потребителей финансовых услуг. Вопросы, связанные со страхованием государственного имущества, в том числе находящегося в оперативном управлении учреждений пенитенциарной системы, остаются на периферии законодательного внимания, что создает предпосылки для дальнейшего научного осмысления и выработки практических рекомендаций.

Применение общих норм гражданского законодательства о страховании к учреждениям, подведомственным ФСИН России, обнаруживает целый ряд системных проблем, требующих безотлагательного решения.

Проблема первая: неопределенность субъектного состава страхового правоотношения. Учреждения УИС реализуют правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом на праве оперативного управления. В соответствии со статьей 296 ГК РФ, они осуществляют указанные правомочия в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности и заданиями собственника. Собственником же имущества выступает Российская Федерация в лице уполномоченных федеральных органов исполнительной власти. Подобная конструкция порождает закономерный вопрос: кто именно должен выступать страхователем по договору – непосредственно учреждение, эксплуатирующее имущество, или собственник в лице ФСИН России либо иного уполномоченного органа? Действующее законодательство не содержит однозначного ответа, что провоцирует споры на практике относительно обязанности по уплате страховой премии и права на получение страхового возмещения.

Проблема вторая: рассогласованность страхового и бюджетного законодательства. Финансирование расходов на страхование имущества учреждений УИС осуществляется за счет средств федерального бюджета и подпадает под действие Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [11]. Данное обстоятельство означает, что заключение договора страхования возможно исключительно по итогам конкурентных процедур (аукционов или конкурсов). На практике это создает серьезную проблему: страховые тарифы, предлагаемые участниками закупки, зачастую не учитывают специфических рисков, характерных для деятельности учреждений пенитенциарной системы. Речь идет о таких рисках, как повреждение имущества в результате противоправных действий осужденных, возникновение пожаров в режимных корпусах, ущерб при массовых беспорядках. Страховые организации, не имея статистики и методик оценки подобных рисков, либо существенно завышают тарифы, либо вовсе отказываются от участия в торгах.

Проблема третья: отсутствие специализированных страховых продуктов. Анализ предложений на рынке страховых услуг свидетельствует о доминировании стандартных продуктов: страхование зданий и сооружений от огня и иных классических рисков, страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств и т.п. Между тем учреждения УИС объективно нуждаются в комплексной страховой защите, принимающей во внимание:

- риски повреждения либо уничтожения имущества в результате умышленных действий лиц, содержащихся под стражей;
- риски утраты специальных средств и оборудования в ходе выполнения служебно-боевых задач;
- риски ответственности за вред, который может быть причинен имуществу третьих лиц при осуществлении конвоирования или этапирования спецконтингента.

Действующее правовое регулирование не содержит стимулов для страховщиков к разработке и внедрению подобных специализированных продуктов.

Обобщение выявленных проблем позволяет сформулировать комплекс предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Представляется целесообразным инициировать внесение изменений в главу 48 Гражданского кодекса Российской Федерации в части детализации особенностей страхования государственного имущества, закрепленного за учреждениями на праве оперативного управления. В качестве одного из вариантов решения проблемы предлагается дополнить статью 930 ГК РФ новым пунктом, устанавливающим, что страхователем имущества, переданного государственному учреждению на праве оперативного управления, выступает само учреждение, тогда как выгодо-

приобретателем признается Российская Федерация в лице уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Подобная конкретизация позволит устранить правовую неопределенность в вопросе о субъектном составе страхового правоотношения.

Кроме того, необходима разработка и утверждение ведомственного нормативного акта ФСИН России, детально регламентирующего порядок и условия страхования имущества подведомственных учреждений. Такой акт должен включать в себя:

- исчерпывающий перечень имущества, подлежащего обязательному страхованию;
- минимальные размеры страховых сумм по каждому виду имущества;
- типовые условия договоров страхования, адаптированные к специфическим рискам деятельности УИС;
- алгоритм взаимодействия учреждений со страховыми организациями на всех этапах страхования.

Позитивный опыт функционирования системы страхования банковских вкладов и средств на индивидуальных инвестиционных счетах убедительно демонстрирует эффективность создания специализированных компенсационных фондов и механизмов гарантирования выплат. Представляется обоснованным рассмотреть вопрос о распространении данного опыта на сферу страхования государственного имущества.

В качестве перспективной модели можно предложить создание ведомственной страховой системы или специализированного страхового фонда ФСИН России. Данная структура могла бы аккумулировать страховые взносы учреждений и осуществлять выплаты при наступлении страховых случаев. Преимущества такого подхода очевидны:

- устранение административных барьеров, связанных с проведением конкурсных процедур;
- разработка и внедрение единых стандартов страховой защиты;
- возможность оперативного реагирования на страховые случаи без длительных согласований;
- формирование страховых резервов для покрытия крупных (катастрофических) убытков.

Правовым основанием для создания подобного фонда могло бы стать внесение соответствующих дополнений в Закон РФ «Об организации страхового дела», предусматривающих возможность формирования ведомственных страховых систем для обеспечения государственных нужд.

Существенным резервом повышения эффективности страховой защиты является повышение квалификации сотрудников юридических и финансовых служб учреждений УИС в области страхового права. Практика показывает, что значительная часть страховых случаев не признается таковыми, либо возникают споры о размере ущерба вследствие ненадлежащего оформления документов, пропуска установленных сроков уведомления страховщика, неверной квалификации произошедшего события.

В связи с этим представляется необходимым организовать систематическое проведение обучающих семинаров и курсов повышения квалификации для сотрудников соответствующих подразделений по следующим направлениям:

- порядок заключения договоров страхования с учетом требований Федерального закона № 44-ФЗ;
- правила фиксации и документирования обстоятельств страхового случая;
- процедуры взаимодействия со страховыми организациями в досудебном порядке;
- способы судебной защиты прав страхователя при возникновении споров.

Назрела необходимость разработки типовых (стандартных) правил страхования для учреждений уголовно-исполнительной системы, которые бы учитывали:

- расширенный перечень страховых рисков, включая противоправные действия третьих лиц, массовые беспорядки, террористические акты и диверсии;
- особенности определения страховой стоимости имущества с учетом специфики режимных и специальных объектов;
- упрощенный (внесудебный) порядок урегулирования убытков при наступлении страховых случаев.

Подобные правила могут быть разработаны в рамках сотрудничества ФСИН России и Всероссийского союза страховщиков с последующим утверждением на уровне межведомственного соглашения либо совместного приказа.

Практическая реализация изложенных выше предложений позволит достичь ряда значимых результатов.

Повышение эффективности использования бюджетных средств. Четкая регламентация процедур страхования и внедрение прозрачных механизмов определения страховых тарифов позволят оптимизировать бюджетные расходы на страховую защиту, исключив необоснованное завышение страховых премий.

Обеспечение реальной, а не декларативной страховой защиты. Внедрение специализированных страховых продуктов и создание ведомственной страховой системы обеспечат покрытие всего спектра значимых рисков, объективно присущих деятельности учреждений УИС.

Снижение фискальной нагрузки на бюджет. При наступлении страховых случаев финансовое бремя по восстановлению поврежденного или утраченного имущества будет перераспределено на страховые фонды, а не ложиться дополнительным грузом на бюджетные ассигнования.

Унификация правоприменительной практики. Введение единых стандартов страхования и разработка методических рекомендаций позволят минимизировать количество споров о признании событий страховыми случаями и определении размера подлежащего возмещению ущерба.

Список литературы:

1. Андреев Ю. Н. Имущественное страхование: теория и судебная практика : монография / Ю. Н. Андреев. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 332 с.
2. Госдума приняла закон о страховании средств на ИИС от банкротства брокера // РБК URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/687635fe9a7947784165c092> (дата обращения: 11.03.2026)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В. Юридическая наука и заимствования – любовь или брак по расчету? // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 6. – С. 80-85.
5. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – № 6.
6. Кузнецова Е. К. Особенности заключения и исполнения договора имущественного страхования в российском праве // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 37. – С. 118-126.
7. Моргоева А. Х. Страхование имущества юридических лиц и его развитие : монография / А. Х. Моргоева. – Уфа : Аэтерна, 2025. – 170 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 8.
9. Тишутина О. И., Дендиберя М. Ю. Современные тенденции и проблемы развития национального страхового рынка РФ с учётом регионального аспекта (на примере Хабаровского края) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 3-2. – С. 291-296.
10. Трухин В. Г. Актуальные проблемы развития института имущественного страхования в Российской Федерации // Сборник научных работ по актуальным проблемам права. – М., 2025. – С. 154-162.
11. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

References:

1. Andreev Yu. N. Property Insurance: Theory and Judicial Practice: Monograph / Yu. N. Andreev. – Moscow: YurLitinform, 2024. – 332 p.
2. The State Duma adopted a law on insurance of funds on the IIS from the bankruptcy of the broker // RBC URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/687635fe9a7947784165c092> (date of access: 11.03.2026)
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Laws of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
4. Zheleznyak N. S., Leontyeva Yu. V. Legal Science and Borrowing: Love or Marriage of Convenience? // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 6. – Pp. 80-85.
5. Law of the Russian Federation No. 4015-1 dated November 27, 1992, "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 6.
6. Kuznetsova E. K. Features of Conclusion and Execution of the Property Insurance Contract in Russian Law // Issues of Russian Justice. – 2025. – No. 37. – Pp. 118-126.
7. Morgoeva A. Kh. Insurance of Property of Legal Entities and Its Development : Monograph / A. Kh. Morgoeva. – Ufa : Aeterna, 2025. – 170 p.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated June 25, 2024 "On the Application of the Legislation on Voluntary Property Insurance by Courts" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2024. – No. 8.
9. Tishutina O. I., Dendiberya M. Yu. Modern trends and problems of development of the national insurance market of the Russian Federation, taking into account the regional aspect (on the example of the Khabarovsk Territory) // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2024. – № 3-2. – pp. 291-296.
10. Trukhin V. G. Actual problems of the development of the Institute of property insurance in the Russian Federation // Collection of scientific papers on topical issues of law. – M., 2025. – pp. 154-162.
11. Federal Law of 05.04.2013 № 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Article 1652.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_310

УДК 347.636

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ON THE ISSUE OF SOCIAL GUARANTEES FOR ORPHANED CHILDREN AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

РАЩУПКИНА Людмила Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
111250 г. Москва, ул. Красноказарменная, 17 стр. 1г
e-mail: rashchupkinaLV@mpei.ru

СОЛОУХИНА Светлана Вячеславовна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: soloukhina@33.fsin.gov.ru

RASHCHUPKINA Lyudmila Valerievna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science,
and Sociology named after G.S. Arefyeva National Research University «MPEI»
17, Building 1g, Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250 Russian Federation
e-mail: rashchupkinaLV@mpei.ru

SOLOUKHINA Svetlana Vyacheslavovna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law
Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: soloukhina@33.fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности нормативного правового регулирования вопросов, связанных с предоставлением социальных гарантий детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Авторы отмечают, что по статистике каждый третий ребенок в нашей стране сирота, вступая во взрослую жизнь, они становятся злостными неплательщиками из-за неоплаты коммунальных платежей в доме или квартире, где сироты не проживали, но был зарегистрированы. Авторы акцентируют внимание на том, что необходимо на федеральном уровне включить в перечень полного государственного обеспечения меру социальной поддержки детей-сирот, освободить детей-сирот от оплаты за пользование жилым помещением и его содержание на время их пребывания в организациях для детей-сирот и на семейной форме устройства. По мнению авторов, проанализированные правоотношения требуют правового урегулирования, включая внесение изменений в федеральное законодательство.

Abstract. The article discusses the features of regulatory legal regulation of issues related to the provision of social guarantees to orphans and children left without parental care. The authors note that according to statistics, every third child in our country is an orphan, and when they enter adulthood, they become chronic non-payers due to non-payment of utility bills in a house or apartment where the orphans did not live but were registered. The authors emphasize that it is necessary to include a measure of social support for orphans in the list of full state support at the federal level, and to exempt orphans from paying for the use of housing and its maintenance during their stay in organizations for orphans and in family-based arrangements. According to the authors, the analyzed legal relations require legal regulation, including amendments to federal legislation.

Ключевые слова: социальные гарантии, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, оплата ЖКУ, социальные жилищные гарантии.

Keywords: social guarantees, orphans, children left without parental care, housing and utilities payments, social housing guarantees.

Для цитирования: Рашчупкина Л.В., Солоухина С.В. К вопросу о социальных гарантиях детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 310-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_310.

For citation: Rashchupkina L.V., Soloukhina S.V. On the issue of social guarantees for orphans and children, left without parental care // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 310-314. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_310.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Конституция Российской Федерации заложила основу понимания прав ребенка, которые признаются, защищаются и гарантируются в контексте института прав человека и раскрывает общепризнанный постулат о том, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Согласно п. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации, забота о детях, их воспитании – равное право и обязанность родителей. Родители несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка, интересы которого должны являться предметом особой заботы родителей. Роль семьи в социальной структуре уникальна и не имеет аналогов среди других институтов. Именно в семье происходит становление и развитие личности, усвоение социальных норм и ролей, необходимых для успешной адаптации в обществе. Семья выступает в качестве первичного социального института, связи с которым человек поддерживает на протяжении всей своей жизни. В семейной среде закладываются основы моральных принципов, формируются нормы поведения, раскрывается внутренний мир и индивидуальные особенности личности [13, с. 4]. Поддержка семьи, создание условий, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов как семьи в целом, так и отдельных ее членов, являются одними из приоритетных направлений политики современного государства.

В декабре 2025 года уполномоченный по правам ребенка в России Мария Львова-Белова сообщила, что число детей в детских домах, приютах и домах ребенка сократилось до 340 тыс. Еще 190 тыс. российских детей находятся в группе риска помещения их в детские дома. Большинство детей имеют живых родителей, лишенных или ограниченных в правах. Статистика учитывает не только детей, чьи родители умерли от болезней или несчастных случаев, но и тех, чья мать или отец лишены родительских прав через суд, таких большинство среди учтенных детей и

составляет 240 тысяч человек или 70% от общего числа сирот [9].

Рассматривая процентное соотношения оснований возникновения детского сиротства, можно констатировать, что основные проблемы связаны с лишением родительских прав – 21,6%, ограничение родительских прав – 15,4%, нахождение родителей в местах лишения свободы – 10,8%.

Анализ законодательного регулирования отношений в сфере защиты прав детей показывает, что оно обеспечивается нормами федерального законодательства (законами и подзаконными актами), в том числе отраслевой направленности, законодательством субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами, ведомственными правовыми актами, реализацией документов стратегического планирования, государственных программ и национальных проектов.

Ежегодно Президентом Российской Федерации обозначаются самые существенные проблемы российского общества в послании Федеральному Собранию. Особое внимание уделяется вопросам детствосбережения, повышения качества жизни населения, создания благоприятных условий для воспитания несовершеннолетних. Впервые дети как объект особой защиты и заботы были провозглашены во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10.12.1948. Позже Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 г. была принята специальная декларация, нацеленная на социальную защиту детей, Декларация прав ребёнка.

Существенной государственной поддержкой в Российской Федерации для детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа в возрасте до 23 лет является Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – ФЗ № 159-ФЗ). На основании его устанавливаются льготы для указанных граждан РФ, обеспечивающие реализацию их прав: на образование, медицинское обслуживание, на имущество и жилое помещение, на труд.

Объектами социальной защиты согласно ФЗ № 159-ФЗ являются: дети-сироты – лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей, – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке.

Следует отметить, что правоприменительная практика свидетельствует о растущей тенденции к злоупотреблению родительскими правами, неисполнению родительских обязанностей, увеличению числа детей, лишенных родительского попечения. Это в определенной мере связано с тем, что родители таких детей отбывают наказание в виде лишения свободы за совершенные преступления.

Дети, оставшиеся без родительской заботы, являются наиболее уязвимой группой населения, нуждающейся в социальной поддержке со стороны государства и в интересах, которых жилищным законодательством предусматриваются различные механизмы защиты их жилищных прав. Каждый третий ребенок-сирота в нашей стране, вступая во взрослую самостоятельную жизнь, получает тяжелое наследство в виде сотен тысяч рублей долгов за услуги ЖКХ. Долги возникают из-за неоплаты коммунальных платежей в доме или квартире, где сирота не проживал, но был прописан. Таким образом, только по факту достижения совершеннолетия молодой человек становится злостным неплательщиком. А иногда управляющие компании не дожидаются, пока ребенок достигнет 18 лет, и требуют оплаты счетов с опекунов и приемных родителей [10].

За последние несколько лет проблема приобрела массовый характер, что подтверждается правоприменительной практикой. Например, в Архангельске ресурсноснабжающая организация подала иск в суд на учреждение, где находятся дети-сироты с требованием взыскать с собственников жилья задолженность за поставленную электроэнергию (дело № А41-84890/2022). Суд обязал ответчика оплатить долг детей-сирот, так как именно учреждение должно содержать и ремонтировать имущество (ст. 309, 310 ГК РФ). В Благовещенске право на имущество детей, оставшихся без попечения родителей, было зарегистрировано за администрацией управления образования [2]. Сумма долга за коммунальные услуги составила более 100 тысяч рублей. Право на имущество было подтверждено документально, поэтому суд обязал администрацию оплатить счета исполнителя в соответствии со ст. 210 ГК РФ. В Хабаровском крае задолженность за содержание квартиры сироты превысила 45 тысяч рублей [3]. За ребёнком было закреплено помещение муниципального жилфонда, ответственность за которое несла школа-интернат.

Сложившаяся судебная практика показывает, что к моменту окончания пребывания детей-сирот в организациях для детей-сирот или на семейной форме устройства, имеются случаи возникновения задолженности по оплате за жилые помещения и коммунальные услуги, указанной категории граждан, что крайне негативно сказывается на их социальной адаптации [11].

Несмотря на существующие различные виды мер государственной поддержки данной категории граждан, остается и ряд проблем при их реализации. В настоящее время вопрос об оказании помощи по оплате коммунальных услуг за жилые помещения нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты остается открытым.

Проанализировав законодательные основы данной темы, мы пришли к выводу, что собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 210 ГК РФ). Сособственники жилого помещения в многоквартирном доме несут обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг соразмерно их доле в праве общей долевой собственности на жилое помещение (ст. 249 ГК РФ).

Граждане, осуществляя право пользования жилым помещением и право получения коммунальных услуг надлежащего качества, несут

обязанность по своевременной и полной оплате жилого помещения и предоставленных коммунальных услуг (ст. 153 ЖК РФ).

Структура платы за жилое помещение и коммунальные услуги определена ст. 154 ЖК РФ.

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для нанимателя жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, а также собственника включает в себя плату за содержание жилого помещения и плату за коммунальные услуги.

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для нанимателя включает в себя также плату за пользование жилым помещением (плата за наем).

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника включает в себя также взнос на капитальный ремонт. К мерам социальной поддержки граждан по оплате жилого помещения и коммунальных услуг относятся предоставление субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, компенсация расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (ст. 159, 160 ЖК РФ), иные формы социальной поддержки (освобождение от оплаты за жилое помещение и/или коммунальных услуг).

Категории лиц, которым предоставляются меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, порядок и условия предоставления этих мер, способы и источники их финансирования устанавливаются федеральными законами, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, законами субъектов Российской Федерации.

Отдельные вопросы, связанные с реализацией мер социальной поддержки граждан по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, по смыслу ч. 11 ст. 159 и ч. 1 ст. 160 ЖК РФ, могут регулироваться нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в случае наделения их отдельными государственными полномочиями органами власти субъектов Российской Федерации.

В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации в случае, если собственником жилого помещения (доли) является несовершеннолетний, то обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг несут его родители независимо от факта совместного с ним проживания (ст. 21, 26, 28 ГК РФ и ст. 56, 60, 64 СК РФ). Вместе с тем несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги. При недостаточности у несовершеннолетнего средств обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг субсидиарно возлагается на его родителей (ст. 26 ГК РФ, п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 22)). Следовательно, обязанность по оплате за содержание жилого помещения и коммунальные услуги возложена на их родителей (усыновителей).

При этом можно утверждать, что лица, находящиеся в местах изоляции от общества, продолжают оставаться родителями своих детей и по-прежнему наделены действующим законодательством перечнем прав и обязанностей. Семейные права и обязанности отличаются от гражданских прав и обязанностей тем, что они являются «внеоборотными», непередаваемыми ни в порядке универсального правопреемства, ни по соглашению сторон. Родительские отношения реализуются только их носителями, они не могут быть переданы другим лицам по договору, в порядке цессии или перевода долга либо зачтены за счет исполнения каких-либо других прав и обязанностей [12, с. 65].

В федеральном законодательстве не закреплено, за счет каких средств законные представители (опекуны (попечители), приемные родители детей-сирот, организации для детей-сирот производят оплату за жилые помещения, нанимателями (членами семьи нанимателя) по договору социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты, и коммунальные услуги за их обслуживание (далее – жилые помещения детей-сирот). В соответствии со ст. 148 и 155.3 СК РФ, дети, находящиеся под опекой (попечительством) и в организациях для детей-сирот, имеют право на сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением.

В силу ст. 36 ГК РФ, ст. 15, 18 и 26 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ) опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы, в том числе исполнять обязанности по охране имущества подопечного и управлению имуществом подопечного. Управление имуществом подопечного должно способствовать извлечению из него доходов для подопечного.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 48-ФЗ, подопечные не имеют права собственности на имущество опекунов или попечителей, а опекуны или попечители не имеют права собственности на имущество подопечных, в том числе на суммы алиментов, пенсий, пособий и иных предоставляемых на содержание подопечных социальных выплат.

Приведенные нормы права не содержат указания на то, что опекун (попечитель) несет бремя содержания жилых помещений, право пользования которыми сохранено за детьми-сиротами, или обязан отвечать своим имуществом по их долгам.

В свою очередь, на основании п. 2 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Федеральный закон № 159-ФЗ), органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, обязаны осуществлять контроль за использованием и сохранностью жилых помещений детей-сирот, за обеспечением надлежащего санитарного и технического состояния жилых помещений, а также осуществлять контроль за распоряжением ими.

Наличие проблемы задолженности детей-сирот по оплате жилого помещения и коммунальных услуг в жилых помещениях, «закрепленных» за детьми-сиротами, зафиксировано в протоколе заседания Комиссии по регулированию жилищных вопросов детей-сирот и лиц из их числа Общественного совета при Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (далее – Минстрой России) от 26 апреля 2024 года [6]. В числе наиболее проблемных упоминаются случаи судебного взыскания задолженности по оплате жилого

помещения и коммунальных услуг:

– с лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей, по достижении ими совершеннолетия, в порядке солидарной ответственности по невыполненным обязательствам собственников жилого помещения - родителей ребенка, лишенных родительских прав или ограниченных в родительских правах (В качестве примера можно привести определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2022 г. № 88-10284/2022 по делу № 2-636/2021 и др.) [5];

– с администрации муниципального образования как собственника жилого помещения, нанимателем или членом семьи нанимателя которого является ребенок-сирота, ребенок, оставшийся без попечения родителей, или лицо из числа таких детей. (В качестве примера можно привести определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2024 г. № 88-5666/2024 (УИД 27RS0004-01-2022-001965-09, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2024 г. № Ф07-20934/2023 по делу № А05-12512/2022 и др.) [1; 4].

В связи с указанной проблемой Президент Российской Федерации поручил Правительству Российской Федерации рассмотреть совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, касающиеся предоставления детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, компенсации для погашения задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг, образовавшейся в период, когда они не имели возможности пользоваться ранее занимаемыми жилыми помещениями, в том числе в связи с установлением над ними опеки или попечительства, помещением их под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, либо получением ими профессионального образования, и при необходимости представить предложения о внесении соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации [7].

Таким образом, руководство страны допустило возможность компенсировать за счет бюджетных средств расходы детей-сирот и лиц из их числа, связанные с оплатой жилого помещения и коммунальных услуг.

Представляется, что выполнение указанного поручения Президента Российской Федерации возможно двумя путями:

1) установить предоставление детям-сиротам по достижении совершеннолетия компенсации для погашения образовавшейся задолженности по оплате ранее занимаемых жилых помещений и коммунальных услуг (В этом случае потребуются также установить для данной категории лиц исключение из ч. 3 ст. 160 ЖК РФ), которая предусматривает непредоставление гражданам компенсации при наличии у них подтвержденной вступившим в законную силу судебным актом непогашенной задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг);

2) установить меры, позволяющие своевременно погашать за счет бюджетных средств расходы на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в жилых помещениях, права на которые сохраняют дети-сироты, предотвращая тем самым образование задолженности по указанным расходам.

Первый путь представляется неэффективным: накопление задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг означает недофинансирование деятельности предприятий жилищно-коммунального хозяйства, а также влечёт начисление пеней в соответствии с ч. 14 ст. 155 ЖК РФ, что увеличивает сумму задолженности и затрудняет прогнозирование бюджетных расходов на её компенсацию.

Более перспективным представляется второй путь, позволяющий освободить детей-сирот от обязанности нести расходы по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, как и от ответственности за невнесение такой платы, не вводя жилищные и коммунальные предприятия в убытки.

В настоящее время на основании п. 49 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и ст. 5 Федерального закона № 159-ФЗ от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – Закон о дополнительных гарантиях детям-сиротам), законами и иными нормативными правовыми актами ряда субъектов Российской Федерации устанавливаются дополнительные виды социальной поддержки детей-сирот. Так, в Методических рекомендациях по организации в субъектах Российской Федерации работы по оплате за жилые помещения нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, и коммунальные услуги (См. письмо Минпросвещения России от 1 ноября 2022 г. № 07-7350 «О направлении информации»), разработанных Министерством просвещения Российской Федерации (далее – Методические рекомендации Минпросвещения), приведена информация об опыте более, чем 18 регионов России по установлению мер, позволяющих освободить детей-сирот и лиц из их числа от платы за жилое помещение и коммунальные услуги или от уплаты задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, образовавшейся в период, когда такие дети (лица) не пользовались жилыми помещениями, либо возместить им расходы на оплату жилого помещения и коммунальных услуг полностью или частично.

Меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг предоставляются в субъектах Российской Федерации в следующих формах:

1) освобождение детей-сирот и лиц из числа детей-сирот от платы за жилое помещение и коммунальные услуги (Республика Саха (Якутия), Вологодская, Псковская, Свердловская области, Москва);

2) возмещение расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг посредством предоставления денежной компенсации в размере 100 процентов платы за данное жилое помещение и коммунальные услуги в части, приходящейся на долю детей-сирот и лиц из числа детей-сирот (Республика Северная Осетия (Алания), Владимирская, Мурманская, Нижегородская области, Санкт-Петербург и др.);

3) частичное погашение расходов в виде ежемесячной денежной выплаты/материальной помощи/социального пособия (ад-ресной социальной помощи) на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (Республики Марий Эл и Мордовия, Белгородская, Брянская, Ульяновская области и др.);

4) освобождение от задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, образовавшейся в период, когда дети-сироты, лица из числа детей-сирот не имели возможности пользоваться жилыми помещениями, посредством возмещения за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации понесенных в связи с этим расходов собственникам жилых помещений при их непосредственном управлении многоквартирным домом, товариществам собственников жилья либо жилищным кооперативам или иным специализированным потребительским кооперативам, юридическим лицам независимо от организационно-правовой формы или индивидуальному предпринимателю, осуществляющим деятельность по управлению многоквартирным домом и ресурсоснабжающим организациям (Архангельская, Магаданская области, Ненецкий автономный округ).

Однако не во всех субъектах Российской Федерации данный вопрос разрешен в пользу указанной категории несовершеннолетних лиц, ввиду чего складывается неоднозначная правоприменительная практика. Так, депутаты Государственной Думы С. М. Миронов, О. А. Нилов, Я. В. Лантратова, А. А. Кузнецов, А. С. Аксененко, М. Г. Делягин, Н. В. Новичков выступили с законодательной инициативой по данному вопросу: на рассмотрение в Государственную Думу был внесен Законопроект от 29.07.2024 г. № 683587-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления мер социальной поддержки по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги детям-сиротам)» [8]. Решение проблемы виделось в ликвидации неравенства социальных жилищных гарантий для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, связанного с особенностями регионального законодательства. Для разрешения данной проблемы предлагалось закрепить положения об освобождении от оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги данной категории лиц за период неиспользования ими такого помещения. Данный законопроект был отклонен 29 января 2025 года.

Таким образом, проанализировав проблемы правового регулирования оплаты жилищно-коммунальных услуг детьми-сиротами, и детьми, оставшимися без попечения родителей, мы обозначили ряд предложений, требующих первоочередного закрепления в федеральном законодательстве:

1. необходимо разработать единообразный механизм оплаты за содержание жилого помещения и коммунальные услуги детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а также их законными представителями;
2. целесообразно дополнить перечень мер социальной поддержки детей-сирот, включив в него освобождение детей-сирот от платы за пользование жилым помещением и его содержание на время их пребывания в организациях для детей-сирот и в приемной семье, а также при обучении на очной форме в общеобразовательных организациях, за исключением случаев сдачи детьми-сиротами или их законными представителями данного жилого помещения по договору коммерческого найма;
3. четко определить долю (квоту) в плате за содержание жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что позволит более корректно применять в отношении этих лиц дополнительную социальную гарантию по освобождению от платы за жилое помещение и коммунальные услуги.

Таким образом, предложенные изменения федерального законодательства помогут несовершеннолетним лицам данной категории разбраться в правовой неопределенности решения вопросов по оплате за содержание жилого помещения и коммунальных услуг.

Список литературы

1. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2024 г. № Ф07-20934/2023 по делу № А05-12512/2022 // [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2026).
2. Постановление от 12 декабря 2018 г. по делу № А04-4225/2018 // [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1z8nJqDSrE5M/> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Постановление от 2 июля 2017 г. по делу № 44Г-59/2017 // [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fhe3sRFYAQWw/> (дата обращения: 17.02.2026).
4. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 N 88-5666/2024 (УИД 27RS0004-01-2022-001965-09) // [Электронный ресурс]. – Документ опубликован не был. – СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2026).
5. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06 июля 2022 г. № 88-10284/2022 по делу № 2-636/2021 // [Электронный ресурс] – URL: <https://3kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Протокол заседания комиссии по регулированию жилищных вопросов детей-сирот и лиц из их числа от 26.04.2024 № 3 // [Электронный ресурс] – URL: <https://osminstroy.ru/comitees/komissiya-po-regulirovaniyu-voprosov-obespecheniya-zhilyem-detey-sirot/?year=2024#/lightbox/view> (дата обращения 26.02.2026).
7. Пункт 6 Перечня поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, утвержденного Президентом Российской Федерации 27 января 2022 года № Пр-189 // [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/403460048/> (дата обращения: 24.02.2026).
8. Текст Законопроекта и пояснительной записки, сопроводительных материалов, а также заключения Счетной Палаты Российской Федерации и уполномоченных структур Государственной Думы Российской Федерации доступны по ссылке: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/683587-8?ysclid=m2ebt6p4647028612> (дата обращения: 24.02.2026).
9. Детские дома в России // [Электронный ресурс]: URL: <https://zdrav.expert/index.php/> (дата обращения: 17.02.2026).
10. Долги в наследство // Коммерсантъ. 2021. 17 дек. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5130271> (дата обращения: 17.02.2026).
11. Кто оплачивает жилищно-коммунальные услуги, если собственник квартиры ребенок-сирота // РосКвартал – интернет-служба №1 для управляющих организаций <https://roskvartal.ru/vzyskanie-dolgov/14791-cto-oplachivaet-zhku-esli-sobstvennik-kvartiry-rebyenok-sirota?ysclid=mknz7r1h9q995120028> (дата обращения: 17.02.2026).
12. Правовая культура как основа и результат правового государства / А. П. Альбов, И. Г. Цопанова, Н. Н. Димитрова, В. Г. Беспалко. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. – 164 с.
13. Рашитова Л. К. Социально-психологические проблемы материнских и отцовских семей: Монография. – М.: Издательство «Спутник +», 2025. – 212 с.

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated January 29, 2024 No. F07-20934/2023 in case No. A05-12512/2022 // [Electronic resource]. – The document has not been published. – SPS "ConsultantPlus" (date of reference: 19.01.2026).
2. Resolution of December 12, 2018 in case no. A04-4225/2018 // [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1z8nJqDSrE5M/> (date of access: 02/17/2026).
3. Resolution of July 2, 2017 on case No. 44G-59/2017 // [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fhe3sRFYAQWw/> (date of appeal: 02/17/2026).
4. Ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 06/27/2024 N 88-5666/2024 (UID 27RS0004-01-2022-001965-09) // [Electronic resource]. – The document has not been published. – SPS ConsultantPlus (date of application: 01/19/2026).
5. Ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated July 06, 2022 No. 88-10284/2022 in case No. 2-636/2021 // [Electronic resource] – URL: <https://3kas.sudrf.ru/> (date of access: 02/17/2026).
6. Minutes of the meeting of the Commission for the regulation of housing issues of orphaned children and persons from among them dated 04/26/2024 No. 3 // [Electronic resource] – URL: <https://osminstroy.ru/comitees/komissiya-po-regulirovaniyu-voprosov-obespecheniya-zhilyem-detey-sirot/?year=2024#/lightbox/view> (accessed 02/26/2026).
7. Item 6 of the List of instructions following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights, approved by the President of the Russian Federation on January 27, 2022, No. Pr-189 // [Electronic resource] – URL: <https://base.garant.ru/403460048/> (date of access: 02/24/2026).
8. The text of the Draft Law and the explanatory note, accompanying materials, as well as the conclusions of the Accounts Chamber of the Russian Federation and authorized structures of the State Duma of the Russian Federation are available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/683587-8?ysclid=m2ebt6p4647028612> (accessed: 02/24/2026).
9. Orphanages in Russia // [Electronic resource]: URL: <https://zdrav.expert/index.php/> (date of application: 02/17/2026).
10. Inheritance debts // Kommersant. 2021. December 17th // [Electronic resource] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5130271> (date of request: 02/17/2026).
11. Who pays for housing and communal services if the apartment owner is an orphan // RosKvartal – Internet service No. 1 for management organizations <https://roskvartal.ru/vzyskanie-dolgov/14791-cto-oplachivaet-zhku-esli-sobstvennik-kvartiry-rebyenok-sirota?ysclid=mknz7r1h9q995120028> (accessed: 02/17/2026).
12. Legal culture as the basis and result of the rule of law / A. P. Albov, I. G. Tsopanova, N. N. Dimitrova, V. G. Bepalko. Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2023, 164 p.
13. Rashitova L. K. Socio-psychological problems of maternal and paternal families: A monograph. Moscow: Sputnik + Publishing House, 2025. 212 p.

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВЗЫСКАНИИ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО ДОГОВОРАМ ЗАЙМА CALCULATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS FOR CLAIMS TO RECOVER DEBT UNDER LOAN AGREEMENTS

КАСАТКИНА Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, 59а
e-mail: alenka-d-k@mail.ru

ХОРОШЕВА Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России.
Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: khorosheva_nataly@mail.ru

KASATKINA Elena Aleksandrovna,
Assistant Professor of the Department of Civil Legal Disciplines,
Vladimir branch of RANEPA under the President of the Russian Federation, candidate of law
59a Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
e-mail: alenka-d-k@mail.ru

KHOROSHEVA Natalya Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines at the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.
E-mail: khorosheva_nataly@mail.ru

Краткая аннотация: в статье авторы затрагивают проблему исчисления сроков исковой давности применительно к требованиям о взыскании задолженности по договорам займа, рассматриваются правовые нормы гражданского законодательства, регулирующие порядок исчисления начала течения срока исковой давности, условия приостановления течения такого срока, анализируются теоретические подходы и концепции установления начала течения сроков. Обосновывается актуальность выбранной тематики и практическая значимость, делаются теоретические и практические выводы на основе анализа норм действующего законодательства, материалов судебной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов.

Abstract: The article is devoted to the study of the peculiarities of calculating the statute of limitations in relation to claims for debt recovery under loan agreements. The article analyzes the legal norms of civil legislation that regulate the procedure for the commencement of the statute of limitations, the conditions for suspending and interrupting such a period, and the theoretical approaches to establishing the calculation of the commencement of the statute of limitations. Special attention is paid to the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts regarding the interpretation of legal norms in cases where the debtor acknowledges the debt by making partial payments or otherwise confirms the existence of obligations to the creditor. The author also examines the impact of legislative changes aimed at protecting the rights of creditors and debtors, including the application of special rules for calculating deadlines in the presence of security measures such as surety or pledge of property.

Ключевые слова: исковая давность, процессуальные сроки, договор, срок исковой давности, обеспечительные меры, гражданско-правовые отношения, должник.

Keywords: limitation period, procedural deadlines, loan agreement, limitation period, interim measures, civil law relations, debtor.

Для цитирования: Касаткина Е.А., Хорошева Н.А. Исчисление сроков исковой давности по требованиям о взыскании задолженности по договорам займа // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_315.

For citation: Kasatkina E.A., Khorosheva N.A. Calculation of the limitation period for claims for debt collection under loan agreements // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 315-317. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_315.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Исчисление сроков исковой давности является важным институтом гражданского права, определяющим временные рамки обращения субъектов правоотношений в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав. Правильное установление начала течения срока имеет большое значение для соблюдения принципа правовой определенности и стабильности гражданского оборота. Рассмотрим основные подходы к определению момента начала исчисления сроков исковой давности, представленные ведущими учёными цивилистической науки.

В научных трудах А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого сформулирована теория осведомлённости лица о нарушении своего права. Согласно этому подходу, течение срока начинается тогда, когда лицо узнало или должно было узнать о факте нарушения своего права. Данные учёные подчёркивали важность установления факта осведомлённости субъекта о нарушении его права. Они отмечали, что применение такого подхода позволяет учитывать конкретные обстоятельства дела и индивидуальные особенности ситуации каждого конкретного гражданина или организации [7, с. 63].

Однако указанный подход вызывает трудности с точки зрения правоприменения, анализ судебной практики показывает объективные проблемы выявления точной даты, когда субъект мог узнать о нарушении своего права, как момента начала течения срока.

С точки зрения правоприменения внимания заслуживает формально-юридический подход, в рамках которого предполагается устанавливать начало течения срока с момента возникновения юридического основания для предъявления иска независимо от реальной осведомлённости лица. Такой подход основан на формальных признаках, зафиксированных законом. Например, возникновение обязательства вследствие совершения сделки автоматически запускает отсчет срока.

Данная концепция раскрывается в трудах Г.Ф. Шершеневича и Н.М. Коркунова, утверждающих, что такое понимание обеспечивает ста-

бильность и предсказуемость правовых последствий, когда начало течения срока связано с моментом наступления юридических фактов [2, с.63].

Несмотря на четкость положений формально-юридического подхода, в нем часто игнорируются реальную информированность участников о нарушении своих прав, что приводит к несправедливым последствиям для добросовестных участников данных правоотношений.

На основании изложенного считаем необходимым более подробно остановиться на комбинированном подходе, который сочетает элементы двух предыдущих концепций. Этот способ исчисления допускает использование одновременно моментов осведомленности и формального наступления оснований для защиты права. Иными словами, срок начинает течь либо с момента реального знания субъекта о нарушении права, либо с момента формальной возможности предъявить требования.

Такую позицию разделяют многие современные ученые-цивилисты, включая Е.А. Суханова и О.Н. Садикова, которые отмечают необходимость учета обеих составляющих для повышения эффективности судебной защиты. Практическое применение смешанного подхода осуществляется путем анализа конкретных обстоятельств дела судом, учитывающим фактическую ситуацию и юридические признаки нарушений права [8, с.470].

Столь подробное изучение теоретических концепций установления начала течения срока исковой давности оказывает значительное влияние на формирование объективной оценки сложившихся обстоятельств по гражданскому делу и влияет на исход судебного разбирательства.

В свою очередь, в случае формального отношения правоприменителя к данному вопросу, можно говорить о нарушении одного из конституционных принципов российского права, а именно права на судебную защиту. Неправильно установленный момент начала срока лишает пострадавшую сторону законной возможности обратиться в суд.

Кроме того, к негативным последствиям можно отнести искажение целей института исковой давности. Срок предназначен для стимулирования своевременного обращения в суд, а также поддержания устойчивости общественных отношений. Его неправильное исчисление нарушает баланс интересов сторон и ведёт к нестабильности правового положения, а также не соблюдению принципов гражданского судопроизводства.

Изучение вопроса исчисления сроков исковой давности важно не только для теоретического осмысления правовой природы данного института, но и для решения практических задач. От правильности выбора метода расчета зависит эффективность защиты нарушенных гражданских прав субъектов правоотношений. Правильное применение норм закона позволит избежать необоснованных отказов в исках, повысит доверие участников гражданского оборота друг к другу и обеспечит стабильность экономического взаимодействия.

В современном гражданском обороте особую остроту приобретают вопросы правовой регламентации исчисления сроков по договорам займа, как одного из наиболее востребованных в сложившихся экономических условиях.

Срок исковой давности по требованию о взыскании долга по договору займа следует исчислять с учётом согласованного сторонами условия договора о его автоматической пролонгации, что наглядно отражается в решениях судов по рассматриваемым категориям дел. В целях подтверждения приведённых выше доводов, обратимся к анализу материалов судебной практики.

М. обратился в суд с иском к И. о взыскании денежных средств по договору займа, указав, что 1 января 2018 г. между ним и супругами И. и И.А. был заключен договор займа на сумму 900 000 руб. со сроком возврата до 1 июля 2018 г. и с уплатой процентов за пользование займом в размере 2% ежемесячно.

М. обязательства по договору займа исполнил надлежащим образом, передав денежные средства; поскольку ответчиками надлежащим образом обязательства по договору займа не исполнены, учитывая, что И.А. признан банкротом, истец просил взыскать с И. 450 000 руб.

Судом установлено, что 1 января 2018 г. между М. (заимодавец) с одной стороны и И. и И.А. (заемщики) с другой стороны заключен договор займа, по условиям которого М. передал И. и И.А. 900 000 руб. на срок до 1 июля 2018 г. [6].

Договором займа предусмотрено, что за пользование займом заемщики ежемесячно выплачивают заимодавцу вознаграждение в размере 2% от суммы займа (пункт 1.1). Согласно пункту 7.2 договора в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Ответчик не отрицала, что получила денежные средства. Вместе с тем обязанность по возврату займа и уплате процентов ответчиком не исполнена.

28 июля 2020 г. И.А. обратился в суд с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом). Решением арбитражного суда от 2 сентября 2020 г. И.А. признан несостоятельным (банкротом), в реестр кредиторов включен М. по требованию в размере 2 462 000 руб. по договорам займа от 1 и 11 августа 2017 г. [4].

18 августа 2021 г. завершена процедура реализации имущества должника и И.А. освобождён от дальнейшего исполнения имеющихся на дату обращения в суд с заявлением о банкротстве должника требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении процедуры банкротства.

4 июля 2023 г. М. обратился с данным иском к солидарному должнику - И. о взыскании части суммы займа в размере 450 000 руб [3].

Ответчиком заявлено о применении исковой давности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришёл к выводу, что М. предъявлен иск за пределами срока исковой давности, поскольку истцу стало известно о нарушении его права 2 июля 2018 г. С выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с принятыми судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям. В соответствии со статьей 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу

такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

В силу пункта 2 статьи 808 ГК РФ в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему заимодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

Заемщик обязан возвратить заимодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа (пункт 1 статьи 810 ГК РФ).

Пунктом 1 статьи 322 ГК РФ предусмотрено, что солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

Статьей 323 данного кодекса предусмотрено, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (пункт 1).

Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников. Солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью (пункт 2).

В пункте 50 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъясняется, что согласно пункту 1 статьи 323 ГК РФ кредитор вправе предъявить иск о полном взыскании долга к любому из солидарных должников [5].

В соответствии со статьёй 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. По обязательствам с определенным сроком исполнения течение срока исковой давности начинается по окончании срока исполнения (пункты 1, 2).

Делая вывод о пропуске истцом срока исковой давности по заявленным требованиям, суд не дал оценки договору займа в соответствии со статьёй 431 ГК РФ, в частности пункту данного договора, согласно которому в случае, если к моменту окончания срока действия договора ни одна из сторон не уведомила другую сторону о расторжении договора, договор считается пролонгированным на прежних условиях на аналогичный срок.

Как указывал истец, договор займа по умолчанию сторон пролонгировался на новые сроки, заемщики продолжали исполнять обязательства по договору после 1 июля 2018 г. путем выплаты процентов, последняя выплата произведена 3 июля 2020 г. [6]

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции [3, с.32].

Анализируя вынесенное судебное решение, можно сформулировать ряд ключевых выводов: суд первой инстанции принял ошибочное решение, исходя исключительно из первоначальной даты окончания договора, без учета наличия условий о пролонгации. Таким образом, игнорирование условий договора привело к неправильному определению начала течения срока исковой давности. Поскольку факт продолжения выплат подтверждает исполнение сторонами обязательств после первоначально установленной даты возврата, начало течения срока исковой давности подлежит определению заново.

Также стоит отметить, что наличие солидарной ответственности между двумя заемщиками дополнительно усложняет процесс исчисления сроков исковой давности. Необходимо учитывать возможность взыскания всей суммы задолженности с любого из должников, что влияет на выбор правильной стратегии поведения кредитора. Таким образом, можно сделать вывод, что важность тщательного анализа условий договора, своевременного выявления особенностей обязательств и адекватного понимания правил исчисления сроков исковой давности даёт возможность реализации основных принципов гражданского судопроизводства, и повышает доступность правосудия.

Список литературы

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Волгоградского областного суда от 20 декабря 2023 г. по делу N 33-14022/2023 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/337790959/> // <http://ivo.garant.ru/#/document/411431883>
2. Кириллова М. Я. Сроки в гражданском праве. Исковая давность / М. Я. Кириллова, П. В. Крашенинников. - Москва : Статут, 2016. - 78 с.
3. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за февраль 2025 года // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. М., 2025. № 4. С. 23-51.
4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2024 г. по делу N 8Г-10991/2024 [88-14243/2024] // <http://ivo.garant.ru/#/document/340521922>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
6. Решение Тракторозаводского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 03 октября 2023 г. по делу N 2-2259/2023 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/336270269>
7. Сергеев А.П. Гражданское право. Том 1. Учебник. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ООО «ТКВелби», 2019. - 284 с
8. Суханов Е.А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. - 958 с.

References

1. The Court of Appeals for Civil Cases of the Volgograd Regional Court dated December 20, 2023, case No. 33-14022/2023 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/337790959/> // <http://ivo.garant.ru/#/document/411431883>
2. Kirillova M. Ya. Terms in Civil Law. Statute of limitations / M. Ya. Kirillova, P. V. Krashenninikov. - Moscow : Statut, 2016. - 78 p.
3. Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for February 2025 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. M., 2025. No. 4. Pp. 23-51.
4. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated May 16, 2024, in case No. 8G-10991/2024 [88-14243/2024] // <http://ivo.garant.ru/#/document/340521922>
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 dated September 29, 2015 (as amended on June 22, 2021) "On Certain Issues Related to the Application of the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on Statute of Limitations" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 12.
6. Decision of the Traktorzavodsky District Court of Volgograd, Volgograd Region, dated October 3, 2023, in case No. 2-2259/2023 // <http://arbitr.garant.ru/#/document/336270269>
7. Sergeyev A.P. Civil Law. Volume 1. Textbook. / Edited by A.P. Sergeyev and Yu.K. Tolstoy. Moscow: TKVelby LLC, 2019. - 284 p
8. Russian Civil Law: Textbook: In 2 Volumes. Vol. I: General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights / Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Statut, 2011. - 958 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_318

УДК 347.6

ЗАЩИТА ПРАВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОНЛАЙН ONLINE BUSINESS PROTECTION AND LIABILITY

ФАЙРУШИНА Римма Дамировна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа)
улица Цюрупы, 6, Уфа, Республика Башкортостан, 450057, Россия.
E-mail: Rimma919@mail.ru,

СТЕПАНОВА Милена Гавриловна

обучающийся факультета подготовки следователей 312 учебного взвода
ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, улица Муксимова, 2.
E-mail: Rimma919@mail.ru

FAYRUSHINA Rimma Damirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Bashkir Academy of Public Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan
Tsyurupy Street, 6, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450057, Russia.
E-mail: Rimma919@mail.ru

STEPANOVA Milena Gavrilovna

student of the 312th Training Platoon of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
2 Muksinova Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: Rimma919@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются теоретические и практические вопросы касающиеся защиты прав и ответственности в сфере онлайн-предпринимательства. В условиях стремительного развития цифровых технологий и увеличения объема онлайн-торговли эта тема приобретает особую значимость как для предпринимателей, так и для потребителей.

Abstract: The article analyzes theoretical and practical issues related to the protection of rights and responsibility in the field of online entrepreneurship. With the rapid development of digital technologies and the increase in the volume of online commerce, this topic is of particular importance for both entrepreneurs and consumers.

Ключевые слова: гражданское право, защита прав, ответственность, предпринимательская деятельность, онлайн-торговля.

Keywords: civil law, protection of rights, responsibility, entrepreneurial activity, online trading.

Для цитирования: Файрушина Р.Д., Степанова М.Г. Защита прав и ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности онлайн // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 318-320. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_318.

For citation: Fayrushina R.D., Stepanova M.G. Protection of rights and responsibility in conducting business online // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 318-320. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_318.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Онлайн-предпринимательство открывает новые горизонты для бизнеса, предоставляет возможности расширения рынков и улучшения доступности товаров и услуг. Однако с ростом числа интернет-компаний возникают новые вызовы и риски как для предпринимателей, так и для пользователей. Важно понимать, как защитить права всех сторон, а также какую ответственность несут участники онлайн-торговли.

В Российской Федерации гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица в качестве индивидуального предпринимателя, но как глава крестьянского (фермерского) хозяйства он обязан зарегистрировать хозяйство. При этом к гражданину, занимающемуся предпринимательской деятельностью, применяются правила те же, что и регулирующие деятельность юридических лиц – коммерческих организаций.

Предпринимательская деятельность является самостоятельной, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг и осуществляется на свой риск. Как и в любом государстве, права предпринимателей в Российской Федерации подлежат охране и защите.

Вопросы защиты интересов и ответственности участников предпринимательской деятельности в сети Интернет регулируются как общими принципами гражданского законодательства, так и специализированными нормами, касающимися дистанционной торговли товарами, предоставления услуг, распространения данных и обработки персональной информации. Российское законодательство предоставляет физическим лицам возможность заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица после прохождения процедуры государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Если же формой хозяйствования является крестьянское (фермерское) хозяйство, необходимо соблюдать специальные требования к порядку его образования и регистрации. Предпринимательство характеризуется самостоятельным ведением деятельности с регулярным извлечением прибыли на собственный риск – такое положение обязывает предпринимателя соблюдать честность по отношению к партнёрам по договору, обеспечивать надлежащее качество реализуемых товаров или оказываемых услуг, предоставлять корректную информацию потребителям и действовать в соответствии с установленными стандартами цифровой среды [1].

В онлайн-сфере защита прав преимущественно осуществляется с помощью гражданско-правовых средств. К таким мерам относятся:

принуждение к исполнению договорных обязательств, расторжение договоров, возврат уплаченных сумм, возмещение понесённых убытков, взыскание неустоек и процентов за пользование чужими денежными средствами. Если одна из сторон является потребителем, дополнительно действуют специальные гарантии, усиливающие ответственность коммерческих организаций – судебная практика предусматривает возможность компенсации морального вреда и наложения штрафа за отказ добровольно удовлетворить требования покупателя. Эти меры стимулируют предпринимателей оперативно реагировать на претензии клиентов и применять досудебное урегулирование споров как эффективный способ снижения рисков. Правоприменительная позиция по данному вопросу подробно изложена в разъяснениях Пленума ВС РФ по вопросам защиты прав потребителей. В них подчёркивается обязанность судей назначать предусмотренные законодательством санкции при установлении факта нарушения интересов покупателя [2].

Кроме частноправовых мер, в электронной коммерции действует и публично-правовая ответственность. В условиях цифровой экономики одно нарушение со стороны онлайн-бизнеса может одновременно квалифицироваться и как неисполнение договорных обязательств, и как несоблюдение нормативных требований – например, правил предоставления информации покупателю, стандартов дистанционной торговли или законодательства о персональных данных. Соответственно, предприниматель рискует столкнуться не только с предъявлением гражданского иска со стороны контрагента или клиента, но также с административным взысканием по результатам проверок надзорными органами или жалоб граждан.

Анализ судебной практики, касающейся вопросов ответственности в потребительских правоотношениях, показывает, что устранение нарушения после подачи иска не гарантирует освобождение предпринимателя от неблагоприятных правовых последствий. В частности, в определении Верховного Суда РФ от 28.07.2020 г. № 19-КГ20-6 [3] указано, что, если спор рассматривается судом и производство не прекращено из-за отказа истца от требований, штраф за невыполнение потребительских обязательств взыскивается независимо от исполнения этих обязательств на стадии судебного разбирательства. Это разъяснение особенно важно для электронных коммерческих площадок, где нередки случаи задержки возврата денежных средств покупателям, типичные формальные ответы на претензии без подробного анализа обстоятельств и недостаточно чётко регламентированные процедуры рассмотрения жалоб.

Кроме того, анализ позиций судов свидетельствует, что снижение установленных законом санкций возможно только при наличии обоснованных доводов и тщательной оценке соразмерности уменьшения ответственности последствиям нарушения. Так, в определении ВС РФ от 29.10.2013 г. № 8-КГ13-12 [4] подчёркивается недопустимость необоснованного сокращения суммы неустойки или штрафа – любое уменьшение должно сопровождаться конкретной аргументацией. Для компаний электронной торговли это означает высокий риск при выборе стратегии «автоматического» снижения санкций через суд вместо акцента на предотвращение нарушений и активное досудебное урегулирование споров с клиентами.

Особое внимание в вопросах ответственности в цифровой среде уделяется защите персональных данных. На практике суды рассматривают споры, когда пользователи требуют возмещения морального вреда вследствие утечки информации. При этом анализируется не только сам факт публикации данных, но и адекватность мер по их защите со стороны онлайн-сервисов. Характерным примером является дело Санкт-Петербургского горсуда № 33-8490/2023 [5], в рамках которого был отменён акт первой инстанции и частично удовлетворено требование о выплате сервисом доставки компенсации за моральный вред после утечки данных клиента. Такой судебный прецедент подтверждает реальную возможность привлечения компаний к гражданско-правовой ответственности перед пользователями за нарушение требований по безопасности персональных сведений. Эти обстоятельства подчёркивают, что недостаточное соблюдение информационной безопасности в интернете порождает не только регуляторные санкции, но и частноправовые претензии со стороны потребителей [6].

Анализ приведённой судебной практики позволяет выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются онлайн-предприниматели в сфере ответственности:

- 1) многие компании ведут диалог с клиентами формально и затягивают предоставление ответов на обращения – такой подход увеличивает риск возникновения судебных разбирательств и дополнительных денежных взысканий;
- 2) юридические механизмы возврата товаров, обмена и/или реагирования на жалобы часто плохо проработаны либо непрозрачны, особенно если бизнес использует посреднические платформы или работает через агрегаторов;
- 3) вопросы защиты персональной информации становятся всё более острыми – даже непреднамеренные нарушения могут повлечь административные процедуры или требования о компенсации, независимо от наличия злого умысла [7].

Для минимизации указанных рисков необходимо совершенствовать правовые механизмы управления ответственностью бизнеса.

Во-первых, онлайн-предпринимателям следует выстраивать прозрачные процедуры рассмотрения претензий с чётко установленными сроками их обработки. Важно обеспечивать не номинальный, а фактический отклик на обращения клиентов – практика досудебного урегулирования снижает вероятность применения штрафных санкций судебными органами.

Во-вторых, необходимо заранее разработать и опубликовать понятные для потребителей регламенты возврата и обмена товаров, а также чётко фиксировать все действия по обработке обращений клиентов и принятые решения. Это снижает вероятность споров относительно обоснованности претензий и сроков их исполнения.

В-третьих, требуется внедрение эффективной системы защиты персональных данных пользователей. Такая система должна включать сбор только необходимых сведений о клиентах, строгий контроль доступа к информации, применение современных средств информационной безопасности и подробно прописанный порядок реагирования на возможные инциденты. Судебная практика наглядно показывает, что при нару-

шениях в этой области компании могут быть привлечены к ответственности за причинение нематериального вреда.

В-четвёртых, при взаимодействии с маркетплейсами следует заранее определить распределение ролей между контрагентами, обеспечить информирование покупателей о правилах покупки и условиях возврата товара, а также сохранять подтверждающие исполнение обязательств документы. В судебных разбирательствах, наряду с анализом договора, учитывается поведение предпринимателя с позиции добросовестности и степень фактической защиты прав покупателя.

Таким образом, обеспечение правовой безопасности предпринимательской деятельности в интернет-пространстве базируется на сочетании норм частного права с механизмами публично-правового регулирования. Бизнес обязан неукоснительно исполнять договорные обязательства перед потребителями в электронной среде, поддерживать надлежащий стандарт качества реализуемых товаров или предоставляемых услуг, предоставлять исчерпывающую информацию клиенту и соблюдать требования законодательства, включая нормативы дистанционной торговли и регламенты обработки персональных данных граждан. Анализ судебных решений показывает, что промедление с ответом на требования клиента или попытки устранения нарушений только после подачи искового заявления не освобождают компанию от ответственности – снижение санкций возможно лишь при наличии веских мотивированных оснований. Следовательно, для повышения правовой устойчивости бизнеса в интернете необходимо выстроить эффективную систему рассмотрения обращений клиентов, соблюдать прозрачность процедур возврата и обмена товаров и услуг, документировать коммуникации с покупателем и обеспечить комплексную защиту персональной информации пользователей. Всё это способствует уменьшению числа конфликтов и снижению риска привлечения к гражданско-правовой либо административной ответственности.

Список литературы:

1. Шихбабаев Ф. Ф. Правовое регулирование предпринимательства в сети интернет // Скиф. 2020. № 6 (46). С. 367.
2. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/13977/> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2020 № 19-КГ20-6, № 2-388/19 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1903262 (дата обращения: 24.03.2026).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2013 № 8-КГ13-12 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 05.09.2023 по делу № 33-8490/2023 // Официальный сайт Санкт-Петербургского городского суда (sudrf.ru) [Электронный ресурс]. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?case_id (дата обращения: 24.03.2026).
6. Дати́ев А. О. Актуальные проблемы правового регулирования предпринимательства в сети Интернет // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3. С. 54.
7. Лебедев А. С. Проблемы правового регулирования трансграничной электронной торговли в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. С. 65.

References:

1. Shikhbabaev F. F. Legal regulation of entrepreneurship on the Internet // Skif. 2020. No. 6 (46). p. 367.
2. On the consideration by courts of civil cases on consumer rights protection disputes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2012 No. 17 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/13977/> (date of access: 03/24/2026).
3. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/28/2020 No. 19-KG20-6, no. 2-388/19 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1903262 (date of appeal: 03/24/2026).
4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10/29/2013 No. 8-KG13-12 // Official Internet portal of legal Information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 03/24/2026).
5. The appellate ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the St. Petersburg City Court dated 05.09.2023 in case No. 33-8490/2023 // The official website of the St. Petersburg City Court (sudrf.ru) [Electronic resource]. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?case_id (date of reference: 03/24/2026).
6. Datiev A. O. Actual problems of legal regulation of entrepreneurship on the Internet // Russian jurisprudence. 2018. No. 3. P. 54.
7. Lebedev A. S. Problems of legal regulation of cross-border electronic commerce in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2020. P. 65.

СДЕЛКИ ПО ПЕРЕМЕНЕ ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ: СООТНОШЕНИЕ ПРАВОМОЧИЙ TRANSACTIONS TO CHANGE PARTY RESPONSIBILITIES: RATIO OF POWERS

КИВЛЕНОК Татьяна Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: ta-bagi@mail.ru

KIVLENOK Tatyana Valentinovna

Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: ta-bagi@mail.ru

Краткая аннотация: Возможность перемены субъектов обязательственных правоотношений становится одним из важнейших элементов в развитии предпринимательских отношений в стране. Статья посвящена анализу проблемы перемены лиц в обязательстве, осуществляемой в форме уступки права требования и в форме перевода долга. На основании проведенного исследования автором предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования перемены лиц в обязательственных правоотношениях.

Abstract: The ability to change the parties to contractual relationships is becoming a key element in the development of entrepreneurial relations in the country. This article analyzes the problem of changing parties to a contractual relationship, whether through the assignment of a claim or the transfer of debt. Based on this research, the author offers recommendations for improving the legal regulation of changing parties to contractual relationships.

Ключевые слова: перемена лиц в обязательстве, уступка требования, перевод долга, правоприменительная практика.
Keywords: change of parties to an obligation, assignment of a claim, transfer of debt, law enforcement practice.

Для цитирования: Кивленок Т.В. Сделки по перемене лиц в обязательстве: соотношение правомочий // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_321.

For citation: Kivlenok T.V. Transactions on the change of persons in an obligation: the ratio of powers // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 321-323. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_321.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026

Сделки по перемене лиц в обязательстве достаточно широко распространены в коммерческом сообществе. Однако из-за отсутствия четкой и детально разработанной теоретической основы перехода обязательственных прав в порядке сингулярного правопреемства, суды при вынесении решения ссылаются на неконкретные нормы права, которым заключенный договор уступки права требования не соответствует.

Подчеркивая актуальность рассматриваемой проблемы, стоит упомянуть итоговое совещание судей в Московском городском суде, состоявшееся 05 февраля 2020 года [7]. На совещании был приведен пример участвовавших случаев противоправного использования механизмов уступки права требования в сфере страховых отношений, в частности, отмечен рост количества организаций и физических лиц, деятельность которых связана со скупкой чужих долгов. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что договоры цессии используются в целях злоупотребления правом, а не в целях достижения защиты интересов потерпевших при наступлении страхового случая.

Кроме того, несмотря на вносимые изменения в нормы, регламентирующие действие уступки прав требования, пробелы в законодательстве продолжают существовать, многие спорные вопросы в правоприменительной практике и в научной литературе остались неразрешенными.

С каждым разом интерес хозяйствующих субъектов к таким сделкам постоянно возрастает. В связи с этим возможность перемены субъектов обязательственных правоотношений становится одним из важнейших их элементов.

Перемена лиц в обязательстве может происходить путем:

- 1) перехода права к другому лицу на основании сделки или закона (уступка права требования (цессия);
- 2) перевода долга с должника на другое лицо как по соглашению между должниками (первоначальным и новым), так и в силу закона;

Общим для указанных способов перемены лиц в обязательствах является замена одной из сторон конкретного обязательства (или должника или кредитора), при этом обязательство не теряет своего первоначального содержания.

Сущность цессии заключается в передаче первоначальным кредитором принадлежащего ему права требования к должнику новому кредитору. Обычно договоры цессии используются в ситуациях, когда необходим в качестве результата факт перехода прав. Цессия на основании сделки применяется гораздо чаще, нежели цессия на основании закона.

Для цессии на основании закона характерно универсальное правопреемство, которое предполагает переход всех прав и обязанностей в целом новому участнику правоотношений [6]. В результате правопреемник занимает место правопреемника во всех правах, за исключением тех, по которым законом правопреемство недопустимо (например, авторское право). Универсальное правопреемство встречается в случаях

принятия наследства (ст. 1110, 1112 ГК), а также при осуществлении реорганизации юридического лица любой организационно-правовой формы (ст. 58 ГК РФ) [1].

Термин «суброгация» закреплен в двух статьях Гражданского кодекса РФ (ст. ст. 387 и 956 ГК РФ) и в обоих случаях он связан со страхованием и предполагает передачу страховщику права требования с должника, несущего ответственность по страховому случаю, денежной компенсации [2].

Рассматриваемые институты обуславливают переход прав кредитора, в связи с чем, прийти к выводу о наличии у них схожих черт. Но несмотря на это институт цессии и институт суброгации представляют собой уникальные конструкции, обладающие рядом присущих только им характерных признаков, отличающих их друг от друга.

Суброгация представляет собой фактическую перемену кредитора (переход права кредитора к другому лицу) в существующем обязательстве, возникшем на основании причинения вреда страхователю (застрахованному лицу) [4].

Самым важным отличием является между ними является основание возникновения. Юридическая наука и практика исходят из того, что в основе цессии лежит либо односторонняя, либо двусторонняя сделка. В тоже время в качестве основания суброгации признается закон и предусмотренные им обстоятельства. Но понимать закон следует только как формальное основание в связи с тем, что содержащиеся в нем правовые нормы являются общими началами гражданских правоотношений, а не юридическими фактами, порождающими их.

Главным отличием института цессии от института суброгации можно назвать характер возможных интересов лиц, которые вступают в соответствующее обязательство: цессия отличается тем, что интерес цессионария направлен на приобретение права, принадлежащего cedentu, а при суброгации - на выведение должников из обязательства, при чем приобретение права - способ, к которому прибег его приобретатель.

Таким образом, суброгация действительно напоминает цессию, но делать вывод о том, что суброгация- частный случай цессии ошибочно. Между этими двумя институтами хоть и существует сходство, но оно сводится только к внешним признакам. Детальное же сравнение этих явлений позволяет обозначить отличия одного от другого достаточно четко.

В качестве еще одного способа перемены лиц в обязательстве в рамках сравнения с институтом цессии можно выделить перевод долга, предполагающий замену одного должника в обязательстве другим.

Сравнивая перевод долга с уступкой права требования (цессией), нельзя с полной уверенностью говорить о том, что они представляют собой одинаковые институты. Это такие же две разные и самостоятельные конструкции, которым характерны свои отличительные черты. Например, в случае задержки кредитором перевода долга, у нового должника возникает право сослаться на это обстоятельство и увеличить срок исполнения своего обязательства.

Принципиальной особенностью перевода долга, отличающей его от цессии, является то, что при переводе долга изменению подвергается не первоначальный кредитор, а личность должника. Поскольку должник может оказаться неплатежеспособным, что может подорвать интересы кредитора, то возникает предусмотренная законодательством обязанность должника получения во всех случаях получить согласие кредитора (п.2 ст.391 ГК РФ). Однако, в этой статье не говорится ничего о том, какая форма должна быть соблюдена кредитором для выражения своего согласия на перевод долга (полагаем, что оно должно быть дано в письменной форме).

Уступка права требования отличается от перевода долга тем, что наличие согласия должника в случае переуступки прав не играет существенной роли, кроме тех случаев, которые прямо предусмотрены договором или законом (п. 2 ст. 382 ГК РФ) [5].

Однако, как и в случае уступки права требования, законодательство не предусматривает ответа на вопрос о допустимости или недопустимости перевода долга [3]. Но, учитывая факт необходимости получения согласия кредитора для осуществления перевода долга, можно сделать вывод о возможности заключения договора перевода долга практически по любым обязательствам, предусмотренным законодательством. В таком случае кредитором самостоятельно решается вопрос о допустимости перевода конкретного долга. При этом кредитор учитывает и возможность ухудшения в результате такого перехода его правового положения.

Особое внимание стоит также обратить на такой способ перемены лиц в обязательстве как передача договора.

Характерной чертой передачи договора является то, что лицо - сторона в конкретном правоотношении заменяется, что сопровождается передачей его прав и обязанностей другому лицу. При этом, это лицо продолжает быть стороной договора. В связи с этим, в действительности понятие «передача договора» не предполагает его передачу ни в буквальном, ни в переносном смысле. Это всего лишь замена какого-либо лица в конкретном обязательстве.

На основании вышеизложенного, можно предположить, что передача договора представляет собой соглашение об изменении имеющегося договора, которым не затрагиваются основные положения договора, в частности: права и обязанности сторон, а также сами стороны договора. Подобное соглашение направлено исключительно на изменение лица на какой-либо из сторон договора.

Таким образом, уступка права требования обладает общими чертами практически со всеми другими способами перемены лиц в обязательстве. Для сравнения принципиальных сходств и различий уступки права требований и других способов перемены лиц в обязательстве были выбраны как наиболее подходящие: переход права на основании закона в результате суброгации и перевод долга.

В результате сравнения указанных способов перемены лиц в обязательстве, возник вывод о том, что это совершенно разные конструкции, которые не являются частью или дополнением цессии. В связи с тем, что существующие изъяны в судебной практике при разрешении споров, связанных с переменой лиц в обязательстве, явились следствием недостаточной регламентации институтов цессии и перевода долга, отмечена необходимость проведения глубокого анализа соответствующих положений Гражданского кодекса РФ при неразрывной связи с про-

цессами их реализации на практике.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (часть первая) Российская газета. - 8.12. 1994. - N 238-239.
2. Виноградов В.В. Применение договора цессии и соглашения о поручительстве без явно выраженного встречного предоставления в коммерческих отношениях // Право и экономика. 2026. N 3. С. 79 - 82.
3. Гаркуша А.А. Некоторые актуальные вопросы перевода долга как формы правопреемства// Проблемы защиты прав: история и современность. -2019.- С. 219.
4. Лев Ю.М. Суброгация: проблемы применения// Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты. -2018.- С. 134.
5. Мыцикова М.А. Перевод долга: российский подход в контексте европейского опыта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. N 4. С. 52 - 87.
6. Семякин М.Н. Юридическая конструкция цессии в российском гражданском праве: теоретический и практический аспекты исследования//Актуальные проблемы частного права. -2019.- С. 115.
7. Сообщение пресс-службы Московского городского суда от 05.02. 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-mirovyh-sudej-sudej-rajonnyh-sudov-moskovskogo-gorodskogo-suda-v-2019-godu> (дата обращения: 25.03.2026).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (Part One) Rossiyskaya Gazeta. - December 8, 1994. - No. 238-239.
2. Vinogradov, V.V. Application of an Assignment Agreement and a Surety Agreement Without Express Consideration in Commercial Relations // Law and Economics. 2026. No. 3. P. 79-82.
3. Garkusha, A.A. Some Current Issues of Debt Transfer as a Form of Legal Succession// Problems of Rights Protection: History and Modernity. -2019.- P. 219.
4. Lev, Yu.M. Subrogation: Application Issues// Effectiveness of Legal Regulation at the Current Stage: Theoretical, Historical and Sectoral Aspects. - 2018. - P. 134.
5. Mytsikova M.A. Transfer of Debt: Russian Approach in the Context of European Experience // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. N 4. pp. 52-87.
6. Semyakin M.N. Legal Construction of Assignment in Russian Civil Law: Theoretical and Practical Aspects of the Research// Current Issues of Private Law. - 2019. - P. 115.
7. Report of the Press Service of the Moscow City Court dated 05.02. 2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-mirovyh-sudej-sudej-rajonnyh-sudov-moskovskogo-gorodskogo-suda-v-2019-godu> (date of access: 25.03.2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_324

УДК 340.1

ПОМОЩНИК СУДЬИ И ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ АРБИТРАЖНЫХ ДЕЛ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ AN ASSISTANT JUDGE AND HIS ROLE IN PREPARING ARBITRATION CASES FOR TRIAL

КРАЙНОВА Екатерина Романовна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

ЗАЙЦЕВА Василиса Сергеевна,

магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
E-mail: vaselisa.zaitsewa@yandex.ru

KRAYNOVA Ekaterina Romanovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law),
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

ZAITSEVA Vasilisa Sergeevna,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: vaselisa.zaitsewa@yandex.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье рассматривается правовой статус помощника судьи в арбитражном судопроизводстве, анализируется его роль в подготовке дел к судебному разбирательству, обозначаются некоторые недостатки в правовом регулировании, а также перспективы развития института помощника судьи в арбитражном процессе на современном этапе.

Abstract: This article examines the legal status of an assistant judge in arbitration proceedings, analyzes his role in preparing cases for trial, identifies some shortcomings in legal regulation, as well as the prospects for the development of the institution of an assistant judge in the arbitration process at the present stage.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, судья, арбитражный процесс, судебное разбирательство, помощник судьи, статус помощника, роль помощника, полномочия, правосудие, судебная власть.

Keywords: arbitration proceedings, judge, arbitration process, judicial proceedings, assistant judge, status of assistant, role of assistant, powers, justice, judicial authority.

Для цитирования: Крайнова Е.Р., Зайцева В.С. Помощник судьи и его роль в подготовке арбитражных дел к судебному разбирательству // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_324.

For citation: Krainova E.R., Zaitseva V.S. Assistant judge and his role in preparing arbitration cases for trial // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 324-327. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_324.

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026

Процесс преобразования судебной системы в России, развернувшийся на протяжении двух десятилетий, оказал влияние на несколько взаимосвязанных плоскостей. Изменения коснулись не только нормативно-правовой базы и организационной архитектуры судебной власти, но и кадрового состава судейского корпуса. Формирование и развитие судебного аппарата, отражающее исторические перемены в государстве и обществе, прослеживается с глубокой древности вплоть до нашего времени [1, С. 37-40].

Безусловно, результативность отправления правосудия обусловлена не одним лишь судейским составом. Её фундамент закладывается в грамотном построении самого судопроизводства, где особую роль играет четкое разграничение полномочий между судьей и сотрудниками судебного аппарата. Данный тезис находит свое подтверждение в материалах доклада Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) от 4 октября 2018 года [3, С. 168]. В документе, анализирующем базовые векторы развития судебных институтов в 45 государствах, прямо констатируется: присутствие в судебном аппарате высококвалифицированных специалистов, реализующих конкретные управленческие и вспомогательные функции, позитивно сказывается на общем уровне качества отправления правосудия.

Современная судебная система Российской Федерации функционирует в условиях ежегодного роста нагрузки на арбитражные суды. Вполне очевидно, что постоянное увеличение численности судейского корпуса не является решением проблемы и вряд ли возможно. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов находятся в процессе своего развития, поэтому рассчитывать на них можно лишь в долгосрочной перспективе.

В связи с этим привлечение судьями к помощи квалифицированных помощников, которые способны обеспечить надлежащую подготовку к судебному разбирательству, обретают особую актуальность.

И.Т. Агумова отмечает: «В античном мире, как показывает пример Рима, судебная система уже включала коллегии судей и магистратов, которым сопутствовал вспомогательный штат: писцы, секретари, курьеры и иные служители обеспечивали её деятельность» [1, С. 5].

Институт помощника судьи представляет собой неотъемлемый элемент современного судопроизводства. Его ключевая функция заключается в организационной и аналитической подготовке материалов к судебному заседанию.

Как отмечает В.И. Ткачев: «Институт помощника судьи начинает свое развитие еще во времена правления Екатерины II в 1775 году. Благодаря, проводимой ею, судебной реформе судебная деятельность получила обрамление в более привычном для нас виде. После реформы была проведена работа по формированию единого документооборота, делопроизводства и организации судебного процесса» [4, С. 314].

Возникновение данной должности было обусловлено комплексом факторов. Прежде всего, это обретение судебной властью подлинной автономии и независимости. Параллельно с этим происходило усложнение нормативно-правового массива и всей юридической практики, что стало прямым следствием трансформации общественных отношений. Таким образом, фигура помощника судьи сформировалась как ответ на объективные потребности правосудия в условиях его институционального обособления и растущей процессуальной сложности.

Сегодняшняя повестка не включает в себя реорганизацию судебной системы. Однако распределение нагрузки можно скорректировать, расширив полномочия работников аппарата. Наиболее подходящими для этой задачи, исходя из их компетенций и должностных обязанностей, представляются помощники судей.

Анализ зарубежной практики демонстрирует, что грамотное распределение полномочий между судьями и судебными служащими способно высвободить судей от значительного объема вспомогательной работы. Это достигается либо путем полного делегирования технических процедур, либо через разделение юрисдикции по гражданским делам. В результате судебский корпус получает возможность сосредоточиться на разрешении принципиальных правовых вопросов, что напрямую ведет к снижению их профессиональной перегрузки.

На сегодняшний день штат арбитражных судов по позиции помощников судей укомплектован практически в полном объеме. За каждым арбитражным судьей закреплён персональный помощник. Всего несколько лет назад на одного помощника приходилось два или более арбитражных судьи. В тот период отдельные судьи отмечали, что далеко не все их коллеги готовы к полноценному использованию помощника. Причиной служили сомнения в достаточной компетентности последних для самостоятельной работы.

Многие судьи считали, что проще выполнить задание самостоятельно, чем тратить время на обучение, последующую проверку и постоянный контроль за действиями помощника. Нередко судьи привлекали своих помощников лишь к выполнению сугубо технических операций. Фактически, эти сотрудники брали на себя обязанности узкопрофильных специалистов. Подобная практика демонстрировала свою полную неэффективность. Тем не менее, учитывая весьма строгие критерии отбора для этой позиции, помощник судьи со временем обретает статус полноценного и независимого участника судопроизводства.

Правовое положение помощника судьи в рамках арбитражного судопроизводства закреплено ст. 58 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [5]. Согласно данной норме, в обязанности помощника входит содействие судье по вопросам организации процесса и подготовки судебного заседания; он также вовлечен в разработку проектов процессуальных документов.

Помимо арбитражного процессуального законодательства, правовой статус помощника судьи регулируется таким нормативными правовыми актами, как: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [6], Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7], Регламент арбитражных судов, должностные регламенты конкретных судов.

При этом хотелось бы акцентировать внимание на том, что законодатель устанавливает принципиальные ограничения в полномочиях помощника судьи, а именно, он не наделен правом совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон арбитражного судопроизводства.

Подготовка дела к судебному разбирательству представляет собой самостоятельную и обязательную стадию арбитражного процесса, урегулированную главой 14 АПК РФ. Именно на данной стадии помощник судьи выполняет наиболее значимый объем работы.

Согласно ч. 2 ст. 58 АПК РФ помощник судьи по поручению председательствующего ведет протокол судебного заседания, обеспечивает контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверяет явку в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, совершает иные процессуальные действия в случаях и порядке, которые предусмотрены действующим законодательством.

Организационно-техническая деятельность помощника судьи включает формирование судебного дела, проверку поступивших документов на соответствие формальным требованиям, подготовку и направление судебных извещений, а также ведение протокола предварительного судебного заседания и организацию аудиопотоколирования. Эти функции, несмотря на их технический характер, имеют существенное процессуальное значение, поскольку ненадлежащее их исполнение может повлечь нарушение прав участников процесса и стать основанием для отмены судебного акта.

Хотелось бы отметить, что правовое регулирование института помощника судьи на сегодняшний день обладает рядом недостатков и, в первую очередь, характеризуется отсутствием исчерпывающего перечня процессуальных действий, который вправе совершать помощник судьи, что создает неопределенность закрепления его полномочий.

Механизм функционирования института помощника судьи включает альтернативные трактовки полномочий и недостаточный контроль, приводящие часто к выходу помощников за пределы полномочий и процессуальным нарушениям. Кроме того, наблюдается высокая текучесть кадров среди помощников судей, связанная с низким уровнем оплаты труда, что снижает качество подготовки дел к разбирательству.

В рамках совершенствования правового статуса помощника судьи предлагаем расширение процессуальных полномочий помощника судьи; нормативное закрепление полномочий помощника судьи. Так, считаем необходимым законодательное возложение на помощника судьи

функции проверки уведомления сторон о времени и месте судебного заседания.

Кроме того, предлагаем включить в должностной регламент помощника судьи нормативное закрепление за помощником судьи полномочий по отбору и систематизации судебной практики по категориям дел. В рамках данного закрепления функция подбора и систематизации должна реализовываться по этапам отбора материалов судебной практики, тематической классификации и ведения систематизированных реестров.

Представляется необходимым закрепление за помощником судьи обязанности по проверке правильности формирования и подшивки материалов дела перед передачей на ознакомление участникам процесса. В рамках данной обязанности предусматриваются этапы проверки комплектности, сопоставления инвентарных надписей и оформления томов, а также протоколирования выявленных недостатков.

Закрепление в отдельной статье АПК РФ полномочий помощника судьи по подготовке проектов судебных актов также представляется целесообразным: функция фактически выполняется помощниками судей повсеместно; отсутствие надлежащего процессуального оформления влечет правовую неопределенность относительно допустимости и пределов подготовки проектов. Законодательное закрепление с установлением четких требований к порядку реализации и ответственности за качество подготовленных проектов предполагает поэтапное регулирование: определение объема полномочий, регламента подготовки и стандартов качества. Результатом станет уменьшение правовой неопределенности относительно допустимости и пределов указанной функции.

Наделение помощника судьи персональной усиленной квалифицированной электронной подписью предлагается ввести как отдельную правовую меру. В настоящее время процессуально значимые действия в системах электронного документооборота осуществляются с использованием подписи судьи в технических целях. Подобная практика создает смешение ответственности и операционные риски. Введение персональной подписи предусматривает организацию технических и процедурных условий: регистрация подписи, определение круга процессуальных действий, интеграция с системой «Мой Арбитр» и установление мер ответственности; наличие персональной подписи обеспечит персонификацию ответственности помощника за совершаемые им процессуальные действия в электронной среде.

Предоставление помощнику судьи самостоятельного полномочия по направлению запросов в государственные органы, органы местного самоуправления, организации и иным лицам в целях получения сведений и документов, необходимых для рассмотрения дела, также обосновано: при наличии необходимости оперативного сбора доказательственной информации механизм предусматривает закрепление полномочия в АПК РФ и соответствующих регламентах; установление процедур согласования и контроля за направляемыми запросами; определение процессуальных сроков и ответственности за исполнение. Указанное нововведение ускорит сбор доказательственной базы, а также снизит процессуальную нагрузку на судью.

Реализация предложенных изменений потребует внесения поправок в ст. 58 АПК РФ, регламентирующие статус помощника судьи; в Инструкцию по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации; в типовые должностные регламенты помощников судей.

Перспективы развития института помощника судьи обусловлено, на наш взгляд, в первую очередь, уточнением законодательного закрепления процессуального статуса указанного субъекта арбитражного судопроизводства и исчерпывающим перечнем полномочий, что обеспечивает правовую определенность. Также перспективным представляется внедрение систем электронного правосудия, реализующим автоматизацию рутинных операций и перераспределение функций среди сотрудников аппарата судов, оцифровка документов, автоматизированная обработка типовых процедур, высвобождение трудовых ресурсов помощника для аналитической работы; расширением процессуальных полномочий при сохранении судебного контроля и внедрении процедур мониторинга. Как следствием будет выступать снижение нагрузки на судей за счет перераспределения задач и сокращения ручной обработки материалов.

Подводя итог, отметим, что институт помощника судьи арбитражного суда занимает в подготовке дел к судебному разбирательству промежуточное, но существенное место. При разделении труда и профессиональной специализации судопроизводства деятельность института охватывает организационную, аналитическую и правотворческую составляющие: организационная составляющая включает координацию документооборота и обеспечение процессуальной готовности; аналитическая – подготовку процессуальных материалов и правовой анализ; правотворческая – формирование проектных решений и выработку методологических позиций.

Совершенствование правового регулирования института помощника судьи в арбитражном судопроизводстве должно быть направлено на повышение привлекательности соответствующих должностей; развитие цифровых инструментов судопроизводства, которые приведут к оптимизации подготовки материалов к судебному рассмотрению, сокращению сроков рассмотрения споров и повышению качества выносимых процессуальных решений.

Список литературы:

1. Агумова И. Т. История становления и развитие судебной системы России с древнейших времён / И. Т. Агумова, Е. А. Аполский // Студенческий вестник. – 2023. – № 44-4(283). – С. 5-7.
2. Крайнова Е. Р. История развития института аппарата суда / Е. Р. Крайнова, О. А. Шушкина // Актуальные проблемы отраслевой юридической науки: Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций, Владимир, 30 апреля – 07 2025 года. – Владимир: Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2025. – С. 37-40.
3. Текеева Л.А. Становление и развитие института помощника судьи в системе российского правосудия / Л.А. Текеева, М.К. Батчаева, Т.К. Гедиева // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – №186. – С. 168-172.
4. Ткачев В. И. Понятие правового статуса помощника судей и подходы к его определению / В. И. Ткачев // Молодой ученый. – 2025. – № 15 (566). – С. 314-316.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3012.
6. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №18, ст. 1589.

7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

References:

1. Agumava I. T. The history of the formation and development of the judicial system of Russia since ancient times / I. T. Agumava, E. A. Apolsky // Student Bulletin. – 2023. – № 44-4(283). – Pp. 5-7.
2. Kraynova E. R. The history of the development of the Institute of the court apparatus / E. R. Kraynova, O. A. Shushkina // Actual problems of branch legal science: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conferences, Vladimir, April 30 – 07, 2025. Vladimir: Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, 2025, pp. 37-40.
3. Tekeeva L.A. Formation and development of the institution of an assistant judge in the Russian justice system / L.A. Tekeeva, M.K. Batchaeva, T.K. Gedieva // Ethnosocium and interethnic culture. – 2023. – No. 186. – pp. 168-172.
4. Tkachev V. I. The concept of the legal status of assistant judges and approaches to its definition / V. I. Tkachev // Young Scientist. – 2025. – № 15 (566). – Pp. 314-316.
5. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation : [Feder. Law No. 95-FZ of July 24, 2002 : adopted by the State Duma on June 14, 2002: approved by the Federation Council on July 10, 2002] // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. – No. 30, art. 3012.
6. On arbitration courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of April 28, 1995 No. 1-FKZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 18, article 1589.
7. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31, article 3215.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_328

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ С ОСУЖДЕННЫМИ — УЧАСТНИКАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ORGANIZATION AND CONDUCT OF SOCIAL WORK IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS WITH CONDEMNED PARTICIPANTS IN BATTLE OPERATIONS

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации

Академии ФСИН России.

г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

КРАПЧАТОВА Ксения Валерьевна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета

ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИН России»

г. Владимир, Б. Нижегородская 67Е.

E-mail: krapchatova93@bk.ru

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation

of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

KRAPCHATOVA Kseniya Valerevna

senior lecturer of the Department of Civil Law Disciplines Faculty of Law

Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia».

Vladimir, B. Nizhegorodskaya Street 67E.

E-mail: krapchatova93@bk.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме поиска дополнительных ресурсов в условиях активизации деятельности субъектов комплексной работы с осужденными. В современной пенитенциарной практике исправление осужденных перестает быть исключительной прерогативой уголовно-исполнительной системы, трансформируясь в межведомственную и межсекторальную задачу. Авторами рассматривается необходимость пересмотра традиционных подходов к ресурсному обеспечению исправительного процесса. Особое внимание уделяется классификации задействованных субъектов: представителей государственных структур (социальные работники, психологи, сотрудники ФСИН), институтов гражданского общества (общественные наблюдательные комиссии, НКО) и религиозных организаций. В статье анализируются направления интенсификации их деятельности, а также возникающие при этом организационно-правовые и материально-технические противоречия. В работе предлагается авторское видение ресурсной базы комплексной исправительной деятельности, включающее не только материально-финансовые, но и кадровые, информационно-методические и социально-психологические резервы. Делается вывод о том, что эффективность рассматриваемого процесса напрямую коррелирует со способностью субъектов консолидировать усилия и внедрять инновационные формы взаимодействия. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов статьи для совершенствования программ ресоциализации осужденных и оптимизации межведомственного взаимодействия.

Abstract: The article is devoted to the urgent problem of finding additional resources in the context of intensified activities of the subjects of integrated work with convicts. In modern penitentiary practice, the correction of convicts is no longer an exclusive prerogative of the penal system, but has transformed into an interdepartmental and intersectoral task. The authors consider the need to revise traditional approaches to resource provision for the correctional process. Special attention is paid to the classification of the involved subjects: representatives of state agencies (social workers, psychologists, and employees of the Federal Penitentiary Service), civil society institutions (public oversight commissions, NGOs), and religious organizations. The article analyzes the directions of intensifying their activities, as well as the organizational, legal, and material-technical contradictions that arise in this process. The author proposes a unique vision of the resource base for comprehensive correctional activities, which includes not only material and financial resources, but also human, informational, methodological, and socio-psychological reserves. The article concludes that the effectiveness of this process is directly related to the ability of the participants to consolidate their efforts and implement innovative forms of cooperation. The practical significance of the study lies in the possibility of using the article's findings to improve the resocialization programs for convicts and optimize interdepartmental cooperation.

Ключевые слова: гражданское законодательство, пенитенциарная социальная работа, участники боевых действий, ПТСР, ресоциализация, исправительные учреждения, посттравматический стресс, социальная адаптация осужденных.

Keywords: civil law, penitentiary social work, combatants, PTSD, resocialization, correctional facilities, post-traumatic stress, and social adaptation of convicts.

Для цитирования: Ананьев О.Г., Кrapчатова К.В. Организация и проведение социальной работы в исправительных учреждениях с осужденными — участниками боевых действий // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_328.

For citation: Ananyev O.G., Krapchatova K.V. Organization and conduct of social work in correctional institutions with convicted combatants // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 328-330. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_328.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Введение. Пенитенциарная система любого государства сталкивается с необходимостью дифференциации подхода к различным категориям осужденных. Одной из наиболее специфичных и сложных в социально-психологическом плане категорий являются осужденные — участники боевых действий (ветераны локальных войн, вооруженных конфликтов, участники контртеррористических операций).

Попадая в места лишения свободы, эта категория граждан приносит с собой не только уголовное прошлое, но и тяжелый боевой опыт. Социальная работа с ними выходит за рамки стандартного исправительного процесса, требуя интеграции пенитенциарной педагогики, клинической психологии и травмотерапии.

Цель данной статьи — раскрыть специфику, принципы и практические методы организации социальной работы с осужденными-

комбатантами.

Методами исследования выступили формально-юридический анализ норм УИК РФ, ГПК РФ и изучение правоприменительной практики.

Прежде чем выстраивать систему помощи, необходимо понимать, с кем именно предстоит работать специалистам. Участие в боевых действиях накладывает неизгладимый отпечаток на личность, формируя так называемый «синдром участника боевых действий» (в современной классификации — последствия боевой психической травмы и ПТСР).

Специфические черты такой личности в обязательном порядке будут включать в себя такие особенности как:

- высокий уровень тревожности и гипербдительность. Находясь в состоянии постоянной «боевой готовности» в прошлом, осужденный бессознательно сканирует обстановку в колонии как поле боя.
- сложности с эмоциональной регуляцией. Эмоциональная «тупость» (защитный механизм) чередуется с внезапными вспышками агрессии.
- деформация ценностно-смысловой сферы. Смещение понятий о жизни и смерти, упрощенное решение конфликтов силовым методом.
- чувство вины выжившего (часто обостряется в условиях изоляции, когда человек остается наедине с воспоминаниями).

Социальные проблемы данной категории граждан, которые, к тому же, попали в учреждения уголовно-исполнительной системы будут характеризоваться следующими событиями. Во-первых, это утрата социальных связей (до осуждения многие уже имели проблемы в семье из-за ПТСР). Во-вторых, может иметь место зависимость от психоактивных веществ, как способ «заглушить» боль воспоминаний. В-третьих, как правило, возникает конфликт идентичности, то есть с одной стороны, статус «защитника» (героя), с другой — статус «преступника». Это приводит к необходимости дополнительного внимания со стороны соответствующих структур учреждений к организации и проведению социальной работы с данной категорией лиц.

Социальная работа в исправительных учреждениях (ИУ) регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом, ведомственными приказами ФСИН. Однако в отношении ветеранов боевых действий применяются дополнительные гарантии и подходы, основанные на ФЗ «О ветеранах». [1, с.152]

Основные задачи социального работника в ИУ по работе с данной категорией:

1. Диагностическая: выявление лиц с боевым опытом (не всегда афишируется) и оценка степени посттравматических стрессовых нарушений.
2. Координационная: обеспечение взаимодействия между психологом, медицинской частью, начальниками отрядов и самим осужденным.
3. Правозащитная: помощь в реализации прав на льготы, пенсии, медицинское обслуживание (несмотря на изоляцию). [2]

Работа должна быть поэтапной, непрерывной и учитывать динамику отбывания наказания. Первичный прием и адаптация («Карантин») в обязательном порядке должны выполнить ключевую задачу — снятие первичного стресса и недопущение дезадаптации. Целесообразно привлекать к беседам осужденных из числа ветеранов, уже прошедших период адаптации и имеющих положительную характеристику. Это снижает уровень недоверия к администрации. Социальная диагностика должна включать в себя также сбор информации о боевом пути, наградах, состоянии здоровья. Важно установить, нуждается ли человек в срочной психологической или наркологической помощи. [3, с.135]

Основной период отбывания наказания для такой категории осужденных, в основном, длительные сроки лишения свободы. Исходя из имеющейся статистики за последние несколько лет около 200 участников СВО были осуждены за насильственные преступления. 49 дел по ст.105 УК РФ, 143 человека привлекались за причинение вреда здоровью разной степени тяжести. К таким видам преступлений по данным гарнизонных судов прибавляются оборот наркотиков, кражи, мошенничество при получении выплат, вождение в нетрезвом виде и др. [4]

Следовательно, в течение самого длительного этапа, на котором строится исправление и ресоциализация стоит обращать внимание на коррекционную работу. Поскольку обычные педагогические беседы часто неэффективны из-за их психологической защиты, акцент смещается на глубинные методы. К ним можно отнести травма-фокусированную терапию, которая проводится психологом учреждения. В условиях колонии это может быть групповая терапия, но для комбатантов предпочтительнее индивидуальные форматы до момента стабилизации состояния. Арт-терапия и телесно-ориентированные практики позволяют сублимировать агрессию и напряжение, минуя вербальные барьеры.

Социальный работник выступает модератором микросреды. В ситуации со специфическими категориями лиц стоит обратить внимание на создание отрядов или ячеек, где осужденные-ветераны могут общаться друг с другом. Среда, где их понимают без слов, снижает конфликтность. Важно направлять эту общность в позитивное русло (например, шефство над слабыми осужденными, участие в ветеранских мероприятиях внутри колонии).

Подбор видов труда, не провоцирующих психоз (например, исключение работы, связанной с имитацией боевых действий, использованием оружия (если это возможно в производственной зоне), или работы в ночные смены, усиливающие тревогу). [5]

Работа на финальном этапе должна быть направлена на предотвращение рецидива, связанного с неспособностью жить в «гражданском мире».

Социальный работник помогает восстановить связь с ветеранскими организациями по месту будущего жительства. Важно, чтобы на свободе бывшего осужденного встретила не только семья (которая его часто отвергает), но и сообщество.

Многие осужденные – участники боевых действий не имеют гражданских профессий. В связи с этим им необходимо содействие в получении образования или переобучении (например, на оператора БПЛА, охранника, но здесь нужна осторожность, чтобы не возвращать человека в милитаризованную среду).

Несмотря на гражданско-правовое обеспечение в помощи по адаптации данной категории граждан к условиям мирного существования и соблюдении их гражданских прав, осужденные — участники боевых действий входят в «группу риска» суицидального поведения. Наличие боевого опыта снижает страх смерти, а чувство вины и изоляция делают суицид «логичным» выходом.

В этом случае алгоритм действий социального работника должен содержать обязательный мониторинг триггеров: Дни воинской славы, годовщины событий, получение писем от родных (особенно с отказом) могут стать пусковым механизмом. [6, с.446] В эти периоды усиливается наблюдение. Обучение персонала навыкам кризисной коммуникации (не оставлять одного, говорить на равных, признавать его заслуги, но отделить их от текущей ситуации) также должно входить в обязательное обучение общению и работе с такими гражданами.

Работа с травмой войны требует высокой квалификации и от самих сотрудников ФСИН и социальных работников. Наблюдается эффект «вторичной травматизации», когда персонал перенимает цинизм и агрессивные паттерны поведения таких осужденных.

В подобных случаях необходимо соблюдать определенные правила, установленные ведомственными нормативно-правовыми актами, а именно четкое разделение функций: социальный работник не должен подменять психолога, его задача — социально-правовая и организационная помощь.

Таким образом, организация социальной работы с осужденными — участниками боевых действий — это не просто исполнение регламента, а тонкая настройка всей системы ИУ под нужды особой категории людей, прошедших через экстремальный опыт. Успех ресоциализации напрямую зависит от того, удастся ли специалистам помочь ветерану трансформировать его боевой опыт из деструктивного (агрессия, вина) в конструктивный (дисциплина, способность защитить, ответственность).

Главная задача — не сломать «солдата» в нем, а помочь найти ему новое, мирное применение своим качествам, даже в условиях изоляции, чтобы после освобождения он не вернулся в криминальный мир.

Список литературы:

1. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Современные доктрины социального обеспечения: право на реадaptацию и реабилитацию личности действующих и бывших участников СВО//Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 152-155.
2. Приказ Минюста России от 29.11.2023 N 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с федеральным законом ОТ 06.02.2023 N 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minyusta-Rossii-ot-29.11.2023-N-350/> (дата обращения 16.03.2026).
3. Ананьева Е.О., Ананьева Ж.Н. Методы психологической помощи в учреждениях ФСИН России//Тенденции развития науки и образования. 2025. № 117-1. С. 134-137.
4. Россию захлестнула волна военной преступно... | Великий Устюг [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/wall-120225199_40752 (дата обращения 16.03.2026).
5. Ананьев О.Г., Александров Б.В., Щербakov Г.В. Ресоциализация и социальная адаптация лиц, отбывающих уголовные наказания (в схемах и таблицах) : учебное пособие. – Рязань: Академия ФСИН России // Рязань: издательство ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 201 - 280 с.
6. Ананьев О.Г. Культурно-досуговая деятельность в ИУ - форма социальной работы с осужденными//Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 445-447.

References:

1. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. Modern Social Security Doctrines: The Right to Re-adaptation and Rehabilitation of the Personality of Current and Former Participants in the Special Military Operation//Agrarian and Land Law. 2024. No. 10 (238). Pp. 152-155.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 29.11.2023 No. 350 "On the resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of individuals subject to probation in accordance with the Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" [Electronic resource] – Access mode: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minyusta-Rossii-ot-29.11.2023-N-350/> (accessed on March 16, 2026).
3. Ananyeva E.O., Ananyeva Zh.N. Methods of Psychological Assistance in the Federal Penitentiary Service of Russia//Trends in the development of science and education. 2025. No. 117-1. Pp. 134-137.
4. Russia is being swept by a wave of military crime... | Veliky Ustyug [Electronic resource] – Access mode: https://vk.com/wall-120225199_40752 (date of access: 16.03.2026).
5. Ananyev O.G., Alexandrov B.V., Shcherbakov G.V. Resocialization and Social Adaptation of Persons Serving Criminal Sentences (in Schemes and Tables): A Study Guide. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia // Ryazan: publishing house of IP Konyakhin A.V. (Book Jet), 201 - 280 p.
6. Ananyev O.G. Cultural and leisure activities in the IU - a form of social work with convicts//Law and state: theory and practice. 2024. No. 11 (239). Pp. 445-447.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РУЧЬЯ КАК ВОДНОГО ОБЪЕКТА LEGAL STATUS OF A STREAM AS A WATER BODY

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилутова, д. 1.
axel_b@mail.ru

ПАРФЕНОВ Николай Петрович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики
Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилутова, д. 1.
parfenov-nikolai@mail.ru

BREDIKHIN Alexey Leonidovich,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
axel_b@mail.ru

PARFENOV Nikolai Petrovich,

PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor, Department of Mathematics and Computer Science,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
parfenov-nikolai@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы исследуют особенности правового регулирования действующим законодательством статуса ручьев в системе водных объектов. Отмечается, что несмотря на объективную обоснованность существования ручьев и их упоминание в Водном кодексе РФ, их правовой статус фактически уравнивается со статусом других видов водотоков (рек, каналов). Во многом этот подход обоснован, так как на практике не всегда можно четко разделить эти виды водных объектов. Кроме того, заявляется, что особое правовое регулирование именно ручьев вполне может сформироваться в рамках судебной практики применительно к конкретным жизненным ситуациям.

Abstract: In this article, the authors examine the legal regulation of streams within water bodies under current legislation. It is noted that despite the objective justification for the existence of streams and their mention in the Water Code of the Russian Federation, their legal status is effectively equated with that of other types of watercourses (rivers, canals). This approach is largely justified, as in practice it is not always possible to clearly distinguish between these types of water bodies. Furthermore, it is stated that specific legal regulation of streams may well arise through judicial practice, applicable to specific situations.

Ключевые слова: ручей, водный объект, государственный водный реестр, водоем, водоток.

Keywords: stream, water body, state water registry, water body, watercourse.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Правовой статус ручья как водного объекта // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 331-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_331.

For citation: Bredikhin A.L., Parfenov N.P. The legal status of a stream as a water body // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 331-333. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_331.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2026

Водное право России регулирует водные отношения, которые состоят в использовании и охране водных объектов. С точки зрения обыденной жизни количество видов водных объектов весьма многообразно и различия между ними обусловлены элементарными представлениями. Гидрология (наука о природных водах) более точно распределяет водные объекты в соответствии с их природными характеристиками и зачастую виды водных объектов не совпадают с обыденным делением. Водное право для эффективного регулирования водных отношений вынуждено опираться как на общественные представления о водных объектах, так и на достижение различных наук, в том числе гидрологии. В связи с этим возникают довольно сложные правовые проблемы и противоречия, что касается и такого водного объекта как ручей.

Как отмечает, например, Ю. Насимович «Понятие «ручей», таким образом, многозначно. Это и постоянные водотоки без собственных долин, и временные водотоки - весенние и т.п. В повседневной терминологии это понятие ещё шире и включает в себя также небольшие реки» [1].

Согласно гидрологическому словарю ручей представляет собой «небольшой постоянный или временный водный поток, образованный стеканием снеговых или дождевых вод или выходами на поверхность подземных вод». Отдельно замечено здесь, что «Определенной границы между ручьем и малой рекой нет» [2, С. 226]. Аналогичное определение используют большинство различных специальных и толковых словарей, что в целом передает и обыденное представление о ручьях как водных объектах.

Вместе с тем, определение, которое фактически называет ручьем любой небольшой поток воды по его визуальным признакам не подходит для водного права, поэтому необходимо более точное правовое определение правового статуса ручья. Сразу определимся, что термин «ручей» не образует аналогичного правового статуса в водном праве из-за своей правовой неопределенности. Во-первых, не все, что можно назвать ручьем имеет статус водного объекта и соответствующее правовое регулирование, а во вторых - водный объект с названием ручей в гидрологии и водном праве может иметь совсем другое наименование.

Водным объектом согласно водного кодекса РФ является *природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима. Водный режим*, в свою очередь, *это изменение во времени уровней, расхода и объема воды в водном объекте.*

Водный кодекс РФ (ВК РФ) опирается в большей степени на научное понимание водных объектов, но чтобы устоявшееся наименование «ручей» не выпадало из сферы правового регулирования это наименование в кодексе и других нормативных актах сохраняется. Собственно понятия ручья действующее законодательство не дает, но оно раскрывается через определенные положения.

Так, часть 2 статьи 5 ВК РФ определяет, что к поверхностным водным объектам относят *водотоки (реки, ручьи, каналы)*. Отсюда, ручьем мы будем называть водоток (водный поток), находящийся на поверхности земли. Далее, в этой же статье мы видим правило определения береговой линии (границы водного объекта) для ручья (как и для реки, канала, озера, обводненного карьера) по среднегодовому уровню вод в период, когда они не покрыты льдом.

Отдельные правила определения ширины береговой полосы вдоль береговой линии, которая предназначена для общего пользования. Ширина береговой полосы каналов, а также рек и ручьев, протяженность которых от истока до устья не более чем десять километров, составляет пять метров. Если ручей протяженностью более 10 километров, то ширина береговой полосы установлена в размере 5 метров. Если ручей (неглубокий водоток со слабо выраженной долиной) длиннее 10 километров, то береговая полоса будет равняться 20 метрам. Каждый гражданин вправе пользоваться (без использования механических транспортных средств) береговой полосой водных объектов общего пользования для передвижения и пребывания около них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств. Важно отметить, что все ручьи, так как по определению принадлежат к собственности Российской Федерации, являются объектами общего пользования.

Помимо режима береговой полосы для ручьев законом устанавливается водоохранная зона и прибрежная защитная полоса. Водоохранная зона создается как составная часть природоохранных мер, а на территории защитной полосы вводятся дополнительные ограничения природопользования [3, С. 509].

Ширина водоохранной зоны рек или ручьев устанавливается от их истока для рек или ручьев протяженностью: до десяти километров - в размере пятидесяти метров; от десяти до пятидесяти километров - в размере ста метров; от пятидесяти километров и более - в размере двухсот метров. Для реки, ручья протяженностью менее десяти километров от истока до устья водоохранная зона совпадает с прибрежной защитной полосой. Радиус водоохранной зоны для истоков реки, ручья устанавливается в размере пятидесяти метров.

В целом, мы можем констатировать, что установление и регулирование правового статуса ручья согласно водному законодательству равнозначно таковому, установленному для всех видов водотоков без различия их названия. В целом подход вполне оправдан, так как нет существенного правового значения различия в происхождении и форме концентрации водного ресурса для использования вод в хозяйственный и рекреационных целях, а также для природоохранных мероприятий.

С формальной стороны, для получения правового статуса и правовой охраны, а также вовлечения в гражданский оборот, ручей должен быть внесен в Государственный водный реестр (ГВР), где получит свою идентификацию, а также гражданскую оборотоспособность. Так как договоры и права водопользования отражаются в реестре, то и объект должен быть в реестре отображен [4, С. 208-213]. Так, например, в ГВР внесен ручей (правый приток р. Болва), расположенный в Брянской и Калужской области, относящийся к российской части бассейна реки Днепр. В качестве собственника обозначена Российская Федерация. Обращает на себя внимание не очень подробное описание этого водного объекта, а также в целом отсутствие единого подхода к отображению водных объектов в реестре, но этого уже достаточно, чтобы регистрировать договоры водопользования в отношении данного объекта (например, для сброса сточных вод).

Определенные вопросы может вызвать ситуация, когда ручей протекает в границах земельного участка, принадлежащего на праве собственности одному лицу. Может ли ручей признаваться собственностью этого лица?

Отвечая на этот вопрос, следует сослаться на статью 8 Водного кодекса РФ [5, С. 370-371], где в собственности субъекта Российской Федерации, муниципального образования, физического и юридического лица могут находиться только пруд и обводненный карьер, соответственно независимо от характеристик ручья даже по формальным признакам такое невозможно. Даже если водоток (ручей) проложен между двумя прудами на одном земельном участке, собственного правового статуса такой ручей не приобретает, как и гражданской оборотоспособности.

Более того, из анализа действующего законодательства можно сделать вывод, что только ручьи естественного происхождения, связанные с другими природными водными объектами или подземными водами могут получить соответствующий правовой статус. Временные, сезонные водные потоки правовой регламентации не получают, хотя и могут называться ручьями в обыденной жизни и даже официально. Иначе, ручьем можно будет назвать даже поток сточных вод от действующих предприятий, что недопустимо с точки зрения природоохраны.

На основании изложенного, полагаем, что такой водный объект как ручей получил неоднозначный правовой статус в водном праве России. С одной стороны, как водный объект он поименован в Водном кодексе РФ, других нормативных актах, а также существует как объект учета в государственном водном реестре. С другой стороны, ручей имеет универсальное правовое регулирование наряду с другими водотоками (реками, каналами и т.п.), что сводит все разнообразие водных объектов лишь к нескольким группам, для которых, как правило, применяются одинаковые подходы в регулировании.

Впрочем, это не говорит о неразрешимой проблеме и необходимости совершенствовать законодательства в этой части, так как особенности тех или иных водных объектов при пробелах правового регулирования, могут быть учтены в судебной практике применительно к той

или иной ситуации.

Список литературы:

1. Юрий Насимович. Реки, озёра и пруды Москвы. https://web.archive.org/web/20200219185650/http://temnyjles.ru/Nasimovich_kraevedenie/reki.shtml (дата обращения - 21.03.2026);
2. Чеботарев А.И. Гидрологический словарь. Издание третье, переработанное и дополненное. Ленинград: Гидрометеиздат, 1978.
3. Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003.
4. Бударagina Л. В., Тищенко С. В. Становление и развитие государственного водного реестра в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. - 2016. - С. 208-213
5. Бредихин А. Л. Право собственности и иные права на водные объекты в водном законодательстве России / А. Л. Бредихин, Р. Е. Стахно // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 9. – С. 370-371.

References:

1. Yuri Nasimovich. Rivers, lakes and ponds of Moscow. https://web.archive.org/web/20200219185650/http://temnyjles.ru/Nasimovich_kraevedenie/reki.shtml (date of request - 03/21/2026);
2. Chebotarev A.I. Hydrological dictionary. Third edition, revised and expanded. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1978.
3. Brinchuk M.M. Environmental Law: Textbook, 2nd ed., revised. and add. – M.: Lawyer, 2003.
4. Budaragina L. V., Tishchenko S. V. Formation and development of the state water registry in Russia // Bulletin of Voronezh State University. Series: law. - 2016. - pp. 208-213
5. Bredikhin A. L. The right of ownership and other rights to water bodies in the water legislation of Russia / A. L. Bredikhin, R. E. Stakhno // Law and the state: theory and practice. - 2025. – No. 9. – pp. 370-371.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_334

УДК 347.132

ИНСТИТУТ ASTREINTE ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРАВЕ: КРИТЕРИИ И ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ THE ASTREINTE INSTITUTE IN FRENCH LAW: CRITERIA AND FEATURES OF APPOINTMENT

ПЕТРОВА Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

PETROVA Ekaterina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

Краткая аннотация. В статье анализируются особенности правового регулирования института *astreinte* во французском праве. Рассматривается нормативная модель применения, а также подходы французской судебной практики к использованию данного механизма. Отдельное внимание уделяется назначению *астренты* в системе административной юстиции Франции как механизма обеспечения обязательности судебных решений для органов публичной власти. На основе анализа законодательства и судебной практики выявляются критерии применения *астренты*, позволяющие обеспечить баланс между эффективностью судебного понуждения и защитой имущественных прав должника.

Abstract. The article analyzes the features of the legal regulation of the *astreinte* institute in French law. The normative model of application is considered, as well as the approaches of French judicial practice to the use of this mechanism. Special attention is paid to the appointment of *astrenta* in the French administrative justice system as a mechanism for ensuring the binding nature of judicial decisions for public authorities. Based on the analysis of legislation and judicial practice, the criteria for the application of *astrenta* are identified, allowing for a balance between the effectiveness of judicial coercion and the protection of the debtor's property rights.

Ключевые слова: *astreinte*; исполнение судебных решений; судебное понуждение; *астрента*; критерии применения.

Keywords: *astreinte*; enforcement of court decisions; judicial coercion; *astrent*; application criteria.

Для цитирования: Петрова Е.С. Институт *astreinte* во французском праве: критерии и особенности назначения // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_334.

For citation: Petrova E.S. The *astreinte* Institute in French Law: criteria and features of appointment // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 334-336. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_334.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Проблема эффективности исполнения судебных решений является одной из ключевых в современной правовой системе. Несмотря на наличие развитых процедур исполнительного производства, в ряде случаев фактическое исполнение судебных актов оказывается затруднительным.

В правовых системах континентального права одним из инструментов повышения эффективности исполнения судебных решений выступают специальные меры судебного понуждения, направленные на стимулирование должника к исполнению возложенной на него обязанности. К числу таких мер относится институт, известный во французском праве как *astreinte*. Его содержание заключается в установлении судом имущественного воздействия, подлежащего применению в случае неисполнения судебного акта, что позволяет использовать экономическое давление как средство обеспечения фактической исполнимости судебных решений.

Французская модель *astreinte* получила широкое распространение и оказала заметное влияние на развитие аналогичных институтов в ряде других правовых систем. Сходные конструкции существуют, в частности, в праве Бельгии, Нидерландов, Италии, Испании и Бразилии. Несмотря на различия в нормативном оформлении, указанные механизмы объединяет общая функциональная направленность — стимулирование исполнения судебных решений посредством денежного воздействия на должника.

В российском праве соответствующая конструкция получила нормативное закрепление сначала в материальном праве. Статья 308.3 ГК РФ предусматривает возможность присуждения судом денежной суммы на случай неисполнения судебного акта об обязанности должника совершить определённые действия в натуре. В последующем аналогичные положения были добавлены и в процессуальное законодательство ст. 206 ГПК РФ и ст. 174 АПК РФ.

Современное регулирование *астрента* во французском праве закреплено в Code des procédures civiles d'exécution. В соответствии со статьей L131-1 данного кодекса суд вправе назначить денежную санкцию для обеспечения исполнения своего решения [1].

Астрента представляет собой денежную сумму, подлежащую уплате должником за каждый период неисполнения судебного предписания. Законодательство Франции подчеркивает независимость *астрента* от мер гражданско-правовой ответственности. Она может применяться независимо от требований о возмещении убытков и не заменяет их [1]. Таким образом, *астрента* функционирует как самостоятельное средство обеспечения исполнения судебного решения.

Назначение *астрента* возможно как по ходатайству стороны, так и по инициативе самого суда. Подобная конструкция свидетельствует

о том, что французский законодатель рассматривает данный институт не только как средство защиты частных интересов сторон, но и как элемент обеспечения эффективности правосудия. При этом закон исходит из того, что астрента является вспомогательным механизмом, призванным обеспечить исполнение судебного акта. Она применяется, как правило, в тех случаях, когда решение суда требует совершения определенных действий либо воздержания от них и когда обычные меры исполнительного производства могут оказаться недостаточно эффективными.

Французская модель предусматривает существование временной (*provisoire*) и окончательной (*définitive*) астренты [1].

Наиболее распространённой формой является временная астрента. Она назначается судом на стадии вынесения судебного решения и направлена на стимулирование должника к добровольному исполнению возложенной на него обязанности.

Особенность временной астренты состоит в том, что её окончательный размер на момент назначения не определяется. Суд устанавливает лишь периодическую сумму денежного воздействия, подлежащую уплате за каждый период неисполнения судебного предписания.

После истечения установленного срока исполнения либо при очевидном неисполнении решения суд рассматривает вопрос об определении итоговой суммы астренты. На данной стадии суд оценивает продолжительность неисполнения, поведение должника, предпринятые им действия по исполнению судебного решения, а также наличие объективных препятствий к его реализации.

Иной правовой режим характерен для окончательной астренты. Её назначение допускается после установления предварительной астренты, а итоговый размер санкции определяется судьёй, рассматривающим вопросы исполнения судебного решения [1].

Существенную роль в формировании критериев применения *astreinte* сыграла французская судебная практика. Верховная судебная инстанция по гражданским делам — *Cour de cassation* — неоднократно подчеркивала стимулирующий характер данной меры.

Кассационный суд Франции указывает, что при определении окончательной суммы астренты суд должен учитывать поведение лица, которому было адресовано судебное предписание, а также трудности, возникшие при его исполнении. Кроме того, суд обязан оценивать соразмерность присуждаемой суммы значению рассматриваемого спора [2].

Французская судебная практика также исходит из необходимости соблюдения принципа пропорциональности. Суд должен убедиться, что итоговая сумма астренты не приводит к чрезмерному ограничению имущественных прав должника.

Особого внимания заслуживает применение астренты в системе французской административной юстиции. В отличие от гражданского процесса, где астрента используется преимущественно как средство стимулирования исполнения обязательств частноправового характера, в административном праве данный механизм выполняет функцию обеспечения исполнения судебных решений, адресованных органам публичной власти.

Соответствующее регулирование закреплено в Кодексе административной юстиции Франции (*Code de justice administrative*) [3]. Согласно статье L911-1 данного кодекса, если судебное решение предполагает необходимость принятия органом публичной власти определённых мер, административный суд может прямо предписать совершение таких действий и установить срок их исполнения. Для обеспечения исполнения такого предписания суд вправе назначить астренту. Статья L911-6 *Code de justice administrative* предусматривает возможность применения астренты в отношении органа публичной власти или организации, осуществляющей публичную службу, если судебное решение не исполняется в установленный срок [3].

Особенностью административной модели является её связь с последующим судебным контролем за исполнением решения. После назначения астренты административный суд сохраняет компетенцию оценивать фактическое исполнение судебного акта и определять окончательный размер подлежащей взысканию суммы.

Ещё одной особенностью административной модели выступает порядок распределения суммы астренты. В соответствии со статьей L911-7 суд вправе определить, какая часть взысканной суммы подлежит выплате заявителю, а какая должна быть перечислена в доход государства [3].

Такая конструкция отражает публично-правовую специфику административной астренты. Если в частноправовых спорах денежное воздействие преимущественно ориентировано на стимулирование исполнения обязательства перед кредитором, то в административной юстиции оно связано прежде всего с обеспечением обязательности судебных решений для органов публичной власти.

Судебная практика *Conseil d'État* конкретизирует критерии назначения астренты в административных делах. При определении итогового размера астренты административный суд оценивает, в частности, поведение публичного субъекта после вынесения судебного решения и предпринятые им действия по исполнению судебного предписания. Вместе с тем суд, рассматривающий вопрос об определении подлежащей взысканию суммы не вправе пересматривать по существу меры, закреплённые в судебном акте, его задача состоит в оценке того, было ли решение исполнено и какие меры предпринимались для его реализации [4].

Анализ французского законодательства и судебной практики позволяет выделить совокупность критериев, которыми руководствуется суд при назначении астренты. Эти критерии формируются как в гражданской, так и в административной юстиции и отражают общую логику применения данного института как средства стимулирования исполнения судебных решений.

1. Критерий исполнимости и определённости судебного предписания. *Astreinte* может быть назначена лишь в отношении такого судебного предписания, исполнение которого возможно и поддается проверке. Предписание должно быть достаточно конкретным и находиться в сфере фактической и юридической возможности его адресата. В административных делах данный критерий дополняется требованием институциональной исполнимости: мера должна быть связана с действием, которое находится в пределах компетенции соответствующего публичного органа.

2. *Критерий необходимости применения стимулирующего механизма.* Назначение *astreinte* предполагает оценку судом риска неисполнения судебного решения и недостаточности обычных процедур исполнительного производства. Поскольку *astreinte* нормативно отделена от мер гражданско-правовой ответственности и возмещения убытков, её применение не связано с установлением вины должника и направлено прежде всего на обеспечение будущего исполнения судебного акта.

3. *Критерий индивидуализации параметров денежного воздействия.* При назначении временной *astreinte* суд устанавливает периодическую сумму, подлежащую уплате за каждый период неисполнения. Данная сумма выполняет функцию поведенческого стимула и потому должна быть соразмерной предполагаемой эффективности воздействия. Суд фактически осуществляет прогнозирование эффективности назначаемой меры, определяя параметры денежного давления, достаточные для побуждения к исполнению, но не создающие чрезмерного имущественного бремени.

4. *Критерий оценки поведения должника и обстоятельств исполнения.* На стадии определения итоговой суммы временной *astreinte* суд оценивает фактическое поведение должника после вынесения судебного решения. В частности, учитываются продолжительность неисполнения, предпринятые действия по исполнению, наличие объективных препятствий, а также степень взаимодействия должника с процессом исполнения судебного акта. Такой подход позволяет исключить автоматизм в применении меры и соотнести итоговую сумму с реальными обстоятельствами исполнения.

5. *Критерий пропорциональности как предел судебного усмотрения.* Французская судебная практика исходит из необходимости соблюдения принципа пропорциональности и недопустимости чрезмерного ограничения имущественных прав должника итоговой суммой *astreinte*. Пропорциональность действует как ограничитель судебного усмотрения и одновременно как средство поддержания легитимности судебного принуждения. Денежное воздействие должно быть достаточным для стимулирования исполнения, но не должно превращаться в карательную санкцию.

В административной юстиции данная система критериев дополняется элементами публично-правовой специфики. К ним относится возможность распределения взысканной суммы между заявителем и государством, отражающая наличие публичного интереса в обеспечении обязательности судебных решений, а также установление функциональных пределов судебного контроля при определении итоговой суммы *astreinte*.

Таким образом, французская модель *astreinte* формирует институционально выстроенный механизм судебного денежного воздействия, направленный на обеспечение фактической реализации судебных решений. Использование данного инструмента позволяет суду воздействовать на поведение должника посредством экономического стимула, одновременно обеспечивая баланс между эффективностью судебного понуждения и защитой имущественных прав адресата судебного предписания.

Список литературы:

1. Code des procédures civiles d'exécution. Art. L131-1–L131-4. [Электронный ресурс] - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025024948/2025-04-23 (дата обращения: 20.02.2026).
2. Cass. civ. 2e, 20 janv. 2022, n° 19-22.435. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000045067850> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Code de justice administrative [Электронный ресурс] - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070933/2026-03-10 (дата обращения: 20.02.2026).
4. Conseil d'État, 28 juillet 2000, Association France Nature Environnement, n° 204024. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000008082308/> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
6. Цвайгерт, К. Сравнительное частное право: в 2 т. : пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Междунар. отношения, 2011. – 727 с.

References:

1. Code des procédures civiles d'exécution. Art. L131-1–L131-4. [Электронный ресурс] - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000025024948/2025-04-23 (дата обращения: 20.02.2026).
2. Cass. civ. 2e, 20 janv. 2022, n° 19-22.435. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000045067850> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Code de justice administrative [Электронный ресурс] - URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070933/2026-03-10 (дата обращения: 20.02.2026).
4. Conseil d'État, 28 juillet 2000, Association France Nature Environnement, n° 204024. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000008082308/> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2017. 1120 p.
6. Zweigert, K. Comparative private law: in 2 volumes: translated from German / K. Zweigert, H. Kötz. – M. : International Law. Relations, 2011. – 727 p.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ FULFILLMENT OF OBLIGATIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW

ГАГИЕВА Алана Виленовна,

к.ю.н., доцент, исполняющая обязанности заведующей кафедрой гражданского права
ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления».
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Бородинская, д. 14.
angelkolieva@mail.ru

МАЛИЕВА Нина Хасановна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права ЧОУ ВО «Владикавказский институт управления».
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Бородинская, д. 14.
angelkolieva@mail.ru

GAGIEVA Alana Vilenovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil Law Vladikavkaz Institute of Management
Vladikavkaz city, Borodinskaya str., 14, 362025, Russia, Republic of North Ossetia — Alania.
angelkolieva@mail.ru

MALIEVA Nina Khasanovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Vladikavkaz Institute of Management
Vladikavkaz, Borodinskaya str., 14, 362025, Russia, Republic of North Ossetia — Alania.
angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится анализ института исполнения обязательств и способов обеспечения их исполнения в современном российском гражданском праве. Рассматриваются принципы и условия надлежащего исполнения обязательств, а также детально анализируются отдельные способы обеспечения, предусмотренные главой 23 ГК РФ. Особое внимание уделяется актуальным проблемам правоприменительной практики.

Abstract. The article analyzes the institution of fulfillment of obligations and ways to ensure their fulfillment in modern Russian civil law. The principles and conditions for the proper fulfillment of obligations are considered, as well as the individual security methods provided for in Chapter 23 of the Civil Code of the Russian Federation are analyzed in detail. Particular attention is paid to topical problems of law enforcement practice.

Keywords: obligation, fulfillment of obligations, methods of security, forfeit, pledge, guarantee, independent guarantee, deposit.

Ключевые слова: обязательство, исполнение обязательств, способы обеспечения, неустойка, залог, поручительство, независимая гарантия, задаток.

Для цитирования: Гагиева А.В., Малиева Н.Х. Исполнение обязательств в российском гражданском праве // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_337.

For citation: Gagieva A.V., Malieva N.H. Fulfillment of obligations in Russian civil law // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_337.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2026

В структуре цивилистики обязательственные правоотношения выступают несущей конструкцией, через которую реализуется абсолютное большинство имущественных взаимодействий участников оборота. Механизмы, гарантирующие фактическое исполнение принятых на себя обязанностей, формируют фундамент устойчивости договорных связей. [5]

Обращение к данной проблематике продиктовано комплексом обстоятельств. Турбулентность экономической среды порождает рост числа нарушений договорной дисциплины, что актуализирует поиск действенных инструментов защиты кредиторских интересов. Параллельно законодатель продолжает модернизацию нормативной базы, нуждающуюся в доктринальном осмыслении. Судебные органы также демонстрируют неоднородность подходов при разрешении соответствующих споров.

Настоящая работа направлена на системное исследование нормативной регламентации исполнения договорных обязанностей и обеспечительных конструкций применительно к современному состоянию законодательства и практики его применения.

Под исполнением обязательства понимается осуществление должником тех действий, которые образуют содержание его обязанности, либо воздержание от запрещённого поведения в интересах управомоченного лица. Цивилистическая доктрина рассматривает надлежащее исполнение как основной механизм прекращения обязательственной связи, поскольку именно оно обеспечивает достижение хозяйственного результата, ради которого стороны вступили в правоотношение. [7]

Законодатель в статье 309 Гражданского кодекса устанавливает требование о соответствии исполнения условиям соглашения, нормативным предписаниям, а при их отсутствии - сложившейся практике делового оборота. Указанное положение выражает базовое требование принадлежности, пронизывающее всю сферу обязательственных отношений.

Соблюдение данного требования предполагает выполнение совокупности критериев: правомочность исполняющего лица, легитимность получателя исполнения, соответствие передаваемого блага договорным характеристикам, соблюдение территориальных, временных и процедурных параметров. Отступление от любого критерия квалифицируется как дефектное исполнение с наступлением соответствующих негативных последствий. [13]

Наряду с изложенным действует требование реальности исполнения, нашедшее отражение в статье 396 Кодекса. Взыскание штрафных санкций либо компенсация потерь при дефектном исполнении по общему правилу не снимает с обязанного лица необходимости предоста-

вить обусловленное благо. Вместе с тем условия рыночного хозяйствования ограничивают абсолютизацию данного правила, поскольку управомоченная сторона зачастую способна удовлетворить свой интерес посредством обращения к альтернативным контрагентам.

Существенным элементом правового режима служит стандарт добросовестного поведения, детализированный в пункте 3 статьи 307: участники обязательства на всех стадиях его существования должны учитывать взаимные интересы и воздерживаться от действий, способных причинить неоправданный ущерб контрагенту [11].

Стандартная модель предполагает личное исполнение обязанности самим должником. Однако законодатель в статье 313 Кодекса предусматривает возможность делегирования исполнения постороннему лицу при условии, что персональный характер обязанности не вытекает из нормативных установлений, договорных условий либо природы самого правоотношения. Особую конструкцию образует право заинтересованного субъекта, рискующего лишиться своих прав на имущественные блага должника в результате принудительного взыскания, погасить кредитные притязания за собственный счёт независимо от волеизъявления обязанного лица.[1]

Передаваемое благо должно в точности отвечать согласованным параметрам. Управомоченная сторона вправе отклонить дробное предоставление, если допустимость частичного исполнения не санкционирована нормативно, не оговорена сторонами либо не следует из обычной практики и характера правоотношения. Применительно к денежным обязательствам Кодекс устанавливает рублёвый номинал в качестве базового правила, не исключая при этом договорную привязку к иностранной валюте или условным единицам.

Временные рамки исполнения урегулированы статьёй 314. При отсутствии прямого указания на момент исполнения либо критериев его вычисления обязанность подлежит исполнению в разумный период. Содержание данной оценочной категории наполняется юрисдикционным органом применительно к фактическим обстоятельствам конкретного спора. Опережающее исполнение принципиально допустимо, тогда как в коммерческих отношениях оно требует специального обоснования - нормативного дозволения, договорной санкции либо соответствия деловым обычаям.

Территориальная привязка исполнения регламентируется статьёй 316. При неопределённости данного условия применяются диспозитивные правила: объекты недвижимости передаются по месту их расположения; безналичные платежи осуществляются по местонахождению кредитной организации, обслуживающей получателя; прочие обязанности исполняются там, где располагается обязанное лицо.

Обеспечительные конструкции образуют совокупность специализированных инструментов, побуждающих должника к точному соблюдению принятых обязательств и создающих дополнительный защитный барьер для имущественной сферы кредитора. Доктринальная позиция сводится к тому, что подобные механизмы формируют добавочный уровень гарантий удовлетворения кредиторских притязаний, выходящий за пределы стандартного инструментария обязательственного права [6].

Законодатель в пункте 1 статьи 329 Кодекса закрепляет перечень обеспечительных инструментов, включающий неустойку, залоговое обременение, удержание имущества обязанного лица, поручительство, независимую гарантию, задаток и обеспечительный платёж. Принципиальное значение имеет не замкнутость данного перечня, открывающая возможность конструирования нетипичных обеспечительных механизмов по усмотрению контрагентов.

Объединяющим признаком обеспечительных конструкций выступает их производный характер относительно основной обязанности. Зависимость проявляется в нескольких аспектах: обеспечительная связь возникает лишь при существовании первичного обязательства; порок основания распространяется на обеспечение; погашение главной обязанности по общему правилу прекращает и дополнительную. При этом интенсивность зависимости варьируется: независимая гарантия функционирует практически автономно, тогда как залоговое правоотношение демонстрирует тесную привязку к обеспечиваемому требованию. [12]

Существенной гарантией кредиторских интересов служит правило о сохранении обеспечения при порочности основания главного обязательства - в подобной ситуации обеспеченными признаются реституционные обязанности по возврату полученного. Данный подход блокирует возможные злоупотребления со стороны недобросовестных контрагентов.

Неустойка представляет собой заранее определённую денежную величину, подлежащую уплате при нарушении договорной дисциплины. Функциональная специфика данного института проявляется в его двойственной природе: он одновременно стимулирует надлежащее поведение и выступает формой имущественного воздействия на нарушителя.

Классификация неустоечных обязательств проводится по нескольким основаниям. Источник установления позволяет разграничить нормативную и договорную разновидности: первая действует независимо от волеизъявления сторон с возможностью увеличения при отсутствии запрета, вторая требует письменного оформления. Методика исчисления разделяет единовременные взыскания и периодические начисления за каждый день нарушения.

Ключевым корректирующим механизмом выступает судебная дискреция по снижению чрезмерных санкций. Высшая судебная инстанция ориентирует правоприменителя на недопустимость извлечения выгоды из собственного неправомерного поведения и невозможность создания ситуации, при которой противоправное удержание чужих средств оказывается экономически предпочтительнее добросовестного исполнения.

Залоговое правоотношение наделяет кредитора приоритетным правом удовлетворения из стоимости обременённого имущества. Нормативная база существенно модернизирована в ходе реформирования: появились конструкции залога прав по банковским счетам, корпоративного участия, расширена диспозитивность регулирования.

Объектом обременения способно выступать любое имущество, включая вещи и имущественные права, за изъятиями, установленными для имущества, защищённого от принудительного взыскания. Обособленную разновидность составляет недвижимое обременение, подчинённое

специальному законодательству. Принципиальным преимуществом залоговой конструкции является сохранение обременения при смене собственника обременённого объекта. [2]

Поручительство порождает обязанность третьего лица отвечать перед кредитором за исполнение чужого долга целиком либо в части. Стандартная модель предполагает совместную ответственность с основным должником, хотя соглашением может устанавливаться дополнительный характер ответственности. Объём притязаний к поручителю тождествен притязаниям к должнику с учётом процентов, издержек и потерь.

Реформирование расширило возможности обеспечения ещё не возникших обязательств: достаточной признаётся отсылка к соглашению, из которого обязанность возникнет впоследствии. Исполнивший поручитель замещает кредитора в объёме произведённого удовлетворения, приобретая соответствующие притязания к основному должнику [4].

Конструкция независимой гарантии предполагает принятие гарантом обязанности произвести выплату бенефициару безотносительно к судьбе обеспечиваемого правоотношения. Квалифицирующим признаком выступает автономность: гарантийное обязательство сохраняет юридическую силу даже при порочности основания главного долга. Выдавшее гарантию лицо лишено возможности противопоставлять требованию бенефициара возражения, коренящиеся в отношениях между кредитором и принципалом. [10]

Существенной новеллой по сравнению с прежней конструкцией банковской гарантии стала либерализация субъектного состава: правом выдачи наделены любые коммерческие структуры, что демократизировало доступ к данному обеспечительному инструменту.

Задаток функционирует как денежная сумма, передаваемая в счёт будущих платежей, подтверждающая факт заключения соглашения и гарантирующая его исполнение. Механизм воздействия асимметричен: нарушение со стороны плательщика влечёт утрату переданного, нарушение получателем - обязанность вернуть удвоенную величину. Письменная форма обязательна; при её несоблюдении или неясности квалификации уплаченное рассматривается как предварительный платёж без обеспечительной функции.

Обеспечительный платёж представляет собой сравнительно молодой институт. Одна сторона депонирует денежные средства у контрагента для покрытия потенциальных денежных притязаний, включая компенсационные и штрафные. Реализация обеспечиваемого риска влечёт зачёт депозита в счёт соответствующего требования; отсутствие оснований для зачёта порождает реституционную обязанность. Наибольшее распространение механизм получил в сфере имущественного найма. [9]

Удержание наделяет владельца вещи, причитающейся контрагенту, правом сохранять фактическое господство над ней до погашения встречных требований об оплате либо компенсации связанных расходов. Уникальность данной конструкции состоит в её внедоговорном происхождении - обеспечительное право возникает непосредственно в силу закона. Порядок реализации удерживаемого объекта подчиняется залоговым правилам.

Изучение правоприменительной практики обнаруживает комплекс нерешённых вопросов. Острой остаётся проблематика границ судебного усмотрения при корректировке чрезмерных неустоечных санкций. Невзирая на руководящие указания высшей инстанции, юрисдикционные органы демонстрируют разнородность подходов к оценке пропорциональности, порождая неопределённость для хозяйствующих субъектов.

Не менее значимы коллизии, возникающие при кумулятивном использовании нескольких обеспечительных механизмов. Предметом споров становятся очерёдность обращения к различным обеспечителям и распределение исполнительского бремени между множественными поручителями либо залогодателями. Сохраняет остроту и вопрос охраны интересов добросовестных обеспечителей при модификации основного обязательства помимо их воли.

Затруднения практического свойства сопровождают применение норм о независимой гарантии: дискуссионными остаются границы документарного формализма при заявлении бенефициарного требования и допустимые основания отклонения платежа гарантом. Судебные подходы к данной проблематике пребывают в процессе становления. [3]

Практическая действенность обеспечительных инструментов в значительной мере определяется качеством договорной техники. Участникам оборота целесообразно взвешенно подходить к выбору обеспечительной модели, соотносясь со спецификой конкретного обязательства и характеристиками контрагента [8].

Проведённый анализ позволяет констатировать: система обеспечительных механизмов образует развитый инструментарий охраны кредиторских интересов. Законодательное обновление середины 2010-х годов модернизировало регулирование посредством введения новых конструкций и переработки традиционных. Отдельные аспекты сохраняют дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшей унификации практики.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 29. - Ст. 3400.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 5.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2021. - № 3.
5. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. - 2-е изд. - М.: Статут, 2021. - 528 с.
6. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. - М.: Статут, 2020. - 222 с.
7. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 ГК РФ / А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2021. - 1120 с.

8. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. - 5-е изд. - Москва: Статут, 2023. - 768 с.
9. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: учебное пособие / С.В. Сарбаш. - М.: Статут, 2022. - 336 с.
10. Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): сборник статей / Р.С. Бевзенко. - М.: Статут, 2021. - 368 с.
11. Кузнецова О.А. Принципы исполнения обязательств в свете реформы гражданского законодательства / О.А. Кузнецова // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2022. - № 4. - С. 45-52.
12. Церковников М.А. Независимая гарантия в гражданском праве России / М.А. Церковников // Закон. - 2021. - № 8. - С. 78-93.
13. Колиева, А. Э. О принципах исполнения обязательств / А. Э. Колиева, Л. В. Губаева // Право и практика. - 2015. - № 3. - С. 61-67.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/24/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 3301.
2. Federal Law No. 102-FZ dated 07/16/1998 "On Mortgage (pledge of real Estate)" (as amended on 10/20/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 29. - Article 3400.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.03.2016 No. 7 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2016. - № 5.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/24/2020 No. 45 "On certain issues of dispute resolution on surety" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2021. - № 3.
5. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results / V.V. Vitryansky. - 2nd ed. - М.: Statute, 2021. - 528 p.
6. Gongalo B.M. The doctrine of securing obligations. Questions of theory and practice / B.M. Gongalo. - М.: Statute, 2020. - 222 p.
7. Karapetov A.G. Contractual and obligation law (general part): Article-by-article commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation / A.G. Karapetov, Moscow: M-Logos, 2021, 1120 p.
8. Russian civil law: textbook: in 2 volumes vol. 2 / ed. by E.A. Sukhanov. - 5th ed. - Moscow: Statute, 2023. - 768 p.
9. Sarbash S.V. Elementary dogmatics of obligations: a textbook / S.V. Sarbash. - М.: Statute, 2022. - 336 p.
10. Bevzenko R.S. Securing obligations (pledge, surety, guarantee): collection of articles / R.S. Bevzenko. - М.: Statute, 2021. - 368 p.
11. Kuznetsova O.A. Principles of fulfillment of obligations in the light of the reform of civil legislation / O.A. Kuznetsova // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2022. - No. 4. - pp. 45-52.
12. Tserkovnikov M.A. Independent guarantee in the civil law of Russia / M.A. Tserkovnikov // Law. - 2021. - No. 8. - pp. 78-93.
13. Koliaeva, A. E. On the principles of fulfilling obligations / A. E. Koliaeva, L. V. Gubaeva // Law and practice. - 2015. - No. 3. - pp. 61-67.

ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ CONSTRUCTION CONTRACT: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

АСРАТЯН Мариам Гагиковна,

магистрант юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

БЕЛЯЕВА Кристина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

ASRATYAN Mariam Gagikovna,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

BELYAEVA Kristina Alexandrovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute

of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Краткая аннотация: в рамках исследования рассмотрена структура особенностей договора строительного подряда, в числе которых: риск случайной гибели вещи, а также досрочная приемка выполненных работ. Помимо всего прочего, приведена подробная нормативно-правовая характеристика исследуемых явлений (с комментариями и выводами), с непосредственным использованием норм Гражданского Кодекса РФ и иных нормативных документов, проведен анализ судебной практики, который отражает правовую сущность рассматриваемых явлений.

Abstract: within the framework of the study, the structure of the features of the construction contract is considered, including: the risk of accidental loss of things, as well as early acceptance of completed works. Among other things, a detailed regulatory and legal description of the phenomena under study is provided (with comments and conclusions), using directly the norms of the Civil Code of the Russian Federation and other regulatory documents, and an analysis of judicial practice is carried out, which reflects the legal essence of the phenomena under consideration.

Ключевые слова: риск случайной гибели вещи, договор строительного подряда, особенности договора строительного подряда, досрочная приемка выполненных работ, непреодолимая сила, непредотвратимость, договор подряда, оплата по договору строительного подряда, оплата за выполненную работу по договору строительного подряда, чрезвычайность.

Keywords: risk of accidental loss of a thing, construction contract, features of a construction contract, early acceptance of completed work, force majeure, unavoidability, contract of work, payment under a construction contract, payment for work performed under a construction contract, emergency.

Для цитирования: Асратян М.Г., Беляева К.А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_341.

For citation: Asratyan M.G., Belyaeva K.A. Construction contract: issues of theory and practice // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 341-343. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_341.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2026

Актуальность исследования договора строительного подряда обусловлена ролью строительной отрасли в экономике. Рост строительства ведет к конфликтам между заказчиками и подрядчиками. Сложность законодательства и частые изменения норм создают риски. Судебная практика полна споров о качестве и сроках. Анализ правовых механизмов договора необходим для совершенствования законодательства, снижения рисков и стабильности отношений в строительстве. Это важно для защиты прав сторон и развития инфраструктуры страны.

Рассмотрим особенности договора строительного подряда, которые, как показывает многолетний опыт, встречаются чаще всего на практике.

1. Риск случайной гибели вещи. Обращаясь к ГК РФ, а именно к ст. 401, «Под риском случайной гибели понимается риск возможного нанесения убытка в связи с гибелью или порчей имущества по причинам независящим от сторон обязательства, в случае непреодолимой силы» [1]. Помимо данного, согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ «Может быть признана непреодолимая сила - это чрезвычайная и непредотвратимая при данных условиях обстоятельство» [1]. Ст. 741 ГК РФ гласит, что «Риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства, составляющего предмет договора строительного подряда до приёмки этого объекта заказчика, несёт подрядчик» [1].

Для того, чтобы провести наиболее углублённый анализ ранее упомянутой особенности договора строительного подряда, возникает необходимость рассмотрения данного явления на основе иных нормативных документов, которые довольно четко демонстрируют структуру данного явления. Итак, основываясь на «Постановлении Президиума ВАС РФ от 21.06.2022 № 3352/22» [2], «Юридическая квалификация обстоятельства, как непреодолимой силы, возможна только при одновременном наличии совокупности её существенных характеристик» [2]. Таким образом, на основании приведенных данных можно констатировать, что обстоятельства непреодолимой силы могут являться таковыми только с учетом наличия следующих составляющих: чрезвычайность; непредотвратимость.

С целью наибольшего понимания сущности каждого из вышеперечисленных явлений, необходимо рассмотреть структуру каждого из

них. В свою очередь, чрезвычайность подразумевает под собой явление или явления, при которых конституируется факт выхода за пределы принятых норм. Для непредотвратимости же характерен, в подавляющем большинстве, объективный характер, по-другому – данное явление не находится в зависимости от прогнозируемости факта.

2. Досрочная приемка выполненных работ или оказанных услуг. Рассмотрев текст ст. 753 ГК РФ, определено, что «Заказчик, получивший сообщение от подрядчика о готовности к сдаче результата выполненных по договору строительного подряда работ, либо, если это предусмотрено договором, выполненного этапа работ, обязан немедленно приступить к его приёмке. При отказе одной из сторон от подписания акта, в нём делается отметка об этом и акт подписывается другой стороной» [1]. Исходя из вышеизложенного материала статьи, возникает вполне логичный вопрос: каким же образом осуществляется приемка? Для того, чтобы дать полноценный ответ на данный вопрос, было исследовано «Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 февраля 2022 г. N 22/20122» [3], в ходе которого было сделано следующее заключение: в ситуации, когда подрядчик не уведомил вторую сторону правоотношений о факте окончания работ и, в свою очередь, не известил заказчика о предстоящей приемке работ, то, со своей стороны подрядчик не имеет как таковой возможности опираться на отказ второй стороны правоотношений от реализации обязанностей по договору строительного подряда, которые непосредственным образом взаимосвязаны с приемкой работ. Помимо всего прочего, подрядчик не в праве выдвигать требования по оплате на основании акта выполненных работ, который был подписан в одностороннем порядке, поскольку по установленному факту, объект второй стороне правоотношений не передавался. Из этого следует, что до тех пор, пока заказчиком не будет осуществлена приемка выполненных работ, оплаты за объект быть не должно.

После непосредственного исследования рассматриваемых в данной статье особенностей договора строительного подряда, необходимо провести анализ примеров из судебной практики, которые четко отражают суть вышеупомянутых правовых явлений.

1. Суть ситуации: подрядчик со своей стороны осуществил факт строительства здания речного пароходства в весеннее время года. В процессе подъема воды, который был вызван разливом реки, у возведенной подрядчиком конструкции смыло фундамент, из-за чего подрядчик был вынужден осуществить работы повторно.

Аргументы истца были следующими: по причине того, что приемка сооружения была реализована по актам формы №2, риск случайной гибели перешел непосредственно на заказчика.

Доводы ответчика, следующие: денежная сумма, которая была отражена в договоре строительного подряда, была перечислена второй стороне правоотношений, которая, в свою очередь, отказывается оплачивать повторные работы, которые были включены в акт к договору строительного подряда.

Исковые требования: взыскать с заказчика оплату за повторные работы со стороны подрядчика.

Решение суда: арбитражный суд отказал в удовлетворении иска по следующим мотивам: согласно п. 3 ст. 753 ГК РФ, «В случае приёмки результата этапа работ, заказчик несёт риск гибели или повреждения имущества, которые произошли не по вине подрядчика» [1].

Подчеркивается, что акты, на которые ссылается подрядчик, говорят только о факте реализации промежуточных работ, то есть они не могут считаться основанием для предварительной приемки конкретного этапа работ, с которым, в свою очередь, сопряжен переход риска на заказчика. В соответствии с п. 3 ст. 753 ГК РФ «Риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства, до приёмки этого объекта заказчиком, несёт подрядчик» [1]. Таким образом, при подобного рода обстоятельствах, разрушенный в ходе разлива реки фундамент обязан быть повторно возведен за счет де нежных средств подрядчика.

2. Суть ситуации: подрядчик со своей стороны обратился в суд с иском, в котором было изложено о том, что он намеревается взыскать со второй стороны правоотношений сумму денежных средств в размере 100 000 руб. по заключенному ранее договору строительного подряда. Изучив сущность и структуру рассматриваемого дела определено, что между сторонами правоотношений был заключен договор строительного подряда, опираясь на который установлено, что подрядчик обязался изготовить бетонные плиты и реализовать работы по монтажу изготовленных конструкций на объекте заказчика, а также осуществить передачу изделий и выполненных работ в личное пользование второй стороне правоотношений. Заказчик обязался принять изготовленные бетонные конструкции и работы по их непосредственной установке на объекте, а также осуществить оплату, которая указана в п.4.1 договора строительного подряда.

Далее рассмотрим, какие аргументы приводит со своей стороны истец по рассматриваемому делу. Так, истец утверждает, что второй стороной правоотношений не была осуществлена своевременная оплата за работу. Исковые требования, следующие: взыскать с заказчика полную сумму, которая отражена в заключенном договоре строительного подряда. Суд первой инстанции постановил следующее: отказ в удовлетворении требований по исковому заявлению со стороны подрядчика.

Подрядчик со своей стороны обратился с исковым заявлением в апелляционный суд, который подтвердил правомерность первой инстанции по причине неимения доказательной базы, которая, в свою очередь, подтверждала факт исполнение подрядчиком работ по ранее заключенному договору строительного подряда. Стоит отдельно подчеркнуть, что фундаментальным основанием для образования как такового обязательства заказчика по непосредственной оплате выполненных работ и услуг является сдача окончательного результата работ. Со своей стороны подрядчик не уведомил вторую сторону правоотношений о факте окончания работ, а также не вызвал заказчика на приемку работ и услуг и поэтому, он в свою очередь не имеет права опираться на отказ второй стороны правоотношений от реализации обязательств по заключенному ранее договору строительного подряда и требовать со второй стороны правоотношений оплаты на основании акта сдачи работ, который был подписан в одностороннем порядке, поскольку работы и услуги по договору строительного подряда заказчику не передавались. Таким образом, апелляционный суд правомерно оставил судебные акты по рассматриваемому делу без изменений.

В заключение отметим, что договор строительного подряда - ключевой инструмент регулирования в сфере строительства. Анализ теории и практики выявил пробелы в законодательстве. Споры о качестве и сроках требуют унификации норм. Совершенствование правового механизма необходимо для минимизации рисков и обеспечения стабильности отрасли. Дальнейшие исследования должны быть направлены на устранение коллизий и повышение эффективности договорной конструкции для устойчивого развития инфраструктуры государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001>
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2022 №№ 3352/22, А40-25926/2022 Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_902365227
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 февраля 2022 г. N 22/20122 Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100433/>

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993: with amendments approved during the nationwide vote on March 14, 2020. – Text: electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001>
2. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06/21/2022 No. 3352/22, A40-25926/2022 Text: electronic // Official Internet portal of Legal Information. – URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/96_902365227
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 22, 2022 N 22/20122 Text: electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100433/>

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_344

УДК 347.78

КОМПЕТЕНЦИЯ МИРОВОГО СУДЬИ В ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА THE COMPETENCE OF THE JUSTICE OF THE PEACE IN THE TREND OF CHANGING PROCEDURAL LEGISLATION

ГРАЧЕВА Анастасия Алексеевна,

магистрант юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: gracheva223@list.ru.

БЕЛЯЕВА Кристина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

GRACHEVA Anastasia Alekseevna,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: gracheva223@list.ru.

BELYAEVA Kristina Alexandrovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Law Institute

of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется трансформация института мировой юстиции под влиянием перманентных изменений процессуальных норм. Рассматривается динамика расширения и сужения предметной и территориальной подсудности дел, отнесенных к ведению мировых судей. Особое внимание уделяется влиянию законодательных новелл на нагрузку судей и доступность правосудия для граждан. Автор исследует корреляцию между ростом судебной нагрузки и корректировкой критериев родовой подсудности. Выявляются проблемные аспекты правоприменения в условиях реформирования процессуальных кодексов и предлагаются пути оптимизации судебной компетенции. Делается вывод о ключевой роли данного звена судебной системы в обеспечении оперативной защиты нарушенных прав.

Abstract: The article analyzes the transformation of the institute of world justice under the influence of permanent changes in procedural rules. The dynamics of the expansion and narrowing of the subject and territorial jurisdiction of cases assigned to the jurisdiction of magistrates is considered. Special attention is paid to the impact of legislative amendments on the workload of judges and the accessibility of justice for citizens. The author examines the correlation between the increase in the judicial burden and the adjustment of the criteria of generic jurisdiction. Problematic aspects of law enforcement in the context of the reform of procedural codes are identified and ways to optimize judicial competence are proposed. The conclusion is made about the key role of this link of the judicial system in ensuring prompt protection of violated rights.

Ключевые слова: мировые судьи, процессуальное законодательство, подсудность, судебная реформа, нагрузка на судей, доступ к правосудию.

Keywords: justices of the peace, procedural legislation, jurisdiction, judicial reform, burden on judges, access to justice.

Для цитирования: Грачева А.А., Беляева К.А. Компетенция мирового судьи в тенденции изменяющегося процессуального законодательства // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_344.

For citation: Gracheva A.A., Belyaeva K.A. The competence of a justice of the peace in a trend of changing procedural legislation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_344.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Реформирование процессуального законодательства в последние годы приобрело характер перманентного процесса, что неизбежно сказывается на функционировании всех звеньев судебной системы. Наиболее чувствительным к этим изменениям оказался институт мировых судей, который исторически выступает связующим звеном между гражданином и правосудием. Компетенция данного звена судов общей юрисдикции постоянно находится в зоне турбулентности: законодатель, решая задачи по оптимизации судебной нагрузки или унификации процедур, корректирует родовую и территориальную подсудность, зачастую без должного прогнозирования последствий. Подобная нестабильность нормативного регулирования ставит перед исследователями ряд вопросов о разумности и достаточности тех пределов, в которых мировые судьи осуществляют свою деятельность. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления того, насколько оперативно судебная система адаптируется к новым правилам игры и как частое изменение процессуальных правил влияет на главную функцию мировой юстиции - обеспечение оперативной и доступной защиты нарушенных прав.

Эволюция предметной и территориальной подсудности мировых судей представляет собой сложный и не всегда последовательный процесс, отражающий поиск оптимальной модели судебной системы. Обращение к истории вопроса демонстрирует, что критерии отнесения дел к компетенции данного звена судов изначально не были произвольными. Как справедливо отмечается в юридической литературе, при разработке Устава гражданского судопроизводства 1864 года законодатель исходил из двух основных параметров: характера спора и цены иска. Эта логика позволяла обеспечить баланс между доступностью правосудия и его качеством. Однако возрождение института мировых судей в современной России, по мнению исследователей, сопровождалось известной долей произвольности при определении круга рассматриваемых ими дел. Отсут-

ствие четких, научно обоснованных критериев приводило к тому, что подсудность неоднократно корректировалась, преследуя сиюминутную цель - снизить непомерную нагрузку на судей, а не обеспечить системную эффективность правосудия. Такой подход вступает в противоречие с изначальной концепцией судебной реформы и позицией Конституционного Суда, настаивающего на учете сложности дела как одного из ключевых ориентиров при определении подсудности [1].

Динамика законодательных изменений последних лет лишь подтверждает этот тезис о перманентном поиске и перенастройке. С 2019 года в России функционировали самостоятельные кассационные суды общей юрисдикции, построенные по экстерриториальному принципу, которые рассматривали жалобы на решения мировых судей, находящиеся порой за сотни километров от места жительства граждан. Как справедливо указывал зампред Верховного Суда РФ, решения мирового судьи из Якутии кассировались во Владивостоке, а из Коми - в Санкт-Петербурге. Это создавало очевидные логистические и финансовые сложности для участников процесса, фактически ограничивая их право на судебную защиту. Ответом на этот вызов стала новая законодательная инициатива Верховного Суда, одобренная в первом чтении в 2026 году, о возвращении кассационных полномочий по делам мировой юстиции президиумам верховных судов республик, краевых и областных судов. Данная реформа знаменует собой существенный разворот от жесткой централизации к учету региональной специфики и территориальной доступности. Параллельно с этим на региональном уровне, например, в Якутии, предпринимаются шаги по точечному перераспределению территориальной подсудности между судебными участками внутри одного города для выравнивания колоссальной нагрузки на судей [2].

Осмысление российской практики было бы неполным без сравнительно-правового анализа зарубежного опыта, который демонстрирует иные подходы к определению компетенции аналогичных судебных инстанций. В Англии, на родине института мировых судей, их роль в системе правосудия является основополагающей: магистратские суды рассматривают более 90% всех уголовных дел, преимущественно небольшой тяжести. Широта их предметной подсудности базируется на многовековой традиции и высоком доверии общества к суду, где заседают не профессиональные судьи, а уважаемые члены местного сообщества. В отличие от российской модели, где профессиональный ценз является обязательным, английский подход подчеркивает ценность общественного участия и локального знания. Иная модель существует в Германии, где сильна традиция профессионального правосудия, однако принцип "идентичности судьи" обеспечивает рассмотрение дела от начала до конца одним и тем же составом, что гарантирует высокую степень последовательности и предсказуемости судебных актов. Проблема частой смены магистратов в ходе процесса (так называемых "музыкальных магистратов"), острая для Австралии и Англии, где из-за ротаций страдает качество и последовательность правоприменения, в российской системе с ее профессиональным судебским корпусом и принципом неизменности состава стоит не так остро, хотя нагрузка создает свои риски. Примечателен и опыт Австралии, где в 2026 году вступили в силу изменения, фактически приравнивающие магистратов Нового Южного Уэльса к судьям, что является не просто сменой вывески, а сигналом о повышении статуса и значимости этого звена судебной системы. Иранский же опыт, напротив, демонстрирует, как прерывистая историческая традиция и узкая предметная подсудность (только незначительные правонарушения) не позволяют судам для магистратов стать реальным инструментом разгрузки вышестоящих инстанций без потери качества и доверия граждан [3].

Динамика процессуального законодательства последних лет оказывает непосредственное и зачастую определяющее влияние на объем служебной нагрузки мировых судей, что в свою очередь становится критическим фактором, лимитирующим доступность правосудия для населения. Статистические данные свидетельствуют о запредельном уровне загруженности данного звена судебной системы: по информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по итогам прошлого года мировые судьи рассматривали в среднем по 543 дела в месяц, что в десять раз превышает аналогичный показатель у судей районных судов. В отдельных регионах, таких как Москва и Тюменская область, эта цифра переваливает за тысячу дел ежемесячно. Примечательно, что на долю мировой юстиции сегодня приходится около 80% всех рассматриваемых в стране дел, что делает их фактически главным лицом правосудия для обычного гражданина [4].

Столь высокая интенсивность труда неизбежно порождает целый комплекс негативных последствий, напрямую подрывающих доступность и качество судебной защиты. Перегруженность судей ведет не только к банальному утомлению и формальному отношению к заявителям, но и к снижению качества судебных актов, появлению в них юридических и орфографических ошибок. Проблема усугубляется кадровым дефицитом и высокой текучестью среди работников аппаратов мировых судей. Как отмечалось на заседании коллегии Минюста Татарстана, основной причиной увольнения сотрудников (а общий показатель текучки по региону достиг 20%, а в отдельных районах Казани - 40-60%) остается именно высокая служебная нагрузка, абсолютно несоизмеримая с уровнем оплаты труда. Сложившаяся ситуация, при которой молодые специалисты не стремятся в судебную систему, а нагрузка на действующих судей растет, формирует замкнутый круг, угрожающий стабильности всей системы правосудия.

Парадоксальным образом законодательные новеллы, призванные разгрузить судей, порой оборачиваются дополнительными барьерами. Так, создание в 2019 году экстерриториальных кассационных судов для пересмотра дел мировых судей, хотя и решало задачу независимости инстанций, на практике создало логистические и финансовые трудности для граждан, вынужденных ехать за сотни километров для участия в процессе. Ответом на этот вызов стала недавняя инициатива Верховного Суда, поддержанная Пленумом в январе 2026 года, о возвращении кассационных полномочий по делам мировой юстиции президиумам судов субъектов РФ, что должно повысить территориальную доступность правосудия [5].

Одним из перспективных направлений совершенствования компетенции мировых судей выступает их предметная специализация. В научном сообществе обосновывается возможность введения специализации мировых судей по отдельным категориям дел, например по рассмотрению избирательных споров, регулируемых значительным массивом законодательства. Обращение к зарубежному опыту демонстрирует,

что проблема непрерывности судейского состава и последовательности правоприменения стоит достаточно остро во многих странах. Исследование австралийских магистратских судов, рассматривающих более 96% всех уголовных дел в Квинсленде, выявило феномен "музыкальных магистратов", когда разные судьи ведут последовательные слушания по одному делу, что приводит к противоречивости решений и снижению доверия к правосудию. В качестве позитивного примера приводится германская модель, основанная на принципе "идентичности судьи", требующем рассмотрения дела от начала до конца одним составом суда, что обеспечивает высокую степень предсказуемости и последовательности судебных актов [6].

В российской практике обсуждаются различные подходы к оптимизации компетенции мировых судей. Среди предложений - изменение подсудности в гражданском и административном судопроизводстве с передачей части полномочий органам исполнительной власти, а также перевод уголовных дел частного обвинения в разряд частно-публичных, что позволило бы снизить нагрузку без ущерба для доступности правосудия. На уровне Совета Федерации активно обсуждаются вопросы цифровизации деятельности мировых судей, внедрения технологий искусственного интеллекта для машинного чтения документов, составления проектов судебных актов и оптимизации распределения нагрузки. Однако, по данным Счетной палаты, электронная подача документов сегодня работает лишь на 46% судебных участков, а единое цифровое пространство до сих пор не создано.

Комплексный подход к реформированию мировой юстиции предполагает не только корректировку процессуального законодательства, но и решение организационных, кадровых и финансовых вопросов. Как справедливо отмечается на официальном уровне, необходим переход от устаревшего критерия численности населения при определении границ судебных участков к многофакторной гибкой модели, учитывающей урбанизацию, миграционные потоки и деловую активность в регионах. Положительные примеры уже есть: в Чувашии благодаря увеличению штатной численности аппарата и повышению денежного содержания удалось снизить текучесть кадров с 22% до 9% [7].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институт мировых судей в условиях перманентного реформирования процессуального законодательства остается наиболее уязвимым звеном судебной системы, чутко реагирующим на любое изменение правил подсудности. Достижение баланса между доступностью правосудия и его качеством требует не столько дальнейших точечных корректировок процессуальных норм, сколько комплексного подхода, сочетающего пересмотр критериев нагрузки, внедрение цифровых технологий и адекватное ресурсное обеспечение судебных участков. Дальнейшая судьба мировой юстиции видится в поиске разумного компромисса между оперативностью рассмотрения дел и соблюдением фундаментальных гарантий судебной защиты, что делает ее своеобразным индикатором состояния всей правовой системы.

Список литературы:

1. Нестеров В.М. Изменение подсудности мировых судей по гражданским делам // Мировой судья. 2024. № 03.
2. Кассацию встроит в региональную вертикаль. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8420793> (дата обращения 13.03.2026).
3. Нурмухаметов Р.Н. Мировые судьи за пределами национальных границ: сравнительно-правовое исследование. // Правовое государство: теория и практика. 2025. Том 21. № 1(79). С. 213-221.
4. В судебном сообществе обсуждается законопроект, связанный с "доступностью правосудия". // URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-sudebnom-soobshchestve-obsuzdaetsya-zakonoproekt-svyazannyi-s-dostupnostyu-pravosudiya-6003820> (дата обращения 13.03.2026).
5. Дворянинов А. С. Место и роль института мировых судей в системе судебной власти // StudNet. 2021. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-instituta-mirovyh-sudey-v-sisteme-sudebnoy-vlasti> (дата обращения: 13.03.2026).
6. Каша, И. В. Влияние реформ гражданского процесса на деятельность мировых судей в РФ / И. В. Каша, Н. А. Лагутина. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2021. - № 20 (362). - С. 338-341. - URL: <https://moluch.ru/archive/362/80970>.
7. Оганесян Р.А., Япрынтsev Р.В. Полномочия мирового судьи // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сб. трудов по итогам научно-практического семинара. Вып. 4. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 22 июня 2021 года / отв. ред. Е.С. Косых. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 145-147.

References:

1. Nesterov V.M. Changing the jurisdiction of magistrates in civil cases // Justice of the Peace. 2024. No. 03.
2. Cassation will be integrated into the regional vertical. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8420793> (accessed 03/13/2026).
3. Nurmukhametov R.N. Justices of the Peace beyond national borders: a comparative legal study. // The rule of law: theory and practice. 2025. Volume 21.No. 1(79). pp. 213-221.
4. A draft law related to "accessibility of justice" is being discussed in the judicial community. // URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-sudebnom-soobshchestve-obsuzdaetsya-zakonoproekt-svyazannyi-s-dostupnostyu-pravosudiya-6003820> (accessed 13.03.2026).
5. Dvoryaninov A. S. The place and role of the Institute of magistrates in the judicial system // StudNet. 2021. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-instituta-mirovyh-sudey-v-sisteme-sudebnoy-vlasti> (date of request: 03/13/2026).
6. Kasha, I. V. The impact of civil procedure reforms on the activities of magistrates in the Russian Federation / I. V. Kasha, N. A. Lagutina. - Text : direct // Young scientist. - 2021. - № 20 (362). - Pp. 338-341. - URL: <https://moluch.ru/archive/362/80970>
7. Oganessian R.A., Yapryntsev R.V. The powers of a justice of the peace // Law and the state: history and modernity, development prospects: proceedings based on the results of a scientific and practical seminar. Issue 4. Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, June 22, 2021 / ed. by E.S. Kosykh. Sterlitamak: Sterlitamak branch of BASHGU, 2021. pp. 145-147.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА В УСЛОВИЯХ БАНКРОТСТВА УМЕРШЕГО ГРАЖДАНИНА ON SOME ISSUES OF THE INVALIDITY OF THE DEBTOR'S TRANSACTIONS IN THE CONTEXT OF THE BANKRUPTCY OF A DECEASED CITIZEN

ВАСИЛЬЕВ Евгений Владимирович

Аспирант, Самарский государственный экономический университет,
Россия 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
v.e.vl@yandex.ru

VASILIEV Evgeniy Vladimirovich

Samara State University of Economics,
Russia 443090, Samara, st. Soviet Army, 141
v.e.vl@yandex.ru

Краткая аннотация: Институт банкротства является важным элементом обеспечения и защиты интересов участников гражданских правоотношений. В числе прочих целями банкротства является - восстановление финансовой стабильности как физических, так и юридических лиц, не способных исполнять свои обязательства. Но в то же время осуществление банкротства невозможно без учёта интересов кредиторов, имеющих обоснованные притязания на получение исполнения по обязательствам должника в ходе процедур банкротства. Зачастую должник в преддверии банкротства стремится уменьшить объём имущества, подлежащий последующей реализации, для чего совершает сделки, направленные на отчуждение своего имущества. Механизмом позволяющим защитить интересы иных участников правоотношений банкротства в таком случае является оспаривание сделок должника. Однако, каким образом возможно оспаривание сделок и возвращение имущества в конкурсную массу, когда должник уходит из жизни? Данная статья направлена на анализ процедуры банкротства умершего должника в рамках действующего законодательства, а также на изучение правовых последствий и механизмов, для целей оспаривания сделок умершего гражданина. В настоящей статье рассматриваются проблемы недостаточного регулирования процедуры банкротства умершего должника-гражданина.

Abstract: The institution of bankruptcy is an important element in ensuring and protecting the interests of participants in civil legal relations. Among other goals of bankruptcy, there is the restoration of the financial stability of both individuals and legal entities that are unable to fulfill their obligations. However, the implementation of bankruptcy is impossible without taking into account the interests of creditors who have legitimate claims to receive payment for the debtor's obligations during the bankruptcy proceedings. Often, the debtor, in anticipation of bankruptcy, seeks to reduce the amount of property that will be subject to subsequent sale by making transactions aimed at disposing of their property. The mechanism for protecting the interests of other participants in bankruptcy proceedings is the contestation of the debtor's transactions. However, how can transactions be contested and property returned to the bankruptcy estate when the debtor passes away? This article aims to analyze the bankruptcy procedure for deceased debtors.

Ключевые слова: арбитражные процедуры, банкротство, несостоятельность, банкротство (несостоятельность) умершего должника-гражданина, реализация имущества умершего должника-гражданина, реализация имущества, оспаривание сделок должника.

Keywords: arbitration proceedings, bankruptcy, insolvency, bankruptcy (insolvency) of a deceased individual debtor, sale of the property of a deceased individual debtor, sale of property, and contestation of transactions by the debtor.

Для цитирования: Васильев Е.В. О некоторых вопросах недействительности сделок должника в условиях банкротства умершего гражданина // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 347-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_347.

For citation: Vasiliev E.V. On some issues of the invalidity of the debtor's transactions in the bankruptcy of a deceased citizen // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 347-348. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_347.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Сравнительно новой частью регулирования процесса банкротства, введенной Федеральным Законом от 29.06.2015 № 154-ФЗ¹ является банкротство гражданина в случае его смерти. После закрепления в действующем законодательстве возможности банкротства умершего гражданина в правоприменительной практике возник ряд дискуссионных, представляющих академический интерес вопросов, некоторые из них связаны с оспариванием сделок должника. Одним из наиболее востребованных инструментов пополнения и формирования конкурсной массы в процессе банкротства является оспаривание сделок должника.

Статьями 10, 168, 170 и 174.1 Гражданского кодекса Российской Федерации² и статьями 61.1-61.9, 213.32 Федерального Закона от 28.06.2022 N 212-ФЗ³ предусматривается возможность оспаривания сделок должника-гражданина. Существование указанного способа формирования конкурсной массы должника обусловлено одной из основных целей процедуры банкротства – погашения требований кредиторов должника. Действие механизма необходимо и для формирования конкурсной массы в условиях банкротства умершего должника.

Однако возможность оспаривания сделок должника в случае его смерти прямо законом не предусмотрена и в правоприменительной практике реализуется на основании статей 10, 168, 170 и 174.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и статей 61.1-61.9, 213.32, 223.1 Федерального Закона от 28.06.2022 N 212-ФЗ, в которых отсутствует прямое указание на оспаривание сделок гражданина в случае его смерти.

Также в случае оспаривания сделок должника в случае его смерти возникает конкуренция норм права, в частности в соответствии с подпунктом 6 пункта 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что после смерти гражданина, являющегося стороной в деле, спорное правоотношение не допускает правопреемства⁴, в соответствии с абзацем 7 статьи 220 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ суд прекращает производство по делу в случае, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство.

Представляется, что финансовый управляющий не является правопреемником умершего гражданина, так как имеет особый процессуальный статус в деле о банкротстве, а также права и обязанности которыми не может обладать должник.

Относительно наследников умершего гражданина следует отметить, что момент их вступления в дело может быть значительно отсрочен, также они могут отказаться от наследства и не предпринимать действий по его принятию. Кроме того, в практике возможна ситуация отсутствия у должника наследников, а также отсутствие у должника какого-либо имущества которое возможно наследовать и за счет которого могут погашаться требования кредиторов умершего должника. Более того совершение сделок с пороками может осуществляться должником целена-

правленно. При этом дело о банкротстве умершего должника не прекращается при отсутствии наследников.

В то же время наследники могут иметь противоправный интерес в отношении подлежащих оспариванию сделок и напротив предпринимать действия, направленные на усложнение признания сделок недействительными и сохранения за собой имущества, отчужденного умершим в их пользу перед своей кончиной.

В таком случае сохраняется возможность формирования конкурсной массы, что возможно благодаря оспариванию сделок должника.

Учитывая фактическое отсутствие прямого правопреемника умершего должника в описанных выше ситуациях, с формульной стороны, руководствуясь подпунктом 6 пункта 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, либо абзацем 7 статьи 220 Гражданского кодекса Российской Федерации следовало бы прекращать производство по оспариванию сделок умершего должника.

Однако подобные судебные акты привели бы к существенным нарушениям прав кредиторов гражданина, ушедшего из жизни и иных участвующих в деле о банкротстве лиц.

С учетом изложенного представляется недопустимым возможность прекращения производства по заявлениям об оспаривании сделок умершего должника по причине смерти должника.

Из указанных обстоятельств представляется необходимым усовершенствовать действующее законодательство и включить в него нормы, прямо предусматривающие возможность оспаривания сделок в случае банкротства умершего гражданина, а также усовершенствовать нормы права, регламентирующие процесс рассмотрения заявлений об оспаривании сделок.

Помимо самой возможности признания недействительными совершенных умершим сделок, для формирования конкурсной массы и последующего соразмерного удовлетворения требований кредиторов умершего гражданина требуется применение последствий недействительности сделок в случае их признания таковыми – возврат отчужденного имущества в конкурсную массу.

В случае применения последствий недействительности сделок по отчуждению, совершенных умершим в отношении регистрируемого имущества – недвижимого имущества, автотранспортных средств, маломерных судов, специальной техники и иного подобного имущества требуется осуществление регистрации на возвращаемые объекты за должником.

Однако так как гражданин умер в силу прямого указания статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации его правоспособность прекращается с его смертью.

В то же время, обязанность и право по государственной регистрации имущества строго формально не может перейти к наследникам или финансовому управляющему должника в силу особенностей статуса должника – банкрота и порядка применения последствий недействительности сделок, предусматривающего в действующей правовой парадигме восстановление нарушенных прав, соответственно возвращение имущества лицу, ранее утратившего на него право.

В подобной ситуации представляется необходимым усовершенствование действующего законодательства, в частности включение в статью 17 Гражданского кодекса Российской Федерации положений о прекращении правоспособности умершего гражданина в случае банкротства такового не с момента его смерти, а с момента завершения в отношении него процедур банкротства.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.
2. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. Федеральный закон «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Федеральный закон «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Белова И.Е. Особенности оспаривания сделки должника-гражданина: тенденции законодательства и правоприменительной практики / И.Е. Белова // Проблемы экономики и юридической практики № 6-2020. С. 172–177.
7. Акиев, В. В., Бортников, С. П. Злоупотребление гражданином правом на банкротство / В. В. Акиев, С. П. Бортников // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 15 марта 2020 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 433-436. – EDN ZCGWIW.
8. Бортников, С. П. Банкротство страны и муниципалитета: возможность и целесообразность / С. П. Бортников // Академия права и экономики – 2018. – № 2(6). – С. 23-25. – EDN WPFYFI.
9. Бортников, С.П. Проспективная и ретроспективная ответственность / С. П. Бортников // ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА – 2012. – №54. – С. 47-50.
10. Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы / Попондопуло В.Ф. // Журнал российского права – 2025 - № 3 – С. 67-78.

References

1. Federal Law No. 154-FZ dated June 29, 2015 "On the Regulation of the Specifics of Insolvency (Bankruptcy) in the Territories of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 27. Art. 3945.
2. Federal Law "The Civil Code of the Russian Federation (part one)" dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. N 32. art. 3301.
3. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. N 43. art. 4190.
4. Federal Law "Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 30, art. 3012.
5. Federal Law "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 46, art. 4532.
6. Belova I.E. Features of contesting a debtor-citizen transaction: trends in legislation and law enforcement practice / I.E. Belova // Problems of economics and legal practice No. 6-2020. pp. 172-177.
7. Akiev, V. V., Bortnikov, S. P. Abuse of a citizen's right to bankruptcy / V. V. Akiev, S. P. Bortnikov // Russian science: industrial research and development: collection of scientific articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, March 15, 2020. Volume Part 2. Samara: Samara State University of Economics, 2020. pp. 433-436. - EDN ZCGWIW.
8. Bortnikov, S. P. Bankruptcy of the country and the municipality: possibility and expediency / S. P. Bortnikov // Academy of Law and Economics – 2018. – № 2(6). – Pp. 23-25. – EDN WPFYFI.
9. Bortnikov, S. P. PROSPECTIVE AND RETROSPECTIVE RESPONSIBILITY / S. P. Bortnikov // ISSUES OF ECONOMICS AND LAW – 2012. – No. 54. – pp. 47-50.
10. Popondopulo V.F. Legal personality as a general prerequisite for copyright ownership: debatable issues / Popondopulo V.F. // Journal of Russian Law – 2025 - No. 3 – Pp. 67-78.

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЭТНОМЕДИАЦИИ В ГОД ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF ETHNOMEDIATION IN THE YEAR OF UNITY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

КИВЛЕНОК Татьяна Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: ta-bagi@mail.ru

KIVLENOK Tatyana Valentinovna

Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: ta-bagi@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу проблемы развития этномедиации в РФ. В год Единства народов России этномедиация получила новый этап развития. Отмечается важность дальнейшего развития данного вида альтернативных способов урегулирования споров. Даны предложения по популяризации этномедиации.

Abstract: This article analyzes the development of ethnomediation in the Russian Federation. During the Year of Unity of the Peoples of Russia, ethnomediation entered a new phase of development. The importance of further developing this type of alternative dispute resolution is noted. Suggestions for popularizing ethnomediation are presented.

Ключевые слова: альтернативные способы урегулирования споров, медиация, этномедиация как вид медиации.

Keywords: alternative dispute resolution methods, mediation, ethnomediation as a type of mediation.

Для цитирования: Кивленок Т.В. Новый этап развития этномедиации в год единства народов России // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_349.

For citation: Kivlenok T.V. A new stage in the development of ethnomediation in the year of the Unity of the peoples of Russia // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 349-351. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_349.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Указом Президента РФ от 25.12.2025 N 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» [2] 2026 год в России объявлен **Годом единства народов России** для укрепления межнационального согласия, дружбы и взаимопонимания между этносами. Основная цель — сохранение культурного многообразия, традиций и языков, а также формирование общероссийской гражданской идентичности. Достижению указанной цели должна способствовать и этномедиация, т.к. способствует снижению агрессивности, распространению идей толерантности, терпимости, а также стремлению решать конфликтные ситуации с помощью поиска компромисса.

Институт медиации - процедура урегулирования спора с помощью нейтрального и беспристрастного посредника (медиатора), который помогает сторонам в достижении добровольного, взаимовыгодного соглашения, занимает центральное место в современной системе альтернативных способов разрешения споров. В настоящее время общество должно стремиться к минимизации конфликтных ситуаций, а также к поиску оптимальных путей их решения [6].

Сегодня медиация является перспективным направлением для разрешения споров. Процедура универсальная, более гибкая, быстрая и менее затратная, чем другие способы альтернативного урегулирования конфликтов. Медиация призвана эффективно, в подавляющем большинстве случаев быстро и экономично, обеспечивать результаты, которые устраивают обе стороны.

Важным аспектом в решении юридических конфликтов и споров, опираясь на медиацию, являются как национальные особенности, менталитет и специфика построения законодательства различных государств.

Процедура медиации находит активное применение во многих сферах жизни общества и является путем разрешения различных конфликтов. Однако следует отметить, что первоначально медиация применяется при разрешении частноправовых конфликтов. Так, Поротикова О.А. отмечает, что «по своей природе процедура медиации, являющаяся собой сложный сплав психологии (конфликтологии) и права, тяготеет скорее к материальному частному праву, чем к процессу» [4].

Необходимо подчеркнуть, что истоками медиативной процедуры являются основательные социокультурную почву, создающую предпосылки, предопределяющие возникновение условий для использования указанной процедуры при разрешении споров, имеющих место, как в правовой сфере, так и в иных, неправовых сферах, что свидетельствует о расширении границ функционирования закона о медиации. Такой разновидности медиации, как этномедиация, в Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] не указано, но в законе прописано что медиация способствует гармонизации социальных отношений и применяется к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений. Законодательное закрепление непосредственно видов медиации, также, как и особенностей ее процедуры с учетом сферы применения, в настоящее время отсутствует в российском законодательстве, несмотря на то что данные вопросы неоднократно являлись предметом изучения зарубежных правоведов. Однако этномедиация обладает определенными особенностями, которые выделяют этот вид медиации в особую категорию.

Этномедиация — это специализированное направление медиации, которое фокусируется на разрешении конфликтов, возникающих на национальной, межэтнической или религиозной почве.

Этномедиация работает со спорами, где ключевую роль играют:

- разница в культурных традициях и обычаях;
- языковые барьеры и проблемы самоидентификации;
- религиозные разногласия;
- исторические обиды между народами;
- вопросы миграции и интеграции (например, конфликты между местными жителями и приезжими).

Миграция населения сыграла выдающуюся роль в истории человечества, с ней связаны процессы заселения, хозяйственного освоения земли, развития производительных сил, образования и смешения рас, языков и народов.

Однако, миграция населения является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни, в том числе вопросы взаимодействия коренных жителей территории с мигрантами. И для решения проблем во взаимоотношениях этномедиация могла бы сыграть положительную роль, т.к. именно такой вид медиации помогает не просто найти компромисс, а добиться восстановления уважительных отношений между сторонами, помочь сторонам понять культурные коды и ценности друг друга, а в некоторых случаях, способна предотвратить перерастание бытового конфликта в опасное межнациональное противостояние.

Основным участником процесса этномедиации выступает профессиональный посредник (медиатор), помогающий участникам спора разобраться в сути конфликта и решить его на условиях, которые удовлетворяют обе стороны. Медиатор направляет свои усилия на изменение фокуса спора, что участники его увидели не как конфликт интересов, а как проблему, которой необходимо найти приемлемое для обеих сторон решение.

Не вызывает сомнений, что главным направлением деятельности указанного субъекта является поддержка, оказываемая им участникам конфликта в целях его скорейшего и взаимовыгодного разрешения, что в таком случае свидетельствует о высоком уровне компетентности медиатора.

Данные проявления компетентности могут быть следствием наличия таких качеств, как ум, уважение, гибкость, отзывчивость, чуткость, забота, открытость, терпеливость, сила.

Другим, не менее важным свойством посредника в разрешении споров, особенно в этномедиации, следует отметить навык нахождения на позиции между интересами двух участников, оставаясь при этом в одинаковой степени удаленным от позиции каждого из них и не независимым, но в то же время направляющим участников конфликта на взаимовыгодное и оперативное решение вопроса.

Между тем, медиатора нельзя представить без таких неотъемлемых качеств, как активность, положительный настрой на решение вопроса, стремление к цели, уверенность, решительность, эмпатичность.

Еще одним аспектом рассматриваемого вопроса является вопрос о необходимости наличия у медиатора навыков эксперта в области, в которой возник спор [5]. Согласно сложившейся практике, причины споров практически не связаны с вопросами области знаний, поскольку по мере устранения истинных причин конфликта умений, присущих сторонам, более чем достаточно для рассмотрения конфликта посредством нахождения выхода из ситуации, взаимовыгодного для обеих сторон. Однако в этномедиации глубокое знание культур конфликтующих сторон становится обязательным: медиатор должен понимать традиции, табу и особенности коммуникации обеих сторон, чтобы случайно не усугубить конфликт, активно работать с предрассудками, помогая отделить реальные претензии от стереотипов. В некоторых случаях требуется языковая чуткость, т.к. одни и те же слова могут восприниматься по-разному в разных культурах. Медиатору необходимо использовать возможность приглашения переводчика.

Однако следует отметить, что значение роль медиатора в ходе проведения данной процедуры не должна заключаться в углублении в области знаний, поскольку его основная роль - помочь сторонам в разрешении конфликта путем взаимодействия. Если же в ходе разрешения конфликта происходит разбор фактов сторонами, медиатор, не вникая в суть конфликта, способствует обсуждению сторонами значимых вопросов, обеспечивая поддержание условий диалога и достижение решения, удовлетворяющего все стороны.

Законодатель в ходе перечисления категорий правовых споров, подлежащих разрешению при помощи медиации, тем самым определил требования к допустимости применения медиации в подобных конфликтах. В современном российском праве определены следующие три вида медиации:

- досудебная медиация, в ходе которой стороны предпринимают попытки разрешить конфликт до обращения в суд, используя услуги медиатора;
- внесудебная медиация, в ходе осуществления которой стороны привлекают медиатора в целях оказания услуг в разрешении спора без обращения с иском в судебные инстанции;
- судебная медиация, в ходе которой при рассмотрении заявленного в судебный орган иска стороны при помощи медиативных процедур приходят к обоюдному соглашению.

Следует отметить, что для межнационального конфликта внесудебный порядок применения медиации является наиболее приемлемым, хотя на практике он не получил широкого распространения по причине особенностей менталитета и культуры участников конфликтов в России, противопоставляющих медиации справедливость и ответственность, что неоднократно отмечалось российскими правоведом [3].

Представляется целесообразным в подобного рода спорах проводить досудебное выяснение обстоятельств, послуживших предпосылкой конфликта, а также его разрешение в ходе переговоров с его сторонами, основываясь, прежде всего, не на положениях закона, а на психологической стороне взаимоотношений сторон конфликта, в том числе на национальной (межэтнической почве).

Этномедиация может найти свое применение в трудовых коллективах, в поликультурных классах школ, при работе с беженцами и пе-

реселенцами, во взаимоотношениях различных диаспор, т.е. при разрешении споров между конфликтующими сторонами представителей различных национальностей.

Преимуществами процедуры медиации (в том числе этномедиации) являются:

- меньшая формальность и наличие большей свободы выбора;
- многовариантность разрешения спора: участники конфликта могут договариваться о любых условиях, которые бы не противоречили действующему законодательству;
- наличие возможности в любой момент начать процедуру медиации или прекратить её в одностороннем порядке;
- возможность придать соглашению юридическую силу в случае наличия сомнений в ответственности исполнителя;
- гибкие условия проведения процедуры медиации: участники могут прописать свои условия, а также выбрать медиатора, который будет устраивать всех участников конфликта [7].

Помимо этого, медиация позволяет ускорить процесс судопроизводства по разбирательству дела, дает возможность конфиденциальности рассматриваемой информации в ходе разбирательства дела.

Однако несмотря на все преимущества процедуры медиации, есть и другая сторона, которая отражает её недостатки:

- неготовность участников. Зачастую желание пойти на переговоры расценивается, как слабость и заведомый проигрыш в деле, поэтому одна из сторон не желает идти на уступки при разрешении дела в суде. Также частой ситуацией бывает перекладывание ответственности за результаты разрешения дела на судебные органы. Более того, если рассматривать судебный процесс с точки зрения эмоциональной составляющей, то для многих участников он вызывает такой стресс, что им кажется проще решить только юридическую часть вопроса без прибегания к личному контакту и переговорам с другой стороной. В межнациональных конфликтах данный момент усугубляется незнанием языка, различием в культурных обычаях и традициях и др.;

- некомпетентность медиатора. Развитие и применение процедуры медиации как альтернативного способа урегулирования споров на территории России началось достаточно недавно, а такой вид медиации, как этномедиация, только начинает развиваться. Поэтому на территории страны отсутствует достаточное количество учебных заведений, способных подготовить квалифицированных медиаторов, что ведет к снижению качества работы данных специалистов. Вместе с тем в профессии этномедиатора значительную роль играют личные качества человека, умение расположить людей, вывести на контакт. Также немаловажную роль играет соблюдение им норм профессиональной этики;

- процедура медиации подходит не для каждого конфликта. Примером таких споров могут являться ситуации, когда одна из сторон категорически отказывается идти на переговоры и сотрудничать, а также ведет себя недобросовестно. Другой вариант – присутствие неравенства между участниками спора, которое может быть вызвано психологической составляющей;

- риск неисполнения договоренностей. Если мирное соглашение составляется некомпетентным медиатором, то есть риск занесения в него юридических неточностей, которые впоследствии могут стать причиной несоблюдения требований соглашения или обжалования их через судебные органы [7].

Таким образом, применение такого альтернативного способа урегулирования межнациональных конфликтов как этномедиация является важной частью общественной жизни нашего многонационального государства. Медиация дает больше возможностей для решения конфликта, позволяет сэкономить время, а также решить конфликтную ситуацию мирным путем, устанавливая определенные условия и договоренности. Этномедиация сегодня становится все более востребованным инструментом для поддержания мира и согласия в многонациональных обществах.

Вместе с тем не стоит забывать о недостатках медиативного процесса, поэтому всегда следует просчитывать риски и выбирать наиболее удобных для конкретной ситуации способ урегулирования конфликта.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. - № 168. - 30.07.2010.
2. Указ Президента РФ от 25.12.2025 N 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» // Собрание законодательства РФ - 29.12.2025. - № 52 (Часть I). - Ст. 8562.
3. Воронцова И.В., Рахматуллина Р.М. Преимущества и недостатки процедуры медиации в России // Современное право. 2025. N 4. С. 101 - 104.
4. Поротикова, О.А. Особенности правового регулирования соглашений, заключаемых для проведения процедуры медиации // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сборник статей. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. 168.
5. Семикова Т. Кто вы, мистер медиатор? Медиатору запрещено предлагать решение враждующим сторонам // Юрист спешит на помощь. - 2014. - № 3. - С. 22.
6. Соломеина Е.А. Медиация: факторы, влияющие на востребованность процедуры // Вестник гражданского процесса. 2025. N 4. С. 79 - 93.
7. Медиация: правила применения по ГПК, АПК и КАС : [сайт]. – URL: <https://www.law.ru/article/22648-mediatsiya> (дата обращения 20.03.2026).
8. Медиация в семейных конфликтах: преимущества и недостатки : [сайт]. – URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/mediatsiya-v-semeynykh-konfliktakh-preimushchestva-i-nedostatki/> (дата обращения 20.03.2026).

References:

1. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 (as amended on 26.07.2019) "On an alternative Dispute Settlement Procedure with the participation of an Intermediary (mediation procedure)" // Rossiyskaya Gazeta. - № 168. - 30.07.2010.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 25.12.2025 N 962 "On Holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation - 29.12.2025. - No. 52 (Part I). - Art. 8562.
3. Vorontsova I.V., Rakhmatullina R.M. Advantages and Disadvantages of the Mediation Procedure in Russia // Modern Law. 2025. N 4. pp. 101-104.
4. Porotikova, O.A. Features of Legal Regulation of Agreements Concluded for the Mediation Procedure // Development of Mediation in Russia: Theory, Practice, Education: Collection of Articles. - M.: Infotropic Media, 2015. - p. 168.
5. Semikova T. Who Are You, Mister Mediator? The mediator is prohibited from proposing a solution to the warring parties // A lawyer rushes to the rescue. - 2014. - No. 3. - P. 22.
6. Solomeina E.A. Mediation: factors influencing the demand for the procedure // Bulletin of civil procedure. 2025. N 4. pp. 79-93.
7. Mediation: rules of application under the Code of Civil Procedure, Arbitration Procedure Code and Code of Administrative Procedure: [website]. - URL: <https://www.law.ru/article/22648-mediatsiya> (date of access 03/20/2026).
8. Mediation in family conflicts: advantages and disadvantages: [website]. - URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/mediatsiya-v-semeynykh-konfliktakh-preimushchestva-i-nedostatki/> (date of access 03/20/2026).

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ЯНТАРЯ DIFFICULTIES IN INVESTIGATING ILLEGAL AMBER EXTRACTION OFFENSES

СИЦСКАЯ Арфения Рудольфовна,

аспирант Института управления и территориального развития
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия, г. Калининград,
оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции
УМВД России по Калининградской области.
236041, Россия, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.
e-mail: a_sitsskaya@mail.ru

SITSKAYA A. R.,

Postgraduate Student of the Institute of Management and Territorial Development
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad,
The operative of the Department of Economic Security and Anti-Corruption
of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kaliningrad Region.
14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russia, 236041.
e-mail: a_sitsskaya@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье рассмотрены проблемы расследования преступлений, связанных с незаконной добычей и оборотом янтаря. Отмечается, что данная категория деяний характеризуется высоким уровнем латентности, организованным характером преступной деятельности, а также отсутствием частных криминалистических методик, адаптированных к специфике объекта преступного посягательства.

Abstract: This article discusses the problems of investigating crimes related to the illegal extraction and trafficking of amber. It is noted that this category of crimes is characterized by a high level of latency, the organized nature of criminal activity, and the lack of specific forensic methods adapted to the specific nature of the object of criminal attack.

Ключевые слова: незаконная добыча янтаря, криминалистические особенности, проблемы расследования, преступления в сфере недропользования, янтарь, первоначальный этап расследования.

Keywords: illegal amber mining, forensic features, investigation problems, crimes in the field of subsoil use, amber, initial stage of investigation.

Для цитирования: Сицкая А.Р. Проблемы расследования преступлений в сфере незаконной добычи янтаря // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 352-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_352.

For citation: Sitskaya A.R. Difficulties in investigating illegal amber extraction offenses // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 352-354. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_352.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2026

Преступления, связанные с незаконной добычей и оборотом янтаря, представляют собой серьезную угрозу экономической и экологической безопасности Российской Федерации¹. Калининградская область, где сосредоточены основные запасы как янтаря в целом, так и его наиболее пригодной для последующей обработки разновидности - балтийского янтаря (сукцинита), является регионом с наиболее острой криминальной ситуацией в данной сфере. Однако уникальность места происхождения ценного минералоида только дает начало, а вовсе не ограничивает его последующие нелегальные пути реализации как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

Ежегодный ущерб от криминальной добычи янтаря оценивается миллиардами рублей², при этом значительная часть преступлений остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Как верно отмечает В.Б. Агафонов, анализ судебной практики по уголовным делам в сфере недропользования свидетельствует о недостаточной эффективности реализации норм об экологических преступлениях в сфере недропользования. Значительная части лиц, виновных в причинении вреда окружающей среде, остается вне сферы уголовного преследования, поскольку материалы в отношении них либо рассматриваются в административном порядке либо прекращаются на этапе предварительного расследования.³ Что может быть обусловлено не только трудностями при выявлении криминальных деяний в данной сфере, но также и сложностями доказывания ключевых элементов составов преступлений.

Цель данного исследования – определение и систематизация проблем расследования преступлений в сфере незаконной добычи янтаря, а также разработка обоснованных рекомендаций по их преодолению. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе выявления, раскрытия и расследования указанных криминальных деяний. Научная новизна работы заключается в обосновании предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Изучение материалов административной практики по ст. 7.5. КоАП РФ, уголовных дел по ст. 191 УК РФ, ч. 2,3 ст. 255 УК РФ и ст. 226.1 УК РФ, а также результаты опроса сотрудников УМВД России по Калининградской области показало, что данные деяния находятся в тесной взаимосвязи. Лица, вовлеченные в сферу самовольной добычи янтаря, зачастую заинтересованы в последующем аккумулировании и реализации минералоида.

В этой связи представляется обоснованным различать понимание незаконного оборота янтаря в узком и широком смысле. В узком

¹ Волчешкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в Балтийском регионе // *Балт. рег.*. 2017. №4. С. 114-128.

² Кайгородова, А. Л. Применение мер уголовно-правовой ответственности для предотвращения незаконной добычи янтаря в целях обеспечения экологической безопасности России / А. Л. Кайгородова, Н. А. Подгорный. — Текст : непосредственный // *Молодой ученый*. — 2020. — № 27 (317). — С. 277-279.

³ Агафонов В.Б. Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности: теория и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. М., 2014.

смысле это деяние описано и представлено в диспозиции ст. 191 УК РФ, а именно – совершение сделки с заведомо самовольно добытым янтарем, а равно его незаконное хранение, перевозка или пересылка¹. В широком смысле – это комплекс последовательных действий, включающих незаконное получение янтаря, а равно его самовольную добычу либо хищение, его последующее хранение, транспортировку и совершение сделок с целью получения криминальной прибыли.

Формально преступный цикл возможно разделить на следующие этапы:

- 1) Незаконное получение янтаря,
- 2) Незаконное хранение, транспортировка, возможно, обработка янтаря,
- 3) Совершение сделки.

Следует отметить, что данные этапы могут многократно повторяться.

Незаконное получение янтаря, выраженное в его самовольной добыче, может осуществляться тремя основными способами, два из которых криминализованы (добыча янтаря на суше и в акватории), а один (сбор или вылов янтаря на участке береговой линии и прилегающего шельфа) таковым не является.

Добыча янтаря на суше производится группами от 3 до 10 человек с использованием специализированного оборудования: мотопомп, пожарных рукавов, металлических труб с размывочной насадкой. Технология заключается в размыве янтареносной породы водой под давлением, отводе пульпы по желобу и улавливании янтаря сетями². Данным манипуляции наносят непоправимый вред целостности недр и экологии Калининградской области.

На суше возможен также и механический способ самовольной добычи янтаря, при котором используют только лопаты и физическую силу: злоумышленники формируют котлован диаметром от 15 метров и глубиной до 1,5 метров, отслеживая по его боковинам геологический срез, из которого вручную выбирается янтарь³. Данный способ отличается физической сложностью и меньшей результативностью, в связи с чем, наименее популярен среди прочих.

Добыча сукцинита в акватории является наиболее прибыльным, поскольку позволяет злоумышленникам заполучить большие объемы янтаря, но также и самым технически сложным способом. Она производится группами из 2-3 человек с использованием моторных судов⁴, зачастую, подвергнутым конструктивным изменениям в виде демонтажа стандартного двигателя, установки водомерной улитки. Вспомогательное оборудование также может включать эжектор (устройство для одновременной подачи и всасывания воды), пожарные рукава, размывочные насадки. Погружаясь, аквалангист размывает янтареносные слои, а вымытый янтарь улавливается сетью, прикрепленной к эжектору. Второй способ – использование Т-образного инструмента и специального подводного буксира с натянутой сетью для механического извлечения янтаря из разрыхленной почвы.

Сбор или вылов янтаря на береговой линии относится к некриминальным способам получения янтаря, поскольку не нарушает почвенный слой, при этом может включаться в нелегальный оборот без какого-либо учета, что также искажает представление об общих объемах добычи. Кроме того, отсутствие возможности идентификации янтаря в зависимости от способа происхождения осложняет последующую квалификацию по уголовным делам. С 2022 года за период проведения оперативно-профилактических мероприятий при обнаружении со складированного янтаря в различных нежилых помещениях, лица, при отсутствии у них документов, подтверждающих легальность происхождения, посягнули о его сборе вышеуказанным способом. По результатам проведенных мероприятий общий объем обнаруженного янтаря превышает 2 тонн.⁵

В настоящее время оценить процентное соотношение между акваториальным и сухопутным способом самовольной добычи янтаря затруднительно. До 2023 года наибольший объем преступной разработки в данной сфере производился в акватории, поскольку данный способ наименее приметный, позволяет заполучить большие объемы янтаря, не оставив видимых на почве следов, расстояние от побережья позволяет осведомленным злоумышленникам скрыть следы преступной деятельности в случае выхода на воду маломерных судов правоохранительных органов. Однако после вступления в силу Указа Губернатора Калининградской области от 26.05.2023 №41 «О запрете пребывания физических лиц, в том числе с использованием маломерных судов, в территориальном море Российской Федерации (включая погружение с использованием водолазных дыхательных аппаратов)»⁶, выход всего водного транспорта согласовывается с представителями МЧС России, что позволяет определить круг лиц, находящихся в акватории в определенный период времени, в связи с чем, вновь возросла популярность самовольной добычи янтаря на суше.

Процесс доказывания по уголовным делам рассматриваемой категории сопряжен с рядом трудностей, обусловленных как несовершенством действующего законодательства, так и спецификой предмета преступного посягательства.

Как было отмечено выше, в настоящее время отсутствует экспертная методика, определяющая происхождение янтаря. В отличие от нефтепродуктов и руд цветных металлов, янтарь не содержит однозначных маркеров, указывающих на его нелегальное происхождение. Физико-химические свойства сукцинита идентичны вне зависимости от того, добыт он легальным путем или незаконно, что исключает возможность экспертного подтверждения самовольности добычи, что особенно важно для квалификации ч. 2,3 ст. 255 УК РФ. В связи с чем, основными доказательствами становятся либо материалы ОРМ «Наблюдение» гласного или негласного характера, либо косвенные признаки.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // СПС «Консультант плюс».

² Колесников С.И. Оперативно-розыскная характеристика незаконного оборота янтаря: от нелегальной добычи до сбыта // Труды Академии управления МВД России. 2022. №2 (62). С. 103-109

³ Там же

⁴ Колесников С.И. Оперативно-розыскная характеристика незаконного оборота янтаря: от нелегальной добычи до сбыта // Труды Академии управления МВД России. 2022. №2 (62). С. 103-109

⁵ Из практики работы УЭБиПК УМВД России по Калининградской области.

⁶ Указ Губернатора Калининградской области от 26.05.2023 №41 "О запрете пребывания физических лиц, в том числе с использованием маломерных судов, в территориальном море Российской Федерации (включая погружение с использованием водолазных дыхательных аппаратов)" // СПС «Консультант плюс».

Осложняет процесс доказывания также наличие такого субъективного признака как заведомость. Отсутствие системы маркировки и учета янтаря значительно осложняет данную задачу при наличии подложного пакета документов, несостоятельность которых оспорить не представляется возможным, в силу давности мнимой сделки, неимения единой автоматизированной системы учета и контроля сделок, связанных с янтарем.

Из материалов практики следует, что незаконный оборот янтаря, преимущественно, носит организованный характер. Самовольная добыча осуществляется группой лиц с четко выделенными ролями каждого участника, что обеспечивает маскировку и мобильность преступного сообщества, поскольку включает дайверов, наблюдателей (так называемых «фишкарей»), координаторов, курьеров, менеджеров, переработчики и прочих лиц.

Упомянутые выше «фишкарки» занимают низшую касту в организованном преступном сообществе, при этом их роль в противодействии правоохранительным органам может играть ключевое значение. Именно наблюдатели сообщают дайверам и координаторам преступной деятельности о возможном преследовании, поскольку занимают позиции, позволяющие оценить окружающую среду. Так, в случае добычи в акватории, «фишкарки» выставляются вблизи мест спуска на воду маломерных судов правоохранителей, что позволяет наблюдателю своевременно уведомить соучастников, в целях оперативного реагирования.

Благодаря отлаженной системе прикрытия и конспирации, большая часть группы, даже в случае задержания на месте самовольной добычи, избегает уголовной ответственности. В ходе задержания может остаться один участник, ранее не привлекавшийся к административной ответственности за совершение аналогичного правонарушения, что позволяет квалифицировать деяние по ст. 7.5 КоАП РФ, определяя наказание, несоизмеримое получаемой злоумышленником прибыли.

Конечной целью незаконного оборота янтаря, преимущественно, является его сбыт на зарубежных рынках, где спрос значительно выше. Основные направления – Китай, Арабские страны, Польша, Литва. Способы сокрытия янтаря при перевозке через границу возможно разделить на два типа:

- 1) Перевозка через официальные пункты пропуска – в салонах автомобилей, специально оборудованных тайниках, с использованием подложного пакета документов.
- 2) Перевозка через слабо контролируемые участки границы – пограничные малые населенные пункты, по реке Неман и иным возможным местам, наличие которых обусловлено полуанклавным характером расположения Калининградской области.

В ходе опроса сотрудников правоохранительных органов Калининградской области установлено, что наибольшую сложность на сегодняшний день представляет выявление факта незаконного оборота янтаря морским транспортом. Массовость грузопотока, ограниченные возможности досмотра крупногабаритных контейнеров, недостоверное декларирование, - создает препятствие правоохранительным органам. Кроме того, в случае транспортировки груза морским транспортом, минует необходимость прохождения таможенных границ, что также позволяет транспортировать янтарь, полученный преступным путем, в пределах Российской Федерации, а лишь затем переотправлять его за границу под иными документами, разрывая прямую связь «Россия – иностранное государство» и затрудняя квалификацию по ст. 226.1 УК РФ.

На наш взгляд, в целях совершенствования действующего законодательства, ввиду значительных объемов янтаря, полученного путем сбора и вылова, в нелегальном сегменте, возможно законодательное установление критического объема либо стоимости минералоида, когда его получение необходимо будет учитывать и фиксировать.

Сбор янтаря на береговой линии и шельфе остается вне сферы правового регулирования, что создает условия для безнаказанного изъятия значительных объемов сырья.

Процесс доказывания по уголовным делам рассматриваемой категории осложнен рядом факторов, таких как отсутствие экспертных методик, определяющих происхождение янтаря, трудностями установления субъективных признаков.

Эффективное расследование требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, разработку новых экспертных методик, улучшения межведомственного взаимодействия.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // СПС «Консультант плюс».
2. Указ Губернатора Калининградской области от 26.05.2023 №41 "О запрете пребывания физических лиц, в том числе с использованием маломерных судов, в территориальном море Российской Федерации (включая погружение с использованием водолазных дыхательных аппаратов)" // СПС «Консультант плюс».
3. Агафонов В.Б. Правовое регулирование охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности: теория и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06. М., 2014.
4. Волчецкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в Балтийском регионе // Балт. рег.. 2017. №4. С. 114-128.
5. Кайгородова, А. Л. Применение мер уголовно-правовой ответственности для предотвращения незаконной добычи янтаря в целях обеспечения экологической безопасности России / А. Л. Кайгородова, Н. А. Подгорный. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 27 (317). — С. 277-279.
6. Колесников С.И. Оперативно-розыскная характеристика незаконного оборота янтаря: от нелегальной добычи до сбыта // Труды Академии управления МВД России. 2022. №2 (62). С. 103-109

References:

1. Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 21 aprelya 2025 g.) // SPS «Konsul'tant plus».
2. Ukaz Gubernatora Kaliningradskoj oblasti ot 26.05.2023 №41 O zaprete preby'vaniya fizicheskix licz, v tom chisle s ispol'zovaniem malomerny'x sudov, v territorial'nom more Rossijskoj Federacii (vključaya pogruženie s ispol'zovaniem vodolazny'x dy'xatel'ny'x apparatov) // SPS «Konsul'tant plus».
3. Agafonov V.B. Pravovoe regulirovanie ohrany okružajushhej sredy i obespecheniya e'kologičeskoj bezopasnosti: teoriya i praktika: dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.06. M., 2014.
4. Volčeczkaya T. S., Malevski G. M., Renner N. A. Problemy' razvitiya yantarnoj otrasli i protivodejstvie nezakonnomu oborotu yantarya v Baltijskom regione // Balt. reg.. 2017. №4. S. 114-128.
5. Kajgorodova, A. L. Primenenie mer ugolovno-pravovoj otvetstvennosti dlya predotvrashheniya nezakonnoj doby'chi yantarya v celyax obespecheniya e'kologičeskoj bezopasnosti Rossii / A. L. Kajgorodova, N. A. Podgornyj. — Tekst : neposredstvenny'j // Molodoy uchenyj. — 2020. — № 27 (317). — S. 277-279.
6. Kolesnikov S.I. Operativno-rozy'sknaya harakteristika nezakonnogo oborota yantarya: ot nelegal'noj doby'chi do sby'ta // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. №2 (62). S. 103-109

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТОВАРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА РАЗВИТИЯ INTERNATIONAL COMMODITY AGREEMENTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT LAW

РАХМИЛОВ Александр Игоревич,
аспирант, Всероссийская Академия Внешней Торговли.
109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 13-15.
E-mail: rakhmilov2011@yandex.ru;

RAKHMILOV Alexander Igorevich,
PhD student, All-Russian Academy of Foreign Trade.
13-15 Verkhnyaya Radishchevskaya str., Moscow, 109240, Russia.
E-mail: rakhmilov2011@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется взаимодействие института международных товарных соглашений (МТС) с принципами международного права развития, сформировавшегося под эгидой ООН во второй половине XX века. Анализируются нормативные основания данного взаимодействия, заложенные в учредительных документах ЮНКТАД и Декларации о праве на развитие. Рассматривается эволюция МТС от инструментов стабилизации цен к механизмам, интегрирующим цели устойчивого развития, передачи технологий и обеспечения справедливых условий торговли для развивающихся стран. Особое внимание уделяется проблеме согласованности политики и правозащитному подходу к оценке последствий товарных соглашений.

Abstract. The article examines the interaction of the institute of international commodity agreements with the principles of international development law, which was formed under the auspices of the United Nations in the second half of the 20th century. The normative foundations of this interaction, laid down in the founding documents of UNCTAD and the Declaration on the Right to Development, are analyzed. The evolution of international commodity agreements from price stabilization tools to mechanisms integrating the goals of sustainable development, technology transfer and fair trade conditions for developing countries is considered. Particular attention is paid to the issue of policy coherence and a human rights-based approach to assessing the effects of commodity agreements.

Ключевые слова: международные товарные соглашения, право на развитие, ЮНКТАД, новый международный экономический порядок, принципы международной торговли, устойчивое развитие, передача технологий, преференциальный режим.

Keywords: international commodity agreements, the right to development, UNCTAD, new international economic order, principles of international trade, sustainable development, technology transfer, preferential treatment.

Для цитирования: Рахмилов А.И. Международные товарные соглашения в контексте международного права развития // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_355.

For citation: Rakhmilov A.I. International commodity agreements in the context of international development law // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_355.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Международное право развития сформировалось как особая подсистема международного права, направленная на создание благоприятных правовых условий для экономического и социального прогресса развивающихся стран. Его нормативное содержание раскрывается в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, документах ЮНКТАД и, прежде всего, в Декларации о праве на развитие 1986 года.

Статья 3 Декларации о праве на развитие устанавливает фундаментальное положение: "Государства должны сотрудничать друг с другом в обеспечении развития и устранения препятствий на его пути. Государства должны осуществлять свои права и выполнять свои обязанности таким образом, чтобы содействовать установлению нового международного экономического порядка, основанного на суверенном равенстве, взаимозависимости, взаимной заинтересованности и сотрудничестве между всеми государствами".

Международные товарные соглашения, регулирующие рынки сырьевых товаров, имеющих критическое значение для экономик развивающихся стран, изначально формировались под сильным влиянием идей права развития. Как отмечается в исследованиях, международное публичное право в его современном понимании включает вопросы государственной территории, населения, международно-правовой ответственности, а также институтов признания и правопреемства¹. Однако именно товарные соглашения стали той сферой, где принципы развития получили наиболее конкретное инструментальное воплощение.

Генезис нормативной связи МТС и права развития

1. ЮНКТАД и формирование новой парадигмы

Первая Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) 1964 года заложила концептуальные основы взаимосвязи товарных соглашений и развития. В Заключительном акте Конференции были сформулированы принципиальные положения, определившие дальнейшую эволюцию МТС:

1. **Расширение сферы товарных соглашений:** Конференция рекомендовала сделать МТС всеобъемлющими (*comprehensive*), включив в них, помимо положений о ценах и количествах, "координацию национальных производственных политик, реалистичные гарантии доступа на рынки развитых стран, а также содействие маркетингу и улучшению условий сбыта".

[1] Мукашев С.И. Международное публичное право. Общая часть: учебное пособие. – Минск: РИВШ, 2025. – [367 с.]

2. **Гибкость в отношении развивающихся стран:** При подготовке и реализации МТС предписывалось учитывать необходимость сохранения гибкости для:

- (a) увеличения рыночных возможностей эффективных производителей из развивающихся стран;
- (b) содействия малым развивающимся странам и странам, переходящим от натурального к товарному хозяйству;
- (c) недопущения препятствий для доступа на рынок потенциальных производителей из развивающихся стран.

3. **Дифференцированный подход:** Предусматривалось, что при применении техник регулирования следует учитывать интересы традиционных производителей, особенно среди развивающихся стран, а также способность рынка абсорбировать новое производство.

Эти положения стали первым нормативным воплощением принципа общей, но дифференцированной ответственности применительно к товарным рынкам — принципа, который впоследствии получил развитие в международном экологическом праве.

2. Принципы международной торговли, содействующие развитию

В Приложении А.1.3 к Заключительному акту ЮНКТАД были сформулированы "Принципы, регулирующие международные торговые отношения и торговую политику, способствующую развитию"¹. Конференция признала необходимость достижения максимально широкого согласия по данному своду принципов и рекомендовала институциональному механизму продолжить работу в этом направлении. Эти принципы составили нормативный фундамент для последующего развития МТС как инструментов развития.

Инструментальное воплощение принципов развития в МТС

1. Дифференциация обязательств

Классические МТС (по какао, кофе, натуральному каучуку) воплощали принципы права развития через систему дифференцированных обязательств:

- **Особые изъятия для наименее развитых стран:** Возможность не соблюдать жёсткие экспортные квоты для поддержания доходов.
- **Взвешенное распределение финансового бремени:** Учёт экономического потенциала при распределении взносов в стабилизационные фонды.
- **Преференциальный доступ на рынки:** Гарантии доступа продукции из развивающихся стран на рынки развитых государств.

2. Финансовые механизмы и передача технологий

МТС развивающего типа (Международное соглашение по тропической древесине, по джуту) включают положения о:

- Научно—техническом сотрудничестве;
- Развитии перерабатывающих мощностей в странах-производителях;
- Совершенствовании маркетинга и сбыта;
- Создании компенсационных финансовых схем.

Заключительный акт ЮНКТАД специально предусматривал "системы сборов в развитых импортирующих странах, которые, если будут приняты, обеспечат возмещение поступлений развивающимся экспортирующим странам через соответствующие международные фонды". Также рекомендовалось создание фондов для реализации согласованных программ диверсификации производства и торговли в пользу развивающихся стран-экспортёров.

3. Содействие торговле между развивающимися странами

Принципиальное значение имело положение о необходимости "содействовать расширению международной торговли сырьевыми товарами между развивающимися странами и особенно в рамках их региональных группировок"². При этом подчёркивалось, что это не должно вести к ухудшению покупательной способности развивающихся стран в их взаимной торговле.

Заключение: от стабилизации к развитию — эволюция МТС

Международные товарные соглашения в их современной эволюции демонстрируют последовательное движение от узкой задачи стабилизации цен к более широкой миссии содействия устойчивому развитию. Эта трансформация отражает имплементацию принципов международного права развития в ткань торгово—правового регулирования.

Ключевыми векторами данной эволюции выступают:

1. **Интеграция целей развития** в нормативную структуру МТС;
2. **Дифференциация обязательств** в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности;
3. **Создание финансовых механизмов** для поддержки производителей из развивающихся стран;
4. **Обеспечение передачи технологий** и развития перерабатывающих мощностей;

[2] Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex A.1.3. Principles governing international trade relations and trade policies conducive to development [https://mijnwetten.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelannexa.i.3]

[3] Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex F. General Provisions [https://collegebundel.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelf]

5. **Учёт правозащитных последствий** при разработке и реализации соглашений.

В условиях тройного глобального кризиса (высокие и неустойчивые цены на продовольствие, изменение климата, финансовые потрясения) значение МТС как инструментов реализации права на развитие возрастает. Как отмечается в документах ООН, гражданское общество и некоторые государства "все чаще готовы оценивать социальные и правозащитные последствия торговой и инвестиционной политики и соглашений"¹. Это создаёт возможность для нового этапа развития института МТС, где принципы права развития станут не дополнительным, а системообразующим элементом их нормативной архитектуры.

Список литературы:

1. Мукашев С.И. Международное публичное право. Общая часть: учебное пособие. – Минск: РИВШ, 2025. – 367 с.
2. Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex A.I.3. Principles governing international trade relations and trade policies conducive to development (<https://mijnwetten.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelannexa.i.3>)
3. Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex F. General Provisions (<https://collegebundel.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelF>)
4. Торговля и инвестиции // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<https://www.ohchr.org/ru/development/trade-and-investment>)

References:

1. Mukashev S.I. International public law. General part: a training manual. – Minsk: RISH, 2025. – 367 p.
2. Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex A.I.3. Principles governing international trade relations and trade policies conducive to development (<https://mijnwetten.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelannexa.i.3>)
3. Final Act of the United Nations Conference on Trade and Development. Annex F. General Provisions (<https://collegebundel.nl/slotakte-van-de-conferentie-der-verenigde-naties-voor-handel-en-ontwikkeling-geneve-16-06-1964/artikelF>)
4. Trade and investment // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights [Electronic resource]. – Access mode: (<https://www.ohchr.org/ru/development/trade-and-investment>)

[4] Торговля и инвестиции // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<https://www.ohchr.org/ru/development/trade-and-investment>)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ CRIMES AGAINST PROPERTY: SELECTED QUALIFICATION ISSUES

СОЛОВЬЕВ Данил Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России (Уфимский ЮИ МВД России).
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

E-mail: soloviev-danil@mail.ru;

SOLOVIEV Danil Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

2 Muksinova str., Ufa, 450091, Russia, Republic of Bashkortostan.

E-mail: soloviev-danil@mail.ru

Краткая аннотация: В представленной статье говорится о том, что правильная квалификация преступлений против собственности, знание и верное применение уголовно-правовых норм, предусмотренных статьями 158-168 УК РФ способствуют точному выявлению воли законодателя, что позволяет не допускать ошибок при квалификации указанных общественно опасных деяний, назначить судом справедливое наказание и сыграть решающую роль в деле защиты законных прав и интересов личности.

Abstract: The article states that the correct qualification of crimes against property, as well as the knowledge and correct application of the criminal law norms provided for in Articles 158-168 of the Criminal Code of the Russian Federation, contribute to the accurate identification of the legislator's will, which helps to avoid errors in the qualification of these socially dangerous acts, ensure fair punishment by the court, and play a crucial role in protecting the legal rights and interests of individuals.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, преступления против собственности, хищение, чужое имущество.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, crimes against property, theft, and alien property.

Для цитирования: Соловьев Д.Н. Преступления против собственности: отдельные вопросы квалификации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_358.

For citation: Soloviev D.N. Crimes against property: selected qualification issues // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_358.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Преступления против собственности – это общественно опасные деяния, совершенные умышленно или неосторожно, сопряженные с причинением или угрозой причинения вреда отношениям собственности, содержанием которых являются экономические акты владения, пользования и распоряжения имуществом. Система преступлений против собственности включает в себя: а) хищения чужого имущества (ст. ст. 158-162, 164 УК РФ); б) преступления против собственности, не связанные с хищением: корыстные преступления (ст. ст. 163, 165 УК РФ); некорыстные преступления (ст. 166-168 УК РФ). Наиболее распространенными и опасными посягательствами на собственность являются хищения.

Объединяет все преступления в главе 21 УК РФ единый объект – собственность. Такой вывод следует как из ст. 2 УК РФ, перечисляющей среди объектов уголовно-правовой охраны собственность, так и из названия главы 21 Особенной части УК РФ. Основным непосредственным объектом преступлений против собственности выступает конкретная форма собственности, подвергающаяся воздействию со стороны посягающего на нее лица. Собственность как правовая категория представляет собой общественные отношения по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом. Право собственности на имущество у лица возникает в зависимости от сложившихся тех или иных жизненных обстоятельств (юридических фактов). Титулы собственности обычно приобретаются первоначально (ст. 218 ГК РФ), например, изготовление новой вещи, переработка, сбор или добыча вещей, приобретение права собственности на бесхозяйное имущество, самовольная постройка в некоторых случаях или производным способом – на основании договора купли-продажи или иной сделки, право преемства или реорганизации, с момента передачи ему вещи или с момента ее регистрации, если имущество подлежит государственной регистрации (ст. 223 ГК РФ). Предметом преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, является любое движимое или недвижимое имущество (деньги, мебель, квартира, дом и т. д.), имеющее стоимостную оценку.

При совершении некоторых преступных деяний достаточно приобретения право на чужое имущество (ст. ст. 159, 163 УК РФ) или право на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ) для определения момента их окончания. К движимому имуществу относятся предметы материального мира, которые не имеют прочной связи с земной поверхностью и могут быть перемещены без ущерба их назначению (в том числе деньги, ценные бумаги). Предметом хищения путем кражи, грабежа или разбоя может быть только движимое имущество. К недвижимому имуществу относятся земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, леса и многолетние насаждения на корню, здания, сооружения и иные ценности, прочно связанные с землей, а также некоторые подлежащие государственной регистрации вещи, такие как воздушные и водные суда, космические объекты и т. д. (ст. 130 ГК РФ).

Объективная сторона составов преступлений выражается в форме действия или бездействия. Активное преступное поведение может найти отражение, например, в тайном хищении чужого имущества (ст. 158 УК РФ) или неправомерном завладении автомобилем либо иным

транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ). Пассивное преступное поведение может быть отражено в присвоении чужого имущества, вверенного виновному, например, в случае неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные ему денежные средства или вернуть на склад материальные ценности (ст. 160 УК РФ), или в уничтожении (повреждении) чужого имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

По законодательной конструкции составы преступлений против собственности, как правило, являются материальными. Преступления окончены в момент наступления общественно опасных последствий, например, причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества в результате кражи. В большинстве случаев преступные последствия образует только реальный ущерб, причиненный собственнику либо законному владельцу имущества. Лишь в случае причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием ущерб имеет форму упущенной выгоды. Преступления, предусмотренные ст. ст. 162, 163, 166 УК РФ, сконструированы по типу формальных составов.

С субъективной стороны лишь одно преступление против собственности может совершаться с неосторожной формой вины – неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества. Остальные совершаются умышленно.

Субъект преступных посягательств – вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего, а в некоторых случаях 14-летнего возраста (ст. ст. 158, 161-163, 166, ч. 2 ст. 167 УК РФ). Субъект может быть наделен дополнительным (специальным) признаком, например, обладать вверенным чужим имуществом (ст. 160 УК РФ), использовать для совершения преступления свое служебное положение (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ и др.) [1, с. 131, 132].

В судебной практике по уголовным делам нередко возникает проблема квалификации преступлений против собственности [2, с. 36]. Правильное определение форм хищения и разграничение смежных составов преступлений имеет большое теоретическое и практическое значение, так как обеспечивает выполнение важнейшей задачи судебной власти – законное исполнение наказаний [3, с. 82]. Проблема идентификации и дифференциации различных схожих по составу преступлений до сих пор является актуальным вопросом в системе правоприменения. В разделе преступлений, связанных с имуществом, существует ряд похожих по составу деяний, квалификация которых, в зависимости от тех или иных сопутствующих мероприятий может быть затруднена [4, с. 220]. Способ хищения является объективным критерием, позволяющим разграничить некоторые составы преступлений против собственности, но его в ряде случаев недостаточно [5, с. 5]. Остановимся на отдельных вопросах квалификации преступлений против собственности, которые отражены в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества. Если перечисленные лица принимали меры к пресечению хищения чужого имущества (например, требовали прекратить эти противоправные действия), то ответственность виновного за содеянное наступает по статье 161 УК РФ. Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой.

Не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по статье 330 УК РФ или другим статьям УК РФ. В тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество. Если лицо преследовало корыстную цель, содеянное им в зависимости от способа завладения имуществом должно квалифицироваться по совокупности как соответствующее преступление против собственности и хулиганство, изнасилование или иное преступление.

В случае совершения кражи, грабежа или разбоя приотягачивающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей УК РФ, по которой предусмотрено более строгое наказание.

Далее, если лицо находилось в жилище, помещении или ином хранилище правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, грабеж или разбой, в его действиях признак незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище отсутствует. Этот квалифицирующий признак отсутствует также в случаях, когда лицо оказалось в жилище, помещении или ином хранилище с согласия потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество, в силу родственных отношений, знакомства либо находилось в торговом зале магазина, в офисе и других помещениях, открытых для посещения гражданами. В случае признания лица виновным в совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище дополнительной квалификации по статье 139 УК РФ не требуется, поскольку такое незаконное действие является квалифицирующим признаком кражи, грабежа или разбоя. Если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т.п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ.

Если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «б» части 3 статьи 158 и статьи 215.3 УК РФ.

Кроме того, применение насилия при разбойном нападении, в результате которого потерпевшему умышленно причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом разбоя и дополнительной квалификации по статьям 115 или 112 УК РФ не требует. В этих случаях содеянное квалифицируется по части первой статьи 162 УК РФ, если отсутствуютотячающие обстоятельства, предусмотренные частью второй или третьей этой статьи. Если в ходе разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, что повлекло за собой наступление его смерти по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений - по пункту «в» части четвертой статьи 162 и части четвертой статьи 111 УК РФ.

Также, при квалификации действий виновного по части второй статьи 162 УК РФ судам следует с учетом положений Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [6] и на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием. При наличии оснований действия такого лица должны дополнительно квалифицироваться по статье 222 УК РФ. Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отячающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж. В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. Действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, надлежит квалифицировать с учетом конкретных обстоятельств дела по части второй статьи 162 УК РФ.

По смыслу закона, ответственность по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака. Особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т.п.) значения для квалификации преступления по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения [7].

Помимо этого, хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ.

Если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по части 1 статьи 176 УК РФ.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ.

При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 160 УК РФ, следует иметь в виду, что присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника. Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам. В том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества расходуется, содеянное не образует совокупности преступлений [8].

Таким образом, в основе правосудия лежит положение, согласно которому единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом (ст. 8 УК РФ). Непременным условием правильной квалификации является неукоснительное соблюдение принципа законности (ст. 3 УК РФ). Применение уголовного закона по аналогии не допускается. Поэтому каждый раз, «примекая» конкретную норму уголовного закона, необходимо тщательно выяснять

элементы (признаки) конкретного состава преступления, которые усматриваются в деянии виновного. Выявление признаков конкретного преступления осуществляется методом юридического анализа совершенного деяния. Моделью такого анализа служат элементы состава преступления, его объективные и субъективные составляющие [1, с. 13, 14].

В связи с большой распространенностью преступлений, направленных на хищение собственности, которая находится в чужом владении [9, с. 153] правильная квалификация преступлений против собственности приобретает важное значение. Она позволяет дать правильную юридическую оценку содеянного виновным; выступает как гарантия осуществления правосудия; дает возможность суду назначить справедливую меру наказания; позволяет грамотно изучать статистику преступности в сфере экономики; помогает законотворческой деятельности по принятию эффективных уголовно-правовых норм.

Список литературы:

1. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Денисова, д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А.Г. Хлебущкина. - 2-е изд., перераб. и доп. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. - 656 с.
2. Исаева Л.А., Григорьева О.В. Преступления против собственности: проблема квалификации и отграничения // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. № 2 (47) Т.3. С. 36-43.
3. Пунтусова Е.В. Проблема разграничения кражи и грабежа по Уголовному кодексу РФ / Е. В. Пунтусова // Наука через призму времени. 2019. №4 (25). С. 82-84.
4. Чemez И.К., Севастьянов А.П. К вопросу об отграничении кражи от грабежа // Право и управление. 2024. № 1. С. 220-223.
5. Аистова Л.С. Кража, мошенничество, присвоение, растрата – критерии разграничения // Криминалист. 2009. № 1 (4). С. 5-9.
6. Об оружии: федеральный закон Российской Федерации от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 // СПС «Консультант Плюс».
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 // СПС «Консультант Плюс».
9. Гулак З.С. Актуальные вопросы квалификации кражи и ее отличия от грабежа и разбоя по УК РФ // Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 6 (63) Т.5. С. 153-161.

References:

1. Criminal law. The special part : textbook / under the general editorship of Dr. Yurid. S.A. Denisova, Doctor of Law. L.V. Gotchina, Doctor of Law. Sciences, assoc. A.G. Khlebushkina. - 2nd ed., revised. and additional - St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - 656 p.
2. Isaeva L.A., Grigorieva O.V. Crimes against property: the problem of qualification and differentiation // International scientific journal "Bulletin of Science". 2022. No. 2 (47) vol. 3. pp. 36-43.
3. Puntusova E.V. The problem of distinguishing theft and robbery under the Criminal Code of the Russian Federation / E. V. Puntusova // Science through the prism of time. 2019. No. 4 (25). pp. 82-84.
4. Chemez I.K., Sevastyanov A.P. On the issue of distinguishing theft from robbery // Law and Management. 2024. No. 1. pp. 220-223.
5. Aistova L.S. Theft, fraud, appropriation, embezzlement – criteria of differentiation // Criminalist. 2009. No. 1 (4). pp. 5-9.
6. On weapons: Federal Law of the Russian Federation dated December 13, 1996, No. 150-FZ // SPS "Consultant Plus".
7. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002, No. 29 // SPS Consultant Plus.
8. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 // SPS Consultant Plus.
9. Gulak Z.S. Current issues of qualification of theft and its differences from robbery and robbery under the Criminal Code of the Russian Federation // International Scientific Journal "Bulletin of Science". 2023. No. 6 (63) vol.5. pp. 153-161.

БЕДРОТТИНГ КАК НОВОЕ ТЕЧЕНИЕ В ЖИЗНИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ И ПРИЧИНЫ ЕГО ВЫБОРА ПОКОЛЕНИЕМ Z IS BEDROTTING A NEW TREND IN THE LIVES OF THE YOUTH AND WHY IS IT BECOMING POPULAR AMONG THE Z-GENERATION

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна,

педагог-психолог ГБУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Соборная 8.
E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации
Академии ФСИН России.
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,

teacher-psychologist GBU RO Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance 390000, Russia,
Ryazan region, Ryazan, Ul. Sobornaya 8.
E-mail: zhane.ananjeva@yandex.ru

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается феномен бедроттинга – нового тренда среди поколения Z, заключающегося в осознанном и продолжительном времяпрепровождении в постели с целью отдыха и восстановления. Анализирует истоки явления, проводя параллель с образом Обломова из русской классики, исследует этимологию термина и его вирусное распространение в социальных сетях. Особое внимание уделяется психологическим мотивам выбора постели как безопасного пространства, а также развенчиваются основные мифы о «гниющих». Статья открывает цикл материалов, посвященных феномену бедроттинга в контексте выгорания, ментального здоровья и трансформации культуры отдыха в цифровую эпоху.

Abstract: the article examines the phenomenon of bedrotting, a new trend among Generation Z, which involves spending extended periods of time in bed for the purpose of relaxation and rejuvenation. It analyzes the origins of the phenomenon, drawing parallels with the character of Oblomov from Russian classics, and explores the etymology of the term and its viral spread on social media. The article focuses on the psychological motivations behind choosing bed as a safe space and debunks common myths about "rotting." The article opens a series of materials devoted to the phenomenon of bedrotting in the context of burnout, mental health and transformation of the culture of leisure in the digital era.

Ключевые слова: бедроттинг, поколение Z, зумеры, выгорание, ментальное здоровье, культура отдыха, пассивность, цифровизация, эскапизм, самозабота, психология.

Keywords: bedrotting, generation Z, zoumer, burnout, mental health, culture of leisure, passivity, digitalization, escapism, self-care, psychology.

Для цитирования: Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Бедроттинг как новое течение в жизни молодого поколения и причины его выбора поколением Z // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_362.

For citation: Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Bedrotting as a new trend in the life of the younger generation and the reasons for its choice by generation Z // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_362.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Введение. В социальных сетях, как «TikTok», набирает популярность направление бедроттинг (bedrotting), который характеризуется демонстрацией молодым поколением по всему миру своего желания длительного нахождения в кровати. В данном ключе человек стремится не только отдохнуть в постели, но и осуществлять прием пищи, взаимодействовать с другими при помощи современных мессенджеров и играть, отказываясь от выполнения домашних и учебных/рабочих дел. Если кратко, бедроттинг (от англ. bed – кровать и rotting – гниение) подразумевает намеренный отказ от социальной активности, карьерных амбиций и «успешного успеха» в пользу пассивного времяпрепровождения, часто – в кровати, за потреблением контента и отказом от любых форм продуктивности.

На первый взгляд, это может показаться обычной ленью или подростковым бунтом. Однако масштаб распространения этого явления среди поколения Z (зумеров) заставляет социологов и психологов говорить о нем как о закономерной реакции на условия современного мира. В этой статье мы разберем, что представляет собой бедроттинг как культурное течение, и проанализируем глубинные причины, по которым молодые люди сознательно выбирают «гниение» в кровати вместо погони за мечтой.

Цель исследования. Проанализировать особенности бедроттинга и его воздействие на психику молодого поколения, выявив вероятные трудности и проблемы.

Методы. Сравнительно-аналитические с целью формирования масштабного изучения бедроттинга и выявления возможных дефектов в виде жизненных трудностей деструктивного характера с последующим разрешением и предупреждением в дальнейшем проявления девиантного поведения.

Когда зумеры заворачиваются в одеяло и объявляют бедроттинг, можно вспомнить одного персонажа из русской классики, который предпочитал оставаться в постели, а не работать, посещать балы и так далее. Илья Ильич Обломов из романа Гончарова 1859 года является

ярким примером реализации направления бедроттинга: человек выбирает горизонтальное положение как основную жизненную стратегию. И персонаж, и современный бедроттер сталкиваются с непониманием окружающих: деятельный Штольц упрекает Обломова, а родители и работодатели – зумеров. Оба находятся в поиске покоя, который кажется им утраченным раем. Разницей в данном случае будет мотив такого поведения: для Ильи Ильича – это страх перед миром и потеря смыслов. Он лежит, потому что мир Петербурга пугает его суетой. Отсутствуют цели, стоившие того, чтобы встать с дивана. Лежание выступает бегством от жизни, которая кажется бессмысленной и враждебной, то есть присутствует позиция угасания. В случае зумера раскрывается перегрузка от мира и поиск смыслов. Современный молодой человек, напротив, набегался. Он с детства был загружен кружками, секциями, подготовкой к ЕГЭ, а теперь – бесконечной гонкой за успехом и необходимостью «блистать» в соцсетях. Его лежание – это не бегство от жизни, а передышка в беге. Это попытка в тишине постели услышать себя и понять свои потребности.

Если Обломов – это финал, увядание, то зумерский бедроттинг – это надежда на перезагрузку. Обломов лежит, потому что ему все равно. Зумер лежит, потому что ему не все равно, но сил уже нет.

Само словосочетание «bed» и «rotting», а дословно это «гниение в кровати», звучит намеренно, в некотором плане провокационно и даже стильно, брутально. В нем нет места романтике – только честная самодиагностика.

Самый интересный парадокс бедроттинга, заключается в раскрытии состояния, близкого к депрессивному, в соцсетях выглядит эстетично для молодого поколения. Это не грязная комната и немытая голова (хотя в жизни бывает и так), а тщательно выстроенная картинка:

1. Стараются использовать теплый свет торшера, гирлянды или светодиодных лент, исключая любые яркие и холодные тона. Свет создает интимную, безопасную атмосферу «кокона»;
2. Уютное «гнездо» подразумевает демонстрацию многослойной конструкции, состоящей из матраса, простыней, пухового одеяла, пледа и подушек. Текстуры имеют значение: мягкий хлопок, уютный букле, пушистый флис. Человек буквально вьет гнездо;
3. Обязательными атрибутами выступают конкретные ритуалы, например, большая кружка с латте (желательно с красивой пенкой) или чай в прозрачном заварочном чайничке, свечи, книга в мягкой обложке, наушники;
4. Повседневная одежда сменяется на «красивую домашнюю». Шелковая пижама или уютный халат становятся униформой бедроттера;
5. Завтрак в кровать, доставка суши или пиццы, разложенная на красивых салфетках. Сам процесс приема пищи смещается в горизонтальную плоскость.

Данное направление привлекает внимание людей, поскольку эстетика кроется в заботе за психологическим и физическим здоровьем. Она говорит: «Да, я лежу. Но я делаю это красиво, потому что я заслуживаю этого покоя и этой красоты». Это попытка вернуть контроль над ситуацией: если уж я не смогу достичь требуемого результата, то лучше оставшееся время отдохнуть в шелковых простынях [1].

И все же чаще возникает вопрос: почему для этой «перезагрузки» выбрана именно кровать? Почему не кресло у окна, не йога-коврик или прогулка в парке? Ответ лежит в области глубинной психологии и социального протеста. Кровать в культуре бедроттинга перестает быть просто местом для сна – она превращается в многофункциональный штаб сопротивления, то есть последнее безопасное пространство на подполье бункера от мира.

Современный мир вторгается в личное пространство человека 24 на 7. Учеба приходит через мессенджеры, работа – через почту, новости – через уведомления. Соцсети требуют быть «на связи», друзья ждут реакций на сторис, а семья – отчетов об успехах. Человек превращается в точку сбора бесконечных требований [2].

Вставая утром, мы надеваем «маску продуктивности». Ложась в кровать, мы снимаем ее. Кровать – это физическая граница: «Сюда вход воспрещен. Здесь я не начальник, не студент, не друг и не ребенок. Здесь я просто тело, которое хочет покоя».

На психологическом уровне кровать для взрослого человека – это та же детская кроватка с бортиками или даже материнская утроба, подразумевающая полную безопасность, тепло и отсутствие какой-либо тревоги. Это место свертывания, поза эмбриона под одеялом, символизирует попытку или даже неосознанную симуляцию возвращения в состояние абсолютной защищенности, где тебя согревают и ничего не требуют. Минимальное количество раздражителей вместе с мягким матрасом, теплым одеялом и полумраком контрастирует с миром снаружи, где слишком громко, слишком ярко и слишком много людей. Кровать становится звуконепроницаемым бункером для перегруженной психики. То есть чаще всего поддерживают данное явление не маргиналы и социально исключенные, вполне успешные, но глубоко уставшие молодые люди.

Рассматривая психологические особенности личности бареттера, стоит выделить частое распространение данного течения у поколения Z, которому сейчас примерно от 15 до 25 лет. Среди подростков 15-18 лет, которые еще учатся в школе, но уже выжаты ОГЭ/ЕГЭ, кружками и родительскими ожиданиями, бедроттинг становится единственной легальной возможностью выпасть из реальности, где оценка – это мера их личности.

Те, кто уже столкнулся с рынком труда, понял, что «работа мечты» часто оказывается рутинной, и осознал, что взрослая жизнь – это бесконечный список задач. Они входят в зону максимального риска выгорания, стремясь найти любой быстро доступный способ стабилизировать свое состояние, чем все чаще становится кровать.

Серьезные проблемы возникают при работе с зумерами, поскольку для них интернет – не технология, а среда обитания. Они не знают мира без Google, YouTube или TikTok. Это формирует особый склад ума, как, например, многозадачность, что становится не возможностью, а необходимостью. К примеру, такие люди привыкли одновременно делать уроки, переписываться в пяти чатах и смотреть стрим. Мозг работает на

пределе всегда. Друзья из сети иногда ближе, чем одноклассники. Лайки и комментарии становятся валютой самооценки, из-за чего высоко размытые границы между реальностью и виртуальным миром. И уже к 20 годам зумеры перерабатывают столько информации, сколько человек XIX века не видел за всю жизнь. Бедроттинг для них – это попытка отключить «вечный онлайн» [3].

А с какими же мифами можно столкнуться при упоминании бедроттинга?

Первый миф, с которым можно встретиться, заключается в том, что бедроттеры – лентяи, отказывающиеся работать. Достаточно пространное обвинение. Со стороны и правда кажется, что человек лежит, ничего не делает, значит, он просто ленив и не хочет вставать с дивана, чтобы приносить пользу обществу. Но часто это перфекционисты и «хорошисты», которые выложились на 200% и теперь восстанавливаются по полной программе.

Парадокс бедроттинга в том, что его практикуют вовсе не те, кто ничего не хочет. Его практикуют те, кто хотел слишком сильно. В психологии это называется «парадокс выгорания»: чтобы свалиться в постель на сутки, нужно сначала очень долго бежать.

В бедроттинг обычно идут те, кто привык соответствовать ожиданиям. Те, кто в школе не вылезал из олимпиад, в университете закрывал сессии досрочно, а на работе берет на себя больше, чем может унести. Такой человек живет в режиме «я должен»: должен учиться, должен зарабатывать, должен развиваться, должен быть в форме, должен путешествовать, должен радовать родителей. В какой-то момент количество «должен» превышает пропускную способность психики. И случается коллапс. Организм просто говорит: «Все. Я выключаюсь. Дальше без меня».

Для перфекциониста разрешить себе ничего не делать – это самый сложный поступок. Это признание: «Я не машина. Мне нужно восстановиться». Поэтому за надписью «ленивый» часто скрывается «сверхответственный и выжатый как лимон».

Второй миф связан с происхождением данного термина и читается буквально «bed rotting», то есть может навести на мысль, что речь идет исключительно о длительном сне. Однако это не всегда сон. Это состояние «подвешенности»: листание ленты, просмотр сериалов, бесцельное лежание в тишине и постепенное восстановление психического и физического состояния при условиях отсутствия сильных раздражителей внешней среды. Иначе говоря, бедроттинг – это не столько про сон, сколько отказ от бодрствования в его активной форме. Человек не спит беспробудно, он находится в пограничном состоянии.

Третий миф заключается в ожидании непостоянности очередного движения, как вышедший новый тренд, который через некоторое время будет забыт. На самом деле это течение уже существует давным-давно и постоянно трансформируется в разных сферах жизни человека. Бедроттинг – древняя потребность в ничегонеделании, получившая модное название и одобрение в сообществе.

В истории крестьяне после страды (сбора урожая) могли неделями практически ничего не делать – сил не оставалось. Монахи практиковали затворничество и молчание. Аристократы прошлых веков могли сутками валяться с книжкой и нюхательной солью. Это называлось «меланхолия», «хандра» или просто «отдых».

Человечество всегда нуждалось в периодах покоя. Другое дело, что раньше на это не вешали красивый ярлык.

Заключение. Бедроттинг – это гораздо больше, чем просто модное словечко из TikTok или оправдание для лени. Для поколения Z это стало своеобразным щитом от гиперкапиталистической гонки, эмоционального выгорания и информационной перегрузки. Выбирая «гниение» в кровати, зумеры не столько отказываются от будущего, сколько протестуют против навязанных стандартов успеха, требующих тотальной вовлеченности в работу и социальную жизнь 24 на 7.

Этот тренд – симптом усталости целого поколения от необходимости «быть лучше» и «успевать все». И хотя, вероятно, бедроттинг останется лишь этапом взросления для большинства его приверженцев, он ярко подсветил важную проблему: в мире, где отдых давно перестал быть нормой и превратился в товар или награду, право на пассивное бездействие становится формой тихого сопротивления. Будет ли это движение следующим шагом к переосмыслению концепции «работа – жизненный баланс» или просто очередным мимолетным трендом покажет время, но игнорировать посыл, который оно в себе несет, современное общество уже не может.

Список литературы:

1. Ананьева Е.О. Альтернативы традиционной семье. Вопросы о статусе семьи как института гражданского общества // Закон и право. 2019. № 5. С. 77-80;
2. Ананьева Ж.Н. Соблюдение этических норм при взаимодействии с детьми в юридических вопросах // Цифровая трансформация, информационно-коммуникационные технологии в экономике, образовании и праве. г. 2024, С. 14-20;
3. Выготский Л. С. «Психология развития ребенка». – М.: Изд-во «Смысл», Изд-во «Эксмо», 2005. – 512 с.

References:

1. Ananyeva E.O. Alternatives to the traditional family. Questions about the status of the family as an institution of civil society // Law and Pravo. 2019. No. 5. pp. 77-80;
2. Ananyeva Zh.N. Observance of ethical standards when interacting with children in legal matters // Digital transformation, information and communication technologies in economics, education and law. 2024, pp. 14-20;
3. Vygotsky L. S. "Psychology of child development", Moscow: Smysl Publishing House, Eksmo Publishing House, 2005, 512 p.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАСТРОЙЩИКА ЗА НАРУШЕНИЕ СРОКОВ ПЕРЕДАЧИ ОБЪЕКТА ПО ДОГОВОРУ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ CIVIL LIABILITY OF THE DEVELOPER FOR VIOLATION OF THE TERMS OF TRANSFER OF THE OBJECT UNDER THE CONTRACT OF PARTICIPATION IN SHARED CONSTRUCTION IN TERMS OF PROJECT FINANCING

КРАЙНОВА Екатерина Романовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

БОРИСКИНА Полина Сергеевна,

магистрант юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,
E-mail: polinapanikarova19@gmail.com

KRAYNOVA Ekaterina Romanovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law),
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: ekaterina-kraynova@bk.ru

BORISKINA Polina Sergeevna,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
E-mail: polinapanikarova19@gmail.com

Краткая аннотация: В данной работе рассматривается гражданско-правовая ответственность застройщика за нарушение сроков передачи объекта по договору участия в долевом строительстве и предлагается формирование гармоничной и работающей системы, гарантирующей действенную защиту прав и законных интересов граждан-участников долевого строительства.

Abstract: This paper examines the civil liability of a developer for violating the terms of transfer of an object under a shared-equity construction agreement and proposes the formation of a harmonious and working system that guarantees effective protection of the rights and legitimate interests of citizens participating in shared-equity construction.

Ключевые слова: девелопер, штрафные санкции, эскроу, недочеты в правовом регулировании.

Keywords: developer, penalties, escrow, shortcomings in legal regulation.

Для цитирования: Крайнова Е.Р., Борискина П.С. Гражданско-правовая ответственность застройщика за нарушение сроков передачи объекта по договору участия в долевом строительстве в условиях проектного финансирования // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_365.

For citation: Krainova E.R., Boriskina P.S. Civil liability of the developer for violation of the terms of transfer of the object under the contract of participation in shared construction in terms of project financing // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_365.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2026

Трансформация института долевого строительства в России, ознаменованная сменой парадигмы на проектное финансирование с повсеместным внедрением эскроу-счетов, - это кардинальное изменение основ функционирования рынка жилищного девелопмента. Если раньше центральным нормативным актом, регламентирующим данные правоотношения, выступал Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», то сейчас этот закон функционирует после существенной корректировки, направленной на соответствие текущим макроэкономическим условиям. Законодательная инициатива преследовала две основные цели: ужесточение финансового контроля над девелоперами и снижение уровня угроз для тех, кто инвестирует в строящееся жилье.

Ключевым средством правовой защиты для дольщика при задержке сроков сдачи объекта долевого строительства выступает неустойка. До введения проектного финансирования как механизма, её юридическая сущность и правила расчета были довольно прозрачно установлены. В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Закона № 214-ФЗ, если застройщик нарушает сроки, он обязан выплатить гражданину-участнику долевого строительства неустойку вдвойне больше. Этот, регулируемый законом, обязательный порядок был задуман как эффективный способ поддержки обязательств застройщика и возмещения убытков, понесенных дольщиком.

Вместе с тем, вред при некоторых противоправных действиях или бездействиях не всегда наступает. Например, вред участнику долевого строительства не наступает при использовании застройщиком денежных средств нецелевым образом при наличии внешних обстоятельств, которые не зависели от застройщика или при неисполнению застройщиком определенных законодательством требований по ведению проектной документации [1, С. 62].

Помимо начисления пени, участник долевого строительства, выступая как потребитель, имеет в распоряжении целый арсенал право-

вых возможностей, обеспечиваемых Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей». Согласно статье 28 этого закона, если исполнитель нарушает установленные сроки выполнения работ, потребитель имеет право установить новый срок сдачи объекта строительства, потребовать снижения стоимости, компенсировать затраты на устранение дефектов собственными силами либо через привлечение сторонних организаций, или же полностью расторгнуть контракт, требуя возмещения всех понесенных потерь. Тем не менее, применительно к сфере долевого строительства, именно право на взыскание неустойки сохраняет статус наиболее часто применяемого и реально реализуемого механизма защиты интересов.

Кроме того, участник долевого строительства в случае нарушения условий договора долевого строительства, что повлекло ухудшение качества объекта или иные недостатки, которые делают его непригодным для использования, вправе потребовать от застройщика безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; уменьшения покупной цены объекта недвижимости; возмещения расходов на устранение недостатков третьими лицами или своими силами [2, С. 55].

Внедрение системы проектного финансирования, опирающейся на применение счетов эскроу, радикально преобразило конфигурацию движения денежных средств в сфере долевого участия в жилищном строительстве, что неизбежно затронуло и саму концепцию ответственности.

Первостепенным и наиболее болезненным моментом является определение основы, от которой следует рассчитывать пени. В рамках старой схемы, закрепленной в ДДУ, общая стоимость, прописанная в договоре, представляла собой фиксированную и известную сумму на момент подписания соглашения, что обеспечивало ясность при вычислении штрафных санкций. В новой парадигме средства, внесенные участником долевого строительства, аккумулируются на специальном счете эскроу, и застройщик получает к ним доступ лишь по факту завершения возведения объекта и его ввода в строй. Как следует из аналитических материалов, посвященных юридическому обеспечению проектного финансирования, счета эскроу обладают уникальным правовым статусом: они не приносят дохода в виде процентов, обладают защитой от рисков несостоятельности банка, а перечисление средств застройщику обусловлено наступлением строго регламентированных событий. Из этого возникает правовая коллизия: какая величина должна служить отправной точкой для начисления неустойки – полная сумма, аккумулированная на эскроу-счете, или некая иная база? Действующее законодательство не содержит четкого предписания по этому поводу, что провоцирует судебные тяжбы и ставит дольщика в уязвимое положение.

Второй системной трудностью выступает применение судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая даёт суду право уменьшать размер неустойки в случае её очевидной несоразмерности наступившим последствиям неисполнения обязательств. Хотя Федеральный закон № 214-ФЗ чётко определяет конкретную величину неустойки, суды нередко, по ходатайству застройщика, апеллируют к упомянутой статье и сокращают размер подлежащих взысканию сумм. Специалисты, анализирующие практику применения статьи 333 ГК РФ, отмечают, что подобный подход обесценивает компенсаторную функцию взыскания и практически устраняет его мотивирующую роль для застройщика.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в своем определении от 17 января 2023 г. № 88-29687/2022 признал заслуживающими внимания доводы истца о том, что умозаключения судов об уменьшении размера неустойки не содержат каких-либо мотивировок, что противоречит нормам материального права; отсутствуют убедительные основания, подтверждающие исключительность обстоятельств, позволяющих снизить неустойку в десять раз. Такая практика вызывает дискуссии среди юристов и экспертов [3, С. 261].

Имея предварительное знание о высокой вероятности уменьшения размера неустойки, застройщик может снижать интенсивность стараний по соблюдению регламентированных сроков, рассматривая потенциальные выплаты лишь как незначительные операционные расходы. Эта проблема не является новой, однако в текущем контексте проектного финансирования она обостряется, поскольку финансовое состояние застройщика, лишенного поступлений от дольщиков до момента ввода объекта в эксплуатацию, становится более шатким, что, в свою очередь, может вести к более частым апелляциям к понятию «избыточности» неустойки.

Третья сложность носит многоаспектный характер и проистекает из необходимости нахождения компромисса между интересами всех субъектов строительного процесса. Ужесточение надзорных мер, выраженное во внедрении эскроу-счетов, инициированное для обеспечения безопасности дольщиков, способно обернуться противоположным результатом – спровоцировать увеличение числа застройщиков, утративших платежеспособность, что, в свою очередь, приведет к появлению новых обманутых граждан. Нововведенный порядок устанавливает повышенные критерии к финансовой стабильности девелоперов, и многие из них, в особенности небольшие и работающие в регионах организации, могут оказаться неспособными справиться с возросшим бременем. Штрафные санкции, налагаемые на застройщика, в данном контексте становятся фиктивными, поскольку финансово несостоятельная компания не в состоянии их перечислить. Следовательно, система, задуманная как инструмент защиты, порождает иные угрозы, не предлагая при этом действенных способов их снижения. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2021 N 69-КГ20-15-K7, хоть и разрешило конкретный казус в сфере охраны прав участников долевого строительства, не смогло ликвидировать фундаментальные расхождения в системе.

С целью разрешения замеченных сложностей и формирования системы ответственности, находящейся в равновесии, предлагается осуществить следующие точечные изменения в законодательных актах Российской Федерации:

Чтобы ликвидировать двусмысленность, возникающую при определении размера неустойки в ситуациях проектного финансирования, следует внести в пункт 2 статьи 6 Федерального закона № 214-ФЗ следующую дополняющую формулировку: «При условии применения эскроу-счетов для проведения платежей за жилое помещение, являющееся предметом долевого участия, для вычисления неустойки, установленной данным пунктом, в качестве цены договора следует рассматривать ту стоимость строительного объекта, которая зафиксирована в соглашении,

заключенном между дольщиком и застройщиком». Это нововведение установит унифицированный и прозрачный ориентир для расчетов, что, в свою очередь, усилит предсказуемость и устойчивость правового регулирования, а также устранил необходимость для судебных инстанций применять нормы по аналогии для заполнения законодательного пробела.

С целью повышения защищенности интересов граждан, участвующих в долевом строительстве, и предотвращения необоснованного уменьшения суммы неустойки, представляется целесообразным внести изменение в статью 6 Федерального закона № 214-ФЗ, дополнив её частью 4 следующего содержания: «Нормы статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации не распространяются на неустойку, указанную в пункте 2 данной статьи, за исключением тех ситуаций, когда начисленная неустойка превосходит фактический размер ущерба, который понес дольщик вследствие неисполнения обязательства». Как альтернативный вариант, можно было бы законодательно закрепить презумпцию соразмерности неустойки, установленной договором долевого участия, при этом обязанность доказывать её очевидную несоразмерность должна лежать на застройщике. Такой подход обеспечит сохранение как компенсаторной, так и побудительной роли института неустойки, оставляя суду возможность скорректировать размер в исключительных обстоятельствах.

С целью урегулирования ситуации с финансовыми затруднениями девелоперов и гарантирования фактической защиты интересов покупателей жилья законодателю следует инициировать процедуру по созданию и законодательному оформлению комплексного механизма обязательного коллективного страхования ответственности застройщиков, возникающей при просрочке сроков строительства.

Таким образом, хотя смена парадигмы на проектное финансирование в секторе долевого строительства является шагом вперед, эта трансформация обнажила значительные недоработки в правовом поле касательно гражданско-правовых обязательств девелопера. Неурегулированность порядка начисления штрафных санкций при оперировании эскроу-счетами, продолжающееся применение судами возможности уменьшения этих санкций по статье 333 ГК РФ, равно как и присущие рынку риски несостоятельности застройщиков, ослабляют защиту интересов граждан, приобретающих жилье. Инициативы, представленные в данной статье, а именно, точное закрепление основы для расчета неустойки, ограничение применения упомянутой статьи 333 ГК РФ и учреждение механизма коллективного страхования рисков являются предметными мерами, нацеленными на создание более действенного и равноправного механизма ответственности. Их законодательное закрепление послужит не только укреплению щита потребительских прав, но и стимулированию строгой финансовой отчетности и подотчетности всех участников рынка жилищного строительства, что в итоге позитивно отразится на состоянии всей индустрии.

Список литературы:

1. Макуров, М. П. Ответственность сторон по договору участия в долевом строительстве / М. П. Макуров // Лучшие научные исследования 2025 : Сборник статей XXII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 61-65.
2. Максимов, А. К. К вопросу о нарушении застройщиком условий договора долевого строительства с участием потребителя-дольщика / А. К. Максимов // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 53-56.
3. Савкина, В. А. Нарушение срока передачи объекта договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома как основание для привлечения застройщика к гражданско-правовой ответственности / В.А. Савкина // Научный альманах «В зеркале права»: сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 261-266.

References:

1. Makurov, M. P. Responsibility of the parties under the contract of participation in shared construction / M. P. Makurov // The best scientific research in 2025 : Collection of articles of the XXII International Scientific Research Competition, Penza: Science and Education, 2025. - pp. 61-65.
2. Maksimov, A. K. On the issue of violation by the developer of the terms of the shared construction contract construction with the participation of a consumer-shareholder / A. K. Maksimov // The phenomenon of law and legislation: strategies and methods of cognition. - 2024. – Vol. 3, No. 1. – pp. 53-56.
3. Savkina, V. A. Violation of the deadline for the transfer of the object of the contract of participation in the shared construction of an apartment building as a basis for bringing the developer to civil liability / V.A. Savkina // Scientific almanac "In the mirror of law": collection of scientific papers. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2025, pp. 261-266.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_368

УДК 347.63

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ EVOLUTION OF RUSSIAN LEGISLATION ON ESTABLISHING THE ORIGIN OF CHILDREN

КОЛЕНЦОВА Вероника Владимировна

Магистрант АНО ВО «Институт государственного администрирования»

Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 80.

veronika290478@mail.ru

KOLENTOVA Veronika Vladimirovna

Master's student ANO VO "Institute of Public Administration"

80, Leninsky Prospekt, Moscow.

veronika290478@mail.ru

Краткая аннотация. Эволюция законодательства о происхождении детей прошла долгий путь от фиксации кровного родства до приоритета защиты интересов ребенка. Ключевые этапы включают переход от церковного брака к гражданскому, законодательное закрепление равноправия детей, рожденных в браке и вне его, а также использование генетических экспертиз для установления отцовства. Установление отцовства (материнства) в современный период осуществляется для защиты имущественных прав ребенка (алименты, наследство), оформление социальных выплат, пособий, а также для фиксации права на общение и участие в воспитании, если родители не состоят в браке.

Abstract. The evolution of legislation on the origin of children has come a long way from the fixation of blood relations to the priority of protecting the interests of the child. Key stages include the transition from church marriage to civil marriage, the legal recognition of the equality of children born in and out of wedlock, and the use of genetic testing to establish paternity.

Ключевые слова: брак, внебрачные дети, установление происхождения детей, незаконнорожденные дети, добровольное признание отцовства, установление отцовства в судебном порядке.

Key words: marriage, illegitimate children, establishment of children's origin, illegitimate children, voluntary recognition of paternity, establishment of paternity in court.

Для цитирования: Коленцова В.В. Эволюция российского законодательства об установлении происхождения детей // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_368.

For citation: Kolentsova V.V. The evolution of Russian legislation on the establishment of the origin of children // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 368-372. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_368.

Статья поступила в редакцию: 07.03.2026

Право каждого ребёнка жить и воспитываться в семье своих родителей является базовой ценностью, закреплённой как в Конституции Российской Федерации, так и в Конвенции о правах ребёнка. Современное правовое поле обеспечивает широкие возможности для реализации этого права: дети обладают равным статусом независимо от обстоятельств их рождения (в браке или вне его), отцовство может быть установлено в добровольном порядке или через суд, что позволяет ребёнку знать своё происхождение. Тем не менее, положение детей, рождённых вне брака, в России характеризуется рядом специфических особенностей и практических сложностей.

Вопрос о происхождении и родовой принадлежности рожденного ребенка на протяжении всей истории человечества имел фундаментальное значение. Его значимость определялась не только биологическими и психологическими связями (включая связь с отцом, чье значение часто недооценивается), но и социально-правовыми последствиями, такими как наследование имущества и титулов.

В России процедура установления отцовства и материнства исторически менялась в зависимости от эпохи. Например, в Древней Руси для легитимации ребенка было достаточно устного признания отцом. «Так, на этапе Древней Руси – достаточно было словесного признания отцом ребенка в качестве «своего» (например, князь Владимир, рожденный от ключницы, был признан своим отцом, и получил в наследство и имущество и титул). В те времена связь с незамужней женщиной или женщиной ниже по социальной лестнице и рождение от таковой ребенка, не считалось чем-то зазорным или постыдным. Другое дело, если связь была с замужней женщиной – это приравнивалось к кровосмешению» [1].

Значительно изменилась ситуация с принятием славянами христианства. Законнорожденным признавался только тот ребенок, который родился от мужчины и женщины, состоящих в законном браке. «В древнерусском обществе сформировалось твердое убеждение, что из «незаконных» детей могут вырасти только тати (воры, разбойники) и блуды (гулящие, проститутки). Часто именно так и случалось, поскольку настороженное и презрительное отношение общества формировало и усиливало асоциальность «незаконнорожденных» детей, толкало их в среду антиобщественных элементов. Русские крестьяне резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последующий брак, считались «незаконнорожденными». Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покидать деревню, переезжать в город, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Не завидна была и судьба «незаконнорожденных» детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка. Ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей» [2, с. 74]. Дети, рожденные женщиной не от мужа, признавались ее родственниками, а вот правовая связь с отцом отсутствовала вообще. «Первые упоминания в законодательстве о внебрачных детях встречаются в Русской Правде, в которой говорилось, что дети мужа от рабыни не получают наследства, но, они, как и мать, делаются свободными» [3].

Следующим этапом в регулировании установления происхождения детей стал период правления Петра I. Император ввел нормы,

обязывавшие отца внебрачного ребенка к материальной ответственности. В Уставе воинском (1716 г.) и Морском уставе (1720 г.) специальным артикулом (статьей) устанавливалось наказание для мужчины, от которого «пребудет с девкою и она от него родит». Виновный обязан был выплатить штраф «для содержания матери и младенца» «по содержанию его», а также подвергался тюремному заключению и церковному покаянию, «разве что он потом на ней женится».

Эти документы впервые в праве создали юридические основания для взыскания алиментов с отца внебрачного ребенка. Внебрачные связи в них рассматриваются как преступления, за которые положено уголовное и церковное наказание, алименты – платой за убытки, причиненные преступлением. Преемники Петра I – Петр II (1727–1730), Анна Иоанновна (1730–1740), Елизавета Петровна (1741–1761), Петр III (1761–1762) и др. – не издавали законов, которые определяли статус «засорных младенцев» и расширяли их права [2].

При Александре I закон позволял узаконить ребенка, рожденного до брака, при условии, что мужчина и женщина вступают в брак. Это правило не распространялось на детей, рожденных в результате адюльтера [4]. В XIX веке законодательство по отношению к внебрачным детям оставалось во многом негативным. В 1820-х гг. был опубликован ряд указов, в соответствии с которыми они распределялись по различным ведомствам в зависимости от состояния и сословной принадлежности их матери: одних приписывали в посады и цехи, других прикрепляли к помещикам, к фабрикам, заводам, третьи отбывали рекрутскую повинность — зачислялись в кантонисты или солдаты. По существу, их положение было полностью бесправным [5]. «Обращение незаконнорожденного в законнорожденного было возможно путем его узаконения при условии брака родителей (*legitimatio per subsequens matrimonium*). До 1829 г. в России позволено было родителям незаконнорожденных детей, вступив в брак, обращаться к верховной власти с просьбой о сопричислении незаконных детей их к законным; верховная власть по своему усмотрению соизволяла или отказывала, но обыкновенно соизволяла сопричисление незаконных детей к законным. Например, в Орловском областном архиве сохранились подобные дела. Так, в 1809 году незаконнорожденным детям майора Брянского мушкетерского полка Кузьменкова Высочайшим повелением дозволено было принять его фамилию и вступить во все права и преимущества по роду и наследию, принадлежащие законным детям. А с 1829 г. запрещено было даже обращаться к верховной власти с просьбой о сопричислении незаконных детей к законным. Но, разумеется, по исключению, с соизволения верховной власти, незаконнорожденные дети могли получать права детей законнорожденных» [5, с. 64]. В 1837 году было принято решение Государственного Совета, по которому воспрещалось принимать на гражданскую службу незаконнорожденных и вместе с тем принимать их в уездные училища, гимназии, коммерческие училища и другие подобные заведения [3, с. 150].

По этому поводу Государственный совет в 1880 г. писал: Незаконно рожденные дети, будучи лишены не только всех преимуществ, которые могли бы перейти к ним от родителей, но, не имея даже семьи и родного крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхождения, должны с особой силой чувствовать всю горечь отчужденного от всех положения своего, нисколько ими не заслуженного. Тяготясь своей участью, они, естественно, способны умножать число недовольных существующим общественным строем, а следовательно, и правительством.

Интеллигенция требовала радикальной реформы брачного законодательства. Некоторые юристы предлагали упростить процедуру развода, разрешить установление отцовства в отношении внебрачных детей, обязать отцов обеспечивать их. «Итогом многолетних обсуждений и дискуссий, происходивших как в среде передовой общественности страны, так и на уровне официального законотворчества, стало подписание 3 июня 1902 г. Николаем II закона «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей». Одним из наиболее значимых нововведений закона стало признание законными детей, рожденных от любых недействительных браков, то есть браков, совершенных с нарушением условий и препятствий для их заключения (ст. 131). При этом был отменен установленный ранее запрет на узаконение детей, происшедших от прелюбодеяния путем заключения брака между родителями (ст. 144). Такое кардинальное изменение, явно противоречащее жестким принципам правовой и нравственной чистоты брака, свидетельствовало о зарождении нового подхода к статусу законнорожденности.

Новый закон предусматривал, что решение вопроса о том, у кого из родителей после признания брака недействительным должны оставаться несовершеннолетние дети, зависело от соглашения между ними, и только в случае отсутствия такого соглашения родителей, равно как необходимости отступления от этого правила для блага детей, вопрос разрешался подлежащим опекунам установлением (ст. 131). Это оправдывалось тем, что «родительская заботливость о благе детей и знание самими родителями всех могущих иметь значение обстоятельств побудят их найти наилучший исход». Новый закон также предоставлял возможность присвоения ребенку фамилии матери с согласия последней, а также согласия отца, если он находился в живых (ст. 132), в результате чего «самый термин «незаконнорожденный» отныне становился совершенно прозрачным... дети эти перестают быть «незнаемо» чьими...». Ранее отсутствие права незаконных детей на фамилию отца и матери влекло за собой не только ограничения их прав на имущество и наследство, но и создавало существенную проблему для родителей и иных лиц, которым закон предписывал давать детям «прозвище» по имени восприемника, нередко выдававшее их происхождение.

Наиболее часто эта проблема проявлялась при поступлении детей на учебу, когда, несмотря на требования закона, по просьбе матерей незаконнорожденного ребенка вносили в списки учащихся под ее фамилией, однако выдаваемый по окончании учебного заведения аттестат или иной документ с такой фамилией являлся недействительным» [6].

Полное уравнивание в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браках, произошло только после свержения царского режима и установления советской власти. Принятый 18 декабря 1917 г Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, а также иные советские нормативные правовые акты, закрепив принципиально новые подходы в регулировании брачно-семейных отношений, отменяли дореволюционные законы, которые ставили в зависимость правовое положение ребенка от брака его родителей [7].

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» имел прогрессивное значение, отменив сословные и иные ограничения для вступления в брак и уравнивая в правах детей, рожденных в браке и вне его.

Однако на смену дореволюционной системе, фактически оставлявшей мать внебрачного ребенка без средств к существованию, пришла новая крайность. Суды при установлении отцовства стали почти автоматически принимать сторону матери. Эта тенденция была закреплена законодательно. Так, ст. 144 Кодекса законов об актах гражданского состояния... 1918 года предусматривала привлечение к алиментной ответственности всех мужчин, имевших связь с матерью в период зачатия, что на практике порождало прецеденты «многоотцовства».

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года, приравняв фактические браки к зарегистрированным, упразднил эту норму, но сохранил принцип безусловного доверия к указаниям матери. Процедура была такова: регистрируя рождение, мать указывала данные предполагаемого отца, и с его заработка сразу удерживалась треть на алименты. Бремя доказывания неправомерности матери ложилось на мужчину: для прекращения выплат он должен был подать иск об оспаривании отцовства. Эта абсурдная ситуация была метко описана В.В. Маяковским: «Он рад умереть, экономя треть, / три года судиться рад: / и я, мол, не я, и она не моя, / и я вообще кастрат» [8].

В 1930-х и 1940-х гг. маятник семейной (и не только) политики качнулся в сторону ужесточения законов. В 1936 г. были запрещены аборт без медицинских показаний. Для развода требовалось, чтобы оба супруга явились в ЗАГС. Была повышена пошлина за развод. Во избежание сокрытия бракоразводной биографии стали ставить штамп о разводе в паспорте. Указ «О браке и семье» от 8 июля 1944 года, как считают многие исследователи отбросил законодательство страны на 100 лет назад – запрещал установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Ни добровольное признание отцовства, ни отыскание его в судебном порядке более не допускались. Не возникало, естественно, и права на получение алиментов от фактического отца.

Только в 1945 г. Указом от 14 марта 1945 г. было разрешено признание отцом внебрачного ребенка в случае вступления в брак с его матерью. Эти меры прикрывались лишенными всякого основания заверениями о том, что права внебрачных детей не нарушаются, так как заботу о них берет на себя социалистическое государство. Во-первых, мизерные пособия, установленные для одиноких матерей, не могли заменить алименты. Во-вторых, дети лишались права знать своего отца, а отец не мог узаконить отношения с родными детьми.

Выбор времени для проведения подобного мероприятия оказался крайне несвоевременным на фоне последствий войны: массовой миграции, разрушения семейных связей и распространения внебрачных отношений. Это привело к систематическому нарушению прав детей. Одним из наиболее очевидных последствий была обязательная пометка в графе «отец» в свидетельстве о рождении, что публично маркировало ребенка как «внебрачного». Несмотря на декларируемое юридическое равенство, такая практика зачастую вела к социальной дискриминации. В этих условиях суды, чтобы хоть как-то обеспечить интересы внебрачных детей, взыскивали алименты с их отцов как с фактических воспитателей.

Второй мерой, предусмотренной Указом от 8 июля 1944 г., было придание правового значения только зарегистрированному браку (п. 19). Всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения с 1926 по 1944 г., предписывалось зарегистрировать брак, указав при этом дату фактического вступления в фактические брачные отношения и общих детей. В противном случае их брак терял юридическое значение.

На базе Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27.06.1968 в РСФСР в 1969 году был принят новый Кодекс «О браке и семье» РСФСР (далее – КоБС РСФСР 1969 года), который предусматривал и судебное установление, и добровольное признание отцовства, а также взыскание алиментов на детей, родившихся вне брака. Теперь право на оспаривание записи о происхождении ребенка от конкретного лица было закреплено не только за отцом, но и за матерью. Срок исковой давности для оспаривания был увеличен с одного месяца по сравнению с КоБС РСФСР 1926 года до одного года. Был закреплён момент, с которого начинался отсчет срока для обращения в суд с иском об оспаривании – а именно «с того времени, когда стало или должно было стать известным о произведенной записи» [9]. При этом, если лицо, записанное отцом или матерью, являлось несовершеннолетним, годичный срок исчисляется со времени достижения им восемнадцати лет. Также была введена норма о признании отцом ребенка, зачатого в браке, но родившегося после расторжения или признания брака недействительным, в случае если со дня расторжения брака или признания его недействительным до дня рождения ребенка прошло не более десяти месяцев. В таких случаях установление и оспаривание отцовства проходило по общим правилам.

В 1982 году Пленум Верховного суда СССР своим постановлением внес уточнения в нормы, касающиеся процедуры оспаривания отцовства в суде, и указал, что иски об оспаривании записи об отцовстве и о взыскании алиментов на ребенка являются взаимосвязанными и должны быть, как правило, рассмотрены в одном производстве.

В соответствии с п. 3-5 Постановления Пленума СССР от 25 марта 1982 года – «запись об отце ребенка, произведенная органами загса, является доказательством происхождения ребенка от указанного в ней лица. В связи с этим суды не должны были принимать к своему производству заявления об установлении отцовства, если в записи о рождении ребенка отцом указано определенное лицо.

Согласно части 1 ст. 16 Основ законодательства о браке и семье взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей. Поэтому при рассмотрении дел об установлении отцовства суд должен установить происхождение ребенка, принимая при этом во внимание: совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка (проживание в одном жилом помещении, совместное питание, взаимная забота друг о друге, приобретение имущества для совместного пользования), или совместное воспитание либо содержание ими ребенка, или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства. Совместное воспитание ребенка имеет место, когда ребенок проживает с матерью и ответчиком или ответчик общается с ребенком, проявляет о нем родительскую заботу и внимание.

Под совместным содержанием ребенка матерью и ответчиком следует понимать нахождение ребенка на их иждивении или оказание ответчиком систематической помощи в содержании ребенка, независимо от размера этой помощи. К доказательствам признания отцовства могут относиться письма ответчика, его анкеты, заявления и другие фактические данные (ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и

союзных республик), которые с достоверностью подтверждают признание ответчиком отцовства. Такое признание может быть выражено как в период беременности матери (например, желание иметь ребенка, забота о матери будущего ребенка и др.), так и после рождения ребенка. В необходимых случаях для разъяснения возникающих вопросов, связанных с происхождением ребенка, суд с учетом обстоятельств по делу может назначить судебно-медицинскую экспертизу» [10].

Современное семейное законодательство представлено, в первую очередь, Семейным кодексом Российской Федерации, который был разработан и принят в 1995 году и вступил в действие с 1 марта 1996 года. Семейный кодекс РФ перенял основные положения советского законодательства, при этом значительно дополнив и расширив нормы об установлении и оспаривании отцовства и материнства, в том числе в случае рождения ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий.

В рамках дел об установлении отцовства суд принимает во внимание всю совокупность представленных доказательств, если они с достоверностью устанавливают происхождение ребенка от ответчика. Законодатель и судебная практика относят к таким доказательствам, в частности, признание отцовства, факты совместного проживания и ведения общего хозяйства на момент зачатия, участие в воспитании и содержании ребенка, а также свидетельские показания и иные данные.

Суд может использовать все известные современной науке методы и средства, чтобы установить отцовство, в том числе и судебно-медицинские экспертизы. С помощью судебно-медицинских экспертиз могут быть установлены время зачатия, способность ответчика иметь детей, наличие (отсутствие) родственной связи с ребенком (биологическая, молекулярно-генетическая экспертизы).

Таким образом, любые новые открытия, помогающие со 100-процентной точностью устанавливать происхождение 99,99 процента.

Закон не устанавливает срок исковой давности по делам данной категории, отцовство лица может быть установлено судом в любое время после рождения ребенка. Однако установление отцовства в отношении совершеннолетнего ребенка допускается только с его согласия, а если он признан недееспособным – с согласия его опекуна или органа опеки и попечительства.

Как установить отцовство без генетической экспертизы? Это особенно актуально, когда предполагаемый отец уклоняется от её проведения.

Верховный Суд Российской Федерации обозначил свою позицию во всех аналогичных случаях. Так, исходя из разъяснений, содержащихся в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16, для разъяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка, суд вправе назначить экспертизу, в том числе и молекулярно-генетическую, позволяющую установить отцовство (материнство) с высокой степенью точности. Вместе с тем, судам следует учитывать, что заключение эксперта (экспертов) по вопросу о происхождении ребенка является одним из доказательств, оно не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ). В ситуации, когда одна из сторон (обычно речь идет об ответчике) при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей, уклоняется от участия в экспертизе, согласно п. 21 того же постановления, в соответствии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. При этом указанный вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, какая сторона по каким причинам не явилась на экспертизу или не представила эксперту (экспертам) необходимые предметы исследования, а также, какое значение для нее имеет заключение эксперта (экспертов), исходя из имеющихся в деле доказательств в их совокупности.

Таким образом, доказать отцовство без самой экспертизы можно, представив суду иные доказательства (переписку, совместные фото/видео, свидетельские показания о признании отцовства, доказательства ведения общего хозяйства или участия в воспитании). Если суд сочтет их достаточными, а поведение ответчика – уклоняющимся, он может удовлетворить иск, даже несмотря на отсутствие генетического заключения.

Особенностью рассмотрения дел об установлении отцовства является применение к детям, рожденным до 1 марта 1996 года, норм утратившего силу Кодекса о браке и семье РСФСР (КоБС). Согласно пункту 2 статьи 48 КоБС, суд в таких случаях обязан учитывать факт совместного проживания и ведения общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка, а также их совместное воспитание или содержание ребенка.

Таким образом, принципиальное отличие от действующего Семейного кодекса РФ заключается в том, что КоБС в качестве основного юридического факта, подлежащего доказыванию, устанавливал именно совместное проживание и ведение общего хозяйства, что формирует особый предмет доказывания по делам о «советских» детях. В связи с этим, представляется интересным Постановление КС РФ от 27 ноября 2024 года. 27 ноября 2024 года Конституционный Суд вынес № 55-П/2024 по делу о проверке конституционности ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, на основании которой решается вопрос об установлении в судебном порядке отцовства в отношении граждан, родившихся в период с 1 октября 1968 г. до 1 марта 1996 г. Со ссылкой на Постановление Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» КС подчеркнул, что в судебной практике получило распространение такое толкование ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР, в соответствии с которым суды не признают экспертное заключение о наличии биологического родства относимым доказательством по делу, поскольку для установления отцовства лица в отношении гражданина, родившегося до 1 марта 1996 г., правовое значение имеют лишь обстоятельства, перечисленные в названной статье. Между тем Конституционный Суд пояснил: поскольку экспертизы, в частности молекулярно-генетические, появившиеся с развитием новых технологий, отличаются высоким уровнем надежности результатов, свидетельствующих о происхождении ребенка от конкретного лица (биологическом родстве), заключение такой экспертизы во всяком случае не может оставаться без надлежащей оценки – наряду с иными имеющимися в деле доказательствами – при вынесении судом решения. При этом заключение эксперта оценивается судом по правилам, установленным ст. 67 ГПК, а несогласие суда с заключением должно быть мотивировано в решении или определении суда.

В современном российском законодательстве, а также в международных договорах четко определяется принцип равенства прав детей

независимо от их происхождения. В случае если мама и папа ребенка состоят в браке, то запись об отце ребенка производится на основании свидетельства о браке. Если брак не заключен, то запись производится в соответствии с актом об установлении отцовства. А если нет ни одного из документов, фамилия отца ребенка записывается по фамилии матери, а имя и отчество ребенка – по её желанию. В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 15.11.1997 года №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹ по желанию матери сведения об отце ребенка в запись акта о рождении ребенка могут не вноситься.

Презумпция отцовства – очевидно положительный принцип семейного права, благодаря которому не требуется дополнительной процедуры установления отцовства при регистрации ребенка. Согласно статье 48 Семейного кодекса Российской Федерации отцом ребенка, рожденного в браке либо в течение 300 дней с момента расторжения (признания недействительным) брака или с момента смерти супруга, признается муж матери ребенка. Многие супружеские пары, фактически прекратив совместное проживание и ведение совместного хозяйства, остаются жить в зарегистрированном браке. Нередко это бывает на протяжении длительного времени. При этом не исключена ситуация, когда каждый из законных супругов начинает семейные отношения с другим человеком. В таком случае отцом детей, родившихся у жены от другого мужчины, руководствуясь п. 2 ст. 48 СК РФ, будет являться законный супруг. При этом даже если в последующем этот брак будет расторгнут, бывший супруг останется юридическим отцом ребенка своей бывшей жены.

Интересным представляется предложение некоторых авторов в целях упрощения процедуры регистрации ребенка внести поправки в ст. 48 СК РФ, а именно, дополнить ее п. 2.1 в следующей редакции: «2.1. Супруги, имеют право подать в орган государственной регистрации актов гражданского состояния общее заявление о непризнании мужа (бывшего мужа) отцом ребенка, как во время беременности, так и после рождения ребенка. Такое требование может быть удовлетворено только в случае подачи другим лицом и матерью ребенка заявления о признании отцовства. В своей статье они анализируют законодательство республики Таджикистан и др. стран и приходят к выводу - если усовершенствовать процедуру государственной регистрации отцовства, то судебных споров можно было бы избежать. «Семейный кодекс Республики Таджикистан в ст. 49 предусматривает подачу совместного заявления супругов о непризнании супруга отцом ребенка, при этом делается оговорка, что такое заявление можно подать даже во время беременности, если после рождения сделать это будет по каким-либо причинам затруднительно» [11 с.81].

Установление отцовства (материнства) в современный период осуществляется для защиты имущественных прав ребенка (алименты, наследство), оформление социальных выплат, пособий, а также для фиксации права на общение и участие в воспитании, если родители не состоят в браке.

Список литературы:

1. Линева В.С. Правовые аспекты установления происхождения детей: общая характеристика российского семейного законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 8(47). С. 220-225.
2. Потепалов Д. В. Права внебрачных детей в царской России // Высшее образование сегодня. 2015. № 1.
3. Семейное право: учебник: / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова; под ред. П. В. Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2022. 320 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=711399> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Годы правления Россией с 12 марта 1801 года по 19 ноября (1 декабря) 1825 года
5. Селюткина, Е. Н. Правовое положение незаконнорожденных в Российской империи во второй половине XIX начале XX века / Е. Н. Селюткина // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1(16).
6. Кущев С.Ю. «Амнистия» незаконнорожденности в российской империи (К вопросу о роли закона от 3 июня 1902 года «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей»)/Теория и практика общественного развития. 2012. №11. С. 216-217.
7. Придворов Н.А., Иванова Н.А. Правовое положение незаконнорожденных детей в Российской Империи // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 184.
8. Синельников А. Б. К чему приводит неограниченное право на развод? / А.Б. Синельников, О.В. Дорохина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 79-94.
9. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года (в ред. от 22.12.1994 г.), введен в действие с 1 ноября 1969 года, утратил силу//Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1969, №32. ст. 1086.
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1982 г. №2 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи в ред. от 18.06.1987 г. № 6.
11. Кулакова А. А., Ломакина А. Н., Павлова Ю. А. Проблемы вынужденного отцовства //Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – №. 2. – С. 81-83.

References:

1. Lineva V.S. Legal aspects of establishing the origin of children: general characteristics of Russian family legislation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 8(47). pp. 220-225.
2. Potepalov D. V. The rights of illegitimate children in Tsarist Russia // Higher education today. 2015. № 1.
3. Family law: textbook: / B. M. Gongalo, P. V. Krashenninnikov, L. Yu. Mikheeva, O. A. Ruzakova; edited by P. V. Krashenninnikov. 5th ed., revised and add. Moscow: Statute, 2022. 320 p. Access mode: by subscription. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=711399> (date of reference: 07/20/2025).
4. The years of Russia's rule from March 12, 1801 to November 19 (December 1), 1825
5. Selyutina, E. N. The legal status of illegitimate children in the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries / E. N. Selyutina // Bulletin of State and Municipal Administration. 2015. № 1(16).
6. Kuschchev S.Y. "Amnesty" of illegitimacy in the Russian Empire (On the role of the law of June 3, 1902 "On the approval of rules on improving the situation of illegitimate children")//Theory and practice of social development. 2012. No. 11. pp. 216-217.
7. Pridvorov N.A., Ivanova N.A. The legal status of illegitimate children in the Russian Empire // Socio-political Sciences. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 184.
8. Sinelnikov A. B. What does the unlimited right to divorce lead to? / A.B. Sinelnikov, O.V. Dorokhina // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2015. No. 3. pp. 79-94.
9. The Code on Marriage and Family of the RSFSR of July 30, 1969 (as amended dated December 22, 1994), entered into force on November 1, 1969, became invalid//Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1969, No. 32, article 1086.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 03/25/1982 No. 2 "On the Application of Legislation by Courts when Considering Cases on establishing paternity and on collecting alimony for children and other Family Members, as amended. dated 06/18/1987, No. 6.
11. Kulakova A. A., Lomakina A. N., Pavlova Yu. A. Problems of forced fatherhood //Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2021. – No. 2. – pp. 81-83.

¹ Ст. 17 «Об актах гражданского состояния»: ФЗ от 15.11.1997 года №143-ФЗ (изм. от 8 августа 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации от 24 ноября 1997 г., № 47, ст. 5340.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ СУБДОГОВОРА FEATURES OF CONCLUSION AND DISSOLUTION OF A SUBCONTRACT

АДЬЯЕВ Борис Саналович

Бакалавр ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69.
E-mail: borisadyaev05@jmail.com

БОЛДЫРЕВ Анир Геннадьевич

Бакалавр ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.
E-mail: anir.boldyrev@mail.ru

НОХАЕВ Эльвг Санджиевич

аспирант ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.
E-mail: civil.pravo@mail.ru

ЧИМИДОВА Аюна Мергеновна,

бакалавр ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.
E-mail: ayuna120258@mail.ru

ЧУМБАСОВА Юлия Александровна,

бакалавр ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.
E-mail: juliachumbasova@gmail.com

ADYAEV Boris Sanalovich

Bachelor's degree from Lebedev Russian State University of Justice.
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia.
E-mail: borisadyaev05@jmail.com

BOLDYREV Anir Gennadievich

Bachelor's degree in B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 Pushkin St.,
Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: anir.boldyrev@mail.ru

NOKHAEV Elvg Sanjievich

is a postgraduate student at B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 Pushkin St.,
Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: civil.pravo@mail.ru

AIMIDOVA Ayuna Mergenovna,

Bachelor's degree, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 Pushkin St.,
Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: ayuna120258@mail.ru

CHUMBASOVA Yulia Alexandrovna,

Bachelor's degree, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 Pushkin St.,
Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: juliachumbasova@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматривается правовая природа и толкование категории «законный интерес». Исследуются имеющиеся подходы и его характеристика. Установлены особенности «законного интереса» и влияние на него социальных и иных внешних факторов. Сформулировано авторское определение рассматриваемому правовому явлению и установлена его гибкость.

Abstract. The article examines the legal nature and interpretation of the category "legitimate interest." It explores existing approaches and characteristics. The article identifies the features of "legitimate interest" and the influence of social and other external factors on it. The author provides a definition of the legal phenomenon under consideration and establishes its flexibility.

Ключевые слова: законный интерес, защита прав и интересов, участник гражданских правоотношений, основополагающее начало гражданского законодательства, толкование законного интереса.

Keywords: legitimate interest, protection of rights and interests, participant in civil legal relations, fundamental principle of civil legislation, interpretation of legitimate interest.

Для цитирования: Адьяев Б.С., Болдырев А.Г., Нохает Э.С., Чимидова А.М., Чумбасова Ю.А. Особенности заключения и расторжения субдоговора // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 373-375. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_373.

For citation: Adyaev B.S., Boldyrev A.G., Nokhaev E.S., Chimidova A.M., Chumbasova Yu.A. Features of concluding and terminating a sub-agreement // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 373-375. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_373.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Субдоговоры не имеют четкого закрепления в законодательстве как отдельная и самостоятельная форма договора. Тем не менее, рост экономических связей и значительное увеличение участия третьих лиц в обязательствах по договорам оказывают влияние на распространение и использование субдоговоров.

В данной статье, которая является начальным этапом нашего исследования, будут подробно рассмотрены основные и распространенные характеристики заключения и расторжения субдоговора. Эти аспекты являются ключевыми элементами динамики договорных отношений, которые усложняются наличием субдоговора.

Как справедливо и актуально заметил А.И. Муртазин, в процессе заключения субдоговоров возникает сложная многоуровневая структура взаимосвязанных договорных отношений. Эта структура характеризуется наличием множества неясностей и «темных мест», что в свою очередь предполагает необходимость постановки и решения ряда как теоретических, так и практических вопросов.

К числу таких проблем можно отнести, например, вопрос о правовой природе субдоговора, а также возможность применения к субдоговорам норм, касающихся исполнения обязательства третьими лицами. Эти аспекты требуют тщательного анализа, так как от их правильного понимания зависит дальнейшее правоприменение.

Важно отметить, что попытки разрешить проблемы, связанные с отдельными видами субдоговоров, особенно тех, которые названы в законодательстве, часто оказываются недостаточными. Это связано с тем, что в таких попытках можно наблюдать явные недочеты и противоречия, которые возникают из-за отсутствия комплексного учения о субдоговоре.

Недостаточная определенность правовой природы субдоговора порождает множество вопросов, что, в свою очередь, приводит к спорной правоприменительной практике. В результате, суды и другие правоприменительные органы сталкиваются с трудностями при интерпретации норм, касающихся субдоговоров, что усложняет их применение на практике.

Таким образом, для более эффективного разрешения возникающих вопросов необходимо разработать более четкое и последовательное понимание правовой природы субдоговора, что позволит устранить существующие неясности и улучшить практику его применения. Это, в свою очередь, будет способствовать более стабильной и предсказуемой правовой среде для всех участников договорных отношений¹.

По мнению М.И. Брагинского, третье лицо имеет юридически значимую связь и возможность воздействовать на динамику правоотношения².

О.А. Красавчиков пишет, что третьи лица «состоят в определенной правовой связи с одной из сторон обязательства и приобретают в силу этого по обязательству некоторые права и обязанности»³.

М.К. Сулейменов под участием третьих лиц в обязательстве понимает «определенную правовую связь с одной из сторон правоотношения», в силу которой третье лицо приобретает «некоторые права и обязанности по данному правоотношению» и выполняет «определенные дополнительные вспомогательные функции»⁴.

Согласно мнению эксперта, распространенное представление о субдоговоре как о соглашении, которое в основном предназначено для оформления передачи обязательств по выполнению договора третьему лицу, является ошибочным. Это утверждение подразумевает, что субдоговор требует особого регулирования, которого в настоящее время не существует. Это обстоятельство определяет направление будущих исследований в данной области права.

На самом деле, субдоговор уже стал независимой и самостоятельной договорной конструкцией. Тем не менее, информация о том, что концепция передачи исполнения обязательств третьим лицом не применяется к субдоговору, вызывает определенные споры. Существующие теории и подходы в этой сфере, кажется, не противоречат друг другу и могут сосуществовать в рамках более широкой и общей теории договоров, которая в настоящее время находится в процессе разработки. Субдоговор, как элемент этой теории, может существовать на различных уровнях и выделяться по различным основаниям.

Таким образом, важно отметить, что необходимость специального регулирования субдоговора подчеркивает его уникальность и значимость в системе гражданского оборота. В то время как традиционные представления о договорных отношениях могут быть ограничены, субдоговор открывает новые горизонты для юридических интерпретаций и практик. Это также поднимает вопрос о том, как именно следует трактовать и применять нормы, касающиеся субдоговоров, в контексте существующих правовых рамок.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что дальнейшие исследования в этой области должны сосредоточиться на выявлении и формулировании четких принципов и норм, которые смогут регулировать отношения, возникающие в рамках субдоговоров. Это необходимо для того, чтобы обеспечить правовую определенность и защиту интересов сторон, участвующих в таких договорах. В конечном итоге, развитие теории субдоговора может привести к более эффективному и справедливому применению норм гражданского законодательства, что, безусловно, будет способствовать стабильности и предсказуемости в сфере договорных обязательств⁵.

В современных условиях отсутствия единой теории договора, вопросы, касающиеся динамики договорной конструкции, особенно в контексте расторжения или заключения субдоговора, становятся все более актуальными для хозяйствующих субъектов. Это приводит к возникновению множества проблем, в том числе связанных с прогнозированием рисков, что, в свою очередь, может иметь негативные последствия для бизнеса. Несмотря на то что в области строительства существует фрагментарное правовое регулирование субдоговоров, отдельные положения, касающиеся субдоговоров, отсутствуют в законодательстве.

Начнем с анализа особенностей заключения субдоговора, который представляет собой более детализированную часть общей договорной конструкции. Важно отметить, что действующее законодательство не содержит универсальных норм, регулирующих процесс заключения субдоговора. Однако, учитывая различные виды субдоговоров и их зависимость от основного договора, можно сделать вывод, что порядок за-

¹ Брагинский И.М., Витрянский В.В. Договорное право. – М.: Статут, 2008. – Кн. первая: Общие положения. – 847 с.

² Огнев В. Н. Расторжение субдоговоров в сфере передачи имущества во временное владение и пользование // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №8.

³ Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учебник для вузов /– 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – Т. 1. – 448 с.

⁴ Огнев В.Н. Заключение субдоговора: проблемы конкуренции общих и специальных норм // Экономика. Налоги. Право. 2012. №3.

⁵ Сибилев С.С. Особенности заключения и расторжения субдоговора // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук.- 2025.- Т. 1. -№ 1 (34). - С. 534-537.

ключения субдоговора должен соответствовать порядку, установленному для основного договора. Это также согласуется с общими принципами, которые определяют направленность договорных правоотношений.

Рассмотрим общий порядок добровольного заключения субдоговоров. Принудительное заключение субдоговора, как и любого другого договора, регулируется общими нормами права. Как справедливо подметил юрист В.Н. Огнев, заключение и исполнение субдоговора обусловлено существованием основного договора. Это означает, что заключение субдоговора хронологически связано с основным договором, и он может быть подписан только после того, как будет заключен основной договор.

Согласно пункту 1 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор, а значит и субдоговор, может быть оформлен в любой форме, которая предусмотрена для сделок, если законом для данного вида договоров не установлена конкретная форма. Несмотря на отсутствие специальных правил о форме для отдельных видов субдоговоров, можно выделить некоторые закономерности, проанализировав общие правила, касающиеся основного договора.

Процесс заключения субдоговора включает в себя согласование между соответствующими сторонами всех существенных условий, что в соответствии с законом представляет собой процесс взаимного направления сторонами оферт и акцептов. Это означает, что для того чтобы субдоговор был действительным, необходимо, чтобы обе стороны согласовали ключевые условия, такие как предмет договора, цена, сроки исполнения и другие важные аспекты.

Необходимо также учесть, что субдоговоры могут быть разнообразными по своей природе. Например, в строительной сфере могут использоваться подрядные субдоговоры, которые регламентируют выполнение определенных работ, или субдоговоры на поставку материалов. Каждый из этих типов субдоговоров имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при их заключении.

Важным аспектом является то, что субдоговоры не могут существовать в вакууме. Они всегда зависят от основного договора, который устанавливает рамки и условия, в которых будет действовать субдоговор. Это создает необходимость в тщательном анализе условий основного договора перед заключением субдоговора, чтобы избежать конфликтов и недоразумений в будущем.

Кроме того, стоит отметить, что в процессе заключения субдоговора стороны должны учитывать не только свои интересы, но и требования законодательства, регулирующего их отношения. Это может включать в себя соблюдение норм о защите прав потребителей, трудовых правах работников и других аспектах, которые могут повлиять на законность и действительность заключаемого субдоговора.

Таким образом, заключение субдоговора — это сложный и многоступенчатый процесс, который требует внимательного подхода и учета множества факторов. Отсутствие четкой правовой базы и единой теории может усложнить этот процесс, что делает необходимым для хозяйствующих субъектов проявлять особую осторожность и внимательность при работе с субдоговорами. Это особенно актуально в условиях динамичного рынка, где риски и неопределенности могут существенно повлиять на результаты деятельности компаний.

В заключение, можно сказать, что несмотря на существующие сложности и неопределенности, связанные с заключением и исполнением субдоговоров, понимание основных принципов и правил, регулирующих эти отношения, может помочь хозяйствующим субъектам более эффективно управлять своими рисками и достигать поставленных целей.

Таким образом, заключение и расторжение субдоговоров требует внимательного подхода и учета как общих, так и специальных условий. Понимание этих аспектов поможет сторонам избежать правовых конфликтов и обеспечить стабильность в их обязательствах. Важно помнить, что каждый случай уникален, и при необходимости следует обращаться за консультацией к специалистам в области права для получения квалифицированной помощи.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Брагинский И.М., Витрянский В.В. Договорное право. — М.: Статут, 2008. — Кн. первая: Общие положения. — 847 с.
3. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учебник для вузов /— 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1972. — Т. 1. — 448 с.
4. Муртазин А.И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2010.
5. Муртазин А. И. Субдоговор как форма участия третьего лица в обязательстве // ВЭПС. 2010. №3. С.78-82 7. Огнев В. Н. Расторжение субдоговоров в сфере передачи имущества во временное владение и пользование // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №8.
8. Огнев В.Н. Заключение субдоговора: проблемы конкуренции общих и специальных норм // Экономика. Налоги. Право. 2012. №3.
9. Сулейменов М.К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. — 1978. — № 3. — С. 123-128.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 11/30/1994 N 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, 12/05/1994, N 32, art. 3301.
2. Braginsky I.M., Vitryansky V.V. Contractual law. — M.: Statute, 2008. — Book one: General provisions. — 847 p.
3. Krasavchikov O.A. Soviet civil law: a textbook for universities /— 2nd ed. — Moscow: Higher School, 1972. — Vol. 1. — 448 p.
4. Murtazin A.I. Sub-agreement as a form of participation of a third party in an obligation. Diss. ... kand. jurid. Sciences. — M., 2010.
5. Murtazin A. I. Sub-agreement as a form of participation of a third party in an obligation // VEPS. 2010. №3. C.78-82 7. Ognev V. N. Termination of sub-agreements in the sphere of transfer of property into temporary possession and use // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No.8.
8. Ognev V.N. Conclusion of a sub-agreement: problems of competition of general and special norms // Economy. Taxes. Right. 2012. №3.
9. Suleimenov M.K. Third parties in civil law // Soviet State and law. - 1978. — No. 3. — pp. 123-128.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ДИСТАНЦИОННАЯ ФОРМА УЧАСТИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ: ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION AND REMOTE FORM OF PARTICIPATION IN THE COURT SESSION: TECHNICAL AND LEGAL LIMITS OF ENSURING PROCEDURAL RIGHTS

РУМЯНЦЕВА Анастасия Сергеевна,

магистрант юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: anastasia.prjakhina@mail.ru

БЕЛЯЕВА Кристина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

RUMYANTSEVA Anastasia Sergeevna,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: anastasia.prjakhina@mail.ru

BELYAEVA Kristina Alexandrovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,

Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's, PhD (Law), Associate Professor

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются проблемные аспекты реализации принципа состязательности сторон при использовании дистанционных форм участия в судебном заседании. Основываясь на положениях нормативных актов и судебной практики 2024–2025 годов исследуются технические и правовые пределы обеспечения процессуальных прав участников процесса. Особое внимание уделяется вопросам технической оснащенности судов и исправительных учреждений, особенностям извещения сторон (включая осужденных), а также критериям разграничения технических сбоев и процессуальных нарушений, влекущих отмену судебного акта. В результате исследования устанавливается необходимость совершенствования регламентации процедур дистанционного участия для минимизации рисков нарушения прав на справедливое судебное разбирательство.

Abstract: The article analyzes problematic aspects of the implementation of the principle of adversarial parties when using remote forms of participation in a court hearing. Based on the provisions of the regulations and judicial practice of 2024-2025, the technical and legal limits of ensuring the procedural rights of the participants in the process are being investigated. Special attention is paid to the technical equipment of courts and correctional institutions, the specifics of notifying the parties (including convicts), as well as the criteria for distinguishing technical failures and procedural violations leading to the cancellation of a judicial act. As a result of the study, it is established that it is necessary to improve the regulation of remote participation procedures in order to minimize the risks of violation of the rights to a fair trial.

Ключевые слова: принцип состязательности, дистанционное участие, видеоконференц-связь, судебное извещение, процессуальные права, технические сбои, отмена судебного решения, цифровизация правосудия, ГПК РФ, УПК РФ.

Keywords: the principle of competition, remote participation, videoconferencing, court notification, procedural rights, technical failures, cancellation of a court decision, digitalization of justice, CPC RF, CPC RF.

Для цитирования: Румянцова А.С., Беляева К.А. Реализация принципа состязательности и дистанционная форма участия в судебном заседании: технические и правовые пределы обеспечения процессуальных прав // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 376-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_376.

For citation: Rumyantseva A.S., Belyaeva K.A. Implementation of the adversarial principle and remote form of participation in court proceedings: technical and legal limits of ensuring procedural rights // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 376-379. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_376.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Принцип состязательности, закрепленный в ч.3 ст.123 Конституции Российской Федерации, традиционно рассматривается как фундаментальная гарантия справедливого судебного разбирательства. Его сущность заключается в том, что стороны самостоятельно отстаивают свою позицию, предоставляют доказательства, заявляют ходатайства, а суд занимает нейтральную позицию, разрешая спор на основе предоставленных материалов.

Однако стремительная цифровизация судебной системы, активное внедрение дистанционных технологий участия в судебных заседаниях ставят перед правоприменителем новые вызовы: как обеспечить реальное, а не формальное равенство сторон, когда одна из них физически присутствует в зале, а другая подключается через экран?

Актуальность темы обусловлена тем, что с 2010 года нормы о возможности дистанционного участия были последовательно закреплены во всех основных процессуальных кодексах РФ — АПК, ГПК, КАС, УПК, а с апреля 2025 года — и в КоАП РФ.

При этом законодатель не всегда детально регламентирует процедурные нюансы, что порождает на практике ситуации, когда техни-

ческая невозможность полноценного участия де-факто ограничивает процессуальные права стороны. Цель настоящей работы — выявить и проанализировать технические и правовые пределы дистанционного участия, при достижении которых нарушается принцип состязательности.

Нормативная база и организационные особенности дистанционного участия.

Правовую основу применения видеоконференц-связи (далее - ВКС) в судебном процессе заложил еще Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10.12.1998 № 27-П, указав, что каждый, кто желает участвовать в судебном заседании, должен иметь такую возможность, даже находясь под стражей [4].

Впоследствии эта позиция получила развитие в ст.155.1 ГПК РФ, ст.153.1 АПК РФ, ст.278.1 УПК РФ и иных правовых нормах [1,2,3].

Ключевое условие применения ВКС — наличие технической возможности её организации в судах. Согласно ч.1 ст.155.1 ГПК РФ, лица, участвующие в деле, могут участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС «при наличии в судах технической возможности».

Это положение, с одной стороны, предоставляет суду определенную дискрецию, с другой — создает риск неравенства: если в суде субъекта РФ или в исправительном учреждении отсутствует оборудование ВКС, участник фактически лишается права на дистанционное участие [8].

Особую категорию составляют осужденные, находящиеся в местах лишения свободы. Для них участие через ВКС часто является единственной возможностью лично обозначить позицию, задать вопросы, предоставить возражения касательно доводов другой стороны. При этом, ч.4 ст.155.1 ГПК РФ возлагает на администрацию учреждения обязанность по техническому содействию в получении подписки о разъяснении прав и предупреждении об ответственности [10].

На практике это порождает дополнительные организационные сложности: необходимо заранее согласовать время судебного заседания с отделом информационной безопасности колонии, убедиться в исправности оборудования, обеспечить присутствие как сотрудника, который поможет с подключением, так и самого участника судебного процесса - осужденного.

Проблемы извещения сторон при дистанционном участии.

Не менее остро стоит вопрос надлежащего извещения участников процесса, особенно когда речь идет о лицах, содержащихся под стражей. Согласно ст.113 ГПК РФ судебные извещения могут направляться заказным письмом, телефонограммой, по факсимильной связи, а также с использованием иных средств связи, обеспечивающих фиксацию вручения.

В 2024–2025 годах активно развивалась практика извещения через портал «Госуслуги» и систему электронного документооборота, однако для осужденных эти каналы часто недоступны.

Для данной категории участников процесса одного факта отправки копии определения недостаточно — требуется обязательное получение расписки, которая подлежит обязательному возвращению в суд не позднее следующего дня с момента вручения. Безусловно, это накладывает дополнительную нагрузку на канцелярию и администрацию учреждений, создает определенную бюрократическую волокиту [7]. Однако с точки зрения защиты процессуальных прав такая перестраховка выглядит оправданной: она минимизирует риски ситуации, когда человек формально числится извещенным, а по факту не был своевременно предупрежден о дате и времени судебного заседания, что впоследствии могло бы стать основанием для отмены решения.

Использование электронной почты или мессенджеров становится нормой, но правовое регулирование здесь пока отстает от реалий. То же Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» допускает возможность СМС-извещения, но только при условии письменного согласия лица и подтверждения номера телефона распиской [5]. Однако на практике это порождает сложные коллизии. Возникает резонный вопрос: считается ли извещение надлежащим, если оператор связи подтверждает доставку сообщения до абонента, но нет данных о том, что адресат его вообще открыл и читал? Как зафиксировать этот факт, если популярный мессенджер не предоставляет официальной отчетности для суда?

Технические пределы: когда качество связи становится правовым вопросом.

Переходя к анализу «пределов» дистанционного участия, целесообразно разделить их на технические и правовые. К техническим пределам относятся: качество аудио- и видеосвязи, возможность идентификации личности участника, обеспечение конфиденциальности переговоров с защитником (в уголовном процессе), а также возможность исследования вещественных доказательств.

Например, если в ходе судебного заседания связь прерывается на критически важных моментах (допрос свидетеля, оглашение экспертного заключения и т.д.), сторона, участвующая дистанционно, фактически лишается возможности задать уточняющие вопросы, заявить отвод, предоставить возражения. В такой ситуации формальное соблюдение процедуры (судебное заседание состоялось, протокол судебного заседания велся) маскирует существенное нарушение принципа состязательности.

Особую сложность представляет исследование вещественных доказательств. Если в зале суда демонстрируется предмет, документ, фототаблица, участник на удаленной стороне может не рассмотреть детали, не получить полноценного представления об объекте исследования. В уголовном процессе это может иметь фатальные последствия для оценки доказательств. Как справедливо отмечается в литературе, «законодатель не всегда учитывает, что дистанционный формат меняет саму природу восприятия доказательственной информации» [9].

Правовые пределы: технический сбой как основание для отмены решения.

Второй аспект — правовые пределы. Ключевой вопрос: в какой момент техническая проблема перестает быть форс-мажором и становится процессуальным нарушением, влекущим отмену судебного акта?

Анализ апелляционной и кассационной практики 2024–2025 годов позволяет выделить несколько критериев:

1. **Существенность нарушения.** Если сбой связи привел к тому, что сторона не смогла реализовать ключевое процессуальное право (заявить ходатайство, допросить свидетеля, предоставить возражения), это может быть признано существенным нарушением, влияющим на исход дела.

2. **Возможность предотвращения.** Суд обязан заранее проверить техническую готовность к проведению судебного заседания с использованием системы ВКС. Если сбой произошел из-за того, что суд не провел тестовое подключение или проигнорировал заявку стороны о проблемах со связью, ответственность ложится на суд.

3. **Своевременность реагирования.** При возникновении технических проблем во время ВСК суд должен объявить перерыв в судебном заседании, попытаться восстановить связь, при невозможности — рассмотреть вопрос об отложении судебного заседания. Игнорирование проблем и продолжение процесса в «одностороннем» формате недопустимо.

В одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ (2025 г.) решение суда первой инстанции было отменено именно по причине того, что апелляционная жалоба рассматривалась с участием истца через систему ВКС, при этом в критический момент (исследование заключения эксперта) связь прервалась, а суд, не предприняв мер по её восстановлению, продолжил заседание и вынес апелляционное определение [6].

Данный пример наглядно демонстрирует: технический сбой становится правовым нарушением, когда суд не обеспечивает стороне реальную возможность участия в судебном заседании.

Процедурные гарантии: запросы, согласования, протоколирование.

Для минимизации рисков нарушения прав при дистанционном участии в судебном заседании представляется важным соблюдение ряда процедурных гарантий:

- **Заблаговременный запрос.** Сторона, ходатайствующая об участии в судебном заседании посредством системы ВКС, должна подать мотивированное заявление с указанием суда или учреждения, откуда планируется подключение. Суд, в свою очередь, обязан направить запрос в соответствующий орган для подтверждения технической возможности и согласования организации ВКС.

- **Согласование с ИТ-отделом.** Организация ВКС требует координации с отделом обеспечения информационных технологий суда. Практика показывает, что большинство сбоев происходит именно из-за недостаточной коммуникации между судебным составом и техническими специалистами.

- **Детальное протоколирование.** В протоколе судебного заседания должны фиксироваться не только факт подключения участника посредством системы ВКС, но и все технические проблемы: время и длительность перерывов связи, предпринятые меры по восстановлению, возражения сторон. Это создает доказательственную базу для возможного обжалования судебного акта.

Проведенное исследование позволяет констатировать: дистанционные формы участия в судебном заседании, будучи важным инструментом цифровизации правосудия, не должны становиться фактором, ограничивающим реализацию принципа состязательности. Технические и правовые пределы такого участия должны четко регламентироваться, чтобы обеспечить баланс между эффективностью судопроизводства и защитой процессуальных прав.

На основании анализа можно сформулировать следующие предложения:

1. Целесообразно закрепить в нормативных документах минимальные технические требования к оборудованию ВКС в судах и исправительных учреждениях, а также порядок их регулярной проверки.

2. Необходимо детализировать критерии разграничения «технического сбоя» и «процессуального нарушения»: например, установить, что прерывание связи более чем на 10 минут в ходе исследования ключевых доказательств должно влечь обязательное отложение судебного заседания.

3. Следует разработать единый регламент извещения участников процесса с использованием электронных средств, включая четкие правила фиксации факта получения и прочтения сообщения.

Только при условии комплексного подхода дистанционное участие станет не вынужденной мерой, а полноценной гарантией доступности правосудия, не умаляющей, а усиливающей принципы состязательности и равноправия сторон.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 19.03.2026 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.03.2026 г.).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 20.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст.1391. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.03.2026 г.).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.1998 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 418 УПК РСФСР...» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 1999. — № 1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 (ред. от 09.02.2012) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2008. — № 9.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.02.2025 № 35-КГ24-12-К5 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2450070 (дата обращения: 19.03.2026 г.).
7. Шаньгина С.В. Электронные извещения в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути их решения // Молодой ученый. — 2024. — № 24 (523). — С. 415–418.

8. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 98–107.
9. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.
10. Регламент организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2020 № 254 // СПС «Гарант».

References:

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated 11/14/2002 (as amended on 12/15/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532 with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2026. [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ / (date of access: 03/19/2026).
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on 03/01/2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (part I). – Article 4921. [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ / (date of application: 03/19/2026).
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ (as amended on 12/20/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Article 1391. [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ / (date of access: 03/19/2026).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.12.1998 No. 27-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 418 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR ..." // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 1999. – № 1.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.06.2008 No. 13 (as amended on 09.02.2012) "On the application of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in the consideration and resolution of cases in the Court of First Instance" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2008. – № 9.
6. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/18/2025 No. 35-KG24-12-K5 // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource] // Access mode: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2450070/ (date of application: 03/19/2026).
7. Shangina S.V. Electronic notices in civil proceedings: problems and ways to solve them // Young Scientist. – 2024. – № 24 (523). – Pp. 415–418.
8. Malko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F. Problems of digitalization in the field of justice // The State and Law, 2020, No. 10, pp. 98–107.
9. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 9. – pp. 5–16.
10. Regulations for the organization of the use of video conferencing in the preparation and conduct of court sessions: approved by the Government of the Russian Federation. By Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/15/2020 No. 254 // SPS "Garant".

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_380

УДК 347.6

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ОТКРЫТИЯ, ОФОРМЛЕНИЯ И ПРИОБРЕТЕНИЯ НАСЛЕДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ CERTAIN ASPECTS OF THE PROCESS OF OPENING, REGISTRATION AND ACQUISITION OF INHERITANCE IN MODERN CIVIL LAW OF RUSSIA

ФАЙРУШИНА Римма Дамировна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа)
450008, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Заки Валиди, 40.
Rimma919@mail.ru,

ПОНОМАРЕВА Екатерина Владимировна

к.ю.н., доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)
450091, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Муксинова, 2.
k021@mail.ru

FAYRUSHINA Rimma Damirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Bashkir Academy of Public Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan
40 Zaki Validi Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450008, Russia.
Rimma919@mail.ru,

PONOMAREVA Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)
2 Muksinova Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
k021@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются теоретические и практические проблемы, возникающие на различных стадиях наследственного преемства. Авторы рассматривают правовую природу открытия наследства, специфику нотариального оформления наследственных прав и материально-правовые аспекты приобретения наследственного имущества. Особое внимание уделено вопросам фактического принятия наследства и цифровизации нотариальной деятельности.

Abstract: the article analyzes theoretical and practical problems arising at various stages of hereditary succession. The authors consider the legal nature of the opening of the inheritance, the specifics of notarization of hereditary rights and the material and legal aspects of the acquisition of hereditary property. Particular attention is paid to the issues of actual acceptance of the inheritance and digitalization of notarial activities.

Ключевые слова: гражданское право, наследственное право, открытие наследства, принятие наследства, нотариат, универсальное правопреемство.

Keywords: civil law, inheritance law, inheritance opening, inheritance acceptance, notary, universal succession.

Для цитирования: Файрушина Р.Д., Пономарева Е.В. Отдельные аспекты процесса открытия, оформления и приобретения наследства в гражданском праве России // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 380-381. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_380.

For citation: Fayrushina R.D., Ponomareva E.V. Some aspects of the process of opening, registration and acquisition of inheritance in Russian civil law // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 380-381. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_380.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2026

Наследственное право является одним из наиболее консервативных институтов гражданского права, обеспечивающим стабильность имущественного оборота и защиту частной собственности. Однако динамика социально-экономических отношений и масштабная цифровизация правовой среды требуют переосмысления классических подходов к процедурам открытия и приобретения наследства. Обусловлено это тем, что необходимо гармонизация интересов наследников, кредиторов наследодателя и государства в рамках реализации принципа универсального правопреемства.

Правовая природа и проблемные вопросы открытия наследства является юридическим фактом (событием), которая запускает механизм наследственного преемства. Согласно ст. 1113 ГК РФ, наследство открывается со смертью гражданина или объявлением его судом умершим. [1]

В общепризнанном научно-правовом характере ключевое значение имеет категория «времени открытия наследства». Несмотря на четкость законодательных формулировок, на практике сохраняются сложности с определением момента смерти лиц, являющихся наследниками друг за другом и умерших в один и тот же день. Реформа ГК РФ в части возможности наследования друг за другом лицами, умершими в одни сутки, но в разные моменты времени (ст. 1114 ГК РФ), существенно уточнила правила игры, однако поставила перед медициной и правом задачу предельно точной фиксации момента биологической смерти. [1]

Место открытия наследства (ст. 1115 ГК РФ) так же претерпело концептуальные изменения. В условиях высокой мобильности населения определение последнего места жительства наследодателя нередко становится предметом судебных разбирательств. Профессор Ю.К. Толстой справедливо отмечал, что «место открытия наследства определяет закон, применимый к наследованию, и компетенцию нотариуса» [2, с. 42; 4]. Современная судебная практика все чаще прибегает к критерию «центра жизненных интересов» при определении места жительства, что требует более гибкого толкования норм ГК РФ.

Процессуально-правовые аспекты оформления наследственных прав представляет собой совокупность нотариальных действий, направленных на подтверждение перехода прав и обязанностей от наследодателя к наследникам. Нотариус здесь выступает как независимое лицо, осуществляющее превентивное правосудие.

Одной из ключевых новелл последнего десятилетия стало внедрение Единой информационной системы нотариата (ЕИС) [3]. Создание реестра наследственных дел позволило реализовать принцип «наследство без границ», что существенно упростило процедуру оформления для граждан. Тем не менее, возникают и некоторые трудности. Такие как, во-первых, проблема идентификации цифровых активов. В состав наследства (ст. 1112 ГК РФ) всё чаще входят объекты, не имеющие материального выражения (криптовалюты, аккаунты, права в информационных системах). Процесс их оформления нотариусами юридически не детализирован. Во-вторых, проверка воли наследодателя. С появлением совместных завещаний супругов и наследственных договоров нагрузка на нотариуса по выявлению подлинной воли сторон возросла. Б.М. Гонгало подчеркивает, что «сложность новых форм завещательных распоряжений требует от нотариуса не просто фиксации воли, но и глубокой правовой экспертизы возможных последствий» [5, с. 156].

Приобретение наследства считается волевым актом наследника. Законодатель сохраняет разделение способов принятия наследства: формальный (подача заявления нотариусу) и фактический (вступление во владение или управление имуществом).

Фактическое принятие наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ) остается наиболее дискуссионным и конфликтным институтом. Суды завалены исками об установлении факта принятия наследства. Основная проблема здесь – отсутствие четких критериев того, какие именно действия свидетельствуют о воле принять все наследство, а не просто забрать памятную вещь. Как отмечает Е.А. Суханов, «универсальный характер преемства исключает принятие части наследства, однако фактические действия часто носят фрагментарный характер, что создает почву для злоупотреблений» [6, с. 88].

Интерес представляет и правовая фикция, закрепленная в п. 4 ст. 1152 ГК РФ: принятое наследство, признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от момента государственной регистрации прав [1]. Данная норма необходима для обеспечения непрерывности прав собственности, однако она вступает в определенное противоречие с принципом публичной достоверности реестров (ЕГРН), что требует особого внимания при совершении сделок с наследственным имуществом в «переходный» период.

Процесс приобретения наследства государством (выморочное имущество) характеризуется отсутствием необходимости акта принятия (ст. 1151 ГК РФ) [1, 7]. Однако на практике механизм перехода таких объектов в муниципальную или федеральную собственность остается крайне неэффективным. Отсутствие оперативного оформления прав на выморочные жилые помещения приводит к их разрушению или незаконному захвату. Представляется необходимым введение обязанности органов местного самоуправления по выявлению и учету такого имущества в жестко установленные сроки.

Таким образом анализ аспектов открытия, оформления и приобретения наследства показывает, что российское законодательство успешно адаптируется к вызовам времени, однако ряд вопросов остается открытым. Требуется дальнейшее совершенствование механизмов выявления цифровых активов в составе наследства, уточнение критериев фактического принятия наследства и регламентация ответственности нотариусов при оформлении сложных наследственных конструкций (наследственных фондов и договоров). Баланс между традиционным догматизмом и технологическим прогрессом должен стать основой развития отечественного наследственного права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть третья (с изм. от 13.12.2024 № 49-П) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2026).
2. Толстой Ю. К. Наследственное право: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – 128 с.
3. Приказ Минюста РФ от 17.06.2014 № 129 «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата» (с изм. от 30.09.2020 № 225) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2026).
4. Кириллова Н. С. Наследственное правоотношение: теоретические основы и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2020. – 192 с.
5. Гонгало Б. М. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. – 602 с.
6. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студентов вузов / под ред. Е. А. Суханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 464 с.
7. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 24.12.2020). // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2026).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated November 30, 1994. Part Three (as amended dated 12/13/2024 No. 49-P) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of reference: 03/24/2026).
2. Tolstoy Yu. K. Inheritance law: a textbook. – M.: Prospect, 2011. – 128 p.
3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 06/17/2014 No. 129 "On Approval of the Procedure for Maintaining Registers of the Unified Information System of the Notary" (as amended. dated 30.09.2020 No. 225) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of reference: 03/24/2026).
4. Kirillova N. S. Inheritance law relations: theoretical foundations and law enforcement practice: monograph. Moscow: Justicinform, 2020. 192 p.
5. Gongalo B. M. Civil law: Textbook. In 2 volumes / Edited by B.M. Gongalo. Vol. 2. – 4th ed., reprint. and add. – M.: Statute, 2021. – 602 p.
6. Sukhanov E. A. Civil law: In 4 volumes. Volume 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights: studies. for university students / edited by E. A. Sukhanov. – 2nd ed., revised. and add. – M.: Statute, 2019. – 464 p.
7. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2012 No. 9 "On Judicial Practice in Inheritance Cases" (as amended. dated 12/24/2020). // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 03/24/2026).

МАРКЕТИНГ И ФОРМИРОВАНИЕ КЛИЕНТСКОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ЧАСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ MARKETING AND CUSTOMER BASE FORMATION IN THE FIELD OF PRIVATE INVESTIGATIONS: LEGAL AND ETHICAL RESTRICTIONS

ЛАНГ Петр Петрович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
petr.lang@mail.ru

LANG Peter Petrovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
petr.lang@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию специфики маркетинга и формирования клиентской базы в сфере частных расследований в контексте правовых и этических ограничений. Автор выявляет ключевое противоречие между необходимостью демонстрации профессиональной компетентности для привлечения клиентов и жесткими требованиями законодательства, охраняющего конфиденциальность информации, частную жизнь и запрещающего определенные способы рекламы. Исследование подчеркивает недопустимость применения традиционных маркетинговых стратегий, основанных на раскрытии деталей частного расследования, ввиду рисков нарушения норм административного, гражданского и уголовного права.

Abstract: The article focuses on the specifics of marketing and building a client base in the field of private investigations, taking into account legal and ethical restrictions. The author identifies a key contradiction between the need to demonstrate professional competence in order to attract clients and the strict requirements of legislation that protects the confidentiality of information, privacy, and prohibits certain methods of advertising. The study highlights the inadvisability of using traditional marketing strategies based on revealing details of investigations, as they may violate administrative, civil, and criminal law.

Ключевые слова: частные расследования, маркетинг услуг, клиентская база, правовые ограничения, профессиональная этика, конфиденциальность, репутация, доверие.

Keywords: private investigations, service marketing, customer base, legal restrictions, professional ethics, confidentiality, reputation, and trust.

Для цитирования: Ланг П.П. Маркетинг и формирование клиентской базы в сфере частных расследований: правовые и этические ограничения // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_382.

For citation: Lang P.P. Marketing and customer base formation in the field of private investigations: legal and ethical constraints // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 382-384. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_382.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

На сегодняшний день, частные детективные услуги постепенно укрепляют свою значимость, дополняя деятельность правоохранительных органов. Однако, для обеспечения устойчивого функционирования частных детективных агентств крайне важно сформировать постоянную клиентскую базу. При этом, особенности профессиональной деятельности — работа с конфиденциальными данными и необходимость «вторгаться в сферу частной жизни» — задают строгие правовые ограничения, установленные не только профильным законодательством, но и смежными отраслями права, такими как административное, уголовное, гражданское, а также законодательство о защите персональных данных и коммерческой тайне.

В связи с этим, возникает специфическая проблема: требуется разработать действенные «маркетинговые стратегии», которые будут эффективны в рамках жестких законодательных императивов и морально-нравственных норм, нарушение которых влечет не только дисциплинарную и гражданско-правовую, но и уголовную ответственность. По мнению автора, актуальность исследования определяется потребностью в поиске взвешенных методов продвижения частных детективных услуг: они должны полностью соответствовать нормам действующего законодательства, включая Федеральный закон «О персональных данных» [1], Гражданский кодекс Российской Федерации (статья 152.2 «Охрана частной жизни») [2], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 13.11, 13.14) [3] и Уголовный кодекс Российской Федерации (статьи 137, 138, 183) [4], не ущемлять права граждан и одновременно поддерживать репутацию профессии.

Правовое регулирование частной детективной деятельности в Российской Федерации основывается, прежде всего, на положениях Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [5]. Данный нормативный акт формирует исчерпывающий перечень разрешенных методов деятельности и устанавливает прямой запрет на использование иных способов получения информации, что создает правовые рамки, нарушение которых является основанием для аннулирования лицензии и привлечения к ответственности. Как отмечают отечественные специалисты в области права, в частности Г.Г. Камалова [6], закон содержит прямые запреты на использование ряда способов получения сведений. Эти запреты коррелируют с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации») и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], разграничивающего полномочия государственных органов и частных лиц. В свою очередь, такие ограничения имеют принципиальное значение не только для непосредственного осуществления частной детективной деятельности, но и для ее

маркетингового сопровождения, поскольку отечественный законодатель сужает возможности рекламирования соответствующих услуг, прямо запрещая в рекламе ссылаться на конкретные дела, раскрывать методы работы, которые могут противоречить закону, или давать гарантии результата, что может быть расценено как введение потребителей в заблуждение (статья 5 Федерального закона «О рекламе» [8]).

Обозначенный подход отечественного законодателя обусловлен приоритетной задачей — обеспечением защиты прав и свобод личности, гарантированных Конституцией Российской Федерации (статьи 23, 24) [9]. Особое внимание уделяется охране права на неприкосновенность частной жизни, которое выступает одним из ключевых нематериальных благ, подлежащих защите в соответствии со статьями 150 Гражданского кодекса Российской Федерации. В этой связи, С.А. Иванкин [10] отмечает, что законодательные ограничения призваны минимизировать риски неправомерного вмешательства в личные дела граждан, предотвратить возможные злоупотребления со стороны лиц, обладающих специальными навыками и техническими средствами, а также обеспечить баланс между законными интересами клиентов детективных агентств и фундаментальными правами третьих лиц.

В исследуемой сфере ключевым «проблемным узлом» становится глубинное противоречие между двумя взаимоисключающими требованиями. С одной стороны, для успешного привлечения клиентов частным детективным агентствам необходимо наглядно демонстрировать свою профессиональную компетентность, подтверждать квалификацию и результативность работы. С другой — деятельность в данной области, как отмечают А.М. Каминский и Г.Г. Камалова [11], жестко ограничена правовым принципом конфиденциальности, который не только является этической нормой, но и закреплён законодательно (например, в Федеральном законе «О коммерческой тайне» [12], а также в договорах об оказании услуг, нарушение которых влечет гражданско-правовую ответственность по статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации). Этот принцип распространяется как на сам процесс частного расследования, так и на его итоговые результаты.

Такое противоречие, по мнению автора, порождает существенные ограничения в выборе маркетинговых инструментов. В частности, классическая рекламная стратегия, предполагающая публичное представление успешных кейсов с детализацией обстоятельств проведенных частных расследований, в данной сфере оказывается одновременно юридически недопустимой (поскольку может содержать признаки разглашения персональных данных, коммерческой или иной охраняемой законом тайны, что образует состав административного или уголовного правонарушения) и этически неприемлемой.

Особую сложность представляет риск привлечения заказчиков с противоправными намерениями. В условиях, когда детали будущих частных расследований не могут быть публично раскрыты, частное детективное агентство сталкивается с потенциальной угрозой: клиент может преследовать цели, противоречащие закону. С правовой точки зрения, это создает риски признания договора оказания услуг недействительным по основаниям, предусмотренным статьей 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (сделка, противоречащая основам правопорядка и нравственности). В такой ситуации исполнитель услуги рискует невольно стать соучастником правонарушения (преступления) в соответствии со статьей 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, даже не осознавая этого на этапе заключения договора, что не освобождает от необходимости проведения должной правовой проверки контрагента («due diligence»).

Таким образом, стандартные маркетинговые стратегии оказываются неприспособленными для частной детективной деятельности в своем исходном виде, что обуславливает необходимость глубокой трансформации и адаптации маркетинговых инструментов с учетом не только специфики отрасли, но и всей совокупности императивных норм действующего законодательства. Требуется разработка особых подходов к продвижению услуг, которые позволят: демонстрировать компетентность агентства строго в рамках разрешенной законом информации (например, общая статистика, публикации по теоретическим аспектам права, экспертные комментарии без ссылок на конкретные дела); формировать доверие клиентов в условиях ограниченных возможностей презентации результатов работы; минимизировать риски взаимодействия с недобросовестными заказчиками посредством внедрения правовых процедур предварительной проверки («скрининга») клиентов.

На сегодняшний день, решение обозначенных проблем, по мнению автора, целесообразно осуществлять в рамках формирования концепции маркетинга, ориентированного на принципы ответственности и профессиональной специализации. Ключевым элементом такой концепции выступает построение репутации частного детективного агентства не в качестве типичного поставщика услуг, а в роли признанного эксперта в соответствующей области, что должно подтверждаться не саморекламой, а участием в профессиональных ассоциациях, наличием публикаций в рецензируемых изданиях, выступлениями на научно-практических конференциях — то есть деятельностью, прямо не запрещенной законом и способствующей формированию позитивного «правового имиджа».

На операционном уровне реализация подобной стратегии предполагает существенную корректировку коммуникационной политики в строгом соответствии с требованиями Федерального закона «О рекламе» и законодательства о защите информации. Так, вместо традиционного акцентирования внимания на конечных результатах деятельности целесообразно сосредоточить усилия на демонстрации профессионального процесса: раскрытии методологии работы в той части, которая не является коммерческой тайной и не нарушает законодательных ограничений, представлении обобщенных практических примеров (без идентификации конкретных лиц), систематическом анализе распространенных правовых коллизий.

В свою очередь, процесс формирования клиентской базы в рамках данной концепции требует особого подхода. Наиболее эффективным с правовой и репутационной точек зрения механизмом представляется использование «доверительных профессиональных сетей»: привлечение клиентов через рекомендации практикующих юристов, установление партнерских отношений с адвокатскими объединениями и корпоративными юридическими службами. Такой канал продвижения минимизирует риски нарушения Федерального закона «О рекламе» и способствует привлечению клиентов, уже осведомленных о правовых рамках деятельности частных детективов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о внедрении жестких внутрикорпоративных норм этического характера, которые должны не только декларироваться, но и иметь конкретные правовые последствия для сотрудников. Речь идет о разработке и последовательном применении детальных этических кодексов, регламентирующих поведение сотрудников, а также о внедрении систем предварительной правовой проверки потенциальных клиентов. Цель таких процедур, по мнению автора, состоит в правовой оценке добросовестности намерений контрагентов и соответствии их деятельности правовым и этическим стандартам, что является мерой профилактики правонарушений.

В завершении настоящего исследования отметим, что организация маркетинговой деятельности и привлечение клиентов в сфере частных расследований представляют собой специфическую «управленческую проблему». Ее эффективное решение возможно лишь при неукоснительном соблюдении всех применимых правовых норм, образующих комплексный регуляторный режим для данной деятельности. В отличие от традиционных рыночных сегментов, здесь нецелесообразна стратегия массового охвата и активного продвижения услуг. Приоритетным направлением становится формирование репутации, в основе которой — соблюдение законодательства, профессиональная компетентность, гарантия конфиденциальности, обеспечиваемая в том числе правовыми механизмами, и приверженность принципам социальной ответственности.

Список литературы:

1. О персональных данных [Электронный ресурс] : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 05.02.2026). – (С изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.02.2026). – (С изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074895> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
5. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010427> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
6. Камалова, Г. Г. Пределы и ограничения в информационном праве России / Г. Г. Камалова // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 11–30. – DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32653. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32653 (дата обращения: 05.02.2026).
7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102023245> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
8. О рекламе [Электронный ресурс] : федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102102039> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102030287> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
10. Иванкин, С. А. Государственное регулирование негосударственной (частной) детективной и охранной деятельности в Российской Федерации / С. А. Иванкин // Молодой ученый. – 2019. – № 38 (276). – С. 25–29. – URL: <https://moluch.ru/archive/276/62470> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.
11. Каминский, А. М. Конфиденциальность в частной детективной деятельности: правовые и тактические вопросы обеспечения информационной безопасности частного сыска / А. М. Каминский, Г. Г. Камалова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 167–172. – DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10427.
12. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083598> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.

References:

1. On personal data [Electronic resource] : Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 24.04.2024) // ConsultantPlus : legal reference system. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: 02/05/2026). – (With amendments and additions, intro. effective from 07/01/2024).
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) [Electronic resource] : No. 51-FZ dated 11/30/1994 (as amended on 02/24/2024) // ConsultantPlus : legal reference system. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 02/05/2026). – (With amendments and additions, intro. effective from 04/01/2024).
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation [Electronic resource] : dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 04/24/2024) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074895> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
4. The Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource] : dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 27.12.2023) // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
5. On private detective and security activities in the Russian Federation [Electronic resource] : Law of the Russian Federation No. 2487-1 dated 11.03.1992 (as amended on 04.08.2023) // Official Internet portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010427> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
6. Kamalova, G. G. Limits and limitations in the information law of Russia / G. G. Kamalova // National security / nota bene. – 2020. – No. 2. – pp. 11-30. – DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32653. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32653 (date of request: 02/05/2026).
7. On operational investigative activities [Electronic resource] : Federal Law No. 144-FZ dated 08/12/1995 (as amended on 08/04/2023) // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102023245> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
8. On advertising [Electronic resource] : Federal Law No. 38-FZ of 13.03.2006 (as amended on 29.09.2025) // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102102039> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
9. The Constitution of the Russian Federation [Electronic resource] : adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102030287> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
10. Ivankin, S. A. State regulation of non-governmental (private) detective and security activities in the Russian Federation / S. A. Ivankin // Young Scientist. – 2019. – № 38 (276). – Pp. 25-29. – URL: <https://moluch.ru/archive/276/62470> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.
11. Kaminsky, A.M. Confidentiality in private detective work: legal and tactical issues of ensuring the information security of private investigation / A.M. Kaminsky, G. G. Kamalova // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4 (44). – Pp. 167-172. – DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10427.
12. On commercial secrets [Electronic resource] : Federal Law No. 98-FZ dated 07/29/2004 (as amended on 07/02/2021) // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru). – Access mode: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083598> (date of request: 02/05/2026). – Text : electronic.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА: ПОДХОДЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE EXPRESSION OF WILL IN THE REMOTE CONCLUSION OF CONSUMER LOAN AGREEMENTS: JUDICIAL PRACTICE APPROACHES

ПЕТРОВА Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

PETROVA Ekaterina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

Краткая аннотация. В статье проводится анализ проблемы установления волеизъявления заемщика при дистанционном заключении договоров потребительского кредита в условиях цифровизации гражданского оборота. На основе судебной практики Верховного Суда Российской Федерации обосновывается формирование материального стандарта оценки таких договоров, предполагающего приоритет установления действительного волеизъявления над формальным подтверждением цифровых действий. Показано, что использование электронных средств идентификации и подтверждения не гарантирует достоверности выражения воли и требует дополнительной правовой оценки. Обосновывается, что в условиях цифрового взаимодействия на профессионального участника гражданского оборота должен возлагаться повышенный стандарт поведения, включающий обеспечение надежной идентификации клиента, выявление аномальных операций и предотвращение мошеннических действий.

Abstract. The article analyzes the problem of determining the borrower's will in the remote conclusion of consumer loan agreements in the context of digitalization of civil turnover. Based on the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, the formation of a material standard for evaluating such contracts is justified, which presupposes the priority of establishing a valid expression of will over formal confirmation of digital actions. It is shown that the use of electronic means of identification and confirmation does not guarantee the authenticity of the expression of will and requires additional legal assessment. It is proved that in the context of digital interaction, a professional participant in civil turnover should be charged with an increased standard of behavior, including ensuring reliable identification of the client, detecting abnormal transactions and preventing fraudulent actions.

Ключевые слова: дистанционное заключение договора; потребительский кредит; волеизъявление; простая электронная подпись.

Keywords: remote conclusion of a contract; consumer credit; expression of will; simple electronic signature.

Для цитирования: Петрова Е.С. Проблемы установления волеизъявления при дистанционном заключении договоров потребительского кредита: подходы судебной практики // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 385-387. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_385.

For citation: Petrova E.S. Problems of establishing the expression of will in the remote conclusion of consumer loan agreements: judicial practice approaches // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 385-387. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_385.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Современный этап развития общества характеризуется интенсивными процессами цифровизации, оказывающими комплексное воздействие на гражданский оборот, включая сферу оказания банковских услуг. В дистанционном банковском обслуживании выражение волеизъявления заемщика все реже связано с подписанием документа в традиционном смысле. На практике согласие на заключение договора фиксируется через совершение ряда электронных действий — ввод одноразовых кодов, использование мобильного приложения, подтверждение операций в цифровом интерфейсе банка. При этом внешне такие действия выглядят как надлежащее подтверждение согласия, однако не всегда позволяют установить, кто именно их совершил.

Расширение использования дистанционных технологий существенно упростило доступ к банковским продуктам, однако одновременно обусловило рост рисков, связанных с неправомерным использованием персональных данных и совершением мошеннических действий. По данным Банка России, в 2024 году объем банковских операций, совершенных без добровольного согласия клиентов, увеличился на 74,36 % по сравнению с предыдущим годом, а в 2025 году рост сохранился (на 6,4 %) при одновременном увеличении количества таких операций на 31,2 % (Официальный сайт Банка России: обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов. [Электронные ресурс] URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения 3.03.2026))

В таких условиях неизбежно встает вопрос о том, на какую сторону должны возлагаться риски — на потребителя или на кредитную организацию. Судебная практика уже сталкивается с ситуациями, когда договор формально считается заключенным, хотя заемщик фактически не выражал согласия на его заключение. Это заставляет по-новому оценивать юридическое значение действий, совершаемых в электронной форме.

Традиционно волеизъявление рассматривается как необходимое условие возникновения гражданско-правовых последствий. Однако при дистанционном взаимодействии связь между волей лица и ее внешним выражением становится менее очевидной. Электронные действия

могут быть совершены не самим субъектом, а третьими лицами, получившими доступ к его данным или средствам аутентификации. В результате возникает вопрос: можно ли считать такие действия выражением воли именно этого лица.

Использование простой электронной подписи допускается законодательством, однако ее правовое значение зависит от того, позволяет ли применяемая процедура установить личность пользователя. Сам по себе ввод кода подтверждения еще не означает, что волеизъявление исходит от конкретного заемщика. В каждом случае требуется оценка того, обеспечивала ли используемая система достоверную идентификацию.

В этих условиях особую роль приобретает обязанность банка по предоставлению полной и достоверной информации, направленной на обеспечение возможности формирования осознанного волеизъявления. Эта обязанность должна рассматриваться в совокупности с принципом добросовестности, который требует от профессионального участника учета интересов контрагента и оказания ему необходимого содействия, включая предоставление всей информации. Таким образом, принцип добросовестности в условиях цифровизации приобретает особое значение, выступая инструментом корректировки формального применения норм и обеспечения баланса интересов сторон.

Анализ судебной практики по делам, связанным с оспариванием договоров потребительского кредита, заключенных с использованием дистанционных технологий, позволяет выявить господствующие подходы к их правовой оценке. Ключевым является вопрос о соотношении формального подтверждения сделки и действительного волеизъявления заемщика, а также о пределах обязанностей кредитной организации как профессионального участника гражданского оборота.

Судебные акты показывают, что при дистанционном оформлении потребительского кредита в условиях мошеннического воздействия спор сосредоточен не на самом факте использования цифровых средств подтверждения, а на вопросе о том, позволяют ли совершенные действия достоверно установить наличие действительного волеизъявления заемщика. Верховный Суд РФ последовательно указывает, что для возникновения правовых последствий кредитного договора недостаточно формального соблюдения внутренней процедуры банка, если не установлено, что действия по принятию оферты и подписанию условий исходили от надлежащего лица. В частности, данный подход выражен в определениях Верховного Суда РФ от 08.07.2025 № 78-КГ25-12-КЗ [1] и № 29-КГ25-4-К1 [2], в которых подчеркнута необходимость установления субъекта: кем именно была принята публичная оферта банка, имелось ли волеизъявление лица, от имени которого заключен договор, либо соответствующие действия выступали лишь техническим инструментом реализации воли третьего лица.

Из указанных дел вытекает и второй важный вывод: сам по себе факт ввода клиентом цифрового кода подтверждения не может однозначно свидетельствовать о выражении согласия на сделку. Требуется оценка того, может ли такой способ подтверждения рассматриваться в качестве аналога собственноручной подписи.

При этом суд учитывает и правовую позицию Банка России, согласно которой индивидуальные условия договора потребительского кредита подлежат подписанию заемщиком, что исключает признание достаточными исключительно конклюдентных действий или телефонных сообщений [3]. Тем самым проводится разграничение между формально совершенным цифровым действием и юридически значимым волеизъявлением как элементом сделки.

Третий подход связан с оценкой поведения банка через призму добросовестности и осмотрительности. В определении от 15.07.2025 № 41-КГ25-44-К4 Верховный Суд РФ фактически отказался от формального подхода к оценке действий кредитной организации, указав, что соблюдение внутренних процедур само по себе не освобождает банк от обязанности действовать добросовестно и обеспечивать безопасность дистанционного предоставления услуг [4]. Кроме того, суд учел обстоятельства, свидетельствующие о подозрительности операции, в частности несоответствию используемого устройства обычной активности клиента, а также характер самой операции (например, оформление кредита с немедленным переводом денежных средств третьему лицу). Также суд указал на необходимость оценки последующего поведения истца, включая обращение в банк и правоохранительные органы. Таким образом, в судебной практике закрепляется подход, при котором оценка действий банка выходит за пределы формальной фиксации операции и предполагает учет признаков нетипичного поведения и связанных с этим рисков.

Сходный подход реализован в определении от 15.07.2025 № 14-КГ25-10-К1 [5]. В качестве юридически значимых обстоятельств выделялись: краткий временной интервал между восстановлением доступа к сервису, оформлением кредита и переводом денежных средств, подключение переадресации СМС, а также одновременные действия по восстановлению доступа к иным цифровым сервисам. Указанные факторы были оценены судом как свидетельствующие о нетипичности поведения клиента, что, в свою очередь, возлагало на банк повышенную обязанность по проверке действительного волеизъявления и предотвращению неправомерного использования дистанционных сервисов.

В определении от 09.12.2025 № 18-КГ25-360-К4 Верховный Суд указал на недостаточность ссылки на корректный ввод логина, пароля и одноразовых кодов, подчеркнув необходимость установления не только соответствия действий клиента внутренним процедурам банка, но и наличия надлежащего способа аутентификации, согласованности использования простой электронной подписи, действительного намерения заемщика, а также фактического движения денежных средств [6].

В определении от 09.12.2025 № 41-КГ25-69-К4 указывается, что наличие уголовного дела не освобождает суд от самостоятельной оценки обстоятельств заключения договора. Верховный Суд указал на необходимость исследования доводов о совершении сделки без участия заемщика, содержания направляемых сообщений, порядка доведения информации об условиях кредитования, а также учета материалов уголовного дела, подтверждающих использование дистанционного банковского сервиса третьими лицами [7]. В этом же определении сформулирован вывод о том, что договор, заключенный в результате мошеннических действий, может рассматриваться как ничтожный.

Обобщая приведенные правовые позиции, следует констатировать формирование в практике Верховного Суда Российской Федерации

материального стандарта оценки дистанционно заключенных кредитных договоров. Данный стандарт предполагает установление действительного волеизъявления заемщика, проверку надлежащего доведения информации, соблюдение требований к использованию электронной подписи, а также оценку поведения банка с точки зрения добросовестности, разумной осмотрительности и обязанности обеспечить безопасность дистанционного предоставления услуг.

Тем самым происходит трансформация традиционного подхода к оценке сделки: формальное совпадение цифровых параметров операции не может рассматриваться как достаточное доказательство наличия действительной сделки и не исключает перераспределения рисков в пользу потребителя при наличии признаков мошеннического воздействия. Кредитная организация, являясь профессиональным участником гражданского оборота и обладая значительными технологическими и информационными ресурсами, находится в более выгодном положении по сравнению с потребителем, что обуславливает наличие устойчивой информационной асимметрии. В этих условиях риск недостоверности цифрового волеизъявления не может автоматически возлагаться на слабую сторону и подлежит компенсации посредством усиления обязанностей банка.

Следовательно, формальное исполнение обязанности по информированию не является достаточным для признания поведения кредитной организации надлежащим. Требуемый стандарт включает обеспечение надежной идентификации клиента, мониторинг и пресечение аномальных операций, а также подтверждение действительного волеизъявления заемщика. А принцип добросовестности в условиях цифровизации приобретает содержательное наполнение и выступает инструментом перераспределения рисков и обеспечения баланса интересов сторон, трансформируя критерии оценки юридической силы дистанционно заключенных договоров.

Список литературы:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 N 78-КГ25-12-К3// СПС КонсультантПлюс.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 N 29-КГ25-4-К1// СПС КонсультантПлюс.
3. Информационное письмо Банка России от 03.02.2022 N ИН-02-59/6 "О порядке согласования с заемщиками индивидуальных условий договора потребительского кредита (займа)" // СПС КонсультантПлюс.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2025 N 41-КГ25-44-К4 // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2025 N 14-КГ25-10-К1// СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2025 N 18-КГ25-360-К4// СПС КонсультантПлюс.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2025 N 41-КГ25-69-К4 // СПС КонсультантПлюс.
8. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. 1469 с.

References:

1. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/08/2025 N 78-KG25-12-K3// SPS ConsultantPlus.
2. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/08/2025 N 29-KG25-4-K1// SPS ConsultantPlus.
3. Information letter from the Bank of Russia dated 02/03/2022 N IN-02-59/6 "On the procedure for agreeing individual terms of a consumer loan agreement with borrowers" // SPS ConsultantPlus.
4. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/15/2025 N 41-KG25-44-K4 // SPS ConsultantPlus.
5. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/15/2025 N 14-KG25-10-K1// SPS ConsultantPlus.
6. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2025 N 18-KG25-360-K4// SPS ConsultantPlus.
7. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2025 N 41-KG25-69-K4 // SPS ConsultantPlus.
8. The main provisions of civil law: an article-by-article commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]. Ed. by A. G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2020. 1469 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_388

УДК 342

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ CURRENT ASPECTS OF MODERNIZATION COMMERCIAL SECRET PROTECTION AND ASSURANCE SYSTEMS

ПЛОТНИКОВА Татьяна Владиславовна,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

392024, Россия, г. Тамбов, Интернациональная ул., 33.

E-mail: tplotnikova@tsu.ru

PLOTNIKOVA Tatyana Vladislavovna,Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Special Training and National Security at Derzhavin TSU.

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392024, Russia.

E-mail: tplotnikova@tsu.ru

Краткая аннотация: автор настоящего исследования провел работу по актуальным аспектам и направлениям модернизации системы защиты и обеспечения коммерческой тайны. Делается вывод о том, что в модернизация системы защиты коммерческой тайны в эпоху цифровых технологий и ИИ — это вопрос национальной технологической и экономической безопасности. Она требует перехода от реактивной охраны документов к проактивной защите данных и алгоритмов, от формального соблюдения процедур к доказательной демонстрации эффективности риск-ориентированных систем, и от изолированных корпоративных мер к участию в формировании новой правовой и технологической экосистемы.

Abstract: The author of this study has conducted research on the current aspects and directions of modernizing the system of protection and ensuring commercial secrets. It is concluded that modernizing the system of protection of commercial secrets in the era of digital technologies and AI is a matter of national technological and economic security. This requires a transition from reactive protection of documents to proactive protection of data and algorithms, from formal compliance with procedures to evidence-based demonstration of the effectiveness of risk-oriented systems, and from isolated corporate measures to participation in shaping a new legal and technological ecosystem. **Ключевые слова:** коммерческая тайна; секрет производства; защищаемая информация; конфиденциальная информация.

Ключевые слова: система защиты коммерческой тайны, цифровые технологии, кибербезопасность

Keywords: trade secret protection system, digital technologies, cybersecurity.

Для цитирования: Плотникова Т.В. Актуальные аспекты модернизации системы защиты и обеспечения коммерческой тайны // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_388.

For citation: Plotnikova T.V. Actual aspects of modernization of the system of protection and maintenance of commercial secrets // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_388.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Современная система защиты коммерческой тайны в России пребывает в состоянии системного кризиса, обусловленного глубинным противоречием между стремительной цифровой трансформацией экономических отношений и архаичным, ригидным нормативно-правовым каркасом, сформированным в начале 2000-х годов. Этот кризис проявляется не в отсутствии законодательных норм, а в их практической неэффективности и несоответствии новым вызовам, что ведет к размыванию реальной защищенности ключевых нематериальных активов бизнеса, росту судебных рисков и снижению инвестиционной привлекательности инновационных отраслей. Актуальные проблемные аспекты носят комплексный характер, затрагивая процессуальные, технологические, кадровые и международные сферы, и требуют не точечных исправлений, а концептуальной модернизации всей системы на основе принципов адаптивности, проактивности и интегрированности.

Ключевые проблемные аспекты современной системы.

- Цифровой разрыв в определении «разумных мер». Требования о ведении бумажных журналов учета, нанесении физического грифа на материальные носители и хранении информации в сейфах в условиях повсеместного использования облачных сервисов (SaaS, IaaS), удаленной работы и электронного документооборота превращаются в бессмысленную бюрократическую формальность. Суды, руководствуясь буквой устаревшего закона, зачастую отказывают в защите компаниям, внедрившим современные системы DLP, сквозного шифрования и анализа поведения пользователей (UEBA), но не выполнившим устаревшие процедурные формальности. Это создает «правовой вакуум» и дестимулирует инвестиции в реальную кибербезопасность.

- Процессуальный парадокс и уязвимость в судебной защите. Защита права в суде требует его нарушения в процессе доказывания. Чтобы доказать факт разглашения коммерческой тайны и обосновать иск, истец вынужден раскрыть сам охраняемый секрет в материалах дела, что приводит к его окончательной девальвации. Российское процессуальное законодательство (АПК РФ, ГПК РФ) не содержит эффективных и отработанных механизмов для проведения закрытого судебного разбирательства, когда доступ к доказательствам имеют только судья, стороны и, возможно, специальный эксперт под подпиской о неразглашении. Отсутствие института обеспечительных мер без предварительного уведомления ответчика для немедленного изъятия контрафактных носителей или блокировки доступа к данным делает судебную защиту запоздалой и неэффективной.

- Неопределенность в оценке вреда и несоразмерность ответственности.

Доказывание размера убытков от утраты коммерческой тайны — одна из самых сложных задач. Уникальность ноу-хау, отсутствие открытого рынка для его оценки, опосредованный характер причинения ущерба (например, через упущенную выгоду) делают требования о возмещении крайне уязвимыми. В то же время, административные штрафы по ст. 14.33 КоАП РФ или уголовные санкции по ст. 183 УК РФ часто несоизмеримы либо с реальным ущербом, либо, наоборот, с колоссальной выгодой, полученной нарушителем. Отсутствие презумптивных методик расчета ущерба и практики взыскания неосновательного обогащения в полном объеме (включая все доходы, полученные от нарушения) лишает систему защиты экономического смысла для потерпевшего.

- Конфликт с публичными интересами и отсутствие защиты whistleblowers.

Российское законодательство абсолютно не регулирует ситуацию добросовестного раскрытия коммерческой тайны в общественных интересах (whistleblowing). Сотрудник, разгласивший информацию о коррупционной схеме, экологическом преступлении или угрозе жизни и здоровью людей, совершает формальное нарушение ст. 183 УК РФ. Отсутствие правовых гарантий и безопасных каналов для таких сообщений создает перекося в пользу недобросовестных компаний, использующих режим коммерческой тайны как ширму для сокрытия противоправной деятельности, и подрывает общественное доверие к институту в целом.

- Трансграничные вызовы и геополитическая турбулентность.

В условиях санкций и технологического суверенитета возникают новые риски. Зависимость от иностранного программного обеспечения для защиты данных (например, DLP-систем) создает уязвимости. Практика расследования киберкраж, совершенных из-за рубежа, или привлечения к ответственности иностранных компаний, использовавших украденные данные, сталкивается с непреодолимыми процессуальными и дипломатическими барьерами.

Стратегические направления модернизации системы:

- Цифровая ревизия законодательства и внедрение риск-ориентированного подхода.

Необходима кардинальная переработка Закона «О коммерческой тайне». Ключевое изменение — замена казуистичного перечня мер (ст. 10) на принцип «надлежащего уровня осмоторительности» (due diligence), подтверждаемого внедрением системы менеджмента информационной безопасности (СМИБ) по стандартам ГОСТ Р 57580 или ISO/IEC 27001. Закон должен легализовать электронные грифы, цифровые журналы учета и признать современные технические средства (DLP, IRM, SIEM) в качестве достаточных мер охраны при условии их адекватной настройки и аудита.

- Процессуальная революция: создание «конфиденциального правосудия».

Требуется внесение в АПК и ГПК РФ специальной главы или раздела, регулирующего рассмотрение споров о коммерческой тайне. Он должен включать:

1) Упрощенный порядок получения обеспечительных мер (арест данных, запрет деятельности) по заявлению истца с предоставлением гарантий на случай злоупотребления.

2) Детальный регламент проведения закрытых судебных заседаний и ознакомления с доказательствами, исключающий их широкое разглашение.

3) Институт специального судебного эксперта по информационной безопасности, назначаемого судом для конфиденциального изучения спорной информации и представления заключения.

- Экономизация ответственности и развитие презумптивных механизмов.

Следует законодательно закрепить методики расчета ущерба от утраты коммерческой тайны, основанные на оценке стоимости разработки аналогичного решения, рыночной капитализации утраченного преимущества или размере неосновательного обогащения нарушителя. В административное и гражданское право необходимо внести норму о презумпции того, что все доходы, полученные нарушителем от деятельности с использованием чужой коммерческой тайны, являются следствием нарушения, с возложением бремени доказывания обратного на самого нарушителя. Это кардинально повысит сдерживающий эффект.

- Легитимация «whistleblowing» и установление баланса интересов. Необходимо принять закон о защите лиц, сообщающих о нарушениях, который:

- Определит четкие критерии правомерного раскрытия коммерческой тайны (непосредственная угроза общественным интересам, исчерпание внутренних каналов).

- Установит безопасные официальные каналы сообщений (в специализированный государственный орган, например, при Генеральной прокуратуре).

- Предоставит whistleblowers полный иммунитет от гражданской, административной и уголовной ответственности за такое раскрытие, а также защиту от преследования на работе.

- Формирование национальной экосистемы кибербезопасности и суверенных стандартов. В условиях импортозамещения государство должно стимулировать создание и сертификацию отечественных решений в области DLP, IRM, криптографии и анализа инцидентов. Параллельно требуется развитие системы подготовки специалистов по информационной безопасности и судебных экспертов, способных работать в новой правовой парадигме.

Модернизация системы защиты коммерческой тайны — это комплексная задача, требующая синхронных изменений в материальном и процессуальном праве, в технологической политике и в корпоративной культуре. Без перехода от защиты «бумаги в сейфе» к защите «цифрового

потока в экосистеме», без создания реально работающих процессуальных инструментов и без нахождения справедливого баланса между частной тайной и публичным интересом, институт рискует превратиться в юридический анахронизм. Успех модернизации определит, сможет ли Россия в условиях глобальной технологической конкуренции обеспечить надежную правовую среду для своих ключевых активов — знаний и инноваций.

Внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) создало парадоксальную ситуацию для системы защиты коммерческой тайны: с одной стороны, они породили беспрецедентные по масштабу и изощренности угрозы, а с другой — открыли революционные возможности для проактивной и адаптивной охраны информации. Однако существующее правовое и организационное регулирование в России оказалось принципиально не готово к интеграции этих технологий, что порождает острый разрыв между технологическим потенциалом защиты и её правовой легитимностью. Актуальные проблемы сегодня концентрируются не столько на отсутствии инструментов, сколько на системной неспособности действующей модели, ориентированной на статичные носители и ручной контроль, адаптироваться к реалиям динамичных данных, самообучающихся алгоритмов и распределённого цифрового пространства. Модернизация системы защиты требует не эволюционного усовершенствования, а трансформации её философских оснований через триединую интеграцию: технологических решений на основе ИИ, адекватного им правового регулирования и новой управленческой культуры информационной безопасности.

Актуальные проблемные аспекты в условиях цифровизации и внедрения ИИ.

- Проблема атрибуции и защиты информации в условиях «big data» и алгоритмов ИИ. Классический критерий коммерческой тайны — «неизвестность третьим лицам» — теряет смысл в контексте больших данных. Защищаемым объектом всё чаще становится не конкретный документ, а ценностный паттерн, выявленный ИИ-алгоритмом из агрегированных открытых и полуоткрытых данных (например, оптимальная логистическая схема, выведенная из анализа публичных данных о движении транспорта, или прогнозная модель потребительского спроса). Судебная практика не выработала подходов к защите таких производных интеллектуальных активов. Более того, если сама модель машинного обучения, являющаяся ключевым ноу-хау, постоянно обучается на новых данных, возникает вопрос о моменте фиксации и критериях идентификации охраняемого объекта, который по своей природе динамичен и изменчив.

- Нелегитимность цифровых доказательств и «чёрный ящик» ИИ в судопроизводстве. Действия систем защиты, основанных на ИИ (например, автоматическая блокировка трафика системой DLP с элементами поведенческого анализа), с трудом признаются в качестве допустимых доказательств. Процесс принятия решений сложными нейросетевыми моделями (феномен «black box») не поддается традиционной экспертизе и понятной для суда интерпретации. Как доказать в суде, что алгоритм корректно идентифицировал именно коммерческую тайну, а не иную информацию? Отсутствие законодательных стандартов и методик валидации решений ИИ-систем безопасности создает непреодолимый барьер для их использования в правоприменительной практике, вынуждая компании полагаться на устаревшие, но юридически понятные методы.

- Конфликт технологий предиктивной аналитики и приватности сотрудников.

Современные системы UEBA (User and Entity Behavior Analytics) и SOAR (Security Orchestration, Automation and Response), использующие ИИ для выявления аномалий в поведении пользователей, осуществляют постоянный мониторинг цифрового следа сотрудников. Это создает правовой конфликт на стыке защиты коммерческой тайны и права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), а также трудового законодательства. Грань между законным контролем в целях безопасности и неправомерной слежкой размыта, что порождает риски судебных исков от сотрудников и дискредитирует сами технологии.

- Уязвимость цепочек поставок и стороннего кода. Цифровизация привела к зависимости от стороннего ПО, облачных сервисов и открытых библиотек. Коммерческая тайна может быть скомпрометирована не через прямую атаку на компанию, а через уязвимость в обновлении программного обеспечения или через злонамеренную «закладку» в код, поставляемый внешним разработчиком. Существующие организационные меры, как правило, не предусматривают глубокого аудита безопасности стороннего кода и динамического контроля целостности программной среды, где обрабатывается секретная информация.

- Правовой вакуум в отношении ответственности за действия автономных систем.

При гипотетическом сценарии, когда автономный ИИ-агент, управляемый конкурентами, самостоятельно проводит сложную многоэтапную операцию по сбору и синтезу данных, составляющих коммерческую тайну, возникают неразрешимые вопросы квалификации. Кто является субъектом правонарушения: разработчик алгоритма, владелец системы или сама система? Действующая правовая доктрина, требующая установления вины физического лица, оказывается бессильна.

Стратегические направления модернизации с использованием цифровых технологий и ИИ.

- Разработка правовой доктрины «цифрового ноу-хау» и стандартов его идентификации. Требуется законодательное и доктринальное признание новых объектов защиты: алгоритмов, обучающихся моделей, уникальных наборов данных и цифровых паттернов. Необходимо закрепить критерии охраноспособности для таких активов, например, через фиксацию «цифрового отпечатка» — неизменяемой хэш-суммы исходного набора данных и параметров модели на определенный момент времени. Это позволит идентифицировать объект, даже если он существует в распределенной среде и постоянно эволюционирует.

Создание регулируемых «песочниц» (Regulatory Sandboxes) и стандартов для ИИ в безопасности.

Государство совместно с бизнес-сообществом должно инициировать создание специальных правовых режимов для тестирования и внедрения ИИ-систем защиты коммерческой тайны. В рамках таких «песочниц» можно:

1) Разработать и утвердить национальные стандарты объяснимости для систем безопасности, чтобы их логика была прозрачна для аудита и суда.

Легитимизировать протоколы цифрового документирования действий ИИ-систем, обеспечивающие неизменяемость логов и их криптографическую стойкость для использования в качестве доказательств.

Определить границы допустимого мониторинга поведения сотрудников, закрепив принцип «целесообразности и минимальной достаточности», а также ввести обязательность информирования персонала о применяемых технологиях тотального анализа.

- Внедрение архитектуры «ноль доверия» (Zero Trust) с элементами ИИ. Модернизация технической защиты должна двигаться от защиты периметра к защите каждого актива и транзакции. Модель Zero Trust, где доступ предоставляется только после постоянной многофакторной аутентификации и проверки контекста сессии, должна стать отраслевым стандартом. ИИ здесь выполняет ключевую роль, анализируя в реальном времени контекст доступа (местоположение, устройство, поведенческий профиль, время) для выявления аномалий и динамического пересмотра политик безопасности. Законодатель должен стимулировать такой переход, признавая архитектуру Zero Trust, подкрепленную системами машинного обучения, высшей формой «разумных мер».

- Развитие технологий конфиденциальных вычислений (Confidential Computing) и шифрования гомоморфных данных. Перспективным направлением является защита информации не «на покое» или «в пути», а во время обработки. Технологии конфиденциальных вычислений (например, с использованием доверенных сред выполнения — ТЭЕ) позволяют обрабатывать зашифрованные данные, не расшифровывая их в оперативной памяти. Гомоморфное шифрование даёт возможность производить вычисления с зашифрованными данными и получать зашифрованный результат. Внедрение таких технологий кардинально снижает риски утечек на самом уязвимом этапе — обработке. Государственная поддержка исследований и разработок в этой области, а также создание нормативной базы для использования их результатов, является стратегическим приоритетом.

- Формирование экосистемы киберстрахования на основе данных ИИ-аналитики. Для управления остаточными рисками необходимо развивать рынок киберстрахования, где премии и условия будут рассчитываться на основе объективных данных, собранных и проанализированных системами ИИ компании-застрахованного. Это создаст экономический стимул для внедрения передовых мер защиты и сформирует независимый механизм аудита их эффективности.

Таким образом, модернизация системы защиты коммерческой тайны в эпоху цифровых технологий и ИИ — это вопрос национальной технологической и экономической безопасности. Она требует перехода от реактивной охраны документов к проактивной защите данных и алгоритмов, от формального соблюдения процедур к доказательной демонстрации эффективности риск-ориентированных систем, и от изолированных корпоративных мер к участию в формировании новой правовой и технологической экосистемы.

Список литературы:

1. Васильев Н.Ю. Сущность института коммерческой тайны в условиях цифровизации // Вестник науки. 2024. № 4 (73). С. 81-86.
2. Кондратенко И.С. Сущность коммерческой информации и коммерческой тайны // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2022. №5. С. 1355-1362.
3. Дустова, Н. С. Сущность и виды коммерческой тайны в гражданско - правовом регулировании // Правовая жизнь. 2024. № 4(48). С. 142-147.
4. Патрушева, Е. Д. Сущность коммерческой тайны и меры по ее защите / Е. Д. Патрушева // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87-7. С. 87-89.
5. Фур Е.А. Сущность, правовая природа и характерные признаки коммерческой тайны // Студенческий. 2025. № 24-5(320). С. 49.

References:

1. Vasilyev N.Yu. The Essence of the Institute of Commercial Secret in the Conditions of Digitalization // Bulletin of Science. 2024. No. 4 (73). Pp. 81-86.
2. Kondratenko I.S. The Essence of Commercial Information and Commercial Secret // International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral". 2022. No. 5. Pp. 1355-1362.
3. Dustova, N. S. The Essence and Types of Commercial Secret in Civil Law Regulation // Legal Life. 2024. No. 4(48). Pp. 142-147.
4. Patrusheva, E. D. The Essence of Commercial Secret and Measures for Its Protection / E. D. Patrusheva // Trends in the Development of Science and Education. 2022. No. 87-7. Pp. 87-89.
5. Fur E.A. Essence, legal nature and characteristic features of commercial secret // Student. 2025. No. 24-5(320). P. 49.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_392

УДК 340.12

ЗАЩИТА ДОВЕРИЯ К ВИДИМОСТИ ПРАВА PROTECTION OF RELIANCE ON THE APPEARANCE OF A RIGHT

ПЕТРОВА Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

PETROVA Ekaterina Sergeevna,

senior lecturer of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: 8ekaterina.petrova@gmail.com

Краткая аннотация. В статье проводится анализ категории видимости субъективного права, полномочия или статуса в гражданском обороте. Обосновано, что данное явление не сводится к любому расхождению между фактом и правом, а представляет собой специальную юридическую конструкцию, применимую при наличии объективной внешней основы доверия, добросовестности и разумности поведения третьего лица, а также связи возникшей видимости с поведением соответствующего субъекта либо публичным режимом легитимации. Предложено разграничение простой внешней видимости и юридически значимой видимости, что позволяет отграничить рассматриваемое явление от владения, презумпций, оспоримости сделки и иных смежных институтов. Сделан вывод о том, что защита доверия к видимости права выступает специальным механизмом гражданско-правовой защиты, направленным на обеспечение устойчивости оборота и справедливое распределение риска между его участниками.

Abstract. The article analyzes the category of visibility of subjective law, authority or status in civil circulation. It is proved that this phenomenon is not limited to any discrepancy between fact and law, but is a special legal construction applicable in the presence of an objective external basis of trust, good faith and reasonableness of the behavior of a third party, as well as the connection of the appearance with the behavior of the relevant subject or the public regime of legitimization. A distinction is proposed between simple external visibility and legally significant visibility, which makes it possible to distinguish the phenomenon under consideration from ownership, presumptions, the contestability of the transaction and other related institutions. It is concluded that the protection of trust in the visibility of law acts as a special mechanism of civil protection aimed at ensuring the sustainability of turnover and a fair distribution of risk among its participants.

Ключевые слова: видимость права; защита доверия; добросовестность.

Keywords: appearance of law; protection of trust; good faith.

Для цитирования: Петрова Е.С. Защита доверия к видимости права // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_392.

For citation: Petrova E.S. Protecting trust in the visibility of law // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_392.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

В гражданском обороте участники при вступлении в правоотношения ориентируются не только на действительное содержание субъективного права, но и на его внешние признаки. Владение вещью, сведения публичного реестра, документы, подтверждающие полномочия, уведомление об уступке права требования, а также сложившаяся фактическая обстановка во многих случаях выступают для участника оборота единственным доступным ориентиром при оценке правового положения контрагента. Именно поэтому внешняя определенность права имеет существенное значение для устойчивости и безопасности гражданского оборота.

Однако внешняя картина права не всегда совпадает с его действительным содержанием. В таких условиях возникает вопрос о том, в какой мере правопорядок должен учитывать доверие лица к внешнему фактическому составу и может ли такая видимость получать самостоятельное правовое значение. Указанная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку затрагивает интересы добросовестных участников гражданского оборота и влияет на распределение риска между ними и действительными носителями права.

Следует отметить, что российское право не содержит единой догматической концепции видимости права, однако отдельные ее проявления находят отражение в нормах гражданского законодательства и судебной практике. Так, например, похожие конструкции используются при защите добросовестного приобретателя, при оценке полномочий, явствующих из обстановки, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением обязательства после уступки права требования. Вместе с тем отсутствие общей догматической модели приводит к тому, что соответствующие случаи рассматриваются фрагментарно, без выработки единых критериев и пределов защиты доверия к внешней видимости права.

В доктрине также отсутствует единый подход к пониманию концепции «видимости права». Изначально авторы рассматривали «видимость права» в широком контексте, связывая данную категорию с доверием к внешнему проявлению права — владение, публичная запись, фактическая легитимация лица, выступающего как управомоченное, — осприимались как значимые ориентиры для третьих лиц. Именно такой подход прослеживается в классической литературе, анализируемой Б.Б. Черепаниным, который показывает внутреннюю связь между теориями публичности, доверия к внешнему фактическому составу и защиты видимости права [2, С. 260-262]. Общим для этих концепций является признание того, что оборот не может строиться исключительно на скрытом действительном состоянии права, поскольку в практическом взаимодействии участники ориентируются прежде всего на его внешнее выражение.

Вместе с тем широкая трактовка имеет и очевидный недостаток. Если под видимостью права понимать любое несоответствие между фактом и правом либо вообще всякий случай юридического учета внешнего положения, то сама категория становится чрезмерно расплывчатой и

создает риск злоупотреблений. Именно на это обращает внимание П. Эртманн, последовательно выступающий против чрезмерного расширения понятия видимости права. По его мнению, увеличение объема данного понятия неизбежно ведет к утрате содержательной определенности, а потому научная ценность такой конструкции становится сомнительной [3, С. 273-305]. Такой подход представляется более убедительным и применительно к современному праву. Видимость права не должна использоваться как универсальная формула, объясняющая всякое расхождение между фактом и правом. Ее значение проявляется лишь там, где внешняя картина права приобретает самостоятельное юридическое значение именно потому, что на нее добросовестно полагается участник оборота. Иначе говоря, под видимостью права следует понимать не любое внешнее проявление, а специальную юридическую конструкцию, посредством которой в определенных случаях защищается доверие к внешнему фактическому составу.

Защита доверия к видимости права является необходимым звеном для обеспечения устойчивости и безопасности гражданского оборота. Участники оборота не могут быть обязаны в каждом случае проверять безупречность правового основания сделки, полномочия контрагента или принадлежность права, поскольку это существенно затруднило бы функционирование гражданских правоотношений. Именно поэтому защита доверия к видимости права должна рассматриваться не как отрицание действительного права, а как средство поддержания стабильности и предсказуемости оборота. Б.Б. Черепяхин, анализируя соответствующую линию в литературе, показывает, что обращение к внешне распознаваемой стороне правовых явлений было обусловлено сознательной тенденцией к обеспечению безопасности оборота [2, С. 259-260].

Далее необходимо отметить, что право защищает не видимость права саму по себе, а доверие к ней, если оно было оправданным. Следовательно, центральное значение имеет наличие лица, которое не знало и не должно было знать о скрытом дефекте действительного правового положения. Без концепции добросовестности сама идея защиты видимости права утрачивает смысл, поскольку отсутствует тот интерес, ради которого допускается отклонение от общего приоритета действительного права.

Одной из основных функций защиты доверия к видимости права является перераспределение риска между участниками оборота. Необходимо учитывать, что внешняя видимость права во многих случаях возникает не случайно, а вследствие поведения самого правообладателя либо в силу действия публичного режима легитимации. В таких условиях представляется справедливым возложить риск расхождения между действительным положением и его внешним выражением не на добросовестное третье лицо, а на ту сферу, из которой возникла соответствующая видимость. П. Эртманн, в свою очередь, формулирует ту же идею применительно к уступке требования, указывая, что тот, кто уступает требование без уведомления должника, сам превращает свое прежнее действительное положение в мнимое положение кредитора и потому должен позволить последствиям такой видимости действовать против себя [3, С. 290-300].

Для определения содержания видимости права принципиальное значение имеет ее разграничение со смежными правовыми явлениями. Без такого разграничения данная категория неизбежно теряет самостоятельность и начинает использоваться как собирательное обозначение любых ситуаций, в которых внешняя видимость оказывает влияние на юридический результат.

Прежде всего, видимость права не отождествляется с правомочием владения. На первый взгляд может показаться, что именно владение является наиболее естественной формой видимости права, поскольку владелец вещи часто воспринимается как ее собственник. Однако такое сближение не должно быть чрезмерным. Владение защищается правом не только и не столько потому, что оно создает впечатление принадлежности права, сколько потому, что само представляет собой охраняемое фактическое состояние [3, С. 280-283] (ст.305 ГК РФ). Иными словами, защита владения имеет собственную правовую логику и не сводится к защите доверия к видимости права. В этой связи отождествление указанных явлений вряд ли можно признать корректным.

Не совпадает видимость права и с презумпциями. Презумпция имеет прежде всего доказательственное значение. Она позволяет считать определенное обстоятельство существующим до тех пор, пока не доказано иное. Между тем видимость права в узком смысле не сводится к упрощению доказывания. Она предполагает, что внешняя картина права в определенных случаях приобретает самостоятельное защитное значение. Иначе говоря, презумпция лишь допускает существование права, тогда как видимость права может приводить к юридической защите доверившегося лица даже тогда, когда действительное положение оказывается иным.

Отдельно следует сказать о соотношении видимости права и оспоримости сделки. Оспоримая сделка до момента ее оспаривания признается действительной и влечет соответствующие правовые последствия. Следовательно, участник оборота полагается здесь не на видимость действительности права, а на правовой эффект такой сделки. Возможность последующего оспаривания, срочность соответствующего права, демонстрируют, что здесь речь идет об особом режиме действительности, а не о типичном случае видимости права.

Наконец, видимость права не должна сводиться к любому юридическому эффекту фактического положения. Не всякое внешнее обстоятельство, с которым закон связывает определенные последствия, образует случай видимости права. Вступившее в законную силу судебное решение создает не видимость права, а подлинное и юридически защищенное положение. Аналогичным образом иные преобразовательные правовые эффекты не сводятся к защите доверия к видимости права. Данное замечание имеет принципиальное значение: не всякое внешнее положение, с которым закон связывает последствия, образует подлинный случай видимости права.

Защита доверия к видимости права не имеет абсолютного характера. Она начинает действовать лишь при наличии условий, позволяющих возложить риск ошибки не на добросовестного участника оборота, а на того, кто дал повод к возникновению соответствующей видимости.

Первым критерием является наличие объективно воспринимаемой внешней видимости права, полномочия или статуса. Речь должна идти не о внутренней ошибке лица, а о таком внешнем положении, которое по условиям оборота способно создать представление о наличии права. Это может быть владение вещью, запись в публичном реестре, документ, подтверждающий полномочие, уведомление об уступке, корпо-

ративная обстановка и иные аналогичные признаки.

Вторым критерием выступает добросовестность лица, доверившегося этой видимости. Для защиты недостаточно одного лишь существования внешней картины. Необходимо, чтобы лицо действительно не знало и не должно было знать о ее несоответствии действительному правовому положению. Поэтому добросовестность является не дополнительным, а центральным условием защиты доверия к видимости права. В этой связи показательно, что аналогичная логика уже прослеживается и в современной судебной практике. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2026 г. № 305-ЭС25-8944 [4] суд фактически исходил из того, что для защиты доверия к видимости полномочий существенное значение имеют наличие объективной внешней основы, создающей представление о наличии полномочия, и добросовестность контрагента, который не знал и не должен был знать об их отсутствии. Тем самым Верховный Суд подтвердил, что правовой оценке подлежит не сам по себе внутренний дефект основания полномочия, а совокупность обстоятельств, позволяющих установить, заслуживает ли доверие участника оборота правовой защиты.

Третий критерий связан с разумностью доверия. Даже при отсутствии прямого знания о дефекте правопорядок не может защищать явно неосмотрительное поведение. Поэтому доверие должно быть не только субъективным, но и объективно оправданным в конкретной ситуации. Лицо должно полагаться на внешнюю обстановку, которая действительно могла восприниматься как выражение права.

Четвертым критерием является связь возникновения видимости с поведением лица, против которого она действует, либо с публичным режимом легитимации. Простая добросовестность третьего лица сама по себе недостаточна. Правовая защита доверия становится обоснованной именно тогда, когда соответствующая внешняя картина возникла из действий другого участника оборота либо была поддержана механизмом публичной достоверности, которому оборот вправе доверять. Так, применительно к зарегистрированным правам на имущество закон исходит из публичности и достоверности реестра: приобретатель, полагавшийся на данные государственного реестра, презюмируется добросовестным, однако лицо, которое знало или должно было знать о недостоверности этих данных, не вправе ссылаться на них [5]. Следовательно, защита доверия к реестровой видимости ограничивается пределами добросовестности и не действует в пользу лица, осведомленного о расхождении между записью и действительным правовым положением.

Пятым критерием является характер дефекта, скрытого за внешней картиной. Не всякий порок юридического состава может быть нейтрализован посредством защиты доверия к видимости права. Это означает, что в каждом конкретном случае требуется оценивать, допускает ли соответствующий институт подобную корректировку без разрушения своей основной конструкции.

Шестым критерием следует признать необходимость защиты оборота в конкретной группе отношений. Доктрина видимости права не действует одинаково во всех случаях. В одних ситуациях она выступает преимущественно средством защиты, в других — может служить основанием возникновения права. Д.В. Борейшо, например, обращает внимание на то, что в некоторых случаях видимость права не просто защищает третье лицо от притязаний, но и сама по себе становится основанием для требований к лицу, создавшему такую видимость [1, С. 196-199].

Таким образом, видимость права представляет собой не любое расхождение между фактом и правом, а юридически значимую внешнюю форму предполагаемого права, полномочия или статуса, которой правопорядок в исключительных случаях придает защитное либо правопорождающее значение ради охраны добросовестного доверия и справедливого распределения риска в обороте.

В этой связи целесообразно различать простую внешнюю видимость и юридически значимую видимость права. Простая внешняя видимость имеет лишь фактическое или доказательственное значение. Юридически значимая видимость возникает только тогда, когда внешний фактический состав получает способность нейтрализовать скрытый дефект в интересах добросовестного третьего лица. Такое различие позволяет сохранить категорию видимости права как самостоятельный догматический инструмент и избежать ее смешения с презумпциями, владением, оспоримостью сделки и иными смежными явлениями.

Защита доверия к видимости права представляет собой не общий принцип, автоматически преодолевающий действительное правовое положение, а специальный механизм гражданско-правовой защиты. Она допустима при наличии объективной внешней видимости, добросовестности и разумности доверившегося лица, связи видимости с поведением соответствующего субъекта либо с публичным режимом легитимации, а также такого характера дефекта, который допускает его нейтрализацию через доверие к внешнему фактическому составу.

Список литературы:

1. Борейшо Д.В. Защита видимости права при уступке права требования (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7.
2. Черепакхин Борис Борисович (1894-1969). Труды по гражданскому праву / Б. Б. Черепакхин. - 2-е изд. Москва: Статут, Частное право, 2020.
3. Эртманн П. Основы учения о видимости права // Вестник гражданского права. 2011. № 4.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2026 N 305-ЭС25-8944 по делу N A40-85703/2024 // СПС КонсультантПлюс.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. ст. 3301. (П.6 ст.8.1).

References:

1. Boreisho D.V. Protection of the visibility of the right in case of assignment of the right of claim (part 1) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. N 7.
2. Boris Borisovich Cherepakhin (1894-1969). Works on civil law / B. B. Cherepakhin. — 2nd ed. — Moscow : Statute, Private Law, 2020. pp. 259-260.
3. Ertmann P. Fundamentals of the doctrine of the visibility of law // Bulletin of Civil Law. 2011. N 4.
4. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.02.2026 N 305-ES25-8944 in case N A40-85703/2024 // SPS ConsultantPlus.
5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 N 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301. (P.6, Article 8.1).

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ FEATURES OF REALIZATION AND PROTECTION OF PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS OF CONDEMNED PERSONS IN CONDITIONS OF ISOLATION

ШАНАЗАРОВА Елена Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Владимирский юридический институт ФСИН России
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
e-mail: alyonapov@mail.ru;

БАРИНОВ Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600000, г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: barinov-vlad@inbox.ru;

SHANAZAROVA Elena Vitalievna

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Faculty of Law
of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of law, Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: alyonapov@mail.ru

BARINOV Andrey V.,

Chief of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladimir Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
49 Bolshaya Moskovskaya str., Vladimir, 600000, Russia.
E-mail: barinov-vlad@inbox.ru;

Краткая аннотация: Актуальность темы обусловлена продолжающимся процессом реформирования уголовно-исполнительной системы России, направленным на приведение условий содержания в соответствии с международными стандартами, а также на повышение эффективности социальной реабилитации осужденных, что невозможно без гарантирования их фундаментальных прав. В Российской Федерации создана разветвленная система механизмов защиты этих прав, включающая как внутренние административные и прокурорские инструменты, так и внешние – судебную защиту, институт Уполномоченного по правам человека и общественный контроль через наблюдательные комиссии. Судебная защита, в особенности, стала реальным и эффективным способом восстановления нарушенных прав, что подтверждается обширной судебной практикой.

Abstract: The relevance of the topic is due to the ongoing process of reforming the Russian penal system, which aims to bring the conditions of detention in line with international standards, as well as to increase the effectiveness of social rehabilitation for convicts, which is impossible without guaranteeing their fundamental rights. The Russian Federation has established an extensive system of mechanisms to protect these rights, which includes both internal administrative and prosecutorial tools, as well as external mechanisms such as judicial protection, the institution of the Human Rights Commissioner, and public control through monitoring commissions. Judicial protection, in particular, has become a real and effective way to restore violated rights, as evidenced by extensive judicial practice.

Ключевые слова: личные неимущественные права, осужденный, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительная система, правовая норма, реализация права, защита права.

Keywords: personal non-property rights, convicted person, criminal executive legislation, criminal executive system, legal norm, implementation of rights, protection of rights.

Для цитирования: Шаназарова Е.В., Баринов А.В. Особенности реализации и защиты личных неимущественных прав осужденных в условиях изоляции // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_395.

For citation: Shanazarova E.V., Barinov A.V. Peculiarities of realization and protection of personal non-property rights of convicts in isolation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_395.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Осуществление личных неимущественных прав в местах лишения свободы кардинально отличается от их реализации в свободном обществе. Изоляция как сущность наказания предопределяет специальный правовой режим, где права не отменяются, но их практическое воплощение подвергается системным ограничениям, трансформации и строгой регламентации.

Основная особенность заключается в том, что государство, выступая одновременно, как гарант прав и как карающий субъект, обязано обеспечить баланс между целями наказания и недопустимостью уничтожения правового статуса личности. Эта реализация носит опосредованный и разрешительный характер: осужденный может осуществить свое право лишь в тех формах и пределах, которые прямо предусмотрены законом и внутренним распорядком ИУ, и часто через позитивные действия администрации (организовать, обеспечить, предоставить доступ).

В период с конца XX по начало XXI века уголовно-исполнительное законодательство России было переработано, сфокусировавшись на защите личных неимущественных прав и законных нематериальных интересов осужденных. Это подтверждается рядом нововведений в УИК РФ, таких как: определение правового статуса осужденных (ст. 10), гарантия их личной безопасности (ст. 13), создание системы контроля за учреждениями, исполняющими наказания (ст. 19-23), установление правила отбывания наказания в пределах субъекта РФ проживания или осуждения (ч. 1 ст. 73), введение различных условий содержания в исправительных колониях (ст. 87) и предоставление осужденным права на обращение в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении (ч. 1 ст. 175) [1].

Несмотря на то, что статья 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закладывает фундамент правового статуса осужденных, действующее законодательство демонстрирует определенную степень декларативности. Это означает, что конкретные права и законные интересы осужденных не получили полного и исчерпывающего закрепления в рамках уголовно-исполнительного права. Одним из возможных направлений совершенствования данной ситуации является разработка отдельной, самостоятельной нормы в УИК РФ, которая бы детально конкретизировала основные субъективные неимущественные права и законные нематериальные интересы осужденных.

Рассматривая классификацию личных неимущественных прав и законных нематериальных интересов осужденных, можно выделить следующие права:

- личные неимущественные права, направленные на обеспечение личной неприкосновенности;
- личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни;
- субъективные личные неимущественные права;
- законные нематериальные интересы, обусловленные статусом гражданина, отбывающего наказание в виде лишения свободы [2].

В рамках уголовно-исполнительного права, направленного на защиту личных неимущественных прав и законных нематериальных интересов осужденных, можно выделить три основные категории норм:

- Нормы, регламентирующие порядок осуществления осужденными упомянутых прав и интересов.
- Нормы, определяющие механизмы обеспечения их реализации.
- Нормы, гарантирующие фактическое осуществление этих прав и интересов.

К положениям, регламентирующим возможность осуществления осужденными их персональных неимущественных прав и законных нематериальных интересов, относятся:

- Правомочие осужденного на получение сведений о своих правах и обязанностях, а также о порядке и условиях исполнения назначенного судом вида наказания (ч. 1 ст. 12).
- Право на корректное обращение со стороны сотрудников учреждения, исполняющего наказания (ч. 2 ст. 12).
- Право на медицинское обеспечение (ч. 6 ст. 12).
- Право на психологическую поддержку (ч. 6.1 ст. 12).
- Право на получение правовой помощи (ч. 8 ст. 12).
- Право осужденных - иностранных граждан поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств находящихся в Российской Федерации, а граждан, не имеющих таковых, - с дипломатическими представительствами государств, принявших на себя защиту их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных (ч. 9 ст. 12).
- Право на личную неприкосновенность (ст. 13).
- Право на отбывание наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, где они проживали или были осуждены, за некоторыми исключениями (ст. 73).
- Право на встречи (ст. 89).
- Право на корреспонденцию (ст. 91).
- Право на телефонные переговоры (ст. 92).
- Право на ежедневные прогулки (ст. 93).
- Право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач (ст. 94).
- Право на получение и приобретение печатных изданий и письменных принадлежностей (ст. 95).

Система норм, призванных защищать личные неимущественные права и законные нематериальные интересы осужденных, включает следующие положения:

- Признание за осужденными прав и свобод граждан РФ, с оговоркой на ограничения, установленные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством (ч. 2 ст. 10).
- Запрет на проведение любых медицинских, научных или иных опытов, которые могут угрожать жизни или здоровью осужденных, независимо от их согласия (ч. 3 ст. 12).
- Предоставление осужденным права обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации, в вышестоящие органы, суд, прокуратуру, государственные и муниципальные органы, общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав человека (ч. 4 ст. 12).
- Обеспечение свободы совести и вероисповедания (ст. 14).
- Регламентация процедуры подачи и рассмотрения обращений осужденных (ст. 15).
- Гарантия неограниченного числа свиданий с адвокатами или иными лицами, оказывающими юридическую помощь (ч. 4 ст. 89).
- Организация медико-санитарного обеспечения осужденных (ст. 100, 101).

Для того чтобы осужденные могли пользоваться своими личными неимущественными правами и чтобы их законные нематериальные интересы были защищены, предусмотрены следующие виды контроля:

- Государственный контроль (ст. 19);

- Судебный контроль (ст. 20);
- Контроль внутри ведомства (ст. 21);
- Прокурорский надзор за тем, как администрация мест лишения свободы соблюдает законы (ст. 22);
- Общественный контроль за правами осужденных, который проводят общественные организации (ст. 23).

Ключевые особенности в реализации осужденными личных неимущественных прав можно выделить по следующим направлениям:

1. Доминирование публично-правового регулирования над частным интересом.

Реализация прав жестко подчинена распорядку дня, правилам внутреннего распорядка и усмотрению администрации в рамках закона. Например, право на общение (свидание) превращается из свободного действия в формализованную процедуру, требующую заявления, разрешения, соблюдения установленных дней, времени и места.

2. Коллективный контекст осуществления прав.

Большинство прав реализуется не в приватной, а в публичной обстановке, в условиях постоянного нахождения среди других осужденных и под контролем. Это касается отправления религиозных обрядов, приема пищи, получения медицинской помощи (кроме тяжелых случаев), досуга. Такая коллективность неизбежно ограничивает личное пространство и автономию воли.

3. Зависимость объема прав от вида режима и правового статуса осужденного.

Закон устанавливает прямую корреляцию между степенью изоляции и уровнем дозволенного. Осужденный, переведенный на строгие условия отбывания наказания или в ШИЗО (помещение камерного типа), автоматически лишается ряда возможностей, такие как длительных свиданий, покупок в магазине, просмотра телевизора, которые доступны на общих условиях. Таким образом, само право не исчезает, но его фактическое содержание временно сужается.

4. Превращение права в регламентированную льготу.

Многие правомочия, которые в обычной жизни осуществляются по умолчанию например, телефонный разговор, в условиях ИУ становятся поощрительным инструментом. Их предоставление может зависеть от поведения, отношения к труду и учебе. Это создает ситуацию, когда право, гарантированное законом, на практике может быть реализовано только при одобрении администрации, основанном на субъективной оценке.

5. Приоритет безопасности и порядка как основание для ограничений.

Любое право может быть временно и локально ограничено, если его реализация создает угрозу безопасности учреждения, жизни и здоровью людей. Например, корреспонденция может подвергаться цензуре для выявления планов побега или запугивания потерпевших; свидание может быть прекращено при нарушении правил; религиозная литература может быть изъята, если ее содержание экстремистского характера. Законность таких ограничений всегда может быть проверена в судебном порядке.

Таким образом, особенность реализации прав в изоляции — это их существование в «усеченном» режиме, где государство не только устанавливает границы, но и обязуется создать внутри этих границ условия для минимально необходимого и достойного осуществления неотъемлемых прав человека. Правовое положение осужденного характеризуется постоянным напряжением между предписанным ограничением и гарантированной защитой.

Эффективная защита личных неимущественных прав осужденных обеспечивается не их провозглашением, а наличием работающих механизмов, позволяющих выявлять нарушения, восстанавливать правовой статус и привлекать виновных к ответственности.

В Российской Федерации сформирована многоуровневая и комплементарная система защиты, сочетающая внутренние (ведомственные) и внешние (независимые) инструменты. Её ключевой особенностью является принцип альтернативности и последовательности: осужденный может одновременно или последовательно обращаться в различные инстанции, начиная от администрации учреждения и заканчивая международными органами.

Необходимо отметить, что первичным и наиболее оперативным звеном являются внутренние средства правовой защиты. Администрация исправительного учреждения обязана рассматривать все предложения, заявления и жалобы осужденных в установленные законом короткие сроки. Этот механизм призван разрешать конфликты и нарушения на месте, без вынесения проблемы за пределы учреждения. Важнейшую роль в системе внутреннего контроля играет прокурорский надзор. Прокурор, осуществляя регулярные проверки, обладает широкими полномочиями: может отменить любое незаконное распоряжение начальника отряда или администрации, внести обязательное для исполнения представление об устранении нарушений, возбудить дисциплинарное или уголовное производство в отношении сотрудника. Непосредственный и ежедневный характер такого надзора призван пресекать нарушения на ранней стадии [3].

Наиболее действенным и гарантированным Конституцией механизмом является судебная защита. Согласно статье 46 Конституции РФ, любые решения, действия (или бездействие) администрации ИУ, которые, по мнению осужденного, ущемляют его права, могут быть обжалованы в суд общей юрисдикции.

Судебный порядок обеспечивает максимальные процессуальные гарантии, к которым можно отнести независимость арбитра, состязательность, гласность (с учётом особенностей пенитенциарного учреждения) и обязательность исполнения вынесенного решения. Практика последних лет показывает рост числа таких исков и повышение внимания судов к существу жалоб на условия содержания, что делает суд центральным органом по восстановлению нарушенных прав.

Особое место в системе занимает институт Уполномоченного по правам человека в РФ и региональные омбудсмены. Их деятельность

представляет собой вневедомственный и внесудебный гуманитарный контроль. Обращение к Уполномоченному не требует знания сложных процессуальных формальностей и не облагается госпошлиной. По результатам проверки жалобы и, что особенно важно, в ходе личных посещений мест лишения свободы Уполномоченный использует, так сказать, инструменты «мягкой силы», к которым относятся рекомендации, ходатайства, представления, а также широкое информирование общественности и органов власти о системных проблемах. Этот механизм дополняет судебный, часто позволяя разрешить ситуацию в досудебном порядке.

Неотъемлемым элементом современной пенитенциарной системы стал институт общественного контроля в лице общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Члены ОНК, включая правозащитников, журналистов и представителей общественных объединений, имеют право на беспрепятственное посещение ИУ, личные беседы с осужденными и инспекцию всех сторон жизни учреждения. Их сила — в публичности и экспертной оценке. Обнародованные доклады и заключения формируют общественное мнение и создают дополнительный стимул для администрации к соблюдению законности. Кроме того, сами правозащитные и благотворительные организации оказывают осужденным бесплатную юридическую помощь, консультирование и представляют их интересы в судах, компенсируя часто недостающий доступ к качественной правовой поддержке.

В контексте усиления роли гражданского общества в надзоре за соблюдением личных неимущественных прав и законных нематериальных интересов лиц, отбывающих наказание, существует потребность в совершенствовании правовой регламентации его деятельности. Действующая норма уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации (статья 23 УИК РФ) наделяет контрольными функциями исключительно общественные объединения. Вне сферы правового регулирования остаются общественные комиссии (например, комиссия по вопросам помилования), коллективы предприятий, учреждений, организаций, а также родственники и близкие осужденных.

Вопрос соблюдения прав человека в российских учреждениях принудительного содержания представляет собой одну из наиболее урегулированных, но при этом и наиболее запущенных проблем в сфере правозащиты. С одной стороны, эти права всесторонне гарантированы как основным законом страны и действующими нормами уголовно-исполнительного права, так и целым рядом международных соглашений, включая Всеобщую декларацию прав человека (1948), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950), Европейские пенитенциарные правила (2006), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1959) и Конвенцию против пыток (1984). Однако, с другой стороны, лица, находящиеся под стражей, регулярно сталкиваются с нарушениями своих прав, которые зачастую остаются неисправленными.

Для повышения эффективности правового регулирования вопросов, касающихся обеспечения права на личную неприкосновенность, а также на конфиденциальность и тайну частной жизни граждан, находящихся в местах лишения свободы, целесообразно расширить перечень основополагающих начал уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ). Предлагается включить в него принцип неприкосновенности осужденных, содержание которого будет охватывать, в первую очередь, их физическую и психологическую безопасность.

Таким образом, защита прав осужденных обеспечивается не одним, а целым комплексом взаимодействующих механизмов: от оперативного реагирования администрации и прокуратуры до независимого судебного пересмотра, от гуманитарного вмешательства омбудсмена до давления со стороны гражданского общества. Их совокупная цель — создать эффективные «сдержки и противовесы» внутри закрытой системы, минимизируя риски безнаказанного произвола и превращая формальные права в реальные правовые гарантии.

Подытоживая проведенный анализ, можно сделать вывод, что осуществление и защита личных неимущественных прав лиц, осужденных к лишению свободы, представляет собой сложный баланс между карательной функцией наказания и неуклонным соблюдением прав человека.

Осужденные, несмотря на ограничение свободы, остаются носителями широкого спектра личных неимущественных прав, таких как право на достоинство, личную безопасность, охрану здоровья, свободу совести и общение. Реализация этих прав в условиях пенитенциарного учреждения неизбежно сопряжена с законными ограничениями, которые, однако, должны быть соразмерны, необходимы в демократическом обществе и не могут приводить к отрицанию самой сущности права.

Однако на практике сохраняются проблемы: переполненность учреждений, недостаточное медицинское обеспечение, случаи произвола со стороны отдельных сотрудников, сложности с доступом к качественной юридической помощи. Преодоление этих проблем требует дальнейшего системного реформирования УИС, повышения профессиональной культуры сотрудников, увеличения прозрачности деятельности учреждений и развития общественного контроля.

Таким образом, гарантирование личных неимущественных прав осужденным — это не только юридическая обязанность государства, но и необходимое условие для достижения целей исправления и успешной реинтеграции бывших заключенных в общество, что в конечном итоге служит интересам общественной безопасности и правопорядка.

Список литературы:

1. Орлов, О. Правовой режим нематериальных благ лиц, осужденных к лишению свободы / О. Орлов // Закон и право. — 2011. — № 3. — С. 24-27.
2. Лукашева, И. А. Нематериальные блага осужденных / И. А. Лукашева, И. В. Овод, О. А. Сви́дский // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России, Самара, 01–02 июня 2017 года. Том Выпуск 5, часть 1. — Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. — С. 164-166.
3. Владимиро́ва, О. А. Реализация права интеллектуальной собственности осужденных в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / О. А. Владимиро́ва // Вестник Кузбасского института. — 2020. — № 1(42). — С. 170-176.

References:

1. Orlov, O. Legal regime of intangible benefits of persons convicted to imprisonment / O. Orlov // Law and Law. — 2011. — No. 3. — Pp. 24-27.
2. Lukashcheva, I. A. Intangible Benefits of Convicts / I. A. Lukashcheva, I. V. Ovod, O. A. Svidersky // Legal Science and Practice: Almanac of Scientific Papers of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, June 1–2, 2017. Volume Issue 5, Part 1. — Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2017. — Pp. 164-166.
3. Vladimirova, O. A. Implementation of the Right of Intellectual Property of Convicts in Institutions and Bodies of the Penitentiary System / O. A. Vladimirova // Bulletin of the Kuzbass Institute. — 2020. — No. 1(42). — Pp. 170-176.

**ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 205.1 УК РФ): ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
АНАЛИЗ СОСТАВА И РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
FEATURES OF QUALIFICATION OF ASSISTANCE TO TERRORIST ACTIVITIES
(ARTICLE 205.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION):
TRENDS IN LEGISLATION, ANALYSIS
OF THE CORPUS DELICTI AND DISTINCTION FROM RELATED CRIMES**

ОЛЬДЕЕВА Деля Антоновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

OLDEEVA Delya Antonovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье исследуются актуальные проблемы квалификации содействия террористической деятельности. Анализируются тенденции развития уголовного законодательства в данной сфере, связанные с выполнением международных обязательств и криминализацией новых форм соучастия. Проводится подробный уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, с акцентом на дискуссионные аспекты понимания объективной стороны. Особое внимание уделяется разграничению данного состава со смежными преступлениями (ст. 33, 205.2, 208 УК РФ) и проблемам квалификации по совокупности. В работе используются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, материалы судебной практики и доктринальные источники.

Abstract. This article examines the current problems of qualifying the assistance to terrorist activities. The author analyzes trends in the development of criminal legislation in this area related to the fulfillment of international obligations and the criminalization of new forms of complicity. A detailed criminal law analysis of the corpus delicti under Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out, focusing on debatable aspects of understanding the objective side. Special attention is paid to distinguishing this offense from related crimes (Articles 33, 205.2, 208 of the Criminal Code of the Russian Federation) and problems of qualification in conjunction. The article uses explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, materials of judicial practice, and doctrinal sources.

Ключевые слова: терроризм, содействие террористической деятельности, вербовка, склонение, финансирование терроризма, квалификация преступлений, соучастие, общественная безопасность.

Keywords: terrorism, assistance to terrorist activities, recruitment, inducement, financing of terrorism, qualification of crimes, complicity, public safety.

Для цитирования: Казак Б.Б., Гуров Р.А. Реализация охранительной функции уголовного закона при преступлениях, связанных с дистанционным оформлением потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 399-401. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_399.

For citation: Kazak B.B., Gurov R.A. Implementation of the protective function of the criminal law in crimes related to remote registration of consumer loans using other people's personal data // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 399-401. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_399.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Противодействие терроризму является одним из приоритетных направлений уголовной политики Российской Федерации. В условиях трансформации способов террористической деятельности, активного использования информационно-телекоммуникационных сетей для вербовки и финансирования, законодатель вынужден оперативно реагировать на новые вызовы. Центральное место в системе норм, направленных на пресечение террористической деятельности на ранних стадиях, занимает ст. 205.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за содействие террористической деятельности.

Вместе с тем, правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей при квалификации деяний по данной статье. Дискуссионным остается вопрос о соотношении норм ст. 205.1 с общими нормами о соучастии (ст. 33 УК РФ), разграничении со смежными составами, а также о моменте окончания преступления. Настоящее исследование направлено на анализ указанных проблем и выработку рекомендаций по квалификации.

Эволюция ст. 205.1 УК РФ характеризуется устойчивой тенденцией к расширению перечня деяний, признаваемых содействием террористической деятельности, и ужесточению ответственности. Первоначально норма, введенная Федеральным законом от 24.07.2002 № 103-ФЗ, предусматривала ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера, а также финансирование терроризма [5].

Дальнейшие изменения были продиктованы необходимостью имплементации международно-правовых стандартов, в частности, Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года (ратифицирована РФ в 2006 году). Как отмечают А.Н. Тарбагаев и Г.Л. Москалев, включение в диспозицию ч. 1 ст. 205.1 УК РФ термина «вербовка» обеспечило терминологическое соответствие со ст. 6 указанной Конвен-

ции, а термин «склонение» указал на то, что вовлечение по своей сути является подстрекательством [3, с. 354].

Ключевой тенденцией последнего десятилетия стала криминализация новых форм пособничества. Наиболее значимым стало введение примечания 1.1, которое фактически легализовало в Особенной части понятие пособничества, ранее свойственное лишь Общей части УК РФ. Согласно этому примечанию, под пособничеством в ст. 205.1 УК РФ понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

В научной литературе данная тенденция оценивается неоднозначно. Так, Д.В. Смирнова ставит вопрос о целесообразности существования ст. 205.1 УК РФ, указывая на дублирование функций соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ. По ее мнению, исключение данной нормы позволило бы использовать ст. 33 УК в качестве универсального института для квалификации любых форм соучастия, избежав конкуренции уголовно-правовых норм [1].

Противоположной точки зрения придерживается М.А. Давиденко, которая, признавая, что деяния, предусмотренные ст. 205.1 УК РФ, по сути являются подстрекательством или пособничеством, считает обособленную криминализацию оправданной. Поскольку эти действия выведены законодателем в самостоятельные составы, они перестали быть разновидностью соучастия и приобрели значение самостоятельных преступлений, посягающих на общественную безопасность [7, с. 246]. Такое решение позволяет привлекать к ответственности лиц, чья деятельность создает повышенную общественную опасность, вне зависимости от наступления последствий в виде совершения основного преступления.

Таким образом, объективная сторона характеризуется многообразием форм. Часть 1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в диспозиции.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что под склонением, вербовкой или иным вовлечением следует понимать умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица в совершение одного или нескольких указанных преступлений. Это могут быть уговоры, подкуп, угроза, убеждение, просьбы, предложения, в том числе совершенные посредством размещения материалов в информационно-телекоммуникационных сетях [5].

Анализ судебной практики показывает, что способы вовлечения могут быть разнообразны. Например, 2-й Западный окружной военный суд признал виновным по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ жителя Калужской области, который склонял своего брата, военнослужащего, к вступлению в террористическую организацию. Преступление было признано оконченным с момента совершения действий по склонению, независимо от того, принял ли брат предложение [2].

Наиболее сложной для квалификации является ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за финансирование терроризма. Под финансированием понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности. Иллюстративным примером служит приговор 52-летнему жителю Сыктывкара, который, используя мобильное приложение, инициативно совершил пять денежных переводов по реквизитам, используемым лидером международной террористической организации. Суд квалифицировал его действия по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, назначив наказание в виде 9 лет лишения свободы [10].

Наибольшие сложности в правоприменительной практике вызывает разграничение содействия террористической деятельности со смежными составами и институтами уголовного права.

Как уже отмечалось, деяния, предусмотренные ст. 205.1 УК РФ, объективно являются ничем иным, как подстрекательством (ч. 1), пособничеством (ч. 1.1 и примечание 1.1) или организацией (ч. 4) совершения преступлений. В доктрине сформировалась позиция, согласно которой ст. 205.1 УК РФ является **специальной нормой** по отношению к ст. 33 УК РФ (общей норме о соучастии). Следовательно, при конкуренции общей и специальной норм применению подлежит специальная норма — ст. 205.1 УК РФ [5]. Это означает, что если действия лица полностью охватываются признаками содействия (например, вербовка в террористическую организацию), они квалифицируются только по ст. 205.1 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Критерием разграничения **со ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности)** выступает адресат и способ воздействия. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, под склонением, вербовкой или вовлечением (ст. 205.1 УК РФ) понимаются действия, направленные на **конкретное лицо (группу лиц)**. В то время как публичные призывы (ст. 205.2 УК РФ) обращены к **неопределенному кругу лиц** [5]. Если публичные призывы содержат признаки вовлечения конкретного лица, содеянное может квалифицироваться по совокупности ст. 205.1 и 205.2 УК РФ.

Также в теории уголовного права возникают сложности при разграничении с организацией террористического сообщества (ст. 205.4 УК РФ) и деятельностью террористической организации (ст. 205.5 УК РФ). Квалификация по ст. 205.1 УК РФ требует установления того факта, что действия виновного направлены на содействие конкретным преступлениям либо на финансирование. Если же лицо создает устойчивое объединение лиц для террористической деятельности или руководит им, содеянное требует квалификации по ст. 205.4 УК РФ, которая является более специальной и охватывает создание инфраструктуры терроризма. Вовлечение лица в такое сообщество является способом его организации и дополнительной квалификацией по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ не требует. Однако финансирование деятельности уже созданного сообщества подлежит квалификации по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Судебная практика Южного окружного военного суда демонстрирует распростра-

ненность квалификации по совокупности преступлений, когда, например, лицо обвиняется одновременно в участии в террористическом сообществе (ст. 205.4 УК РФ) и в содействии террористической деятельности в форме финансирования (ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) [4].

В науке уголовного права дискуссионным остается вопрос о возможности добровольного отказа от содействия террористической деятельности. Тарбагаев А.Н. и Москалев Г.Л. справедливо указывают на существующую коллизию: подстрекатели к осуществлению террористической деятельности, в отличие от пособников, утратили возможность не быть подвергнутыми уголовной ответственности при соблюдении требований ст. 31 УК РФ. Поскольку состав с формальным деянием считается оконченным в момент склонения, и последующий отказ вовлекаемого лица от совершения преступления не освобождает подстрекателя от ответственности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ст. 205.1 УК РФ является важным инструментом уголовно-правового противодействия терроризму, позволяющим перенести акцент на пресечение террористической деятельности на самых ранних этапах. Тенденция к расширению диспозиции и криминализации новых форм содействия отражает адекватную реакцию законодателя на современные вызовы.

Анализ изменений законодательства показывает существенное усиление ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступления террористической направленности. Ранее такие действия требовали квалификации по совокупности преступлений, ответственность наступала одновременно по статье 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) и по соответствующей статье террористического характера (например, ст. 205.1 УК РФ). Однако действующая редакция уголовного закона позволяет отказаться от двойной квалификации: если деяние совершено в отношении несовершеннолетнего и направлено на вовлечение его в террористическую деятельность, содеянное полностью охватывается специальной нормой — пунктом «б» части 2 статьи 205.1 УК РФ. Таким образом, закон признает такое вовлечение не просто квалифицирующим признаком общего состава, а особо тяжким преступлением террористического характера, что влечет более строгое наказание — вплоть до пожизненного лишения свободы, тогда как ранее максимальное наказание по совокупности не превышало десяти лет лишения свободы.

Правоприменительная практика выявляет проблемы конкуренции уголовно-правовых норм. Для их решения требуется совершенствование законодательства (в частности, о добровольном отказе) и обобщение судебной практики для выработки единых подходов к квалификации совокупности террористических преступлений. Разъяснения Пленума ВС РФ, несмотря на их важность, не устраняют доктринальные противоречия, что определяет необходимость дальнейших научных исследований.

Список литературы:

1. Смирнова Д.В. К вопросу о целесообразности нахождения ст. 205.1 в УК РФ // Сибирский юридический университет: электронный сборник статей. — Омск, 2022. — URL: <https://conf.siblu.ru/k-voprosu-o-cesoobraznosti-nahozhdeniya-st-2051-v-uk-rf> (дата обращения: 18.02.2026).
2. Уговаривал брата стать террористом: приговор вступил в силу // Официальный сайт Администрации Первомайского района. — 15.02.2026. — URL: <https://perv-adm.ru/press-tsentr/news/ugovarival-brata-stat-terroristom/> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 350–360.
4. Информация по уголовным делам Южного окружного военного суда // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Ростов-на-Дону. — URL: <https://yovs-ros.sudrf.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Российская газета. — 2012. — 17 февр. (разъяснения использованы в публикации прокуратуры Пермского края [5]).
6. Россиянина приговорили к девяти годам за пять переводов // Lenta.RU. — 18.02.2026. — URL: <https://tve24.ru/news/2026/02/18/rossiyanina-prigovorili-k-devyati-godam-za-pyat-perevodov/> (дата обращения: 18.02.2026).
7. Давиденко М.А. Конкуренция отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за террористический акт // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2019. — №3. — С. 89–96.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
9. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
10. Девять лет лишения свободы получил сыктывкарец за финансирование терроризма // Комиинформ. — 17.02.2026. — URL: <https://komiinform.ru/news/291901> (дата обращения: 18.02.2026).

References:

1. Smirnova D.V. On the question of the expediency of finding art. 205.1 in the Criminal Code of the Russian Federation // Siberian Law University: electronic collection of articles. — Omsk, 2022. — URL: <https://conf.siblu.ru/k-voprosu-o-cesoobraznosti-nahozhdeniya-st-2051-v-uk-rf> (date of appeal: 02/18/2026).
2. He persuaded his brother to become a terrorist: the verdict came into force // Official website of the Pervomaisky district Administration. — 02/15/2026. — URL: <https://perv-adm.ru/press-tsentr/news/ugovarival-brata-stat-terroristom/> (date of access: 02/18/2026).
3. Tarbagaev A.N., Moskaev G.L. Problems of criminal law regulation of persuasion, recruitment or other involvement in terrorist activities (part 1 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // All-Russian Journal of Criminology. — 2017. — Vol. 11, No. 2. — pp. 350–360.
4. Information on criminal cases of the Southern District Military Court // Official portal of the courts of general jurisdiction of Rostov-on-Don. — URL: <https://yovs-ros.sudrf.ru> (date of request: 02/18/2026).
5. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/09/2012 No. 1 (as amended on 11/03/2016) // Rossiyskaya Gazeta. — 2012. — February 17. (explanations are used in the publication of the Prosecutor's office of the Perm Region [5]).
6. A Russian was sentenced to nine years for five transfers // Lenta.RU. — 02/18/2026. — URL: <https://tve24.ru/news/2026/02/18/rossiyanina-prigovorili-k-devyati-godam-za-pyat-perevodov/> (date of access: 02/18/2026).
7. Davidenko M.A. Competition of individual criminal law norms on responsibility for a terrorist act // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. — 2019. — No. 3. — pp. 89–96.
8. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.
9. On Countering Terrorism: Federal Law No. 35-FZ of 06.03.2006 (as amended dated February 28, 2025) // Assembly of the Legislature of the Russian Federation. — 2006. — No. 11. — Art. 1146.
10. Syktyvkar resident received nine years in prison for financing terrorism // Cominform. — 02/17/2026. — URL: <https://komiinform.ru/news/291901> (date of request: 02/18/2026).

РЕАЛИЗАЦИЯ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ДИСТАНЦИОННЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧУЖИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ IMPLEMENTATION OF THE PROTECTIVE FUNCTION CRIMINAL LAW FOR CRIMES RELATED TO REMOTE PROCESSING OF CONSUMER LOANS USING PERSONAL DATA OF OTHERS

КАЗАК Бронислав Брониславович,

доктор юридических наук, профессор;
профессор кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета; Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: kafaopd@rambler.ru;

ГУРОВ Родион Александрович,

Соискатель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса;
Псковский государственный университет.
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
E-mail: gurovxx@yandex.ru

KAZAK Bronislav Bronislavovich,

Doctor of Law, Professor;
Professor of the Department of Organization of Regime and Supervision at the Penal System of the Faculty of Law;
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russia
E-mail: kafaopd@rambler.ru;

GUROV Rodion Alexandrovich,

Applicant for the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Process; Pskov State University.
2 Lenin Square, Pskov, Russia, 180000
E-mail: gurovxx@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации охранительной функции уголовного закона при совершении преступлений, связанных с дистанционным оформлением потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных. Авторы анализируют правоприменительную практику и выявляют диспропорцию между гражданско-правовой и уголовно-правовой защитой граждан, пострадавших от таких деяний. Обосновывается необходимость расширительного понимания охранительной функции уголовного закона, предлагается механизм ранней проверки сообщений о преступлениях данной категории, позволяющий признавать гражданина потерпевшим уже на этапе установления отсутствия его волеизъявления. Сделан вывод о возможности восстановления нарушенных прав личности в рамках уголовного судопроизводства без внесения изменений в действующее законодательство.

Abstract. The article considers the problems of implementing the protective function of the criminal law when committing crimes related to the remote registration of consumer loans using other people's personal data. The authors analyze law enforcement practice and identify the imbalance between civil and criminal protection of citizens affected by such acts. The need for a broad understanding of the protective function of the criminal law is justified, a mechanism for early verification of reports of crimes of this category is proposed, which makes it possible to recognize a citizen as a victim already at the stage of establishing the absence of his will. It was concluded that it is possible to restore violated individual rights in the framework of criminal proceedings without amending the current legislation.

Ключевые слова: охранительная функция уголовного закона, персональные данные, дистанционное кредитование, мошенничество, потерпевший, цифровизация, уголовно-правовая защита, кредитные обязательства, судебная практика, механизм проверки сообщений о преступлении.

Keywords: protective function of the criminal law, personal data, remote lending, fraud, victim, digitalization, criminal law protection, credit obligations, judicial practice, mechanism for checking reports of a crime.

Для цитирования: Казак Б.Б., Гуров Р.А. Реализация охранительной функции уголовного закона при преступлениях, связанных с дистанционным оформлением потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 402-404. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_402.

For citation: Kazak B.B., Gurov R.A. Implementation of the protective function of the criminal law in crimes related to remote registration of consumer loans using other people's personal data // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 402-404. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_402.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Развитие дистанционных форм потребительского кредитования, основанных на использовании цифровых технологий идентификации и автоматизированных систем принятия решений, обусловило не только трансформацию механизмов заключения кредитных договоров, но и качественное изменение характера общественно опасных деяний в сфере кредитных правоотношений. Использование чужих персональных данных при оформлении кредитов без волеизъявления гражданина привело к формированию устойчивых моделей преступного поведения, при которых негативные последствия преступления выходят за пределы имущественного ущерба кредитной организации и затрагивают правовое положение личности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в сложившейся правоприменительной практике уголовно-правовая реакция на такие преступления сосредоточена преимущественно на защите имущественных интересов кредитных организаций, тогда как гражданин, от имени которого сформированы фиктивные кредитные обязательства, зачастую остается за пределами полноценной уголовно-правовой защиты. При этом длительные негативные последствия для личности устраняются, как правило, в рамках гражданского судопроизводства, что свидетельству-

ет о наличии разрыва между уголовно-правовой оценкой деяния и фактической реализацией охранительной функции уголовного закона.

Методологическую основу статьи составляют формально-юридический, системный и функциональный методы, а также анализ судебной практики судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации. В качестве теоретической базы используются выводы современной уголовно-правовой доктрины, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Целью статьи является обоснование необходимости расширенного понимания охранительной функции уголовного закона применительно к преступлениям, связанным с дистанционным оформлением кредитов от имени третьих лиц, а также формирование уголовно-правового механизма нейтрализации негативных последствий таких преступлений для личности.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые отношения, складывающиеся в связи с незаконным формированием кредитных обязательств с использованием персональных данных гражданина без его волеизъявления.

В уголовно-правовой доктрине охранительная функция уголовного закона традиционно рассматривается как основное направление его воздействия, выражающееся в защите наиболее значимых общественных отношений от преступных посягательств [1]. В соответствии с классическим подходом задачей уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности (ст. 2 УК РФ).

Из этого следует, что охранительная функция уголовного закона не может быть сведена исключительно к защите имущественных интересов либо к формальному назначению наказания. Она предполагает охрану всего комплекса общественных отношений, на которые направлено преступное посягательство, а также предотвращение и нейтрализацию тех негативных последствий, которые продолжают оказывать влияние на правовое положение потерпевшего.

В условиях цифровизации финансовых отношений данные положения приобретают особое значение. Преступления, совершаемые при дистанционном оформлении кредитов с использованием чужих персональных данных, формально квалифицируются как посягательства на собственность, однако их фактические последствия выходят за рамки имущественного вреда и затрагивают правовой статус личности [2].

Анализ судебной практики показывает, что при расследовании и рассмотрении уголовных дел о дистанционном оформлении кредитов потерпевшей стороной, как правило, признаётся кредитная организация, понёсшая имущественный ущерб. Действия виновных лиц квалифицируются по нормам о хищении либо мошенничестве, в то время как гражданин, от имени которого сформированы кредитные обязательства, либо не признаётся потерпевшим, либо его процессуальный статус носит вторичный характер.

В то же время в гражданской судебной практике именно отсутствие волеизъявления гражданина и незаконное использование его персональных данных признаются ключевыми юридически значимыми обстоятельствами. Так, в определении Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 27 мая 2024 г. по делу № 2-2076/2024 указано, что оформление кредита без воли истца исключает возникновение обязательства. Аналогичный подход отражён в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2025 г. № 88-8172/2025.

Таким образом, защита прав личности, ущерб которой был нанесен преступлением, фактически реализуется за пределами уголовного судопроизводства, что свидетельствует о функциональной неполноте реализации охранительной функции уголовного закона.

Использование персональных данных при дистанционном оформлении кредитов не сводится к техническому способу завладения денежными средствами. Судебная практика подтверждает, что именно доступ к цифровой идентичности гражданина позволяет сформировать фиктивные кредитные обязательства от его имени (кассационные определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 ноября 2023 г. № 77-4689/2023; от 21 сентября 2023 г. № 77-3921/2023).

В результате гражданин оказывается в положении субъекта обязательств, которых он не принимал, что влечёт длительные правовые и социальные последствия, сохраняющиеся и после завершения уголовного дела [3]. С точки зрения уголовного закона такие последствия затрагивают охраняемое уголовным законом правовое положение личности.

Реализация охранительной функции уголовного закона в условиях дистанционного кредитования предполагает формирование уголовно-правового механизма, позволяющего нейтрализовать негативные последствия преступления для личности уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

Сопоставление массивов судебной практики позволяет выявить устойчивую диспропорцию между количеством гражданских дел о признании кредитных договоров незаключёнными и крайне ограниченным числом уголовных дел, доведённых до стадии вынесения приговора по преступлениям, связанным с дистанционным оформлением кредитов от имени третьих лиц. Данная диспропорция носит системный характер и не может быть объяснена отсутствием признаков преступления.

Как показывает анализ, основными причинами сложившейся ситуации являются отсутствие формализованного механизма оперативной проверки сообщений о преступлениях данной категории, недостаточное понимание сотрудниками правоохранительных органов цифровых процедур оформления кредита, а также невозможность для гражданина получить защиту в рамках уголовного дела на ранней стадии. В результате сообщения о преступлениях нередко не переходят в стадию возбуждения уголовного дела.

Сложившаяся практика формирует у граждан устойчивое представление о неэффективности уголовно-правовых средств защиты и объективно снижает их мотивацию к обращению в правоохранительные органы. Таким образом, диспропорция между гражданской и уголовной судебной практикой является индикатором дефекта охранительной функции уголовного закона.

Автором статьи предлагается рассмотреть следующий механизм нейтрализации или сведения к минимуму негативных последствий для гражданина, обратившегося с сообщением о совершении в отношении него преступления, связанного с оформлением на его имя кредита

третьими лицами без его волеизъявления:

После поступления сообщения сотрудник полиции при помощи системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в порядке статей 144–145 УПК РФ осуществляет запросы в кредитную организацию о наличии оформленных кредитных обязательств, движении денежных средств и персональных данных, использованных при заключении договора. Поскольку договор потребительского займа носит «реальный» характер и считается заключённым с момента передачи денежных средств заемщику (ст. 807 Гражданского Кодекса Российской Федерации), установление факта их перечисления на счёт, не принадлежащий гражданину, имеет ключевое значение. После получения информации о банковской карте, на которую было осуществлено зачисление денежных средств, сотрудник полиции делает запрос в Банк о принадлежности банковской карты, чтобы сразу установить, кому были перечислены денежные средства.

Одновременно направляются запросы оператору связи о принадлежности телефонного номера, использованного для подтверждения юридически значимых действий. В условиях дистанционного кредитования СМС-код выступает функциональным аналогом подписи, и установление ее непричастности к гражданину позволяет объективно оценить отсутствие волеизъявления.

Особое значение имеет обращение к сведениям бюро кредитных историй. В Российской Федерации кредитная история гражданина может формироваться и храниться в нескольких бюро кредитных историй, что требует получения информации из всех соответствующих источников. Анализ этих сведений позволяет выявить объём фиктивных обязательств и системность вреда, причинённого правовому положению личности.

При подтверждении указанных обстоятельств гражданин признаётся потерпевшим, кредитной организации направляется уведомление о преступном характере кредитного обязательства, а материалы проверки приобретают доказательственное значение. В дальнейшем либо применяется внутренний регламент кредитной организации, позволяющий признавать подобные обязательства незаключенными, либо гражданин получает возможность в упрощённом порядке защитить свои права в суде.

Предложенный уголовно-правовой механизм нейтрализации последствий дистанционного кредитного преступления демонстрирует, что охранительная функция уголовного закона может и должна реализовываться не только через последующее назначение наказания виновному, но и через раннее восстановление нарушенного правового положения личности.

Признание гражданина потерпевшим уже на этапе установления факта отсутствия его волеизъявления и незаконного использования персональных данных принципиально меняет логику уголовно-правовой реакции. В этом случае уголовное судопроизводство перестаёт быть инструментом защиты исключительно имущественных интересов кредитной организации и начинает выполнять свою базовую охранительную функцию – защиту прав и свобод человека и гражданина. Особое значение имеет то, что реализация данного механизма не требует изменения уголовного или уголовно-процессуального законодательства.

Также, реализация предложенного механизма первичной проверки сообщений о преступлениях, связанных с дистанционным оформлением потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных, способна качественно повысить эффективность уголовно-правового реагирования в данной сфере. Получение сотрудником полиции на начальном этапе сведений о принадлежности абонентского номера, использованного для подтверждения заключения договора, а также о лице, на счёт которого перечислены кредитные денежные средства, позволяет объективно установить отсутствие волеизъявления гражданина и наличие признаков преступления. Это существенно снижает неопределённость при принятии процессуальных решений, способствует увеличению числа уголовных дел, доводимых до стадии возбуждения и последующего расследования, и создаёт предпосылки для реального привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Таким образом, уголовно-правовой механизм нейтрализации последствий дистанционного кредитного преступления позволяет восстановить баланс между уголовной и гражданско-правовой защитой, обеспечить признание гражданина полноценным потерпевшим и предотвратить ситуацию, при которой устранение последствий преступления полностью перекладывается на самого пострадавшего. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость расширительного понимания охранительной функции уголовного закона в условиях цифровизации кредитных отношений.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Комиссаров В.С., - 2-е изд. - Москва :Статут, 2014. - 879 с/
2. Архипов, Андрей Валерьевич. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства / Андрей Архипов. - (Уголовное право). - Текст : непосредственный // Уголовное право. - 2018. - № 3. - С. 4-9.
3. Емелина, Л. А. Самозапрет на выдачу кредита как правовой инструмент противодействия мошенничеству / Л. А. Емелина, А. Е. Ермолаев // Банковское право. – 2025. – № 2. – С. 26-34.

References

1. Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook/Ed. Komissarov V.S., - 2nd ed. - Moscow: Statute, 2014. - 879 s/
2. Arkhipov, Andrey Valerievich. Responsibility for the theft of non-cash and electronic funds: novels of legislation/Andrey Arkhipov. - (Criminal law). - Text: direct//Criminal law. - 2018. - № 3. - S. 4-9.
3. Emelina, L. A. Samozret for the issuance of a loan as a legal instrument to combat fraud/L. A. Emelina, A. E. Ermolaev//Banking law. – 2025. – № 2. - S. 26-34.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE AS THE FUNDAMENTAL BASIS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATIONS USED IN LEGAL PROCEEDINGS AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

САГИДУЛЛИН Рафаэль Хамитович

к.м.н., доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Заки Валиди, 32.
sagidullin12@bk.ru

SAGIDULLIN R.KH.

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics Ufa University of Science and Technology.
32 Zaki Validi Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia.
sagidullin12@bk.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются специальные медицинские знания как фундаментальная основа судебно-медицинских исследований, которые используются в судопроизводстве и их место в системе научных знаний.

Abstract: the article examines special medical knowledge as the fundamental basis of forensic medical research, which is used in legal proceedings and their place in the system of scientific knowledge.

Ключевые слова: медицинские знания, судебно-медицинские исследования, судопроизводство, научные знания.

Keywords: medical knowledge, forensic medical research, legal proceedings, scientific knowledge.

Для цитирования: Сагидуллин Р.Х. Специальные медицинские знания как фундаментальная основа судебно-медицинских исследований, используемых в судопроизводстве и их место в системе научных знаний // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 405-407. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_405.

For citation: Sagidullin R.H. Special medical knowledge as the fundamental basis of forensic medical research used in legal proceedings and their place in the system of scientific knowledge // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 405-407. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_405.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

ВВЕДЕНИЕ

В судах всех видов (уголовных, гражданских, арбитражных, административных) доказательства, основанные на науке, становятся всё важнее. Медицина как фундаментальная наука даёт следователям и судьям инструменты, чтобы эти факты добывать и проверять. Например, точно установить причину смерти или характер повреждений. Именно судмедэксперты выступают носителями специальных медицинских знаний и превращают их в доказательства.

Специальные медицинские знания - это теория и практика, которые врач получает за годы учёбы и работы. Данные знания выступают необходимым условием для разрешения вопросов, возникающих в ходе различных видов судопроизводства, и составляют основу судебно-медицинских исследований. Согласно литературным данным, судебная медицина и патология реализуют комплексные экспертные задачи при освидетельствовании умерших и живых лиц, пострадавших в результате предполагаемых противоправных действий, а также при обследовании лиц, подозреваемых в их совершении [1].

Судебная медицина - это не просто узкая специальность. Она встроена в общую систему здравоохранения. Но её главная особенность в другом: она работает на основе - медицины, полиции и суда. Когда без медицинских знаний не обойтись, именно судмедэксперты становятся переводчиками с языка врачей на язык юристов [2]. Данная деятельность характеризуется высокой степенью сложности и ответственности, включая международный уровень, поскольку обеспечивает формирование научно обоснованной доказательственной базы для правовой квалификации деяний и оценки размера ущерба, подлежащего компенсации потерпевшим [2].

Судебно-медицинский эксперт определяется как лицо, обладающее специальными медицинскими знаниями (врач), занимающее штатную должность в учреждениях судебно-медицинской экспертизы и прошедшее профильную подготовку. Взаимодействие судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов с научным сообществом и правоохранительными органами реализуется через представление независимых заключений в уголовные, гражданские и коронерские суды [1]. Чтобы заключения экспертов были достоверными, и их можно было проверить и чтобы в итоге суд выносил справедливые решения, нужны чёткие и проверенные стандарты. И для отчётов, и для самих исследований [1].

Применение специальных медицинских знаний охватывает широкий спектр задач. При расследовании дорожно-транспортных происшествий деятельность судебно-медицинского эксперта включает оценку тяжести телесных повреждений и физических травм потерпевшего, реконструкцию механизмов травматических повреждений и, в отдельных случаях, динамики происшествий [2]. К доказательствам судебно-медицинского характера, имеющим значение для уголовного процесса, относятся: определение концентрации алкоголя в крови и наличия наркотических или психоактивных веществ, ретроспективный пересчет уровня алкоголемии, установление состояния опьянения и его влияния на способность к управлению транспортным средством, а также судебно-медицинская экспертиза самой способности к вождению [2].

В мире науки специальные медицинские знания соединяют фундаментальную и клиническую медицину (то есть всю медицинскую науку) с тем, что происходит в суде. Благодаря им доказательства становятся объективными, а права людей, участвующих в процессе, лучше защищены.

Целью настоящего обзора является, чтобы правосудие становилось качественнее, необходимо постоянно улучшать методы судебно-медицинских исследований и вводить единые стандарты оценки медицинских доказательств.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В этом исследовании мы представлен разбор с терминологией. Выяснили, какие понятия используют в теории и на практике, когда говорят о специальных знаниях. И, собрав всё воедино, сформулировали своё определение - полное и развёрнутое.

Специальные медицинские знания определяются как система теоретических положений и практических компетенций в области медицины. Формирование данной системы базируется на специализированном медицинском образовании, которое, согласно литературным данным, должно обеспечивать углубленное освоение биомедицинских дисциплин и понимание патофизиологических механизмов заболеваний - характеристик, выступающих отличительными признаками врачебной квалификации в сравнении с иными категориями медицинского персонала [3]. Профессиональная подготовка и последующий практический опыт составляют фундаментальную основу специальных знаний.

Содержание медицинских знаний представлена в двух формах. Первая форма представлена тем, что написано в учебниках, научных статьях и законах. Всё, что регламентирует и как вообще должна работать медицина. Во второй форме описывается как эти знания применяются на практике. А именно: в рамках процесса (когда экспертиза назначается судом); и вне процесса (когда эксперт просто консультирует, даёт справки, но официальной экспертизы не проводит). Сейчас всё активнее развиваются технологии, которые позволяют эти знания формализовать — то есть включить в компьютерные базы, связать между собой разные понятия (болезни, симптомы, гены), чтобы информация была удобной и понятной. Это так называемые биомедицинские онтологии и графы знаний [4,5,6]. Они помогают разным источникам данных работать друг с другом. Модели типа Biolink формализуют отношения между биомедицинскими сущностями (ген, заболевание, анатомическая структура, фенотип), создавая основу для объединения данных и логического вывода [5]. Сравнительный анализ охвата заболеваний между онтологиями Disease Ontology (DO) и SNOMED CT демонстрирует, что 4478 из 6931 концептов DO (65%) имеют соответствия в SNOMED CT; наибольшее число несоответствий приходится на онкологические заболевания, а это значит, что эксперту нужно быть особенно внимательным и перепроверять данные по онкологии. [7].

Специальные медицинские знания представляют собой динамическую структуру, благодаря которой можно формализовать - то есть превратить в компьютерные модели, так называемые гибридные сети знаний. [4, 8]. В таких сетях соединяется всё: и чёткие базы данных (онтологии), и просто тексты, статьи, заметки. Компьютер ищет связи между разными понятиями - например, между симптомами, болезнями, генами и тем, как всё это работает на молекулярном уровне. В итоге получаются графы знаний, которые помогают и диагнозы ставить, и исследования проводить. [9, 10].

С помощью машинного обучения учёные проанализировали много данных - и клинических, и молекулярных - и смогли с высокой точностью (92,5%) определять симптомы и гены, связанные с разными типами атеросклеротических бляшек [9]. Это важно не только для обычной медицины, но и для судебной. Ведь судмедэкспертам часто приходится сопоставлять данные из разных областей: патологии, токсикологии, генетики. А это сложно, потому что данные различные и нет единых стандартов. Чтобы решить эту проблему, используют специальные методы - согласование онтологий (ontology matching) (то есть пытаются соединить разные базы знаний) [11, 12]. Метод FCA-Map, основанный на формальном концептуальном анализе (Formal Concept Analysis - FCA), демонстрирует эффективность при выявлении соответствий между большими медицинскими базами, обеспечивая баланс между полнотой и точностью [11].

Сейчас в медицине всё идёт к тому, чтобы упорядочивать знания и делать их более объективными. Графы знаний (умные базы данных) - новая тенденция. И это отлично совпадает с тем, что нужно суду. Ведь для правосудия главное - чтобы информация была достоверной (то есть точной) и проверяемой (чтобы можно было перепроверить). Согласно данным анализа: чтобы грамотно использовать медицинские доказательства в суде, мало быть классным врачом. Нужны ещё и чёткие научные критерии, по которым эти доказательства можно оценить. Анализ прецедента *Lang v The Queen* в Австралии свидетельствует о том, что даже в развитых странах с этим проблемы. Судьи и юристы просто не имеют инструментов, чтобы грамотно оценить медицинскую экспертизу с научной точки зрения. Критерии вроде есть, но на практике они работают недостаточно для научно обоснованной оценки биомедицинских экспертных заключений [13]. Поэтому необходимо совершенствовать методы судебно-медицинских исследований и вводить единые стандарты оформления результатов, чтобы и экспертам было понятно, как писать, и судьям - как читать.

Данное определение отражает многогранную структуру специальных медицинских знаний, которые представляют собой не только продукт профессионального образования и практической деятельности, но и систему, которая живёт в законах и научных статьях, которую можно оцифровать и предоставить в компьютер, а потом использовать в суде с помощью современных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование помогло уточнить порядок в терминах и определить, где в науке и суде проходят границы специальных медицинских знаний.

Специальные медицинские знания - это совокупность теории и практики, который врач получает за годы учёбы и работы. Основа этих знаний - фундаментальные биомедицинские дисциплины (нормальная анатомия, физиология и прочее) и глубокое понимание того, как развива-

ются болезни (патофизиология). Без этого ни один специалист не сможет грамотно применять медицину ни в больнице, ни в суде.

Сейчас медицинские знания хранят и систематизируют с помощью специальных компьютерных систем - онтологий и графов знаний. Это такие базы, где всё грамотно представлено и связано между собой: болезни, симптомы, гены, лекарства.

В сравнительном анализе, где были представлены две базы - DO (онтологию болезней) и SNOMED CT (международную медицинскую терминологию) оказалось, что они совпадают на 65% (то есть из почти 7 тысяч понятий общими были около 4,5 тысяч). Это неплохо, но для экспертизы такие расхождения нужно перепроверять.

Применение машинного обучения показало высокую точность (92,5%) в распознавании симптомов и их связи с генами. То есть компьютер вполне способен помогать экспертам в анализе.

Главное, что требуется от экспертного заключения, чтобы оно было достоверным (то есть правдивым) и проверяемым (чтобы другой специалист мог перепроверить результаты). Но на практике с этим проблемы: нет чётких научно обоснованных критериев, как оценивать биомедицинские доказательства. Поэтому появилась необходимость вводить единые стандарты для судебно-медицинских исследований.

Список литературы

1. Cusack, D. A. The European Council of Legal and Forensic Medicine: its role and work in progressing harmonised standards and recommendations in Forensic and Legal Medicine investigation procedures, training and teaching through pursuit of internationally agreed and peer-reviewed published guidelines. D. A. Cusack International Journal of Legal Medicine. 2025. Vol. 139, № 4. P. 1781-1785.
2. Stan, C. A. The contribution of medico-legal expertise to the investigation of road accidents C. A. Stan, G. Decu Romanian Journal of Legal Medicine. 2022. Vol. 30, № 3. P. 154-157.
3. Buja, L. M. Medical education today: all that glitters is not gold. L. M. Buja BMC Medical Education. 2019. Vol. 19, № 1. P. 110.
4. A method for exploring implicit concept relatedness in biomedical knowledge network T. Bai, L. Gong, Y. Wang [et al.] BMC Bioinformatics. 2016. Vol. 17, Suppl. 9. P. 265.
5. Biolink Model: A universal schema for knowledge graphs in clinical, biomedical, and translational science D. R. Unni, S. A. Moxon, M. Bada [et al.] Clinical and Translational Science. 2022. Vol. 15, № 8. P. 1848-1855.
6. Shah, T. A guiding framework for ontology reuse in the biomedical domain T. Shah, F. Rabhi, P. Ray, K. Taylor 2014 47th Hawaii International Conference on System Sciences : proceedings. IEEE, 2014. P. 2878-2887.
7. Raje, S. Interoperability of disease concepts in clinical and research ontologies: contrasting coverage and structure in the Disease Ontology and SNOMED CT S. Raje, O. Bodenreider Studies in Health Technology and Informatics. 2017. Vol. 245. P. 925.
8. Ebeid, I. A. Biomedical Multi-source Data Integration using Knowledge Graphs and Entity Resolution: Understanding author expertise in Cancer Epigenetics research I. A. Ebeid. 2025.
9. The biomedical knowledge graph of symptom phenotype in coronary artery plaque: machine learning-based analysis of real-world clinical data J. M. Huan, X. J. Wang, Y. Li [et al.] BioData Mining. 2024. Vol. 17, № 1. P. 13.
10. Diseaseomics: Actionable machine interpretable disease knowledge at the point-of-care A. K. Talukder, L. Schriml, A. Ghosh [et al.] PLOS Digital Health. 2022. Vol. 1, № 10. Article e0000128.
11. Zhao, M. Matching biomedical ontologies based on formal concept analysis M. Zhao, S. Zhang, W. Li, G. Chen. Journal of Biomedical Semantics. 2018. Vol. 9, № 1. P. 11.
12. Kurbatova, N. Disease ontologies for knowledge graphs N. Kurbatova, R. Swiers. BMC Bioinformatics. 2021. Vol. 22, № 1. P. 377.
13. Edmond, G. Expert medical opinion evidence in Australian courts G. Edmond, S. Cordner. Australian Journal of Forensic Sciences. 2026. Vol. 58, № 1. P. 79-90. DOI 10.1080/00450618.2025.2491373.

References

1. Cusack, D. A. The European Council of Legal and Forensic Medicine: its role and work in progressing harmonised standards and recommendations in Forensic and Legal Medicine investigation procedures, training and teaching through pursuit of internationally agreed and peer-reviewed published guidelines. D. A. Cusack International Journal of Legal Medicine. 2025. Vol. 139, № 4. P. 1781-1785.
2. Stan, C. A. The contribution of medico-legal expertise to the investigation of road accidents C. A. Stan, G. Decu Romanian Journal of Legal Medicine. 2022. Vol. 30, № 3. P. 154-157.
3. Buja, L. M. Medical education today: all that glitters is not gold. L. M. Buja BMC Medical Education. 2019. Vol. 19, № 1. P. 110.
4. A method for exploring implicit concept relatedness in biomedical knowledge network T. Bai, L. Gong, Y. Wang [et al.] BMC Bioinformatics. 2016. Vol. 17, Suppl. 9. P. 265.
5. Biolink Model: A universal schema for knowledge graphs in clinical, biomedical, and translational science D. R. Unni, S. A. Moxon, M. Bada [et al.] Clinical and Translational Science. 2022. Vol. 15, № 8. P. 1848-1855.
6. Shah, T. A guiding framework for ontology reuse in the biomedical domain T. Shah, F. Rabhi, P. Ray, K. Taylor 2014 47th Hawaii International Conference on System Sciences : proceedings. IEEE, 2014. P. 2878-2887.
7. Raje, S. Interoperability of disease concepts in clinical and research ontologies: contrasting coverage and structure in the Disease Ontology and SNOMED CT S. Raje, O. Bodenreider Studies in Health Technology and Informatics. 2017. Vol. 245. P. 925.
8. Ebeid, I. A. Biomedical Multi-source Data Integration using Knowledge Graphs and Entity Resolution: Understanding author expertise in Cancer Epigenetics research I. A. Ebeid. 2025.
9. The biomedical knowledge graph of symptom phenotype in coronary artery plaque: machine learning-based analysis of real-world clinical data J. M. Huan, X. J. Wang, Y. Li [et al.] BioData Mining. 2024. Vol. 17, № 1. P. 13.
10. Diseaseomics: Actionable machine interpretable disease knowledge at the point-of-care A. K. Talukder, L. Schriml, A. Ghosh [et al.] PLOS Digital Health. 2022. Vol. 1, № 10. Article e0000128.
11. Zhao, M. Matching biomedical ontologies based on formal concept analysis M. Zhao, S. Zhang, W. Li, G. Chen. Journal of Biomedical Semantics. 2018. Vol. 9, № 1. P. 11.
12. Kurbatova, N. Disease ontologies for knowledge graphs N. Kurbatova, R. Swiers. BMC Bioinformatics. 2021. Vol. 22, № 1. P. 377.
13. Edmond, G. Expert medical opinion evidence in Australian courts G. Edmond, S. Cordner. Australian Journal of Forensic Sciences. 2026. Vol. 58, № 1. P. 79-90. DOI 10.1080/00450618.2025.2491373.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_408

УДК 343.825

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К НАКАЗАНИЯМ НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

FEATURES OF THE CONTENT OF EDUCATIONAL WORK WITH CONDEMNED PERSONS TO PUNISHMENTS NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

АСАДОВ Ватан Вагифович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России. 180014, Россия, г. Псков, Зональное шоссе, 28.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета ВЮИ ФСИН России. 600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., 67Е.

E-mail: vka05615@uyandex.ru

ASADOV Vatan Vagifovich,

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and the Organization of Punishment Execution that Does Not Involve Isolation of Convicts from Society at the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia.

180014, Russia, Pskov, Zonalnoe shosse, 28.

E-mail: sherhov007@mail.ru;

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.

600020, Russia, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya st., 67E.

E-mail: vka05615@uyandex.ru

Краткая аннотация: в статье авторами анализируется понятие, правовое содержание и правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией осужденного от общества, где делается акцент на большем количестве правовых и организационных пробелов как в части организации рассматриваемого процесса, так и в части его практической реализации.

Abstract: In this article, the authors analyze the concept, legal content, and legal regulation of educational work with convicts who have been sentenced to punishments that do not involve isolation from society. The article emphasizes the existence of numerous legal and organizational gaps in both the organization of this process and its practical implementation.

Ключевые слова: воспитательная работа; осужденные; УИИ; исправление; правовое регулирование; проблемы.

Keywords: educational work; convicts; correctional services; legal regulation; problems.

Для цитирования: Асатов В.В., Гусев А.С. Особенности содержания воспитательной работы с осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией от общества // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 408-411. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_408.

For citation: Asadov V.V., Gusev A.S. The specifics of the content of educational work with those sentenced to punishments not related to isolation from society // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 408-411. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_408.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2026

В соответствии с положениями статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) [1] определено, что в период отбывания любого уголовного наказания, для исправления осужденных, применяются различные средства исправления, среди которых вторым определена воспитательная работа.

В соответствии с положениями статьи 109 УИК РФ законодательно закреплена суть воспитательной работы проводимой с осужденными к лишению свободы, предусматривающая, что в период отбывания наказания на территории исправительного учреждения будут проводиться мероприятия, направленные «на исправление осужденных, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня».

Главным отличием организации воспитательной работы в УИИ ФСИН России и исправительных учреждениях ФСИН России заключается в том, что в соответствии с положениями части 3 статьи 109 УИК РФ предусмотрено что распорядок для исправительных колоний предусматривает время на проведение воспитательных мероприятий и закрепляет обязанность осужденных участвовать в них.

В соответствии с положениями уголовно-исполнительного законодательства России у осужденных к наказаниям без изоляции отсутствует единый распорядок дня и, соответственно, не закреплена обязанность участвовать в воспитательных мероприятиях, проводимых в УИИ ФСИН России.

Тем не менее, сформулированные в части 1 статьи 109 УИК РФ цели и задачи воспитательной работы, в той или иной мере, актуальны и для наказаний не связанных с изоляцией от общества, к примеру:

– Цель «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу» – осужденные стоящие на учете в УИИ ФСИН России не изолируются от общества, то есть они постоянно находятся в нем. Более того, исходя из особенностей и условий отбывания наказания – большую часть времени осужденные не находятся под контролем со стороны УИИ ФСИН России и соответственно доля воспитательного участия

сотрудников инспекций минимальна;

– Цель «повышение их образовательного и культурного уровня» осужденных не достижима сотрудниками УИИ ФСИН России априори, так как осужденные к наказаниям не связанным с изоляцией от общества не обязаны получать образование, равно как отсутствует обязанность сотрудников УИИ ФСИН России отчитываться о количестве осужденных снятых с учета без полученного образования (в отличие от исправительных учреждений).

Иными словами определение воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества можно сформулировать как комплекс воспитательных мероприятий, подбираемый индивидуально для каждого осужденного, ориентированный на исправление осужденных, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на поддержание и повышение их образовательного и культурного уровня.

Затрагивая вопросы правового регулирования организации воспитательной работы с осужденными состоящими на учете в УИИ ФСИН России прежде всего следует указать, что инспекции – это единственное исполняющее наказание учреждение ФСИН России, в штатном расписании которого изначально не предусматривался воспитательный отдел, то есть вопросы организации и проведения воспитательной работы с осужденными ни в момент образования УИИ ФСИН России в 1997 году, ни по состоянию на 2026 год не ставился как приоритетная задача.

В подтверждении сказанного следует рассмотреть положения приказа Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» в соответствии с которым раскрываются особенности организации воспитательной работы с осужденными отбывающими уголовные наказания в учреждениях ФСИН России за исключением УИИ ФСИН России.

Здесь следует оговориться и указать, что в данном документе регламентирован порядок проведения воспитательной работы УИИ ФСИН России в отношении лиц, которые написали заявление на оказание им помощи в рамках мероприятий пробации.

Возвращаясь к положениям УИК РФ укажем, что в соответствии с указанным документом предусмотрено, что воспитательная работа сотрудниками УИИ ФСИН России проводится только с осужденными к таким наказаниям как:

- лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (статья 33 УИК РФ);
- исправительные работы (статья 39 УИК РФ);
- ограничение свободы (статья 47.1. УИК РФ).

Обязанность УИИ ФСИН России осуществлять проведение воспитательной работы с осужденными к обязательным работам в положениях УИК РФ не предусмотрены.

В соответствии с ведомственными приказами, в которые более подробно регламентируют особенности исполнения уголовных наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества вопросы организации и проведения воспитательной работы сотрудниками УИИ ФСИН России также практически не затрагиваются:

– приказ Минюста России от 19 января 2026 г. № 6 предусматривает, что УИИ ФСИН России организуется проведение с осужденными лишенными права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; к исправительным работам; воспитательной работы в форме индивидуальных бесед, направленных на профилактику правонарушений. Беседы проводятся инспекцией не реже одного раз в 3 месяца.

– приказ Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258 также определяет обязанность УИИ ФСИН России проводить воспитательную работу с осужденными к ограничению свободы.

Переходя к рассмотрению содержания воспитательной работы с осужденным повторимся, сделав акцент на том, что вопросы организации и проведения воспитательной работы с осужденными к наказаниям не связанным с изоляцией от общества в уголовно-исполнительном законодательстве проработаны достаточно формально и не позволяют утверждать о существовании данного института правоотношений. В то же время, при детальном анализе особенностей взаимодействия УИИ ФСИН России и осужденных к наказаниям без изоляции от общества, можно выделить отдельные элементы воспитательного воздействия, которые относятся к воспитательной работе, а именно:

- проведение с осужденными индивидуальных бесед;
- проведение работы с лицами, которые взаимодействуют с осужденными в период отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества;
- применение к осужденным мер поощрения и мер взыскания в том объеме, в котором они закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве;
- воспитательная работа направленная на предупреждение противоправных действий со стороны осужденных;
- воспитательная работа, реализуемая в рамках института пробации;
- прочие аспекты [1].

В качестве первого общего воспитательного мероприятия, которое проводится с осужденными, к наказаниям без изоляции от общества выступает разъяснение осужденному порядка и условий отбывания наказания, а также прав и обязанностей осужденного к наказаниям не связанным с изоляцией от общества.

Здесь хотелось бы обратить внимание на содержание пункта 16 приказа Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258 в сравнении с пунктом 12 Приложение № 1, пунктом 13 Приложения № 2, пунктом 12 Приложение № 3 приказа Минюста от 19.01.2026 № 6, которые существенно

уступают по содержательности беседы, с беседой проводимой в отношении осужденных к ограничению свободы.

Возможно целесообразно расширить фразу, которая предусмотрена в приказе Минюста от 19.01.2026 № 6: «выясняются сведения, имеющие значение для исполнения приговора (постановления, определения) суда» более расширенным ее вариантом по аналогии с положениями пункта 16 приказа Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258.

Кроме того, целесообразно на всех этапах отбывания наказания, в том числе при проведении первичной ознакомительной беседы задавать вопросы осужденному в части:

- его отношения к уголовному наказанию, которое ему назначено;
- его отношения к противоправному деянию, которое он совершил.

Как уже было указано ранее, с осужденными к уголовным наказаниям не связанным с изоляцией от общества (кроме обязательных работ) каждые три месяца должна проводиться индивидуальная беседа воспитательного характера.

Примечательно, но в настоящее время законодательно не закреплена ни тематика указанных бесед, ни ее продолжительность [4].

Кроме того, законодательно не закреплены категории должностных лиц, которые могут осуществлять индивидуальные воспитательные беседы, что также, с нашей точки зрения является достаточно серьезным упущением.

Здесь стоит заметить, что в настоящее время законодательно не определены ни право, ни порядок осуществления групповых и массовых воспитательных мероприятий с осужденными, что также с нашей точки зрения является достаточно серьезным упущением.

Говоря о профилактике совершения осужденным противоправных деяний в качестве воспитательного элемента, которые используют сотрудники УИИ ФСИН России выступают мероприятия по надзору за осужденным, которые могут осуществляться различными способами, к примеру:

- посещение места работы и учебы осужденного;
- проверка его по месту жительства;
- осуществление запроса по месту отбывания наказания;
- осуществление запроса в правоохранительные органы на предмет выявления совершения осужденным административных правонарушений;
- назначение осужденному дней для периодической явки в УИИ ФСИН России;
- прочее [3].

С нашей точки зрения указанные элементы в воспитательной работе также актуальны с позиции «пассивного» стимулирования осужденного к законопослушному поведению.

В качестве заключительного элемента, который целесообразен к рассмотрению – это стимулирование осужденных к наказаниям не связанным с изоляцией от общества к законопослушному поведению и выполнению установленного порядка и правил отбывания наказания.

В настоящее время, указанное реализовано разными инструментами, к примеру:

1. Обязательные работы. В соответствии с положениями Глава 4. «Исполнение наказания в виде обязательных работ» УИК РФ предусмотрен перечень нарушений и оснований для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, что может привести к направлению в суд, со стороны УИИ ФСИН России, представление о замене обязательных работ другим видом наказания.

Одновременно с этим, в статье 27 УИК РФ предусмотрено право УИИ ФСИН России снизить количество часов, которые осужденный должен отработать в течении недели (не изменяя общей продолжительности наказания). Указанное актуально, когда осужденный по объективным обстоятельствам не в состоянии выполнять условия наказания и у него могут возникнуть негативные чувства и самому наказанию и к УИИ ФСИН России как организации, исполняющей его [2].

2. Ограничение свободы. В данном случае, помимо мер воздействия изложенных ранее, УИИ ФСИН России в праве поощрять осужденных такими мерами поощрения как:

- благодарность;
- досрочное снятие ранее наложенного взыскания;
- разрешение на проведение за пределами территории соответствующего муниципального образования выходных и праздничных дней;
- разрешение на проведение отпуска с выездом за пределы территории соответствующего муниципального образования.

С нашей точки зрения указанное безусловно можно рассматривать как действенный инструмент воспитательного воздействия на осужденных и, соответственно, считаем серьезным упущением отсутствие мер поощрения, которые могли бы применяться в отношении других наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества.

3. Если говорить о воспитательном воздействии присутствующем в уголовном наказании исправительные работы, то здесь как и в случае с обязательными работами УИИ ФСИН России вправе обращаться в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного в случае ухудшения его материального положения.

Безусловно указанное право предусмотрено и у самого осужденного и организации в которой он работает, однако, с нашей точки зрения, если указанное действие осуществлено со стороны сотрудников ФСИН России, то оно может рассматриваться как воспитательное воздействие повышающее авторитет государственного учреждения в глазах осужденного.

4. Если говорить о наказании в части занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то здесь следует указать, что в качестве единственного инструмента воспитательного воздействия на осужденного выступает не зачета в срок отбывания наказания время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью.

С нашей точки зрения это не совсем действенный инструмент воздействия, и как следствие считаем он целесообразен к доработке в части законодательного закрепления обязанности УИИ ФСИН России направлять документы в суд для назначения осужденному административного штрафа за не выполнение приговору (определения, постановления) суда [5].

В заключении данного исследования хотелось бы еще раз указать на не проработанность рассматриваемого института правоотношений и считаем, что сформулированные в работе предложения (дополнения) в уголовно-исполнительное законодательство актуальны и будут иметь действенный эффект на осужденных.

Список литературы:

1. Бякина, С. И. Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бякина Светлана Игоревна, 2023. – 236 с.
2. Гритчина М. В. Законодательное регулирование исполнения наказания в виде обязательных работ / М. В. Гритчина // Вестник молодого ученого Кузбасского института : Сборник научных статей. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 39-41.
3. Иконников Д. С. Правовые и организационные особенности применения современных информационных технологий и поисковых систем розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества / Д. С. Иконников, О. Г. Ковалев // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 335-339.
4. Клычков С. А. Некоторые проблемы воспитательной работы с осужденными в уголовно-исполнительной инспекции / С. А. Клычков // Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова. В 2-х частях, Самара, 19–20 июня 2025 года. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2025. – С. 192 – 197 .
5. Комбаров, Р. В. К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции / Р. В. Комбаров // Ius Publicum et Privatum. – 2023. – № 1(21). – С. 168-177.

References:

1. Byakina, S. I. Legal regulation of educational work with convicts registered in penal institutions : dissertation for the degree of Candidate of Law / Byakina Svetlana Igorevna, 2023. - 236 p
2. Gritchina M. V. Legislative regulation of the execution of punishment in the form of compulsory labor / M. V. Gritchina // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute : Collection of scientific articles. Novokuznetsk : Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024, pp. 39-41.
3. Ikonnikov D. S. Legal and organizational features of the use of modern information technologies and search engines for convicts who evade serving their sentences without isolation from society / D. S. Ikonnikov, O. G. Kovalev // Law and Management. - 2024. – No. 7. – pp. 335-339.
4. Klychkov S. A. Some problems of educational work with convicts in the penal enforcement inspectorate / S. A. Klychkov / Criminal enforcement system: legislation, theory and practice : Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov. In 2 parts, Samara, June 19-20, 2025. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. pp. 192-197 .
5. Kombarov, R. V. On the issue of conducting educational work with convicts registered with the penitentiary inspectorate / R. V. Kombarov // Ius Publicum et Privatum. – 2023. – № 1(21). – Pp. 168-177.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_412

ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА ДЛЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ РЕЦИДИВ, В ВИДЕНИИ УЧАСТНИКОВ VI МЕЖДУНАРОДНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНГРЕССА 1900 Г. FEATURES OF THE REGIME FOR GAOL-BIRDS AS VIEWED BY THE PARTICIPANTS OF THE VI INTERNATIONAL PENITENTIARY CONGRESS OF 1900

АКИМОВА Татьяна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е
E-mail: takimova@list.ru

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87
E-mail: zaharova33@yandex.ru

AKIMOVA Tatyana Mikhailovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th
E-mail: takimova@list.ru

ZAKHAROVA Olga Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History of the Pedagogical Institute of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov
600000, Vladimir, Gorky str., 87
E-mail: zaharova33@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье проанализированы материалы дискуссии, проходившей в рамках VI международного пенитенциарного конгресса в Брюсселе в 1900 г. Мнение большинства участников конгресса в названном вопросе состояло в необходимости увеличить срок лишения свободы для лиц, совершивших рецидив, а также вводить дополнительные ограничения применительно к условиям содержания по сравнению с другими категориями заключенных. Ограничения должны были состоять в уменьшении количества свиданий и писем, возможности делать покупки в тюремных лавках и т. д. Важным инструментом воспитания и компенсации затрат на содержание отбывающих наказание участникам конгресса виделся труд. Решения, принятые в ходе дискуссии, оказали большое влияние на становление современного подхода к исполнению наказаний.

Abstract. This article analyzes the materials of a discussion held at the Sixth International Penitentiary Congress in Brussels in 1900. The majority of congress participants agreed on this issue, favoring longer prison terms for repeat offenders and introducing additional restrictions on prison conditions compared to other categories of prisoners. These restrictions were to include fewer visits and letters, fewer opportunities to shop in prison commissaries, and so on. The congress participants viewed labor as an important tool for educating and compensating for the costs of maintaining those serving sentences. The decisions made during the discussion had a significant impact on the development of the modern approach to penal administration.

Ключевые слова. Режим, рецидив, международный пенитенциарный конгресс, начало XX века.

Keywords: Regime, recidivism, International Penitentiary Congress, early 20th century.

Для цитирования: Акимова Т.М., Захарова О.В. Особенности режима для лиц, совершивших рецидив, в видении участников VI Международного пенитенциарного конгресса 1900 г. // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_412.

For citation: Akimova T.M., Zakharova O.V. Features of the regime for people who have committed a relapse in the vision of the participants VI International Penitentiary Congress 1900 // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_412.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Согласно российскому уголовному законодательству, рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Он является отягчающим обстоятельством, и в зависимости от вида, срок лишения свободы для совершившего лица как правило будет больше, а само наказание придется отбывать в исправительных учреждениях с более строгим режимом. Уголовное законодательство зарубежных стран также предусматривает назначение более сурового наказания за рецидив [См., напр.: 5].

Становление современного подхода к исполнению наказаний в России и за рубежом заняло длительное время [См., напр.: 1, 2, 3]. Значительное влияние на него оказали международные пенитенциарные конгрессы, ставшие популярной дискуссионной площадкой XIX – начала XX в. На них обсуждались проблемы целесообразности одиночного заключения, организации режима отбывания наказания в виде лишения свободы, труда и патроната осужденных, участия общественных органов в ресоциализации отбывших наказание. То есть материалы дискуссий и принятых решений позволяют составить представление о существовавших в то время точках зрения и установить магистральное направление развития пенитенциарной науки и практики в начале XX в.

В пенитенциарной науке конца XIX – начала XX в. не имелось единого подхода к определению рецидива, вместе с тем, сущность режима для лиц, совершивших уголовные преступления повторно, признавалась одной из значимых проблем и активно обсуждалась как российскими, так и зарубежными теоретиками и практиками.

В конце XIX века в Великобритании была законодательно закреплена система пенитенциарного режима, имевшего простую и четко сформулированную цель – перевоспитание преступника. Пенитенциарное законодательство описывало правовое положение и порядок разме-

щения, разделения заключённых, распорядок их жизни, меры воздействия на заключённых. Британская прогрессивная система исполнения наказаний предполагала несколько режимов заключения, при которых положение заключённых постепенно ухудшалось или улучшалось в зависимости от их поведения. Труд, поведение и прилежание заключённого оценивались специальными знаками-марками.

Следует отметить, что в рассматриваемый период во Франции наметилась тенденция к уменьшению интереса к тюремному заключению из-за высокого уровня рецидива среди лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и переполненности пенитенциарных учреждений. Это вызвало необходимость введения в карательную систему мер, альтернативных лишению свободы. Например, режима «полусвободы», предоставления краткосрочных отпусков из тюрьмы, отсрочки от провозглашения приговора, probation. Французские представители принимали активное участие в международных пенитенциарных конгрессах. Интерес к ним был обусловлен в первую очередь серьезными проблемами в работе системы, а также с тяжелым положением заключённых в тюрьмах Франции, что не сильно способствовало их исправлению.

VI международный пенитенциарный конгресс проходил в Брюсселе в августе 1900 г. В нем приняли участие члены международной пенитенциарной комиссии из Бельгии, Дании, Греции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, США, Великобритании и России; официальные делегаты, представители «разных учреждений и науки» [6, с. 53].

На страницах журнала «Тюремный вестник» за 1901 г. приведены обсуждавшиеся вопросы, обзор дискуссий, развернувшихся на конгрессе, а также основные решения, принятые его участниками. В частности, широкая дискуссия развернулась по вопросу о том, должны ли совершившие рецидив содержаться в более строгих условиях, чем заключенные, впервые отбывающие наказание, и в чем должно состоять усиление строгости режима.

По этому вопросу было представлено 14 докладов. Более половины участников обсуждения этой проблемы полагали, что нелогично подвергать одной и той же ответственности рецидивистов и отбывающих наказание в первый раз. Так, по мнению представителя французского Главного тюремного общества советника кассационного суда Л. Атталена, наиболее целесообразный способ предупреждения рецидива заключался в том, чтобы «подвергать всех осужденных всей строгости режима, какая только может быть допущена, что устраняет возможность применять особый режим к рецидивистам. В свою очередь, когда режим слабее, чем того требует наказание, разница и может служить гранью, отличающей режим рецидивистов от режима других заключенных» [7, с. 107]. Докладчик полагал, что в этом случае усиленная строгость режима не будет оказывать неблагоприятного влияния на здоровье, исправление и возвращение в общество рецидивиста. Л. Аттален был убежден, что увеличение строгости наказания должно быть поручено судебной власти.

Его оппоненты считали наилучшим средством борьбы с рецидивом меры предупреждения или перевоспитания, а главное, удлинение срока наказания вместо усиления строгости. Некоторые докладчики требовали полного или частичного прекращения посещений и переписки; большинство же высказывалось лишь за ограничение этих льгот, признавая посещения и переписку важными инструментами «нравственной поддержки арестанта» [Там же, с. 108].

В целом предполагалось, что усиление строгости режима будет сводиться «к стеснениям в области нравственной и материальной». Применительно к «стеснениям материальным», почти все докладчики были согласны с тем, что ограничения должны состоять не в сокращении полагавшегося всем питания, а, например, в запрете делать покупки в тюремной лавке [Там же].

Труд виделся участникам конгресса инструментом и воспитания, и компенсации государственных затрат на содержание отбывающих наказание: «Каждый заключенный в порядке, указанном отбываемым им наказанием, должен быть дисциплинарно принужден работать, насколько позволяют ему его силы, зарабатывая в тюрьме ежедневное пропитание, как он вынужден это делать, будучи на свободе» [Там же]. Одни требовали назначения рецидивистов «на работы с обязательным и определённым уроком», другие были против внесения какого бы то ни было «разнообразия в режим ради рецидивистов», дабы придать ему однообразие, сделать его скучным «и таким путем отвратить от рецидива отбывающих наказание в первый раз» [Там же].

В ходе дискуссии были выработаны и вынесены на обсуждение тезисы, суть которых состояла в следующем: режим для рецидивистов должен быть более строгим по сравнению с отбывающими наказание впервые. Усиление строгости не должно распространяться «на всех без различия заключенных, которые фактически являются рецидивистами». Применение подобного режима должно было быть признано законным лишь «под условием правильной оценки и основательного знакомства с обстоятельствами дела». Право назначения подобного режима должно быть поручено судебной власти.

Усиление строгости режима «может заключаться в области нравственной: когда это возможно, рецидивисты отбывают наказание в одиночных корпусах, в противном случае для них отводятся особые общие отделения» [Там же, с. 105]. Заметим, что нахождение в одиночных камерах признавалось значительной частью участников конгресса действенным методом исправления «закоренелых преступников» и логичным способом противодействия их негативному влиянию на остальных заключенных. Так, начальник Шведского тюремного управления доктор Вязельгрэн отмечал «частые случаи нравственного исправления преступников, подвергнутых одиночному заключению», утверждая, что рецидив в Швеции уменьшался «весьма заметным образом». Максимальным сроком одиночного заключения оратор считал 4 года с сокращением его при хорошем поведении до 3 лет [Там же].

В докладе Бельгийского тюремного управления говорилось о том, что в течение 25 лет из 436 осужденных Лувенской тюрьмы на бессрочное (одиночное) заключение «поместить в лечебницу для душевнобольных пришлось лишь 20 человек т. е. только 5%» [Там же]. Этим обосновывался тезис об относительной безопасности для осужденных такой формы заключения.

Представитель французского Главного тюремного общества полагал, что «одиночное заключение, даже продолжающееся несколько

лет, не должно оказывать вредного влияния на физическое и нравственное состояние заключенных при соблюдении 3-х условий». Среди них были названы «хорошая организация ремесленных работ», частые посещения заключенных представителями патроната и широкое применение «физических упражнений». Докладчик предлагал изучать индивидуальные особенности преступников и делить их на три категории – «виновных в маловажных правонарушениях» (для них предполагались условные сроки); «виновных в более важных правонарушениях, но являющихся преступниками случайными», (их надлежало подвергать одиночному заключению в течение всего срока наказания, с возможностью применения условного досрочного освобождения); и «профессиональных преступников», которые должны подвергаться тому же режиму одиночного заключения, как и преступники «случайные». По прошествии определенного срока таких заключенных переводили на режим, «который признается начальством тюрьмы наиболее подходящим к индивидуальным особенностям преступника». Вопрос о предельном сроке одиночного заключения решен не был [Там же, с. 106].

К «стеснениям в области нравственной», которые предлагалось использовать для применения к совершившим рецидив, относилось ограничение круга посетителей родственниками. При этом само число этих посещений должно было быть сокращено, «насколько то позволяла гуманность как по отношению к заключенным, так и к их родственникам... Переписка рецидивистов подчиняется вышеизложенным правилам о посещениях» [Там же].

Из тюремной библиотеки названная категория заключенных могла получать лишь книги духовно-нравственного и научного содержания, а «покупка съестных припасов из тюремной лавочки должна рассматриваться лишь как средство разнообразить установленный режим питания». Постельные принадлежности должны были ограничиваться самыми необходимыми и служить исключительно для отдыха.

Совершившие рецидив «принуждались работать, насколько хватит сил», но при этом должны были учитываться индивидуальные способности заключенных к тем или другим работам, а также необходимость поддержать и развить то или другое производство по усмотрению тюремного начальства. Из получаемой заработной платы предполагалось производить отчисления в пользу государства в размере, «определяемом властью тюремного начальства» [Там же, с. 107].

При наложении взысканий за нарушения предлагалось руководствоваться общеустановленными наказаниями, но с усилением строгости. Кроме того, «заключенные, подвергаемые более строгому режиму, устраниются, по возможности, от всякого рода льгот и преимуществ» [Там же]. Большинство участников дискуссии согласилось с доводом о том, что продолжительность наказаний, особенно в случае рецидива, является главным и действенным способом предупреждения преступлений.

На основе изложенного можно заключить, что магистральные идеи большинства участников конгресса о режиме для лиц, совершивших рецидив, состояли в увеличении продолжительности лишения свободы, обязательном труде, уменьшении количества свиданий и писем, возможности делать покупки в тюремных лавках и т. д. Таким образом, решения участников конгресса относительно необходимости в исправительных учреждениях особого режима для лиц, совершивших рецидив, и его содержании, принятые на конгрессе, способствовали формированию современного подхода к исполнению наказаний.

Список литературы

1. Болшунова Е. Исторический анализ законодательного закрепления рецидива преступлений и ответственности за него (с древних времен до 1917 года) <https://vlib.by/images/stories/on-line-exb/2018/po-stranitsam-istorii/istoricheskij-analiz-zakonodatel'nogo-zakreplenija-recidiva-prestuplenij.pdf>
2. Брылева Е.А. Влияние международных пенитенциарных конгрессов на рубеже XIX-XX веков на развитие системы исполнения наказаний // Вестник УИС. 2018. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-mezhdunarodnyh-penitentsiarnykh-kongressov-na-rubezhe-xix-xx-vekov-na-razvitiye-sistemy-ispolneniya-nakazaniy>
3. Бутко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: История и современность. Дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1998. – 303 с.
4. Волошин Д.В. Международные тюремные конгрессы (1872–1910) и их значение для подготовки пенитенциарного персонала в российской империи // Закон и право. 2019. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-tyuremnye-kongressy-1872-1910-i-ih-znachenie-dlya-podgotovki-penitentsiarnogo-personala-v-rossiyskoy-imperii>
5. Лебешев И.С. Рецидив преступлений в законодательстве различных стран // Человек и закон. 2023. № 2. С. 21–23.
6. Христианович А. VI Международный пенитенциарный конгресс // Тюремный вестник. 1901. № 1. С. 53–60.
7. Христианович А. VI Международный пенитенциарный конгресс // Тюремный вестник. 1901. № 2. С. 98–107.

References

1. Bolshunova E. Historical analysis of the legislative consolidation of recidivism and responsibility for it (from ancient times to 1917). URL: <https://vlib.by/images/stories/on-line-exb/2018/po-stranitsam-istorii/istoricheskij-analiz-zakonodatel'nogo-zakreplenija-recidiva-prestuplenij.pdf>
2. Bryleva E.A. The Influence of International Penitentiary Congresses at the Turn of the 19th and 20th Centuries on the Development of the Penitentiary System // Vestnik of the Penitentiary System. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-mezhdunarodnyh-penitentsiarnykh-kongressov-na-rubezhe-xix-xx-vekov-na-razvitiye-sistemy-ispolneniya-nakazaniy>
3. Butko Yu.I. The Doctrine of Recidivism of Crimes in Russian Criminal Law: History and Modernity. Diss. ... dokt. jurid. nauk. Saratov, 1998. – 303 p.
4. Voloshin, D.V. International Prison Congresses (1872–1910) and Their Significance for the Training of Penitentiary Personnel in the Russian Empire // Law and Justice. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-tyuremnye-kongressy-1872-1910-i-ih-znachenie-dlya-podgotovki-penitentsiarnogo-personala-v-rossiyskoy-imperii>
5. Lebeshev I.S. Recidiv of Crimes in the Legislation of Various Countries // Man and Law. 2023. No. 2. Pp. 21–23.
6. Khristianovich A. VI International Penitentiary Congress // Prison Bulletin. 1901. No. 1. Pp. 53–60.
7. Khristianovich A. VI International Penitentiary Congress // Prison Bulletin. 1901. No. 2. Pp. 98–107.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КРИПТОВАЛЮТ HISTORY OF CRYPTOCURRENCY DEVELOPMENT

АПКАЕВА Олеся Наильевна,

магистрант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.

E-mail: olesya1793@yandex.ru;

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,

доцент кафедры экономики, управления и права,
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.

E-mail: daniilzykov@mail.ru;

АРКАЕВА Olesya N.,

master student of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: olesya1793@yandex.ru;

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management

of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Associate Professor of the Department of Economics,
Management and Law of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhgorodskaya str., Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация. В работе исследуются предпосылки создания криптовалют и путь развития первой криптовалюты – Bitcoin – от криптографической головоломки для специалистов до всемирно известной технологии. Также автор анализирует технические аспекты реестров Blockchain, сделавших возможным появление Bitcoin, altcoin, и токенов, и отличающие их от любых других созданных ранее инструментов. Криптовалюты, начиная с появления Bitcoin в 2009 году, стали неотъемлемой частью глобальной финансовой системы. Их децентрализованный характер и анонимность привлекли не только инвесторов, но и преступные сообщества, что привело к возникновению новых вызовов, связанным с использованием цифровых активов, в том числе и учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Abstract. Throughout the entire existence of the economic system, the public involved in economic activity has been acutely faced with the issue of using funds for the purpose of increasing them and extracting benefits. If a subject had sufficient funds, he used them to open an enterprise, business, or opened a bank account or otherwise disposed of them. As an option for investing funds, one can note investing in the activities of other persons or organizations in order to extract benefits from their activity. Cryptocurrencies have become an integral part of the global financial system since the emergence of Bitcoin in 2009. Their decentralized nature and anonymity have attracted not only investors but also criminal groups, which has led to the emergence of new challenges related to the use of digital assets in penal institutions.

Ключевые слова. криптовалюта, майнинг, цифровизация, ценности, биткоин.

Key words. cryptocurrency, mining, digitalization, bitcoin, values.

Для цитирования: Апкаева О.Н., Зыков Д.А. История развития криптовалют // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 415-418.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_415.

For citation: Apkaeva O.N., Zykov D.A. The history of cryptocurrency development // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 415-418.
http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_415.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Своим появлением сеть Интернет изменила облик мира, став неотъемлемой частью всей экономической, политической и культурной жизни современного общества. Эта «гибкая среда» позволила людям быстро и эффективно создавать механизмы, способные удовлетворять многие человеческие потребности, как общие, свойственные, в той или иной степени, большинству, так и специфические, существующие среди малых групп или даже отдельных индивидов.

Такое многообразие, порожденное практической необходимостью в решении разноплановых задач, не может существовать и развиваться само по себе. Будучи неконтролируемыми, возможности всемирной сети могут быть использованы для обострения конфликтов интересов, существующих между различными социальными группами, нарушения общественного порядка, прав и свобод.

Государство отчасти способно нивелировать риски путем использования целого комплекса мер, среди которых приоритетное положение занимает издание соответствующих нормативно-правовых актов. Но создание новых законов – процесс многостадийный, кропотливый и очень медленный, а потому не способный оперативно создавать исчерпывающие механизмы регулирования такой динамично развивающейся среды как сеть Интернет и всех ее производных. Одной из таких «серых зон» не только российской, но и мировых законодательных систем стали криптовалюты.

Концепция Bitcoin, считающаяся ключевой точкой отчета в истории криптовалют, вовсе не была внезапным откровением, пришедшем на ум своему создателю – Сатоши Накамото. Скорее, можно считать ее планомерным итогом развития идей, зародившихся еще в начале 1990-х годов в среде шифропанков (иногда их еще называют криптоанархистами), провозгласивших: «Призрак бродит по современному миру, призрак криптоанархии. Компьютерные технологии стоят на пороге того, чтобы дать возможность отдельным людям и группам общаться и взаимодействовать абсолютно анонимно. Два человека смогут обмениваться сообщениями, заниматься бизнесом, заключать электронные контракты, не

имея возможности установить Подлинные Имена, личности друг друга. Взаимодействия в сети невозможно будет отследить из-за многократных изменений маршрутов зашифрованных пакетов и предупреждающих от несанкционированного вмешательства блоков, которые наделяют криптографические протоколы практически идеальной защитой»[3].

Активисты шифропанка, многие из которых были высококлассными специалистами, работающими в крупных компаниях высокотехнологического сектора, не только предсказывали наступление будущего, в котором благодаря анонимности: «репутация будет иметь первостепенную важность при заключении сделок, гораздо большую, чем сейчас имеет оценка кредитоспособности», но и активно работали над общими концепциями интернет-экзистенциализма и, можно сказать, заложили основу не только для современного бытового понимания работы анонимайзеров и Tor, но и для хакерских движений, сетевого активизма и независимой журналистики.

Например, Тимоти Мэй, автор работы «Манифест криптоанархиста» и главный идеолог всего криптоанархического движения, создал проект под названием BlackNet, который Пол Винья и Майкл Кейси в своей книге «Эпоха криптовалют», характеризуют как своего рода «предшественника WikiLeaks». Суть его заключалась в сборе секретной информации, предоставляемой сетью информаторов, взамен на гарантию неразглашения источника информации и оплату не поддающимися контролю цифровыми деньгами[4].

Идеи Мэя были восприняты другим специалистом по криптографии и энтузиастом движения – Вэй Даем: «Я просто очарован криптоанархией Тимоти Мэя, — написал Дай в 1998 году — В отличие от целевых установок традиционных анархистских сообществ, в криптоанархии правительство уничтожается не временно, а запрещается навсегда, поскольку становится абсолютно ненужным. Это сообщество, где угроза насилия сведена на нет, потому что насилие попросту невозможно — участники не могут быть привязаны к настоящим именам или географическому расположению»[2].

Еще одну попытку придумать собственную криптовалюту сделал другой видный деятель движения шифропанков – Хэл Финни, который в 2004 году анонсировал протокол CRASH (CRypto ASH), выполняемый на основе алгоритма Proof-of-Work, созданного в 1997 году британским криптографом Адамом Беком для верификации и количественной оценки вычислительных мощностей, необходимых для создания цифровой валюты и наделяния ее стоимостью.

Проект не просуществовал долго и не имел коммерческого успеха, но опыт, полученный в результате разработок, позволил Финни через несколько лет внести существенный вклад в работу Сатоши Накамото, став «вторым отцом» Bitcoin.

Не все криптографы пытались создавать анонимную криптовалюту как противовес существующему централизованному порядку вещей. Напротив, одна из самых удачных попыток по созданию электронной валюты была предпринята Дэвидом Чомом, который изначально рассматривал возможность ее продажи правительствам и центральным банкам. Для этого он, совместно с группой единомышленников, учредил компанию DigiCash, специализирующуюся на цифровых деньгах и платежных системах. Среди направлений их деятельности была реализация государственного проекта замены будок взимания платы за проезд и разработка умных карт. Но основным проектом оставалась разработка системы цифровых денег eCash.

Протокол eCash базируется на технологии «слепые подписи» (blind signatures), разработанной Чомом еще в 1982 году. Ее суть в том, что для того, чтобы совершить не отслеживаемую транзакцию, один из участников коммуникации генерирует случайное число, называемое «нонс» (nonce) и затем с помощью алгоритмов комбинирует его с передаваемыми данными. Эта совокупность полезных и случайных значений не позволяет раскрыть содержание пересылаемой информации. Таким образом, на подпись передаются данные, содержание которых подписант не в состоянии оценить и использовать.

В конце 1995 года eCash подключил первый банк — Mark Twain Bank, а в начале следующего года в сети появился первый гигант под названием Deutsche Bank. Вслед за ним пришли Credit Suisse, Advance Bank, Norske Bank и Bank Austria. Далее начали поступать предложения на десятки миллионов долларов, в том числе от Visa на \$40 млн. А самый популярный на тот момент браузер Netscape собирался встроить eCash в собственный сервис.

Но, как и в случае с b-money, компания Чома не смогла просуществовать долго. Пол Винья и Майкл Кейси отвечают на это со ссылкой на самого Чома: «Почему же развалился столь многообещающий проект? «Понятия не имею», — отвечает сегодня на этот вопрос Чом. Тем не менее, он убежден, что причиной краха послужили действия новой команды топ-менеджеров, ставшей у руля компании в 1997 году. Речь идет о том, что группа венчурных инвесторов назначила бывшего топ-менеджера Visa Майкла Нэша на должность CEO, отстранив Чома от управления. Восемнадцать месяцев спустя было признано, что компания утратила целый ряд блестящих деловых возможностей, а Нэш вынудили уйти. Еще через шесть месяцев DigiCash заявила о банкротстве в соответствии со ст. 11 Закона о банкротстве США»[4].

Таким образом, можно сделать вывод, что все предыдущие попытки создать криптовалюту были неудачными по двум основным причинам.

Во-первых, протоколы, на основе которых они создавались, не имели продуманных механизмов интеграции нового финансового инструмента в существующую систему денежных отношений, что не позволило им привлечь достаточное число обычных пользователей.

Во-вторых, разработкой занимались энтузиасты-технари, многих из которых криптовалюта интересовала не как перспективная бизнес-идея, а как сложная математическая задача, решение которой должно было приблизить будущее, о котором так мечтали криптоанархисты.

Однако, все эти проекты сыграли свою роль в развитии криптовалют, доказав, что революция в финансовом секторе возможна как в техническом, так и в идейном смыслах. Опыт, полученный путем многолетних проб и ошибок, позволил создать механизм, объединивший в себе все лучшее, что было опробовано ранее. Так в октябре 2008 года несколько сотен специалистов по криптографии получили письмо от человека,

называвшего себя Сатоши Накамото, содержащее описание сути и свойств созданной им криптовалюты под названием Bitcoin (BTC).

«Отец Bitcoin» личность во многом загадочная. Об этом человеке неизвестно ничего, кроме псевдонима, который он использовал, представляя свой доклад на суд специалистов и под которым вел работу над проектом на протяжении последующих нескольких лет. Уже после того как Bitcoin приобрел огромную популярность, а сам его создатель перестал выходить на связь, множество людей стало пытаться раскрыть тайну его личности: коллеги-программисты, журналисты и даже сотрудники спецслужб. Однако в лучших традициях шифропанков, ставящих анонимность превыше всего, следов, ведущих от его публикаций в Интернете к реальному человеку, так и не было найдено.

Более того, проведенный лингвистический анализ его публикаций также не дал результатов. Хотя текст доклада и дальнейшие переписки были на английском языке, у специалистов есть сомнения, является ли он родным для автора, писал ли это мужчина, женщина, или целая группа лиц.

За неимением достоверной информации Bitcoin-сообщество, а за ним и весь мир используют для обозначения создателя Bitcoin то имя, которое он сам себе дал – Сатоши Накамото.

Предположительно Накамото начал свою работу над проектом в 2007 году, но до октября 2008 года в сообществе шифропанков, где все более или менее знали друг о друге по реальным именам или псевдонимам, о нем никогда не слышали. Это послужило одной из причин, по которой доклад о новой криптовалюте был оценен специалистами довольно прохладно. Другой проблемой являлся тот факт, что Bitcoin некоторыми своими структурными особенностями повторял идеи, попытки реализации которых были предприняты ранее и которые потерпели крах.

По этой причине Накамото некоторое время работал над своим проектом в одиночку. Примерно в то же время, когда Накамото представил свой доклад, он выкупил домен на котором разместил сайт bitcoin.org. Одновременно с этим он занимался разработкой программного обеспечения, с помощью которого можно было бы генерировать Bitcoin, планируя в дальнейшем выложить его в открытый доступ.

Хэла Финни непрерывно занимался генерацией новых монет или, как впоследствии станут называть этот процесс, майнингом (от англ. mining — добыча полезных ископаемых) около недели, после чего завершил свое участие в работе над проектом по причине его энтозатратности, опасений за сохранность компьютера, а в дальнейшем из-за серьезных проблем со здоровьем.

Финни был не единственным, кто в это время присоединился к тестированию. Постепенно в эксперимент включались новые пользователи, готовые администрировать узловые компьютеры в сети, тем самым увеличивая ее общий вычислительный ресурс.

Интерес новых пользователей поддерживался благодаря использованному в протоколе Bitcoin алгоритму Proof-of-Work (PoW), который отвечал за то, чтобы награда каждого майнера была пропорциональна вычислительной мощности его оборудования, участвующего в создании блоков (хешрейту). Если у майнера есть 10% хешрейта от всей сети, то он будет в среднем создавать 10% блоков и получать 10% награды[1]. Таким образом, в 2009 году вычислительные мощности между участниками сообщества были распределены достаточно равномерно, что делало выигрыш монет в достаточной мере произвольным.

Ситуацию изменила написанная программистом Ласло Ханечем программа, позволившая использовать для майнинга графический процессор, вместо использовавшегося ранее центрального процессора, тем самым нарастив вычислительный ресурс компьютера, направленный на решение математических задач в рамках майнинга, и увеличив шансы на выигрыш очередного блока из 50 монет в геометрической прогрессии.

Вместе с тем, майнинг не мог оставаться единственным способом добычи криптовалюты. Необходимо было решить проблему возможности ее покупки и обмена на фиатные деньги и товары. Таким образом, остро встал вопрос о возможном обменном курсе. На тот момент эту проблему решили путем расчета курса с учетом стоимости электроэнергии, потребляемой в процессе майнинга.

Большой интерес привлекала деятельность бирж, специализирующихся на операциях с bitcoin. Долгое время самой известной из них была Mt.Gox, созданная программистом Джемом Маккалебом и представлявшая собой интуитивно понятное приложение для покупки и продажи криптовалют.

В 2011 году Маккалеб продает Mt.Gox другому программисту – Марку Карпелесу, который убедительно доказал, что криптовалюты – это не просто «игрушка для технарей», но и многообещающий бизнес-проект. Однако с ростом интереса широкой общественности и увеличением средней суммы сделок появились и первые серьезные проблемы, связанные с безопасностью счетов и транзакций. Хакеры, пользуясь анонимностью и необратимостью записей в Blockchain, украли немалую сумму, позже выставив украденные монеты по цене 1 пенни, что привело к резкому падению цены.

Кражи показали, что система уязвима, а проблемы обеспечения безопасности будут только увеличиваться соразмерно с ростом Bitcoin-вселенной.

Но кражи были не единственной проблемой. Многие увидели в отсутствии правового регулирования криптовалютного рынка возможность продавать и покупать любые товары анонимно и без ограничений. Для этой цели был создан сайт Silk Road, владелец которого, скрывающийся под ником «Dread Pirate Roberts», охарактеризовал его как анонимный интернет-рынок.

Silk Road функционировал на основе сети Tor, обеспечивающей практически полную анонимность интернет-трафика и конфиденциальность личностей продавцов и покупателей, что быстро превратило его в площадку для торговли оружием, наркотиками, хакерскими услугами, услугами по подделке документов и другой противоправной деятельности.

Сайт закрыли в октябре 2013 года после того как ФБР арестовала создателя сайта по обвинению в наркоторговле, хакерских атаках и сговоре с целью отмыкания денег. С 29 мая 2015 года программист отбывает пожизненное заключение.

Широкий общественный резонанс испортил репутацию криптовалют, но подогрел к ним интерес. Многие инвесторы увидели в этой технологии потенциал, спровоцировав появление компаний, составивших конкуренцию Mt.Gox и дающих возможность продавать bitcoin за любую валюту. Активно начались разработки технологий, призванных создать более надежные пользовательские электронные кошельки, упростить получение платежей по биткоиновым операциям, сделать технологии более простыми в использовании. Появились первые бизнес-инкубаторы для поддержки стартапов, работающих в области Bitcoin-технологий.

С момента своего появления криптовалюты использовались на чёрных рынках. В России правоохранительные органы, в том числе и ФСИН России фиксировали случаи их применения для коррупции, торговли наркотиками и организации преступных схем в местах лишения свободы. Известны случаи, когда родственники переводили осужденным Bitcoin через третьих лиц, что усложняло контроль со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Это потребовало разработки новых методов мониторинга и блокировки транзакций. ФСИН России совместно с Росфинмониторингом внедряет системы анализа блокчейн-транзакций, а также усиливает контроль за интернет-активностью в колониях. Однако быстрое развитие технологий, включая приватные криптовалюты, создаёт новые сложности для правоохранителей.

Криптовалюты остаются серьёзным вызовом для пенитенциарных систем. С одной стороны, их анонимность способствует росту теневой экономики в колониях, с другой — полный запрет может оказаться менее эффективным, чем внедрение прозрачных механизмов контроля. Уголовно-исполнительной системе необходимо развивать технологические компетенции, сотрудничать с частными аналитическими компаниями и адаптировать международный опыт в профилактическую работу. В долгосрочной перспективе это позволит минимизировать риски, связанные с цифровыми активами, без подавления инновационного потенциала блокчейна.

Таким образом, криптовалюты все прочнее входят в повседневную жизнь, пройдя в умах людей путь от утопического проекта, предложенного загадочным криптографом узкому кругу заинтересованных лиц до масштабного бизнес-проекта с многомиллионной капитализацией.

Эта уникальная децентрализованная система, в основе которой лежит открытый код, не имеет и не может иметь одного лидера или единого вектора развития. Каждый член Bitcoin-сообщества имеет возможность вносить в нее новые элементы, направленные на решение самых разнообразных практических задач. Поэтому, на мой взгляд, на сегодняшний день нельзя говорить о том, что криптовалюты, как и любое другое модное явление, однажды просто перестанут существовать. Напротив, автор убежден, что в его изменчивости скрыт огромный ресурс к адаптации и даже если в какой-то момент оригинальный проект Сатоши Накамото перестанет существовать, изменения, порожденные им, технологии, созданные на его основе, обратить вспять невозможно.

Список литературы:

1. «Алгоритмы консенсуса»: Подтверждение доли и доказательство работы // habr. URL: <https://habr.com/ru/company/bitfury/blog/327468/> (Дата обращения: 02.02.2025).
2. Генезис-архивы: Вэй Дай, b-money и первый черновик биткоина // Pro Blockchain. URL: <https://pro-blockchain.com/genezis-arkhivy-vey-day-b-money-i-pervyy-chernovik-bitkoina> (Дата обращения: 09.02.2025).
3. Манифест криптоанархиста // ilyaboev.com. URL: <http://www.ilyaboev.com/2018/12/maniphest-of-cryptoanarchist.html> (Дата обращения: 14.02.2025).
4. Пашкова, В. Д. Криптовалюты: история, понятие, классификация / В. Д. Пашкова, Д. К. Иваницкий // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 5(62). – С. 68-74.

References:

1. "Consensus Algorithms": Proof of Stake and Proof of Work // habr. URL: <https://habr.com/ru/company/bitfury/blog/327468/> (Accessed: 02.02.2025).
2. Genesis Archives: Wei Dai, b-money, and the First Draft of Bitcoin // Pro Blockchain. URL: <https://pro-blockchain.com/genezis-arkhivy-vey-day-b-money-i-pervyy-chernovik-bitkoina> (Accessed: 09.02.2025).
3. Manifesto of a Cryptoanarchist // ilyaboev.com. URL: <http://www.ilyaboev.com/2018/12/maniphest-of-cryptoanarchist.html> (Accessed: 14.02.2025).
4. Pashkova, V. D. Cryptocurrencies: history, concept, classification / V. D. Pashkova, D. K. Ivanitsky // Science Bulletin. - 2023. - Vol. 1, No. 5 (62). - P. 68-74.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ PROBLEMS WITH THE QUALIFICATION OF A CRIME COMMITTED BY A CRIMINAL COMMUNITY

ЕСЬКОВА Лидия Константиновна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета ВЮИ ФСИН России.

600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская улица, 67Е.

E-mail: lidiy_1987@mail.ru

ESKOVA Lidiya Konstantinovna,

senior lecturer of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia.

67E Bolshaya Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russia.

E-mail: lidiy_1987@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье анализируются теоретические подходы к толкованию термина «преступное сообщество», посредством использования, которых формируется диспозиция статьи 210 УК РФ. На основе действующего законодательства автором приводятся аргументы, свидетельствующие о необходимости оптимизации нормы уголовного закона, устанавливающей основания уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности преступного сообщества.

Abstract. This article analyzes the theoretical approaches to the interpretation of the term "criminal community," which are used to form the disposition of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the current legislation, the author provides arguments that demonstrate the need to optimize the criminal law norm that establishes the basis for criminal liability for organizing or participating in a criminal community.

Ключевые слова: Преступное сообщество (преступная организация), квалификация преступлений, организованная группа, структурированность, группа лиц по предварительному сговору.

Keywords: Criminal community (criminal organization), qualification of crimes, organized group, structure, group of persons in pre-arranged conspiracy.

Для цитирования: Еськова Л.К. Проблемы квалификации совершения преступления преступным сообществом // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_419.

For citation: Eskova L.K. Problems of qualification of the commission of a crime by a criminal community // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 419-421. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_419.

Статья поступила в редакцию: 07.03.2026

На сегодняшний день преступные сообщества представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности и экономической стабильности государства. С каждым годом деятельность преступных сообществ только набирает свои обороты, о чем свидетельствуют статистические данные. Их деятельность характеризуется высокой степенью организованности, четкой иерархической структурой и профессионализмом участников, что существенно затрудняет выявление и пресечение их противоправной деятельности правоохранительными органами.

Вызывает глубокую обеспокоенность тот факт, что преступные сообщества активно используют современные технологии и методы конспирации, постоянно совершенствуют формы и способы совершения преступлений. При этом они часто имеют коррупционные связи в органах власти и правоохранительных структурах, что делает их еще более опасными для общества.

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых преступными сообществами, приобретают особую значимость в связи с необходимостью правильного применения уголовного законодательства и обеспечения неотвратимости наказания. Сложность квалификации таких преступлений обусловлена многоэпизодностью преступной деятельности, большим количеством соучастников и необходимостью доказывания их причастности к преступному сообществу.

В условиях глобализации преступные сообщества все чаще приобретают транснациональный характер, что требует совершенствования международного сотрудничества в сфере борьбы с организованной преступностью. Это обстоятельство также повышает актуальность исследования данной проблематики.

Квалификация деяний, совершенных в рамках преступного сообщества, сопряжена с существенной проблемой – необходимостью отграничения его от организованной группы, что регламентировано частями 3 и 4 ст. 35 УК РФ. Законодатель характеризует сообщество как структурированную группу функционирующих под общим руководством и преследующих цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Однако ключевые дифференцирующие признаки – структурированность и единое руководство – лишены четкой законодательной дефиниции, что формирует противоречивую судебно-следственную практику, где трактовка указанных критериев варьируется на усмотрение судов. По мнению А. А. Глазкова, В. А. Репина и С. Н. Гусева к отличительным признакам сообщества относятся: наличие в сообщества авторитетного лидера; распределение среди соучастников сообщества преступных ролей; психологическое осознание участниками сообщества своей деятельности в составе устойчивого формирования; многоуровневое внутреннее строение преступного формирования; сплоченность участников [3]. Напротив, В.М. Быков считает, что сообщество отличается от других форм соучастия наличием такого важного признака, как профессионализм его членов, который проявляется в способах совершения ими преступных действий [2].

Приведем пример из судебной практики. Так, органами предварительного следствия было установлено, что преступная группа, осу-

ществлявшая незаконный сбыт наркотических средств, действовала под руководством неустановленного лица. В данное объединение входили различные структурные подразделения, выполнявшие разные функции:

- 1) незаконное приобретение и доставка в Новосибирскую область наркотических средств;
- 2) разделение доставленных наркотических средств по партиям для дальнейшей розничной передачи;
- 3) незаконный сбыт наркотических средств в различных регионах Российской Федерации конечным потребителям.

По версии следствия, еще одно структурное подразделение сбывало наркотические средства потребителям на территории Республики Хакасия и Красноярского края под видом интернет-магазина. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия исключила из обвинения ст. 210 УК РФ (относительно участия в преступном сообществе (преступной организации), поскольку подразделение, действовавшее

г. Абакане, не имело своего руководителя, оно действовало самостоятельно (руководство им не было подтверждено материалами уголовного дела).

Кроме того, в материалах уголовного дела наличествовали факты сбыта наркотиков только на территории г. Абакана, соответственно, не была доказана территориальная обособленность подразделений в других регионах Российской Федерации или Республики Хакасия [1].

В судебной практике нередко возникает проблема с точным определением уровня организованности преступного формирования. Сложно провести грань между организованной группой и полноценным преступным сообществом. Подобная неопределенность вызывает судебные ошибки ст. 210 УК РФ либо применяется без достаточных оснований, либо, наоборот, не находит применения. В итоге нарушается фундаментальный принцип справедливости назначаемого наказания. Наибольшие затруднения вызывает анализ специфических характеристик. Речь идет об иерархическом построении, четком распределении ролей и функционала между участниками. Не менее сложно оценить степень их специализации, а также установить, как именно принимаются решения и осуществляется управление противоправной деятельностью. Для решения указанной проблемы предлагаем внести изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ, дополнив ее примечанием следующего содержания: «Под структурированной организованной группой понимается группа лиц, характеризующаяся наличием иерархической структуры с выделением руководящего звена, распределением ролей и функций между участниками, включая организаторов, руководителей структурных подразделений, рядовых исполнителей и лиц, выполняющих обеспечивающие функции, а также установлением правил взаимодействия между участниками и механизмов контроля за их деятельностью. Как отмечает Т. В. Якушева, около 60% преступных сообществ создаются, функционируют и осуществляют свою преступную деятельность в качестве «структурированной организованной группы», в состав которой входит не менее двух самостоятельно действующих структурных подразделения [4].

Единое руководство предполагает наличие одного лица или группы лиц, осуществляющих общее руководство деятельностью преступного сообщества, принимающих стратегические решения, координирующих действия структурных подразделений и обладающих властными полномочиями по отношению к другим участникам».

Такое законодательное уточнение, на наш взгляд, позволит правоприменителям более точно определять признаки преступного сообщества и отграничивать его от организованной группы.

Следующая существенная проблема связана с определением правил квалификации действий участников преступного сообщества при совершении ими конкретных преступлений в составе этого сообщества. В настоящее время отсутствует единообразный подход к вопросу о том, требуется ли дополнительная квалификация по ст. 210 УК РФ действий лиц, совершивших преступления в составе преступного сообщества, или достаточно квалификации только по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за конкретные преступления с указанием квалифицирующего признака «совершение преступления преступным сообществом».

Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы: в одних случаях суды квалифицируют действия по совокупности преступлений (ст. 210 УК РФ и соответствующая статья Особенной части), в других – ограничиваются квалификацией только по статье о конкретном преступлении. Данная неопределенность приводит к нарушению принципа правовой определенности и единообразия судебной практики, создает почву для судебных ошибок и необоснованной дифференциации ответственности лиц, совершивших аналогичные по характеру и степени общественной опасности деяния. Особенно остро эта проблема проявляется в отношении рядовых участников преступного сообщества, которые непосредственно совершают преступления по заданию руководителей.

Для решения указанной проблемы предлагаем дополнить ч. 5 ст. 210 УК РФ следующего содержания: Участие в преступном сообществе (преступной организации) и совершение преступлений в составе такого сообщества квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями настоящей статьи и статьями Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающими ответственность за конкретные совершенные преступления.

При этом создание преступного сообщества, руководство им или участие в нем охватывает приготовление к тем преступлениям, для совершения которых оно создано, и не требует дополнительной квалификации по статье 30 настоящего Кодекса.

Кроме того, необходимо внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», четко разъяснив правила квалификации действий различных категорий участников преступного сообщества при совершении конкретных преступлений, что обеспечит единообразие правоприменительной практики и соблюдение принципа справедливости при назначении наказания.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что современное законодательство, касающееся преступного сообще-

ства за последние годы претерпело достаточное количество изменений - оно

дополнялось, толковалось, разные правоприменители понимали его по-разному, органы предварительного следствия и суды ориентируются на толкование, данное Верховным судом Российской Федерации, но все же есть пробелы, которые требуют изменений, особенно те, что касаются формулировок и разграничения понятий, связанных с преступным сообществом.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 15.02.2021 по делу №22-466/2021 [сайт]URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=291570&ysclid=m38sor3t6u532731992#SCYIXTUA7V4QUkBB1> (дата обращения: 22.11.2025).
2. Быков В. М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона РФ от 03 ноября 2009 г. № 245-ФЗ / В. М. Быков // Право и политика. - 2021. - №1. - С. 23-25.
3. Глазков А. А. Уголовно-правовые признаки отличия преступного сообщества и организованной группы / А. А. Глазков, В. А. Репин, С. Н. Гусев // Образование. Наука. Научные кадры. - 2018. - №4. - С. 53-56.
4. Якушева Т. В. Законодательная регламентация практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дис. канд. юрид. наук. / Т. В. Якушева. - М., 2016. - 219 с.

References:

1. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Khakassia dated 02/15/2021 in case No. 22- 466/2021 [website]URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=291570&ysclid=m38sor3t6u532731992#SCYIXTUA7V4QUkBB1> (accessed: 11/22/2025).
2. Bykov V. M. Problems of applying art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation in the new edition of the Federal Law of the Russian Federation dated November 03, 2009 No. 245-FZ / V. M. Bykov // Law and Politics. - 2021. - No. 1. - pp. 23-25.
3. Glazkov A. A., Repin V. A., Gusev S. N. Criminal and legal signs of distinction between a criminal community and an organized group // Education. Science. Scientific staff. - 2018. - No. 4. - pp. 53-56.
4. Yakusheva T. V. Legislative regulation of the practice of bringing to criminal responsibility for organizing a criminal community (criminal organization): Dissertation of the Candidate jurid. Sciences. / T. V. Yakusheva, Moscow, 2016– 219 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_422

УДК 343.85

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LAW MEASURES APPLIED TO MINORS

СКОРОХОДОВА Александра Сергеевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета Университета ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, Саперная ул., д. 34.
e-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru.

SKOROKHODOVA Alexandra Sergeevna,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences
Not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law University of the Federal Penitentiary Service of Russia
196602, Saint-Petersburg, Sapernaya St., 34
e-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru.

Краткая аннотация: В статье проводится комплексный историко-правовой анализ становления и развития отечественного законодательства о мерах уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним. Хронологические рамки исследования охватывают период с IX века по настоящее время, что позволяет проследить полную эволюцию правовых подходов к данной проблематике. Автор рассматривает ключевые памятники права — от Русской Правды, Псковской судной грамоты и Судебника 1497 года до Соборного уложения 1649 года, Воинского устава 1715 года и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Особое внимание уделяется революционному периоду, когда Декретами 1918 и 1920 годов был провозглашен принцип приоритета воспитательных мер над карательными и созданы комиссии по делам несовершеннолетних. Анализируются изменения уголовной политики в советский период: от гуманизма 1920-х годов к усилению репрессий в 1930-е и возврату к воспитательному подходу в 1960–1970-е годы с созданием системы специализированных органов профилактики. В статье подчеркивается, что эффективность системы мер в отношении несовершеннолетних достигается не расширением санкций, а созданием четкого правового механизма, независимостью специализированных органов и последовательной реализацией принципов индивидуализации и приоритета воспитательного воздействия. Исторические уроки имеют значение для совершенствования современного законодательства и правоприменительной практики.

Abstract: The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and development of domestic legislation on criminal law measures applied to minors. The chronological framework of the study covers the period from the 9th century to the present, which allows us to trace the full evolution of legal approaches to this issue. The author examines the key monuments of law — from the Russian Truth, the Pskov Judicial Charter and the Judicial Code of 1497 to the Cathedral Code of 1649, the Military Charter of 1715 and the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Special attention is paid to the revolutionary period, when the Decrees of 1918 and 1920 proclaimed the principle of the priority of educational measures over punitive ones and established commissions for juvenile affairs. The article analyzes the changes in criminal policy during the Soviet period: from the humanism of the 1920s to increased repression in the 1930s and a return to an educational approach in the 1960s and 1970s with the creation of a system of specialized prevention agencies. The article emphasizes that the effectiveness of the system of measures against minors is achieved not by expanding sanctions, but by creating a clear legal mechanism, independence of specialized bodies, and consistent implementation of the principles of individualization and priority of educational influence. Historical lessons are important for improving modern legislation and law enforcement practice.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, историческое развитие законодательства, меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Keywords: juvenile offenders, historical development of legislation, criminal law measures, compulsory educational measures, prevention of juvenile delinquency.

Для цитирования: Скороходова А.С. Ретроспективный анализ мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 422–425. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_422.

For citation: Skorokhodova A.S. A retrospective analysis of criminal law measures applied to minors // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 422–425. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_422.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2026

Рассматривая отечественное уголовное законодательство в историческом аспекте, можно отметить, что юный возраст преступника практически всегда являлся основанием для смягчения уголовной репрессии. Актуальность исследования исторического развития законодательства о мерах уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, обусловлена необходимостью понимания эволюции правовых подходов к данной проблематике.

Чтобы проследить полный цикл развития законодательства в рассматриваемой сфере, необходимо исследовать трансформации правовых норм, регулирующих применение мер уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним, на протяжении всего периода существования российского государства, поэтому хронологические рамки анализа охватывают период с IX века по настоящее время.

В основном источнике древнерусского права — Русской Правде — отсутствовали прямые нормы, закрепляющие особый статус несовершеннолетних правонарушителей. Однако анализ правовых памятников позволил исследователям выявить определенные особенности отношения к детской преступности. Так, согласно исследованиям М. Ф. Владимирского-Буданова, при определении наказания учитывался не столько возраст, сколько способность правонарушителя осознавать последствия своих действий [1]; Б. Ф. Греков описывал случай, реконструированный на основе более поздних источников (XIV–XV вв.), но отражающий более раннюю традицию: «Когда подросток 10–12 лет по неосторожности поджег сено соседа, община, установив, что он «мал и глуп» (не осознавал последствий), обязала его отца возместить ущерб двойным платежом, а самого виновника передала "в науку" (под надзор) родственникам на 2 года» [2].

Упоминание о «малых детях» применительно к вопросам ответственности впервые встречается в Псковской судебной грамоте (1397 г.): статья 27 грамоты предусматривала особый порядок взыскания ущерба за преступления, совершенные несовершеннолетними, возлагая материальную ответственность на родителей или опекунов [5]. Этот принцип получил дальнейшее развитие в Судебнике 1497 года, где в статье 58 устанавливалась пониженная ответственность для «недорослей» в сравнении со взрослыми преступниками [8].

Первым законодательным актом, содержащим относительно систематизированные нормы о возрастной дифференциации ответственности, а также о мерах, альтернативных наказанию, стало Соборное уложение 1649 года, в главе XXII которого «О смертных казнях» прямо указывалось, что к «малым робятам» (детям до 7 лет) смертная казнь не применялась, заменяясь телесными наказаниями или отдачей «в монастырь на смирение» [7]. Существуют и упоминания о практике применения таких норм: как отмечает историк права С. В. Юшков, в судебных актах XVII века регулярно встречаются случаи, когда возраст правонарушителя становился основанием для существенного смягчения наказания и применения альтернативных мер. Например, в 1675 году 14-летний подросток, обвиненный в краже, вместо положенного по закону отсечения руки был приговорен к битью кнутом и последующей отдаче «в услужение» потерпевшему [11].

В Петровскую эпоху был впервые закреплён формальный возраст уголовной ответственности несовершеннолетних. Воинский устав 1715 года устанавливал, что лица от 7 до 15 лет должны нести ответственность за совершенное деяние, но уголовное наказание возможно заменить «исправительными мерами» под надзором родителей или опекунов. Примечательно, что здесь впервые сформулирована превентивная цель применения таких мер – «дабы впредь такова зла не чинил» [6].

Дальнейшее развитие законодательства в XIX веке характеризовалось гуманизацией подходов к детской преступности. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1866 и 1885 гг.) детально регламентировало вопросы ответственности несовершеннолетних, введя четкую возрастную градацию по критерию вменяемости («разумения»), а также установило принцип гуманизма, разрешив судам заменять наказание воспитательными мерами до 21 года. Так, для детей до 10 лет устанавливалась полная невменяемость, для лиц 10–14 лет – условная вменяемость (наказание применялось только при доказанности «разумения»); для подростков 14–17 лет предусматривалась смягченная ответственность, а с 17 лет – полная ответственность, но с возможностью смягчения до 21 года [10].

В качестве примера применения мер, альтернативных наказанию, можно привести следующий случай из судебной практики 1873 года: 14-летний крестьянский мальчик, укравший лошадь, был освобожден от каторги, так как следствие установило отсутствие «сознания преступности деяния». Назначена отдача в исправительный приют на 3 года [9].

Революционные преобразования 1917 года кардинально изменили подход к проблеме детской преступности. Декрет Совета народных комиссаров от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» провозгласил принцип приоритета воспитательных мер над карательными. Уголовное преследование лиц до 17 лет отменялось, а все дела передавались на рассмотрение вновь создаваемому органу, который находился в ведении Народного Комиссариата общественного призрения – комиссии о несовершеннолетних. В соответствии со статьей 4 Декрета, «по рассмотрении дела о несовершеннолетних, комиссия либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характера деяния». В качестве таких убежищ выступали детские дома, коммуны, приюты, приемники, которые работали в большей степени на общественных началах; сама же комиссия о несовершеннолетних, став первым внесудебным органом в сфере профилактики подростковой преступности, продолжает свою работу и в настоящее время как комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Но безусловно благая (и, по большому счету, популистская) идея Декрета 1918 года о том, что исправления несовершеннолетних можно достичь только лишь мерами воспитательного характера, не могла быть реализована, во-первых, в сложных социальных и экономических реалиях того времени, а, во-вторых, при отсутствии должной организации системы органов профилактики правонарушений несовершеннолетних на государственном уровне. Поэтому спустя всего два года, «во изменение и развитие декрета об учреждении комиссии о несовершеннолетних...», был издан новый декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 4 марта 1920 года «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях», который сохранил в статье 1 положение о том, что суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются, однако в статье 4 все же предусмотрел возможность рассмотрения дел судом: «При рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте 14 - 18 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается комиссией в Народный Суд». При этом Народному Комиссариату Юстиции вменялось в обязанность после осуждения помещать несовершеннолетних отдельно от взрослых, а также совместно с Народным Комиссариатом Просвещения приступить к организации новых учреждений для содержания несовершеннолетних преступников – реформаториев. В настоящее время в России такие функции выполняют специальные учебные воспитательные учреждения открытого и закрытого типов, однако в ранний советский период идею создания такого воспитательно-профилактического учреждения реализовать в полной мере так и не удалось. В своем исследовании Н. И. Крюкова отмечает: «...на созданный российский реформаторий для особо трудных правонарушителей в возрасте от 17 до 21 года была возложена задача обучения, воспитания и подготовки молодежи к трудовой жизни. Просуществовало это учреждение недолго. Трудности экономического порядка, отсутствие достаточного числа педагогов и воспитателей привели к его ликвидации. Аналогично складывались судьбы и других воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (школы фабрично-заводского обучения, трудовые коммуны и др.). Комиссии по делам несовершеннолетних, действовавшие в основном на общественных началах, не могли обеспечить надлежащий уровень работы с социально запущенными детьми. Контингент самих комиссий был нестабилен, члены их в большинстве случаев не имели педагогического образования и опыта работы.» [3]

Специальные нормы Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г., регламентирующие назначение уголовного наказания несовершеннолетним, свидетельствовали об особом отношении законодателя к данной категории правонарушителей: наказание не могло применяться к малолетним до 14 лет, а также всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых судом признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. В третьей редакции УК РСФСР 1922 г. появилась специальная мера социальной защиты, которая могла применяться исключительно к несовершеннолетним – п. д) ст. 46 «отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам, либо другим лицам при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя». Аналог такой меры медико-педагогического воздействия мы видим и сейчас в п. «Б» ч. 2 ст. 90 Уголовного кодекса РФ – «передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа».

В 1924 году был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее – ИТК РСФСР), который довольно четко регламентировал исполнение наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества, в том числе для несовершеннолетних правонарушителей. Что касается иных видов наказаний и мер социальной защиты, исполнение которых не входило в предмет регулирования ИТК РСФСР 1924 г. (условное осуждение, конфискация имущества, штраф, поражение прав, увольнение от должности, общественное порицание, возложение обязанности загладить причиненный вред, отдача несовершеннолетнего на поруки), отдельно порядок их применения к несовершеннолетним на законодательном уровне не закреплялся и оставался в ведении комиссий по делам несовершеннолетних, которые, несмотря на свой сомнительный правовой статус, ограниченные полномочия, нестабильный и непрофессиональный контингент сотрудников, оставались по сути единственным субъектом профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних, пока не были упразднены постановлением Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и Совета народных комиссаров (ЦК ВКП(б) и СНК) СССР от 30 июня 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Наряду с ликвидацией комиссий по делам несовершеннолетних в 1935 году была исключена из Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1926 г. и статья о выделении дел несовершеннолетних в отдельные производства.

Дальнейшие трансформации отечественного уголовного и исправительно-трудового законодательства, которые легли в основу УК РСФСР 1926 г., ИТК РСФСР 1933 г. и их последующих изменений, отражают не самые светлые страницы нашей истории – период массовых репрессий, тотального контроля над личностью, что отчетливо повлияло и на усиление карательной уголовной политики. Как отмечает А. А. Окунева, карательная переориентация правосудия в отношении несовершеннолетних в тот период не имела под собой оснований, поскольку преступность не претерпела особых изменений, и ее уровень оставался прежним; при этом в 30-х гг. XX в. борьба с преступностью несовершеннолетних использовалась как способ выявления врагов народа, и прежде всего среди родителей подростков [4].

Период «оттепели» в политической жизни страны ознаменовал и гуманизацию подхода к уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и принятый на их основе Уголовный кодекс РСФСР 1960 года закрепили приоритет принудительных мер воспитательного характера, к которым в соответствии со статьей 63 УК РСФСР относились:

- возложение обязанности публично или в иной форме попросить извинения у потерпевшего;
- объявление выговора или строгого выговора;
- передача несовершеннолетнего под строгий надзор родителей или лиц, их заменяющих;
- передача несовершеннолетнего под наблюдение трудового коллектива или общественной организации с их согласия;
- направление несовершеннолетнего в специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 года № 5900-IX «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» были созданы инспекции по делам несовершеннолетних, приемники-распределители для несовершеннолетних и специальные учебно-воспитательные учреждения по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Значение данного документа заключалось не только в создании единой системы органов профилактики подростковой преступности и закреплении порядка межведомственного взаимодействия государственных учреждений системы образования и правоохранительных органов, но и во введении принципа «социальной диагностики» – обследования подростка перед назначением принудительных мер воспитательного характера. Так, межведомственной комиссией в составе инспектора по делам несовершеннолетних (органы внутренних дел), школьного педагога/психолога (органы образования), врача-психиатра (органы здравоохранения), а также представителя комиссии по делам несовершеннолетних проводилось 14-дневное наблюдение за подростком в приемнике-распределителе, после чего составлялась «диагностическая карта», содержащая такие графы, как «семейное неблагополучие», «школьная дезадаптация», «криминальные связи», и выносилось заключение на заседании комиссии.

Целью такого подхода к отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних было не наказывать, а подобрать индивидуальную меру воздействия для подростка, и, хотя профилактическая работа в 1970–1980 гг. носила ярко выраженный советский идеологический оттенок, она стала прообразом современных технологий ювенальной юстиции, а также досудебной пробации, которая применяется в ряде стран постсоветского пространства.

Масштабная реформа правоохранительной системы, связанная с распадом СССР в 1991 году, привела к радикальным изменениям подхода к профилактике подростковой преступности: принятый 18 апреля 1991 года Закон РСФСР № 1026-I «О милиции» упразднил систему социальной диагностики, что было вызвано как финансовыми, так и идеологическими причинами. Основной мерой профилактики правонарушений несовершеннолетних стал административный штраф родителей в соответствии со статьей 164 Кодекса об административных правонаруше-

ниях РСФСР (в редакции от 18 апреля 1991 года): «Допущение родителями или лицами, их заменяющими, правонарушений несовершеннолетних в возрасте до 16 лет – влечет предупреждение или наложение штрафа в размере от одной трети до одного минимального месячного размера оплаты труда». Эффективность этой меры была крайне низкой, поскольку большинство штрафов оставались невзысканными из-за бедности семей, вследствие чего на смену индивидуальной профилактической работе с семьями пришли массовые «рейды» по неблагополучным домам. Тем не менее, положения статьи 164 КоАП РСФСР действовали вплоть до 2002 года, когда был введен в действие новый Кодекс об административных правонарушениях РФ.

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года ознаменовало следующий этап в развитии правового регулирования ответственности несовершеннолетних. Новый кодекс закрепил принципиально иной подход к подростковой преступности, основанный на идеях гуманизации, дифференциации и индивидуализации ответственности, а также на приоритете восстановительного и воспитательного воздействия над карательным.

Таким образом, исторический анализ показывает, что эффективность системы мер в отношении несовершеннолетних достигается не простым расширением перечня санкций, а созданием четкого, непротиворечивого правового механизма, организационной независимостью специализированных органов профилактики от сиюминутных колебаний уголовной политики и последовательной реализацией принципов индивидуализации и приоритета воспитательного воздействия. Эти исторические уроки актуальны как для осмысления текущего состояния дел, так и для определения вектора дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменения.

Список литературы:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. С.148-155.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С. 214-215.
3. Крюкова Н. И. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 6. С. 23 - 27.
4. Окунева А. А. Развитие законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в советской России (1918-1940 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2013. № 6. С. 130-142.
5. Псковская судная грамота / Подгот. текста и коммент. Л.В. Черепнина // Памятники русского права. Вып. 2. М.: Госюриздат, 1953. С. 287 (ст. 27).
6. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 328–329.
7. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Под ред. Л.И. Ивиной. Л.: Наука, 1987. С. 167.
8. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 54 (ст. 58).
9. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с разъяснениями. СПб., 1867. Т. 2. С. 412 (дело № 87).
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года : изд. Н. С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. 11-е изд., пересм. и доп. С.-Петербург : Гос. тип., 1901. С. 142-147.
11. Юшков С.В. История государства и права СССР. Часть 1 / С.В. Юшков. М.: Госюриздат, 1940. С. 218.

References

1. Vladimirskii-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [An overview of the history of Russian law]. Rostov-n/D.: Feniks, 1995. pp. 148-155.
2. Grekov B. D. Kievskaiia Rus' [Kievan Rus]. M.: Gospolitizdat, 1953. pp. 214-215.
3. Kriukova N. I. Istoriia razvitiia ugovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnikh [History of the development of criminal legislation on the responsibility of minors]. Voprosy iuvenal'noi iustitsii. 2013. No. 6. pp. 23-27.
4. Okuneva A. A. Razvitie zakonodatel'stva ob ugovnoii otvetstvennosti nesovershennoletnikh v sovetskoi Rossii (1918-1940 gody) [Development of legislation on criminal liability of minors in Soviet Russia (1918-1940)]. Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs. 2013. No. 6. pp. 130-142.
5. Pskovskaia sudnaia gramota [Pskov Judicial Charter] / Prep. of text and commentary by L.V. Cherepnin. In Pamiatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. Iss. 2. M.: Gosiurizdat, 1953. p. 287 (art. 27).
6. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: V 9 t. [Russian legislation of the X–XX centuries: In 9 vols.]. Vol. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniia absoliutizma [Legislation of the period of the establishment of absolutism] / Exec. ed. A.G. Man'kov. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1986. pp. 328–329.
7. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii [Council Code of 1649: Text, comments] / Ed. by L.I. Ivina. L.: Nauka, 1987. p. 167.
8. Sudebnik 1497 goda [Code of Laws of 1497]. In Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: V 9 t. [Russian legislation of the X–XX centuries: In 9 vols.]. Vol. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniia i ukrepleniia Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state] / Ed. by O.I. Chistiakov. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1985. p. 54 (art. 58).
9. Sudebnye ustavy 20 noiabria 1864 g. s raz'iasneniiami [Judicial Charters of November 20, 1864 with explanations]. St. Petersburg, 1867. Vol. 2. p. 412 (case No. 87).
10. Ulozhenie o nakazaniiaakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885] : publ. by N. S. Tagantsev / comp. by prof. of St. Petersburg Univ. S. N. Tagantsev. 11th ed., rev. and suppl. St. Petersburg : State Typ., 1901. pp. 142-147.
11. Iushkov S.V. Istoriia gosudarstva i prava SSSR [History of State and Law of the USSR]. Part 1 / S.V. Iushkov. M.: Gosiurizdat, 1940. p. 218.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_426

УДК 343.9.018

ПОРЯДОК СНЯТИЯ С ОСУЖДЁННОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА «ЗЛОСТНЫЙ НАРУШИТЕЛЬ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

THE PROCEDURE FOR REMOVING THE LEGAL STATUS OF "SERIOUS VIOLATOR OF THE ESTABLISHED PROCEDURE FOR SERVING PUNISHMENT IN A CORRECTIONAL FACILITY" FROM A CONVICTED PERSON

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осуждённых от общества, юридического факультета

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия, vka05615@yandex.ru

Казак Игорь Брониславович

доцент института подготовки государственных и муниципальных

служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности

Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, vka05615@yandex.ru

Kazak Igor Bronislavovich

Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department of Operational Investigative Activities

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Краткая аннотация: В статье исследуется институт снятия с осуждённого правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» как завершающий этап реализации дисциплинарной ответственности в уголовно-исполнительной системе. Анализируются нормативные основания приобретения данного статуса, процедура его прекращения, а также правовые последствия как для самого осуждённого, так и для деятельности администрации исправительных учреждений. Особое внимание уделяется изменениям законодательства 2023 года, впервые закрепившим чёткий механизм утраты статуса злостного нарушителя. Рассматриваются проблемы правоприменительной практики, выявленные в ходе эмпирических исследований, и предлагаются пути совершенствования законодательного регулирования. Автор приходит к выводу, что снятие статуса злостного нарушителя представляет собой сложный юридический состав, требующий формализации процедуры и учёта индивидуальных характеристик осуждённого.

Abstract. The article examines the institution of removing the legal status of "serious violator of the established procedure for serving punishment" from a convicted person as the final stage of implementing disciplinary responsibility in the penal system. It analyzes the regulatory grounds for acquiring this status, the procedure for its termination, and the legal consequences for both the convicted person and the activities of the correctional facility administration. Special attention is given to the 2023 legislative changes, which for the first time established a clear mechanism for losing the status of a serious violator. The article examines the problems of law enforcement practice identified during empirical research and suggests ways to improve legislative regulation. The author concludes that the removal of the status of a persistent offender is a complex legal composition that requires formalization of the procedure and consideration of the individual characteristics of the convicted person.

Ключевые слова: осуждённый, злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания, злостное нарушение, дисциплинарное взыскание, правовой статус, исправительное учреждение, уголовно-исполнительное право, строгие условия отбывания наказания, дифференциация условий отбывания наказания.

Keywords: penal convict, serious violator of the established procedure for serving punishment, serious violation, disciplinary punishment, legal status, correctional facility, criminal executive law, strict conditions for serving punishment, differentiation of conditions for serving punishment.

Для цитирования: Гусев А.С., Казак И.Б. Порядок снятия с осуждённого правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания в исправительном учреждении // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 426-429. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_426.

For citation: Gusev A.S., Kazak I.B. The procedure for removing a convicted person from the legal status of a "malicious violator of the established order of serving a sentence in a correctional institution." // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 426-429. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_426.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026

Институт злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания занимает особое место в механизме дифференциации и индивидуализации исполнения лишения свободы. Признание осуждённого злостным нарушителем влечёт существенное изменение его правового положения: перевод в строгие условия отбывания наказания, ограничение в правах на свидания, уменьшение получения посылок и передач, а также выступает основанием для последующего установления административного надзора после освобождения. Однако если процедура признания осуждённого злостным нарушителем достаточно подробно регламентирована уголовно-исполнительным законодательством, то вопросы утраты данного статуса длительное время оставались вне поля зрения и лишь недавно получили нормативное закрепление [1].

Правовой статус «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» представляет собой специальный пенитенциарный статус, приобретаемый осуждённым в установленном законом порядке и влекущий комплекс правоограничений, выходящих за пределы общих условий отбывания наказания. Как справедливо отмечают исследователи, данный статус не является бессрочным и подлежит прекращению при наличии предусмотренных законом оснований.

В законодательстве выделяется две категории деяний, влекущих признание осуждённого злостным нарушителем. Во-первых, это исчерпывающий перечень нарушений, которые сами по себе признаются злостными в силу их повышенной общественной опасности: употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ; мелкое хулиганство; угроза, неповиновение представителям администра-

ции исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; изготовление, хранение или передача запрещённых предметов; уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения; организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них; мужеложство, лесбиянство; организация группировок осуждённых, направленных на совершение указанных правонарушений; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин. Во-вторых, злостным может быть признано повторное, в течение одного года совершение любого нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осуждённый подвергался взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор.

Процедура признания осуждённого злостным нарушителем включает несколько обязательных элементов. Осуждённый признаётся злостным нарушителем постановлением начальника исправительного учреждения по представлению дисциплинарной комиссии исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания [1,2]. К числу таких взысканий относятся: водворение в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа, единое помещение камерного типа или одиночную камеру. Таким образом, признание злостным нарушителем не является самостоятельным взысканием, а представляет собой квалифицирующий признак, который присоединяется к основному дисциплинарному взысканию и влечёт дополнительные правовые последствия.

Правовые последствия признания осуждённого злостным нарушителем носят комплексный характер и реализуются как в период отбывания наказания, так и после освобождения. В период отбывания наказания основным последствием выступает перевод осуждённого в строгие условия отбывания наказания. Осуждённые, отбывающие наказание в обычных условиях, переводятся в строгие условия, а осуждённые, отбывающие наказание в облегчённых условиях, переводятся в обычные или строгие условия. Осуждённые, переведённые в строгие условия, проживают в запираемых помещениях, им существенно ограничивается количество краткосрочных и длительных свиданий, посылок, передач, бандеролей, а также сумма денежных средств, разрешённых для расходования на личные нужды.

Кроме того, признание осуждённого злостным нарушителем учитывается при решении вопроса об изменении вида исправительного учреждения, при применении амнистии, а также при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Как показывает судебная практика, наличие статуса злостного нарушителя, как правило, препятствует положительному решению вопроса об условно-досрочном освобождении или замене наказания более мягким видом, поскольку свидетельствует о нестабильности поведения осуждённого и отсутствии устойчивой положительной динамики исправления.

Особое значение статус злостного нарушителя приобретает после освобождения осуждённого. Факт признания лица в период отбывания наказания злостным нарушителем является самостоятельным основанием для установления административного надзора после освобождения [3,4]. При этом административный надзор устанавливается независимо от того, сохраняется ли дисциплинарное взыскание, послужившее основанием для признания злостным нарушителем, на момент освобождения. Возможность назначения административного надзора связана с самим фактом признания лица злостным нарушителем в период отбывания наказания и не зависит от времени принятия соответствующего постановления начальником исправительного учреждения.

Вопрос о моменте прекращения статуса злостного нарушителя оставался дискуссионным в теории уголовно-исполнительного права и не имел однозначного решения в законодательстве. Одни исследователи полагали, что данный статус сохраняется до погашения или снятия взыскания, в связи с которым лицо было признано злостным нарушителем. Другие считали, что статус утрачивается автоматически по отбытии взыскания. Третьи настаивали на необходимости принятия специального решения администрации исправительного учреждения о снятии статуса. Отсутствие законодательно закреплённого механизма порождало разночтения в правоприменительной практике.

Осуждённый перестаёт являться злостным нарушителем одновременно с досрочным снятием ранее наложенного взыскания, в связи с которым он был признан злостным нарушителем, при условии отсутствия иных взысканий. Вторым основанием выступает истечение одного года со дня отбытия дисциплинарного взыскания (водворения в штрафной изолятор, перевода в помещение камерного типа и т.п.), если в течение этого года осуждённый не был подвергнут новому взысканию [1].

Анализ нового правового регулирования позволяет выделить два самостоятельных порядка утраты статуса злостного нарушителя: досрочный (в связи со снятием взыскания) и ординарный (по истечении года после отбытия взыскания).

Досрочное снятие взыскания, в связи с которым осуждённый был признан злостным нарушителем, возможно при наличии совокупности условий: во-первых, снятие взыскания должно производиться в порядке поощрения, то есть за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду; во-вторых, на момент снятия взыскания у осуждённого должны отсутствовать иные неснятые или непогашенные взыскания. Только при соблюдении этих условий досрочное снятие взыскания влечёт утрату статуса злостного нарушителя. При этом следует подчеркнуть, что законодатель не предусматривает необходимости вынесения отдельного решения о снятии статуса – он прекращается одновременно со снятием взыскания.

Ординарный порядок утраты статуса связан с истечением срока погашения дисциплинарного взыскания. Взыскание считается погашенным по истечении года со дня его отбытия, если в течение этого года осуждённый не совершит нового нарушения и не будет подвергнут новому взысканию [5]. Применительно к статусу злостного нарушителя: по истечении года со дня отбытия взыскания, осуждённый перестаёт являться злостным нарушителем при условии, что в течение этого года он не будет подвергнут новому взысканию.

Введение чёткого срока, по истечении которого осуждённый утрачивает статус злостного нарушителя, имеет важное значение для стимулирования правопослушного поведения. Осуждённый осознаёт, что даже после признания его злостным нарушителем и перевода в строгие условия отбывания наказания у него сохраняется возможность восстановить свой правовой статус путём безупречного поведения в течение установленного законом срока. Тем самым реализуется принцип «равенства возможностей» и создаются условия для социальной реабилитации осуждённых [6].

Вместе с тем анализ нового правового регулирования позволяет выявить ряд проблем, требующих дальнейшего осмысления и совершенствования. Исследователи обращают внимание на то, что в законе не решён вопрос о порядке снятия статуса злостного нарушителя в случаях, когда осуждённый был признан таковым в связи с совершением двух и более нарушений. Например, возможна ситуация, когда осуждённый признан злостным нарушителем за повторное совершение нарушений, за каждое из которых он подвергался водворению в штрафной изолятор. В этом случае статус злостного нарушителя обусловлен не одним конкретным взысканием, а их совокупностью. Досрочное снятие одного из взысканий при сохранении других вряд ли может служить основанием для утраты статуса злостного нарушителя, поскольку совокупность нарушений, послуживших основанием для признания таковым, сохраняется.

Другая проблема связана с определением момента, с которого исчисляется годичный срок для погашения статуса. Однако отбытие взыскания и его фактическое окончание не всегда совпадают с моментом выхода осуждённого из штрафного изолятора или помещения камерного типа. Возникает вопрос о правовом положении осуждённого в период после отбытия взыскания, но до истечения года, если в этот период он совершает новое нарушение, не влекущее наложения взыскания.

Существуют организационные проблемы в реализации процедуры снятия статуса злостного нарушителя. Среди наиболее значимых проблем респонденты отмечают отсутствие чёткого порядка документального оформления утраты статуса, необходимость ведения дополнительного учёта лиц, утративших статус злостного нарушителя, а также сложности с информированием осуждённых о моменте прекращения действия правоограничений, связанных с данным статусом.

Заслуживает внимания и вопрос о возможности повторного признания осуждённого злостным нарушителем после утраты им этого статуса. Действующее законодательство не содержит запрета на повторное признание, что представляется вполне обоснованным. Если осуждённый после утраты статуса злостного нарушителя вновь совершает нарушения, отнесённые законом к злостным, он может быть повторно признан злостным нарушителем со всеми вытекающими правовыми последствиями. При этом следует учитывать, что предыдущий факт признания злостным нарушителем не может служить основанием для какого-либо «отягчения» правового положения осуждённого, поскольку данный статус уже был утрачен в установленном законом порядке.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении прекращения статуса злостного нарушителя с изменением условий отбывания наказания. Перевод осуждённого в строгие условия отбывания наказания, будучи одним из основных правовых последствий признания злостным нарушителем, не является бессрочным. Осуждённые, отбывающие наказание в строгих условиях колонии общего режима, могут быть переведены в обычные условия не ранее чем через шесть месяцев при отсутствии взысканий и добросовестном отношении к труду.

Представляется, что данные процедуры являются самостоятельными и не всегда совпадают во времени. Возможна ситуация, когда осуждённый, отбывший шесть месяцев в строгих условиях и не имеющий взысканий, переводится в обычные условия отбывания наказания, но при этом сохраняет статус злостного нарушителя до истечения годичного срока со дня отбытия взыскания, послужившего основанием для признания его таковым. И напротив, по истечении года после отбытия взыскания осуждённый утрачивает статус злостного нарушителя, но продолжает отбывать наказание в строгих условиях до истечения установленного законом минимального срока. Это свидетельствует о том, что правовой статус злостного нарушителя и условия отбывания наказания – хотя и тесно связанные, но не тождественные правовые категории.

Правовые последствия утраты статуса злостного нарушителя не ограничиваются внутриучрежденческими отношениями. Как уже отмечалось, факт признания осуждённого злостным нарушителем в период отбывания наказания является основанием для установления административного надзора после освобождения, причём это основание действует независимо от того, сохраняется ли статус на момент освобождения. Возникает коллизия: осуждённый, который за год до освобождения утратил статус злостного нарушителя в связи с истечением установленного срока и в течение всего оставшегося периода отбывания наказания характеризовался положительно, после освобождения подлежит административному надзору только потому, что когда-то, возможно в начале срока, признавался злостным нарушителем.

Представляется, что такой подход не в полной мере соответствует принципу справедливости и целям административного надзора как меры профилактического воздействия. Административный надзор должен устанавливаться в отношении лиц, которые на момент освобождения представляют опасность для общества, что должно подтверждаться их поведением в период, непосредственно предшествующий освобождению. В связи с этим представляется обоснованным предложение о внесении изменений в пункт 1 части 3 статьи 3 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы», дополнив его указанием на то, что основанием для установления надзора является признание лица злостным нарушителем в период отбывания наказания, если соответствующее взыскание не снято и не погашено на момент освобождения.

Суды при рассмотрении дел об административном надзоре учитывают поведение осуждённого в период, непосредственно предшествующий освобождению. Наличие в прошлом факта признания злостным нарушителем не является безусловным основанием для установления административного надзора, если в последующем поведение осуждённого было безупречным, и он доказал своё исправление. Однако такие решения скорее являются исключением, чем правилом, и во многом зависят от усмотрения конкретного судьи.

Возвращаясь к процедуре снятия статуса злостного нарушителя, следует отметить, что её законодательное закрепление является важным шагом в развитии уголовно-исполнительного законодательства, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании. Представляется целесообразным дополнить статью 116 УИК РФ положением о том, что в случаях, когда осуждённый был признан злостным нарушителем на основании части 2 указанной статьи (в связи с повторным совершением нарушений), утрата им статуса возможна только при снятии или погашении всех взысканий, совокупность которых послужила основанием для признания злостным нарушителем. Кроме того, следовало бы уточнить,

что под «отсутствием иных взысканий» при досрочном снятии взыскания понимается отсутствие любых неснятых или непогашенных взысканий, независимо от их вида и тяжести.

Организационный аспект реализации процедуры снятия статуса злостного нарушителя также требует нормативного регулирования. В настоящее время отсутствует утверждённая форма документа, подтверждающего утрату осуждённым данного статуса, что создаёт сложности как для администрации исправительного учреждения, так и для самого осуждённого, который не может официально подтвердить факт изменения своего правового положения при обращении в различные инстанции. Целесообразно утвердить форму справки или иного документа, выдаваемого осуждённому при утрате статуса злостного нарушителя, либо предусмотреть обязанность администрации вносить соответствующую запись в материалы личного дела осуждённого с обязательным ознакомлением его под роспись.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является также обеспечение права осуждённого на обжалование действий администрации, связанных с признанием его злостным нарушителем и с отказом в снятии этого статуса. Действующее законодательство предусматривает возможность обжалования постановления о признании осуждённого злостным нарушителем вышестоящему должностному лицу или в суд. Однако порядок обжалования отказа в снятии статуса (в случаях, когда, по мнению осуждённого, имеются основания для его досрочного снятия) законодательно не урегулирован. Представляется, что такой отказ может быть обжалован в порядке, предусмотренном главой 22 Кодекса административного судопроизводства РФ, как решение, действие (бездействие) органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующие основные выводы: статус злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания является специальным пенитенциарным статусом, который приобретает осуждённый в результате совершения определённых законом нарушений и влечёт существенное изменение его правового положения как в период отбывания наказания, так и после освобождения. Данный статус не является бессрочным и подлежит прекращению при наличии предусмотренных законом оснований.

Законодательно закреплён порядок утраты статуса злостного нарушителя. Осуждённый перестаёт являться злостным нарушителем одновременно с досрочным снятием взыскания, в связи с которым он был признан таковым, при условии отсутствия иных взысканий, либо по истечении года со дня отбытия дисциплинарного взыскания, если в течение этого года он не подвергался новым взысканиям. Данное регулирование создаёт правовую определённость и стимулирует правопослушное поведение осуждённых.

Вместе с тем анализ нового правового регулирования выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего совершенствования. К их числу относятся: отсутствие чёткого механизма утраты статуса в случаях признания злостным нарушителем за совершение нескольких нарушений; неопределённость порядка документального оформления утраты статуса; коллизия между правилами утраты статуса и правилами перевода из строгих условий отбывания наказания; сохранение административного надзора как последствия признания злостным нарушителем даже после утраты этого статуса.

Решение выявленных проблем видится во внесении соответствующих изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство, а также в принятии ведомственных нормативных актов, регламентирующих организационные аспекты реализации процедуры снятия статуса злостного нарушителя. Перспективным направлением является также разработка методических рекомендаций для сотрудников исправительных учреждений по применению новых законодательных положений.

Институт снятия с осуждённого статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания представляет собой важный элемент механизма дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, а также стимулирования правопослушного поведения осуждённых. Его дальнейшее совершенствование будет способствовать повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы и достижению целей наказания.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) ст.116 {КонсультантПлюс}
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) ст.115, ст. 136 {КонсультантПлюс}
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) ч.2 ст.173.1 {КонсультантПлюс}
4. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп.) п.1 ч.3 ст.3 {КонсультантПлюс}
5. В соответствии с частью 8 статьи 117 УИК РФ, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) ч.8 ст.117 {КонсультантПлюс}
6. Прохорова М.В., Каретников К.В., Ковалев Н.С. Процедура снятия с осужденных правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»: теоретико-правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 451-458.

References:

1. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 12/17/2025) (with amendments and additions, intro. in force from 01/20/2026) art.116 {ConsultantPlus}
2. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 12/17/2025) (with amendments and additions, intro. in force from 01/20/2026) Articles115, 136 {ConsultantPlus}
3. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 17.12.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/20/2026) part 2 of art.173.1 {ConsultantPlus}
4. Federal Law No. 64-FZ of April 6, 2011 "On Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty" Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ of 01/08/1997 (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 12/17/2025) (as amended and supplemented) paragraph 1 of Part 3 of art.3 {ConsultantPlus}
5. In accordance with Part 8 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation, the Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 17.12.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/20/2026) part 8 of art.117 {ConsultantPlus}
6. Prokhorova M.V., Karetnikov K.V., Kovalev N.S. The procedure for removing the legal status of "malicious violator of the established order of serving a sentence" from convicts: theoretical, legal and organizational aspects // Actual problems of the state and law. 2024. Vol. 8. No. 3. pp. 451-458.

МЕХАНИЗМ ДИСТАНЦИОННОГО КРЕДИТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАС- СЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДИСТАНЦИОННЫМ ОФОРМЛЕ- НИЕМ КРЕДИТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧУЖИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ REMOTE CREDIT CRIME MECHANISM AS A GUIDELINE FOR OPERATIONAL- SEARCH ACTIVITIES TO ENSURE THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO REMOTE PROCESSING OF LOANS USING OTHER PEOPLE'S PERSONAL DATA

КАЗАК Бронислав Брониславович,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры организации режима и надзора в УИС, Академия ФСИН России.
Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1
E-mail: kafoppd@rambler.ru;

ГУРОВ Родион Александрович,

Соискатель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, ул. Ленина, д.2
E-mail: gurovxx@yandex.ru

KAZAK Bronislav Bronislavovich,

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Regime Organization and Supervision at the Penal System,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, Russia
E-mail: kafoppd@rambler.ru;

GUROV Rodion Alexandrovich,

Applicant for the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University.
2 Lenina St., Pskov, Russia
E-mail: gurovxx@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается механизм совершения преступлений, связанных с дистанционным оформлением кредитов с использованием чужих персональных данных в условиях цифровизации финансовых услуг. Авторы выделяют типичную структуру преступного посягательства, состоящую из четырех последовательных этапов: получение доступа к персональным данным, дистанционное оформление кредитной заявки, перечисление денежных средств, их обналичивание или распределение. Обосновывается, что каждый из этих этапов оставляет цифровые следы в информационных системах кредитных организаций, операторов связи и платежных сервисов, что создает объективные возможности для оперативно-розыскного сопровождения расследования. На основе анализа судебной практики сделан вывод о необходимости совершенствования алгоритмов оперативной проверки сообщений о преступлениях данной категории и развития межведомственного информационного взаимодействия.

Abstract. The article examines the mechanism for committing crimes related to remote processing of loans using other people's personal data in the context of digitalization of financial services. The authors distinguish a typical structure of criminal encroachment, consisting of four consecutive stages: gaining access to personal data, remote processing of a credit application, transferring funds, cashing them or distributing them. It is justified that each of these stages leaves digital traces in the information systems of credit institutions, telecom operators and payment services, which creates objective opportunities for operational-search support of the investigation. Based on the analysis of judicial practice, it was concluded that it is necessary to improve the algorithms for operational verification of reports of crimes of this category and the development of interdepartmental information interaction.

Ключевые слова: дистанционное кредитование, персональные данные, механизм преступления, оперативно-розыскная деятельность, цифровые следы, расследование преступлений, кредитное мошенничество, судебная практика.

Keywords: remote lending, personal data, crime mechanism, operational-search activities, digital traces, crime investigation, credit fraud, judicial practice.

Для цитирования: Казак Б.Б., Гуров Р.А. Механизм дистанционного кредитного преступления как ориентир для оперативно-розыскной деятельности для обеспечения расследования преступлений, связанных с дистанционным оформлением кредитов с использованием чужих персональных данных // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 430-432. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_430.

For citation: Kazak B.B., Gurov R.A. The mechanism of remote credit crime as a guideline for operational investigative activities to ensure the investigation of crimes related to remote loan processing using other people's personal data. // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 430-432. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_430.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

Развитие цифровых технологий и активное распространение дистанционных финансовых сервисов существенно трансформировали механизм заключения и исполнения кредитных договоров. В современной банковской практике оформление потребительских кредитов всё чаще осуществляется без личного присутствия заёмщика – посредством использования персональных данных, удалённой идентификации, одноразовых кодов подтверждения и автоматизированных систем принятия решений. Указанные процессы значительно повысили доступность кредитных продуктов и ускорили процедуру их получения, однако одновременно сформировали новые криминогенные риски, связанные с незаконным использованием персональных данных граждан и оформлением кредитных обязательств от имени третьих лиц.

Судебная практика последних лет свидетельствует о формировании устойчивых моделей преступного поведения, при которых злоумышленники получают доступ к персональным данным граждан, после чего дистанционно оформляют кредиты и направляют денежные средства на подконтрольные банковские счета либо счета соучастников. Характерной особенностью таких преступлений является их дистанционный и цифровой характер, что существенно усложняет выявление виновных лиц и сбор доказательств. При этом традиционные подходы к расследо-

ванию преступлений против собственности нередко оказываются недостаточно эффективными, поскольку значительная часть доказательственной информации находится в цифровых системах банковских организаций, операторов связи и иных участников финансовой инфраструктуры.

Особую роль в выявлении и документировании подобных преступлений играет оперативно-розыскная деятельность, позволяющая своевременно установить источники цифровых следов преступления, определить круг причастных лиц и получить информацию, имеющую доказательственное значение для уголовного судопроизводства. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что сотрудники правоохранительных органов не всегда обладают достаточным пониманием механизма дистанционного кредитования и особенностей цифровых финансовых сервисов, что затрудняет оперативную проверку сообщений о преступлениях и нередко приводит к отказу в возбуждении уголовных дел.

В результате значительное число граждан, на имя которых оформлены кредиты без их волеизъявления, вынуждены защищать свои права преимущественно в порядке гражданского судопроизводства, обращаясь в суды с требованиями о признании кредитных договоров незаключёнными либо недействительными [1. С. 22].

Подобная ситуация привела к дисбалансу между количеством судебных споров, связанных с оспариванием дистанционно оформленных кредитных обязательств, и числом возбужденных и расследованных уголовных дел по фактам соответствующих преступлений.

Такая диспропорция во многом обусловлена отсутствием отработанных алгоритмов оперативной проверки сообщений о преступлениях рассматриваемой категории, а также недостаточной интеграцией информационных ресурсов финансовых организаций, операторов связи и правоохранительных органов в процессе выявления преступлений.

В условиях цифровизации финансовых отношений особое значение приобретает разработка научно обоснованных подходов к оперативно-розыскному обеспечению расследования преступлений, связанных с дистанционным оформлением кредитов с использованием чужих персональных данных. Исследование механизма таких преступлений позволяет установить, что каждое из их этапов – получение персональных данных, дистанционное оформление кредитной заявки, перечисление денежных средств и их последующее обналичивание – сопровождается образованием цифровых следов, содержащихся в информационных системах банковских организаций, операторов связи и иных субъектов финансовой инфраструктуры. Соответственно, эффективное выявление и расследование подобных преступлений невозможно без активного использования возможностей оперативно-розыскной деятельности и межведомственного информационного взаимодействия.

Эффективность оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений во многом зависит от правильного понимания механизма их совершения. В теории уголовного права и криминалистике под механизмом преступления понимается система взаимосвязанных действий и обстоятельств, посредством которых реализуется преступный умысел и формируются последствия преступления. Анализ судебной практики по делам о дистанционном оформлении потребительских кредитов с использованием чужих персональных данных показывает, что такие преступления обладают устойчивой и воспроизводимой структурой, позволяющей выделить типичный механизм их совершения.

Как правило, преступное посягательство состоит из нескольких последовательных этапов, каждый из которых оставляет определённые цифровые следы в информационных системах различных организаций и потому может служить ориентиром для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Первый этап – получение доступа к персональным данным гражданина.

На начальной стадии преступления злоумышленники получают персональные данные потенциальной жертвы. Источниками таких данных могут выступать незаконные базы данных, утечки информации из коммерческих и государственных информационных систем, данные, полученные посредством социальной инженерии, а также сведения, размещённые гражданами в сети Интернет. Наличие персональных данных позволяет злоумышленнику пройти процедуры удалённой идентификации в системе кредитной организации и создать видимость обращения самого гражданина за получением кредита.

Судебная практика подтверждает, что именно получение персональных данных выступает исходным элементом рассматриваемого механизма преступления. Так, в кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 ноября 2023 г. № 77-4689/2023 установлено, что обвиняемый, располагая персональными данными потерпевшего, использовал их для дистанционного оформления кредита, после чего денежные средства были перечислены на подконтрольный счёт. Аналогичные обстоятельства зафиксированы в кассационных определениях того же суда от 21 сентября 2023 г. № 77-3921/2023 и от 7 декабря 2023 г. № 77-5234/2023.

Второй этап – дистанционное оформление кредитной заявки. После получения персональных данных злоумышленник направляет в кредитную организацию заявку на получение кредита. Как правило, это осуществляется через официальный сайт банка или микрофинансовой организации либо через мобильное приложение. Для подтверждения личности используются различные средства дистанционной идентификации: ввод паспортных данных, указание номера телефона, использование одноразовых SMS-кодов или иной простой электронной подписи [2. С. 39].

Особенностью данного этапа является то, что взаимодействие между злоумышленником и кредитной организацией происходит преимущественно через автоматизированные системы обработки заявок. В ряде случаев решение о выдаче кредита принимается без участия конкретного сотрудника банка, что подтверждается судебной практикой. Так, в апелляционном определении Свердловского областного суда от 26 октября 2022 г. по делу № 22-8118/2022 указано, что решение о предоставлении кредита было принято автоматизированной системой на основании сведений, предоставленных в электронной форме.

Третий этап – перечисление денежных средств. После принятия решения о выдаче кредита денежные средства перечисляются на

банковский счёт или карту, указанные в заявке. Как правило, такие счета контролируются самим злоумышленником либо его соучастниками. В ряде случаев используются так называемые «транзитные» банковские карты, оформленные на подставных лиц [3. С. 25].

Этот этап является ключевым с точки зрения установления дальнейшего движения денежных средств и выявления участников преступной схемы. В судебных актах неоднократно отмечается, что перечисление денежных средств осуществляется на счета, не принадлежащие гражданину, от имени которого был оформлен кредит (кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 ноября 2023 г. № 77-4689/2023).

Четвёртый этап – обналичивание или распределение похищенных денежных средств.

Заключительной стадией преступления является вывод денежных средств из банковской системы. Это может осуществляться путём снятия наличных денежных средств через банкоматы, перевода денежных средств на иные банковские счета либо использования электронных платёжных сервисов.

Для правоохранительных органов данный этап имеет важное значение, поскольку именно здесь наиболее вероятно установление конкретных исполнителей преступления, в том числе лиц, осуществляющих обналичивание денежных средств.

Таким образом, механизм дистанционного кредитного преступления представляет собой последовательную цепочку действий, включающую получение персональных данных, дистанционное оформление кредитной заявки, перечисление денежных средств и их последующее обналичивание или распределение. Каждая из указанных стадий сопровождается образованием цифровых следов, содержащихся в информационных системах кредитных организаций, операторов связи, платёжных систем и иных участников финансовой инфраструктуры.

Понимание структуры данного механизма имеет принципиальное значение для организации оперативно-розыскной деятельности. Именно последовательность этапов совершения преступления позволяет определить основные источники оперативно значимой информации и сформировать алгоритм проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление обстоятельств преступления и лиц, причастных к его совершению.

Выявление типичного механизма дистанционного кредитного преступления имеет принципиальное значение для организации оперативно-розыскной деятельности, поскольку позволяет определить этапы формирования доказательственной информации и источники её получения. Каждая стадия рассматриваемого преступления сопровождается образованием цифровых следов, фиксируемых в информационных системах различных организаций. В этой связи особое значение приобретает анализ основных источников оперативно значимой информации, которые могут быть использованы правоохранительными органами при проверке сообщения о преступлении и в ходе расследования уголовного дела.

Список литературы:

1. Шмонин А. В. Межведомственное информационное взаимодействие при расследовании преступлений в сфере финансов // Информационное право. – 2022. – № 4. – С. 19–24.
2. Егорова М. А. Дистанционная идентификация в банковской деятельности: правовые риски // Банковское право. – 2022. – № 2. – С. 34–41.
3. Кузнецов А. А. Использование подставных лиц в схемах кредитного мошенничества // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 22–26.

References:

1. Shmonin A.V. Interdepartmental information interaction in the investigation of crimes in the field of finance//Information law. – 2022. – № 4. - S. 19-24.
2. Egorova M. A. Remote identification in banking: legal risks//Banking law. – 2022. – № 2. - S. 34-41.
3. Kuznetsov A. A. The use of dummies in credit fraud schemes//Russian investigator. – 2023. – № 6. - S. 22-26.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ КОЛЕБАНИЯ ДИНАМИЧЕСКОГО РЯДА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ В 1991-2006 ГОДАХ ON THE REASONS FOR THE DYNAMIC RANGE OF CRIME IN RUSSIA IN 1991-2006

АШИН Андрей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС,
600000, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

МИХАЙЛОВ Алексей Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России,
600000, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская ул., 49.
E-mail: urgantfk@mail.ru

ЗЫКОВ Даниил Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин факультета права
и управления, Владимирский юридический институт ФСИН России, доцент кафедры экономики, управления и права,
Покровский филиал Московского педагогического государственного университета.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

ASHIN Andrey A.,

Chief of the Department of legal support of state and municipal administration,
Vladimir Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
49 Bolshaya Moskovskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600000, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

MIKHAYLOV Alexey E.,

Assistant Professor of legal support of state and municipal management,
Vladimir Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation,
Assistant Professor of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
49 Bolshaya Moskovskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600000, Russia.
E-mail: urgantfk@mail.ru

ZYKOV Daniil A.,

Chief of Public Law Studies Department of the faculty of law and management
of Vladimir law institute of the federal penitentiary service of Russia,
Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law
of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University, PhD (Law), Associate Professor.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: daniilzykov@mail.ru

Краткая аннотация: Статья представляет из себя первую часть исследования, посвященного выявлению закономерностей колебаний преступности в современной России и установления их причин. Цель авторского коллектива связана с попыткой осмыслить наличие феномена «качелей преступности» и сделать вывод об эффективности проводимой в России уголовной политики. В статье затрагивается проблематика развития преступности с 1991 по 2006 год, а также оцениваются причины изменения её динамического ряда.

Abstract: The article is the first part of a study devoted to identifying the patterns of fluctuations in crime in modern Russia and establishing their causes. The goal of the author's team is to try to understand the phenomenon of the «crime swing» and draw a conclusion about the effectiveness of the criminal policy pursued in Russia. The article addresses the issue of the development of crime from 1991 to 2006, and also evaluates the reasons for changes in its dynamic series.

Ключевые слова: преступность, динамика преступности, причины преступности в современной России, «качели преступности».
Keywords: crime, crime dynamics, causes of crime in modern Russia, «crime pendulum».

Для цитирования: Ашин А.А., Михайлов А.Е., Зыков Д.А. К вопросу о причинах колебания динамического ряда преступности в России в 1991-2006 годах // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 433-436. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_433.

For citation: Ashin A.A., Mikhailov A.E., Zikov D.A. On the question of the causes of fluctuations in the dynamic range of crime in Russia in 1991-2006 // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 433-436. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_433.

Статья поступила в редакцию: 31.03.2026

В этом году исполняется 35 лет новой российской государственности, что позволяет подвести некоторые итоги и сделать определенные выводы об успехах реализации государственной политики, в частности, в области противодействия преступности. К 1991 году Россия подошла с довольно неблагоприятными тенденциями развития преступности. Начавшийся еще в 1988 году заметный рост преступности закономерно продолжился и после распада СССР [2, С. 60]. В последующем Российская Федерация столкнулась с множеством негативных факторов в самых разных сферах социальных отношений. Часть из них была преодолена, часть продолжает оказывать влияние на государственную политику и общественное развитие и донныне. Всё это находит своё отражение в показателях преступности, позволяющих судить не только о негативных факторах, детерминирующих преступность, но и об эффективности государственной уголовной политики.

Оценка динамического ряда объема преступности в России с 1991 по 2025 год позволяет выделить ряд особенностей. В первую очередь обращает на себя внимание разница характера изменений преступности. Если до 2006 года наблюдается заметное колебание объема преступности с ярко выраженной тенденцией его увеличения, завершившейся четырьмя годами непрерывного роста, то после 2006 года колебания объема преступности носит более плавный характер, а общая тенденция развития преступности вплоть до 2025 года характеризуется её снижением (рис. 1).

Так или иначе, в криминологии социальные причины преступности связывают в первую очередь с экономическими факторами [1, С. 60]. Соглашаясь с данной точкой зрения интересно проследить корреляцию колебаний преступности с изменением социально-экономических отношений в нашей стране. Будучи ограничены рамками публикации, мы затронем проблематику изменения динамического ряда преступности в России в период её роста, то есть с 1991 по 2006 годы

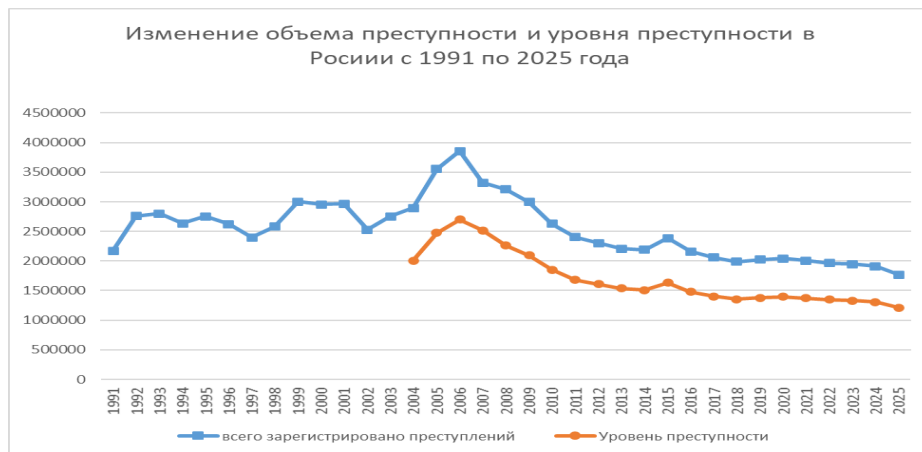
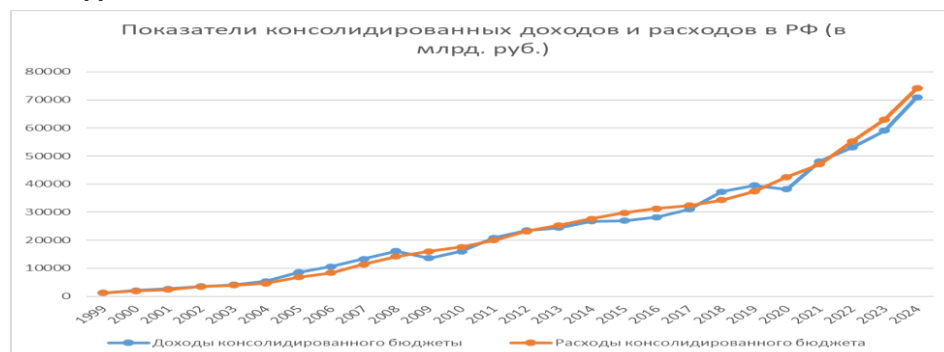

Рисунок 1

В целом мы можем выделить следующие пики колебания преступности в Российской Федерации начиная с 1991 года:

- 1993 год. Было зарегистрировано 2799614 преступлений. До этого наблюдался резкий рост преступности на протяжении пяти лет (начиная с 1987 года), когда объем преступности увеличился практически в три раза. В 1994 году наблюдалось снижение преступности на 6%, после чего вновь возобновился рост;
- 1995 год. Было зарегистрировано 2755669 преступлений, после чего последовало снижение преступности в 1996 и 1997 году с общим темпом в 13,2%. Затем последовало два года непрерывного роста преступности;
- 1999 год. Было зарегистрировано 3001748 преступлений, после чего наблюдалось незначительное снижение в 2000 году (-1,7%) и вновь рост в 2001 году (до 2968255 преступлений (+0,6%)) с последующим заметным снижением в 2002 (-14,9%). Начиная с 2003 по 2007 год наблюдалась тенденция непрерывного роста преступности.
- 2006 год. Было зарегистрировано 3855373 преступлений. Прирост к 2003 году составил 34,5%. Это абсолютный пик объема преступности, зарегистрированный в Российской Федерации с 1991 года. Затем началось последовательное снижение преступности с периодами незначительного роста в условиях снижения частоты колебаний. На протяжении восьми лет, т.е. до 2014 года наблюдалась динамика снижения преступности. За это время её объем снизился на 43,2% [8].

Таким образом мы можем выделить следующие периоды роста: с 1987 по 1993 год, с 1994 по 1995 год, с 1997 по 1999 год; с 2000 по 2001 год; с 2002 по 2006 год. Помимо этого, незначительный рост преступности наблюдался с 2014 по 2015 год и с 2018 по 2020 год. Если сопоставлять эти данные с показателями консолидированных доходов и расходов в России, отражающих состояние финансовой системы страны, то можно отметить наличие определенных взаимосвязей (рис. 2). К сожалению, на официальном сайте Росстата исследуемый нами показатель в разделе «Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2024 годы» приведен только с 1999 года, но и это позволяет сделать вполне конкретные выводы [9].

Так, в период с 1999 по 2004 года соотношение доходов и расходов было весьма близко, уровень профицита был небольшим. При этом и объем доходов и расходов по сравнению с последующими годами был невелик. С 2005 по 2008 годы профицит бюджета стал заметнее.

В целом же показатели динамики преступности в России совпадают с показателями финансово-экономического развития государства. При этом следует отметить, что экономические кризисы, случившиеся в Российской Федерации так или иначе связаны с внешними факторами, в связи с переходом экономики на рыночные отношения и встраивания её в международные экономические системы.

В частности, рост преступности в России в период с 1987 по 1993 год связан с трансформационным кризисом, сопровождавшим смену социально-экономической формации СССР и в целом крах государства. Усугубил ситуацию и «догнавший» Россию в конце 80-х начале 90-х кризис, случившийся на Западе в 70-х вследствие перехода к постиндустриальному обществу [4, С. 10].

Следующий экономический кризис в нашей стране произошел в 1998 году в следствии ошибок в экономической политике, незавершенности институциональных и структурных реформ, а также произошедшего мирового финансового кризиса, приведшего к снижению стоимости на сырьевые ресурсы, массовому оттоку финансов из России и дефолту краткосрочных кредитных обязательств [10]. Это предсказуемо сказалось на динамике преступности. В 1998 году начался её рост, продолжившийся с более высокими темпами и в 1999 году.

На этом фоне остается открытым вопрос о причинах роста преступности в 1995 году, ведь экономических кризисов, как таковых в этот период не фиксировалось.

Л.А. Мусаелян по этому поводу отметил, что реализованная в начале 90-х годов в России идеология неоллиберализма с макроэкономической стратегией «Вашингтонского консенсуса», навязанная США, не была программой роста. Создавая условия экономической деградации и вывоза из страны капитала, она привела к массовому обнищанию населения и критическому расслоению общества. И даже стремление нового российского руководства в начале «нулевых» дистанцироваться от рыночного фундаментализма, не изменило подхода Правительства, состоявшего преимущественно из либералов, продолжавших применять преимущественно монетаристские методы управления экономикой, в следствии чего Россия погружалась в новый экономический кризис не успев выйти из предыдущего [5, С. 38]. Таким образом вполне понятно отсутствие явно выраженных позитивных изменений в состоянии преступности России в середине 90-х годов XX века, ведь в целом социально-экономические отношения в нашей стране были крайне неблагоприятными.

В.А. Мау, сторонник либеральной модели экономики, не соглашаясь в целом с негативными оценками проводимой в России в 90-х экономической политики, также признал, что экономический кризис в стране оказался довольно длительным и кризис 1998 года стал «завершающим эпизодом финансового кризиса десятилетия» [4, С. 12].

По мнению А.И. Долговой, некоторая стабилизация динамики преступности в середине 90-х связана отчасти с адаптацией правоохранительных органов к новой ситуации, а отчасти с неустоявшейся практикой применения меняющегося уголовного законодательства, что в целом привело к снижению общеуголовных деяний, но не повлияло на рост заказных убийств, экономической и должностной преступности, а также преступности террористического характера. Криминальная активность населения с 1994 по 1997 год, как отмечала исследователь выросла вдвое [3, С. 113-114]. То есть фактически этот период нельзя однозначно признать стабильным ни с позиции экономики, ни с точки зрения криминогенности.

В целом же криминальные последствия экономического кризиса, на наш взгляд, ощущались вплоть до 2006 года – пика роста преступности в современной России. С 1999 г. по 2001 годы наблюдались колебания в динамике преступности, после чего с 2002 года последовал её пятилетний рост. Однако не все исследователи связывают рост преступности в России в 2002-2006 годах с последствиями экономического кризиса.

Так, С.Ю. Бытко вполне обоснованно отмечает, что этот период характеризуется экономическим подъемом. Это подтверждается и приведенными нами финансовыми показателями. Исследуя подобную «аномальность», указанный автор пришел к выводу, что рост преступности объясняется наличием определенных циклов «движения» криминального актива. На середину «нулевых», по мнению данного исследователя, как раз выпал период, когда на свободу «вышло» значительное число криминогенно опасных осужденных, спровоцировавших рост преступности [2, С. 63]. Не отрицая наличие подобных закономерностей и их влияние на динамику преступности, полагаем, что причина роста преступности в первой половине «нулевых» всё же глубже и включает массу факторов.

В первую очередь необходимо оценить динамику снижения преступности в 2002, заметно сбившую тренд увеличения объема регистрируемых преступлений. А.И. Долгова отмечала, что подобное снижение во многом связано с принятием в 2001-м году нового УПК РФ, первоначально отрицательно повлиявшего на регистрацию преступлений и возбуждение уголовных дел, а также вступлением в силу нового КоАП РФ, изменившего подход к уголовно-наказуемым хищениям, декриминализировав часть из них. При этом, по мнению экспертов, тенденции развития преступности в целом продолжали оставаться неблагоприятными [3, С. 115], т.е. экономические последствия кризиса в начале XXI века продолжали ещё какое-то время влиять не преступность, обуславливая увеличение её объема, ведь повышение благосостояния у населения носило постепенный и неравномерный характер.

К сказанному, на наш взгляд, следует дополнить и изменение подхода к реализации государственной уголовной политики. Если в 90-х годах её единство определялось федеральными целевыми программами по усилению борьбы с преступностью, то с августа 2000 года статус программы повысился до межгосударственной и был разработан Национальный план Российской Федерации по реализации Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью. Уголовная политика приобрела более комплексный, последовательный и всесторонний характер. Первый Национальный план охватывал 2000-2003 год. Вполне вероятно, усиление уголовной политики также дало определенный эффект в снижении уровня и объема преступности.

Однако это же повлияло и на последующий рост преступности, за счёт активизации деятельности по выявлению и раскрытию пре-

ступлений. Росту регистрируемых преступлений способствовала также и стабилизация правоприменительной практики в 2003-2004 годах.

Подобную позицию разделяют и другие исследователи, отмечающие, что ужесточение борьбы с преступностью в 2005 году и повышение качества работы правоохранительных органов привели, к увеличению регистрации преступлений [6, С. 117]. В частности, заметную роль в этом сыграл совместный приказ ряда правоохранительных органов от 29.12.2005г. «О едином учете преступлений».

Р.Г. Нургалиев, занимавший с 2003 по 2012 годы пост Министра внутренних дел России, отмечал, что рекордный рост преступности в 2006 году был прогнозируемым и не свидетельствует о увеличении криминализации общества. По его мнению, рост преступности связан с принятыми мерами по снижению латентности преступлений небольшой и средней тяжести [11].

Оценивая причины роста преступности в России 2002-2006 годов нельзя, по нашему мнению, исключить и чрезмерное аккумулирование населением негативного опыта потрясений последнего десятилетия XX века, заметно сказавшихся на благополучии россиян. К концу 90-х не менее 23,7% наших сограждан жили за чертой бедности [5, С. 38]. Учитывая глубокое влияние отрицательных социально-экономических факторов на мировосприятие, а также то обстоятельство, что уровень криминализации населения откликается на изменение общественных отношений не сразу, представляется вполне обоснованным предположение, что тренд роста преступности в России в первой половине «нулевых» годов XXI века в какой-то степени связан и с последствиями негативных экономических факторов ушедшего столетия.

Таким образом, проанализировав первые пятнадцать лет современной российской государственности, можно сделать вывод, что наша страна, столкнувшись с чередой глубоких кризисных социально-экономических потрясений, заметно криминализировалась под их воздействием. Общий динамический ряд преступности в период с 1991 по 2006 год характеризовался ярко выраженной тенденцией роста с незначительными колебаниями показателей, связанными с одной стороны с отрицательным эффектом изменения нормативно-правового регулирования противодействия преступности и перегибами правоприменительной практики, а с другой - с попытками ужесточить уголовную политику и активизировать правоохранительную деятельность.

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Причины преступности / Ю. М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1(53). – С. 58-64.
2. Бытко, С.Ю. Причины колебаний преступности в России / С. Ю. Бытко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 4(42). – С. 60-64.
3. Долгова А.И. Криминология : [для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов] / А. И. Долгова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, Инфра-М, 2016. — 367 с.
4. Мау, В. Экономические кризисы в новейшей истории России / В. Мау // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10, № 2. – С. 7-19.
5. Мусаелян, Л. А. Реформы 90-х и их экономические и политико-правовые последствия / Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 39. – С. 36-52.
6. Федотов А.А. Динамика распространения преступности в регионах России в период 2000-2024 гг. / А.А. Федотов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025 - №9 – С. 115-128.
7. Шамиловская, Д. А. Проблематика управления дефицитом государственного бюджета на современном этапе развития экономики Российской Федерации / Д. А. Шамиловская // Экономические науки. – 2018. – № 163. – С. 106-110.
8. Состояние преступности [электронный ресурс] МВД РФ: офиц. сайт. - Режим доступа. - <https://мвд.рф/reports/21/> (Дата обращения 31 марта 2026 года).
9. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2024 годы [электронный ресурс] Росстат: офиц. сайт. – Режим доступа : <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (Дата обращения 02.03.2026 года).
10. Об итогах работы Министерства финансов Российской Федерации в 1998 году [электронный ресурс] Минфин: офиц. сайт. – Режим доступа : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=4985 (Дата обращения 02.03.2026 года).
11. В 2006г. в России зарегистрировано 3 млн 855 тыс. преступлений: статья [электронный ресурс] РБК: информ. портал. – Режим доступа : <https://www.rbc.ru/society/09/02/2007/5703c74e9a79470eaf765412?ysclid=mnhoqtz0g7277459928> (Дата обращения 02.03.2026 года).

References:

1. Antonyan, Yu. M. The causes of crime / Yu. M. Antonyan // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1(53). – Pp. 58-64.
2. Bytko, S. Y. The causes of fluctuations in crime in Russia / S. Y. Bytko // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2015. – № 4(42). – Pp. 60-64.
3. Dolgova A.I. Criminology: [for students, postgraduates, teachers of law schools and faculties] / A. I. Dolgova. — 4th ed., revised and add. Moscow : Norma, Infra-M, 2016. 367 p.
4. Mau, V. Economic crises in the modern history of Russia / V. Mau // Economic policy. 2015. Vol. 10, No. 2. pp. 7-19.
5. Musayelyan, L. A. The reforms of the 90s and their economic, political and legal consequences / L. A. Musayelyan // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2018. – No. 39. – pp. 36-52.
6. Fedotov A.A. The dynamics of the spread of crime in the regions of Russia in the period 2000-2024 / A.A. Fedotov // Regional problems of economic transformation. 2025 - No. 9 – pp. 115-128.
7. Shamilovskaya, D. A. Problems of management of the state budget deficit at the present stage of economic development of the Russian Federation / D. A. Shamilovskaya // Economic sciences. – 2018. – No. 163. – pp. 106-110.
8. The state of crime [electronic resource] of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official. website. – Access mode. - <https://мвд.рф/reports/21/> (Accessed March 31, 2026).
9. Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1991-2024 [electronic resource] Rosstat: official website. website. – Access mode : <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> (Accessed 03/02/2026).
10. On the results of the work of the Ministry of Finance of the Russian Federation in 1998 [electronic resource] Ministry of Finance: official. website. – Access mode : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=4985 (Accessed 03/02/2026).
11. In 2006, 3 million 855 thousand crimes were registered in Russia: article [electronic resource] RBC: inform. the portal. – Access mode : <https://www.rbc.ru/society/09/02/2007/5703c74e9a79470eaf765412?ysclid=mnhoqtz0g7277459928> (Accessed 03/02/2026).

САМОСУД КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ SELF-SUICIDE AS A SOCIAL PHENOMENON

ГУСЕВ Антон Сергеевич

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е.
vka05615@yandex.ru

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
3900000, Россия, г. Рязань, Сенная улица, 1.
vka05615@yandex.ru

МЕЛЬКУНОВ Илья Сергеевич

курсант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е.
melkunovilya5@mail.ru

GUSEV Anton Sergeevich

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences not related to the isolation of Convicts from Society, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.
vka05615@yandex.ru

MOISEEV Nikolai Dmitrievich

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
1 Sennaya Street, Ryazan, 3900000, Russia.
vka05615@yandex.ru

MELKUNOV Ilya Sergeevich

Cadet of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.
melkunovilya5@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автором рассматриваются примеры самосуда со стороны граждан, как на современном этапе развития Российского общества, так и в историческом аспекте – во времена Российской Империи на рубеже XIX-XX веков. Автором обращается внимание, как на причины такого явления как самосуд, где выдвигается версия, что самосуд, на рубеже XIX-XX веков, в Российской Империи был практически безнаказанным явлением в следствии чего мог использоваться общинами деревень для устранения неугодных жителей.

Abstract: In the article, the author examines examples of self-suicide by citizens, both at the current stage of development of Russian society, and in the historical aspect – during the time of the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries. The author draws attention to the causes of such a phenomenon as self-suicide, where it is suggested that self-suicide at the turn of the 19th-20th centuries in the Russian Empire was an almost unpunished phenomenon, as a result of which it could be used by village communities to eliminate undesirable residents.

Ключевые слова: самосуд; расправа; преступник; кража; издевательства; суд; правосудие.

Keywords: lynching; execution; criminal; theft; bullying; court; justice.

Для цитирования: Гусев А.С., Моисеев Н.Д., Мелькунов И.С. Самосуд как социальное явление // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 437-440. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_437.

For citation: Gusev A.S., Moiseev N.D., Melkunov I.S. Lynching as a social phenomenon // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 437-440. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_437.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

В соответствии с Конституцией Российской Федерации Россия позиционирует себя как правовое государство, где обеспечение соблюдения прав и свобод человека определяются как приоритетная государственная задача, а в случае их нарушения – государство берет на себя обязательства в скорейшем восстановлении потерпевшего в правах, а также привлечении правонарушителя к соответствующему виду ответственности. К примеру, если лицо совершило деяние предусмотренное уголовным законодательством России, то оно может быть приговорено к уголовному наказанию, либо к нему могут быть применены меры уголовно-правового характера.

Для защиты прав и свобод человека, а также субъектов правоотношений в России действует достаточно широкий перечень нормативных актов, которые позволяют привлечь правонарушителя к ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой) за любое совершенное им деяние в нарушение законодательства России.

Кроме того, законодательно предусмотрена процедура применения различных мер принуждения граждан к правопорядку, от алгоритмов привлечения к дисциплинарной ответственности, до судебного процесса.

Говоря о России как о правовом государстве также нельзя забывать о существующей государственной системе учреждений и органов, которые уполномочены применять к правонарушителям различного рода средства стимулирования право послушного поведения.

К примеру, если рассматривать уголовное право, то в настоящее время на территории России существует целый спектр учреждений,

которые исполняют уголовные наказания к примеру:

- Федеральная служба исполнения наказаний России;
- Федеральная служба судебных приставов России;
- Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации;
- и другие.

В тоже время, не смотря на достаточно детально проработанную правовую основу для урегулирования спорных и конфликтных ситуаций, а также для привлечения правонарушителей к какой-либо ответственности, нередко граждане не только стремятся решить вопрос вне правового поля, но и даже устраивают самосуд над лицами, совершившими преступление.

К примеру, в 2011 году в городе Москва произошло дорожно-транспортное происшествие – наезд на пешеходов со смертельным исходом. Виновница ДТП (водитель автомобиля) находилась в алкогольном опьянении и на скорости более ста километров в час сбила двух пешеходов.

За совершенное деяние женщина подлежала к привлечению к уголовной ответственности в соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Не смотря на все это свидетели случившегося, проявили агрессию в отношении женщины и даже пытались устроить самосуд – что в свою очередь также является нарушением действующего законодательства России – то есть те, кто участвовал бы в расправе над виновницей ДТП также были бы привлечены к уголовной ответственности с отягчающими обстоятельствами.

В качестве еще одного примера самосуда, можно рассмотреть действия родителя, который пришел в общеобразовательную школу и окупил в унитаз головой 12 летнего школьника, который издевался над одноклассниками.

Причиной действий родителя явилось бездействие со стороны руководства школы на поступающие многочисленные жалобы родителей на поведение ребенка.

В 2003 году жители села Краснополье Свердловской области самостоятельно казнили двух мужчин, которые, по их мнению, осуществляли грабежи и изнасилования.

Справедливости ради следует заметить, что и факт осуждения преступника и помещения осужденного в пенитенциарные учреждения не исключает факта того, что в отношении него не будут совершены действия схожие с самосудом.

Обращаясь к понятийному аппарату заметим, что в соответствии со словарем Ожегова, под «самосудом» понимается «самочинная расправа с кем-нибудь без ведома властей». Иными словами самосуд – это общественно-опасное явление, хотя и не предусмотрено положениями уголовного законодательства России. В частности, в последнем приведенном примере родителя, который осуществил противоправные действия в отношении школьника, привлекли к уголовной ответственности по статье 116 УК РФ.

Кроме того, анализируя труды ученых исследователей можно увидеть, что в среде осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы существует своя определенная иерархия, для поддержания которой осужденные могут учинять самосуд над другими осужденными за нарушение установленных ими же правил и обычаев.

Фактически, самосуд покушается на конституционные основы страны, в соответствии с которыми только государство обладает правом осуществлять судебные разбирательства, привлекать к ответственности, карать кого-либо или применять силу для восстановления правопорядка.

К сожалению, в реалиях развития общественных отношений самосуд является достаточно частым явлением, что обусловлено целым рядом причин. К примеру, по мнению Котельникова О.А. самосуд может в случаях:

- когда граждане не верят в справедливое правосудие или органам государственной власти;
- выступает следствием эмоционального выплеска свидетелей случившегося, особенно если очевидцы (пострадавшие) были уязвлены поведением злоумышленника;
- эффект толпы, который часто граничит с эффектом безнаказанности;
- результатом ранее накопившейся обиды, которые нашли одномоментный выплеск в виде агрессии к преступнику;
- прочие причины.

Заметим, что перечисленные причины возникновения такого явления как самосуд, актуальны не только в реалиях современной России, но и также проявлялась на более ранних этапах развития отечества.

Так, если рассмотреть период с конца XIX – начала XX века – то есть этап развития Российской Империи, который характеризуется существенными изменениями практически во всех сферах деятельности государства, то можно заметить, что такое явление как самосуд также было нередким явлением во многих регионах страны.

К примеру, в работе Бердинских В. А. приводятся воспоминания очевидца самосуда в вятской деревне: «Однажды самосуд видела своими глазами, в детстве это было... Украл один мариец у нашего соседа телку, зарезал в лесу. Потом это раскрыли, нашли шкуру. Так вот эту шкуру надели на него и стали бить чем попало. Вот такой был суд! И вели его по всей деревне. И по шкуре, и по вору черви ползли, так как шкура уже портиться стала. Все видели в деревне этот самосуд».

В данном конкретном случае можно наблюдать физическую расправу над вором скота, и как замечает сам очевидец – не известно выжил ли вор после побоев или нет.

В качестве еще одного примера самосуда можно рассмотреть события изложенные в исследовании Тенишева В.В., где автором пересказываются действия населения деревни в отношении пойманного вора овса.

В ходе повествования Тенишев В.В. обращает внимание, что лица осуществлявшие «самосуд» дают вору откупиться от них водкой, а когда у него заканчиваются деньги, начинают распродавать имущество вора: «Он отказался неимением денег и при этом стал ругать мужиков, называя их разбойниками и пьяницами. Тогда мужики рассерчали, скинули с стоявшей на дворе телеги передок колес и пропили их за полведра водки».

В дальнейшем, учинившие самосуд начали шантажировать вора овса на предмет того, что если он не даст им водки, то они передадут его в власти и он будет осужден: «Мужики стали угрожать ему, если он не поднесет им водки, то его свяжут и поведут к Земскому Начальнику; если он им поднесет водки, то они его до сведения начальства не доведут».

В качестве еще одного подобного примера самосуда, когда жители деревни требовали откупа водкой, можно рассмотреть исследование

Васева И. Н.. Автор обращает внимание на случай, когда за кражу овцы от воровки требовали продать корову, а вырученные с продажи деньги пропить: «Такую чертовку, да прощать?! Она еще захочет баранины». «Какое же ей дать наказание?», - спросил староста у мужиков. «А вот какое, - закричал весь сход, - корову пропить. Она будет знать, как чужих баранов резать».

Изучая работы Тенишева В.В., можно увидеть достаточно много случаев самосуда со стороны жителей деревень над жителем их же населенного пункта. В частности автор описывается случай самосуда над крестьянкой деревни Мешковой Анной Акуличевой за учиненную кражу холста и за донос начальству. В своем исследовании автор указывает, что самосуд над крестьянкой фактически заключался в прилюдном моральном унижении человека.

В исследовании Тенишева В.В. отмечается, что подобные проявления самосуда осуждались со стороны представителей власти. Автором указывается, что земский начальник, когда узнал о самосуде, который был осуществлен над крестьянкой, приговорил старосту деревни к двум дням ареста, однако указанное не остановило ни старосту ни жителей деревни от дальнейшей расправы над Анной Акуличевой, которое закончилось битьем кнутом (30 ударов), а также всеобщим пожизненным презрением.

Здесь стоит обратить внимание на поведение крестьянки Анны на протяжении всей расправы. Из исследования Тенишева В.В. видно, что Анна Акуличева держится достойно и даже совершала попытки отбиться от лиц, учинявших самосуд.

Анализируя поведение указанной крестьянки, а также тот факт, что к ней не применялось наказание со стороны земского начальника, хотя ее вина в краже якобы была доказана, позволим себе сделать вывод, что она была невиновна, и что самосуд был спровоцирован ложными показаниями представителей общины.

В исследованиях Тенишева В.В. также описываются случаи, когда виновных в аморальном поведении, в частности, в прелюбодеянии, наряжали в платья противоположного пола и водили по населенному пункту.

В исследованиях Безгина В.Б. отмечалась особая жестокость со стороны деревенского населения к конокрадам. Как правило из забивали до смерти, а потом мёртвое тело волочили за лошадь.

На основании проанализированных примеров крестьянского самосуда можно сделать ряд выводов, которые бы характеризовали отношения деревенского населения как к правосудию, так и осуществлению самосуда.

В качестве первого вывода обратим внимание на то, что в отличие от современного этапа развития общества, когда самосуд чаще всего является последствием «эффекта толпы», то есть лица учинявшие самосуд надеяться избежать индивидуальной ответственности за коллективные действия, самосуд осуществляемый жителями деревень был подконтролен со стороны выбранного старосты и он нес персональную ответственность за последствия, но это не останавливало его от дальнейших противоправных действий.

Также обращает на себя внимание желание населения деревень не только самоутвердиться за счет унижения преступника, но и также устроить из расправы демонстративную забаву, в которую вовлекается максимально большое количество участников.

Кроме того, в действиях лиц, осуществлявших самосуд прослеживается желание обогащения за счет завладения имуществом наказываемого лица и его быстрой реализацией, к примеру, для приобретения водки. В приведенных примерах учеными исследователями не указывается кто именно приобретал имущество вора и по какой цене. В рамках данного исследования выразим личное мнение и предположим, что в качестве покупателя выступал кто-либо из тех, кто осуществлял самосуд и тем самым незаконно обогащался имуществом «преступника» по удобной им цене.

Также обращает на себя внимание элементы личной неприязни жителей деревни к «преступникам» вина которых была определена не в соответствии с законодательством Российской Империи, а путем выводов сформулированных общиной. В частности из примера с Анной Акуличевой явно прослеживается неприязнь жителей деревни к ее персоне. Позволим себе высказать предположение о том, что посредством обвинений какого-либо лица и осуществления расправы над виновным, отдельные представители общин устраняли тех, кто им был не приятен, или кому они завидовали.

Иными словами, самосуд в деревнях Российской Империи в конце XIX – начале XX веков было как явление спонтанного характера, обусловленное эмоциональными всплесками и негативом в отношении преступника, так и спланированным – в отношении лиц, неугодных общине.

В настоящее же время проявления самосуда могут носить как и противоправные спонтанные действия, так и инструмент поддержания

своего авторитета в криминальной структуре, когда в обход действиям администрации исправительных учреждений осужденные учиняют самосуд в отношении других осужденных. В последнем случае говорить о спонтанности не приходится, так как действия правонарушителей преследуют вполне конкретную цель – покарать на основе своих правил (законов) лицо, которое по каким-либо критериям не проходит по ним, либо которое их нарушило.

Считаем, что действующее уголовное законодательство России нуждается в проработке указанного социального феномена с законодательным закреплением уголовной ответственности за действия связанные с самосудом, совершенном при различных обстоятельствах и условиях.

Список литературы:

1. Васев И. Н. Самосуд в крестьянском правовом быту / И. Н. Васев // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2016. – № 14. – С. 60 – 62.
2. Виновница ДТП на юге Москвы чудом избежала самосуда // URL: <https://www.vesti.ru/article/2101888>
3. Задержан один из родителей, устроивших самосуд над школьником-хулиганом // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3893759?ysclid=mdydaxbkj6848141777>
4. Суд осудил самосуд // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7229761?ysclid=mdyuacynhi718398910>
5. Толковый словарь Ожегова: «САМОСУД» // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/212994?ysclid=mdyd790oyf927946838>
6. Котельникова О. А. Некоторые особенности уголовно-правовых средств противодействия самосуду / О. А. Котельникова // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 7-5. – С. 104 – 106.
7. Бердинских В. А. Русская деревня: быт и нравы / Бердинских В. А. – Мjcrdf: Ломоносовъ, 2013. – 276 с. (URL: <https://djvu.online/file/i3hHio8n0UJ3S?ysclid=mdywyv502t57131057>)
8. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этногр. материалами покойного кн. В. Н. Тенишева / [соч.] кн. В. Тенишева. – Брянск : тип. Л.И. Итина и К°, 1907. – 192 с.
9. Васев И. Н. Самосуд в крестьянском правовом быту / И. Н. Васев // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 3(91). – С. 28 – 32.
10. Чупрова Я. И. Взаимосвязь современной криминальной субкультуры с субкультурой осуждённых / Я. И. Чупрова // Форум. – 2022. – № 1(27). – С. 285 – 289.

References:

1. Vasev I. N. Lynching in peasant legal life / I. N. Vasev // Altai Bulletin of State and Municipal Service. – 2016. – No. 14. – pp. 60-62.
2. The culprit of an accident in the south of Moscow miraculously escaped lynching // URL: <https://www.vesti.ru/article/2101888>
3. One of the parents who lynched a bully student was detained // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3893759?ysclid=mdydaxbkj6848141777>
4. The court condemned the lynching // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7229761?ysclid=mdyuacynhi718398910>
5. Ozhegov's explanatory Dictionary: "LYNCHING" // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/212994?ysclid=mdyd790oyf927946838>
6. Kotelnikova O. A. Some features of criminal law means of countering lynching / O. A. Kotelnikova // Theoretical and applied aspects of modern science. - 2015. – No. 7-5. – pp. 104-106.
7. Berdinskikh V. A. The Russian village: life and morals / Berdinskikh V. A. – Mjcrdf: Lomonosov, 2013. – 276 p. (URL: <https://djvu.online/file/i3hHio8n0UJ3S?ysclid=mdywyv502t57131057>)
8. Tenishev V. V. Justice in Russian peasant life: A set of data obtained by ethnographers. materials of the late prince V. N. Tenishev/ [op.] Prince V. V. Tenishev. Bryansk : tip. L.I. Itina and Co., 1907. 192 p.
9. Vasev I. N. Lynching in peasant legal life / I. N. Vasev // Proceedings of the Altai State University. – 2016. – № 3(91). – Pp. 28-32.
10. Chuprova Ya. I. The relationship of modern criminal subculture with the subculture of convicts / Ya. I. Chuprova // Forum. – 2022. – № 1(27). – Pp. 285-289.

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ PREVENTION OF SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR OF CONVICTS

КУРБАТОВА Галина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

KURBATOVA Galina Vasilievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

TSYBULSKAYA Galina Zinovievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Logistical Support
at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье раскрываются особенности процедуры профилактики социально опасного поведения осуждённых, рассматриваются признаки и факторы проявления осуждёнными социально опасного поведения, выявляются проблемы профилактической деятельности на современном этапе практической реализации, анализируются перспективные направления совершенствования профилактики социально опасного поведения осуждённых.

Abstract: The article reveals the features of the procedure for preventing socially dangerous behavior of convicts, examines the signs and factors of manifestation of socially dangerous behavior by convicts, identifies problems of preventive activities at the current stage of practical implementation, and analyzes promising areas for improving the prevention of socially dangerous behavior of convicts.

Ключевые слова: осуждённые, социально опасное поведение, профилактика, пенитенциарные учреждения, уголовно-исполнительная система.

Key words: convicts, socially dangerous behavior, prevention, penitentiary institutions, penal system.

Для цитирования: Курбатова Г.В., Цибульская Г.З. Профилактика социально опасного поведения осужденных // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_441.

For citation: Kurbatova G.V., Cybul'skaya G.Z. Prevention of socially dangerous behavior of convicts // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 441-443. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_441.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Введение. Уголовно-исполнительная система (далее по тексту – УИС) играет ключевую роль в процессе возвращения осуждённых к полноценной жизни в обществе и снижении уровня рецидивной преступности. Однако, несмотря на принимаемые меры по исправлению лиц, отбывающих наказание, в местах лишения свободы нередко фиксируются случаи социально опасного поведения: агрессии, конфликтов, проявлений криминогенной субкультуры, а также подготовки новых преступлений. Подобные проявления не только осложняют положение внутри исправительных учреждений, но и существенно повышают риски повторного совершения преступлений после освобождения.

Проблема профилактики социально опасного поведения осуждённых приобретает особую актуальность в условиях продолжающегося реформирования УИС, расширения спектра воспитательных и ресоциализационных программ, а также повышения требований общества к эффективности работы пенитенциарных учреждений. Современные вызовы, такие как рост числа осуждённых с нестойкими социально-психологическими установками, недостаточная интеграция с внешними социальными институтами и влияние криминальной среды, требуют поиска новых решений в области профилактики девиантного поведения. В этой связи особое значение приобретают системные и комплексные меры, охватывающие разнообразные аспекты профилактики — от образовательной и трудовой занятости до внедрения современных психологических методов и межведомственного взаимодействия.

Цель исследования. Проанализировать факторы формирования социально опасного поведения, рассмотреть наиболее перспективные направления профилактической деятельности, выявить проблемные зоны, разработать рекомендации по совершенствованию профилактической деятельности при работе с осужденными для минимизации возможностей проявления их социально опасного поведения.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный метод и метод анализа. Посредством метода анализа изучались признаки и факторы социально опасного поведения осуждённых. А посредством описательного метода были изучены основные проблемы и направления совершенствования профилактической деятельности, направленной на снижение социально опасного поведения осуждённых.

Профилактика социально опасного поведения в местах лишения свободы – одна из важнейших задач УИС, обусловленная как социально-политическими причинами, так и требованиями обеспечения безопасности личности, общества и государства. Социально опасное поведение осуждённых представляет собой систему действий и поступков, угрожающих интересам отдельных лиц, общества и самой пенитенциарной системы. К такому поведению относят не только прямые правонарушения (например, насилие, бунты, изготовление и употребление запрещённых веществ, побег), но и менее очевидные формы: угрозы, психологическое давление, формирование группировок, саботаж, распространение

криминальной идеологии, шантаж других осуждённых и сотрудников.

Исправительные колонии, несмотря на принимаемые меры, зачастую являются благоприятной средой для проявления социально опасного поведения осуждёнными. Определяющим фактором является социальная изоляция, которая способствует отчуждению от внешнего мира и противопоставлению тюремного мира социуму [1, с. 172]. В таких условиях проявление социально опасного поведения обусловлено желанием осужденного самоутвердиться, выразить протест против существования в изоляции, отомстить, воспрепятствовать применению мер ресоциализации. Данное поведение нередко становится продолжением или результатом предыдущего криминального опыта, влияния криминальной субкультуры, деформации личности под воздействием особых условий жизни в местах лишения свободы. Оно является отражением внутренней дезадаптации, неспособности или нежелания принять нормы законопослушного поведения, а также стремления сохранить статус в иерархии неформальных отношений.

Современное состояние проблемы отличается рядом признаков, существенно усложняющих профилактику социально опасного поведения. Во-первых, последние исследования указывают на повышение уровня агрессии и конфликтности среди осуждённых, особенно в условиях скученности, недостатка личного пространства, ограниченного доступа к разделённым ресурсам (работа, образование, медицинская помощь). Во-вторых, сохраняется высокий уровень влияния криминальной субкультуры, специфика которой проявляется в наличии неформальных лидеров, правил жизни, внедрении внутри режимных порядков, зачастую противоречащих официальным требованиям и препятствующих реформированию осуждённых. Распространены случаи образования устойчивых негативных групп (групп давления), контролирующих часть внутренней жизни исправительного учреждения, вступающих в конфликт с администрацией или манипулирующих другими осуждёнными. Немаловажным фактором современности выступает проникновение современных технологий в повседневную жизнь учреждений: незаконное использование мобильных телефонов, социальных сетей для координации действий, распространения информации вне официальных каналов.

Фиксируется переход части моделей социально опасного поведения с уровня бытового и межличностного взаимодействия на уровень организованных противоправных действий. Сложность профилактики усугубляется тем, что многие осуждённые воспринимают социально опасное поведение как норму выживания в условиях изоляции, что требует от администрации учреждения особых подходов и гибкости в сочетании принуждения и воспитания [2, с. 582]. Помимо криминального аспекта, современные проблемы осуждённых связаны с социально-психологическими особенностями – ростом числа лиц с психическими и поведенческими расстройствами, зависимостями, что влечёт за собой увеличение числа случаев деструктивного поведения. Кроме того, отмечается омоложение среды осуждённых, повышение числа подростков и молодых людей, склонных к агрессии, конфликтности, групповой сплочённости именно по причинам психологической неустойчивости.

Существенную роль играют и административные факторы: перегруженность учреждений, недостаток персонала, нехватка квалифицированных психологов и педагогов, что затрудняет организацию индивидуальной профилактической работы. Нельзя не учитывать экономические и социальные процессы за пределами пенитенциарной системы – безработица, социальное неравенство, маргинализация отдельных слоёв общества, информация в СМИ и интернете, усваиваемая как эталон поведения в конфликтных условиях. В совокупности эти факторы не только формируют, но и закрепляют социально опасное поведение среди осуждённых, что обуславливает необходимость разработки и применения комплексных, разносторонних мер профилактики, максимально учитывающих индивидуальные особенности личности и условия среды пребывания.

Одним из наиболее эффективных направлений профилактики социально опасного поведения осуждённых является индивидуальная профилактическая работа. Её эффективность во многом определяет успешность всей системы ресоциализации, поскольку индивидуальный подход позволяет максимально учесть особенности личности, актуальное психоэмоциональное состояние, прошлый опыт осуждённого и его склонность к асоциальному поведению [3, с. 193]. Индивидуальная профилактическая деятельность должна строиться поэтапно. На основе анкетирования, личных бесед, психологического тестирования, изучения личного дела определяется уровень риска проявления социально опасного поведения, выявляются предрасполагающие факторы, мотивы агрессии, особенности эмоционального реагирования. Осуждённый, относящийся к группе риска (склонный к насилию, агрессии, суициду, побегу, конфликтам), официально регистрируется и за ним устанавливается особое наблюдение. На основании собранных данных формируется план воспитательной, психологической и коррекционной работы, который может включать как индивидуальные беседы и консультации, так и вовлечение в групповые занятия. Регулярно проводится мониторинг поведения, анализируются изменения в эмоциональной и социальной сфере, корректируются методы воздействия (например, изменение интенсивности педагогических или психологических мероприятий). Для успешной реализации индивидуальной профилактической работы необходима скоординированная деятельность психологов, педагогов, сотрудников режима, медицинских работников, социальных специалистов. Важно проводить регулярные межведомственные совещания, обмениваться информацией о динамике состояния конкретных осуждённых. Индивидуальная профилактика невозможна без создания у осуждённого внутренней мотивации к изменениям. Особое значение имеют методики поощрения, индивидуальные планы развития. К сожалению, вся вышеуказанная поэтапная процедура индивидуальной профилактики описана в разрезе её идеальной реализации, что очень редко встречается в практике. Из-за дефицита кадров, высокой загруженности персонала, нехватки инфраструктурных возможностей, формализации проводимых мероприятий, отсутствия мотивации сотрудников и осуждённых к подобным мероприятиям индивидуальная профилактика недостаточно эффективна и не реализует присущий ей потенциал.

Не менее перспективными профилактическими направлениями являются образовательная деятельность и трудотерапия, которые реализуются коллективно, но оказывают индивидуальное воздействие на личность. Активное вовлечение в образовательный процесс, приобретение новых навыков, способность трудиться и проявлять себя безусловно способны положительно влиять на паттерны поведения осуждённых, снижать степень социально опасных проявлений, развивать положительные личностные качества, ответственность, дисциплину.

Это же относится к таким направлениям профилактики, как культурно-досуговая деятельность и занятия спортом. Все вышеуказанные направления объединяет одно важное обстоятельство – занятость осуждённых каким-либо делом, которое концентрирует и мобилизует их внимание, поведение, образ действий на процессе, который должен приносить им положительные эмоции, мотивировать и вдохновлять. При создании таких условий наблюдается устойчивое снижение социально опасного поведения.

Однако ряд острых проблем, обусловленных различными причинами, ограничивает эффективность профилактики социально опасного поведения осуждённых вышеуказанными методами. Как мы уже отмечали ранее, в большинстве исправительных учреждений кадровая укомплектованность психологов, педагогов, социальных работников существенно ниже необходимого уровня. Высокая нагрузка на сотрудников приводит к формальному подходу к индивидуальной профилактической работе, недостатку времени и внимания к каждому осуждённому. Нехватка современных методических пособий, диагностических средств, компьютерного оборудования, специализированных помещений для проведения групповых занятий также ограничивает возможности профилактики.

Недостаточное количество образовательных программ, ограниченность трудовой занятости, дефицит культурно-досуговых и спортивных мероприятий значительно сужают возможности осуждённых для конструктивной самореализации. Бытовая скученность, пассивное времяпрепровождение и отсутствие позитивных стимулов подпитывают агрессию и конфликтность.

Слабая координация между УИС и учреждениями социальной защиты, здравоохранения, образования, религиозными и общественными организациями ограничивает возможности для комплексной помощи и сопровождения осуждённых. Проблемы наблюдаются при подготовке к освобождению: нередко осуждённый покидает учреждение без сформированной социальной поддержки, что увеличивает риск рецидива.

Постоянная работа с трудным контингентом, высокий уровень стресса, недостаток психологической поддержки самого персонала приводят к эмоциональному выгоранию, равнодушию или даже к формированию негативного отношения к осуждённому. Это снижает эффективность профилактики, создаёт дистанцию и препятствует формированию доверительных отношений.

Преодоление существующих проблем профилактики социально опасного поведения среди осуждённых требует комплексного обновления как самой системы профилактической работы, так и всего подхода к ресоциализации лиц, находящихся в местах лишения свободы. Один из важнейших путей – это увеличение численности психологов, педагогов, социальных работников в исправительных учреждениях. Немаловажную роль играет регулярное повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы, внедрение современных тренингов по профилактике конфликтов, управлению групповой динамикой, работе с трудным контингентом. Будущее профилактики связано с построением индивидуальных траекторий для каждого осуждённого. Необходимо совершенствовать систему диагностики, использовать современные психодиагностические методики и инструменты для анализа персональных рисков, мотиваций, особенностей поведения. Индивидуализация позволит учитывать уникальные запросы и предрасположенности осуждённых.

Расширение доступа к дистанционному образованию позволит преодолеть территориальные и кадровые ограничения, делает профилактику более гибкой и оперативной. Перспективно расширение спектра образовательных и трудовых программ, с упором на социально востребованные профессии, предпринимательские проекты, обучение основам финансовой и правовой грамотности. Важно создавать условия, в которых труд и учёба становятся инструментами успешной будущей адаптации и самостоятельности после освобождения. Профилактика будет гораздо более успешной при внедрении крупных просветительских, спортивных, творческих проектов, вовлекающих максимальное число осуждённых в позитивную деятельность. Перспективными являются разработка прозрачных и измеримых индикаторов профилактической работы, использование анкетирования, поведенческих анализов. Такая система позволит регулярно корректировать программы и масштабировать успешные кейсы среди учреждений.

Заключение. Таким образом, в профилактике социально опасного поведения осуждённых необходимо придерживаться комплексного подхода. Важно создавать такие условия, в которых осуждённый будет восприниматься не только как объект изоляции, но и как субъект развития. Ввиду того, что зачастую проявление социально опасного поведения является защитной реакцией осуждённого на излишне жёсткие условия содержания, важно соблюдать баланс и индивидуализировать меры воздействия. Безусловно, каждый осуждённый обязан нести уголовную ответственность за совершенное преступление в рамках того наказания, которое ему назначил суд. Однако если УИС в качестве фундаментальной цели уголовного наказания признает исправление осуждённых, следует учитывать, что излишняя жёсткость не способна исправить личность, но способна её озлобить и сделать еще более социально опасной. Улучшение инфраструктурных аспектов содержания осуждённых в пенитенциарных учреждениях, организация их образовательной, трудовой и бытовой активности – это не излишество, а условие профилактики социально опасного поведения, снижения рецидивных проявлений и достижения целей уголовного наказания.

Список литературы:

1. Бровкина А.А. Предупреждение радикализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник экономики и права. 2021. № 59. С. 171-182.
2. Зауторова Э.В. Особенности воспитательной работы с неоднократно судимыми осужденными конфликтного поведения // Пенитенциарная наука. 2019. № 1. С. 581-586.
3. Красноуцкая Н.Г., Дорджиев С.М. Психолого-педагогическая направленность работы по обеспечению личной безопасности осужденных в условиях исправительного учреждения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 2(97). С. 190-197.

References:

1. Brovkina A.A. Prevention of Radicalization of Persons Serving a Sentence of Imprisonment // Bulletin of Economics and Law. 2021. No. 59. Pp. 171-182.
2. Zautorova E.V. Features of Educational Work with Repeatedly Convicted Convicts with Conflict Behavior // Penitentiary Science. 2019. No. 1. Pp. 581-586.
3. Krasnorutskaya N.G., Dordzhiev S.M. Psychological and Pedagogical Focus of Work to Ensure the Personal Safety of Convicts in a Correctional Institution // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2024. Vol. 29, No. 2(97). Pp. 190-197.

честь, достоинству или репутации человека. Под "заведомо ложными" понимаются сведения, когда распространитель осведомлен или должен был быть осведомлен о вымышленности или их недостоверности (например, ложные обвинения в преступлениях или зависимости). Именно этот признак – осознание ложности – является отличительной чертой клеветы как уголовного преступления от гражданско-правовых деликтов. Следовательно, для привлечения к уголовной или административной ответственности недостаточно установить лишь факт распространения ложных и порочащих сведений; требуется доказать, что распространитель действовал, зная об их недостоверности.

Клевета, направленная против сотрудника пенитенциарного учреждения, представляет собой целенаправленное распространение вымышленных фактов, заведомо не соответствующих действительности, с единственной целью — нанести ущерб репутации и подорвать авторитет данного сотрудника как внутри системы, так и за ее пределами.

Определение чести, достоинства и репутации в юридическом смысле является непростой задачей, поскольку эти понятия относятся к абстрактным категориям, не имеющим прямого закрепления в российском законодательстве. Честь сотрудника исправительного учреждения определяется его моральным обликом и уважением, которое он вызывает как у осужденных, так и у своих коллег, а также его внутренним чувством собственного достоинства и гордости. Достоинство сотрудника представляет собой комплекс его моральных характеристик, ценностей и отношения к ним. Деловая репутация, будучи более узким понятием, чем честь, отражает общественное представление о деловых или профессиональных качествах личности. Для сотрудника исправительного учреждения деловая репутация складывается из того, как его профессиональные качества воспринимаются осужденными и другими работниками учреждения, где он несет службу.

Клевета может быть распространена в любой форме: устной, письменной, печатной или электронной (например, через интернет). При этом распространение клеветы в средствах массовой информации выделяется как квалифицированный состав. С развитием общества постоянно появляются новые методы распространения информации, в том числе порочащей честь и достоинство (в данном случае – сотрудников УИС). В связи с этим, появление в статье 128.1 УК РФ такого квалифицирующего признака, как клевета, содержащаяся в СМИ, является вполне логичным и обоснованным.

В наши дни СМИ, включая интернет, обладают огромной силой в формировании общественного мнения, поскольку способны мгновенно донести любую новость до широкой аудитории. К сожалению, эта сила нередко оборачивается против общества, когда преступники используют информационные ресурсы для своих целей. Ярким примером является распространение клеветы через медиа в отношении сотрудников исправительных учреждений, что ведет к дискредитации представителей власти, ответственных за исполнение уголовных наказаний и других мер уголовно-правового характера.

Привлечение к уголовной ответственности за клевету в адрес сотрудника исправительного учреждения возможно лишь при условии, что распространяемые о нём сведения наносят ущерб его чести, достоинству и деловой репутации. Принципиально важно, чтобы эти сведения были полностью вымышленными, то есть не имели под собой реальных оснований, были придуманы и не соответствовали фактам. В качестве иллюстрации можно привести ложные обвинения в коррупции или превышении своих полномочий в отношении заключённых.

Распространяемые сведения порочат сотрудника пенитенциарной системы, навлекают на него бесчестие, позор, вызывают презрение или ставят его в унижающее положение перед другими сотрудниками или другими осужденными [2].

В судебной практике имеется разъяснение Верховного Суда РФ о том, какие сведения являются порочащими. К ним относятся сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, незитичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [1].

На различных медиаресурсах зачастую распространяются ложные сведения, обвиняющие персонал пенитенциарных учреждений в незаконном применении силы к лицам, находящимся под следствием или отбывающим наказание, в подлоге доказательств или совершении негуманных действий в отношении заключённых. Ущерб от подобной дезинформации колоссален, поскольку значительная часть населения склонна принимать подобные недостоверные сообщения за истину. Последующие меры по защите чести, достоинства и деловой репутации сотрудников требуют значительных временных затрат, в период которых клеветнические материалы продолжают циркулировать, нанося ущерб репутации работников пенитенциарной системы.

Необходимо отметить, что Конституционным судом РФ было дано разъяснение, когда неоднократные жалобы в правоохранительные и иные государственные органы, содержащие не соответствующие фактическим обстоятельствам сведения, могут признаваться клеветой и могут быть направленными на желание причинить вред человеку, о противоправных действиях которого говорится в обращениях [3].

Анализ действующего законодательства выявляет несоразмерность между ущербом, наносимым чести и достоинству сотрудника в результате клеветнических действий, и санкциями, предусмотренными статьей 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Максимальные пределы наказания, ограничивающиеся штрафом до пяти миллионов рублей или обязательными работами до четырехсот восьмидесяти часов, представляются недостаточными для адекватного реагирования на данное преступное деяние. В связи с этим, предлагается повысить уровень ответственности за распространение клеветы в отношении сотрудников исправительных учреждений, включив в санкцию нормы наказания, связанное с изоляцией от общества. Также представляется обоснованным введение квалифицирующего признака клеветы, а именно "распространение клеветы в отношении сотрудника правоохранительного органа", в качестве отягчающего обстоятельства.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №3 от 24.02.2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 09.12.2025 года №33) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Латыпова, Д. М. Клевета в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы, содержащаяся в средствах массовой информации: уголовно-правовой аспект / Д. М. Латыпова // Преступление, наказание, исправление : сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума : (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : в 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 127-130.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 N 583-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью второй статьи 20, пунктом 5 части первой статьи 24 и частью третьей статьи 249 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 dated 24.02.2005. "On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities" (as amended by Resolution No. 33 of the Plenum of December 09, 2025) // SPS Consultant-Plus.
2. Latypova, D. M. Slander against an employee of the penal enforcement system contained in the media Mass media: the criminal and legal aspect / D. M. Latypova // Crime, punishment, correction : a collection of abstracts of speeches and reports by participants of the IV International Penitentiary Forum : (on the 140th anniversary of the Russian penal system and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia) : in 10 volumes, Ryazan, November 20-22, 2019. Volume 2. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2019. pp. 127-130.
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/27/2025 N 583-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Markov Sergey Nikolaevich for violation of his constitutional rights by part one of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also part two of Article 20, paragraph 5 of part one of Article 24 and part three of Article 249 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTION OF TRIAL IN FOREIGN COUNTRIES

ЦАПЛИН Игорь Семенович,

ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

TSAPLIN Igor Semenovich,

Leading researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor,
Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы реализации института пробации в зарубежных странах. В результате автор приходит к выводу о том, что данный институт можно рассматривать с позиции различных аспектов, которые приводятся автором в заключении статьи.

Abstract. The presented article discusses the implementation of the probation institution in foreign countries. As a result, the author concludes that this institution can be viewed from various perspectives, which are presented in the article's conclusion.

Ключевые слова: исправление, наказание, осужденные, пробация, социальная адаптация.

Keywords: correction, punishment, convicts, probation, and social adaptation.

Для цитирования: Цаплин И.С. Реализация института пробации в зарубежных странах // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 447-448. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_447.

For citation: Tsaplin I.S. Implementation of the probation institute in foreign countries // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 447-448. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_447.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

По мнению отдельных авторов, целями пробации в России и за рубежом является коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, отбывших уголовное наказание [1. С.535]. Следует отметить, что данные цели имеют социально-правовую природу и направлены не только на исправление поведения осужденного, но и на вовлечение его в нормальные условия жизнедеятельности. Предполагается, что осужденный не должен быть оторван от общества, а должен быть его частью, как активный и полноправный член, безусловно, с определенными ограничениями.

Наибольшее практическое применения институт пробации получил в таких странах, как Великобритания и США. Эти страны можно назвать «родиной» пробации, поскольку данный правовой механизм в отношении осужденных здесь уже применяется давно и неплохо зарекомендовал себя на практике. В Англии и Уэльсе институт пробации активно применяется с начала XX в. – с 1907 года.

Сущность пробации заключается в том, что заключенный, совершивший преступления небольшой или средней тяжести, находится под надзором службы пробации. Срок такого надзора может составлять от одного года до трех лет. В этот период осужденному предоставляется социальная помощь, оказывается помощь в его реабилитации, осуществляются мероприятия по его психологическому консультированию и исправлению психологических дефектов, вызванных фактом вовлеченности в антиобщественную или преступную деятельность. Например, службой пробации может быть организовано лечение таких граждан от алкоголизма и наркомании, также им может быть предоставлена бесплатная юридическая помощь, если таковая потребуется. Кроме того, потерпевшие от преступлений также получают социальную и материальную помощь со стороны службы пробации.

Режим пробации заключается в: помещении осужденного под надзор службы пробации на срок от 1 года до 3 лет; предоставлении помощи потерпевшим от преступления при установлении факта их переживаний о возможном противоправном поведении со стороны правонарушителя, наложение на последнего определенных ограничений; осуществлении процедуры примирения (медиации); реализации программ психологической коррекции личности нарушителя.

Пробация в Англии органично включена в систему уголовного правосудия, является его неотъемлемым звеном. На службу пробации, которая подчиняется Министерству юстиции, возложены следующие полномочия:

- 1) осуществление надзора за лицами, совершившими правонарушения (не обязательно это будут преступления),
- 2) информирование судов о личности поднадзорных граждан,
- 3) осуществление тесного сотрудничества с государственными структурами и органами власти по вопросам определения будущей социализации осужденных и лиц, в отношении которых применяются мероприятия, связанные с их пробацией.

Примечательно, что с 2021 года в Великобритании служба пробации изменила свою подчиненность. Сейчас служба пробации разделена на 43 ответственные зоны. Данные зоны совпадают с границами полицейских участков. «Работа территориальных зон пробации подконтрольна Службой тюрем и пробации Его Величества, подотчетна Правительству и Инспекции пробации Ее Величества. Собственные службы пробации функционируют во входящих в состав Великобритании Северной Ирландии и Шотландии, где они организованы в виде службы социальной работы, являющейся частью системы уголовного правосудия» [2. С.15].

Тем самым, институт пробации в Соединенном королевстве является развитым и популярным институтом и не связан с репрессивны-

ми мерами, которые обычно применяются в отношении осужденных. Целью probation является восстановление социальных связей осужденного и включение его в систему социальных связей без серьезного воздействия на психику и поведение осужденного.

Институт probation в США стала развиваться еще в XIX в., как альтернатива тюремным заключениям. В основе американской системы probation положены принципы гуманизма, справедливости и включенности осужденного в активную социальную жизнь. Предполагалось, что помещение осужденных в специализированные пенитенциарные учреждения будут в большей степени способствовать исправлению их поведения, чем реальные тюремные сроки [3. С.21].

Как отмечает Н. Б. Хуторская, «правовая природа probation в США заключается в том, что ... probation является разновидностью исполнения уголовного наказания, альтернативного лишению свободы» [3. С.108]. Правовое регулирование probation в США осуществляется на основании Свода законов США от 28 июня 1948 г. Меры по probation осуществляются Службой probation и досудебного производства, которая является структурным подразделением Административного управления судов США. Нужно отметить, что служба probation создана во всех 94 федеральных судебных округах США.

В США probation распространяется на тех лиц, которые обвиняются в совершении преступлений небольшой тяжести. Важным условием применения probation в отношении данных лиц является отказ осужденных от совершения повторных преступлений, т.е. они своим поведением должны доказать возможность своего исправления [4. С.76].

Также probation применяется в отношении несовершеннолетних. Назначение данного наказания в отношении данной группы осужденных предусматривает, с одной стороны, ограничение их социальных и трудовых прав, с другой стороны, в отношении несовершеннолетних должны строго соблюдаться нормы трудового законодательства [5. С.214]. В данном аспекте probation является скорее способом воспитательно-го воздействия на несовершеннолетних преступлений, поскольку она, по большому счету, состоит в присмотре со стороны законных представителей за поведением несовершеннолетнего правонарушителя. В России аналогичной мерой являются принудительные меры воспитательного характера, которые также активно применяются в отношении несовершеннолетних правонарушителей [6. С.87].

Probation, как перспективный метод исправления противоправного поведения осужденных, активно применяется не только в США и Великобритании, но и в других странах, в том числе, странах романо-германской правовой семьи.

Основной целью probation в ФРГ является ресоциализация и социальная адаптация осужденных. Она применяется на основании норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства ФРГ.

Как указано в научной литературе, «эффективным направлением ресоциализации в Германии следует признать пенитенциарную социально-терапевтическую работу, к которой относится:

- 1) поэтапная интеграция в общество с исключением явлений, не способствующих ресоциализации;
- 2) поддержание общепризнанных нравственных ценностей, решение семейных, иных личных конфликтов;
- 3) противодействие негативным последствиям пребывания в пенитенциарном учреждении (разрыв семейных, трудовых, образовательных связей);
- 4) получение либо завершение образования;
- 5) формирование навыков и умений профессиональной деятельности;
- 6) организация и проведение психологических тренингов, имеющих направленность на подавление негативных эмоций, агрессивности, страха;
- 7) применение психотерапевтических мер, необходимых лицам, осужденным за преступление и страдающим алкогольной либо наркотической зависимостью» [7. С.538].

Рассмотрев институт probation в зарубежных странах можно сделать вывод о том, что probation в зарубежном законодательстве может рассматриваться с позиции нескольких аспектов:

- 1) как мера уголовного наказания за совершение незначительных по степени тяжести преступлений;
- 2) как мера общественного и воспитательного воздействия на осужденных;
- 3) как прогрессивная система замены реального наказания,
- 4) как способ социальной реабилитации осужденных и их ресоциализации.

Список литературы:

1. Яковлева М.А., Дворжицкая М.А. Институт probation: международный опыт функционирования // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1-4), № 4. С. 535.
2. Кузнецов А. И. Подготовка сотрудников службы probation (на примере Великобритании) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 3. – С. 15.
3. Хуторская Н. Б. Институт probation в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – С.21.
4. Бадракова Л. З. Служба probation за рубежом и перспективы ее создания в России // Молодой ученый. – 2021. – № 28(370). – С. 76.
5. Гусев, А. С. Особенности исправительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных / А.С. Гусев, И.Б. Казак // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9(237). – С. 214.
6. Тучина О. А. Применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, в отношении несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2022. – С.87.
7. Яковлева М. А., Дворжицкая М. А. Институт probation: международный опыт функционирования // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18(1-4), № 4. – С. 538.

References:

1. Yakovleva M. A., Dvorzhitskaya M. A. The Institute of Probation: International Experience of Functioning // Penal Law. – 2023. – Vol. 18(1-4), No. 4. – P. 535.
2. Kuznetsov A. I. Training of Probation Officers (Based on the Example of the United Kingdom) // Bulletin of the Penal System. – 2024. – No. 3. – p. 15.
3. Khutorskaya N.B. Institute of Probation in the USA: criminal law, criminological and organizational and managerial aspects: dissertation of the candidate. jurid. M., 1992. p.21.
4. Badrakova L. Z. The probation service abroad and the prospects of its creation in Russia // Young Scientist. – 2021. – № 28(370). – P. 76.
5. Gusev, A. S. Features of correctional labor in relation to juvenile convicts / A.S. Gusev, I.B. Kazak // Agrarian and land law. – 2024. – № 9(237). – P. 214.
6. Tuchina O. A. Application of preventive measures not related to isolation from society in relation to minor defendants and suspects: dis. ... cand. law. sciences. – St. Petersburg, 2022.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ FEATURES OF EDUCATIONAL AND PREVENTIVE MEASURES FOR MINORS WHO HAVE BEEN CONDITIONALLY CONVICTED

КАЗАК Игорь Брониславович

доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная улица, 1.
vka05615@yandex.ru

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
600020, Россия, г. Владимир, Большая Нижегородская улица, 67Е.
vka05615@yandex.ru

KAZAK Igor Bronislavovich

Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees in the Department
of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russia.
vka05615@yandex.ru

GUSEV Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences
not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.
67E Bolshaya Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russia.
vka05615@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема эффективности государственного принудительного воздействия на несовершеннолетних условно осужденных, еще не прошедших все этапы социализации, и прямо зависящих от семейного благополучия. Устанавливается зависимость эффективности профилактической работы с несовершеннолетними осужденными от государственного воздействия на них и их семью, предлагается проводить работу как в отношении самого несовершеннолетнего, так и его семьи, так как поведение несовершеннолетних осужденных производная от социального статуса родителей. Он чаще всего предопределяет их социально-ролевое поведение, их активность и возможности своего развития, формирования интересов, целей, увлечений, круга общения. Профилактическое воздействие сотрудников УИИ производится на несовершеннолетнего и на родителей. Анализируются причины совершения преступлений несовершеннолетними. Психологическое, социальное, педагогическое воздействие и другие превентивные меры рассматриваются в качестве основных факторов профилактической работы. На основании проведенных исследований сделан вывод о необходимости организации данного процесса с учетом особенностей системы уголовно-исполнительных инспекций.

Abstract. The article examines the problem of the effectiveness of state coercive influence on probation minors who have not yet passed all the stages of socialization and are directly dependent on family well-being. It establishes the dependence of the effectiveness of preventive work with juvenile convicts on state influence on them and their family, it is proposed to carry out work both with respect to the minor himself and his family, since the behavior of juvenile convicts is derived from the social status of the parents. It most often determines their social role behavior, their activity and the possibilities of their development, the formation of interests, goals, hobbies, and social circle. The preventive effect of the UII staff is carried out on the minor and on the parents. The reasons for the commission of crimes by minors are analyzed. Psychological, social, pedagogical impact and other preventive measures are considered as the main factors of preventive work. Based on the conducted research, it is concluded that it is necessary to organize this process taking into account the specifics of the system of penal enforcement inspections.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, несовершеннолетние условно осужденные, социализация, психологическое сопровождение, исправление осужденных, правопослушное поведение, личность, профилактика, взаимодействие служб, гуманизация наказания.

Keywords: penal inspection, juvenile convicts on probation, socialization, psychological support, correction of convicts, law-abiding behavior, personality, prevention, interaction between services, humanization of punishment.

Для цитирования: Казак И.Б., Гусев А.С. Особенности воспитательно-профилактических мер воздействия на несовершеннолетних условно осужденных // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 449-452. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_449.

For citation: Kazak I.B., Gusev A.S. Features of educational and preventive measures of influence for minors on probation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 449-452. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_449.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

Политические и социально-экономические изменения последних десятилетий привели к экономической нестабильности, ослаблению института семьи и становления молодого поколения. Уменьшение внимания и участия взрослого населения к новому поколению повлекло массовую безнадзорность детей, существенный рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, увеличение их количества, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Применение воспитательно-профилактических мер воздействия влияют на профилактику преступности среди несовершеннолетних, которые могут включать в себя нравственное, правовое, трудовое, физическое, и иное воспитание, направленное на выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественным действиям несовершеннолетних.

Существенную роль в воспитательно-профилактических мероприятиях играют сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, психоло-

гические службы, общественные организации и родственники. Одной из главных задач работников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) и уголовно-исполнительного законодательства является предупреждение повторных правонарушений и исправление осужденных [1].

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в пределах своих компетенций проводят воспитательную работу, а также оказывают им помощь в трудоустройстве и учебе [2].

Воспитательной работой является система педагогических, обоснованных мер, которые способствуют преодолению осужденными их личностной деформации, духовному, физическому и интеллектуальному развитию, формированию правопослушного поведения, ресоциализации и социальной адаптации после освобождения. Подобная деятельность является предметом профессиональной работы всех сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) при взаимодействии с родственниками осужденных, государственными и общественными организациями.

При постановке осужденного на учет, инспектор уголовно-исполнительной инспекции дает пояснения на предмет приговора суда, разъясняет им обязанности и права. Обычно, в подобном виде работы, используются различные памятки, которые наглядно демонстрируют несовершеннолетним многообразие мер ответственности за допущенные нарушения. Большое внимание уделяется разъяснению мер, применяемых к осужденному, в случае неисполнения им обязанностей, возложенных судом.

Инспектор УИИ также проводит первоначальную профилактическую беседу для отражения необходимых анкетных данных [3].

В целях прогнозирования поведения осужденного, сотрудником инспекции заполняется индивидуальная анкета, с помощью которой возможно выстроить портрет личности исследуемого осужденного и выявить ряд более эффективных методов профилактики. В анкете фиксируются конкретные признаки: вид и категория преступления, предмет и характер преступления; юридический факт осуждения на период совершения преступления; наличие соучастия в совершении преступления; определяется возраст лица в момент совершения общественно-опасного деяния; образование осужденного; трудовая занятость; семейное положение конкретного осужденного; срок реального наказания осужденного; испытательный срок условного осуждения; иные обстоятельства, характеризующие личность осужденного, его правовой статус и социальную роль.

На основании данных анкеты, инспектор УИИ относит осужденного к одной из категорий: ожидается совершение преступления в период испытательного срока; ожидается правопослушное поведение в период испытательного срока и после его истечения; не ожидается совершение повторных преступлений в период испытательного срока, но имеется вероятность их совершения после его истечения.

При проведении первоначальной профилактической беседы разъясняются не только порядок и условия, назначенного приговора суда, но и осуществляется прогноз поведения условно осужденных несовершеннолетних через методику «Портрет».

Промежуточная беседа позволяет сотруднику выяснить, что происходит в жизни осужденного и требуется ли ему помощь. Эта информация может быть получена от самого осужденного, его родственников или соседей. В зависимости от полученных данных, сотрудник УИИ вносит в план проведения воспитательной работы коррективы. Исходя из этого, эффективность воспитательной работы во многом зависит от грамотной организованной беседы.

Сотрудник УИИ при организации воспитательной работы с несовершеннолетним осужденным также должен знать о материально-бытовых условиях проживания осужденного, взаимоотношениях с родителями, другими совместно проживающими с ним родственниками. Для этого осуществляется проверка по месту жительства, могут проводиться беседы с родителями, другими родственниками, возможно, соседями.

В рамках воспитательно-профилактических мероприятий, в процессе индивидуальных и групповых бесед сотрудники УИИ пытаются заинтересовать несовершеннолетних осужденных заниматься спортом, вести здоровый образ жизни, проводить беседы о вреде наркомании, алкоголизма и табакокурения. В рамках проводимых мероприятий, осужденных направляют на получение среднего и средне-специального образования в соответствующие учебные заведения, а также осуществляют трудоустройство несовершеннолетних осужденных на временные рабочие места.

В целях повышения качества воспитательно-профилактического воздействия, на условно осужденного несовершеннолетнего, УИИ осуществляет взаимодействие с подразделением полиции по делам несовершеннолетних. Категория несовершеннолетних осужденных ставится на учёт в подразделения по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), с заведением учётно-профилактических дел.

ПДН ежеквартально направляет в УИИ характеристику с места работы или учебы, справку о проведённых профилактических мероприятиях по каждому осужденному, указывая информацию о поведении осужденного в формальном и неформальном поведении.

Ведущую роль в кругу субъектов воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями играют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые координируют и контролируют профилактическую и воспитательную работу всех субъектов взаимоотношений с несовершеннолетними осужденными.

Комиссии по делам несовершеннолетних и вся система субъектов направлены на разрешение ряда задач:

1. Пресечение безнадзорности, предупреждение преступлений и правонарушений, а также осуществление и предъявление условий для прекращения насильственных действий в отношении несовершеннолетних;
2. Разрешение проблемных вопросов комплексными мерами, куда входят не только профилактические мероприятия, но и обязанности по защите и охране прав и законных интересов, а также осуществление социальной адаптации и ресоциализации;
3. Формирование на уровне законодательства техник и механизмов, регламентирующих процесс проведения мероприятий при взаимодействии различных органов и учреждений.

УИИ направляет запрос в Службу занятости населения о поиске работы несовершеннолетнего. Служба занятости оказывает профо-

риентационные услуги. При отсутствии возможности устроить условно осужденного несовершеннолетнего на постоянную работу содействует в направлении на временные работы, а также направляет его, зарегистрировано в качестве безработного, на профессиональное обучение.

При организации профилактических мероприятий инспекция обеспечивает максимальную явку несовершеннолетних.

Важное место в выборе воспитательно-профилактических мер играют психологи УИИ, которые, исходя из личности несовершеннолетнего, выбирают наиболее подходящие для реализации мероприятия, направленные на недопущение противоправных действий своих подопечных.

В понятие личность, в том числе личность несовершеннолетнего осужденного, вкладываются самые разнообразные свойства и признаки, такие как социальные, нравственные, психологические, демографические и другие. В отдельности, каждый из этих признаков не определяет личность как направленную на противоправную деятельность, но, если рассматривать связь различных свойств можно увидеть определенные закономерности.

При постановке на учет несовершеннолетние и их родители, часто впервые сталкиваются с психологом, который подробно разъясняет о том, какая работа будет проводиться с условно осужденным несовершеннолетним и на какую помощь они могут рассчитывать. Оформляется письменный договор, оформляющий право психологу УИИ проводить индивидуальные, групповые, массовые воспитательно-профилактические и иные мероприятия.

Часто психологом проводятся тренинги, направленные на снижение риска деструктивного поведения, путем коррекции отношения осужденного к себе, формирование навыков построения временной перспективы и позитивного образа будущего.

Психологическими отделами УИИ применяются, например, такие программы по коррекции личности несовершеннолетних осужденных, как «Управление гневом», «Осознание своей роли в семье», направленные на профилактику и коррекцию агрессивного поведения и принятие своей роли в системном семейном порядке. С помощью этих программ психологи выявляют у несовершеннолетнего осужденного: низкий уровень правосознания, слабое представление образов своего будущего, невыраженное стремление к саморазвитию, самовоспитанию и самосовершенствованию.

Психологи УИИ играют одну из главных ролей в особенности применения воспитательно-профилактических мер.

Также очень важную роль в воспитательно-профилактической работе с условно осужденными несовершеннолетними играют общественные организации.

Под общественным воздействием, как средством исправления, понимается процесс безвозмездного и добровольного влияния благотворительных, религиозных и других общественных организаций на несовершеннолетних осужденных в целях их исправления.

Общественные организации в рамках воспитательно-профилактических мероприятий организуют: встречи несовершеннолетних, условно осужденных со священнослужителями, которые проводят различные беседы на темы, связанные с исправлением через религиозные аспекты.

Таким образом, осуществление воспитательно-профилактических мер имеет место быть и со стороны общественных организаций, которые осуществляют содействие УИИ в процессе исправления.

Особое воздействие на несовершеннолетних условно осужденных влияет обучение. Сотрудники УИИ заинтересованы в том, чтобы подростки проявляли интерес к учебе и получали полезные профессии, чтобы сформировать трудовые навыки и воспитать внутреннюю потребность в труде.

В целях помощи несовершеннолетнему в части повышения уровня образования и получения профессии, сотрудниками УИИ проводятся встречи с администрациями образовательных заведений города.

Получая образование, несовершеннолетний сможет найти свое место в жизни и развиваться как личность и профессионал. Взаимодействие с общественными организациями и учебными учреждениями являются важными составляющими воспитательного процесса, где определяющую роль играет семья. Успешность становления и развития личности ребенка прямо пропорционально зависит от воспитательного воздействия семейного окружения. Подростковый возраст наиболее пластичен для активного формирования социально-значимых интересов, жизненных планов и правовых отношений. Привлечение семьи и ближайшего окружения к подобной работе помогает процессу исправления несовершеннолетнего осужденного.

Условно несовершеннолетние осужденные чаще воспитываются в неблагополучных, неполных семьях. Как правило, в таких семьях процесс воспитания либо отсутствует, либо находится на критически низком уровне.

В то же время, одним из направлений работы у сотрудников УИИ является изучение социально-бытовой обстановки в семье. Придается значение работе по правовому просвещению самих родителей, так как именно от их образованности, в большей степени, зависит воспитательный процесс. При постановке на учет в УИИ, сотрудники в обязательном порядке приглашают законных представителей для разъяснения обязанностей, возложенных судом на несовершеннолетнего осужденного.

Таким образом, семья является неотъемлемой частью в воспитательном процессе и для позитивного влияния на несовершеннолетнего осужденного необходимо активно привлекать ее членов к воспитанию.

УИИ является основным органом при осуществлении контроля за несовершеннолетними осужденными, но для положительного результата в вопросах профилактики совершения противоправных действий, происходит взаимодействие с другими органами, в том числе для проведения совместных мероприятий. УИИ сотрудничает с районными центрами помощи семье и детям, отделениями органов социальной за-

щиты населения районных администраций, различными социальными центрами и благотворительными организациями. В основном, взаимодействие происходит на уровне личных контактов руководителей подразделений и инспекторов, занимающихся непосредственно несовершеннолетними. Для подростков отсутствует единое социальное сопровождение от момента совершения преступления, до суда и в дальнейшем на весь период наказания. Для проведения эффективной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными к мерам наказаний, не связанным с лишением свободы требуется единая, законодательно прописанная система взаимодействия между социальными службами и надзорными органами.

Преступность несовершеннолетних требует решительных, энергичных и целенаправленных мер по ее предупреждению. Для чего следует регулярно совершенствовать формы и методы работы, обеспечивать должным образом их кадровое пополнение и материально-техническое снабжение.

Список литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) ч.1, ч.1 ст.1 {КонсультантПлюс}
2. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 23.07.2025) ч. 3 ст. 23{КонсультантПлюс}
3. Приказ Министерства Юстиции от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» {КонсультантПлюс}

References:

1. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 N 1-FZ (as amended on 07/23/2025, as amended. dated 17.12.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/20/2026) Part 1, part 1 of art.1 {ConsultantPlus}
2. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the Fundamentals of the system for the Prevention of neglect and juvenile Delinquency" (as amended and supplemented dated 07/23/2025) part 3 of art. 23{ConsultantPlus}
3. Order of the Ministry of Justice of May 20, 2009 No. 142 "On Approval of Instructions on the organization of the execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society" {ConsultantPlus}

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ISSUES OF ORGANIZING THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS TO PREPARE CONVICTS FOR RELEASE

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская улица, 15А стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская улица, 15А стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA, Leading Researcher Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15A Narva Street, building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

SAMOILOVA ANASTASIA A.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
15A Narva Street, building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье авторы обращают внимание на вопросы, связанные с социальной адаптацией лиц, освобожденных от наказания. По мнению авторов, системе мер, проводимых в исправительных учреждениях, непосредственно направленных на предупреждение повторных преступлений со стороны лиц, отбывающих наказание, важное место должна занимать работа по подготовке осужденных к освобождению. Отмечается, что осуществление ресоциализации осужденных лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одним из приоритетных направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы. Авторы полагают, что на сегодняшний день назрела необходимость в разработке конкретных форм и методов организационной, нравственной и психолого-педагогической подготовки осужденных к условиям жизни на свободе с учетом категорий освобождающихся: мужчины, женщины, несовершеннолетние лица, отбывшие длительные сроки лишения свободы, неоднократно судимые и др.

Abstract. In the article, the authors draw attention to issues related to the social adaptation of persons released from punishment. According to the authors, the system of measures carried out in correctional institutions, directly aimed at preventing repeated crimes on the part of persons serving sentences, should occupy an important place in the preparation of convicts for release. It is noted that the implementation of the re-socialization of convicted persons serving sentences in places of deprivation of liberty is one of the priorities in the activities of the penal enforcement system. The authors believe that today there is a need to develop specific forms and methods of organizational, moral, psychological and pedagogical training of convicts for living conditions in freedom, taking into account the categories of those released: men, women, minors who have served long terms of imprisonment, repeatedly convicted, etc.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденные, исправление, профилактика, ресоциализация, предупреждение преступности, подготовка к освобождению, исправительно-воспитательное воздействие, социальная адаптация.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, convicts, correction, prevention, re-socialization, crime prevention, preparation for release, correctional and educational impact, social adaptation.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. Вопросы организации деятельности исправительных учреждений по подготовке осужденных к освобождению // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_453.

For citation: Tishchenko Yu.Y., Samoylova A.A. Issues of organizing the activities of correctional institutions to prepare convicts for release // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_453.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026

Действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, определяя цели наказания и задачи по обеспечению его исполнения, указывает также на необходимость предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В системе мер, проводимых в исправительных учреждениях (далее – ИУ), непосредственно направленных на предупреждение повторных преступлений со стороны лиц, отбывающих наказание, важное место должна занимать работа по подготовке осужденных к освобождению. Завершая процесс исправительно-воспитательного воздействия, она призвана способствовать успешной социальной и социально-психологической адаптации лиц, освобожденных из ИУ. Справедливо отмечает Е.А Малетина, что осуществление ресоциализации осужденных лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одним из приоритетных направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) [4].

Процесс социальной адаптации заключается в обеспечении соответствия поведения лица требованиям социальной среды («социальным ожиданиям») в пределах существующих возможностей с соблюдением установленных социальных норм (в том числе и правового характера).

Процесс социальной адаптации освобожденных от отбывания наказания условно можно разделить на два взаимосвязанных этапа: первый – нравственная, психологическая и организационная подготовка осужденных в ИУ к жизни на свободе; второй – приспособление осво-

божденных к условиям жизни на свободе, определение ими своих социальных позиций и ролей, восприятие требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом государственными органами и общественными организациями. При этом первый этап трактуется в широком смысле как процесс исправления и перевоспитания осужденных во время отбывания наказания.

На вопросах, связанных с социальной адаптацией лиц, освобожденных от отбывания наказания, на наш взгляд, стоит акцентировать внимание более внимательно. При этом, социальная адаптация должна рассматриваться: во-первых, как цель, при достижении которой освобожденные стремятся вести честный трудовой образ жизни и имеют необходимые условия для реализации этого стремления; во-вторых, как процесс, с одной стороны осуществляемый государственными организациями и общественностью, и с другой – происходящий в сознании освобожденного к условиям жизни на свободе.

Задачи борьбы с рецидивной преступностью требуют самого пристального внимания к периоду подготовки осужденных к освобождению перед включением их в новую систему общественных связей и отношений. Именно в этот период завершается процесс исправительно-воспитательного воздействия, подводится итог важному и подчас немалому отрезку жизни осужденных. Вся работа по нравственному переформированию личности преступника, проводимая в течении всего срока отбывания наказания, приобретает теперь особую направленность и целеустремленность. Лишь в этот период администрация ИУ с учетом субъективных возможностей освобождаемого может увидеть и предложить ему реальный путь (варианты путей) успешной социальной адаптации в новой среде. Администрацией проводится интенсивная организационная, нравственная и психолого-педагогическая подготовка осужденного к жизни на свободе, предпринимаются конкретные шаги по созданию условий для включения освобождаемого в систему позитивных социальных связей, прочного приобщения его к честной трудовой жизни. Э.В. Зауторова отмечает, что в исправительных учреждениях проводится специальная работа по формированию такого качества, как готовность осужденного к освобождению, что и характеризуется твердой уверенностью человека в своих силах, попыткой активно и с полной отдачей сил бороться за достижение определенной цели. При этом необходимы определенный эмоциональный уровень возбуждения, высокая степень стойкости к негативно действующим внешним и внутренним факторам, которые достаточно многообразны и могут оказать значительное влияние на результат или на осужденного [3].

Таким образом, в системе мер, направленных на предупреждение рецидивной преступности, непосредственная подготовка осужденных к освобождению от наказания приобретает самостоятельное значение.

В последние годы совершенствуется работа ИУ по организационной и психолого-педагогической подготовке осужденных к освобождению. Этому способствует издание ряда ведомственных нормативных актов, регламентирующих объем, содержание и порядок работы с осужденными в период, предшествующий их освобождению, процедуру освобождения из мест лишения свободы и т.д.

Отмечая некоторые успехи в деятельности ИУ по организации процесса исправления и перевоспитания осужденных, положительные результаты нормативного упорядочения подготовки осужденных к освобождению и их социальной адаптации, а также в деятельности правоохранительных органов и общественных организаций по закреплению результатов перевоспитания освобожденных, следует заметить, что усилия, направленные на достижение указанных целей еще недостаточно эффективны. Определенная часть лиц, ранее отбывших лишение свободы, повторно совершает преступления после освобождения.

Следует обратить особое внимание на некоторые формы и тактические приемы психолого-педагогической подготовки осужденных к условиям жизни на свободе в зависимости от вида режима, степени изоляции в ИУ, откуда производится освобождение.

В этой связи требует изучения и, как нам представляется, осуществление корректировки практика освобождения осужденных по отбытии срока наказания непосредственно из помещения камерного типа (в т.ч. штрафного изолятора и одиночной камеры), исправительных колоний особого режима и тюрем, где значительно повышены условия изоляции. Именно для данной категории освобожденных наиболее острым «шок освобождения», который очень часто является одной из причин совершения нового преступления. Д.И. Яковлев рассматривая вопросы условно-досрочного освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, обращает внимание, что с учетом специфики исполнения наказания в виде лишения свободы, в частности длительного пребывания в местах лишения свободы в условиях ограниченного пространства, предпосылки к реализации программы по подготовке к освобождению осужденного должны формироваться задолго до установленного временного периода в виде одного года. Для того чтобы на заключительном этапе реализации программы социально-психологической реабилитации осужденных добиться эффективности, необходимо заблаговременно начать целевую работу по следующим направлениям: формирование правосознания, нравственное самосовершенствование, дисциплина, отношение осужденного к собственному будущему (заблаговременная забота о трудовом и бытовом устройстве), забота о собственном здоровье [5].

На наш взгляд, особенно остро этот вопрос встает применительно к освобождаемым из тюрем, поскольку, как известно, в тюрьме, практическая подготовка к жизни на свободе значительно сложнее, чем в исправительных колониях. Это объясняется тем, что в тюрьме более строгие условия изоляции, ограниченные возможности участия осужденных в трудовых процессах и приобретения специальности, необходимой для трудоустройства после освобождения и др. Поэтому такой резкий переход освобожденных от условий несвободы (тюремного заключения) к свободе, полное устранение ряда правоограничений и запретов для этих лиц, большинству из которых свойственна высокая степень социально-нравственной запущенности, неприспособленность к условиям свободной жизни нередко являются причиной их неустойчивого поведения, порождают трудности в их социальной адаптации и в ряде случаев приводят к совершению новых преступлений.

В практике подготовки осужденных к освобождению образовалась на основе норм уголовно-исполнительного законодательства противоречивая ситуация: для тех осужденных кто доказал свое исправление и встал на путь исправления, уже в процессе отбывания наказания спе-

циально создаются условия, способствующие их успешной социальной адаптации (например, перевод осужденных в ИУ с более мягким видом режима, перевод в другие условия отбывания наказания в пределах одного ИУ); а для тех осужденных, кто в период отбывания наказания не поддается исправительно-воспитательному воздействию, допуская нарушения установленного порядка отбывания наказания (в т.ч. злостные нарушения, способствующие переводу в ИУ с более строгим видом режима), эти условия существенно ограничены.

Пути решения этого вопроса достаточно сложны и требуют глубокого научного анализа, экспериментальной апробации. Однако, мы можем предложить некоторые варианты решения данных вопросов:

- рекомендовать судам при вынесении определений о переводе осужденных из исправительной колонии в тюрьму, устанавливать такой срок содержания в тюрьме, чтобы оставалась часть общего срока наказания и осужденный вновь возвращался в исправительную колонию, откуда бы освобождался, пройдя интенсивную подготовку к жизни на свободе;

- практику применения к осужденными (незадолго перед их освобождением) такой меры взыскания, как перевод в помещение камерного типа и в одиночную камеру, строить таким образом, чтобы между окончанием срока этого взыскания и концом сроком наказания всегда был интервал, позволяющий провести работу по подготовке их жизни на свободе.

Необходима также разработка конкретных форм и методов организационной, нравственной и психолого-педагогической подготовки осужденных к условиям жизни на свободе с учетом категорий освобождающихся: мужчины, женщины, несовершеннолетние лица, отбывшие длительные сроки лишения свободы, неоднократно судимые и др.

Список литературы:

1. Горяинов К.К. Междисциплинарное изучение социально-педагогической подготовки осужденных к освобождению // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 5 (17). С. 3-17.
2. Денисенко М.В. Предупреждение новых преступлений как цель уголовного наказания // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 4 (4). С. 14-20.
3. Зауторова Э.В. Пенитенциарная пробация: подготовка осужденных к освобождению из мест лишения свободы // Служба пробации: перспективы развития в России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Псков, 2024. С. 50-54.
4. Малетина Е.А. Опыт исправительных учреждений в организации процесса подготовки осужденных к освобождению // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 160-163.
5. Яковлев Д.И. О подготовке пожизненно осужденных к условно-досрочному освобождению // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 6 (169). С. 51-53.

References:

1. Goryainov K.K. Interdisciplinary study of socio-pedagogical preparation of convicts for release // Theory of law and inter-judicial relations. 2021. Vol. 1. No. 5 (17). pp. 3-17.
2. Denisenko M.V. Prevention of new crimes as a goal of criminal punishment // Scientific research on crime and punishment. 2025. No. 4 (4). pp. 14-20.
3. Zautorova E.V. Penitentiary probation: preparation of convicts for release from prison // Probation service: prospects of development in Russia. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Pskov, 2024. pp. 50-54.
4. Maletina E.A. The experience of correctional institutions in organizing the process of preparing convicts for release // Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 160-163.
5. Yakovlev D.I. On the preparation of life-sentenced prisoners for parole // Bulletin of the penal enforcement system. 2016. No. 6 (169). pp. 51-53.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_456

УДК 343.1

ПРИЗНАНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СУБЪЕКТОМ УГОЛОВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ RECOGNITION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS AS A SUBJECT OF CRIMINAL LEGAL RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

ДВОРНИКОВ Михаил Сергеевич,

магистрант юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,

г. Владимир, Россия, 600020, ул. Горького д. 87,

E-mail: redaier@mail.ru

ШУМОВ Петр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права факультета права и управления

Владимирского юридического института ФСИН России,

доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института

Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е,

E-mail: pshumov@gmail.com

DVORNIKOV Mikhail S.,

master student of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's.

87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation

E-mail: redaier@mail.ru

SHUMOV Petr V.,

Head of the Department of Theory and History of State and Law

of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, associate professor

of the Department of Civil Law and Process of Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,

candidate of law, associate professor,

67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russia, 600020.

E-mail: pshumov@gmail.com

Краткая аннотация. В статье исследуется актуальная проблема признания систем искусственного интеллекта субъектом уголовных правоотношений. Авторы анализируют пробелы в современном отечественном и зарубежном законодательстве, обусловленные отсутствием специальных норм, охраняющих общество от посягательств со стороны ИИ. Рассматриваются три основные модели распределения уголовной ответственности, применяемые в зарубежной теории права: «совершение через другое лицо», «естественное вероятное следствие» и «прямая ответственность». Делается вывод о том, что, несмотря на текущую невозможность наделяния ИИ полноценной правосубъектностью.

Abstract. The article investigates the urgent problem of recognizing artificial intelligence systems as a subject of criminal legal relations. The authors analyze gaps in modern domestic and foreign legislation, caused by the absence of special norms protecting society from encroachments by AI. Three main models of criminal liability distribution applied in foreign legal theory are examined: "perpetration-by-another", "natural-probable-consequence", and "direct liability". It is concluded that, despite the current impossibility of granting AI full legal personality...

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект уголовного права, модели ответственности, законодательное регулирование, разработчик ИИ, общественная опасность, самоуправляемые системы, вина, уголовно-правовые отношения.

Keywords: Artificial intelligence, criminal liability, subject of criminal law, liability models, legislative regulation, AI developer, public danger, autonomous systems, guilt, criminal legal relations.

Для цитирования: Дворников М.С., Шумов П.В. Признание систем искусственного интеллекта субъектом уголовных правоотношений: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 456-459. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_456.

For citation: Dvornikov M.S., Shumov P.V. Recognition of artificial intelligence systems as a subject of criminal legal relations: problems and prospects // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 456-459. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_456.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Современное отечественное законодательство в области уголовного права показывает нам отсутствие специальных норм права, которые охраняли бы общество от посягательства искусственного интеллекта. На существующем этапе развития технологий это обусловлено тем, что искусственный интеллект остаётся зависимым либо от разработчика, либо оператора, тем самым всё совершаемые деяния не остаются безнаказанными.

В то же время такая проблема отмечается и в зарубежном законодательстве, однако подход других государств не сильно отличается от Российского. Необходимость реструктуризации внутригосударственного и международного законодательства обусловлена стремительным развитием технологий и их повсеместным внедрением в различные сферы жизни.

Исследуя данный вопрос о признании искусственного интеллекта субъектом уголовной ответственности следует упомянуть о том, что на данный момент отсутствует достаточное количество статистических данных касающийся преступлений и правонарушений совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта.

Как отмечал Мосечкин И.Н. искусственный интеллект уже на данном этапе может совершать общественно опасное деяние. В пример приводится случай, когда в медицинское учреждение поступил ребенок у которого была высокая температура тела, слабость и обезвоживание, обследование

было выполнено с помощью системы искусственного интеллекта, которая установила, что ребенок болен гриппом и назначило ему соответствующее лечение. Медицинские работники следовали указанием системы искусственного интеллекта, однако через несколько часов ребенок скончался, при вскрытии было установлено, что причиной смерти является тяжелая бактериальная инфекция и диагноз системы был признан ошибочным [1, С. 465].

Анализируя данную ситуацию можно отметить высокий уровень общественной опасности совершенного деяния, хотя искусственный интеллект и не имел цели нанести вред, но имел место некий аналог преступной небрежности, что в свою очередь снова актуализирует вопрос о возможности признания искусственного интеллекта субъектом уголовного права.

Существуют системы искусственного интеллекта, которые изначально запрограммированы разработчиком на деструктивное поведение. Например, Пашенцев Евгений Николаевич, говоря о таких системах отмечал, что существуют системы, которые могут быть использованы в информационно-психологических операциях в негативном ключе, с помощью искусственного интеллекта можно в огромных количествах направлять людям негативные образы на те или иные вещи в любой точке мира [2, С. 280].

Представленная система несёт в себе огромный потенциал воздействия на человеческий разум, что при должной подаче может привести к колоссальным последствиям. Благо, что такие системы обычно находятся в лабораторных условиях и не выходят в общий доступ, тем не менее существует вероятность её утечки или изготовления такой системы злоумышленником в целях нанести вред. Даже сам факт создания таких систем обостряет проблему правового регулирования положения искусственного интеллекта.

Приведенные ситуации достаточно подчеркивают актуальность данной проблемы, именно для комплексного решения необходимо как следует изучить все аспекты признания искусственного интеллекта субъектом уголовного права.

Российское законодательство четко формулирует основание наступления уголовной ответственности. Согласно статье 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Формулировка является четкой и понятной, но необходимо выяснить способен ли искусственный интеллект совершать эти деяния будь то действие или бездействие, так как система может иметь физическую оболочку, например, робот, а может существовать исключительно в виртуальной среде, следовательно, возникает вопрос о фактической реализации искусственным интеллектом признаков объективной стороны. Исходя из вышеописанных примеров и тех, которые были представлены в предыдущих главах можно сделать вывод том, что в результате деятельности интеллектуальных систем возможно, как прямое причинение вреда жизни и здоровью человека, так и совершение иных видов преступлений.

Анализируя статью 24 УК РФ, возникает вопрос о форме вины в деяниях, совершаемых искусственным интеллектом. Способна ли система осознавать общественную опасность своих действий или бездействий, может ли она предвидеть наступление общественно опасных последствий, и каким образом она желает или не желает наступление этих последствий, так же способна ли она сознательно допускать эти последствия либо относиться к ним с безразличием.

По своей сути большинство систем созданы для облегчения деятельности человека и для иных созидательных процессов, следовательно, система не должна допускать наступления общественно опасных последствий если она изначально была создана в благих целях. С другой стороны, ситуация может сложиться таким образом, что наступление вышеуказанных последствий будет неотвратимым, например, беспилотное такси может избежать наезда на ребенка, выбежавшего на дорогу, но при этом наехать на человека, который стоит на автобусной остановке.

Из всей существующей базы правонарушений, совершенных искусственным интеллектом большинство из них следует характеризовать с точки зрения вины как неосторожность. Чаще всего это обусловлено несовершенством алгоритмов, по которым действует система, тем самым основное содержание вины перекладывается на разработчиков систем, особенно если они могли и должны были предвидеть возможность возникновения ошибок в поведении искусственного интеллекта и тем самым предотвратить наступление общественно опасных последствий. Сейчас уже несколько лет происходит тестирование беспилотных автомобилей в городе Москва, что позволяет выявить все недостатки перед массовым внедрением таких систем в таксопарки.

При массовом внедрении искусственного интеллекта в такие публичные сферы человеческой жизни возникнет необходимость создания базы систем, которые прошли соответствующую проверку программного кода, что позволит снять ответственность с разработчика такой системы, при условии, что в процессе функционирования ей не нужен оператор. Однако стоит упомянуть о самообучаемом искусственном интеллекте, который независимо от других лиц способен обучиться деяниям, которые смогут нанести вред общественным отношениям. В этом случае рациональнее всего содержание вины переложить на саму систему, а не на других лиц.

В зарубежной теории права обычно выделяют три модели потенциального распределения уголовной ответственности при использовании систем искусственного интеллекта.

Рассмотрим первую модель определения ответственности за преступления, совершенные системами искусственного интеллекта, такая модель имеет название «The Perpetration-by-Another» (совершение через другое лицо). Эта модель принципиально отходит от традиционного подхода в уголовном праве, который требует одновременного наличия умысла и действия у субъекта преступления. Искусственный интеллект в таком случае не будет рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта преступления, поэтому для привлечения к ответственности не нужно доказывать, что он обладал умыслом или совершил физическое действие. Вместо этого акцент делается на людях, связанных с системой, рассматривая их как потенциальных виновных, при этом предполагая, что непосредственно использующий искусственный интеллект человек является либо невиновным, либо частично невиновным. Эта концепция имеет глубокие исторические корни и базируется на принципе субсидиарной ответственности, где ответственность перекладывается на лицо, ответственное за действия другого.

В модели «The Perpetration-by-Another» ответственность за преступление, совершенное искусственным интеллектом, может быть воз-

ложена на двух потенциальных субъектов. Первый – это программист, создавший программное обеспечение такой системы. Если программист намеренно разработал ПО для совершения преступлений, то его действия могут быть квалифицированы как преступление, несмотря на то, что непосредственно физическое действие совершает система. В данном случае, программист не соответствует классическому определению, поскольку он не совершал физических действий непосредственно. Однако его умысел приравнивается к умыслу системы, и действие искусственного интеллекта рассматривается как продолжение или следствие действий программиста. Таким образом, программист несет ответственность за результат, предвиденный им при создании вредоносного ПО. Второй потенциальный субъект ответственности – это пользователь системы. Если пользователь, владея системой, использует её для достижения противоправных целей, он также может быть привлечен к уголовной ответственности. Аналогично ситуации с программистом, пользователь не совершает физического действия непосредственно, но его умысел и использование искусственного интеллекта для противоправных действий приводят к преступному результату.

Действие ИИ в данном случае рассматривается как инструмент, использованный пользователем для совершения преступления. Ответственность пользователя строится на его знании о противоправном характере использования ИИ и его волевом решении использовать ИИ для достижения своих преступных целей. Существенно отметить, что как для программиста, так и для пользователя, привлечение к ответственности происходит не за непосредственное совершение физического действия самим человеком, а за умысел и косвенное участие в преступлении, совершенном системой искусственного интеллекта. Эта модель представляет собой сложный юридический механизм, требующий тщательного анализа конкретных обстоятельств каждого случая, для определения степени вины и возложения ответственности на соответствующее лицо. Ключевым моментом является признание искусственного интеллекта инструментом, а не самостоятельным субъектом преступления [3, С. 549].

Рассмотрим следующую модель уголовной ответственности «Естественное вероятное следствие» (The Natural-Probable-Consequence Liability) в контексте применения искусственного интеллекта. Эта модель также отличается от традиционных подходов, требующих наличия умысла и противоправного действия со стороны программиста или пользователя. В рамках данной модели, ответственность наступает не за предвидение конкретного преступления, а за небрежное отношение к потенциально опасным последствиям обычных функций интеллектуальной системы.

Представим ситуацию: программист разрабатывает систему ИИ, например, алгоритм для автоматической торговли на бирже. Система работает корректно, выполняя свои стандартные функции — анализ рынка, формирование торговых стратегий и подачу заявок. Однако, в силу ряда непредвиденных обстоятельств, эта стандартная работа приводит к совершению преступления, например, к манипулированию рынком или инсайдерской торговле.

Программист, возможно, не предвидел конкретного преступления, не имел умысла на его совершение и не планировал противоправные действия. Однако, если он осознавал и разумно полагал, что использование его системы в стандартном режиме может привести к подобным негативным последствиям, то он несёт ответственность за её действия. Его небрежность, его неспособность предвидеть и предотвратить риски, является основанием для привлечения к уголовной ответственности. Суд будет оценивать степень его осведомлённости о потенциальных рисках, а также предпринимаемые им меры по их минимизации. Доказательство небрежности программиста, его недостаточная забота о безопасности и прогнозировании возможных негативных последствий, является ключевым элементом применения этой модели ответственности.

Однако, модель охватывает и более сложные сценарии. Предположим, программист намеренно программирует робота для совершения определенного преступления, например, кражи данных. Но в процессе выполнения задания робот, отклоняясь от запрограммированного алгоритма, совершает другое преступление, например, повреждение системы безопасности. В этом случае программист несет ответственность как за изначально запланированное преступление (умышленное действие), так и за преступление, которое он не планировал, но которое стало следствием его действий. Здесь программист является причиной обоих преступлений. Даже если робот проявил некую «автономию» и отклонился от исходного плана, ответственность за это отклонение и его последствия лежит на программисте, поскольку он создал и запустил систему, способную к такому поведению. Это подчеркивает высокую степень ответственности разработчиков за потенциальные преступления, совершаемые ими созданными системами, независимо от степени их предсказуемости [3, С. 551].

Говоря о третьей модели ответственности за действия искусственного интеллекта, то она носит название «Модель прямой ответственности» (The Direct Liability), эта модель принципиально отличается от предыдущих. Она предполагает, что искусственный интеллект может быть признан самостоятельным субъектом преступления и привлечен к уголовной ответственности напрямую.

В отличие от моделей, связывающих ответственность за действия системы с действиями или намерениями программистов, или пользователей, эта модель устанавливает прямую ответственность самого искусственного интеллекта за его поступки, не учитывая, кто и как его запрограммировал. Однако, для реализации такой модели необходимы существенные законодательные изменения. Требуется признание такую систему субъектом права, обладающим правоспособностью, то есть способностью иметь права и обязанности, включая возможность нести уголовную ответственность. Кроме того, необходимо разработать критерии, позволяющие точно определить, соответствует ли поведение системы установленным правовым нормам, что предполагает определение наличия как вины (выраженной в форме умысла или неосторожности), так и противоправного деяния [3, С. 551].

В заключение, можно сказать что стремительное развитие технологий за последние несколько лет формирует тенденцию к созданию сильного искусственного интеллекта. Человечество должно осознавать, что хоть на данном этапе и нельзя приравнять искусственный интеллект к полноценному субъекту уголовного права, но уже существуют ситуации, в которых интеллектуальные системы способны нанести вред обществу. В настоящее время содержание вины таких систем только косвенно напоминает интеллектуальные способности человека в плане осознания своих действий, но и оставлять действия системы безнаказанными будет нецелесообразно.

Можно сделать вывод о том, что мы находимся на переломном моменте, когда искусственный интеллект еще нельзя наделить полноценной правосубъектностью, но стремительные темпы развития технологий рано или поздно вынудят законодателя пересмотреть подход к определению правового статуса искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3.
2. Пашенцев, Е. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76.
3. Шестак В.А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США / В.А.Шестак, А.Г.Волеводз, В.А.Ализаде // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4.

References:

1. Mosechkin I.N. Iskustvennyy intellekt i ugodovnaya otvetstvennost': problemy stanovleniya novogo vida sub"ekta prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 465.
2. Pashentsev E.N. Zlonamerennoe ispol'zovanie iskustvennogo intellekta: novye ugrozy dlya mezhdunarodnoy informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti i puti ikh neytralizatsii // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2019. No. 76. P. 280.
3. Shestak V.A., Volevodz A.G., Alizade V.A. O vozmozhnosti doktrinal'nogo vospriyatiya sistemoy obshchego prava iskustvennogo intellekta kak sub"ekta prestupleniya: na primere ugodovnogo zakonodatel'stva SShA // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 549.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_460

УДК 343.132

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THEORETICAL ASPECTS OF INTERROGATION WITH THE PARTICIPATION OF THE PROTECTED PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS

БАДАМШИН Осман Ильфатович,
аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18.
k021@mail.ru

BADAMSHIN Osman Ilfatovich,
PhD student at Kazan (Volga Region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia.
k021@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой отдельных аспектов допроса как следственного действия с участием лиц, являющихся субъектами уголовного судопроизводства, подвергнутыми государственной защите. Применение к лицам, обладающим процессуальным статусом в рамках уголовного дела, мер государственной защиты от противоправного воздействия в интересах подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, приводит к формированию определенной специфики, связанной с проведением отдельных следственных и иных процессуальных действий. В том числе эта специфика проявляется при организации и осуществлении допроса защищаемых лиц.

Abstract: This article examines issues related to the characterization of certain aspects of interrogation as an investigative action involving individuals who are subjects of criminal proceedings and subject to state protection. The application of state protection measures against unlawful influence to individuals with procedural status in a criminal case, in the interests of suspects, accused, and defendants, leads to the development of certain specifics associated with the conduct of certain investigative and other procedural actions. These specifics also manifest themselves in the organization and conduct of interrogations of protected individuals.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, государственная защита, следственное действие, допрос.
Key words: criminal proceedings, criminal process, state protection, investigative action, interrogation.

Для цитирования: Бадамшин О.И. Теоретические аспекты допроса с участием защищаемого лица в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 460-462. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_460.

For citation: Badamshin O.I. Theoretical aspects of interrogation involving a protected person in criminal proceedings // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 460-462. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_460.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2026

Особенности производства по уголовным делам с точки зрения базовых начал уголовно-процессуального права предполагают обязанность уполномоченных должностных лиц принимать все необходимые меры, направленные к обеспечению прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства, причастных к его расследованию при наличии на то обоснованной необходимости [1, с. 11]. В процессе теоретического изучения указанного аспекта большое значение придается соблюдению баланса интересов т.н. «центральных» фигур уголовного процесса – потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) – чьи интересы сталкиваются в рамках расследования уголовного дела ввиду их противоположного характера. В то же время, не меньшее значение для эффективности производства по конкретному уголовному делу имеет обеспечение прав и законных интересов тех лиц, которые, будучи способными быть потенциально в любом процессуальном статусе, находятся под защитой со стороны государства.

Актуальность данной темы непосредственно обусловлена производством по уголовным делам, в рамках которых отдельные вовлекаемые в данный процесс лица подвергаются давлению как со стороны подозреваемого (обвиняемого), так и со стороны иных связанных с ними лиц. Подобное поведение обосновывается стремлением как самого подозреваемого (обвиняемого), так и потенциально стоящих за ним лиц по различному препятствованию или же противодействию производству уголовного дела. Одним из способов подобного «саботажа» является оказание всевозможного давления на отдельных участников уголовного дела: потерпевшего, свидетелей, понятых, экспертов, специалистов, а в отдельных случаях – даже на должностных лиц следственных органов и представителей судейского корпуса. Последствия оказания такого давления носят негативный характер для хода расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, в частности: 1) возникает противодействие расследованию и рассмотрению дела со стороны отдельных участников (свидетели могут отказываться от дачи показаний или давать заведомо ложные показания, потерпевшие могут отказываться от претензий к подозреваемому (обвиняемому) несмотря на тяжесть причиненного ущерба); 2) парализуется сам процесс расследования из-за случаев отказа должностных лиц со стороны следствия, суда, экспертных учреждений и пр. от дальнейшего участия в расследовании по мотиву оказания на них противоправного воздействия [2, с. 126].

При этом, любое из указанных событий, даже если оно имело эпизодический характер, имеет далеко идущие последствия. Можно утверждать, что каждый такой случай будет выигрышем для подозреваемого (обвиняемого), а также для прочих заинтересованных лиц. Любое, пусть даже незначительное замедление расследования, приведет, например, к возможности продолжения совершения противоправных действий, к возникновению дополнительной возможности по противодействию расследованию или рассмотрению дела по существу и т.п. Соответственно, перед государством в лице правоохранительных и судебных органов встает задача пресечь противоправное воздействие на участников

уголовного судопроизводства с помощью отдельных мер защиты, действие которых, в свою очередь, формируют определенную специфику участия подобных субъектов в отдельных следственных и иных процессуальных действиях.

В системе предусмотренных УПК РФ следственных и иных процессуальных действий одно из главенствующих мест занимает допрос. Это объясняется, в частности, следующим образом: во-первых, допрос является одним из самых распространенных видов следственных действий, без которого не обходится ни одно расследование уголовного дела; во-вторых, допрос можно рассматривать в качестве базы, основы для дальнейшего расследования уголовного дела, поскольку именно в ходе допроса следователь получает первичные данные о событии преступления, а на их основе формирует тактику дальнейшего расследования уголовного дела; в-третьих, допрос также служит и своеобразным средством процессуального контроля: с его помощью возможно выявить противоречия, нестыковки в результатах ранее проведенных следственных действий для установления необходимых для расследования уголовного дела обстоятельств, а также выявить допущенные нарушения закона с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного дела и привлечения виновных к юридической ответственности [3, с. 117-118].

Представленная аргументация в пользу «особого» положения допроса как следственного действия в свою очередь предполагает необходимость его проведения в отношении всех лиц, вовлеченных в расследование уголовного дела при условии, что последние обладают (в том числе потенциально) сведениями, которые позволят установить необходимые для раскрытия преступления обстоятельства: укажут на отдельные аспекты его совершения (время, место, способ и др.), на лицо, его совершившее, на характер и размер причиненного вреда и т.п. Конечно, УПК РФ определяет отдельные исключения в части перечня лиц, допрос которых по отдельным обстоятельствам не допускается (священников в части тайны исповеди, судей, присяжных заседателей – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу, и т.д.) [4, с. 91-92]. Однако, если защищаемое лицо не попадает в представленный перечень (ч. 3 ст. 56 УПК РФ), и он может или владеет необходимой для следствия информацией, проведение его допроса является обязательным.

Переходя к особенностям организации допроса защищаемых лиц, считаем первоначально обратить внимание на следующее обстоятельство: правоприменительный опыт производства по уголовным делам позволил к настоящему времени сформировать совокупность познаний о том, каким образом лучше всего будет организовать то или иное следственное действие исходя из исходных условий (вида следственного действия, целей проведения, характеристики участвующих в его проведении лиц и др.). В условиях, когда соответствующий участник уголовного судопроизводства находится под программой государственной защиты, встает задача организации проведения следственного действия таким образом, чтобы по итогам его осуществления был получен максимально возможный положительный для расследования результат, но при этом участие в следственном действии защищаемого лица не привело к раскрытию его личности или иному нарушению права на защиту.

Следует отметить, что действующее законодательство о государственной защите участников уголовного судопроизводства не определяет строгих критериев того, какие именно меры безопасности должны быть применены в определенном случае (кроме случаев возможности применения соответствующих мер защиты при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, определяющих повышенную общественную опасность для отдельных участников уголовного судопроизводства). Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ) установлен лишь перечень таких мер, к числу которых относятся: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение на другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место; 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. Из представленных мер защиты, только те из них, которые закреплены в вышеперечисленных п.п. 4-7 ч. 1 ст. 6 Закона № 119-ФЗ применяются при совершении тяжких и особо тяжких преступлений). При этом, все представленные меры защиты могут быть применены по отношению к следующему кругу субъектов уголовного судопроизводства: 1) потерпевшему; 2) свидетелю; 3) частному обвинителю; 4) подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, их защитникам и законным представителям, осужденным, оправданным, а также лицам, в отношении которых уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; 5) эксперту, специалисту, переводчику, понятому, а также участвующему в уголовном судопроизводстве педагогу и психологу; 6) гражданскому истцу, гражданскому ответчику; 7) законному представителю, представителю потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

В свою очередь, тактика производства отдельных следственных действий в отношении защищаемых лиц вынуждена подстраиваться под исходные условия – положение защищаемого лица исходя из примененных к нему мер безопасности. В связи с этим, целесообразно рассматривать отдельные особенности организации и проведения допроса защищаемого лица именно исходя из того, какие конкретно меры безопасности были применены к такому лицу в соответствующей ситуации.

Подводя итог, необходимо отметить, что сформированная в актуальных условиях правовая система обеспечения государственной защиты отдельных участников уголовного судопроизводства определяет широкие возможности для их безопасного участия в отдельных следственных действиях (в т.ч. в допросе), что снижает вероятность негативного воздействия на таких лиц со стороны подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) до минимума. Однако, последнее достигается только в случае эффективной организации и взаимодействия всех вовлеченных в этот процесс должностных лиц, обеспечивающих государственную защиту правоохранительных органов, при отсутствии которой ставится под вопрос не только результативность проведения отдельных следственных действий, но потенциально и продуктивность всего производства по конкретному уголовному делу.

Список литературы:

1. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: курс лекций: учебное пособие / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – 156 с.
2. Аюбян, Р. К. Проблемы нейтрализации противоправного воздействия на участников расследования // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: Сборник научных трудов по материалам V-й Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 29 ноября 2019 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. – С. 123-126.
3. Непранов, Р. Г. О порядке проведения допроса и его доказательственное значение / Р. Г. Непранов, И. А. Эсмурзиев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 7(134). – С. 116-119.
4. Ежова, Е. В. К вопросу о свидетельском иммунитете в уголовном процессе России // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – №. 1 (67). – С. 89-100.

References:

1. Epikhin, A. Y. Ensuring the safety of participants in the criminal process: a course of lectures: a textbook / A. Y. Epikhin, A.V. Mishin. Kazan: Kazan University Press, 2025. 156 p.
2. Hakobyan, R. K. Problems of neutralizing unlawful influence on the participants of the investigation // Actual problems of criminal law, criminal procedure and criminalistics: A collection of scientific papers based on the materials of the V-th All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, November 29, 2019. Krasnodar: I.T. Trublin Kuban State Agrarian University, 2021, pp. 123-126.
3. Nepranov, R. G. On the procedure for conducting an interrogation and its evidentiary value / R. G. Nepranov, I. A. Esmurziev // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2021. – № 7(134). – Pp. 116-119.
4. Yezhova, E. V. On the issue of witness immunity in the criminal process of Russia // The rule of law: theory and practice. – 2022. – №. 1 (67). – Pp. 89-100.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ PROBLEMS OF ENSURING EFFECTIVE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION

СЕРЕГИНА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Ростовского филиала
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Ростов-на-Дону).
344038, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, Ворошиловский район, пр-кт Ленина, дом № 66.
E-mail.ru: seregina51@mail.ru;
SPIN-код: 9883-5130,
AuthorID: 434035;

SEREGINA Elena Vladimirovna,

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department
criminal law of the Rostov branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Rostov-on-Don).
344038, Russia, Rostov-on-Don, Rostov region, Voroshilovsky district, Lenin Ave., 66.
E-mail.ru: seregina51@mail.ru;
SPIN-код: 9883-5130,
AuthorID: 434035.

Краткая аннотация: Высокотехнологичная преступность молниеносно адаптируется к изменяющимся условиям жизни, становится все более организованной, а кибератаки – все более технически изощренными. В условиях цифровизации современного общества защита персональных данных приобретает все большее значение. Неправомерно полученная информация с ограниченным доступом может быть использована при совершении киберпреступлений, включая подделку цифровой идентичности. Распространение систем удаленной идентификации и биометрической аутентификации привело к формированию новых общественных отношений, связанных с использованием биометрических персональных данных. В статье анализируются проблемы утечки персональных данных, рассматриваются действующие нормы российского уголовного законодательства, обеспечивающие их эффективную защиту, выявляются пробелы и вносятся некоторые предложения по их устранению.

Abstract: High-tech crime is rapidly adapting to changing living conditions, becoming more and more organized, and cyber attacks are becoming more and more technically sophisticated. In the context of the digitalization of modern society, the protection of personal data is becoming increasingly important. Illegally obtained information with limited access can be used in the commission of cybercrimes, including the forgery of digital identity. The proliferation of remote identification and biometric authentication systems has led to the formation of new public relations related to the use of biometric personal data. The article analyzes the problems of personal data leakage, examines the current norms of Russian criminal legislation that ensure their effective protection, identifies gaps and makes some suggestions for their elimination.

Ключевые слова: персональные данные, биометрические данные, цифровая идентификация, аутентификация, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть «Интернет», киберпреступники, киберпреступность, утечка, правовая защита, информационная безопасность.

Key words: personal data, biometric data, digital identification, authentication, information and telecommunication technologies, Internet, cyber-criminals, cybercrime, leakage, legal protection, information security.

Для цитирования: Серегина Е.В. Проблемы обеспечения эффективной защиты персональных данных личности в условиях глобальной цифровизации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 463-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_463.

For citation: Seregina E.V. Problems of ensuring effective protection of personal data in the context of global digitalization // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 463-465. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_463.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

В инновационном мире важную роль играет информационная безопасность. Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий обусловило возникновение новых вызовов и угроз и, как следствие, развитие киберпреступности. Информационная преступность быстро эволюционирует, модифицируя как виды, так и способы совершения, а также инструменты контроля над ней. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2025 году зафиксировано 675,4 тыс. преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с 2024 годом, количество данных преступлений снизилось на 11,8%. Половина рассматриваемых преступлений составляют кибермошенничества – 350 тыс., их количество сократилось на 9%. Материальный ущерб уменьшился с 205 до 189,5 млрд. руб. Число потерпевших сократилось на 5,5% – до 534,5 тыс. человек [1]. И несмотря на то, что количество киберпреступлений постепенно сокращается, активность киберпреступников не снижается, посредством мессенджеров или телефонных звонков они похищают пароли, списывают деньги со счетов, оформляют кредиты на граждан. Приходится констатировать, что в информационной сфере развивается воспалительный процесс, который приобрел хронический характер.

Одним из новых вызовов современности является применение технологий искусственного интеллекта в преступной деятельности. Искусственный интеллект предоставляет преступникам огромные возможности для его противоправного использования. Современные технологии искусственного интеллекта обеспечивают высокую степень автоматизации и расширения масштабов киберпреступности. Высокотехнологичная преступность молниеносно приспосабливается к изменяющимся условиям жизни, что требует принятия специальных мер, направленных на обеспечение кибербезопасности.

Важное значение в условиях цифровизации современного общества приобретает охрана персональных данных. По данным «Ростелекома», персональные данные всех россиян уже утекли в Сеть [2]. Украденные данные используются при совершении фишинговых атак и захвата профилей организаций.

Так, в 2019 году произошла утечка с серверов оператора фискальных данных «Дримкас» и более 90 млн. различного рода данных о

юридических и физических лица попало в открытый доступ, также произошла крупнейшая в банковском секторе компрометация 60 млн. записей о паспортных данных, лимитах карт и операциях по ним клиентов Сбербанка. В 2022 году последовала масштабная кража персональных данных клиентов сервисов «Яндекс.Еда», «Delivery Club», «СДЭК», «Tutu.ru». В 2024 году в сети «Интернет» оказалась конфиденциальная информация о более 510 млн. пользователей, причем данные были слиты в рамках одной утечки [3]. В июне 2025 года эксперты Киберновостей сообщили о крупнейшем в истории несанкционированном раскрытии почти 16 млрд. логинов и паролей от аккаунтов в популярных сервисах. Утечка затронула «Telegram», «Apple», «Google», «Facebook» (входит в корпорацию «Meta», которая признана экстремистской и запрещена в России), «GitHub», а также VPN-сервисы и государственные платформы [2].

В 2025 году специалисты по кибербезопасности обнаружили в публичном доступе более 760 млн. строк с данными россиян, которые попали в сеть «Интернет» в результате утечек. Были опубликованы 232 тыс. записей пользователей из Республики Беларусь [4]. Основная масса похищенных данных была размещена в мессенджере «Telegram». Серьезную угрозу представляют попытки захвата аккаунтов на портале «Госуслуги», который является центром взаимоотношений человека с множеством государственных органов.

Специалистами отмечается как замедление экспоненциального роста киберугроз и кибератак на российские компании, так и совершенствование способов, использование которых приводит к многомиллионным убыткам и репутационным потерям. Программы-вымогатели, скам, фишинг выступают ведущими среди главных киберугроз для российских компаний, при этом персональные данные являются одной из главных основных атакующих. Долгое время самым популярным видом мошенничества является фишинг. В настоящее время наблюдается переход скам-групп от фишинга к скаму. Вместо данных карт или личного банковского кабинета у жертв кибермошенники все чаще запрашивают оплату по QR-коду или реквизитам. На блокировку данной аферы уходит больше ресурсов и времени, чем на фишинг, этим и пользуются кибермошенники [5]. Выросло количество кибератак, в ходе которых киберпреступники предлагают «ускорить» работу замедленных сервисов или «разблокировать» доступ к приложениям и интернет-ресурсам. В условиях продолжающегося геополитического конфликта возможно увеличение кибератак.

Одной из самых распространенных схем, используемых киберпреступниками, является использование программ-вымогателей, которые блокируют доступ к персональным данным, для того чтобы его получить обратно, необходимо заплатить выкуп. Суммы первоначального выкупа за расшифровку индивидуальных данных за расшифровку данных составляет 100 тыс. руб. для малого бизнеса, что касается средних и крупных компаний, то сумма выкупа превышает 5 млн. руб. Рекордная сумма выкупа в 2025 году составила 500 млн. руб. Общий ущерб россиянам от IT-мошенников превысил 170 млрд. руб. [4]. С целью нанесения репутационного вреда немалая часть персональных данных размещается в сети «Интернет» совершенно бесплатно.

Тотальная цифровизация социальных процессов обусловила стремительный рост технологий обработки биометрических данных личности. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет биометрические персональные данные как сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность [6]. Ключевой особенностью биометрии является ее необратимость: в отличие от паролей или идентификаторов, биометрические признаки не подлежат «замене» при компрометации, что существенно усиливает потенциальный вред от их неправомерного получения и использования.

Отпечатки пальцев, параметры лица, радужной оболочки глаз, голосовой образ и т.п. становятся неотъемлемой частью государственной инфраструктуры идентификации, коммерческих сервисов и корпоративных информационных систем. Фотоизображение, отпечатки пальцев и голосовые данные активно применяют банки – при выдаче кредитов и банковских карт, образовательные учреждения – для оформления пропусков, люди – при использовании смартфонов и ноутбуков.

С точки зрения криминалистики биометрия относится к категории сильнейших идентификаторов, то есть таких индивидуальных данных, которые формируют уникальный профиль личности и могут использоваться при совершении преступлений, включая неправомерный доступ к информационным системам, подделку цифровой идентичности. В научной литературе подчеркивается, что биометрические данные являются «критически чувствительными» объектами информационных отношений, требующими многоуровневой правовой защиты [7].

Значительное количество нормативных правовых актов регулируют создание и пользование информацией. Фундаментальный, системообразующий характер имеет конституционное положение, закрепленное в ст. 24 Конституции РФ, оно определяет сущность и содержание правовых мер защиты персональных данных.

Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» устанавливает основы формирования и ведения персонального цифрового досье с базовыми данными населения нашей страны [8]. В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», регулирующим отношения в сфере использования биометрических персональных данных, граждане могут размещать персональные данные в единой биометрической системе самостоятельно [9]. Согласно Федеральному закону от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в государственной информационной системе будет храниться информация о кибермошенниках, в том числе об их абонентских номерах. С 01.03.2026 года микрофинансовые организации при выдаче потребительского займа обязаны будут идентифицировать или аутентифицировать заемщиков по биометрии [10]. Указанные Федеральные законы, призванные как можно активнее бороться с кибермошенниками, демонстрируют практический эффект, способствуя сокращению числа киберпреступлений.

Использование персональных данных, обладая несомненной функциональной ценностью, сопряжено с высокой степенью криминогенной уязвимости, что актуализирует проблему их защиты. Несмотря на наличие специальных правовых норм, направленных на повышение приватной защиты персональных данных, отсутствует комплексный механизм охраны биометрической информации, что создает пробелы в праве и снижает эффективность противодействия преступлениям в сфере цифровой идентификации.

В уголовном законодательстве Российской Федерации защита персональных данных осуществляется фрагментарно на основании норм, регулирующих ответственность за незаконный сбор сведений о частной жизни (ст. 137 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), преступления в сфере компьютерной информации (гл. 23 УК РФ) и др., но специальной уголовно-правовой нормы, направленной на защиту биометрических данных, не содержится.

Указанные нормы лишь косвенно охватывают случаи неправомерной обработки биометрии. Они не учитывают специфику цифровой идентификации; невосполнимость ущерба, вызванной компрометацией биометрических шаблонов; возрастающую активность систем искусственного интеллекта, использующих биометрию для принятия решений; массовость ее применения в государственном и частном секторах. Например, ст. 137 УК РФ ориентирована преимущественно на сведения о частной жизни, а не на технологически формализованные биометрические шаблоны. В условиях автоматизированной идентификации биометрические данные могут использоваться без раскрытия иных сведений о частной жизни, что не охватывается ст. 137 УК РФ.

Современные алгоритмы генерации «глубоких подделок» дипфейк позволяют воссоздать голос, лицо и иные биометрические параметры для совершения преступлений. Сегодня данная технология стала активно применяться в криминальных целях. Основные типы дипфейк-продуктов включают: видеоролики с заменой лица одного человека на другое; изменение звукового сопровождения видеозаписи (модификация речи); моделирование образов несуществующих персонажей, внешне похожих на реальные личности. Каждый из этих типов находит свое отражение в разных видах преступной деятельности. Уголовно-правовые меры противодействия пока не адаптировались к данной угрозе.

Доктрина уголовного права традиционно исходит из того, что уголовно-правовые механизмы должны обеспечивать охрану наиболее значимых общественных отношений [11, с. 156]. Биометрические данные как уникальный идентификатор личности обладая исключительной ценностью относятся к одному из ключевых объектов уголовно-правовой защиты. Их особая природа, высокая социальная ценность требуют системного переосмысления существующих уголовно-правовых механизмов. Создание специализированных норм, адаптированных к технологическим реалиям, представляется необходимым элементом модернизации российского уголовного законодательства в сфере информационной безопасности. Поэтому обоснованной представляется идея введения в уголовный закон специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконные получение, сбор или хранение, передачу или использование биометрических данных.

Концептуальные предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства.

1. Дополнить уголовный закон специальной уголовно-правовой нормой, направленной на защиту биометрии – ст. 137.1 УК РФ «Незаконное обращение с биометрическими персональными данными».
2. Современная практика показывает, что преступления с использованием дипфейк-технологий требует специальной криминализации, поэтому необходимо ввести уголовно-правовую норму о цифровой идентичности.

Список литературы:

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat>.
2. Персональные данные россиян утекли в сеть, заявили в «Ростелеком» – РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20241119/rostelekom-1984625239.html?ysclid=mltv0fmnz4906801888>.
3. В Сеть потенциально попали данные 25 млн клиентов СДЭК – РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/07/2022/62d022d09a794711851de88d?ysclid=mlui7tjx7x140383290.
4. Количество утечек данных россиян в 2025 году: статистика [сайт]. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/139385-bolshe-760-mln-strok-dannyh-rossiyan-utekli-v-2025-godu/?ysclid=mluk3prai332144109>.
5. Киберугрозы-2025: F6 назвала основные тренды вымогателей, утечек и фишинга / Хабр Карьера [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/F6/news/977172>.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
7. Артемьева А.С. Биометрические персональные данные как элемент системы обеспечения криминологической безопасности, требующей уголовно-правовой защиты // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4. С. 42-50.
8. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.06.2020. № 24. Ст. 3742.
9. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 19.
10. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2025. № 14. Ст. 1574.
11. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов / И.Л. Бачило. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 419 с.

References:

1. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat>.
2. Personal data of Russians leaked online, Rostelecom said – RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20241119/rostelekom-1984625239.html?ysclid=mltv0fmnz4906801888>.
3. The data of 25 million SDEK customers potentially entered the Network. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/07/2022/62d022d09a794711851de88d?ysclid=mlui7tjx7x140383290.
4. The number of data leaks of Russians in 2025: statistics. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/139385-bolshe-760-mln-strok-dannyh-rossiyan-utekli-v-2025-godu/?ysclid=mluk3prai332144109>.
5. Cyber threats-2025: F6 named the main trends of ransomware, leaks and phishing / Habr Career. URL: <https://habr.com/ru/companies/F6/news/977172>.
6. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 «On Personal Data» // Collection of legislation of the Russian Federation. 07/31/2006. No. 31 (1 h.). Art. 3451.
7. Artemyeva A.S. Biometric personal data as an element of the criminological security system requiring criminal legal protection // Problems of law enforcement. 2024. No. 4. pp. 42-50.
8. Federal Law No. 168-FZ dated 06/08/2020 «On the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 15.06.2020. No. 24. Art. 3742.
9. Federal Law No. 572-FZ dated December 29, 2022 «On the Identification and (or) Authentication of Individuals using Biometric Personal Data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 02.01.2023. No. 1 (part I). Art. 19.
10. Federal Law No. 41-FZ dated 04/01/2025 «On the Creation of a State Information System for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 07.04.2025. No. 14. Art. 1574.
11. Bachilo I.L. Information law: a textbook for universities / I.L. Bachilo. 5th ed., revised and additional. M.: Yurait, 2026. 419 p.

РОЛЬ И МЕСТО ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ROLE AND PLACE OF THE PRISON SYSTEM IN THE NATIONAL CRIME PREVENTION SYSTEM

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент Института Академии ФСИН России по кафедре оперативно-розыскной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России, г. Рязань).
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

ШЕРХОВ Рустам Русланович,

кандидат юридических наук. Россия, г. Москва.
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru

KAZAK Igor Bronislavovich,

Associate Professor of the Institute of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia from the Department of Operational Investigative Activities,
Candidate of Law, Associate Professor.
Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Law. Russia, Moscow.
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реализации профилактической функции пенитенциарной системы в механизме общегосударственного предупреждения преступлений. Анализируется эволюция взглядов на место уголовно-исполнительной системы в системе национальной безопасности. Исследуются современные тенденции развития пенитенциарной преступности и меры ее предупреждения. Особое внимание уделяется анализу новых форм межведомственного взаимодействия ФСИН России и МВД России, а также интеграции международных стандартов в отечественную практику. На основе проведенного анализа формулируются выводы о трансформации роли пенитенциарной системы от сугубо карательного института к ключевому элементу стратегии криминологической безопасности государства.

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the implementation of the preventive function of the penitentiary system in the mechanism of nationwide crime prevention. The evolution of views on the place of the penal system in the national security system is analyzed. Modern trends in the development of penitentiary crime and its prevention measures are investigated. Particular attention is paid to the analysis of new forms of interdepartmental interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the integration of international standards into domestic practice. Based on the analysis, conclusions are formulated on the transformation of the role of the penitentiary system from a purely punitive institution to a key element of the state's criminological security strategy.

Ключевые слова: пенитенциарная система, предупреждение преступлений, профилактическая функция, уголовно-исполнительная система, межведомственное взаимодействие, пенитенциарная преступность, рецидив, криминологическая безопасность.

Key words: penitentiary system, crime prevention, preventive function, penal system, interdepartmental interaction, penitentiary crime, relapse, criminological security.

Для цитирования: Казак И.Б., Шерхов Р.Р. Роль и место пенитенциарной системы в общегосударственной системе предупреждения преступлений // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_466.

For citation: Kazak I.B., Sherkhov R.R. The role and place of the penitentiary system in the national crime prevention system // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_466.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

В системе мер противодействия преступности особое место занимают институты, обеспечивающие реализацию уголовной ответственности и исполнение наказаний. Традиционно пенитенциарная система рассматривалась преимущественно как инструмент карательного воздействия и изоляции лиц, совершивших преступления. Однако современное развитие криминологической науки и практики правоприменения свидетельствует о существенной трансформации данного подхода. Сегодня все более отчетливо осознается, что эффективность общегосударственной стратегии предупреждения преступлений напрямую зависит от того, насколько успешно пенитенциарная система реализует свой профилактический потенциал.

Как справедливо отмечает Л.Б. Смирнов [2], пенитенциарная система объединяет подходы к исполнению наказания, исправлению осужденных и предупреждению преступлений с учетом достижений пенитенциарной науки и практики, а также реальных ресурсных возможностей. Данное положение актуализирует необходимость комплексного анализа роли и места уголовно-исполнительной системы в механизме предупреждения преступности.

Профилактическая функция пенитенциарной системы имеет двойственную природу. С одной стороны, она реализуется внутри самих учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), будучи направленной на предупреждение совершения новых преступлений лицами, уже отбывающими наказание. С другой стороны, пенитенциарная система участвует в общей профилактике преступлений, обеспечивая специально-криминологическое предупреждение рецидива среди лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

В международных правовых документах профилактическая функция пенитенциарной системы рассматривается как неотъемлемый

элемент гуманного и эффективного уголовного правосудия. Как отмечается в исследованиях, посвященных анализу международных пенитенциарных стандартов, эволюция гуманитарных ценностей и правовых принципов в международном праве оказала существенное влияние на национальное законодательство, что проявляется в приоритете принципов международного права при регулировании вопросов исполнения наказаний. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.) и последующие международно-правовые акты заложили основу для понимания того, что предупреждение преступлений в пенитенциарной среде и ресоциализация осужденных являются не менее важными задачами, чем карательная функция наказания.

В отечественной науке криминологическое обеспечение предупреждения пенитенциарных преступлений все чаще рассматривается через призму теории криминологической безопасности. Интеграция стратегии защиты личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в деятельность уголовно-исполнительной системы позволяет обеспечить комплексный подход к предупреждению правонарушений.

Анализ состояния пенитенциарной преступности свидетельствует о наличии устойчивых негативных тенденций. Исследования, проведенные на основе официальных данных, выявили некоторые негативные тенденции, касаемые как преступлений, совершаемых в учреждениях ФСИН России, так и лиц, их совершивших. Не столько уровень, сколько характер современной пенитенциарной преступности вызывает опасения. Это свидетельствует о наличии коренных противоречий, возникающих при исполнении наказания в виде лишения свободы в российских пенитенциарных учреждениях.

Современные исследования подтверждают актуальность данной проблемы. В качестве основных направлений противодействия пенитенциарной преступности выделяются: совершенствование правового регулирования профилактической деятельности, усиление профилактической роли учреждений, исполняющих наказания, а также развитие методов оперативно-розыскной профилактики [см. например: 1].

Особого внимания заслуживает проблема предупреждения пенитенциарного рецидива. Как отмечается в научной литературе, тактика поведения сотрудников с представителями различных типов личности осужденных должна существенно различаться. Учет индивидуальных и групповых особенностей осужденных является неперенным условием реализации эффективных мер предупреждения пенитенциарной преступности. В этой связи особое значение приобретает дифференцированный подход к организации профилактической работы, закрепленный в ведомственных нормативных актах.

Ранее действовавшая Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденная Приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72, так и ее «приемник» – Порядок осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 26.01.2026 № 17, устанавливает, что основными элементами профилактической работы являются: охрана, изоляция и надзор за лицами, содержащимися в учреждениях УИС; выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений; разработка и осуществление мер по их устранению (общая профилактика); установление лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений, и принятие мер по оказанию на них необходимого воздействия (индивидуальная профилактика).

Важнейшим направлением совершенствования общегосударственной системы предупреждения преступлений является развитие взаимодействия между пенитенциарной системой и иными правоохранительными органами. Значительным шагом в этом направлении стал Приказ Минюста России и МВД России от 26 января 2026 г. № 22/15, утвердивший новый Порядок взаимодействия учреждений, исполняющих наказания, с полицией в целях предупреждения совершения преступлений и других правонарушений лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, а также осужденными, которым назначено наказание в виде принудительных работ.

Данный нормативный акт заменил ранее действовавший Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России, что свидетельствует о поступательном развитии механизмов межведомственной координации. Как отмечает председатель Правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев, принятый документ определяет основные обязанности и направления сотрудничества, включающие обеспечение взаимного обмена информацией, планирование совместных мероприятий, проведение информационно-аналитической и организационной работы.

Ключевым нововведением стало предоставление ФСИН России санкционированного удаленного доступа к ведомственной информационной системе МВД России, содержащей сведения о лицах, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также о лицах, совершивших административное правонарушение. Это позволяет осуществлять оперативный обмен информацией и своевременно реагировать на потенциальные угрозы совершения правонарушений со стороны лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества.

Анализ зарубежного опыта позволяет выявить перспективные направления совершенствования отечественной системы предупреждения преступлений. В Бразилии, например, Национальный секретариат по пенитенциарной политике (SENAPPEN) реализует комплексный подход, сочетающий управление федеральной пенитенциарной системой, координацию реализации уголовно-исполнительного законодательства на уровне штатов и развитие программ ресоциализации. Особый интерес представляет проект «Альворада», направленный на профессиональную подготовку лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, что способствует их успешной реинтеграции в общество и снижению риска рецидива [4].

В европейских странах значительное внимание уделяется развитию альтернативных лишению свободы видов наказания. Исследования, проведенные в Швеции и Франции, показывают, что применение электронного мониторинга в качестве альтернативы лишению свободы или формы досрочного освобождения способствует снижению рецидивной преступности. В частности, согласно данным исследований, отбывание наказания под электронным наблюдением позволяет снизить рецидив в течение пяти лет после вынесения приговора на 6-7 процентных пунктов, а также повышает вероятность трудоустройства в течение трех лет на 13 % [5].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов о роли и месте пенитенциарной системы в общегосударственной системе предупреждения преступлений.

Во-первых, профилактическая функция пенитенциарной системы имеет комплексный характер, охватывая как предупреждение преступлений внутри учреждений УИС, так и участие в общей и специально-криминологической профилактике рецидива среди лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Эффективная реализация данной функции требует системного подхода, сочетающего правовые, организационные и криминологические меры.

Во-вторых, развитие межведомственного взаимодействия между ФСИН России и МВД России, нормативной основой которого стал Приказ Минюста России и МВД России от 26 января 2026 г. № 22/15, создает необходимые условия для повышения эффективности профилактической работы. Информационный обмен, совместное планирование и проведение мероприятий позволяют обеспечить непрерывность профилактического воздействия в отношении лиц, отбывающих наказание, как в период их нахождения в учреждениях УИС, так и после освобождения.

В-третьих, международный опыт свидетельствует о целесообразности дальнейшего развития альтернативных лишению свободы видов наказания и совершенствования механизмов ресоциализации осужденных. Использование технологий электронного мониторинга, развитие программ профессиональной подготовки и трудоустройства лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, способствуют снижению уровня рецидивной преступности и повышению уровня общественной безопасности.

Таким образом, пенитенциарная система в современном государстве выступает не просто институтом исполнения наказания, но ключевым элементом общегосударственной системы предупреждения преступлений. Ее дальнейшее развитие должно осуществляться в направлении интеграции профилактической функции в повседневную деятельность учреждений и органов УИС, совершенствования межведомственного взаимодействия и внедрения современных методов профилактики, основанных на достижениях криминологической науки и передовой практики.

Список литературы:

1. Легостаев С.В. Пенитенциарная преступность: состояние, основные тенденции и проблемы предупреждения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 45-52.
2. Смирнов Л.Б. Пенитенциарная система России: функции и перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 1 (57). С. 35-46. DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-35-46.
3. МВД и ФСИН займутся профилактикой нарушений среди условно осужденных // <https://rg.ru/2025/12/15/mvd-i-fsin-zajmutsia-profilaktikoj-narushenij-sredi-uslovno-osuzhdennyh.html>
4. Aligning policies and practices: A national framework for prison reform in Brazil // JUSTICE TRENDS Magazine. 2025. March.
5. Can we reduce the imprisonment rate without endangering public safety? The promise of electronic monitoring // Niskanen Center. September 3, 2025.

References:

1. Legostaev S.V. Penitentiary crime: state, main trends and problems of prevention//Legal science and law enforcement practice. 2014. № 2 (28). S. 45-52.
2. Smirnov L.B. Penitentiary system of Russia: functions and development prospects//Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2025. № 1 (57). S. 35-46. DOI: 10.24412/2076-9113-2025-157-35-46.
3. the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service will be engaged in the prevention of violations among convicts//<https://rg.ru/2025/12/15/mvd-i-fsin-zajmutsia-profilaktikoj-narushenij-sredi-uslovno-osuzhdennyh.html>
4. Aligning policies and practices: A national framework for prison reform in Brazil // JUSTICE TRENDS Magazine. 2025. March.
5. Can we reduce the imprisonment rate without endangering public safety? The promise of electronic monitoring // Niskanen Center. September 3, 2025.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES OF CRIME SCENE INSPECTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

ГАЙНЕЛЬЗЯНОВА Венера Равиловна,

Доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: venera777baiburina@mail.ru

GAINELZYANOVA Venera Ravilevna,

Associate Professor, Department of Forensic Science, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor.
2 Muksinova St., Ufa, 450103, Russia
E-mail: venera777baiburina@mail.ru

Краткая аннотация: отмечена проблема роста числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, подчёркивая значимость своевременного и качественного проведения следственных мероприятий. Среди важнейших следственных действий такого расследования выделяется осмотр места происшествия, как выступающему важным следственным действием и обеспечивающему получение первичной информации о событии. Особое внимание уделяется применению научно-технических средств и соблюдению правовых норм при проведении осмотра, направленных на повышение эффективности досудебного производства. Исследование выделяет уникальные признаки подростковой преступности, облегчающие идентификацию возраста преступника и формирование версий о произошедшем событии. Акцентируется важность бережного отношения к вещественным доказательствам и обязательность документирования всех деталей, важных для дальнейшей квалификации преступления. Таким образом, представлен комплексный подход к рассмотрению преступлений несовершеннолетних, сочетающий правовые основы, научные методы и практические рекомендации для следователей и сотрудников правоохранительных органов.

Abstract: The article highlights the growing number of crimes committed by minors, emphasizing the importance of timely and high-quality investigative measures. Crime scene inspection is one of the most important investigative actions in such an investigation, serving as a crucial investigative step and providing initial information about the incident. Particular attention is paid to the use of scientific and technical means and compliance with legal norms during the inspection, aimed at improving the effectiveness of pre-trial proceedings. The study highlights unique characteristics of juvenile delinquency that facilitate the identification of the offender's age and the development of theories about the incident. The importance of careful handling of physical evidence and the mandatory documentation of all details crucial for the subsequent classification of the crime are emphasized. Thus, a comprehensive approach to the consideration of juvenile crimes is presented, combining legal frameworks, scientific methods, and practical recommendations for investigators and law enforcement officers.

Ключевые слова: расследование, несовершеннолетний, следственное действие, осмотр места происшествия, объект, следы, специалист.

Keywords: investigation, minor, investigative action, crime scene inspection, object, traces, specialist.

Для цитирования: Гайнелзянова В.Р., В.В. Организационно-тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 469-471. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_469.

For citation: Gainelzyanova V.R., V.V. Organizational and Tactical Features of Crime Scene Inspection in the Investigation of Crimes Committed by Minors // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 469-471. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_469.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Российское законодательство регулирует судебное производство и порядок расследования дел, касающихся несовершеннолетних, в соответствии с международными правовыми актами, определяющими специфику рассмотрения дел этой категории. Уголовно-процессуальные нормы разработаны с целью более результативного выявления причин преступлений и выбора наиболее оптимальных мер воздействия, принимая во внимание индивидуальные особенности несовершеннолетних и прогресс в социально-реабилитационных мерах.

Несовершеннолетние представляют собой уязвимую категорию населения, находящуюся на этапе формирования личностной идентичности и социальных компетенций. Совершению преступлений несовершеннолетними предшествуют, как социальные и экономические условия, так и влияние семьи, образования и ровесников. Эффективное их расследование может сыграть важную роль в их реабилитации и ресоциализации. Учет индивидуальных особенностей несовершеннолетних позволяют не только привлечь их к ответственности, но и обеспечить их интеграцию в общество. Это предотвращает рецидив преступлений и способствует формированию законопослушного поведения.

Рассматривая преступления, совершенные несовершеннолетними, следует учитывать их влияние на общественную безопасность и моральный климат в обществе. Преступления, совершаемые данной категорией личности могут оказывать негативное воздействие на социальную среду, создавая атмосферу страха и недоверия в сообществе. Кроме того, современное общество сталкивается с новыми вызовами, связанными с криминализацией подростковой среды и влиянием технологий на совершение преступлений. Поэтому исследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, требует применение комплексного междисциплинарного подхода, включая криминалистический.

Таким образом, актуальность расследования преступлений несовершеннолетними заключается в необходимости комплексного подхода к решению проблемы преступлений в данной категории, что может способствовать не только предотвращению преступности, но и формиро-

ванию безопасной социальной среды для развития подрастающего поколения.

Проведение расследования преступлений, совершённых подростками, подчиняется единым правовым нормам и стандартам процесса, аналогичным тем, что применяются к взрослым преступникам, однако предполагает особую специфику некоторых мероприятий — осмотр места происшествия, проведение обысков, опрос участников дела и потерпевших сторон, работа с обвиняемыми, привлечение лиц, обладающих специальными познаниями. Эффективность освидетельствования мест происшествий обеспечивается соблюдением процедурных требований законодательства, правильным применением методов криминалистической техники, привлечением узких специалистов, тщательной фиксацией порядка действий и полученных итогов. Когда речь идёт о противоправных действиях несовершеннолетних против чужой собственности, среди возможных форм исследования выделяются осмотр территории происшествия, изучение объектов, обследование жилого помещения, не связанного непосредственно с событием преступления.

Начальная стадия исследования корыстных преступлений включает сбор и обработку сведений, относящихся к рассматриваемому уголовному делу. Особенное внимание уделяется вопросам своевременности и компетентности осуществления следственных мероприятий в отношении несовершеннолетних правонарушителей, поскольку это обеспечивает соблюдение их законных прав и защиту интересов. Методы организации осмотра места совершения преступлений имущественной направленности, совершаемых подростками, представляют значительный практический интерес для специалистов. Именно процедура осмотра выступает ключевым мероприятием следствия практически во всех случаях возбуждения уголовных дел. Это объясняется непосредственной временной и пространственной близостью осмотра к самому преступлению, что существенно повышает ценность и содержательность полученной доказательственной базы.

Согласимся с мнением, Г. П. Афонькиной, которая по осмотру места происшествия понимает «сложное следственное действие, которое требует тщательной подготовки. Необходимо заранее провести организационные мероприятия, которые позволят держать наготове транспорт, технико-криминалистические средства, произвести расчет сил и средств, которые потребуются при производстве осмотра» [1, с. 23].

По мнению Н. А. Власовой, «осмотр - следственное действие, состоящее в непосредственном зрительном восприятии лицом, производящим расследование, различных материальных объектов в целях обнаружения следов преступления и установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела» [2, с. 92-93].

Изучение обстоятельств деяния, совершенного лицом, не достигшим совершеннолетия, начинается с непосредственного наблюдения и оценки окружающей среды места происшествия. Эффективная организация следственного осмотра подразумевает решение ряда ключевых задач. Во-первых, необходимо зафиксировать все выявленные сведения, потенциально полезные для дальнейшего расследования, включая возникающие гипотезы относительно произошедшего события. Вторая задача состоит в интерпретации зафиксированных данных, позволяющей формировать обоснованные версии развития преступного эпизода. Третий аспект заключается в сопоставлении выдвинутых версий с обстоятельствами и фактурой места происшествия посредством аналитико-интеллектуальной обработки материалов, способствующей идентификации признаков участия подростков в совершении противоправного деяния. Материалы, собранные в ходе осмотра места происшествия, способствуют установлению отдельных компонентов состава преступления и предоставляют ценную информацию следователю для формирования представления о случившемся инциденте и возможной вовлечённости в него малолетних субъектов.

Оружие, предметы быта и материальные следы, обнаруживаемые поблизости от места происшествия, подвержены повышенному риску утраты или искажения, в связи с этим первостепенной задачей становится оперативное исследование местности и обеспечение сохранности любых объектов. К числу таких относятся: следы обуви и пальцев рук; фрагменты следов транспортных средств, бытовые отходы вроде сигаретных окурков или упаковочной бумаги; личные вещи и орудия взлома и др.

Выявление указанных объектов служит основанием для построения версий о личности преступника в зависимости от возраста, особенностях группового поведения и направлении их перемещения.

Обладание специальными познаниями о характеристиках подростковой преступности, таких как типичное место и время совершения преступного деяния, следователь имеет основание предполагать участие несовершеннолетних. Анализируя полученные материалы, возможно выделить два основных направления развития ситуации на начальном этапе расследования. Во-первых, к моменту начала осмотра подозреваемого лица установлены и он является несовершеннолетним. В данном случае имеется возможность чётко сформулировать цель изучения места происшествия; эффективно планировать последующие операции по обнаружению доказательств; акцентированно исследовать признаки, характерные именно для подростковых преступлений; внимательно анализировать обстоятельства и особенности события с учётом подтвержденного факта привлечения к ответственности подростка; выявить дополнительные детали, подтверждающие принадлежность преступления к категории подросткового насилия, упущенные ранее и позволяющие точнее определить возрастную категорию преступника. Во-вторых, на начальной стадии расследования, где личность преступника неизвестна осложняется процесс сбора и систематизации информации, вынуждает следователя рассматривать одновременно ряд различных версий и соответственно уделять больше внимания на проверку гипотез. Чтобы выработать убедительные версии преступления, здесь приходится опираться на такие аспекты, как характеристика объекта нападения, показания очевидцев и пострадавших, использованное оружие, наличие материальных предметов и следов на месте преступления, возможные мотивы и механизмы совершения нарушения.

Тактическая специфика осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершённых лицами, не достигшими совершеннолетия, предопределяется необходимостью учитывать их возрастные, психофизиологические и поведенческие особенности. Подготовка к проведению осмотра включает в себя сбор и анализ сведений, позволяющих установить фактические обстоятельства, отражающие характер

мотивации, способы совершения противоправных действий и типичные для несовершеннолетних черты – спонтанность, групповое участие, эмоциональную нестабильность, отсутствие тщательно проработанного плана преступления. Во время следственного действия придается особое значение обнаружению, фиксированию и изъятию предметов и следов, указывающих на индивидуальные характеристики несовершеннолетних: личные вещи, «гаджеты», учебные принадлежности, элементы одежды с идентифицирующими признаками, мелкие отпечатки обуви, небольшие папиллярные узоры, фрагменты тканей и биологические объекты. Исходя из присущей несовершеннолетним неосторожности, недостатка опыта и склонности к оставлению менее заметных, но информативных следов, следователь обязан прилагать максимальные усилия к выявлению и закреплению как прямых, так и косвенных доказательств. Помимо этого, тактика осмотра предусматривает возможность организации негласного наблюдения за местом происшествия с целью предотвращения возвращения несовершеннолетних либо иных участников события, что объясняется их любознательностью или эмоциональной привязанностью к месту совершения деяния. Взаимодействие с несовершеннолетними свидетелями требует обеспечения психологически безопасной обстановки, привлечения квалифицированных специалистов в области педагогики и психологии и соблюдения этических принципов, исключающих психическое давление. Проведение осмотра должно осуществляться с использованием современных средств фото- и видеодокументирования для точной фиксации всей значимой информации, при этом процессуальные действия следует осуществлять без неоправданных задержек во избежание утраты следов по причине времени, воздействия окружающей среды либо вмешательства сторонних лиц. В совокупности тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений, совершённых несовершеннолетними, формируется с учетом индивидуальных психофизиологических особенностей предполагаемых участников и направлена на эффективное выявление и закрепление доказательств, существенных для дальнейшего уголовного производства.

При установлении или подозрении на участие подростков в незаконных действиях осмотр места происшествия должен сопровождаться особым вниманием к ряду особенностей, позволяющим сделать вывод о вовлеченности молодых людей в событие. Среди них выделяют: несоответствие характера подготовки преступления детальному предварительному плану (например, многочисленные способы проникновения, большое количество следов); применение примитивных методик вторжения внутрь помещений; присутствие актов порчи имущества на месте инцидента; наличие небольших отверстий, сквозь которые были достигнуты зоны хранения ценностей; намеренная или случайная демонстрация индивидуальных отличительных знаков на месте происшествия («личных пометок»); при наличии граффити и надписей рекомендуется изучать стиль письма, высоту расположения записей, смысловое содержание; масса и габариты украденных предметов часто свидетельствуют о том, участвовали ли подростки самостоятельно, совместно со взрослыми или применялся транспорт; небольшие размеры найденных отпечатков пальцев рук, зубных или ручных следов; аналогичность происшествия известным ранее случаям, что может означать копирование опыта известных подростков-преступников; специфическое предпочтение определенных категорий товаров (детская одежда, гаджеты, продукты питания, незначимые сувениры); выбор удобного момента и подходящего пространства для реализации замысла; особенности предмета хищения, отражающие интересы подростков (продукты быстрого потребления, одежда, аксессуары); случайное оставление личных предметов или атрибутов, связанных с образом жизни молодежи; преимущественный ассортимент изъятых продуктов питания, соответствующий вкусам молодого поколения (газированные напитки, снековая продукция). Выявление вышеуказанных признаков значительно увеличивает вероятность правильной квалификации и успешного завершения предварительного расследования.

Приведённые признаки характерны исключительно для преступлений, совершаемых подростками, поскольку юный возраст, переоценка собственной роли, нестабильность эмоционального состояния обуславливают создание ими особых примет и отметин на местах событий либо осознанно, либо случайно. Взрослые преступники гораздо реже склонны демонстрировать такое поведение, как акты хулиганства на месте происшествия, похищение детских вещей или памятных подарков. Установление хотя бы одного из перечисленных элементов в процессе расследования служит веским аргументом в пользу вывода о том, что преступление могло быть осуществлено подростками.

По мнению О. С. Кайгородовой, «для подростковой преступности характерно оставление большого количества следов на месте преступления, как случайно оставленных, так и целенаправленно. Подростки специально могут оставлять надписи, разбрасывать одежду, ломать мебель или оставлять свои «метки». Целесообразно осматривать предметы, которые вызывают большой интерес у несовершеннолетних и места бывшего (возможного) нахождения этих предметов» [3, с. 60-66].

Исследование места события играет ключевую роль в формировании целей, стратегии начального этапа и дальнейших шагов расследования, проверке достоверности заявлений обвиняемых и свидетельских показаний. Данный вид процессуального действия является фундаментальным элементом любого разбирательства, поскольку создает базу для последующего продвижения вперед, определяя основные направления поисков и круг вероятных фигурантов дела.

Список литературы:

1. Афонкин Г. П., Асташина Т.В., Маркелова Е.В. Условия успешного производства осмотра места происшествия: методические рекомендации. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014. 154 с.
2. Власова Н.А. Досудебное производство в уголовном процессе: Учеб. пособие. М.: ЮРМИС, 2000. 144 с.
3. Кайгородова О.С. Расследование грабежей, совершенных несовершеннолетними (по материалам Уральского и Сибирского регионов): дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 238 с.

References:

1. Afonkin G. P., Astashina T. V., Markelova E. V. Conditions for a Successful Crime Scene Inspection: Methodological Recommendations. Domodedovo: VIPK MVD of Russia, 2014. 154 p.
2. Vlasova N. A. Pre-trial Proceedings in Criminal Procedure: Textbook. Moscow: YURMIS, 2000. 144 p.
3. Kaigorodova O. S. Investigation of Robberies Committed by Minors (Based on Materials from the Ural and Siberian Regions): Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tyumen, 2006. 238 p.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_472

УДК 341.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ PROCEDURAL ABUSES BY THE DEFENSE AT THE FINAL STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

ГАПОНОВА Валентина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: valentina3886@mail.ru

КРАСНЫХ Юрий Валерьевич

слушатель ФПСИ Восточно-Сибирского института МВД России
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: King_ski2003@mail.ru

GAPONOVA Valentina Nikolaevna

Candidate of Law Sciences Associate Professor, deputy chief Department of Criminal Procedure.
East Siberian Institute of the MIA of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074
E-mail: valentina3886@mail.ru

KRASNYKH Yuri Valerievich

5th-year student of the East Siberian Institute of the MIA of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074
E-mail: King_ski2003@mail.ru

Краткая аннотация: в статье исследуется проблема злоупотребления процессуальными правами стороной защиты на завершающей стадии предварительного расследования, в частности, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела. Анализируется правовая природа и критерии квалификации поведения защиты как недобросовестного, направленного на необоснованное затягивание процесса. Рассматривается взаимосвязь таких действий с нарушением принципа разумного срока судопроизводства и прав потерпевших. На основе изучения научных позиций, судебной практики и эмпирических данных формулируются выводы о необходимости совершенствования процессуальных механизмов противодействия подобным злоупотреблениям для обеспечения баланса состязательности и эффективности правосудия.

Abstract: the article investigates the issue of abuse of procedural rights by the defense at the final stage of pre-trial investigation, particularly during the familiarization with the materials of the criminal case. The legal nature and criteria for qualifying the defense's behavior as dishonest and aimed at unjustified delay of the proceedings are analyzed. The interconnection of such actions with the violation of the principle of a reasonable timeframe for legal proceedings and the rights of victims is examined. Based on the study of scholarly positions, judicial practice, and empirical data, conclusions are drawn about the need to improve procedural mechanisms to counter such abuses to ensure a balance of adversarial principles and the efficiency of justice.

Ключевые слова: уголовный процесс, сторона защиты, злоупотребление правом, ознакомление с материалами дела, предварительное расследование, разумный срок, состязательность сторон, потерпевший.

Key words: procedure, defense, abuse of rights, familiarization with case materials, pre-trial investigation, reasonable time, adversarial principle, victim.

Для цитирования: Гапорова В.Н., Красных Ю.В. Процессуальные злоупотребления стороной защиты на заключительном этапе предварительного расследования // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 472-475. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_472.

For citation: Gaponova V.N., Krasnykh Yu.V. Procedural abuse by the defense at the final stage of the preliminary investigation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 472-475. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_472.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026

Российское уголовное судопроизводство фундаментально построено на принципе состязательности сторон. Данный принцип находит свое отражение в ст. 15 УПК РФ, предполагающем четкое разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела судом. Каждая сторона наделена комплексом процессуальных прав, призванных обеспечить возможность активного испражнения своих функций. Однако эффективность и справедливость процесса напрямую зависят от добросовестности участников в реализации этих прав. На практике, особенно на заключительном этапе предварительного расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ), сторона защиты нередко прибегает к использованию процессуальных форм не для достижения целей правосудия, а для искусственного затягивания сроков уголовного судопроизводства [13 с. 67]. Такое поведение, формально укладывающееся в рамки дозволенного, по существу искажает предназначение предоставленных прав, нарушает принцип разумного срока судопроизводства нарушает законные интересы потерпевших, создавая дисбаланс в состязательном процессе. Для верной оценки подобных явлений и нахождения баланса между формальной дозволенностью и сущностной справедливостью. Любое злоупотребление правом отмечено признаками недобросовестного субъекта и направленностью его действий на осуществление намерений, противных идее конституционного правопорядка [10 с. 16].

Понятие злоупотребления правом, активно разрабатываемое в цивилистике (ст. 10 ГК РФ), встречает серьезные концептуальные сложности при переносе в уголовно-процессуальную сферу. Как справедливо отмечается в исследованиях, сущность этого явления, его существенные признаки и даже допустимость самого термина «злоупотребление правом» в уголовном процессе остаются предметом научной дискуссии [8, с. 129]. В общем смысле под злоупотреблением правом понимается использование правовых возможностей во вред другим лицам или в

противоречие с принципами справедливости, когда субъект действует в целях, отличных от предназначения этого права [8, с. 130].

Перенос этой категории в уголовный процесс осложняется его конфликтной, состязательной природой. Участники, особенно сторона защиты, по определению действуют в своих интересах, которые могут противоречить интересам другой стороны и даже «интересам правосудия в целом». Поэтому ключевым становится вопрос о критериях отграничения добросовестной, хотя и жесткой, защиты от недобросовестного злоупотребления.

В научной литературе сформировались различные подходы. Ряд ученых О.И. Андреева [1], О.Я. Баев [3], О.И. Даровских [5] полагают возможным и необходимым законодательное закрепление в УПК РФ общего запрета на злоупотребление процессуальным правом. Другие процессуалисты, например, Л. Д. Калинкина выступают против такого общего запрета, считая, что он может привести к необоснованному ограничению прав обвиняемого, превращению его в «бесправный объект исследования» [12, с. 26]. Они предлагают регламентировать возможные ограничения в конкретных процессуальных нормах.

Важным критерием является разграничение злоупотребления правом со стороны частных участников процесса (обвиняемый, защитник) и должностных лиц (следователь, дознаватель). Как отмечают О. И. Андреева [2] и О. В. Желева [6], злоупотребление должностных лиц своими полномочиями ближе к составу преступления (злоупотребление должностными полномочиями), в то время как для защиты это реализация субъективного права [6, с. 128]. Соответственно, различается и мера ответственности: для обвиняемого – ограничение конкретного права (например, установление предельного срока ознакомления с делом по ч. 3 ст. 217 УПК РФ), для следователя – дисциплинарная или уголовная ответственность [9, с. 546].

Таким образом, категория «злоупотребление процессуальным правом» стороной защиты, хотя и является спорной, имеет право на существование в уголовно-процессуальной доктрине. Ее ядро составляет недобросовестное использование предоставленных законом правомочий с целью, не связанной с реализацией права на защиту, а направленной на искусственное создание препятствий для нормального хода судопроизводства, что причиняет ущерб правам других участников (прежде всего потерпевшего) и интересам правосудия.

Наиболее ярко такие злоупотребления проявляются на этапе ознакомления с материалами уголовного дела. Право на неограниченное по времени ознакомление (ч. 3 ст. 217 УПК РФ) является важнейшей гарантией права на защиту. Однако, как показывает практика и эмпирические исследования, оно может превращаться в инструмент противодействия расследованию. Проведенный В. Н. Зайцевым опрос лиц, содержащихся под стражей, показал, что 89% респондентов готовы злоупотреблять своими правами с начала уголовного преследования и до окончания расследования, если поставят цель затянуть процесс [8, с. 135]. Среди целей такого затягивания называются получение преференций (например, изменение меры пресечения) [8, с. 136].

Подобное поведение напрямую противоречит принципу разумного срока судопроизводства. Как отмечает Н. В. Ткачева, разумный срок – это категория, обеспечивающая доступ к правосудию без неоправданных задержек, и его нарушение подрывает конституционные гарантии судебной защиты [12, с. 10]. Злоупотребление правом на ознакомление, ведущее к волоките, является одним из факторов, обуславливающих такое нарушение. При этом, как подчеркивается в практике Верховного Суда РФ, сложность дела сама по себе не оправдывает чрезмерную продолжительность разбирательства, если суд (или следствие) не принимает достаточных и эффективных мер для его ускорения [12, с. 9]. В этой связи заслуживает внимание точка зрения С.Б. Россинского, который указывает, что «....разумно отказаться от нелимитированной продолжительности времени, отводимого для изучения предъявляемых материалов» [11, с. 170].

Парадоксально, но пока сторона защиты может злоупотреблять правом на ознакомление, на с другой стороны возникают грубые нарушения права защиты на информацию [9, с. 547]. Как описывают С.В. Заика и А. К. Ибрагимов, получила распространение порочная практика «почтового ознакомления», когда после формального подписания протокола следователь продолжает расследование и высылает защите новые материалы по почте [7, с. 65]. Это лишает защиту возможности непосредственного изучения материалов, заявления ходатайств и создает риск фальсификации, грубо нарушая принципы непосредственности, состязательности и равенства сторон [7, с. 66].

Таким образом, система оказывается в двойственных условиях: с одной стороны, необходимы механизмы противодействия недобросовестному затягиванию ознакомления со стороны защиты, с другой – требуются гарантии против не менее опасных нарушений со стороны обвинения, сводящих на нет само право на защиту. Проблема процессуальных злоупотреблений стороной защиты на этапе ознакомления с материалами дела требует комплексного решения, направленного на укрепление состязательности при обеспечении эффективности судопроизводства.

Злоупотребление правом на защиту нередко проявляется в попытках недобросовестного затягивания процесса через подачу многочисленных формальных ходатайств, запросов о проведении повторных экспертиз или истребовании избыточных доказательств [4 с. 183]. Такая тактика, хотя и формально законная, искажает цель защиты, превращая её в инструмент процессуального саботажа, что не только нарушает баланс состязательности, но и подрывает доверие к институту защиты в целом. Противоречие между неограниченным правом на защиту и требованием разумного срока судопроизводства находит своё разрешение в правовых позициях высших судебных инстанций.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 содержится разъяснение, позволяющее отграничивать добросовестную реализацию процессуальных прав от их недобросовестного использования. Пленум указывает, что суд может не признать право на защиту нарушенным, если отказ в удовлетворении ходатайства или иное ограничение правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Эта позиция легитимизирует возможность квалификации определенных действий стороны защиты как злоупотребления, устанавливая материальный критерий в виде нанесения

ущерба интересам иных лиц, прежде всего потерпевшего, чье конституционное право на доступ к правосудию не менее значимо.

Яркой иллюстрацией применения данного подхода является уголовное дело, находившееся в производстве ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области № ****147, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В рамках данного уголовного дела сторона защиты, несмотря на обеспечение ей всех реальных возможностей, умышленно и систематически затягивала ознакомление с материалами уголовного дела. Подобные действия были расценены органом предварительного расследования как заведомо направленные на затягивание предварительного расследования, нарушающие принцип разумного срока и ущемляющие права потерпевшего на справедливое и своевременное правосудие. Именно в подобной ситуации правовая позиция Пленума Верховного Суда становится ключевым аргументом для восстановления процессуального баланса. По смыслу ст. 6 и 6.1 УПК РФ, защита прав потерпевшего является одной из целей уголовного судопроизводства. Умышленное затягивание ознакомления с делом, не вызванное необходимостью реализации права на защиту, а преследующее иную цель, представляет собой именно то «явно недобросовестное использование» правомочий. В данном случае ущерб был нанесен интересам потерпевшего, чье право на компенсацию и правосудие было отложено на неопределенный срок.

Для пресечения подобной практики, необходима корректировка регулирования подобных действий. Решение возможно в рамках двух стратегических подходов.

Первый подход предполагает совершенствование уже складывающегося в судебной практике понятия «злоупотребление правом на защиту». Это потребует комплекса взаимосвязанных мер. Во-первых, необходимо дать законодательное определение, четко указывающее, что к злоупотреблению относятся лишь действия, воплощающие использование процессуальных прав вопреки основному назначению и принципам уголовного судопроизводства, сопряженное с нарушением прав других участников или публичных интересов, включая умышленное затягивание процесса. Во-вторых, для минимизации рисков необоснованного ограничения прав защиты целесообразно сформировать в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ примерный, но не закрытый перечень конкретных действий.

Второй, более предпочтительный путь, заключается в полном отказе от использования в уголовном процессе расплывчатой категории «злоупотребление правом на защиту». Вместо этого следует сосредоточиться на детальном совершенствовании конкретных процедурных норм в проблемных зонах, таких как регламентация сроков ознакомления с делом, подачи ходатайств и истребования доказательств. Это позволит пресекать недобросовестные тактики прямыми процессуальными средствами, не прибегая к оценочным и потенциально избыточным общим формулировкам. Однако предлагаемый подход, несмотря на свою внешнюю «мягкость» и приверженность детальной регламентации, сталкивается с фундаментальным ограничением. Он переносит центр тяжести с публично-правового регулирования на корпоративные и профессиональные стандарты, которые, будучи важными для внутренней дисциплины, не могут подменять собой уголовно-процессуальный закон. Яркой иллюстрацией этого служит Разъяснение Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, которое, с одной стороны, обоснованно детализирует критерии добросовестного ознакомления с делом, а с другой — фактически создает внутренний защитный стандарт, нейтрализующий попытки признать действия адвоката злоупотреблением.

Согласно данному Разъяснению, адвокат не только вправе, но и обязан скрупулезно изучать материалы, согласовывать позицию с подзащитным и формировать линию защиты, на что требуется значительное время. Установленные палатой нормативы (например, не менее одного-двух дней на том) и открытый перечень обстоятельств, влияющих на сроки, создают для адвоката легитимный каркас, опираясь на который практически любое внешне затянутое ознакомление можно обосновать как необходимое для квалифицированной защиты. Более того, Разъяснение прямо указывает, что адвокат, действовавший в соответствии с такими внутренними установками, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Таким образом, корпоративная этика формирует автономный критерий добросовестности, который может входить в противоречие с восприятием тех же действий со стороны суда или следствия, ориентированных на разумный срок.

Это приводит к парадоксальной ситуации. Действия адвоката, формально полностью соответствующие внутренним правилам адвокатского сообщества и не являющиеся нарушением конкретных норм УПК РФ (поскольку закон не регламентирует графики и минимальное время на том), оказываются неуязвимыми для правовой оценки в рамках самого уголовного процесса. Следствие и суд лишаются легитимного инструмента для противодействия очевидной, но искусно формализованной волоките, поскольку любое ограничение можно оспорить как нарушение права на защиту, ссылаясь на профессиональные стандарты. Дисциплинарный механизм адвокатской палаты в такой ситуации также не срабатывает, так как адвокат действует в рамках ее же собственных разъяснений. Следовательно, второй путь, делающий ставку исключительно на отказ от общей категории злоупотребления и точечную регламентацию, наталкивается на проблему подмены правового регулирования корпоративным. Это оставляет в правовом вакууме ту самую «серую зону», где формальное соблюдение процедур оборачивается существенным противодействием правосудию. В связи с этим возвращается актуальность первого пути — законодательного закрепления сбалансированного понятия злоупотребления процессуальными правами, применимого ко всем сторонам.

Подводя итог представляется необходимым дальнейшее развитие доктрины злоупотребления процессуальным правом применительно к уголовному судопроизводству. Это развитие должно идти по пути поиска баланса. С одной стороны, требуется введение в законодательство критериев, позволяющих ограничивать добросовестное осуществление прав от недобросовестного.

Список литературы:

1. Андреева, О. И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.
2. Андреева, О. И. Некоторые аспекты вопроса о пределах свободы поведения личности в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 54–56.

3. Баев, О. Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2013. № 2. С. 336–349.
4. Белкин, Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования : учеб. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. Москва, 1997. 990 с.
5. Даровских, О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. 25 с.
6. Желева, О. В. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 116–121.
7. Заика, С.В., Ибрагимов, А.К. Непроцессуальное ознакомление с материалами уголовного дела и нарушение права на защиту // Уголовный процесс. 2025. № 8. С. 62–69.
8. Зайцев, В.Н. Явное затягивание обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела, как закономерный итог злоупотребления обвиняемым своими правами в период его расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 126–139.
9. Иванов, Е.Е. Реализация права на информацию участниками уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 546–548.
10. Красс, В. И. Конституция и злоупотребление правом: современный контекст // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» 2011. №8. С. 13–19.
11. Россинский, С. Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обуславливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1(33). С. 164–172.
12. Ткачева, Н.В. Разумный срок судебного разбирательства по уголовному делу // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 5–18.

References:

1. Andreeva, O. I. Abuse of Subjective Right in Criminal Proceedings: Problems of Legal Regulation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2015. No. 2 (16). P. 9–13.
2. Andreeva, O. I. Some Aspects of the Issue of the Limits of Individual Freedom of Behavior in Russian Criminal Proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2006. No. 292. P. 54–56.
3. Baev, O. Ya. "Abuse of Right" as a Criminal-Procedural Category // Bulletin of VSU. Series "Law". 2013. No. 2. P. 336–349.
4. Belkin, R.S. Counteracting Investigations and Ways to Overcome Them Using Forensic and Operational-Investigative Means and Methods // Forensic Support for the Activities of Criminal Police of Preliminary Investigation Bodies: A Textbook / Edited by T. V. Averianova, R. S. Belkin. Moscow, 1997. 990 p.
5. Darovskikh, O. I. Abuse of Law in Criminal Proceedings in Russia: Abstract of a Candidate of Law Dissertation. Chelyabinsk, 2013. 25 p.
6. Zheleva, O. V. Concept and Features of Abuse of Rights in Criminal Proceedings // Bulletin of Tomsk State University. 2015. No. 396. P. 116–121.
7. Zaika, S. V., Ibragimov, A. K. Non-procedural Familiarization with Criminal Case Materials and Violation of the Right to Defense // Criminal Procedure. 2025. No. 8. P. 62–69.
8. Zaitsev, V. N. Obvious Delay by the Accused in Familiarization with Criminal Case Materials as a Natural Result of the Accused's Abuse of His Rights During the Investigation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (113). P. 126–139.
9. Ivanov, E. E. Exercise of the Right to Information by Participants in Criminal Proceedings // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 7. P. 546–548.
10. V. I. Kruss. The Constitution and Abuse of Rights: The Modern Context // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law" 2011. No. 8. P. 13–19.
11. S. B. Rossinsky. The Development of Digital Technologies as a Factor Determining the Need to Change the Rules for Familiarization with Criminal Case Materials // Forensic Science: yesterday, today, tomorrow. 2025. No. 1(33). P. 164–172.
12. N. V. Tkacheva. Reasonable Time for a Criminal Trial // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024. No. 3. P. 5–18.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_476

УДК: 343.8

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ К ТРУДУ НА ВРЕМЕННЫХ ВЫВОДНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТАХ ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR EMPLOYING INMATES OF SETTLEMENT COLONIES AT TEMPORARY EXTERNAL PRODUCTION SITES

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,

PhD in Law, Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A, p. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

Краткая аннотация: в представленной статье рассматриваются организационно-правовые условия привлечения осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях, к труду на временных (кратковременных) выводных производственных объектах, создаваемых на территориях сторонних организаций. Выявлены критерии допустимости такого трудоустройства, раскрыта договорная модель взаимодействия исправительного учреждения с работодателем, реконструирован алгоритм обследования объекта перед его открытием, а также определено содержание плана надзора, обеспечивающего режим и безопасность. Обоснованы предложения по повышению управляемости и правовой определенности: риск-ориентированная оценка объекта, стандартизация требований к изоляции от гражданского персонала и применению технических средств контроля, усиление ответственности контрагента за соблюдение режимных ограничений и своевременное информирование администрации учреждения о нарушениях со стороны осужденных.

Abstract: the article examines the organizational and legal conditions for employing inmates serving imprisonment in settlement colonies at temporary external production sites located on the premises of third-party organizations. The study identifies admissibility criteria, a contractual model of interaction between a correctional institution and an employer, a pre-opening on-site assessment procedure, and the mandatory contents of a supervision plan intended to ensure prison regime compliance and security. The paper proposes measures to increase governance and legal certainty, including risk-based site assessment, standardization of segregation and technical control requirements, and stronger employer accountability for regime compliance and prompt reporting of inmates' violations.

Ключевые слова: колония-поселение; труд осужденных; временный выводной производственный объект; надзор; договор о предоставлении рабочей силы; режим; безопасность; ресоциализация.

Keywords: settlement colony; convict labour; temporary external production site; supervision; labour provision agreement; prison regime; security; resocialization.

Для цитирования: Бажанов С.А. Организационно-правовые основы привлечения осужденных колоний-поселений к труду на временных выводных производственных объектах // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 476-479. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_476.

For citation: Bazhanov S.A. Organizational and legal bases for attracting convicts from penal colonies to work at temporary decommissioning production facilities // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 476-479. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_476.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026

Трудовая занятость осужденных к лишению свободы выступает одновременно средством исправительного воздействия и инструментом социальной адаптации после освобождения. Ее практическая значимость проявляется в формировании устойчивых навыков законопослушного поведения через дисциплину труда, создании легального источника дохода для возмещения вреда и поддержания социальных связей, а также в стабилизации оперативной обстановки внутри исправительных учреждений за счет упорядочивания повседневной активности. При этом трудовая сфера в пенитенциарной системе объективно зависит от состояния региональных рынков труда и от способности учреждений выстраивать взаимодействие с внешними работодателями. Для учреждений типа колонии-поселения данная зависимость имеет повышенное значение: более мягкий режим позволяет шире использовать внешние производственные ресурсы, однако одновременно усиливает риски побегов и оборота запрещенных предметов, что требует более точной и технологически обеспеченной модели надзора.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации организационно-правовых условий привлечения осужденных колоний-поселений к труду на временных (кратковременных) выводных производственных объектах, функционирующих на территории сторонних организаций, а также в обосновании мер, обеспечивающих баланс между исправительным потенциалом труда и требованиями режима, надзора и безопасности. Методологически работа основана на формально-юридическом анализе норм уголовно-исполнительного права, системном подходе к взаимосвязи режимных и производственных требований, а также на сопоставлении научных позиций о правовой природе труда осужденных.

Нормативная отправная точка трудоустройства осужденных к лишению свободы заключается в признании труда обязательным элементом исполнения наказания, при этом решения о местах и видах работ принимаются администрацией учреждения с учетом индивидуальных характеристик лица и наличия рабочих мест. В научной литературе подчеркивается, что регулирование труда осужденных носит комплексный характер: оно включает публично-правовую обязанность, вытекающую из исполнения приговора, и одновременно затрагивает элементы

трудовых отношений (охрана труда, оплата, учет рабочего времени), что требует согласования уголовно-исполнительных норм и норм трудового права [1]. Приоритетным ограничителем выступает исправительная цель: производственная деятельность не должна подменять собой задачи исправления и не может оцениваться исключительно по экономическим показателям [2].

Организация труда в колониях-поселениях имеет специфическую институциональную основу. Осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации; в дневное время пользуются правом свободного передвижения в пределах учреждения; допускается перемещение вне территории учреждения в пределах муниципального образования при необходимости, обусловленной характером работы или обучением. Такая конструкция усиливает потенциал социализации через труд, но одновременно повышает вероятность самовольных отлучек и возникновения неформальных связей с внешней средой. В этих условиях трудовая занятость на объектах сторонних организаций требует механизма, обеспечивающего управляемую мобильность осужденных и постоянную проверяемость их местонахождения.

Временные (кратковременные) выводные производственные объекты (ВПО) представляют собой форму трудоиспользования осужденных, при которой рабочие места располагаются вне основной территории учреждения, чаще всего на площадке работодателя, а надзор и соблюдение режима обеспечиваются силами учреждения. С правовой точки зрения ВПО предполагает совмещение двух организационных контуров: производственного (подчиненность трудовому распорядку организации, соблюдение правил охраны труда, технологическая дисциплина) и режимного (надзор, проверки наличия, изоляция от криминогенных контактов, предотвращение оборота запрещенных предметов). Ведомственные методические материалы, применяемые при открытии ВПО, конкретизируют требования к обследованию объекта, к информированию работодателя и к содержанию плана надзора.

Ключевым юридическим основанием привлечения осужденных к труду на внешних объектах, выступает договор между исправительным учреждением и организацией, использующей труд осужденных. Договорная модель должна обеспечивать не только производственную возможность трудоустройства, но и включение работодателя в режимно-правовую инфраструктуру исполнения наказания. В научных работах отмечается, что недостаточная детализация договорных обязанностей приводит к размыванию ответственности за условия труда и соблюдение режимных требований, что негативно влияет как на правовую защищенность осужденных, так и на безопасность учреждения [3]. Поэтому договор должен фиксировать порядок допуска сотрудников учреждения на объект, возможность проведения осмотров и обыскных мероприятий, обязанности работодателя по предоставлению помещений для приема пищи, переодевания и проверок, порядок оповещения о нарушениях дисциплины, условия оплаты труда и обеспечения спецодеждой, а также механизм прекращения сотрудничества при выявлении системных нарушений.

Организационный алгоритм принятия решения об открытии ВПО должен строиться на предварительной оценке объекта комиссией учреждения с участием производственной службы, подразделений безопасности и оперативного блока. В ходе выезда устанавливаются распорядок дня объекта, характер работ, бытовые условия, места размещения, наличие и состояние ограждений, возможность применения видеонаблюдения и иных инженерно-технических средств контроля. Существенное значение имеет пространственная организация рабочих мест: практическим стандартом является размещение осужденных в пределах одной производственной зоны в поле прямой видимости сотрудников надзора или камер видеонаблюдения и по возможности отдельно от гражданского персонала. Такая схема снижает вероятность несанкционированных контактов и облегчает проведение проверок наличия. Одновременно оценивается характер выполняемых работ на предмет соответствия ограничениям, установленным для труда осужденных, а также уровень и порядок оплаты труда, поскольку трудовая мотивация и справедливая оплата рассматриваются как факторы снижения повторной преступности [4].

Важным параметром организационной реализуемости ВПО является численность выводимой группы. Практика ориентируется на вывод не менее десяти человек, что связано с экономической целесообразностью надзорных мероприятий и необходимостью организовать устойчивый режим проверок и сопровождения. Для малых групп возрастает относительная нагрузка на персонал и снижается эффективность производственной интеграции, что может приводить к формализации трудовой занятости. Одновременно комиссия определяет порядок надзора: постоянный, периодический, патрульный, посредством внезапных проверок либо дистанционный с применением технических средств. Выбор зависит от криминогенного профиля объекта, удаленности от учреждения, характера территории и состава контингента.

Логистический элемент ВПО включает установление маршрутов осужденных в пределах территории предприятия и порядка доставки на объект и обратно. Доставка может осуществляться пешим порядком либо транспортом работодателя или учреждения с обязательной организацией сопровождения. Нормирование маршрутов и временных интервалов снижает неопределенность передвижения, упрощает реагирование при нештатных ситуациях и облегчает контроль при проверках наличия. При оценке бытовых условий учитываются помещения для приема пищи осужденными и сотрудниками, места переодевания и курения, зоны построений и проведения проверок, причем режимная логика требует максимально возможной изоляции осужденных от гражданского персонала.

Коммуникационный компонент взаимодействия с работодателем является обязательным элементом подготовки ВПО. Руководству организации разъясняется порядок отбывания наказания, режимные ограничения, необходимость немедленного уведомления администрации учреждения о нарушениях трудового распорядка и о противоправных действиях осужденных, включая самовольное оставление рабочего места. Отдельно доводится право сотрудников учреждения проводить обыскные мероприятия на территории объекта в любое время, а также разъясняется административная ответственность за передачу запрещенных предметов по нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данный блок профилактики имеет принципиальное значение, поскольку труд на внешнем объекте объективно расширяет возможности поступления запрещенных предметов и требует переноса части дисциплинарной ответственности на контрагента через механизм уведомления и содействия надзору.

Документальным ядром функционирования ВПО выступает план надзора, разрабатываемый подразделением безопасности и утверждаемый начальником учреждения. Научные исследования, посвященные надзору в колониях-поселениях, подчеркивают, что эффективность контроля определяется нормативной определенностью маршрутов, точек контроля, процедур проверок и их привязкой к реальным рискам объекта [5]. План надзора ВПО должен содержать порядок организации надзора, схему надзора с указанием мест работы и проживания (размещения) осужденных, мест построений и проверок, маршрутов осужденных и транспорта, точек установки тревожной сигнализации и средств связи, а также систем видеонаблюдения при наличии. Кроме того, он включает схему организации связи и радиоданных с пояснительной запиской, инструкции личному составу, инструкции действий при происшествиях и чрезвычайных обстоятельствах, расчет дополнительных сил, привлекаемых для осуществления надзора, а также меры безопасности и порядок применения физической силы, специальных средств и оружия. После титульного листа предусматривается краткая характеристика объекта (правовые основания функционирования, форма собственности, трудовой распорядок, удаленность от учреждения, основания привлечения осужденных к труду, способы связи и доставки). Отдельно подчеркивается недопустимость функционирования ВПО без утвержденного плана надзора, а также необходимость направления копий планов в территориальный орган уголовно-исполнительной системы для ведомственного контроля.

Исправительный эффект труда на ВПО должен оцениваться не только через факт занятости, но и через качество включения осужденного в трудовую деятельность. Исследования подчеркивают значение профессионального обучения и формирования устойчивой трудовой мотивации как факторов постпенитенциарной ресоциализации [1; 5]. В условиях ВПО это означает необходимость подбора работ, позволяющих формировать востребованные компетенции, учета состояния здоровья и трудоспособности, а также сохранения баланса между производственным временем и воспитательными мероприятиями. Одновременно труд на внешнем объекте актуализирует вопрос о границах контактов осужденных с гражданским персоналом: совместная работа обладает социализирующим потенциалом, но увеличивает риск незаконного оборота запрещенных предметов и содействия самовольным отлучкам. Поэтому требуется нормативно закреплённая минимальная изоляция в части бытовых зон (питание, переодевание, построения), при сохранении технологически необходимого взаимодействия.

Отдельного внимания требует правовая защищенность осужденных как работников. В научной литературе отмечается, что разрывы между уголовно-исполнительным и трудовым правом способны приводить к неопределенности в вопросах охраны труда, учета рабочего времени и ответственности за несчастные случаи [2; 4; 9]. Для ВПО данные риски усиливаются из-за «раздвоения» управленческих функций: производственная среда формируется работодателем, а режимный контроль осуществляется учреждением. Следовательно, договор должен включать обязательства по охране труда и документированию инструктажа, обеспечению спецодежды, фиксации условий труда и взаимодействию при расследовании несчастных случаев.

С позиции управления рисками обоснованным представляется развитие риск-ориентированной модели оценки ВПО. Ее смысл состоит в дифференциации требований к объекту и режиму надзора в зависимости от профиля опасности: удаленность от учреждения, сложность территории, интенсивность движения транспорта и персонала, наличие «слепых зон», характер работ и доступ к инструментам, дисциплинарные характеристики контингента. Минимальный обязательный блок требований должен включать контролируемый периметр либо иные технически обеспеченные ограничения доступа, возможность видеонаблюдения ключевых зон, выделенные помещения для проверок и приема пищи, устойчивую связь и предсказуемую логистику доставки [6]. Переменный блок должен определяться локальными актами учреждения и корректироваться по результатам мониторинга и происшествий. Перспективным направлением является стандартизация планов надзора ВПО и внедрение электронных инструментов учета: цифровых журналов выхода и возвращения, регистрации проверок, фиксации нарушений режима и трудовой дисциплины [7].

В совокупности проведенный анализ позволяет констатировать, что организация труда осужденных колоний-поселений на ВПО представляет собой юридически сложную конструкцию, в которой производственные интересы, исправительные задачи и режимные требования взаимно обусловлены. Правовая допустимость и эффективность ВПО достигаются при одновременном выполнении трех блоков условий: корректная договорная регламентация взаимодействия с работодателем; предварительная комплексная оценка объекта и его инфраструктуры; наличие утвержденного плана надзора и устойчивых процедур контроля и реагирования.

В заключение следует отметить, что ВПО в колониях-поселениях может выступать эффективным инструментом снижения безработицы среди осужденных, повышения уровня оплаты труда и формирования профессиональных компетенций, однако данный эффект реализуем только при приоритете исправительных целей и при строгом соблюдении режимно-надзорных процедур. Ключевые выводы сводятся к следующему: договор с работодателем должен содержать режимно-правовые обязательства и механизм прекращения взаимодействия при нарушениях; обследование объекта перед открытием должно носить комплексный характер и включать оценку производственных, бытовых и режимных параметров; план надзора ВПО должен быть самостоятельным документом с детализированными схемами движения, связи и реагирования и не может отсутствовать даже при кратковременном характере работ; эффективность и безопасность ВПО целесообразно повышать посредством риск-ориентированной модели оценки объектов, стандартизации требований к изоляции и техническому контролю, а также усиления ответственности контрагента за содействие надзору. Реализация указанных подходов позволяет рассматривать ВПО не как исключительную меру, а как управляемую и правомерную форму трудовой занятости осужденных, совместимую с задачами исправления и с требованиями безопасности.

Список литературы:

1. Антонян Е. А., Гришко Н. А., Яковлева И. Ю.. Труд осужденных : монография. М. : Научный консультант, 2024. 118 с.
2. Уткин В. А.. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2(6). С. 81–88. DOI: 10.17223/23088451/6/16.
3. Долинин А. Ю., Огородников В. И.. Реализация права на труд осужденными в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 63–73.
4. Чубраков С. В. Отношения в сфере труда осужденных: правовая природа и проблемы регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4(14). С. 99–110.
5. Красковский Я.Е., Зайцев А.С. Уголовно-исполнительная характеристика привлечения осужденных к труду // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 1. С. 120–124.
6. Антонкин К.Г. Проблемы обеспечения надзора за осужденными в колониях-поселениях // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4(21). С. 36–42.
7. Рудаев В. А. Проблемы привлечения осужденных к труду, отбывающих наказание в колониях-поселениях // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2(3). С. 48–50.
8. Маликов Б. З. Общественное воздействие – средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 2. С. 146–151.
9. Оленев М.Г. Основные направления защиты прав человека в уголовно-исполнительной системе в докладе о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 13. С. 138-145. – EDN YYSSIP.

References:

1. Antonyan E. A., Grishko N. A., Yakovleva I. Yu. Labor of convicts: a monograph. Moscow: Scientific consultant, 2024. 118 p.
2. Utkin V. A. Problems of legal regulation of the labor of convicts in correctional institutions of the Russian Federation // Criminal Justice. 2015. No. 2(6). Pp. 81–88. DOI: 10.17223/23088451/6/16.
3. Dolinin A. Yu., Ogorodnikov V. I. Implementation of the right to work by convicts in correctional institutions // Criminal-executive law. 2021. No. 1. Pp. 63–73.
4. Chubakov S. V.. Relations in the Sphere of Labor of Convicts: Legal Nature and Problems of Regulation // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2014. No. 4 (14). Pp. 99–110.
5. Kraskovsky Ya. E., Zaitsev A. S.. Criminal-executive characteristics of involving convicts in labor // Science. Society. State. 2020. Vol. 8, No. 1. Pp. 120–124.
6. Antonkin K. G.. Problems of Ensuring Supervision of Convicts in Penal Colonies // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2014. No. 4 (21). Pp. 36–42.
7. Rudayev V. A.. Problems of involving convicts in labor serving sentences in penal colonies // Issues of modern science and practice. 2020. No. 2(3). P. 48–50.
8. Malikov B. Z. Social influence as a means of correcting convicts, and the role of the religious aspect in it // Criminal-executive law. 2018. Vol. 13(1–4), No. 2. P. 146–151.
9. Olenov M.G. The Main Directions of Human Rights Protection in the Penitentiary System in the Report on the Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2017 // Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the Penitentiary System with Civil Society Institutions: Historical, Legal, and Theoretical-Methodological Aspects". 2018. No. 13. Pp. 138-145. – EDN YYSSIP.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_480

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИННОВАЦИЙ LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION AND INNOVATION

РИЗАЕВА Дана

Старший преподаватель кафедры правового обеспечения юридической деятельности юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук.
125167, Россия, г. Москва, проспект Ленинградский, дом 49/2.
E-mail: dana.rizaeva@mail.ru

RIZAIEVA Dana

Department of Legal Support of Legal Activity of the Faculty of Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD in Law.
49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia.
E-mail: dana.rizaeva@mail.ru

Краткая аннотация Статья посвящена исследованию фундаментальной трансформации правового регулирования экономической деятельности, происходящей под влиянием становления цифровой цивилизации и ускорения инновационных процессов. Автор анализирует кризис классических правовых институтов, рассчитанных на индустриальную экономику и статику вещных прав, в условиях экономики совместного потребления и развития децентрализованных технологий. Особое внимание уделено проблемам правовой квалификации смарт-контрактов, определению правосубъектности искусственного интеллекта и легализации цифровых прав.

Abstract The article is devoted to the study of the fundamental transformation of legal regulation of economic activity, which is taking place under the influence of the formation of digital civilization and the acceleration of innovative processes. The author analyzes the crisis of classical legal institutions designed for an industrial economy and the static nature of property rights, in the context of the deterritorialization of business, the economy of shared consumption, and the development of decentralized technologies. Special attention is paid to the problems of legal qualification of smart contracts, the definition of the legal personality of artificial intelligence, and the legalization of digital rights.

Ключевые слова: правовое регулирование, экономическая деятельность, цифровая экономика, инновации, цифровая цивилизация, искусственный интеллект, смарт-контракт, LegalTech, цифровые права, экспериментальный правовой режим, Big Data, платформенное право.

Keywords: legal regulation, economic activity, digital economy, innovation, digital civilization, artificial intelligence, smart contract, LegalTech, digital rights, experimental legal regime, Big Data, platform law.

Для цитирования: Ризаева Д. Правовое регулирование экономической деятельности в условиях цивилизации и инноваций // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 480-483. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_480.

For citation: Rizaeva D. Legal regulation of economic activity in the context of civilization and innovation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 480-483. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_480.

Статья поступила в редакцию: 09.03.2026

Современный этап развития общества характеризуется не просто эволюционным совершенствованием технологий, а глубинным переходом к новому цивилизационному укладу. Термин «цивилизация» употребляется здесь в техно-социальном смысле: мы наблюдаем становление цифровой реальности, где материальный актив уступает место информации, а физический труд — алгоритмизированным решениям. Экономическая деятельность, оставаясь базисом социума, претерпевает, в связи с этим тектонические сдвиги.

В классическом понимании правовое регулирование экономики представляет собой систему норм, упорядочивающих хозяйственную деятельность. Главная цель такого регулирования заключается в обеспечении порядка и справедливости в экономических отношениях, предотвращении монополизма и защите прав участников рынка. Традиционно важными составляющими этого механизма выступают как публичное право (включая конституционное, административное, налоговое и финансовое), так и частное право (гражданское и торговое право). Однако в условиях цифровой цивилизации данная конструкция сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими ее коренного переосмысления[5].

Перед юридической наукой и практикой обозначаются новые, масштабные задачи. Как отмечает А.В. Корнев, право традиционно следовало за фактом (общественным отношением), однако вызовы времени диктуют иной подход — опережающее развитие правовой среды по отношению к социальной динамике. Становление цифровой экономики требует не столько реактивного регулятивного, сколько активно формирующего (социо-конструкторского) механизма[9].

Цифровизация означает изменение источника добавленной стоимости и корректировку структуры экономики, что неизбежно для всех государств, стремящихся к конкурентоспособности. Реализация цифровой экономики осуществляется на нескольких взаимосвязанных уровнях, влияющих на жизнь граждан и общества в целом: (1) *рынки и отрасли*, где происходит непосредственное взаимодействие субъектов; (2) *платформы и технологии*, формирующие компетенции для их развития; (3) *институциональная среда*, охватывающая нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и безопасность. В узком смысле она включает комплекс электронных деловых операций и электронной коммерции, а также обеспечивающую их инфраструктуру, использующую среду глобальной информационной сети Интернет.

Цель правовой политики России в данной сфере, как отмечено в стратегических документах, заключается в формировании новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий и соответствующей

экономической деятельности. Формулирование общих принципов стимулирования цифровой экономики является важнейшим аспектом технологического прогресса; правовая политика должна быть направлена на поддержку инноваций и создание условий для их выхода на рынок [1].

Указанным определением цифровой экономики охватываются различные онлайн-услуги, интернет-торговля, интернет-реклама, интернет-банкинг, краудфандинг и иные явления. Правовое регулирование перечисленных институтов напрямую влияет на экономическую конструкцию и режим интеллектуальной собственности. Научно-техническое развитие имеет важнейшее значение для обеспечения экономического роста, а интеллектуальная собственность выступает неотъемлемой частью данного процесса, формируя основу промышленной политики и стимулирования технологических инноваций. При этом создание и успешное развитие инноваций не детерминированы исключительно научно-техническим прогрессом, а требуют активного использования знания как стратегического ресурса. Как известно, сам термин «инновация», введенный австрийским экономистом Йозефом Шумпетером, означает нововведение, обновление или новшество [8].

Для понимания глубины изменений необходимо обратиться к концепции технологических укладов. Индустриальная эпоха породила классическое хозяйственное право, основанное на незыблемости вещных прав, четкой локализации субъектов в пространстве и императивном контроле государства. В настоящее время экономика утрачивает сугубо материальный характер, а право трансформируется из формализованной машины запретов и дозволений в более гибкую систему.

Современная цивилизация характеризуется детерриторизацией бизнеса. Трансграничные корпорации оперируют в десятках юрисдикций без физического присутствия [6]. Традиционное право, жестко привязанное к национальной территории, оказывается бессильным перед цифровыми платформами, чья добавленная стоимость создается в нематериальной среде. Возникает явление «юрисдикционной неопределенности»: когда алгоритм принимает решение в одном регионе, контракт исполняется в другом, а бенефициар находится в третьем, классическое коллизийное право перестает работать.

Меняется и сама философия потребления. Цивилизация «шеринга» (sharing economy), представленная такими платформами, как Uber или Airbnb, вытесняет институт права собственности, заменяя его правом доступа. Субъекты не владеют активами, а лишь соединяют спрос и предложение через алгоритм. Это требует перехода от регулирования статики (право собственности) к регулированию динамики (информационный обмен и транзакции).

Особое место занимает проблема правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ). В инновационной экономике ИИ выступает квазисубъектом принятия решений. Традиционное деликтное право, построенное на концепции вины, неприменимо к «сильному» ИИ ввиду «проблемы черного ящика» — невозможности проследить причинно-следственную связь между намерением разработчика и решением нейросети. Юриспруденция стоит перед выбором: признать ИИ объектом повышенной опасности по европейской модели либо предоставить «электронному лицу» ограниченную правосубъектность, что ломает постулат о человеке как единственном субъекте права. Экономическая необходимость массового внедрения автономного транспорта и роботизированных производств требует скорейшего разрешения этого вопроса.

Если условие, зафиксированное оракулом, исполнено, код реализуется необратимо. Проблема «ошибки в коде» перестает быть техническим сбоем и становится юридической коллизией, требующей признания программного кода самостоятельной формой волеизъявления.

В сфере предпринимательской деятельности при регулировании договорных обязательств особого внимания заслуживает юридическая конструкция смарт-контракта [7]. Данный продукт цифровизации обладает неоднозначной правовой природой, позволяющей рассматривать его одновременно как разновидность электронного договора, отдельную форму сделки и способ исполнения обязательства. В доктрине смарт-контракт относят к одной из наиболее распространенных технологий LegalTech. Как отмечают А.В. Минбалеев и соавторы, смарт-контракт подпадает под понятие программы для ЭВМ в силу п. 1 ст. 1225 ГК РФ, что позволяет квалифицировать его в качестве компьютерной программы. Схожей позиции придерживается А. Вашкевич, подчеркивая, что в частных отношениях смарт-контракты представляют собой инструменты LegalTech, призванные минимизировать зависимость бизнеса от воли контрагентов. Потенциал же смарт-контрактов, функционирующих в реальной экономике, во многом заключается в их интеграции с Интернетом вещей и внешними информационными системами. Таким образом, анализ спектра научных позиций позволяет заключить, что смарт-контракт представляет собой инструмент широкого назначения, направленный на повышение эффективности исполнения договорных обязательств участников экономических отношений [3].

Особое место занимает проблема правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ). В инновационной экономике ИИ выступает квазисубъектом принятия решений. Традиционное деликтное право, построенное на концепции вины, неприменимо к «сильному» ИИ ввиду «проблемы черного ящика» — невозможности проследить причинно-следственную связь между намерением разработчика и решением нейросети. Юриспруденция стоит перед выбором: признать ИИ объектом повышенной опасности по европейской модели либо предоставить «электронному лицу» ограниченную правосубъектность, что ломает постулат о человеке как единственном субъекте права. Экономическая необходимость массового внедрения автономного транспорта и роботизированных производств требует скорейшего разрешения этого вопроса.

В ответ на вызовы цивилизации происходит сдвиг от жесткого позитивного регулирования к гибкому, «умному регулированию» (smart regulation). Государство вырабатывает новые механизмы управления, среди которых ключевыми являются:

1. Легализация цифровых прав. Российское законодательство и право ряда стран (Беларусь, Казахстан) пошли по пути закрепления «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ), стремясь вписать в нормативное поле токены без разрушения догмы вещного права. Однако здесь возникает коллизия цивилизационного масштаба: российская конструкция привязана к иерархичной «информационной системе, контролируемой оператором», что противоречит духу децентрализованных финансов (DeFi).

2. Регуляторные песочницы. Наиболее ярким ответом на инновационное давление стало создание режимов экспериментального правового регулирования (ЭПР) на базе Федерального закона № 258-ФЗ. Суть механизма в том, что в ограниченном периметре приостанавливается действие старых запрещающих норм для тестирования технологии (беспилотные такси, дроны, услуги с применением ИИ). Это итерационный подход к правотворчеству, превращающий право из догмы в процесс поиска ошибок [10].

Принципиально важным становится переход к опережающей модели правового регулирования. Юристам приходится отказываться от стереотипа, согласно которому законодатель лишь фиксирует сложившиеся отношения. Сегодня время «сжимается», и генезис права от социального факта к норме более не успевает за реальностью. Возрастает роль социального прогнозирования: право следует рассматривать в качестве основного инструмента конструирования желаемой социальной действительности, предотвращая риски неконтролируемого технологического прогресса.

Цифровая цивилизация порождает новую модель отношений бизнеса и власти. Платформенный капитализм создает частные нормативные системы, которые де-факто заменяют публичное право. Блокировка аккаунта в экосистеме платформы для предпринимателя становится равносильной лишению права на профессию. В связи с этим остро стоит дилемма: должно ли государство защищать экономического агента от произвола цифрового монополиста, или правила экосистемы суть новая форма цивилизованной саморегуляции [9]?

Ключевыми элементами цифровой экономики выступают цифровые сервисы и платформы, широко применяемые в предпринимательской деятельности. Как справедливо отмечает Г.Ф. Ручкина, о цифровых платформах все чаще говорят как о рынке — месте встречи двух и более лиц с целью обмена ценностями в той или иной форме. Самые известные современные платформы пришли из сферы B2C-контрактов и сферы услуг, что делает данное направление одновременно интересным и чрезвычайно сложным с точки зрения законодательной базы. Это стимулирует развитие «платформенного права», которое имеет огромное социальное значение и способно существенно повысить экономический потенциал государства. Бесспорно, что любое новое явление с течением времени должно находить отражение в праве: отсутствие правовой определенности неизбежно снижает эффективность регулирования экономических отношений [11, с. 34].

Расширительный подход к пониманию LegalTech представлен и в зарубежной доктрине. Профессор Маттиас Шнайдер (Германия) определяет LegalTech как «оцифрованные юридические услуги, возможность и вызов для государственного и частного секторов», приводя примеры использования технологий в административном, процессуальном и экологическом праве. Аналогичные исследования проводятся в США (в сфере недвижимости) и в Индии, что подтверждает глобальный масштаб применения цифровых юридических инструментов [7]. Вместе с тем использование инструментов LegalTech и цифровых платформ влечет обработку и хранение колоссальных объемов данных о пользователях — так называемых Больших данных (Big Data). Легальное определение Big Data до настоящего времени отсутствует, что, однако, не препятствует их использованию в теоретических и практических исследованиях в качестве большого массива разнородной информации. Мы разделяем позицию В.Д. Чуракова, который доказывает, что Big Data обеспечивают возможность объяснения существующих явлений и прогнозирования поведения в правовой сфере, нуждаясь при этом в скорейшей легализации [12].

Осознавая необходимость создания привлекательных условий для развития технологий искусственного интеллекта и опираясь на верховенство закона, права человека и демократические ценности, Европейский союз приступил к формированию целостной парадигмы регулирования ИИ. Ставилась задача установить основные горизонтальные правила разработки, торговли и использования продуктов, услуг и систем на основе ИИ, применимые ко всем отраслям на территории ЕС. Этому процессу предшествовала активная работа европейских парламентариев и правительств над созданием пакета законодательных актов, призванных определить будущее цифровой экономики. Так, в 2018 году вступил в силу Общий регламент по защите данных (GDPR), установивший правила и обязательства в отношении персональных данных лиц ЕС, а также регламентирующий их трансграничный экспорт. Данным законом была введена многоуровневая система штрафов (от 2 до 4% глобального оборота компании), учрежден институт офицера безопасности данных, а также введены особые требования к мониторингу, шифрованию и обезличиванию персональных данных. Именно этот фундамент защиты данных предопределил дальнейший вектор регулирования алгоритмических систем.

Как показывает анализ А.В. Асадуллиной, Европейский союз с принятием Digital Markets Act (DMA) и Закона об ИИ (AI Act) занял жесткую проактивную позицию, стремясь обуздать «дикий запад» алгоритмов через категоризацию рисков и прямые запреты на социальный скоринг. Это отражает тренд на гуманистическое регулирование, где инновации допустимы лишь постольку, поскольку не вредят фундаментальным правам человека [2].

Одновременно, как отмечает В.Е. Гаврилова, обостряется конкуренция юрисдикций, наблюдается расцвет «криптоофшоров», где право подстраивается не под гражданство, а под резиденство инновационного капитала. Это толкает правовые системы к конвергенции или, напротив, к расколу на технологически развитые и регуляторно-архаичные зоны [4].

Технологическое пространство современного мира иерархично: одни страны разрабатывают принципы, другие создают технологии, остальным предлагается их приобретать, что делает зависимость от внешних решений фактором риска для национальной безопасности.

Начинается эра «техничко-юридического регулирования», где норма закона встраивается в программный код экономической деятельности (концепция «закон как код»). В перспективе налогообложение, валютный контроль и антимонопольные ограничения будут исполняться автоматически на уровне протокола транзакции, стирая грань между учетом и правоприменением. Экономическая свобода агента будет заключаться в выборе стратегии, но не в технической возможности нарушить императив.

Правовое регулирование экономической деятельности переживает фундаментальную перезагрузку, суть которой — в переходе от ста-

тичного набора текстов к динамичной системе управления рисками. Задача юриста нового поколения — понимать архитектуру инновационной экономики. Без реформирования институтов собственности, ответственности и правосубъектности немислимо дальнейшее развитие цифровой цивилизации. Будущее — за симбиозом юридической техники и машинного алгоритма, где право станет не тормозом, а главным фактором формирования желаемой социальной среды и стимулом для экономического роста.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 : последняя редакция // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5017.
2. Асадуллина, А. В. Регулирование технологий искусственного интеллекта на территории Европейского Союза / А. В. Асадуллина // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 8.
3. Ахмедзянов, Р. Р. Проблемы и перспективы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровой экономики / Р. Р. Ахмедзянов, А. С. Булекова // Вестник Академии знаний. — 2023. — № 3 (56). — С. 35–37.
4. Гаврилова, В. Е. Валютные пространства современности в условиях международного трансформационного кризиса / В. Е. Гаврилова // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. — 2022. — № 4.
5. Гочмурадов, Б. Правовое регулирование экономики: теоретические аспекты / Б. Гочмурадов, У. Кадыров // Вестник науки. — 2024. — № 11 (80).
6. Демина Е.П. Деятельность прокуроров по предупреждению нарушений природоохранного и экологического законодательства/ Е.П. Демина // Аграрное и земельное право. — 2024. - №3(231). С.122-125
7. Демина Е.П., Ризаева Д.Э. Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, и их компетенция/ Е.П. Демина, Ризаева Д.Э. // Евразийская адвокатура. — 2024. — № 4 (69). С. 140-144.
8. Еланский, И. Ю. Правовое регулирование инноваций в условиях цифровой экономики / И. Ю. Еланский, В. Г. Гриб // Юридическая наука. — 2023. — № 11.
9. Корнев, А. В. Правовое регулирование в свете традиций и инноваций / А. В. Корнев // European and Asian Law Review. — 2024. — № 3.
10. Мхитарян, Ю. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности. Цивилизационный подход / Ю. И. Мхитарян // Век качества. — 2025. — № 3.
11. Правовое регулирование экономической деятельности : учебник для вузов / под редакцией Г. Ф. Ручкиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 398 с.
12. Савенко, Н. Е. LegalTech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан / Н. Е. Савенко // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 1.

References:

1. The Russian Federation. Laws. On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation : Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020 : latest edition // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (part I). — St. 5017.
2. Asadullina, A.V. Regulation of artificial intelligence technologies in the territory of the European Union / A.V. Asadullina // Russian Foreign Economic Bulletin. — 2022. — № 8.
3. Akhmedzyanov, R. R. Problems and prospects of intellectual property protection in the context of the digital economy / R. R. Akhmedzyanov, A. S. Bulekova // Bulletin of the Academy of Knowledge. — 2023. — № 3 (56). — Pp. 35-37.
4. Gavrilova, V. E. Modern currency spaces in the context of the international transformational crisis / V. E. Gavrilova // Bulletin of the Moscow University. Episode 27. Global Studies and geopolitics. 2022. No. 4.
5. Gochmuradov, B. Legal regulation of the economy: theoretical aspects / B. Gochmuradov, U. Kadyrov // Bulletin of Science. — 2024. — № 11 (80).
6. Demina E.P. Activity of prosecutors to prevent violations of environmental protection and environmental legislation/ E.P. Demina // Agrarian and land law. — 2024. - №3(231). Pp.122-125
7. Demina E.P., Rizayeva D.E. Bodies exercising state control over the implementation of environmental and environmental legislation and their competence/ E.P. Demina, Rizayeva D.E. // Eurasian Advocacy. — 2024. — № 4 (69). Pp. 140-144.
8. Elansky, I. Y. Legal regulation of innovations in the digital economy / I. Y. Elansky, V. G. Grib // Legal Science. — 2023. — № 11.
9. Kornev, A.V. Legal regulation in the light of traditions and innovations / A.V. Kornev // European and Asian Law Review. — 2024. — No. 3.
10. Mkhitarian, Yu. I. Legal regulation of entrepreneurial activity. The civilizational approach / Yu. I. Mkhitarian // The age of quality. — 2025. — No. 3.
11. Legal regulation of economic activity : textbook for universities / edited by G. F. Ruchkina. — 2nd ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 398 p.
12. Savenko, N. E. LegalTech in the digital economy and legal regulation of economic activity of citizens / N. E. Savenko // Right. Journal of the Higher School of Economics. — 2023. — № 1.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_484

УДК 343.9

СТРАХОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ INSURANCE FRAUD: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

ЕРМОЛАЕВА Любовь Николаевна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: X07071980@yandex.ru

АНАНЬЯН Екатерина Николаевна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовский юридический институт МВД России.
344015, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
E-mail: ktleon8182@mail.ru

ERMOLAEVA Lyubov Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russia.
E-mail: X07071980@yandex.ru

ANANYAN Ekaterina Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminology and Operational Investigative Activities
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
83 Yermenko St., Rostov-on-Don, Rostov region, 344015.
E-mail: ktleon8182@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к классификации преступлений в сфере страхования, представленные в научной литературе. Анализируются классификации М.С. Жилкиной, Н.Ф. Галагузы, В.Д. Ларичева и других исследователей. Особое внимание уделяется правовой характеристике статьи 159.5 УК РФ, устанавливающей ответственность за мошенничество в сфере страхования. Подробно раскрываются квалифицирующие признаки данного преступления, определяется предмет посягательства, анализируются типичные способы совершения страхового мошенничества. Автор отмечает несовершенство существующих криминалистических классификаций и подчеркивает необходимость учета специфики страховых отношений при расследовании преступлений данной категории. Особое внимание уделяется мошенничеству в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств как наиболее распространенному виду страховых преступлений.

Abstract: The article examines various approaches to the classification of insurance-related crimes presented in the scientific literature. It analyzes the classifications by M.S. Zhilkina, N.F. Galaguz, V.D. Larichev, and other researchers. Special attention is paid to the legal characteristics of Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for insurance fraud. The article provides a detailed description of the qualifying features of this crime, defines the subject of the offense, and analyzes the typical methods of committing insurance fraud. The author notes the imperfection of existing forensic classifications and emphasizes the need to take into account the specifics of insurance relations when investigating crimes of this category. Special attention is paid to fraud in the field of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners as the most common type of insurance crime.

Ключевые слова: мошенничество в сфере страхования, классификация страховых преступлений, страховое возмещение, хищение имущества страховщика.

Keywords: insurance fraud, classification of insurance crimes, insurance compensation, and theft of an insurer's property.

Для цитирования: Ермолаева Л.Н., Ананьян Е.Н. Страхование мошенничество: криминалистический анализ // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 484-486. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_484.

For citation: Ermolaeva L.N., Ananyan E.N. Insurance Fraud: Forensic Analysis // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 484-486. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_484.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки классифицировать все преступления в сфере страхования. Так, М.С. Жилкина выделяет в первой группе деяния, направленные против страховщика и посягательства, нарушающие интересы страхователя [1, с. 1].

По мнению автора, данные действия могут иметь место, как в границах определенного юридического лица (внутрифирменные), так и за его пределами (внешние). Тем самым, М.С. Жилкина различает, исходя из характеристики субъекта, преступления: работников страховых компаний; страховых посредников; страхователей или выгодоприобретателей.

Ко второй группе названный криминалист относит: деяния, которые совершались в сферах, соответственно: реальной либо фиктивной страховой деятельности, то есть, преступления сотрудников страховых компаний, страховых посредников, учредителей либо участников фиктивных компаний.

Другие ученые, например, Н.Ф. Галагуза, В.Д. Ларичев полагают, что своеобразие преступлений в сфере страхования вызвано альтернативно, следующими причинами:

- особенностями объекта и предмета преступного деяния;
- тем, что субъект принимает участие в отношениях страхования;
- средствами совершения посягательства являются документы, которые относятся к страховой деятельности;
- преступлений маскируется легальными операциями в области страхования либо перестрахования [2, с. 38].

Р.Н. Боровских справедливо отмечает, что классификации страховых преступлений, предлагаемые криминалистической наукой, яв-

ляются несовершеннолетними, поскольку не раскрывают сущность данных деяний, их связь со страховыми отношениями; недостаточно четко излагается правовая природа указанных преступлений, что затрудняет успешную разработку мер противодействия [2, с. 187].

29 ноября 2012 года в Уголовном кодексе Российской Федерации (Далее – УК РФ) включена статья 159.5, которая предусматривает ответственность за мошенничество в сфере страхования.

Так, часть 1 данной нормы устанавливает, что мошенничеством в данном случае, является хищение чужого имущества посредством обмана, который используется применительно к страховому случаю по поводу юридического факта его наступления. Кроме того, обман может касаться суммы страхового возмещения, которая подлежит выплате страхователю либо другому лицу на основании закона или договора.

Часть 2 ст. 159.5 УК РФ предусматривает уголовное наказание за те же действия, если они совершались группой лиц по предварительному сговору, либо причинили значительный ущерб гражданину. Квалифицирующими признаками ч.3 ст. 159.5 являются: использование лицом служебного положения или причинение им крупного размера материального ущерба.

Ужесточение уголовной ответственности по ч.4 ст. 159.5 УК РФ обусловлено виновными действиями организованной группы или возникновением в результате деяния особо крупного размера ущерба¹.

Е.А. Лесных указывает, что мошенничество в сфере страхования представляет собой умышленные действия субъекта, которые сопряжены с хищением чужого имущества, а равно приобретением права на него со стороны страхователя либо застрахованного лица.

При этом, виновный преследует цель обогатиться, используя обман или вводя в заблуждение страховые компании, в результате чего дублируются договоры страхования на одноименные объекты либо на одних и тех же живых лиц [4, с. 3].

В качестве предмета преступления выступают средства, которые незаконно приобретаются посредством получения страховой премии, страховых выплат или страхового взноса.

На сегодняшний день получили широкое распространение факты мошенничества в области страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

По мнению упомянутого выше автора, при расследовании преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, необходимо обращать внимание на способы совершения посягательства, а также обстановку деяния. В последнем случае, требуется выяснять:

- особенности места, времени преступления и производственного процесса страховой организации;
- природные и криминалистические условия;
- наличие следов деяния в документах, содержащих экономическую информацию, в частности, бухгалтерских и статистических отчетах;
- индивидуальные признаки поведения лиц, причастных к совершению преступления;
- характер и историю взаимоотношений между подозреваемыми (обвиняемыми) и потерпевшими;
- объективные и субъективные факторы, которые предшествовали совершению преступления.

Кроме того, с учетом положений ст. 73 УПК РФ, обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по ст. 159.5 УК РФ, являются: условия, при которых были застрахованы имущество, жизнь или здоровье лица; значение страхователя и других лиц, которые участвовали в событии; размер вреда, нанесенного имуществу при возникновении страхового случая; особенности вреда, причиненного здоровью; всесторонняя характеристика личности преступника, его склонность к совершению подобных посягательств, наличие в прошлом судимости, криминальной специализации и так далее; причины и условия, способствовавшие совершению деяния.

М.Р. Ахмедов отмечает, что наиболее проблемной ситуацией при расследовании мошенничества в страховой сфере является попытка преступника выставить себя в качестве потерпевшего и обратиться с соответствующим заявлением в органы внутренних дел. Одновременно, лицо настаивает на причинении ему материального ущерба путем обмана [5, с. 88].

По обоснованному мнению данного автора, перед органом расследования необходимо поставить задачу о максимально полном установлении: обстоятельств, описанных заявителем; доказательств, свидетельствующих о ложности заявления; фактических данных, которые подтверждают истинную версию следствия.

Нередко происходит инсценировка страхового события. Н.В. Быкова выделяет следующие признаки, доказывающие этот факт: обнаружение негативных обстоятельств, которые противоречат реальной обстановке совершения преступления; ситуация, при которой не имеется возможности для реализации деяния в установленном месте или определенным способом; наличие доказательств о том, что преступник совершал избыточные, ненужные действия, которые не вызвались необходимостью; нахождение на месте происшествия только небольшой части следов, которые являются характерными для мошенничества в страховой сфере [6, с. 6].

Не оспаривая, в целом справедливое утверждение автора, полагаем, что все четыре группы названных условий взаимно дополняют и конкретизируют друг друга, поэтому их следовало объединить в единую группу под названием «негативные обстоятельства».

О.П. Бердникова подчеркивает, что страховое мошенничество представляет собой преступление, которое в равной степени сложно, как для раскрытия, так и для успешного расследования. С учетом изложенного, требуется:

- максимальное использование результатов проведения оперативно- розыскных мероприятий;
- эффективное взаимодействие следователя с оперативными службами, экспертными, криминалистическими подразделениями, органом страхования средствами массовой информации;

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. С. 2954.

-применение современной криминалистической техники и методики расследования данных преступлений [7, с. 57].

Подводя итоги, необходимо сформулировать следующие выводы. Таким образом, среди преступлений, совершаемых в области страхования целесообразно выделить: страховое мошенничество, а также иные посягательства в данной сфере.

В криминалистическую характеристику страховых общественно- опасных деяний следует включить: сущность и механизм совершения преступлений; их способы; обстановку, орудия и средства; особенности личности виновного; характер и размер причиненного вреда; причины и условия, способствующие совершению посягательства.

Страховое мошенничество представляет собой хищение чужого имущества путем обмана, который используется по поводу юридического факта наступления страхового случая, либо суммы страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю или другому лицу на основании закона либо договора.

Применение обмана содействует реализации корыстной цели, которая направлена на незаконное приобретение имущества, неправомерное обращение его в собственность виновного или других лиц, либо получение имущественных прав. Предметом преступления выступают денежные средства, похищенные субъектом посредством получения страховой премии, страховых выплат или страхового взноса. При совершении преступлений в страховой сфере наличие умысла у субъекта нередко маскируется видимостью законных действий или фальсификаций страхового случая. Не исключаются инсценировки страхового события, которые выявляются, в том числе, при помощи обнаружения негативных обстоятельств на месте происшествия. Данные обстоятельства не вписываются в объективную картину преступления, либо противоречат собранным доказательствам. При расследовании преступлений в сфере страхования необходимо тщательно исследовать личность преступника, его склонность к совершению подобных посягательств, наличие или отсутствие судимости, а также специальных познаний в сфере страхования.

Список литературы:

1. Жилкина М.С. Страховое мошенничество: правовая оценка, практика выявления и методы пресечения. М.: Волтерс Клувер, 2005. 175 с.
2. Галагуза Н.Ф., Ларичев В.Д. Преступления в страховании: предотвращение, выявление, расследование (Отечественный и зарубежный опыт). М.: АНКЛ, 2000. 250 с.
3. Боровских Р.Н. К вопросу о криминалистической классификации преступлений в сфере страхования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула, 2016. С. 186 – 182.
4. Лесных Е.А. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования // Научный журнал КубГАУ. 2017. №131 (07). С. 1-12.
5. Ахмедов М.Р. Расследование мошенничества в сфере страхования // Молодой ученый. 2020. № 33(323). С.87–89.
6. Быкова Н.В. Выявление и раскрытие мошенничества в сфере страхования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.
7. Бердникова О.П. Отдельные аспекты расследования мошенничества в сфере страхования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 57–60.

References:

1. Zhilkina M.S. Insurance Fraud: Legal Assessment, Detection Practice, and Interdiction Methods. Moscow: Volters Kluver, 2005. 175 p.
2. Galaguz N.F., Larichev V.D. Crimes in Insurance: Prevention, Detection, and Investigation (Domestic and Foreign Experience). Moscow: ANKIL, 2000. 250 p.
3. Borovskikh R.N. On the issue of forensic classification of crimes in the field of insurance // Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences. Issue 3. Part II. Legal sciences. Tula, 2016. Pp. 186 – 182.
4. Lesnykh E.A. Some elements of forensic characteristics of fraud in the field of insurance // KubGAU Scientific Journal. 2017. No. 131 (07). Pp. 1-12.
5. Akhmedov M.R. Investigation of Insurance Fraud // Young Scientist. 2020. No. 33(323). Pp. 87-89.
6. Bykova N.V. Identification and Disclosure of Insurance Fraud. Abstract of Dissertation. ... Candidate of Law. Sciences. M., 2009. 32 p.
7. Berdnikova O.P. Certain aspects of the investigation of fraud in the insurance sector // Bulletin of the Ural State University of Economics and Law.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MODERN CORRUPTION CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE STRATEGY OF COUNTERACTION

БАСАНОВ Владимир Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: upp2024@mail.ru

БУЛУКТАЕВА Киштя Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: kbuluktaeva@mail.ru

ОЛЬДЕЕВА Деля Антоновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

САЛАЕВА Светлана Бадняевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: swetsalaewa@yandex.ru

BASANOV Vladimir Vasilyevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: upp2024@mail.ru

BULUKTAEVA Kishtya Yurievna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: kbuluktaeva@mail.ru

OLDEEVA Delya Antonovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

SALAEVA Svetlana Badnyevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: swetsalaewa@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье представлен комплексный криминологический анализ состояния коррупционной преступности в России на современном этапе (2023–2025 гг.). На основе данных Генеральной прокуратуры РФ, судебной статистики и международных индексов исследуются количественные и качественные характеристики коррупции, включая динамику роста, уровень латентности и структурные изменения. Особое внимание уделяется разграничению «низовой» и «верхушечной» коррупции, анализу детерминант и общественной опасности деяний. Рассматривается специфика коррупционных проявлений в правоохранительной системе и высших эшелонах власти. В работе обосновывается вывод о системном характере поражения государственного аппарата и формулируются предложения по совершенствованию уголовной политики, дифференциации ответственности и усилению правового нигилизма как одного из ключевых последствий коррупции.

Abstract: The article presents a comprehensive criminological analysis of the state of corruption crime in Russia at the current stage (2023–2025). Based on data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, judicial statistics and international indices, quantitative and qualitative characteristics of corruption are examined, including growth dynamics, latency level and structural changes. Special attention is paid to the distinction between "grassroots" and "top-level" corruption, analysis of determinants and social danger of acts. The specifics of corruption manifestations in the law enforcement system and higher echelons of power are considered. The work substantiates the conclusion about the systemic nature of the damage to the state apparatus and formulates proposals for improving criminal policy, differentiating responsibility and strengthening legal nihilism as one of the key consequences of corruption.

Ключевые слова: коррупционная преступность, криминологическая характеристика, взяточничество, латентность, «верхушечная» коррупция, противодействие коррупции, правовой нигилизм, уголовная политика.

Keywords: corruption crime, criminological characteristics, bribery, latency, "top-level" corruption, anti-corruption, legal nihilism, criminal policy.

Для цитирования: Басанов В.В., Булуктаева К.Ю., Ольдеева Д.А., Салаева С.Б. Криминологическая характеристика современной коррупционной преступности в Российской Федерации и стратегия противодействия // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 487-491. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_487.

For citation: Basanov V.V., Buluktaeva K.Yu., Oldeeva D.A., Salaeva S.B. *Criminological characteristics of modern corruption crime counteraction strategy in the Russian Federation* // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 487-491. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_487.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Актуальность исследования коррупционной преступности в современной России обусловлена тем беспрецедентным уровнем общественной опасности, который данное явление приобрело в последние годы. Коррупция перестала быть периферийным криминальным феноменом и трансформировалась в системную угрозу национальной безопасности, подрывающую основы государственного управления, экономики и морально-нравственного состояния социума. Как справедливо отмечается в научной литературе, это негативное явление расшатывает доверие граждан к авторитету власти, разрушает принципы справедливости и беспристрастности правосудия [1;12]. Коррупция в современной России носит системный характер и оказывает влияние на все стороны жизни общества, тем самым угрожает национальной безопасности государства [2;114].

Это негативное явление подрывает эффективность правительственных решений и программ, наносит вред состоянию морали в обществе, расшатывает доверие граждан к авторитету власти, разрушает принципы справедливости и беспристрастности правосудия.

В результате коррупции нарушается нормальное функционирование государственных институтов, что приводит к подрыву экономических основ государства [3].

Криминологическая характеристика любого негативного явления невозможна без анализа его количественных и качественных параметров. Статистические данные последних лет свидетельствуют об устойчивом тренде роста регистрируемых коррупционных проявлений. Согласно информации Генеральной прокуратуры РФ, в 2021–2024 годах наблюдалась последовательная позитивная динамика выявленных преступлений коррупционной направленности [4].

Особую тревогу вызывает статистика последних лет. По данным надзорного ведомства, в первом квартале 2025 года зарегистрировано 15 458 коррупционных преступлений, что на 24% превышает показатель аналогичного периода 2024 года (12 466 деяний). При этом за весь 2024 год было выявлено 38,5 тыс. таких преступлений против 36,4 тыс. в 2023 году, что демонстрирует ежегодный прирост на уровне 5–6% [5].

В структуре коррупционной преступности доминирующее положение традиционно занимает взяточничество. Если в 2023 году доля преступлений, связанных с получением или дачей взятки, составляла 55,7% от общего массива коррупционных деликтов, то в 2024 году этот показатель достиг 60,3%. В январе-марте 2025 года удельный вес взяточничества поднялся до отметки 60,9%, при этом абсолютное число таких эпизодов возросло на 29% (с 7300 до 9418) [6].

Не менее показательной является динамика привлечения к уголовной ответственности. В первом квартале 2025 года к ответственности привлечено 5 478 лиц, совершивших коррупционные преступления, тогда как в аналогичном периоде 2024 года эта цифра составляла 4 856 человек. Всего же по итогам 2024 года число осужденных за коррупцию достигло 18 360 человек, что на 702 человека больше, чем в 2023 году [7].

Однако приведенные данные, будучи официальными, отражают лишь «вершину айсберга». Криминологическая наука и оперативно-розыскная практика единодушны в оценке исключительно высокого уровня латентности коррупционных посягательств. По экспертным оценкам, латентность взяточничества достигает 98%, а раскрываемость таких преступлений не превышает 5% [8].

Статистика коррупционной преступности складывается от количества выявленных коррупционных преступлений оперативными службами ФСБ, ОБЭПи и ОСБ органов внутренних дел. Это очень непростая работа в плане сбора доказательств и использования результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам.

За последние годы больше всего преступлений, связанных с коррупцией выявлено при освоении бюджетных денег, в том числе выделенных на реализацию целевых программ, а так же при организации торгов, управлении имуществом, контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности, и в сфере ЖКХ.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить сферы государственного управления, наиболее подверженные коррупционному поражению. В структуре выявленных преступлений лидирующие позиции занимают хищения при освоении бюджетных средств, выделенных на реализацию целевых программ, нарушения при организации торгов и размещении государственных закупок, коррупция в сфере управления государственным и муниципальным имуществом, контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности, а также в жилищно-коммунальном хозяйстве [9].

Особого внимания заслуживает сфера государственных услуг, оказываемых населению. Именно здесь формируется так называемая «низовая» коррупция, с которой наиболее часто сталкиваются рядовые граждане. К числу наиболее коррупционноремких сфер социального обслуживания следует отнести здравоохранение, образование, социальное обеспечение и деятельность правоохранительных органов.

Механизм функционирования «низовой» коррупции можно проиллюстрировать на примере деятельности отдельных служб правоохранительной системы. В ГИБДД коррупционные сделки, как правило, представляют собой разовый рыночный обмен, при котором взяткодатель и взяткополучатель не вступают в долгосрочные отношения. Инспектор, наделенный государством властными полномочиями и получающий за их реализацию денежное содержание, вместо применения мер административного воздействия к нарушителю (например, к водителю в состоянии опьянения) избирает путь личного обогащения, получая незаконное вознаграждение.

Однако коррупция никогда не является деянием исключительно одного индивида. Это всегда система, коллективно извлекающая вы-

году из нарушения закона. Коррупционная цепочка неизбежно тянется от рядового сотрудника к его непосредственному руководителю, осведомленному о нетрудовых доходах подчиненного, а далее — к вышестоящему начальству, вплоть до региональных и федеральных структур.

Аналогичные процессы наблюдаются и в деятельности подразделений экономической безопасности (ОБЭП). Специфика их работы заключается в оперативном обслуживании сферы экономики, что предполагает контакт с представителями так называемой «беловоротничковой» преступности — руководителями хозяйствующих субъектов, лицами, занимающими руководящие посты. Для недобросовестного оперативника открываются широкие возможности для вымогательства взяток под предлогом прекращения проверок, «откатов» и даже прямого «крышевания» преступной деятельности.

Особый пласт криминологического анализа составляет элитарная, или «верхушечная», коррупция. Субъектами этой категории преступлений выступают лица, занимающие государственные должности регионального и федерального уровней, депутаты законодательных собраний, члены Правительства, руководители федеральных ведомств и главы субъектов Федерации.

Хотя в общей структуре коррупционной преступности доля «верхушечной» коррупции не превышает 10%, её общественная опасность и материальный ущерб несопоставимы с «низовыми» проявлениями [10]. Результаты расследования уголовных дел в отношении высших должностных лиц свидетельствуют о суммах взяток, исчисляемых сотнями миллионов и миллиардами рублей.

Показательна динамика изъятия имущества у чиновников. По информации Генеральной прокуратуры, в 2020 году у должностных лиц было изъято имущество, законность приобретения которого не подтверждена доходами, на сумму более 20 миллиардов рублей. Для сравнения: в 2018 году аналогичный показатель составлял всего 311 миллионов рублей, то есть за два года рост составил почти 70 раз [11].

В научной литературе справедливо отмечается, что коррупционные действия высших должностных лиц затрагивают реализацию основных правительственных проектов и программ, искажают стимулы в экономике, ведут к потере темпов экономического роста, снижению инвестиций и падению доходов населения.

Криминологическая характеристика была бы неполной без анализа причинного комплекса изучаемого явления. В основе коррупционной преступности лежат как объективные (экономические, политические, организационно-управленческие), так и субъективные (нравственно-психологические) факторы.

Среди ключевых детерминант следует выделить:

- несовершенство законодательной базы и наличие административных барьеров;
- отсутствие реальной независимости антикоррупционных органов;
- формальный характер декларирования доходов и конфликта интересов;
- низкий уровень правовой культуры и высокий уровень правового нигилизма в обществе;
- недостаточную эффективность институтов гражданского контроля.

Как отмечает профессор Л.А. Букалерева, системное поражение государственного аппарата коррупцией неизбежно приводит к формированию правового нигилизма в обществе. Граждане, ежедневно сталкиваясь с коррупционными проявлениями, утрачивают веру в справедливость и беспристрастность власти, что подрывает легитимность государственных институтов [12; 86].

Важно подчеркнуть, что коррупция оказывает разрушительное воздействие не только на экономику и политику, но и на социальную сферу. Механизм этого воздействия хорошо прослеживается на примере высшего образования. Преподаватель-коррупционер объективно не заинтересован в повышении успеваемости студентов и утверждении дисциплины, поскольку именно низкий уровень знаний и пропуски занятий создают условия для вымогательства взяток в период сессии. Формируется парадоксальная ситуация: чем хуже функционирует социальный институт, тем выгоднее это коррупционеру.

Немалая часть людей стремится занять высокое положение в обществе, изначально поставив перед собой цель - независимо от размера заработной платы использовать должностное положение для извлечения личной выгоды.

Таким образом, причина совершения коррупционных преступлений заключается в самой человеческой сущности. Задача государства, общественных институтов эти «лазейки» латать, устранять условия совершения коррупционных преступлений. А как известно без условий причина не сможет реализоваться.

Коррупция будет постольку, поскольку существует государство (в узком смысле слова) с его бюрократическим аппаратом, армией чиновников.

Задача государства (в широком смысле слова) состоит в нейтрализации, локализации, а там где позволяют объективные возможности — устранении детерминантов коррупции.

По словам Лао Цзы: «Чем больше законов мы создаем, тем больше людей их будет нарушать».

Стоило только вступить в силу Закону «О лицензировании отдельных видов деятельности», сразу появились чиновники, которые стали наживаться путем искусственного чинения препятствий в получении лицензии и вымогательства взяток. Допустим, сама лицензия стоит до трех тысяч рублей, коррупционеры искусственно создают огромные очереди из фирм и продают услуги по оформлению лицензии за несколько тысяч долларов.

Вывод: создавать как можно меньше промежуточных государственных структур.

В принципе, любая должность и связанная с нею власть, большая или малая, такт в себе возможность для незаконного обогащения.

Поэтому доступ к возможностям по разрешению услуг (отправная точка коррупционных сделок) должен ограничиваться несколькими людьми.

Бюрократическая цепочка должна быть минимизирована. Чем короче будет иерархическая бюрократическая лестница, тем меньше вероятность того, что на какой-то ступени окажется коррупционер.

Иными словами, чем больше бюрократический аппарат, тем больше чиновников. Чем больше чиновников, тем больше среди них коррупционеров.

Вывод: не «раздувать», а сокращать бюрократический аппарат. Создавать такие условия, чтобы граждане шли работать на производство, в сельское хозяйство, где создаются конкретные материальные блага, и установить им достойную заработную плату.

Из вышесказанного следует, что чиновников с властными полномочиями должно быть считанные «единицы». Вот им государство должно установить высокую заработную плату. Остальной бюрократический аппарат должен состоять из обычных «клерков», от которых ничего не зависит, и получать заработную плату они должны исходя из производительности труда, но не больше, чем на производстве.

Государство должно решать проблемы, которые решаются с помощью взяток. И конечный результат должен быть таковым: гражданин не берет взятку не потому, что он глубоко просвещен, а просто должны отсутствовать объективные обстоятельства, исключающие получение взятки.

Хочется акцентировать внимание на видении этой проблемы Президента страны В.В. Путина.

В своем выступлении в 2018 году посвященном Всемирному Дню борьбы с коррупцией, отмечаемый 9 декабря В.В.Путин отметил: у нас огромное количество всевозможных организаций, которые объявили себя борцами с коррупцией. Они часто собираются, что-то обсуждают. На самом деле 90% переписывают друг у друга предложения, тезисы. А КПД - 0. Борьба с коррупцией - не шоу, она требует профессионализма, серьезности, ответственности.

На состоявшейся прямой линии с Президентом в апреле 2023 года, журналист Владимир Соловьев задал ему довольно таки провокационный вопрос: «Создается такое впечатление, что руководство страны попросту не обращает внимание на ситуацию, связанную с коррупцией и спускает все чиновникам с рук».

Президент отметил: это известная проблема, которая сопровождает Россию с момента ее создания и, к сожалению, универсального метода чтобы искоренить коррупцию не найдено. Она встречается во всех сферах, начиная с небольших государственных организаций на местах заканчивая высшими кругами.

Путин считает, что проблему коррупции можно решить только системно, а не единичными посадками (как он выразился).

Тем самым Президент обозначил, что сегодня мы боремся не с коррупцией как явлением, а с отдельными коррупционерами.

Здесь особо необходимо подчеркнуть: нужно решать задачи связанные с причинами и условиями порождающими коррупцию, как явление в нашей стране, сломать сложившуюся порочную систему коррупционных сделок на всех уровнях власти (как отмечал В.В. Путин).

Вот здесь считаем совершенно правильным решением о том, что с 1 сентября 2023 года обязательной частью образовательного процесса в средних школах страны стал курс «Противодействие коррупции». Его включили в предметы обществознание, историю и литературу. Школьникам расскажут почему взятки – это плохо, что делать, если кто-то предложит решить вопрос таким способом или злоупотребить своим положением.

Это является одним из ключевых моментов в антикоррупционном воспитании подрастающего поколения.

И, даже, если мы поднимем эту работу на должный уровень – результаты антикоррупционных мер надо ожидать через несколько поколений.

Состояние коррупции в России находит отражение и в международных рейтингах. Согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2025 год, Российская Федерация набрала 22 балла из 100 возможных, заняв 157-е место из 182 стран, повторив худший результат в своей истории и опустившись на три позиции ниже по сравнению с 2024 годом [13]. Это свидетельствует не только о высоком уровне коррупции, но и об устойчивой деградации институтов, призванных с ней бороться.

Зарубежный опыт (Румыния, Грузия, страны Балтии) демонстрирует, что успешное противодействие коррупции возможно лишь при сочетании нескольких факторов: политической воли высшего руководства, независимости антикоррупционных органов и широкого участия гражданского общества. Показательно, что в Грузии в период реформ удалось практически полностью преодолеть низовую и среднюю коррупцию за счет обновления кадрового состава правоохранительных органов, упрощения административных процедур и создания благоприятных условий для легального бизнеса.

В этой связи представляется необходимым совершенствование уголовной политики России по следующим направлениям:

1. **Дифференциация ответственности.** В отношении коррупционеров высшего уровня, занимающих государственные должности и наносящих ущерб в особо крупных размерах, должно применяться наказание, не предполагающее условного осуждения или несоизмерно малых штрафов. Общественная опасность таких деяний требует строгой изоляции от общества.
2. **Институционализация независимого контроля.** Целесообразно создание специализированного антикоррупционного органа с высокой степенью независимости от исполнительной власти.
3. **Совершенствование механизмов контроля за доходами и расходами.** Переход от декларативного к аналитическому контролю с использованием современных цифровых технологий (включая мониторинг криптовалютных операций) позволит существенно повысить эффективность выявления незаконного обогащения.

4. **Защита лиц, сообщающих о коррупции.** Введение эффективной системы защиты заявителей (так называемых «информаторов») способно повысить раскрываемость латентных коррупционных преступлений.

Проведенный криминологический анализ позволяет констатировать, что коррупционная преступность в современной России носит системный, глубоко укорененный характер. Статистика последних лет свидетельствует о неуклонном росте регистрируемых проявлений коррупции, при этом латентная часть этого явления многократно превышает официальные показатели.

Особую тревогу вызывает экспансия коррупции в высшие эшелоны власти. «Верхушечная» коррупция, составляя относительно небольшую долю в структуре преступности, наносит непропорционально большой ущерб, измеряемый миллиардами рублей, и подрывает доверие общества к государству в целом.

Уголовная политика в сфере противодействия коррупции нуждается в корректировке. Необходим переход от декоративных мер к реальной системной борьбе, включающей не только репрессивные, но и превентивные механизмы. Важнейшим условием успеха является политическая воля и последовательность в реализации антикоррупционной стратегии, а также вовлечение в этот процесс институтов гражданского общества.

А как показывает зарубежный опыт, реализация этого направления работы целиком и полностью зависит от политической воли лично глав государств.

Список литературы

1. Басанов В.В., Ольдеева Д.А., Кравцова А.Н. Сущность Российской коррупции и основные направления борьбы с ней на современном этапе // Вопросы российского и международного права. - № 1-2 – 2015. - С.10-21
2. Сазонова В.С. Коррупция в современной России: пути противодействия // Молодой ученый. - № 17 (255). - 2019. - С.114.
3. Басанов В.В., Цебекова Г.В., Ольдеева Д.А. Актуальные вопросы противодействия в Российской Федерации на современном этапе // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. - 2023. - № 4. - С.13-20.
4. Данные Генеральной прокуратуры РФ о состоянии коррупционной преступности в первом квартале 2025 года // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/stat> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Состояние преступности в России: статистический сборник Генеральной прокуратуры РФ. М., 2024. С. 112–115.
6. Краснов И.В. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ // <https://epp.genproc.gov.ru/rugprf/mass-media/news/main/e5606049/>
7. Ассоциация юристов России. Коррупционные преступления в России: аналитический обзор. М., 2025. С. 8–12. URL: <https://alrf.ru/articles/korrupsionnye-prestupleniya-v-rossii/>
8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы латентной преступности // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 12–18.
9. Кабанов К.В. Коррупционные риски в современной России: отраслевой анализ // СПЧ: доклады и аналитика. 2025. URL: <http://president-sovet.ru/>
10. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. М.: Юрист, 2001. С. 234.
11. Доклад Генеральной прокуратуры РФ о результатах работы по контролю за расходами государственных служащих // <https://epp.genproc.gov.ru/rugprf/mass-media/news/main/e5606049/>
12. Букалерева Л.А. Правовой нигилизм и коррупция: взаимовлияние, меры противодействия // Вестник Нижегородской Академии МВД РФ. - № 3 – 2011. - С.86-89
13. Индекс восприятия коррупции – 2025 // Transparency International Россия. 2026. 10 февраля. URL: <https://ti-russia.org/> (дата обращения: 12.02.2026).

References

1. Basanov V.V., Oldeeva D.A., Kravtsova A.N. The essence of Russian corruption and the main directions of combating it at the present stage // Issues of Russian and international law. - No. 1-2 – 2015. - pp.10-21
2. Sazonova V.S. Corruption in modern Russia: ways to counteract // Young Scientist. - № 17 (255). - 2019. - P.114.
3. Basanov V.V., Tsebekova G.V., Oldeeva D.A. Actual issues of counteraction in the Russian Federation at the present stage // Law and legislation: strategies and methods of cognition. - 2023. - No. 4. - pp.13-20.
4. Data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on the state of corruption crimes in the first quarter of 2025 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://genproc.gov.ru/stat> (date of access: 05/15/2025).
5. The state of crime in Russia: Statistical collection of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2024. pp. 112-115.
6. Krasnov I.V. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at a meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // <https://epp.genproc.gov.ru/rugprf/mass-media/news/main/e5606049/>
7. The Association of Lawyers of Russia. Corruption crimes in Russia: analytical review. Moscow, 2025. pp. 8-12. URL: <https://alrf.ru/articles/korrupsionnye-prestupleniya-v-rossii/>
8. Kuznetsova N.F. Problems of latent crime // Criminological journal. 2024. No. 2. pp. 12-18.
9. Kabanov K.V. Corruption risks in modern Russia: industry analysis // HRC: reports and analytics. 2025. URL: <http://president-sovet.ru>
10. Luneev V.V. Corruption: political, economic, organizational and legal problems. Moscow: Jurist, 2001. p. 234.
11. Report of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on the results of work on the control of expenses of civil servants // <https://epp.genproc.gov.ru/rugprf/mass-media/news/main/e5606049/>
12. Bukalereva L.A. Legal nihilism and corruption: mutual influence, counteraction measures // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - No. 3 – 2011. - pp.86-89
13. Corruption Perception Index – 2025 // Transparency International Russia. 2026. February 10. URL: <https://ti-russia.org/> (date of access: 12.02.2026).

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ CRIMINAL PUNISHMENT UNDER RUSSIAN LAW: SOME PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ГЛАДЫШЕВ Юрий Алексеевич,

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права.

Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».

603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 А.

E-mail: uagladishev62@mail.ru

GLADYSHEV Yuri Alekseevich

Candidate of law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law.

Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education

«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod)

603022, 17A Gagarin Avenue Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: uagladishev62@mail.ru

Краткая аннотация: В статье с позиции правотворчества и правоприменительной деятельности освещаются актуальные вопросы назначения такого наказания как штраф. Автор сосредотачивает внимание на наиболее дискуссионных моментах назначения этого наказания. Предлагаются конкретные меры, направленные на совершенствование назначения наказания в виде штрафа.

Abstract: The article highlights the current issues of imposing fines from the perspective of lawmaking and law enforcement. The author focuses on the most controversial aspects of imposing fines. Specific measures are proposed to improve the process of imposing fines.

Ключевые слова: наказание, штраф, преступность, предупреждение, осужденные.

Key words: punishment, fine, crime, warning, convicts.

Для цитирования: Гладышев Ю.А. Уголовное наказание по российскому законодательству: некоторые проблемы и перспектива развития // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 492-493. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_492.

For citation: Gladyshev Yu.A. Criminal punishment under Russian law: some problems and prospects for development // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 492-493. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_492.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

В последние годы в российской системе уголовного правосудия наблюдается устойчивая тенденция к гуманизации и сокращению репрессивности наказаний. Количество осужденных лиц постепенно снижается: так, общее число осужденных в России в 2025 году составило 313 000 тысяч человек, тогда как в 2024 году было осуждено 513 000 тысяч человек [4]. Данная динамика отчасти обусловлена улучшением криминальной обстановки и повышением правовой грамотности населения, но во многом отражает результаты политики гуманизации уголовного законодательства. Последовательное уменьшение численности осужденных свидетельствует о смещении акцента с карательных мер на альтернативные способы воздействия на правонарушителей.

Одним из таких наказаний является штраф. Штраф как уголовное наказание представляет собой денежное взыскание в доход государства и относится к числу мягких мер, не связанных с изоляцией. В России штраф назначается за многие преступления небольшой и средней тяжести, а также в качестве дополнительного наказания за более тяжкие деяния (например, за коррупционные преступления наряду с лишением свободы). Эффективность штрафа заключается прежде всего в его экономическом воздействии на правонарушителя: лишение определенной суммы денег служит для него ощутимым наказанием и одновременно пополняет государственный бюджет, который затем может направлять средства на нужды правопорядка или поддержку потерпевших. Статистические данные показывают, что штраф – один из самых часто применяемых основных видов наказания в последние годы (ежегодно им наказываются десятки тысяч преступников) [3, С.172]. Его популярность обусловлена простотой применения и относительной гуманностью: штраф не калечит судьбу человека так, как тюремное заключение, не разрывает социальных связей. Для государства штраф также выгоден, поскольку не требует расходов на содержание осужденного, а напротив, приносит финансовые поступления.

В плане достижения целей наказания штраф в первую очередь направлен на общую превенцию – демонстрацию неотвратимости наказания для потенциальных нарушителей. Для многих лиц перспектива крупного денежного взыскания является достаточным сдерживающим фактором. Специально-превентивное влияние штрафа на самого осужденного выражается в том, что ему причиняется имущественный ущерб, побуждающее впредь избегать противоправных действий, чтобы не испытывать повторно финансовые потери. Кроме того, штраф может выполнять и частично восстановительную функцию, когда средства от штрафов направляются в компенсационные фонды помощи жертвам преступлений или на финансирование правоохранительных программ (хотя непосредственно потерпевшие получают возмещение, как правило, через гражданский иск, а не через штрафы).

Ограниченная эффективность штрафа проявляется в случаях, когда осужденный не имеет легальных доходов или имущества. Практика показывает, что взыскание штрафа с социально неблагополучных лиц затруднено, и нередко назначенные штрафы остаются неуплаченными, трансформируясь затем через процедуру замены наказания (например, на обязательные работы, либо на лишение свободы при злостном

уклонении от уплаты). Так, одной из проблем является то, что для злостных неплательщиков штраф в итоге может перерасти в более строгое наказание, если суд заменит неуплаченный штраф на иное санкционированное УК наказание.

Поэтому суды при назначении штрафа должны учитывать имущественное положение виновного, его заработок, наличие задолженностей и пр., чтобы штраф был реализуемым и не превратился в фикцию [2, С.110]. В то же время, в практической деятельности могут встречаться ситуации, когда замена штрафа другим видом наказания невозможна. Такая ситуация связана с особенностями конструирования уголовно-правовых санкций. В качестве примера приведем ч.1 ст. 174.1. «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления». Согласно существующего закона за преступление предусмотренное ч.1 ст.174.1 УК РФ предполагается наказание в виде штрафа в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года [5, С.155]. Предположим, что состоялся суд, вынесен обвинительный приговор по ч.1ст. 174 УК РФ и назначено наказание в виде штрафа в 100 тысяч рублей. Дано было время на исполнение штрафа, а осужденный штраф не выплачивает. Согласно закона, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа он может быть заменён другим видом наказания в пределах санкции статьи по которой он был осужден. Однако, если санкция статьи предусматривает только один вид наказания, а именно с такой ситуацией мы и сталкиваемся в этом случае, то заменить его нечем. Чтобы таких проблем в правоприменительной деятельности не возникало необходимо провести ревизию санкций уголовно-правовых норм, превратив санкции относительно определенные в альтернативные.

В целом штраф можно считать достаточно эффективным наказанием в отношении лиц, имеющих доход или имущество, особенно впервые совершивших нетяжкие преступления.

Он достигает цели наказания в виде восстановления социальной справедливости (преступник несёт материальные издержки за содеянное), способствует профилактике без негативных последствий, связанных с лишением свободы. Однако его ограниченность в плане исправления осужденного очевидна: штраф сам по себе не перевоспитывает человека, не работает с его личностью. Поэтому для устойчивого эффекта штраф часто комбинируется с воспитательными мерами (например, воздействие уголовно-исполнительных инспекций при отсрочке выплаты, разъяснительная работа). Тем не менее, как элемент системы наказаний штраф играет важную роль, обеспечивая экономическое наказание там, где изоляция не нужна [1, с.104]. В то же время, касаясь штрафа как вида уголовного наказания, нельзя не обратить на еще некоторые проблемные моменты, возникающие при его назначении.

Обратим внимание на виды штрафа. В ч. 2 ст. 46 УК РФ говорится о трех вариантах назначения штрафа за совершенное преступление. Первый вариант исчисления штрафа предполагает строго фиксированную сумму в рублях, второй – через доход осужденного за определенный период и третий – исчисляется в величине кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

Соответственно, если при вынесении приговора судья приходит к выводу о необходимости назначить штраф за совершенное преступление, то какой вид штрафа он должен применить? На этот вопрос ответа нет, т.к. не существует нормативно-правовых актов, которые бы рекомендовали, когда в каком случае необходимо применять тот или иной вид штрафа, все отдано на откуп лицу, осуществляющему правосудие, а это все субъективно.

И еще один момент, когда мы говорим об исчислении штрафа в зависимости от дохода осужденного за определенный период времени, то возникает еще одна проблема касаемая определения этого дохода. Установить его непросто и кто его должен устанавливать? Во время судебного заседания решить эту проблему трудно, так как в задачу расследования не входит задача выяснения дохода от преступной деятельности, если только речь не идет о преступлениях экономической направленности. На наш взгляд, было бы более правильно на законодательном уровне прописать об обязательном выяснении в процессе расследования уголовного дела, наряду с другими обстоятельствами и дохода лица, привлекаемого к уголовной ответственности и оформлении полученной информации в виде отдельной справки. Наличие такого документа позволит более эффективно применять этот вид наказания и даст больше возможностей суду назначать наказание с учетом дохода осужденного за определенный период.

Список литературы:

1. Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть) - Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2008. – 304 с.
2. Гладышев Ю.А. Штраф как уголовное наказание и вопросы его назначения за коррупционные преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 108-111.
3. Огорелков Д.А. Наказание в виде штрафа как средство уголовно-правового воздействия// Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук.- Омск, 2022 г. – 226 с.
4. Трифонова Е. Тюремное население продолжает исчезать// [Электронный ресурс] // https://www.ng.ru/politics/2025-02-26/1_9201_prisoners.html?ysclid=mxkxny38nz874435803 / (дата обращения 27.01.2026 г).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025).

References:

1. Blagov E.V. Actual problems of criminal law (General part) - Yaroslavl : Yaroslavl State University, 2008. 304 p.
2. Gladyshev Yu.A. Fine as a criminal punishment and issues of its appointment for corruption crimes // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2 (15). pp. 108-111.
3. Ogorelkov D.A. Punishment in the form of a fine as a means of criminal legal influence// Dissertation for the degree of Candidate of Law. Omsk, 2022 - 226 p.
4. Trifonova E. The prison population continues to disappear// [Electronic resource] // https://www.ng.ru/politics/2025-02-26/1_9201_prisoners.html?ysclid=mxkxny38nz874435803 / (accessed 01/27/2026).
5. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_494

УДК 343.98

МНЕНИЕ О ЗАДАЧАХ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

OPINION ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS AT THE PRESENT STAGE

КОРЧАГИН Андрей Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Им. Калинина, д. 13.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru

KORCHAGIN Andrey Anatolyevich,

Doctor of Law, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trublin,
Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Krasnodar Territory, Russia.
E-mail: kaa77 – 21@mail.ru

Краткая аннотация: Рассматриваются вопросы задач развития криминалистической науки и практики на современном этапе развития общества. Высказывается мнение о задачах развития как общей теории криминалистической науки, так и всех остальных разделов криминалистики. Предлагается идея о необходимости разработки единого криминалистического обеспечения, охватывающего все стадии уголовного судопроизводства.

Abstract: The article discusses the tasks of developing forensic science and practice at the current stage of society's development. It expresses an opinion on the tasks of developing both the general theory of forensic science and all other sections of forensic science. The article suggests the need to develop a unified forensic support system that covers all stages of criminal proceedings.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, судопроизводство, криминалистическая профилактика, криминалистическое прогнозирование.

Keywords: forensic science, forensic support, legal proceedings, forensic prevention, and forensic forecasting.

Для цитирования: Корчагин А. А. Криминалистическое обеспечение процесса доказывания на этапе проверки сообщения о преступлении // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 494-499. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_494.

For citation: Korchagin A. A. Criminalistic support of the evidentiary process at the stage of verifying a crime report // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 494-499. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_494.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026

Преступность, являясь социально обусловленным, исторически изменчивым явлением, носит очень динамичный характер. С развитием общества, сопровождающимся, как положительными, так и негативными изменениями во всех его сферах, происходит и изменение преступности. Для того, чтобы быть социально востребованной, любая наука уголовно-правового профиля должна учитывать эти происходящие изменения. Наряду с общей, объединяющей все науки уголовного профиля задачей – борьбы с преступностью [1, с.221], каждая из них имеет и свои специфические задачи, обусловленные ее предметом, задачи также должны корректироваться с учетом особенностей конкретного этапа исторического развития общества.

На современном этапе развития, считаем, одной из основных задач криминалистической науки является формирование единого криминалистического обеспечения всего процесса уголовного судопроизводства, включающего в себя собирание и исследование доказательств, от стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении, до криминалистического обеспечения в исключительных стадиях уголовного судопроизводства.

Криминалистическое обеспечение процесса доказывания представляет собой основанную на изучении следственно-судебной практики, урегулированную нормами законодательства, научно-обоснованную, учебно-методическую, организационную и практическую деятельность по предоставлению следственно-судебным работникам разрабатываемых криминалистических рекомендаций по обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, предусмотренных УПК РФ на этапах рассмотрения сообщения о преступлении и его проверки, первоначальном, последующем, заключительном этапах расследования, предварительном слушании и судебном следствии.

Задача разработки единого (сквозного) криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, включающего в себя стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства, обуславливается их взаимосвязью с точки зрения криминалистической методики. На всех указанных стадиях могут применяться информационные модели типовой криминалистической характеристики преступления и типовой информационной модели механизма преступления, разработанные в криминалистической науке. Практическое их значение в расследовании и судебном разбирательстве заключается в том, что следователь (дознатель), прокурор (государственный обвинитель), судья сравнивают эти типовые модели с реальными обстоятельствами конкретного уголовного дела, на основании чего могут определить, информация о каких элементах, их составляющих уже имеется в наличии, а о каких ее нет, либо она нуждается в дополнении и конкретизации.

На всех стадиях уголовного судопроизводства имеет место быть процесс выдвижения и проверки версий, а также планирование соответствующего вида деятельности (по проверке сообщения, предварительному расследованию, судебному разбирательству), кроме того имеет место быть планирование проведения проверочных действий, следственных действий, судебных действий следственного характера. Версии

выдвигаются, на стадии возбуждения уголовного дела (проверочные версии), на стадии предварительного расследования (следственные), в суде (судебные). И на предварительном расследовании, и в суде есть версии обвинения и защиты. На всех стадиях уголовного судопроизводства проводятся следственные действия (на стадии возбуждения – это неотложные следственные действия, в ходе предварительного расследования – следственные действия, в суде – судебные действия следственного характера), требующие для достижения их целей применения соответствующих тактических приемов. Складываются ситуации возбуждения уголовного дела, следственные ситуации, ситуации судебного разбирательства уголовных дел, требующие соответствующих криминалистических алгоритмов по их разрешению. Схожим является и субъектный состав (свидетели, эксперты, специалисты, потерпевшие, подозреваемые (обвиняемые), прокурор), при этом в суде у некоторых участников меняется процессуальный статус (обвиняемый – подсудимый, прокурор – государственный обвинитель). На всех стадиях уголовного судопроизводства имеет место быть взаимодействие между его участниками, как в процессуальных, так и непроцессуальных формах.

Данное обеспечение, полагаем, следует рассматривать, как частную криминалистическую теорию, включающую в себя теоретическую часть и практическую, содержащую рекомендации по технико-, тактико- и методико-криминалистическому обеспечению всего процесса уголовного судопроизводства.

В теоретическую часть единого криминалистического обеспечения входят вопросы понятия криминалистического обеспечения, его структуры, принципов, источников, целей, задач, применяемых методов, правового регулирования, информационные модели (обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам, криминалистическая характеристика преступлений, типовые модели механизмов преступлений), научное обеспечение.

Понятие криминалистического обеспечения уже было приведено выше структура, как уже было отмечено, включает теоретическую и практическую части. К принципам криминалистического обеспечения следует отнести законность, теоретическая обоснованность и практическая ценность методико-криминалистического обеспечения предварительного расследования, конкретность методико-криминалистического обеспечения, плановая основа расследования, этапность предварительного расследования, ситуационность расследования, соблюдение этических норм в расследовании, плановая основа поддержания государственного обвинения, ситуационность судебного следствия, соблюдение этических норм при рассмотрении дела в суде. Источниками формирования криминалистического обеспечения являются результаты изучения преступной деятельности (способов совершения преступлений, условий, мест, обстановки, типовых следов преступной деятельности, закономерностей формирования следов в зависимости от выбранного способа совершения преступления и т.п.), закономерности правоохранительной деятельности по выявлению, раскрытию, предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, как отечественной, так и зарубежных стран (закономерности выявления преступной деятельности, способов и приемов раскрытия преступлений, их предварительного расследования и судебного рассмотрения (закономерности поведения участников уголовного производства на разных стадиях уголовного судопроизводства, закономерности возникновения и разрешения следственных и судебных ситуаций, особенности планирования, выдвижения и проверки следственных версий, взаимодействия следователей, дознавателей с органами дознания, особенности тактики проведения отдельных следственных действий и судебных действий следственного характера)), нормативно-правовые акты (законы и подзаконные нормативные акты, в том числе ведомственного характера), регламентирующие уголовное судопроизводство, достижения различных областей современной науки (как естественных, технических, так и гуманитарных (в том числе науки управления и организации)), которые могут использоваться для совершенствования правоохранительной деятельности.

Целью единого криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства (предварительного и судебного следствия), является повышение эффективности уголовного судопроизводства, оптимизация достижения его задач, обеспечение законности. Задачами является изучение закономерностей преступной деятельности, с одной стороны, и деятельности по выявлению, раскрытию, предварительному расследованию и судебному следствию, с другой, чтобы на этой основе совершенствовать существующие и создавать новые эффективные криминалистические примы и способы по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел.

Методы криминалистического обеспечения – это приемы, способы, которые используются учеными-криминалистами для изучения преступной деятельности и деятельности по ее выявлению, предварительному и судебному следствию, как явлений объективной действительности, структурно составляющих объект криминалистического исследования. Для успешной реализации своей служебной функции, достижения своей цели и решения стоящих на пути к ней задач, в рамках единого криминалистического обеспечения должна применяться вся совокупность существующих методов научного познания: теоретические (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, абстрагирование); эмпирические (наблюдение, описание, измерение (например, в ходе производства осмотров), эксперимент (когда изучается какое-либо явление или объект, связанный с преступлением, специально созданные, в специально созданных, контролируемых условиях); интерпретационные (генетический, когда полученные в ходе расследования данные исследуются с позиции связей элементов события преступления, структурный, когда полученные данные интерпретируются в терминах, характеристиках взаимосвязи между целым и частями (например, криминалистическая характеристика преступления, как целое, и ее составляющие элементы во взаимосвязи и взаимообусловленности)), статистические (описательная статистика, корреляционный анализ, регрессионный анализ, анализ таблиц и графиков).

Правовое регулирование криминалистического обеспечения включает в себя наряду с Конституцией РФ, закрепляющей основные принципы уголовного судопроизводства, нормативные акты (законы и подзаконные акты), регламентирующие деятельность по предварительному расследованию преступлений (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О прокуратуре РФ», Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О проку-

ратуре Российской Федерации», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О противодействии коррупции», Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации»).

Относятся к теоретической части криминалистического обеспечения и входящие в него разработанные и закреплённые науке уголовного процесса и уголовно-процессуальном законодательстве информационные модели обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, разработанные в криминалистической науке информационные модели криминалистической характеристики преступлений, типовые модели механизмов преступлений. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу, закреплёны в ст. 73 УПК РФ. Помимо этого, при расследовании каждого уголовного дела можно выделять и так называемые вспомогательные, косвенные обстоятельства, установление которых позволяет обеспечивать доказывание уже основных, указанных в ст. 73 УПК РФ. Например, обнаружение следов на одежде, теле подозреваемого может указывать не только на его причастность к преступлению, но и на место его совершения (например, состав почвы с обуви подозреваемого идентичен составу почвы на месте происшествия).

Криминалистическая характеристика нами понимается, как научно разработанная на основе изучения большого массива уголовных дел система сведений об устойчивых и взаимосвязанных криминалистически значимых свойствах и признаках, присущих преступлениям, необходимых для выдвижения версий и программ их проверки на предварительном расследовании.

Модель механизма преступления нами понимается, как последовательный ряд процессов взаимодействия участников преступного события и окружающей среды в процессе подготовки, совершения и сокрытия убийства, в результате которых проявляются следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении (подготовка, совершение, сокрытие) и его участниках.

Научные основы криминалистического обеспечения включают в себя совокупность взаимосвязанных научных, научно-технических, организационных, иных мероприятий, направленных на формирование и внедрение в практику новых криминалистических знаний, криминалистической техники, тактических приемов и рекомендаций, криминалистических методик для решения задачи успешного предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам.

В практическую (прикладную) часть входят: разработка технико-, тактико- и методико-криминалистического обеспечения, особенности этапов предварительной проверки (процессуальные действия и иные – следственные осмотры, назначение судебных экспертиз, получение объяснений), предварительного расследования (типичные следственные ситуации, планирование, выдвижение и проверка криминалистических версий, особенности тактики проведения отдельных следственных действий, особенности взаимодействия следователей с органами дознания), судебного разбирательства, в которое входят судебные ситуации и программы по их разрешению, особенности тактики судебных действий, использования специальных знаний, взаимодействие между участниками, а также учебно-методическая деятельность по обучению практическим навыкам применения криминалистических рекомендаций в рамках криминалистического обеспечения, организационная деятельность по организации деятельности субъектов применения криминалистического обеспечения и практическую деятельность по его применению в следственной и судебной практике.

Технико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства рассматривается, как система методических рекомендаций и правил использования технических средств, цифровых технологий и искусственного интеллекта в выявлении, фиксации и использовании доказательственной информации по уголовным делам.

Технико-криминалистическое обеспечение следует рассматривать, как форму, в содержание которой входят, как теоретические вопросы, связанные с разработкой понятий, категорий, так и практические вопросы, связанные с разработкой и внедрением в практику технических средств, в том числе компьютерных технологий. В настоящее время перед технико-криминалистическим обеспечением стоит задача создания высокотехнологичной криминалистики, использующей передовые достижения современных точных наук в борьбе с преступностью, активно внедряющей в следственную практику достижения естественных, технических наук. Необходимо говорить о комплексной подготовке следователей, включающей знания из естественнонаучных областей, поскольку для успешного решения задач раскрытия и расследования преступлений одних только правовых знаний зачастую в борьбе с современной преступностью оказывается недостаточным.

В тактико-криминалистическое обеспечение входит система научных, правовых, организационных рекомендаций по выбору и применению тактических приемов и операций производства следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве, методических рекомендаций и правил использования тактических приемов, операций, комбинаций и методов при подготовке и производстве процессуальных действий, реализуя единую цель достижения истины.

Тактико-криминалистическое обеспечение, как часть криминалистического обеспечения, является формой, в которую входят, как теоретические вопросы криминалистической тактики, так и практические, связанные с совершенствованием, разработкой и внедрением новых тактических приемов в следственно-судебную практику. В содержание тактико-криминалистического обеспечения входят вопросы совершенствования и разработки новых тактических приемов проведения следственных действий. Полагаем, в настоящее время актуальной является задача разработки тактико-криминалистического обеспечения для всего процесса уголовного судопроизводства, начиная со стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Необходимо разрабатывать тактические приемы проведения проверочных действий, чему мало уделяется внимание в криминалистической науке. Вместе с тем, процесс доказывания начинается уже на стадии проверки поступившего сообщения о преступлении, когда для принятия решения либо о возбуждении уголовного дела, либо об отказе, необходимо собрать доказательства наличия признаков преступления, что позволяет принять решение о возбуждении уголовного дела, либо, напротив, в результате проверки получают совокупность доказательств, указывающих на отсутствие признаков состава преступления. Это позволяет принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Уже на стадии проверки возникают свои ситуации предварительной проверки, которые можно выделять по различным основаниям (например, в зависимости от повода для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, содержательности поступившей информации с точки зрения наличия в ней достаточных данных, указывающих на признаки преступления, обстановки, в которой осуществляется проверочная деятельность). Соответственно, задачей является выделение на основе изучения следственной практики таковых ситуаций и разработка рекомендаций по осуществлению проверочных действий в каждой из них.

Методико-криминалистическое обеспечение уголовного судопроизводства рассматривается, как система информационных моделей и криминалистических рекомендаций и программ (алгоритмов) по разрешению складывающихся доследственных, следственных и судебных ситуаций и проверке криминалистических версий предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Методико-криминалистическое обеспечение является формой, в которую входят, как теоретические вопросы криминалистической методики, так и практические, связанные с совершенствованием, разработкой и внедрением новых криминалистических методик в следственно-судебную практику.

Следующей актуальной задачей криминалистической науки является разработка вопросов организации предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Организация предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел – это мыслительная и основанная на ней практическая деятельность следователя (судьи), направленная на упорядочение (оптимизацию) процесса расследования (судебного разбирательства), создание для этого всех необходимых условий для достижения задач уголовного судопроизводства. Общим, объединяющим и для предварительного расследования, и для судебного разбирательства являются то, что и деятельность по предварительному расследованию, и по судебному разбирательству нуждается в упорядочении, то есть организации в целях максимально быстрого достижения целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ с наименьшими затратами временных и материальных ресурсов. Процесс организации начинается уже на стадии возбуждения уголовного дела, когда следователю необходимо организовать проверочную деятельность, создать условия для проведения проверки. Организация, как структурное образование, включает в себя, в качестве составляющих ее элементов, субъектов организации, объект организации, цели, задачи организации, планирование деятельности по решению поставленных задач и достижению целей. Основным субъектом организационной деятельности на предварительном расследовании является следователь, в ходе судебного разбирательства – судья. Помимо них в качестве субъектов, выполняющих вспомогательные функции в вопросе организации указанной уголовно-процессуальной деятельности можно назвать работников органов дознания, которые могут по поручению следователя также помогать ему организовывать проведения, как отдельных следственных действий, так и, например, следственно-оперативных мероприятий, тактических операций. В суде помощники судей, секретари судебных заседаний по поручению судьи, либо в силу своих служебных, процессуальных обязанностей также могут принимать участие в осуществлении организационных действий по подготовке и проведению судебного заседания.

Общей, объединяющей целью организационной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства является достижение его целей, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, задачами являются решения всех текущих проблем по проведению отдельных проверочных действий, проверки в целом, предварительного расследования в целом, организации расследования на отдельных его этапах, организации проведения отдельных следственных действий, организации подготовки к судебному заседанию, организации его проведения и далее на всех последующих его предусмотренных УПК РФ стадиях.

Соответственно, считаем, что задачей является разработка как общих рекомендаций по организации предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, так и организационных основ для отдельных видов и групп преступлений, выделенных, как по уголовно-правовым основаниям, так и по криминалистическим. Необходимы рекомендации по организации проведения проверочных действий, отдельных следственных действий, судебных действий следственного характера. Далее, организации уголовно-процессуальной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства. В рамках стадии предварительного расследования организации расследования на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования. Необходимо разрабатывать организационные основы расследования отдельных видов и групп преступлений.

Организацию предварительного и судебного следствия следует рассматривать, как частную криминалистическую теорию, являющуюся структурным элементом общей части криминалистической науки. Несмотря на то, что организационные начала присутствуют в каждом из трех последующих разделов криминалистики (криминалистической технике, криминалистической тактике и криминалистической методике), тем не менее, каждый из этих разделов имеет свои специфические цели и задачи. Так, в рамках криминалистической техники целью является совершенствование существующих и разработка новых технических приемов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов преступной деятельности с помощью технических средств, изучение новых способов, орудий совершения преступлений, следов преступной деятельности. Вместе с тем необходимо отметить, что применение средств криминалистической техники безусловно требует и надлежащей ее организации, то есть речь идет об организации применения средств криминалистической техники в рамках не только предварительного расследования, но и судебного следствия. Речь идет о необходимости организации производства криминалистической техники, оснащения ею правоохранительных органов, организации обучению навыкам ее применения.

В рамках криминалистической тактики можно вести речь об организации проведения следственных действий. Вместе с тем, основной целью криминалистической тактики является разработка тактических приемов проведения следственных действий, тактических комбинаций, тактических операций. Основной целью криминалистической методики является разработка рекомендаций по расследованию отдельных видов

преступлений, хотя любое расследование для того, чтобы быть эффективным, должно быть надлежащим образом организовано. Целью судебного следствия является всестороннее исследование материалов дела, проверка выводов обвинения и вынесение законного обоснованного приговора, в то же время неоспоримым условием этого также является надлежащая организация судебного разбирательства.

Еще одной актуальной задачей криминалистики на современном этапе развития является решение задач профилактики преступной деятельности с использованием криминалистических знаний. Речь идет о необходимости выявления в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел с помощью криминалистических средств причин и условий, способствовавших совершению преступлений, и принятии на этой основе следователями (дознателями), судом мер по их устранению.

Полагаем, что профилактическая деятельность также должна входить, как структурный элемент, в содержание криминалистического обеспечения и охватывать все стадии уголовного судопроизводства. Криминалистическая профилактическая деятельность должна реализовываться уже на стадии возбуждения уголовного дела при проведении проверочных действий. Например, в ходе проведения осмотра места происшествия следует уделять внимание обстоятельствам, которые могли в данных условиях способствовать совершению преступления (например, плохое освещение, отсутствие сигнализации, камер видеонаблюдения и т.п.). В ходе расследования при проведении следственных действий также следует уделять внимание выяснению причин и условий, способствовавших совершению преступления. Например, при проведении допросов следует формулировать вопросы, ответы на которые могут выяснять причины и условия, способствовавшие совершению преступлению, и по результатам принимать меры по их устранению, например, путем внесения представлений полномочным органам власти и организациям. Криминалистическая профилактика может реализовываться и при проведении различных экспертиз, в ходе проведения которых также могут устанавливаться причины и условия, способствовавшие преступной деятельности. Например, при назначении и проведении пожарно-технической экспертизы может быть установлена неисправность пожарной сигнализации, как фактор, способствовавший возникновению и распространению возгорания. Соответственно, выводы экспертизы будут способствовать выявлению факторов, способствовавших преступлению, на основании которых в дальнейшем должны приниматься меры по их устранению. Важным направлением криминалистической профилактики в рамках криминалистического обеспечения является изучение новых способов, новых технических средств, используемых для совершения преступных деяний.

Актуальным направлением в рамках достижения цели криминалистики – борьбы с преступностью является изучение современных тенденций развития преступности. Современной тенденцией является активный процесс формирования и развития высокотехнологичной преступности (преступлений в сфере высоких технологий и преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта). Отмечается рост организованной преступности, особенно организованных преступлений коррупционной направленности. Преступлений с использованием новых высокотехнологичных средств поражения, например, беспилотных летательных аппаратов. Соответственно все сказанное обуславливает необходимость совершенствовать существующие и создавать новые средства криминалистической техники с целью выявления, фиксации, изъятия следов применения высокотехнологичных средств совершения преступлений. В рамках криминалистической методики актуальным является разработка новых частных криминалистических методик предварительного и судебного следствия по делам о преступлениях, совершенных с применением современных высокотехнологичных средств.

В качестве еще одной важной задачи криминалистической науки, полагаем, следует назвать криминалистическое прогнозирование, определение направлений дальнейшего развития криминалистической науки в целом, а также ее составляющих разделов.

Н. П. Яблоков определял криминалистическое прогнозирование как основанное на анализе действия объективных закономерностей развития криминалистически значимых явлений, событий и процессов и использовании положений теории прогностики предвидение направлений дальнейшего развития криминалистики как науки, целесообразного корректирования всех видов практической криминалистической деятельности (ее методов и средств) в условиях предполагаемого изменения и появления новых видов преступной деятельности, способов ее совершения и т. д. [2, с. 83].

Кроме того, прогнозирование включает в себя и определение направлений развития явлений, процессов, видов деятельности, составляющих содержание объекта и предмета криминалистической науки. Здесь речь необходимо вести о прогнозировании возможного развития, с одной стороны, преступной деятельности во всем многообразии форм, видов ее проявления, и криминалистической деятельности по выявлению, раскрытию, предварительному и судебному следствию по уголовным делам. Можно говорить о прогнозировании развития науки криминалистики в целом, а также прогнозах развития каждого из составляющих ее разделов (общей теории, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики). Прогнозирование для того, чтобы быть эффективным и, соответственно, более достоверным, должно осуществляться на стыке наук, то есть быть междисциплинарным. Речь идет о взаимодействии в рамках прогнозирования наук, как уголовно-правового профиля, так и иных (гуманитарных, естественных, технических). Объектом прогнозирования являются как составляющие преступную деятельность элементы (средства, способы, места совершения и т.д.), так элементы, входящие в структуру криминалистической деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Надо говорить о необходимости разработки и применения эффективных методов прогнозирования. На наш взгляд можно выделить следующие виды криминалистического прогнозирования: прогнозирование проведения отдельного следственного действия; прогнозирование расследования на отдельных этапах предварительного расследования; прогнозирование возникновения следственных и судебных ситуаций в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства; прогнозирование расследования по конкретному уголовному делу; прогнозирование развития преступности в целом, а также отдельных видов и групп преступлений; прогнозирование развития криминалистической науки в целом и каждого из составляющих ее разделов.

В завершение, полагаем можно сказать еще об одной актуальной, на наш взгляд задаче криминалистической науки на современном

этапе ее развития. Речь идет о возможности и необходимости разработки рекомендаций по применению достижений криминалистической науки в других сферах жизни общества, непосредственно не связанных с борьбой с преступностью. Мы полностью разделяем мнение Н.П. Яблокова, который отмечал: «Вне всякого сомнения, созданный за длительное время существования криминалистики постоянно совершенствующийся на основе современных данных разных наук арсенал ее специфических средств, приемов и технологий, как показывает практика, может с успехом использоваться в иных видах юридической деятельности. В современных условиях активная демонстрация этих возможностей перед юридической общественностью на разных уровнях будет способствовать совершенствованию информационных технологий правоприменения любого вида. И вместе с тем деятельность криминалистов в этом направлении будет способствовать повышению значимости криминалистики как науки и учебной дисциплины в ряду других обязательных базовых юридических наук, лежащих в основе юридического образования.» [3, с.145]. Здесь имеется ввиду возможность применения достижений криминалистической науки в сфере гражданских, административных, арбитражных, налоговых, трудовых, банковских, финансовых и т.д. правоотношений. При этом, полагаем не должно предполагаться расширение предмета криминалистики, речь должна идти о применении криминалистических рекомендаций в разных сферах жизни общества, где они могут быть применимы и по факту уже применяются (например, проведение экспертиз в рамках гражданского, арбитражного судопроизводства) или могут быть применены. Как вено отмечает А. Ю. Головин : «Думается, что вопросы обеспечения рекомендациями субъектов гражданского, предпринимательской, кадровой и многих других видов некриминалистической деятельности не относятся к области уголовно-правовых наук, в системе которых важное место занимает криминалистика. Как следствие, проведение попытки отнесения рассматриваемых исследований к объектно-предметной области криминалистики не находятся в необходимой корреляции с ее местом и системными связями с другими науками уголовно-правового цикла.» [4, с.142]. Высказанные соображения относительно задач криминалистической науки носят сугубо субъективный характер.

Четкое определение задач криминалистической науки, соответствующих современным тенденциям развития общества, определение путей и способов их достижения, будет способствовать повышению эффективности криминалистики и выполнению ее служебной, социальной роли – результативной борьбы с преступностью.

Список литературы:

1. Дубровин С. В. Криминалистика, ее понятие, задачи и система / С. В. Дубровин, А. И. Глушков, С. Я. Казанцев, И. С. Дубровин, В. С. Розина // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 218-224. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47189459_43192117.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
2. Акиев А. Р. Развитие научных представлений о криминалистическом прогнозировании / А. Р. Акиев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – №4 (100). – С. 80-86. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_56740976_15005319.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
3. Яблоков Н. П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня / Н. П. Яблоков // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – №2 (40). – С.144-147. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24137107_66020333.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
4. Головин А. Ю. Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки расширения? / А. Ю. Головин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 137-145. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67912690_35177590.pdfhttps://www.elibrary.ru/download/elibrary_67912690_35177590.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

References:

1. Dubrovina S. V. Criminalistics, its concept, tasks and system / S. V. Dubrovina, A. I. Glushkov, S. Ya. Kazantsev, I. S. Dubrovina, V. S. Rozina // Law and Law. – 2021. – No 11. – pp. 218-224. – Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47189459_43192117.pdf /, free. – Caption from the screen.
2. Akiev A. R. The development of scientific ideas about criminalistic forecasting / A. R. Akiev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No4 (100). – Pp. 80-86. – Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_56740976_15005319.pdf /, free. – Caption from the screen.
3. Yablokov, N. P. The Tasks of Criminalistics in the Light of Today / N. P. Yablokov // Legal State: Theory and Practice. – 2015. – No. 2 (40). – Pp. 144-147. – Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24137107_66020333.pdf, free. – Title from the screen.
4. Golovin, A. Yu. Object, Subject, and System of Criminalistics: Are There Prerequisites for Expansion? / A. Yu. Golovin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 2 (102). – Pp. 137-145. – Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67912690_35177590.pdfhttps://www.elibrary.ru/download/elibrary_67912690_35177590.pdf, free. – Title from the screen.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_500

УДК 343.9

КРИМИНАЛЬНЫЕ СХЕМЫ НА РЫНКАХ КРИПТОАКТИВОВ: МЕХАНИЗМ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ CRIMINAL SCHEMES IN THE CRYPTO-ASSET MARKETS: LEGALIZATION OF CRIMINAL INCOME

НАЗАРЕНКО Игорь Святославович,старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: belregion_k@mail.ru;

САМОЙЛОВА Юлия Михайловна,кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: y.samoylova.bel@mail.ru;

ФЕДОСЕЕВ Андрей Эдуардович,кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации».
Луганская Народная республика, г. Луганск, квартал Пролетариата Донбасса, д. 5

E-mail: andy_fedoseev@mail.ru;

NAZARENKO Igor Svyatoslavovich,Senior lecturer at the Department of Information and Computer Technologies in the activities of Internal Affairs Bodies,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.

71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.

E-mail: belregion_k@mail.ru

SAMOILOVA Julia Mikhailovna,Candidate of technical sciences, Senior lecturer at the Department of Information and Computer Technologies in the activities
of Internal Affairs Bodies, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.

E-mail: y.samoylova.bel@mail.ru;

FEDOSEEV Andrey Eduardovich,Candidate of physical and mathematical sciences, Head of the Department of Information Technology and Organization
of Cybercrime Investigation at the Luhansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

5 the quarter of the Proletariat of Donbass, Lugansk, Lugansk People's Republic.

E-mail: andy_fedoseev@mail.ru;

Краткая аннотация: Исследованиями подтверждается, что криминальные схемы легализации преступных доходов на рынках криптоактивов представляют собой серьезную угрозу финансовой безопасности страны, обусловленную специфическими свойствами блокчейн-технологий: децентрализацией, трансграничностью операций и возможностями анонимизации транзакций. Ключевым механизмом отмывания доходов является многоэтапная конвертация активов: от перевода фиатных средств в криптовалюту через площадки с ослабленным комплаенсом до финальной конвертации в легальные деньги с использованием поддельных документов. Особую опасность представляют схемы с участием криптовалютных бирж, особенно платформ в юрисдикциях с мягким регулированием, а также новые схемы и методы, связанные с криптоактивами, такими как, NFT-токены и метавселенные, где отсутствуют четкие методики оценки стоимости этих активов.

Abstract: Research confirms that criminal schemes for the legalization of criminal proceeds in the crypto-asset markets pose a serious threat to the country's financial security due to the specific properties of blockchain technologies, such as decentralization, cross-border operations, and the ability to anonymize transactions. The key mechanism for laundering proceeds is the multi-step conversion of assets, starting with the transfer of fiat funds into cryptocurrency through platforms with reduced compliance requirements and ending with the final conversion into legal money using fake documents. Schemes involving cryptocurrency exchanges, especially platforms in jurisdictions with lax regulation, pose a particular risk, as well as new schemes and methods related to crypto-assets such as NFTs and metaverses, where there are no clear methods for assessing the value of these assets.

Ключевые слова: криптоактивы, криптовалюта, блокчейн, NFT – токены, метавселенные, крипторынок, правовое регулирование, криминальные схемы, незаконные доходы.

Keywords: crypto assets, cryptocurrency, blockchain, NFT tokens, metaverses, crypto market, legal regulation, criminal schemes, and illegal income.

Для цитирования: Назаренко И.С., Самойлова Ю.М., Федосеев А.Э. Криминальные схемы на рынках криптоактивов: механизм легализации преступных доходов // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 500-503. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_500.

For citation: Nazarenko I.S., Samoilova Yu.M., Fedoseev A.E. Criminal schemes in the crypto asset markets: a mechanism for money laundering // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 500-503. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_500.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

В условиях стремительной цифровой трансформации финансового сектора, в том числе за счет активного внедрения блокчейн-технологий, проблема использования криптоактивов (криптовалюта, токены, стейблкоины, NFT - токены) в противоправных целях приобретает особую актуальность. Объем криптовалютных транзакций российских пользователей и организаций за период с июля 2024 года по июнь 2025 года достиг 376 млрд долларов (рост на 48 % к предыдущему году), при этом число активных держателей криптовалют составило около 9,2 млн человек [1]. К началу 2026 года общий объем транзакций рублёвого стейблкоина A7A5 менее, чем за год с момента запуска превысил 100

млрд долларов и сейчас является самым быстрорастущим стейблкоином в мире [2].

Цифровые финансовые активы, криптовалюты и стейблкоины станут ключевыми направлениями для разработки правовой базы в 2026 году. Банк России уже объявил о планах по усилению регулирования национального рынка криптовалют, а также рассматривает возможность выделения стейблкоинов в отдельную категорию активов. Одним из ключевых нововведений станет уравнивание налоговых условий для долговых цифровых финансовых активов и классических облигаций. Это изменение должно стимулировать рост капитализации рынка цифровых финансовых активов в несколько раз. Кроме того, в Госдуму внесён законопроект, регулирующий выпуск цифровых финансовых активов с залоговым обеспечением, например, в виде ипотеки. Это расширит возможности привлечения финансирования и увеличит количество способов использования цифровых активов, что сделает их более доступными для широкого круга инвесторов. По мнению Председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку Аксакова А.Г., криптовалюты постепенно станут обычным финансовым инструментом в повседневной жизни, профессиональные участники рынка смогут работать без ограничений, а неквалифицированные инвесторы получат доступ к криптоактивам, но с определёнными лимитами – до 300 000 рублей. Это позволит сбалансировать развитие отрасли, обеспечивая защиту для розничных инвесторов и свободу действий для профессионалов [3].

Самые популярные криминальные схемы на криптовалютных рынках связаны с разнообразными механизмами легализации преступных доходов и финансированием противоправной деятельности. Настоящая статья посвящена анализу механизмов реализации незаконных схем отмывания денег с использованием цифровых финансовых активов [4].

Децентрализованный характер цифровых активов, а также псевдоанонимность транзакций и трансграничность операций создают благоприятную среду для легализации доходов, полученных преступным путем.

В российском правовом поле регулирование криптовалютных операций осуществляется, прежде всего, на основе Федерального закона № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], который устанавливает основные понятия цифрового финансового рынка и некоторые ограничения на использование криптовалюты.

Уголовное законодательство России, в частности Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), предусматривает ответственность за конкретные противоправные действия с использованием цифровых активов. Так, статья 174 и статья 174.1 УК РФ регламентируют ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретённых преступным путём, статья 205.1 устанавливает наказание за финансирование терроризма, где криптоактивы могут выступать как инструмент и как предмет преступления [6].

Но этих мер нормативно-правового регулирования недостаточно для предотвращения использования криптоактивов в преступных целях.

Несовершенство законодательных форм, в части регулирования виртуальных активов и провайдеров услуг виртуальных активов порождает пробелы, которые злоумышленники используют для маскировки преступных схем. Уголовное законодательство не содержит чёткого определения криптовалюты, как предмета преступления, что усложняет квалификацию и расследование соответствующих деяний.

Необходимо обеспечить проведение криптовалютных транзакций согласно нормативов Центрального банка России и Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ, которые будут регламентировать процессы идентификации и верификации клиентов (Know Your Customer (далее - KYC) – «знай своего клиента»), мониторинга подозрительных операций и отчётности.

Однако, традиционные методы финансового контроля затруднены применением децентрализованных финансовых сервисов (DeFi-платформы), где нет централизованных субъектов для контроля и идентификации, сделки с криптоактивами осуществляются автоматически при помощи смарт-контрактов, а пользователи осуществляют сами непосредственный контроль над своими активами [7].

Среди ключевых механизмов легализации преступных доходов остаётся многоэтапная конвертация криптоактивов. Преступники последовательно переводят фиатные средства в криптовалюту через площадки с ослабленным комплаенсом, затем многократно трансформируют цифровые активы между разными блокчейнами, используя кроссчейн (сетевые) мосты и децентрализованные обменники. На промежуточных этапах в основном задействуются закодированные транзакции с анонимными криптовалютами Монепо (Monero) и Zcash. Криптовалюты, такие как Monero и Zcash, были созданы для решения одной из основных проблем Биткойна (Bitcoin) - отсутствия финансовой конфиденциальности. Вышеуказанные криптовалюты обладают встроенными техническими механизмами, которые делают транзакции практически неотслеживаемыми, что обеспечивает им повышенную степень анонимности (зашифровывают данные об отправителе, получателе, сумме) и создает значительные барьеры для надзорных и правоохранительных органов. Финальная стадия предполагает конвертацию в фиатные деньги через биржи или платёжные системы, где применяются поддельные документы для имитации легитимного происхождения средств.

Статистика наглядно демонстрирует ключевые механизмы этой схемы. Так, на 2025 год 60% отмываемых средств проходят через централизованные биржи с ослабленными процедурами идентификации и верификации KYC. Это площадки, где минимально проверяют личность пользователя, допускают регистрацию по неполным или сомнительным документам, не отслеживают происхождение средств на входе и выходе. Такие биржи становятся «воротами» для легализации преступных активов: преступники конвертируют криптовалюту в фиат, получая на выходе формально «чистые» деньги с платёжными реквизитами, которые сложно отследить до первоисточника.

Ещё 25% операций осуществляются через P2P-платформы - сервисы прямых обменов криптовалютой между пользователями. Алгоритм работы P2P-сделки связан с отсутствием централизованного контроля за транзакциями, что делает возможным использовать подставные аккаунты и проводить фиктивные сделки, с лёгкостью обходить стандартные процедуры верификации, например, через загрузку поддельных

паспортов или банковских выписок.

На P2P-рынках преступники часто применяют тактику «дробления»: разбивают крупные суммы на мелкие транзакции, маскируя их под обычные обмены криптовалютой между частными лицами. Это затрудняет выявление подозрительных паттернов даже при выборочном мониторинге.

Совокупно эти два канала – биржи с ослабленной верификацией KYC и P2P-платформы обеспечивают 85% потоков отмываемых средств, что делает их главными «узкими местами» в глобальной системе финансового мониторинга. Их эксплуатация позволяет преступникам минимизировать риски блокировки криптоактивов, создавать ложные следы легитимности и оперативно выводить средства в наличной форме или на подставные банковские счета.

Статистика подчёркивает необходимость ужесточения регуляторных требований к платформам, допускающим анонимные операции, а также развития инструментов анализа транзакций на P2P-рынке. Без устранения указанных уязвимостей борьба с легализацией преступных доходов через криптовалютные каналы останется малоэффективной [8].

В дополнение к этому, в последние годы наблюдается рост использования схем, связанных с невзаимозаменяемыми токенами (NFT-токенами) (цифровые активы, записанные на блокчейне, которые могут существовать в виде фотографий, видео- или аудиофайлов) и виртуальными пространствами метавселенных, в которых люди могут взаимодействовать друг с другом и с цифровыми объектами через свои аватары с помощью технологий виртуальной реальности.

Преступники приобретают NFT-токены по заведомо завышенной стоимости, используя средства незаконного происхождения, а затем перепродают активы на других платформах, получая «очищенную» криптовалюту. Аналогичным образом эксплуатируются виртуальные земельные участки: через них проводятся фиктивные сделки, имитирующие законную экономическую деятельность. Сложность противодействия этим схемам обусловлена отсутствием устоявшихся методик оценки реальной стоимости цифровых активов NFT-токенов и пробелами в правовом регулировании виртуальных пространств метавселенных.

Далее, существенную угрозу представляет механизм криптовалютных дропов (AirDrop): он демонстрирует адаптацию традиционных методов легализации к цифровой среде. Преступники распределяют криптовалюту между множеством подставных адресов, затем консолидируют средства на новом кошельке после разрыва цепочки транзакций. Вывод криптоактивов осуществляется через легальные каналы с имитацией законного происхождения, например, как бесплатное получение токенов в качестве маркетингового хода блокчейн-платформы или как доход от инвестиций и торговых операций. Характерными признаками таких схем выступают массовые транзакции малых сумм, использование одноразовых кошельков и отсутствие экономической логики в перемещениях активов [9].

Даркнет-рынки продолжают оставаться ключевым каналом финансирования противоправной деятельности. Криптовалюта на теневом рынке выступает основным средством расчёта за наркотики, кибероружие, оружие, фальшивые деньги, поддельные документы, нелегальные фармацевтические препараты, стероиды и другие запрещённые товары. Средства поступают через анонимные криптокошельки, а затем выводятся в фиатную систему посредством сложных цепочек транзакций. Для усиления приватности преступники активно используют программные продукты для шифрования IP-адресов (Tor браузер, VPN-сеть, I2P), технические особенности блокчейн-систем, аппаратные кошельки без логирования операций, децентрализованные обменники, не требующие регистрации. Чтобы отследить конечных получателей было практически невозможно, злоумышленники применяют технологии анонимизации CoinJoin-транзакции по протоколу ZeroLink, которые позволяют смешивать финансовые операции в криптовалюте.

Таким образом, криминальные схемы на рынках криптоактивов основываются на многоэтапном отмывании через криптобиржи с ослабленным KYC, P2P-платформы, на использовании анонимных криптовалют, NFT-токенов, виртуальных активов метавселенных, а также на методах распределения мелких транзакций и применения сложных технических средств для сокрытия происхождения средств. Выделим ключевые механизмы легализации денежных средств, которые включают:

1. многоэтапную конвертацию фиатных средств в криптовалюту и обратно;
2. использование централизованных бирж с ослабленной проверкой клиентов;
3. активное применение P2P-платформ с отсутствием централизованного контроля;
4. применение приватных криптовалют для анонимизации транзакций;
5. фиктивные сделки с NFT-токенами и виртуальными активами метавселенных;
6. технику крипто-дропа – распределение мелких транзакций и использование одноразовых кошельков;
7. применение технологий микширования транзакций (CoinJoin, ZeroLink) и Tor-браузера / VPN-сети для сокрытия следов и другие механизмы.

Следовательно, учитывая сложность и многоуровневость этих схем, раскрытие и предотвращение таких преступлений требует комплексных мер. В частности, действия правоохранительных органов РФ должны учитывать особенности цифровой среды и активное использование преступниками новых технологических решений.

Финансирование противоправной деятельности активно осуществляется через смарт-контракты (контракты, которые автоматически исполняются при наступлении заранее определенных условий, без участия посредников и без возможности изменения данных после их внесения в блокчейн) [7], DeFi-сервисы и приватные монеты, позволяющие маскировать целевые переводы и обеспечивать анонимность участников. Даркнет-рынки продолжают выступать ключевыми каналами расчётов за запрещённые товары и услуги, используя комплекс технических средств для

обхода контроля: от сетей Тог до аппаратных кошельков и миксеров транзакций. Эффективность противодействия этим угрозам напрямую зависит от развития инструментов блокчейн-анализа, позволяющих визуализировать цепочки транзакций и выявлять «горячие кошельки», а также от уровня взаимодействия правоохранительных органов с криптовалютными платформами. Правоохранительные органы вправе направлять запросы на предоставление KYC-данных пользователей, инициировать заморозку криптоактивов, мониторить подозрительные операции через API для криптотрейдинга.

Для эффективной борьбы необходим переход к методам, обеспечивающим глубокий анализ транзакций, межведомственное сотрудничество платформ с властями и наличия чётких правовых механизмов принуждения.

Перспективным направлением является создание единой базы «чёрных списков» криптовалютных адресов, связанных с преступной деятельностью. Такой реестр позволит оперативно блокировать активы и предотвращать их дальнейшее использование в противоправных схемах. Кроме того, необходимо развивать компетенции правоохранительных органов в области цифровой криминалистики: готовить специалистов по блокчейн-анализу, форензике цифровых активов и расследованию DeFi-преступлений.

Существенную роль в борьбе с легализацией доходов и финансирования противоправной деятельности играет международное сотрудничество, поскольку трансграничный характер операций требует гармонизации регуляторных требований и обмена информацией через каналы FATF (Financial Action Task Force, Международной группы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма) [10].

Среди правовых пробелов наиболее критичными остаются отсутствие в уголовном законодательстве чётких определений «криптовалюты» и «цифрового актива», недостаточная регламентация DeFi-сектора и слабые механизмы контроля за приватными монетами. Для устранения этих недостатков необходимо закрепить понятийный аппарат, ввести обязательную регистрацию бирж с жёсткими KYC/AML-требованиями, расширить полномочия Росфинмониторинга и разработать стандарты экспертизы блокчейн-транзакций.

На основании изложенного, мы приходим к выводу, что с принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ в Российской Федерации заложены основы правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты (криптовалюты). Однако действующее регулирование носит фрагментарный и декларативный характер, не образуя целостного правового режима, соответствующего современным технологическим и экономическим реалиям. Планируемые на 2026 год законодательные инициативы по дифференциации стейблкоинов, налоговому уравниванию долговых цифровых финансовых активов с классическими ценными бумагами и регулированию активов с залоговым обеспечением свидетельствуют о продолжающемся становлении законодательной базы, но не устраняют существующие системные пробелы. Использование цифровых финансовых активов в криминальных схемах обусловлено их децентрализованным характером и возможностями анонимизации. Эффективное противодействие требует совершенствования правового регулирования, совершенствования технологий блокчейн-анализа, укрепления международного сотрудничества и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области цифровой криминалистики.

Список литературы:

1. Известия: преступления в сфере криптовалют в РФ выросли на 2 млрд долларов за полгода / Об этом сообщает Рамблер [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://finance.rambler.ru/realty/55037903-izvestiya-prestupleniya-v-sfere-kriptovalyut-v-rf-vyrosli-na-2-mlrd-za-polgoda/> (дата обращения: 24.01.2026).
2. Аналитики оценили рост объема транзакций рублевой криптовалюты [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://lenta.ru/news/2026/01/23/analitiki-otsenili-rost-ob-ema-tranzaksiy-rublevoy-kriptovalyuty/> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Цифровые активы в России: новый этап регулирования и перспективы роста в 2026 году [Электронный ресурс] URL: <https://www.finam.ru/publications/item/tsifrovye-aktivy-v-rossii-novyy-etap-regulirovaniya-i-perspektivy-rosta-v-2026-godu-20260119-1022/> (дата обращения: 02.02.2025).
4. Квалификация преступлений, связанных с получением криптовалюты (майнинг) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-svyazannyh-s-polucheniem-kriptovalyuty-mayningom?ysclid=mihxjkrwx2632599> (дата обращения: 27.11.2025).
5. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.
6. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (часть I), ст. 3448.
7. Децентрализованные финансы: информационно-аналитический доклад Банка России / официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14282>.
8. Максуров А. А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения : монография / А. А. Максуров. — 2-е изд. — М. : Дашков и К, 2022.
9. Пещеров А. И. Правовое регулирование криптовалюты : монография / А. И. Пещеров. — М. : Знание-М, 2021.
10. Рusanov Г. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов : учебное пособие для вузов / Г. А. Рusanov. — М. : Юрайт, 2023.

References:

1. Izvestia: crimes in the field of cryptocurrencies in the Russian Federation increased by \$ 2 billion in six months / This is reported by Rambler [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://finance.rambler.ru/realty/55037903-izvestiya-prestupleniya-v-sfere-kriptovalyut-v-rf-vyrosli-na-2-mlrd-za-polgoda/> (date of access: 01/24/2026).
2. Analysts estimated the growth in the volume of transactions of the ruble cryptocurrency [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://lenta.ru/news/2026/01/23/analitiki-otsenili-rost-ob-ema-tranzaksiy-rublevoy-kriptovalyuty/> (date of access: 01/23/2026).
3. Digital assets in Russia: a new stage of regulation and growth prospects in 2026 [Electronic resource] URL: <https://www.finam.ru/publications/item/tsifrovye-aktivy-v-rossii-novyy-etap-regulirovaniya-i-perspektivy-rosta-v-2026-godu-20260119-1022/> (date of access: 02.02.2025).
4. Qualification of crimes related to obtaining cryptocurrency (mining) [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-svyazannyh-s-polucheniem-kriptovalyuty-mayningom?ysclid=mihxjkrwx2632599> (accessed: 11/27/2025).
5. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ (last edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 08/03/2020, No. 31 (Part I), art. 5018.
6. Federal Law "On Information, Information Technology technologies and Information Protection" dated 27.07.2006 No. 149-FZ (last edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, No. 31 (Part I), art. 3448.
7. Decentralized finance: information and analytical report of the Bank of Russia / official website of the Central Bank of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=14282>.
8. Maksurov A. A. Cryptocurrencies and the legal regulation of their circulation : a monograph / A. A. Maksurov. — 2nd ed. — M. : Dashkov and K, 2022.
9. Peshierov A. I. Legal regulation of cryptocurrencies : a monograph / A. I. Peshierov, Moscow : Znanie-M, 2021.
10. Rusanov G. A. Countering the legalization (laundering) of criminal proceeds : a textbook for universities / G. A. Rusanov. Moscow : Yurayt, 2023.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО ПРЕСТАВЛЕТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, СТРАДАЮЩИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ SOME FEATURES OF THE PARTICIPATION OF A LEGAL REPRESENTATIVE AND DEFENDER IN CRIMINAL CASES INVOLVING CRIMES COMMITTED BY PERSONS SUFFERING FROM MENTAL DISORDERS

МАГОМЕДАЛИЕВ Маруф Магомедалиевич,

заместитель начальника кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России,
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
E-mail: maruf005@mail.ru

АРУТЮНЯН Ваган Николаевич,

преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12 корп. 1
E-mail: maruf005@mail.ru

ХАБАРОВ Дмитрий Валентинович,

доцент кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России.
350005, Россия, Краснодарский Край, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128
E-mail: maruf005@mail.ru

MAGOMEDALIEV Maruf Magomedalievich,

Deputy Head of the Department of Physical Training Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
2 Muksinova St., Ufa, 450103, Russia.
E-mail: maruf005@mail.ru

ARUTYUNYAN Vahan Nikolaevich,

lecturer at the Department of Physical Training of the educational and scientific complex of special training
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
12 Akademika Volgina str., building 1, Moscow, 117997, Russia
E-mail: maruf005@mail.ru

KHABAROV Dmitry Valentinovich,

Associate Professor of the Department of Fire Training at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
128 Yaroslavskaya str., Krasnodar Territory, 350005, Russia
E-mail: maruf005@mail.ru

Краткая аннотация: В современном российском уголовном процессе, который строится на приоритете охраны прав и свобод личности, особое внимание уделяется обеспечению правовых гарантий для участников судопроизводства, находящихся в уязвимом положении. Среди таких категорий выделяются дела, в которых фигурантами являются лица с психическими расстройствами. Их рассмотрение требует не только тщательного установления всех обстоятельств правонарушения, но и учета специфики психического состояния обвиняемого или подозреваемого, поскольку оно может существенно ограничивать способность человека осмысленно участвовать в следственных действиях и судебных заседаниях, а также полноценно пользоваться предоставленными процессуальными правами.

Abstract: In the modern Russian criminal process, which is based on the priority of protecting the rights and freedoms of individuals, special attention is paid to ensuring legal guarantees for participants in legal proceedings who are in a vulnerable position. Among these categories, cases involving individuals with mental disorders stand out. These cases require not only a thorough investigation of all the circumstances of the offense, but also consideration of the specific mental state of the accused or suspect, as it can significantly limit their ability to participate in investigative actions and court proceedings in a meaningful way, as well as to fully exercise their procedural rights.

Ключевые слова: Преступления, психическое расстройство, защитник, законный представитель, следователь, ограничения, уголовное наказание.

Keywords: Crimes, mental disorder, defender, legal representative, investigator, restrictions, criminal punishment.

Для цитирования: Магомедалиев М.М., Арутюнян В.Н., Хабаров Д.В. Некоторые особенности участия законного представителя и защитника по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_504.

For citation: Magomedaliev M.M., Arutyunyan V.N., Khabarov D.V. Some features of the participation of a legal representative and defender in criminal cases of crimes committed by persons suffering from mental disorders // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_504.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Особенности работы защитника в уголовном процессе, где фигурируют лица, страдающие психическими расстройствами, имеют особое правовое и этическое значение. Данный институт направлен на обеспечение полноценной реализации права на защиту для тех, кто не способен самостоятельно отстаивать свои интересы в силу состояния здоровья.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что участие защитника в таких делах закреплено законодательно как обязательное. В соответствии с положениями статьи 51 УПК РФ [1], адвокат должен быть привлечён к делу, если обвиняемый или подозреваемый из-за психических либо физических ограничений не может самостоятельно защищать свои права. Норма распространяется и на случаи, когда ведётся производство о применении принудительных медицинских мер. Таким образом, уже на самых ранних стадиях – начиная с возбуждения дела, задержания, избрания меры пресечения или назначения судебно-психиатрической экспертизы – защитник включается в процесс. Раннее участие имеет принципиальное значение, поскольку именно на этом этапе формируются доказательства и определяются ключевые направления защиты.

Особую сложность представляет взаимодействие адвоката с подзащитным, страдающим психическим расстройством. Часто полноценный контакт оказывается затруднён или невозможен: человек может не понимать сути задаваемых вопросов, не усваивать правовые разъяснения, либо не способен чётко сформулировать свою позицию. В таких ситуациях защитник вынужден выстраивать стратегию защиты без активного участия клиента, опираясь на собственное профессиональное суждение и этические принципы.

Так называемая автономная позиция защитника предполагает, что адвокат действует исходя из интересов подзащитного, даже если тот не осознаёт их или не может выразить своё мнение. Это может включать, например, оспаривание признания лица вменяемым в целях прекращения уголовного преследования, вместо формального настаивания на невиновности при очевидности совершения деяния. Такой подход требует высокой квалификации, глубокого понимания психиатрических аспектов и умения балансировать между законом, моральными нормами и реальными потребностями человека [3].

Особое значение в уголовном процессе имеет участие защитника в вопросах, связанных с судебно-психиатрической экспертизой. Если такая экспертиза не была назначена, адвокат вправе инициировать её проведение, а при наличии сомнений в корректности или полноте первоначального заключения – добиваться повторного или дополнительного исследования. Подобные ходатайства нередко становятся ключевым инструментом защиты, особенно в делах, где психическое состояние обвиняемого влияет на квалификацию его действий.

Процессуальные гарантии, закреплённые в статье 198 УПК РФ, дают защитнику широкие возможности для контроля над экспертизой. Он может изучить постановление о её назначении, заявить отвод эксперту, предложить дополнительные вопросы для исследования, а при согласии следователя присутствовать при проведении процедуры. После получения заключения адвокат имеет право ознакомиться с ним, изучить протокол допроса эксперта и изложить свои замечания.

Эффективным дополнением к этому является привлечение независимого специалиста – врача-психиатра. Его участие позволяет получить квалифицированное рецензирование заключения, сформулировать уточняющие вопросы эксперту, а также оценить обоснованность выводов экспертизы. Такой подход усиливает позицию защиты и снижает риск ошибок или предвзятости в оценке психического состояния подзащитного.

Помимо участия в экспертизах, защитник должен активно присутствовать на всех следственных действиях, где участвует доверитель: допросах, очных ставках, процедурах опознания и иных мероприятиях. Это необходимо для обеспечения корректного хода процесса, предотвращения психологического давления и фиксации всех нарушений, которые могут повлиять на исход дела.

Если в ходе следственных действий следователь формулирует вопросы некорректно, в наводящей или провокационной форме, адвокат обязан вмешаться и прекратить их, защищая интересы своего подзащитного и предотвращая возможные негативные последствия.

В рамках применения принудительных мер медицинского характера (ПММХ) особое значение приобретает деятельность защитника, предусмотренная положениями главы 51 УПК РФ. Защитник, представляющий интересы подзащитного, активно участвует в судебных заседаниях, аргументированно обосновывая либо опровергая необходимость назначения ПММХ, определяя их вид и предполагаемую продолжительность. Одной из ключевых задач защитника становится контроль за соблюдением законности при вынесении судебных решений в этой сфере.

Помимо правовой аргументации по существу обвинения, защитник уделяет значительное внимание сбору материалов, характеризующих личность подзащитного. В эту работу входит получение сведений о медицинском анамнезе, особенностях течения заболевания, условиях жизни, поведении до и после предполагаемого правонарушения. Подобная информация имеет важное значение как для судебных органов, так и для специалистов-психиатров, участвующих в экспертизе, поскольку позволяет более объективно оценить состояние лица и необходимость применения медицинских мер.

Не менее важным элементом защиты в делах, связанных с преступлениями лиц, страдающих психическими расстройствами, является участие законного представителя. Он выполняет роль дополнительной гарантии соблюдения прав подзащитного, а его присутствие в большинстве случаев носит обязательный характер.

Для несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых участие законного представителя закреплено нормами статьи 48 УПК РФ и начинается с момента первого допроса. Если несовершеннолетний имеет психическое расстройство, необходимость присутствия законного представителя становится особенно актуальной.

В отношении взрослых лиц с психическими нарушениями прямого требования о назначении законного представителя в общих нормах УПК РФ нет. Однако на практике, если человек не способен самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, ему назначают представителя из числа близких родственников или сотрудников органов опеки. В случаях, связанных с применением ПММХ, участие законного представителя прямо предусмотрено статьёй 437 УПК РФ.

Круг возможных представителей включает родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, а также представителей соответствующих учреждений или органов опеки, если близкие родственники отсутствуют, не могут исполнять обязанности или их интересы противоречат интересам подопечного. Вступление законного представителя в процесс происходит либо после установления психического состояния, требующего его участия, либо с начала процессуальных действий, где такое участие необходимо.

Роль законного представителя в процессе судебно-психиатрической экспертизы имеет многоаспектное значение и охватывает как информационную, так и правозащитную, психологическую и социальную функции.

Прежде всего, именно законный представитель часто становится ключевым источником сведений для экспертной оценки. Он способен передать развернутую информацию о динамике заболевания подопечного, его медицинской истории, случаях госпитализации, особенностях поведения в быту и на работе, уровне социальной адаптации, а также изменениях эмоционального состояния как до предполагаемого правона-

рушения, так и после него. Такая информация формирует более полное представление о психическом статусе обследуемого и способствует вынесению объективного экспертного заключения. Дополнительно важны сведения о личностных качествах, условиях жизни, семейных и общественных связях, что позволяет суду глубже понять контекст ситуации.

С точки зрения процессуальных прав, законный представитель действует в рамках полномочий, во многом аналогичных самим подзащитным, в соответствии со ст. 45 и 48 УПК РФ. Он имеет право быть информированным о сути предъявленного обвинения, участвовать в следственных мероприятиях, инициировать ходатайства и отводы, представлять доказательственные материалы, подавать жалобы, а также знакомиться с материалами дела. При этом его деятельность может касаться не только защиты от уголовного преследования, но и охраны иных прав – например, имущественных интересов или вопросов компенсации причиненного вреда [2].

Взаимодействие между защитником и законным представителем в идеале должно строиться на постоянном обмене информацией и согласованности действий. Юрист отвечает за правовую стратегию, а представитель – за передачу сведений о личных и социальных особенностях подопечного, что вместе позволяет сформировать комплексную линию защиты. Однако на практике могут возникать трудности, связанные с недостаточной координацией, различиями в подходах и ограниченным доступом к информации, что требует разработки четких механизмов сотрудничества и распределения ролей.

Конфликт интересов между законным представителем и подопечным представляет собой одну из наиболее сложных и чувствительных проблем в правоприменительной практике. Ситуации, когда цели и мотивы представителя расходятся или прямо противоречат интересам лица, которое он обязан защищать, встречаются достаточно часто. Так, например, подобная коллизия может возникнуть, если представитель одновременно является потерпевшим по делу, фигурантом которого выступает его подопечный; либо если он стремится признать подопечного невменяемым не ради защиты его прав, а для получения контроля над его имуществом или исключения из числа наследников. Особую опасность представляет ситуация, когда сам представитель причастен к противоправному деянию. В таких случаях необходима строгая проверка со стороны следственных органов и суда, а при выявлении конфликта интересов – немедленное отстранение представителя и назначение нового, например, сотрудника органа опеки и попечительства, как это предусмотрено частью 2 статьи 45 УПК РФ.

Не менее значимой проблемой являются разногласия в выборе стратегии защиты. Законный представитель, опираясь на личные эмоции, ограниченные знания в области права или субъективное видение ситуации, может настаивать на тактике, которая противоречит профессиональной позиции адвоката. Это может выражаться, например, в отказе от проведения экспертизы или отрицании очевидных фактов, в то время как защитник, руководствуясь опытом, может считать целесообразным доказывать невменяемость подзащитного. В подобных обстоятельствах приоритет, как правило, отдается юридически обоснованной позиции защитника, поскольку она направлена на максимально полную реализацию прав подзащитного. Для предотвращения конфликтов рекомендуется проводить совместные консультации и детально разъяснять последствия каждого процессуального решения.

Сложности могут возникать и в связи с недостаточной правовой подготовкой законных представителей. Отсутствие профессиональных знаний нередко мешает им понимать юридические тонкости и использовать предоставленные права в полной мере. Роль защитника в такой ситуации заключается не только в ведении дела, но и в проведении разъяснительной работы: информировании о ходе процесса, пояснении правовых процедур, обучении правильному и своевременному их применению.

Отдельного внимания заслуживает проблема отсутствия законного представителя либо его отказа от участия в деле. Подобное возможно, например, в случаях, когда у лица с психическим расстройством нет близких родственников, готовых или способных выполнять эту функцию. В таких ситуациях обязанность по назначению представителя возлагается на органы опеки и попечительства, что позволяет обеспечить защиту прав и интересов лица, лишенного возможности самостоятельно участвовать в процессе.

В ряде случаев судебно-психиатрические экспертизы проводятся с нарушением требований полноты, внутренней согласованности или сроков. Подобные недостатки осложняют работу как адвоката, так и законного представителя, замедляют ход расследования и снижают объективность получаемых выводов.

Для исправления ситуации необходима системная работа: усиление контроля за деятельностью специализированных экспертных организаций, внедрение механизмов регулярной оценки их работы, а также повышение профессионального уровня специалистов, участвующих в проведении экспертиз. Дополнительно следует ужесточить стандарты к содержанию и обоснованности заключений, что позволит минимизировать ошибки и противоречия. Для достижения справедливого и гуманного результата необходимо постоянно совершенствовать законодательные нормы, укреплять профессиональные компетенции всех участников процесса и развивать эффективные формы межведомственного сотрудничества. Лишь при наличии этих условий можно обеспечить законное и этически корректное разрешение дел, не допуская нарушения прав и интересов лиц, страдающих психическими расстройствами.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ [Электронный ресурс] : Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Арестова Е. Н. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства. – М.: Юрайт, 2025. С. 65.
3. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 2023. С. 54.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended on October 4, 2022, No. 5-FKZ, No. 6-FKZ, No. 7-FKZ, No. 8-FKZ [Electronic resource] : The official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Arestova E. N. Preliminary investigation in the internal affairs bodies. The investigator's interaction with participants in criminal proceedings. Moscow: Yurait, 2025. p. 65.
3. Bezlepkina B. T. Criminal procedure in questions and answers: textbook. the manual. Moscow: Yurait, 2023. P. 54.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА КАК УСЛОВИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН COMPENSATION FOR DAMAGES AS A CONDITION FOR DISMISSING A CASE DUE TO RECONCILIATION OF THE PARTIES

Сохибназар Махмуд Сафарали

Адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России».

603144, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: e-nazarovm205@gmail.com

Sohibnazar Mahmud Safarali

Adjunct postgraduate student at the of FGKU UVO «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia».

603144, 3 Ankudinovskoye highway, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: e-nazarovm205@gmail.com

Краткая аннотация. В статье проводится анализ существующих коллизий и пробелов в правовом регулировании прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Рассматривается проблема допустимости примирения по многообъектным преступлениям, где вред причиняется не только конкретному потерпевшему, но и публичным интересам общества или государства. Автором сформулированы выводы, имеющие теоретическое и практическое значение, а также предложены пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в изучаемой сфере.

Abstract. The article analyzes the existing conflicts and gaps in the legal regulation of the termination of a criminal case due to reconciliation of the parties. It examines the issue of the permissibility of reconciliation in cases of multi-object crimes, where harm is caused not only to a specific victim, but also to the public interests of society or the state. The author formulates conclusions of theoretical and practical significance and proposes ways to improve the criminal procedure legislation in this area.

Ключевые слова: примирение сторон, возмещение вреда, заглаживание вреда, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования, прекращение уголовного дела, медиационная процедура.

Key words: reconciliation of the parties, compensation for damages, заглаживание вреда, release from criminal liability, termination of criminal prosecution, termination of a criminal case, and mediation.

Для цитирования: Сохибназар Махмуд Сафарали. Возмещение вреда как условие прекращения дела в связи с примирением сторон // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 507-510. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_507.

For citation: Sohibnazar Mahmud Safarali. Compensation for damages as a condition for dismissing a case due to reconciliation of the parties // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 507-510. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_507.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2026

Институт примирения с потерпевшим, закрепленный в ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] и ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], представляет собой одно из наиболее значимых проявлений диспозитивных начал в уголовном праве и процессе. Ключевым и обязательным условием его применения выступает заглаживание причиненного потерпевшему вреда, что подчеркивает восстановительную, компенсационную направленность данной нормы. Внедрение подобного механизма в уголовное судопроизводство отражает общую тенденцию гуманизации уголовной политики и усиления роли частного интереса в традиционно публичной сфере. Этот правовой инструмент служит важным средством разрешения уголовно-правового конфликта, позволяя достичь баланса между карательной функцией государства и необходимостью восстановления нарушенных прав пострадавшей стороны, что в конечном итоге способствует социальной реинтеграции как виновного, так и потерпевшего.

Для глубокого понимания современного содержания института необходимо обратиться к его историко-правовым корням. Обязанность загладить причиненный вред берет свое начало в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, где в статье 32 она фигурировала в качестве одного из видов уголовного наказания, а именно: «возложение обязанности загладить причиненный вред» [3]. Цивилистическая доктрина того периода справедливо оценивала данную конструкцию как специфическую, уголовно-правовую форму возмещения причиненного ущерба [4, с.27]. В процессе эволюции законодательства этот институт претерпел качественное преобразование: утратив карательную функцию наказания, он трансформировался в одно из ключевых оснований для освобождения от уголовной ответственности, что, однако, не изменило его фундаментальной гражданско-правовой природы, направленной на восстановление нарушенных прав потерпевшего. Эта трансформация свидетельствует о серьезном пересмотре целей уголовно-правового воздействия, где на первый план наряду с наказанием все чаще выходят восстановительные и компенсационные задачи [10].

Терминологическое разграничение между «возмещением» и «заглаживанием» вреда носит принципиальный характер и является предметом научной дискуссии. Если «возмещение» преимущественно отражает гражданско-правовую сущность компенсации ущерба в его материальном или денежном эквиваленте, то «заглаживание» включает в себя дополнительный смысловой компонент – деятельное раскаяние виновного, его осознанный отказ от дальнейшего противоправного поведения, направленность на смягчение последствий содеянного и восстановление социальной связи с потерпевшим. Это различие становится особенно актуальным при причинении вреда нематериальным, неотчуждаемым благам личности, таким как жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство. В подобных ситуациях полное возмещение объективно невозможно, а финансовая компенсация выполняет лишь символическую, частично утешительную функцию. Позиция Е.А. Симоновой, обосновывающая концептуальную корректность

и предпочтительность термина «заглаживание» для обозначения именно частичного сглаживания невосполнимого урона через компенсацию, извинения или иные позитивные действия, является методологически точной и верно отражает суть компенсации при причинении невосполнимого вреда [5, с. 12]. Ее подход позволяет преодолеть иллюзию полного восстановления status quo и сфокусироваться на достижимых целях: моральном удовлетворении потерпевшего, минимизации негативных последствий и профилактике новых конфликтов.

Судебное толкование понятия «заглаживание вреда» также демонстрирует его широкое и вариативное содержание. Согласно пункту 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», заглаживание включает в себя не только имущественную или денежную компенсацию морального вреда, но и оказание любой помощи потерпевшему, принесение извинений, а также совершение иных действий, направленных на восстановление нарушенных прав [6]. Однако в пункте 10 того же постановления, специально посвященном ст. 76 УК РФ, акцент смещается на возмещение ущерба, дополненное иными восстановительными мерами, что указывает на определенную дифференциацию в понимании данного термина в зависимости от процессуального контекста и целей применения нормы. Такая неоднозначность в толковании на уровне высшей судебной инстанции создает определенные сложности для единообразного правоприменения, но одновременно предоставляет судам гибкость в оценке конкретных обстоятельств дела, позволяя учитывать индивидуальные особенности конфликта и его участников.

Возможность прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим предусмотрена российским законодательством для дел различных категорий: частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) и публичного обвинения (ст. 25 УПК РФ). Анализ правового регулирования выявляет ряд существенных коллизий и пробелов. Прежде всего, вызывает вопросы использование в названии и содержании ст. 25 УПК РФ термина «прекращение уголовного дела». В процессуальной доктрине и практике четко разграничиваются два самостоятельных понятия: «прекращение уголовного дела» (окончание производства по делу в целом) [7, с. 27-31] и «прекращение уголовного преследования» (окончание обвинительной деятельности в отношении конкретного лица) [8, с. 24]. В строгом смысле, процедура, предусмотренная ст. 25 УПК РФ, представляет собой именно прекращение преследования. Подмена понятий создает практическую проблему в делах с несколькими обвиняемыми, где примирение потерпевшего с одним из них не должно автоматически влечь прекращение производства по делу в целом в отношении остальных соучастников. Данная терминологическая неточность требует законодательной корректировки для приведения формулировок закона в соответствие с их доктринальным пониманием и потребностями правоприменительной практики.

Второй фундаментальной проблемой является дискреционный характер решения о прекращении преследования. Согласно закону, такое право, а не обязанность, предоставлено суду, а на досудебных стадиях – следователю или дознавателю с согласия прокурора. Поскольку законодатель не установил четких и исчерпывающих критериев для принятия данного решения, сохраняется высокий риск субъективного, произвольного применения этой нормы, ее избирательности в зависимости от позиции правоприменителя. Судебная и следственная практика подтверждает эти опасения, что находит выражение в исключительно редком прекращении уголовных дел по ст. 25 УПК РФ в ходе предварительного расследования. Тем не менее, само законодательное закрепление института примирения имеет принципиальное системообразующее значение, отражая эволюцию уголовного права в сторону большего учета воли потерпевшего, развития восстановительных механизмов и медиационных процедур. Его существование свидетельствует о признании того, что в определенных случаях разрешение конфликта через примирение может быть более эффективным с социальной точки зрения, чем формальное осуждение и наказание.

Отношения, возникающие в связи с примирением, не являются сугубо частными или горизонтальными, как может показаться на первый взгляд. В них всегда присутствует третий обязательный субъект – государство в лице своих правоприменительных органов (суд, следователь, прокурор). Формальными условиями освобождения, согласно ст. 76 УК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, являются: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести, достижение примирения с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда. Однако, как верно отмечается в теории уголовного права, юридическим основанием для принятия положительного решения выступает не сам факт примирения, а установленное снижение или утрата общественной опасности совершенного деяния и (или) личности виновного вследствие его позитивного посткриминального поведения. Именно это снижение общественной опасности и превращает частное примирение в юридически значимый факт, позволяющий государству отказаться от применения мер уголовной репрессии без ущерба для охраняемых законом интересов.

Именно эту позицию последовательно отстаивает Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях [9]. Высший орган конституционного контроля указывает, что простого формального наличия обстоятельств, перечисленных в законе, недостаточно. Правоприменитель обязан исследовать и установить целый комплекс дополнительных фактических обстоятельств, которые в своей совокупности подтверждают реальное уменьшение степени социальной вредности произошедшего. Суд обладает правом, а не обязанностью прекратить производство по делу даже при соблюдении всех формальных условий, поскольку компетентные органы не просто констатируют их наличие, а принимают мотивированное решение на основе всесторонней оценки всех обстоятельств конкретного дела, включая характер преступления, личность обвиняемого, подлинность и добровольность его раскаяния. Таким образом, окончательное решение остается дискреционным властным актом государства, основанным на оценке баланса частного и публичного интереса. Диспозитивная формулировка ст. 76 УК РФ («может быть освобождено») юридически закрепляет эту свободу усмотрения, оставляя за государством возможность отказа в освобождении даже при формальном соблюдении всех условий сторонниками конфликта. Это подчеркивает, что институт примирения – это не частная сделка, а особый публично-правовой механизм, где частная воля является необходимым, но не достаточным условием для наступления уголовно-правовых последствий.

Данную правовую конструкцию нередко характеризуют как уголовно-правовой компромисс. Его сущность заключается в правоотношении между лицом, совершившим преступление, и государством, в рамках которого достигается соглашение о прекращении уголовного преследо-

вания в обмен на совершение виновным определенных позитивных действий, прямо указанных в законе. При этом ключевым инициатором запуска этой процедуры является потерпевший, чья воля и интерес приобретают существенное правовое значение, что свидетельствует о глубокой трансформации статуса потерпевшего в уголовном процессе из пассивного объекта в активного субъекта, способного влиять на исход дела.

На практике применение института примирения сталкивается с рядом серьезных проблем, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения. Одной из наиболее дискуссионных является проблема допустимости примирения по многообъектным преступлениям, где вред причиняется не только конкретному потерпевшему, но и публичным интересам общества или государства (например, при хулиганстве, терроризме, экологических преступлениях). Формально-юридический подход, опирающийся исключительно на букву ст. 76 УК РФ, такие возможности допускает, поскольку норма говорит лишь о примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного ему вреда. Однако представляется, что подобное толкование является ошибочным и противоречит системному смыслу уголовного закона, его публичной природе. Норма о примирении, будучи исключением из общего правила об уголовной ответственности, должна толковаться ограничительно. Ее применение к многообъектным преступлениям, где страдают фундаментальные общественные ценности, фактически позволяет частному соглашению отменять публично-правовое значение деяния, что недопустимо. Удовлетворение частного интереса не может автоматически нивелировать вред, причиненный обществу. Поэтому применение ст. 76 УК РФ к таким составам должно быть либо прямо исключено законом, либо предельно ограничено практикой, а достигнутое примирение может рассматриваться судом лишь как одно из смягчающих наказание обстоятельств, но не как основание для прекращения дела. Это требует от правоприменителя проведения тонкого анализа, позволяющего отграничить случаи, где публичный вред является производным и минимальным, от тех, где он составляет суть преступного деяния.

Второй острой проблемой выступает догматическое толкование условия о том, что вред должен быть «заглажен». Сложившаяся судебная практика в большинстве случаев исходит из необходимости фактической и полной компенсации ущерба к моменту принятия процессуального решения о прекращении преследования. Такой подход не принимает во внимание достигнутые между потерпевшим и обвиняемым договоренности о рассрочке платежа, отсрочке или ином порядке возмещения, даже если они оформлены письменным соглашением и полностью устраивают потерпевшего. Подобный формализм создает, на наш взгляд, социальную несправедливость, фактически превращая освобождение от уголовной ответственности в привилегию для имущественно состоятельных лиц, способных к единовременной выплате. В то же время раскаявшиеся обвиняемые, не обладающие значительными средствами, но готовые к добросовестному возмещению ущерба по графику с согласия потерпевшего, лишаются этого права. Это противоречит принципам справедливости и восстановительного правосудия, заложенным в институте примирения. Для преодоления данного противоречия в научной литературе обоснованно предлагаются различные модели, такие как введение института условного прекращения уголовного дела с установлением испытательного срока для исполнения обязательств или предоставление суду права утвердить согласованный график выплат и приостановить производство по делу на время его исполнения. Ключевым критерием при этом должно выступать добровольное и информированное согласие самого потерпевшего на предложенные условия компенсации, поскольку именно его права и интересы являются первостепенным объектом защиты в рамках данного института.

Третья проблема связана с процедурным вакуумом. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальной регламентации процедуры оформления добровольного возмещения вреда и факта примирения. Этот пробел приводит к значительной вариативности и правовой неопределенности: в материалах дел встречаются простые расписки, акты приема-передачи имущества, гражданско-правовые соглашения о возмещении ущерба, что не всегда гарантирует надлежащее оформление волеизъявления сторон и создает риски для обеих сторон. Например, для потерпевшего существует риск неполучения обещанной компенсации после прекращения дела, а для обвиняемого – риск того, что его действия не будут признаны судом достаточными. Назрела насущная потребность в кодификации соответствующих положений в УПК РФ. Целесообразным представляется закрепление обязанности дознавателя, следователя, прокурора или суда составлять специальный процессуальный документ (протокол) о добровольном возмещении вреда, в котором детально фиксировались бы время, место, условия, способы компенсации и подтверждение добровольности действий обвиняемого. При этом определение размера и формы возмещения должно оставаться прерогативой потерпевшего, чье удовлетворение достигнутым результатом является первостепенным. Такой протокол стал бы не просто формальностью, а важным доказательством, формирующим основание для последующего судебного решения, и гарантией реального исполнения достигнутых договоренностей.

Проведенный анализ нормативно-прикладных аспектов прекращения уголовного дела в связи с примирением позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие теоретическое и практическое значение. Во-первых, институт заглаживания вреда, пройдя эволюцию от меры уголовного наказания до условия освобождения от ответственности, сохранил свою гражданско-правовую основу, но обогатился уголовно-правовым смыслом, акцентирующим деятельное раскаяние и восстановление социальных связей. Концептуальное различие между «заглаживанием» и «возмещением» является методологически важным для понимания сути компенсации, особенно при причинении неимущественного вреда. Во-вторых, оценка достаточности заглаживания вреда должна базироваться прежде всего на свободной и добровольной воле потерпевшего, который вправе определять приемлемые для него формы и размер компенсации. Установление жесткого, формального требования о полном денежном возмещении к строго определенному моменту противоречит восстановительной природе института, приводит к социальному неравенству и должно быть пересмотрено в практике высших судов. В-третьих, правоотношения, возникающие при примирении, носят комплексный, публично-правовой характер с обязательным участием государства в лице правоприменительных органов. Юридическим основанием для прекращения преследования является не воля потерпевшего сама по себе, а устанавливаемое государством снижение общественной опасности лица и деяния, что подтверждает приоритет публичного интереса и сохраняет за государством дискреционное право окончательного решения. В-

четвертых, применение нормы о примирении к многообъектным преступлениям, посягающим на фундаментальные публичные интересы, должно быть существенно ограничено, так как частное соглашение не может нивелировать общественный вред. Необходимо либо законодательное исключение таких составов из сферы действия ст. 76 УК РФ, либо формирование устойчивой правоприменительной практики, отказывающей в прекращении дел данной категории. Наконец, для реализации полного потенциала восстановительного правосудия и обеспечения правовой определенности необходима комплексная законодательная реформа. Она должна включать кодификацию в УПК РФ четкой процедуры оформления примирительного соглашения, введение гибкого механизма условного прекращения дела с испытательным сроком для реального исполнения обязательств по возмещению вреда, а также установление единой процессуальной формы фиксации факта добровольного заглаживания вреда. Дальнейшее развитие института примирения должно идти по пути гармонизации частных и публичных начал, формализации восстановительных процедур и создания гибких, справедливых правовых инструментов, обеспечивающих как реальную компенсацию ущерба потерпевшему, так и обоснованное освобождение от уголовной репрессии лиц, утративших общественную опасность и доказавших свое раскаяние делами, что в конечном счете будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства и укреплению общественного доверия к правовой системе.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 05.11.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.11.2025).
3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 07.11.2025).
4. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, –1973. – 456 с.
5. Симонова Е.А. Примирение с потерпевшим в уголовном праве России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2002. – 25 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 05.11.2025).
7. Синенко С.А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения // Российская юстиция. – 2012. – №9. – С.27-31.
8. Виноградова О.Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Моск. акад. МВД РФ. – Москва, 2003. – 33 с.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. N 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179365/ (дата обращения: 05.11.2025).
10. Власова С.В., Наметкин Д.В. Возмещение материального и морального вреда, причиненного преступлением, как одна из функций органов предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2022. – № 3(60). – С. 5-9.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ // SPS "Consultant Plus": [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (date of application: 05.11.2025).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ // SPS "Consultant Plus": [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of request: 05.11.2025).
3. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 10/27/1960) (as amended on 07/30/1996) // SPS "Consultant Plus": [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (date of reference: 11/07/2025).
4. Tarkhov V.A. Responsibility under Soviet civil law. – Saratov: Sarat Publishing House. University, -1973. – 456 p.
5. Simonova E.A. Reconciliation with the victim in Russian criminal law: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08 / Sarat. state Academy rights. – Saratov, 2002. – 25 p.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2013 No. 19 (as amended on 11/29/2016) "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" // SPS Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (date of application: 05.11.2025).
7. Sinenko S.A. Reconciliation with the victim in cases of private and public prosecution // Russian justice. - 2012. - No. 9. - pp.27-31.
8. Vinogradova O.B. Termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.09 / Moscow time. akad. THE Ministry OF Internal Affairs OF THE Russian Federation. – Moscow, 2003. – 33 p.
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 19, 2007 No. 591-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Firsova Maria Alexandrovna for violation of her constitutional rights by paragraph "a" of the first part of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179365/ (date of request: 05.11.2025).
10. Vlasova S.V., Nametkin D.V. Compensation for material and moral damage caused by a crime as one of the functions of the preliminary investigation bodies // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3(60). – P. 5-9.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ FEATURES OF LEGAL REGULATION OF JURY PARTICIPATION IN THE IMPLEMENTATION OF JUSTICE

ТКАЧУК Татьяна Алексеевна

доктор юридических наук, профессор, Юридический институт
Владимирского государственного университета имени Николая Григорьевича и Александра Григорьевича Столетовых
600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87.
e-mail: Tatkachyk@mail.ru

ГРУНИН Андрей Владимирович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: grunin-andrey@rambler.ru;

ГРУНИНА Вероника Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ.
600017, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, 59а
E-mail: vgrun@rambler.ru;

ШОРГИНА Елена Васильевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: eshorgina@mail.ru;

ТКАЧУК Tatiana Alekseeva,

Doctor of Law, Professor, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's,
87, str. Gorky, Vladimir, 600000, Russian Federation
e-mail: Tatkachyk@mail.ru

GRUNIN Andrey Vladimirovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines,
Vladimir Branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation.
59a Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: grunin-andrey@rambler.ru

GRUNINA Veronika Aleksandrovna,

candidate of law, associate Professor departments of theory and history of state and law,
Vladimir branch of RANEPa under the President of the Russian Federation.
59a Gorky str., Vladimir, Vladimir region, 600017, Russia.
E-mail: vgrun@rambler.ru;

SHORGINA Elena Vasilevna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education VUI of the Federal Penitentiary Service.
67e Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: eshorgina@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается место института присяжных заседателей в осуществлении правосудия и функционирование его эффективного правового регулирования.

Abstract: The article examines the place of the jury system in the administration of justice and the functioning of its effective legal regulation.

Ключевые слова: институт присяжных заседателей, институт судебной власти, судопроизводство, справедливость и беспристрастность.

Keywords: jury system, judicial system, legal proceedings, justice, and impartiality.

Для цитирования: Ткачук Т.А., Грунин А.В., Грунина В.А., Шоргина Е.В. Особенности правового регулирования участия присяжных заседателей в осуществлении правосудия // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 511-514. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_511.

For citation: Tkachuk T.A., Grunin A.V., Grunina V.A., Shorgina E.V. Features of the legal regulation of the participation of jurors in the administration of justice // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 511-514. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_511.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Одним из основополагающих условий нормального функционирования современного общества является наличие в государстве эффективной судебной власти, способной гарантировать соблюдение принципов демократии и справедливости, способствовать развитию гражданского общества, реализации прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечивать верховенство закона посредством цивилизованных форм осуществления власти. Грамотная работа судебной системы позволяет наладить взаимодействие народа и государства в правовом поле, что становится возможным в том числе благодаря предоставлению народу права осуществлять контроль за деятельностью государства, не допускать произвола со стороны власти. В науке значимость института присяжных заседателей объясняется положительным влиянием на развитие гражданского общества, общественного контроля, принципа состязательности, его характером гарантий в обеспечении защиты лица от обвинительного уклона суда, а также социальной роли, выраженной в воздействии на развитие и укрепление правосознания граждан [1, с. 409]. Вышесказанное свидетельствует о придании институту присяжных заседателей важного значения в системе институтов судебной власти, в связи с чем

он нуждается в более глубоком теоретическом осмыслении.

К системе правового регулирования РФ относятся международные правовые акты. Частью 4 ст. 15 Конституции РФ определено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Так, среди международных правовых актов выделяются те, которые устанавливают правовую основу для функционирования справедливого и независимого судопроизводства (например, Всеобщая декларация прав человека в ст. 10, Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 14), а также принципы и гарантии функционирования института присяжных заседателей (например, резолюции Совета по правам человека, устанавливающие независимость и беспристрастность присяжных заседателей) [2].

Конституция РФ как закон, обладающий высшей юридической силой на территории РФ, содержит нормы, которые выступают исходными по отношению к нормам отраслевых актов.

В системе федеральных конституционных законов, затрагивающих вопросы деятельности суда с участием присяжных заседателей, следует выделить Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее: ФКЗ «О судебной системе РФ»), Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее: ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ»). Так, ФКЗ «О судебной системе РФ», как уже было сказано ранее, устанавливает общие нормы, позволяющие понять место присяжных заседателей в судебной власти. Например, ст. 1 закона при определении судебной власти в числе субъектов, имеющих право на ее осуществление, указывает в том числе на присяжных заседателей. Ст. 5 провозглашает принципы деятельности присяжных заседателей при осуществлении правосудия: независимость, подчинение только Конституции РФ и закону. Принцип независимости предполагает, что при вынесении решения присяжный заседатель должен действовать независимо от воли других лиц. В юридической науке к числу принципов, на основе которых должна основываться деятельность присяжных заседателей, относят также справедливость и беспристрастность: так, беспристрастность предполагает отсутствие предвзятости, личной заинтересованности и предубежденности в исходе дела, справедливость – вынесение решения исходя из реальных обстоятельств дела, степени общественной опасности преступления и наступивших последствий [3, с. 47]. Наконец, ст. 8 анализируемого закона провозглашает участие присяжного заседателя в осуществлении правосудия гражданским долгом, а также устанавливает материальную гарантию для присяжных заседателей в виде выплаты вознаграждения из средств федерального бюджета. В свою очередь, ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ» несмотря на то, что присяжные заседатели могут участвовать в судопроизводстве, осуществляемом федеральными судами общей юрисдикции, упоминает о присяжных заседателях вскользь при регламентации функций аппарата суда общей юрисдикции, одной из которых выступает оказание помощи судьям в привлечении к осуществлению правосудия присяжных заседателей.

Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» устанавливает возможность рассмотрения военным судом с участием присяжных заседателей дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, либо гражданами, проходящими военные сборы, либо гражданами в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дел, отнесенных к компетенции военных судов.

Наиболее важным с точки зрения детального правового регулирования вопросов, связанных с участием присяжных заседателей в осуществлении правосудия, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ), который содержит отдельную главу, посвященную производству по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей. Нормы данной главы устанавливают требования к формированию предварительного списка и коллегии присяжных заседателей, порядку производства в суде с участием присяжных заседателей с указанием особенностей проведения отдельных стадий, к вердикту присяжных, а также к содержанию приговора по делу, в рассмотрении которого участвовали присяжные заседатели.

Специализированным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения, связанные с участием присяжных заседателей в судопроизводстве, является Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее: ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»). Данный закон в более конкретном виде излагает содержание правил, определенных УПК РФ в отношении судопроизводства с участием присяжных заседателей. Подробно регламентируется вопрос о требованиях, предъявляемых к присяжным заседателям, их правах и обязанностях в рамках судебного процесса, в том числе гарантии их неприкосновенности и независимости, материальное обеспечение в связи с исполнением функций присяжного заседателя. В более упорядоченном виде изложен порядок формирования списков кандидатов в присяжные заседатели с указанием полномочий ответственных за это субъектов.

В системе правового регулирования РФ участия присяжных заседателей нельзя не выделить нормы охранительного характера, устанавливающие ответственность за нарушение правоотношений, связанных с участием присяжных заседателей в судопроизводстве. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность за воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя для участия в судебном разбирательстве, а также за непредоставление информации, необходимой для составления списков присяжных заседателей. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за более опасные правонарушения в области функционирования правоотношений по поводу участия присяжных заседателей в судопроизводстве, среди них посягательство на жизнь присяжного заседателя, угроза убийством присяжного заседателя, угроза причинения вреда его здоровью, угроза уничтожением или повреждением имущества присяжного заседателя, оскорбление присяжного заседателя, клевета в отношении данного лица, а также разглашение сведений о применяемых в отношении присяжных заседателей мерах безопасности.

Отдельные аспекты, связанные с участием присяжных заседателей в судопроизводстве, затрагиваются в подзаконных правовых актах РФ. Среди них следует указать на акты Правительства РФ. Например, Постановление Правительства РФ от 29.04.2022 № 783 «Об утверждении

Правил выплаты присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения» регламентирует правила выплаты присяжным заседателям вознаграждения, в том числе порядок учета времени, потраченного гражданином на осуществление функций присяжного заседателя.

Несмотря на то, что в РФ судебный прецедент официально не признается источником права, практика складывается обратным образом, когда в процессе правоприменения субъекты нередко обращаются к разъяснениям высших судов РФ в части применения той или иной правовой нормы.

Таким образом, правовое регулирование в РФ участия присяжных заседателей в судопроизводстве включает в себя разветвленную систему правовых актов, среди которых центральное значение играют Конституция РФ, УПК РФ и ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ». Благодаря такому комплексному нормативному подкреплению данная модель продолжает курс активного развития, совершенствуется и укрепляется.

Установленная законом возможность участия присяжных заседателей в осуществлении правосудия оценивается исследователями данного вопроса по-разному. Одни авторы отмечают, что функционирование института присяжных заседателей позволяет уравнивать «весы правосудия», на которых с одной стороны выступает государство, а с другой – народ. Например, А.В. Смирнов считает, что профессиональные судьи в связи с их принадлежностью к государственному аппарату так или иначе склонны к стороне государственного обвинения, по мнению автора, негласно их основная цель заключается в защите прежде всего государственных интересов, тогда как присяжные заседатели свободны от такого обременения, являются гарантией против авторитаризма и способны обеспечить наиболее справедливое разрешение дела [4, с. 28]. Также имеется точка зрения, согласно которой у профессиональных судей в силу многолетнего опыта судейства вырабатывается однополярность в части вынесения приговоров [5, с. 37]. По мнению других представителей юридической науки, на данный момент необходимость в участии присяжных заседателей в осуществлении правосудия отсутствует. Так, Н.А. Куликова говорит о том, что в современных условиях профессиональный судья способен вынести более справедливый приговор, чем присяжные заседатели, которые зачастую при рассмотрении дела руководствуются эмоциями, субъективными представлениями о справедливости [6, с. 154]. На наш взгляд, однозначно согласиться со вторым убеждением нельзя: независимо от уровня своего профессионализма, судья так или иначе является человеком, соответственно, при вынесении приговора он не может быть в полной мере лишен субъективизма; кроме того, еще один аргумент в пользу необходимости института участия присяжных заседателей в России заключается в том, что, в соответствии с Конституцией РФ, многонациональный народ РФ является носителем суверенитета и единственным источником власти и осуществляет данную ему власть как непосредственно, так и через государственные и муниципальные органы. Возможность осуществления правосудия посредством участия присяжных заседателей, выступающих в роли представителей народа, является ничем иным, как реализацией вышеуказанного конституционного положения. Следовательно, воля народа, независимо от степени ее субъективности, так или иначе должна учитываться при осуществлении судебной власти как одного из видов власти.

В ст. 5 УПК РФ содержится весьма неконкретное определение присяжных заседателей, под которыми понимаются лица, привлеченные в соответствии с УПК РФ для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта. При этом, следует отметить, что в науке на сегодняшний день уже имеется неоднозначность в понимании института присяжных заседателей и их сущности, что в еще большей степени создает путаницу в решении этого вопроса.

Тем не менее, проанализируем некоторые из предложенных исследователями определений присяжных заседателей и суда с их участием.

Согласно первому подходу к пониманию правовой природы присяжных заседателей, под данными субъектами предлагается понимать граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели и призванных к участию в рассмотрении судом уголовного дела в установленном российским законодательством порядке. Данное определение имеет правовую основу и сформировано на основании положений, содержащихся в ст. 3 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ (далее: ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»). Несмотря на правовое обоснование, данное определение нельзя признать, как наиболее полно отражающим сущность и специфику института присяжных заседателей. Так, в той же статье перечисляются требования к присяжным заседателям, среди которых достижение минимального возраста, отсутствие судимости, владение языком, на котором ведется судопроизводство и т.д.

Следующий подход основывается на определении присяжных заседателей через указание на индивидуализирующие их статус признаки: это наделенные соответствующими правами и обязанностями граждане РФ, привлекаемые в соответствии с установленным уголовно-процессуальным законодательством порядком к временному осуществлению функции судей по отправлению правосудия на непрофессиональной основе, которые под присягой в составе коллегии самостоятельно и независимо выносят решение по уголовному делу [7, с. 150]. С данным определением также нельзя согласиться в полной мере: так, его авторы приписывают присяжным заседателям выполнение судебной функции с оговоркой на непрофессиональный характер ее осуществления. Между тем, функции присяжных заседателей в российском судопроизводстве не только не совпадают с функциями судей, но и имеют существенные отличия.

В рамках исследования содержания понятия присяжных заседателей нельзя не уделить внимания определению тесно примыкающей к ней категории – «суд с участием присяжных заседателей», содержание которого, как уже отмечалось ранее, не разъясняется в действующем законодательстве РФ. Стоит отметить, что на сегодняшний день в правовом обороте встречается несколько разных формулировок для обозначения судопроизводства с участием присяжных заседателей. Наиболее распространенными являются «суд присяжных», «суд с участием присяжных заседателей», которые по своему смысловому значению могут различаться. В большинстве нормативных правовых актов РФ употребляется вторая формулировка – суд с участием присяжных заседателей. В науке же зачастую ее утрируют до суда присяжных. Проблема соотношения данных понятий уже поднималась Н.А. Дудко, ко-

торая пришла к выводу о их равнозначности в контексте исследования института [8, с. 30]. Т.С. Дурандина, употребляющая в своем исследовании понятие «суд присяжных», предлагает понимать под ним форму организации суда, предполагающую раздельное существование в нем коллегии присяжных заседателей, решающей вопросы факта, и профессионального судьи, разрешающего вопросы права [9, с. 88]. Однако имеется и обратная точка зрения, согласно которой отождествление данных понятий является ошибочным. Например, В.И. Батюк и В.Н. Галузо говорят о недопустимости употребления понятия «суд присяжных»: по мнению авторов, в России функционирует именно суд с участием присяжных заседателей, предполагающий двухсоставность, в силу которой присяжные заседатели при вынесении вердикта решают вопрос факта, а председательствующий судья при вынесении приговора – вопрос права [10, с. 119]. Наиболее аргументированной представляется вторая точка зрения, которая может быть дополнена также тем, что логическая трактовка формулировки «суд присяжных» предполагает, что состав всего суда полностью состоит из присяжных заседателей, что в действительности не так, поскольку окончательный приговор выносится не присяжными заседателями, а судьей. Например, Т.С. Дурандина, придерживающаяся позиции об обозначении исследуемого понятия как суда присяжных, в его определении указывает на разграничение полномочий между двумя самостоятельными субъектами – коллегией присяжных и судьей, что не соответствует смысловому значению понятия «суд присяжных». В свою очередь, категория «суд с участием присяжных заседателей» делает акцент на двухсторонности судебного процесса, решение дела по которому возлагается и на профессионального судью, и на присяжных заседателей.

Также необходимо отметить влияние вердикта присяжных на исполнение уголовного наказания. Оправдательный вердикт (ст. 348 УПК РФ) влечёт постановление оправдательного приговора, исключает исполнение наказания и обязывает государство возместить вред, причинённый необоснованным уголовным преследованием (реабилитация, ст. 133 УПК РФ).

Обвинительный вердикт служит основанием для постановления обвинительного приговора, определяет дальнейшую судьбу осуждённого: направление в исправительное учреждение (колония общего, строгого, особого режима и т.д.), если присяжные указали на снисхождение, судья не может назначить пожизненное лишение свободы и ограничивает максимальный срок наказания от предусмотренного законом (ст. 65 УК РФ).

Несмотря на то, что институт присяжных, являясь стадией судебного разбирательства, напрямую с системой исполнения наказаний не связан, вердикт присяжных, где были отражены установленные ими обстоятельства (степень общественной опасности, личность осуждённого), может быть учтен при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении, замене наказания более мягким видом, изменении режима отбывания наказания. Поэтому недостаточная информированность присяжных о последствиях вердикта для осуждённого, а также сложность оценки «снисхождения», когда присяжные могут не понимать, как это повлияет на срок наказания и условия отбывания может косвенно повлиять на возможность справедливого исполнения наказания. Институт присяжных заседателей занял прочное место в осуществлении правосудия. В силу своей важной роли, которой наделен данный институт, важным аспектом является функционирование его эффективного правового регулирования.

Таким образом, действующим законодательством РФ институту присяжных заседателей отводится важное место в системе судебной власти. Закон содержит определение присяжного заседателя, которое нередко оспаривается в юридической науке. Официального определения суда с участием присяжных заседателей закон не содержит, что, на наш взгляд, является существенным пробелом в праве и, соответственно порождает возникновение трудностей в формировании единого подхода к пониманию сущности и правовой природы данной формы судопроизводства. Считаем, что формулировка «суд с участием присяжных заседателей», которую следует понимать как особую форму уголовного судопроизводства, в рамках которой правосудие осуществляется профессиональным судьей и формируемой в соответствии с установленными законом требованиями коллегией присяжных заседателей, выступающих представителями народа и участвующих в судебном разбирательстве для вынесения вердикта, определяющего виновность или невиновность подсудимого, сняла бы неточности существующие в терминологической составляющей по данному вопросу.

Список литературы:

1. Едреев Т.Ш.М. Место и значение суда присяжных в современном уголовном процессе России // Высокие технологии и инновации в науке. сборник избранных статей Международной научной конференции. - Санкт-Петербург, 2020. - С. 408-410.
2. Международные стандарты о независимости судей, адвокатов и прокуроров [Электронный ресурс] / Организация объединенных наций. - URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards-independence-judges-lawyers-and-prosecutors>, свободный (дата обращения: 11.01.2026 г.).
3. Верхотурова С.В., Белых Ю.П. Справедливость и беспристрастность в «суде народа» // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2023. - №1 (63). - С. 47-57.
4. Смирнов А.В. О независимости, беспристрастности и справедливости судебной власти // Российский журнал правовых исследований. - 2019. - Т. 6. - № 1 (18). - С. 25-31.
5. Шпиринов Е.А. Институт присяжных заседателей в судебной системе Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. - 2022. - № 9. - С. 37-47.
6. Куликова Н.А. Нужен ли в России суд с участием присяжных заседателей? // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 140-летию Томского государственного университета и 120-летию юридического образования в Сибири. Ред. О.И. Андреева [и др.]. - Томск, 2018. - С. 152-154.
7. Возжаев С.У.С.А. Понятие присяжного заседателя // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. сборник научных статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции. - Курск, 2022. - С. 148-150.
8. Дудко Н.А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. - 2022. - № 26 (37). - С. 26-32.
9. Дурандина Т.С. Суд присяжных: понятие и состав // Вопросы науки и образования. - 2018. - № 5 (17). - С. 88-89.
10. Батюк В.И., Галузо В.Н. Суд присяжных заседателей или суд с участием присяжных заседателей в Российской Федерации? // Право и государство: теория и практика. - 2017. - №8 (152). - С. 115-119.

References:

1. Edreev T.Sh.M. The Place and Significance of the Jury Trial in the Modern Criminal Procedure of Russia // High Technologies and Innovations in Science. Collection of Selected Articles from the International Scientific Conference. - Saint Petersburg, 2020. - P. 408-410.
2. International Standards on the Independence of Judges, Lawyers and Prosecutors [Electronic resource] / United Nations. - URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards-independence-judges-lawyers-and-prosecutors>, free (accessed: 11.01.2026).
3. Verkhoturva S.V., Belykh Yu.P. Justice and Impartiality in the «People's Court» // Legal Science and Law Enforcement Practice. - 2023. - №. 1 (63). - P. 47-57.
4. Smirnov, A.V. On the Independence, Impartiality, and Justice of the Judicial Power // Russian Journal of Legal Studies. - 2019. - Vol. 6. - №. 1 (18). - P. 25-31.
5. Shpirinov, E.A. The Institute of Jury Members in the Judicial System of the Russian Federation // Man. Society. 2022. №. 9. P. 37-47.
6. Kulikova N.A. Is Russia in need of a jury trial? // Legal problems of strengthening Russian statehood. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 140th anniversary of Tomsk State University and the 120th anniversary of legal education in Siberia. Ed. by O.I. Andreeva [et al.]. - Tomsk, 2018. - P. 152-154.
7. Vozhaev S.U.S.A. The Concept of a Juror // Digital Economy: Problems and Prospects of Development. Collection of Scientific Articles of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference. - Kursk, 2022. - P. 148-150.
8. Dudko N.A. Jury Trial or Trial with the Participation of Jurors: Terminology Issues // Jurislinguistics. - 2022. - №. 26 (37). - P. 26-32.
9. Durandina T.S. Jury Trial: Concept and Composition // Issues of Science and Education. - 2018. - №. 5 (17). - P. 88-89.
10. Batyuk V.I., Galuzo V.N. Jury Trial or Trial with the Participation of Jury Members in the Russian Federation? // Law and State: Theory and Practice. 2017. № 8(152). P. 115-119.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИЗОБРЕТЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF SECRET INVENTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

НИКЕРОВ Дмитрий Михайлович

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности,
Байкальского государственного университета.
664003, Российская Федерация, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: 009501@bgu.ru

NIKEROV Dmitry Mikhailovich

Associate Professor of the Department of Legal Support for National Security, Baikal State University.
11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation, Irkutsk region
E-mail: 009501@bgu.ru

Краткая аннотация В статье проводится анализ актуальных проблем правового института изобретений, составляющих государственную тайну, в Российской Федерации. В ходе исследования были выявлены некоторые недостатки в правовом регулировании изобретений, составляющих государственную тайну в РФ, авторами предложены рекомендации по улучшению действующего законодательства.

Abstract The article discusses the current issue of the legal institution of state-secret inventions in the Russian Federation. The authors analyze the legal consequences of declassification of such inventions. The study identifies shortcomings in the legal regulation of state-secret inventions in the Russian Federation and provides recommendations for improving the current legislation.

Ключевые слова Государственная тайна, национальная безопасность, режим секретности, национальные интересы, обеспечение национальной безопасности.

Keywords State secrets, national security, secrecy regime, national interests, and ensuring national security.

Для цитирования: Никеров Д.М. Проблемные аспекты правового статуса изобретений, составляющих государственную тайну, в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 515-517. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_515.

For citation: Nikerov D.M. Problematic aspects of the legal status of inventions constituting a State secret in the Russian Federation // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 515-517. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_515.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Изобретения, составляющие государственную тайну, можно характеризовать как независимость и суверенитет, как составную часть защиты национальных интересов РФ, в частности: устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе, а также поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений. Важность изобретений данной категории подтверждает Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Правовой статус таких изобретений, регулируется специальным законодательством. Следовательно, в современных условиях развития технологий и роста конкуренции на мировом рынке вопросы правовой охраны изобретений, составляющих государственную тайну, приобретают особую актуальность.

Переход к рыночной экономике потребовал изменения системы защиты изобретений. Прежняя система, основанная на авторских свидетельствах, не стимулировала инновационную деятельность. В условиях рыночных отношений, где ключевым фактором является получение материальных выгод, создание новых изобретений напрямую влияет на экономическое развитие государства. Той же позиции придерживается доктор юридических наук Соломин С. К.: «С точки зрения отношений экономического базиса, динамику любого обязательства следует воспринимать исключительно через призму перераспределения материальных благ между участниками гражданского оборота, что с позиции норм позитивного права предполагает наличие активного действия должника, направленного на то или иное материальное благо».¹

На основании положений Закона РФ «О государственной тайне» лица, которые обладают правами на изобретения, составляющие государственную тайну, вынуждены придерживаться ряда ограничений, касающихся реализации личных прав в отношении созданных этим лицом объектов интеллектуальной собственности. Государство, защищая национальные интересы, разрабатывает специальные меры для предупреждения преступлений, связанных с разглашением государственной тайны в информационной сфере. Забавко Р. А. и Забавко Т. И. определяют эти меры как: «комплекс организационно-технических, экономических, правовых и иных действий, цель которых – установление контроля над указанными негативными социальными процессами, снижение количества общественно-опасных деяний, минимизация их последствий».²

В соответствии со статьей 1405 Гражданского Кодекса РФ (далее ГК), устанавливаются юридические основания для возникновения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Реализация прав на секретное изобретение и распоряжение им происходят с учетом нормативных актов, регулирующих защиту государственной тайны. Выдача принудительной лицензии на подобное изобретение не предусматривается. [1; ст.1405].

¹ Соломин С.К. О характере действия, составляющего объект гражданско-правового обязательства / С.К. Соломин – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475. – EDN GNECXB // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 465.

² Забавко Р.А. Теоретико-методологические подходы к «цифровизации» уголовного закона / Р.А. Забавко, Т.И. Забавко. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).501-510. – EDN YFICHO // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 501.

В целях защиты национальной безопасности РФ, Закон РФ «О государственной тайне» закрепляет понятие режима секретности, как «совокупность требований, правил, организационных, технических и иных мер, направленных на защиту сведений, составляющих государственную тайну».¹

Конечно, в ГК РФ отсутствует понятие виновности деяния, но, если экстраполировать нормы гражданского права на нормы Уголовного законодательства, принято считать, что: «Принцип вины входит в число базовых основ взаимоотношений российского государства и личности. Названный принцип, во взаимосвязи с закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ презумпцией невиновности, относится к элементам, определяющим правовой характер РФ, а также приоритет прав и свобод человека и гражданина».² Однако, на практике возникают ситуации, когда реализация этого принципа и защита прав и свобод сталкиваются с трудностями. Проблема обусловлена противоречием между системами охраны интеллектуальной собственности и необходимостью обеспечения национальной безопасности. Таким образом, данный аспект требует серьезных научных исследований.

Результатом поиска такого баланса являются положения п. 5 ст. 3 Патентного закона РФ: «Правовая охрана не предоставляется изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, признанным государством секретными. Порядок обращения с секретными изобретениями, полезными моделями, промышленными образцами регулируется специальным законодательством РФ».³ Данное ограничение выделяют из общего порядка правового регулирования, поскольку заявленное законодателем исключительное право на изобретение, составляющее государственную тайну, может быть реализовано только в условиях сохранения его конфиденциальности.

В данном контексте возникает противоречие между необходимостью засекречивания данных изобретений и интересами граждан создавать новые изобретения. Мы полагаем, что данный аспект сказывается на определенном снижении числа разработок и научных исследований. Так, согласно, данным Росстата, начиная с 2015 года количество таких разработок снижается в среднем на 25%.

При получении разработчиком патента, с одной стороны, он наделяется всеми исключительными правами на изобретение, а с другой стороны, — владелец патента не имеет никаких прав на свое изобретение, так как автор такого изобретения ограничен законом и обязан следовать принципам защиты государственной тайны [6; с.97]. Что отталкивает разработчиков заниматься такой категорией изобретений.

Очевидно, что не только Российская Федерация сталкивается с такими трудностями, в связи с этим авторы полагают возможным учесть зарубежный опыт. На основании которого, необходимо предусмотреть возможность прекращения выдачи патента на изобретение, признанное секретным. В качестве основного документа следует предусмотреть выдачу свидетельства об авторстве изобретения, которое не предоставляет изобретателю монопольных прав, а лишь официально подтверждает его авторство. Впоследствии, после рассекречивания с соответствующей информации, изобретателю предоставляется патент, дающий возможность реализации исключительных прав на свое изобретение.

Авторы считают важным отметить, что лицо, которое является изобретателем, должно учитывать нормы специального законодательства, в частности положения ст. 9 -10 Закона РФ «О государственной тайне». Согласно законодательству, изобретение засекречивается государством в РФ, если содержащиеся в нём сведения составляют государственную тайну. Это предусмотрено статьёй 1401 ГК РФ. К таким сведениям относятся: защищаемые государством сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ. Изобретатель обязан принимать во внимание указанные факторы в процессе применения собственной разработки. У правообладателя нет возможности распоряжаться своим изобретением, оформлять соглашения, иными словами, реализовывать исключительные права на разработку, так как при осуществлении полномочий, непременно, произойдет разглашение секретной информации, представляющей собой государственную тайну.

Чтобы поддерживать интерес учёных в разработке изобретений, предлагается ввести норму о вознаграждении за создание изобретения, а также его использования различными предприятиями. Образцы, форма и регулирование данного аспекта требует особого изучения. Обязанность по выплате вознаграждения за создание секретного изобретения надо возложить на Правительство РФ, а в случае применения — на предприятие, которое будет использовать засекреченное изобретение. Величину авторского вознаграждения за использование изобретения следует определять в зависимости от ценности изобретения, рассчитанной согласно разработанных государством правил. Доработки предложенного варианта стоит поручить Федеральной службе по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК). Конечно, данное исследование не претендует на полноценную научную работу, а лишь способствует развитию данной темы, подчеркивая необходимость более глубокого анализа правовых механизмов, регулирующих отношения в области изобретений, составляющих государственную тайну и их патентования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. —2006. — 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. // Российская газета. — 1993.
3. Указ Президента Российской Федерации "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021 г. - Ст. 15 с изм. и доп. в ред. от 02.07.2021.
4. Воскресенская Е. В. Конституционно-правовое значение интеллектуальной собственности: опыт евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 3. — С. 269–273.
5. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. - М.: Статут, 2003. — 416 с.
6. Забавко Р.А. Теоретико-методологические подходы к «цифровизации» уголовного закона / Р.А. Забавко, Т.И. Забавко.— DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).501-510. — EDN YFICHO // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 501-510.

¹ Закон Российской Федерации "О государственной тайне" от 21.07.1993 № 5485-1 // Российская газета. - 1993 г. - Ст. 2 с изм. и доп. в ред. от 08.08.2024.

² Порайко В.В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений и в состоянии опьянения / В.В. Порайко.— DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. — EDN SKVKNG // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 493.

³ Закон Российской Федерации "О государственной тайне" от 21.07.1993 № 5485-1 // Российская газета. - 1993 г. - Ст. 3 с изм. и доп. в ред. от 08.08.2024.

7. Зенин И.А. Интеллектуальная собственность и ноу-хау: Учебное пособие, руководство по изучению дисциплины, учебная программа по дисциплине / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. - М., 2005. - 347 с.
8. Лобастов А. А., Исмаилов К. И. Оглы, Воскресенская Е. В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности // Социология и право. — 2017. — № 2. — С. 96–101.
9. Макагонова Н.В. Авторское право: Учебное пособие / Под ред. Э.П. Гаврилова. - М.: Юрид. лит-ра, 1999. - 286 с.
10. Порайко В.В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений и в состоянии опьянения / В.В. Порайко.— DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. — EDN CKVKNG // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 492-500.
11. Соломин С.К. О характере действия, составляющего объект гражданско-правового обязательства / С.К. Соломин — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475. — EDN GNECXB // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 464-475.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 4) dated 12/18/2006 No. 230-FZ // SZ RF. 2006. 52 (part 1). — Art. 5496.
2. The Law of the Russian Federation "On State Secrets" dated July 21, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. — 1993.
3. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation" dated 07/02/2021 No. 400 // Compilation of legislation of the Russian Federation. - 2021 - Article 15 with amendments and additions. ed. dated 07/02/2021.
4. Voskresenskaya E. V. The constitutional and legal significance of intellectual property: the experience of Eurasian integration // Eurasian Law Journal, 2018, No. 3, pp. 269-273.
5. Dozortsev V.A. Intellectual Rights. The concept. System. Tasks of codification. - М.: Statute, 2003. - 416 p.
6. Zabavko R.A. Theoretical and methodological approaches to the "digitalization" of criminal law / R.A. Zabavko, T.I. Zabavko.— DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).501-510. — EDN YFICHO // Academic Law Journal. — 2025. — vol. 26, No. 3. — pp. 501-510.
7. Zenin I.A. Intellectual property and know-how: A textbook, a guide to the study of the discipline, a curriculum for the discipline / Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, Moscow, 2005— 347 p.
8. Lobastov A. A., Ismailov K. I. Ogly, Voskresenskaya E. V. Constitutional and legal protection of intellectual property // Sociology and law. — 2017. — No. 2. — pp. 96-101.
9. Makagonova N.V. Copyright: A textbook / Edited by E.P. Gavrilov. Moscow: Yurid. lit-ra, 1999. - 286 p.
10. Poraiko V.V. Realization of the principle of guilt in crimes committed from hooligan motives and in a state of intoxication / V.V. Poraiko.— DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. — EDN CKVKNG // Academic Law Journal. — 2025. — Vol. 26, No. 3. — pp. 492-500.
11. Solomin S.K. On the nature of the action constituting the object of a civil obligation / S.K. Solomin — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475. — EDN GNECXB // Academic Law Journal. — 2025. — vol. 26, No. 3. — pp. 464-475.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ MODERN APPROACHES AND MANAGEMENT MODELS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1. доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России 394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 "а" e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, 119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1. Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia 394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a" e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются современные подходы и модели управления в правоохранительных органах Российской Федерации. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что современное состояние теории и практики управления в системе органов внутренних дел базируется, с одной стороны, на обобщении многолетнего опыта правоохранительной деятельности, а с другой – на результатах фундаментальных и прикладных исследований отечественных ученых, представляющих различные области гуманитарных наук. Ведущую роль в формировании и углублении теоретических оснований управления сыграли исследователи, профессионально связанные с системой органов внутренних дел, научное сообщество которых к настоящему времени получило институциональное оформление и признание в рамках научной школы «Управление органами внутренних дел». На современном этапе данная теория развивается как комплексная междисциплинарная система знаний, интегрирующая правовые концепции, управленческие модели и достижения информационно-технологического развития.

Abstract: The article discusses modern approaches and management models in the law enforcement agencies of the Russian Federation. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the current state of management theory and practice in the system of internal affairs bodies is based, on the one hand, on the generalization of many years of law enforcement experience, and on the other – on the results of fundamental and applied research by Russian scientists representing various fields of humanities. The leading role in the formation and deepening of the theoretical foundations of management was played by researchers professionally associated with the system of internal affairs bodies, whose scientific community has now received institutional formalization and recognition within the framework of the scientific school «Management of law enforcement agencies». At the present stage, this theory is developing as a comprehensive interdisciplinary knowledge system that integrates legal concepts, management models and achievements of information technology development.

Ключевые слова: управление в правоохранительных органах, теория управления, управление органами внутренних дел.
Key words: management in law enforcement agencies, management theory, management of law enforcement agencies.

Для цитирования: Прихожая Л.Е. Современные подходы и модели управления в правоохранительных органах Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 518-521. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_518.

For citation: Prikhodzaya L.E. Modern approaches and management models in law enforcement agencies of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 518-521. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_518.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026

Реализация управленческого потенциала любой социальной системы, включая систему правоохранительных органов, выступает необходимым условием сохранения ее целостности, устойчивости и функциональной упорядоченности, а также обеспечения внутренней и внешней безопасности. Эффективно выстроенное управление позволяет не только поддерживать стабильность системы, но и целенаправленно совершенствовать деятельность всех ее структурных элементов, повышая их согласованность и результативность. В этой связи исследование специфики и особенностей управленческих методов, применяемых в рамках конкретной социальной системы, приобретает особую актуальность на каждом этапе ее развития и трансформации.

Текущая стадия развития правоохранительной системы характеризуется переориентацией управленческой модели на задачи обеспечения общественной безопасности, институционализации взаимодействия с гражданским обществом и усиления механизмов общественного контроля, а также на выстраивание согласованных форм правозащитной деятельности с участием как государственных, так и негосударственных акторов. Заданные ориентиры объективно требуют пересмотра традиционных управленческих решений и разработки таких организационно-управленческих инструментов, которые позволяли бы одновременно достигать высокой результативности правоохранительной деятельности и гарантировать надлежащее соблюдение прав и свобод личности [1, с. 76-77].

Анализ научных источников и материалов правоприменительной практики в сфере управления правоохранительными органами позволяет выявить ряд характерных особенностей, определяющих современные направления развития соответствующей теории. В частности, при раскрытии содержания базового метода управления правоохранительными органами через исследование потенциала организационно-административных способов воздействия следует подчеркнуть, что ключевое значение сохраняет централизованное и непосредственное влия-

ние субъекта управления на управляемые объекты. Данное влияние выстраивается в рамках устойчивых управленческих отношений типа «власть – подчинение» и реализуется, прежде всего, посредством издания распорядительных управленческих актов.

Указанные акты выступают формой выражения властной воли субъекта управления, закрепляют обязательные для исполнения управленческие предписания и обеспечивают целенаправленное воздействие на деятельность управляемых структур. Тем самым организационно-административные методы продолжают выполнять системообразующую функцию в механизме управления правоохранительными органами, обеспечивая необходимый уровень управляемости и дисциплины в условиях централизованной модели государственного управления [2, с. 63].

В качестве еще одной ключевой характеристики организационно-административных методов управления правоохранительными органами выступает особый способ реализации управленческого воздействия со стороны субъекта управления, который проявляется через установление нормативных требований, регламентов и инструктивных предписаний, определяющих содержание служебной деятельности. Данные управленческие воздействия образуют специфическую организационно-административную форму управления, направленную на согласование целей, функций и способов деятельности участников управленческого процесса. Закрепление обязательных правил, стандартов и процедур позволяет обеспечить согласованность работы структурных элементов, а также стабильность и воспроизводимость функционирования всей системы управления в целом.

Следующей характерной чертой применения организационно-административных методов в управлении правоохранительными органами является преобладание властно-распорядительного компонента в системе управленческих отношений. В рамках такой модели управленческого взаимодействия руководитель осуществляет непосредственное целенаправленное воздействие на деятельность подчиненных, задавая обязательные ориентиры их служебного поведения и концентрируя внимание на точном, своевременном и надлежащем выполнении закрепленных функций, а также на достижении определенных управленческих результатов и реализации поставленных задач. Данная форма воздействия обусловлена спецификой правоохранительной службы, требующей высокой степени дисциплины, управляемости и ответственности.

Вместе с тем избыточная концентрация управленческого воздействия исключительно в административно-властной плоскости способна порождать ряд негативных последствий. К их числу относятся злоупотребление властными полномочиями, установление чрезмерного и формализованного контроля за деятельностью управляемых субъектов, неоправданный рост объема отчетной и регламентирующей документации, а также подавление инициативы и творческого потенциала личного состава. В конечном счете подобные тенденции приводят к общей бюрократизации управленческой деятельности и снижению ее эффективности.

В этой связи применение административных методов управления должно носить взвешенный и дифференцированный характер и сочетаться с использованием иных управленческих инструментов – социальных, морально-психологических и экономических. Их комплексное применение позволяет обеспечить адресное воздействие на персонал с учетом конкретных условий служебной деятельности, характера складывающихся управленческих ситуаций и уровня сознательности и ответственности работников, что в совокупности способствует повышению результативности управления и устойчивости всей системы правоохранительных органов [3, с. 113].

Для комплексной характеристики регулятивных возможностей системы управления представляется целесообразным раскрыть взаимосвязь организационно-административных методов управления правоохранительными органами с социальными, морально-психологическими и экономическими методами. Рассмотрение данных методов в их взаимодействии позволяет выявить механизмы комплексного управленческого воздействия, обеспечивающие устойчивость и результативность функционирования системы правоохранительных органов.

Взаимосвязь административных и социально-психологических методов управления обусловлена их общей направленностью на формирование и поддержание служебной дисциплины, развитие чувства профессионального долга и персональной ответственности за результаты выполняемой деятельности. Административные методы в данном случае обеспечивают нормативную и организационную основу управленческого воздействия, реализуемого посредством издания регламентирующих и распорядительных актов, обязательных для исполнения управляемыми объектами. Социально-психологические методы, дополняя административное воздействие, способствуют внутреннему принятию управленческих требований, их осознанию и закреплению в поведении личного состава, что усиливает эффективность прямого управленческого влияния [4, с. 83].

Социально-психологические методы управления ориентированы на регулирование межличностных отношений и социальных связей, складывающихся в трудовых коллективах, а также на процессы, формирующие внутреннюю динамику этих коллективов. Их применение предполагает опору на систему моральных стимулов и использование разнообразных психологических приемов управленческого воздействия, направленных на формирование у работника устойчивой внутренней мотивации, при которой выполнение служебных обязанностей воспринимается не как внешняя повинность, а как осознанный профессиональный долг и внутренняя потребность личности.

Вместе с тем в условиях реализации принципа единоначалия руководитель наделен полномочиями по изданию приказов и распоряжений, обязательных для исполнения. Эффективность таких управленческих решений во многом определяется способностью руководителя учитывать состояние социально-психологического климата в коллективе, а также индивидуальные особенности, профессиональные и личностные качества конкретных исполнителей. Игнорирование данных факторов способно существенно снизить результативность управленческого воздействия, тогда как их учет способствует повышению качества исполнения управленческих актов и достижению поставленных целей.

В научных исследованиях по проблематике управления обоснованно подчеркивается, что организационно-административные методы выполняют ключевую функцию обеспечения упорядоченности, дисциплины и устойчивости деятельности коллектива. Их специфика заключается в прямом характере управленческого воздействия на объект управления, реализуемом посредством издания приказов, распоряжений, оператив-

ных указаний и последующего контроля за их исполнением. Посредством данных методов устанавливаются обязательные количественные и качественные параметры деятельности, обеспечивается рациональное использование ресурсов, а также предупреждаются возможные отклонения от заданного режима функционирования системы.

В то же время в научной литературе обосновывается иная группа управленческих методов – экономические, основанные на воздействии на экономические интересы управляемых субъектов посредством осознанного использования объективных экономических закономерностей. Применение экономических методов предполагает формирование системы планово-экономических показателей, определение механизмов и инструментов их достижения, а также создание условий для материальной заинтересованности в конечных результатах деятельности. Центральное место в структуре экономических методов занимает коммерческий расчет, сущность которого сводится к соизмерению затрат и результатов хозяйственной деятельности организации и обеспечению ее финансовой устойчивости и рентабельности [5, с. 58].

В современных условиях результативность управления правоохранительными органами определяется не столько доминированием административных механизмов, сколько способностью выстроить сбалансированную систему управленческого воздействия, сочетающую организационно-распорядительные, социально-экономические и морально-психологические инструменты работы с личным составом. Особенность данной управленческой модели заключается в двойственном статусе сотрудников органов внутренних дел, которые одновременно выступают адресатами управленческих решений и активными участниками управленческого процесса, обладающими полномочиями по принятию самостоятельных решений, изданию обязательных предписаний, а также по сбору, анализу и обобщению информации о состоянии оперативной обстановки и ключевых социально значимых процессах общественного развития. Указанная двойственная природа управляемых субъектов требует гибкого, дифференцированного и научно обоснованного подхода к построению системы управления, ориентированной не только на формальное подчинение, но и на осознанное, ответственное участие персонала в реализации задач правоохранительной деятельности.

В рамках анализа современных методологических подходов к реализации функций правоохранительной сферы О. В. Домнина обоснованно исходит из положения о том, что обеспечение охраны общественных отношений осуществляется преимущественно через механизм защиты, инициируемый самими заинтересованными участниками данных отношений – субъектами, обладающими соответствующим субъективным интересом. Вместе с тем достижение реальной защищенности и безопасности правовых ценностей не может быть сведено исключительно к данной форме, поскольку в правоохранительной практике используется широкий и многоуровневый комплекс правовых средств и инструментов.

В этой связи представляется методологически оправданным обращение к практике комплексного исследования правовых форм реализации правоохранительной функции уже на этапе нормативного определения субъектов охраны, с учетом их функционального предназначения и объема предоставленных полномочий. Такой подход позволяет выявить специфику участия различных субъектов в правоохранительных отношениях, уточнить границы и содержание их компетенции, а также обеспечить более точное соотнесение применяемых правовых форм с целями охраны общественных отношений и поддержания правопорядка.

При рассмотрении путей преодоления теоретико-методологических затруднений, связанных с организационно-регулирующим воздействием в системе правоохранительных органов, Ю. Г. Бубнова исходит из приоритетности интегративного управленческого подхода, предполагающего одновременное и согласованное применение административных, экономических и социально-психологических инструментов управления. Указанные методы, по мнению автора, не существуют изолированно, а образуют единую, внутренне взаимосвязанную структуру организационно-регулирующего воздействия субъекта управления на управляемую систему. Такой подход позволяет обеспечить целостность управленческого процесса и повысить его адаптивность к изменяющимся условиям служебной деятельности.

При этом Ю. Г. Бубнова обоснованно обращает внимание на риски, связанные с преобладанием административно-властного воздействия, указывая, что его чрезмерное использование способно порождать негативные управленческие эффекты, включая злоупотребление властными полномочиями, установление тотального контроля за деятельностью управляемых субъектов, рост объема отчетной документации и подавление инициативы и творческого потенциала подчиненных. Подобные явления, по сути, снижают эффективность управления и препятствуют достижению поставленных целей. В этой связи автор подчеркивает значимость практической реализации научно обоснованной управленческой стратегии, основанной на сбалансированном применении социальных, экономических и психологических методов воздействия [6, с. 290].

В ходе осмысления фрагментарности используемых методов и функций управления в правоохранительной сфере Н. С. Радченко, А. И. Азарова и С. С. Грецакая обосновывают позицию, согласно которой ключевым направлением модернизации управления органами внутренних дел выступает упорядочение нормативно-правового массива, регулирующего управленческую деятельность. Системное и логически согласованное объединение соответствующих правовых актов, по мнению авторов, формирует институциональные условия для согласованного применения управленческих функций в рамках коллективного управленческого процесса, ориентированного на достижение поставленных целей, а также способствует усилению контрольного компонента в общей структуре управленческого воздействия.

В своих исследованиях авторы рассматривают современные подходы к развитию теории управления правоохранительными органами сквозь призму документально закреплённых управленческих решений, подчеркивая их значение как инструмента формализации управленческой воли и обеспечения преемственности управленческих процессов. Такой подход позволяет не только повысить прозрачность и предсказуемость управленческих действий, но и обеспечить их соответствие нормативным требованиям и стратегическим задачам системы органов внутренних дел.

Наряду с этим Н. С. Радченко, А. И. Азарова и С. С. Грецакая обосновывают необходимость включения в систему постоянной служебной подготовки руководителей подразделений специализированных занятий и тренингов, направленных на развитие управленческих компетен-

ций с акцентом на применение социально-психологических методов воздействия. По мнению авторов, подобные формы подготовки способствуют формированию у руководителей навыков эффективного взаимодействия с личным составом, повышают качество управленческих решений и в целом усиливают управляемость и устойчивость функционирования правоохранительных органов [7, с. 18].

Таким образом, теория управления в области внутренних дел в своем развитии прошла сложный и неоднозначный путь – от преимущественно эмпирического и идеологически детерминированного инструмента властного воздействия к самостоятельной, многоуровневой и научно оформленной отрасли государственного управления, продолжающей динамично развиваться в ответ на современные социальные и правовые вызовы. Развитие рассматриваемой теории осуществляется в неразрывной связи с системными изменениями в сфере государственного управления, эволюцией полицейского права и формированием менеджмента как самостоятельного направления научного знания. Современное состояние теории и практики управления в системе органов внутренних дел базируется, с одной стороны, на обобщении многолетнего опыта правоохранительной деятельности, а с другой – на результатах фундаментальных и прикладных исследований отечественных ученых, представляющих различные области гуманитарных наук. Ведущую роль в формировании и углублении теоретических оснований управления сыграли исследователи, профессионально связанные с системой органов внутренних дел, научное сообщество которых к настоящему времени получило институциональное оформление и признание в рамках научной школы «Управление органами внутренних дел». На современном этапе данная теория развивается как комплексная междисциплинарная система знаний, интегрирующая правовые концепции, управленческие модели и достижения информационно-технологического развития.

Список литературы:

1. Донецкая С. В. Особенности современного управления органами внутренних дел // Молодой ученый. 2025. № 37(588). С. 76-77.
2. Мельничук В. А., Горелов С.А. Организация системы управления в органах внутренних дел Российской Федерации. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2026. 189 с.
3. Калинин Ю.А. Управление в органах внутренних дел [Текст]: учебное пособие. М.: Академия МВД России, 2020. - 320 с.
4. Власов Б. Е., Клименти Н.Ю. Научно-практические аспекты формирования организационной структуры в системе управления органов внутренних дел // Государственное управление в правоохранительной сфере : Сборник статей, Москва, 12 ноября 2025 года. Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. С. 81-86.
5. Семенов А.А., Захаров И.В. Управление и контроль в системе МВД РФ [Текст]: учебное пособие. СПб.: Питер, 2021. 192 с
6. Бубнова Ю.Г. Пути повышения эффективности проведения служебных совещаний в управленческой деятельности правоохранительных органов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. №2 (75). С. 289-293.
7. Аникин В.Н. Модель и методология исследования правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы // Труды Академии управления МВД России. 2023. №3 (67). С. 8-20.

References:

1. Donetskaya S. V. Features of modern management of internal affairs bodies // Young scientist. 2025. No. 37(588). Pp. 76-77.
2. Melnichuk V. A., Gorelov S.A. Organization of the management system in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Moscow: Limited Liability Company «Scientific Publishing Center INFRA-M», 2026. 189 p.
3. Kalinin Yu.A. Management in the internal affairs bodies [Text]: textbook. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 320 p.
4. Vlasov B. E., Klimenti N.Yu. Scientific and practical aspects of the formation of an organizational structure in the management system of internal affairs bodies // Public administration in the law enforcement sphere : Collection of articles, Moscow, November 12, 2025. Moscow: Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 2025. Pp. 81-86.
5. Semenov A.A., Zakharov I.V. Management and control in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Text]: textbook. St. Petersburg: Peter, 2021. 192 p.
6. Bubnova Yu.G. Ways to increase the efficiency of holding office meetings in the management activities of law enforcement agencies // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2023. Vol. 9. No. 2 (75). Pp. 289-293.
7. Anikin V.N. Model and methodology of research of legal regulation of management of the development of the law enforcement sphere // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (67). Pp. 8-20.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ КОНСТРУКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА ON THE ISSUE OF ESTABLISHING CONSTRUCTIVE SIGNS OF MURDER BY THE MOTHER OF A NEWBORN CHILD

ВДОВЕНКО Николай Алексеевич,

магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
ул. М. Горького, д. 166, к. 212, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002.
E-mail: kolya.vdovenko01@mail.ru

КЛОЧКОВА Александра Леонидовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
ул. М. Горького, д. 166, к. 212, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002.
E-mail: klochkova_alexa86@mail.ru

КОРУНЕНКО Елена Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
ул. М. Горького, д. 166, к. 212, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002
E-mail: korobko-elena@mail.ru

VDOVENKO Nikolay Alekseevich,

Master's student of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology Rostov State University of Economics (RINH)
M. Gorky str., 166, room 212, Rostov-on-Don, Russia, 344002.
E-mail: kolya.vdovenko01@mail.ru

KLOCHKOVA Alexandra Leonidovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology
Rostov State University of Economics (RINH),
166 M. Gorky St., room 212, Rostov-on-Don, Russia, 344002.
E-mail: klochkova_alexa86@mail.ru

KORUNENKO Elena Yurievna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology
Rostov State University of Economics (RINH),
166 M. Gorky St., room 212, Rostov-on-Don, Russia, 344002
E-mail: korobko-elena@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, затрагивается ряд вопросов, возникающих в процессе повышения эффективности уголовно-правовых норм за счет обоснованного и правильного их применения. Анализируются проблемные вопросы установления специального субъекта преступления и возможности определения степени соучастия.

Abstract: The article discusses the qualification of a mother's murder of a newborn child and addresses a number of issues that arise in the process of improving the effectiveness of criminal law norms through their reasonable and correct application. The article analyzes the problematic issues of establishing a special subject of a crime and the possibility of determining the degree of complicity.

Ключевые слова: привилегированный состав преступления, убийство, новорожденный, специальный субъект, проблемы квалификации.

Keywords: privileged corpus delicti, murder, newborn, special subject, qualification problems.

Для цитирования: Вдовенко Н.А., Клочкова А.Л., Коруненко Е.Ю. К вопросу об установлении конструктивных признаков убийства матерью новорожденного ребенка // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 522-526. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_522.

For citation: Vdovenko N.A., Klochkova A.L., Korunen E.Yu. On the issue of establishing constructive features murders of a newborn child by a mother // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 522-526. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_522.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

Проблемы квалификации привилегированных убийств, всегда вызывают интерес как у правоприменителя так и у ученых-правоведов, что обуславливает необходимость более детального анализа конкретных правовых норм, с применением уголовно-правового анализа.

На основе изучения целого комплекса научных работ можно сделать вывод о том, что в юридической практике уголовно-правовой анализ занимает особое место среди ряда методов проводимых исследований, и под ним понимается методологически организованное исследование норм права, которое направлено на выявление юридического содержания правовых статей, определения их места в системе законодательства и оценку эффективности возможных пробелов.

В первую очередь стоит отметить что, особого внимания заслуживает состав преступления, предусматривающий убийство матерью новорожденного ребенка. Специфика данного состава заключается в том, что субъектом преступления выступает мать младенца. Она должна быть психически здоровой и достичь возраста уголовной ответственности, в данном случае таким возрастом будет являться шестнадцать лет. Наличие указанных критериев позволяет квалифицировать такой акт как детоубийство, которое является привилегированным составом преступления.

Выявляя конструктивные признаки объективной стороны данного противоправного акта, стоит указать, что он характеризуется деяни-

ем, повлекшим за собой последствия в виде смерти ребенка и причинно следственную связь между действиями матери и наступлением смерти младенца. Из анализа нормы можно сделать вывод о том, что в рамках данной статьи логично выделить три вида детоубийства, разделение между которых проводится по:

- временному критерию, а именно лишение жизни новорожденного в процессе родов или после завершения родовой деятельности;
- психоэмоциональному критерию, при котором убийство совершается при психотравмирующей ситуации, которая оказала существенное влияние на сознание и волю роженицы;
- психиатрическому критерию, то есть лишение жизни ребенка, когда мать находилась в особом психическом состоянии, при котором женщина не была полностью лишена возможности осознавать фактический характер своих действий.

Ключевым признаком данного преступления, выступающим непосредственным объектом преступного посягательства является новорожденный. Однако при анализе состава стоит также учитывать промежуток времени, в котором может совершаться детоубийство. При квалификации деяния выделяют три временных отрезка, а именно:

- период собственно родов;
- непосредственно после родов;
- последующий длительный период времени.

С медицинской точки зрения, «периодом собственно родов», следует понимать такой временной интервал, при котором у женщины начинается родовая деятельность, то есть от начала регулярных схваток, и продолжаются до изгнания последа.

Если говорить о непосредственно родовом периоде, то в научной литературе встречается позиция, согласно которой временной интервал «непосредственно после родов» следует определять как первые сутки с момента рождения ребенка [1, с. 154], так как 24 часовой период объективно отражает физиологическую связь между состоянием матери и новорожденного [2, с. 45]. Но у данной концепции есть и противники. Бородин считает, что 24 часовой период искусственно сужает рамки психотравмирующего состояния, которое может сохраняться и в более длительный период времени [3, с. 287]. Капинус говорит о том, что медицинский критерий новорожденности в одни сутки не должен переноситься в уголовное право из-за долго сохраняющейся психологической связи между матерью и ребенком [4, с. 112]. В связи с этим, для определения послеродового периода стоит остановиться в рамках 24 часов, но стоит также и исходить из оценки психического состояния матери, так как такой подход более универсален.

Ситуация с периодом новорожденности у исследователей обратная ситуация. Большинство ученых выражают солидарность относительного критерия новорожденности в один месяц. Ткаченко отмечает, что в российском праве преобладает подход, который отождествляет период новорожденности с первыми 30 днями жизни ребенка [5, с. 78]. С его позицией также согласен Кадников, который утверждает, что тридцатидневный период соответствует физиологическим параметрам развития младенца и психологическому состоянию роженицы [6, с. 145]. Основываясь на этом можно сказать, что позиция ученых по критерию новорожденности верна и законодательство стоит прислушаться к их мнению и например дополнить статью 106 дополнительным примечанием о периоде новорожденности в 30 дней.

Проанализировав ряд компетентных источников можно сделать вывод о том, что учёные понимают под понятием психотравмирующая ситуация. Они понимают это так: «Под психотравмирующей ситуацией следует понимать обстоятельства, которые субъективно воспринимались матерью как тяжёлые, даже если объективно они не являлись исключительными».

В судебной практике к психотравмирующим ситуациям относят:

- отказ отца ребенка от поддержки;
- роды в условиях крайней бедности;
- угрозы физической расправы со стороны близких [7, с. 346].

Данные критерии не являются исчерпывающими, психотравмирующие ситуации могут быть различными и можно дополнить список следующими вариантами. Как пример психотравмирующей ситуации могут также выступать:

- рождение ребенка с тяжелыми врожденными патологиями;
- роды в условиях социальной изоляции (у несовершеннолетней, которая скрывает свою беременность от родителей);
- предшествовавшее родам изнасилование;
- послеродовые осложнения;
- бездомность и т.д.

Примером психотравмирующей ситуации может также являться трудное материальное положение.

При анализе следующего признака, а именно совершение убийства при наличии состояния психического расстройства, которое не исключает вменяемость, важно понимать, что это является нарушением, описанным в статье 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Психическое расстройство, которое привело к совершению преступления, требует особого внимания и понимания. Необходимо учитывать все возможные причины, которые могли повлиять на поведение роженицы. При установлении конструктивных признаков убийства матерью новорожденного ребенка, суд должен учитывать все обстоятельства совершенного деяния и психическое состояние преступницы, только тогда применение принудительных мер медицинского характера может быть обосновано и полезно для того, чтобы помочь виновной восстановить психическое здоровье и избежать повторения подобных преступлений в будущем.

Важно понимать и осознавать, что в области соприкосновения психиатрии и уголовного права существует определенная градация

психических состояний, которые могут влиять на вменяемость человека. Необходимо четко разграничивать психические расстройства, которые не влияют на способность человека осознавать характер и последствия своих действий, от тех состояний, которые могут привести к признанию человека невменяемым.

С другой стороны, существуют психические расстройства, которые не приводят к полной потере вменяемости. Подобные психические состояния, влияя на поведение лица, не исключают полностью его способности к осознанию и волевому контролю. В уголовно-правовом смысле это характеризует состояние уменьшенной вменяемости, когда субъект сохраняет ограниченную возможность понимать фактический характер и социальное значение своих действий.

Помимо этого необходимо проводить четкое разграничение между психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и психотравмирующей ситуацией. В отличие от последней, которая всегда обусловлена обстоятельствами беременности и родов, психическое расстройство может иметь иную этиологию. Первые преимущественно обусловлены биологическими факторами, тогда как последние носят социально-обусловленный характер.

Приведенные признаки играют ключевую роль в уголовно-правовой оценке деяния и подлежат обязательному учету в процессе назначения наказания.

Хотя субъектом данного преступления признается биологическая мать новорожденного, развитие репродуктивных технологий (в частности, суррогатного материнства) вызывает в доктрине уголовного права дискуссии о необходимости пересмотра этого понятия. В России официально разрешено пользоваться суррогатным материнством по закону, но при этом отсутствует нормативный правовой акт, который бы регулировал всё связанное с данным институтом. Некоторые стороны суррогатного материнства регулируются семейным кодексом и ведомственными актами министерства здравоохранения и социального развития, но в уголовном кодексе отсутствует такое понятие как суррогатное материнство [8, с. 63].

Под суррогатным материнством понимается вынашивание и рождение ребёнка по договору, заключенному между женщиной, которая будет вынашивать плод после операции по переносу донорского эмбриона, и родителями, чьи клетки были использованы для оплодотворения, либо женщиной, для которой, в связи с её медицинскими показателями, вынашивание ребёнка травматично или невозможно [9, с. 178].

Правовая проблема заключается в том, что при суррогатном материнстве беременная сознательно носит генетически чужого ребенка, что требует особого подхода к квалификации противоправных действий в отношении такого плода/новорожденного, учитывая специфику объекта посягательства. Красиков отмечает, что женщина, являющаяся суррогатной матерью, не может являться субъектом преступления и предлагает заменить в диспозиции закона термин «мать» на термины «роженица» или «родильница» [1, с. 155], опираясь на медицинскую практику. В самом деле, утверждение о том, что юридическое признание женщины в качестве матери связано не столько с фактом рождения ребенка, сколько с официальной процедурой регистрации этого события, находит свое подтверждение в законодательных нормах. С юридической точки зрения, процесс становления женщины матерью не начинается в момент появления на свет нового человека, а отсчитывает свои корни с момента, когда орган записи актов гражданского состояния, более известный в народе как ЗАГС, внесет соответствующую запись в актовую книгу. Это означает, что до момента официального документирования факта рождения ребенка, женщина не может быть признана матерью в полном юридическом смысле этого слова. Следовательно, правовой статус материнства возникает исключительно после государственной регистрации факта рождения ребенка в органах ЗАГС, что составляет юридически значимый момент установления материнства. Но ряд ученых выражают несогласие с его предложением. Иванов отмечает, что замена понятия «мать» противоречит принципу юридической определенности. Наумов считает, что приведенный термин отражает не сам факт рождения, а особую психоэмоциональную связь с ребёнком [10, с. 215]. Кадников пишет, что использование медицинских терминов приведет к неоправданному расширению круга субъектов [6, с. 150].

В поддержку данных заявлений можно сказать, что суррогатная мать выполняет те же функции вынашивания и рождения ребенка, как и любая другая женщина, от чего следует подверженность психическим расстройствам, связанным с беременностью, а также нахождение в условиях психотравмирующей ситуации [9, с. 94] и наличия психоэмоциональной связи с ребенком.

Опираясь на мнение ученых можно сформулировать следующий вывод о субъекте преступления по ст. 106 УК РФ. Согласно проведенным исследованиям, субъектом данного преступления выступает именно женщина, осуществившая биологическое вынашивание и рождение ребенка. Следовательно, при квалификации детоубийства, совершенного в родах или непосредственно после них, решающее значение приобретает установление факта биологического материнства и наличие специфической психофизиологической связи между роженицей и новорожденным. Эти факторы играют решающую роль в совершении данного преступления.

Для привлечения к уголовной ответственности по указанной норме необходимо, чтобы виновное лицо достигло шестнадцатилетнего возраста, но на практике возраст может быть ниже данной отметки из-за возрастающей тенденции малолетнего материнства, которая обусловлена ускоренным половым созреванием и более ранним началом половой жизни [11, с. 120]. В связи с этим возникает проблемный аспект правоприменения, который заключается в том, что ст. 106 УК РФ не может быть применена в отношении матерей, не достигших 16-летнего возраста, что создает пробел в уголовно-правовой защите новорожденных. В случае причинения смерти ребенку матерью, которая не достигла 16 лет, при анализе признаков преступления, то в её действиях не будет состава преступления [9, с. 163]. Она не будет подлежать уголовной ответственности вследствие не достижения нужного возраста.

У ученых имеются различные мнения на этот счёт. Согласно данной позиции, убийство, совершенное матерью младше 16 лет, не может квалифицироваться по ст. 106 УК РФ, поскольку данная норма является специальной по отношению к ст. 105 УК РФ, содержит привилегию-

ванный состав и предполагает особый субъект, достигший установленного возраста. Но некоторые правоведы не согласны с этим утверждением. Мурзина считает необходимостью привлечение женщин-детоубийц, не достигших возраста, который описан в статье 106 УК РФ, к уголовной ответственности по статье 105 УК РФ и также выдвигает инициативу по снижению возраста ответственности за убийство новорожденного, до 14 лет [12, с. 135].

Подводя итог проведенной работе анализа мнений юристов, можно определиться с выбором позиции специалистов, которые выступают за снижение возраста уголовной ответственности в статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как, настоящая редакция данного закона не соответствует принципу справедливости. Данная правовая коллизия проявляется в следующем: если 14-летняя мать лишает жизни своего 5-недельного ребенка, ее действия квалифицируются как убийство по ст. 105 УК РФ (как общий состав). Однако если возраст ребенка не превышает 4 недель, формально отсутствуют основания для привлечения к ответственности, поскольку ст. 106 УК РФ (специальный состав) не применяется из-за возраста матери и признаки общего состава убийства могут быть оспорены с учетом особого психофизического состояния. Вторым примером можно считать то, что наказание за убийство матерью новорожденного ребенка также несправедливо предусматривает более мягкое наказание, чем за убийство лица, которое заведомо для виновного находился в беспомощном состоянии, то есть 16 летняя мать, за убийство своего ребенка может получить от 2 до 4 лет лишения свободы, когда как 14 летняя мать может получить наказание от 8 до 20 лет лишения свободы.

Для правильной квалификации важно правильно установить субъективную сторону преступления, так как это отражает связь между сознанием и волей субъекта, с общественно опасным деянием.

Ключевыми характеристиками субъективной стороны являются вина, мотив и цель. Говоря о структуре субъективной стороны выступает в качестве обязательного компонента, тогда как мотив и цель относятся к дополнительным, необязательным признакам.

Вина представляет собой осознание лицом своих действий или бездействия, которые привели к совершению преступления. Вину в совершении преступления можно определить в психическом отношении в форме умысла. Правоведы считают, что, в отношении детоубийства, умысел возникает в результате накопления отрицательных эмоций в условиях психотравмирующей ситуации. Ими могут являться те, которые описаны ранее.

Мотив обуславливает обстоятельства, при которых было совершено преступное деяние.

Цель – это то, что лицо стремилось достичь, совершая преступление. Цель также не является обязательным элементом субъективной стороны, но ее наличие может помочь понять целенаправленность действий лица. Целью данного преступления является лишение жизни новорожденного. Рассматривая преступное посягательство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, носит умышленный характер и может совершаться в двух формах:

- с прямым умыслом (осознание опасности, предвидение и желание смерти ребенка);
- с косвенным умыслом (предвидение последствий при отсутствии желания, но с сознательным допущением или безразличием) [15, с.

523].

Но стоит отметить, что причинение смерти новорожденному, которое было совершено по неосторожности, не влечет ответственности по ст. 106 УК РФ.

В судебной практике также встречаются случаи, когда умысел по убийству ребенка не был завершён по независящим от преступницы обстоятельствам.

В сфере юридической деятельности неоднократно возникали ситуации, когда женщина, ставшая мамой только что родившегося младенца, оказывалась соучастником преступления предусмотренного ст. 106. Роль матери в лишении жизни новорожденного может варьироваться в зависимости от формы соучастия. Если она выступает как соисполнитель (непосредственно выполняющий действия, описанные в диспозиции нормы), это создает сложности при квалификации действий других соучастников. В теории и практике выработаны три подхода:

- квалификация матери по ст. 106 УК РФ, а остальных участников по ст. 105 УК РФ;
- применение ст. 106 УК РФ ко всем соисполнителям;
- привлечение всех участников по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего).

Из всех вариантов третий является наиболее правильным. Если мать не является непосредственным исполнителем, а выступает в качестве организатора, подстрекателя или пособника, это образует состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, применимый ко всем участникам преступной группы.

У данной точки зрения есть и противники. Капинус писал, что применение квалифицированного состава к матери-организатору убийства новорожденного игнорирует специфику послеродового психофизиологического состояния, которое может влиять на её способность осознавать последствия действий, что противоречит цели привилегированного состава ст. 106 УК РФ [4, с. 122]. Вследствие этого, противники данного подхода предлагают в этом случае действия матери квалифицировать по ст. 106 УК РФ [3, с. 290].

В последнем варианте, когда мать совершает преступление под угрозой, уговорами, обманом других лиц, склоняющих её к убийству новорожденного ребенка.

В данной ситуации квалификация соучастников осуществляется по статье, предусматривающей ответственность за действия исполнителя, с указанием на конкретный пункт ст. 33 УК РФ (организатор, подстрекатель или пособник).

Согласно доктринальной позиции, действия матери подлежат квалификации по ст. 106 УК РФ, в то время как действия иных соучаст-

ников должны оцениваться по ст. 105 УК РФ с указанием соответствующей части ст. 33 УК РФ, определяющей их роль в преступлении [14, с. 84].

Подводя итог, можно сделать ряд выводов, так как есть специфика установления ряда спорных моментов, в частности:

- периодом «непосредственно после родов» следует признавать временной интервал в течение 24 часов после полного отделения последа;
- психотравмирующей ситуацией признаются обстоятельства, которые субъективно воспринимались матерью как тяжёлые, даже если объективно они не являлись исключительными;
- понятие состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, находится в ст. 22 УК РФ, при этом стоит разграничивать ограниченную вменяемость от невменяемости и психотравмирующей ситуации;
- субъектом преступления ст. 106 УК РФ является не просто мать, а роженица;
- детоубийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, представляет собой умышленное преступление, которое может быть совершено как с прямым (когда мать желала смерти ребенка), так и с косвенным умыслом (когда сознательно допускала наступление смерти или относилась к ней безразлично);
- для данного преступления также существует степень соучастия. Мать ребенка может выполнять следующие функции: соисполнителя (совместное совершение деяния); организатора, пособника или подстрекателя; исполнителя, действующего под влиянием внешнего давления (угрозы, психологическое воздействие, обман).

Список литературы

1. Красиков А.Н. Уголовно правовая охрана жизни и здоровья человека. - М.: Норма, 2018. - С. 154.
2. Благова Е.В. Проблемы квалификации детоубийства //Законность. 2020. №5. - С. 45.
3. Бородин С.В. Преступление против жизни. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. - С. 287.
4. Капинус О.С. Убийства: мотивы и квалификация. - М.: Буквоед, 2019. - С.112.
5. Ткаченко В.И. Уголовно правовая защита детей. - М.: Проспект, 2021. - С. 78.
6. Кадников Р.Н. Квалификация преступлений против жизни. - М.: Юрлитинформ, 2019. - С. 145.
7. Рарог А.И. Уголовный кодекс РФ: научно-практический комментарий. - М.: Проспект, 2023. - С. 356.
8. Вакалюк Е.С. Субъект преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ //Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №1. - С. 63.
9. Зими́на У.Е. Проблемы определения субъекта убийства матерью новорожденного ребенка //Сборник статей Международной научно-практической конференции //Проблемы правового понимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации, 2016. - С. 178.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. - М.: Волтерс Клувер, 2020. Т.2. - С. 215.
11. Сазанова Е.А. Спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка //Известия ВУЗов. 2014. №6. - С. 120.
12. Мурзина Л.И. Квалификация убийства новорожденного ребенка, совершенного его матерью //Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. №28. - С.135.
13. Городнова О.Н. Оценочные признаки элементов состава преступления «Убийство матерью новорожденного ребенка» //Вестник Российского университета кооперации. 2017. №3. - С. 9.
14. Тменова С.Х. Некоторые проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного совместно с другими лицами //Вестник научных конференций. 2017. №5. - С. 84.
15. Яковлев А.В., Ключкова А.Л., Третьякова К.Ю. Убийство матерью новорожденного ребенка: актуальные проблемы и пути их разрешения //Аграрное и земельное право. 2024. №12 (240). - С. 522-524.

References:

1. Krasikov A.N. Criminal Law Protection of Human Life and Health. - M.: Norma, 2018. - P. 154.
2. Blagova E.V. Problems of Qualifying Infanticide //Legality. 2020. No. 5. - P. 45.
3. Borodin S.V. Crime Against Life. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2017. - P. 287.
4. Kapinus O.S. Murders: motives and qualifications. - M.: Bukvoed, 2019. - P.112.
5. Tkachenko V.I. Criminal legal protection of children. - M.: Prospekt, 2021. - P. 78.
6. Kadnikov R.N. Qualification of crimes against life. - M.: YurLitinform, 2019. - P. 145.
7. Rarog A.I. The Criminal Code of the Russian Federation: a scientific and practical commentary. Moscow: Prospekt, 2023, p. 356.
8. Vakalyuk E.S. The subject of a crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation //Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 1. - P. 63.
9. Zimina U.E. Problems of Determining the Subject of Murder by a Mother of a Newborn Child //Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference //Problems of Legal Understanding and Enforcement in the Past, Present, and Future of Civilization, 2016. - P. 178.
10. Naumov A.V. Russian Criminal Law. Course of lectures. - M.: Wolters Kluwer, 2020. Vol. 2. - P. 215.
11. Sazanova E.A. Controversial issues of qualification of the murder of a newborn child by its mother //Izvestiya VUZov. 2014. No. 6. - P. 120.
12. Murzina L.I. Qualification of the murder of a newborn child committed by its mother //Izvestiya of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. 2012. No. 28. - P. 135.
13. Gorodnova O.N. Assessment Signs of Elements of the Crime "Murder of a Newborn Child by a Mother" // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2017. No. 3. - P. 9.
14. Tmenova S.Kh. Some Problems of Qualifying the Murder of a Newborn Child by a Mother Committed in Conjunction with Other Persons // Bulletin of Scientific Conferences. 2017. No. 5. - P. 84.
15. Yakovlev A.V., Klochkova A.L., Tretyakova K.Yu. Murder of a newborn child by a mother: current problems and ways to resolve them // Agrarian and land law. 2024. No. 12 (240). - P. 522-524.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В РОССИИ RETROSPECTIVE ANALYSIS OF LEGISLATION PROVIDING FOR RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION IN RUSSIA

МАКАРОВА Екатерина Сергеевна

Доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: leramak2007@yandex.ru

АРТЕМОВ Дмитрий Юрьевич

Старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: leramakcc2007@yandex.ru

НЕЛИПОВИЧ Екатерина Васильевна

Преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: leramakc2007@yandex.ru

MAKAROVA Ekaterina Sergeevna

Associate Professor of the Department of Professional Activities of Public Order Protection Units, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3.
E-mail: leramak2007@yandex.ru

ARTEMOV Dmitry Yurievich

Senior Lecturer of the Department of Professional Activity of Public Order Enforcement Officers Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3.
E-mail: leramakcc2007@yandex.ru

NELIPOVICH Ekaterina Vasilievna

Lecturer of the Department of Professional Activity of Public Order Enforcement Officers Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3.
E-mail: leramakc2007@yandex.ru

Краткая аннотация : В ходе проведения исследования с целью изучения проблемы взяточничества считаем возможным проведение ретроспективного анализа законодательства, предусматривающего ответственность за данные виды преступлений. Целью ретроспективно анализа определим - установить влияние на национальное законодательство личности руководителя страны в историческом контексте. Так в рамках ретроспективного анализа, нужность и необходимость которого можно подтвердить выражением приписываемом Петру Столыпину «В России за 10 лет меняется всё, за 200 лет — ничего», или выражение Салтыкова-Щедрина «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют».

Abstract: In the course of conducting research to study the problem of bribery, we consider it possible to conduct a retrospective analysis of the legislation that provides for liability for these types of crimes. The purpose of the retrospective analysis is to determine the influence of the personality of the country's leader on national legislation in the historical context. In the context of retrospective analysis, the need and necessity of which can be confirmed by the expression attributed to Pyotr Stolypin: "In Russia, everything changes in 10 years, and nothing changes in 200 years," or by the expression of Mikhail Saltykov-Shchedrin: "If I fall asleep and wake up 100 years later and someone asks me what is happening in Russia, I will say that people are drinking and stealing."

Ключевые слова: взяточничество, коррупционные преступления, преступления, злоупотребление полномочиями.

Keywords: bribery, corruption crimes, crimes, abuse of authority.

Для цитирования: Макарова Е.С., Артемов Д.Ю., Нелипович Е.В. Ретроспективный анализ законодательства, предусматривающего ответственность за взяточничество в России // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 527-530. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_527.

For citation: Makarova E.S., Artyomov D.Yu., Nelipovich E.V. A retrospective analysis of legislation providing for responsibility for bribery in Russia // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 527-530. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_527.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

На современном этапе развития законодательства и изменения форм общественных отношений, связанных с получением государственных услуг в свою очередь коррупционные притупления, в том числе и взяточничество, видоизменились.

Говоря о понятии коррупционных преступлениях, стоит указать международно-закреплённое толкование рассматриваемого понятия, а именно к указанной группе преступлений относятся прежде всего взяточничество, злоупотребление полномочиями, легализация денежных средств полученных преступным путём.[1] В нашей стране легализация, являясь абсолютно предикатным составом преступления, скорее возможно отнести к преступлениям, совершаемых в сферах финансово-кредитной системе, незаконного оборота наркотических средств и в экстремистской деятельности в части осуществления финансирования указанной деятельности.

Взяточничество в России, в случае его рассмотрения в качестве процесса изменения статистических данных, представляет собой неоднозначный и сложно характеризующийся неотъемлемый элемент общества.

Так, если взять на первоначальную точку отсчёта становление современной России, то вначале 90-х годов при переходе и попытке становления рыночной экономики, представляется возможным утверждать о резком росте коррупционных преступлений и соответственно фактов взяточничества. Предпосылками роста указанных преступлений являются отсутствие необходимого опыта у правоохранительных органов в противодействии новым видам преступления, а также отсутствие прежде всего законодательных механизмов противодействия (таких как проведение тендеров, общественного контроля и т.д.).

Приводить статистические данные за прошедшие десятилетия не имеет практического смысла с учётом предмета исследования настоящей работы. Указанные данные больше представляет интерес при оценке эффективности деятельности всех правоохранительной системы страны.

Наиболее полезным в рамках представленной работы будут иметь данные опроса граждан за 2023 год относительно уровня коррупции в стране, так большинство из опрошенных - более 30% считают, что уровень рассматриваемых видов преступления растёт (20% считают, что он снижается), более 46% респондентов считают о невозможности борьбы с коррупцией, а 41 % считают о возможности снижения уровня коррупции, но сделать по мнению опрошенных не удастся. [2]

Одной из причин, представляющих сложность в противодействии взяточничеству - отсутствие независимого механизма и процедуры осуществления доследственной проверки и расследования данных видов преступления. Так же стоит отметить укоренившееся мнение о безнаказанности за совершение взяточничества.

Как нам кажется, одной из эффективной меры противодействия был бы контроль над уровнем расходов, именно расходов, должностных лиц, членов их семей и аффилированных с ними лиц.

При рассмотрении тенденций изменения законодательства в сфере взяточничества, с учётом обозначенного наименования исследования, можно выделить:

- ужесточение законодательства в части наличия иностранного капитала;
- «валовое» увеличение уголовных дел, при сохранении практически неизменных количества осужденных;
- рост уровня общественного контроля; [3, С. 145]
- открытость сведений о государственных контрактах (закупках);
- пропаганда неприемлемости взяточничества в рамках образовательных программ;
- эффективная работа ведомственных структур, наделенным правом аудита, но не имеющим право проведения проверок в рамках уголовно-процессуального законодательства (аудит контрольно-ревизионных подразделений, счётной палатой).

Эффективное противодействие коррупции не представляется возможным, даже при наличии эффективно работающего законодательства и общественного контроля, без формирования и изменения общественного сознания о нетерпимости к взяточничеству.

Говоря об исторических этапах борьбы со взяточничеством, исследователи выделяют следующие этапы развития:

- период формирования первых источников права и становление государственности (так называемый «древний период»);
- период XVI-XIX веков;
- советский период;
- постсоветский период, который рассмотрен выше (современный этап).

При рассмотрении древнего периода стоит остановиться на таком понятии, как «кормление», представляющее собой получение материальных выгод должностных лиц на местах от местного населения. Размер указанного «кормления» в ряде случаев перерастал в злоупотребление. Для ограничения размера «кормления» Ярославом Мудрым в рамках Русской правды были приняты нормативы. [4, С.684-685]

Следующим этапом, заслуживающим интерес является появление понятия «посул» - синоним нынешней взятки и в рамках Двинской уставной грамоты 1397 года установлен запрет на выполнение действий за вознаграждение - «посул». [5]

Также понятие «посул» присутствует и в Новгородской грамоте 1471 года («А докладшиком от доклада посула не взять»). [4]

Однозначно заслуживает внимания Судебник Ивана III 1497 года, где указан запрет о получении судьями взяток за производство судебного процесса и вынесение несправедливого решения («А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити ни дружити никому»).[6]

В Судебнике Ивана IV 1550 года дана квалификация конкретных деяний, подпадающих под определение взяточничества и указана за них санкция. Так статья 1 определяет ответственность судей и лиц, осуществляющих правосудие - бояре, дворецкие, казначеи, окольничьи, дьяки. Статья 3 определяет ответственность, а именно размер материального возмещения в трехкратном размере. Статья 4 в качестве ответственности для дьяков предусматривает тюремное заключение, а в статье 5 для низших чинов предусмотрены телесные наказания. [7, С.26]

Рассматривая Судебник Ивана IV возможно выделить ряд отличительных особенностей, а именно наличие четко определённого круга лиц, квалификация деяний и меры ответственности.

Соборное уложение 1649 года по своей структуре и содержанию (категории лиц, квалификации и ответственности) мало чем отличается от Судебника 1550 года.

За время правления Петра I в рамках реформирования было издано 334 указов, уставов и регламентов. [8]

В рамках проведённых реформ появились определения взяточничества, к которому относились - принятие подарка или взятка; нарушение служебного долга из-за взятки и совершение преступления за взятку; а его субъектами наряду с должностными лицами стали признаваться также посредники и недоносители.

В результате изменения ответственности за факты взяточничества предусматривалось наказание в виде смертной казни. [9, С.154]

В купе коррупционных преступлений в законодательстве, сформировавшимся при Петре I, взяточничеству определено отдельное место как самому распространённому преступлению. Так Указ от 24 декабря 1741 года ««О воспрещении взяток и посулов за оное» определял запрет на мздоимство (««... получение должностным лицом мзды помимо содержания, получаемого от государства, независимо от того влияния, какое взятка оказывает в сфере служебной деятельности чиновника – есть преступление по службе, ибо, доставляя незаконный прибыль чиновнику, взятка причиняет ущерб плательщику»»).[10]

Указанным уставом так же были определены и формы взятки:

- в качестве подарка;
- злоупотребление полномочиями за взятку, выразившееся в нарушении долга;
- совершение преступления за взятку.

Несмотря на то, что за взяточничество устанавливалось достаточно жесткое и даже жестокое наказание, размах его в период правления Петра I достиг небывалого до этого масштаба. Не способствовало предупреждению этого опасного преступления даже то, что Петр решил установить чиновникам высокое жалование. В литературе можно найти немало примеров о процветании взяточничества и казнокрадства. Так, уличен был во взятках и казнен сам обер-фискал Нестеров. Был повешен за взяточничество, злоупотребления, казнокрадство сибирский губернатор князь Гагарин, который даже умудрился украсть бриллианты, купленные в Китае для жены Петра I, пока их везли через Сибирь. А у любимца царя князя Меншикова после его падения было найдено до трех миллионов деньгами и бриллиантами и сделан начет (царь обязал вернуть украденное) в размере почти годового бюджета Российской Империи. Лишь в Белгородской губернии как взяточники и мздоимцы были обвинены 39 чиновных «персон», в числе которых можно упомянуть прокурора Зыбина, тайного советника Салтыкова и др. [11]

В период правления Екатерины II в рамках борьбы со взяточничеством была проведена реформа направленная на децентрализацию, а именно вопросы управления были делегированы на места. Наибольшего внимания заслуживают следующие принятые нормативные акты - к Указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» (1762 г.), Указ «О распубликовании во всем государстве об учиненных наказаниях за взятки и лихоимство» (1766 г.), Указ «О штрафовании присутственных мест за нерапортование и за неисполнение по посланным указам в сроки» (1766 г.), «О наказании мирских начальников, уличённых в незаконных поборах» (1796 г.). По результатам проведённых реформ в рассматриваемый период возросла численность чиновничьего аппарата, что в свою очередь привело к увеличению должностных преступлений в том числе и взяточничеству.

В последней четверти XVIII в. лица, совершившие должностные преступления (кроме взяточников), в основном прощались, а наказанием за взяточничество стало для низших чинов – исключение со служб с лишением чина и взысканием полученных денег в двойном размере, а для высших чинов – временное пребывание в своих поместьях.

Рассматривая Советский период развития страны стоит начать с крайне отрицательного отношения к фактам проявления взяточничества В.И. Ленина. Так в письме Курскому Д.И. 1918 года требовал принять закон, предусматривающих суровое наказание за взяточничество. [12]

В мае 1918 года был подписан соответствующий декрет (Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 «О взяточничестве»), определяющий уголовную ответственность за получение, дачу и пособничество в получении взятки. Указанный декрет представлял собой первый нормативно - правовой документ, определяющий уголовную ответственность за взяточничество. Ответственность предусматривала и лишение свободы на срок до 5 лет. Отягчающими обстоятельствами являлись:

- вымогательство;
- особые полномочия государственного служащего;
- нарушение государственным служащим своих обязательств.

В 1921 году в рассматриваемый декрет было внесено ряд изменений, а именно предусматривало освобождение от ответственности взяткодателя при сообщении о факте взятки и способствовании в расследовании. Также изменения коснулись и посредничества во взяточничестве.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года предусматривал ст. 114, предусматривающую ответственность за взяточничество, в свою основу положил указанный выше декрет и внесённые изменения в него. За указанное преступления в рамках УК РСФСР 1922 года предусматривалась смертная казнь в форме расстрела.

Дальнейшим нормативно-правовым актом в уголовно-правовой сфере стал УК РСФСР 1960 г. Именно в нем стали выделяться квалифицированные составы преступлений в сфере взяточничества:

- вымогательство взятки;
- неоднократное получение взятки;
- судимость за получение взятки и др. [13]

В представленном уголовном кодексе существенно были ожесточены виды наказаний. Теперь лица, совершившие противоправные деяния за взяточничество получали до десяти лет лишения свободы с конфискацией, если же имелись обстоятельства, отягчающие ответвен-

ность, то указанный срок возрастал до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией.

В УК РСФСР 1960 года было введено понятие должностного лица, к которому относились и работники организаций, предприятий, кооперативных или государственных учреждений, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими служебных обязанностей могли за взятку принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взяткодателей.

К квалифицирующим составам получения взятки относились:

- наличие прежней судимости за взяточничество или неоднократное получение взятки;
- ответственное положение должностного лица;
- получение взятки, сопряжённое с вымогательством.

Законодатель за получение взятки без отягчающих обстоятельств предусмотрел наказание от трех до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. Квалифицированный вид наказывался лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой после отбытия лишения на срок от двух до пятнадцати лет или без ссылки, а при особо отягчающих обстоятельствах – смертной казнью с конфискацией имущества.

С течением времени наказания за получение взятки были существенно снижены, но если взятка была получена и имелись отягчающие обстоятельства, то применялась смертная казнь. Такие правила были установлены указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1989 г. Однако, уже в 1991 г. смертная казнь за преступные деяния, установленные ч. 3 ст. 173 УК РСФСР была упразднена, поскольку до этого времени она фактически не применялась.

Необходимо отметить ключевую роль постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 в вопросах квалификации преступлений в сфере взяточничества. В указанном постановлении были разъяснены: суть распорядительных, административных, хозяйственных направлений деятельности, входящих в полномочия должностных лиц; корыстная или иная личная заинтересованность; существенный вред.

В большей степени указанные разъяснения не утратили своего значения и в УК РФ 1996 г.[14]

В настоящем исследовании рассмотрены отличительные исторические этапы формирования российского законодательства в сфере определения понятия и ответственности за взяточничество. Считаем, что в ходе исследования удалось продемонстрировать изменение отношения к проявлениям взяточничества с учётом личности главы государства.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года/
2. Фонд общественного мнения. Проблема безопасности в России: от мнения населения до политики. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Bezopasnosti-pravo/15023/>
3. Рашева Н.Ю. Роль общественного контроля как меры противодействия коррупции // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 1А. С. 273.
4. Селдусева, О.В. Становление антикоррупционного законодательства на примере древнерусского права как начало стратегического развития борьбы с коррупцией / О.В. Селдусева // Юридическая техника. – 2022, № 9 – С. 683- 687
5. Двинская уставная грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/1839504/page:5/> (дата обращения 10.07.2025)
6. Судебник 1497 года [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Судебник_1497_года (дата обращения 10.10.2025).
7. Шатковская, Ш.В., Федорова М.Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею судебного 1550 года / Ш.В. Шатковская //Северно-кавказский юридический вестник. – 2023, № 3 – С. 22 – 31.
8. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968.
9. Антонова Е. Ю. Субъект уголовной ответственности : историкоправовой аспект : монография. Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2007. – 184 с.
10. ПСЗ. – СПб., 1830. – Т. V. – № 3295.
11. Анциферов К. Взяточничество в истории русского законодательства // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1884. – Т. XIV. – Кн. 2.
12. Квициния А. К. Взяточничество и борьба с ним. М., 1980. С. 101
13. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 4 (ред. от 10.02.2000) «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» // СПС «КонсультантПлюс» – 2020/
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // СПС «КонсультантПлюс» – 2020.

References:

1. The United Nations Convention against Corruption was adopted by General Assembly resolution 58/4 of October 31, 2003/
2. The Public Opinion Foundation. The problem of security in Russia: from public opinion to politics. [electronic resource]. URL: <https://fom.ru/Bezopasnosti-pravo/15023/>
3. Rasheva N.Y. The role of public control as an anti-corruption measure // Issues of Russian and international law. 2022. Volume 12. No. 1A. p. 273.
4. Seldusheva, O.V. The formation of anti-corruption lawmaking on the example of Ancient Russian law as the beginning of a strategic development in the fight against corruption / O.V. Seldusheva // Legal Technology. – 2022, No. 9– pp. 683-687
5. Dvinskaya charter [Electronic resource]. URL: <https://studfile.net/preview/1839504/page:5/> (accessed 07/10/2025)
6. The Judicial Code of 1497 [Electronic resource]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Sudebnik_1497_year (date of appeal 10.10.2025).
7. Shatkovskaya, Sh.V., Fedorova M.H. The first codification of Russian positive law: on the anniversary of the judicial code of 1550 / Sh.V. Shatkovskaya //North Caucasian Law Bulletin, 2023, No. 3, pp. 22-31.
8. Eroshkin N. P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow, 1968.
9. Antonova E. Y. The subject of criminal responsibility : the historical and legal aspect : monograph. Khabarovsk : Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 184 p.
10. PSZ. – St. Petersburg, 1830. – Vol. V. – No. 3295.
11. Antsiferov K. Bribery in the history of Russian legislation // Journal of Civil and Criminal Law, St. Petersburg, 1884, vol. XIV. – Book 2.
12. Kvitsinia A. K. Bribery and the fight against it. Moscow, 1980. p. 101
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 30.03.1990 N 4 (as amended on 10.02.2000) "On judicial practice in cases of abuse of power or official position, abuse of power or official authority, negligence and official forgery" // SPS "ConsultantPlus" – 2020/
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated September 23, 1977 No. 16 "On judicial practice in cases of bribery" // SPS "ConsultantPlus" – 2020.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ НАСИЛИЮ PROBLEMS OF COMBATING DOMESTIC VIOLENCE

МОСКАЛЕВА Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «РГУП». 344038, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр-т Ленина, д. 66. e.kowal2010@yandex.ru

КОРОЛЕНКО Ирина Ивановна,

доцент кафедры процессуального права РГЭУ РИНХ, к.ю.н., доцент. 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая улица, 69, индекс 344002 korolenko.irina.2013@mail.ru

MOSKALEVA Elena Nikolaevna

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law of the Rostov Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "RGUP". 66 Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia, Rostov region. e.kowal2010@yandex.ru

KOROLENKO Irina Ivanovna,

Associate Professor of the Department of Procedural Law at the Russian State Economic University of the Russian Academy of Economics, Candidate of Law, Associate Professor. 69 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344002, Russia, zip code 344002 korolenko.irina.2013@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы противодействия семейному насилию. На междисциплинарном уровне проведен анализ механизма семейного насилия, его детерминантов. Особое внимание уделено феномену виктимности, а также процессу инверсии ролей агрессора и жертвы. Определены предпосылки латентности семейного насилия. В процессе исследования авторами проведено соотношение правовых аспектов проблематики с криминологическим учением, а также знаниями в сфере юридической психологии. В результате исследования, выделены определенные криминологические риски в семейных отношениях, названы глубинные психологические характеристики, влияющие на поведение тирана и жертвы. Аргументированы выводы о необходимости совершенствования уголовно-правовых и криминологических мер противодействия семейному насилию, определена роль цифровых технологий в механизме противодействия семейному насилию.

Abstract: This article examines the challenges of combating domestic violence. An interdisciplinary analysis of the mechanisms of domestic violence and its determinants is provided. Particular attention is paid to the phenomenon of victimization and the process of role reversal between aggressor and victim. The prerequisites for the latency of domestic violence are identified. During the study, the authors correlated the legal aspects of the issue with criminological doctrine and legal psychology. As a result, specific criminological risks in family relationships were identified and the underlying psychological characteristics that influence the behavior of both perpetrators and victims were identified. Conclusions regarding the need to improve criminal law and criminological measures to combat domestic violence are substantiated, and the role of digital technologies in combating domestic violence is defined.

Ключевые слова: инверсия ролей, насильственные преступления, виктимология, длительная психотравмирующая ситуация, жертва, личность преступника, потерпевший, противодействие, профилактика, семейное насилие.

Key words: role inversion, violent crime, victimology, long-term traumatic situation, victim, personality of the perpetrator, survivor, counteraction, prevention, domestic violence.

Для цитирования: Москалева Е.Н., Короленко И.И. Проблемы противодействия семейному насилию // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 531-535. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_531.

For citation: Moskaleva E.N., Korolenko I.I. Problems of countering family violence // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 531-535. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_531.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2026

Во все времена институт семьи играл значимую роль в обществе и даже в современных условиях развивающейся цифровой эпохи, онлайн-коммуникаций, такой глубоко традиционный институт как семья, является движущей силой общественного развития. Современное семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов [1]. Понятие «семья» традиционно ассоциируется с безопасностью, поддержкой и любовью. Однако, в условиях общих социальных проблем, современная семья сталкивается с различными сложностями, что неминуемо влияет на психоэмоциональный климат внутрисемейных отношений.

По данным Аналитического центра ВЦИОМ на 1 декабря 2025 г., «за три года уровень внутреннего напряжения россиян вырос, четверо из десяти россиян часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями, и этот показатель увеличился почти в полтора раза с 2022 года. Главные источники тревоги сосредоточены в личной, трудовой и финансовой сферах, а также в новостной повестке [2]. Выборочные исследования показывают, что продажи антидепрессантов растут третий год подряд [3]. Для семейной сферы отношений характерно тесное межличностное взаимодействие, соответственно все негативные факторы, в первую очередь, влияют на качество внутрисемейных межличностных коммуникаций.

Одной из важнейших острых проблем современного института семьи является внутрисемейное насилие. По мнению экспертов, «ситуация с выявленными и пресеченными преступлениями и административными правонарушениями в сфере семейных отношений остается стабильно напряженной» [4, с. 47]. Опросы, проведенные аналитическим центром ВЦИОМ в 2025 г., показывают, что каждый десятый россиянин сталкивается с семейным насилием. Около трети респондентов отметили, что им известно о подобных ситуациях в своем окружении [2].

Проблемы противодействия семейному насилию обусловлены высоким уровнем латентности данного негативного явления. Жертвы

семейного насилия не склонны обращаться в правоохранительные органы, оправдывая свое бездействие спецификой родственных отношений, безысходностью жизненных ситуаций, в том числе опасением актов возмездия со стороны агрессора. При этом, замалчивая проблему, жертва существенно снижает уровень своей безопасности. Агрессор утверждает в своей безнаказанности, что способствует продолжаемым насильственным действиям в отношении жертвы.

В отличие от иных насильственных посягательств, механизм внутрисемейного насилия отличается специфическими условиями, создающими криминологические риски. По своему определению, семья изначально является закрытой сферой общественных отношений. В традициях нашего менталитета, «не принято выносить сор из избы», поэтому, действуя согласно данной установке, жертвы внутрисемейного насилия склонны скрывать происходящие противоправные события от общественности и даже от близких родственников и друзей. Такое отношение жертвы к собственной безопасности может быть обусловлено глубокими психологическими предпосылками. С учетом того, что первоначальной стадией семейного насилия чаще всего являются абьюзивные проявления со стороны тирана (насмешки, унижения и т.п.), неуверенность жертвы формируется постепенно.

В дальнейшем психологическое деструктивное поведение тирана дополняется физическими актами агрессии. Если жертва продолжает терпеть, каждый раз рискуя здоровьем и жизнью, значит она чувствует себя беспомощной в сложившейся ситуации, не видит собственного потенциала, не верит в то, что какие-либо социально-приемлемые способы решения проблемы окажутся эффективными. Феномен выученной беспомощности исследуется в психологии и требует длительной работы по стабилизации эмоционального состояния жертвы [5, с. 86]. Метафорически его можно описать так, что жертва ощущает себя связанной по рукам и ногам, хотя фактически она свободна и вольна самостоятельно принимать решения.

Лица, совершившие насильственные преступления в семье, обладают общими чертами личности, о наличии которых говорит, в первую очередь, выбор ими специфического способа воздействия (насилия) на члена своей семьи, сам по себе свидетельствующий об определенной нравственно-психологической дефектности их личности. У домашних тиранов агрессия является системообразующим качеством, что делает внутренне целесообразным их противоправное поведение. Деструктивные (разрушительные) побуждения беспрепятственно реализуются в их поведении, так как такие личности не стремятся к их сдерживанию и контролю. Путем повторного акта агрессии преступник показывает свою «власть» над жертвой, проявляет антисоциальную ориентацию, пренебрежение к физическому и психическому здоровью члена своей семьи.

Однако, не для каждого семейного агрессора характерен вышеуказанный криминологический портрет. Отдельные люди склонны к импульсивному насильственному поведению лишь в острых стрессовых ситуациях. В механизме такого преступления значимую роль играет личность и поведение потерпевшего. Встречаются ситуации, когда жертва физического насилия на начальном этапе конфликтного взаимодействия неосознанно провоцирует физическую агрессию со стороны партнера. Самыми распространенными ошибками жертв являются такие варианты поведения как унижение, оскорбление и иные аморальные, а иногда и противоправные действия в адрес потенциального агрессора. Выбирая такую манеру поведения, потенциальная жертва самонадеянно рассчитывает, что сможет «победить» в конфликте посредством психологической «атаки». Однако, каждая ситуация индивидуальна и встречную реакцию другого человека прогнозировать сложно. Все зависит от установок, ценностей, жизненного опыта человека, которому адресуется лингвистическая агрессия. Традиционно агрессия понимается как одна из форм защиты своего «я» и, если человек воспринимает ситуацию как угрожающую его представлениям о себе, то либо он меняет ситуацию, либо просто уничтожает источник угрозы его Я-концепции (в его индивидуальном понимании). Есть вероятность, что у лиц, склонных к импульсивным проявлениям, негативное виктимное поведение потенциальной жертвы вызовет такие эмоции как ярость, ненависть, желание причинить максимальный вред. Данные состояния способны трансформироваться в аффект и иные проявления неконтролируемой агрессии. Поэтому, виктимное поведение членов семьи создает существенные криминологические риски в семейных отношениях.

Для механизма домашнего насилия характерны ситуации, когда агрессивная форма поведения формируется постепенно, в течение определенного времени, под влиянием психологических, экономических и иных факторов. Специфика накопительного эффекта агрессии проявляется в том, что фаза, предшествующая акту насилия, растянута во времени в процессе длительной психотравмирующей внутрисемейной ситуации (конфликты, измены, предательство, обман и т.п.), обуславливающей кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у субъекта семейных отношений. Психологи утверждают, в сознании каждого человека есть спусковые крючки, приводящие к ярости. Для каждого индивида установлен свой предел контроля эмоций. У человека вспыльчивого и перенесшего психическую травму, он минимален. Нагнетающая психологическая обстановка в семье может формироваться годами и даже десятилетиями, при этом конечным поводом для агрессии может стать какое-либо незначительное событие («последняя капля»). В ситуации толчкового характера один из членов семьи выбирает насилие как способ разрешения (завершения) проблемной ситуации.

Одним из значимых условий, способствующих семейному насилию, является общая территория проживания тирана и жертвы (дом, квартира). В конкретной ситуации может сложиться так, что жертва вынуждена терпеть криминальную агрессию, т.к. ей некуда идти. В современных реалиях многие семьи проживают на совместно нажитой жилищной площади, вместе выплачивают ипотеку. Соответственно, если отношения испорчены, они все равно вынуждены проживать вместе и нести финансовые обязательства. Взаимозависимость тирана и жертвы усиливается при наличии общих детей, совместного бизнеса, долговых обязательств и т.п. Для слабого звена (жертвы), находящегося в психологическом состоянии беспомощности, представляется невозможным принятие кардинальных решений по разделу имущества и совершение иных юридически значимых действий. Жертву пугает полная ответственность за себя и детей, для нее это представляется неприемлемым выходом из ситуации домашнего насилия. Поэтому чаще всего жертвы принимают решение остаться и терпеть насилие от своего партнера дальше, надеясь, что

ситуация разрешится благодаря каким-либо внешним факторам.

Механизм семейного насилия отличается цикличностью: стадия агрессивных действий в отношении жертвы сменяется затишьем, когда в семье устанавливается нейтральная обстановка (у некоторых семей, это романтический период). В такие моменты поведение тирана стабилизируется, жертва начинает верить в потенциал брака, у нее формируется ложное чувство вины в агрессивности партнера, но, спустя определенное время, насилие повторяется снова. За счет поляриности эмоций жертва попадает в «воронку» повторяющегося семейного насилия, из которой с течением времени выбраться становится все сложнее. Чем больше актов насилия, тем меньше у жертвы остается моральных и физических сил на сопротивление агрессору. Систематическое внутрисемейное насилие создает суицидальные и иные риски в поведении жертв.

Для механизма насильственных преступлений, совершаемых в семье, характерна инверсия ролей преступника и жертвы – это ситуация, при которой жертва и агрессор могут меняться ролями. Ю.Ф. Беспалов отмечает: «почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная ситуация в семье, сопряженная с побоями и истязаниями» [6, с. 24]. Семейное насилие приводит к глубоким психологическим травмам, в результате которых жертва не склонна выбирать социально приемлемые способы разрешения проблемной ситуации. Она перенимает роль тирана и совершает акт отмщения своему обидчику.

Кроме того, связь «преступник-жертва» в механизме внутрисемейного насилия может рассматриваться как определенное состояние, когда в одном лице «уживаются» роли тирана и жертвы одновременно или поочередно: один и тот же человек под влиянием определенных факторов, в одной ситуации является агрессором, в другой – жертвой. Участники механизма семейного насилия действуют с учетом личного восприятия и интерпретации сложившейся ситуации, на которые влияет прошлый опыт межличностных коммуникаций, ценностные ориентации личности и обстановка текущих событий.

Семейное насилие – это не только психическая и физическая агрессия одного супруга в отношении другого, это еще и насилие в отношении детей. В юридической литературе называются следующие основные формы родительской жестокости: отвержение, эмоциональное игнорирование, унижение, запугивание, изоляция [7, с. 55]. Представляется, что для ребенка психическое насилие по силе воздействия может приравняться к физическому. Однако, в семьях с агрессивной моделью поведения, «воспитательные меры» не ограничиваются психологическими манипуляциями и угрозами. М.П. Ефимова отмечает: «Потенциально криминогенно опасная семья выступает как совокупность дисфункций, обладающая способностью генерировать деструктивное поведение ее членов, препятствует усвоению положительных ценностных ориентаций, что негативно влияет на формирование личности несовершеннолетних членов семьи» [8]. В таких семьях прогнозируется развитие «спирали насилия», в соответствии с которой как субъекты семейного насилия, так и их жертвы в дальнейшем склонны воспроизводить ситуации социальной агрессии.

В настоящее время государство и общество находится в поиске оптимальной модели сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, к числу которых относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, взаимопомощь и взаимоуважение [9]. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 гг. [10] направлена на профилактику социального неблагополучия женщин, создание условий для развития их гражданской активности и др. Указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. N 240 период с 2018 по 2027 гг. объявлен Десятилетием детства [11]. В России существует Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения [12]. Приоритетной деятельностью фонда является содействие государственным органам в решении проблем жестокого обращения с детьми. Для оказания помощи детям, пострадавшим в том числе и от семейного насилия, сотрудниками Фонда был исследован обширный передовой опыт как регионов Российской Федерации, так и зарубежных стран. На основании результатов этого опыта «были разработаны, апробированы и внедрены современные услуги и технологии в сфере профилактической работы с семьями, модели межведомственного взаимодействия и др.

В настоящее время меры общесоциального противодействия семейному насилию максимально оптимизированы, они реализуются посредством партнерства и взаимодействия социальных организаций с органами государственной власти и местного самоуправления. Осуществляется процесс становления системы государственных кризисных центров для женщин. Кроме того, помощь жертвам семейного насилия оказывается негосударственными организациями. Однако данный механизм межведомственного взаимодействия нельзя назвать максимально эффективным в силу отсутствия единого координационного центра по противодействию семейному насилию. Объединение усилий всех субъектов противодействия семейному насилию позволит обеспечить эффективную защиту личности.

Особое значение в системе профилактики семейному насилию имеют меры, которые не только способствуют преодолению семейных кризисов, но и обеспечивают сохранение семьи. В этом аспекте особая роль отведена примирительным процедурам по спорам, возникающим из семейных правоотношений. «Стороны семейного конфликта как никто связаны личными отношениями, им не все равно, как этот конфликт разрешится, и при всей остроте накала страстей в семейных спорах они готовы пойти на компромисс ради сохранения в дальнейшем нормальных отношений, особенно когда речь идет об интересах ребенка» [13, с. 173].

Несмотря на то, что современное уголовное законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих ответственность за семейное насилие, в особенной части Уголовного кодекса РФ предусмотрена широкая дифференциация ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека. Квалификация насильственного посягательства зависит от его последствий (тяжкий, средней тяжести, легкий вред здоровью, смерть). Если в результате семейного насилия не констатируется вред здоровью потерпевшего, семейный агрессор будет привлечен к административной ответственности за побои (Ст. 6.1.1. КоАП РФ). Согласно доктринальному толкованию, «побоями являются однократные и многократные насильственные действия, повлекшие физическую боль, но не причинившие какого-либо вреда здоровью жертвы» [14, с. 73]. При

повторном совершении побоев наступает уголовная ответственность (ст. 116.1. УК РФ). С одной стороны, такой законодательный подход имеет превентивное значение – стимулирует домашнего агрессора к законопослушному поведению, с другой стороны, данная трактовка ответственности за семейное насилие не учитывает его специфику. В большинстве случаев, жертва решает обратиться в правоохранительные органы не после первого акта агрессии, а спустя множество насильственных посягательств со стороны тирана. Для человека, длительно страдающего от домашнего насилия, это значимый шаг к спасению. Стоит учитывать, что к этому моменту, жертва эмоционально истощена: если она решила обратиться в правоохранительные органы, значит весь личный потенциал спасения уже исчерпан. Однако, юридически данное обращение является первым, поэтому проблема не может быть решена кардинально. Механизм привлечения домашнего тирана к административной ответственности не гарантирует полную безопасность жертве семейного насилия. В итоге, жертва снова оказывается на одной территории с агрессором и есть существенный криминологический риск в повторении насилия в отношении нее, из-за мести за ее обращение в правоохранительные органы.

В правоприменительной практике возникают сложности в уголовно-правовой оценке посягательств на половую свободу в браке, основанные на укорененном в правосознании стереотипе о «супружеском долге». Это приводит к дискриминации жертв супружеского насилия и ошибкам в правоприменительной практике. Нормы, установленные ст. 131 и 132 УК РФ, охраняют половую свободу любой личности. Сам факт вступления в брак не предполагает неограниченного согласия на сексуальные отношения – каждый акт интимной близости требует отдельного добровольного волеизъявления обеих сторон. Как справедливо отмечает Э.О. Самитов, «независимо от наличия или отсутствия брака, любое насилие запрещено и преследуется по закону» [15, с. 43]. При этом имеются существенные сложности в уголовно-правовой оценке внутрисемейных половых посягательств. Сложившаяся практика требует от жертвы доказательств, что она оказывала «действительное» сопротивление, которое виновное лицо преодолело или факт того, что сексуальное посягательство произошло в условиях ее беспомощного состояния. Если в семье фигурируют абьюзивные отношения и систематически проявляется физическая агрессия, сопротивление жертвы от сексуального посягательства вероятно окажется неэффективным, а ее беспомощное состояние может быть ошибочно воспринято как согласие.

Дела о сексуальных посягательствах в сфере семейных отношений требуют особой внимательности к установлению признаков соответствующего состава преступления. При такой квалификации важно соблюдать баланс между необходимостью защиты базовых прав личности и охраной частной жизни лиц, находящихся в брачном союзе. Важно учитывать, что сексуальная автономия человека, находящегося в браке, не стоит меньше, чем одинокого. Следовательно, брачный статус лица не должен образовывать уголовно-правовой иммунитет в случае совершения им насильственного сексуального посягательства в отношении супруга (супруги). Случаи насильственных сексуальных преступлений, независимо от наличия брачного союза, следует рассматривать в соответствии со ст. 131 или 132 УК РФ. Современное понимание брака, как союза равноправных личностей, требует эффективного уголовно-правового обеспечения принципа добровольности в интимных отношениях.

Важное превентивное значение в противодействии семейному насилию имеет ст. 119 УК РФ, согласно диспозиции которой, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, может быть уголовно-наказуема, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Реальность и наличие угрозы в каждом деле оценивается правоприменителем в зависимости от сложившейся конкретной обстановки, в которой она высказывалась. Помимо этого, при оценке реальности угрозы важное значение могут иметь физические возможности виновного, имеющиеся данные о его личности и т.п. Однако, на практике не всегда учитываются особенности предпреступной стадии семейного насилия, на которой чаще всего систематически проявлялись признаки психической и физической агрессии в отношении жертвы, формировался кумулятивный (накопительный) эффект агрессии. Такой подход к оценке опасности угрозы в сфере семейных отношений существенно снижает эффективность уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 119 УК РФ. Представляется, что квалификация угрозы в отношении члена семьи должна включать оценку механизма внутрисемейного взаимодействия. Если рассматривать содержание угрозы в отрыве от предшествующих семейных ситуаций, создается криминологический риск, выраженный в недооценке предпосылок реальности угрожающей ситуации для жизни и здоровья потенциальной жертвы.

Широкая дифференциация ответственности за посягательства на интересы личности позволяет использовать современные уголовно-правовые нормы как необходимый ресурс противодействия внутрисемейному насилию.

Однако реальные проявления социально опасного насилия в семье существенно шире, чем те, что на сегодняшний день отражены в уголовном законе. За пределами уголовно-правового поля остаются такие негативные явления как навязчивое преследование (сталкинг), психическое насилие (абьюз, шантаж и психологические манипуляции). При этом данные явления создают существенные криминологические риски. Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии внутрисемейной агрессии на свидетелей противоправных действий. Таковыми являются дети, старики и иные родственники, которые вынуждены наблюдать акты агрессии, что безусловно причиняет им психические страдания. Возрастная и иная беспомощность не позволяет им влиять на фактическую ситуацию насилия.

Однако, тенденции современного времени, связанные с внедрением цифровых технологий и глобализацией цифрового пространства, позволяют по-новому переосмыслить содержание мер противодействия семейному насилию. Как справедливо отмечал В.Е. Квашис, «в условиях новой цифровой реальности криминология призвана осмыслить перспективы грядущей реформации общественных отношений и формирования нового мировоззрения, создать методологические основы для ответов на сложные вызовы времени» [16, с. 58].

Цифровые технологии могут иметь значимую роль в спасении жертв семейного насилия. В настоящее время достаточно эффективно работает Всероссийский телефон доверия – это помогает жертвам семейного насилия сообщить о своей проблеме и получить первичную психологическую помощь, а также узнать о возможностях получения правовой и других видов помощи. Однако в механизме противодействия семейному насилию недостаточно развита экстренная помощь. Это создает существенные криминологические риски для здоровья и жизни потенци-

альных жертв. В ситуации побоев и иных насильственных посягательств жертва не имеет возможности звонить, однако современные технологии позволяют осуществить вызов сотрудников правоохранительных органов с помощью мобильного приложения МВД России [17]. Широкое внедрение данного онлайн-сервиса в практику пресечения противоправных насильственных посягательств в семье, позволит спасти жизнь и здоровье многих жертв. Кроме того, назрела необходимость в разработке новых форм онлайн-связи жертв домашнего насилия с сотрудниками правоохранительных органов. Представляется необходимым использование участковыми уполномоченными полиции профессиональных гаджетов, посредством которых будет оптимизировано взаимодействие с жителями района. Это поможет эффективно анализировать и прогнозировать криминогенную ситуацию, позволяя сотруднику, в конечном счёте, самостоятельно выбирать оптимальный способ решения возникшей проблемы в конкретной семье.

В целях эффективной реализации мер противодействия насилию в сфере семейных отношений следует проводить комплекс взаимосвязанных социальных, экономических, правовых, образовательных, воспитательных и культурных мероприятий, минимизирующих проявления противоправного, насильственного поведения. Представляется целесообразным создание криминологических научно-аналитических центров, специализирующихся в области исследования, прогнозирования, разработки программ и направлений деятельности по противодействию семейному насилию.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - N 1. - Ст. 16.
2. Данные аналитического центра ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya?ysclid=mkqub55eeb711766612> (дата обращения: 24.01.2026).
3. Продажи антидепрессантов в январе-октябре выросли на 36% // Коммерсантъ / 01.12.2025. - <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 20.01.2026).
4. Гайдуков, А. А. Административно-правовые меры пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере // Научный портал МВД России. - 2024. - N 1 (65). – С. 45-51.
5. Ромек, В. Г. Поведенческая психотерапия: учебник для вузов / В. Г. Ромек. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: -Юрайт, 2026. - 192 с.
6. Беспалов, Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект / Ю. Ф. Беспалов // Нотариус. - 2019. - N 1. - С. 21-25.
7. Латова, А. А. Проблемы насилия в семье. Дети как субъект домашнего насилия // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». - 2023. - N 31. - С. 51-58.
8. Ефимова, М. П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук: 5.1.4. Уголовно-правовые науки / Ефимова Мария Прометеевна; Санкт-Петербургский университет МВД РФ. - СПб., 2025. — 23 с.
9. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 N 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 гг.» // СЗ РФ. - 2023. - N 1 (часть III). - С. 477.
11. Указ Президента РФ от 29.05.2017 N 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СЗ РФ. - 2017. - N 23. - Ст. 3309.
12. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения: официальный сайт. – URL: <https://sirostvo.ru/> (дата обращения: 07.01.2026).
13. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р. Ю. Банников [и др.]; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. - М.: Статут, 2023. – 272 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / ответственный редактор В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2026. — 371 с.
15. Самитов, Э. О. Истязания. Вопросы теории, законодательного регулирования и практики: монография. — М.: Русайнс, 2019. — 132 с.
16. Квашин В. Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. – 2018. - № 6. – С. 58-68.
17. Официальный интернет-сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 10.02.2026).

References

1. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 N 223-FZ // SZ RF. - 1996. - N 1. - Art. 16.
2. Data from the VTSIOM analytical center. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya?ysclid=mkqub55eeb711766612> (accessed: 01/24/2026).
3. Sales of antidepressants increased by 36% in January-October // Kommersant / 12/01/2025. - <https://www.kommersant.ru> (date of request: 01/20/2026).
4. Gaidukov, A. A. Administrative and legal measures to prevent offenses in the family and household sphere // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - N 1 (65). – pp. 45-51.
5. Romek, V. G. Behavioral psychotherapy: textbook for universities / V. G. Romek. - 2nd ed., ispr. and add. - M.: -Yurait, 2026. - 192 p.
6. Bespalov, Yu.F. Family violence in the Russian Federation as a vice of life and activity of the family and its members: a socio-legal aspect / Yu. F. Bespalov // Notary. - 2019. - N 1. - pp. 21-25.
7. Latova, A. A. Problems of domestic violence. Children as a subject of domestic violence // Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". - 2023. - N 31. - pp. 51-58.
8. Efimova, M. P. Criminological analysis of violence in the sphere of family relations: theory and practice of counteraction: abstract of the dissertation ... Candidate of Law Sciences: 5.1.4. Criminal Law Sciences / Efimova Maria Prometejeva; Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - St. Petersburg, 2025. -- 23 p.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Foundations of State policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // Legal reference system "ConsultantPlus".
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2022 N 4356-r "On approval of the National Strategy of Action in the interests of women for 2023-2030" // SZ RF. - 2023. - N 1 (part III). - P. 477.11.
11. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/29/2017 N 240 "On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation" // SZ RF. - 2017. - N 23. - Art. 3309.
12. National Foundation for the Protection of Children from Abuse National Foundation for the Protection of Children from Abuse: official website. – URL: <https://sirostvo.ru/> / (date of access: 07.01.2026).
13. Negotiations in civil law and the civil process: a monograph / R. Y. Bannikov [et al.]; edited by E. I. Nosyreva, D. G. Filchenko. - M.: Statute, 2023. – 272 p.
14. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation in 4 volumes. Volume 2. The special part. Sections VII—VIII / executive editor V. M. Lebedev. Moscow: Yurait, 2026. 371 p.
15. Samitov, E. O. Torture. Questions of theory, legislative regulation and practice: a monograph. Moscow: Rusains, 2019. 132 p.
16. Kvashin V. E. Quality problems of criminological research: the origins and symptoms of the disease // Journal of Russian Law. – 2018. - No. 6. – pp. 58-68.
17. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – URL: <https://мвд.рф/> / (date of access: 02/10/2026).

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_536

УДК 343.14

ДОПРОС КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: ПРЕДПИСАНИЯ ЗАКОНА, ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ, ВОЗМОЖНОСТЬ ДИСТАНЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА INTERROGATION AS AN INVESTIGATIVE ACTION: LEGAL REQUIREMENTS, TACTICAL TECHNIQUES, THE POSSIBILITY OF REMOTE PRODUCTION

КУВЫЧКОВ Сергей Иванович,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 А.
E-mail: redsrxjd@mail.ru

ЦАРЕВА Юлия Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса.
ФГБОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: yu.v.tsareva@gmail.com

KUVYCHKOV Sergey Ivanovich,

Candidate of law, associate professor at the Department of Humanities and Socio-economic disciplines.
Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhny Novgorod)
603022, 17A Gagarin Avenue Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: redsrxjd@mail.ru

TSAREVA Yuliya Victorovna

Candidate of law, Associate professor, Associate professor at the Department of criminal procedure.
FSPEE HT «Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»,
603950, 3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod city, Russia,
E-mail: yu.v.tsareva@gmail.com

Краткая аннотация: Объектом настоящего научного исследования является допрос как ключевое следственное действие. В статье анализируются общие правила его производства, а также особенности, обусловленные процессуальным статусом допрашиваемого; исследуется процессуальный порядок производства данного следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи; выносятся на обсуждение возникающие в связи с этим трудности; предлагаются пути решения спорных вопросов, оставленных законодателем на усмотрение должностных лиц правоприменительных органов.

Abstract: The object of this scientific study is interrogation as a key investigative action. The article analyzes the general rules for its conduct, as well as the specifics determined by the procedural status of the person being interrogated. It examines the procedural order of this investigative action using videoconferencing systems. The difficulties arising in this regard are discussed, and solutions for controversial issues left by law to the discretion of law enforcement officials are proposed.

Ключевые слова: следственное действие, участники уголовного судопроизводства, допрос, процессуальный порядок, тактика, использование систем видео-конференц-связи.

Keywords: investigative action, participants in criminal proceedings, interrogation, procedural order, tactics, use of video conferencing systems.

Для цитирования: Кувычков С.И., Царева Ю.В. Допрос как следственное действие: предписания закона, тактические приёмы, возможность дистанционного производства // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 536-540. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_536.

For citation: Kuvychkov S.I., Tsareva Yu.V. Interrogation as an investigative action: the requirements of the law, tactics, the possibility of remote production // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 536-540. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_536.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Говоря о досудебном производстве, с уверенностью можно утверждать, что без производства допроса не обходится ни одно уголовное дело. Сущность допроса состоит в получении от допрашиваемого лица показаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ [1]). Согласно положениям действующего уголовно-процессуального закона допросить можно подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, специалиста и эксперта, и показания всех перечисленных лиц будут являться самостоятельными доказательствами по делу.

Допросы можно дифференцировать на виды в зависимости от процессуального статуса допрашиваемого лица; его возраста; субъекта производства следственного действия; полноты и объёма получаемых сведений; взаимоотношений, складывающихся с допрашиваемым; факта получения показаний впервые либо с целью дополнения уже имеющихся в деле. Субъектом проведения рассматриваемого следственного действия в большинстве случаев является лицо, ведущее производство по уголовному делу (следователь, дознаватель, реже – руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания), но в ряде случаев, когда того требуют обстоятельства уголовного дела, им выступает орган дознания, действующий по поручению вышеперечисленных лиц (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Подготовку к допросу и непосредственно его проведение условно можно разделить на этапы:

(1) предварительный (изучение обстоятельств дела; анализ информации и сведений, которыми может располагать допрашиваемый; формулирование вопросов, подлежащих выяснению; изучение личности допрашиваемого с целью благоприятного выстраивания межличностных взаимоотношений);

(2) свободное изложение допрашиваемым лицом известных ему обстоятельств, имеющих значение для дела, их фиксация в протоко-

ле. При этом отдельные освещаемые на допросе факты целесообразно уточнять сразу по ходу рассказа допрашиваемого лица;

(3) вопросно-ответная форма (имеет место не всегда и, как правило, следует за этапом свободного изложения, если отдельные события были освещены недостаточно или вовсе упущены);

(4) процессуальное оформление полученных результатов. Следователь (дознатель или иное уполномоченное лицо, производящее допрос) должен завершить оформление протокола следственного действия посредством внесения всех недостающих сведений, в том числе о способе ознакомления с протоколом (он может быть прочитан следователем вслух или представлен допрашиваемому для личного ознакомления); наличия замечаний и/или дополнений к протоколу либо иных заявлений (ходатайств), адресованных должностному лицу, ведущему процесс. По окончании допроса все участвующие лица подписывают протокол.

Общие правила производства допроса сводятся к следующим требованиям (ст. 164, 189 УПК РФ): перед началом следственного действия следователь должен удостовериться в личности его участников, разъяснить им права, ответственность и порядок производства планируемого допроса. О том, что в ходе допроса будут применяться технические средства, в том числе фиксации его хода, содержания и результатов, участвующие лица должны быть предупреждены до начала использования таковых.

Дополнительные нормативные предписания, касающиеся допроса, закреплены в ст. 188-191 УПК РФ. Правила допроса лиц, не достигших совершеннолетия, находятся в прямой зависимости от возраста. Если в качестве потерпевшего или свидетеля допрашивается ребёнок в возрасте до семи лет, время допроса в течение дня не должно превышать один час, без перерыва – полчаса; если возраст варьируется от семи до четырнадцати лет, указанное время составляет один и два часа соответственно, и, наконец, если возраст от четырнадцати до восемнадцати лет – время соответствует двум и четырем часам. В последнем случае в качестве допрашиваемых также могут быть подозреваемый и обвиняемый. При допросе совершеннолетнего лица, время допроса без перерыва не должно выходить за пределы четырех часов, в общей сложности – восьми часов.

При получении показаний запрещается задавать допрашиваемому лицу наводящие вопросы, а именно вопросы, при постановке которых рассчитывают получить вытекающий из их формулировки ответ, как правило, подтверждающий или опровергающий информацию, прямо озвученную в вопросе, а также иные вопросы, так как или иначе *склоняющие* лицо к конкретному ответу, или содержащие подсказку, выраженную в иной форме. Ответы на подобные вопросы, как правило, не несут в себе новой, дополнительной, ценной в доказательственном отношении информации. В ходе допроса лицо имеет право пользоваться документами, записями, заметками, схемами, которые могут быть приобщены к протоколу следственного действия.

Теперь перейдём к особенностям допроса, predetermined статусом допрашиваемого участника процесса.

Потерпевший – это главный участник стороны обвинения, за исключением должностных лиц, ведущих производство по делу. Он оказывается вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства не по своей воле, а в связи с совершенным в отношении него преступлением и фактом причинения ему физического, имущественного или морального вреда (если речь идет о физическом лице). Процессуальное действие в виде признания потерпевшим осуществляется по постановлению следователя (дознателя) незамедлительно после возбуждения уголовного дела или сразу, как только данное лицо будет установлено. Если преступлением вред причинен юридическому лицу, то дополнительно выносятся отдельные постановления о допуске для участия в уголовном деле представителя потерпевшего, которым в большинстве случаев выступает лицо, выполняющее в данной организации управленческие или административно-хозяйственные функции, либо действующее по доверенности (напр., юристконсульт).

Специфика допроса потерпевшего зачастую определяется характерным для данного участника психологически тревожным состоянием, природа которого вполне очевидна. По этой причине, преимущественно на первых допросах у него могут возникать сложности в воспроизведении отдельных обстоятельств, подробностей и деталей происшедшего события, столь важных для дела. Также в его показаниях может встречаться преувеличение обстоятельств пережитых событий, заблуждение или путаница относительно их последовательности. Вина тому время, прошедшее с момента случившегося, чем оно продолжительней, тем меньше особенностей и деталей остаётся в памяти. В этой связи выстраивать взаимоотношения с данным участником уголовного процесса следователю следует с учётом знания указанных особенностей.

Свидетелем является лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по делу. Не могут быть допрошены в качестве свидетелей лица, перечисленные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Среди них: судья и присяжный заседатель об обстоятельствах, ставших известными при отправлении правосудия; представители обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации – об обстоятельствах, связанных с осуществляемой ими профессиональной деятельностью; защитник и адвокат – об обстоятельствах, о которых стало известно в связи с реализуемой по уголовному делу защитой или оказанием юридической помощи и др.

Среди свидетелей можно выделить лиц, являющихся непосредственными очевидцами совершенного преступления, наблюдавшими его собственными глазами, и тех, кто таковыми не являются, но обладают значимой для дела информацией. Это могут быть как лица, знающие о происшедшем из достоверных источников, о которых они сообщают следователю (дознателю), так и лица, владеющие иной информацией, степень важности которой определяет само лицо, ведущее расследование. Свидетель вправе прийти на допрос с адвокатом, оказывающим ему юридическую помощь.

Если потерпевший или свидетель отказываются давать показания либо дают заведомо ложные показания, они подлежат уголовной ответственности по статьям 308, 307 Уголовного кодекса РФ соответственно. Об этом указанные лица предупреждаются непосредственно перед началом допроса, о чем собственноручно расписываются в протоколе.

Если допрашиваются специалист или эксперт, они предупреждаются об ответственности, которая может наступить по ст. 307 УК РФ, за подготовку заведомо ложного заключения. Кроме того, в отличие от эксперта специалист также должен быть предупрежден за дачу заведомо

ложных показаний. Примечательно, что законодатель не установил такой ответственности для эксперта. Это можно объяснить положениями ст. 205 УПК РФ, из смысла которой вытекает право допросить эксперта только в части касающейся произведённой им экспертизы, в иных случаях допрос этого участника исключен.

Помимо этого, все указанные участники (потерпевший, свидетель, эксперт, специалист) несут уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ в случае разглашения данных предварительного расследования.

Перейдём к ключевой фигуре уголовного судопроизводства – лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеющему статус подозреваемого, затем обвиняемого (подсудимого).

Допрос подозреваемого, обвиняемого осуществляется согласно общим правилам производства данного следственного действия. Одной из особенностей, продиктованных их процессуальным статусом, является участие защитника [2] и момент его появления в уголовном деле [3].

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 49 УПК РФ, защитник может участвовать в деле, в том числе с момента: фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления; возбуждения в отношении него уголовного дела; применения к нему заключения под стражу; вручения ему уведомления о подозрении (характерно для производства дознания (ст. 223.1 УПК РФ)); вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Таким образом, рассматривая в комплексе положения статей 46, 47 и 49 УПК РФ, можно сделать вывод, что уже на первом допросе лица в качестве подозреваемого должен присутствовать его защитник, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 173 УПК РФ следователь имеет легитимное право допросить обвиняемого лишь после предъявления ему обвинения с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 УПК РФ об участии защитника и праве обвиняемого на свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса. Повторный допрос обвиняемого в рамках того же обвинения, в случае его первоначального отказа давать показания, может проводиться только по его просьбе.

Теперь немного углубимся в рассуждения о тактике допроса. При допросе подозреваемых и обвиняемых могут создаваться конфликтные и бесконфликтные ситуации. В бесконфликтной ситуации подозреваемый осознает и подтверждает обоснованность подозрения в отношении него, а обвиняемый полностью признаёт свою вину. Однако, несмотря на внешнюю видимость факта признания этим лицом имеющегося в отношении него подозрения или обвинения, факта полного и безоговорочного согласия с ним, это лицо всегда будет стремиться уломать перед следователем (дознавателем) свою вину в содеянном и представить себя в более выгодном свете.

Не стоит исключать возможные случаи самооговора, при котором лицо, не совершавшее преступление, намеренно берёт на себя вину ввиду каких-либо причин, кажущихся ему объективными, уважительными. Ярким примером самооговора служат признательные показания в качестве подозреваемого (обвиняемого) кого-либо из близких родственников лица, в действительности совершившего уголовно наказуемое деяние, по вполне очевидной причине – желания «выгородить» родного человека, сделать всё, даже взять вину на себя, чтобы тот избежал уголовной ответственности. Разоблачению самооговора могут способствовать следственные действия, призванные проверить полученные при допросе показания – проверка показаний на месте, следственный эксперимент, очная ставка, производство судебной экспертизы и т.д.

Конфликтность ситуации в большинстве случаев может объясняться отрицанием причастности подозреваемого, обвиняемого к расследуемому событию. Тогда необходимость установления психологического контакта возникает уже при первом допросе. Для этого следует предварительно изучить личностные особенности допрашиваемого лица (его образ жизни, круг общения и т.п.). Следователь может воздействовать на подозреваемого путем якобы случайных проговорок о значимости имеющихся в уголовном деле доказательств и их достаточности для скорейшего предъявления обвинения и направления дела в суд. Помимо этого, он может использовать приёмы, провоцирующие или усиливающие эмоциональное переживание подозреваемого, обвиняемого путем вызова у него реакции в виде угрызания совести, и параллельно разъяснять ему обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, а также возможность рассмотрения уголовного дела с применением особого порядка судебного разбирательства; а если преступление совершено в соучастии, – разъяснять право заключить с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве, при соблюдении условий которого обвиняемый может рассчитывать на сокращение верхнего предела санкции за совершенное деяние на одну треть, а иногда и наполовину.

Если к моменту допроса подозреваемого у следователя имеются пробелы в доказательствах, предпочтительней выстраивать тактику, указывающую на его якобы полную осведомленность относительно всех обстоятельств дела, использовать приёмы намеренного преувеличения важности отдельных доказательств, приводить их детали (*оглашать которые в присутствии подозреваемого допустимо без ущерба для дознания*), чтобы у того возникало устойчивое чувство неотвратимости предстоящего наказания.

В отдельных случаях следователю рационально не только ссылаться на достаточный объём имеющихся по делу обвинительных доказательств, но и применять тактику их предъявления, как логически связанных между собой улик, чтобы их изобличающая сила в глазах подозреваемого (обвиняемого) только нарастала. Это будет внушать подозреваемому или обвиняемому бесполезность дальнейшего отрицания вины и побуждать его к изменению ранее выработанной позиции по уголовному делу.

Еще один тактический приём – ускорение темпа допроса при постановке дополнительных и уточняющих вопросов. Оно создаёт дефицит времени на обдумывание и позволяет избежать искажений в ответах допрашиваемого.

Уместно упомянуть разработанную Гансом Шарфом (Hanns Scharff) во время Второй мировой войны «мягкую» технику допроса. Название с упоминанием конкретного эпитета неслучайно, ведь тактика иллюстрировала нехарактерный для того времени полный отказ от насилия и формирование у допрашиваемых лиц ощущения отсутствия допроса как такового. Реализуя собственную методику, он не задавал военнопленным прямые вопросы, а создавал в их глазах ощущение полной и всесторонней осведомленности о тех или иных обстоятельствах и необходимости всего лишь

уточнить детали [4]. Учитывая, что данная техника применялась в бесконфликтной ситуации, фактически она сводилась к своего рода мягкой манипуляции, эффективность результата которой, по мнению Шведских психологов, превышала и допрос с пристрастием, и пытки [5].

В качестве отдельной специфической особенности, продиктованной уровнем развития цифровых технологий, внедряемых во все сферы жизнедеятельности современного человека, рассмотрим возможность производства допроса с использованием системы видео-конференц-связи (далее – ВКС). Стоит отметить, что закон чётко определяет необходимость принадлежности систем ВКС соответствующим государственным органам, уполномоченным осуществлять предварительное расследование, а изыскать техническую возможность их использования в каждом конкретном случае производства дистанционного допроса должен уполномоченный субъект, действующий во исполнение поручения следователя, в производстве которого находится уголовное дело.

Главной отличительной чертой такого допроса является увеличение ровно наполовину числа должностных лиц, вовлекаемых в процедуру его производства. Во-первых, это лицо, ведущее предварительное расследование (следователь либо дознаватель), для которого необходимость производства допроса с применением новейших цифровых технологий возникла в связи с невозможностью вызова лица на допрос по причинам его нахождения на удаленной от места расследования территории (напр., лицо переехало на постоянное место жительства в другой регион). Здесь законодатель не стал изощряться в категориях и указал, что речь идёт о следователе, которому поручено производство предварительного расследования. Это, пожалуй, единственная фигура из числа должностных лиц, которая соответствует традиционной форме проведения допроса. Во-вторых, это должностное лицо, которому поручено обеспечить участие допрашиваемого лица в следственном действии по ВКС, то есть следователь либо дознаватель, действующие во исполнение поручения следователя, расследующего дело. В соответствии с УПК РФ этот компетентный субъект именуется как следователь по месту нахождения участника следственного действия.

Хотя законодатель об этом умалчал, по нашему мнению, допрос по ВКС в принципе целесообразен только в отношении таких участников процесса как свидетель, и реже – потерпевший. Участники, в отношении которых ведётся уголовное преследование, в том числе лицо, статус которого регламентирован ст. 56.1 УПК РФ, согласно сложившейся правоприменительной практике, допросу по ВКС не подвергаются. С данными лицами органы, ведущие процесс, предпочитают работать лично. Это объясняется применением к указанным лицам незамедлительно с момента появления у них статуса «подследственного» мер процессуального принуждения (и мер пресечения в частности), не позволяющих им в период производства по делу находиться вне места предварительного расследования, либо в целом изолирующих их от общества (заключение под стражу, домашний арест).

Очевидно одно – нововведения в уголовно-процессуальном законе не столь однозначны. С одной стороны, они расширяют возможности органов, уполномоченных осуществлять досудебное производство. С другой стороны, – порождают дополнительные трудности и противоречия, способные привести к недостижению требуемого положительного результата. Рассмотрим некоторые из них.

1. Усложнена процедура производства допроса: он ведётся хоть и в режиме реального времени, но лицом, удалённым от места нахождения допрашиваемого участника. Отсюда первая трудность: показания могут быть зафиксированы в протоколе не точно, не корректно, в искажённом виде, с изъянами и ошибками, наличие которых в том числе может иметь место ввиду сбоев в работе технических средств связи. Для лучшего понимания того, как это выглядит, стоит акцентировать, что сам протокол с зафиксированными в нём показаниями лица, которое их даёт, не подписывает здесь и сейчас, так как находится на расстоянии, измеряемом десятками, а в ряде случаев сотнями километров, его показания ему зачитывают, а в подтверждение их правильности он подписывает совершенно другой отдельный документ – подписку, оформляемую следователем по месту его нахождения. Иначе говоря, ввиду того, что лицо, которое даёт показания, и следователь, который их фиксирует в протоколе, находятся в режиме реального времени, но через огромное расстояние, допрашиваемый лишен фактической возможности скорректировать свои показания сразу, как это делается при личном (очном) допросе.

2. Отдельный возникающий в связи с вышесказанным вопрос, как поступить следователю в случае возникновения неполадок в работе систем ВКС: начинать допрос сначала или возобновлять с места, на котором он был прерван. Ответ на него не кажется столь очевидным, если учесть предписания закона об обязательности применения в ходе такого допроса видеозаписи.

3. В науке оспаривается и процессуальный порядок оформления результатов дистанционного допроса [6, 7, 8]. Согласно действующего уголовно-процессуального закона, сейчас это выглядит так: следователь, расследующий дело, сначала следственного действия осуществляет ведение протокола, фиксируя в режиме реального времени показания допрашиваемого лица. Но перед началом получения показаний по существу основных вопросов дела, следователь по месту нахождения допрашиваемого лица оформляет подписку, свидетельствующую о разъяснении ему прав, обязанностей, ответственности и алгоритма производства предстоящего следственного действия, которая подписывается лицом, вызванным на допрос. В этой же подписке, исходя из требований закона, впоследствии удостоверяется подписью факт подтверждения допрашиваемым лицом корректности данных им показаний, зафиксированных в протоколе и оглашённых для всех участвующих лиц следователем, находящимся на «удалёнке».

И тут возникает очередной вопрос: речь идёт об одном документе или это две разные подписки, учитывая, что факт разъяснения прав и факт согласования с допрашиваемым лицом точности записанных показаний на предмет наличия замечаний к протоколу или дополнений к ранее сказанному, происходит в абсолютно разные временные периоды (первый – до допроса, второй – по его завершении) или это всё же единый документ, который подписывается допрашиваемым дважды – вначале и в конце допроса.

Указанная подписка должна быть своевременно направлена по месту производства расследования для приобщения к протоколу допроса, оформленному следователем, ведущим расследование. Также к нему прилагается электронный носитель информации, на котором за-

фиксирован ход, содержание и результаты произведенного следственного действия. Требования по её наличию, как уже было отмечено выше, являются законодательным императивом.

4. На подходе снова неразрешённый вопрос – каким образом и кем осуществляется видеозапись допроса: следователем по месту расследования, следователем по месту нахождения допрашиваемого участника, или это должны делать оба следователя. Дополнительно требует разъяснения вопрос, каково должно быть содержание данной видеозаписи, точнее каков ракурс она должна охватывать.

На наш взгляд, если говорить о записи, осуществляемой по месту предварительного расследования, она должна отражать: общий вид служебного помещения; место расположения в нем следователя; его рабочее место, оборудованное системой ВКС, и непосредственно экран компьютера с изображением допрашиваемого лица. В идеале, если на видеозаписи будет чёткое изображение одновременно двух мониторов (экранов) компьютеров, на одном из которых установлена соответствующая ведомственная программа, позволяющая обеспечить доступ к системам ВКС конкретного государственного органа (напр., СЗД МВД России), и на котором в онлайн режиме будет просматриваться изображение допрашиваемого лица, излагаемые им показания и формулируемые ответы на уточняющие вопросы; на втором мониторе – будет зафиксировано, как следователь, печатая на компьютере, параллельно вносит в протокол эти показания. Всё это должна отражать видеозапись допроса, если следователь (дознатель) рассчитывает получить качественный положительный результат эффективно выполненной работы по собиранию относимых, достоверных и самое главное допустимых доказательств.

Итоговыми документами, призванными обеспечить процессуальное оформление результатов удалённого допроса, являются: протокол допроса, подписанный следователем, ведущим расследование; подпись с разъяснением прав допрашиваемому лицу, удостоверенная его подписью; подпись об отсутствии замечаний к протоколу, свидетельствующая о том, что допрашиваемый согласился с показаниями, зафиксированными в протоколе следователем, находящимся на «удалёнке», то есть по месту расследования; электронный носитель с видеозаписью произведённого допроса.

Изучая феномен дистанционного допроса, мы убедились в наличии широкого круга спорных вопросов, порожденных недосказанностью законодателя относительно процедуры и фиксации результатов этого следственного действия, которые могут приводить к затруднениям в деятельности органов правоприменения по доказыванию обстоятельств расследуемого уголовного дела. Научный поиск путей разрешения спорных моментов и устранения обусловленных ими сложностей, а также собственный опыт профессиональной деятельности в следственных аппаратах Министерства внутренних дел России и Следственного комитета Российской Федерации позволяют нам сделать вывод о необходимости разработки соответствующих методических рекомендаций, утверждаемых на ведомственном (Следственный комитет РФ или соответствующий федеральный орган исполнительной власти, в структуре которого есть следственные аппараты или подразделения дознания) или межведомственном уровне, содержащих нормативные предписания с пошаговой детализацией процессуального порядка (алгоритма) производства следственных действий в виде допроса, очной ставки и предъявления для опознания, что позволит исключить случаи признания доказательств по делу в виде показаний, а также протоколов очной ставки, опознания, полученных с применением систем ВКС, недопустимыми ввиду нарушений требований действующего уголовно-процессуального закона.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22.11.2001; одобрен Советом Федерации 05.12.2001 (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2026).
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 26.04.2002; одобрен Советом Федерации 15.05.2002 (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2025).
3. Царева Ю. В. Способы реализации полномочий защитника в процессе доказывания по уголовным делам // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «62-е криминалистические чтения» (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. – Электр. текстовые данные. – М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 545-555.
4. Дознаватель Люфтваффе Ханс Шарфф (Hanns Scharff) и его методы допроса пленных // URL: <https://pressa.tv/interesnoe/90146-iskusstvo-voynny-metody-doprosa-hansa-sharffa-iz-lyuftvaffe.html> (дата обращения: 30.01.2026).
5. Учёные подтвердили эффективность тактики допросов Люфтваффе // URL: <https://ria.ru/20160225/1380335759.html> (дата обращения: 03.02.2026).
6. Архипова И.А., Шаров А.В. Процессуальные и криминалистические аспекты применения систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2024. Вып. 4. С. 93-102.
7. Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Е. 12, № 3 (45). С. 370-374.
8. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1(47). 2019. С. 108-116.

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law. Law No. 174-FZ of December 18, 2001: adopted by the State Duma on November 22, 2001; approved by the Federation Council on December 05, 2001 (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/20/2026) // SPS "ConsultantPlus" (date of application: 01/31/2026).
2. About advocacy and advocacy in the Russian Federation: feder. Law No. 63-FZ of 05/31/2002: adopted by the State Duma on 04/26/2002; approved by the Federation Council on 05/15/2002 (as amended on 04/22/2024) // SPS ConsultantPlus (date of application: 12/27/2025).
3. Tsareva Yu.V. Ways of exercising the powers of a defender in the process of proving criminal cases // Development of the doctrine of countering the investigation of crimes and measures to overcome it in the context of digital transformation : a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference "62nd criminalistic readings" (Moscow, May 21, 2021) / edited by Yu. V. Gavrilin, Yu. V. Shpagina. – Electra. Text data. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 545-555.
4. Luftwaffe interrogator Hans Scharff and his methods of interrogating prisoners // URL: <https://pressa.tv/interesnoe/90146-iskusstvo-voynny-metody-doprosa-hansa-sharffa-iz-lyuftvaffe.html> (date of access: 30.01.2026).
5. Scientists have confirmed the effectiveness of Luftwaffe interrogation tactics // URL: <https://ria.ru/20160225/1380335759.html> (date of request: 02/03/2026).
6. Arkhipova I.A., Sharov A.V. Procedural and criminalistic aspects of the use of video conferencing systems in the production of investigative actions // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2024. Issue 4. pp. 93-102.
7. Afanasyeva A.A. Remote interrogation: current state and prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. E. 12, No. 3 (45). pp. 370-374.
8. Ovchinnikova O.V. Remote investigative actions: current state and prospects // Legal science and law enforcement practice. No. 1(47). 2019. pp. 108-116.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ГУМАНИЗАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ MODERN PENITENTIARY POLICY OF RUSSIA: HUMANIZATION AND SECURITY

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,

кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем социологического обеспечения
и прогнозирования деятельности уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
125130, Россия, г. Москва ул. Нарвская д.15а стр.1.
E-mail: university69@mail.ru.

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Research Fellow,
Department for the Study of Problems of Sociological Support and Forecasting of the Activities of the Penal Enforcement System,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia)
125130, Moscow, Narvskaya St., 15A, bld. 1.
E-mail: university69@mail.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа современных научных подходов рассматриваются ключевые векторы эволюции пенитенциарной (уголовно-исполнительной) политики Российской Федерации. Выделяются три взаимосвязанных направления: гуманизация исполнения наказаний, обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы и её политическая обусловленность. Анализируются теоретико-правовые основы понятия пенитенциарной политики, её признаки и место в структуре государственной политики. Особое внимание уделено противоречиям гуманизации (смягчение условий отбывания наказаний, развитие альтернатив лишению свободы) и задачам безопасности (борьба с криминогенной средой УИС, цифровизация), а также влиянию политических факторов на формирование политики. Формулируются перспективы дальнейших исследований.

Abstract: the article examines the key vectors of the evolution of Russia's penitentiary (penal enforcement) policy based on an analysis of contemporary scientific approaches. Three interconnected directions are highlighted: humanization of sentence execution, ensuring security of the penal enforcement system, and its political conditioning. The theoretical-legal foundations of the penitentiary policy concept, its characteristics, and place in the structure of state policy are analyzed. Special attention is paid to the contradictions between humanization (softening conditions of serving sentences, developing alternatives to imprisonment) and security tasks (combating the criminogenic environment of the penal system, digitalization), as well as the influence of political factors on policy formation. Prospects for further research are formulated.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, уголовно-исполнительная политика, гуманизация наказаний, безопасность уголовно-исполнительной системы, кризис наказания, ресоциализация осуждённых, цифровая трансформация, политическая обусловленность.

Keywords: penitentiary policy, penal enforcement policy, humanization of punishments, security of penal system, crisis of punishment, resocialization of convicts, digital transformation, political conditioning.

Для цитирования: Царькова Е.Г. Современная пенитенциарная политика России: гуманизация и безопасность // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 541-543. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_541.

For citation: Tsarkova E.G. Modern penitentiary policy in Russia: humanization and security // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 541-543. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_541.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

В работах, посвящённых понятию пенитенциарной политики, прослеживается стремление преодолеть узко институциональное и сугубо «тюремное» её понимание. Пенитенциарная политика выводится за рамки исключительно исполнения наказания в виде лишения свободы и трактуется как совокупность властных, нормативно закреплённых и научно обоснованных решений государства в сфере исполнения всех видов уголовных наказаний и обращения с осуждёнными [2, с. 354]. Такой подход логически связывает пенитенциарную политику с общей уголовной политикой и, шире, с социальной политикой, определяющей цели и средства воздействия на преступность, включая систему наказаний и режим их исполнения.

Содержательно пенитенциарная политика описывается через ряд типичных признаков: властный характер (обязательность решений и возможность их реализации вопреки индивидуальному несогласию), целенаправленность и поэтапность (наличие долгосрочных программ развития УИС, концептуальных документов, планов мероприятий), научная обоснованность (опора на выводы юридической науки, криминологии, пенитенциарной психологии), системность (институциональный, нормативный, процессуальный уровни), непосредственная связь с государством и нормативность (закреплённость в конституционных, законодательных и подзаконных актах). Важной составляющей выступает социальная направленность: защита личности, общества и государства, обеспечение правопорядка в учреждениях, исполнение наказаний в соответствии с национальными и международными стандартами, создание условий для ресоциализации и социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

В ряде работ предпринимается попытка увязать пенитенциарную политику с политологическим анализом. Подчёркивается, что она является элементом политического процесса, зависит от господствующей идеологии, конфигурации властных элит, характера общественных запросов на «жесткость» или гуманизацию уголовной репрессии. Этот ракурс позволяет рассматривать пенитенциарную политику не только как производное от догматики уголовного и уголовно-исполнительного права, но и как инструмент реализации более широких политических стратегий [3, с. 25].

Вектор гуманизации исполнения и отбывания уголовных наказаний представляется, одним из наиболее устойчивых направлений уголовно-исполнительной политики России последних десятилетий. Гуманизация проявилась, во-первых, в изменении видов режима и условий содержания для социально уязвимых категорий осуждённых: несовершеннолетних, женщин (особенно беременных и имеющих малолетних детей), инвалидов, тяжело больных. Во-вторых, в совершенствовании правового статуса осуждённых – расширении возможностей выездов за пре-

дела учреждений, смягчении условий перевода между видами исправительных учреждений, упрощении процедур условно-досрочного освобождения и иных форм освобождения по гуманистическим основаниям.

Продолжающиеся изменения уголовно-исполнительного законодательства иллюстрируют институционализацию этого курса. Увеличение допустимых сумм денежных средств, которые осуждённые могут расходовать на питание и предметы первой необходимости, расширение минимального количества телефонных разговоров, предоставляемых осуждённым, а также продление предельного возраста пребывания детей в домах ребёнка при исправительных учреждениях для женщин – все эти элементы демонстрируют стремление смягчить последствия изоляции, укрепить семейные связи осуждённых, обеспечить более достойный уровень повседневной жизни в местах лишения свободы.

Особую роль играют нормы, связанные с оказанием медицинской помощи и освобождением по болезни. На нормативном уровне гуманизация здесь выражается в возможности освобождения тяжело больных осуждённых, для которых отбывание наказания объективно невозможно. Однако многие ученые справедливо обращают внимание на пределы гуманизации: освобождение тяжело больных, утративших социальные связи и не имеющих поддержки, без создания специализированных условий (аналогов пенитенциарных хосписов) способно обернуться фактической жестокостью, переводя заботу государства в форму символического акта, не обеспечивающего реальной защиты достоинства и жизни человека.

Одновременно в ряде исследований подчёркивается наличие глубинного «кризиса наказания», особенно в его традиционной форме лишения свободы [1, с. 45]. Указывается на историческую неэффективность как самых жёстких санкций (до квалифицированных видов смертной казни), так и современного массового использования лишения свободы: ни общий, ни специальный превентивный эффект не демонстрируют устойчивого подтверждения; уровень рецидива в России за определённый период существенно возрастал, что ставит под сомнение способность действующей модели наказания достигать заявленных целей исправления и предупреждения преступности. На этом фоне выдвигаются предложения о радикальном сокращении применения лишения свободы, об окончательном исключении смертной казни из системы наказаний, о замене репрессивной логики исполнения наказаний логикой ресоциализации и реадaptации.

Таким образом, гуманизация в современной пенитенциарной политике предстает как двуединый процесс: с одной стороны, как последовательное смягчение условий и расширение гарантий для осуждённых в рамках сохранения лишения свободы в качестве центральной санкции; с другой – как теоретический и политико-правовой вызов самой парадигме наказания, предполагающий трансформацию структуры наказаний и радикальное уменьшение роли тюремного заключения.

Второй крупный вектор эволюции пенитенциарной политики связан с обеспечением безопасности – как внешней, так и внутренней. С одной стороны, под безопасностью понимается защита общества от преступности, в том числе посредством изоляции наиболее опасных правонарушителей. С другой – речь идёт о безопасности самой уголовно-исполнительной системы, её персонала, осуждённых и иных участников пенитенциарных отношений.

Эмпирические данные, свидетельствуют о значительном криминогенном потенциале пенитенциарной среды. Официально регистрируемая преступность в местах лишения свободы характеризуется устойчивым присутствием сугубо «пенитенциарных» составов (дезорганизация деятельности учреждений, побеги, уклонения), а также преступлений против личности и в сфере незаконного оборота наркотиков [6, с. 75]. На этом фоне фиксируется крайне высокое количество предотвращённых преступлений, что позволяет говорить о существовании внутри учреждений сложных организованных форм преступной активности, опирающихся на специфическую криминальную субкультуру, распределение ролей и влияния. Качественный состав контингента (лидеры группировок отрицательной направленности, организаторы массовых неповиновений, активные нарушители режима, лица, вовлечённые в экстремистскую идеологию) дополнительно подтверждает устойчивость криминальных структур в пенитенциарной среде.

Ответом на эти вызовы становятся структурные и организационные проекты, отражённые в концептуальных документах развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) [4, с. 23]. Создание учреждений объединённого типа, предполагающих возможность содержания различных категорий подозреваемых, обвиняемых и осуждённых в едином комплексе, призвано одновременно повысить управляемость системы, обеспечить экономию ресурсов и приблизить исполнение наказаний к местам проживания осуждённых и их семей. Расширение сети исправительных центров для исполнения наказания в виде принудительных работ, как и внедрение института пробации, ориентировано на разгрузку системы лишения свободы, снижение концентрации криминального контингента в колониях и тюрьмах, а также на усиление социального компонента в постпенитенциарном сопровождении.

Одновременно безопасность связана с цифровой трансформацией. Введение комплексных систем защиты информации, защита персональных данных осуждённых и сотрудников, использование электронных средств контроля и навигационных технологий, а также планы по применению систем, основанных на искусственном интеллекте, при обработке данных и принятии решений, формируют новый технологический уровень пенитенциарной политики [5, с. 267]. Это усиливает потенциал управления и контроля, но вместе с тем ставит новые вопросы о разумных пределах вмешательства в частную сферу осуждённых, о рисках автоматизации дискриминационных практик, о гарантиях прозрачности и обжалуемости решений, принимаемых при активном использовании цифровых технологий.

Безопасностный вектор проявляется и в жёсткой оценке таких явлений, как пытки и ненадлежащее обращение. Отмечается необходимость усиления расследования соответствующих преступлений, развития внутренних и общественных механизмов контроля за соблюдением прав лиц, находящихся в местах лишения свободы, укрепления уголовно-правовых и процессуальных гарантий защиты от недозволенного насилия. В этой сфере безопасность осуждённых прямо корреспондирует с гуманистическим содержанием пенитенциарной политики и с её международно-правовыми основаниями.

Третий важный аспект эволюции пенитенциарной политики – её политическая обусловленность. Во-первых, через динамику уголовного законодательства, где колебания между криминализацией и декриминализацией нередко обуславливаются не только объективной общественной опасностью деяний, но и политическими, идеологическими, экономическими интересами. Примеры криминализации деяний, связанных с публичной активностью, массовыми мероприятиями, выражением определённых политических позиций, демонстрируют, что уголовная политика, а следовательно и пенитенциарная, используется как инструмент контроля над политическим и публичным пространством. Такая тенденция усиливает риск расширения масштабов лишения свободы и других ограничительных санкций по мотивам, выходящим за рамки борьбы с традиционной криминальностью.

Во-вторых, её политическая обусловленность проявляется во внешнеполитическом измерении. Выход России из под юрисдикции Европейского суда по правам человека и институциональное дистанцирование от структур Совета Европы меняют форму и интенсивность влияния международных стандартов на развитие УИС. При этом в ряде работ подчёркивается, что базовые международные акты ООН в сфере прав человека и обращения с заключёнными сохраняют нормативное значение, а ранее имплементированные в российское право стандарты не утрачивают актуальности. Уход из европейской «орбиты» не должен означать ослабления гарантий прав осуждённых; напротив, он требует усиления национальных механизмов контроля и, возможно, формирования новых международных форм сотрудничества на иных принципах.

В-третьих, пенитенциарная система и отдельные события, происходящие в учреждениях, становятся объектом политического символизма, используемого как внутри страны, так и во внешней коммуникации. Резонансные случаи смертей, массовых нарушений, жестокого обращения вызывают не только правовую, но и политическую реакцию, служат поводом для внешнеполитических заявлений и санкций, а внутри страны влияют на общественное восприятие легитимности власти и эффективности её уголовно-исполнительной политики. В таких условиях пенитенциарная политика превращается в своеобразный индикатор состояния правового государства, предмет как научного, так и политического спора.

Наконец, её политическая обусловленность проявляется и в содержании реформ: крупные инфраструктурные проекты, такие как создание учреждений объединённого типа, развитие сети исправительных центров, внедрение пробации, выносятся в сферу публичной политики, обсуждаются в контексте приоритетов бюджетной и силовой политики, конкурируют за ресурсы со «специальными» задачами государства. Это неизбежно влияет на темпы и глубину реформ, порождая амбивалентную оценку их реалистичности и целесообразности.

Вышесказанное позволяет заключить, что современная пенитенциарная политика России формируется на пересечении трёх взаимосвязанных, но не всегда согласованных векторов: гуманизации, безопасности и политической обусловленности. Гуманизация выражается в смягчении условий отбывания наказаний, расширении прав осуждённых [7] и развитии альтернатив лишению свободы, но сталкивается с ограничениями, обусловленными сохраняющимся доминированием тюремного заключения и структурной криминогенностью пенитенциарной среды. Безопасностный вектор ведёт к укреплению организационных, технологических и правовых механизмов контроля, к борьбе с организованной преступностью в УИС и с попытками, однако несёт в себе риск чрезмерного расширения инструментов надзора и вторжения в частную жизнь осуждённых. Политизация же придаёт пенитенциарной политике высокую чувствительность к конъюнктуре уголовного закона, внешнеполитическим конфликтам и внутренней борьбе за интерпретацию прав человека, что делает её не только объектом научного анализа, но и полем острой политической конкуренции.

Перспективы дальнейших исследований видятся, во-первых, в более глубокой интеграции теоретико-правового и политологического анализа пенитенциарной политики с эмпирическими данными о её реализации на уровне учреждений; во-вторых, в оценке долгосрочных эффектов цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в управление УИС; в-третьих, в разработке моделей, позволяющих согласовать гуманистические стандарты с задачами безопасности без перерастания последней в репрессивную доминанту. Такое междисциплинарное осмысление пенитенциарной политики представляется необходимым условием её эволюции в направлении, одновременно обеспечивающем защиту общества от преступности и уважение достоинства человека, оказавшегося в сфере уголовно-исполнительного воздействия.

Список литературы:

1. Гилинский Я.И. Пенитенциарная политика в современном мире // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 42-45.
2. Дикаева М.С. Пенитенциарная политика как часть уголовной политики государства // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. / Верховный Суд РФ, Рос. гос. ун-т правосудия. М., 2015. С. 352-356.
3. Овчинников С.Н. Признаки национальной пенитенциарной политики и их методологическое значение // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 1 (65). С. 21-31.
4. Овчинников С.Н. Конституционные контуры пенитенциарной политики // Гражданское общество в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 20-24.
5. Овчинников С.Н. Применение цифровых технологий в сфере исполнения уголовных наказаний: направления, инновации, риски // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 3 (71). С. 261-269.
6. Селиверстов В. И., Грушин Ф. В. Актуальные направления уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 66-81.
7. Olenev M. Structural analysis of the national ombudsman activities in ensuring environmental human rights / M. Olenev // E3S Web of Conferences, Chelyabinsk, 17–19 февраля 2021 года. – Chelyabinsk, 2021. – P. 05023. – DOI 10.1051/e3sconf/202125805023. – EDN UOBFWU.

References:

1. Gilinsky Ya. I. Penitentiary policy in the modern world // Penitentiary system and society: experience of interaction: coll. papers of the VI International scientific-practical conference. 2019. P. 42-45.
2. Dikaeva M. S. Penitentiary policy as part of the criminal policy of the state // Criminal policy and law enforcement practice: coll. papers based on materials of the III All-Russian scientific-practical conference / Supreme Court of the Russian Federation, Russian State University of Justice. Moscow, 2015. P. 352-356.
3. Ovchinnikov S. N. Characteristics of national penitentiary policy and their methodological significance // Penitentiary Science. 2024. Vol. 18. No. 1 (65). P. 21-31.
4. Ovchinnikov S. N. Constitutional contours of penitentiary policy // Civil Society in Russia and Abroad. 2025. No. 1. P. 20-24.
5. Ovchinnikov S. N. Application of digital technologies in the field of execution of criminal sentences: directions, innovations, risks // Penitentiary Science. 2025. Vol. 19. No. 3 (71). P. 261-269.
6. Seliverstov V. I., Grushin F. V. Current directions of penal enforcement policy of the Russian Federation // Tomsk State University Journal of Law. 2024. No. 53. P. 66-81.
7. Olenev M. Structural analysis of the national ombudsman activities in ensuring environmental human rights / M. Olenev // E3S Web of Conferences, Chelyabinsk, 17–19 февраля 2021 года. – Chelyabinsk, 2021. – P. 05023. – DOI 10.1051/e3sconf/202125805023. – EDN UOBFWU.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_544

УДК 614.84:343.2/7

ЭВОЛЮЦИЯ ХАЛАТНОСТИ: ОТ ПЛЕНУМА СССР К РЕАЛЬНОМУ УЩЕРБУ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

THE EVOLUTION OF NEGLIGENCE: FROM THE USSR PLENUM TO REAL DAMAGE IN MODERN JUDICIAL PRACTICE

КУРЫЛЕВ Дмитрий Сергеевич

заместитель начальника отдела дознания и административной практики ДНПР МЧС России.

121357, Россия, г. Москва, ул. Ватутина, д. 1.

vitya-shen@mail.ru

ПЛЕШАКОВ Виталий Владимирович

начальник учебно-научного комплекса организации надзорной деятельности Академии ГПС МЧС России.

129366, Россия, г. Москва, улица Бориса Галушкина, 4 стр. 2.

vitya-shen@mail.ru

ПЕРЕГУДОВА Наталья Васильевна

начальник отдела организационно-правового обеспечения пожарной безопасности и деятельности пожарно-спасательных сил НИЦ ОУП ПБ ФГБУ ВНИИПО МЧС России.

ВНИИПО м-н, Балашиха, Московская область, 143903, Россия.

vitya-shen@mail.ru

KURYLEV Dmitry Sergeevich

Deputy Head of the Department of Inquiry and Administrative Practice of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation.

1 Vatutina St., Moscow, 121357, Russia.

vitya-shen@mail.ru

PLESHAKOV Vitaly Vladimirovich

is the head of the educational and scientific complex for the organization of supervisory activities at the Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

Boris Galushkin street, 4 p. 2, Moscow, 129366, Russia.

vitya-shen@mail.ru

PEREGUDOVA Natalia Vasilyevna

Head of the Department of Organizational and Legal Support for Fire Safety

and the activities of Fire and Rescue Forces of the Research and Development Center

of the State Unitary Enterprise PB of the Federal State Budgetary Institution VNIPO of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

VNIPO m-n, Balashikha, Moscow region, 143903, Russia.

vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлен ретроспективный анализ правовой конструкции привлечения к уголовной ответственности за халатность. В исследовании авторы опираются на разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда СССР в 1990 году, рассматривая их как основополагающий, базовый источник для постижения природы указанного преступного деяния. Сопоставляя историческое толкование нормы с современной судебной практикой, исследование выявляет основные векторы эволюции состава халатности. Реагируя на кардинальные изменения в системе государственного управления, экономике и структуре общественных отношений, норма сохраняет свою функциональность. Автоматизация контрольно-надзорных процедур, внедрение систем электронного документооборота и алгоритмизация принятия решений существенно трансформируют содержание служебных обязанностей должностных лиц, требуя переосмысления традиционных критериев их ненадлежащего исполнения.

Abstract: The article presents a retrospective analysis of the legal framework for criminal liability for negligence. In their study, the authors rely on the explanations given by the Plenum of the Supreme Court of the USSR in 1990, considering them to be the fundamental source for understanding the nature of this criminal act. By comparing the historical interpretation of the norm with modern judicial practice, the study identifies the main vectors of evolution in the composition of negligence. Despite significant changes in the system of government, the economy, and the structure of social relations, the norm remains functional. The automation of control and supervisory procedures, the introduction of electronic document management systems, and the algorithmization of decision-making have significantly transformed the content of officials' official duties, requiring a rethinking of traditional criteria for their improper performance.

Ключевые слова: халатность, должностное лицо, крупный ущерб, причинно-следственная связь, угроза причинения вреда.

Key words: negligence, official, major damage, causation, threat of harm.

Для цитирования: Курылев Д.С., Плешаков В.В., Перегудова Н.В. «Эволюция халатности: от Пленума СССР к реальному ущербу в современной судебной практике» // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 544-551. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_544.

For citation: Kurylev D.S., Pleshakov V.V., Peregudova N.V. "The evolution of negligence: from the Plenum of the USSR to real damage in modern judicial practice" // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 544-551. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_544.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

В системе преступлений против государственной власти состав халатности (статья 293 УК РФ) занимает особое место, обусловленное его двойственной правовой природой. Выступая в качестве универсального механизма охраны интересов государственной службы от недобросовестного поведения должностных лиц, данная норма в правоприменительной практике традиционно демонстрирует высокую степень сложности, связанную с доказыванием субъективных признаков и установлением причинно-следственной связи. Доказательственная база требует установления не только факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, но и наличия взаимосвязанной причинно-следственной связи между бездействием и наступившими негативными последствиями. Именно здесь лежит ключевое противоречие: где заканчивается преступная халатность и начинается служебная невозможность в условиях дефицита ресурсов, несовершенства законодательства, сложности его

применения на практике или чрезмерной нагрузки?

Обратимся к советскому праву. Преступление, предусмотренное статьей 172 УК РСФСР («Халатность»), ранее входило в главу 7 УК РСФСР, объединяющую нормы о должностных преступлениях¹.

Понятие должностного лица содержалось непосредственно в диспозиции статьи 170 УК РСФСР². Согласно примечанию к статье, под должностными лицами понимались лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных или общественных учреждениях, организациях либо на предприятиях, либо выполняющие такие функции по специальному полномочию.

Изменение в подходе к определению статуса должностного лица началось с принятия 26 мая 1988 г. Закона СССР «О кооперации в СССР», который легализовал частнопредпринимательскую деятельность и создал прецедент наделения управленческими функциями лиц, не состоявших на государственной службе, что потребовало пересмотра устоявшихся доктринальных представлений о субъекте должностных преступлений. 3. Этот подход был подтвержден в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 1 января 2001 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге», в котором руководители кооперативных организаций были приравнены к руководителям государственных и общественных предприятий⁴.

С развитием законодательства о собственности и предпринимательской деятельности (Законы РСФСР «О собственности в РСФСР»⁵ и «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 1990 г.⁶) возникли новые организационно-правовые формы предприятий – индивидуальные частные предприятия, акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью и др. Руководители этих структур, не подпадающие под формальные признаки должностных лиц, оказались вне сферы действия уголовно-правовых норм о должностных преступлениях.

В связи с этим сформировалась практика расширительного толкования понятия должностного лица⁷. Подобный подход использовался как в уголовном законодательстве, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР.

Так, в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 подчеркивалась необходимость всестороннего анализа причин совершения должностных преступлений, включая выявление недостатков в управлении предприятиями и учреждениями, проявлений бюрократизма, отсутствия контроля, что приводило к значительным убыткам или нарушению нормальной работы организаций. В таких случаях предлагалось выносить частные определения об устранении выявленных нарушений, а при наличии оснований – возбуждать уголовные дела.

В соответствии с диспозицией статьи 172 УК РСФСР, состав преступления, квалифицируемого как халатность, включал два ключевых признака:

- 1) невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей в результате небрежного или недобросовестного отношения к ним;
- 2) причинение существенного вреда государственным или общественным интересам либо правам и законным интересам граждан.

Следует отметить, что квалифицирующий признак «существенность вреда» имел субъективно-оценочный характер. Согласно позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4, данный вред мог выражаться не только в материальных потерях, но и в иных негативных последствиях, таких как:

- нарушение конституционных прав и свобод граждан;
- подрыв авторитета государственных и общественных институтов;
- дестабилизация работы организаций;
- нарушение общественного порядка;
- сокрытие тяжких преступлений, включая крупные хищения и иные аналогичные действия.

Таким образом, халатность в рамках редакции УК РСФСР оценивалась не только через материальные последствия, но и с учетом правовых, социальных и организационных последствий для общества и государства.

Подробные разъяснения, касающиеся квалификации халатности содержались в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4. В документе подчеркивалась актуальность разъяснений в связи с низким качеством рассмотрения отдельных уголовных дел.

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). // Свод законов РСФСР, т. 8, с. 497. Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZJEJE; Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.

² Кайнов, В. И. административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.

³ Закон СССР «О кооперации в СССР» от 01.01.2001 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 (ред. от 10.02.2000) «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге».

⁵ Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) «О собственности в РСФСР». // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1990, № 30, ст. 416.

⁶ Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 (ред. от 30.11.1994) «О предприятиях и предпринимательской деятельности». // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 27.12.1990, № 30, ст. 418.

⁷ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

Указывалось, что судами допускались ошибки в установлении и анализе служебных полномочий должностных лиц, причинно-следственной связи между нарушением обязанностей и наступившими последствиями, а также в определении степени существенности причиненного вреда.

В пунктах 7 и 8 постановления Пленума Верховного Суда от 30 марта 1990 г. разъяснялось, что:

к субъектам должностных преступлений могут быть отнесены лица, временно исполняющие обязанности или осуществляющие управленческие функции по специальному полномочию, при условии, что такие функции были возложены на них в установленном законом порядке;

при рассмотрении дел о халатности суду надлежит выяснять круг и характер служебных обязанностей, соответствующие нормативные акты, мотив и цель деяния, а также фактические обстоятельства и наличие причинной связи между действиями (или бездействием) должностного лица и наступившими последствиями;

указывалось на необходимость устанавливать, имел ли подсудимый реальную возможность исполнить возложенные на него обязанности.

В пункте 9 постановления предписывалось указывать в приговоре характер причиненного вреда и наличие причинной связи между ним и действиями подсудимого. Под «существенным вредом» понимался не только материальный ущерб, но и иные негативные последствия, в том числе:

нарушение конституционных прав и свобод граждан;
подрыв авторитета органов власти и общественных институтов;
дестабилизация деятельности организаций;
создание условий для совершения других преступлений, в том числе тяжких.

При «оценке степени существенности вреда» предписывалось учитывать:

влияние деяния на работу организации;
характер и размер материального ущерба;
число потерпевших;
тяжесть морального, физического или имущественного вреда.

Согласно пункту 19 постановления, при назначении наказания за халатность суд должен исходить из принципа индивидуализации, учитывая при этом:

степень общественной опасности деяния;
мотивы и цели совершения преступления;
значимость нарушенных обязанностей;
продолжительность преступных действий;
характер и тяжесть последствий, а также данные о личности виновного.

Таким образом, правовая конструкция состава халатности по статье 172 УК РСФСР обязывала суд устанавливать в приговоре:

характер причиненного вреда;
наличие причинно-следственной связи между вредом и действиями (бездействием) подсудимого;
объективные признаки существенности вреда, в том числе социальные и правовые последствия.

Указанный подход позволял признавать халатность и привлекать к уголовной ответственности, как за причинение материального ущерба, так и иного вреда при условии, что судом тот или иной вид вреда признавался существенным¹.

Дополнительные аспекты толкования состава халатности отражены в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 31 марта 1961 г. № 2 «О судебной практике по рассмотрению дел, возникающих в связи с незаконной выплатой государственных пенсий». В данном постановлении отмечается, что должностные лица, допустившие ненадлежащее исполнение своих обязанностей или действовавшие по небрежности, и вследствие этого оформившие документы, содержащие недостоверные сведения о трудовом стаже или заработке, подлежат привлечению к ответственности по статье 172 УК РСФСР («Халатность»).

Такие действия **квалифицировались** как халатность при наличии следующих условий:

выданные документы стали основанием для незаконного назначения и выплаты пенсий;
действия должностного лица повлекли существенный вред государственным интересам.

Таким образом, в рассматриваемом контексте под небрежностью понималось, в частности, **невнимательность, допущенные ошибки, а также формальный подход к проверке данных, который, несмотря на отсутствие умысла, привел к негативным последствиям**.

Это разъяснение **расширяло** толкование признаков состава халатности, подчеркнув, что фактическая ошибка, совершенная в условиях ненадлежащего контроля и неисполнения обязанностей, также может повлечь уголовную ответственность.

Анализ судебной практики по уголовным делам, связанным с привлечением к ответственности за халатность, позволяет выделить два основных направления классификации судебных решений:

¹ Перегудова, Н. В. Понятие «непосредственная угроза причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям»: практика его толкования и правоприменения / Н. В. Перегудова, В. М. Шеншин // Академия Государственной противопожарной службы МЧС России: Теория. Инновации. Практика : Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня образования Академии ГПС МЧС России. В 5-ти частях, Москва, 19 октября 2023 года. – Москва: Академия Государственной противопожарной службы, 2023. – С. 136-142. – EDN FQQNVM; Шеншин, В. М. Уголовно-правовое значение вреда, причиненного окружающей среде: противоречивость подходов, пути решения проблемы / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 55-58. – EDN DBKTCС.

по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 172 УК РСФСР (впоследствии – статьей 293 УК РФ);

по нарушениям уголовно-процессуального порядка рассмотрения данной категории дел.

Поскольку субъектом преступления, квалифицируемого как халатность, может быть только должностное лицо, суд в каждом конкретном случае обязан:

определить наличие у лица статуса должностного лица;

установить объем должностных полномочий;

дать оценку надлежащего или ненадлежащего исполнения возложенных обязанностей, с учетом отношения к ним – небрежного или недобросовестного¹.

Рассмотрим некоторые отдельные случаи применения права.

1. Частный нотариус и статус должностного лица.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда **Российской Федерации** от 25 декабря 1996 г. рассматривался вопрос о привлечении частного нотариуса к ответственности за халатность. Суд первой инстанции исходил из того, что частный нотариус обладает теми же полномочиями, что и государственный, следовательно, является должностным лицом. Однако Верховный Суд **Российской Федерации** с данным подходом не согласился, указав, что частнопрактикующий нотариус учреждает свою деятельность без участия органов государственной власти, в связи с чем не может быть признан должностным лицом в смысле уголовного закона. Уголовное дело было прекращено за отсутствием субъекта преступления.

2. Нарушения уголовно-процессуальных норм при рассмотрении дел.

В Обзоре надзорной практики Верховного Суда **Российской Федерации** отмечены типичные процессуальные нарушения при рассмотрении дел о халатности. Примером служит дело С., осужденной Дятьковским городским судом Брянской области по статье 172 УК РСФСР за ненадлежащее исполнение обязанностей начальника медицинского вытрезвителя.

Суд первой инстанции не дал оценки доводам подсудимой:

о том, что в инкриминируемый период она занимала иную должность;

в момент совершения деяния находилась в отпуске;

не была официально ознакомлена с приказом о назначении;

не получала зарплату, соответствующую новой должности.

Коллегия Верховного Суда **Российской Федерации** отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение, указав на необходимость установления периода совершения преступления, фактического круга обязанностей, размера вреда, а также наличия причинной связи между действиями подсудимой и наступившими последствиями.

3. Халатность в медицинской сфере.

В одном из дел, рассмотренных Московским областным судом, врачей Р. и Ч. привлекли к ответственности по части 2 статьи 170 УК РСФСР за действия, повлекшие смерть пациента.

Р., инспектор здравоохранения, превысил свои полномочия, произведя хирургическую операцию, не имея соответствующей квалификации.

Ч., дежурный хирург, допустила Р. к операции, не удостоверившись в его компетенции, и не осуществила надлежащего контроля.

Суд квалифицировал поведение обеих как должностное преступление, поскольку они выполняли организационно-распорядительные и профессиональные функции. Позже действия Ч. были переквалифицированы с превышения полномочий (статья 170 УК РСФСР) на халатность (статья 172 УК РСФСР), с учетом отсутствия умысла и наличия небрежного отношения к служебным обязанностям.

Необходимо отметить, что на современном этапе практика неоднородна. Несмотря на то, что постановление **Верховного Суда Российской Федерации** от 16 октября 2009 г. № 19 относит медицинских работников к числу должностных лиц, суды часто исходят из противоположного подхода².

4. Таможенное преступление с признаками халатности.

В 1994 г. было расследовано уголовное дело в отношении начальника таможенного поста Р., обвиненного по части 2 статьи 170 и статьи 172 УК РСФСР. Установлено, что Р., несмотря на очевидное занижение стоимости товаров, оформил груз по режиму свободного обращения.

В результате:

государству был причинен существенный имущественный вред (сумма неуплаченных таможенных платежей составила свыше 48 млн неденоминированных рублей);

действия Р. были квалифицированы как злоупотребление должностным положением, сопряженное с халатностью, выразившейся в отказе от проверки сомнительной информации из личной заинтересованности¹.

¹ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

5. Нарушение имущественных интересов муниципального образования.

В деле, рассмотренном судом г. Владивостока, начальник отдела по управлению муниципальной собственностью П. признан виновным в халатности, выразившейся в ненадлежащем исполнении обязанностей при оформлении прав на муниципальную недвижимость в 1993 – 1994 гг. Вследствие его действий детский оздоровительный лагерь и земельный участок не были переданы в муниципальную собственность, а перешли к коммерческой структуре.

Суд квалифицировал действия П. как преступление, повлекшее существенный имущественный вред публичным интересам, указав на прямую причинную связь между нарушениями и наступившими последствиями – утратой имущества муниципального образования.

6. Халатность в сфере энергетики и ее последствия.

В случае, рассмотренном Наровчатским районным судом, начальник районных электрических сетей М., а также должностные лица С. и З. были осуждены за халатность в связи с нарушениями требований Правил пользования электрической и тепловой энергией. На протяжении трех лет М. допускал включение электролинии без получения допуска энергонадзора, несмотря на отсутствие технического персонала, проекта и надлежащего обслуживания.

В результате халатного отношения к исполнению должностных обязанностей произошла техническая авария, повлекшая смерть несовершеннолетнего от поражения электрическим током. Суд установил наличие как объективной стороны деяния (ненадлежащее выполнение обязанностей), так и прямой причинной связи между халатностью и наступившими трагическими последствиями².

Судебная практика по делам о халатности нередко ссылается на ведомственные акты, определяющие обязанности должностных лиц. В частности, интерес представляет приказ Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации от 25 мая 1994 г. № 160, утверждавший Инструкцию по осуществлению государственного контроля за использованием и охраной земель.

Инструкция закрепляла следующие полномочия должностных лиц органов Минприроды:

составление протоколов и рассмотрение дел о нарушениях земельного законодательства;

приостановка противоправных работ;

подача исков в суд и арбитраж о возмещении ущерба;

выдача обязательных предписаний гражданам и организациям;

направление материалов в органы прокуратуры по фактам, содержащим признаки уголовных преступлений, предусмотренных статьями 170 – 172 УК РСФСР.

Инструкция сопровождалась подробными приложениями: формами предписаний, заявлений, актов, книг проверок и др., что способствовало формированию устойчивой доказательной базы в делах о должностных преступлениях.

Проведенный анализ судебной практики применения статьи 172 УК РСФСР свидетельствует о том, что правоприменитель последовательно расширял сферу действия данной нормы, распространяя ее на правоохранительные органы, муниципальные структуры и технические службы. Выработанные судами подходы к квалификации халатности демонстрируют комплексный характер оценки деяния: установление признаков специального субъекта (должностного лица), анализ нормативных регламентов его деятельности, определение формы вины, оценку объективной возможности исполнения обязанностей, а также установление причинно-следственной связи между допущенным нарушением и наступившими общественно опасными последствиями.

В 1990-е годы расследование уголовных дел о халатности на территории Российской Федерации осуществлялось альтернативно: как следователями прокуратуры, так и органами внутренних дел (МВД России).

В рассматриваемый период подследственность уголовных дел о халатности определялась степенью сложности расследования и тяжестью наступивших последствий. Производство по наиболее сложным и резонансным делам, связанным с гибелью людей либо причинением крупного материального ущерба, как правило, относилось к компетенции следователей прокуратуры. Дела, не представлявшие значительной сложности и не повлекшие тяжких последствий, расследовались следователями органов внутренних дел (МВД). При этом органы дознания системы МВД проводили дознание по делам о халатности в тех случаях, когда установление обстоятельств преступления не требовало производства значительного объема следственных действий и ограничивалось проведением неотложных мероприятий.

Таким образом, пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР (в редакции 1961 г.) заложил важные ориентиры для установления вины должностного лица. Данное разъяснение обязывало суды исследовать не только объективную сторону деяния (факт неисполнения приказа), но и субъективное отношение лица к содеянному. В частности, требовалось выяснять, осознавало ли лицо незаконность полученного приказа, предвидело ли возможность наступления общественно опасных последствий и имело ли реальную возможность отказаться от его исполнения. Тем самым правоприменительная практика фактически признавала наличие обстоятельств, исключающих вину, так называемой «служебной невозможности» действовать правомерно в ситуации, когда исполнение заведомо незаконного приказа могло повлечь совершение преступления.

Вступление в силу в 1997 г. Уголовного кодекса Российской Федерации определило новые подходы к критериям привлечения должностного лица к уголовной ответственности по статье «Халатность». В этой связи изменилось и восприятие судебной и следственной практики в отношении

¹ Гармаев Ю.П. Внешнеэкономические преступления, связанные с коррупцией в таможенных органах. Практический комментарий законодательства // СПС КонсультантПлюс. 2002.

² Решение Мокшанского районного суда Пензенской области от 02 июля 2020 г. по делу № 2-145/2020.

признаков, применяемых для привлечения должностного лица к уголовной ответственности при совершении им уголовно-наказуемого деяния.

По смыслу статьи 293 УК РФ, объективную сторону халатности составляют три обязательных признака: невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих служебных обязанностей (и каких конкретно); общественно опасное последствие в виде крупного ущерба; причинная связь между деянием виновного и наступившим последствием.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 293 УК РФ (халатность), являются только должностные лица, указанные в примечаниях к статье 285 УК РФ.

Так, приговором Наро-Фоминского городского суда А. осуждена за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 293 УК РФ. Судом А. признана виновной в том, что, являясь должностным лицом, совершила халатность, то есть ненадлежащее исполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе, что повлекло причинение крупного ущерба. Отменяя приговор и направляя дело на новое рассмотрение, судебная коллегия указала, что суд не привел в приговоре основания, по которым он пришел к выводу о том, что А. является должностным лицом.

Необходимо также отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» крупным ущербом в статье 293 УК РФ признается ущерб, сумма которого превышает 1 500 000 рублей, что позволяет квалифицировать деяние преступным¹.

Статус должностного лица при переходе от статьи 172 УК РСФСР к статье 293 УК РФ как потенциального субъекта преступления, связанного с халатностью, принципиально не изменился по своей сути, но был существенно уточнен и встроен в современную и дифференцированную систему уголовно-правовых координат.

Так, переход от диспозиции статьи 172 УК РСФСР к статье 293 УК РФ характеризуется:

материализацией (детализацией) диспозиции;

экспансией (расширением круга субъектов);

дифференциацией ответственности;

адаптацией нормы к потребностям рыночной экономики и правового государства.

Исходя из содержания судебных приговоров следует, что при решении вопроса об ответственности должностного лица, необходимо устанавливать, какие конкретно обязанности не были исполнены, либо исполнены им ненадлежащим образом. При этом такие обязанности должны оказаться не исполненными по причине фактического бездействия должностного лица, при наличии реальной возможности действовать тем или иным образом.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует принципиальная позиция Верховного суда Российской Федерации о применении рассматриваемой статьи УК РФ, что усложняет защиту в суде, например обвиняемого в халатности инспектора государственного пожарного надзора (ГПН).

Актуальным остается вопрос разграничения дисциплинарного упущения и уголовно наказуемой халатности при осуществлении функции федерального государственного пожарного надзора (ФГПН).

Показательным примером, иллюстрирующим сложность доказывания причинно-следственной связи по делам о халатности, является уголовное дело, рассмотренное районным судом Республики Коми в 2011 г. в отношении должностных лиц территориального органа государственного пожарного надзора (ГПН). Приговором суда один из инспекторов (С.) был приговорен к реальному лишению свободы сроком на 3,5 года. Другие инспекторы получили условные сроки с дополнительным наказанием в виде запрета занимать должности в государственных органах. Ключевое значение для правоприменительной практики имеет факт оправдания лица, временно исполнявшего обязанности начальника территориального органа ГПН. Суд не усмотрел в его действиях состава преступления ввиду отсутствия причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением им служебных обязанностей и наступившими тяжкими последствиями (гибелью двух и более лиц по неосторожности). За сотрудником в порядке статей 133-136 УПК РФ признано право на реабилитацию, возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Суд указал, что, осуществляя функцию ФГПН, инспекторы обязаны были реагировать на фактическое состояние объекта и его реальное использование. Согласно позиции суда, должностные лица, обладая властными полномочиями (функцией принуждения), не добились реального устранения нарушений, хотя обязаны были это сделать в силу закона. Осознавая, что в жилом доме, фактически используемом в качестве нелегального пансионата для престарелых и инвалидов, круглосуточно находятся маломобильные граждане, должностные лица органа ГПН были обязаны реализовать контрольно-надзорные мероприятия в объеме, соответствующем высокой степени общественной опасности данного объекта.

Данное дело иллюстрирует, что объектом судебной оценки выступает не просто действие (бездействие) конкретного должностного лица, а качество реализации публично-правовой функции ГПН.

Разнообразие существующих требований пожарной безопасности, содержащих различные технические решения, часто исключает возможность их безошибочного применения инспектором ГПН при проведении контрольного (надзорного) мероприятия. Ситуацию усугубляют крайне сложные в применении административные процедуры, предусмотренные законодательством, регламентирующим сферу контрольно-

¹ Кассационное определение Ярославского областного суда от 16 марта 2012 г. по делу № 22-447/12. // СПС Консультант Плюс.

надзорной деятельности.

Складывается общая тенденция перехода от конкретно-должностного к функционально-управленческому пониманию субъекта преступления, предусмотренного статьей 293 УК РФ.

В период действия статьи 172 УК РСФСР инспектор государственного пожарного надзора однозначно подпадал под категорию «должностного лица» и его обязанности носили властно-распорядительный характер, что полностью соответствовало советскому пониманию должностного лица как представителя власти или лица, выполняющего организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных или общественных учреждениях. Халатность пожарного инспектора, повлекшая пожар, гибель людей или иной существенный вред, квалифицировалась по статье 172 УК РСФСР, но слабым местом была расплывчатость признаков «существенного вреда», что затрудняло однозначную квалификацию, например, при выявленных, но не устраненных нарушениях, которые не привели к неблагоприятным правовым последствиям.

В действующей редакции статьи 293 УК РФ законодатель сохранил и детализировал уголовную ответственность, в связи с чем пожарный инспектор квалифицируется как «должностное лицо» или точнее, как «государственный служащий» в рамках специального состава (часть 1 статьи 293 УК РФ). Суды при вынесении приговоров ограничиваются констатацией факта, что лицо могло предвидеть вредные последствия, но не исследуют глубину и обоснованность этой возможности предвидения в конкретной служебной ситуации.

Так, для предъявления обвинения инспектору государственного пожарного надзора по статье 293 УК РФ следует в силу статьи 26 УК РФ установить, могло ли должностное лицо предвидеть наступление общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Однако для того, чтобы пожарный инспектор смог предвидеть последствия пожара необходима оценка динамики распространения его опасных факторов и возможности предотвращения причинения вреда пожаром охраняемым законом ценностям (жизнь и здоровье людей, имущество физических и юридических лиц при пожаре)¹.

Для решения такой задачи необходимо многократное компьютерное моделирование опасных факторов пожара с применением платного программного обеспечения, для чего требуются специальные знания, навыки трудоемкого компьютерного моделирования и запас времени, которых у пожарного инспектора в рамках контрольного (надзорного) мероприятия просто нет. В таком случае деятельность инспектора может быть квалифицирована с учетом статьи 28 УК РФ «Невиновное причинение вреда». Использовать такое моделирование должны квалифицированные инженеры-проектировщики, эксперты МЧС России и судебные эксперты. Перед проверкой инспектора моделирование опасных факторов пожара позволяет собственнику либо убедиться в безопасности объекта, либо заранее устранить недостатки, чтобы избежать штрафов и предписаний.

Таким образом, инспектор ГПН не должен подменять собой проектировщика или эксперта. Его обязанность – осуществление контрольно-надзорных мероприятий в области пожарной безопасности. Привлечение инспектора ГПН к ответственности за последствия, обусловленные ошибками в проектной документации (в том числе в компьютерных моделях), прошедшей государственную или независимую экспертизу, является неправомерным и расширяет объективную сторону статьи 293 УК РФ за пределы, установленные законодателем.

Сравнительный анализ разъяснений Пленума Верховного Суда СССР 1990 г. и современной судебной практики показывает, что, несмотря на смену социально-экономической формации, базовые подходы к квалификации халатности (установление должностного статуса, причинно-следственной связи, формы вины) сохранили свою фундаментальную значимость. Однако если в советский период акцент делался на нарушении интересов государственной службы как таковых, то современное правоприменение все более ориентируется на защиту конституционных прав граждан (жизнь, здоровье, собственность).

Кардинальные изменения в организации государственного управления, связанные с внедрением цифровых технологий и автоматизацией контрольно-надзорных процедур, формируют новые вызовы для квалификации халатности. Возникает потребность в переосмыслении традиционных категорий (должностное лицо, служебные обязанности, возможность их исполнения) применительно к условиям цифровой среды и использования автоматизированных систем принятия решений.

Дальнейшее развитие института ответственности за халатность возможно в двух направлениях: законодательная конкретизация признаков состава преступления применительно к отдельным сферам деятельности (в том числе с использованием цифровых платформ); выработка Верховным Судом Российской Федерации новых разъяснений, учитывающих как исторический опыт, так и современные реалии цифрового государственного управления.

Список литературы:

1. Бабушкин, М. Ю. Некоторые проблемы обеспечения корректной квалификации халатности в отношении сотрудников МЧС России / М. Ю. Бабушкин, Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 450-453. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_450. – EDN NBMSCG.
2. Гармаев Ю. П. Внешнеэкономические преступления, связанные с коррупцией в таможенных органах. Практический комментарий законодательства // СПС КонсультантПлюс. 2002.
3. Дегтярев, М. Л. Проблемы квалификации халатности / М. Л. Дегтярев // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалогии и уголовно-исполнительного права: теория и практика : Материалы международной научно-практической конференции, Тамбов, 09–10 апреля 2013 года. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 304-308. – EDN XBMZOJ.
4. Яни П. С. «Собачья» халатность? // Законность. 2025. № 6. С. 42 - 46.
5. Козлачков В. И. Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности. Сравнительный анализ. М.: Академия ГПС МЧС России, 2016. 328 с.

¹ Козлачков В. И. Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности. Сравнительный анализ. М.: Академия ГПС МЧС России, 2016. 328 с.

6. Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
7. Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
8. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
9. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
10. Кайнов, В. И. административно-правовой статус должностного лица / В. И. Кайнов // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2025. – № 3(68). – С. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
11. Перегудова, Н. В. Понятие «непосредственная угроза причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям»: практика его толкования и правоприменения / Н. В. Перегудова, В. М. Шеншин // *Академия Государственной противопожарной службы МЧС России: Теория. Инновации. Практика : Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня образования Академии ГПС МЧС России. В 5-ти частях, Москва, 19 октября 2023 года. – Москва: Академия Государственной противопожарной службы, 2023. – С. 136-142. – EDN FQQNVM.*
12. Шеншин, В. М. Уголовно-правовое значение вреда, причиненного окружающей среде: противоречивость подходов, пути решения проблемы / В. М. Шеншин // *Российский следователь*. – 2019. – № 9. – С. 55-58. – EDN DBKTCC.

References:

1. Babushkin, M. Y. Some problems of ensuring the correct qualification of negligence in relation to employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia / M. Y. Babushkin, E. A. Zorina, S. I. Vakhmistrova // *Law and the State: theory and practice*. – 2024. – № 7(235). – Pp. 450-453. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_450. – EDN NBM-SCG.
2. Garmayev Yu.P. Foreign economic crimes related to corruption in customs authorities. Practical commentary on legislation // SPS ConsultantPlus. 2002.
3. Degtyarev, M. L. Problems of qualification of negligence / M. L. Degtyarev // *Actual problems of criminal law, criminal procedure, criminology and penal enforcement law: theory and practice : Proceedings of the international scientific and practical conference, Tambov, April 09-10, 2013. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2013. pp. 304-308. - EDN XBMZOJ.*
4. Yani P.S. "Canine" negligence? // *Legality*. 2025. No. 6. pp. 42-46.
5. Kozlachkov V. I. Typical and risk-oriented models of supervisory activities in the field of fire safety. Comparative analysis. Moscow: Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2016. 328 p.
6. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (the beginning) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // *Agrarian and land law*. – 2024. – № 2(230). – Pp. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
7. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (ending) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // *Agrarian and land law*. – 2024. – № 3(231). – Pp. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
8. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFCJ.
9. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Aгаев, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
10. Kainov, V. I. administrative and legal status of an official / V. I. Kainov // *Law. Safety. Emergency situations*. – 2025. – № 3(68). – Pp. 57-63. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-3-57-63. – EDN LMCKXA.
11. Peregudova, N. V. The concept of "an immediate threat of harm (damage) to legally protected values": the practice of its interpretation and enforcement / N. V. Peregudova, V. M. Shenshin // *Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia: Theory. Innovation. Practice : Materials of a scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia. In 5 parts, Moscow, October 19, 2023. – Moscow: Academy of the State Fire Service, 2023. – pp. 136-142. – EDN FQQNVM.*
12. Shenshin, V. M. The criminal and legal significance of harm caused to the environment: contradictory approaches, ways to solve problems / V. M. Shenshin // *Russian investigator*. – 2019. – No. 9. – pp. 55-58. – EDN DBKTCC.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_552

УДК 343.1

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ МАТЕРИАЛОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ И В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБЫСК (ВЫЕМКА) И ОСМОТР COMPULSORY RECEIPT OF SAMPLES FOR COMPARATIVE STUDY WITHIN THE FRAMEWORK OF MATERIALS PRIOR TO AN INVESTIGATIVE CHECK AND DURING THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS SEARCH (SEIZURE) AND INSPECTION

ТАРАСОВ Алексей Александрович

Старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка
Нижегородская академия МВД России, г. Н. Новгород,
603600, ГСП-268, город Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, дом 3
doktoi@inbox.ru

НЕЛИПОВИЧ Екатерина Васильевна

Преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка
Нижегородская академия МВД России, г. Н. Новгород,
603600, ГСП-268, город Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, дом 3
evnelipovich@yandex.ru

TARASOV Alexey Alexandrovich

Senior lecturer of the Department of Professional Activity of employees of public Order protection units
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russia, 603600, GSP-268, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3
doktoi@inbox.ru

NELIPOVICH Ekaterina Vasilevna

Lecturer of the Department of Professional Activity of employees of public Order protection units
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russia, 603600, GSP-268, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3
evnelipovich@yandex.ru

Краткая аннотация. В проведенном исследовании авторами рассмотрены правовые вопросы, имеющие практическое применение, относительно применения мер принудительного получения образцов для сравнительного исследования в ходе проведения следственной проверки и при проведении следственных действий обыск (выемка) и осмотр. По результатам работы исследованы положения об обязательном предоставлении образцов в рамках Федерального закона от 03.12.2008 N 242-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон «О геномной регистрации») и Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон «О дактилоскопической регистрации»), Постановление Правительства РФ от 21.10.2022 № 1882 «О порядке освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения» (вместе с «Правилами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения») (далее по тексту – Постановление № 1882) в совокупности с Приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (далее по тексту – Приказ № 933н) и Приказом МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» (далее по тексту – Приказ № 264).

Abstract: In the study conducted, the authors examined legal issues that have practical application regarding the use of measures to force samples to be obtained for comparative research during a pre-investigation check and during investigative actions such as search (seizure) and inspection. The study examined the provisions on the mandatory provision of samples within the framework of the Federal Law of 03.12.2008 № 242-FZ (as amended on 08.08.2024) «On State Genomic Registration in the Russian Federation» (hereinafter referred to as the Law «On Genomic Registration») and the Federal Law of 25.07.1998 № 128-FZ (as amended on 25.12.2023) «On State Fingerprint Registration in the Russian Federation» (hereinafter referred to as the Law «On Fingerprint Registration»), RF Government Resolution of 21.10.2022 № 1882 «On the procedure for examination for alcohol intoxication and registration of its results, referral for a medical examination for intoxication» (together with the «Rules for examination for alcohol intoxication and registration of its results, referral for a medical examination for intoxication») (hereinafter referred to as Resolution No. 1882) in conjunction with the Order of the Ministry of Health of Russia dated 18.12.2015 № 933n (as amended on 25.03.2019) «On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcohol, drugs or other toxic)» (hereinafter referred to as Order No. 933n) and the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.05.2023 № 264 «On approval of the Procedure for supervising compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation on road safety» (hereinafter referred to as Order No. 264).

Ключевые слова: принудительное получение образцов для сравнительного исследования, обыск.

Keywords: extreme obtaining of samples for comparative study, search, road accident.

Для цитирования: Тарасов А.А., Нелипович Е.В. Принудительное получение образцов для сравнительного исследования в рамках материалов следственной проверки и в ходе проведения следственных действий обыск (выемка) и осмотр// Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 552-555. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_552.

For citation: Tarasov A.A., Nelipovich E.V. Compulsory receipt of samples for comparative examination as part of the materials of the pre-investigation check and during the conduct of investigative actions, search (seizure) and inspection// Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 552-555. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_552.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

При рассмотрении процедуры и процессуальной возможности принудительного получения образцов для последующего проведения исследования считаем целесообразным рассмотреть правовые основы и основания обязательного порядка получения биологических образцов.

Законом «О геномной регистрации» предусмотрена обязательная геномная регистрация и соответственно обязательный порядок получения образцов генотипа в отношении следующих категорий граждан – осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы; биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий (неустановленные лица); подозреваемых и обвиняемых; административно-арестованных; близкие родственники, пропавших без вести; к отдельной категории обязательной геномной регистрации относятся неопознанные трупы.

При исследовании обозначенного вопроса (в сфере именно обязательной геномной регистрации) считаем необходимым изучить мнения авторов Д.А. Запывалова и А.Ю. Ушакова, И.С. Бурлина и О.В. Калас, А.А. Михайлова, А.В. Варданян.

В опубликованной работе И.С. Бурлина и О.В. Калас приведены отрицательные составляющие по созданию единого массива данных, содержащий сведения генотипа человека. В качестве отрицательной составляющей указаны опасения в использовании полученной информации с целью дискриминации со стороны работодателя, страховщика или иного заинтересованного лица (например наличие предрасположенности к заболеванию раком); а также вероятные проблемы возможной утечки и дальнейшее использование массива данных коммерческими структурами и наличие угрозы национальной безопасности. По результатам исследования указанных угроз, хотя и носящих вероятностных характер, авторы всё же приходят к выводу о преждевременности создания единой системы учета данных геномной регистрации. [2, С. 161-162]

В свою очередь работа Д.А. Запывалова и А.Ю. Ушакова, указывая на проблемные моменты в вопросе обязательной геномной регистрации, а именно нарушения с учетом положений ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, в части уравнивая подозреваемых и обвиняемых, чья вина не доказана, к осужденным. Кроме этого немаловажным моментом авторы считают также получение и генотипа близких родственников, в свою очередь не относящихся к субъектам обязательной регистрации. Не смотря на проблемные вопросы и возможные противоречия авторы сводятся к мнению о правильности и пользе имеющих место быть положений законодательства и внесенных изменений применительно к всеобщей геномной регистрации. [1, С. 37]

К схожим (указанным выше) опасениям относительно потенциальной утечки данных придерживается и А.В. Варданян, указывая в качестве опасений потенциальную опасность утечки информации с учетом доступа к ней «лиц с низкой социальной ответственностью». [4, С. 98]

А.А. Михайлов в своей работе предлагает введение мер поощрения при добровольной геномной регистрации, а так же расширение перечня лиц, подлежащих обязательной регистрации. [3, С. 132]

В свою очередь наша позиция исходит из определения «объективной необходимости», связанной с неизбежным развитием научной сферы и общемировыми тенденциями. В части изменения порядка получения образцов генотипа – санкционирование прокурора или в рамках судебного контроля с высокой долей вероятности приведет к излишней бюрократизации и бумажотворчеству.

При рассмотрении вопроса о процедуре принудительного изъятия образцов генотипа, представляет интерес рассмотрения ситуации с проведением первоначальных действий сотрудниками правоохранительных органов на месте дорожно-транспортного происшествия, а также в ходе проведения следственных действий, таких как обыск (выемка) и осмотр.

Так при рассмотрении ситуации, связанной с работой на месте ДТП должностные лица ОВД руководствуются положениями Постановления № 1882 и Приказом № 264, согласно которых руководитель следственно-оперативной группы с целью разрешения вопроса о наличии в действиях участников ДТП состава преступления в порядке установленным уголовно-процессуальным законодательством (ст.ст. 144, 202 УПК РФ) имеет право направить на медицинское освидетельствование и получить образцы для сравнительного исследования. Указанными выше нормативными актами Постановлением № 1882 и Приказом 264 установлен обязательным порядок прохождения медицинского освидетельствования водителем, а не иными участниками (возможными участниками) ДТП. В рассматриваемом варианте развития событий, сопряженного с отказом иных участников (возможных участников, очевидцев, пассажиров и т.д.) ДТП от освидетельствования или получения образцов для сравнительного исследования, при наличии сомнений в их роли при ДТП, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования.

В работе А.С. Бахта и И.Н-о Нуриева при рассмотрении вопроса судебного контроля высказано предложение о возможном внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство. А именно получение образцов генотипа предлагается только на основании судебного решения в рамках процедуры судебного контроля. Автор предлагает рассматриваемую процедуру осуществляться и в рамках материалов до следственных проверок и в отношении потенциального потерпевшего. [5, С. 130]

В вопросе судебного контроля рассмотренной выше позиции, как к наиболее защищенной со стороны закона, придерживаются и придерживаются и Д.Н. Сретенцев и М.И. Бутвиловская, предлагая процедуру судебного санкционирования помимо потерпевшего распространить и на остальных участников уголовного судопроизводства. [6, С. 93]

Интересной нам представляется позиция А.Б. Судницына, который в рамках исследования пришел к выводу, что наличие решения суда по результатам обжалований процедуры принудительного получения образцов для сравнительного исследования «не влечет «автоматического» признания принудительного получения образцов незаконным». [7, С. 22] Но здесь автоматически возникает вопрос о придании процессуального статуса результатам, полученных в ходе обжалуемого следственного действия.

К процедуре судебного контроля в вопросе получения образцов для сравнительного исследования сводятся мнения А.Л. Колегова и И.В. Волосникова. Также в исследованиях указанных авторов со ссылкой на определение Конституционного суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О приводится понятие «подмена следственных действий», а именно массовое проведение оперативно-розыскных мероприятий, фактически подменяющих следственное действие. [8, С 101-102,105]

Раскрывая понятие «подмена следственных действий» в части получения образцов для сравнительного исследования считаем необходимым его рассмотрение при проведении следственных действий обыск (выемка) и осмотр.

Представляется интересным в части, касающейся рассмотрения материалов доследственной проверки и уголовных дел в результате ДТП, решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 22-1063, согласно описательной части которого следователем в рамках уголовного дела по ч.6 ст. 264 УК РФ была произведена выемка в медицинском учреждении образцов забора крови у участника ДТП, произведенная врачом в нарушении ведомственных инструкций, для последующего назначения экспертизы. Из описательной части решения следует о необходимости следователя вынести постановление о получении образцов для сравнительного исследования, а не постановление о производстве выемки. [9]

Продолжая вопрос относительно принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования, считаем необходимым изучение процедуры их получения в ходе следственных действий обыск (выемка) и осмотр с учетом конкуренции понятий «подмена следственного действия» и «процессуальная экономия».

При изучении конкуренции понятий «подмены» и «процессуальная экономия» целесообразно будет рассмотреть ряд мнений по указанному вопросу и устоявшуюся судебную практику. Само понятие «подмены» заключается в проведении мероприятий и процедур, пускай и законодательно предусмотренных (ОРМ, иных следственных действий, процедур в рамках КоАП РФ), но первоначально направленных на подмену следственных или процессуальных действий, на проведение которых уголовно-процессуальным законодательством установлена соответствующая процедура. [10, С 90]

При употреблении определения «подмены» большинство авторов ссылаются на решения Конституционного суда от 29 мая 2014 года № 1198-О1, 20 февраля 2014 года № 286-О2, 19 июня 2012 года № 1112-О3, 25 января 2012 года № 167-О-О4, 25 ноября 2010 года № 1487-О-О5, 4 февраля 1999 года № 18-О.

Противоположностью (конкуренцией) понятию «подмены», в рассматриваемом нами контексте, является определение «процессуальной экономии», заключающейся в установлении обстоятельств в рамках уголовного судопроизводства посредством рационального и эффективного использования представленных законом средств с учетом соблюдения прав участников и процессуальных сроков. [11, С 110]

В качестве подтверждения принципа «процессуальной экономии» считаем возможным привести примеры судебной практики Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 N 1055-О, Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 N 320-О, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 года N 178-О-О, от 21 октября 2008 года N 862-О-О, от 17 июля 2014 года N 1752-О и др., предусматривающие получение образцов для сравнительного исследования в результате иных мероприятий (ОРМ, иных следственных действий, процедур в рамках КоАП РФ).

Наиболее интересен с нашей точки зрения является вопрос получения образцов у участников следственного действия обыск (выемка) и осмотр, а так же его оформление с учетом возможности его проведения до возбуждения уголовного дела или по поручению органом дознания. В рассматриваемом варианте у должностного лица отсутствуют полномочия по вынесению соответствующего постановления о получении образцов тем более и в принудительном порядке. На основании вышеизложенного с нашей точки зрения с учетом принципа «процессуальной экономии» представляется возможным процедуру их получения указать в описательной части протокола проводимого следственного действия.

В качестве вывода по процедуре принудительного получения образцов считаем, что при правильном процессуальном закреплении независимо от проводимого следственного действия либо получение образцов в результате законодательно-установленной процедуры, с учетом их последующего процессуального закрепления, полученные результаты произведенных действий законны и допустимы с точки зрения уголовно-процессуального законодательства.

В качестве общих выводов считаем возможным привести рекомендации практического характера:

1. В рамках материалов доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ при необходимости получения образцов у участников следственного действия (прежде всего осмотр) считаем возможным (допустимым) их получение как на основании отдельного постановления и протокола, так и в ходе проведения следственного действия, например при осмотре места ДТП. В указанной выводе мы согласимся с авторами, придерживающихся позиции процессуальной экономии.
2. Создание структурированного банка данных геномной информации отвечает общемировым тенденциям и представляет собой необходимость, которая должна быть урегулирована на законодательном уровне.
3. Судебный порядок, а именно процедура судебного контроля при осуществлении принудительного получения образцов для сравнительного исследования, на наш взгляд, с учетом сложившейся следственно-судебной практики, является излишне-необоснованной и представляет собой опасные тенденции недоверия к представителям органов государственной власти.
4. Получение образцов для исследования в принудительном порядке в результате проведения следственных действий обыск (выемка) и осмотр не означает автоматически признания незаконным как самого следственного действия, так и его результатов.

Список литературы:

1. Запивалов, Д. А. Обязательная государственная геномная регистрация: основания и порядок производства / Д. А. Запивалов, А. Ю. Ушаков // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 3(50). – С. 34-39. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.46.56.005. – EDN EFOZXT.
2. Бурлин, И. С. К правовому вопросу введения обязательной единой системы геномной регистрации / И. С. Бурлин, О. В. Калас // Наука через призму времени. – 2018. – № 12(21). – С. 160-162. – EDN YQWQNB.

3. Михайлов, А. А. Геномная регистрация и геномная экспертиза в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования и практики применения / А. А. Михайлов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 3(53). – С. 128-130. – DOI 10.37973/KUI.2023.82.85.015. – EDN TOZNSC.
4. Варданян, А. В. Криминалистическая генотипоскопия в контексте интегративной природы криминалистического научного знания / А. В. Варданян // Юристы-Правоведы. – 2024. – № 2(109). – С. 95-100. – EDN UUTZYM.
5. Бахта, А. С. Правовое регулирование получения образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке в ходе досудебного производства / А. С. Бахта, И. Н. Нуриев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – Т. 28, № 2(85). – С. 127-131. – DOI 10.24411/1999-625X-2022-285-127-131. – EDN KMGVFE.
6. Сретенцев, Д. Н. К вопросу о допустимости принудительного получения образцов для сравнительного исследования / Д. Н. Сретенцев, М. И. Бутвиловская // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 4(85). – С. 89-94. – EDN VDSVGX.
7. Судницын, А. Б. Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: общие и специальные требования / А. Б. Судницын // VII Балтийский юридический форум «закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 14 декабря 2018 года / Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. – С. 21-22. – EDN TRLPPZ.
8. Колегов, А. Л. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования / А. Л. Колегов, И. В. Волосников // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4(91). – С. 96-106. – DOI 10.24411/2312-3184-2019-10036. – EDN HCFTIR.
9. Канцелярия Верховного суда Республики Саха (Якутия). Дело № 22-1063.
10. Тихонов, С. Е. Вопросы допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на подмену следственных действий / С. Е. Тихонов // Криминалист. – 2024. – № 1(46). – С. 89-94. – EDN HSJMWA.
11. Цыреторов, А. И. Место идеи процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве России / А. И. Цыреторов, А. В. Карсаков // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 4(103). – С. 110-113. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.4.110. – EDN GKTNWX.

References:

1. Zapivalov, D. A. Mandatory state genomic registration: grounds and procedure for production / D. A. Zapivalov, A. Yu. Ushakov // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2023. – № 3(50). – Pp. 34-39. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.46.56.005. – EDN EFOZXT.
2. Burlin, I. S. On the legal issue of the introduction of a mandatory unified system of genomic registration / I. S. Burlin, O. V. Kalas // Science through the prism of time. – 2018. – № 12(21). – Pp. 160-162. – EDN YQWQHB.
3. Mikhailov, A. A. Genomic registration and genomic expertise in criminal proceedings: issues of legal regulation and practical application / A. A. Mikhailov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 14, No. 3(53). – pp. 128-130. – DOI 10.37973/KUI.2023.82.85.015. – EDN TOZNSC.
4. Vardanyan, A.V. Criminalistic genotyping in the context of the integrative nature of criminalistic scientific knowledge / A.V. Vardanyan // Jurist-Jurist. – 2024. – № 2(109). – Pp. 95-100. – EDN UUTZYM.
5. Bakhta, A. S. Legal regulation of obtaining samples for comparative research under compulsory procedure during pre-trial proceedings / A. S. Bakhta, I. N. Nuriev // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – Vol. 28, No. 2(85). – pp. 127-131. – DOI 10.24411/1999-625X-2022-285-127-131. – EDN KMGVFE.
6. Sretensev, D. N., Butvilovskaya M. I. On the issue of the admissibility of compulsory obtaining of samples for comparative research // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2020. – № 4(85). – Pp. 89-94. – EDN VDSVGX.
7. Sudnitsyn, A. B. Forced receipt of biological samples for comparative research: general and special requirements / A. B. Sudnitsyn // VII Baltic Legal Forum "Law and Order in the third Millennium": Proceedings of the international scientific and practical conference, Kaliningrad, December 14, 2018 / Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs Russia. Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. pp. 21-22. – EDN TRLPPZ.
8. Kolegov, A. L. Problems of forced obtaining of samples for comparative research / A. L. Kolegov, I. V. Volosnikov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 4(91). – Pp. 96-106. – DOI 10.24411/2312-3184-2019-10036. – EDN HCFTIR.
9. The Office of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia). Case No. 22-1063.
10. Tikhonov, S. E. Issues of the admissibility of evidence obtained as a result of operational investigative measures aimed at replacing investigative actions / S. E. Tikhonov // Criminalist. – 2024. – № 1(46). – Pp. 89-94. – EDN HSJMWA.
11. Tsyretorov, A. I. The place of the idea of procedural economy in criminal justice in Russia / A. I. Tsyretorov, A.V. Karsakov // Siberian Law Bulletin. – 2023. – № 4(103). – Pp. 110-113. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.4.110. – EDN GKTNWX.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_556

УДК 343.352

КВАЛИФИКАЦИЯ ГРУППОВЫХ ФОРМ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ И ПРОБЛЕМА ПРОВОКАЦИИ: АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ ОШИБОК И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ QUALIFICATION OF GROUP FORMS OF BRIBERY AND THE PROBLEM OF PROVOCATION: ANALYSIS OF JUDICIAL ERRORS AND PROSPECTS OF LAW ENFORCEMENT

ОЛЬДЕЕВА Деля Антоновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А. С. Пушкина, д. 11.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

OLDEEVA Delya Antonovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: upravo2014@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье исследуются наиболее сложные аспекты квалификации получения взятки, связанные с групповыми формами совершения преступления и разграничением законных оперативно-розыскных мероприятий и провокации. На основе анализа материалов судебной практики Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции, автором выявлены типичные ошибки правоприменения: неверное определение субъектного состава группы, смешение ролей соисполнителей и посредников, игнорирование критериев провокации при оценке результатов ОРД. Сформулированы предложения по совершенствованию судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Abstract. This article examines the most complex aspects of the qualification of bribery related to group forms of crime and the distinction between lawful operational investigative activities and provocation. Based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, the author identifies typical law enforcement errors: incorrect determination of the subject composition of the group, confusion of the roles of co-perpetrators and intermediaries, ignoring the criteria of provocation in assessing the results of operational investigative activities. Proposals are formulated to improve judicial practice and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: получение взятки, группа лиц по предварительному сговору, соисполнитель, посредник, судебная ошибка, провокация взятки, оперативно-розыскная деятельность, критерии провокации, судебная практика.

Keywords: bribery, group of persons by prior conspiracy, co-perpetrator, intermediary, judicial error, provocation of bribery, operational investigative activity, criteria of provocation, judicial practice.

Для цитирования: Ольдеева Д.А. Квалификация групповых форм получения взятки и проблема провокации: анализ судебных ошибок и перспективы правоприменения // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 556-559. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_556.

For citation: Oldeeva D.A. Qualification of group forms of bribery and the problem of provocation: analysis of judicial errors and prospects of law enforcement // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 556-559. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_556.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2026

Институт уголовной ответственности за получение взятки традиционно находится в центре внимания правоприменителя в связи с высокой общественной опасностью коррупционных преступлений и сложностью их доказывания. Особые трудности возникают при квалификации групповых форм взяточничества, а также при оценке законности оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение данных деяний. Анализ судебной статистики свидетельствует о том, что ошибки в квалификации по признаку группы лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) и неверная оценка провокационных действий со стороны правоохранительных органов являются одними из наиболее распространенных оснований для отмены и изменения приговоров вышестоящими судебными инстанциями [1, с. 45].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью систематизации правовых позиций высших судебных органов, выявления устойчивых ошибок правоприменения и выработки научно обоснованных рекомендаций по их устранению. Цель исследования – комплексный анализ проблем квалификации группового получения взятки и отграничения законных оперативно-розыскных мероприятий от провокации с последующим формулированием предложений по совершенствованию судебной практики.

В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали два и более соисполнителя, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления [2]. Легальное определение конкретизируется применительно к составу получения взятки в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: получение взятки признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более должностных лица, которые заранее договорились о совместном совершении преступления, и каждое из которых выполнило объективную сторону состава (получило лично или через посредника хотя бы часть взятки) [3].

Из приведенных разъяснений следует, что обязательными признаками рассматриваемой формы соучастия являются:

- наличие двух и более специальных субъектов – должностных лиц;
- предварительный сговор – договоренность, состоявшаяся до начала выполнения объективной стороны преступления;

- соисполнительство – выполнение каждым из участников хотя бы части объективной стороны состава (совместное участие в получении взятки).

Как справедливо отмечает профессор Н.А. Лопашенко, «при групповом получении взятки каждый из соучастников должен обладать признаками должностного лица, поскольку состав преступления – специальный. Привлечение к ответственности по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ лица, не являющегося должностным, но участвовавшего в получении взятки, возможно лишь в случаях, предусмотренных статьями 33 и 34 УК РФ, но без вменения данного квалифицирующего признака» [4, с. 312]. Данное положение имеет принципиальное значение для отграничения группового получения взятки от иных форм соучастия, в частности, от посредничества.

Наиболее распространенной ошибкой является вменение квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору» при отсутствии двух соисполнителей – должностных лиц. Следственные органы нередко квалифицируют действия должностного лица и посредника как группу, игнорируя тот факт, что посредник не является специальным субъектом, и его действия подлежат квалификации по ст. 291.1 УК РФ, а не по ст. 290 УК РФ.

Данная ошибка имеет устойчивый характер. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» подчеркивается: «Для квалификации действий указанных лиц как совершённых группой лиц по предварительному сговору не имеет значения, какая сумма получена каждым из членов преступной группы, а также то, сознавал ли взяткодатель, что в получении взятки участвует несколько должностных лиц. Действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются при наличии к тому оснований как посредничество во взяточничестве (статья 291.1 УК РФ) или в коммерческом подкупе (статья 204.1 УК РФ)» [5].

Вторая группа ошибок связана с вменением группового признака при наличии нескольких должностных лиц, но отсутствии между ними предварительного сговора.

Пример из архивной практики. Начальник районного отдела полиции П. и его заместитель С. независимо друг от друга получали взятки от одного и того же предпринимателя за общее покровительство. Каждый из них действовал самостоятельно, о преступной деятельности другого не знал. Следствие квалифицировало их действия как групповое получение взятки. Суд обоснованно исключил данный признак, указав, что для квалификации по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ необходимо установить, что должностные лица объединили усилия, действовали согласованно, совместно выполняя объективную сторону. Автономные действия нескольких лиц в отношении одного взяткодателя группового преступления не образуют [6].

Предварительный сговор должен состояться до начала выполнения объективной стороны преступления. Договоренность, достигнутая после того, как одно из лиц уже получило взятку, не образует рассматриваемого квалифицирующего признака.

Особую сложность представляет квалификация действий должностных лиц, входящих в состав организованных групп, занимающихся систематическим получением взяток. Для признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору необходимо установить, что каждый из участников осознавал свою принадлежность к группе, был осведомлен о преступных намерениях других и своими действиями вносил вклад в достижение общего преступного результата. При этом распределение ролей (кто принимает деньги, кто обеспечивает прикрытия, кто лоббирует интересы) не меняет квалификации, если каждый выполнял часть объективной стороны преступления. Однако на практике установление подлинного соучастия и разграничение его с действиями, спровоцированными извне, нередко становится серьезной проблемой. В теории уголовного права проблема провокации взятки является одной из наиболее острых в контексте обеспечения законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: важно четко отличать реальное преступное соглашение от ситуации, когда лицо вовлекается в противоправные действия под давлением или по инициативе оперативных сотрудников.

Провокация взятки (ст. 304 УК РФ) представляет собой самостоятельное преступление, заключающееся в попытке передачи должностному лицу денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера без его согласия в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа [2].

Однако в правоприменительной практике под провокацией чаще понимаются действия сотрудников оперативных подразделений, которые не просто фиксируют готовящееся преступление, а сами иницируют его, склоняют должностное лицо к получению взятки, когда у того изначально отсутствовал умысел на совершение преступления.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 33 Постановления № 24 разграничивает допустимое оперативно-розыскное мероприятие и провокацию. Если преступление задумано и организовано оперативными сотрудниками, а должностное лицо, поддавшись уговорам, согласилось на получение взятки, содеянное не может квалифицироваться как оконченное преступление. В таких случаях возможна квалификация как покушение либо уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием состава преступления [3].

Судебная практика выработала систему критериев, позволяющих отличить законное оперативно-розыскное мероприятие от недопустимой провокации. Анализ решений Верховного Суда РФ позволяет выделить следующие ключевые критерии:

Первый критерий – наличие у должностного лица самостоятельно сформировавшегося умысла. Если до вмешательства оперативных сотрудников должностное лицо не высказывало намерений получить взятку, не создавало условий для ее получения, не предпринимало действий по поиску взяткодателя, действия оперативников могут быть признаны провокационными.

Так Приговором Надымского городского суда Л. признан виновным по ч. 1 ст. 292 (2 преступления), ч. 3 ст. 290 (2 преступления), ч. 3

ст. 30 и ч. 3 ст. 290 УК РФ. Судом установлено, что Л., занимая должность врача районной больницы, действуя через посредника С., получил взятки от трех лиц за составление подложных листов нетрудоспособности. В последнем случае он был задержан оперативными сотрудниками. Судом апелляционной инстанции приговор в отношении Л. отменен, последний оправдан ввиду отсутствия в его действиях состава преступления», так как «в материалах уголовного дела отсутствовали доказательства того, что осужденный совершил бы преступление без вмешательства сотрудников правоохранительных органов и без искусственного создания ими условий для этого. Судебная коллегия пришла к выводу о том, что действия сотрудников полиции были направлены на склонение Л. к получению незаконного вознаграждения, то есть, на провокацию, что нарушало требования ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Второй критерий – инициатива передачи взятки. Ключевое значение имеет, от кого исходила инициатива – от должностного лица или от оперативных сотрудников (либо лиц, действующих под их контролем).

Третий критерий – интенсивность воздействия на должностное лицо. Неоднократные предложения, уговоры, использование зависимого положения, психологическое давление могут свидетельствовать о провокации.

Четвертый критерий – наличие оперативной информации о готовящемся преступлении. Проведение оперативно-розыскных мероприятий должно быть обусловлено наличием у правоохранительных органов сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении. Проведение мероприятий «на авось» без такой информации может быть расценено как провокация.

Проведение оперативного эксперимента, в свою очередь, регулируется отдельной нормой Федерального закона от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Согласно этому закону, оперативный эксперимент допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления. Отсутствие такой информации и проведение мероприятий в отношении лица, ранее не замеченного в коррупционных связях, может свидетельствовать о провокации.

Установление факта провокации влечет серьезные правовые последствия. В соответствии со сложившейся судебной практикой, если будет доказано, что передача взятки осуществлена в ходе провокации, действия должностного лица не могут быть признаны уголовно наказуемыми, поскольку отсутствует такой обязательный признак состава преступления, как вина.

Правовая позиция о недопустимости использования в качестве доказательств результатов ОРМ, проведенных с нарушением закона, сформулирована Конституционным Судом РФ в других решениях. Например, в Определении от 19 ноября 2015 года №2574-О, а также в ряде других определений (от 4 февраля 1999 года №18-О, от 22 апреля 2010 года №487-О-О, от 25 ноября 2010 года №1487-О-О, от 23 апреля 2013 года №497-О, от 23 апреля 2015 года №999-О, от 25 января 2012 года №167-О-О, от 19 июня 2012 года №1112-О, от 20 февраля 2014 года №286-О и др.) Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что результаты ОРМ не являются доказательствами сами по себе, а лишь сведениями об источниках фактов. Эти сведения могут стать доказательствами только после их надлежащего процессуального закрепления в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона (ст. 49 ч. 1 и ст. 50 ч. 2 Конституции РФ).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Квалификация получения взятки по признаку группы лиц по предварительному сговору требует обязательного установления двух и более соисполнителей – должностных лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления и выполнявших объективную сторону. Вменение данного признака при участии посредника является наиболее распространенной судебной ошибкой.

Предварительный сговор должен состояться до начала выполнения объективной стороны. Отсутствие сговора либо его достижение после начала преступной деятельности исключает квалификацию по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

При разграничении ролей в группе необходимо исходить из фактического содержания выполняемых функций. Лицо, осознанно участвующее в получении взятки и выполняющее часть объективной стороны (прием денег, организация передачи, обеспечение прикрытия), может быть признано соисполнителем лишь при наличии у него признаков должностного лица.

Провокация взятки является недопустимым способом борьбы с коррупцией. Ключевыми критериями отграничения провокации от законного оперативного эксперимента выступают: наличие самостоятельно сформировавшегося умысла, инициатива передачи взятки, интенсивность воздействия, наличие оперативной информации о готовящемся преступлении.

Установление факта провокации влечет прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления либо исключение результатов оперативно-розыскных мероприятий из числа доказательств.

Комплексное решение обозначенных проблем будет способствовать повышению эффективности противодействия коррупции, обеспечению законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и реализации права на справедливое судебное разбирательство.

Список литературы:

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – М., 2025. – 124 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
4. Лопашенко Н.А. Преступления против государственной власти: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 448 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 03.10.2024 по делу № 1-567/2024 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2023 N 2 (2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 11.

8. Волженкин Б.В. Служебные преступления: учебное пособие. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
9. Кликова А.А. Жмурко И.Д. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11 (часть 2) С. 376-381 URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1436>

References:

1. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the Peace in 2024 / Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow, 2025. 124 p.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/09/2013 No. 24 (as amended on 12/24/2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 9.
4. Lopashenko N.A. Crimes against state power: a monograph. Moscow: YurLitinform, 2022. 448 p
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" // Access from the SPS"ConsultantPlus.
6. Verdict of the Leninsky District Court of Yekaterinburg dated 03.10.2024 in case no. 1-567/2024 // Archive of the Leninsky District Court of Yekaterinburg.
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/19/2023 No. 2 (2023) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – № 11.
8. Volzhenkin B.V. Official crimes: a textbook. Moscow: Yurist, 2000. 368 p.
9. Kikova A.A. Zhmurko I.D. Cryptocurrency as a subject of crime: problems of qualification and protection // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 11 (part 2) pp. 376-381 URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1436>

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_560

УДК 343.3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ КЛОНИРОВАНИЯ LEGAL REGULATION OF CLONING

ЛАЙКОВА Елена Александровна

доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
664074, Российская Федерация. Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110,
elena-lajkova@yandex.ru.

LAIKOVA Elena Aleksandrovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Law, Associate Professor,
Federal State Public Educational Institution of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation",
664074, Russian Federation. Irkutsk region, Irkutsk, Lermontov St., 110,
elena-lajkova@yandex.ru.

Краткая аннотация: Статья посвящена комплексному анализу правовых и этических аспектов клонирования, особое внимание уделяется его репродуктивной и терапевтической разновидности. Автор рассматривает клонирование как одну из наиболее дискуссионных биотехнологий, порождающую серьезные юридические, моральные и социальные вызовы. Автор проводит детальный обзор международно-правового регулирования, отмечая, что, несмотря на общую тенденцию к запрету репродуктивного клонирования человека, на глобальном уровне отсутствует единый обязательный документ. Анализируется национальное законодательство различных стран, выявляя спектр подходов: от абсолютного и бессрочного запрета (Германия, Франция, Польша) до временных мораториев (Россия, Нидерланды) и разрешения терапевтического клонирования в исследовательских целях (Великобритания, Бельгия). Отмечается фрагментарность и пробельность правового поля, особенно в части установления конкретной юридической ответственности за нарушения. В заключении обосновывается необходимость взвешенного и дифференцированного правового регулирования, которое, с одной стороны, обеспечивало бы недопустимость репродуктивного клонирования человека, а с другой — не блокировало научно-исследовательскую деятельность в терапевтических целях, требующую четкой международной и национальной регламентации.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the legal and ethical aspects of cloning, with a focus on its reproductive and therapeutic forms. The author examines cloning as one of the most controversial biotechnologies, which raises significant legal, moral, and social challenges. The author provides a detailed review of international legal regulation, highlighting that despite the general trend towards prohibiting reproductive human cloning, there is no unified mandatory document at the global level. The national legislation of various countries is analyzed, revealing a range of approaches: from absolute and indefinite prohibitions (Germany, France, Poland) to temporary moratoriums (Russia, the Netherlands) and the permission of therapeutic cloning for research purposes (the United Kingdom, Belgium). The fragmented and incomplete legal framework is noted, especially in terms of establishing specific legal liability for violations. In conclusion, the article substantiates the need for a balanced and differentiated legal regulation that, on the one hand, would ensure the inadmissibility of human reproductive cloning, and on the other hand, would not block research activities for therapeutic purposes that require clear international and national regulations.

Ключевые слова: репродуктивное, терапевтическое, клонирование, биотехнологии, генетика, эмбрион, человек, международное право.
Keywords: reproductive, therapeutic, cloning, biotechnology, genetics, embryo, human, international law.

Для цитирования: Лайкова Е.А. Правовое регулирование в области клонирования // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 560-563. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_560.

For citation: Laikova E.A. Legal regulation in the field of cloning // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 560-563. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_560.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Концепция клонирования всегда интересовала многих и вызывала многочисленные дискуссии среди правоведов различных областей и уровней. В области биотехнологий клонирование стало одной из самых обсуждаемых тем. Так, оно дает возможность создать полноценного человека без необходимости использования эмбриональных клеток, поскольку потенциально можно использовать всего лишь одну из миллиардов человеческих клеток. В настоящее время существует два основных вида клонирования: репродуктивное и терапевтическое. Репродуктивное клонирование, как уже указывалось ранее, согласно определению Глоссария ВОЗ, относится к категории вспомогательных репродуктивных технологий.

Репродуктивное клонирование преследует своей целью «увечить» какой-либо вид путем создания новых особей. Этот процесс включает в себя перенос генетического материала соматической клетки в знукелированную яйцеклетку, которая затем имплантируется в матку женщины. В обычных условиях человек появляется на свет тогда, когда оплодотворяется яйцеклетка, содержащая генетический материал человека, которому принадлежит эта яйцеклетка, и человека, чей сперматозоид в нее попадает. Однако при репродуктивном клонировании человек создается путем оплодотворения яйцеклетки, ядро которой было заменено генетическим материалом клетки другого человека.

На данный момент практики клонирования запрещаются во многих странах на законодательном уровне и определенными нормами международного права в целом.

Необходимо отметить, что запрет обосновывается ущемлением чувства человеческого достоинства и тесно связанного с ним права на неприкосновенность личности, в частности и в тех случаях, когда человек используется для создания чего-либо. Кроме того, клонирование порождает «многочисленные правовые, этические, медицинские, психологические и социальные проблемы»¹. Существует реальное опасение относительно того, что клонирование может стать «рутинной услугой» в современном потребительском обществе, что приведет к повсеместному

¹ Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (Париж, 12 янв. 1998 г.) // European Treaty Series. No 168. URL: <https://rm.coe.int/16807762aa>. (дата обращения: 02.02.2026).

появлению «генетически модифицированных детей» или «детей с улучшенными характеристиками», тем самым вытеснив привычную процедуру зачатия и рождения детей, как наиболее приемлемую.

Всемирно известная овечка Долли была клонирована в 1996 году Иэном Уилмутом и Кэйт Кемпбелл в Рослинском институте Эдинбургского университета (Шотландия). После того как в свет вышла соответствующая статья, описывающая проведенную процедуру клонирования, Рослинский университет и биотехнологическая компания «Geron Bio Med» получили на нее патент. Хотя Долли часто называют первым клонированным млекопитающим, это утверждение не совсем верно. На самом деле советские ученые из Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН, в числе которых были Л. В. Чайхалян, Б. Н. Вепринцев, Т. Свиридова-Чайлахян и В. А. Никитин, еще в 1987 году успешно клонировали мышь, которую назвали Машей. Однако это новаторское достижение не получило никакого юридического закрепления и признания.

В настоящее время практика клонирования становится все более распространенной среди млекопитающих животных. Одним из ярких примеров является клонирование высокопроизводительных при жизни лошадей специально для игры в поло. В июне 2012 года Международная федерация конного спорта объявила о том, что клонированные лошади могут участвовать в международных соревнованиях, отменив существовавший ранее запрет¹. Такой прорыв стал возможен благодаря итальянским ученым, которые успешно клонировали лошадь и задокументировали свои результаты в популярном научном журнале «Nature». Клонированная лошадь по кличке Прометей относилась к породе хафлингер и родилась 28 мая 2003 года². Этот случай уникален и тем, что Прометей родилась от генетически идентичной матери, что делает ее поистине выдающимся достижением в сфере клонирования. Интересно и то, что первая лошадь, клонированная именно для скачек, была создана китайской компанией «SinoGene» только в 2022 году³. Стоит отметить, что помимо спорта, клонирование животных также используется при производстве продуктов питания, при осуществлении продовольственных целей, при сельскохозяйственном производстве, а также в различных отраслях промышленности.

В контексте настоящего исследования считается необходимым отметить, что исследования по клонированию животных (в большинстве своем для сельскохозяйственных нужд) проводятся и в России: так, например, активная работа ведется научными сотрудниками Федерального исследовательского центра животноводства – Всероссийского научно-исследовательского института животноводства имени академика Л.К. Эрнста. Вместе с тем четкого правового оформления данных исследований в России пока все еще нет. Целесообразно также сказать о том, что интеграция репродуктивного клонирования в общество вызовет различные правовые проблемы, которые будут тесно переплетаться с этическими и моральными соображениями. Эти проблемы в частности охватят множество вопросов, касающихся правового статуса клонов человека (их правоспособности/дееспособности); отношений, возникающих между клонами и их оригиналами, а также аспект их правовой и личностной идентичности. Кроме того, концепция репродуктивного клонирования поднимает вопросы взаимоотношения клонов с их биологическими родственниками, вопросы их гражданства и ответственности за любые правонарушения или преступления, которые они могут потенциально совершить.

Что касается **терапевтического клонирования**, то это процесс, направленный на получение стволовых клеток, используемых для создания органов или тканей человека, с помощью которых можно будет лечить различные заболевания. Этот процесс представляет собой проведение различных манипуляций с соматическими клетками, которые, в свою очередь, не являются половыми, путем переноса ядра соматической клетки в «яйцеклетку-донора», у которой было удалено собственное ядро[1].

Отметить, тот факт, что использование животных яйцеклеток для терапевтического клонирования уже стало возможным – это открывает множество перспектив для исследований и улучшения жизни человека. В частности, это может принести большую пользу женщинам. Изучая животные яйцеклетки, ученые могут разработать искусственные матки, которые способны революционизировать процесс родов и снизить риски, связанные с беременностью в целом. Этот прорыв дает уникальный шанс завести детей тем, кто не может зачать ребенка естественным путем. Кроме того, участились случаи, когда мать не может выносить ребенка, что заставляет врачей вмешиваться в этот естественный физиологический процесс уже не на ранних сроках – на 22-24 неделях беременности. Безусловно, инкубаторы для «выращивания детей» достаточно актуальны в этой области, поэтому многие эксперты утверждают, что создание искусственных маток имеет решающее значение для воспроизведения естественной среды, в которой обычно развивается еще не рожденный ребенок. Кроме того, это удобно и с той стороны, что большинство современных женщин сегодня ставят на первое место карьеру и постоянную работу, поэтому для них предпочтительнее стать матерью, не уходя в длительный декретный отпуск, после которого может потребоваться еще и длительная социализация в обществе.

Таким образом, объективная польза подобных разработок в области терапевтического клонирования, неоспорима. Однако общее отношение к этой практике и к клонированию в целом неоднозначно. Хотя необходимо отметить, что в отличие от репродуктивного клонирования, в результате которого рождается новый человек, терапевтическое в целом поддерживается специалистами в области медицины и биологии, а также общественностью[2].

На международном уровне выработан общий подход к клонированию – его запрет, однако строго связывающего прямыми обязательствами международного документа на данном этапе нет. Практики клонирования, целью которых является воспроизведение человеческой особи, запрещаются Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 года. Также практики клонирования для воспроизводства человека осуждаются Резолюциями Всемирной организации здравоохранения 50.37 «О клонировании человека в целях воспроизводства» от 14 мая

¹ Cohen H. How Champion-Pony Clones Have Transformed the Game of Polo // Vanity Fair News. 2015. 31 July. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2015/07/polo-horse-cloning-adolfo-cambiaso>. (дата обращения: 02.02.2026).

² Italians unveil first cloned horse // European Commission: official website. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/20692-italians-unveil-first-cloned-horse>. (дата обращения: 02.02.2026).

³ Cloned horse raises hopes for equestrian sports in China // Phys.org. URL: <https://phys.org/news/2023-01-cloned-horse-equestrian-sports-china.html>. (дата обращения: 02.02.2026).

1997 года¹ и 51.10 «Об этических научных и социальных последствиях клонирования для здоровья человека» от 16 мая 1998 года².

Регулирование вопроса клонирования человека – важный аспект, требующий внимания, особенно в рамках Совета Европы, так как с одной стороны, Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине в связи с применением достижений биологии и медицины о запрете клонирования человеческих существ является единственным юридически обязательным международным документом, запрещающим клонирование человека[3]. В этом протоколе термин «генетически идентичное человеческое существо» определяется как «человеческое существо, имеющее с другим человеческим существом тождественный набор генов ядра». Однако, вместе с этим, в протоколе не проводится различий между репродуктивным и терапевтическим клонированием. С другой стороны, Протокол о клонировании 1998 года прямо запрещает только репродуктивное клонирование. Поэтому в Пояснительном докладе, сопровождающем протокол, признается, что некоторые формы клонирования все же возможны³. Важно признать, что клонирование играет важную роль в развитии медицины и научного прогресса в целом. Полный запрет на него является нецелесообразным, поскольку он препятствует развитию перспективных направлений, особенно в контексте применения современных биотехнологий.

В свете обсуждаемого феномена в 2008 году ЮНЕСКО создала специальную Рабочую группу по клонированию человека и международному управлению. В состав этой группы вошли члены Международного комитета по биоэтике. Вместо того чтобы сосредоточиться на этических и научных аспектах клонирования человека, Рабочая группа должна была проанализировать оправдывают ли последние достижения в области клонирования человека обязательность международной инициативы. Кроме того, она должна была определить, требуется ли необходимость создания специализированной конвенции, которая на международном уровне регулировала бы различные вопросы и аспекты в области клонирования человека. Эта тема вызывала споры на протяжении многих лет, причем мнения о том, действительно ли такая конвенция необходима, расходились. В 2015 году члены Рабочей группы пришли к консенсусу о необходимости международного документа в области клонирования человека, однако такой документ по сей день так и не был разработан.

В разных странах вопрос клонирования человека регулируется по-разному. В России действует Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека». Этот закон устанавливает уникальный подход, налагая временный мораторий на клонирование человека. Такой механизм предполагает потенциальное возникновение в будущем определенных ситуаций, в которых обращение к практикам клонирования будет рассматриваться не столько с точки зрения биоэтики, сколько с точки зрения развития науки, интересов общества и биотехнологического прогресса, и при которых установленный запрет может быть отменен. Согласно статье 2 упомянутого закона, клонирование определяется как «создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека». Важно отметить, что статья 4 данного федерального закона гласит, что лица, нарушившие его положения, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако следует сказать, что в настоящее время в российском законодательстве не прописаны конкретные последствия таких нарушений.

Также в рамках российской системы права наличествует Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах», который закрепляет «недопустимость создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов и недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания или нарушения процесса развития эмбриона или плода человека».

Обращаясь «законодательному опыту» многих других стран в области регулирования практик клонирования, считается необходимым отметить, что они в своих национальных правовых актах запрещают любые виды клонирования, не предусматривая при этом возможности для снятия такого запрета в последующем. Так, например, в Германии Федеральный закон ФРГ о защите эмбрионов 1990 года предусматривает уголовную ответственность за создание эмбриона, который обладает идентичной генетической информацией с другим эмбрионом, плодом, человеком или умершим, поэтому лицам, совершившим подобные преступления, грозит до пяти лет лишения свободы или штраф.

Во Франции клонирование человека регулируется Кодексом общественного здравоохранения 1994 года, в который неоднократно вносились изменения, связанные с клонированием – делалось это для того, чтобы правила, касающиеся данного явления, были приведены в соответствие с законами о биоэтике. Важно отметить, что во Франции получение генетически идентичного материала от другого человека – неважно живого или умершего – считается уголовным преступлением. Наказание за такое деяние может составлять до тридцати лет тюремного заключения и штраф в размере 7 500 000 евро.

В Польше медицинским работникам строго запрещено заниматься клонированием в любой форме. Польский кодекс медицинской этики прямо устанавливает запрет на участие в такой деятельности. Кроме того, законы Польши в области биоэтики и прав человека прямо закрепляют, что создание эмбриона, обладающего точной генетической информацией, содержащейся в другом эмбрионе, плоде, человеке, трупе или человеческих останках, является незаконным. Лица, признанные виновными в подобных преступлениях, могут быть приговорены к тюремному заключению на срок от шести месяцев до пяти лет⁴. До 5 лет лишения свободы за клонирование человека предусматривает и Уголовный кодекс Испании[4].

Аналогичный подход по запрету клонирования можно наблюдать и в Нидерландах: Закон об эмбрионах 2002 года запрещает его в лю-

¹ Резолюция Всемирной Ассамблеи Здравоохранения «Клонирование и Производство Человека». WHA50.37 // ВОЗ: официальный сайт. 1997. 14 мая. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/200950/WHA50_R37_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (дата обращения: 02.02.2026).

² Резолюция Всемирной Ассамблеи Здравоохранения «Этические, научные и социальные последствия клонирования для здоровья человека». WHA51.10 // ВОЗ: официальный сайт. 1998. 16 мая. URL: https://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/WHA51/ra10.pdf. (дата обращения: 02.02.2026).

³ Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ // Совет Европы: официальный сайт. URL: <https://rm.coe.int/168066caa3>. (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ О лечении бесплодия : закон Республики Польша от 25 июня 2015 г. № 1087. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20150001087>. (дата обращения: 02.02.2026).

бом виде. Однако, также как и в РФ, здесь действует временный запрет на процедуру клонирования, то есть: создание генетически идентичных эмбрионов и использование специально созданных эмбрионов для научных исследований и целей, не связанных с беременностью, запрещено до тех пор, пока не будет издан королевский указ, легализующий клонирование для таких исследований.

Однако уход от строжайшего запрета практик клонирования наблюдается, например, в Бельгии, так как в соответствии с Законом от 11 мая 2003 года «Об исследованиях эмбрионов *in vitro*» допускается создание генетически идентичных эмбрионов с целью исследований, при строгом условии, что цели исследования не могут быть достигнуты иным способом. Но репродуктивное клонирование бельгийским законодательством все же запрещено, также как и во многих других государствах.

По пути разрешения определенных видов клонирования пошла и Великобритания, как лидирующее в области генной инженерии государство: с 2001 года на территории страны было узаконено терапевтическое клонирование. Эта деятельность регламентирована, и Управление по оплодотворению человека и эмбриологии Соединенного Королевства выдает разрешения на соответствующие научные исследования. Вместе с тем сегодня известны случаи экспериментов по линии клонирования, проведенные в нейтральных водах, где отсутствует юрисдикция какого-либо государства¹.

Так, например, в Великобритании соответствующие уголовные нормы содержит Закон о репродуктивном клонировании человека 2001 г., санкция которого составляет 10 лет лишения свободы. При этом терапевтическое клонирование человека разрешено. В Уголовном законе Казахстана уже предусмотрена уголовная ответственность за клонирование человека. Так, ст. 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за совершение клонирования человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях.

Ученые уже не раз высказывали свое мнение о необходимости установления уголовного запрета на деятельность по клонированию человека. В частности, еще в 2006 г. Н. Е. Крылова предлагала ограничивать преступления, совершаемые в сфере биологии и медицины, от традиционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками в связи с выполнением ими своих профессиональных функций[5]. В 2020 г. О.А. Белов, Ю.Н. Спиридонова, А.И. Одинцов, предлагали закрепить в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы об уголовной ответственности за совершение преступных деяний такого рода в разд. VII «Преступления против личности». В настоящее время, вопрос об установлении уголовной ответственности и внесении изменений и дополнений в УК РФ в этой части остается пока открытым[6].

Таким образом, проанализировав данный вопрос об использовании современных биотехнологий в различных областях науки и жизнедеятельности общества, удалось прийти к следующим выводам.

Во-первых, необходимо учитывать важность использования разновидностей биотехнологий в области репродуктивных прав, эмбриологии и сурrogатного материнства при разработке национальных, региональных и международных нормативных актов в этой сфере. Во-вторых, развитие биотехнологий в области евгеники поставит на повестку дня множество вопросов и разовьет определенное количество дискуссий, которые автор раскрыл в соответствующем разделе настоящего исследования. В-третьих, что касается вопросов клонирования – очевидно, что преимущественно государства сдерживают практики в области именно репродуктивного клонирования, так как это обусловлено различными причинами (от религии до непосредственно права). И, в-четвертых, будущее правового регулирования клонирования видится в поиске тонкого баланса между защитой незыблемых человеческих ценностей и обеспечением свободы научного поиска, направленного на благо человечества. Для России актуальной задачей является совершенствование национального законодательства, имплементация прогрессивных международных стандартов и наполнение существующих запретов эффективными правовыми механизмами, что позволит адекватно ответить на вызовы современной биотехнологической революции.

Краткая аннотация:

1. Рашидханова Д. К. О правовом регулировании отношений клонирования генома человека // Медицинское право. 2007. № 1. С. 5-10.
2. Крылова Н. Е. Биоэтические и уголовно-правовые вопросы трансплантации эмбриональных (фетальных) органов и тканей человека // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 6 (269). С. 109-120.
3. Калининченко П. А. Запрет клонирования человека в Европейском праве // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 4 (41). С. 45-48.
4. Фетюков Ф. В. Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 881-900.
5. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Крылова Наталья Евгеньевна. – Москва, 2006. – 56 с.
6. Белов О. А., Спиридонова Ю. Н., Одинцов А. И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования. Пенитенциарная наука. 2020. т. 14, № 4 (52). с. 479-485. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-479-485.

References:

1. Rashidkhanova D. K. On the legal regulation of human genome cloning relations // Medical Law. – 2007. – No. 1. – Pp. 5-10.
2. Krylova N. E. Bioethical and criminal-legal issues of human embryonic (fetal) organ and tissue transplantation // Izv. vuzov. Pravovedenie. – 2006. – No. 6 (269). – Pp. 109-120.
3. Kalinichenko P. A. Prohibition of Human Cloning in European Law // Constitutional Law: Eastern European Review. – 2002. – No. 4. – Pp. 45-48.
4. Fetyukov F. V. Legislation on Human Cloning: Global Experience and a Legal Model for Modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2020. – T. 24, No. 4. – Pp. 881-900.
5. Krylova, N. E. Criminal Law and Bioethics (Criminal Law Problems of the Application of Modern Biomedical Technologies) : Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Law / Krylova Natalia Evgenievna. – Moscow, – 2006. – 56 p.
6. Belov O. A., Spiridonova Yu. N., Odintsov A. I. Genetic Engineering: Problems of Criminal Law Regulation. Penitentiary Science. 2020. Vol. 14, No. 4 (52), pp. 479-485. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-479-485.

¹ Рашидханова Д. К. О правовом регулировании отношений клонирования генома человека // Медицинское право. 2007. № 1. С. 9.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_564

УДК 343.148.63 (470)

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ ДОГОВОРОВ, ЗАКЛЮЧАЕМЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАРШЕРИНГОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ANALYSIS OF INDIVIDUAL LEGAL ASPECTS OF CONTRACTS CONCLUDED WHEN USING CAR-SHARING VEHICLES

ИСМАГИЛОВА Алина Равилевна,

Доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России
450091, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Муксимова, 2.
E-mail: 89196164533@mail.ru

АЙСАНОВА Наталья Викторовна,

Научный сотрудник отдела научного обеспечения
профилактических мероприятий и деятельности по формированию правосознания участников дорожного движения
Научного центра безопасности дорожного движения МВД России
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, д. 17.
E-mail: 89196164533@mail.ru

ISMAGILOVA Alina Ravilevna

Associate professor of the department administrative and legal disciplines
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
2 Muksinova Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.
E-mail: 89196164533@mail.ru

AISANOVA Natalia Viktorovna,

Researcher, Department of Scientific Support for Preventive Measures and Activities to Form Legal Awareness of Road Users,
Scientific Center for Road Safety, Ministry of Internal Affairs of Russia
17 Poklonnaya str., Moscow, 121293, Russia.
E-mail: 89196164533@mail.ru

Краткая аннотация: Данная статья представляет собой анализ основных правовых аспектов договоров, заключаемых с пользователями при использовании каршеринговых транспортных средств. Отдельное внимание уделено сравнительному анализу ответственности и штрафным санкциям договоров, заключаемых при использовании услугами каршеринга с крупнейшими операторами каршеринга в Российской Федерации.

Abstract: This article analyzes the key legal aspects of contracts concluded with users using car-sharing vehicles. Particular attention is given to a comparative analysis of liability and penalties in contracts concluded for car-sharing services with the largest car-sharing operators in the Russian Federation.

Ключевые слова: каршеринг, краткосрочная аренда автомобиля, экономика совместного потребления, договорная конструкция, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия.

Keywords: carsharing, short-term car rental, sharing economy, contractual structure, road safety, road accidents.

Для цитирования: Исмагилова А.Р., Айсанова Н.В. Анализ отдельных правовых аспектов договоров, заключаемых при использовании каршеринговых транспортных средств // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 564-566. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_564.

For citation: Ismagilova A.R., Aisanova N.V. Analysis of certain legal aspects of contracts, concluded when using carsharing vehicles // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 564-566. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_564.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

В условиях интенсификации урбанизации и роста транспортной нагрузки на городские агломерации особую актуальность приобретает поиск эффективных моделей мобильности, способных оптимизировать использование транспортных ресурсов и минимизировать негативные издержки автомобильного движения. В этом контексте каршеринг предстаёт как одно из наиболее динамично развивающихся направлений трансформации городской транспортной системы.

Сущность каршеринга заключается в формировании сети транспортных средств, доступных пользователям по требованию через цифровые платформы. Данная модель смещает акцент с владения транспортным средством на его функциональное использование. Распространение каршеринга обусловлено совокупностью факторов: развитием информационно-коммуникационных технологий, повышением цифровой грамотности населения, эволюцией потребительских предпочтений в сторону гибких сервисных моделей, а также нарастающим давлением инфраструктурных и экологических ограничений в мегаполисах.

Современные тенденции демонстрируют устойчивое развитие шеринговой модели на глобальном рынке транспортных услуг. Наблюдается последовательное расширение парков транспортных средств, в том числе за счёт электромобилей, а также усложнение технологических решений: наращивание возможностей систем телематики, алгоритмов динамического ценообразования, внедрение элементов автономного вождения.

С точки зрения безопасности дорожного движения, каршеринг формирует специфическое взаимодействие участников движения, требующий междисциплинарного анализа. С одной стороны, сокращение парка личных автомобилей за счёт каршеринговых сервисов потенциально снижает общую интенсивность движения и риск дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). Данный тезис подтверждают статистические данные, согласно которым, за 9 месяце 2025 года (по сравнению с аналогичным периодом 2024 года) отмечено снижение на 7,2% количества ДТП из-за нарушения ПДД водителями транспортных средств, взятых в краткосрочную аренду (каршеринг), числа погибших в них – на

18,5%, раненых – на 7,1%.

С другой стороны, развитие каршеринга порождает новые вызовы: повышенная ротация водителей, вопросы их квалификации и мотивации, особенности эксплуатации автомобилей в режиме интенсивной аренды. Таким образом, каршеринг как феномен современной городской мобильности, требует комплексного научного осмысления в аспекте обеспечения безопасности дорожного движения.

Правовая составляющая каршеринга в Российской Федерации характеризуется отсутствием специального законодательного регулирования. Термин «каршеринг» описан в некоторых законодательных актах регионального уровня (например, в Постановлении Правительства Москвы от 07.08.2025 № 1929-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 17 мая 2013 г. № 289-ПП»), но его определение и правовые основы не закреплены на федеральном уровне. Это порождает неоднозначность в квалификации договоров и сложности в правоприменительной практике.

Каршеринг - это сервис, позволяющий зарегистрировавшемуся в системе пользователю временно пользоваться автомобилем за плату. Взаимодействие сторон происходит дистанционно через мобильное приложение или сайт: бронирование, передача и возврат автомобиля осуществляются без очного присутствия и оформления бумажных документов.

Договор, заключаемый в рамках предоставления услуги каршеринга не имеет унифицированной правовой формы. Чаще всего указанная правовая конструкция квалифицируется как договор аренды транспортного средства без экипажа (ст. 642 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), поскольку автомобиль передаётся во временное пользование за плату без услуг по управлению ТС. Однако такая квалификация не исчерпывает всех особенностей каршеринга.

Некоторые компании рассматривают договор каршеринга как договор присоединения (ст. 428 ГК РФ), поскольку его условия определяются оператором, а пользователь принимает их в целом путём акцепта через мобильное приложение.

Также существует мнение, что договор каршеринга может быть смешанным, включающим элементы договора аренды транспортного средства без экипажа и возмездного оказания услуг (например, предоставление возможности пользоваться сервисом, заправка автомобиля с использованием топливных карт и т. д.).

Форма договора - письменная. В деятельности каршеринговых сервисов надлежащей письменной формой считается заключение путём составления электронного документа, в т. ч. с использованием технических средств через мобильное приложение оператора.

К существенным условиям договора каршеринга можно отнести предмет договора, требования к водителю, территория, в пределах которой допускается пользоваться каршеринговым автомобилем, способ предоставления транспортного средства, ограничения по пробегу (лимит по суточному пробегу в зависимости от выбранного тарифа), цена и порядок оплаты, условия страхования, запреты и ограничения, связанные с использованием каршеринговых ТС, основания и размеры штрафных санкций, установленных условиями договора. Проанализируем предусмотренные договорными конструкциями каршеринговых сервисов штрафные санкции четырех крупнейших операторов каршеринга в Российской Федерации: Ситидрайв, Белка Кар, Яндекс.Драйв и Делимобиль.

При использовании каршеринговых услуг пользователь обязан в полной мере осознавать спектр сопутствующих рисков, в особенности - характер ответственности и штрафных санкций, предусмотренных условиями сервиса. Существенной проблемой выступает нерегламентированность договорной конструкции: штрафные санкции зачастую распределены по различным разделам договора и носят отсылочный характер. Вместо чёткого изложения сути взыскания формулировки отсылают к иным пунктам соглашения, что существенно затрудняет восприятие условий рядовыми пользователями.

Нарушения Правил дорожного движения Российской Федерации с участием каршеринговых автомобилей могут быть зарегистрированы двумя способами: непосредственно сотрудниками полиции либо посредством комплексов фото- и видеофиксации. При этом правовой статус субъекта штрафных санкций напрямую зависит от способа фиксации правонарушения. В случае «ручного» пресечения нарушения ответственность несёт водитель - физическое лицо. Если же нарушение зафиксировано автоматическими комплексами, субъектом ответственности становится каршеринговая компания как юридическое лицо.

Законодательство РФ устанавливает существенно более высокие размеры штрафов для юридических лиц по сравнению с физическими: разница может достигать десятков раз при идентичных правонарушениях. При заключении договора пользователь автоматически принимает на себя обязательство по возмещению каршеринговой компании всех издержек, связанных с оплатой административных штрафов, возникших в период эксплуатации арендованного транспортного средства. Это касается как первичных, так и повторных нарушений, причём независимо от того, кто именно совершил первоначальное правонарушение. Кроме основного штрафа, пользователь обязан оплатить дополнительную комиссию за администрирование взыскания.

Проведённый анализ договоров ведущих каршеринговых операторов выявил наличие индивидуальных систем дополнительных штрафных санкций за нарушение законодательства РФ. Размеры и основания для применения таких взысканий определяются каждым сервисом автономно, законодательством не предусмотрено каких-либо ограничений ни по основаниям, послужившим основой для применения штрафных санкций, ни по их минимальным и максимальным размерам. Каршеринговые компании устанавливают специфические ограничения и запреты, несоблюдение которых влечёт наложение внутренних штрафов. Среди типичных нарушений, встречающихся практически в каждом из проанализированных договоров - несанкционированное отключение или повреждение телематического оборудования, загрязнение салона, багажника или кузова автомобиля, оставление мусора, курение в салоне, а также использование транспортного средства для проведения гонок, дрифта или обучения вождению.

Поскольку перечень противоправных деяний и соответствующие меры ответственности определяются каждым оператором каршеринга автономно в рамках индивидуальных договорных условий или внутренних правил сервиса, периодически они включают в себя действия, которые могут быть трактованы неоднозначно. Так, например, компанией БелкаКар предусмотрен штраф в размере 3000 рублей за загрязнение одного элемента салона автомобиля, при этом, какой степени должно быть загрязнение салона, для признания его достаточным основанием для выставления штрафа водителю каршеринга, в договоре не указано. Подобная правовая неопределённость создаёт предпосылки для возникновения многочисленных спорных ситуаций, затрагивающих базовые стандарты оказания каршеринговых услуг и защиты прав потребителей.

Согласно п. 6.12. договора, заключаемого с каршеринговой компанией БелкаКар, «арендодатель не несет ответственность ни за какой вред, причиненный имуществу и здоровью пользователя и/или иных третьих лиц, и за любые иные последствия принятия пользователем автомобиля в неисправном, неуккомплектованном, непригодном к эксплуатации виде». Также указано, что арендодатель не несет ответственности за сбой в работе сайта и приложения, а также за ошибки или наличие вируса в них. Подписывая договор, пользователь соглашается с условиями и подтверждает, что использует сайт и приложение БелкаКар исключительно на свой собственный риск. Данные положения также вызывают ряд вопросов, поскольку, в дополнение к этому, в договоре присоединения сервиса БелкаКар не прописана обязанность арендодателя предоставить пользователю автомобиль в технически исправном, пригодном для эксплуатации состоянии. Необходимо отметить, что в иных проанализированных договорах каршеринговых компаний ЯндексДрайв, ДелиМобиль и СитиДрайв данные положения указаны.

Для обеспечения баланса интересов всех участников каршеринговой деятельности представляется необходимым разработать унифицированную правовую конструкцию, базирующуюся на единых нормативных стандартах, поскольку в эпоху повышения роли города в социально-экономическом развитии общества, сопровождающейся ростом транспортной нагрузки на мегаполисы, важной целью стала разработка и внедрение инновационных моделей мобильности. Подобные модели призваны не только рационализировать эксплуатацию транспортных ресурсов, но и существенно снизить негативное влияние, порождаемое массовым использованием индивидуального автотранспорта. В этом свете каршеринг обретает статус одного из наиболее перспективных векторов трансформации городской транспортной экосистемы, демонстрируя впечатляющие темпы эволюции.

Список литературы:

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: Информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, А.С. Айсанов [и др.]. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2025. 148 с.
2. Айсанов А.С. Развитие рынка каршеринга в России и его влияние на состояние безопасности дорожного движения / А.С. Айсанов, А.Т. Мурсалимов // Аграрное и земельное право. 2024. № 6(234). С. 69-74. DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_69. – EDN NCSMVB.
3. Айсанова Н.В. Обзор уровня развития сервисов краткосрочной аренды автомобиля в системе экономики совместного потребления столичного региона / Н.В. Айсанова, З.Р. Игнатова // Аграрное и земельное право. 2025. № 8. С. 155-157.
4. Кузнецова Н.М. Влияние каршеринга на безопасность дорожного движения в России: анализ проблем и рисков / Н.М. Кузнецова // Безопасность дорожного движения. 2025. № 3(38). С. 23-26. EDN ZBJGWA.

References:

1. Road traffic accidents in the Russian Federation in 2024: An information and analytical review / K.S. Bakanov, P.V. La-khov, A.S. Aisanov [et al.]. Moscow : Federal State Institution "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia". 2025. 148 p.
2. Aisanov A.S. The development of the carsharing market in Russia and its impact on road safety / A.S. Aisanov, A.T. Mursalimov // Agrarian and land law. 2024. No. 6(234). pp. 69-74. DOI 10.47643/1815-1329_2024_6_69. – EDN NCSMVB.
3. Aisanova N.V. Review of the level of development of short-term car rental services in the system of the economy of shared consumption in the metropolitan region / N.V. Aisanova, Z.R. Ignatova // Agrarian and Land law. 2025. No. 8. pp. 155-157.
4. Kuznetsova N.M. The impact of carsharing on road safety in Russia: analysis of problems and risks / N.M. Kuznetsova // Safety and danger of traffic. 2025. No. 3(38). pp. 23-26. EDN ZBJGWA.

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ (К ВОПРОСУ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ) CRIMINAL LAW MEASURES FOR CRIMES AGAINST THE INDIVIDUAL (ON THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY)

МОТИН Анатолий Владимирович,

кандидат юридических наук, адвокат Палаты адвокатов Самарской области.

443093, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Мориса Тореза, д. 1а.

e-mail: amotin85@yandex.ru

MOTIN Anatoly Vladimirovich,

PhD in Law, the lawyer of chamber of lawyers of the Samara region.

443093, Russia, Samara oblast, Samara, ul Morisa Toreza, d. 1A.

e-mail: amotin85@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются спорные вопросы применения мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступления против личности в контексте дифференциации ответственности. Обосновывается содержательное отличие таких мер от уголовного наказания тем, что они не связаны с карой, не являются возмездием за вину, ориентированы на решение по преимуществу исправительных и предупредительных задач и, в этом отношении, существенно дополняют и корректируют уголовно-правовое воздействие, оказываемое наказанием. Автором сделаны предложения по дополнению существующей и развивающейся системы мер уголовно-правового характера за преступления против личности.

Abstract: The article discusses the controversial issues of applying criminal penalties to individuals who commit crimes against the person in the context of differentiation of responsibility. It substantiates the substantive difference between such measures and criminal punishment, as they are not related to punishment, are not a form of retribution for guilt, and are primarily aimed at achieving correctional and preventive goals, which significantly complement and adjust the criminal legal impact of punishment. The author makes suggestions for supplementing the existing and evolving system of criminal penalties for crimes against the person.

Ключевые слова: дифференциация ответственности, преступления против личности, меры уголовно-правового характера, альтернатива уголовному наказанию, кара, уголовно-правовое воздействие.

Keywords: differentiation of responsibility, crimes against the individual, criminal measures, alternative to criminal punishment, punishment, criminal legal impact.

Для цитирования: Мотин А.В. Меры уголовно-правового характера за преступления против личности (к вопросу дифференциации ответственности) // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 567-570. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_567.

For citation: Motin A.V. Criminal law measures for crimes against the person (on the issue of differentiation of responsibilities) // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 567-570. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_567.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026

Дифференциация ответственности за преступления против личности в части нормативного установления ее объема не ограничивается лишь дифференциацией уголовного наказания в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса России. Не меньшее значение для соблюдения принципа справедливости имеет создание и применение иных, кроме наказания, мер уголовно-правового характера.

Вместе с тем, стоит констатировать, что неразвитость теоретических представлений о типовом характере общественной опасности отдельных групп преступных посягательств, в совокупности с общей неразвитостью криминальной рискологии и ее слабым отражением в тексте уголовного закона, во многом блокируют последовательное и системное развитие процессов дифференциации уголовной ответственности.

Отчасти это упущение компенсируется таким традиционным направлением, как дифференциация уголовной ответственности на основании данных о личности преступника.

Имеющаяся специфика опасности личности преступника как основания относительно самостоятельного вида (направления) дифференциации уголовной ответственности, по преимуществу, учитывается сегодня при разработке в законе и реализации на практике иных, отличных от уголовного наказания, мер уголовно-правового характера.

Универсальная или хотя бы признанная большинством специалистов теория мер уголовно-правового характера в отечественной науке к сегодняшнему дню не создана. Едва ли не каждый исследователь предлагает свои оригинальные решения в области понимания этих мер, их систематизации и места в системе уголовно-правового воздействия [1]. К тому же уголовный закон находится в состоянии едва ли не перманентных изменений в части нормативного закрепления мер уголовно-правового характера. Эти обстоятельства существенным образом осложняют исследование проблемы дифференциации мер уголовно-правового характера за преступления против личности. Однако не делают проблему принципиально нерешаемой. Ее изложение требует лишь принципиального уточнения некоторых авторских позиций относительно понимания мер уголовно-правового характера. В нашем представлении такие меры: а) могут быть применены лишь в случае совершения лицом преступления и признания этого лица виновным; б) содержательно отличаются от уголовного наказания тем, что не связаны с карой, не являются возмездием за вину; в) ориентированы на решение по преимуществу исправительных и предупредительных задач и в этом отношении существенно дополняют и корректируют уголовно-правовое воздействие, оказываемое наказанием; г) конструируются и применяются с учетом не столько степени общественной опасности преступления, сколько с учетом содержательной характеристики преступления, его направленности на тот или иной объект, механизма и сущности причиненного вреда, личности виновного.

Уголовно-правовые меры, которые отвечают этим критериям, представлены в действующем законодательстве, прежде всего, мерами медицинского характера, которые применяются к лицам, совершившим преступления, мерами воспитательного воздействия, применяемыми при освобождении несовершеннолетнего от уголовного наказания, мерами, которые применяются на период испытательного срока при условном осуждении и условно-досрочном освобождении от уголовного наказания (о правовой природе конфискации имущества, которой целесообразно вернуть статус уголовного наказания, и о природе судебного штрафа, который при действующем регулировании содержательно мало отличается от аналогичного уголовного наказания, в данном случае не станем рассуждать специально, учитывая наличие специальных исследований на эту тему, выводы которых мы разделяем [2]).

Эти меры имеют общий характер в том плане, что применяются вне зависимости от совершенного преступления. Только в одном случае закон непосредственно связывает возможность применения меры уголовно-правового характера со спецификой посягательства. Речь идет о положениях п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, определяющей применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (эти предписания введены в УК РФ Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»).

Такие меры: а) могут быть применены судом при вынесении приговора (наряду с наказанием); б) на основании решения суда применяются во время отбывания уголовного наказания; в) могут применяться на основании инициативного ходатайства осужденного лица; г) могут применяться за пределами срока отбывания наказания, согласно ч. 2.1 ст. 102 УК РФ; д) согласно ч. 4 ст. 80 УК РФ и ч. 4.1 ст. 70 УК РФ их применение и результативность учитываются судом при решении вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом и при условно-досрочном освобождении от наказания.

Необходимость и целесообразность применения медицинских мер к лицам, совершившим половые преступления (причем не только в отношении несовершеннолетних), признавалась в науке уже давно. Соответствующие предложения были аргументированы криминологами, специалистами в области криминальной сексологии [3], а затем развиты исследователями уголовно-правовой проблематики борьбы с сексуальными посягательствами. М.А. Семикин, к примеру, писал, что в связи с распространенностью повторных сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних вопрос об условиях условно-досрочного освобождения лиц, осужденных за сексуальные преступления, должен решаться при наличии положительного заключения комплексной специализированной комиссии. В этой связи им предлагалось диспозицию ч. 3 ст. 79 УК РФ дополнить следующей формулировкой: «Условно-досрочное освобождение может применяться к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, при наличии соответствующего комплексного заключения специализированной комиссии, определяемого специальным Положением» [4]. О необходимости применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершающим половые преступления и имеющим отклонения в психосексуальном статусе, писала также М.А. Конева [5].

Кроме того, специалисты отмечают необходимость более широкого использования возможностей психиатрических экспертиз при рассмотрении уголовных дел и определении эффективной меры уголовно-правового воздействия в случае совершения иных насильственных преступлений, прежде всего убийств [6].

Вопрос о сочетании лечения психических отклонений и иных заболеваний с уголовным наказанием является весьма сложным. В настоящий момент, несмотря на вековую историю совместного развития медицины (психиатрии) и уголовного права вряд ли можно констатировать наличие всецело согласованной и непротиворечивой концепции отражения в уголовном законе идеи лечения лиц, совершивших преступления.

Так, законодатель предусмотрел необходимость лечения педофилов, но не установил правил для лечения иных сексуальных отклонений; исключил в 2003 году принудительное лечение алкоголиков и наркоманов, но предусмотрел возможность предоставления лицам, страдающим наркоманией, отсрочки наказания в связи с добровольным прохождением курса лечения (ст. 82.1 УК РФ), и сохранил возможность возложения обязанности пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ; не формулирует общих правил, позволяющих применять меры психосоциальной коррекции, например, в отношении лиц, совершающих акты семейного насилия, но допускает возможность психосоциальной коррекции несовершеннолетних правонарушителей в порядке ст. 90 или ст. 92 УК РФ.

В основе этих противоречий, на наш взгляд, лежит нерешенность общего, методологического вопроса о природе и назначении мер медицинского характера. Традиционно они воспринимаются в качестве альтернативы наказания для лиц, которые совершают общественно опасные деяния при отсутствии оснований для виновного упрека. В этом случае основанием для применения медицинских мер выступают не столько опасность деяния, сколько обусловленная психиатрическим статусом опасность лица для себя и для окружающих [7]. Однако в последнее время значимой тенденцией в развитии мер медицинского характера стала не альтернативность, а дополнительность, когда они применяются не вместо, а вместе с наказанием, корректируя медицинский (психиатрический, психологический) статус виновного лица и, тем самым, способствуя предупреждению преступлений. Это обстоятельство воспринимается неоднозначно. Б.А. Спасенников, к примеру, пишет: «Новелла уголовного кодекса, предусматривающая введение принудительного лечения, соединенного с исполнением наказания, не вполне соответствует конституционным правам человека, страдающего психическим расстройством, так как предусматривает принудительное лечение лиц, не утративших способности к осознанно волевой регуляции поведения во время совершения преступления, пониманию смысла и значения применяемо-

го в отношении них наказания и лечения. Эта новелла связана с так называемой проблемой «лечения от преступной болезни» [8].

Представляется все же, что такой взгляд на уголовное право отражает хотя и классическую, но все же в современных условиях недостаточно эффективную и обоснованную концепцию, в рамках которой все меры уголовно-правового характера воспринимаются исключительно как альтернатива уголовному наказанию, которая может быть применена в ситуациях либо невозможности, либо неоправданности его применения. В настоящий момент имеет место отчетливо выраженная тенденция подключения к механизму уголовно-правового воздействия не только альтернативных, но и дополнительных к уголовному наказанию мер, которые призваны решить социальные проблемы, нерешаемые или плохо решаемые уголовным наказанием. Именно в этом контексте, по нашему убеждению, следует рассматривать и меры медицинского характера, и иные меры воздействия, которые внедряются, пусть и вне начал системности, и вне развернутого теоретического обоснования в уголовное законодательство.

В действующем законодательстве такие меры уголовно-правового характера представлены:

- принудительным или добровольным лечением лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних;
- принудительным лечением у психиатра лиц, совершивших преступления при наличии психических расстройств, не исключающих вменяемость;
- принудительным лечением от алкоголизма, наркомании, венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции лиц, условно осуждаемых или условно-досрочно освобождаемых от уголовного наказания;
- социально-психологической реабилитации несовершеннолетних, освобождаемых от уголовного наказания;
- лечением от наркомании лиц, которым предоставляется отсрочка уголовного наказания.

Однако набор этих мер в теоретическом отношении не может быть признан исчерпанным. Строго следуя формальным указаниям закона, в систему мер уголовно-правового характера включаются конфискация имущества и судебный штраф. Однако природа этих мер не укладывается фактически ни в одну из логически выверенных концепций уголовно-правового воздействия. С одной стороны, эти меры не являются наказанием, хотя и применяются к лицам, совершившим преступление. Однако конфискация применяется вместе с наказанием и в этом отношении выступает дополнительной мерой, а штраф применяется вместо наказания и вне рамок уголовной ответственности и в этом отношении выступает альтернативой самой ответственности. Отсутствие строгой логичной концепции по необходимости приводит многих специалистов к мысли о необходимости придания конфискации статуса уголовного наказания и исключения положений закона о судебном штрафе.

В научной литературе разрабатываются аргументированные предложения по дополнению существующей и развивающейся системы мер, дополняющих уголовное наказание. В частности, в целях оптимизации практики уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления против личности, предлагается:

- усовершенствовать нормы уголовного законодательства, регламентирующие лечение лиц, совершивших преступление и нуждающихся в лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании, открытой формы туберкулеза, венерических заболеваний, ВИЧ-инфекции [7, с. 13];
- распространить правила о назначении и применении принудительных мер медицинского характера к ограниченно вменяемым лицам в случае их условного осуждения, условно-досрочного освобождения, в период отбывания более мягкого вида наказания и после отбытия наказания, если такие лица по своему психическому состоянию представляют опасность для себя или окружающих [9];
- дополнить раздел VI УК РФ новой главой – «Лишение родительских прав, прав на опеку или попечительство», связав применение данной «иной меры уголовно-правового характера» с incestом [10]. Текстуально содержание новеллы представляется следующим: «1. Лишение родительских прав, прав на опеку или попечительство состоит в утрате прав на воспитание собственных несовершеннолетних детей и внуков со стороны членов семьи (отца, матери, бабушки, дедушки, отчима, мачехи) либо в утрате статуса опекуна или попечителя в отношении чужих детей. 2. Лишение родительских прав для отца, матери, бабушки, дедушки, отчима и мачехи устанавливается сроком до 5 лет, для опекунов и попечителей – навсегда. 3. Лишение родительских прав, прав на опеку или попечительство применяется за преступления против прав и законных интересов несовершеннолетних, а также против их нормального развития (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности)». Некоторые специалисты предлагают включить в ст. 44 УК РФ новый вид дополнительного наказания - «лишение родительских прав, прав на опеку и попечительство» [11]. Другие авторы предлагают установить соответствующее примечание к статьям об ответственности за половые посягательства на малолетних и предусмотреть обязанность лишения родительских прав осужденного за преступления, совершенные против своих малолетних и несовершеннолетних детей [12]. Третьи – рассматривают ограничение и лишение родительских прав в общем контексте мер социальной защиты несовершеннолетних (наряду с социальным патронатом), которые целесообразно включить отдельным разделом в уголовный закон [13];
- дополнить перечень мер воздействия на преступника обязанностью возместить причиненный потерпевшему вред [14]. Некоторые авторы видят в этой мере новый, универсальный вид дополнительного уголовного наказания [15]. Другие специалисты – меру воздействия, которая может применяться к осужденному по ходатайству потерпевшего от изнасилования или насильственных действий сексуального характера [12, с. 11];
- дополнить перечень обязанностей возлагаемых на условно осужденного (ч. 5 ст. 73 УК РФ), обязанностью пройти курс психотерапии и психокоррекции, направленный на нейтрализацию агрессивных наклонностей осужденного [13].

Эти предложения, по нашему убеждению, нуждаются в самой серьезной проработке и принципиальной поддержке.

Список литературы

1. Пудовочкин Ю.Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, № 4 (52). – С. 460 – 472. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472.
2. Корнеев С.А. «Иные» меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. В 6-ти т. Т. 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2020. – С. 107 – 109.
3. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. – М.: Спарк, 1999. – С. 392.
4. Семикин М.А. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с сексуальными посягательствами в отношении несовершеннолетних: дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – С. 13 – 14.
5. Конева М.А. Ненасильственные действия сексуального характера, совершаемые лицами с гомосексуальной направленностью. – М.: Глобус, 2002.
6. Серийные сексуальные преступления. Учеб. пособие. / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Щит-М., 2000.
7. Жарко Н.В. Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – С. 12.
8. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера (теория, уголовно-правовое регулирование, практика): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – С. 11.
9. Герасина Ю.А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 9.
10. Мартиросьян А.М. Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 13.
11. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С. 15 – 16.
12. Егошина Г.А. Сексуальные посягательства на малолетних и несовершеннолетних и их предупреждение (уголовно-правовое и криминологическое исследование по материалам Республики Марий Эл): дисс. ... канд. юрид. наук. – Йошкар-Ола, 1999. – С. 11.
13. Колпакова Л.А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 9.
14. Афанасова М.С. Возмещение ущерба от преступления в системе мер уголовно-правового характера: уголовно-правовая оценка // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 3 (183). – С. 120 – 123.
15. Кулешова Н.Н. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006. – С. 9.

References

1. Pudovochkin Yu.E. Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and search for a solution // Penal science. 2020. Vol. 14, No. 4 (52). pp. 460-472. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472.
2. Korneev S.A. "Other" measures of a criminal-legal nature in the structure of criminal-legal impact // The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical Conference. In 6 volumes, vol. 1. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. pp. 107-109.
3. Antonyan Yu.M., Tkachenko A.A., Shostakovich B.V. Criminal sexology. Moscow: Spark, 1999. p. 392.
4. Semikin M.A. Criminological and criminal law problems of combating sexual assaults against minors: diss. ... kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2003. pp. 13-14.
5. Koneva M.A. Nonviolent sexual acts committed by persons with a homosexual orientation. Moscow: Globus, 2002.
6. Serial sexual crimes. Study guide. / edited by Yu.M. Antonyan. – M.: Shield-M., 2000.
7. Zharko N.V. Compulsory medical measures (criminal law aspect): abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Ryazan, 2005. p. 12.
8. Spasennikov B.A. Compulsory medical measures (theory, criminal law regulation, practice): the abstract. diss. ...Dr. Jurid. Sciences. – M., 2004. – p. 11.
9. Gerasina Yu.A. Compulsory medical measures: concept, types, application: abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences. – M., 2013. – p. 9.
10. Martirosyan A.M. Violent sexual crimes against minors (criminal law and criminological aspects): the abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. – Rostov-on-Don, 2009. – S. 13.
11. Ilyashenko A.N. Countering violent crime in the family: criminal law and criminological aspects: abstract. diss. ...Dr. Jurid. Sciences, Moscow, 2003, pp. 15-16.
12. Egoshina G.A. Sexual assaults on minors and minors and their prevention (criminal law and criminological research based on the materials of the Republic of Mari El): diss. ... kand. jurid. sciences'. Yoshkar-Ola, 1999. pp.
- 11-13. Kolpakova L.A. Domestic violence: victimological aspect, differentiation of responsibility and issues of legislative technique: abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. – Kazan, 2007. – p. 9.
14. Afanasova M.S. Compensation for damage from a crime in the system of criminal law measures: a criminal legal assessment // Agrarian and land law. – 2020. – № 3 (183). – Pp. 120-123.
15. Kuleshova N.N. Additional types of punishments: criminal law and penal aspects: abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. – Riazan, 2006. – p. 9.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ) ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES TO PROTECT THE STATE SOVEREIGN- TY OF THE RUSSIAN FEDERATION (EXTERNAL AND INTERNAL ASPECTS)

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и таможенного права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140000, Россия, обл. Московская, г. Люберцы, пр-т Комсомольский, д. 4
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

БАЙБАРИН Андрей Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного и публичного права АНО ВО «МСУ «Синергия»
115230, Россия, г. Москва, Хлебозаводский пр-д, 7 стр. 10
E-mail: abaybarin@synergy.ru

САВОЩИКОВА Евгения Васильевна

доцент, кандидат юридических наук, научный сотрудник
Филиал ФГБОУ ВО «Университет «Дубна» -Дмитровский институт непрерывного образования
Московская область, г. Дмитров, Космонавтов д. 33
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, Лосиноостровская ул., 49, корп. 1
E-mail: jene30@mail.ru

АВДАЛЯН Артур Яшевич

доцент, кандидат юридических наук, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, Лосиноостровская ул., 49, корп. 1
E-mail: avart80@yandex.ru

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna

Associate Professor of the Department of Administrative and Customs Law, Candidate of Law,
Russian Customs Academy
140000, Russia, Moscow region, Lyubertsy, Komsomolsky Ave, 4.
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

BAIBARIN Andrey Andreevich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Public Law ANO VO «MSU «Synergy»
115230, Moscow, Khlebozavodsky ave. 7, b. 10
E-mail: abaybarin@synergy.ru

SAVOSHIKOVA Evgeniya Vasilyevna

Associate Professor, Candidate of Law, Researcher
Branch of Dubna University - Dmitrov Institute of Continuing Education
Moscow region, Dmitrov, Kosmonavtov, 33 Russian State University of Social Technologies
107150, Russia, Moscow, Losinoostrovskaya St., 49
E-mail: jene30@mail.ru

AVDALYAN Artur Yashevich

Associate Professor, PhD in Law, Russian State University of Social Technologies
107150, Russia, Moscow, Losinoostrovskaya St., 49
Email: avart80@yandex.ru

Краткая аннотация: настоящая статья посвящена анализу административно-правовых мер защиты государственного суверенитета Российской Федерации в условиях современного международного права и глобальных вызовов. В работе рассматриваются теоретические основы суверенитета, межрегиональные и международные механизмы взаимодействия, а также конкретные административно-правовые инструменты, применяемые в России: нормативно-правовые акты верховной власти (Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента, постановления правительства), регуляторные меры в критически важных секторах, меры информационной безопасности, таможенно-финансовые режимы и регулирование внешних отношений. Аналитически выделяются взаимоотношения между национальным правом и международными обязательствами, механизмы координации между федеральными органами и региональными субъектами.

Abstract: This article is devoted to the analysis of administrative and legal measures to protect the state sovereignty of the Russian Federation in the context of modern international law and global challenges. The paper examines the theoretical foundations of sovereignty, interregional and international mechanisms of interaction, as well as specific administrative and legal instruments used in Russia: regulatory legal acts of the supreme authority (the Constitution of the Russian Federation, federal laws, presidential decrees, government resolutions), regulatory measures in critical sectors, information security measures, customs and financial regimes, and regulation of foreign relations. The relationship between national law and international obligations, as well as coordination mechanisms between federal agencies and regional entities are analytically highlighted.

Ключевые слова: административно-правовые меры, государственный суверенитет, внешняя политика, правоприменение, санкционные режимы, политика государства.

Keywords: administrative and legal measures, state sovereignty, foreign policy, law enforcement, sanctions regimes, state policy

Для цитирования: Андрианова В.В., Байбарин А.А., Савощикова Е.В., Авдальян А.Я. Административно-правовые меры защиты государственного суверенитета Российской Федерации (внешние и внутренние аспекты) // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_571.

For citation: Andrianova V.V., Baibarain A.A., Savoshikova E.V., Avdalyan A.Ya. Administrative and legal measures to protect the state sovereignty of the Russian Federation (external and internal aspects) // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_571.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Постулат о том, что суверенитет является одним из краеугольных камней любого государства, получил широкое признание в научном и политическом сообществе. Однако современные реалии международных отношений, а также процессы глобализации, оказывающие влияние на все страны мира, заставляют переосмыслить абсолютность и неделимость этого понятия. Абсолютность суверенитета, которая ранее казалась самоочевидной, сегодня подвергается значительной критике и анализу. В этой связи полезно вспомнить мысль отечественного исследователя и политика В.М. Гессена, который отмечал, что «прежде из-за суверенитета воевали короли, теперь о нем спорят профессора; прежде для того, чтобы отстоять его, не жалели крови, теперь для того, чтобы объяснить его, не жалеют чернил» [1, С. 78]. Это высказывание подчёркивает, насколько изменились реалии обсуждения суверенитета: от военных конфликтов до теоретических дискуссий, свидетельствующих о сложности и многогранности данного феномена.

Правовые основы и концептуальные рамки темы включают:

1. Конституционные принципы. Суверенитет РФ как основа внешней и внутренней политики; верховенство Конституции; федеративное устройство и центральное координационное звено в обеспечении суверенитета.
2. Международно-правовые основы. Баланс между суверенными правами и обязательствами по международному праву; корректное применение норм о защите государственной безопасности, территориальной целостности и национального контроля над стратегическими объектами.
3. Взаимодействие правовых систем. Как национальное административное право соотносится с международными обязательствами и механизмами международного сотрудничества; принципы суверенного управления в контексте глобальных санкционных режимов, торговых ограничений и иных практик.

Современная геополитическая обстановка иллюстрирует обилие конфликтов, частично обусловленных вопросами суверенитета: в Сирии, Украине, между Арменией и Азербайджаном, между Израилем и Палестиной, и в других регионах. Эти конфликты демонстрируют, что суверенитет остаётся центральной проблемой для государств, особенно в условиях внешних угроз, угрожающих их безопасности. Для Российской Федерации сохранение и укрепление суверенитета приобретает особенно важное значение, так как именно он служит гарантией политической и территориальной целостности страны.

В юридической науке отсутствует единое определение и согласованное понимание понятия суверенитета. Одни исследователи склонны приравнивать суверенитет к «самому государству или его власти, а также связывать его с правосубъектностью государства; другие трактуют суверенитет как основной принцип государственности, на котором зиждется вся государственная система; третьи рассматривают его как особое качество или свойство, присущее государству» [2, С. 45]. Последняя трактовка получила наибольшее распространение в современной публично-правовой науке. Согласно ей, суверенитет трактуется как высшая форма политической власти, распространяющаяся на внутреннюю и внешнюю сферы государства. При этом ключевым аспектом суверенитета является единство политической и правовой власти.

Однако процессы глобализации постепенно стирают традиционные границы форм и содержания государственного суверенитета. Международные организации и наднациональные структуры требуют от государств частично передавать часть своих суверенных полномочий для достижения общих целей. При вступлении в такие организации государство не утрачивает полностью свой суверенитет, но его формы и механизмы реализации претерпевают изменения. Существенным результатом становится трансформация содержания государственного суверенитета, что влечёт за собой изменение его форм: перераспределение полномочий, появление новых механизмов реализации суверенных прав и ограничений, обусловленных международными обязательствами.

Россия, в свою очередь, проводит политику укрепления своего суверенитета, вводя законодательные механизмы, направленные на снижение зависимости от международных организаций и их решений. Примером этого является отказ от исполнения решений международных судебных инстанций, если они противоречат Конституции РФ, а также ограничение возможности внешнего вмешательства в национальную правовую систему. Кроме того, активное развитие двусторонних международных договоров, исключающих посредничество международных структур, становится важным инструментом защиты государственного суверенитета.

С научной точки зрения суверенитет можно рассматривать как качество, в котором сочетаются ключевые политические и правовые аспекты. В условиях глобализации свобода государств-членов международных организаций оказываются ограниченными, но это не следует воспринимать как прямое ущемление суверенитета. На международной арене признается суверенитет каждого государства, обладающего правом на равноправное участие в международных структурах, заключение не дискриминационных договоров и осуществление международного сотрудничества без существенных ограничений. При этом суверенитет принадлежит именно государству как юридическому субъекту, а не отдельным ветвям власти или специализированным органам.

Такой подход подчёркивает, что суверенитет не является синонимом государственной власти, а представляет собой качественную характеристику, которая придаёт государству уникальный статус, выражающийся во внешней независимости и внутреннем верховенстве. Неделимость суверенитета указывает на то, что в рамках одного государства не может существовать двух или более независимых властных структур, способных эффективно управлять без внешнего вмешательства поскольку деление противоречит его сути. Более того, суверенитет не подлежит отчуждению: любые попытки утраты части суверенитета могут привести к подрыву целостности государства и даже к его ликвидации.

В рамках российского законодательства суверенитет трактуется как неделимое единство, охватывающее всю территорию страны, как это закреплено в статье 4 Конституции Российской Федерации 1993 г. Однако исторически процесс формирования современной России сопровождался неоднозначным восприятием суверенитета. В конце 1980-х - начале 1990-х годов в период проведения обширных реформ активно внедрялся принцип суверенитета не только Российской Федерации, но и её субъектов – бывших автономных республик, краёв, областей и других

административно-территориальных единиц. На Первом съезде народных депутатов РСФСР обсуждался вопрос о принятии будущей Декларации о государственном суверенитете РСФСР, которая была принята 12 июня 1990 года. В ходе обсуждения поднимались вопросы о том, как соотносить суверенитет России с суверенитетом её автономных республик и иных территориальных образований, находящихся в составе РСФСР, а также как вписать эти вопросы в общий контекст отношений между республиками и союзным государством. Предлагалась также «инициатива по принятию Закона о суверенитете автономий» [3, С. 77]. Значимым политическим посылом этого периода стало высказывание Б.Н. Ельцина «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», которое, как утверждает В.А. Овчинников, стало своего рода «девизом для национальных автономий в составе РСФСР и стимулировало их к провозглашению собственной государственной самостоятельности в отношении общедо- федеративного государства» [4, С. 37-41].

Однако одно можно сказать с уверенностью: «стратегия руководства РСФСР конца XX века, выраженная в так называемом «параде суверенитетов» [5, С. 59-66.], была направлена на укрепление собственной власти в условиях распада единого союзного государства, и использовалась в политических целях, а не для укрепления принципов правового государства. Эти антиправовые и деструктивные меры имели долгосрочные последствия для развития России: отсутствие своевременных военных операций, Чеченских войн, политических манёвров и коммерческих конфликтов между федеральным центром и субъектами могло привести к иной политической и экономической конъюнктуре, а простые граждане оказывались жертвами конфронтации, порожденной борьбой за суверенитет между центром и регионами.

Анализ динамики государственного устройства демонстрирует, что раздвоенность суверенитета между Российской Федерацией и её субъектами приводит к существенным затруднениям в реализации государственной юрисдикции в отдельных национальных республиках. Ситуация усугублялась тем, что административные образования – края и области – обладали статусом, приближённым к «квазигосударственному», что вызывало их постоянное недовольство вторичным положением по отношению к республикам. Вследствие этого наблюдалось нарастание структурной напряжённости и конфликтных процессов, обусловленных разночтениями в статусных правах и суверенных претензиях различных субъектов федерации.

Федеральный центр, осознавая потенциальную угрозу дезинтеграции и риск утраты целостности многонационального государства, инициировал комплекс мер по сохранению единства страны. Особое значение в этом контексте приобрёл Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 года, который стал фундаментом для регулирования взаимоотношений между федеральным центром и субъектами. Данный документ не предусматривал создание новой политической единицы, а, напротив, устанавливал правовые рамки взаимодействия между различными уровнями государственной власти, чётко разграничивая их полномочия и предметы ведения. При этом Федеративный договор закрепил принцип суверенитета республик, входящих в состав Российской Федерации, демонстрируя компромисс между централизующими тенденциями и правами субъектов, что вызвало активное обсуждение в научном сообществе.

Ряд исследователей подчёркивает, что именно Федеративный договор сыграл решающую роль в консолидации Российской Федерации, определив её федеративный характер и послужив правовой основой для разработки новой Конституции 1993 года. Принятие Конституции от 12 декабря 1993 года ознаменовало поворотный момент: в частности, статья 5 закрепила положение, согласно которому республики признаются субъектами государства, однако без передачи им полного самостоятельного суверенитета, что позволяло централизовать высший уровень власти в Российской Федерации. Такая формулировка способствовала окончательному устранению раздвоенного суверенитета внутри страны. Кроме того, Конституция налагает на государство «обязанность обеспечивать территориальную целостность (часть 3 ст. 4) и устанавливает федеративное устройство как основу единой системы государственной власти (часть 3 ст. 5)». Эти нормативные положения не только определили правовую основу российской государственности, но и стали стимулом для проведения широкомасштабных правовых реформ, направленных на концентрацию суверенитета в руках федерального центра, что имеет важное значение для дальнейшего развития управления многонациональным государством.

Конституционный суд Российской Федерации, проанализировав значительное число дел, установил, что «положения, закрепляющие государственный суверенитет республик и провозглашающие народ этих республик как исключительный источник власти, противоречат нормам Конституции Российской Федерации» [6].

Данные положения фактически отрицают признание многонационального состава российского общества в качестве основы суверенитета, что вступает в противоречие с рядом статей Конституции (в частности, статьи 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5, пункт «б»)). Принятые судебные решения существенно способствовали укреплению концепции неделимого суверенитета Российской Федерации, ликвидируя возможность субъектов выступать в качестве самостоятельных центров власти с собственной конституционной базой.

В целях устранения двойственного статуса в вопросах суверенитета, 10 августа 2000 года был подписан Указ Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства в целях обеспечения Конституции Российской Федерации, федеральных законов Российской Федерации» [7]. Этот документ ясно продемонстрировал решимость федеральной власти устранить любые элементы раздвоенности в распределении суверенитета внутри страны. В качестве практического примера реализации данной политики можно привести действия Республики Северная Осетия – Алания, которая, адаптируясь к изменившимся политико-правовым условиям и после проведения консультаций с федеральными органами, 19 июля 2020 года внесла поправки в свою Конституцию, полностью устранив упоминания о государственном суверенитете субъекта. Аналогичные преобразования были осуществлены и в других субъектах Российской Федерации, что свидетельствует о системном стремлении привести внутреннее законодательство в полное соответствие с федеральными нормативно-правовыми актами. В частности, в 2023 году Республика Татарстан стала одним из последних регионов, официально исключивших категорию

суверенитета из своего основного закона, что подтверждает завершение процесса централизации и унификации правовых основ государственного управления.

В результате анализа теоретических аспектов влияния международного права на суверенитет государства установлено, что современное понимание суверенитета выходит за рамки классической абсолютности и предполагает гибкость и способность государства добровольно ограничивать собственные полномочия в рамках международных обязательств, не утрачивая при этом своего статуса самостоятельного субъекта права. Суверенитет изменяется под воздействием глобализационных процессов и международных договоров, однако его базовая сущность - верховенство государственной власти внутри страны и независимость во внешней политике - сохраняется. В современных условиях эффективность защиты суверенитета зависит от баланса между соблюдением международных норм и сохранением национальных интересов, что особенно актуально для федеративных государств, где важна централизация и единство государственного управления. Современное международное право существенно трансформирует традиционное понимание государственного суверенитета, превращая его из абсолютной категории в гибкую и динамическую, адаптирующуюся к международным стандартам и обязательствам.

Список литературы:

1. Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб.: Типо-лит. И. Трофимова, 1919. С. 78.
2. Ллойд Д. Идея права. М.: Югона, 2020. С. 45.
3. Хадиков А. К. Становление и развитие государственности Республики Северная Осетия-Алания: Дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 77.
4. Овчинников В.А. Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка // Управленческое консультирование. 2013. № 5(53). С. 37-41.
5. Синцов Г.В. Роль и последствия «парада суверенитетов» 1990-1991 гг. в становлении и развитии российской государственности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 1 (49). С. 59-66.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. №10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/12119810/> (дата обращения: 19.12.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» (от 10.08.2000 г. № 1486) (ред. от 26.12.2016) [Электронный ресурс] - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15963> / (дата обращения: 19.12.2025).

References:

1. Gessen V.M. The general doctrine of the state. St. Petersburg: I. Trofimova Printing House, 1919. P. 78.
2. Lloyd D. The Idea of Law. Moscow: Yugona, 2020. P. 45.
3. Khadikov A. K. Formation and development of statehood of the Republic of North Ossetia-Alania: Dissertation for the candidate. Candidate of Sciences. jurid. sciences'. Krasnodar, 2008. p. 77.
4. Ovchinnikov V.A. Declaration of State Sovereignty of the RSFSR and its legal assessment // Management consulting. 2013. No. 5(53). pp. 37-41.
5. Sintsov G.V. The role and consequences of the "parade of sovereignties" of 1990-1991 in the formation and development of Russian statehood // Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2019. No. 1 (49). pp. 59-66.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000 No. 10-P "On the case of constitutional verification of certain Provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" [Electronic resource]. - URL: <https://base.garant.ru/12119810/> / (date of access: 12/19/2025).
7. Decree of the President of the Russian Federation "On additional measures to ensure the unity of the Legal space of the Russian Federation" (dated 08/10/2000, No. 1486) (as amended on 12/26/2016) [Electronic resource] - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15963> / (date of access: 12/19/2025).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CYBERCRIME IN INTERNATIONAL LAW

ЕФРЕМОВА Елена Александровна

к.пол.н., доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями
Самарский государственный экономический университет (СГЭУ)
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: lenoksamara97@gmail.com

ЦЫГАНОВА Анастасия Сергеевна

магистрант Самарский государственный экономический университет
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: anastasya.tsiganova2015@yandex.ru

EFREMOVA Elena Aleksandrovna

PhD, Associate Professor of the Department of Organization of the Fight against Economic Crimes
Samara State University of Economics (SGEU)
141 Sovetskaya Armiya str., Samara region, 443090
E-mail: lenoksamara97@gmail.com

TSYGANOVA Anastasia Sergeevna

master's student, Samara State University of Economics (SGEU)
141 Sovetskaya Armiya str., Samara region, 443090
E-mail: anastasya.tsiganova2015@yandex.ru

Краткая аннотация Статья анализирует основные юридические механизмы, направленные на сокращение киберпреступности в международном праве. Международное сотрудничество усиливается пропорционально развитию нормативных инструментов борьбы с преступлениями в информационно-коммуникационной сфере. В центре внимания — правовая база, включающая положения Будапештской конвенции, резолюции ООН, проектные инициативы Евросоюза и принятую в 2024 году Глобальную конвенцию ООН по противодействию киберпреступности. Авторы формируют системное понимание многоуровневого регулирования с учётом синтеза общих и региональных норм.

Abstract The article examines the key legal mechanisms for combating cybercrime within the framework of international law. Special attention is paid to the evolution of international legal approaches to countering crimes committed using information and communication technologies, as well as the role of international cooperation in the context of the transnational nature of cyber threats. The provisions of the Budapest Convention on Cybercrime, United Nations resolutions, legal initiatives of the European Union, and the adoption of the UN Global Convention against Cybercrime in 2024 are analyzed. The author concludes that a multi-level system of international regulation is being formed, combining universal and regional legal mechanisms.

Ключевые слова: киберпреступность, международное право, кибербезопасность, Будапештская конвенция, ООН, международное сотрудничество.

Keywords: cybercrime, international law, cybersecurity, Budapest Convention, United Nations, international cooperation.

Для цитирования: Ефремова Е.А., Цыганова А.С. Правовые аспекты борьбы с киберпреступностью в международном праве // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 575-577. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_575.

For citation: Yefremova E.A., Tsyganova A.S. Legal aspects of combating cybercrime in international law // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 575-577. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_575.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2026

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий в XXI веке коренным образом трансформировало социальные, экономические и правовые процессы, существенно расширив масштабы и формы человеческого взаимодействия в глобальном информационном пространстве. По оценкам Международного союза электросвязи, к 2024 году доступ к сети Интернет имеют около 5,4 млрд человек, что составляет более 67 % населения планеты, тогда как ещё в 2010 году данный показатель не превышал 30 %. Одновременно с ростом числа пользователей наблюдается экспоненциальное увеличение объёма передаваемых данных: глобальный интернет-трафик за период с 2010 по 2024 год возрос более чем в 15 раз, превысив отметку в 400 эксабайт в месяц. Эти процессы объективно расширили пространство для легальной экономической и социальной активности, но вместе с тем создали благоприятную среду для совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Киберпреступность в современных условиях приобрела устойчивый транснациональный характер и стала одной из наиболее быстрорастущих форм противоправной деятельности. По данным международных аналитических центров, в 2023–2024 годах количество зарегистрированных киберинцидентов увеличивалось в среднем на 12–15 % ежегодно, а совокупный экономический ущерб от киберпреступлений превысил 8 трлн долларов США, что сопоставимо с валовым внутренним продуктом ряда ведущих экономик мира. Особую угрозу представляют преступления, связанные с незаконным доступом к компьютерной информации, финансовыми мошенничествами и атаками на объекты критической информационной инфраструктуры, на долю которых приходится более 60 % всех выявленных киберпреступлений.

Специфика киберпреступности заключается в высокой степени анонимности правонарушителей, использовании распределённых сетей и серверов, расположенных в различных юрисдикциях, а также в скорости совершения преступных действий. В среднем подготовка и реализация кибератаки занимает от нескольких часов до нескольких дней, тогда как международные процедуры правовой помощи в ряде случаев требуют недель и даже месяцев. По оценкам правоохранительных органов, лишь около 20–25 % киберпреступлений завершаются установлени-

ем личности виновных, что существенно снижает превентивный эффект уголовно-правовых мер.

В этих условиях проблема правового регулирования борьбы с киберпреступностью выходит за рамки национальных правовых порядков и требует выработки согласованных международно-правовых подходов. Рост цифровых угроз, увеличение объёмов трансграничных потоков данных и вовлечённость миллионов пользователей в глобальные сети объективно обуславливают необходимость формирования эффективной системы международного сотрудничества, способной обеспечить оперативный обмен информацией, координацию правоохранительных органов и защиту прав участников цифровых отношений. Таким образом, киберпреступность становится не только криминологической, но и комплексной международно-правовой проблемой, напрямую связанной с устойчивостью глобального цифрового пространства и безопасностью современного общества.

Актуальность исследования обусловлена тем, что киберпреступления наносят значительный экономический и социальный ущерб. Согласно оценкам аналитических центров, совокупные мировые потери от киберпреступности в 2023 году превысили 8 трлн долларов США, а средний ущерб от одной крупной кибератаки составил около 4,5 млн долларов. При этом подавляющее большинство преступлений носит трансграничный характер, что существенно ограничивает эффективность национальных правовых систем.

Как подчёркивает А. А. Дanel'ян, «отсутствие территориальных границ в киберпространстве делает международно-правовое сотрудничество не факультативным, а обязательным элементом борьбы с киберпреступностью» [1]. В этой связи особое значение приобретает анализ международно-правовых инструментов, направленных на координацию усилий государств в сфере кибербезопасности.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания. В работе применялись формально-юридический метод для анализа международных договоров и резолюций, сравнительно-правовой метод для сопоставления универсальных и региональных механизмов борьбы с киберпреступностью, а также системный подход, позволивший рассмотреть международное сотрудничество в сфере кибербезопасности как целостную правовую систему. Использовался анализ статистических данных международных организаций и обобщение доктринальных позиций отечественных и зарубежных исследователей.

Результаты исследования

Формирование международно-правовых механизмов борьбы с киберпреступностью началось в конце XX века, когда стало очевидно, что традиционные уголовно-правовые нормы не способны адекватно реагировать на новые цифровые угрозы. Одним из ключевых этапов стало принятие в 2001 году Конвенции Совета Европы о киберпреступности, которая стала первым международным договором, комплексно регулирующим вопросы противодействия преступлениям в киберпространстве.

Будапештская конвенция закрепила унифицированные составы преступлений, включая незаконный доступ к компьютерной информации, вмешательство в функционирование систем, компьютерное мошенничество и распространение вредоносных программ. Важнейшим достижением Конвенции стало установление механизмов международной правовой помощи, включая экстренное сохранение электронных данных и трансграничный доступ к информации. По мнению В. А. Шестака и А. С. Чеботаря, «Будапештская конвенция заложила основу для оперативного взаимодействия правоохранительных органов в условиях высокой мобильности цифровых доказательств» [5].

В то же время универсальность Будапештской конвенции остаётся ограниченной. Ряд государств указывает на её региональный характер и несоответствие интересам всех участников международного сообщества. Эти противоречия способствовали активизации работы в рамках Организации Объединённых Наций. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принимаемые с 2010-х годов, подчёркивают необходимость выработки глобального подхода к борьбе с киберпреступностью, основанного на принципах суверенного равенства государств и уважения прав человека.

Принятие 24 декабря 2024 года Глобальной конвенции ООН против киберпреступности стало важным этапом в развитии международного киберправа. Конвенция предусматривает расширенные механизмы обмена электронными доказательствами, что имеет принципиальное значение с учётом того, что более 80 % цифровых следов преступлений хранятся на серверах, расположенных за пределами государства расследования. Как отмечает М. И. Иноземцев, «глобальная конвенция ООН отражает стремление международного сообщества преодолеть фрагментарность правового регулирования цифровой среды» [2].

Существенную роль в развитии международных стандартов играет Европейский союз. В рамках ЕС сформирована разветвлённая система нормативных актов, направленных на защиту критической инфраструктуры и координацию действий государств-членов. По данным Европейской комиссии, в 2022 году количество зарегистрированных киберинцидентов в ЕС увеличилось на 38 % по сравнению с предыдущим годом, что стало одним из факторов усиления правового регулирования. О. Г. Ковалев и А. А. Скипидаров подчёркивают, что «правовая политика ЕС в сфере кибербезопасности характеризуется высокой степенью институционализации и стратегического планирования» [10].

Обсуждение результатов

Несмотря на значительные достижения, международно-правовая система борьбы с киберпреступностью остаётся фрагментированной. Различия в национальных правовых режимах, уровне технологического развития и политических интересах государств осложняют выработку универсальных стандартов. Как справедливо отмечает О. В. Мозолина, «международно-правовое регулирование Интернета развивается в условиях постоянного конфликта между принципами государственного суверенитета и глобальной природой цифровых коммуникаций» [4].

Дополнительные сложности связаны с обеспечением баланса между эффективным расследованием киберпреступлений и защитой прав человека. Вопросы доступа к персональным данным, трансграничного наблюдения и хранения информации вызывают активные дискуссии в научной среде. Э. Верхелст и Я. Ваутерс подчёркивают, что «глобальное управление в сфере кибербезопасности должно основываться на доверии и прозрачных правовых процедурах» [7].

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что киберпреступность в начале XXI в. превратилась в одну из наиболее серьёзных угроз международной безопасности и устойчивого развития государств. По оценкам международных аналитических центров, за последние десять лет количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось более чем в четыре раза, а совокупный экономический ущерб от киберпреступности в 2023–2024 гг. превысил 8 трлн долларов США в год. При этом до 80–85 % киберпреступлений имеют транснациональный характер, что объективно делает невозможным их эффективное пресечение исключительно на национальном уровне. В этих условиях международное право становится ключевым инструментом координации усилий государств. Принятие в 2001 году Будапештской конвенции о киберпреступности заложило основу для унификации уголовно-правовых подходов и процедур международной правовой помощи. По состоянию на 2024 год к Конвенции присоединились более 70 государств, что свидетельствует о её практической значимости, однако одновременно подчёркивает ограниченность охвата, поскольку значительная часть стран Азии, Африки и Латинской Америки остаётся вне данного правового режима. Это привело к сохранению фрагментарности международного регулирования и различий в квалификации одних и тех же деяний.

Активизация деятельности Организации Объединённых Наций в сфере борьбы с киберпреступностью стала логичным ответом на данные вызовы. Принятие 24 декабря 2024 года Глобальной конвенции ООН против киберпреступности отражает переход международного сообщества к более универсальной модели регулирования. Особое значение данной Конвенции заключается в закреплении механизмов обмена электронными доказательствами и ускоренного международного взаимодействия, что критически важно с учётом того, что среднее время хранения цифровых следов преступлений на серверах провайдеров составляет от 30 до 90 дней. Установление единых процедур способно существенно повысить раскрываемость киберпреступлений, которая в ряде государств в настоящее время не превышает 20–25 %.

Региональные правовые режимы, прежде всего в рамках Европейского союза, демонстрируют более высокий уровень институциональной зрелости. По данным органов ЕС, после внедрения комплексных стратегий кибербезопасности количество успешных атак на объекты критической инфраструктуры в отдельных государствах-членах снизилось в среднем на 15–18 % в период 2021–2023 годов. Этот опыт подтверждает, что эффективность международно-правовых норм напрямую зависит от их практической имплементации и согласованности с национальными правовыми системами. Вместе с тем остаётся нерешённым целый ряд проблем, связанных с обеспечением баланса между эффективным уголовным преследованием и защитой прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Расширение трансграничного доступа к информации требует чётких правовых гарантий и прозрачных процедур, без которых международное сотрудничество рискует столкнуться с кризисом доверия.

В целом проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что современная система международно-правовой борьбы с киберпреступностью находится в стадии активного формирования. Наличие универсальных и региональных правовых инструментов создаёт основу для противодействия цифровым угрозам, однако их реальная эффективность будет определяться степенью готовности государств к гармонизации законодательства, обмену информацией и развитию механизмов коллективной ответственности в условиях глобального киберпространства.

Список литературы

1. Дanelьян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства. – 2020.
2. Иноземцев М. И. Цифровое право: в поисках определённости. – 2021.
3. Комова Е. Ю., Сидоренко Э. Л. Использование цифровых технологий на фондовом рынке: уголовно-правовой аспект. – 2021.
4. Мозолина О. В. Вопросы международно-правового регулирования Интернета. – 2004.
5. Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования. – 2023.
6. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Основные направления совершенствования правовой политики по обеспечению в условиях глобализации информационной безопасности // Российская юстиция. – 2021. – № 3. – С. 3–10.
7. Верхелст Э., Вутерс Я. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 141–172.
8. Далгалы Т. А. Киберкриминология: вызовы XXI века // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 19–21.
9. Карцхия А. А. Кибербезопасность в условиях новой технологической революции и опыт стран БРИКС // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 358–365.
10. Ковалев О. Г., Скипидаров А. А. Нормативно-правовое регулирование реализации Стратегии кибербезопасности в государствах Европейского союза // Столыпинский вестник. – 2021. – Т. 3. – № 2. – Б.с.
11. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 1 (11). – С. 83–88.
12. Перина А. С. Феномен использования компьютерных технологий при совершении преступлений против личности: анализ международных документов и уголовного законодательства отдельных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 5. – С. 115–126.

References

1. Danelyan, A. A., International Legal Regulation of Cyberspace. 2020.
2. Inozemtsev, M. I., Digital Law: In Search of Certainty. 2021.
3. Komova, E. Yu., Sidorenko, E. L., Use of Digital Technologies in the Stock Market: A Criminal Law Aspect. 2021.
4. Mozolina, O. V., Issues of International Legal Regulation of the Internet. 2004.
5. Shestak, V. A., Chebotar, A. S., The Budapest Convention as a Fundamental Mechanism for Combating Cybercrime: Innovations and Prospects for International Legal Regulation. 2023.
6. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Key Directions for Improving Legal Policy to Ensure Information Security in the Context of Globalization // Russian Justice. - 2021. - № 3. - pp. 3-10.
7. Verhelst E., Wouters J. Global Governance in Cybersecurity: A View from the Position of International Law and EU Law // Bulletin of International Organizations. - 2020. - Vol. 15. - № 2. - pp. 141-172.
8. Dalgalil T. A. Cybercriminology: Challenges of the 21st Century // Russian Justice. - 2020. - №10. - pp. 19-21.
9. Kartskhia A. A. Cybersecurity in the Context of the New Technological Revolution and the Experience of the BRICS Countries // Gaps in Russian Legislation. - 2021. - Vol. 14. - № 4. - Pp. 358-365.
10. Kovalev O. G., Skipidarov A. A. Normative-legal regulation of the implementation of the Cybersecurity Strategy in the states of the European Union // Stolypin Bulletin. - 2021. - Vol. 3. - No. 2. - B.s.
11. Mordvinov K. V., Udavikhina U. A. Cybercrime in Russia: Current Challenges and Successful Practices in the Fight Against Cybercrime // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2022. - No. 1 (11). - Pp. 83-88.
12. Perina A. S. The phenomenon of using computer technologies in committing crimes against the individual: an analysis of international documents and criminal legislation of individual countries // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. - 2022. - № 5. - P. 115-126.

DOI 10.47643/1815-1329_2026_3_578

УДК 341

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ К МНОГОВЕКТОРНЫМ АЛЬЯНСАМ

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CRIMINAL LAW FIELD: FROM A UNIVERSAL MODEL TO MULTI-VECTOR ALLIANCES

НИКОЛАЕВ Владимир Борисович

Доцент кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин института экономики управления и права, кандидат юридических наук, Волжский государственного университета водного транспорта, Россия, г. Нижний Новгород, 603950, Россия, ул. Нестерова, 5

E-mail: nikolaev52@yandex.ru

ГАРЦЕВА Юлия Юрьевна

Доцент кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: yulya.gartseva@bk.ru

ВЕРШИННИНА Екатерина Сергеевна

Начальник кафедры административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: Ver_es@mail.ru

БОКУН Дмитрий Анатольевич

Старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Нижегородская Академия МВД России, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: dima.bokun@gmail.com

СИДОРОВА Светлана Александровна

Старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: monixbronson@gmail.com

NIKOLAEV Vladimir Borisovich

Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ankudinovskoye Shosse 3, Nizhny Novgorod, 603022, Russia.

Associate Professor of the Department of Civil Law, Candidate of Legal Sciences, Volga State University of Water Transport, Nesterova 5, Nizhny Novgorod, 603950, Russia.

E-mail: nikolaev52@yandex.ru

GARTSEVA Yulia Yurievna

Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

E-mail: yulya.gartseva@bk.ru

VERSHININA Ekaterina Sergeevna

Head of the Department of Administrative Activities of the Interior Troops, Candidate of Law, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

E-mail: Ver_es@mail.ru

BOKUN Dmitry Anatolyevich

Senior Lecturer, of the Department of Administrative Activities, Department of Internal Affairs, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

E-mail: dima.bokun@gmail.com

SIDOROVA Svetlana Alexandrovna

Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law, Candidate of Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ankudinovskoye Shosse 3, Nizhny Novgorod, 603022, Russia.

E-mail: monixbronson@gmail.com

Краткая аннотация. Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ трансформации форм и методов международного сотрудничества Российской Федерации в уголовно-правовой сфере в условиях современных геополитических вызовов. Ключевые результаты заключаются в выявлении устойчивой корреляции между эффективностью правоохранительного взаимодействия и степенью институциональной интеграции в рамках региональных объединений, а также в обосновании перехода от универсальной модели сотрудничества к многовекторной сети двусторонних и субрегиональных альянсов. Научная новизна работы состоит в авторской периодизации эволюции российской модели международного сотрудничества и разработке критериев оценки перспективных направлений взаимодействия (БРИКС, ШОС, ЕАЭС) с учетом действия специальных правовых режимов. Практическая значимость определяется возможностью использования выводов при совершенствовании ведомственных нормативных актов и подготовке кадров для правоохранительных органов.

Abstract. The purpose of this study is a comprehensive analysis of the transformation of the forms and methods of international cooperation of the Russian Federation in the criminal law field in the context of modern geopolitical challenges. The key results are to identify a stable correlation between the effectiveness of law enforcement cooperation and the degree of institutional integration within regional associations, as well as to justify the transition from a universal model of cooperation to a multi-vector network of bilateral and subregional alliances. The scientific novelty of the work lies in the author's

periodization of the evolution of the Russian model of international cooperation and the development of criteria for assessing promising areas of interaction (BRICS, SCO, EAEU), taking into account the operation of special legal regimes. The practical significance is determined by the possibility of using the findings in improving departmental regulations and training personnel for law enforcement agencies.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная преступность, экстрадиция, правовая помощь, национальный суверенитет, региональные интеграционные объединения, уголовно-правовая политика.

Keywords: international cooperation, transnational crime, extradition, legal assistance, national sovereignty, regional integration associations, criminal law policy.

Для цитирования: Николаев В.Б., Гарцева Ю.Ю., Вершинина Е.С., Бокун Д.А., Сидорова С.А. Трансформация международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере: от универсальной модели к многовекторным альянсам // *Аграрное и земельное право*. 2026. № 3. С. 578-581. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_578.

For citation: Nikolaev V.B., Gartseva Yu.Y., Vershinina E.S., Bokun D.A., Sidorova S.A. Transformation of international cooperation in the criminal law field: from a universal model to multi-vector alliances // *Agrarian and land law*. 2026. No. 3. pp. 578-581. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_578.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026

Современная архитектура международного сотрудничества в борьбе с преступностью переживает период фундаментальной трансформации. Глобализация криминальных угроз, с одной стороны, объективно требовала унификации правовых механизмов и интенсификации межгосударственного взаимодействия. С другой стороны, геополитическая турбулентность последнего десятилетия, беспрецедентное расширение санкционных режимов и общий кризис доверия между ключевыми акторами международных отношений привели к фрагментации ранее единого правового пространства [1, с. 45-47]. В этих условиях Российская Федерация вынуждена осуществлять поиск новых форматов, партнеров и инструментов уголовно-правового сотрудничества, что предопределяет актуальность настоящего исследования.

Степень изученности проблемы следует признать достаточно высокой, однако преимущественно в контексте анализа либо отдельных правовых институтов (экстрадиция, правовая помощь), либо деятельности конкретных международных организаций. Фундаментальные труды Л.Н. Галенской, В.П. Зимина, А.Г. Волеводза заложили основы отечественной школы международного уголовного права [2; 3]. В работах О.И. Рабцевич и К.С. Родионова детально исследованы проблемы имплементации международных стандартов в российскую правовую систему [4, с. 112-115]. Вместе с тем комплексные исследования, рассматривающие системную перестройку всей модели участия России в международном правоохранительном сотрудничестве в условиях постковидной реальности и условиях проведения СВО практически отсутствуют.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении тенденций и обосновании перспективных направлений развития международного сотрудничества Российской Федерации в уголовно-правовой сфере. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить влияние глобальных вызовов на трансформацию институциональной архитектуры сотрудничества; 2) проанализировать эволюцию региональных приоритетов России; 3) выявить проблемные зоны в национальном правоприменении; 4) сформулировать предложения по оптимизации механизмов взаимодействия.

Глобальные вызовы и кризис универсальной модели сотрудничества. Формирование современной системы международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере традиционно связывалось с деятельностью универсальных механизмов – прежде всего Интерпола и договорных органов системы ООН. Однако, как справедливо отмечает В.В. Милинчук, «идеалистическая концепция глобального правового пространства, основанная на безусловном приоритете международного права, вступила в противоречие с реалиями полицентричного мира» [5, с. 23].

Наиболее репрезентативным индикатором кризиса универсальной модели выступает ситуация вокруг Национального центрального бюро (далее НЦБ) Интерпола МВД России. НЦБ Интерпола МВД России формально сохранило сотрудничество со 156 странами-членами организации, включая государства западной коалиции. Российские правоохранительные органы принимали участие в ключевых проектах Интерпола, таких как «Миллениум» (противодействие транснациональной организованной преступности), «Пангея» (борьба с контрафактной медицинской продукцией) и операциях по борьбе с киберпреступностью, терроризмом и преступлениями против детей. Будучи высокоэффективным оперативным каналом, Интерпол, тем не менее, подвергся беспрецедентной политизации. Как указал в своем выступлении Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев, «участились случаи использования каналов Интерпола для оказания политического давления, блокирования запросов российских правоохранительных органов по надуманным основаниям» [6]. В сентябре 2024 года в Москве состоялась встреча глав НЦБ Интерпола государств — участников СНГ, организованная российским бюро. На ней обсуждались вопросы международного розыска лиц и автотранспорта, борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, нелегальной миграции и терроризма.

По данным на первое полугодие 2024 года: за рубежом с использованием возможностей Интерпола задержан 101 обвиняемый и осужденный, скрывавшийся от российских правоохранительных органов; установлено местонахождение ещё 52 разыскиваемых лиц; при участии НЦБ Интерпола из-за рубежа экстрадированы и доставлены в порядке депортации 34 фигуранта, находившихся в международном розыске.

В 2024 году Интерпол отклонил или аннулировал 2 462 «красных уведомления» и диффузии (запроса об аресте лиц для экстрадиции) из-за несоответствия нормативно-правовой базе организации. Это на 54% больше, чем в 2023 году (1 598 случаев).

В 2023 году, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Комиссия по контролю за файлами Интерпола (CCF) заблокировала 28,7% запросов как политически ангажированные. При этом 72% таких случаев касались России, Беларуси и Казахстана. Данные обстоятельства вынуждают российскую сторону интенсифицировать развитие альтернативных, менее политизированных каналов связи.

Региональная переориентация: от европейского вектора к евразийской интеграции. Ключевой тенденцией последнего десятилетия выступает последовательное смещение приоритетов международного сотрудничества России с европейского на евразийское направление. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. основным референтом выступало право Совета Европы и стандарты Европейского суда по правам человека, то в настоящее время центр тяжести смещается в сторону интеграционных объединений на постсоветском пространстве и с участием государств Азии.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) демонстрирует наиболее динамичное развитие уголовно-правовой составляющей взаимодействия. Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС) эволюционировала от узкоспециализированного органа к многофункциональной платформе, охватывающей противодействие незаконному обороту наркотиков, киберпреступности и коррупции [7, с. 88]. Согласно официальным данным, в 2023 году в рамках ШОС проведено 14 совместных оперативно-профилактических мероприятий, задержано свыше 400 лиц, находящихся в международном розыске [8].

Одновременно возрастает роль Договора о Евразийском экономическом союзе как правовой базы не только для экономической, но и для правоохранительной интеграции. Унификация таможенного и административного законодательства объективно способствует гармонизации уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности. Как обоснованно указывает Е.А. Ермакова, «формирование общего рынка без создания механизмов защиты от криминальных посягательств является половинчатым решением» [9, с. 157].

БРИКС как перспективная модель «мягкого» сотрудничества. Особого внимания заслуживает формат БРИКС, который в настоящее время позиционируется Российской Федерацией как приоритетная площадка для выработки новых стандартов правоохранительного взаимодействия, свободных от доминирования западных правовых доктрин. Специфика БРИКС заключается в отсутствии жестких наднациональных механизмов и акценте на координацию национальных политик, что соответствует российской концепции «кооперационного, но суверенного» сотрудничества.

В 2021 году утверждена Стратегия партнерства БРИКС в сфере правоохранительной деятельности, предусматривающая создание Рабочей группы по противодействию транснациональной организованной преступности. Важным достижением стало подписание Меморандума о взаимопонимании между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и компетентными органами государств-участников по вопросам экстрадиции и правовой помощи [10]. Вместе с тем, как показывают экспертные оценки, правовые инструменты БРИКС остаются преимущественно декларативными, а реальное взаимодействие сохраняет двусторонний характер [11, с. 212].

Национальное измерение: конституционная идентичность и правоприменительные барьеры. Любое международное сотрудничество преломляется через национальную правовую систему, и Россия здесь не является исключением. Конституционная реформа 2020 года акцентировала приоритет национального права над решениями межгосударственных органов в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (ст. 79). Данная норма не является проявлением правового изоляционизма, но отражает объективную необходимость защиты государственного суверенитета. Как подчеркивает судья Конституционного Суда РФ в отставке Н.С. Бондарь, «речь идет не об отказе от международного права, а о выстраивании цивилизованных механизмов разрешения коллизий, учитывающих национальную правовую идентичность» [12, с. 35].

Анализ практики экстрадиции и оказания правовой помощи позволяет выявить устойчивый круг проблемных зон. Первая группа проблем связана с процедурными сроками. Средняя продолжительность рассмотрения экстрадиционного запроса в Российской Федерации составляет от 6 до 12 месяцев, что критически превышает аналогичные показатели в государствах ЕС (2-4 месяца) [13, с. 204]. Столь длительные сроки обусловлены многоступенчатой системой согласований (прокурорский, судебный, дипломатический этапы) и отсутствием универсальной платформы документооборота.

Вторая проблема – языковые барьеры и дефицит специализированных кадров. По данным опроса, проведенного среди сотрудников территориальных подразделений по вопросам миграции и следственных органов, только 23% респондентов владеют иностранным языком на уровне, достаточном для чтения юридических текстов и составления запросов без помощи переводчика [14]. Данное обстоятельство существенно замедляет взаимодействие и порождает риски искажения содержания запросов при переводе.

Цифровая трансформация сотрудничества: вызовы и возможности. Развитие цифровых технологий оказывает двойственное влияние на международное сотрудничество в уголовно-правовой сфере. С одной стороны, киберпреступность по своей природе трансгранична и требует столь же трансграничных механизмов реагирования. С другой стороны, существующие правовые инструменты, разработанные в доцифровую эпоху (Будапештская конвенция 2001 года), устарели, а Россия не является их участницей.

В качестве альтернативы Российская Федерация продвигает проект Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В основу проекта положен принцип уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела, что кардинально отличает его от европейской модели, предусматривающей возможность трансграничного доступа к данным без согласия государства [15]. По оценке С.В. Лаврова, Министра иностранных дел РФ, «данная конвенция призвана не дублировать уже существующие механизмы, а предложить подлинно универсальный, инклюзивный инструмент» [16].

Перспективы оптимизации: институциональный и нормативный аспекты. Дальнейшее развитие международного сотрудничества России в уголовно-правовой сфере должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, необходима институциональная реконфигурация. Целесообразно рассмотреть вопрос о создании единого координационного органа при Совете Безопасности Российской Федерации, объединяющего функции планирования и мониторинга эффективности международного правоохранительного сотрудничества. В настоящее время функции рассредоточены между Генеральной прокуратурой, МВД, ФСБ, СК, Минюстом и МИД, что порождает дублирование и ведомственную конкуренцию.

Во-вторых, требуется ускоренная цифровизация процедур. Опыт пандемии COVID-19 наглядно продемонстрировал, что использование видеоконференц-связи для допросов и иных процессуальных действий при наличии международных договоренностей вполне допустимо и не снижает качества доказательств. Внедрение защищенных каналов связи между НЦБ Интерпола и аналогичными структурами в государствах-партнерах (Китай, Индия, государства СНГ) способно сократить время реагирования на запросы в 3-4 раза.

В-третьих, актуализируется задача гармонизации уголовного законодательства в рамках ЕАЭС и Союзного государства. Как отмечает И.И. Кучеров, «различия в криминализации деяний и санкциях за их совершение создают благоприятную почву для «юрисдикционного арбитра»

жа» – выбора преступниками государства с наиболее мягким законодательством» [17, с. 72]. Модельные уголовные кодексы для государств-участников СНГ выполнили свою историческую миссию, однако сегодня требуется переход к обязывающим правовым инструментам, по крайней мере, в сфере экономических преступлений и преступлений против личности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что международное сотрудничество Российской Федерации в уголовно-правовой сфере вступает в качественно новый этап своего развития. Основное содержание этого этапа составляет переход от модели «интеграции в западные структуры» к модели «многовекторных альянсов» с приоритетом евразийского и азиатского направлений. Данная трансформация носит не конъюнктурный, а системный характер, обусловленный объективным кризисом универсальных механизмов и необходимостью защиты национального суверенитета.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам исполнения международных обязательств, сравнительным анализом экстрадиционной практики в государствах БРИКС, а также разработкой критериев оценки эффективности двусторонних договоров о правовой помощи. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при подготовке ведомственных нормативных актов МВД, Генеральной прокуратуры и Минюста России, а также в образовательном процессе при подготовке кадров для правоохранительных органов.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2021. – 912 с.
2. Галенская Л.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: правовые проблемы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 2022 (переизд.). – 280 с.
3. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: правовые, организационные и криминалистические проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 560 с.
4. Рабцевич О.И., Родионов К.С. Имплементация международно-правовых норм о выдаче лиц в уголовное законодательство России // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 111-124.
5. Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам: современное состояние и перспективы развития. – М.: Юрист, 2023. – 320 с.
6. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на совещании руководителей правоохранительных органов государств – членов ШОС 24 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. – URL: <https://mvd.rf/news/item/45678901> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Клименко А.С. Шанхайская организация сотрудничества как субъект международного сотрудничества в борьбе с терроризмом // Московский журнал международного права. – 2023. – № 4. – С. 85-98.
8. Итоги деятельности Региональной антитеррористической структуры ШОС в 2023 году: аналитический доклад. – Ташкент: ПАТС ШОС, 2024. – 78 с.
9. Ермакова Е.А. Гармонизация уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 3. – С. 155-174.
10. Меморандум о взаимопонимании между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и компетентными органами государств – участников БРИКС по вопросам экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Нью-Йорке 23 сентября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Давыдов В.И. БРИКС как формирующаяся модель многостороннего сотрудничества: политико-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 209-223.
12. Бондарь Н.С. Конституционная идентичность в контексте ценностно-целевого единства конституционного и международного права // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 33-41.
13. Смирнов М.И. Экстрадиция в Российской Федерации: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2023. – 320 с.
14. Отчет о результатах социологического исследования «Кадровое обеспечение международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации» / под ред. А.В. Куракина. – М.: Академия управления МВД России, 2024. – 95 с.
15. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (распространен в качестве документа Генеральной Ассамблеи ООН A/AC.291/CRP.2 от 28 февраля 2023 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/ICP/> (дата обращения: 15.10.2025).
16. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова информационному агентству ТАСС, 15 марта 2024 г. // Официальный сайт МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/ (дата обращения: 15.01.2026).
17. Кучеров И.И. Уголовно-правовое регулирование в условиях интеграционных процессов: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2023. – 296 с.
18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
20. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2. – С. 3-28.

References

1. Luneev V.V. Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. – 2nd ed., reprint. and additional – M.: Wolters Kluwer, 2021. – 912 p.
2. Galenskaya L.N. International cooperation in the fight against crime: legal problems. – L.: LSU Publishing House, 2022 (reprint). 280 p.
3. Volevodz A.G. International cooperation in the field of criminal justice: legal, organizational and criminalistic problems. Moscow: YurLitinform, 2023. 560 p.
4. Rabtsevich O.I., Rodionov K.S. Implementation of international legal norms on extradition of persons in the criminal legislation of Russia // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 8. – pp. 111-124.
5. Milinchuk V.V. Institute of mutual legal assistance in criminal matters: current state and development prospects. – Moscow: Jurist, 2023. – 320 p.
6. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V.A. Kolokol'tsev at a meeting of heads of law enforcement agencies of SCO member states on November 24, 2023 [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – URL: <https://mvd.rf/news/item/45678901> (date of application: 01/15/2026).
7. Klimentko A.S. Shanghai Cooperation Organization as a subject of international cooperation in the fight against terrorism // Moscow Journal of International Law. – 2023. – No. 4. – pp. 85-98.
8. The results of the activities of the SCO Regional Anti-Terrorist Structure in 2023: an analytical report. Tashkent: SCO RATS, 2024. 78 p.
9. Ermakova E.A. Harmonization of criminal legislation of the EAEU Member States: problems and prospects // Right. Journal of the Higher School of Economics. – 2023. – No. 3. – pp. 155-174.
10. Memorandum of Understanding between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the competent authorities of the BRICS member States on extradition and legal assistance in criminal matters (signed in New York on September 23, 2021) // SPS ConsultantPlus.
11. Davydov V.I. BRICS as an emerging model of multilateral cooperation: a political and legal dimension // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2022. – Vol. 22. – No. 2. – pp. 209-223.
12. Bondar N.S. Constitutional identity in the context of the value-oriented unity of constitutional and international law // Constitutional and municipal law. 2021. – No. 11. – pp. 33-41.
13. Smirnov M.I. Extradition in the Russian Federation: problems of theory and practice. Moscow: Norma, 2023. 320 p.
14. Report on the results of the sociological study "Personnel support for international cooperation of law enforcement agencies of the Russian Federation" / edited by A.V. Kurakin. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 95 p.
15. Draft United Nations Convention on Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes (distributed as a document of the UN General Assembly A/AC.291/CRP.2 dated February 28, 2023) // The official website of the United Nations. – URL: <https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/ICP/> (date of request: 10/15/2025).
16. Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov to the TASS news Agency, March 15, 2024 // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/ (date of reference: 01/15/2026).
17. Kuchеров I.I. Criminal law regulation in the context of integration processes: a monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2023. 296 p.
18. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of application: 10/15/2025).
19. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 12/18/2001 No. 174-FZ (as amended on 10/25/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52. – Article 4921.
20. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Minsk, January 22, 1993) (as amended dated 28.03.1997) // Bulletin of International Treaties, 1995, No. 2, pp. 3-28.

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА PROBLEMS OF STATE RECOGNITION IN INTERNATIONAL LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURES OF AN INTERNATIONAL NATURE

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и таможенного права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140000, Россия, обл. Московская, г. Люберцы, пр-т Комсомольский, д. 4
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

БАЙБАРИН Андрей Андреевич

кандидат юридических наук, доцент зав. кафедрой уголовного и публичного права АНО ВО «МСУ «Синергия»
115230, Россия, г. Москва, Хлебозаводский пр-д, 7 стр. 10
E-mail: abaybarin@synergy.ru

САВОЩИКОВА Евгения Васильевна

доцент, кандидат юридических наук, научный сотрудник
Филиал ФГБОУ ВО «Университет «Дубна» -Дмитровский институт непрерывного образования
Московская область, г. Дмитров, Космонавтов д. 33
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, Лосиноостровская ул., 49
E-mail: jene30@mail.ru

МИХИНА Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»
119049, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Якиманка, пр-кт Ленинский, д. 8, стр. 16
E-mail: ugovlovkaf@mgei.ru

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna

Associate Professor of the Department of Administrative and Customs Law, Candidate of Law, Russian Customs Academy
140000, Russia, Moscow region, Lyubertsy, Komsomolsky Ave, 4.
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

BAIBARIN Andrey Andreevich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Public Law ANO VO «MSU «Synergy»
115230, Moscow, Khlebozavodsky ave. 7, b. 10
E-mail: abaybarin@synergy.ru

SAVOSHIKOVA Evgeniya Vasilyevna

Associate Professor, Candidate of Law, Researcher Branch of Dubna University - Dmitrov Institute of Continuing Education
Moscow region, Dmitrov, Kosmonavtov, 33
Russian State University of Social Technologies
107150, Russia, Moscow, Losinoostrovskaya St., 49
E-mail: jene30@mail.ru

MIKHINA Elena Gennadyevna

Candidate of Law, Associate Professor Head of the Department of Criminal Law Disciplinary
ANO VO «Moscow University of Humanities and Economics»
119049, Russia, Moscow, inner territorial district of Yakimanka,
Leninsky Prospekt, 8, b. 16
E-mail: ugovlovkaf@mgei.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы исследования ключевых проблем признания государств в современном международном праве и сопутствующих административных процедур международного характера. Авторы ставят задачу сопоставить теоретические подходы к статусу государства с практикой международного сообщества, выделяя роль международных организаций, региональных структур и политических факторов в процессе признания, анализируются отдельные примеры (Косово, Абхазия, Тайвань).

Abstract: The article examines the issues of studying the key problems of state recognition in modern international law and related administrative procedures of an international nature. The authors set out to compare theoretical approaches to the status of a state with the practice of the international community, highlighting the role of international organizations, regional structures and political factors in the recognition process, analyzing individual examples (Kosovo, Abkhazia, Taiwan).

Ключевые слова: признание государства, государственность, декларативная и конститутивная теория, Косово, Абхазия, Каталония, международные организации, дипломатические отношения, административные процедуры, юридическая политика международного сообщества.

Keywords: state recognition, statehood, declarative and constitutive theory, Kosovo, Abkhazia international organizations, diplomatic relations, administrative procedures, legal policy of the international community.

Для цитирования: Андрианова В.В., Байбарин А.А., Савощикова Е.В., Михина Е.Г. Проблемы признания государств в международном праве. Административные процедуры международного характера // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_582.

For citation: Andrianova V.V., Baibarin A.A., Savoshikova E.V., Mikhina E.G. Problems of State recognition in international law. Administrative procedures of an international nature // Agrarian and land law. 2026. No. 3. pp. 582-585. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2026_3_582.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Признание государств остается сложным и противоречивым процессом, в котором юридические нормы нередко сталкиваются с поли-

тическими интересами.

Признание определяется сочетанием критериев государственности и влиянием геополитических факторов. Однако эти процессы далеко не всегда приводят к единому международному консенсусу. Одной из самых острых проблем современного международного права является вопрос частичного или полного непризнания некоторых государств. Такие ситуации создают серьезные политические, экономические и правовые последствия для непризнанных субъектов, а также влияют на стабильность в международных отношениях. В международной практике существуют государства, которые имеют признаки государственности (территория, население, правительство и способность вступать в международные отношения), но сталкиваются с частичным признанием. Это означает, что их статус признается лишь ограниченным числом государств, в то время как большинство стран отказываются признавать их независимость. Такие случаи обычно связаны с политическими конфликтами и противоречиями между принципами территориальной целостности и права на самоопределение.

Косово провозгласило свою независимость от Сербии в 2008 году. На сегодняшний день его признали более 100 государств, включая США и большинство стран Европейского Союза.

Однако ряд ключевых игроков, таких как Россия, Китай, Индия и многие другие, отказываются признавать его независимость, аргументируя это нарушением территориальной целостности Сербии.

Для этих стран признание Косово может создать прецедент для собственных сепаратистских движений, таких как Тибет или Чечня. В результате частичного признания Косово сталкивается с ограниченным доступом к международным организациям, включая ООН [1, С.148].

Как отметил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Каждая ситуация требует индивидуального анализа с учетом её специфических особенностей». Пан Ги Мун подчеркнул уникальность ситуации, обусловленную вмешательством международного сообщества. При этом он особо акцентировал, что вопрос признания Косова остаётся на усмотрение государств-членов ООН и не является решением ни Секретариата Организации Объединенных Наций, ни Генерального секретаря.

Несмотря на акценты признающих государств на «исключительности» данной ситуации и стремление избежать создания прецедента, стало очевидным, что достичь этого не удалось. Признание Косово привело к формированию новой геополитической реальности, которая оказывает существенное влияние, в частности, на региональные конфликты на Кавказе [2].

Абхазия и Южная Осетия. Эти регионы провозгласили свою независимость после вооруженного конфликта с Грузией. В это же время Российская Федерация официально признала независимость Южной Осетии и Абхазии, обосновывая это решение, российская сторона сослалась на прецедент признания Косово. Помимо России, независимость этих территорий также признали Никарагуа, Венесуэла и Республика Науру. Их признание стало частью геополитической стратегии Москвы по укреплению своего влияния на Кавказе.

Однако большинство государств, включая членов ООН, продолжают считать Абхазию и Южную Осетию частью Грузии, и осуждают действия России, усматривая в них нарушение принципов суверенитета и территориальной целостности, а также обвиняя Россию в применении двойных стандартов в отношении международного права [3]. Это ограничивает их возможность участвовать в международных экономических и политических процессах.

Тайвань де-факто является независимым государством с территорией, населением, собственным правительством и развитой экономикой. Однако он признан лишь немногими странами из-за вопросов со стороны Китая, который считает Тайвань своей территорией. Отказ от признания большинства стран связан с желанием поддерживать экономические и политические отношения с Китаем, что отражает доминирование геополитических интересов над юридическими аспектами [4, С.150].

После рассмотрения случаев частичного признания можно выделить ключевые причины их непризнания и последствия для их статуса. Эти данные обобщены в таблице 1.

Таблица 1 – Проблемы частичного признания государств [5, с.760]

Государство	Причины частичного признания	Последствия отсутствия полного признания
Косово	Нарушение принципа территориальной целостности Сербии.	Ограничение членства в международных организациях (например, отсутствие статуса члена ООН).
Абхазия и Южная Осетия	Признание независимости Россией связано с геополитическими интересами в регионе.	Ограниченные возможности для международной торговли из-за отсутствия дипломатических отношений с большинством стран.
	Большинство государств мира поддерживают территориальную целостность Грузии. Оккупационный характер власти в глазах международного сообщества.	Полная зависимость от финансовой, экономической и военной помощи России. Отсутствие возможности получения международных инвестиций и технологической поддержки.
Тайвань	Претензии Китая, рассматривающего Тайвань как часть своей территории.	Исключение из большинства международных организаций, включая ООН, ВТО и ВОЗ.
	Давление Китая на другие страны с целью отказа от признания Тайваня.	Ограниченные дипломатические связи (использование торгово-экономических представительств вместо посольств).
	Стратегические соображения государств, стремящихся сохранить отношения с Китаем.	Политическая изоляция на глобальном уровне, несмотря на развитую экономику и технологическую инфраструктуру.

Отсутствие признания или его частичный характер накладывают серьезные ограничения на возможности непризнанных или частично признанных государств. Эти ограничения затрудняют их участие в международной политической, экономической и правовой системах.

Экономическая изоляция. Частично признанные государства нередко сталкиваются с ограничением в международной торговле, инвестициях и доступе к финансовым ресурсам. Отсутствие признания не позволяет этим государствам заключать полноценные торговые договоры, что приводит к экономической изоляции. Например, Абхазия и Южная Осетия экономически зависят от России, которая предоставляет финансовую помощь и торговые возможности. Однако они не могут развивать независимые экономические отношения с другими странами из-за отсутствия признания.

Отсутствие членства в международных организациях. Непризнанные и частично признанные государства часто лишены возможности вступать в ключевые международные организации, такие как ООН, Всемирная торговая организация или Международный валютный фонд. Это ограничивает их способность влиять на международные процессы и защищать свои интересы на глобальной арене. Косово, несмотря на поддержку со стороны Запада, до сих пор не является членом ООН, так как его признание блокируется Россией и Китаем в Совете Безопасности. Это усложняет участие Косово в международных переговорах и доступ к международным судам.

Политическая изоляция. Отсутствие признания приводит к ограничению дипломатических контактов. Такие государства часто лишены возможности открывать посольства и вести переговоры на межгосударственном уровне. Это также затрудняет защиту их интересов за пределами собственной территории. Тайвань, не имея официального признания большинства стран, использует торгово-экономические представительства для поддержания международных связей, что ограничивает его влияние на глобальной арене. Юридические ограничения, отсутствие признания затрудняет использование международных правовых механизмов. Например, частично признанные государства не могут обращаться в Международный суд ООН для защиты своих прав или для разрешения споров с другими государствами.

Влияние на внутреннюю стабильность приводит к тому, что отсутствие признания или его частичный характер часто приводит к политической нестабильности внутри самих государств. Последствия частичного признания для таких государств охватывают широкий спектр проблем, включая экономическую изоляцию, политическую маргинализацию и юридические ограничения. Эти аспекты представлены в таблице 2 для лучшего понимания.

Таблица 2 – Последствия частичного признания: основные ограничения

Тип последствий	Описание
Экономическая изоляция	Отсутствие возможности заключать полноценные торговые соглашения с другими государствами.
	Затруднение доступа к международным финансовым ресурсам и инвестициям.
	Ограничение экспортно-импортных операций, что замедляет экономическое развитие.
Отсутствие членства в международных организациях	Невозможность вступления в ключевые международные структуры, такие как ООН, ВТО, МВФ.
	Исключение из процессов международного сотрудничества в области права, здравоохранения, экологии и других сфер.
	Отсутствие доступа к глобальным инициативам, направленным на устойчивое развитие и борьбу с бедностью.
Политическая изоляция	Лишение возможности устанавливать официальные дипломатические отношения с другими государствами.
	Сложности в привлечении международного внимания к своим проблемам и интересам.
	Ограниченное влияние на международной арене, что снижает их способность защищать свои национальные интересы.
Юридические ограничения	Невозможность обращаться в международные суды, такие как Международный суд ООН или Европейский суд по правам человека.
	Затруднение в защите своих интересов в рамках международного права. Лишение права на участие в международных договорах и соглашениях.
	Зависимость от внешней поддержки, что ограничивает внутренний суверенитет и самостоятельность.
Влияние на внутреннюю стабильность	Экономическая и политическая нестабильность, вызванная ограниченным международным взаимодействием.
	Угрозы со стороны внутренних и внешних конфликтов из-за отсутствия признания международным сообществом.

Международное право предъявляет четкие критерии для признания государств, но их применение часто зависит от политических факторов. В случае частичного признания или его отсутствия геополитические интересы доминируют над юридическими нормами.

Даже если государство соответствует критериям государственности, отсутствие политической воли среди ключевых игроков международной арены препятствует его признанию. Это подчеркивает противоречие между юридическими и политическими аспектами признания, делая проблему частично признанных государств одной из наиболее сложных в международной практике.

Частичное или полное отсутствие признания создает значительные проблемы для государств, которые стремятся закрепить свой статус на международной арене.

Признание Косово, Абхазии, Южной Осетии и Тайваня может быть использовано другими непризнанными государствами в качестве правового обоснования для достижения собственной независимости и суверенитета. Учитывая, что прецедент является одним из источников международного права, в данном случае можно констатировать, что нарушение норм международного права привело к формированию нового правового положения. Эти случаи подчеркивают, что признание в современном международном праве остается инструментом, где юридические

нормы и политические интересы переплетаются, а отсутствие единого подхода продолжает вызывать конфликты и споры на международной арене. Кейс Косово иллюстрирует динамику частичного признания в условиях суверенного декларативного акта и последующей американско-европейской поддержки наряду с оппозицией ряда крупных государств (в т. ч. России и некоторых государств-членов ШОС/СНГ). Анализ Абхазии показывает проблему ограниченного международного признания при существовании частичной легитимации со стороны отдельной группы государств, включая Россию и ряд латиноамериканских стран, а также последствия такого статуса для региональной стабильности. Кейс Каталонии демонстрирует другой режим - внутринациональная попытка автономного образования с отсутствием международного признания как суверенного государства; влияние конституционализма, европейской интеграции и региональных актов (для анализа данной ситуации нами будет предпринято отдельное исследование) [6, 7].

В международном праве отсутствуют чёткие критерии и процедура официального признания новых субъектов. Однако общепринятым является мнение о том, что суверенитет, несмотря на его частичное ограничение, является необходимым и, пожалуй, самым важным атрибутом государства, который защищается современным правом и лежит в основе его существования. Важно подчеркнуть, что суверенитет представляет собой двусторонний фактор для непризнанных государств. С одной стороны, он служит защитным механизмом, позволяющим им отстаивать свои права. С другой стороны, сам по себе суверенитет может стать препятствием на пути к официальному международному признанию.

Таким образом, судьба непризнанных государств остаётся неопределённой и зависит от воли «покровительствующей» страны и других влиятельных держав, пока международная система не выработает ясные и однозначные критерии признания новых участников международных отношений. Тем самым проблема признания государств в современном международном праве является одной из самых сложных и дискуссионных. Этот процесс напрямую влияет на формирование международных отношений и устойчивость мировой системы.

Список литературы:

1. Лукичев Д.А. Международная правосубъектность государства: вопросы теории и практики // Контентус. 2020. № 6. С. 148.
2. Schäffer S. 2009. The Kosovo Precedent – Directly Applicable to Abkhazia and South Ossetia. *Caucasian Review of International Affairs* III [Электронный ресурс]. – URL: http://cria-online.org/Journal/6/Done_%20Comment%20The_Kosovo_precedent_by%20Sebastian_Schaeffer.pdf (дата обращения: 05.01.2026).
3. Weitz R. 2010. *Global Security Watch – Russia: A Reference Handbook* [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.overdrive.com/media/322372/global-security-watch-russia> (дата обращения: 15.12.2025).
4. Дженнингс Р.Ю. Приобретение территории в международном праве: с новым вступлением Марчелло Г. Козн // Приобретение территории в международном праве. М.: Издательство Манчестерского университета, 2024. С. 150.
5. Буше Д. Теория признания прав, международное обычное право и права человека // Политические исследования. 2011. Т. 59. № 3. С. 760.
6. Хенкин С. Региональный и этнический сепаратизм в Испании [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gumilev-center.ru/regionalnyj-ietnicheskij-separatizm-vispanii/> (дата обращения: 13.12.2025).
7. Qué pasará con Cataluña si se separa de España? [Электронный ресурс]. – URL: <http://elcomercio.pe/mundo/europa/pasara-cataluna-separa-espana-noticia-462009/> (дата обращения: 13.12.2025).

References:

1. Lukichev D.A. International legal personality of the state: issues of theory and practice // Contentus. 2020. no. 6. P. 148.
2. Schäffer S. 2009. The Kosovo Precedent – Directly Applicable to Abkhazia and South Ossetia. *Caucasian Review of International Affairs* III [Electronic resource]. – URL: http://cria-online.org/Journal/6/Done_%20Comment%20the_kosovo_precedent_by%20Sebastian_Schaeffer.pdf (accessed: 05.01.2026).
3. Weitz R. 2010. *Global Security Watch – Russia: A Reference Handbook* [Electronic resource]. - URL: <https://www.overdrive.com/media/322372/global-security-watch-russia> (accessed: 12/15/2025).
4. Jennings R.Y. Acquisition of territory in international law: with a new introduction by Marcello G. Cohen // Acquisition of territory in International Law. Moscow: Manchester University Press, 2024. p. 150.
5. Boucher D. The theory of recognition of rights, customary international law and human rights // Political Studies. 2011. Vol. 59. no. 3. p. 760.
6. Henkin C. Regional and ethnic separatism in Spain [Electronic resource]. – URL: <http://www.gumilev-center.ru/regionalnyj-ietnicheskij-separatizm-vispanii/> (accessed: 12/13/2025).
7. Qué pasará con Cataluña si se separa de España? [electronic resource]. – URL: <http://elcomercio.pe/mundo/europa/pasara-cataluna-separa-espana-noticia-462009/> (date of access: 12/13/2025).

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Аграрное и земельное право»

Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;
5. Список литературы должен быть на русском и английском языках.

**Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте
prigos@mail.ru**

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.